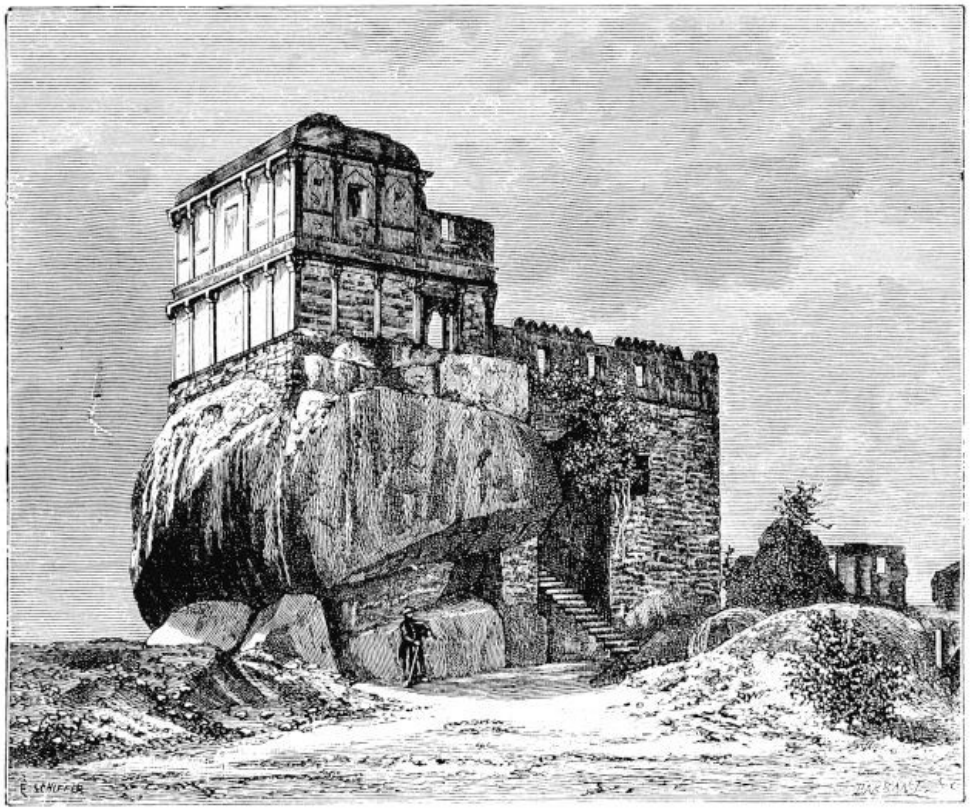
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ПЯТАЯ

Томъ 8 и 9.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1899.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ IX.

Передняя Азія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персія, Азіятская Турція и Аравія.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава I Общий взгляд на переднюю Азию

Изучение древних памятников убедило европейских историков, что, главным образом, Передняя Азия и Египет служили основным местом, где поселились первые семейства «арийския»: в равнинах Бактрианы, в долинах Гинду-Куша, Кавказа или в степях Скифии. По мере того, как мы дальше проникаем в глубь веков, мы видим, что мрак начинает сгущаться над странами Запада, ныне столь известными, в то время, как свет показывается на востоке Средиземного моря, одновременно на берегах африканского Нила и в странах, пограничных с Азией, на прибрежьях и островах Ионических, в равнинах сирийских, на берегах Евфрата и плоскогорьях Ирана. Наше происхождение остается неизвестным; но зачатки цивилизации, развивавшейся из века в век, чтобы сделаться общим достоянием народов Европы и Нового Света, встречаются уже в юго-западных странах Азии. Не там ли мифы эллинов предполагают первый Олимп и дают начало своим богам? Не там ли также, судя по сказаниям, собранным евреями, христианами и мусульманами, процветало древо жизни, под тенью которого пробудился первый человек и прародительница? Именно в Халдее, на горах индийского Кавказа, в оазисах Ирана отыскивали земной рай, Мазис в Армении, Низир в Курдистане[1], Демавенд в Персии, или какая-либо другая гора Передней Азии должна еще заключать в себе обломки ковчега, в котором укрылось семейство, спасшееся от потопа. Позднее, когда христиане стали подвигаться к западу, а магометане сделались покровителями востока, число гор, «свидетелей потопа», возросло до бесконечности. Они встречаются от Пиренеев, в Капсире и Андорре, до Афганистана, в горе Нур или Ноя, в стране Сияг-пушей и даже в «Соломоновом троне», возвышающемся над равнинами Инда.

С возникновения истории в собственном смысле этого слова, первые точные сведения относятся к юго-западным странам Азии и к Египту, рассматриваемому древними, особенно Геродотом[2] как принадлежащий, правым берегом Нила, к азиатскому миру. Там группы народов начинают обособляться под именами Сима, Иафета и Хама; может быть также, по мнению многих ориенталистов, под именами Сумера и Аккада, обособленность эта выражается в антагонизме персов и индийцев, иранцев и туранцев. Различные народности плоскогорий центральной Азии, островов Средиземного моря и пустынь Африки—перечисляются по племенам, по обычаям и по роду промышленности. На разных предметах встречаются вавилонские надписи, которые служат памятниками этнологическими и географическими первостепенной важности. Одно из наидревнейших преданий рассказывает о рассеянии народов у подошвы Вавилонской башни; но, несмотря на «смешение» языков, халдейская история начинает следовать за каждым из этих народов по пятам, отмечать их передвижения, войны и слияния племен.

Географическая форма Передней Азии—название, под которым можно понимать, вместе с Риттером, всю Азию древних, вплоть до Инда,—дает полное понятие о превосходстве этой

1 Fr. Lenormant, „Le Deluge et l'Epopee babylonienne; Les Premieres Civilisations".

2 „Histoires", livre IV, 45.

страны, как центре цивилизации. Она находится не только-что почти в геометрическом центре группы земель, составляющих Старый Свет, но, в то же самое время, она представляет наиболее удобный переход между тремя материками и главными морскими склонами. Чтобы попасть из бассейна Нила в долины сирийского прибережья, достаточно перейти полоску песку; от берегов Азии к берегам Европы остается только переплыть один морской пролив, менее широкий, чем многие из рек. Из Индийского океана в Средиземное море Передняя Азия представляет два естественных пути: один путь через Суэзский перешеек, а другой, наиболее важный в истории цивилизации, через который протекают воды Евфрата и Тигра и который сообщается посредством многочисленных проходов с сирийскими портами. Что касается до дорог, которые от верхнего Евфрата идут к прибрежным долинам Черного моря, про них можно сказать, что они соединяют склон Индийского океана одновременно с бассейном Средиземного моря и с землями, обращенными к заливам Атлантического океана; ибо главный кряж гор, представляющий, так сказать, гребень Европы, тянется от Альп к Балканам, кончается у берегов Понта Евксинского и прибрежья Бессарабии, а восточный склон Карпатских гор принадлежит уже к северной покатости европейского материка. В действительности Дунай, несмотря на то, что воды его способствуют образованию течения в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы,—принадлежит к рекам Атлантического склона.

Большая часть Передней Азии состоит из возвышенных плоскогорий, из которых некоторые достигают до 2.000 метров высоты, но берега её глубоко перерезаны морскими заливами и проливами. Индийский океан, омывающий южные берега Аравии, проникает далеко между Мекраном и землей Оманов, затем съуживается в пролив на юге, у островка Ормуза, и образует внутреннее море, называемое Персидским заливом. По другую сторону Аравии, Красное море обнаруживает с удивительной правильностью понижение уровня, так что другого подобного примера нигде в мире нельзя встретить, и разделяется, с каждой стороны громадного Синайского треугольника, на второстепенные заливы, замечательные по своей симметрии. Средиземное море омывает берега Кипра, образует непрерывный ряд заливов на южных берегах Малой Азии и, с помощью тысячи разветвлений и проливов, превращает весь восточный берег Эгейского моря в другую Грецию, с её островами и полуостровами. Море, которое скорее можно назвать большим озером,—древняя Пропонтида или «Переднее море»,—соединяет Архипелаг с Понтом Евксинским, который простирается к востоку между Кавказом и горами Армении. Наконец закрытый бассейн Каспийского моря довершает число морей вокруг Передней Азии. Следует также упомянуть об озерах Урмия, Ван и еще некоторых других, которые настолько обширны, что имеют в некоторых местах вид заливов океана. Тут и там долины заменили прежние морские проливы. Наиболее других замечательна обширная долина Вавилонская, которая служит продолжением Персидского залива по направлению к бухте Александретты и разрезывает на две, различающиеся друг от друга, части всю магометанскую Азию: на юге—Аравия, с цепью прибрежных гор Палестины и Сирии, на севере и на востоке—горы Малой Азии и плоскогорья Ирана.

Благодаря морям, окружающим ее со всех сторон, и обширным равнинам Месопотамии, находящимся на близком расстоянии от Средиземного моря, Передняя Азия—центр Старого Света—может быть названа страной морской, вследствие чего она легко могла, в течение веков, сделаться местом встречи народностей, различных как по происхождению, так и по нравам. Ни в какой другой стране земного шара, господствующие расы, стремящиеся создать себе независимое положение в мире, не имели так много цивилизованных представителей, в то же время так резко разнящихся друг от друга. Народы Северной Азии, слывущие в наше время под общим названием урало-алтайской расы, проникли до возвышенностей гораздо южнее Оксуса—предполагаемой границы Ирана и Турана, и во все исторические эпохи велась постоянная борьба между двумя языческими племенами. Еще и в наше время она продолжается между Персами и Туркменами; на юге Гинду-Куша, некоторые народности, именно племена аймака и гезаре, напоминают вторжения монголов; но не ведет ли борьба рано или поздно к смешению, и во всей истории народов Востока не встречается ли

двоякое происхождение цивилизации, символически изображаемой непрерывной борьбой богов. Языческие племена, принадлежащие если не к черной расе, то все-же ведущие свой род от негров, как кушиты, братья эфиопов, также имели своими представителями различные народности Передней Азии. Некоторые следы присутствия этих племен на плоскогорьях Сузианы виднеются в процессиях пленников, изображенных на барельефах ниневийских дворцов[1]; Немврод, «великий охотник пред Всевышним», есть легендарный предок этих мифических народов. С давних пор легкость сообщений между обоими берегами Красного моря имела следствием смешение рас арабских с африканскими; несмотря на это негритянский элемент в собственном смысле не играл важной роли в истории народов Западной Азии; наибольшее влияние, принадлежавшее сначала туранцам и кушитам, перешло к семитам в южных странах и к арийцам—в северных. Весь Аравийский полуостров и Сирия вплоть до Евфрата служат местом господства для первых; на плоскогорьях Ирана, в горах Армении и в некоторых местностях Малой Азии—арийцы имеют численное превосходство.

В общем историческом движении Передняя Азия предшествовала Европе, но именно в одном только направлении распространялась там цивилизация. Ось вращения Старого Света, в отношении торговых сношений и в смысле распространения идей, склоняется от юго-востока к северо-западу. Пояс наибольшей жизненности в истории народов простирается от Индии к Британским островам, захватив Месопотамию, азиатскую Ионию и земли Архипелага, полуострова Средиземного моря и Францию.

Прежде, чем Европа вошла в состав просвещенного мира, когда торговые сношения Азии с Западом велись с варварскими племенами, меновая торговля была естественным образом сосредоточена в приморских странах Азии. Легенда об аргонавтах и «Золотом руне» свидетельствует о сношениях, которые существовали тогда между кавказскими горцами и греческими моряками; но в истории особенно упоминается о больших торговых рынках, возникших на берегах Сирии. Известно, какую огромную услугу оказали человечеству финикияне, не только исследованием берегов Западной Европы и направлением караванов через естественные пути, соединявшие долины Средиземного моря с океаном,—помимо всего этого, их громадная заслуга заключается в том, что они развозили всем народам того времени звуковую азбуку, перенятую с египетских гиероглифов; благодаря им, миру стала известна эта остроумная метода, посредством которой стало возможным воспроизводить язык народов, не понимая его. Встречая постоянно иностранцев, говоривших на всевозможных наречиях с тысячью различных акцентов, финикияне должны были особенно поражаться различием звуков, и как же их было изобразить, если не употребить знаки, какие употребляли египтяне, чтобы передавать целые мысли, для передачи собственно звуков соответствующих слов? Они освободили заимствованные буквы от идеографического смысла и применили их единственно к произношению слов. Таким образом, ум освободился от первобытного символического языка, и письмо стало точным воспроизведением слова, благодаря постоянным сношениям сирийских купцов с варварскими народами Запада. Географические открытия финикиян, их дальние морские плавания вокруг Европы и Африки, их путешествия во внутрь земель, вдоль рек и волоком, привоз металлов, дерева, камеди, тканей, глиняной посуды, всевозможных мануфактурных предметов, которые впоследствии были найдены археологами во многих странах,—подготовили дикарей западных лесов к будущей цивилизации, поставив их в сношения меновой торговли друг с другом. Именно финикиянам принадлежит этот предъисторический труд, без которого история, в собственном смысле, никогда не началась бы для европейских стран; цивилизованным народам, которые должны были родиться, они завещали то, что должно было их навсегда сблизить друг с другом и создать человечеству, возрожденному из хаоса враждебных наций, письменную азбуку[2]. По справедливости следует сказать, чти в истории цивилизации финикияне играли весьма важную

1 Layard, „Niniweh and Babylon. Narrative of Discoveries";—G. Perrot et Ch. Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'antiquite", vol. II.

2 E. Renan, „De la part des peuples semitiques dans l'histoire de la civilisation".

роль, и путешествия Геркулеса тирского—победителя мира—имели немаловажное значение.

Пять или шесть веков спустя после финикиян, эллины, жившие на прибрежье Малой Азии, принимали также большое участие в открытии западных земель; колонии их расселились по берегам Средиземного моря и доходили до берегов океана; как негоцианты, они располагали таким средством для меновой торговли, какого недоставало финикиянам: у них была монета,—знак, представлявший всякого рода товары; тогда как тирские и сидонские меновщики, ведя торговлю большею частью с варварскими племенами, меняли свой товар на местные колониальные произведения[1]. Ионийцы в деловых сношениях с такими же просвещенными народами, как и они сами, имели крайнюю нужду в знаке определенной стоимости, который позволял бы им делать закупки, не имея даже под рукой предметов мены. Но сколько еще других открытий, помимо этого мира барышей, обязаны своим появлением на свет божий этим азиатским грекам, предшественникам европейцев почти во всех произведениях ума! Милет, метрополия многочисленных колоний, был уже двадцать пять веков тому назад очагом географических исследований; там были учителями Фалес и Анаксимандр, там Гекат и Аристагор составили первые географические атласы. Галикарнас, соседний с Милетом город, был местом рождения Геродота, «отца истории и географии», первого писателя, занимавшагося сравнительной этнографией[2], известного превосходного рассказчика, отличавшагося простотой речи, доходившей до наивности, в наблюдениях всегда проницательного, в суждениях справедливого и точного, в мыслях возвышенного, достаточно беспристрастного, чтобы любить варваров, но вместе с тем превозносящего греков, и особенно афинян, на недосягаемый пьедестал, выше всего в мире... И сколько еще других имен, едвали менее знаменитых, можно назвать в этой покрытой славой стране, к которой мы возвращаемся, чтобы приветствовать зарю нашего возрождения и откуда доносится до нас далекое эхо пения Гомерид, качавших колыбель народов—наших предков при зарождении их цивилизации.

Название Азии или Азиады, кажется, прежде всего принадлежало одной Лидийской провинции[3]; в начале это название распространилось на весь полуостров Анатолии, а затем на весь материк, расширяясь, так сказать, под ногами путешественников. Постепенно стало известным, насколько эллинские земли, расположенные по восточному прибрежью Эгейского моря, были малы в сравнении с Большою Азией. Тем не менее, это название Малой Азии выясняет вполне историческую роль полуострова, находившагося между Понтом Эвксином и Кипрским морем. И в действительности, те из кочевых народов, которые не переходили границы Кавказа, чтобы обогнуть Черное море, направляясь к западу, достигли крайней оконечности материка, того пространства, которое с трех сторон омывалось морем. Прижатые друг к другу народцы и народы различного происхождения не все сохранили свои отличительные черты: многие из них смешались, или даже слились с туземцами настолько, что сделалось невозможным узнать с точностью их языческий элемент. Но ничто не теряется в громадной лаборатории человечества: дух каждой из этих составных рас возрождается в истории Малой Азии и обнаруживается в её влиянии на цивилизацию Европы. Северные племена, известные под общим именем «туранских» и часто трактуемые с пренебрежением, как низшие по развитию в сравнении с народами «арийскими», в общем деле развития, повидимому, играли не меньшую роль в сравнении с прочими расами. Именно они первые научили соседних народов обработке железа и прочих металлов[4]. Несомненно также им принадлежит слава разведения большей части домашних животных. Во всяком случае, в странах, где обитали туранцы, по начальным историческим данным, зоологи определяют эру распространения животных, сделавшихся неразлучными спутниками человека: там, в долинах Тигра и

1 F. Lenormant, „Les premieres civilisations“.

2 Oppert, „Societe d'Ethnographie, seance du 2 mars 1882”.

3 Herodote, „Histoire“, IV, 45.

4 Rawlinson, „The five great Monarchies“;—F. Lenormant, „Les premieres civilisations“;—Maspero, „Histoire ancienne des peuples d'Orient“

Евфрата, у подошвы Арарата, на вершинах Кавказа, на плоскогорьях Ирана появились впервые дикие предки собаки, быка, козы, барана, свиньи, быть может также и верблюда[1]. Из двух первобытных пород лошадей, первою была лошадь «арийская», второю—лошадь монгольская или «туранская»[2]. По всей вероятности, также Передняя Азия была местом родины большей части культивированных растений, наиболее полезных, как, например, оливкового дерева, сливового, миндального, виноградной лозы, может быть даже и персикового, льна и люцерны, бобов и гороха, и в особенности овса, ячменя и пшеницы. Если этому верить, то не имеет ли основания легенда, называющая эту страну колыбелью человечества? Чем было человеческое существо раньше, чем оно узнало, как воспроизвести из земли питательное зерно, это представлено греками в образе богини, дочери Деметра, которая, то мрачная и грозная, царила над тенями умерших, то сияющая и приветливая—появлялась на землю украшать свое чело венками из васильков на берегах рек.

Северные расы имели также значительную долю влияния в умственном развитии народов, обитавших на обширном четырехъугольнике Малой Азии. Следы их развития остались в религиозных обрядах Востока, особенно в занятиях магией, имеющей много общего с шаманством самоедов и тунгусов. Эти расы оставили также другому племени своих богов, низвергнутых, впрочем, греками в подземелья, как предметы поклонения низших рас; божества эти представляли уроды о ста руках, безобразные чудовища, выкапывавшие руду из недр земли и которые ковали металл в глубине пещер, под надзором Вулкана, хромоногого богапосмешища обитателей Олимпа. Равно как и халдеяне, астрономическое учение которых длится уже тридцать веков, они увековечиваются в знаках зодиака, в нашем двенадцатиричном делении года и нашей семиричной группировке дней в неделю[3]; народы семитские или семитические Малой Азии участвовали также двояким образом в развитии народов: и посредством торговых сношений, и религиозным влиянием. Тогда как в греческом мире группировка граждан носила по преимуществу цивильный характер, граждане составляли «конгрегации» во Фригии и в соседних государствах, где священники повелевали от имени богов, и где священный храм был всегда центром города[4],—в это время восточные религии, нередко проникнутые остроумием, держались главным образом на культе смерти, отождествлявшейся с жизнью посредством воскресения, которое следовало всегда за жертвоприношением, и грозили уже одержать верх над веселыми культами Греции, как другая религия—христианская, возникшая, по словам предания, в стране семитов, но проникнутая насквозь иранским духом и подготовленная греческой и александрийской философией, христианская религия распространилась по всем странам Запада и опрокинула на своем пути храмы языческих богов. В этой религиозной революции Малая Азия играла далеко немаловажную роль. Один еврей, носивший власяницу, по имени Павел, стал греком по духу и ревностным апостолом нового учения, привлек в свою аудиторию не только небольшой круг детей Израиля, но и огромную толпу язычников. С первых времен проповедания христианского учения, «Семь церквей Азии» сделались главным очагом пропаганды и обращения в новую веру; а когда, наконец, религия Христа определилась, выяснила свои догматы самым точным образом, то в одном из городов Малой Азии, в Никее, были провозглашены первые правила веры, повторяемые впоследствии в христианских общинах. За волнами, принесшими в Европу религию Христа, несколько столетий позднее, нахлынули волны другой религии, и кровопролитные битвы, водворившие торжество ислама вокруг бассейна Черного моря, начали происходить на полуострове Анатолии.

Страны, в которых совершались все эти великия события, ныне совсем заглохли, почти омертвели. Страна, по словам легенды бывшая месторождением первого человека и колыбе-

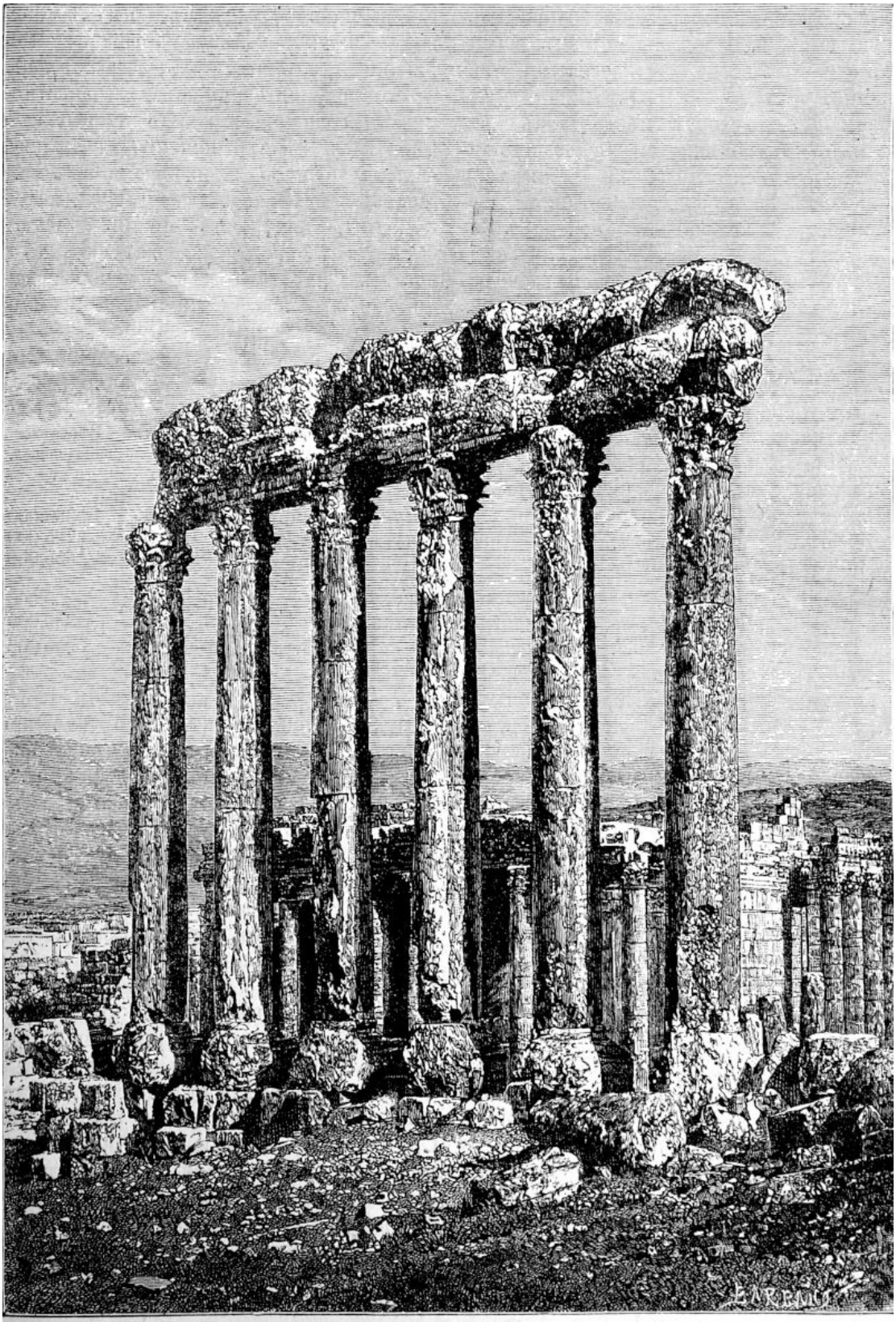
1 Sanson, „Comptes rendus de l'Academie des Sciences“, 1869;—Pietrement, „Cheveaux dans la periode prehistorique et historique“.

2 Alphonse de Candolle, „Geographie botannique raisonnee”, „Lieux d'origine des plantes culturees”.

3 F. Lenormant, „Les premieres civilisations“;—Oppert, „Anciennes Populations de Mesopotamie, Societe d'Ethnographie“, 1883.

4 M. Ramsay, „Athenaeum“, 23 dec. 1882.

лью нашего просвещения, эта священная земля, где на заре истории поэт показывает нам людей и богов, сражавшихся под стенами Илиона, эти знаменитые города: Вавилон и Ниневия, Экбатана и Суза, Бальбек и Пальмира, Антиохия и Дамаск, столь блестящие в про-



Бальбекъ. Развалины двухъ храмовъ.

шлом,—что они представляют теперь, в сравнении с Европой, наводняемой в то время варварскими племенами, и с городами Запада, в которых теперь теснятся миллионы людей—победители древних обитателей пустынь? Через промежуток трех тысяч лет какой поразитель-

ный контраст! Тогда в долине Ефрата, позднее в долине Нила, находился центр западной цивилизации, а Европа была страной мрака, безъизвестное пространство. Теперь светоч просвещения направился к Западу, а мрак навис над Востоком. Про Малую Азию можно сказать, что она более живуча своим прошедшим, в современной же истории роль её весьма незначительна; даже плавая у стен Гиллаха, невольно повторяешь имя Вавилона, а в пустынях, где рыщет бедуин, в мыслях неожиданно воскресают исполинские фигуры Моисея и Магомета, Семирамиды и Александра!

По числу жителей, которое известно только приблизительно, Передняя Азия пала не менее, как и по отношению к культуре. В общем, страны, простирающиеся от берега Мекрана до берегов греческой Анатолии, занимают поверхность земли, равную трем четвертям европейского материка; но народонаселение их, по всей вероятности, вдесятеро меньше и далеко до приращения; напротив оно, видимо, уменьшается.

Поверхность и народонаселение Передней Азии, без Закавказья, в приблизительных цифрах:

	Поверхность земли кв. килом	Вероятное народонасел.	Нар. ки-лом. жит.
		жит.	
Азиатская Турция, Самос, Кипр	1.899.009	16.360.000	8,6
Аравия, Аден	2.507.400	3.725.000	1,5
Персия	1.648.195	7.655.000	5
Афганистан (без Туркестана)	638.350	4.200.000	6,6
Белуджистан	276.515	350.000	1.3
Вместе	6.969.529	3.290.000	4,6

Где кроются причины этого уменьшения населения, послужившего такой обильной темой для красноречия историков и моралистов? Надо ли искать причины только в междоусобных войнах и в чужеземных вторжениях, так часто опустошавших эти страны? Но со времен Аттилы сколько опустошителей прошли Европу во всех её направлениях, и, несмотря на это, страна оправилась от разорения, народы преобразовались и население вновь возродилось после нашествия завоевателей! Тем не менее, должно признать, что в Передней Азии полоса территории, которой коснулась цивилизация, была сравнительно узка и более открыта для вторжений и опустошений, нежели европейские страны, лежащие ближе к Средиземному морю и Атлантическому океану: между Персией и Малой Азией пояс культуры и населения составлял не более, как узкий перешеек; то же самое было между Малой Азией и Египтом. Раздираемые внутренней междоусобицей, народы Ирана, Месопотамии, Сирии, Малой Азии, должны были кроме того опасаться своих соседей на юге и на севере, с одной стороны арабов, с другой—алтае-уральских кочевников всех племен и наречий, монголов или туркмен. Эти враги, которых укрывали пустыни, были непобедимы потому, что они были недосягаемы; они выжидали благоприятного случая, затем появлялись внезапно, чтоб разорять города, убивать жителей, или уводить их в рабство. Уже не раз, от самого начала истории, самородная цивилизация Западной Азии была периодически скашиваема, как трава на лугах. Предки турок, которые господствуют ныне в странах Азии, лежащих к западу от Ирана, принадлежали также к числу этих жестоких опустошителей. И как немногие из племен нашли в себе достаточно сил к возрождению и к преобразованию в независимые нации! Масса осталась в постыдном рабстве, и пороки вошли в плоть и кровь этих порабощенных народов, прилипли к ним, как проказа.

Чтоб объяснить убыль населения Западной Азии, ссылаются, как на одну из причин этой убыли, на истощение земли, снабжавшей население зерновым хлебом, так что, в конце концов, невольно задаешься вопросом: не утратила ли Передняя Азия свою питательную силу для поколений, и возродится ли она вновь, какою была до веков разрушения? Известно, что местности, лежащие на плоскогорьях и склонах гор, которые не подвергаются периодическим наводнениям, подобно полям, орошаемым Тигром и Евфратом, кончают тем, что лишаются своих составных химических частей и постепенно становятся непроизводительными: земледелец, который горячо принимается за возделывание этой почвы, и нередко для

того, чтоб другие воспользовались его трудом, рано или поздно бывает вынужден оставить свой неблагодарный труд, и голод приходит периодически продолжать дело, начатое войной. Даже произведения труда, которые были когда-то самыми полезными, ведут подчас человека к погибели: разрушенные постройки покрывают землю своими обломками и окрашивают почву пылью своих кирпичей, а засоренные каналы разливают свои спящие воды по деревням; тогда как, с одной стороны, пустыня увеличивается от упадка культуры, с другой—обнаруживаются болота, распространяющие повсюду лихорадки и смерть.

Как бы ни было велико в истории падения азиатских народов влияние этих двух элементов,—опустошительных войн и истощения почвы,—по всей вероятности, существует другая причина уменьшения исторического значения их, именно—постепенное высыхание страны. Хотя и окруженная со всех сторон морями, Передняя Азия имеет все же континентальный климат, как будто бы она окружена материком. Действительно, господствующие ветры северного полушария: полярный ветер, северо-восточный, и противоположный, дующий с экватора, и тот и другой должны пройти целую половину Старого Света на пространстве нескольких тысяч километров, прежде, чем они встретятся на плоскогорьях Ирана и в равнинах Вавилонии. В этой стране, оба противоположные ветра считаются самыми губительными по своей сухости на всем земном шаре: течение их направлено через Азию и Африку по широкому поясу пустынь, от Гоби до Сахары. Аравия и Персия, особенно первая, имеют большое пространство каменистых и песчаных пустынь. Если б не муссоны, вызываемые с моря жаром почвы и приносящие небольшое количество воды, частью, впрочем, задерживаемой в прибрежных горах,—страны эти были бы совершенно необитаемы. Недостаток воды в Передней Азии так велик, что Аравия не имеет ни одной постоянной реки, и от Карачи до Тегерана, на пространстве 1.600 километров по прямой линии, путешественник может перейти все реки и ни в одной из них вода не достигнет ему до колен. Влажность, достаточная для того, чтоб произвольно, без содействия человека, воспроизвести какое-либо большое растение, существует только на южных берегах Каспийского и Черного морей, где северные ветры должны проходить через морские пространства раньше, чем достигнуть берега; повсюду и на берегах Средиземного моря, где ветры влажные, они дуют с моря к прибрежью. Весьма вероятно, что вся Передняя Азия, в пятнадцать раз большая, чем Франция, катит в море своими речными устьями массу воды, едва превосходящую количеством водную массу во французских реках.

Как несколько тысяч лет тому назад, так и в наше время, общие климатические условия препятствовали Передней Азии принимать большое количество дождевой воды, и реки её, пропорционально их бассейну, были менее обильны, нежели реки Западной Европы; но многочисленные указания позволяют думать, что эта страна земного шара была во время оно лучше орошаема, чем в настоящее время. В общем, описания, которые нам оставили древние авторы, не дают повода думать о слишком большой нужде почвы в водяных источниках. Даже номады, живя среди скал и песков, на окраинах пустыни, не признали бы в наше время в земле Ханаанской «места, где текли реки млеком и медом»; когда-то плодородные земли лишились своей богатой растительности, своих полей, своей зеленой муравы и своих кустарников[1]. Могли ли торговые города ионического прибрежья приобрести такое огромное значение, и местная цивилизация могла ли достигнуть такой степени величия, если бы позади узкого пояса приморской страны не находились, подобно резервуарам жизненной силы, пространства, достаточно орошаемые, чтоб питать население, которое не может быть так многочисленно в наше время, как было тогда? А города пустыни, Пальмира, Бальбек, жители которых собрали столько сокровищ, чтоб воздвигнуть пышные храмы, развалины которых приводят в изумление еще и теперь,—могли ли бы они возродиться среди пустынь, если б эти пустыни не были окружены обширными оазисами, снабжая в изобилии необходимыми съестными припасами жителей и толпу иностранцев? С тех пор, как новейшие путешественники принялись за исследования Передней Азии, они отыскали в Азиат-

1 O. Fraas, „Aus dem Orient“;—Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l'Asie centrale“.

ской Турции, Иране и Белуджистане огромные пространства, когда-то густо населенные, а теперь превратившиеся в пустыни; города, окруженные песками, были ими по частям поглощены; следы древней культуры еще виднеются и теперь на скалистых склонах, где не может более расти ни былинки; по судоходным когда-то рекам не плавает теперь ни одной лодки; на месте прежних озер теперь видны только топкия болота и пласты соли, или глины[1].

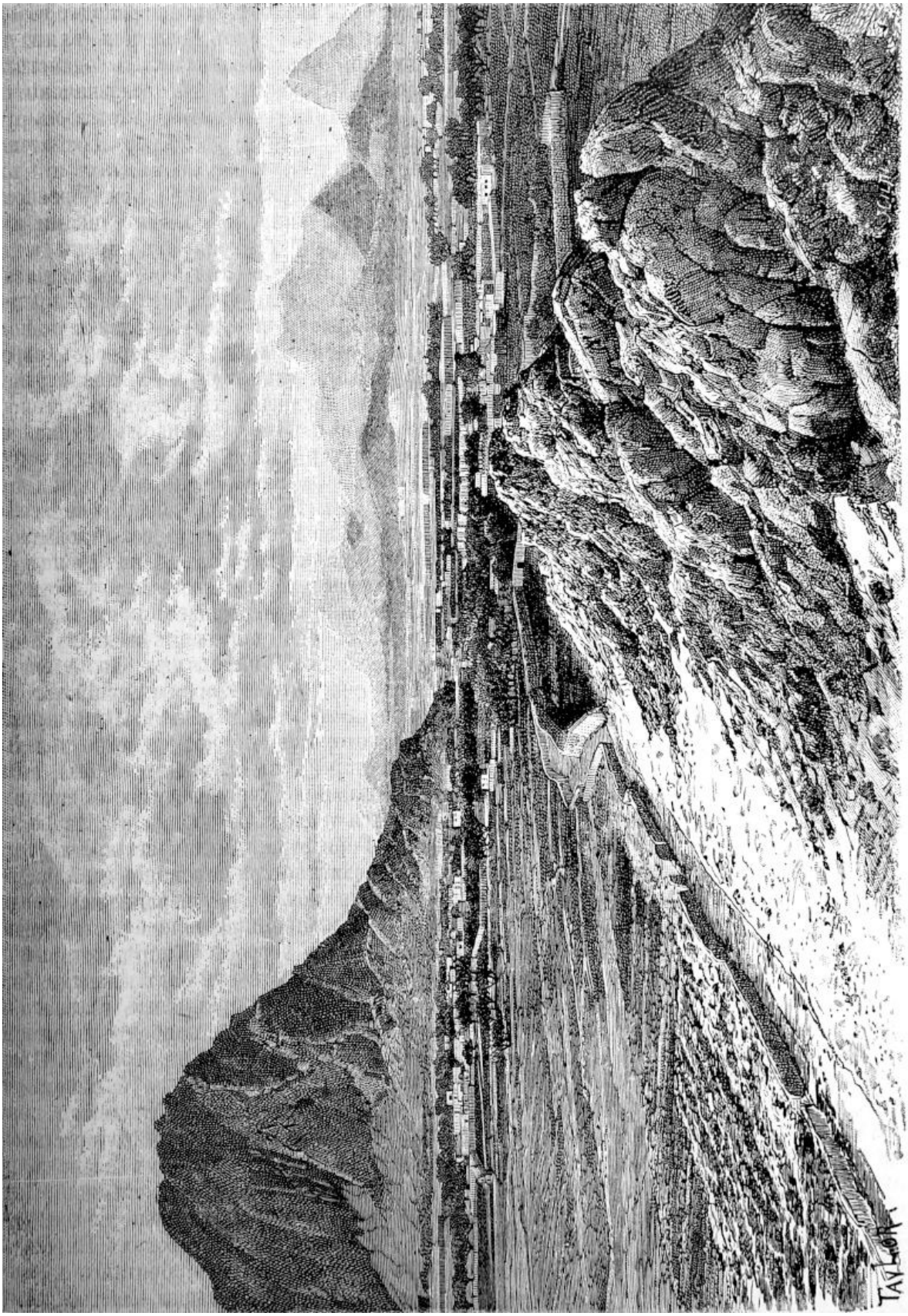
Несмотря на высыхание почвы в Передней Азии, страна эта, несомненно, достигнет первостепенного значения. Первенствующая роль её в деле цивилизации и её историческое значение уменьшились именно только с того времени, когда главные торговые пути направились через океан; но прямая линия имеет большое значение в международных сношениях, и дорога из Европы в Индию все более и более стремится захватить долину Евфрата и плоскогорья Ирана. Западная Азия требует обратно те выгоды, которые ей предоставляет обладание географическим центром Старого Света. Точная середина неправильной фигуры, изображаемой тремя материками Европы, Азии и Африки, находится в недалеком расстоянии от равнин, где возникли знаменитые города Персии и Ассирии; она лежит в юго-западном углу Каспийского моря. Вавилонская башня, центральная граница племен, спустившихся оттуда каждое в разные стороны горизонта, стоит, по словам легенды, на рубеже трех частей света: на востоке громадная Азия, простирающаяся далеко к океану, где «рождается солнце»; на юге жгучая Аравия дает знать о соседстве африканского материка; на северо-западе—Анатолия, которая может быть названа уже преддверием Европы. Передняя Азия, благодаря Суэзскому каналу, который отделяет ее от Египта, вновь стала в отношении морской торговли центром тяготения для группы континентов; но рано или поздно, когда покроется сетью железных дорог, Передняя Азия, несомненно, сделается центральным рынком Старого Света. Что касается до точного определения центрального пункта народностей, то этого нельзя указать даже приблизительно, потому что, с одной стороны, численность африканцев, а с другой—китайцев, известна только приблизительно. Приходится ограничиться указанием этого центрального пункта только на основании общепринятых данных[2]. Согласно имеющимся документам, которые исправляются из года в год, центр народностей Старого Света приходится на юго-западную часть Тибетского плоскогорья, т.е. на страну, почти пустынную; но быстрое приращение европейцев все более и более передвигает пункт равновесия в направлении к западу, к проходам Гинду-Куша, имеющим историческое значение, как пути сообщения между двумя частями арийского мира. Невозможно, чтобы, вследствие естественной силы тяготения, не последовало движения к сосредоточению народов, после их разъединения, которое произошло вследствие перехода цивилизации на Запад, так как центры народностей беспрерывно перемещаются, если не сами по себе, то по крайней мере в силу их воздействия на самого человека, который в течение времен не перестает обновлять и усиливать в себе дух примирения по отношению ко всему, что его окружает.

Без сомнения, присоединение Передней Азии к культуре, торговле и к промышленной деятельности западного мира будет продолжительно и затруднительно; тем более нельзя сомневаться в том, чтобы материальная цивилизация, занесенная с Запада, не получила от народов Востока отпечаток их ума, повидимому, столь гибкого и при том столь упорного. Азиат никогда не переймет рабски того, чему его научат чужеземцы: он, так сказать, азиатизирует все, до чего он коснется; греки и римляне испытали в былое время на самих себе, чего им стоило жить среди этих восточных народов. Не им выпала на долю роль цивилизаторов; напротив, они сами были покорены обычаями и религиею тех стран, в которых жили, и должны были сделаться распространителями их на Западе. Но в настоящее время, не увлекаются ли азиатские греки, армяне, сирийцы, какова бы ни была, в конце концов, отличительная черта их национального характера, все более и более современным научным движением? Они присоединяют собственный почин к инициативе переселенцев и иностранных

1 Goldschmid; Mac Gregor; Griesbach; O. Fraas; Blanford; H. Rawlinson; R. Burton; Alf. von Kremer, „Culturgeschichte des Orients".

2 Boehm und Wagner, „Bevolkerung der Erde", Ergauzungsheft, „n° 69 Mitth. von Petermann"

посетителей, и таким образом страна, постепенно преобразовываясь, так сказать, от окружности к центру её, входит в сферу европейского притяжения. Научные применения общи для всех стран света, и сколько заброшенных средств, сколько еще нетронутых сокровищ



Ущелье Маршъ на сѣверъ Кандахара.

хранят в себе эти страны! Сколько богатств будут иметь в своем распоряжении Сидон и Тир! Хотя страна и терпит недостаток в воде, и хотя недостаток этот увеличился с начала писанной истории, но тем не менее множество ручьев иссякает в пустыне, или бесполезно течет в

море и в Евфрат, временные потоки образуются в горах, не будучи направляемы в ирригационные каналы и водопроводы. Плодоносные страны, опустошенные войной и обезлюдевшие, заселятся вновь под мирным режимом. Распространение цивилизации к востоку, которое присоединило Венгрию, Дунайские государства, Грецию и Россию к европейской культуре и промышленной деятельности, и которое уже успело восстановить многочисленные города в Передней Азии, сирийские или греческие, проложит себе путь к Евфрату и к Иранскому плоскогорью.

Европейскими народами уже была сделана попытка к новому покорению Востока, в первый раз после Крестовых походов. В течение почти двухсот лет, с конца десятого и до конца двенадцатого века, когда католические народы Запада и турки, совращенные в ислам, находились еще, так сказать, в самом разгаре своей веры, когда промышленные богатства Востока: шелк, бархат, ткани, оружия, металлические изделия, казались изумленным полуварварам Запада самыми драгоценными сокровищами,—в то время военные походы из Европы в Азию сделались почти постоянными; сотни тысяч людей погибли в битвах, у которых страсть к завоеваниям и алчность добычи были гораздо сильнее, чем ревность к обращению в веру. Тысячи воинов, пленников, рабов, пали на поле битвы и на дорогах; но, тем не менее, после двухвековой резни и чумы, крестоносцы вынуждены были покинуть Восток, не будучи в состоянии удержать за собой ни одной крепости на материке. Однакож, давление Западной Европы на восточные страны имело в результате продолжение существования Византийской империи, перенеся далеко за Босфор театр борьбы между двумя враждебными друг другу религиями; кроме того, несмотря на полную дезорганизацию европейских армий, давление это сблизило, при помощи торговли, народы Средиземного моря, крест с полумесяцем, и итальянские купцы узнали все пути в Переднюю Азию: мало-по-малу им удалось, посредством мирного обмена, добыть больше драгоценностей, чем рыцарям-крестоносцам с мечом в руках.

Несомненно, влияние европейской политики не замедлило бы быстро возрасти в восточных государствах, несмотря на падение Константинополя, если бы кругосветное путешествие в Африку и в особенности открытие Нового Света не изменили направления торговых предприятий и не передали народам Иберийского полуострова господства в торговле, которое принадлежало Италии, подобно тому, как прорыв в плотине внезапно изменяет направление выступивших из берегов вод. Открытия Колумба вынудили Европу сделать поворот, а народы Востока выиграли отсрочку на целых триста лет в этой наследственной борьбе материка с материком, начатой уже с баснословных времен походом аргонавтов и Троянской войной.

Ныне политическое давление Запада дает себя чувствовать сильнее, чем когда-либо, несмотря на то, что религиозный фанатизм, как и во времена Петра Пустынника и Готье Нищего, имеет также важное значение в «Восточном вопросе»: но он был не более, как предлогом. Если бы народы Западной Европы захотели отнять Гроб Господень, то им почти достаточно было этого пожелать; единственная трудность заключалась бы в назначении охранителей, и если господство остается в руках мусульман, или вернее, Гроб Господень находится под их надзором, так это только с целью поддержания мира между ревностными протестантами, римско-католиками и греками, которые оспаривают друг у друга владение святыней. Стоя на точке зрения захвата, который столько раз служил прецедентом, замедляя истинное сближение посредством труда и общих интересов, европейские державы слишком заботятся о равновесии, чтобы воспрепятствовать приобретению которою-либо из них слишком крупной части спорных территорий. Однако, раздел мусульманского мира начался, и не в одной только Европейской Турции, но также и во всей Передней Азии. Россия не удовольствовалась завоеванием закавказских долин Риона и Куры: она захватила самые грозные крепости в горах Армении и удерживает проходы, которые позволяют ей двинуть в желаемую минуту свои войска на Константинополь, Алеппо или Багдад. С другой стороны Каспийского моря, русские также завладели несколькими позициями, с которых они могут легко делать набеги

на персидские владения (vitales), а благодаря обладанию туркменскими оазисами, они находятся у входа по дороге в Индию, чрез долину Гери-руда. Англичане, враги русских из-за политической гегемонии в Азии, также заполучили свою долю, утвердившись в одном из треугольников восточной части Средиземного моря, на острове Кипре, который одновременно господствует над южными берегами Малой Азии и Сирии, близ главного поворота Евфрата и стран, наиболее угрожаемых приближением русских в Армении. При входе в Аравийский залив, на большом мореходном пути, они также владеют портом Аден и благодаря некоторой материальной помощи, оказанной ими вождям племен, почти все прибрежное население признало Англию своим сюзереном. Но это еще не все: во многих провинциальных городах Персии, Анатолии, в Ирак-Араби, британские консулы пользуются гораздо большею властью, чем сами туземные правители, и их указания не что иное, как приказания. В горах Сирии, у друзов и маронитов, настоящее господство часто приписывалось Франции и вновь оспаривалось у неё, сообразно политическому колебанию и дипломатическим поворотам. Точно также Иерусалим находится, судя по посольствам, под покровительством всех европейских держав, из которых каждая по очереди имеет преобладающий голос, смотря по тому, с какой стороны дует ветер в Золотом Роге.

Две религии, возникшие в Палестине, иудейство и христианство, имеют в настоящее время в Передней Азии только свои общины, которые играют относительно весьма незначительную роль. Евреи живут большими группами исключительно в Иерусалиме и в некоторых городах окружающей его территории. Что касается до христиан, они также воздвигают в Палестине, близ Гроба Господня и в других святых местах, свои церкви и молельни. Впрочем, христиане встречаются только в греческих и армянских областях Малой Азии и в горах Ливанских. Наибольшая часть жителей Азиатской Турции, а в других областях Передней Азии все народонаселение целиком принадлежит к исламу. Аравия, где находятся священные места мусульман и откуда распространилась магометанская религия на весь остальной мир, до сих пор осталась главным центром магометанской религии, и там именно и живут самые ревностные её проповедники. Но как бы ни была сильна магометанская вера в некоторых странах, единство религии в этой части материка еще далеко до того, чтобы производить политическую связь между мусульманскими народами: союза панисламизма, о котором часто говорят, нечего опасаться европейским державам, которые оспаривают друг у друга господство на Востоке. Прежде всего, самая ревностная секта вагабитов, которая соблюдает самым тщательным образом все, чему учил пророк, многочисленна только внутри Аравии, где она не имеет никакого соприкосновения с иностранцами. Большая часть магометанской Азии, с одной стороны, Турция, с другой Персия, разделена между суннитами и шиитами, которые взаимно ненавидят друг друга; в провинциях, гяура считают существом более чистым, нежели мусульманина враждебной секты. В других магометанских странах преобладает религиозный индифферентизм; большинство бедуинов никогда не имели другого божества, кроме своего копья, и даже их не раз видели нападающими на богомольцев, возвращавшихся из Мекки. Наконец, у большинства турок религиозные верования утратили свою активную силу: они переродились в тупой фанатизм—прелюдию смерти. Правда, обращение мусульман в христианство почти не имеет примеров; но все же это нельзя приписывать силе их религиозных убеждений, а происходит оно вследствие долголетней вражды, даже, вернее, традиционной ненависти между племенами и тысячей контрастов, которые представляют нравы и привычки мышления. Мусульмане, относящиеся индифферентно к своей религии, в то же время сильнее других восстают против попыток христиан. Какими аргументами должны вооружиться те, чтобы мусульмане отказались от веры своих предков! Но мусульманское население Передней Азии, если бы оно было взято во всей своей целости, со всем своим религиозным рвением и самой тесной моральной связью, все же благодаря географическим условиям территории, которую оно занимает, не могло бы выдержать с успехом коллективной войны против европейских держав. Обширные пустыни, безводные пространства разделяют эти области Азии на отдельные страны, не имеющие путей сообщения одна с другой; что касается до внешнего морского пути, он принадлежит флотам Западной Европы.

Глубокия выемки приморской страны отделяют вдвойне туземные населения друг от друга, дозволяя в то же время европейским кораблям проникать внутрь страны; даже посредством её двух главных рек, Евфрата и Тигра, Передняя Азия находится, так сказать, перерезанной на две половины с стратегической точки зрения; в самом начале речного пути, у русского Закавказья, между двумя половинами мусульманской Азии, существует единственный узкий перешеек гористых владений.

В политическом отношении панисламизм гораздо менее опасен в своей колыбели, нежели в Индии, где сорок восемь миллионов мусульман связаны между собой общей религией, патриотическими интересами, и на африканском материке, где масса мусульман, численность которых еще неизвестна, но которые представляют силу, вследствие географической группировки, и эта сила несравненно значительнее той, которую последователи Магомета почерпают в увлечении пропагандой.

Глава II Афганистан.

I. ГОРЫ КАФИРА, КАБУЛ, ГЕРАТ, КАНДАХАР

Верхними владениями восточного Афганистана, которые граничат на севере со снежными вершинами Гинду-Куша или Индийского Кавказа, Передняя Азия прикасается к этой «Кровле мира», составляющей орологический центр материка, с которой также граничат Индия, Китайская империя и владения обширной России. В этой стране, менее других исследованной на всем материке, подножие плоскогорий, на котором возвышаются громадные вершины, превосходит высотою величайшие вершины Пиренеев, а между тем неподалеку к западу открываются наиболее посещаемые проходы между равнинами Туркестана и долиною Инда, благодаря чему Афганистан стал так важен в военном отношении и еще более того стал играть роль в истории торговли и переселений.

Хотя ни предания, ни легенды не говорят ничего о переходах по горам в древние времена арийских предков, но тем не менее близкое родство, почти тождество религии, обрядов, молитв и сходство языков и цивилизации на берегах «иранского Семиречья» и «Семиречья индийскаго»—не допускают сомнения в том, что горные проходы между двумя склонами были хорошо известны и утилизированы. Походы Александра, затем владения греческих государств, простиравшихся от Бактрианы до покатостей снежных гор и, может быть, до самого сердца Индии, сблизили вновь оба конца арийского мира через проходы Гинду-Куша; затем буддистские миссионеры, а вероятно также и вооруженные проповедники выбрали эти самые проходы, чтобы поставить Индию в сношения с землями южной Азии и крайнего Востока. Гигантские изображения, высеченные с незапамятных времен на Бамианских скалах, видели проходившими перед ними множество походов военных, религиозных, или торговых, которые имели весьма важные результаты в истории мира. Монголы, турки, персы проложили эти дороги по азиатским вершинам, а теперь русские и англичане, одни—расположившись лагерем в равнинах Оксуса, а другие—в укрепленном полукружии, в котором Пешавер занимает центр,—ожидают, в чем сильно убеждены туземцы, сигнала штурма и сражений. В этом месте ширина плоскогорья, которое отделяет долину Инда от покатостей, обращенных к Туркестану, не превышает 300 километров. Кабул, который английские войска завоевывали уже три раза, находится на расстоянии только ста километров от возвышенного порога, где начинается северный склон, которому смело можно дать (не греша против географии) название «русского склона»; английские пушки и московские послы переступили уже за границу Бамиана. На северо-западе Афганистана, между Мервом и Гератом, есть

пространство, где верхушка исчезает почти совсем, где наступающие армии не встретили бы ни малейшего препятствия. Достаточно было бы нескольких дней работы небольшого числа рабочих, чтобы сделать такую дорогу, по которой можно было бы проехать в катере с берегов Каспийского моря до Кандахара[1].

В целом Афганистан может быть рассматриваем как страна проходная: это тот гористый Roh, о котором упоминали древние авторы, подразумевая страну, находившуюся между Тураном, Ираном и Индом[2]. Составляя восточное продолжение Иранского плоскогорья, он разделяет два очага цивилизации: Индию и бассейн Евфрата, и главное значение его в том, что он является дорогою, соединяющею две страны. Возникшие там города, в плодородных долинах, посреди оазисов, при входе в ущелья приобрели историческую важность благодаря их стратегическому значению и тем выгодам, которые они представляют для армий на случай обороны отдаленных владений. Таким образом Герат, Кандахар, Газни, Кабул часто называются «ключами Индии». С самой глубокой древности, говорит, в 1602, историограф Акбари, Кабул и Кандахар считаются дверьми Индустана: через одну из них можно войдти в Туран, а через другую в Иран; и если эти местности хорошо охраняемы, тогда обширная Индийская империя защищена от чужеземных вторжений[3].

Однакож, несмотря на войны, которые так часто происходили в стране, несмотря на усилия многочисленных исследователей, из которых некоторые погибли в этом деле, как напр., двое Конолли, Лорд, Форбес, Борнс, Афганистан далеко еще не исследован вполне. Многие маршруты, тщательно изученные офицерами передовых отрядов, долго хранились в величайшей тайне в канцеляриях, а драгоценные карты этих дорог валяются забытыми в папках; территории, не вошедшие в состав стратегических путей, так и остались неисследованными; большинство путешественников, которым удалось проникнуть в страну, шли по следам, оставленным действующими армиями. Прямая дорога между Кабулом и Гератом через страну Гезарех не была еще пройдена ни одним европейцем. Тщетно пытался англичанин Мак Грегор рискнуть пойти в этом направлении: отвергнутый своим же собственным правительством, он вынужден был вернуться назад по оффициальному приказу эмира[4]. Впрочем, чащи лесов и цепи гор, покрывающие подножие плоскогорья, превращают многие области в Афганистане в лабиринт ущелий и долин, населенных дикарями, которые доступ в эти места делают опасным для жизни. Кроме различных дорог в Кабуле и Кандахаре и некоторых стран, пограничных с Индией, на Сулейман-Даге, поверхность страны изображена на картах только приблизительно, благодаря маршрутам европейских путешественников и пунктам, которыми они определили астрономическое положение, главным образом вблизи границ Персии и Индии. Что касается до населения, то оно не может быть исчислено по точным документам: единственная перепись семей, которая когда-либо происходила, относится ко временам Надир-Шаха, который хотел узнать цену своей победы при сборе податей и при наборе рекрут. На основании этого краткого перечня, составленного полтора столетия тому назад, определяют еще и теперь, несмотря на бывшие войны, на помеси племен, на переселения, что такое-то, или такое племя состоит из стольких-то сотен или тысяч семей[5]. Ныне путешественники расходятся во мнениях на целую треть или четверть в своих определениях: предполагают, что численность афганцев простирается от 3-х до 5-ти миллионов, кроме жителей Туркестана, находящихся под оффициальным управлением представителей эмира Кабульского.

Поверхность Афганистана к югу от Гинду-Куша. Квадратн. километ.	Население вероятное	Плотность населения
638.350	6.145.000 жит.	9,6 жит.

1 Lessar;—H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", 1883.
2 Rawerty, „Notes on Afghanistan and part of Baluchistan".
3 Abou'l Fazel, Ayin Akbary.
4 „Journey through Khorassan in 1875".
5 Bellew, „Races of Afghanistan".

Афганская территория независимо от неправильностей её политических границ, представляет собою плоскость, наклонную к юго-западу, от северо-восточного угла Кафиристана к болотистой низменности, в которую выливаются воды Гильменда. Два возвышенных выступа определяют верхния стороны плато: на севере Гинду-Куш и его западные продолжения, называемые иногда классическим именем Паропамиза; на востоке—различные цепи гор, из которых первое место занимает Сулейман-Даг. Края гор, виднеющиеся на плато между хребтами, служащими границей, разветвляются, принимая различные направления; но по большей части они идут по направлению общей наклонности края, т.е. от северо-востока к юго-западу, и в этом направлении текут реки промежуточных долин.

Из всех горных цепей Афганистана, наиболее возвышенная и наиболее правильная это та, которая служит продолжением Каракорума, извиваясь к юго-западу: это—Гинду-Ко или «гора Индусов», более известная под названием Гинду-Куша, или «Убийцы Индусов», названием, которое является жестокой иронией на смертность купцов, погибающих среди её снегов, под ледяными ветрами, их жажды к ростовщичеству, которым они занимаются среди таджиков и узбеков. Этой же самой царице гор новейшие писатели дали название «Индийского Кавказа», тогда как греки называли ее просто «Кавказом»; они признавали в ней продолжение Понто-каспийских горных хребтов, и греческие писатели старались льстить Александру, провозглашая его победителем этих гор, через которые не мог перейти Геркулес[1]. Многие из арабских писателей называют Гинду-Куш также Билористаном (Bilor, Bolor) или «Хрустальной страной», по причине драгоценных камней, которые находят там в значительном количестве[2].

Самая возвышенная часть гребня Гинду-Куша это тот хребет, которым он присоединяется к Каракоруму, на севере горной долины Язина. В этом месте перерыв почти полный: поднимаясь по долине Мастуджи, даннику Инда, по Читралю, по Кунару и по реке Кабулу, можно без особого труда добраться, через пастбища, прорываемые несколькими откосами, к ущелью или, вернее, к широкой зеленой равнине Барогиля, куда прибрежные жители верхнего Оксуса выводят свой скот. По словам одного туземного исследователя, известного под именем «муллы», который перешел чрез гребень этого горного кряжа в 1874 г., поперечник между двумя бассейнами Инда и Аму-Дарьи имеет только 3.660 метров высоты. Англичанин Биддульф, который также прогуливался по цветущим лугам Барогиля, говорит, что в этом месте легко проехать в карете по самой верхушке Азии[3]. Громадные вершины находятся не в этой части цоколя Гинду-Куша, но на юге, в той цепи гор, которая берет свое начало на западной оконечности Каракорума и направляется к юго-западу между долиной Мастуджи и реками, которые спускаются на восток к Гильгишу и Инду. Эта боковая цепь гор, иногда называемая «горами Лагора» по ущелью, которое проходит в самой средине её развития, имеет вершины, гораздо более возвышенные, нежели собственно Гинду-Куш. Один из её пиков, который тянется на 40 километров к юго-западу от Барогильского поперечника, имеет 6.836 метров в вышину; другой, к востоку от Читраля, поднимается на 5.760 метров и еще более возвышенным хребтом присоединяется к восточному массиву, высшая точка которого, еще не имеющая никакого названия, превышает 5.910 метров: выше вершины Эльборуса—исполина Кавказа[4].

Протягиваясь к западу, затем к юго-западу, Гинду-Куш выпрямляется мало-по-малу и кажется еще более громадным, так как верхний Оксус спускается вниз более чем на тысячу метров, простираясь вдоль подошвы северной части горного хребта. Дивная гора, которая, если смотреть с Мастуджи и Читраля, занимает с своими лучезарными пирамидами и исполинскими передними горами целую сторону горизонта, поднимается более чем на 7.500 фу-

1 Grigoryev, „Commentaires a la traduction russe de la Geographie de Carl Ritter“.
2 Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, nov. 1864
3 Douglas Forsyth, „Proceedings of the Geographical Society”, april 1879.
4 Clement Markham, „Proceedings of the Geographical Society”, feb. 1879.

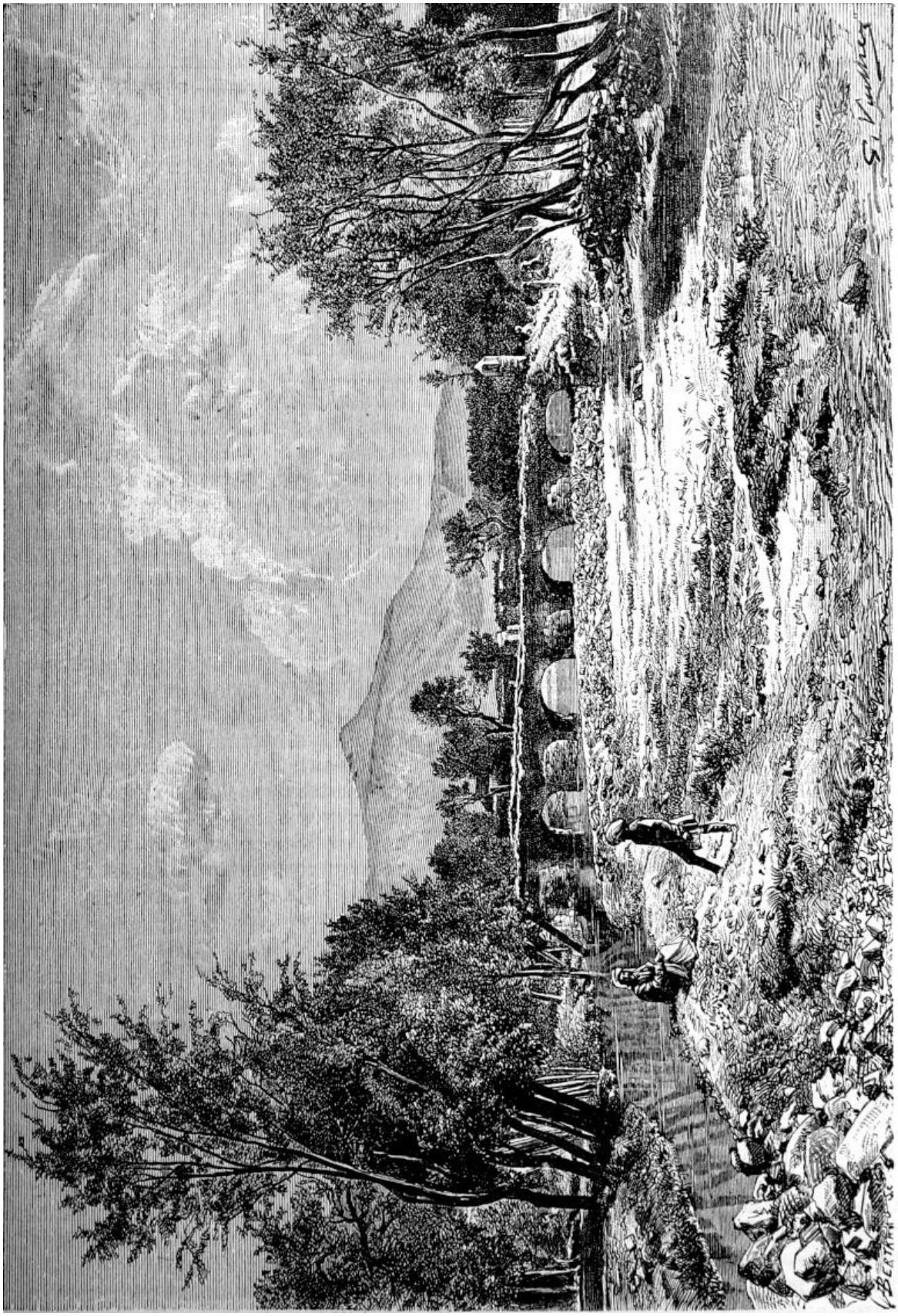
тов над южным бугром Гинду-Куша: это Тирич, соперник вершин Каракорума[1]. Но даже и там, в стране утесов и тумана, человек умудряется проложить себе дорогу в течение коротких недель лета. Иштирак и Аграм, на севере Читраля, постоянно загромождены снегами, и вьючные животные не могут там пройти; но далее к западу, обогнув массив Тирич, они поднимаются по Нуксану или «Pas du Malheur», которого брешь выше Монблана, и переступают горный хребет на высоте 5.100 футов. Тропинка, поднимающаяся к ущелью, «прорублена во льду и в снегах», т.е. ступени её приходится прорубать на поверхности ледника. Вероятно также к ледяным пространствам относятся рассказы туземцев на озере Тирича, окруженного колоннами из белого мрамора. Два других горных прохода еще более на запад, Картаза и Дора, подобно Нуксану. доступны караванам: Дора—наиболее удобопроходимый; высота его равняется 4.800 футам[2]. По ту сторону вершины горного хребта, между реками, текущими на юг в Кафиристан, и теми, которые текут на север в Бадакшан и Кундуз, еще не были посещаемы европейскими путешественниками: но между тем известно, что кафиры южного склона водят свои стада по северным покатостям, а это доказывает, что эта часть горного хребта доступна для исследования.

Горный хребет становится узнаваемым в общих чертах только к западу Анджуманского ущелья. На пространстве более 100 километров, горная цепь, расположенная полумесяцем, имея выпуклость, обращенную к северо-западу, перерезана десятком-двумя ущелий, высота которых различна, от 3.500—4.500 метров: некоторые из них доступны даже караванам на верблюдах. Между этими ущельями некоторые пользуются исторической известностью: Кавак, первый горный проход на западе Анджумана, может быть—тот самый, чрез который проходил Александр Македонский. Пилигрим Гиуэн-Тзуанг выбрал его для возвращения в Китай, а англичане Уайд и Лорд—для прохода в Индию. Тамерлан перешел горный хребет близ ущелья Таль. Через Шибрский проход, лежащий на восток от Бамиана, часто проходил султан Бабер. Кушанский проход, перерезывающий посредине полумесяц горного хребта, представляет собою наиболее бойкий путь. Гора около 6.000 метров высоты, господствующая над этим проходом и которую одинаково хорошо видно как из Кундуза на севере, так и из Кабула на юге, известна под специальным названием Гинду-Ко или Гинду-Куша; там, по преданию, и хоронится исполин легенды, умерщвляющий индусов[3]. Нигде горный хребет не представляет столь величественного вида, благодаря четырем долинам, окружающим в виде ромбов со всех сторон подошву гор; на севере Сург-аб и Индер-аб, которые соединяются в общем русле Кундуза или Аксерая; на юге Горбанд и Панджир, идущие на встречу друг другу, чтобы вместе ринуться в реку Кабул. Южный склон имеет почти совершенную правильность: это—наклонная стена, черная у подошвы и белая у вершины, пересекаемая на различной высоте, сообразно с временами года, горизонтальной линией, служащей гранью снегам[4]. На юге, в долине и в горах зрению представляется еще более поразительный контраст от необычайной роскоши флоры, от обилия кустарников и трав на лугах: автор Айна Абкари рассказывает, что там можно встретить до пятидесяти пород тюльпанов.

Обширное треугольное пространство, заключающееся между Гинду-Кушем и горной цепью Лагора, почти сплошь занято горами, идущими постепенно вниз к юго-западу. Хотя европейским путешественникам удалось пока проникнуть только в весьма немногие из этих земель, но тем не менее они могли издали измерить большое число вершин, превышающих 4.000 и 4.500 метров в вышину. На севере реки Кабул, некоторые вершины, находящиеся только в 40-а километрах от долины, имеют более 3.000 метров, и их передния горы, прорываемые механическим способом, продолжаются к югу, чтоб соединиться с Сефид-Кохом; отсюда начинается целый ряд дефилеев и диких ущелий, по которым можно спуститься в равнину Кабула, к бассейну Пешавера. Наиболее западные отроги гор отделяются от Гинду-

1 Biddulph, „Tribes of the Hindoo Koosh“.
2 Montgomerie, „Havildar's Journey, Proceedings of the Geographical Society”, 1872.
3 „Asiatic Recherches” IV;—Clements Markham, цитированное сочинение
4 Wood, „Journey to the River Oksus”.

Куша тотчас на востоке Анджуманского ущелья; километрах в ста от юго-запада, горная цепь перерезана на интервалы, соединенные тремя клюзами, откуда вытекают три реки: Панджир, Парван, Горбанд, которые изливаются в реку Кабул. За этими брешами горы сно-



Рѣка Кабулъ въ долинѣ Чандаръ.

ва начинают возвышаться и образуют горную цепь Пагмана, которая становится первым препятствием для путешественников, желающих отправиться прямо из афганской столицы к Бамианскому перевалу. Каменистая дорога, но далеко не тяжелая, по которой надо под-

няться в верх около 1.500 метров, ведет от Кабула к неровному входу в Унах или Хонаи, образовавшемуся на пространстве почти 8-ми километров, от гранитных выгибов Пагмана; затем она вновь спускается в долину Гильменда, чтоб очутиться на склонах Хаджикака или Ирака, в проходах центрального Гинду-Куша. В 1839 и в 1840 г. англичане перешли Ирак без особого труда с обозами артиллерии[1]. Выбор Унахского ущелья для прохода караванов между Индией и долиной Оксуса делает понятным, каким образом настоящая столица, Кабул, должна была поместиться в узком бассейне, который она занимает: как город военный и коммерческий, она должна была возникнуть в ближайшем соседстве от дороги, по которой проходят армии и транспорты с съестными припасами. Когда проезжая дорога шла через Горбанд, столица была построена в конце трех долин, которые сходятся у равнины Даман-и-Коха или у «Подошвы Горы»; там именно находится главная точка соединения всех дорог, которые проходят по 18-ти ущельям Гинду-Куша: там, без сомнения, был и город, построенный Александром, *Alexandria ad Caucasum*, как раз в месте разветвления дорог Бактрианы[2]. Ни один город не имел лучшего положения с точки зрения стратегической и коммерческой и не занимал более завидного положения в отношении плодородия окружающей почвы, обилия вод, яркости растительности и красоты горизонта. Эта равнина, самая обширная во всей северо-восточной части Афганистана, находится, правда, на средней высоте 2.000 метров, но под одной широтой с Кипром, Критом, Ораном и Тангером. Растительность там умеренного пояса; чинары окаймляют площади; абрикосовые и другие фруктовые деревья тех же пород, как в южной Европе, окружают деревни; тутовые деревья и виноградники покрывают нижние склоны, расположенные террасами; зелень лугов, поля, засеянные хлебом и табаком, и яркая пестрота садовой растительности представляют резкий контраст с темным или желтоватым цветом каменистых утесов и с ослепительной белизной вершин дальнего Гинду-Куша и передних гор. На восточной оконечности амфитеатра Даман-и-Коха, у подошвы вершин, известных под общим названием Когистана, или «Страны Гор», и неподалеку от реки Панджир, находится небольшая пустыня, называемая Рей-Руан, или «Сыпучий Песок». В том месте, где кучи кремнистых частиц приростают к скалам, под углом около 45-ти градусов, песок, поднимаемый ветром, и падающий обратно в трещины камней, издает звук, подобный далекому звуку барабана, аккомпанируемому арийской музыкой, похожей на арфу[3]. Древние писатели говорят, что на этом месте погребены павшие воины, и звуки их музыки продолжают раздаваться под землей.

К западу, где начинается понижение Гинду-Куша и излом почвы, который принимает дорога из Индии в Бактриану через ущелья Ирака, Хаджикака и Бамианский проход, гористая страна, в которой начинается горный хребет, имеет около 200 километров в ширину и состоит из параллельных горных хребтов весьма скалистых, гребни которых идут по прямой линии большею частью по направлению от востока к западу. Эти горы, охраняемые монгольскими племенами гезарех, весьма мало известны; они, так сказать, отбрасываются на задний план исполинской горой Кох-и-Баба, которая стоит почти изолированной на севере высокой долины Гильменда. Самый высокий пик, известный специально под названием «Отца Гор», примененным к общему массиву, достигает 5.486 метров, и его белая пирамида, лежащая на неправильном кубе черных утесов, господствует непосредственно на западе над проходом Хаджикака. Другая вершина, пирамида которой занимает центр горной цепи, достигает вышины более 5.000 метров. Может быть, на западной стороне последний, постоянно покрытый снегом пик различных смешанных горных хребтов, известных под общим названием Паропамизада,—возвышенность, продолжающаяся от востока к западу между источниками Мург-аба и верхнего течения Гери-руда, носит название Сефид-Коха или «Белой Горы». Феррье, который проходил там в половине июля, утверждает, что снег «покрывает

1 Kave, „Proceedings of the Geographical Society“, april 1879.

2 A. Cunningham, „Ancient Geography of India“.

3 Wood, „Journey to the Source of the river Oxus";—Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab and Kalat".

постоянно высокие вершины»[1]. Долины, в которых растут сосны и дубы, в перемежку с барбарисовыми и другими кустарниками, разделяют передния горы: с высоты вершин видны серебристые скатерти рек, блистающие посреди зелени, лугов, испещренные черными точками палаток кочевников. На севере тянется другая цепь гор, равно восточная в смысле её направления от востока к западу; это Трибанд-и-Туркестан, южный оплот равнин Оксуса.

Расширяясь к западу, Сефид-Кох постепенно понижается: к северо-востоку Герата, дорога из Маймене проходит по ущелью Мазрет-и-Баба (Karrel-i-Baba), где снег лежит только от декабря месяца до конца апреля[2]. За Сефид-Кохом нет более ни одной горной цепи, встречается только холмистая почва; чтоб пройти из равнины Мург-аба в Герат чрез ущелье Тешмех-зеб или чрез ущелье Комбу, придется подняться около 300 метров. От этого горного хребта, известного под названием Баркхута, можно спуститься в долину Гери-руда, не встречая препятствий со стороны почвы[3]. В этом месте высота горельефа увеличивается только на одну треть против высоты плато, на котором он лежит. Горная цепь, которая присоединяется к массиву Кох-и-Баба, и которая расширяется от востока к западу, параллельно Сефид-Коху, от которого ее разделяет долина Гери-руда,—менее высока, нежели «Белая гора» и обязана своим названием Зиах-Коха, или «Черной горы», темному цвету своих утесов, изредка покрытых снегом. Но она выдерживает более однообразно свой характер горной цепи: к югу от Герата она образует раздельный горный хребет между двумя склонами Азии, и самая краткая дорога, соединяющая Герат с бассейном Гильменда, проходит по вершине хребта на высоте 2.000 метров. Западное продолжение Зиах-Коха соединяется с горами северного Ирана посредством пирамидальной горы Зианг-и-Токтер, тогда как на юге страны Гур—слово синоним Когистана (Kouhistan), Джебеля или страны гор,—оно перерезано реками в бесчисленные разветвления, которые направляются большею частью к юго-западу и кончаются в пустыне изрезанными мысами, подобно тем, о которые ударяются морские волны. Но в центре этой страны гор, к которой еще не направлялись путешественники, высится вершина, по всей вероятности вулканического происхождения, судя по форме конуса и по множеству горячих источников, бьющих у её подошвы, называемая Чалап-далан, о которой Феррье говорит, как «о самой высокой горной вершине во всем мире». В половине июля путешественник видел эту гору, покрытую снегом на большом пространстве, под верхушкой пирамиды. Её громадные отроги, покрытые лесами и пастбищами, тянутся по обширной территории, усеянной деревнями и палатками кочевников. Эта страна представляется одною из главных провинций Афганистана по богатству и разнообразию минералов: там находятся и золотые руды, никем не эксплоатируемые, и серебро, и медь,, и железо, и свинец, и сера, и уголь, рубины и изумруды[4].

«Белая Гора» Паропамизада не единственная, которая носит это название: другой Сефид-Кох, если не более высокий и не более значительный по своему горельефу, но зато несравненно более известный в военной истории Азии, находится в северо-восточной части Афганистана, на юге лесных просек, чрез которые река Кабул течет в равнины Пенджаба; его афганское название—Стен-Гур, тоже значащее Сефид-Кох. Собственно Сефид-Кох, без его западных протяжений, тянется от востока к западу на пространстве около 200 километров, и почти на всем этом пространстве высота его превышает 3.800 метров. Самая высокая вершина, сохранившая свое санскритское название Сикарам, достигает 4.761 метра, а далее к востоку другая вершина Кераира, её соперник по высоте и величию форм. Несмотря на свое название, Сефид-Кох покрыт снегом не во все времена года; с августа по январь белые полосы виднеются разве только в нескольких оврагах, куда не проникает ни солнце, ни ветер. Но хотя ниже по высоте других горных хребтов Афганистана, восточный Сефид-Кох, по всей вероятности, наиболее важный из них по грандиозности представляемых им пейзажей,

1 „Voyage en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutchistan et le Turkestan".
2 Grodekov, „Bulletin de la Societe de Geographic de Paris", aout 1880.
3 Lessar, „Proceedings of the Geographical Society", jan. 1883.
4 Ferrier, цитированное сочинение.

благодаря рытвинам почвы, происшедшим от дождевых потоков, которые очистили подошву гор со стороны востока и позволяют любоваться бесподобным видом нагромоздившихся друг над другом вершин. Эта часть Афганистана была пройдена во всех направлениях путешественниками и английскими офицерами; уже в 1879 г. они поднялись на шесть пиков главного хребта, в том числе и на господствующую вершину[1]. Сефид-Кох находится по ту сторону «научной границы», намеченной недавно англичанами, затем оставленной афганским племенам: места, предназначенные для лагерей и для санаторий (санитарных станций), обозначены на картах вблизи горных проходов, проточных вод и тенистых склонов.

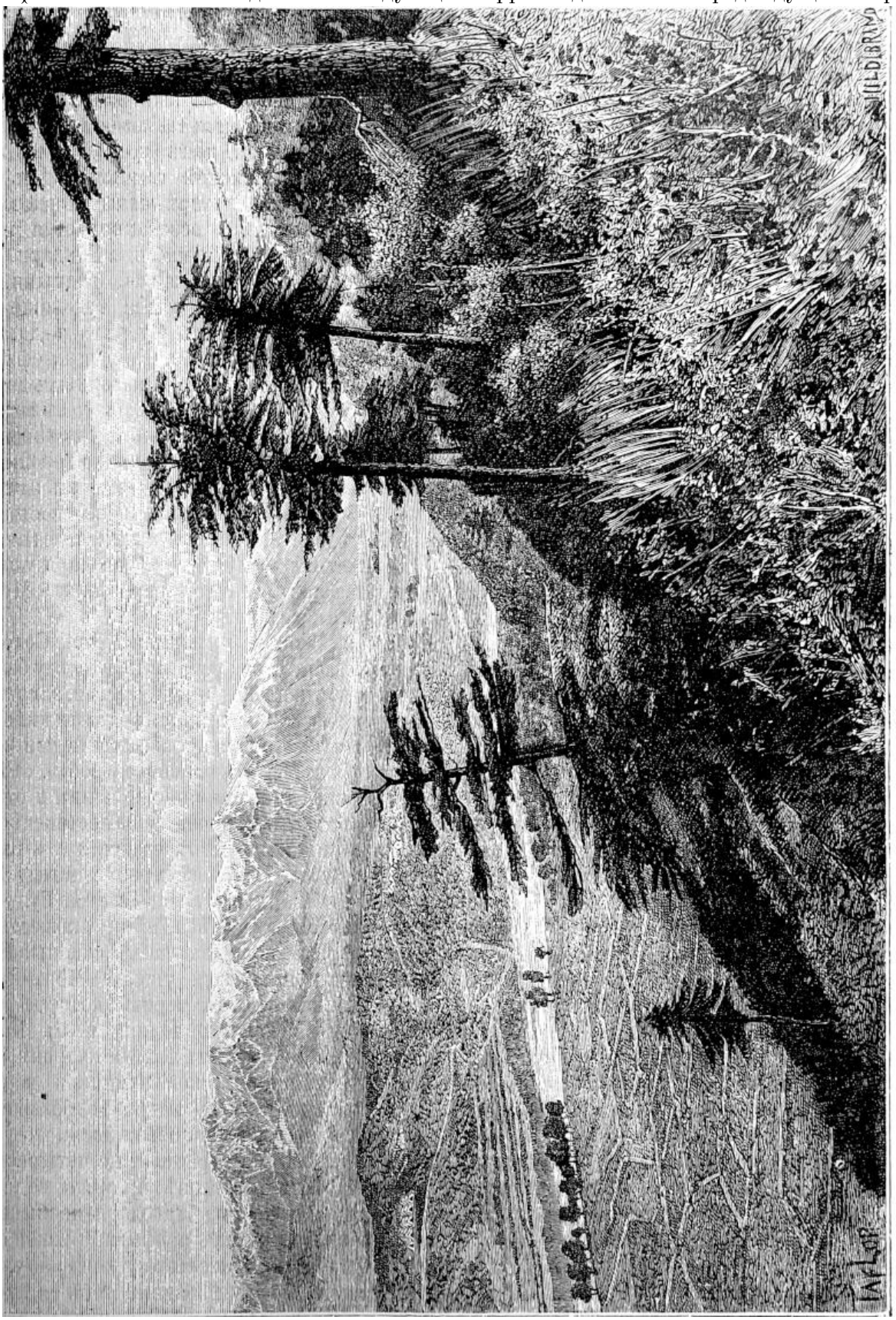
На западной оконечности Сефид-Кох разбрасывает к северу целый веер холмов, которые идут навстречу возвышенностям, принадлежащим к системе Гинду-Куша: клюзы (cluses) реки Кабула составляют единственный перерыв между противоположными скалами. Самая возвышенная из гор, отделившихся от Сефид-Коха,—это горный хребет Каркача, верхний массив которого, близ реки Кабула, принимает название Зиах-Коха или «Черной горы», вследствие контраста с снежными вершинами большого хребта. Чрез Каркач проходит ущелье того же названия (2.400 метров), а далее на север чрез проход или котал, менее возвышенный, находится Джагдалакское ущелье. Название это до сих пор звучит похоронным звуком в ушах англичан, потому что там и в некотором расстоянии на восток, близ Гандамака, были умерщвлены афганцами, в 1842 г., последние оставшиеся в живых англичане гарнизона, бежавшего из Кабула[2]. Все горные проходы, находящиеся на западе: Латабанд, Хафт Котал, проход Малого Кабула или Khourd-Kaboul, равно напоминают о военных подвигах, победах или поражениях англичан в продолжение их троекратных нашествий на Афганистан. Дорога, которая идет вдоль южного хребта Сефид-Коха, получила также важное значение с стратегической точки зрения, и во время последней войны названия Пейвар-Котал, открытый проход на юге Сикарама, и Шутар-Гордан, «Шея верблюда», на юго-западном краю «Белой горы», упоминались весьма часто. Наконец на востоке хребта последние мысы, которых крутые утесы внедряются в равнине Пешавера, окружены другими ущельями, где человеческая кровь часто окрашивала воды маленьких водопадов.

Самое знаменитое из этих ущелий—Хайберское, в 53 килом. длиною; минуя устья реки Кабула, оно извивается змеей на юге, затем на западе горы Тартара (2.072 метра), и догоняет реку против Лалпура, в 65-ти километрах от верховьев равнины. Крепости, из которых одни еще уцелевшие, а другие в развалинах, высятся на скалах, идущих вдоль дороги; другие памятники, *stoupas*, гробницы и обломки зданий, свидетельствуют, что не одни победители утилизировали этот проход: буддистские миссионеры шли по этой дороге, а после них также Махмуд Газневид, Бабер, Акбар, Надир, Ахмеди-шах и английские генералы. Акбари построил там дорогу, удобную для повозок. Ущелье, взятое Александром, по которому, кажется, прошли первые покорители Индии,—одно из тех, которые проходят на севере реки Кабула, в стране юзуфзаев[3]. Между двумя сериями преград, образовавшихся от передних гор Сефид-Коха, на востоке и на западе горнаго хребта,—склоны, которые идут от гребня горы к реке Кабулу, несравненно правильнее и кончают тем, что теряются в полях Нангнахара, или «Девяти Рек»[4],—по словам других этимологов, «Девяти Монастырей»[5]. Не много стран столь богатых и роскошных, как этот бассейн с сотней деревень, окруженных садами, виноградниками и темной занавесью кипарисов; там и сям виднеются вершины снегового амфитеатра. Здесь, равно как и в испанской Америке, склоны плато разделяются туземцами на *tierra caliente* и на *tierra fria*, сообразно их климату и произведениям; точно также бассейн Нангнахара называется Жермзиль или «Теплый край», а высокие террасы принадле-

1 Gerald Martin, „Proceedings of the Geographical Society“, oct 1879.
2 Lady Sale, „A Journal of the Disasters in Afghanistan“, 1841-1842.
3 Raverty, „Notes of Afghanistan and some parts of Baluchistan“.
4 Wood, „Journey to the river Oxus, commente par Jule“.
5 Bellew, „Races of Afghanistan“.

жат к Сердзилю или к «Холодному краю»[1].

Южные отроги Сефид-Коха могут быть рассматриваемы в их целом, как внешния ступени афганского плато. Каждая из последующих террас отделяется от предъидущей погранич-



Видъ Пайварскаго ущелья.

ной горной цепью, служащею границей, менее возвышенной над западной базой, чем над

1 Clements Markham, „Proceedings of the Geographical Society“, I, 1879.

противуположной. Чтобы подняться но берегам Инда во внутренния зеленые равнины, надо взобраться по нескольким отрогам, отделенным друг от друга террасами неровной ширины. Горная цепь, которую, обыкновенно, называют западным Сулейман-Дагом, может считаться самою высокою, по крайней мере, по своим изолированным пикам, которых не измерял еще ни один путешественник. На юге от прохода Шутар-Гардан, отделяющего его от Сефид-Коха, горная цепь направляется без особенных изменений к Белуджистану и образует наружную стену плато; на западе тянутся пустыни Katchi-Gandava, древний залив, промытый в глубине гор. Западный Сулейман-Даг служит раздельным горным хребтом между реками, изливающимися в Инд, и теми, которые текут к внутренним бассейнам плато; он устанавливает также и политическую границу: племена, живущия на восточной стороне его хребта, не признают, по обыкновению, совсем своим сюзереном Кабульского эмира; они кочуют по стране в полной независимости, или же платят временные подати, когда переходят пограничную черту с своими стадами. Другая горная цепь, центральный Сулейман, или «Гора Пукту», на большинстве карт значится, как продолжение отрога, отделившагося от Сефид-Коха у его громадной вершины, Сикарама, и который пересекает дорогу Пейвар-Котала; но неизвестно достоверно, правильно ли он продолжается: туземцы, проходившие по стране, видели только одно гористое плато, без признаков хребта[1]. Наконец, на востоке, различные гряды гор, не считая отделившихся массивов, идущих к Инду, известны под названием восточного Сулейман-Дага или Михтар-Сулеймана; хотя и перерезываемые на множество кряжей Курамом, Тохти, Гомулом, Зобом и другими реками, возникшими на западных горах, тем не менее они составляют орологическую систему, замечательную по своему единству. Лесистые склоны редки на крутизнах скал, обращенных к Индустану; когда скалы освещает солнце, они блестят, как горящие уголья; в их страшных ущельях, жар, отражаемый белыми, красными, желтоватыми откосами, становится нестерпимым. Во многих долинах, деревни кажутся смешавшимися с окружающими камнями; видны только одни обломки, среди которых там и сям растут несколько тощих терновых кустарников.

Различные боковые горные хребты системы песчаника или известняка почти одинаково параллельны: идут по прямой линии от севера к югу, или от северо-востока к юго-западу, все они имеют покатость, обращенную к плато, тогда как со стороны Индии скаты утесисты. Во многих местах нельзя и пытаться взобраться на верх: на юге Гомульского ущелья насчитывают до семи подобных параллельно-идущих гряд; еще южнее, где протекает река Сури, число непрерывных горных хребтов достигает двенадцати, расположенных в шахматном порядке[2]. Западные гряды гор, наиболее возвышенные и видимые из равнин Инда через другие кряжи, называются иногда афганцами Кох-и-Зиах (Зиах-Кох) или «Черной горой», тогда как нижния гряды той же системы именуются Кох-и-Зурк (Зурк-Кох) или «Красная гора». В промежутках горные хребты перерезаны клюзами или *дарахами* с вертикальными стенами, в глубине которых во время дождливого сезона текут бурные потоки; расположение гор дает их течению вид порванной линии, части которой сходятся под прямым углом[3]. Гора наиболее высокая восточного Сулейман-Дага (3.560 метров), Пиргуль или «Голубой святой», господствует над массивами, расположенными на севере Гомульского горного прохода. Самая знаменитая горная группа, которой дают специальное название «Соломонова трона», —Тахт-и-Сулейман, двойную вершину которой видно из равнины, возвышается на двух оконечностях горного хребта, длиною в 8 километров. Северная вершина, которая и есть самая высокая[4], принадлежит к числу тех многочисленных вершин, на которой, будто бы, остановился Ноев ковчег; ниша, находящаяся в скале, близ группы камней, которая пользуется уважением наравне с храмом, и есть тот «трон», куда садился Соломон, чтобы созерцать громадную пучину мира. В южной части хребта, Сулейман-Даг утрачивает свою необыкно-

1 Raverty, „Notes of Afghanistan and some parts of Baluchistan“.
2 Raverty, цитированное сочинение.
3 Walker, „Journal of the Geographical Society“, 1862.
4 3.444 метра по Валькеру и 3.343 по другим.

венную правильность и представляется на юго-западе Сакки-Сарвара не иначе, как под видом плато из гравия или красной глины. Затем горы Сулеймана резко перерезываются на юге, и целостность системы восстановляется на западе, для образования массива Гандари, который походит, с своими разнородными горами, на громадное окаменелое чудовище (стонога)[5]. Эта южная часть Сулейман-Дага была недавно исследована английскими офицерами, и там найдено множество горных долин, постепенно спускающихся с плато к водным пространствам и на полу-возвышенности которых имеются леса, хорошо орошенные поля, населенные деревни. Одна из этих долин, Бораи, спускающаяся на восток к устью Инда и Сетледжа, кажется, сделается, в недалеком будущем, благодаря удобству своих скатов, главной дорогой из Мультана к афганскому плато.

На западе боковые равнины горы Соломона, весь угол плато, заключающийся между большими северными и восточными горами, занят горными кряжами высоты легко достижимой, не превышая их цоколь более шести или восьми сот метров. Кроме главного хребта, эти горы однообразно тянутся по одной линии от северо-востока к юго-западу и постепенно спускаются вниз по мере удаления от их исходной точки. Главный хребт между Гильмендом и Тарнаком называется Гуль-Кох или «Голубая гора», вследствие множества ярких цветов, покрывающих склоны. На севере Газни находится ущелье Чер-Дахан или «Львиная пасть», через которое можно пройти в Лагорскую долину и в Кабул. Там горы достигают 2.750 метров, тогда как над Кандахарской равниной вершины не достигают и 2.000 метров: большинство из них лежат выше обыкновенного уровня не более как на триста или четыреста метров. Но от этого они ни мало не утрачивают своей красоты, благодаря необыкновенной правильности их профиля, резкой форме контуров и поразительному контрасту, представляемому зеленой равниной с её лучезарными скалами. Некоторые массивы резко очерчивают мысы, поднимаясь гораздо выше над окружающими горами: таков на северо-востоке Кандахара пик Канд, почти всегда покрытый снегом; такой же точно пик находится близ Гиризка, называемый Шах-Мансур, известковые зубцы которого превышают три тысячи метров. На востоке Фараха, юго-западный угол всей орологической системы Афганистана образовался чрез Кох-Пандж-Ангушт или «Гору Пяти Пальцев», Пентодактиль («Pento dactyle»), подобно Тайгету Пелопонезскому.

На юге Кандахарской равнины, другие горные хребты, присоединяясь к главной вершине западного Сулейман-Дага, становятся вновь значительно выше и образуют со стороны Белуджистана двойной оплот границы, которую англичане постарались не покидать: выводя свои войска из города Кандахара, они тем не менее оставили свой авангард на господствующих позициях. Хребет Гваджа-Амран, северная стена, черные шиферные бока которой представляют в течение более полугода полнейший контраст с белизной снегов, покрывающих горы,—пересекается знаменитым Коджакским ущельем, вышиной в 2.286 метров: чрез него всегда проходили английские войска; но план будущей железной дороги, проходя по западной стороне хребта, захватывает также и ущелье Гваджа, гораздо менее возвышенное. По ту сторону, горы теряются в стране Шоравак, на западе земель, исследованных в последнее время английскими офицерами[1]. Южные горы, хотя и менее высоки, но проходы в них удобнее. Пик Такату с двойной вершиной, господствующий над дорогой с восточной стороны, превышает 3.650 метров. Между двумя стенами гор простирается плодородный бассейн Паханг, неверно называемый Пишинским,—территория, имеющая весьма важное военное значение, благодаря обильному снабжению провиантом, доставляемым гарнизонам и действующей армии: именно там, на берегу Какар-Лора с солоноватой водой, оффициально начертана граница Белуджистана.

За исключением рек, берущих начало на склонах Гинду-Куша и восточного Сефид-Коха, все те, которые протекают по земле Афганистана теряются в закрытых бассейнах, или же испаряются в песках ранее достижения реки, которая могла бы привести их к морю. Река Ка-

5 Raverty, цитированное сочинение.

1 Biddulph, „Proceedings of the Geographical Society", april 1880.

бул, как известно, собирает почти все воды гористой страны северо-востока; вероятно, она одна катит такую же огромную массу воды, как все потоки, вместе взятые, афганской территории. Кофес, Кофан или Кабул, долина которого служила проходной дорогой для всех покорителей Индии, берет свое начало у подошвы гор Пагхман; затем у самого города, от которого река Кабул и получила свое настоящее название, она соединяется с многоводной рекой Лагором, частью питаемой потоками, текущими с гор Газни. Ниже течет Панджир, образовавшийся из множества вод от снегов Гинду-Куша, изливающихся в равнину Даман-и-Коха. У самого низовья реки, не столь многоводные потоки бегут с той и с другой стороны из Нангнахара к югу, из Лакхмана или Ламгхана к северу для соединения с главной рекой; затем, в нескольких километрах от низовья Джалалабада, могучий Кунар вырывается из узкого ущелья на встречу реке Кабулу, которого он, может быть, удвоивает объем; прибрежные жители считают его главной рекой: это—та же река, которая берет начало в Барогиле под именем Мастуджи и которая затем принимает название Читраля и Камаха. Понятно, что этот стремительный поток переменяет названия, потому что в различных местах его течения путешественники вынуждены, чтобы попасть из одного конца долины в другой, сделать длинный обход по горам; так, чтобы из Читраля войти в деревню Асмар, на севере которой журчит громадный водопад, необходимо взобраться на склоны Лагора, пройти ущелье в 4.200 метров, спуститься в долину Панджкора, затем достигнуть другого горного прохода в 3.000 метров высотой. В этой стране гор, равно как в Кашмире и Гималаях, чрез потоки пробираются по мостам, сплетенным из лиан и ивовых побегов; но чтобы перейти чрез большие реки, каковы Кунар и Сват, приходится прибегать к другим средствам, как при переходе чрез реки Пенджаба[1]. Последняя река, имеющая некоторое значение, впадающая в реки Кабул и Сват, образовавшаяся из рек того же имени Панджкора; ей часто дают название Ланди-Зинд или «Маленького Инда», в отличие от Абу-Зинда или «Большого Инда». В английской провинции Пенджабе сливаются реки Свата и Инда, удаленные от берегов тысячами ирригационных каналов. Хотя Кабул орошает всю равнину Пешавера, он кажется ничуть не меньше Зинда, когда соединяется с этою рекой у верховьев Аттока.

На юге Сефид-Коха, Курам, питаемый тающими снегами более половины года, есть единственная река, количество воды которой не поглощается песком русла, а достигает Инда; все остальные реки, берущие свое начало в склонах гор Сулеймана, окончательно высохли или же исчерпаны земледельцами раньше, чем успевают достигнуть вышеозначенной реки. Так напр. Гомул, бассейн которого, по словам Валькера, занимает не менее 33.000 квадр. километров, и который в период наводнений изливает иногда в равнину водяную плоскость в 16 километров шириной,—эта же самая река не имеет ни одной капли воды во время засухи. В другой части афганской земли, в стране туркмен, реки Кульм, Балкх, Сирипуль, Маймене также исчезают по дороге к Оксусу. Даже Мург-аб, возникший на северных склонах Паропамизада, разветвляется, затем исчезает в оазисе Мерва, окруженный с трех сторон громадными пустынями. Гери-Руд или «река Герата» отличается большим протяжением: беря свое начало между Белой и Черной горами, она течет сначала на юго-запад и запад, затем, ударившись о горы Персии, вновь направляется к северу, чтобы пробраться в равнины Туркестана и исчезнуть в песках под именем Теджена. Она не достигает более этих равнин, где находилось огромное озеро, ныне высохшее[2], почва которого выше уровня Каспийского моря. Туземцы рассказывали Феррье, что ранее конца восемнадцатого столетия течение нижнего Гери-Руда направлялось гораздо правее течения Мург-аба.

Единственный закрытый бассейн, находящийся целиком на территории Афганистана, это—бассейн Газни: он занимает пространство около 17.000 квадр. километров, по составленным вкратце картам на основании данных, доставленных английскими путешественниками. Главная река бассейна Газни берет начало на южной окраине гор, изливающих свои воды в Инд, посредством Шинца, Логара и Кабула, увеличивает многочисленные притоки и,

1 Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan", etc.

2 Lessar;—H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society", jan. 1883.

управляемая плотиной—Банд-и-Султан или «Плотина Султана», которую приказал устроить Махмуд Газневид,—она направляется к югу и к юго-западу, как бы для того, чтобы соединиться с данниками Гильменда. Но, протекая по равнинам, где выпадают дожди, она мало-по-малу ослабевает и исчезает на 2.150 метрах высоты в озере с изменяющимся уровнем, который, сообразно с временами года, возвышается над окружающими болотами, или же удаляется совсем в центральную впадину плоскогорья. Это озеро—Аб-Истада или, как его называют кочевники Гильзаи, «Спящая вода»; глубина его в центре едва достигает 4-х метров. Сосредоточение частиц щелочной соли в бассейне придает необыкновенную горечь воде; так напр. рыбы, заносимые пресными водами, умирают при входе в устье, и берега покрыты сплошь их остатками. По рассказам туземцев, переданным английским исследователям Сулеймана, озеро выливалось в 1878 г. через плотину на холмы, находящиеся на склонах Гильменда. Как и во всех других бассейнах, солоноватость воды в озере приписывается недостаточной быстроте течения.

Бассейн Гамоена, который, вместе с половиной Афганистана, занимает значительное пространство Персии и Белуджистана, воспроизводит в большом объеме явления Аб-Истада. Он занимает поверхность около 500.000 квадр. километров, приблизительно равную Франции, и главная река гидрографической системы, Гильменд имеет более 1.100 километров. Это наиболее многоводная река в Азии между Индом и Тигром; Великие Моголы говорили о ней, что это «был ров, а Кандахар—форт, защищавший их империю со стороны Запада»[1]. Другие реки в несколько сотен километров длины изливаются также в бассейн Гамоена; таковы Руд-и-Забзавар или Харут-руд, Фарах-руд, Каш-руд. Правда, что во время сезона засух, эти реки почти иссякают в равнинах и узнаются только по крутым берегам, обсаженным «гребенщиками» (деревья), «не тронь меня» (растение) и крошечными пальмовыми деревьями. В период дождей они представляют широкия и чрезвычайно быстрые реки: иногда караванам, остановившимся на берегах Фарах-руда иди Харут-руда, приходилось выжидать по целым неделям, пока наконец они решались на попытку перейдти по ним. Путешественники, прибывшие вечером в деревню, которую они предполагали окруженною не иначе, как глинистою землей, пробуждались, к своему изумлению, на острове: дожди, лившие в продолжение ночи на этой ровной поверхности почвы, превращали равнину в озеро без видимых границ, и, чтобы тронуться в дальнейший путь, необходимо было выжидать, пока водяная плоскость испарится; сама почва останавливает течение воды в пустыне, поглощая только весьма незначительное количество влажности[2].

Гильменд (Гельманд), берущий свое начало по крайней мере километрах в 60-ти на запад от Кабула, между Пагхманом и Кох-и-Бабой, прежде всего течет на высоте 3.500 метров; историческая дорога из Бамиана в Пешавер проходит километрах в двадцати от её источников. Мало исследованный в верхнем течении, Гильменд представляет могучую реку у входа в равнину, где он огибает зеленые холмы Заминдавара; здесь его берега приходятся на расстоянии 900 метров друг от друга. Даже во время среднего уровня воды, ширина реки превышает 300 метров; всадникам, переплывающим через нее, вода достигает до стремян; пароходы могли бы ходить по Гильменду в продолжение нескольких месяцев[3]. Едва войдя в равнину, на западе он принимает в себя во время половодья свой главный приток Аргандаб, образовавшийся, в свою очередь, из четырех рек: верхнего Арганд-аба, Тарнака, Аргхезана и Дори, которые сливаются друг с другом близ Кандахара и, благодаря соединению их долин, придают этому городу столь важное торговое значение. Но, имея на всем своем протяжении отводные каналы, эти реки не приносят значительной прибыли Арганд-абу, который останавливается в 25-ти километрах от своего слияния «Плотиной Тамура», которая и распределяет всю его воду по равнине[4]; собственно сам Гильменд изливает излишек своих

1 H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society“, april 1879.
2 Nicolas de Khanikow, „Memoires sur la partie meridionale de l'Asie Centrale“.
3 Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutchsitan et le Turkestan“.
4 H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society“, april 1879.

вод в прибрежные канальцы. Окруженный с двух сторон, на расстоянии от 1 до 2-х километров, поясом деревень Жермзиль или «Теплый край», он пересекается во всех направлениях каналами, содержащими воду для орошения: остатки плотин свидетельствуют о той заботливости, с какою жители края, в былое время весьма населенного, регулировали течение реки, самое название которой на греческом языке, Аримантос, в переводе значит «Запруженная река»[1]. В прежнее время пловучие мосты соединяли оба берега; цитадель Боста, разрушенная Надир-шахом, господствовала над одною из этих переправ[2]. В настоящее время Гильменд обнаруживается сначала на юге, а затем на западе, и на севере появляется его последний изгиб в 450 километров, перемещая речные излучины и подмывая его берега. Сколько известно, подмывается главным образом крутой правый берег, вследствие песков, наносимых южными ветрами, которые осаждаются на левом берегу, тем увеличивая пустыню[3]. Предание говорит, что Гильменд, в древности, имел течение к юго-западу, по направлению к Циррехскому плоскогорью[4].

Низменная часть Сеистана или Систана, изображаемая на большинстве карт в виде озера или топи, представляет, почти на всем своем пространстве, безводную равнину. Она не только не представляет никаких препятствий для сообщения, но даже гораздо доступнее для прохода, чем окружащие ее земли, перерезанные ирригационными каналами, усеянные скалами или покрытые дюнами; кроме того, она доставляет превосходный корм лошадям. Столь легко доступный край может служить лишь чисто-условной границей. Персия завладела наиболее плодородной частью Сеистана, на востоке предполагаемого озера; наиболее посещаемые дороги проходят через низменность, и путешественники узнают ее только благодаря зеленеющей растительности, впрочем, прерываемой во многих местах белыми соляными пластами и сыпучими песками. Только к северу тянется Наизар—море мелкого тростника, совершенно желтого во время засухи; когда пастухи разводят огонь, серые облака дыма представляют едва заметный контраст с тусклым цветом растительности. Этот тростник, пока он еще не сделался твердым, служит пищей для скота, а впоследствии из него делают цыновки, перегородки в хижинах, различные инструменты и плоты, достаточно удобные для перевозки через болота. К югу от Наизара, рубеж древнего озерного бассейна обозначается там и сям глинистыми берегами, в подножие которых ударялись воды; некоторые террасы резко отрезаны по всему их протяжению, как будто наносный грунт был внезапно смыт убылью вод; они покрыты соляными растениями, служащими превосходным кормом для верблюдов и баранов[5]. Холм Кох-и-Гваджа или замок Рустем, который тщетно осаждала армия Надир-шаха[6], высится одиноко среди равнины; но к северу от страны болот, близ горных скатов, стоят несколько скалистых конусов базальтовой формации, подобно «замку» Рустему[7]. К юго-востоку от обширной низменности Сеитана, теперь высохшей, тянется еще другой высохший бассейн Цирех (Год-и-Цирех), покрытый соляною пылью. Все ручьи Белуджистана, которые направляются к этой низменности, иссякают совершенно при выходе из гор. Что сталось с древним озером, можно судить по случаю, бывшему с Мак-Грегором, который бродил в течение двух с половиной суток по берегам этого озера и только после этого нашел отверстие, из которого просачивалось немножко солоноватой воды[8]. В общем равнина высохшего озера Сеистана или Рустема тянется на 400 километров в длину, параллельно нижнему течению Гильменда. Высота её определяется различно, от 370 до 470 метров; она—наименее возвышенная часть всего Афганистана.

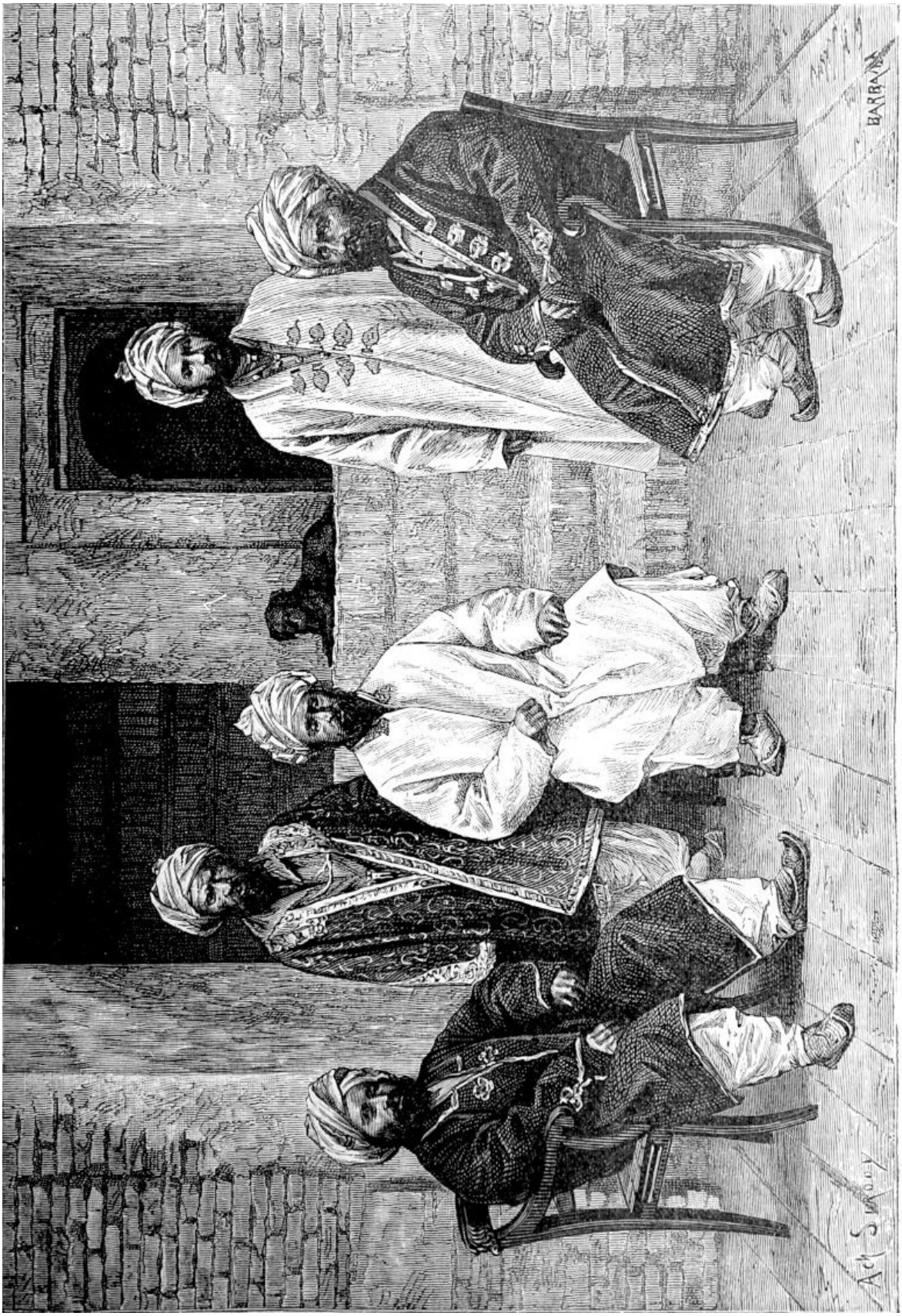
---

1 Burnouf, „Commentaires sur le Jacna“;—H. Rawlinson, „Journal of the Geogr. Society“, 1873.
2 Jacout;—Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse“.
3 Grisebach, „Memoirs of the Geological Survey of India“.
4 Goldsmid, „Eastern Persia“.
5 Nicolas de Khanikov, цитированный мемуар.
6 Beresford Lovett, „Eastern Persia“;—„Journal of the Geographical Society“, 1874.
7 Leech, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, february, 1844.
8 „Wanderings in Balochistan“.

Нынешния озера, известные у персов под названием Гамоена, т.е. «пространства»,—не что иное, как боковые излияния рек, текущих в стране вне покатости Сеистана. Последние путешественники показывают нам на своих картах два из этих озер: одно—западное, образуемое Харут-рудом и Фара-рудом, и Гамоен восточный, в который изливаются Каш-руд и Гильменд. Впрочем, эти обширные водяные площади не перестают переменять место, точно так же, как нижния течения рек, которые в них изливаются. Во время половодья, Гильменд и другие реки приносят в изобилии ил и, осаждая его в наиболее низменных местностях впадины, которая принимает их, распространяют еще дальше вперед свое разлитие. В период засухи, напротив, река утрачивает свою силу настолько, что не может достигнуть розлива озера, не может также излиться назад, в переполненный водой бассейн, и пользуется малейшею брешью в берегах, чтоб прорваться снова боковыми путями в равнину. Ирригационные каналы, прорытые справа и слева главного русла, облегчают перемену течений. Подобный же оросительный канал сделался главным рукавом Гильменда, но также в свою очередь оставлен водами и исчезает под сплошными рядами дюн, тогда как совсем незначительный каналец принимает в себя всю массу течения. Так, судя по рассказам историков и по описаниям путешественников, местная гидрография не переставала изменяться со времен классической древности. Блуждания Гильменда и перемещения Гамоена, которые являются неизбежным последствием этих блужданий, происходят на пространстве более 150-ти километров в длину и по крайней мере на 80-ти километрах в ширину[1]. Главным образом у низовья Банд-и-Кочека, близ деревни, лежащей к востоку от Секоха, столицы персидского Сеистана, Гильменд часто изменял свое течение; всюду по равнине попадались следы его прежних русл. До 1830 г. он имел течение к западу и образовал тогда «гамоен» близ холма Кох-и-Гваджа; вследствие большого наводнения, он оставил это русло, чтоб направиться к северу и разлиться озером в ста километрах к северо-западу от предъидущего бассейна[2]. Половодье и наносы ила постоянно вынуждают, таким образом, земледельцев искусно управлять сетью каналов. В прежнее время главная плотина Гильменда, находившаяся близ Рудбара, на южной выпуклости большого изгиба реки, выбрасывала воды в широкий канал, направлявшийся к западу для орошения всей части равнины, простирающейся на юг. Этот канал уже не существует, и могучие слои плотины, сложенные из громадных кирпичей, почти в квадратный метр, сделались бесполезными[3]. Города и деревни переместились одновременно с каналами; мало стран, где бы встречалось столько руин, при том же представляющих простые груды развалин, между которыми не находится ни одного обломка замечательных памятников. Частое перемещение рек и оросительных каналов объясняет противоречия путешественников, рассказывающих о Гамоене то как о «пресноводном» озере[4], а то как о пространстве солоноватой или сильно соленой воды. На самом деле, подобная водяная площадь, происшедшая от недавнего наводнения, заключает в себе еще чистую речную воду, тогда как другая часть наводненной равнины, с давних пор неимеющая сообщения с проточною водою, постепенно насыщалась солью. Единственная порода рыбы, указанная у Гольдсмита, под названием барвена, водится в реках Сеистана[5]. Водяные птицы: гуси, лебеди и утки покрывают озеро такими густыми стаями, что вода становится невидной; от их множества в воздухе темнеет, когда они летят. Ханыков видел одну из таких стай, образовавшую плотный треугольник, более километра в каждую сторону. Жители Сеистана узнают заранее, как высока будет вода во время половодья, смотря по высоте, на какой эти птицы вьют гнезда над поверхностью вод озера. Часто целые облака мошек наполняют воздух, и особой породы слепни, ужаление которых весьма опасно, с яростью преследуют лошадей, и так назойливо, что верховых коней всадники вынуждены прятать в глубине темных конюшен[6].

1 H. Rawlinson, цитированный мемуар.
2 Arthur Conolly, „Journal of the Asiatic Society", № 130.
3 Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan" etc.
4 Nicolas de Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale".
5 „Journal of the Geographical Society", 1873.
6 Beresford Lovett, „Journal of the Geographical Society", 1874.

Афганистан, взятый в целом, весьма слабо орошается и не может сравниваться обилием дождей с странами Западной Европы. Плато, граничащие на востоке с хребтом Сулейман-Дага, входят, как и Индустан, в область пассатных юго-западных ветров; но воздушные



Типы и костюмы афганцевъ племени гезарехъ.

течения, которые задевают Коканские и Малабарские горы и которые изливают в их долины такое обильное количество дождя, напитываются парами, пройдя на всем протяжении над поверхностью Индийского океана, тогда как белуджистанские и афганистанские пассаты

можно скорее назвать континентальными ветрами. Они образуются в экваториальных странах Африки, к югу от берега Сомали, чтоб направиться затем вдоль приморской страны, к северо-западу океана, и им едва приходится перейти через два морских рукава—залив Аден и залив Оман. Они приносят весьма незначительную дозу влажности, и то только когда морские отливы заставляют их пройти по всему пространству Индийского океана. Ветры эти почти исключительно оставляют свои снега и дожди на высоких горах северного Афганистана, на обоих Сефид-Кох, Кох-и-Баба и Гинду-Куш.

Итак, хотя афганское плато находится неподалеку от моря, но лежит в поясе континентального климата, на пути ветров, направляющихся с Верхнего Нила и из Аравии: многие пустыни афганской территории имеют одинаковый вид с пустынями Ирана, лежащими также в области сухих ветров. Как и во всех странах с континентальным климатом, крайности температуры представляют в Афганистане большие и быстрые колебания. На голых скалах и на глинистом грунте верхних плато бывает попеременно то очень холодно, то очень жарко, и не только во время перехода от зимы к лету, но и от ночи к дню. Так иногда снег выпадает в Кандахаре—«Двери Индии». В Хороссане Герата, близ Кузана, армия Ахмед-Шаха потеряла, говорят, 18.000 человек от стужи в одну ночь. С другой стороны, хотя Газни находится на высоте 2.356 метров, температура возвышается там, как говорят, до 55-ти градусов в тени, и такой жар тем более трудно переносить, что ночью бывает довольно свежо. Так, афганские города Маскат, Аден, Бушир, Дадхар, Сиби, Шикарпур принадлежат к числу таких городов, про которые сложилась поговорка: «Раз ты создал, Аллах, такую огромную печь, то для чего ж тебе нужно было создавать еще ад?» Жар нестерпимый; иногда даже умирают от него, именно когда ветер вздымает пыль и носит ее вихрем по поверхности плато. Афганистан—одна из тех стран, где эти грозные явления были чаще всего наблюдаемы; в Сеистане горячие южные ветры походили на самум, и рассказывают про случаи, когда люди задыхались от горячего дуновения этого ветра.

От слишком сильных изменений температуры происходит усиление испарения, то от действия жара, то от испускания лучей в чистом воздухе. Вода, и без того составляющая редкое явление почти в большей половине Афганистана, убывает таким образом еще быстрее и ее утилизируют с большей экономией. Афганские и персидские земледельцы весьма искусно строят *karez*, *khariz*, *kanat* или подземные водопроводы,—остроумное подражание рекам,—которые текут по галлереям известковых скал и обнаруживаются в вырытых местами колодцах. Во всех плохо орошенных землях Афганистана встречаются деревни и поселки, которых названия напоминают о существовании этих необходимых работ. Эти скрытые реки, предохраняемые таким образом от испарения, содержатся большею частью с большою заботливостью, потому что от них зависит жизнь целых народов. Между ними есть такия, как напр. Газни, которые имеют от 30 до 40 километров в длину и которые принимают в себя под землею многочисленные притоки, имея главные свои источники или бассейны в пятьдесят и даже во сто метров глубиною. Вертикальные колодцы, вырытые в некотором расстоянии друг от друга, дозволяют рабочим спускаться в канал, чтоб его прочищать и укреплять его внутренния стены. Вырытая земля, образовавшая бугорки близ самого входа в канал, показывает издалека по склонам холмов протяжение подземных ручьев[1].

Недостаток воды, а также и холода, сменяющие томительный зной, и значительная средняя высота местности имеют последствием обеднение флоры Афганистана.

Даже в сравнении с суровыми скалами Пенджаба скалы многих областей Сулейман-Дага и плато кажутся еще беднее растительностью: в некоторых округах виднеется только один голый камень; немножко зелени встречается в расщелинах, там, где просачивается сколько-нибудь влажности между грудами скал. Крошечные пальмы, оливковые и фруктовые деревца растут вокруг хижин, а кипарисы, ивы и тополи растут по берегам ручьев. На пространстве, занимающем более половины страны, растительность показывается только в виде зеленого пятна среди местности белесоватой, серой или красноватой от глины или скал.

1 Carl Ritter, „West-Asien";—O'Donovan, „Merv Oasis";—Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

Контраст так велик между голыми скалами гор и оазисами долины, что разбойничьи клады видят в этом промысл Провидения: «у других есть земля, а у нас сила», говорят они[1].

Но если природа была не особенно щедра к Афганистану в отношении растительности и богатства зелени, зато она наделила там плоды и хлебные зерна каким-то особенным вкусом: соки плодов дистиллируются тем лучше, чем больше растительные соки подвержены изменениям температуры. Хлебные растения всех родов дают превосходные продукты, равно как и деревья ореховые, абрикосовые, персиковые, сливовые, миндальные. Гранатовые деревья, не растущие в Кабуле, отлично процветают в южном Афганистане. «Лучшие во всем свете гранаты—произведение Кандахара»[2]. Дикий виноград дает сочные, приятные на вкус грозди, растущие на склонах Когистана, до высоты более 2.000 метров. Орешник встречается также и в диком виде, и плоды его весьма ценятся: ни в одной стране, может быть, это дерево не достигает таких размеров; в верхней долине Курамы попадаются ореховыя деревья, у которых ствол более 5-ти метров в окружности[3].

Наиболее благоприятными для флоры областями Афганистана являются, несомненно, северо-восточные, где воды текут в большем обилии; здесь вся растительность приобретает больше силы и яркости. В долинах Гинду-Куша и Лагори, равно как на склонах Сефид-Коха, но только на высоте более 2.100 или 2.150 метров, козы приходят объедать молодые побеги. Взобравшись на такую высоту, можно подумать, что находишься в центре Гималая, среди лесов Дальгаузи или Симлы. Чинары, растущие на соседних террасах Пайварского прохода, имеют более 10-ти метров в обхвате. Взбираясь на горы, прежде всего встречаешь дубы, затем деодар (*deodar*), тисовые деревья, можжевельник, различные породы сосен и пихт: хвойные деревья растут на Сефид-Кохе на высоте 3.350 метров. Выше виднеются только мелкий можжевельник и низкорослые березы, а дальше растут одни лишь травы и карея (Ост-Индское растение), вплоть до границы нижнего слоя вечных снегов, везде, где почва и воздух имеют достаточно влаги, чтоб поддерживать жизнь растений. По исследовании Сулейман-Дага оказалось, что древесные породы его однородны с древесными породами Гималаев, тогда как травянистые растения принадлежат к растениям западной области[4]. В своей совокупности, флора Афганистана и Гималая имеет много общего с европейской флорой: в лесах их встречаются одни и те же дикия растения, а в садах те-же культивированные породы. Сеистан—единственная афганская провинция, где растет фиговое дерево. Миртовое дерево встречается более к северу, в деревнях Анардереха[5].

Фауна Афганистана также не отличается типами, которые бы только ему были свойственны. В низменных долинах, наиболее близких к Пенджабу, водятся животные равнин: леопарды, гиены и шакалы; страны Гинду-Куша, равно как Каракорума, Гималая и Загималая, наделенные соответствующим климатом, имеют большею частью фауну Тибета: серн и косуль, коз различных пород, медведей черных и бурных, волков и лисиц; кабаны живут в тростниках Гамоена; тушканчик или крыса-кенгуру, подверженная спячке в своей норе с сентября по апрель, встречается во множестве на всех каменистых пространствах; наконец, в южных равнинах, как напр., в соседних пустынях Сеистана и Хороссана, носятся газели, а дикие ослы целыми табунами пробегают через деревни, поднимая за собою столбы пыли. Еще в семнадцатом веке носорог встречался в лесах нижнего Афганистана, у верховья Пешавера: Джеханджир охотился на них с своим отцом Акбаром[6]. Эльфинстон и Раверти рассказывают, что львы также водятся в южных долинах, но никто из натуралистов их не видел. Бланфор сомневается также и относительно тигра[7]. Двугорбые и другие верблюды Се-

1 Walker, „Journal of the Geographical Society", 1862.
2 Ferrier, „Voyages dans la Perse, l'Afghanistan", etc.
3 Aitchison, „Proceedings of the Geographical Society", oct. 1879.
4 Stewart, „Journal of the Geographical Society", 1862.
5 N. de Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l'Asie centrale"
6 Raverty, „Notes on Afghanistan and some parts of Balochistan".
7 „Eastern Persia", vol, II, „Zoology and Geology".

истана прославились своею выносливостью, силой и быстротою в ходьбе. В некоторых гористых местностях, именно у чар-аймаков, где эти животные не могут служить для перевозки товаров, их держат единственно из-за их шерсти, которая служит для выделки ткани на палатки[1]. Овцы Заминдавара и страны аймаков доставляют, может быть, наилучшую шерсть во всей Азии. Афганцы почти не употребляют для езды других лошадей, кроме ломовых—ябу, животное с короткими ногами и неуклюжее с виду, но чрезвычайно выносливое. У некоторых племен, особенно соседних с Гератом, есть прекрасные лошади, но все же не могущие сравниваться с превосходными кровными туркменскими скакунами, недавно ввезенными в Англию через Тегеран[2]. Весьма искусные охотники, афганцы-кочевники имеют также превосходных собак борзых, гончих и лягавых. Подобно туркменам и раджпутам, они занимаются и соколиной охотой, почти совсем заброшенной в европейских государствах. Сеистанцы умеют даже дрессировать для охоты гусей и уток[3].

II.

Афганистан не есть название, которое жители страны сами дали земле, лежащей между Индией и Персией: они называют ее Пуктуен-Ква или «Страна Пектанахов»[4] и говорят на наречии пукто или пушту. В Индустане пактанахи известны под общим названием рогилла или «горцев», а чаще всего под именем патанов, которое, по мнению Ласана и других писателей, произошло от их местного названия; название же «афганцы» происходит, может быть, от санскритского слова асвака (Ass ka), т.е. «всадники»,—название, вполне заслуженное ими вследствие воинственных набегов, которые они совершали по равнинам[5]. Известно, что по местному преданию, которому первые английские путешественники придавали большее значение, чем оно имело на самом деле, и распространению которого они, может быть, даже содействовали,—афганцы считают себя народом еврейского происхождения и признают своим предком царя Саула из племени Вениамина. Но подобные предположения, принятые и другими английскими писателями, каковы Raverty, Bellew, Talboys, Wheeler, не могут иметь серьезного значения в стране, где многие совсем незначительные князьки возводят свою генеалогию до «Двурогого Скандера», где целые племена ведут свое происхождение от баснословного Рустема, Джемшида, древнего героя персидских эпопей, или от Магомета, пророка Аллаха. Известно, что между афганцами, равно как и между таджиками и иранцами, часто встречаются люди с высоким выпуклым лбом, с алчным взглядом, орлиным носом, толстыми губами и густой бородой, похожие на купцов-семитов; и неудивительно, что это встречается в стране, лежащей на большой дороге военных нашествий между Индией и Передней Азией. В Афганистане расы постоянно смешивались, то вследствие переселений, то вследствие завоеваний, или похищений женщин одним племенем у другого. История показывает нам афганцев сперва как кланы горцев, обитающих на западных границах Индустана, но в то же время завладевших всеми землями, простирающимися за пределы их первого отечества: с одной стороны вплоть до бассейна Ганга, с другой стороны до Сеистана. Эти племена слились с народами различного происхождения, которых язык и название они изменили[6]. Дорн и Ласен думают, что им удалось открыть народ пукту в Пактиисах, упоминаемых, по словам Скилакса, Геродотом и обитавших именно к юго-востоку от персов и к западу от бассейна Инда[7]; но собственно название Пактиисов нигде не встречается у историков Александра; многочисленные названия народцев, на которых делится афганская нация,

1 Ferrier, цитированное сочинение.
2 Baker and Gill, „Clouds in the East".
3 Euan Smith, „Eastern Persia".
4 Poukhtoun ou Pouchtoun,—во множественном Pakhtanah, Pachtanah,—смотря по наречию.
5 Vivien de Saint-Martin, „Annee Geographique", 1863.
6 H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society", 1873.
7 Dorn, „History of the Afghans";—Lassen, „Indische Alterthumskunde";—Henry, „Etudes Afghanes".

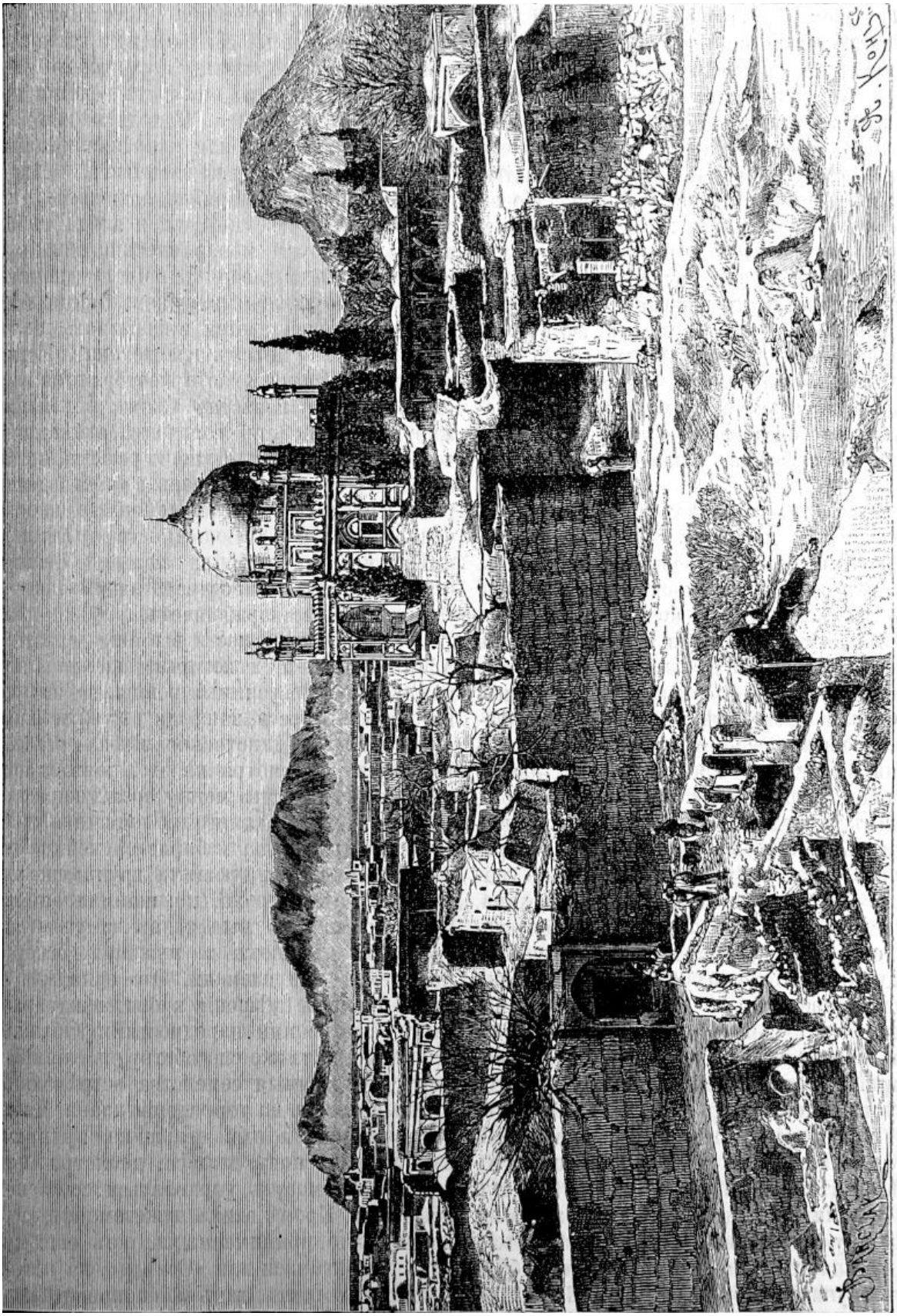
были узнаны в терминологии санскритских поэм[1].

Язык пушту принадлежит к арийской семье, а семитические слова, примешанные к его словарю, перешли к нему не от евреев, а от арабов, со времени совращения жителей Пуктуен-Ква в магометанство. Азбука, которую употребляют афганцы, также арабская, впрочем совершенно неспособная к передаче звуков индо-европейского языка. Филологи еще не определили с точностью место, которое занимает язык пушту между арийскими языками. Произошел ли он от зендского языка, или же в нем следует видеть переходное наречие от наречий персидских к наречиям индийской семьи и наиболее приближающееся к этим последним?[2] Последнее мнение более общепринято; пушту считается языком, отделившимся еще в глубокой древности от общего корня; он, кажется, более близок к персидскому языку, чем к индусскому. Жесткий и гортанный, «как будто холодный ветер, спустившийся с высот Гинду-Куша, он заставляет говорящих на нем людей держать рот полуоткрытым»; язык этот слывет наименее благозвучным на всем Востоке: по одной поговорке, неверно приписываемой Магомету, «это язык ада»[3]. Национальная афганская литература совсем не так бедна, как о ней думали еще недавно: она состоит из героических поэм, любовных песнопений, из которых некоторые были собраны Раверти, нескольких сочинений богословских, юридических, даже грамматических[4]. Науки преподаются на персидском языке, и наиболее любимые писатели, несмотря на различие языков,—иранские поэты. Пактанахи—большие любители пения и музыки: больше всех других предметов они покупают флейты в Индустане[5].

У большинства племен, афганский тип отличается крепким телосложением и сильной мускулатурой; мужчины сильны, стройны, неутомимы в ходьбе и хорошие работники. Голова у афганцев имеет продолговатую форму[6]; они отличаются выдающимися скулами, сильно выступающим носом; нижняя губа у них по большей части очень толстая, брови густые, борода и волосы жесткие, почти всегда черные; тип светло-русый и темно-русый встречается только у горцев Кафиристана иной расы. Западные афганцы, ближайшие к Персии, имеют цвет кожи более светлый, чем афганцы, населяющие восточные области: цвет кожи у них оливковый, тогда как афганцы, соседние с Индостаном, схожие с своими братьями раджпутами, имеют цвет кожи коричневый, переходящий в черный. У всех у них взгляд полный энергии и гордости—признак врожденной храбрости. В сравнении с персами, они кажутся резкими, даже грубыми, небрежными в одежде. В мирное время, когда людям становятся чуждыми дурные страсти, которые в них развивает война: жестокость, мстительность, лукавство и жажда грабежа,—афганец гостеприимен, искренен и великодушен: «тот не афганец, кто не откроет своей двери чужестранцу», говорит пословица. Женщины у афганцев в большом почете, и они ведут хозяйство с уменьем и уверенностью. На Востоке существует такая поговорка: «поезжай обогащаться в Индию, веселиться в Кашмир, а жену бери себе у афганцев»[7]. Воздержанный и скрытный, пылкий в предприятиях, афганец охотно жертвует удовольствием для труда; но он не так дешево расстается с своею независимостью, как перс или индус. Несчастия, которых нельзя избежать, он переносит с покорностью, но в то же время энергично защищается от притеснений, только не при дворе, где господствует своенравие и жестокость деспотической власти[8]. Большинство английских путешественников жалуются на чрезмерное вероломство афганцев; но европейцы, показывавшиеся в стране, приходили туда большею частью повелевать, а потому самое их появление не было ли оскорблением для жителей? Поэтому, нисколько неудивительно, что туземцы, более слабые, чем англичане, почти во всех сражениях прибегали к вероломству против ненавистных вра-

1 Vivien de Saint-Martin, „Etude sur la geographic grecque et latine de l'Inde".
2 Trumpp, „Grammar of the Pacto".
3 Lassen, цитированное сочинение.
4 „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1854, VI.
5 Яворский, „Путешествие русского посольства по Афганистану".
6 Головная мера: 0,77, по семи измерениям. (Duhousset, „Etudes sur les populations de la Perse").
7 A. Conollv, „Journey to the North of India".
8 M. Elphinstone, „An account of the Kingdom of Cabul";—De Gobineau, „Trois ans en Asie".

гов. Когда в афганцах возбуждена чем-либо ненависть, они предаются ей с необычайным ожесточением и упорством. У магометанских индусов существует такая пословица: «Да хранит тебя Бог от мести слона, очковой змеи и афганца!».



Гробница Ахметъ-шаха въ Кандахарѣ.

Различные афганские племена, которые все считают своим предком одного патриарха, составляют множество отдельных республик. Каждое из этих маленьких государств разделяется на кланы и подкланы, заи или кейль, из которых наименьшие состоят из нескольких

семейств. Все эти группы имеют одинаковое устройство: самый меньший клан, самый низший кейль имеет своего главу, избираемого обыкновенно по праву рождения, а все кланы вместе управляются ханом, назначаемым в большинстве случаев эмиром афганским; иногда же хан избирается выборными от племени. Он не пользуется неограниченной властью: собрание начальников кланов, *джирга*, под председательством хана, решает дела во всех важных обстоятельствах; оно одно, руководствуясь обычаями, дает санкцию, которая необходима начальнику клана для приведения в исполнение постановлений джирги. Весьма редко случается, чтобы племя не признало постановления собрания своих старшин: старинный общинный дух господствует еще до сих пор. Сам Ахмед-Шах, покоритель Индии, неограниченный властитель миллионов людей, кишащих в равнине, был в своей стране не более, как первый старшина между другими старшинами, равными ему по праву. Однако, равновесие власти изменяется самым странным образом в группах афганских семей, следуя за тысячью поочередных частных соперничеств, мщений и войн, от которых почти беспрерывно страдает край. Случается даже так, что избирается диктатор, которому предоставляется неограниченная власть во время опасности; но по окончании смут, этот властелин становится по-прежнему частным человеком, равным по власти со всеми прочими выборными племени. Часто также составляются временные союзы между несколькими кейлями, и соединенные между собою *джирга* заключают договор на счет ведения войны или заключения мира. Находясь даже под властью эмира, хана или джирги, афганец любит считать себя независимым. «Мы все равны», часто повторяют афганцы английским путешественникам; и когда те начинают восхвалять монархический образ правления, афганцы говорят: «Мы предпочитаем наши раздоры, предпочитаем наши боевые схватки; пускай льется наша кровь, если это надо, но мы не хотим властелина!» Если местные беспорядки и часто повторяются в Афганистане, то известно также, что племена, живущие вдали от городов, избегают не только чрезмерно гнетущего режима, но также и общих восстаний, которые производят народы Передней Азии, подчиненные неограниченной власти[1]. Большинство племен не имело никогда рабов: афганец считает преступлением «продавать людей»; он их убивает, но не порабощает.

Обычай родовой мести все еще держится в Афганистане, и некоторые племена ведут между собой постоянные войны, не из-за какого-либо интереса, или ради достижения какой-либо цели, а единственно из-за «кровавого возмездия». Несмотря на это, часто происходят посредничества между враждующими сторонами. Нередко джирга вмешивается в борьбу семей, и иногда избирается кейль судьей между двумя враждующими группами; в таком случае, сторона, признанная виновною, присуждается к выдаче в замужество нескольких девушек за мужчин оскорбленной семьи или племени. Это одна из главных причин смешения крови между различными афганскими народностями. Обычай гостеприимства также способствует слиянию племен: чужеземные семейства встречают радушный прием на территории клана, им раздаются земли, и их старшина принимается в число членов джирги; несмотря на это, пришельцы могут управляться согласно их обычаям. Кроме этих чужеземцев, особенно радушно принимаемых, есть еще другие, как напр. гамзои или «Соседи», на которых туземцы смотрят, как на «покровительствуемых» племенем и которые, по обыкновению, не вступают во владение землями, которые они обработывают; однако, все же редко бывает, чтоб после одного или двух поколений они не слились с племенем, оказавшим им гостеприимство. В то время, как элементы различного происхождения группируются таким образом в одну семью, многие племена, в свою очередь, разделяются на враждебные партии, вследствие какого-нибудь частного насилия или же политических распрей. Заи или «сын»—слово, прибавляемое к большинству названий племен и кланов,—не указывает с точностью настоящего происхождения: часто это не более, как только отличительный признак, не имеющий надлежащего значения. Так, с самого начала событий, предшествовавших последнему британскому вторжению, кабулистанцы разделились на Каваньяри-заи, благоприятствовавших союзу с англичанами, представителем которых был резидент Каваньяри, и на Якуб-заи,

1 Mountstuart Elphinstone, цитированное сочинение.

врагов всего чужеземного и в то же время ненавидевших эмира Якуба[1]. Часто общие интересы соединяют все племена одной территории против других племен, какой бы они ни были расы: так напр. гильзаи и таджики, известные под общим названием логари, или «людей Логари», ведут борьбу с другими гильзаями и таджиками, обитающими вдоль Лахмана[2].

Противоречивые сведения, доставляемые путешественниками, происходят от разнообразия и перемены названий племен, и препятствуют строгой классификации кейлей по степени их настоящего родства. Оффициальные таблицы, публикуемые командируемыми английскими и русскими офицерами генерального штаба, имеют между собою весьма отдаленное сходство. Тем не менее, попытка общей классификации возможна. По отзывам всех ученых, господствующее племя между четырьмя стами кейлями афганцев есть племя дурани, к которому принадлежит ныне царствующая династия в стране: оно составляет почти одну пятую всего населения Афганистана, к югу от Гинду-Куша. В начале прошлого столетия, люди этого племени назывались авдали (абдали); но после того как Ахмед-Шах, покоритель Индии, принял титул Дура и Дурана или «Жемчужины из Жемчужин», нация, от которой он произошел, переменила свое имя на имя своего повелителя. Территория Дурани занимает большую часть южного Афганистана, всю среднюю долину Гильменда, между землей гильзаев и Сеистаном, равнину Кандахара, Заминдавара и гористые массивы окрестностей Фараха. У этого афганского племени скотоводы весьма многочисленны, но не составляют большинства даже у ализаев Заминдавара. Все эти скотоводы—кочевники и имеют по меньшей мере по два кочевья: кишлак или зимняя стоянка, которая находится в равнине, и айлак или летняя стоянка, расположенная в горах. Пастухи-кочевники говорят всегда с восторгом про тот день, когда они покинут низменную страну и, в сопровождении своих игривых стад, пойдут устраивать свои палатки среди цветущих пастбищ возвышенных долин или плато. Гордящиеся своим родством с царствующей династией, дурани,—между ними особенно клан Ахмед-Шаха, поползаи, и клан нынешних повелителей, а также большинство высших сановников, баракзаи,—из всех афганцев наименее отстаивали свои республиканские убеждения.

Северо-восток Кандахара, долины и плато, граничащие на востоке с хребтом Сулейман-Дага, принадлежат большею частью гильзаям или гильджи, называемым также маттаи и подразделяющимся на пятьдесят кланов. Сами они считают себя племенем турецкого происхождения и пришли с запада в десятом веке[3]: это—кильджи или каладжи у арабских писателей. Они рано совратились в ислам, не оставляя в то же время и некоторых обычаев своей прежней религии. Предание говорит, что они были христианами, составлявшими одно целое с христианами Грузии или Армении, в доказательство чего приводят факт, не имеющий, впрочем, большого значения, что их одежды были расшиты крестами и что их женщины складывают на груди руки крестом перед тем, как принимаются месить хлеб[4]. Хотя они и держатся отдельно от афганцев, но говорят на одном с ними языке, с виду очень походят на афганцев и держатся одних и тех же обычаев. И действительно, их следует считать настоящими пактанахами, сделавшимися таковыми чрез смешение, в какой бы, впрочем, оно степени ни отразилось первоначально на победителях-чужеземцах; вообще кильджи отличаются благородной осанкой и необыкновенно правильными чертами лица. Гильзаи были когда-то самым могущественным племенем в стране: они-то и покорили Персию в начале прошлого столетия, и именно истощением страны, причиненным этими войнами, следует несомненно объяснить переворот, поставивший их на второе место в ряду прочих племен; но тем не менее они сохранили гордость своей расы. Республиканский режим удержался у них гораздо лучше, нежели у дурани: каждый клан, почти каждая семья управляется вполне независимо и редко вмешивается в управление других общин: мир среди племен нарушается толь-

1 Bellew, „The Races of Afghanistan".
2 Holdich, „Proceedings of the Geographical Society", febr 1881.
3 Bellew, „Afghanistan and the Afghans";—Masson, etc.
4 Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan", etc.

ко в эпоху общего восстания, в то время, когда вербуются войска для эмира. Весьма гостеприимные, гильзаи содержат в каждой общине специальное должностное лицо, называемое «экзен», которому поручено принимать иностранцев и удовлетворять всем их нуждам. Самая многочисленная группа гильзаев—это Сулейман-кейль, которая разделяется на многочисленные кланы, блуждающие по пастбищам Соломоновых гор, а на зиму они спускаются на склоны, обращенные в сторону Индустана. Пастухи-гильзаи южных округов вынуждены ежегодно следовать за своими стадами в соседния равнины Кандахара и находятся, таким образом, во время выгона скота в горы, в вассальном отношении к племени дурани, заселяющему равнину. Что касается до гильзаев Кабула, смешавшихся с людьми различных рас, которых торговля, войны и придворные козни привлекали в столицу,—они, по большей части, утратили свой первобытный характер. Афганцы, перерезавшие англичан в 1842 году, были в большинстве гильзаи.

Афганские племена, поселившиеся к северо-востоку, в бассейне реки Кабула и на ближайших высотах, называются иногда общим именем бердурани, придуманным Ахмед-Шахом, но неизвестным даже между самими кланами. Наибольшую группу составляют юзуфзаи или «Сыновья Иосифа», которые живут частью в равнине Пешавера, но в большем числе они населяют северные и северо-западные афганские долины. По словам Эльфинстона, «Сыновья Иосифа» численностью[1] простираются до 700.000; при этом он отводил им слишком большое пространство территории, от Гинду-Куша до Соляных гор Банну, и множество племен, известных под другими названиями, он причислил к этой же группе. По словам Раверти, это племя состоит из ста тысяч «вооруженных людей». Юзуфзаи, подобно гильзаям, разделяются на множество кланов, но разбойничьи набеги, которые они часто делали в богатые равнины Индии, их обычай военных передвижений по найму государей, их постоянные сношения с разноплеменными купцами, проходившими вблизи их кочевьев,—все это способствовало к развращению их нравов. Внутренния смуты у юзуфзаев весьма часты. Так, они сами повествуют о себе, что один святой, оставив им свое благословение, сказал: «Вы будете всегда свободны, но между вами никогда не будет единства!». Подобно древним иудеям, которых большинство английских миссионеров считают предками «Сыновей Иосифа»—впрочем, без исторических доказательств,—юзуфзаи и другие соседния племена, каковы магомет-заи и сваты по прошествии известного периода времени—десяти, двадцати и тридцати лет,—приступают к новому разделу земель, при чем бросают жребий соломинками между кланами и семьями, и землевладелец переходит на временно присужденный ему участок[2]. Тот, кто начинает протестовать против судьбы или кто заведет спор из-за межи полей, изгоняется из своего племени и лишается одновременно земли, жены, детей и всех гражданских прав. Подобный режим собственности, напоминающий древнее общинное владение, не мешает, однако, полям юзуфзаев быть прекрасно возделанными и приносить хороший доход[3]; но допущение невольничества во многих округах имело последствием сильный упадок земледелия и промышленности. Различные кланы, захваченные в плен, равно и военнопленные, приведенные когда-то из Индустана, были разделены между племенами юзуфзаев и сватов, которым они помогают в возделывании почвы и других работах. Эти рабы, известные под названием *факиров*, получают иногда дозволение, подобно русским крестьянам во время крепостного права, заниматься в деревнях торговлею или каким-либо ремеслом, но с обязательством платить оброк своему хозяину, сверх податей, налагаемых джиргой.

Сваты, получившие свое название от реки, в долине которой они живут в многочисленных и населенных деревнях, походят во многом на юзуфзаев, но отличаются от них некоторыми обычаями. Так, наприм., мертвых хоронят в залежах, которые должны быть в скором времени пущены под пар. Когда земледелец начинает бороздить плугом землю, он обращается к мертвецам со словами: «Вставайте! Поднимайтесь! Плуг приближается!» Но надо, чтоб

1 „Nouvelle Geographie universelle", vol. VIII.

2 Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1862, № III.

3 Mountstuart, Elphinstone, цитированное сочинение.

сошник раздавил трупы и выбросил бы куски мяса на поверхность земли: «Вот хорошо, говорит он, мертвые уходят в благословенную Мекку»[1]. К югу от сватов живут момунды, вдоль берегов Кабула, неподалеку от кланов афридиев, заселяющих восточные долины Сефид-

Бывшій Афганскій эмиръ Ширъ-Али и главари дуранійцевъ.

Коха и получающих субсидию от англичан за содержание и охранение горных дорог между Пешавером и Когатом. На западе—Чинвари, менее воинственные, чем афридии, служат по-

1 Raverty, цитированное сочинение.

средниками торговли и конвоирами товаров по дороге в Кабул. К западу и к юго-западу страны афридиев, область, лежащая между параллельными горными хребтами системы Сулеймановых гор, принадлежит независимым племенам, или же меняющим своих властителей—эмира Афганистана или английскую королеву, смотря по превратностям войн и переселений. Так, бангахи (багахи), обитавшие в средней долине Курамы или Курмаха, спустились к Когату и находятся теперь почти все под властью англичан: они поставляют многочисленных наемщиков для индийских войск[1]. Турии, заместившие бангахов на их прежней территории, домогаются также покровительства Индийской империи, так как они шииты и должны опасаться насилий и притеснений со стороны их соседей суннитов[2]. Но большинство племен сбрасывают с себя всякое политическое иго, как только иностранные солдаты покинут их горы. Одна из этих наций свободных людей—джаджи, двенадцать кланов которой живут в возвышенных долинах Курамы и его притоков. Заклятые враги туриев, они храбро устояли перед англичанами во время их последнего нашествия. Все их несчастие в том, что они разрознены родовым мщением, которое происходит у них просто вследствие перемены имени. Почти всегда борьба возгорается между тестем и зятем: по существующему у них обычаю следует, чтоб жених был принят в дом родителями молодой девушки и прожил бы в их семье четыре или пять лет, предшествующих браку; но в конце с него требуют такой огромный выкуп, что он предпочитает похитить свою жену. Тогда необходимо кровопролитие: или отец убьет похитителя, или же он сам будет убит им. Соседи джаджи все—турецкого происхождения и образуют вместе буйное «братство»[3]. Мангалы, кости или карларни, шита долины Тотши—также не более их ценят человеческую жизнь.

Многочисленные кейли вазирисы кочуют на уступах Сулейман-Дага, к югу от Банну. Они также пользуются вполне политической независимостью, но их можно считать окончательно вошедшими в сферу английского влияния, благодаря эмиграции, которая ежегодно направляет большое количество их молодежи в равнины Инда. Однако, есть еще вазирисы почти дикари, которых, так сказать, открыли англичане в последнюю войну: таковы мазуды, отличающиеся силой и мужеством и живущие в долине Какту, на притоке Тотши. Они вооружены короткой шпагой и щитом, весьма ловко действуют пращею и с подобным оружием нападают на англичан; с помощью своих усовершенствованных винтовок, в 1874 г. они овладели небольшим городом Танк на равнине Дераджата[4].

Вазирисы чрезвычайно воинственное племя, но тем не менее дозволяет проходить чрез свою страну караванам повиндахов или «наездников», принадлежащих в большинстве к многочисленному племени логаниев, занимающемуся почти исключительно торговлей; между ними есть также много гильзаев, каротов и назаров. Не слишком доверяя великодушию вазирисов, повиндахи, чтоб быть уверенными в безопасности пути, группируются целыми сотнями, даже тысячами, чтоб быть наготове в случае надобности проложить себе дорогу оружием, в том случае, когда налог, уплачиваемый ими старшинам племени, покажется недостаточным. Летом эти купцы-воины кочуют на плато, в округе Газни, затем осенью они спускаются к Инду с своими семействами и стадами чрез Гомульский проход или Гвалари, или же чрез другие горные ущелья и возвращаются на место своих кочевий не ранее апреля[5]: говорят, что встречались караваны, численностью от восьми до десяти тысяч человек. Между торговцами логаниев есть такие, которые путешествуют регулярно из Бокхары до самого центра Индии, то пробиваясь среди снежных буранов, то передвигаясь по знойной пустыне, беспрестанно рискуя быть ограбленными разбойниками или разоренными пошлинами, и заставляя уплачивать себе, по прибытии на место десятерную или сторичную цену

1 Rowney, „The wild Tribes of India“.
2 Gerald Martin, „Proceedings of the Geographical Society”, oct. 1879.
3 Raverty, „Notes on Afghanistan and some parts of Balochistan”.
4 Joung, „Proceedings of the Geographical Society”, sept. 1882.
5 Mir Abdoul Kerim Baukhary, „Histoire de l'Asie centrale, publiee par Ch. Schefer”;—Andrew, „Our Scientific Frontier”.

против прежней стоимости товаров, за все перенесенные ими опасности и вытерпенные муки. Переходя за Инд, они оставляют своих жен, детей и стариков в кочевьях Дераджата, среди стад, складывают свое оружие, ненужное во время путешествий по Индустану, и берутся за него снова, когда им приходится возвращаться к своим плато; ремни от ружей и пики, водруженные на вершинах холмов, стоящих по сторонам дороги, свидетельствуют о смерти купцов-путешественников во время пути. Обороты меновой торговли, в которой служат посредниками повиндахи, по разным дорогам Афганистана, между Хайберским и Боланским проходами, достигают более 37 миллионов франков[1]. Около двенадцати тысяч купцов, с обозами верблюдов, проходят ежегодно чрез Гомульский проход. С открытием публичных работ в Индии, многочисленные небольшие отряды повиндахов начали работать на верфях.

К югу, ближе к земле белуджей, различные племена принадлежат также к афганской расе, хотя они частенько входили в состав политических государств, чуждых Кабульскому ханству; теперь они частью подпали под владычество Англии, которая удержала свою «научную границу» между Кандахаром и Квэтой. Таким образом, пичины и тарии или таримы, обитающие на юге гор Коджа-Амрам, сделались вассалами Индийской империи, и главный источник доходов они получают от торговли, которую ведут с английскими гарнизонами. Большая часть населения этих долин состоит из сеидов (сейады), называющих себя арабами и даже потомками пророков, хотя они на самом деле чистокровные афганцы. Они весьма охотно занимаются торговлей, а в особенности конским промыслом, и в качестве лошадиных барышников рыщут по всем провинциям полуострова по ту сторону Ганга: обычаи индусов весьма распространены в их стране. Какары занимают, главным образом в долине Бораи, территорию, обозначенную на новейших картах присоединенною к Индустану; но тем не менее, они остались независимыми, благодаря природе страны, в которой они живут, между параллельными хребтами Сулейман-Дага: даже самое название страны Ягестан значит «Свободная земля»[2]. Соседния племена описывают их разбойниками; но, за исключением некоторых спорных округов, какары—мирные скотоводы, отличающиеся от большинства других афганских племен своими миролюбивыми нравами. Когда война угрожает их стране, они переселяются на другие пастбища и сообщаются со своими соседями только чрез посредство редко заезжающих купцов индусов и логаниев, которые посещают их страну и которым они оказывают самое радушное гостеприимство. Племя назаров еще более кочевники, чем кланы какаров; их можно сравнивать с банджариями Индустана и с европейскими цыганами. Племя это не имеет ни определенного местопребывания, ни правильных кочевий зимних и летних: оно блуждает по плоскостям и в низменных долинах, сообразно с переменами времен года, с изменениями союзов, превратностями войн и причудами своего неугомонного характера. Назары избирают себе вождя или главу каравана на все время путешествия; но как только раскинутся палатки, всякий член племени становится по-прежнему свободным[3].

Хотя афганцы составляют наибольший контингент жителей страны, которая носит их имя, но большинство путешественников почти не видит их, потому что, за исключением солдат и нескольких торговцев, афганцы совсем не живут в городах: собственники земель, они по преимуществу живут во владениях, которые они наследовали от победителей-предков. Горожане, которых иностранцы встречают в Кабуле, в Кандахаре, в Газни, в Герате, и даже сельчане окрестностей этих столичных городов, большею частью—таджики, и по ним неоднократно составлялись суждения об афганской расе, с которой у них нет ничего общего ни в языке, ни в нравах. Таджики Афганистана, группы которых рассеяны по всему краю, за исключением луговых округов, походят на тех, которые живут по ту сторону Гинду-Куша, в Туркестане: поселившись с давних времен в стране, они сохранили некоторые старинные

1 „Ocean Highways", febr. 1874.
2 Temple, „Proceedings of the Geographical Society", 1879.
3 Mountstuart Elphinstone, цитированное сочинение.

обороты слов, которые не существуют в языке западных иранцев[1]. Как на одном, так и на другом склоне гор, таджики, т.е. «Коронованные», «Люди с тиарой»[2], происходят от древних политических властителей страны, смешавшихся впоследствии с разными народами, населявшими страну: афганцами и персами, арабами, узбеками и турками. В Кабуле, так же, как и в Бухаре, их часто называют парзиванами или Парзи-Зебан, что значит «те, которые говорят по-персидски»; называют их также и сартами, но это название употребляется в дурном смысле. Таджики Афганистана учредили тридцать два цеховых ремесленных общества, которые содержат лавки, отправляют товары, одним словом служат представителями промышленности и торговой деятельности нации. Таджики-горожане составляют также и ученое сословие, удержавшее афганцев от варварства, в которое, казалось, их могли вовлечь столько кровопролитных войн. Известное число таджиков обрабатывает землю, особенно в западном Афганистане; но собственники редко встречаются между ними: большинство этих земледельцев находится в порабощении у хозяев-афганцев. Что касается до когистанцев, населяющих Даман-и-Кох и долины, платящие дань Панджиру, то их можно считать отдельным сословием особых таджиков; они походят на них сметливостью и любовью к труду, но не обладают их миролюбивыми нравами и кротостью; их не так легко подчинить своей власти, как таджиков-горожан.

После таджиков, главные представители класса буржуазии в Афганистане—хиндки и кизильбаши. Хиндки или индусы почти все поголовно купцы или закладчики, в руках которых пропадают как произведения труда афганцев, так равно и награбленное ими имущество. Кизильбаши или «Красные Головы» происхождения туркменского, равно как и их имя. Пришли они из Персии во времена Надир-Шаха и держались в стороне от других языческих племен в стране. Большинство их, особенно в Кабуле, пристраиваются ко двору и занимают высшие должности, в качестве секретарей, интендантов и чиновников всех родов. Привыкшие к повиновению, они рабски относятся к своим начальникам и в свою очередь сами не прочь повелевать толпой, теснящейся у дворцов. Они усвоили пороки, являющиеся следствием подобного образа жизни: их обвиняют в наглости, роскоши, жестокости, коварстве. «Красные Головы», живущие в Герате и в окрестностях, занимаются, как и таджики, торговлей и промышленностью, и нисколько не заслуживают подобных упреков: нравы и характер их таковы, какие дала им их среда.

К северу и к востоку от таджиков Когистана, к западу от сватов, момундов и юзуфзаев, к юго-западу от дардов Гильгита и верхнего Инда, гористая страна населена туземцами, которых называют кафирами или «Неверными», потому что большинство из них отказываются до сих пор перейти в магометанство шиитского или суннитского толка. Чаще их называют зиагпуши или «Одетые в черное», потому что в прежнее время они одевались в шкуры черных коз[3]; но один из кланов кафиров, весьма немногочисленный, носит белое руно, откуда и происходит название сефидпуш[4]. Впрочем, привычка носить одежду из белой бумажной и разноцветной ткани входит все более и более в общее употребление у кафиров, и если их называют «Одетые в черное», то это не больше, как заблуждение. Единственный клан кафиров, у которых женщины сохранили старинный национальный головной убор, это—бухгали: они носят на голове убор с двумя рогами, из которых каждый имеет более фута в длину. «Неверные», населяющие долины Гинду-Куша, съумели сохранить свою независимость, благодаря трудности доступа в их край, окруженный с запада и с юга историческими проходами из Бактрианы в Индустан: неровность дороги в ущельях, узкость долин, и в особенности непроходимая спутанная растительность в чащах, окаймляющих берега рек,—все это вместе взятое защищало кафиров от чужеземного вторжения лучше, чем их природное мужество.

Как велико число их? Их насчитывают до полумиллиона, но в это число входят также все

1 N. de Khanikov, „Notes a la traduction de l'Iran, par Carl Ritter".
2 N. de Khanikov, „Memoire sur l'Ethnographie de la Perse".
3 W. Bellew, „Kashmir and Kashgar".
4 Biddulph, „Tribes of the Hindoo-Koosh".

народности, живущие на пространстве между Гинду-Кушем, рекой Кабулом и индусской границею: собственно кафиров не может быть более 150.000. Впрочем, еще ни одному из новейших путешественников не удавалось проникнуть во внутрь их страны. В 1840 г., во время посещения Бадакшана, Уайд видел несколько человек из племени зиагпушей и был ими приглашен посетить их родину, где, по их словам, он нашел бы «столько вина и меду, сколько бы ему захотелось». Но английский ученый не мог воспользоваться этим приглашением. Однажды человек сорок из них, идя потихоньку и играя на волынке, пришли в английский лагерь, чтоб повидать своих «братьев», которые оттолкнули их с презрением. В 1878 г. два специальных посольства, посланные племенами зиагпушей, обратились к англичанину Биддульфу, пребывавшему в то время в Читрале, и убедительно просили его отправиться с ними в их горы; но возложенная на Биддульфа миссия не дозволила ему удовлетворить просьбу посланных кафиров. Горцев этих знают только по тем из них, которые встречались вне их страны, как торговцев или пастухов, а чаще всего как невольников на рынках Кабула. Один зиагпуш был даже привезен Лейтнером в Европу. Одна экспедиция была отправлена на север Джелалабада, в страну кафиров: во время войны 1879 г. английский офицер Теннер, в сопровождении нескольких человек, проник в Дара-Нур и посетил деревни Чугани-Аре и Шулут[1], взобравшись по ущельям Рамканда (гора Рама?), откуда долина, по которой протекает река Кабул, кажется пропастью, с её городами и деревнями, представляющимися маленькими сероватыми пространствами, окруженными зеленью.

Юль и Раулинсон предполагают, что кафиры—не кто иные, как арийские индусы, прогнанные с давних времен в «Страну гор»; они их называют Wamastan[2]. По мнению Трумппа, видевшего нескольких зиагпушей, люди этой расы нисколько не отличаются от северных индусов. Но в этом предположении с ним не соглашается ни один из ученых, исследовавших эти племена, по мнению которых тип кафира, по всей Азии, есть один из наиболее близко напоминающих типов черты европейцев. Между ними нередко встречаются люди с белокурыми волосами и голубыми глазами, как у англичан или северных германцев, но у большинства из них волосы темные или светло-русые, а глаза серые; цвет кожи не темнее, чем у половины западных народов[3]. Сначала в зиагпушах предполагали потомков македонян, оставленных в горах Александром[4]; но ранее, чем вступить в сношения с европейцами, они не знали имени Искандера и, отыскивая знаменитого предка, выдавали себя за арабов, «потомков Магомета»[5]. В настоящее время, когда многие из них видели англичан, они называют себя «братьями» покорителей Индии, а те, в свою очередь, часто думают, что горцы Кафиристана были почти что их соотечественники. Неоднократно писатели предлагали англо-британскому правительству взять себе в союзники зиагпушей Гинду-Куша, навербовать армию из их племен, построить крепости в их стране и настроить таким образом афганские народы, чтобы их окончательно убедить в господстве Англии над Кабулом. С другой стороны, русские патриоты думают про себя, и совершенно справедливо, что «Одетые в черное» могут быть так же братьями славян, как и англо-британцев, и присоединяют их заранее к «Святой Руси»[6]: они видят в них будущий авангард русских по дороге в Индию.

Будучи совершенно чуждыми замыслов, которым предаются по их поводу в лагерях двух могущественных держав, оспаривающих друг у друга Азию, зиагпуши составляют одну из языческих групп, наименее политически-однородную: они разделяются на восемнадцать кланов, состоящих во вражде между собою, за исключением времени уборки хлеба, которое бывает периодом вооруженного мира, а во все остальное время война беспрерывно свиреп-

1 „Proceedings of the Geographical Society", march 1881.
2 „Journal of the Asiatic Society of London", 1862.
3 Masson, „Various Journeys in Balochistan, Afghanistan", etc.
4 Wood, цитированное сочинение.
5 G. T. Vigne, „Visit, to Ghazni, Kabul and Afghanistan" .
6 Terentiev;—Biddulph, цитированное сочинение.

ствует между деревнями[1]. Кроме того, кафиры часто вступают в борьбу с соседними мусульманами. Те, в свою очередь, стараются забрать больше пленников, так как невольник-кафир считается вообще более стоющим, чем два невольника другой расы; воины-кафиры, напротив, никогда не упускают случая убивать пленных. У них не существует славы большей, чем убийство, и чтоб завоевать себе славу *багидура* или *сурум-нали*, необходимо отрубить собственноручно не менее четырех вражеских голов. Обычай не требует ни от какого героя множества великих подвигов, но прославляет тех, кто «для собственного удовольствия» не ограничиваются четырьмя жертвами. Эти храбрецы водружают вблизи своих домов огромные шесты, на верхушке которых находится аляповатое человеческое изображение, в котором они делают столько дыр, сколько ими убито людей: пустое отверстие означает жизнь женщины, а отверстие, в которое воткнут пук шерсти, напоминает о смерти мужчины[2]. Женщина, у которой муж или отец убивал мусульман, украшает свою голову особым головным убором, называемым *cavuris*, или надевают красную ленту на шею. Несчастливцы, которым не удалось отрубить ни одной вражьей головы, должны есть отдельно, вдали от стола героев[3]. Чрезвычайно редко бывает, чтоб ссоры возникали между двумя субъектами одного и того же клана; и когда происходит между ними борьба, то оба противника должны снять с себя одежды и затем, по окончании битвы, бросить оружие и помириться в присутствии всех жителей деревни.

Одна из главных причин частых войн между племенами—это неизбежный обычай у зиагпушей добывать себе жену вне своего племени, бросая окровавленные стрелы в дом, где живет та, которая ему нравится[4]; зиагпуш смотрит на всех молодых девушек деревни, как на своих сестер. В то время как «Неверные» отправляются. в далекия страны похищать жен, магометане проникают в страну кафиров, чтоб там купить или взять силой невольниц, предназначаемых для гаремов сильных мира: женщины зиагпушей—это *черкешенки* Афганистана. Клан, подвластный хану Читраля, обязан посылать ему каждогодно дань медом, маслом, тканями, драгоценными сосудами и скотом; ко всему этому добавляется целый транспорт молодых девушек и детей обоего пола. Вообще, женщины не в почете у «братьев англичан». На них лежат все труды по домашнему хозяйству, равно и возделывание земли: во многих местностях они пашут землю наравне с волами, при чем ярмо приноровлено к их плечам[5]. У большинства племен полигамия допускается, а у некоторых она запрещена. В немногих странах нравы разнятся более, чем между кланами, сообразно множеству изменений, вошедших в обычай вследствие войн, рабства, религиозных влияний и смешений. У зиагпушей, виденных Биддульфом, брачные узы весьма не крепки, тогда как у других племен примеры супружеской неверности никогда не встречаются. Там достаточно только, чтоб молодая девушка была заподозрена в незаконной связи, как восстанет вся деревня: под страхом смерти виновные должны себя выдать, жилище их предается пламени, и сами они навсегда изгоняются. Дорога, по которой они пускаются в бегство, считается оскверненной, и престарелые люди в деревне предлагают принести очистительные жертвы на берегу первой реки, через которую переправились беглецы[6]. У племен, проживающих внутри страны, собственность уважается наравне с честью семьи. Вещь, потерянная кафиром, будет лежать несколько лет на том месте, где она упала, и никто ни за что ее не поднимет. Убийца чрезвычайно добросовестно отсылает родным все вещи, оставшиеся после его жертвы. Почтари могут безбоязненно проезжать по их стране, лишь бы они прикрепляли свои письма к концу шеста, украшенного цветами[7].

---

1 Tanner, „Notes on the Dara Nur, Northern Afghanistan, and its Inhabitants".
2 Trumpp, „Deutsche Morgenlandische Gesellschaft", 1866.
3 Ravorty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1859, № IV.
4 Theobald, „Journal og the Asiatic Society", 1859.
5 Biddulph, цитированное сочинение.
6 Trumpp, цитированный мемуар.
7 Masson, цитированное сочинение.

Наречия различных племен или *гали* слишком разнятся одно от другого, чтобы кафиры отдаленных округов могли взаимно понимать друг друга; тем не менее лингвисты признали, что общий корень наречий Кафиристана—чисто арийский и приближается к санскритскому. Равно и религиозные культы «Неверных» одни и те же, что у племен индусских. Некоторые имена богов, как напр. Индра, а у иных племен Имбра,—напоминают богов славы у браманов, и их жертвоприношения похожи на торжественные всесожжения, происходившие некогда на берегах Семиречья. Другие сказания свидетельствуют о влиянии, которое оказывала в прежнее время религия Сивы. Подобно индусам, кафиры имеют беспредельную любовь к Верховному Существу, но их поклонения обращены специально к многочисленным божествам, сделанным из камней, дерева, или же представленным в образе животных и аляповатых изображений, в роде знаменитого Вишну из Джагганата: этих богов молят о ниспослании на землю дождя или вёдра, об избавлении от болезней, голода или войны. Некоторые обычаи кажутся заимствованными у гебров: огонь тщательно охраняется, и никакое нечистое дуновение не должно до него касаться[1]. Змей, о котором упоминается во всей мифологии, есть одно из существ, наиболее чтимых кафирами: они никогда не убивают этого стража подземных сокровищ, из страха навлечь великое бедствие на страну. Если бы какой-нибудь иностранец отважился проникнуть в какое-либо из их святилищ, он был бы низвергнут с вершины утеса.

Зиагпуши признают братьев по происхождению в большинстве мусульманских племен соседних долин. Они знают, что в прежнее время земля их была обширнее и что они были постепенно вытеснены из равнин в страну снегов, лишившись не только своих богатств, но утративши также и цивилизацию, «потому что, по их словам, предки их умели читать и писать, как ученые индусов». Не только сходство в наружности и в языке свидетельствуют об общем происхождении между зиагпушами и многими пограничными племенами, совращенными в ислам, но и множество обычаев «Неверных» также сохранились в мусульманской стране. Так, обычай употреблять для сиденья скамьи едва-ли менее известен у мусульман, живущих в горах, чем у их братьев зиагпушей; они редко садятся «по-турецки», поджавши ноги, и не садятся на корточки «по-персидски»; как те, так и другие—большие охотники до вина; наконец, зиагпуши-язычники и зиагпуши-мусульмане, на каком бы наречии они ни говорили, ведут счет по двадцати, и их единица третьего разряда, соответствуя нашей сотне, есть двадцать раз двадцать[2]. Женщины мусульманских племен кафирского происхождения имеют привычку ходить с открытым лицом, как женщины у «Неверных», и принимают участие во всех работах вне дома. Некоторые народцы могут считаться как бы переходным племенем между «Одетыми в черное» и горцами-мусульманами, каковы сафы, т.е. «Чистые». Одно из племен на половину афганское, это—чуганы, живущие возле сафов в Дара-Нуре или в «Долине Ноя», а на нижнем Кунаре, к северо-востоку от Джелалабада, их часто называют нимшахами или «Половина Одного и половина Другаго». Через браки, они делаются одновременно афганцами и зиагпушами, и стараются поддерживать дружеские отношения со всеми своими соседями. Они и читралы служат посредниками вывоза отличного скота из страны кафиров: быков, охотничьих собак и овец. Благодаря этому сбыту, большинство селений «Неверных» пользуются благосостоянием и строят себе дома в несколько этажей; вообще постройки их обширны и удобны, украшены красивой деревянной резьбой. Племена эти живут группами в деревнях, окруженных высокими и крепкими заборами.

Если Афганистан населен чистокровными арийцами, каковы «Одетые в черное», то также между его народами есть множество племен, принадлежащих к монгольской ветви. Гезарехи (гезарахи) или «Тысячи», называемые так, вероятно, по причине их дробления на множество маленьких государств,—живут в долинах Кох-и-Баба и Зиа-Кох, в верхних бассейнах Гильменда и Гери-Руда. Занимая почти всю гористую страну, отделяющую Кабул от Герата, они вынуждают войска и караваны делать большой обход к югу чрез Кандахар и Фа-

1 Raveryt;—Theobald, цитированные мемуары.

2 Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan", etc.

рах, тогда как расстояние от Кабула до Герата по прямой линии никак не более 600 километров; дорога, получившая историческую известность, по которой проходили во все времена войска, равно и торговые караваны—на половину длиннее. Гезарехи составляют одну из

Нищій белуджистанецъ.

групп племен, которой всего труднее отвести настоящее место между народами. Они, бесспорно, монгольского происхождения, что подтверждается также именем могель, которое им дано гильзаями: их калмыцкая физиономия, маленькие и узкие глаза, выдающиеся скулы, плоское лицо редкие и щетинистые волосы на бороде свидетельствуют о их происхожде-

нии, так как их собственные предания, точно также и единогласные рассказы восточных писателей, присоединяют их по происхождению к народам «татарским». По словам Абуль-Фазиля, историографа Акбарского, гезарехи пришли в тринадцатом столетии, посланные Мангу-Ханом на юг Гинду-Куша; но как это случилось, что эти монгольские завоеватели, не вступавшие в сношения с персами и будучи со всех сторон окружены афганцами и туркменами,—забыли совершенно, за исключением одного только племени, свой родной язык и говорят чистым иранским наречием, с небольшой примесью нескольких слов турецких, заимствованных у их соседей-туркестанцев?[1] Раулинсон предполагает, что предания эти относятся к менее значительному нашествию, о котором не упоминает Абуль-Фазиль; по его мнению, гезарехи поселились в стране в глубокой древности и находились в сношениях с персами в эпоху самого сильного цивилизаторского влияния Ирана[2]. Многочисленные развалины городов, которые описывают туземцы, свидетельствуют о состоянии образованности несравненно высшей, чем та, которая существует в стране в наше время.

Между гезарехами нет кейлей-кочевников, разве только на севере западного Сефид-Коха[3]. Южные гезарехи живут оседлыми в деревнях, состоящих из низеньких домиков, покрытых соломой и на половину углубленных в землю; башни с бойницами возвышаются на холме над деревней и могут служить убежищем для жителей на случай внезапного нападения. Избирая постоянные места для жительства, гезарехи, тем не менее, сохранили многие обычаи своих предков-монголов: они особенно любят скачки и, как наездники, они не менее искусны, чем калкхи, обитающие в степях Гоби. Хотя гезарехи и обладают поэтическим даром настолько сильным, что их любовные признания передаются в стихотворных импровизациях[4], но все же они несравненно ниже по цивилизации афганцев, и, по обыкновению, их соседи из Герата и Кабула подсмеиваются над ними по причине их чрезмерной наивности; плутоватые таджики проделывают над ними всевозможные штуки. Но не всегда таджики насмехаются над дикарями Зиа-Коха: они их также и побаиваются, как колдунов, и приписывают им магическую силу сжигать одним взглядом печень во внутренности их врагов; без сомнения, у гезарехов сохранились обычаи, аналогичные с обычаями шаманов. Весьма гостеприимные, гезарехи сохранили также во многих племенах обычай уступать свою жену гостю, на все время его пребывания[5]. Впрочем, женщины пользуются у них большой свободой: на них лежит обязанность вести хозяйство и заниматься полевыми работами; когда возгорается война, они принимают участие в совете, ездят верхом и сражаются наравне с мужчинами. В семейных делах ничто не делается без их участия и совета; никогда не бывало случая или примера, чтобы мужчина из их племени поднял руку на женщину.

Правление у племен гезарехов монархическое. Самое богатое племя между ними то, которое присвоивает себе титул Сер-Кане или «Главы Дома», и оно в понятии всех прочих кланов составляет как-бы высшее сословие. Каждый народец повинуется беку или султану, который их судит, налагает штрафы, приговаривает к тюремному заключению и даже к смертной казни. Часто эти незначительные владетели воюют между собой; часто также они заключают между собой временный союз, или для ограбления могущественного соседа, или же для сопротивления в уплате податей посланным эмира Кабульского; политическая карта страны беспрерывно меняется, следуя превратностям военнаго счастия, выгодам и своенравию властителей. Но по соседству с афганскими племенами большинство кланов гезарехов оставили политический быт чужестранного происхождения и разделились на небольшие республиканские группы, подобно гильзаям. На всем пространстве страны гезарехов, смешения во многих местах значительно изменили расу, и поэтому встречается множество монголов с афганской физиономией, равно как и черты лица гильзаев походят на калмыков.

1 Mountstuart Elphinstone, „An account of the Kingdom of Caubul";—Leech, H. Jule, „The Book of ser Marco Polo".

2 „Journal of the Geographical Society", 1873.

3 Ferrier;—Гродеков.

4 Minaiev, „Notice sur les contrees du haut Amou Daria, Exploration", 1831-

5 Mountstuart Elphinstone, цитированное сочинение;—Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan", etc.

Чрез посредство народцев смешанной расы, производится торговля афганцев с гезарехами, заключающаяся, впрочем, только во взаимном обмене произведений почвы и не имеющая почти никакого экономического значения. В наше время, гезарехи во множестве эмигрируют в Индустан, где они работают в качестве гребцов на шлюпках, чистильщиков колодцев и землекопов; тысячи из них находятся в рабстве у афганских хозяев.

Отличие религиозного культа, по всей вероятности, и есть причина, заставляющая считать аймаков отдельной нацией, разнящейся от гезарехов. Гезарехи-шииты, как персы; аймаки, т.е. «Племена» по преимуществу—ярые сунниты, подобно афганцам. Но кланы аймаков, по крайней мере восточные, нисколько не отличаются происхождением от гезарехов: подобно последним, они также происходят от монголов, и даже множество кейлей,—именно народец, обитающий в горах Герата и среди которого все мужчины, по наследству от отца к сыну, занимаются ремеслом угольщиков,—говорят на монгольском наречии. Аймаки, у которых главное племя носит еще до сих пор монгольское название кипчаков, живут на гористых пастбищах Гура, к югу от страны гезарехов, и в высоких долинах амфитеатра гор, который окружает бассейн Герата и южные покатости Паропомиза на туркменском склоне. Кроме них, таймуры, одно из «Четырех Племен» или Чахар-Аймак[1], поселились на западе от Герата, в самом центре персидской территории. Большинство аймаков живут еще «ордами», т.е. в палатках; их урду, правильно расположенные близ укрепления, в котором живет глава племени, состоят из войлочных юрт серого цвета или обтянутых черными кожами; деревни в их стране населены только таджиками. Столь же воинственные, как и гезарехи, и управляемые, подобно последним, старшинами, пользующимися неограниченной властью, люди «Четырех Племен» наводят ужас своим зверством. Эльфинстон рассказывает, что ему случалось видеть, как они по окончании битвы, пили кровь своих жертв и увлажняли этой кровью свои бороды. Феррье утверждает, что у некоторых племен девушки не имеют права выйдти замуж до тех пор, пока они не участвовали в битвах наравне с мужчинами, во время их воинственных набегов.

Среди хаоса племен, из которых одни добровольно перемещаются, а других вынуждают к тому силой, и которые в течение веков смешивались с различными расами,—трудно определить настоящее происхождение многих народцев, которым, к тому же, каждый сосед дает различное название. Подобные племена, по словам одних—монгольского происхождения, а по мнению других—арийского. Так, джемшиды, из которых пять тысяч семейств живут в высокой долине Мург-Аба, в шатрах, сплетенных из тростника[2], причисляются к аймакам, тогда как они чистейшие персы. Если им верить, то нет ни одного племени столь чистой иранской крови, как джемшиды, потому что они ведут свой род от баснословного Джемшида, героя персидских эпопей. Их язык и правильный тип, встречаемый в лицах большинства из них, не допускают сомнения в их арийском происхождении; но постоянные войны, беспрерывные переселения, жизнь в кочевьях придали им нравы и характер их соседей-туркмен: подобно им, и джемшиды занимаются грабежом и, когда представится случай, делают нападения на караваны. Кажется, что неудачные походы значительно поубавили число их с начала нынешнего столетия[3]. Фируз-куги окрестностей Герата—также персидские аймаки, изгнанные Тамерланом; прежним отечеством этих изгнанников был иранский округ Фируз-Куг, лежащий у подошвы передних южных гор Демавенда.

Кроме главных рас, разделяющих между собою территорию Афганистана, сколько еще эмигрантов из чужих земель были привлечены в эту страну вследствие войн, или по торговым делам, или по призыву правителей! Тут встречаются евреи и еще большее число армян, которые оспаривают туземных заемщиков у индусских банкиров; абиссинцы, калмыки, арабы, лезгины, курды, покупаемые в качестве рабов, или пришедшие как искатели приключений,—встречаются между телохранителями эмира и в гарнизонах. Туркмены, белуджи, бра-

1 Carl Ritter, „Asien", vol. VII.

2 Nic. de Khanikov, „Ethnographie de la Perse".

3 A. Vambery, „Voyages d'un faux derviche".

гуи кочуют на границах и делают частые набеги внутрь страны. Все народы Западной Азии имеют своих представителей в этой стране, куда европейцы так редко проникали, исключая тех трех кампаний, когда англичане прокладывали себе путь пушками.

Народы Афганистана, к югу от Гинду-Куша, в приблизительных цифрах:

Афганцы:	Дураны	700.000	2.100.000
	Гильзаи	400.000	
	Юзуфзаи, сваты и другие северо-восточные племена	600.000	
	Вазирисы и другие восточные племена	200.000	
	Какары и другие юго-восточные племена	200.000	
Иранцы:	Таджики и парзиваны	500.000	800.000
	Когистаны	200.000	
	Свистаны	50.000	
	Джемшиды и фируз-куги (Чахар-Аймак)	50.000	
Кафиры или зиагпуши			150.000
Чуугани, читралы, дарды, и проч			300.000
Монголы:	Гезарехи	300.000	600.000
	Таймуры и кипчаки (Чахар-Аймак)	300.000	
Турки и туркмены			100.000
Хиндки, кизиль-баши, курды и другие иноземцы			150.000

III.

Весьма не густо населенный, пропорционально его пространству, Афганистан не может иметь большого числа городов; даже в некоторых округах группы поселений состоят только из множества шатров, перемещаемых, смотря по времени года, следом за переходом стад. По словам Эльфинстона, половина западных афганцев жили в шатрах—еще в начале нынешнего столетия.

В странах северо-восточных, между долиной Кабула и хребтом Гинду-Куша, горцы различных рас—кафиры, дарды или афганцы—живут все в деревнях или городах, для постройки которых они обыкновенно выбирают какой-нибудь бассейн, изобилующий наносной почвой, или покатость какого-нибудь холма, защищенного от холодных ветров и обращенного к югу, к стране жаров и дождей. Равно как и альпийские города, города Гинду-Куша состоят большею частью из множества поселков, которых самый вид обнаруживает уже издалека еще невидимые свойства местной топографии. Единственные памятники, которые придают величественный вид этим бедным маленьким столицам горцев и делают их хотя немножко похожими на богатые города равнины, это—их грозные замки с зубчатыми башнями и священные храмы, господствующие среди множества руин. В долине Свата до сих пор еще существует подобная постройка, прекрасно сохранившаяся, в виде овального купола, в 27 метров вышиной, окруженного десятью этажами кругообразных нишей. Святилище это называется Шанкар-Дар и напоминает о поклонении Шанкару, представляющему одно из санскритских названий Сивы[1]. Укрепленные деревни долины Свата, Таррнаха и Чагиля заключают каждая по тысяче семейств в ограде своих стен. Другое святилище служило местопребыванием Алкхунда, достопочтенного старца, хотя и не пользовавшагося политической властью, но которого общественная молва в южной Индии изображала всемогущим пророком, угрожавшим британскому владычеству, и который мог восстановить против него, когда ему вздумается, десятки тысяч мятежников-вагабитов[2]. В высокой долине Панджкора или реки «Пяти кланов», которая соединяется со Сватом у начала его входа в Пенджаб, разные местечки, принадлежащие дардскому племени бушкарам, гораздо больше населены, нежели Чагиль: в Тале и Калькоте живут по полуторы тысячи семейств в каждом. Миankалаи, лежащий на той же реке Панджкоре, но в нижней части бассейна, представляет столицу маленького афганского ханства Джундула. Больше Миankалаи город Дир, центральная часть которого защищена крепостью и есть начало тропинки, поднимающейся к ущелью Лагори,

1 Biddulph, „The tribes of the Hindoo-Koosh“.

2 „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1862, N. III.

затем вновь спускающейся в долину Читраля или Казкара, к Кашгару Гинду-Куша.

Города, имеющие относительное значение, следуют один за другим в Читрале, вдоль реки Кунара, течение которого схоже с течением реки Сены, но он катит большее количество воды. Мастудж, на высоте 2.300 метров, расстилается среди прелестных пастбищ, на перекрестке двух дорог, идущих из Язина, чрез плато Шандур, и от верхнего Оксуса, чрез Борогильский порог. Читраль или Читлаль, разбросанные деревни которого идут вдоль реки, по обеим сторонам долины, есть главный город самого могущественного государства в стране гор. *Митер* или *бадшах*, имеющий свое пребывание в форте на правом берегу реки, повелевает 200.000 дардов и кафиров, разделенных на множество племен, на различные сословия, из которых одни свободны от уплаты податей, а другие находятся в порабощении и обязаны поставлять рабов из своих кровных. Сам бадшах состоит данником Кашмирского магараджи, которому он посылает ежегодно в подарок собак, лошадей и соколов[1]. В нижней части речного бассейна следуют одна за другой другие столицы: Асмар, Чигар-Сераи и Кунар, давший название нижнему течению реки, по которой сплавляется лес. Два последние города управляются афганскими начальниками; некоторые золотопромышленники находят здесь золотые самородки, приносимые водою и смешиваемые с песками Кунара.

Деревни страны кафиров, занимающей пространство к западу от Читраля, совсем неизвестны, и в высоких долинах Панджира и Горбанда находятся местечки, не имеющие никакого значения. Настоящие города встречаются только на полях Даман-и-Коха, в древней глубокой впадине, где соединяются воды, изливаемые снежным хребтом более, чем в 200 километров длиной. Там именно и возник в былое время, по словам большинства историков, город Александрия, построенный Македонским для надзора за горными дорогами, сходящимися в равнине. Новый город Чарикар. лежащий около 20-и километров к западу от соединения Горбанда и Панджира, у подошвы Пагхмана, и есть, по всей вероятности, прямой наследник древней Александрии. Соседняя равнина носит название Баграмской. Название это, говорят, произошло от Виграма или «города столицы», который был долгое время главным городом Даман-и-Коха; город этот, называемый также, по преданию, Шер-Юнан или «Греческий город», существовал еще во времена нашествия монголов, и один из ученых исследователей, Массон, нашел в развалинах его около шестидесяти тысяч бактрианских монет, колец, амулетов и других предметов; почти все они были медные[2]. К югу от Чарикара, другой город Даман-и-Коха возвышает свои башни и мечети на покатостях холма, вершина которого увенчана зеленью. Этот живописный город, Изталиф,—самый лучший во всем Афганистане, по мягкости климата, по свежести вод в реках, речках и ручьях, по роскоши чинаров и богатству фруктовых садов. В 1842 году англичане, вынужденные покинуть край, и предвидя, быть может, будущие свои злоключения, оставили здесь воспоминание о своем пребывании, предав племени прелестный город.

Кабул, нынешняя столица Афганистана,—весьма древний город, «самый древний из всех», говорят туземцы. По словам местной легенды, которая указывает на развращенность туземцев, там именно упал дьявол, когда он был низвергнут с неба[3]. Жители еще до сих пор с гордостью показывают «Гробницу Каина», относя, таким образом, к началу мира историю преступлений, совершившихся в их крае, столь часто обагряемом кровью. Известно, что город этот существовал во времена походов Александра. Историки упоминают о нем, сперва под названием Ортоспана или «Белого Лагеря»[4], а у Птолемея он уже встречается под названием Кабура. Остатки построек, в которых узнается греческий или греко-бактрианский тип, каковы Зур-Минар или «Красный Минарет» и «Александровская колонна», высятся на юго-востоке, по дороге в Индию. В конце пятнадцатого века, Бабер, не находивший во всем мире

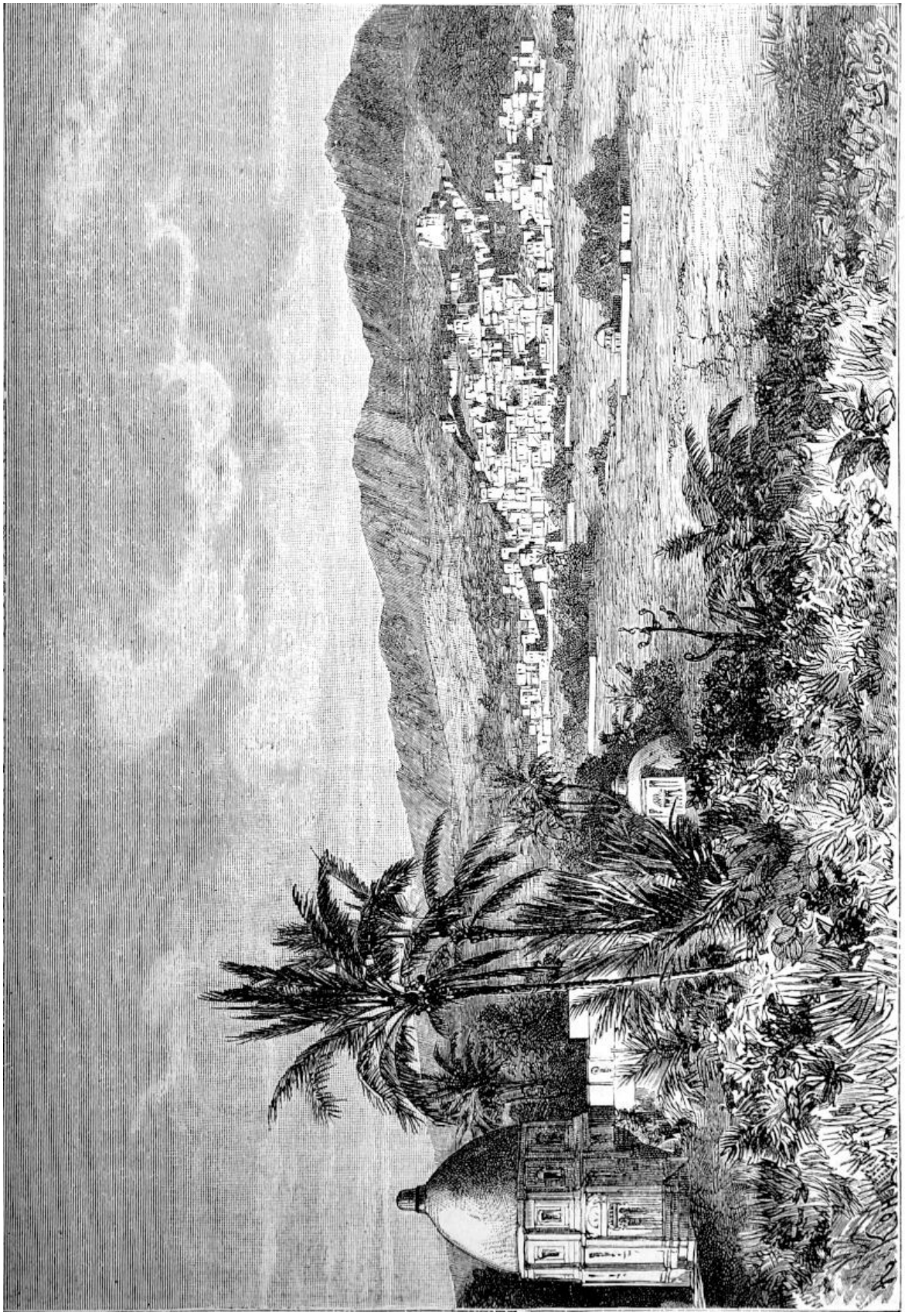
1 Biddulph, цитированное сочинение

2 Charles Masson, „Various Travels“, etc., A. Cunningham, „Ancient Geography of India“; Cl.—Markham;—„Proceedings of the Geographical Society“, feb. 1879.

3 „Blackwood's Magazine“, july 1875.

4 H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society“, 1843.

места, подобного «раю Кабула», сделал его столицей своей громадной империи, и теперь еще видна на юго-восток от города, между садами, ограда из белого мрамора, изрезанная арабесками и покрытая надписями, которая была сооружена вокруг могилы этого императора. Ти-



Келатъ.

мур, сын Ахмед-Шаха, также избрал своей резиденцией Кабул, и более века этот город сохранял за собой титул столицы ханства. Даже и не имея того оффициального значения, которое ему придает пребывание в нем эмира, Кабул, или подобный ему другой соседний го-

род, не мог бы не привлечь большего стечения торговых людей, потому что он лежит на историческом пути из Индии в Бактриану, в самом центре плодоносных равнин, где могут расположиться на отдых караваны после томительного пути, пролегающего на протяжении около 300 километров чрез пятиричную гряду гор, часто загроможденных снегами. Другие дороги Гинду-Куша, которые сходятся у Даман-и-Коха, соединяются в Кабуле с дорогой, сделавшейся главною, и усиливают таким образом значение города, как резиденции и центра меновой торговли. Благодаря высоте, не много превышающей 1.900 метров над уровнем реки, Кабул имеет умеренный климат, как и все европейские города, лежащие на десять градусов более к северу. Сады его, в которых можно отдохнуть в тени во время лета и где снег бывает в течение только двух месяцев, служат прекрасным местом привала для людей, намеревающихся взобраться на ледяные вершины Гинду-Куша, или желающих спуститься в знойные равнины Пенджаба. Фрукты Кабула славятся на всем Востоке: Бабер хвалится в своих мемуарах тем, что он обогатил тремя породами вишен фруктовые сады Кабула.

Город, построенный внизу ущелья, прикрытого старинными укреплениями, занимает в длину около 3-х километров, на крутом южном берегу реки, которой он дал свое имя и которая соединяется, километрах в пятнадцати ниже, с более многоводной рекой Логар. К западу, с другой стороны ущелья, открывается огромная треугольная долина с хорошо возделанными полями, обсаженными тенистыми тополями и ивами, но возвышающиеся вокруг их горы совершенно голые, лишенные растительности. К востоку, на мысу холмов, расположен военный квартал Бала-Гиссар или «Высокая Крепость», недавно окруженная чрезвычайно крепкой оградой, которую англичане разрушили по частям в 1880 г. Квартал Бала-Гиссар образует род лестницы укреплений, высшую ступень которой составляет цитадель; внизу находится дворец эмира, за стенами которого также зеленеют сады. Самый город изборожден во всех направлениях стенами, которые делят его на множество частей, на подобие восковых ячеек в сотах улья. Но геометрическою правильностью афганский город совсем не походит на пчелиный улей; промежуточные стены разрушены во многих местах, и бреши их соединяются с извилистыми, как змейки, переулками в непроходимый лабиринт. Землетрясение 1874 года, разрушившее тысячи домов, увеличило еще более путаницу, загромоздив проходы. В Кабуле представляет отчасти правильный порядок только его «базар» или торговые улицы, каковы длинная улица Шу и Чахар-Чаук или «Четыре места»; там живут и работают большинство ремесленников—седельников, плотников, кузнецов. Множество жителей переселились из города в предместья, которые тянутся к северо-западу и к северу по обеим сторонам реки. Чтобы господствовать над городом посредством пушек, англичане устроились на северо-востоке, на холме Шерпура или Бегмару, на массиве конгломерата вышиной в 240 метров, который был выбран уже Шир-Али, как место для крепости. Этот холм имеет то преимущество пред Бала-Гиссаром, что он изолирован и возвышается среди равнин и не доминируется окружающими высотами; но луга Вазирабада, часто наводняемые, заражают кругом атмосферу зловредными испарениями. Шир-Али приписывали намерение перенести столицу на другое место и вновь построить ее у подошвы холма Шерпура. Город, кажется, был прежде построен на берегах Логара. Развалины древнего города, называемые Баграм или Баграми, т.е. «Столица», так же, как и развалины Кавказской Александрии, находятся в 12-и километрах к востоку от Бала-Гиссара.

По дороге из Кабула в Пешавер находится промежуточный город Джалалабад, обязательное место остановки для всех путешественников. Горы Сефид-Коха, которые виднеются на юге, подымаясь до самого верхнего своего гребня, и на северной стороне горные выступы страны кафиров, напоминают путешественнику что он еще находится в Афганистане; но он уже ощущает климат Индии. Джалалабад, лежащий на высоте только 556 метров, внизу ущелий, которыми река Кабул проходит чрез Зиа-Кох, занимает центр бассейна Нангнахара, защищенного от ветров со всех сторон. Зной часто нестерпим в этом преддверии Ирана, особенно у подошв скал, на которые падают солнечные лучи; но плодородная почва полей во многих местах находится под тенью густолиственных деревьев. Благодаря плодородию окружающих земель, равно как и своему местоположению на историческом пути, Джалала-

бад стал необходимым городом. Он получит со временем важное значение, когда река Кунар, которой устье находится в его владении, не будет протекать, как теперь, по странам почти пустынным, заселенным дикарями и торговцами невольников. Зимой население Джалалабада более, чем удвоивается, даже удесятеряется, по словам некоторых путешественников, вследствие прилива пастухов, спускающихся с окрестных пастбищ. Ниже по берегам реки Кабула попадаются только деревни и местечки. Более значительное из них Лальпура, при входе с афганской стороны в Хайберский проход, который охраняется с другого конца английским фортом Джамруд.

К югу от «Белой Горы», на восточном склоне Сулейман-Дага большинство населенных пунктов, каков Курам, главный город долины того же имени, представляют из себя не более, как группы земляных хижин, обнесенных стеной из того же материала. В долине Тотчи старинный город, ныне находящийся в упадке, носит еще название Шера или Шара, что значит «Город» по преимуществу; оттуда вывозят лошадей, замечательных по выносливости и силе[1]. Канигурам, в стране вазирисов, город кузнецов, занимает гребень и покатости узкой скалы, окруженной холмами; дома нагромождены на подмостках из пихтового дерева: между домами проложена улица, по которой едва могут пробраться всадники[2]. Макен, к северу от Канигурама, также только многолюдное село.

К западу от Сулейман-Дага, чтоб отыскать город, заслуживающий это название, надо перейти раздельный горный хребет и снова спуститься к покатости Гильменда. Газни, главный город, построенный на военной дороге из Кабула в Кандахар, был в одиннадцатом веке столицею империи, которая простиралась от равнин Дели до песчаных берегов Черного моря. Но тем не менее город этот, получивший историческую известность во времена Магомета «Газневида», завоевателя Индии, повидимому, не пользуется выгодами, подобающими столичному городу. Расположенный на высоте 2.356 метров, в стране, чрезвычайно жаркой летом, чрезмерно холодной зимой и подверженной страшным ветрам,—Газни, кроме всего этого, не изобилует также водою и плодородными полями, даже не отличается и красотою горизонта. «Я всегда задавал себе вопрос», говорит султан Бабер, «как могли князья, царствовавшие в Индустане и Хороссане, устроить свою резиденцию в такой отвратительной стране!» Правда, что вскоре после того, как резиденция была перенесена оттуда, Газни лишился всего своего населения; но все же город этот сохранил свое значение, как стратегический пункт между Кабулом и Кандахаром. Город построен у подошвы длинного гребня гипсовых скал, местами покрытого черноземом, и на самом высоком выступе которого находится цитадель с неровными стенами, прикрытыми с боков бастионами и увенчанными башнями. Этот замок-форт известен, как и Кабульский, под названием Бала-Гиссара. Хотя Газни не был никогда большим городом, но развалины его простираются к северу от нынешнего города на значительное пространство[3]. Там, несомненно, возвышалась «Небесная Невеста» Махмуда, мечеть из мрамора и гранита, которую он соорудил в память своих побед. Два минарета, весьма изящные, украшенные куфическими надписями и держащиеся на высоких цоколях звездообразной формы, принадлежали, по всей вероятности, этой мечети. Газни называют «второй Мединой», по причине множества гробниц знаменитых людей, находившихся в этом городе. Гробница Газневида видна еще и по сие время в древнем городе, но уже нет дверей из сандального дерева, которые Махмуд увез в Сомнат, на полуострове Каттиавара; взятые в 1842 году англичанами, они были перенесены в Дели в виде трофея. Но подлежит сомнению, чтоб именно там были эти античные двери.

Газни населен гезарехами и гильзаями; Келат-и-Гильзаи или «Замок Гильзаев», другой стратегический пункт военной дороги из Кабула в Кандахар, имеет жителями только людей того племени, по имени которого он называется. Этот город, лежащий на высоте 1.762 метров, не есть город в настоящем значении слова: это крепость, неправильно построенная, за-

1 Raverty, „Notes on Afganistan, and some parts of Balochistan“.
2 Walker, „Journal of the Geographical Society“, vol. XXXII, 1862.
3 Vigne, „Visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan“.

ключающая в себе казармы и магазины, возвышающаяся на уединенном холме, впереди каменистого плато, отделяя долину Арганд-Аба от долины Тарнака. У подошвы этого укрепленного холма ютятся деревни хлебопашцев и группируются несколько построек, которые могли бы служить зачатком для города, дворца, базара или складочного места. Поля, хорошо возделанные, тянутся вдоль обоих берегов Тарнака, равно как и ирригационные каналы, которые проведены от него. Множество развалин, рассеянных по равнине, и груды камней на высотах, остатки сигнальных башен, небольшие крепостцы или могилы напоминают о важном значении, какое имел во все времена город Келат-и-Гильзаи, как место обороны и снабжения провиантом. Во время последней войны, когда генерал Робертс покинул Кабул со всею своею армией, чтоб направиться к Кандахару, «Замок Гильзаев» служил опорным пунктом его военных операций.

Канд или Кандахар, в котором этимологи видят древнюю «Александрию», тогда как другие производят его имя от древней Гайдары индусов,—много раз переменял место, как большинство городов Азии. Город Аракозиа, по-санскритски Хараквати, возвышался к юго-востоку, там, где находится, среди прибрежных пустынь Арганд-Аба, разрушенный военный пост Олан-Робат или Шар-и-Тогак[1]. Этому городу наследовал «Древний Кандахар», который не исчез бесследно: в пяти километрах от новой городской ограды, у подошвы утесистых горных скатов, заканчиваясь острым углом, виднеются еще до сих пор крепкия стены, обломки зданий и бастионов того Бала-Гиссара, который был когда-то одним из наиболее укрепленных городов в Афганистане и который сопротивлялся в продолжение одиннадцати месяцев войскам Надир-Шаха. Многие места древнего Кандахара были пущены под пашни, и небольшие ирригационные каналы извиваются в старинных улицах. Другой Кандахар, Кандахар Надира, основанный победителем в половине восемнадцатого века, существовал несколько лет; стены его, прекрасно сохранившиеся, высятся около 5-и километров к югу от нынешнего Кандахара, построенного Ахмед-Шахом, основателем нынешней династии. Он избрал этот город столицей своего ханства, и наиболее грандиозное из всех зданий, находящихся в черте города,—храм с эмальированным куполом, простирающимся над его гробницей, и в котором гнездятся тысячи синих голубей. Никто лучше победителя не мог сообразить и понять чрезвычайной важности Кандахара в стратегическом отношении, как «ключа Индии». Находясь на проезжей дороге из Кабула в Герат, по которой следуют караваны и войска, господствуя над выходом из долин Арганд-Аба и Тарнака, равно как и над горными проходами, отделяющими Индию от равнин Гильменда,—он имеет еще и то огромное преимущество, что расположен в плодородной стране, где войска могут без труда запастись провиантом. Со стороны юга и юго-запада он неприступен потому, что обширные пустыни препятствуют в этом направлении приближению неприятельских сил.

Четыреугольник Кандахара, самые длинные стороны которого вполне совпадают с направлением меридиана, лежит на высоте 1.066 метров, в равнине, спускающейся отлогостью к юго-востоку, к реке Тарнаку. Ирригационные каналы, снабжающие город водою и превращающие окрестные деревни в громадный сад, проведены из Арганд-Аба и огибают на западе крайний выступ горного хребта Гул-Кола, перерезанный глубокой брешью прохода Баба-Вали: там, в 1880 г., произошла битва, после которой англичане отдали приказ снять осаду с Кандахара. Разрушенные фруктовые сады, каналы, обращенные в болота, напоминают об этих недавних битвах. Городская ограда, прикрытая с боков более чем пятидесятью башнями и опирающаяся на севере на цитадель, находится в довольно плохом состоянии, но внутренность города совершенно противоположна Кабулу в отношении правильности и чистоты улиц. Две главные аллеи пересекаются под прямыми углами посреди города и разъединяют его, таким образом, на четыре равные части: на севере цитадель, а на других наружных сторонах трое ворот ограничивают городские кварталы. Второстепенные улицы в большинстве кривые; но идущие по сторонам их дома, построенные из камня или битой глины, гораздо просторнее и лучше содержатся, чем в Кабуле, и почти все имеют сады. В Кан-

1 H. Rawlinson. „Journal of the Geographical Society“, 1843.

дахаре нет недостатка в развалинах: в 1874 году около четырехсот домов развалились от обрушившейся части городской стены; может быть, даже это бедствие повлекло за собой сотрясение земли, которое разрушило часть Кабула. Над перекрестком двух главных улиц Кандахара высится свод, который образует центр базара; там почти всегда теснится толпа продавцев, покупателей и прохожих. Восточная улица, ведущая к воротам Кабула, заселена по преимуществу торговцами разных материй, тогда как в улице Герата, направляющейся к западу, постоянно раздается стук молота кузнецов и котельников. Улица гончаров, красильщиков, продавцов фруктов—южная, примыкающая к воротам Шикарпура. В улице, где находится цитадель, по обеим сторонам идут большие магазины, в которых продаются английские и русские товары. Торговцы базара принадлежат ко всем расам Передней Азии, но главную часть Кандахарского населения составляет племя дурани: в этом отношении древняя столица Ахмед-Шаха представляет контраст с другими афганскими городами. Золотая руда, которой производство весьма незначительно, эксплоатируется у подошвы высот, идущих по прямой линии к северу равнины.

Известно, что Кандахар находится по ту сторону «научных границ» Индийской империи и что он был отдан англичанами эмиру Афганистана, долгое время спустя после Кабула. К Кандахару должна была примкнуть Шикарпурская железная дорога, первый участок дороги из Индии в Малую Азию. Железный путь еще не взобрался на ступени плато, но он направляется по дорогам, удобным для артиллерии, и англичане избрали пограничною военною станциею местечко Чаман или «Луг», от которого они находятся только на расстоянии трех дней перехода от Кандахара. Из их лагеря, твердо опирающагося о передния горы Коджа-Амран, британские генералы наблюдают за восточной оконечностью большой военной дороги, которая проходит чрез весь Афганистан от юго-востока к северо-западу. Но если б они должны были двинуться вперед по кружной дороге афганских плато, то где же они могли бы остановиться, не делая угрозы русским аванпостам, стоящим на другом конце дороги? Не следовало ли бы им, по ту сторону Кандахара, достигнуть до Кушк-и-Накуда, «Алмаза Пустыни», чтоб изгладить воспоминание о поражении, понесенном в 1880 году? Затем, не следовало ли бы занять крепость Гиришк, которая господствует над проходом Гильменда и долинами Заминдавара и вблизи которой виднеется такое множество разрушенных укреплений,—доказательство важного значения, которое придавалось всегда этому стратегическому пункту? Не следовало ли бы поспешить овладением Ферраха—укрепления, лежащего у юго-западного угла гор Афганистана и большой военной дороги, вблизи богатых деревень Сеистана? Не следовало-ли бы также занять Сеистанскую крепость Ляш или «Утес», построенную на холме и окруженную зубчатыми стенами, почти неприступную, без помощи военных снарядов? Наконец, город Зибзавар или Зебзор, который держит в повиновении племя аймаков, возможно ли для победителя оставить без внимания? Этот город, заменивший древний Изфезар,—последний стратегический привал на юге Герата, и провозвестники несчастий предсказывают заранее, что там произойдет битва двух армий. На юго-западе, окруженная гранатовыми деревьями, таджикская деревня Анардерех занимает, близ персидской границы, подошву горы, расколотой во всю свою ширину трещиной, которая ни в одном месте не шире полуметра; это—удар меча Али, говорит легенда[1].

Герат, «Дверь Индии», называемый так благодаря его стратегической важности, и «Жемчужина Хороссана»—название, которым он обязан плодородию своей равнины и богатству своих промышленных произведений,—один из наиболее древних городов в свете, «самый древний», как утверждают его жители, и в известные эпохи своей истории он принадлежал к числу наиболее населенных метрополий. В эпоху Александра, Ария была большим городом. В двенадцатом веке, говорят персидские историки, она была «царицей, прославленной», и заключала в своих стенах «444.000 жилых домов, 12.000 лавок, 6.000 общественных купален и каравансараев»[2]; в следующем веке, т.е. в тринадцатом, Чингис-Хан овладел городом по-

1 N. de Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de la Perse orientale“.

2 Barbiet de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Jakout“.

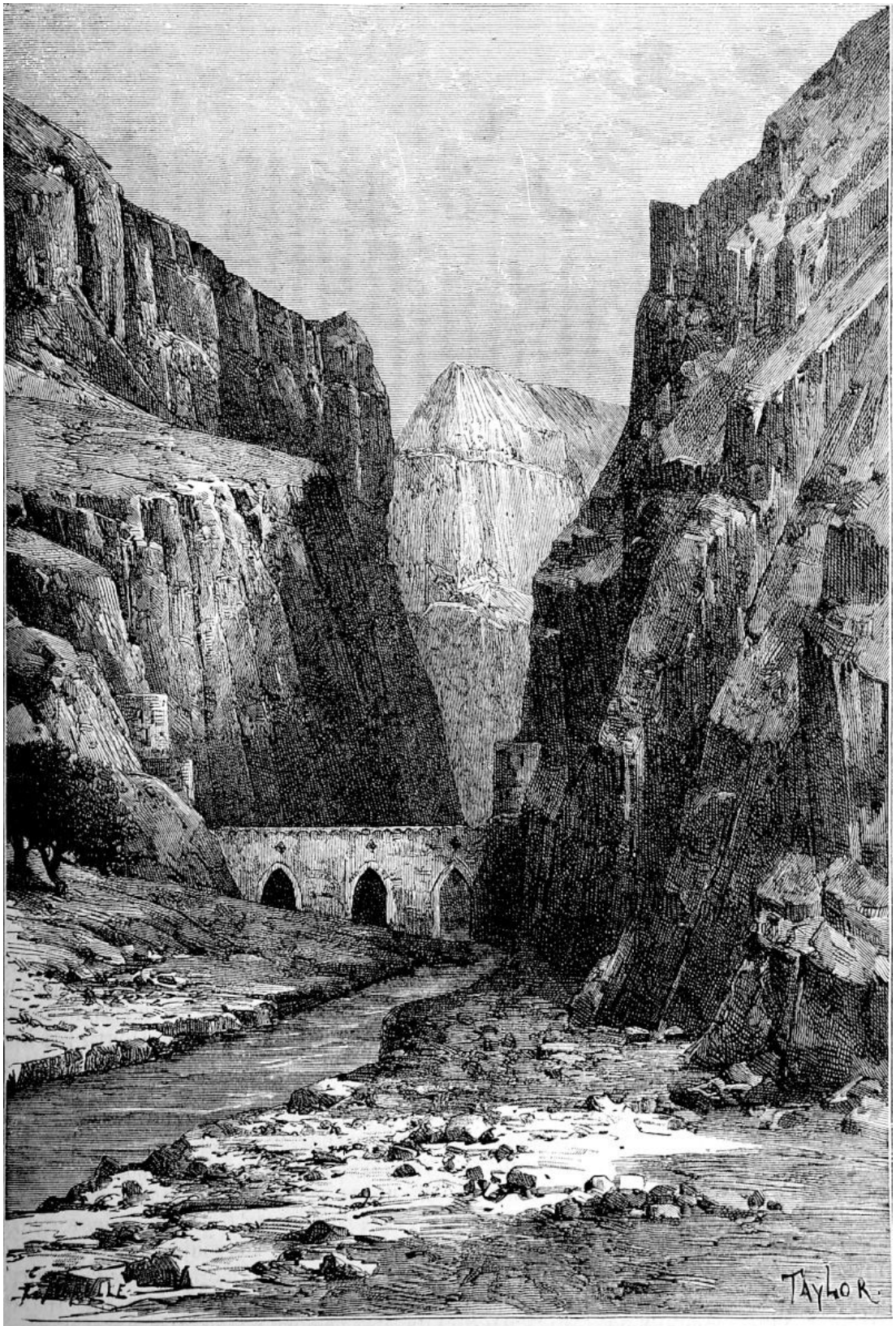
сле шестимесячной осады и приказал передушить жителей, в числе миллиона шести сот тысяч; только сорок человек спаслось от руки монголов, и в продолжение пятнадцати лет они только и составляли все население, среди груды бесчисленных развалин. Именно благодаря чрезвычайной важности его положения, на Герат было сделано пятьдесят нападений; он был разрушен пятьдесят раз и пятьдесят раз восставал из груды развалин. Расположенный на границах Персии и Афганистана, он не переставал оспариваться этими двумя пограничными государствами, и если он еще и находится под властью эмира Кабульского, хотя по языку жителей и по своему географическому положению он должен быть в зависимости от Персии, —то это благодаря Англии, которая два раза заставляла персов снять с него осаду, или возвратить завоеванное. В наше время политическое равновесие изменилось: Россия стала могущественной соседкой Герата, и её инженеры изучают страну, чтоб проложить там будущие железные дороги. Долина Гери-Руда образует природный вход, чрез который туркмены и монголы не раз пробирались на плато. Этим же путем могут туда проникнуть в будущем и русские.

Лежащий на высоте около 800 метров, на высоте, меньшей в сравнении с большинством других афганских городов, Герат занимает центр одной из наиболее плодородных равнин, по которой протекает Гери-Руд, от востока к западу, и по обеим сторонам которой идут холмы, коих высота постепенно уменьшается к западу. Груды развалин и могил, показываясь то тут, то там, из-за рощ высоких сосен, напоминают об эпохе процветания Герата, когда он занимал пространство в десять раз более нынешнего и когда собака «могла бегать по крышам» крепости вплоть до самых деревень равнины. Городская ограда нынешнего города представляет продолговатый четырехсторонник, расположенный в направлении от востока к западу, но в сущности это не ограда, а скорее скат, неравной высоты, в среднем около 25-ти метров, и отделенный от поля глубоким рвом; прикрытые пути проложены в глубине ската, сделанного из обломков старинных стен[1]. На южной стороне города возвышается цитадель Эктиар-Еддин—укрепление солидное, над которым господствует на расстоянии по крайней мере одного километра громадный мишенный вал, воздвигнутый, как говорят, Надир-Шахом[2]. Герат, подобно Кандахару, разделен на четыре островка двумя поперечными улицами, на перекресте которых недавно поставлен купол, и это место стало центром базара. Магазины, лавки, мастерские идут по обеим сторонам вдоль главных улиц. Мастеровые Герата пользуются прежнею известностью относительно выделки клинков, производства ковров, бумажных тканей; но товары, выставленные на базаре, почти все заграничные, получаемые из России и Англии. Городское население меняется самым странным образом, сообразно политическим событиям в иранской Азии, от которой Герат, по причине своего центрального положения, получает отраженный удар. В 1838 г. в нем было постоянных жителей не более 7.000: большинство шиитов оставили город, чтоб не подвергаться притеснениям со стороны афганцев. Но число жителей быстро возрастает всякий раз в мирное время. Значительное число гератцев состоит из представителей древних фамилий, развенчанных повелителей, что как нельзя более у места в разрушенном городе: Феррье встречал там потомков Чингис-Хана, Тимура Хромого и Надир-Шаха.

Большинство исторических памятников Герата: дворцы, караван-сараи и мечети, находятся в черте города, но в развалинах. От них остались только живописные обломки: там и сям попадается какая-нибудь башня, аркада, стена, покрытая глазированным фаянсом, кажущимся еще более красивым от того, что краски его, слегка оттеняемые, выступают в тени чинаров. Деревни, окружающие Герат, слывут на всем Востоке лучшими по климату, благодаря северному ветру, дующему летом. «Если б земли Испагана, воздух Герата и вода Хорезма были соединены в одном месте, человек был бы там бессмертен!», говорит пословица Ирана[3]. Вода Гери-Руда, будучи «прозрачной как жемчуг», в то же время и самая чистая во

1 Ferrier, „Voyages en Perse, dans l'Afghanistan", etc.
2 J. Mac. Neill, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1844.
3 Carl Ritter, „Erdkunde, Asien", vol. VIII.

всей иранской Азии, и только благодаря его девяти большим каналам и их бесчисленным разветвлениям, Герат стал «Городом ста тысяч садов». Семнадцать сортов винограда, множество различных пород дынь, превосходные абрикосы Герата славятся в Хорассане и Афга-



Ущелье Даргаванъ-Шахъ.

нистане. В его садах, говорит Конолли[1], потребители могут съесть фруктов сколько им угодно и какие придутся им по вкусу, и платят за них только разницу в их весе при входе и при

1 „Journey to the North by India“.

выходе из сада. Помимо орошаемых садов, в деревнях Герата есть также свои культивированные растения: таково зонтичное растение ассафетида, у афганцев *инк*, которого терпеть не могут европейцы по причине его отвратительного запаха, но которое составляет у иранцев одно из самых изысканных блюд, а также древесная смола, часто употребляемая как лекарство; это, по всей вероятности,—*сильфиум* древних.

Выше Герата встречаются также несколько скученных построек, заслуживающих названия города. Такова, по дороге в Маймене, столица страны джемшидов, Курурк, приобревшая известность своими многочисленными теплыми источниками; в самом городе их не менее восемнадцати. В Обехе есть также теплые ключи, а по близости его находятся неистощимые каменоломни белого мрамора, которые доставляют материал, употребляемый для гробниц в Герате[2]. Вся страна изобилует рудою серебристого свинца и многими другими рудами, разработка которых давным-давно оставлена.

На западе от Герата, в долине Гери-Руда, разрушенные города Гуриан и Кузан имеют только то значение, что занимают положение близ политической границы Персии. По словам Ханыкова, в 1820 г. в Гуриане было больше жителей, чем в Герате; в настоящее время это не более, как живописный форт, окруженный развалинами домов, но окрестная страна прелестна. Берега Гери-Руда, едва культивированные, во многих местах осеняются большими деревьями, образующими рощицы и даже леса. Дичь водится во множестве в этих лощинах; путешественник может здесь спугнуть зайцев, куропаток, фазанов или тетеревей; лани, дикие ослы, кабаны и вообще красный зверь различных пород в изобилии населяют эту лесистую страну. Дикая природа взяла снова верх во многих местностях афганского Хорассана, столь многолюдного и так хорошо возделанного в прежнее время. То же самое и на юге Герата, в гористой стране гезарехов и аймаков, где развалины городов многочисленны, но где встречаются теперь только одни деревни. Зерни или Гур, столичный город страны, почти перестал существовать: Феррье встретил там нескольких гебров, единственных, которых ему удалось видеть в Афганистане; но этот факт представляется сомнительным большинству историков[3].

Города Афганистана и Дардистана, которых приблизительные цифры населения указаны путешественниками:

Афганистан: Кабул—60.000 жит., Кандахар—30.000 жит., Герат—30.000 жит., Газни—10.000 жит., Исталиф—8.000 жит., Чарикар—3.000 жит., Канигурам—5.000 жит., Макин—4.000 жит., Джелалабад—10.000 жит., Зерни—1.200 жит.

Дардистан: Талль, по Раверти—7.000 жит., Калькот—7.500 жит., Чагил—5.000 жит., Тарнах, по Раверти—3.000 жит., Читраль, по Биддульфу—5.000 жит.

IV.

Редкое население, враждебность племен и рас, отсутствие городов, дорог и мостов имеют неизбежным следствием весьма слабую степень развития Афганистана, в сравнении с другими азиатскими странами в отношении земледелия и промышленности. Правда, что некоторые долины и некоторые оазисы равнин тщательно возделаны, а подводные каналы, плотины и ирригационные желоба свидетельствуют о трудолюбии целых народов в течение нескольких веков. В земледельческих округах, где земля разделена на небольшие участки и где каждая семья имеет свой собственный участок и обрабатывает его сама, не отдавая в аренду фермерам или мызникам и не употребляя рук рабов,—производительность почвы необыкновенно хороша. Часто жители страны могли, конечно скрепя сердце, продовольствовать неприятельские войска, не особенно истощая хлебные запасы своих владений; но в обыкновенное время пшеница, главная пища афганцев, и другие продукты земледелия достаточны только для местного продовольствия жителей. Отпускная торговля ограничивается весьма

2 N. de Khanikov, цитированное сочинение.

3 Spiegel, „Eranische Alterthumskunde“.

незначительным сбытом колониальных произведений относительного достоинства: фруктами в консервах, семенами и камедью, как лечебными предметами. Лежащие над знойными равнинами плато, холодные и с умеренным климатом долины Афганистана, казалось, должны были бы снабжать в изобилии народы индусские продуктами их климата; но эта торговля почти ничтожна. Промышленная деятельность таджиков Кабула и других афганских городов также нисколько не увеличивает оборотов отпускной торговли; повиндахи или «бегуны» продают своим соотечественникам гораздо больше товаров европейских, чем они имеют афганских колониальных произведений для обмена с англичанами и русскими, бухарцами и индусами. Англо-индийское правительство, отказавшись от занятия Кабула и Кандахара, отдало приказ приостановить одновременно постройку железных дорог, которые должны были соединить эти два города с сетью дорог полуострова; обе железные дороги останавливаются: одна у входа в Хайберское ущелье, а другая у подошвы Боланских гор; мосты на арках (для железных дорог), рвы, устройство плотин, туннели—все это было вдруг приостановлено, несмотря на то, что сделаны для этого затраты в 13 миллионов. Но в то время, как все эти предприятия были брошены, другая железная дорога приблизилась к границам Афганистана,—дорога, которую построили русские и которая идет от берегов Каспийского моря к туркменским оазисам Даман-и-Коха. С невольным любопытством задаешь себе вопрос: кто—англичане или русские, вынужденные силою обстоятельств оспаривать друг у друга политическое главенство над народами Ирана, овладеют с помощью своих локомотивов торговлею афганской территории? Прежде всего власть будет принадлежать тем, кто поставит жителей плоскогорья в удобное сообщение с прочим миром.

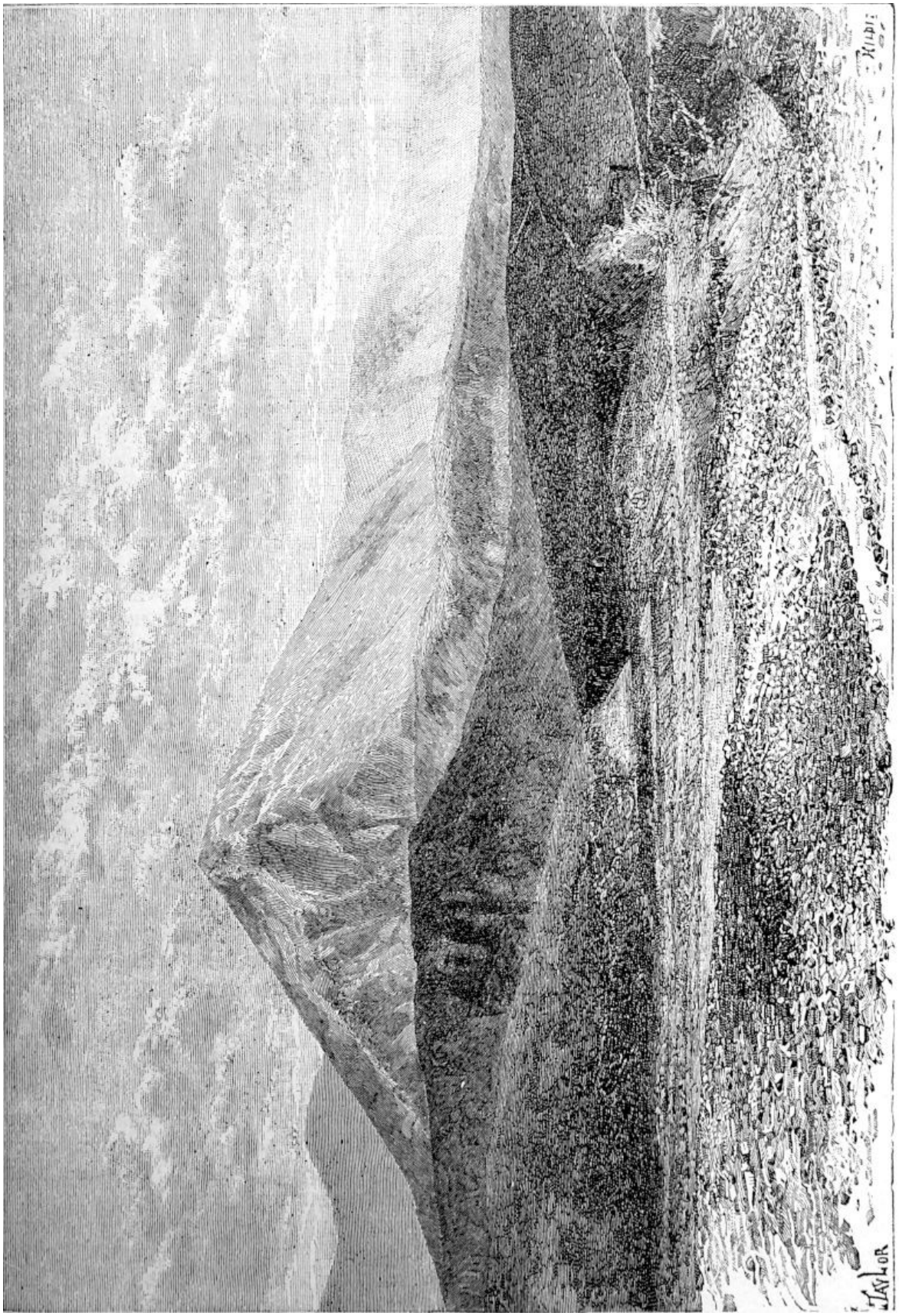
Весьма мало вероятности, чтобы Афганистан удержался отдельным государством, пользующимся полной независимостью: для этого необходимо, чтобы народы, населяющие страну, были воодушевлены общим патриотизмом и верою в свою судьбу. Но афганцы, гезарехи, таджики, казиль-бачи, кафиры—все враждуют друг с другом, и даже племена преобладающей расы не имеют никакой политической сплоченности. Почти все предъидущие войны велись исключительно в интересах тех племен, которых вожди стремились завоевать себе первенство. Гильзаи, какары, вазирисы, юзуфзаи, логаны не считают себя обязанными пред своим повелителем и пред своими главарями баракзаями: они продовольствуют иностранцев, снабжают их гидами и конвоирами, не думая о том, что прослывут изменниками; у них нет другого отечества, исключая пространства, занятого родом клана. Что же касается до центрального управления, то афганцы всех племен и прочие жители Пуктуен-Ква привыкли уже более полувека к той мысли, что господство оспаривается между Калькуттой и Москвой. Как только какой-нибудь европейский путешественник проникает в Афганистан, его тотчас же начинают расспрашивать о соперничестве двух великих держав-победительниц и о том, которой из них более благоприятствуют шансы для окончательной победы. Та же тема служит предметом обсуждений на базарах, где разносчики новостей исполняют ту же роль, что политическая пресса в других странах[1].

Общественное мнение афганцев, по сознанию самих англичан, высказывается в пользу России. «Как ни неприятно сознаваться, говорит Мак-Грегор[2], но несомненно то, что престиж на стороне русских, и что в них видят заранее покорителей Индии». Правда, что русские еще и ногой не были в Афганистане: но известно то, что все предпринятые ими экспедиции в центральную Азию оканчивались победой. В свою очередь англичане в продолжение последних пятидесяти лет три раза вторгались в Афганистан,—но чего им это стоило? В 1842 году, после трехлетнего занятия Кабула и других городов англо-индийскими гарнизонами, численностью в 13.000 человек, они вынуждены были очистить край: постоянно тревожимые вооруженными шайками афганцев и не находя нигде по дороге ни убежища, ни пищи, ни места отдыха, несчастные англичане пали жертвой голода, холода, изнеможения и болезней, или же были перерезаны по одиночке афганцами. Только три человека из всего

1 Javorskiy, цитированное сочинение.

2 „Journey through the province of Khorassan“.

отряда спаслись от великого бедствия, которое выпало, как еще никогда не было, на долю Англии. В недавнюю войну им также пришлось восстановлять свои силы вследствие большой неудачи, понесенной от поражения при Кишк-и-Накуде, и хотя на этот раз они



Демавендъ.

оставили страну добровольно и ни один из неприятелей не преследовал их во время отступления, тем не менее сложившаяся легенда и передавшаяся от одного племени к другому, изобразила их обратившимися в бегство. К положению англичан может быть вполне приме-

нимо выражение, приписываемое Ахмед-Шаху, говорившему о своей стране: «Остерегайтесь моего улья: в нем есть пчелы, но нет меду!» Во избежание дипломатических затруднений и вмешательства со стороны государства, английское правительство лишь изредка дозволяет своим подданным путешествовать в мирное время по афганской территории. Вплоть до западного Афганистана, по дороге из Фараха в Герат, встречаются местами каравансараи, построенные англичанами, но которыми они не смеют больше пользоваться. С 1840 г. уже минуло более полувека, как английские аванпосты стояли на севере Бамианского прохода, там, где теперь стоят русские аванпосты, а пушки их виднеются еще и теперь на дне потоков, стремящихся к Оксусу[1].

Эмир афганский, прежний гость России, ныне живущий на пенсии у Англии,—достойный представитель политического положения своей страны, постоянно возбуждаемой двумя соперничающими державами. Владения его гораздо обширнее, нежели показывает его действительная власть: обе державы-покровительницы начертали границы провинций, платящих дань Кабулу. На север от Гинду-Куша, Кох-и-Бабы, Зиа-Коха, гористые страны и равнины, простирающиеся до Оксуса, составляют естественную границу русского Туркестана, и если б генерал-губернатор, наместник Ташкента, наблюдал зорко за границами, то агенты, являющиеся за сбором податей для эмира Кабульского в Кундуз и Бадакшан, были бы непременно убиты. Равно и на южных окраинах Афганистана, многие племена уплачивают налоги только из боязни англичан, могущественных союзников своего повелителя. Города, враждебные Кабулу—Кандахар и Герат,—входят в состав одного и того же государства только лишь в силу «азиатского равновесия», временно гарантированного обеими европейскими державами, господствующими в Азии.

Подобно другим государям восточных стран, эмир, шах или падишах Афганистана считается абсолютным властителем, но власть его ограничивается не только *шариатом* или «стезей правоверных», т.е. религиозными или гражданскими традициями ислама, но главным образом сдерживается привилегиями сердарей и республиканских племен. Неограниченный властитель таджиков, главарь дурани и сюзерен прочих племен, он приказывает, советует или просит, смотря по дозе власти, какую ему предоставили его подданные. Некоторые должности наследственны в семьях, и сердарь не может лишить имеющих на них право, иначе он глубоко оскорбит этим все племя и рискует вызвать бунт. Множество кланов не берут ни судей, ни сборщиков податей, назначаемых сердаром, а управляются сами собою, сами облагают себя налогами, отсылая сюзерену часть, установленную обычаем. Ограниченная в такой степени ханская власть переходит от отца к сыну, по праву старшинства в одном и том же роде. В прежнее время сердари или главные вожди назначали правителя, а теперь английское правительство завладело привилегией назначения; оно также удержало за собою и право контроля чрез назначение важного сановника резидентом при Кабульском дворе, но вместе с тем нашло более надежным назначать афганца, а не англичанина на этот пост, сопряженный для иностранца с опасностью.

Когда Пешаверский округ и весь восточный Даман-и-Кох, между Индом и Сулейман-Дагом, входили в состав Афганистана, эмир был богатым человеком: доходы его превышали 50 миллионов франков; равнина ему доставляла деньги, плоскогорье поставляло ему людей[2]. В наше время плоскогорья должны давать все: солдат и подати; ежегодный доход казны равняется всего только пятнадцати миллионам. Двор, отличавшийся чрезмерной пышностью, вынужден был уменьшить свои расходы; а высшие сановники, которые, согласно персидскому церемониалу, не могли иначе войти во дворец, как одетые в дорогия великолепные одежды и нося оружие с инкрустациями драгоценных камней,—отныне могут являться во дворец весьма скромно одетыми. Податные доходы употребляются исключительно на содержание армии. Хотя большинство солдат, командуемые вассалами, не знающими никакой субординации по отношению друг к другу, набирается из племен, обязанных отбывать воин-

1 Kaye „Proceedings of the Geographical Society“, april 1879.

2 Mountstuart Elphinstone, „Kingdom of Caubul“.

скую повинность взамен платы податей, и хотя продовольствие всегда даровое в местах, где расположены гарнизоны,—но все же военный бюджет весьма значителен, особенно много тратится на покупку и производство военных снарядов. В 1879 г., когда возгорелась война между Афганистаном и Индийской империей, в арсеналах эмира находилось 379 орудий (пушек) и 50.000 ружей, частью из английских мастерских, частью сфабрикованных афганскими мастерами. Военные упражнения, руководимые инструкторами дезертирами британской армии, происходят под команду на английском языке.

Различные провинции управляются *хаукимом*—в гражданском отношении, и сердарем—в военном. Но часто случается и так, что одно и то же лицо, особенно если оно принадлежит к племени дурани, отправляет обе должности разом. В округах, обитаемых кочевниками, или в которых есть небольшое число постоянных деревень, губернатор показывается только или для сбора податей, или же для того, чтобы положить конец возникшим спорам. *Кази*, который его сопровождает, постановляет судебные приговоры и назначает штрафы.

Провинции собственно Афганистана, разграниченные главным образом возвышенностями почвы, перечислены в следующей таблице:

Провинции	Округа.
I. Кабул.	Кабул, верхния долины Кабула и Логара, Даман-и-Кох. Горбанд, верхния долины Горбанда и Панджира. Лагман, прибрежные земли реки Кабула между столицей и Джалалабадом Сафи и Тагао, долины Гинду-Куша между Даман-и-Кохом и Кафиристан.
	Джалалабад, нижняя долина реки Кабула. Газни, бассейн Газни и окрестные горы.
II. Кандахар.	Кандахар, страна восточных дурани. Келат-и-Гильзаи, Тарнака, Гул-Кох Гиркиш
III. Секстан	Фарах, бассейн Фарах-руда Лаш, Шаканзур.
IV. Герат	Герат, средний бассейн Гери-руда. Керрук, верхний басейн Гери-руда Обех. Гуриан, нижний Гери-руд.
	Зибзавар, бассейн Ардрахана. Шахбанд, страна аймаков.
V. Страна гезарехов.	
VI. Кафиристан	Мастудж, Казкар или Читраль, Кунар, Бушкар, Панджкора (Джиундул), Дир, Баджаур

Кроме ханств Туркестана, лежащих к югу от Оксуса, в вассальной зависимости от Кабула, стоят, несмотря на то, что находятся в той географической области, где русский город Ташкент сделался центром,—государства весьма различные по значению своему и по населению, таковы: Вохан, Бадакшан, Кундуз, Балкх, Андкой, Шибиркан, Ак-ча, Сарипуль, Майменех, Гурзиван, Дарзаб.

Глава III Белуджистан

I.

Страна белуджей не имеет, что называется, и тени политической независимости. В действительности, она не более, как провинция Индийской империи, в настоящее время находящаяся во владении англичан. Одна из самых плодородных её провинций и весьма густо населенная, пропорционально занимаемому ею пространству, «Качи-Гандава», географически принадлежит к области равнин, и давным-давно уже англичане устроили здесь свои военные квартиры. На плато, главная крепость Квета также занята британским гарнизоном, наблюдающим по одну сторону за афганским городом Кандахаром, а по другую—за столицею белуджей, Келатом. К довершению всего, в этом городе живет английский резидент, да-

ющий правителю белуджей советы, исходящие от вице-короля Индии и которым тот безусловно повинуется. Небольшие порты, идущие вдоль берега, населенные по преимуществу моряками и купцами и состоящие под непосредственным управлением Англии, на деле—чистейшие индусские колонии, и трансконтинентальный телеграф не перестает охраняться солдатами, которые получают жалованье от правительства Калькутты. Многие из английских офицеров, в числе их также и полковник Мак-Грегор, были командированы в Белуджистан, для исследования якорных прибрежных стоянок и стратегических дорог, идущих от приморской страны по направлению к афганским плато. Тем не менее, в стране еще осталось много неисследованных пространств, не потому, чтоб они были недоступны, или строго охраняемы от любознательности путешественников свирепыми племенами туземцев, а потому, что это—однообразные пустыни, усеянные песком, глиной, солончаками и скалами. По всей вероятности, долго еще эти области будут известны только по рассказам туземцев, более или менее согласным между собою. Так, страна, большею частью пустынная, занимающая пространство около 70.000 квадратных километров, к югу от реки Гильменда до гор Вашати или Кох-и-Забз и Зиане-Коха, считается территорией без всякого значения и неимеющей правителя, тогда как Гуг, состоя в естественной зависимости от долины, на которой Гамоен занимает самое высшее плоскогорье[1], должен потому входить в состав Афганистана; большинство карт изображают его принадлежащим хану Келата. Безошибочно эту территорию можно причислить заранее к вассалам Англии, так как в этой части Азии англичане устанавливают границы. Уже оффициальная карта, набросанная в 1872 г. на самых берегах Гильменда, Гольдсмитом, проводит общую границу Персии, Афганистана и Белуджистана к Кох-Малак-и-Зиаху или к «Горе Черного Короля», к западу от Гильменда, а от этого пункта идет прямо белуджистанская граница к большому изгибу Гильменда, ниже Рудбара. Таким образом поверхность, занимаемая Белуджистаном, равняется половине Франции. Но эта обширная территория, по самым широким вычислениям, имеет население менее, чем в каком-нибудь второстепенном городе: даже со включением провинции Качи-Гандава, принадлежащей по своему этнографическому и географическому положению к Индии, Белуджистан не имеет и полу-миллиона жителей[2].

Наиболее возвышенная часть ханства—та, которая граничит с Афганистаном. Туземцы назвали ее Когистаном или «Страной Гор»—название, принадлежащее большому числу стран в мусульманской Азии. Может быть, двойная вершина Такату, на границе афганской, к северу от Кветы, и есть самый возвышенный пункт территории, хотя есть вероятность, что другие вершины в горной цепи Чигиль-Тана или «Сорока Человек», к западу от Кветы, немного более возвышенны: на Кох-и-Муране или на «Змеиной Горе», которая возвышается более к югу, между Мастунгом и Келатом, некоторые вершины достигают, по словам Кука, вышины Такату, т.е. 3.650 метров; Калипат, на севере будущей линии железной дороги, лежит на такой же высоте. В общем все эти горы Брагуи, образующие восточный оплот плато пред равниной Качи-Гандава, идут с удивительной правильностью параллельными стенами по прямой линии, направление которой на севере—северо-восточное, а на юге—юго-западное. Вырезанные неровными уступами, высеченные пирамидами, или щетинистыми иглами, эти известковые горы во многих местах совершенно лишены растительности: только редкие леса можжевельника примешивают свою бледную зелень к синеве воздуха и к розовым отблескам скалы, освещенной солнцем. Сообразно с часами дня и горы меняют свой цвет и тени, и выступают то как будто под розовым или фиолетовым покровом, едва заметные, то под прозрачным туманом, то в виде вулканических конусов, сверкающих красным блеском[3]. Между параллельными хребтами открывается несколько болотных долин, когда-то наполненных водами, а ныне осушенных. Между этими долинами есть такия, которых зеленеющие луга и рощи делают похожими издали на чудные альпийские долины. Но есть также и

1 „The Country of Balochistan“, London, 1877.

2 Пространство и население Белуджистана по Бему и Вагнеру: 276.500 квадратн. километров, 350.000 жителей, 1,3 жит. на квадр. километр.

3 Richard Temple, „Proceedings of the Geographical Society“, sept. 1880.

такия, которые, благодаря бесплодию почвы, имеют какой-то зловещий вид: это—остатки пустынь, заключенные в амфитеатре гор. Такова Дахт-и-Бедаулат или «Печальная Равнина», которую горы Мардар или «Мертвого Человека» отделяют от Кветы: дорога из Индии через Боланское ущелье проходит по этой страшной равнине, где завывают ветры, поднимающие летом столбы пыли, а зимою снежные бураны. Часто путешественники погибали от этих бурь.

Равно как и большинство известковых горных хребтов, параллельные гряды гор Брагуи перерезаны в промежутках поперечными расселинами, на дне которых текут постоянные или временные потоки, спускаясь из долины в долину. Многие расселины, в которых текут воды, представляют ряд изломанных линий, с острыми углами, правильности почти геометрической. Воды, во время сезона дождей, попеременно изливаются сначала в перпендикулярную долину, а потом впадают в прямолинейную клюзу, при выходе из которой принимают вновь свое правильное течение между двумя параллельными гребнями гор. В этой стране, где недавно еще не было никаких искусственных путей, единственными дорогами были такия, которые следовали за этими потоками, прорывая почву уступами. Но дороги эти были проходимы только во время сезона засух или среднего уровня воды, когда поток не наполнял расселину клюз. Одиннадцать подобных дорог соединяют плато Келата с равниной Качи-Гандава, но все они еще не были исследованы европейцами. Самая доступная из этих дорог—Милох или Мула. Начинаясь у оазиса Гандавы, тропинка эта идет вверх по постепенной отлогости, гораздо меньшей, чем бывают на многих больших дорогах, и, обогнув к югу цепь высоких гор, достигает Джалаванского плато; но эта дорога очень длинна и достигает плато только на самом юге столицы ханства. Дорога гор Брагуи, повидимому, чаще других посещавшаяся в течение всего исторического периода, есть та самая, которая, по выходе из Дадарского оазиса, на северной оконечности Качи-Гандавы, проникает в Боланские ущелья и поднимается по этому длинному ущелью до «Печальной Равнины». Английские войска часто занимали этот проход во время своих вторжений в Афганистан, и их инженеры превратили прежнюю выбоистую дорогу, прерываемую то тут, то там потоками, в превосходную, удобную для езды в экипажах дорогу, по которой двигаются артиллерийские обозы. Но Боланский проход ныне оставлен большинством путешественников: главный торговый пункт, между Шикарпуром и Кандахаром—тот, который примыкает к железной дороге, уже доведенной до северной стороны Сиби, в долине Харнаи, на высоте около 900 метров.

Самая возвышенная часть цоколя плато, по которой тянутся различные цепи гор Брагуи, это именно та, где построен Келат, столица Белуджистана. Таким образом, как указывает расхождение рек, текущих с этого хребта в разные стороны и затем исчезающих в пустынях или орошенных полях, приходится спускаться с плато Келата в любом направлении: именно это подтвердил уже Поттингер в своем путешествии, предпринятом в начале нынешнего столетия[1]. Высота, на которой лежит Келат, 2.050 метров, может сравниваться с весьма немногими вершинами различных горных хребтов, расположенных к югу от гор Брагуи. Параллельные отроги гор, которые начинаются за Мульским проходом и тянутся, почти без уклонения, в направлении от севера к югу, составляют, по истине, одну из наиболее очерченных естественных границ и разделяют, подобно стене, высокие местности Белуджистана от равнин Синда. Но они служат границею между двумя странами не столько вследствие своей высоты, сколько по недостатку воды, а следовательно и по своей пустынности. В горах Киртара или Гала есть только один, измеренный пик, превышающий 2.100 метров; большинство же высоких вершин имеют от 1.500 до 1.800 метров над Индом и превышают только на несколько сотен метров поверхность плато, простирающихся к западу. Нигде эти горы не представляют трудности для прохода. Подобно высотам Брагуи, они пересекаются лощинами, берущими свое начало на белуджистанском плато. Следуя по руслу потоков, можно вполне перейти весь горный хребет, не взбираясь ни на одну гору. Так точно в Испании спускаются из Манча в долину Гвадалквивира, не поднимаясь на Сиерра-Морену.

1 „Travels in Belootchistan and Sinde“.

К западу от Киртара плато Белуджистана спускается ступенями к Аравийскому морю. Выпуклость гор, отделяющихся от горного хребта Келата и направляющихся к юго-западу, образует раздельную линию между бассейном Мешкида и морским склоном, обращенным к югу. Многочисленные отроги гор, идущие по прямой линии, большею частью от востока к западу, и все более возвышенные и более скалистые с южной стороны, чем с северной, обозначают ступени громадной лестницы. Но если не принимать в рассчет тысячи отдельных неправильностей, в общем южное плато состоит из трех ступеней. Самая высшая из них имеет 1.200 метров средней высоты, вторая—600 метров, а третья, идущая вдоль прибрежья, лежит лишь на несколько десятков метров над уровнем волн. Почти все возвышенности, отделяющие эти ступени, перерезаны клюзами или широкими проходами, так что караваны людей и верблюдов могут проходить по стране во всех направлениях, не имея надобности прокладывать дороги.

Морской берег Белуджистана, известный под названием Мекранского, идет от востока к западу, параллельно внутренним хребтам, но с многочисленными извилинами. Песчаные скалы или глинистые земли прибрежья, изрезанного ударами волн на крутые утесы, от 100 до 120 метров высотой, которые не перестают отодвигаться перед волнами,—однообразно следуют друг за другом и отделяются одни от других заливами с правильными очертаниями, где зыбь складывает песок, унесенный с соседних мысов. Мало таких берегов по всей окружности материков, где бы можно было изучать более разительные примеры островных массивов, связанных с континентом песчаными перешейками. Полуостров Гвадар и полуостров Ормарский, выдвигающиеся в море в виде молотка, ограниченного справа и слева водяными поверхностями, представляющими форму правильного полукруга,—имеют аналогичный вид с полуостровом Гиенским и с другими островами, соединенными с твердой землей песчаными наносами. Но кажется, что белуджистанское прибрежье значительно поднялось со времени образования этих перешейков, которых уровень ныне гораздо выше уровня плоских песчаных берегов. Одно из двух: или морской берег поднялся, что допускает большинство геологов, или же море отодвинулось от берегов. Несмотря на эти извилины прибрежья, белуджистанский морской берег совсем не представляет удобных убежищ для больших кораблей. По всей непосредственной близости морского берега воды не глубоки, и только на расстояние трех-четырех километров от берега могут подходить большие военные корабли. Во все время, когда дует юго-западный муссон между мартом и сентябрем, почти невозможно сделать попытки к высадке войск, по причине страшной силы морского прибоя. Даже во время ясной погоды, т.е. зимой, грозные буруны препятствуют свободному сообщению с другими странами[1]. Морское дно, состоящее из глины, подобно равнинам прибрежья, спускается отлого в сторону открытого моря; но в том месте, где лот показывает глубину воды от 40 до 50 метров, падение становится резким, по направлению к бездне Индийского океана: подводные скалы имеют от шести до семи сот метров в вышину[2].

Подобно островам Рамри и Чедуба в английском Индо-Китае, белуджистанские морские берега усеяны подземными горнами, в которых кипящие воды заставляют клокотать глину. По крайней мере восемнадцать грязных вулканов высятся в различных частях Мекрана; во многих местах морского прибрежья, они составляют главные черты пейзажа. В провинции Ласа, пограничной с Индустаном, семь подобных конусов идут параллельно морскому берегу: легенда изображает их остатками богини Дурга, разрезанной на куски; индусские богомольцы, которые их посещают, совершают свои гадания над кипящим илом[3]. Близ реки Пора или Пури, к западу от порта Сумиани, один из этих вулканов с горячим илом, стоящий совершенно изолированно среди равнины, имеет более 120 метров высоты, а вершина его имеет 150 метров в окружности: это—Радж-Рам-Чандер или Чандер-Куп. Вершины этих холмов пробуравлены кратерами, из которых медленно течет ил, а иногда выбрасываются

1 Mac Gregor, „Wanderings in Balochistan“.
2 A. W. Stiffe, „Quarterly Journal of the Geological Society“, 1874, vol. XXX, № 177.
3 Goldsmid, „Journal of the Geographical Society“, 1863.

струи воды, которые, затем падают на склоны и изрезывают их в разнообразные лощины. Вода, смешанная с грязью, выбрасываемая из кратеров, всегда соленая. По словам туземцев, извержения происходят только во время морских приливов. Вулканы они называют также Дария-Чам «Глаза Моря»[4]. Вулканы, у которых кратеры закрылись, перестали быть в сообщении с океаном. Может быть, и холмы глины, размытые дождями, которые высятся в разных местах морского берега,—также остатки древних извержений.

Белуджистан принадлежит к наиболее сухим странам Азии, хотя юго-западный муссон и достигает его, а уступы содействуют хорошему орошению земель. Они следуют друг за другом с юга на север, и наиболее возвышенная часть страны находится в северо-восточном углу плато, так что все облака воздушного течения ниже 2.000 метров должны разрываться о шероховатости почвы и изливаться на одну из террас Белуджистана. Действительно, во время лета, бывают сильные ливни, и один из проходов главной дороги ханства, к югу от Кездара, носит название «Дождливого Ущелья». Некоторые из закрытых бассейнов, равно как и долины, находящиеся между двумя хребтами параллельных гор, превращаются, в период дождей, во временные озера; но подобные явления редки. Муссон, достигающий берегов Белуджистана, постепенно высыхает, переходя в пустыни южной Аравии. Он приносит весьма незначительную часть влаги, недостаточную для питания рек и для того, чтобы постоянно поддерживать их течение вплоть до моря. Влага эта настолько незначительна, что не может даже обеспечивать постоянного наполнения больших колодцев. Земледельцы индусской расы, обитающие в оазисах Белуджистана, по примеру иранцев, вырыли карезы или подземные акведуки в некоторых наиболее плодородных долинах, но собственно белуджистанцы не умеют даже и содержать этих каналов[1]: почти все земледельцы пользуются только водами *нуди* или дождевыми потоками. В Белуджистанской стране не худо брать с собою запас чистой воды, из боязни встретить только лужи, наполненные грязью или солоноватой водой. Но вид самой почвы, повидимому, указывает на то, что проточные воды орошали, в былое время, страну гораздо обильнее. Следы прежних наводнений, даже берегов и покинутых русл рек виднеются в долинах, ныне совершенно высохших. Многие глинистые холмы, прежде омываемые речной водой, сохранили вокруг своих подошв вырезки, подмытые потоком, и завершаются массой, возвышающеюся над этой кругообразной выемкой: можно подумать, что это—исполинские грибы[2]. Измерения, произведенные близ морского прибрежья, доказали, что в недрах земли текут водяные потоки[3].

Белуджистанские реки, спускающиеся прямо к Аравийскому морю, текут большею частью перпендикулярно к морскому берегу и имеют узкий бассейн; даже и в стране дождливой они имели бы слабое течение. Дахта или «Река Равнины», которая направляется к прибрежью, в близком соседстве с персидской границей, имеет большее количество воды, нежели другие прибрежные реки, потому что верхнее её течение следует по одному из плоскогорий, открывающихся между двумя уступами, параллельными с морским берегом, вследствие чего бассейн её значительно увеличивается. Но тем не менее, течение её не достигает моря в продолжение целой половины года: путешественники проходят по песчаной мели, перерезывающей устье реки. Река Мешкид, принадлежащая к закрытому северо-западному бассейну Белуджистана, может считаться одною из самых обильных водою рек в стране. Большинство её верхних притоков берут свое начало в Персии, в стране Сархад или «Холода», и текут к юго-востоку, как бы для того, чтоб ринуться в Аравийское море. Соединившись при входе своем в Белуджистан, на юге Зианех-Коха, эти текущие потоками воды направляются к востоку, на встречу Ракшану, текущему из страны Панджгур; затем снова бросаются назад к северу, чтоб перейдти клюзы, отделяющие Зианех-Кох от Кох-и-Забса, голого гребня скал, ни мало не заслуживающего своего названия «Зеленой Горы». Весьма опасно проходить по

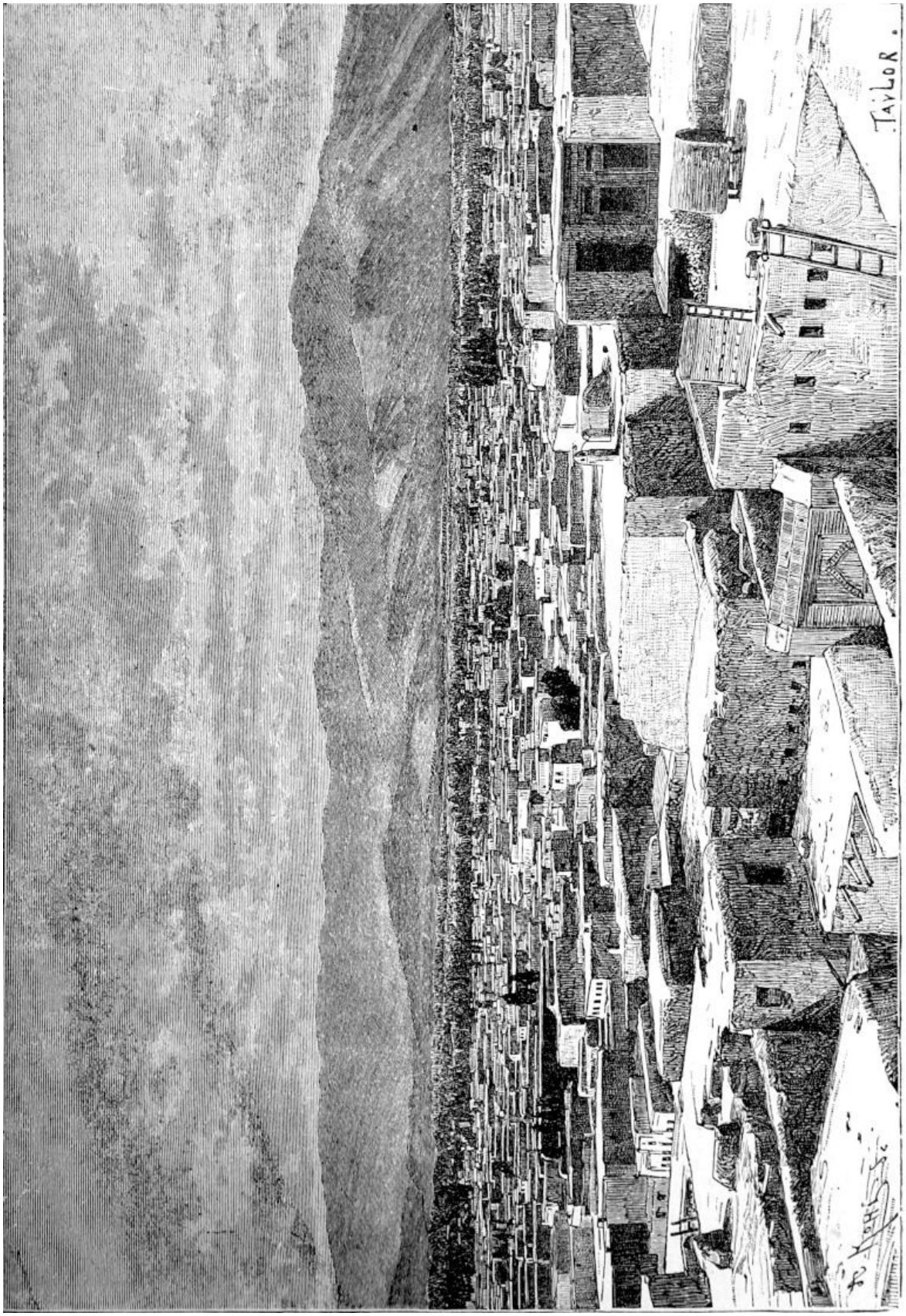
4 Hilt, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, IX, 1840;—Goldsinid;—Mac Gregor.

1 Miles, „Journal of the Geographical Society“, 1874.

2 Mac Gregor, цитированное сочинение.

3 Barns, „Journal of the Geographical Society “,1867.

этим «теснинам», где бушующие воды Мешкида часто прыгают с утеса на утес. Наводнения особенно грозны в этой стране, где почва состоит исключительно из твердых известковых камней или непроницаемой глины: там, где волны, во время половодья, сдавливаются между



Гамадань и Ельвендъ.

стенами, чрез которые они не могут переступить, они внезапно вздуваются от всей дождевой воды, приносимой притоками и боковыми лощинами. «Не останавливайся в русле Мешкида —говорит поговорка, которую повторяют путешественники,—не останавливайся даже для

того, чтоб завязать ремень твоего сапога». Но в обыкновенное время Мешкид, высасываемый сухим воздухом долины, перестает даже существовать; при выходе клюз из Кох-и-Забса, там, где русло его принимает направление северо-западное, совершенно противоположное направлению верхних притоков, только несколько луж в песке свидетельствуют о недавнем течении реки. В 1810 г., когда Поттингер посетил эту страну, он спустился в русло Мешкида и прошел пространство в несколько километров. Не будучи знаком с географией этого края, тогда еще неисследованного, он рассчитывал подняться к истоку реки,—до такой степени легко ошибиться, идя среди песков, вздымаемых ветром. Если б деревца из породы гребенщиков (Tamaris) не шли вдоль берегов реки, во многих местах нельзя было бы распознать, что находишься посреди речного русла.

Мешкид никогда не доносит своих обильных вод вплоть до плоскогорья Сеистана, как это до сих пор изображается на некоторых картах, на основании рассказов первых европейских исследователей страны. Даже высокий горный хребет граничит на юге с полукруглым бассейном, занятым болотами, травянистыми пространствами и солончаками, заменившими прежнее озеро. Хамоен или топь, в которой исчезают воды Мешкида во время половодья, занимает центральную часть Хоранских пустынь, между 28° и 29° широты. Мак-Грегор прошел вдоль его восточного берега, но не мог в точности узнать, было ли лучезарное пространство, виденное им на западе, водяная плоскость или только мираж. Нигде не встречал он такого множества тростника, как на озерах Сеистана; но там и сям рощицы гребенщика (Tamaris) обозначают берег. Свойство почвы, окружающей Хамоен и Мешкид, доказывает, что там так же, как и на озерах Сеистана, горизонтальность местности имеет следствием частое перемещение водяного пространства—пресноводного бассейна, если он образовался от недавнего наводнения реки, или же резервуара солоноватой или соленой воды, если она долго застоялась на одном месте. В то время, как одна часть равнины плодородна, хотя и редко обрабатывается, другие пространства, из которых вода совершенно испарилась, покрыты соляными пластами, в несколько дециметров толщиной, которые, проходящими мимо караванами, снимаются для продажи в соседния страны. К западу от Хамоена и Мешкида тянется, по словам туземцев, другая топь Кинди или Талах, которая принимает в себя южные воды бассейна. Наконец, на северо-востоке Белуджистана, реки Хоравак, Лора также теряются в Хамоене среди пустыни.

По рассказам Мак-Грегора, чрез пустыню Харан гораздо легче пройти, чем по многим песчаным пустыням Персии, или по безводным странам Аравии и Африки. Караванам хорошо известно, что на каждой дороге есть свои места для отдыха, заранее обозначенные проводниками; всюду можно рассчитывать, по крайней мере, на один колодезь в день солоноватой воды и на несколько пучков растений для верблюдов. Но есть такия места в пустыне, которых путешественники тщательно избегают, и где смерть была бы неизбежной для них, если б они были застигнуты самумом, «ядовитым» или «огненным» ветром. В этих пустынях, дюны перекатываются подобно волнам, и почти невозможно продолжать путь по почве, которая обрушивается под ногами, и в облаке пыли, вздымаемом ветром. Иногда воздух бывает тих, но он наполнен песчаным туманом, который затрудняет дыхание. Это явление еще не объяснено, но белуджистанцы говорят, что оно происходит от действия солнечных лучей на мелкую песчаную пыль. В восточной части пустыни, Поттингеру пришлось проходить, в продолжение пяти суток, по стране дюн, поднимавшихся, в среднем, только на высоту от 3-х до 6-ти метров, и все они следовали друг за другом по направлению от запада к востоку, т.е. по направлению господствующего ветра в этих местах. Дюны, образовавшиеся не из крупного песку, белого или желтоватого, но из мелкой красноватой пыли, из осколков глины и песчаника, имеют длинную отлогость, обращенную к западу, откуда дует ветер; крутизна же обвала, который подвигается вперед более или менее быстро, следуя силе атмосферического течения, наклонена к востоку. Когда верблюдам приходится переходить чрез это море пыли, на пути из Мешкида, они взбираются на западную отлогость дюны и сползают на коленах с

вершины к подошве восточного обвала[1]. На севере Хамоена и Мешкида, Мак-Грегор обогнул множество дюн различной формации, идя, под влиянием местного ветра, в другом направлении, от севера к югу. Некоторые из этих пригорков достигают до двадцати метров над уровнем равнины, и все они расположены с удивительной правильностью, в виде полумесяца, обращенного своею длинною внешнею отлогостью к северу, а крутизною обвала—к югу; в полукружии, защищенном двумя выдвинутыми вперед рогами, мог бы поместиться целый полк[2]. Наконец, на границах Афганистана, пески и глинистая пыль изобилуют особенно в направлении от юго-запада к северо-востоку[3]. Нельзя ли было бы допустить гипотезу, что на белуджистанских плато, так же, как и в равнинах Тара индийского, форма и расположение дюн зависят, в некоторой степени, от колебаний почвы?

Белуджистан, благодаря нагромождению и расположению своих террас, принадлежит к числу таких стран, где, на небольшом сравнительно пространстве, местные климатические условия представляют наиболее резкие контрасты. В глинистых или каменистых бассейнах приморской страны, равно как и в равнине Качи-Гандавы, у подошвы гор Брагуи, сколько встречается местностей, вошедших в пословицу, сравниваемых с адом, по причине нестерпимого жара, который приходится там выносить! А на плато, лежащих на высоте более 2.000 метров, сколько открытых пространств, где путешественники подвергаются страшной силе холодных ветров и рискуют быть заживо погребенными под грудами снега! Весьма естественно, что растительность представляет контрасты, соответствующие климату. Как в равнинах, так и на плато, мало местностей, где бы виднелись настоящие леса. В Белуджистане нет совсем больших деревьев: те, которые превышают 8 или 10 метров, считаются гигантами растительного царства. На покатостях гор растут некоторые породы можжевельника и гаппур (*ziziphus jujuba*): дерево это весьма ценится для построек. В долинах хижины окружены чинарами, тутовыми, тамариндовыми деревьями и синецветным ясенем (melias azedarach); ивы растут по берегам ручьев. Почти все фруктовые деревья, которых родина Передняя Азия, произрастают в изобилии в Белуджистане, как-то: абрикосовые, персиковые, грушевые, яблонные, сливовые, гранатовые, миндальные, ореховые, фиговые деревья и виноград; манговые и фиговые деревья, растущие в равнинах, дают превосходные плоды. В жарких местностях страны чаще всего встречается растение pich (chamaerops ritchiana), нечто в роде крошечной пальмы, ползучие корни которого стелятся на 4-5 метров в земле. Это растение так же полезно белуджистанцам, как восточный бамбук бирманам: плоды его и молодые побеги употребляют в пищу, и кроме того из него выделывают трут, веревки, сандалии и особенно цыновки, которые в большом употреблении[4].

На соответствующих высотах фауна Белуджистана, мало известная до исследований Сен-Джона, ничем не отличается от фауны афганских плато, равнин Гильменда и Инда. Неверно еще недавно распространенное мнение, что лев, так редко попадающийся в Индии, водится до сих пор в некоторых странах Белуджистанского края; но леопарды встречаются здесь часто, также гиены, волки, кабаны, равно как и один вид черного медведя, питающагося корнями дерев. Серны часто попадаются по соседству пустыни, а табуны диких ослов днем скрываются в пустынях, где нет ни воды, ни растительности. Громадный ягнятник, похожий на альпийского, парит высоко над плато, но он никогда не встречается близ морского берега, или на высоте менее 1.200 метров. Сорока, столь известная в Европе, встречается только в одной местности Белуджистана, в Келате. Но есть также несколько пород птиц, свойственных только одному Белуджистану: такова прелестная нектариния, блестящая всеми цветами радуги[5]. Ящерица *uromastix*, которую издали можно принять за свернувшагося в комок у входа в свою нору кролика, гнездится в песке. Персы называют ее «козьим сосуном», пред-

1 Pottinger;—Carl Ritter, „Asien, Iran“.
2 „Wanderings in Balochistan“.
3 Griesbach, „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol. XVIII, part 1, 1881.
4 Mac Gregor, цитированное сочинение;—Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
5 Blanford, „Eastern Persia“, vol. II, „Zoology and Geology“.

полагая, что она блеет подобно козленку, чтобы призвать козу и сосать ее. По словам Милеса, в верхнем Дахте водятся крокодилы. Заливы Мекрана изобилуют рыбой. Сен-Джон предполагает, что название Мекрана произошло от слов Моги-Коран, что значит «Рыбоеды». Жители приморского берега, по истине, заслуживают название рыбоядных, которое им дали также и спутники Александра.

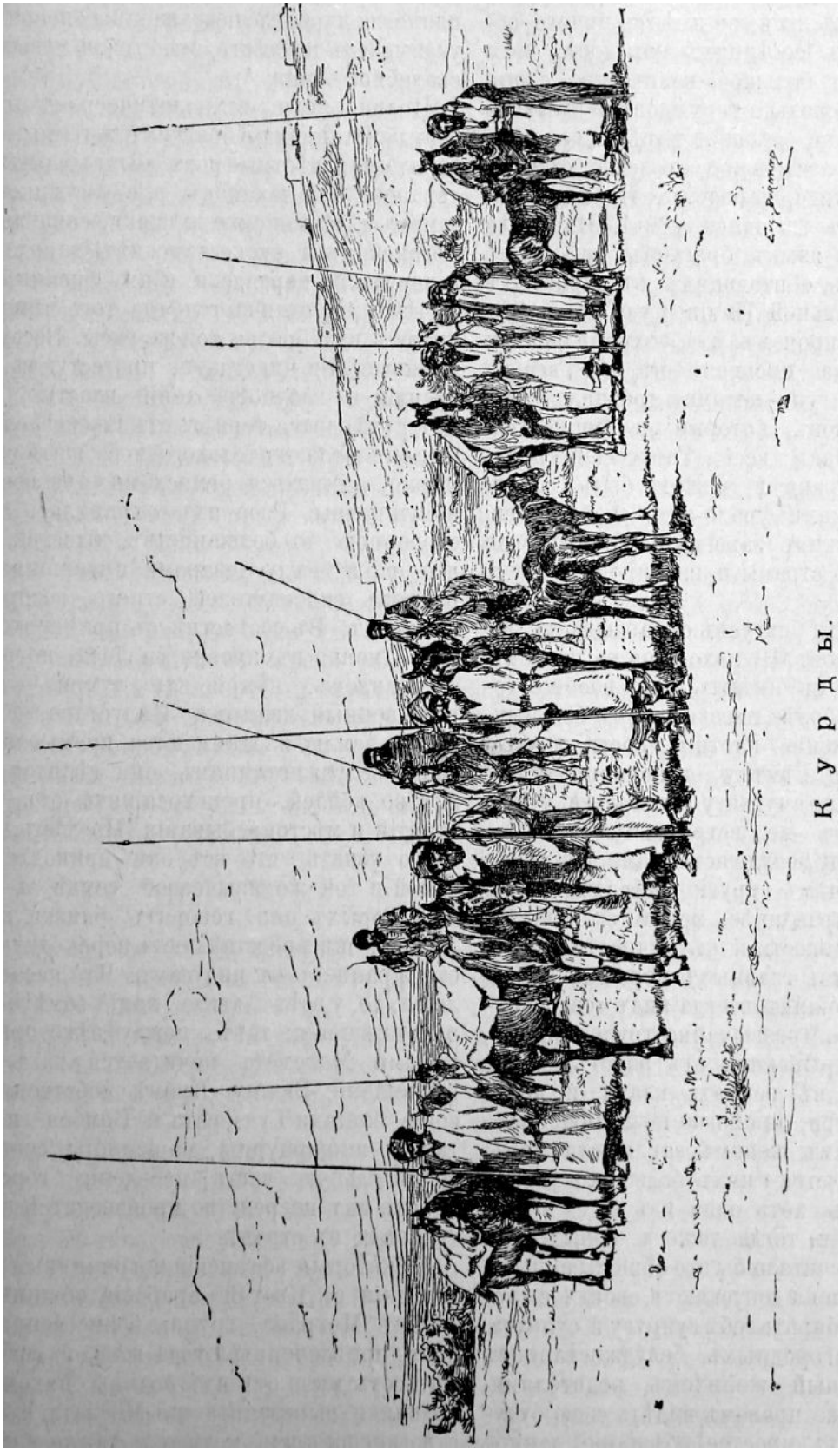
II.

Белуджистанцы, которых название присвоено ханству Келата, равно как и всей юго-восточной Персии, не составляют господствующего населения Белуджистана, и, по всей вероятности, за пределами ханства, в Персии, в индийской провинции Синда и в Раджастане, находится наибольшее число представителей этой расы, в виде целых племен, или рассеянных групп. Белуджистан—страна гористая и бесплодная, одна из таких стран, которая наиболее содействует эмиграционному движению в Индию. Обыкновенно белуджистанцев причисляют к арийцам и делают их братьями персов, происшедших от туземцев, совращенных в ислам, в эпоху Абассидов[1]. Весьма вероятно, что, по крайней мере часть белуджистанцев не принадлежит к туземцам страны: белуджистанцы с афганской границы, судя по чертам их лица, очевидно, омонголились и чрезвычайно походят на киргизов[2]. Единогласные предания называют западную Азию родиной других белуджистанских племен, равно как и племен Брагуи[3]; их считают пришедшими из Сирии или с Аравийского полуострова, во время пророка—по словам одних, и гораздо позднее—по словам других. Различные аравийские племена окрестностей Дамаска и Алеппо носят те же названия, как и белуджистанские кланы Мекрана и Качи-Гандавы[4]. Впрочем, большинство белуджистанцев не кажутся пришельцами между арабами. За исключением разве только жителей плато, все они очень смуглы, отличаются пронзительным взглядом, высоким лбом, продолговатым лицом, густыми волосами и бородой. Они худощавы, весьма подвижны, искусны во всех телесных упражнениях; они могли бы быть превосходными бедуинами в сирийских пустынях; множество из них занимаются разбоем. Язык белуджистанцев имеет большое сходство с новейшим персидским языком, но только все слова в нем искажены, благодаря странному произношению, совсем не похожему на иранское. Выражения относительно религии заимствованы у арабов, а слова, употребляемые в торговле и ремеслах, взяты из индусских наречий. Несколько песен, рассказов о военных подвигах, повторяемых по памяти бродячими певцами, составляют всю их национальную литературу. Разговорный язык, употребляемый при дворе,—их собственный, а письменный—персидский.

По религии белуджистанцы—магометане-сунниты; только на персидской границе несколько кланов стали шиитами, и они считаются заклятыми врагами всей нации. В прежнее время для перса-шиита было гораздо опаснее проходить по Белуджистану, нежели для христианина[5]. Подобно афганцам, белуджистанцы делятся на множества кейлей, которые иногда переменяют свое название, равно как и место жительства: называют их или по их предкам, или по провинции, в которой они живут, или же сообразно их нравам, или по какой-нибудь выдающейся черте их истории. Терминология племен различна почти у всех путешественников, но крупные деления племен соответствуют географическим областям. Белуджистанцы гористых земель называются все вообще паруи, а живущие в низменной равнине, в Качи-гандав-риндами или «храбрыми», а также магзами или могази; но эти могут уже считаться принадлежащими к отдельной нации, вследствие смешений и отличия в нравах. Они уж более не говорят по-белуджистански, а на наречии джатки, образовавшемся из синдского, на котором говорит огромная масса джатов земледельцев. Между белуджистанцами одни

1 Spiegel, „Eran“.
2 Nicolas de Khanikov, „Tour du Monde“, 1861.
3 Hara, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1841.
4 Emil Schlagintweit, „Ausland“. 1876;—H. Green, „Journal Officiel“, 23 fevrier 1877.
5 H. Pottinger, „Travels in Beloochistan and Sinde“.

живут в геданах, или войлочных юртах, а другие строят себе хижины, или помещаются даже в землянках из битой глины. Во многих местах одна и та же группа семей имеет все три рода жилищ.



К у р д ы.

В некоторых местностях плато, браки и смешения перемешали расы, и многочисленные семьи, даже племена, образуют средний класс между белуджистанцами и брагуями. Последние вполне владеют центральной частью Белуджистана, особенно в провинциях Саравана и Джалавана. Территория, заселенная белуджистанцами, расстилается полукругом к западу, к

северу и к северо-востоку страны, которая могла бы быть смело названа «Брагуистаном». По исследованиям Массона, брагуи проникли в страну с западной стороны, и их название Барог-и («Пришедшие из пустыни») указывает на их западное происхождение[1]; наиболее чистокровное племя—мирвари, обитающее на границах Каранской пустыни. Но, судя по занимаемой ими центральной части плато, можно думать, что они туземцы, или, по крайней мере, племена, гораздо раньше других поселившиеся в этой области иранского плато: они, по всей вероятности, потомки гедриев, встреченных Александром. Язык их не имеет ничего общего с языком соседних народов, хотя в него и вошло большое количество слов персидских и несколько терминов индусского языка и пукту; но основное наречие представляет такое поразительное сходство с языком дравидийских народов, что их следует причислить к одной семье. Наиболее сильное сходство язык брагуев имеет с языком гондов, обитающих в гористых странах центральной Индии. Судя по языку, от которого, впрочем, не сохранилось ни одного памятника письменности[2], весьма вероятно, что брагуи—потомки древних дравидийских народов, которые до пришествия арийцев занимали весь Гангесский полуостров, часть Ирана и, может быть, соединились с народами урало-алтайской ветви: нашествие иранских завоевателей отбросило их в гористые страны и изолировало друг от друга[3].

Физический вид брагуев оправдывает эту гипотезу филологов. Не походя ни на персов, ни на арабов, они имеют лицо вообще гораздо круглее и более плоское, чем белуджистанцы, телосложение плотное, кости гораздо крепче и короче, чем у вышеупомянутых народов; особенно смугла у них кожа: между брагуями совсем не встречаются светло-русые, как между белуджистанцами. Не менее гостеприимные, чем другие народы плато, брагуи гораздо правдивее, менее склонны к мщению, к жестокости и к алчности, составляющей один из главных пороков белуджистанцев, имеющих всегда вид «озабоченный и голодный». Чрезвычайно трудолюбивые, брагуи редко отрываются от работ, чтоб принять участие в войнах клана, и когда возгораются распри, они легко позволяют уговорить себя своим женам заключить мир. Женщины пользуются у них большим уважением, и если б хоть одна из них была убита в сражении, тогда даже и враждебная партия брагуев считала бы это общественным горем. Эти племена допускают своих сыновей и дочерей выбирать себе супругу и супруга, тогда как у благородных белуджистанцев сын, объявленный женихом родителями, не пользуется даже правом видеть свою будущую жену. У них простое обещание, данное взаимно семьями, считается обязательством чести. В случае, если жениху умрет раньше совершения свадебного обряда, его немедленно заменяют младшим братом[4]. В стране брагуев, холмы или *tcheda* на гробницах умерших воздвигаются по сторонам дороги, а каменные круги или *tchap* служат напоминанием о браках, заключенных у кочевых племен: чурбан, поставленный посреди круга, указывает на место, где стоял музыкант на свадебном пиру[5].

Подчиненные в политическом отношении белуджистанцам и брагуям, жители деревень и городов, известные под обычным названием деваров или деханов, т.е. «мужиков», на самом деле такие же таджики, какие живут в афганских и туркестанских городах: они говорят по-персидски, и их физический тип ничем не отличается от того типа, какой имеют их братья той же расы. Весьма миролюбивые, они никогда не протестуют против насилий и злоупотреблений властью, которые им приходится терпеть от завоевателей страны; они желают только одного—жить спокойно, мирно заниматься ремеслами, или возделыванием почвы. Раса их сохранилась неприкосновенною в большинстве областей потому, что браки между деварами и женщинами из племен завоевателей строго воспрещались обычаем. В соседстве с приморской страной, именно в провинции Ласа, пограничной с Синдом, нумри или лумри,—племена, родственные джатам Индостана, обработывают землю и занимаются промысла-

1 „Journey to Kalat“.
2 Bellew, „From the Indus to the Tigris“.
3 Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde“.
4 H. Pottinger, цитированное сочинение.
5 Bellew, цитированное сочинение.

ми. Подобно белуджистанцам, они делятся на множество кейлей, происходящих от различия занятий и местопребывания. Но тем по менее легко узнать, что все они принадлежат к одной и той же языческой семье, а наречия, на которых они говорят, близки к языку джатки: они представляют переходную группу от иранцев к индусам. Что касается религии, то у всех этих наций заметны странные смешения; так, между некоторыми племенами Магомет почитается как десятое воплощение Вишну. Кроме собственно индусов, банияхи Гудзерата и Бомбея, или мультанцы, шикарпурцы, марварицы, составляют значительную часть населения городов, и через их посредство производится почти вся торговля в стране.

Некоторые афганские пограничные племена, соседния с Кветой, арабские общины по берегам Мекрана, группы воинственных курдов, привлеченные сюда жаждой грабежа, за пятьсот миль от их родины, наконец, невольники, вывезенные из Моската, и большинство негров или метисов также могут быть причислены к представителям различных рас, населяющих белуджистанскую территорию. Но там есть также и настоящие кочевники, говорящие на особом языке: это—дури, которые не отличаются ни в чем от европейских цыган придунайских областей. Искусные музыканты, они проходят по стране и показывают пляшущих медведей и обезьян, выученных разным забавным прыжкам. Каждая банда, управляемая «королем», имеет своего гадальщика, который воображает себя посвященным в тайны магии и предсказывает судьбу на основании хиромантии, или по сочетанию чисел и по расположению фигур, образуемых песком на приведенной в сотрясение пластинке. Благодаря уменью отгадывать, лурям удается попадать в семейные дома, где они совершают кражи драгоценных вещей, иногда даже и детей. В Белуджистане, так же, как и в Европе, общественное мнение обвиняет этих кочевников во всевозможных преступлениях, равно и в порче посредством колдовства[1].

Что касается до политических распорядителей страны, англичан, то они имеют весьма небольшое число своих представителей в земле их вассала, хана Келатского. У них есть много в этой стране подданных и лиц, ими покровительствуемых, принадлежащих к различным нациям; но сами хозяева показываются весьма редко на плато; за пределами столицы, или вдали от их крепостей Кветы и Хоздара. Они встречаются только в низменностях Качи-Гандавы, в пунктах расквартирования войск и железной дороги, также и приморских городах, где есть станции континентального телеграфа.

III.

Многие из провинций, на которые делится Белуджистан, населены исключительно номадами, и «города» их состоят только из палаток. Деревни и города, в которых есть настоящие дома, находятся только в восточной части Белуджистана и в южных его округах.

Англичане не удостоили построить крепость вблизи резиденции. Уверенные в своем пенсионере, хане Келатском, у которого нет совсем войска в его распоряжении и который управляет только племенами, неимеющими никакой политической связи, англичане особенно зорко следят за афганской границею и за дорогой, ведущей из Шикарпура в Кандахар. Город Квета (Кветта, Кот, Шаль, Шаль-Кот), занятый одним отрядом индийской армии, расположен в бассейне, принадлежавшем в прежнее время Афганистану, и находится ныне едва в тридцати километрах от ручья, составляющего оффициальную границу белуджистанской территории. Здесь, у подошвы цитадели, сходятся обе дороги Индии через Боланский и Чапарский проходы, и та, которая идет в Кандахар чрез Ходжакское ущелье. Кроме этих дорог, удобные пути ведут на юг, к столице ханства. Весьма естественно, что хан Келата, затем его покровители-англичане выбрали этот стратегический пункт, в земле брагуев, чтоб там соорудить *Kot* или Kwatah, т.е. крепость; башни, виднеющиеся там и сям при входе в ущелья гор, свидетельствуют о важности, которую придавали древние завоеватели края обладанию этим округом. Город, относительно большой, так как он состоит более, чем

1 H. Pottinger, цитированное сочинение.

из тысячи домов, приютился под защитой форта. Город Квета, населенный главным образом афганцами, брагуями и индусами, представляет для англичан особые выгоды, как санитарная станция: расположенный на высоте 1.700 метров, он находится, так сказать, в области умеренного пояса, соответствующего Западной Европе. На травянистых лугах, которые, тянутся на необозримое пространство вокруг Кветы, солдаты имеют достаточно простора для своих атлетических игр. Мастунг, этапный город между Кветой и Келатом, имеет климат одинаковый с английской крепостью, а ирригационные каналы в Мастунге лучше утилизируются. Он окружен со всех сторон фруктовыми садами и производит лучшие фрукты во всем верхнем Белуджистане; особенно славится его виноград.

Келат, т.е. «Замок» по преимуществу, благодаря тому, что хан выбрал его столицей, стал самым населенным городом всего Белуджистанского края. Действительно, он представляет большие выгоды вследствие своего положения на склоне горной вершины, благодаря которому он может господствовать над дорогами Индии, над морем, над персидскими границами и Афганистаном. Но зато эти военные выгоды приобретаются климатом гораздо более суровым, в сравнении с тем, каким пользуются окрестные долины. Построенный на самом краю скалистых гор, Келат предоставлен всей силе северных ветров, и снег покрывает там землю более двух месяцев; пшеница и ячмень созревают там позднее, чем на Британских островах, хотя Келат и ближе к экватору на 25 градусов. В равнине, открытой к северо-западу, воды которой текут в Лору Пишина, находится источник, весьма обильный чистой водой, который бьет близ подземных ханских кладбищ, орошает городские сады и приводит в движение лопасти вододействующих колес городских мельниц. По словам Поттингера, который с похвалой отзывается об этом источнике Келата, как о наиболее обильном, какой только ему случалось когда-либо видеть, вода в нем гораздо холоднее днем, чем ночью. В соседстве с нынешней столицей Белуджистана, виднеются безобразные развалины еще трех больших городов, служащих доказательством, что с незапамятных времен эта область плато имела всегда важное значение.

К юго-востоку от Келата начинается другая долина, которая сделалась бы данницей Инда, благодаря Мульскому ущелью еслибы в ней воды текли в обилии; развалины бывшего города, которые так часто встречаются в ханстве, высятся у начала лощины, и на стене соседней скалы видна греческая надпись. Новейший город Зер или Зери, окруженный земляным валом и построенный, подобию Келату. из полуобожженых кирпичей, поддерживаемых бревенчатой рамой, дает название одной из боковых долин Мула и племени брагуев, которое там живет. Это главный город, чрез который проходят путешественники, по дороге в Индию. При выходе из ущелья, там, где воды потока разветвляются на ирригационные каналы, посреди садов, находится Гандава, главный город провинции Качи-Гандавы. Он приобрел некоторое значение, как место стоянки английского гарнизона и как зимняя резиденция хана. В прежнее время наиболее населенным городом равнины был город Баг или «Сад», к северо-востоку от Гандавы, в оазисе пальм, граничащем на востоке с пустыней. Баг пользовался монополией серных руд, разрабатываемых в соседних горах, неподалеку от города Хорана. На севере равнины находятся Дадар и Сиби, конечные станции железной дороги от Инда к афганским горам.

Благодаря железной дороге, идущей от Инда, и ветви её, проведенной в равнине Качи-Гандавы, Келат и весь северный Белуджистан сообщаются в настоящее время с морем посредством порта Курачи. Прямая дорога из Келата в Сонмиани оставлена, как крайне неудобная и трудная по недостатку воды; на этом длинном спуске, около 550 километров, караваны встречают только в шести местах источники, в которых вода настолько обильна, что караваны не исчерпывают ее во время перехода[1]. Хоздар, одна из тех станций, где англичане содержат небольшой гарнизон сипаев в видах господства над спуском Мульского порога,— не пользуется таким климатом, как местности на плато: будучи расположен на высоте 1.200 метров, Хоздар окружен садами, в которых растут пальмы и другие растения, свойственные

1 Pottinger;—Carless;—Hughes.

приморской стране; население, состоящее большею частью из индусов, также южного происхождения. Руды свинцовые и антимониевые, находящиеся к западу от Хоздара, близ Секрапа, более не разрабатываются. Обширные руины, груды обломков, остатки башен *гар-бастас* или «дворец неверных»[2], служат доказательством того, что страна эта, без сомнения, лучше орошаемая в прежнее время, чем теперь, была также и значительно населеннее, а попадающиеся во множестве обломки архитектурного искусства свидетельствуют о цивилизации прежних обитателей страны. На северо-запад от Белы, в провинции Ласа, один из этих разрушенных городов сохранил свое прежнее название Шер-и-Рогана. Он увенчивает вершину утеса из смешанных пород, у подошвы которого течет один из притоков Пурали, Арабис у греческих моряков; внизу группируются домики, в которых живут городские бедняки, а утес прорезан галлереями, служившими складочным местом и также жилищами.

Сонмиани, порт провинции Ласа или «Равнины», в былое время служил таковым для всего восточного Белуджистана, пользовался некоторым значением, и, может быть, англичане сделали бы из него транзитный пункт для своей торговли, если б Курачи не одержал решительный перевес над древним «портом Александра», благодаря своему соседству с дельтой Инда. Неимеющий искусственного прикрытия, порт Сонмиани, где не могут стоять на якоре корабли, сидящие в воде более 5-и метров, совершенно открыт порывам юго-западного муссона, а вода Пурали, стремящаяся, во время половодья, в соседний залив, оросивши сады Бела, Дре и Лаяри, становится обыкновенно слишком испорченной для того, чтоб ее могли утилизировать моряки: им приходится продовольствоваться водою с перевозных судов из Курачи. Жители добывают себе свежую воду, разрывая песок выше уровня морского прилива; но если опоздают вычерпать ее, то она постепенно становится солоноватой[3]. Состоя в торговой зависимости от Индустана, эта часть ханства имеет также общие с полуостровом происхождение и религию среди большей части своего населения. На горе, возвышающейся в западной части провинции, близ реки Агора или Хингола, находится знаменитый храм Хингладж, куда стекаются тысячи индусских богомольцев. Там до сих пор еще приносятся животные в жертву богине Кали, и стены священной пещеры забрызганы кровью этих жертв. Ревностные богомольцы никогда не покидают храма Хингладжа, не посетивши островок Аштола или Сатадип, лежащий близ морского берега между портами Ормара и Пасни: святыня высится на обнаженной скале, «Волшебного острова» Неарки.

Небольшие приморские порты, на запад от Сонмиани, прежде посещаемые с лечебной целью португальцами, у которых до сих пор существуют несколько фортов на берегу[4], состоят из нескольких групп хижин, даже просто из жилищ, устроенных из рогож, натянутых на колья. Ормара, имеющий две гавани; Пасни, доминируемый «дворцом телеграфа», в котором живут англичане,—не больше, как незначительные деревни. Но Гвадар, главный город белуджистанского Мекрана, представляет настоящий большой город для полудиких окрестных племен, столицу, славящуюся, более чем на сто миль в окружности, великолепием своих зданий. Построенный в чрезвычайно живописной местности, на песчаной косе, соединяющей скалистый остров с твердой землей и с куполообразными и стрельчатыми горами Мехди, город группирует свои рогожные домики вокруг четырехугольной крепости, у подошвы которой виднеются полукруги обоих заливов, с их барками и судами всевозможных типов. К белуджистанцам, составляющим ядро населения, присоединились люди всех торговых наций востока: персы, банияхи из Индии и Занзибара, евреи и малайцы; арабы немногочисленны, но они тут главные хозяева. Самая богатая отрасль промышленности Гвадара—рыбная ловля: по сведениям Мак-Грегора, туземцы имеют сотни лодок и около тридцати больших судов для плавания в Маскат, Курачи, Бомбей и Малабар. Британские пакетботы заходят два раза в месяц в Гвадарский порт и, таким образом, ставят его в прямые торговые сношения с цивилизованным миром. Привозные товары состоят преимущественно из бумаж-

2 Mac Gregor, цитированное сочинение.

3 Mich. Biddulph, „Proceedings of the Geographical Society“, april 1889.

4 Masson, „Various Journeys in Balochistan Afghanistan“, etc.

ных и других тканей, из строительного леса, риса, сахара, тогда как для отпуска за границу караваны доставляют в порт изнутри страны шерсть, хлопок в сыром виде, масло из долины Кедж и превосходные финики из Джалка и Панджгура; также вывозятся в огромном количестве соленая рыба и плавники от акулы, служащие для китайских гурманов лакомым блюдом. По сторонам холма, господствующего над полуостровом Гвадар, виднеются остатки бывшего обширного водохранилища португальской постройки[1].

Часто считают Кедж как главный город белуджистанского Мекрана, но на самом деле такого города нет: Кеджем называются несколько оазисов, вместе взятые, и каждый из них имеет свою отдельную деревню[2]. Точно также Тан, Ман, Нигор, Сами, Дахт, Паром, Панджгур—не больше, как конфедерация нескольких деревушек, рассеянных посреди оазиса. Сады Панджгура, орошаемые каналами, постройку которых приписывают духам, производят семнадцать сортов фиников.

Главные города Белуджистана с их приблизительным населением:

Келат, по Белау—14.000 жит.; Зери, по Куу (Соок)—10.000 жит.; Гандава—5.000 жит.; Бела, по Карлессу—4.500 жит.; Шаль или Квета, по Белау—4.000 жит.; Мустанг—4.000 жит.; Баг—3.000 жит.; Гвадар, по Мак-Грегору—2.500 жит.; Хоздар—2.500 жит.; Ормара, по Милю (Miles)—2.000 жит.; Сонмиани—1.500 жит.

Хан принадлежит к белуджистанскому племени Камбарани, считающему себя арабского происхождения и не выдающему своих дочерей в замужество в другие племена. Живя попеременно в Келате и Гандаве, хан номинально включает в пределы своей империи огромное пространство; но между вассалами вице-короля Индии он считается наименее могущественным и наименее богатым: главная статья его дохода заключается в субсидии, получаемой им от его покровителей-англичан. Согласно первому трактату 1841 г., когда английская армия, в числе 1.260 человек, появилась пред стенами Келата и заставила хана подписать условия, он признал себя покорным вассалом Англии, дал клятву навсегда руководствоваться добрыми советами английского военного агента, имеющего постоянное пребывание при дворе хана, предоставил британскому правительству право ставить гарнизоны во всех городах Белуджистана, где оно признает необходимым, и обещал свое «подчиненное соседствие» во всех обстоятельствах. После всего этого ему приходится довольствоваться ежегодною субсидиею, которая низводит его на степень обыкновенного должностного лица соседнего государства. Всякий раз, как происходили беспорядки в ханстве, назначенная сумма задерживалась в Калькутте; но зато хорошее поведение также вознаграждалось англичанами, и содержание хана Келата увеличилось с 125.000 до 250.000 франков. Впрочем, условия, продиктованные Англией, клонились к укреплению власти хана над его собственными вассалами при посредстве преобразования, в его интересах, государственного устройства. Недавно Белуджистан, подобно стране афганцев, управлялся на основании феодально-федеральной системы: некоторые кейли, совершенно независимые в управлении своими внутренними делами, не присоединялись к другим кланам иначе, как только в силу дружбы; другие племена управлялись начальниками или сердарями, которые называли себя равными хану, или же держали себя независимо, заплативши дань и исполнивши должные почести по отношению к хану. Но английское правительство, высшая государственная власть, игнорирует второстепенных начальников: оно входит в сношения только с ханом; его оно считает ответственным за спокойствие в стране и, в случае нужды, оказывает ему помощь против бунтующих вассалов или непокорных племен. Высшими сановниками в государстве, после хана, всегда бывают двое старшин брагуи, сердари Джалавана и Саравана. Наследственный визирь хана принадлежит к общине деваров или таджиков, к тому племени, которое аккуратной уплатой податей помогает почти исключительно содержанию государства. Что касается до мелких племен Мекрана, они действительно независимы от центральной власти, и порт Гвадар, отдаваемый в наймы имаму Маската, управляется одним из его офицеров. Вооруженная сила, ко-

1 Green;—Goldsmid, „Journal of the Geographical Society“, 1863.

2 Haiee Abdun Nubee of Kabul translated by Robert Leech, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, № 153'

торою располагает хан, состоит приблизительно из 3.000 человек. Годовой бюджет не достигает миллиона франков.

Политические подразделения собственно Белуджистана, кроме страны пустынь и округов, обратно требуемых Персией, следующие:

Провинции	Столицы	Главные округа.
Шаль	Кавета (Кета)	
Келат	Келат	
Качи-Гандава	Гандава	
Сараван	Сараван	Сараван, Нушки, Каран, Мушки
Джалаван	Хоздар	Хоздар, Зораб, Вадд, Кольва
Лас	Бела	
Мекран	Гвадар	Мекран, Дахт, Кедж, Панджгур, и проч.

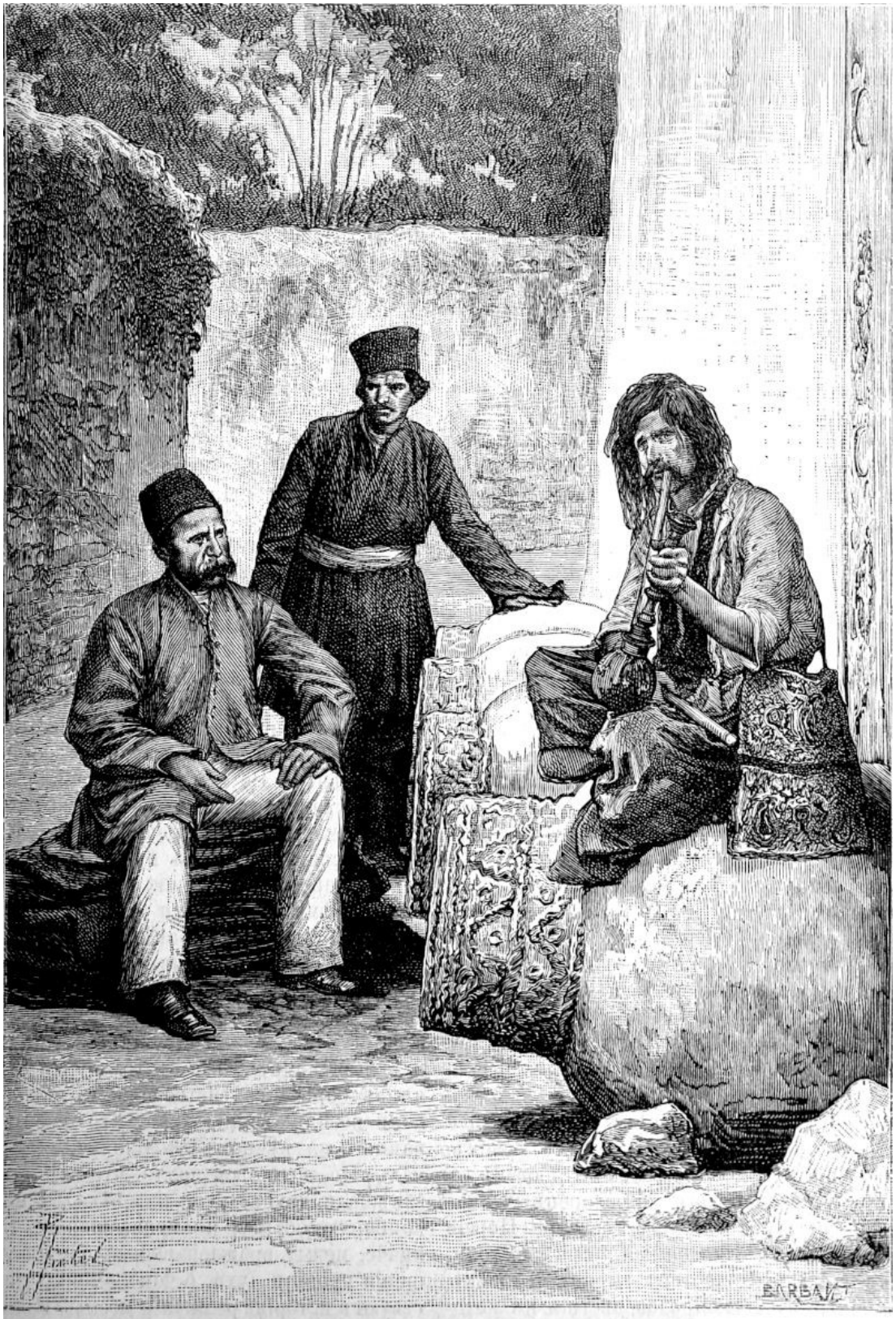
Глава IV Персия

I.

Название Персии или Фарсистана присвоивается, в наше время, даже в самой стране, только одной небольшой провинции государства. Персы называют свое отечество древним названием Ирана, которое, впрочем, употребляется и в географическом смысле для всей страны плато, лежащей между бассейном Евфрата и Инда. С исторической точки зрения, слово Иран имеет еще более широкий смысл, как противоположное слову Туран: оно относится ко всем цивилизованным народам, более или менее чистого иранского происхождения, которые не только на плато, но также и в равнинах Оксуса посвятили себя обработыванию земли и занятиям определенными промыслами, среди полудиких номадов, пришедших с севера. В истории Передней Азии, название Ирана олицетворяет традиции труда и интеллектуальной культуры: оно напоминает о долговременной борьбе с варварскими племенами могущественных наций, следовавших друг за другом из века в век. Гордясь древностью своего происхождения и образованностью своей расы, персы относятся с презрением к окрестным народам, менее культивированным и позднее их занявшим место в истории цивилизации. Как бы ни были велики успехи западных народов в науках, искусствах и промышленности, персы, тем не менее, считают свои дворянские роды гораздо выше этих поздних пришельцев в мир. Весьма вероятно, что часть Ирана играла одну из самых важных ролей в общей истории человечества. Известно, что народы, говорящие на арийском языке, происхождение своих наречий должны искать на плато, где был в употреблении язык зендский, и что во все времена персидский язык считался соседними народами языком по преимуществу цивилизованным; еще и в наше время, афганцы и белуджистанцы умышленно говорят по-персидски, чтобы приобрести более уважения со стороны своих слушателей. Даже в Индустане персидская литература долго боролась против влияния санскритского языка и всех происшедших от него языков: еще недавно индусский словарь, столь распространенный по всему полуострову, состоял главным образом из персидских слов, занесенных покорителями Ирана.

И какое первостепенное влияние имела страна Зороастра на религиозное развитие в Передней Азии и Европе! В священных книгах древних персов борьба двух начал выражена с наибольшей яркостью и силой, и из них-то черпали свои более слабые верования в непрерывную борьбу «Добра» со «Злом» последующие религии, с их враждебными армиями ангелов и демонов. Во время первых проблесков христианства, влияние Персии обнаружилось в появлении многочисленных сект; еще и в наше время христианские доктрины сохранили неизгладимые следы этого влияния. Культ, известный под специальным названием «персид-

скаго», не имеет более последователей даже в своем отечестве; но существуют цветущие общины парсов в Индии, где он еще держится до сих пор. Совратившись в ислам, иранцы придали победоносной религии новую форму: они сделались шиитами, нарушив таким об-



Благородный персъ, дервишъ и нищій.

разом единство магометанства. В других странах почти исключительно преобладают сунниты, как-то: на западе Азиатской Турции, на юго-западе и на юге Аравии, на востоке Афганистана и в Индии, и на севере у туркменов. С возникновением шиизма, религиозное движение продолжалось в Персии, и современный пантеизм западных народов приближается

гораздо более, нежели обыкновенно думают, к азиатским идеям всеобщего обоготворения, которое нигде не находило более горячих толкователей, как у персидских поэтов. Всякая философская идея, всякий новый догмат находят себе в Персии красноречивых защитников или ревностных проповедников. Иран может быть смело назван главным центром возникновения религий всех народов.

Эта страна, роль которой была столь значительна в истории Азии и всего мира, численностью своего населения представляет весьма незначительную частицу человечества. Как велико число всех жителей Ирана, считая в том числе турок, курдов, белуджистанцев и арабов? Никак не более десяти миллионов. Обыкновенные исчисления, сделанные путешественниками, европейскими чиновниками и наиболее учеными туземцами, колеблятся между 7 и 8 миллионами жителей[1]. Занимая поверхность земли, превосходящую в три раза Францию, Персия населена в пять раз менее её и в пятнадцать раз менее пропорциально занимаемой территории; даже большая часть страны совершенно безлюдна. Хотя некоторые ученые и говорят о пятидесяти миллионах персов, населявших империю Дария, но кажется не совсем вероятным, чтобы даже и в цветущую эпоху Азии народы во множестве теснились к Ирану: с одной стороны пески, глинистая почва, солончаковые пространства, хотя и менее обширные, чем в настоящее время, граничили с просвещенным краем, а с другой стороны преграждали доступ к нему крутые скалы гор. У покоренных народов окрестных равнин государи Персии набирали свои прославленные армии, состоявшие из нескольких сотен тысяч человек, и громадные запасы продовольствия, в котором они нуждались для своих походов в Скифию, в Среднюю Азию, во Фракию и в Грецию. Но как ни была ничтожна численность персов в древнем мире, они пользовались преимуществом, которое им предоставляло географическое положение их страны.

В историческом отношении иранское плато имеет значение проходной дороги, на которую попадали народы различных рас, направляясь с востока на запад. В этой части Азии, с одной стороны—Каспийское море, а с другой—Персидский залив съуживают материк на пространстве, меньшем 700 километров. По исключении из этого перешейка низменных и нездоровых местностей прибрежья, равно как и областей слишком гористых для того, чтобы можно было сделать их более удобными для перехода, остается, для движения переселенцев между двумя половинами соединенных континентов, пространство около 500 километров. Неведомые степи Скифии, лежащие на север от Гирканского моря, служили местом кочевья только для номадов-дикарей, которые не входили в сношения с цивилизованными народами. История, в настоящем значении этого слова, следы которой не изглаживаются из памяти народов, могла иметь место только на узком плато, находящемся между Эльбурсом и Сузианскими горами. Именно там должны были встречаться представители различных рас, с их наречиями, с их цивилизацией, с их религиями, и где, следовательно, должны были развиваться новые идеи, возникавшие чрез сношения и взаимное проникновение этими различными элементами, имевшими свое собственное развитие. Во все исторические эпохи, народы «туранскаго» происхождения были наросшим элементом по отношению к «арийцам» на иранских плато. В прежния времена мидяне и персы, а в наши дни турки и фарзи, между всеми языческими элементами, находящимися на-лицо в стране, являются представителями двух больших рас Центральной Азии. Внешние и внутренние раздоры, областная и местная вражда беспрерывно продолжаются между разноплеменными обитателями, и нельзя сомневаться в том, что эта постоянная борьба содействовала в сильной степени возникновению иранского учения, основанного на вечном столкновении двух начал. Но, несмотря на то, что все эти враги завещали друг другу из века в век бесконечную борьбу, не произошло ли, так или иначе, между враждовавшими племенами смешения крови и духа, о чем именно свидетельствуют история, религия и поэмы? Иран, так сказать, служил лабораторией, в которой племена быстро перерабатывались, выходили из неё совершенно иными, в сравнении с тем,

1 Пространство и население Персии: 1.647.070 квадр. километров; 7.655.000 жителей; 5 жит. на квадр. километр. (Houtum Schindler, Behm et Wagner, „Bevo kerung der Erde“, VII).

какими были при вступлении.

При выходе из узкого корридора иранских плато, эмигрировавшие народы видели перед собою более простора. С одной стороны они могли спуститься в долину Евфрата и достигнуть берегов Сирии, а чрез прибрежье проникнуть в Египет; с другой стороны, пред ними открывались на западе дороги в Малую Азию и в Европу, чрез проливы и Эгейское море, или же им представлялся еще выбор между дорогами Закавказья, имевшими сообщения с сарматскими равнинами чрез различные «входы» Кавказа, на востоке, в середине и на западе горного хребта. Так расходятся из западной Персии большие исторические дороги, по направлению к Египту, в южную Европу и в северные страны.

В прежнее время почти недоступная, расположенная в центре векового соединения континентов, Персия в наши дни не находится в прежних географических условиях. На юге море, препятствовавшее в былое время доступу в страну, теперь, напротив, соблазняет иностранцев к попыткам. На севере Каспийское море уж более не теряется в безъизвестных пустынях: оно окружено военными дорогами и цепью колоний, и линии правильных пароходных сообщений соединяют порты и дороги противуположных берегов. Итак, Персии, которой, две тысячи лет тому назад, нечего было опасаться ни с северной, ни с южной стороны, теперь угрожают именно с этих двух сторон две, имеющие наибольший вес в Азии, державы, которых столицы находится в Лондоне и в Петербурге. Поставленный между этими соперницами, Иран пользуется лишь фиктивной независимостью. Уже в 1723 году русские завладели на некоторое время всем западным берегом Каспия; с 1828 г. они взяли у Персия все области Закавказья, а новейшим трактатом они изменили в свою пользу границу, еще не так давно вызвавшую спор, которая прилегает к стране туркменов; наконец островок Ашур-аде, который они занимают в юго-восточном углу Каспийского моря, служит наблюдательным постом, откуда казаки, в случае надобности, могут чрез несколько дней явиться в столицу шаха. В Персидском заливе, сделавшемся «английским озером», как Каспий стал «русским озером», главенство бесспорно принадлежит британским консулам. Мало того, гарнизон сипаев занимает стрелку мыса Джаска, при входе в залив, и достаточно самой незначительной морской демонстрации, чтобы отнять у персидского правительства грузы всех его морских таможен. По воле Англии, персидский шах должен был отказаться от завоевания Герата и согласиться «исправить» свои границы в Сеистане. Внутри страны, русских офицеров, равно как и английских, принимают как хозяев: они могут вполне безопасно чертить карты, снимать планы, собирать для стратегическаго изучения страны необходимые сведения, сохраняемые большею частью в секрете в военных архивах обоих государств. Хотя со времени Марко Поло, Персия и была довольно часто посещаема иностранцами; хотя еще и до сих пор читаются с живым интересом путешествия Тевено и Шардена, и хотя в течение этого столетия появились весьма ценные труды, изданные французскими и немецкими учеными,—но по части картографических документов наиболее других заслуживают внимания те, которые составлены англичанами и русскими по обоюдному приказанию их правительств. По съемкам, произведенным на месте двумя генералами: английским—Вильямсом и русским—Чириковым, была размежевана турецко-персидская граница в стране курдов.

II.

Не имея определенных естественных границ со стороны востока, где Афганистан и Белуджистан продолжают плато, равнины и горы Ирана, Персия тремя остальными своими фасами образует совершенно отдельное географическое целое. Складки местности над поверхностью туркменских оазисов и вдоль южных берегов Каспийского моря, другие возвышенности по берегам Оманского и Персидского заливов, наконец уступы гор, господствующие над равнинами Месопотамии,—составляют внешний оплот Персии. Внутри этой гористой ограды тянутся равнины, направляющиеся к центру и непредставляющие на большей части своей поверхности ничего, кроме песков, твердой глины и солончаков. Население Ирана устремилось главным образом к окружности страны, на север, на запад и на юго-запад, в до-

лины, которые доставляют воду, необходимую для их пашен. Нигде не представляя из себя плотной массы, население тянется в виде двух полос, направляющихся одна с востока на запад, другая с юго-востока на северо-запад, которые встречаются между Каспийским морем и высокой долиной Тигра, в области Адербейджана. Там-то, в точке соединения населения и культуры обеих полос, высится Тавриз, наиболее населенный город Персии; здесь устанавливается единство страны. Если не обращать внимания на неправильности деталей, населенные местности расположены в виде угла, соответствующего углу, какой представляют в их целом горные цепи, идущие по окраинам плато.

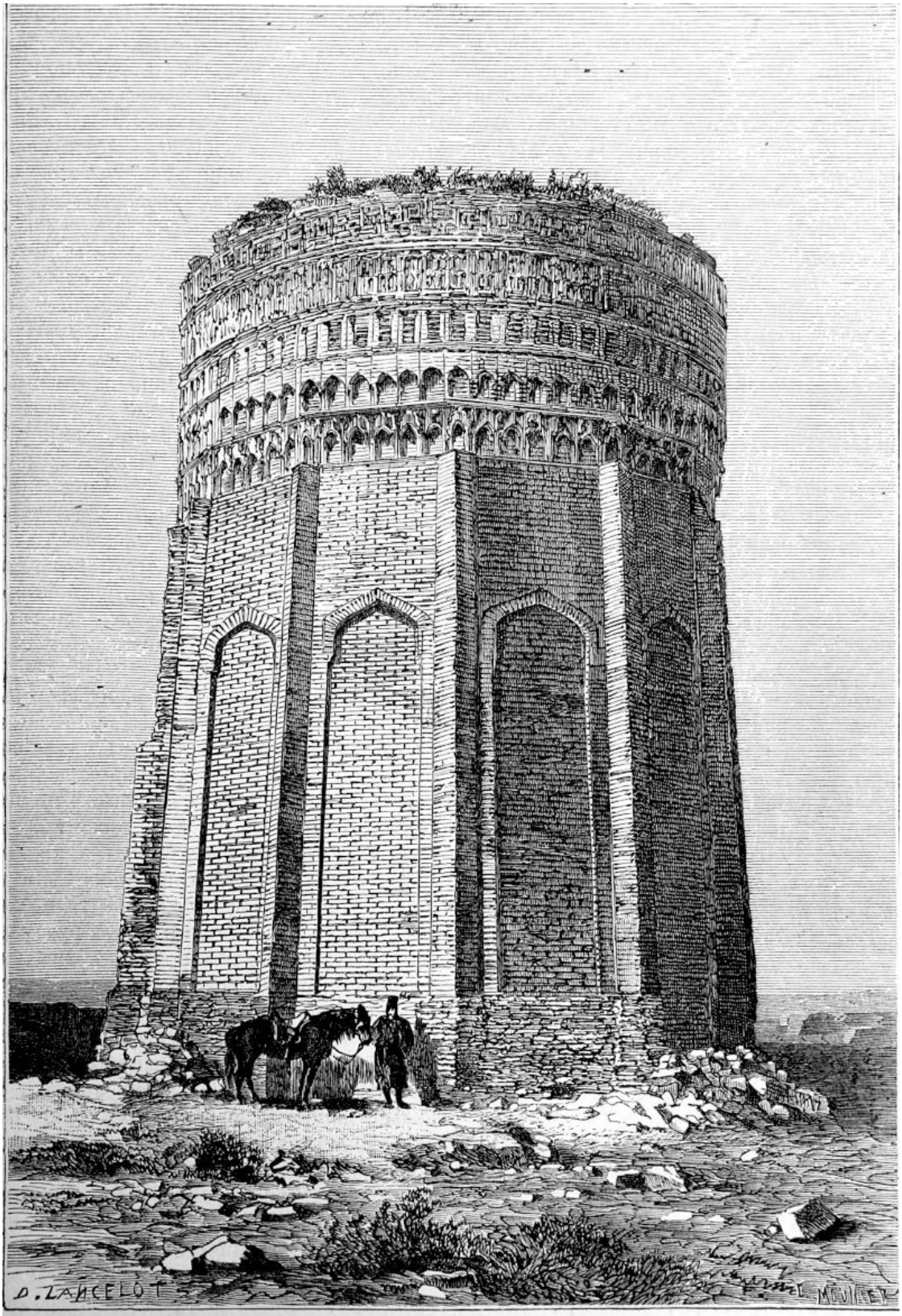
На северо-востоке, крайний хребет гор, составляющий естественную границу Ирана и Туркестана, в действительности, несмотря на отдаленность и промежуточную бездну Каспийского моря, есть правильное продолжение Кавказских гор. Апшеронский полуостров, подводные пороги, мели и островки, которые соединяются с Красноводским мысом, разделяя две глубокия пропасти Каспийского моря, наконец, два массива Больших и Малых Балкан—указывают самым точным образом на существование соединительной ветви между большим Кавказом и «Кавказом Туркменским», который под различными названиями Куран-дага, Копет-дага, Гулистанских гор, Кара-дага продолжается до разрыва, в который проходит Гери-руд. Далее, горы, которые тянутся сначала в восточном направлении, а потом в северо-восточном, принадлежат к системе Парапомиза. Вся эта страна Туркменского Кавказа начинает делаться известной в своих топографических подробностях, благодаря исследованиям русских топографов, которым поручено размежевание границы. Карта в $^{1}/_{84.000}$, оконченная несколько лет тому назад для страны нижнего Атрека, продолжает составляться для всего Даман-и-Коха или туркменского «Пиемонта», вплоть до оазисов Серакса и Мерва.

В силу пограничного трактата, заключенного в 1882 г., богатые долины, данницы Атрека, с принадлежащими к ним обширными пастбищами и превосходными дубовыми и кедровыми лесами, были отданы Персии. Но взамен этого русские наследуют от Ирана, в силу их притязаний на сюзеренство в Мерве, «ключ к Индии». Они взяли также у Персии некоторые долины Копет-дага, к западу от Асхабада и к югу от срытой крепости Геок-тепе, прославленной храброю защитою. В этом месте, которое напоминает о победоносных подвигах, русские присвоили себе весь склон горы, вплоть до раздельного хребта, и распоряжаются по своему усмотрению водами, орошающими поля и сады их подданных туркмен.

Что придает исключительную важность этому хребту, служащему границей Ирана, это то, что он обладает источниками и ручьями, которых воды испаряются вблизи гор, в песках равнины. Персы, обитающие в гористой местности,—природные собственники источников, которыми они пользуются для орошения своих полей. Но в этом климате, где небо так скупо на дожди и где летом бывает такой палящий жар, редко вода бывает настолько обильна, чтоб удовлетворить всех прибрежных жителей; жители верховья и низовья рек невольно становятся врагами одни других. Когда горцы-земледельцы, опираясь на армии, располагали необходимой силой, они всегда утилизировали до последней капли воду своих потоков: они следили за её течением, устраивая на известном расстоянии плотины, рыли каналы на скатах гор, расширяли направо и налево район пашен. Во времена персидского могущества, вся страна Атока или «Задержания вод»,—то-есть Даман-и-Кох,—была наводнена иранцами: туркмены были отброшены в пустыню, целый ряд городов и крепостей защищал от их вторжения возделанные земли, в которых исчезали последние струи влаги[1]. Но зато, когда грозные туркменские наездники прорвались сквозь ограду укреплений, с какою мстительною злобой они сжигали города, уводили в плен или убивали людей, которые лишали их питавшей воды, свежих долин, зеленеющих полей и лугов! До прихода русских, война между персами и пограничными туркменами продолжалась без перерыва. Последние, сделавшись более сильными, проникали чрез все горные ущелья, чтоб опустошать долины, лежащие по ту сторону гор. Традиционная вражда, разжигаемая различием расы, религии и нравов, поддерживалась причиной, постоянно усиливающей взаимную ненависть—неравным

1 H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society“, january 1883.

распределением воды: из двух народов один мог кормиться произведениями почвы, другому оставалось существовать грабежом. Ныне всемогущая воля России начертала границу, давши в одном месте туркменам источники рек, а в другом оставивши часть их персам, запре-



Башня Меймандан.

тив им увеличивать пространство прибрежных полей, а также увеличивать число или деление их каналов, под угрозой «строгого наказания». Но могут ли они препятствовать засухам, и если туркмены, покровительствуемые Россией, не будут по какой-либо причине иметь

воды, на которую рассчитывали, то не обвинят ли они в этом своих исконных врагов? Война, переменив форму, примет, может быть, дипломатический характер между двумя державами; но самая граница, препятствуя способу общей обработки земли к выгоде всех заинтересованных в этом сторон, не становится ли тем самым преградой к примирению пограничных народов?

Пограничный хребет, в своей восточной части, довольно однообразен по высоте; горы его, которых верхние скаты покрыты можжевельником, возвышаются от 2.400 до 3.150 метров. Несколько выдвинутых вперед отрогов и передния горы отделяют его высокую вершину от равнины; снизу, во многих местах, ничего не видно, кроме вершин этих второстепенных массивов. Один из них и есть знаменитая гора в Азии, Келат-и-Надир, названная «фортом Надира», потому что знаменитый завоеватель сделал из неё одну из своих цитаделей. Это—известковый утес продолговатой формы, имеющий 35 километров в длину, от востока к западу, при средней широте в 10 километров. Его откосом идущие стены возвышаются от 300 до 400 метров над равниной, представляя в некоторых местах вертикальные выпрямления от 100 и даже до 200 метров в вышину. Поток, берущий свое начало в южных горах, проникает чрез расселину внутрь Келат-и-Надира и разделяется на ирригационные каналы, которые оплодотворяют растительность, разбросанную во впадинах плато. В обыкновенное время воды оросительных каналов достаточно обильны, чтобы снова войдти в русло потока и вылиться в равнины чрез клюзу, которая проходит по утесу от юга к северу. Топи, образовавшиеся при выходе потока, делают иногда воздух страны весьма вредным для здоровья. Оба ущелья, где проходит ручей, равно как и три остальные бреши, открывающиеся в стенах массива, укреплены весьма тщательно, и на самой возвышенной точке утеса, на западе массива, высится цитадель, ныне разрушенная, среди которой уцелела одна деревня. От прежнего укрепленного дворца Надира вид распространяется далеко на серые равнины туркмен, а на юге взорам представляется длинный хребет Кара-дага или «Черной горы», продолжающийся на запад Хазар-Масджидом или «Ста Мечетями». Пик наиболее возвышенный, который дает название целому ряду пиков, разрезывается на множество игол, которые пылкое воображение богомольцев Мешхеда сравнивает с исполинскими минаретами[1].

К северо-западу от «Форта Надира» другие массивы, находящиеся вне южного склона хребта, граничат с богатыми и плодоносными бассейнами Дерегеза или «Долины Тамарисов», отличающимися наиболее яркой растительностью во всей Персии, после областей Каспийского прибрежья, в Гиляне и Мазандеране. У подошвы этих выдвинутых вперед гор останавливается ныне, у станции Асхабад, железная дорога, построенная русскими войсками со времени войны с туркменами текке и, впоследствии продолженная к Афганистану, идя вдоль подошвы гор. Русские инженеры предлагали также проложить железный путь, который проходил бы чрез хребет по одной из долин Дерегеза и спускался бы к юго-востоку по направлению к Мешхеду. В некотором расстоянии, по ту сторону ущелья Гарм-аба, оба склона главного хребта составляют часть новых русских владений: граница спускается в долину Замбара, затем проходит чрез свой приток Чамбир, и, идя вдоль раздельной линии между бассейном Замбара и Атрека, соединяется с устьем обеих рек. В этой области горы постепенно спускаются к Каспийскому морю, и на плато Ирана могут взобраться без труда путешественники, пробирающиеся по многочисленным долинам, пролегающим между расходящимися разветвлениями горных хребтов. Туркмены, живущие грабежом, хорошо знают эти дороги, позволявшие им еще недавно заходить в тыл населению плато, не имея нужды взбираться на восточный хребет, поставленный подобно оплоту над их степями.

Атрек, главный приток Каспийского моря на азиатском берегу, есть та самая река, которая дала название всему бассейну, расположенному между Копет-дагом и Иранским плато. Поднимаясь по главной долине, длина которой не менее 500 километров, доходят, таким образом, до Кучана, лежащего на высоте более 1.350 метров,—высокой равнины, которая образует раздельный порог между Каспийским морем и Гери-рудом. Тут представляется весьма

1 Napier, „Journal of the Geographical Society“, 1876;—Gill and Baker, „Clouds in the East“.

разительный пример того факта, что раздельные линии для стока вод не всегда совпадают с таковыми же линиями горных вершин. В этой области Персии, горизонт кажется закрытым со всех сторон высокими хребтами гор, а на самом деле это едва заметные выпуклости почвы, которые отбрасывают воды с одной стороны к Каспийскому морю, а с другой—к реке Герата. Как и на некоторые другие реки, так равно и на верхний Атрек, туземцы указывают, как на настоящий источник, т.е. не на такой, которого течение простирается далеко, а на такой, который никогда не перемежается. Этот источник, известный под названием Кара-Казана или «Черного Котла», есть бассейн, имеющий около пятидесяти метров в ширину; вода поднимается со дна тысячами вертикальных струй и разливается по поверхности ключами, которые беспрестанно перемещаются, пересекаясь своею кольцеобразной рябью. Вода «Черного Котла» слегка теплая[1].

К югу от продольного плоскогорья, в котором происходит разделение вод, высятся другие горы, в среднем менее высокие, но доминируемые несколькими вершинами, которые выше огромных вершин Туркменского Кавказа. Так, одна из вершин, которая виднеется к западу от Мешхеда, превышает 3.300 метров; другая вершина, Шах-Джехан, доминирующая над раздельным порогом между Атреком и Кашаф-рудом, такой же точно высоты; наконец, к юго-западу и к западу Буджнура, две горы достигают еще большей высоты: Ала-даг или «Пестрая Гора» (3.750 метров) и Куркуд (3.810 метров). Все вместе взятые, эти различные горные хребты северо-восточной Персии тянутся параллельно длинному пограничному хребту Копет-дага, то-есть от северо-запада к юго-востоку, но они более неправильны в своем главном направлении и перерезаны большим числом брешей. Тем не менее, они представляют более трудности при переходе, вследствие недостатка воды и отсутствия зелени: дожди, приносимые полярными ветрами, и те, которые приносятся экваториальными течениями, одинаково задерживаются при проходе чрез пограничные горы плато; ливни весьма редки на высотах, расположенных внутри иранской ограды.

В общем, горная полоса, ограничивающая Персию, к северо-востоку странным образом изменяется в ширину. Тогда как на западе толщина стены, отделяющая равнины Астрабада от равнин Шахруда,—Каспийскую область от пустынных пространств центральной Персии,—едва достигает до сорока километров, на востоке параллельные хребты присоединяются к главному гребню гор, и от запада к востоку они получают все более и более значительную ширину, так что развертываются полукругом на восток от большой пустыни. Между Персией и Афганистаном, под меридианом Мешхеда, гребни гор, следующие друг за другом с севера на юг, почти все идут, сообразно с нормальным направлением персидских гор, от северо-запада к юго-востоку, в числе двенадцати, не считая второстепенных отрогов: дорога из Мешхеда в Сеистан, по которой проходят караваны, представляет непрерывный ряд подъемов и спусков; на некоторые из них, благодаря крутизне скатов, весьма трудно взбираться; почти повсюду находишься на высоте более 1.000 метров, а многие бреши гор превышают 2.000 метров. С другой стороны, плоскогорья, разделяющие параллельные хребты, представляют во многих местах песчаные и пустынные пространства. Итак, хотя все эти промежуточные проходы составляют естественную дорогу, которая ставит в сообщение Персию с Афганистаном, но трудности, встречаемые на дорогах, пролегающих по пескам, или по крутым горам, побудили сделать из этой страны «проезжую дорогу» между двумя государствами. Кроме того, набеги туркмен, которые в этих странах, благоприятствующих засадам, врывались бешеными кавалькадами внутрь их равнин, более чем на 500 километров, много способствовали тому, чтобы сделать из этих стран настоящую границу, где встречаются персы с афганцами[2].

Горы, господствующие своими лесистыми скатами над южным полукружием берегов Каспийского моря, известны под общим названием Эльбурса. Впрочем, название это принадлежит только одному изолированному массиву, тому, который высится на северо-западе Теге-

1 Gill and Baker, „Clouds in the East“.

2 Mac Gregor, „Narrative of a Journey through the province of Khorassan“.

рана; это—древний Альборджь, «первая гора, от которой возникли все прочия», центр семи «симметрических частей земли, соответствующих семи небесам планет и семи кругам ада», лучезарная вершина, упирающаяся в небо, источник вод и колыбель человечества[1].

В действительности все эти высоты, находящиеся между русским морем и персидским плато, не составляют единого хребта, а отдельные звенья, соединяющиеся одни с другими посредством второстепенных отрогов. Первый восточный массив и один из наиболее возвышенных—это Шах-Кух (Шах-Кох)[2] или «Королевская гора». Его изрезанный хребет, представляющий контраст своими пилообразными зубьями с куполами большинства других гор Эльбурса, возвышается к западу от луговых вершин, имеющих столь важное значение с военной точки зрения, которую разделяют равнины Астрабада от равнин Шахруда: именно там и пролегает одна из исторических дорог, наиболее часто проходимых между Ираном и Тураном. Высота порога в Чалчанлианском ущельи достигает 2.620 метров, а наиболее возвышенные иглы Королевской горы господствуют над проходом, высотой около 1.500 метров. Груды снега наполняют круглый год южные впадины, ближайшие к вершине, к великому огорчению горцев, обязанных платить дань снегом губернатору Астрабада. Деревня Шах-Кух-Бала, расположенная на высоте приблизительно 2.400 метров, на южной покатости горы, считается самым возвышенным населенным пунктом в Персии. Угольные копи и залежи каменной соли находятся в известковых и песчаных скалах Шах-Куха и соседних гор.

Ущелье, посещаемое чаще Чалчанлианского, потому, что оно сокращает на целые сутки путь путешественникам, отправляющимся из Тегерана в провинцию Астрабад,—огибающее на западе вершину Шах-Куха, называется Шамшербурским или «Ущельем, прорубленным мечем». Туземцы видят в этом подвиг Али и рассказывают, что герой этот, прорубивши гору, бросил свой меч в Каспийское море; от этого происходят и все бури, часто волнующие это море. Немного найдется ущелий, похожих более на портал, сделанный рукой человека, чем эта вторая брешь Ролана, но менее высокая и менее грандиозная, чем та, которая в Пиренеях. Верхнее ущелье, длиной в 135 метров и шириной от 5 до 6-ти метров, доминируется и с той и с другой стороны двумя скалами в виде столбов, которые совершенно отделены от остальной горы и гладкия стены которых имеют от 6 до 10-ти метров в высоту. По словам Непира, мнение которого не подтверждается подлинниками других авторов, этот природный вход и есть то ущелье, которое греки называли «Каспийскими ущельями»[3]. Известно, что Шамшербур есть одна из древних дорог Мидии. Различные местные поверья свидетельствуют о святости, в которую облечена вся эта страна, посещаемая людьми всех стран. Так, скала, находящаяся близ деревни Астаны, там, где сходятся несколько дорог, на юго-западе ущелья, носит отпечаток ноги. Место это обнесено решеткой, в ограждение от назойливого любопытства вольнодумцев, столь многочисленных в Персии. Этот отпечаток ноги приписывался прежде богам; ныне чтится шиитами, как свидетельство посещения Али. Вблизи этого места бьет сильный источник, по всей вероятности самый сильный во всей Персии: это—Чесмех-и-Али или «Источник Али», дающий, по словам Непира, до 3-х кубических метров в секунду. Он оплодотворяет поля Астаны, создавая зеленый оазис среди всех этих желтоватых скал, наводящих уныние полным отсутствием растительности, как почти все скалы южного склона Эльбурса. Но источник этот более ценится, благодаря своей таинственной очистительной силе, нежели свойствам удабривания: богомольцы, отправляющиеся в священный город Мешхед, никогда не забывают погрузиться в его воды. Впрочем, кажется, источник Али считается целебным для лечения накожных болезней.

По ту сторону Шамшербура, главный хребет, известный под специальными названиями Хазар-джара и Савад-куха, правильно продолжается к юго-западу, обращая к Каспийскому морю крутые скаты, покрытые роскошной растительностью, а в сторону плато, напротив,

1 Boundehech;—Eugene Burnouf;—Michel Breal, „Melanges de mythologie et de linguistique“.

2 „Кух“—по-персидски, „Кох“ по-афганистански—одно и тоже иранское слово, обозначающее: горные хребты, массивы, или отдельные вершины.

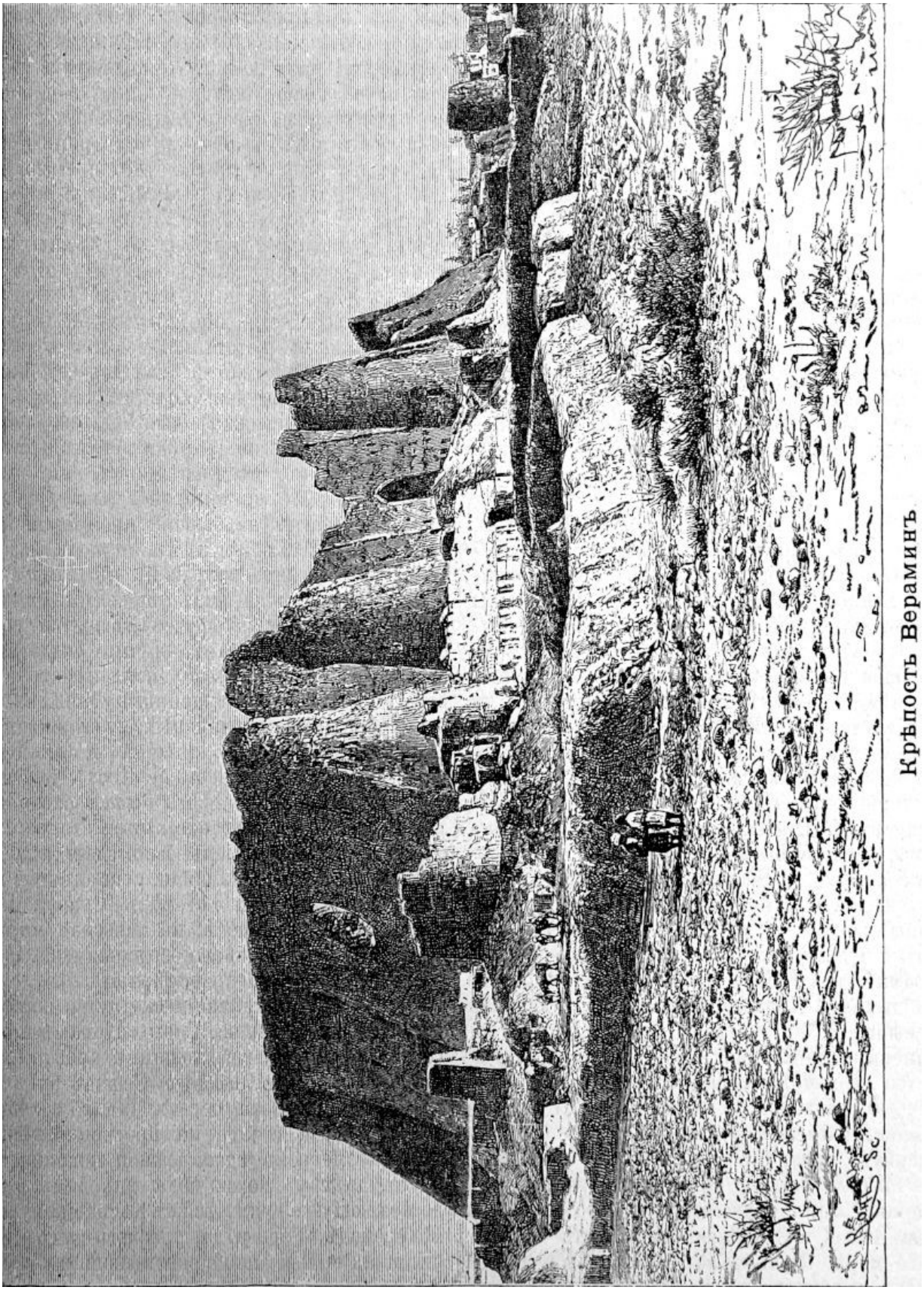
3 „Journal of the Geographical Society“, 1876.

спускаясь последовательными террасами, то каменистыми, то зелеными, и не имея растущих деревьев нигде, за исключением некоторых впадин, где журчат воды источников. Самая обильная водою река в этой части Мазандерана—Тилар или Талар, которая получает свое первоначальное течение не с северного склона гор, а с южного. Она берет свое начало на плато Кинг, на высоте более 2.850 метров; затем, соединив множество притоков, пробуравливает себе выход сквозь хребет Эльбурса. Дорога, по которой недавно еще так часто проезжали, до постройки дороги, пролегающей более на запад,—входит в эту клюзу и спускается к берегу Каспийского моря; она служит для караванов, доставляющих в столицу дрова, уголь и съестные припасы. Высокая гора Незвар (3.965 метров) господствует над ущельем с восточной стороны, окруженным почти кольцеобразно притоками Талара. Развалины крепостей, приписываемых, как и множество других сооружений в стране, Александру Великому, защищают входы в ущелье, близ деревни Фируз-Кух. Параллельный хребет, гораздо менее возвышенный и состоящий большею частью из конгломерата и каменных обломков, отделяет эту часть Эльбурса от лежащих внутри пустынных равнин. Его называют горой Самнан, по имени города, наиболее имеющего значение на дороге, идущей вдоль её южной подошвы. Передняя гора этого хребта, которая выдается далеко в пустыню, пересекая дорогу, по всей вероятности, та самая, которой ущелья ныне известны под названием Сирдара, а прежде назывались «Каспийскими ущельями». Многочисленные развалины укреплений свидетельствуют о той важности, какую придавали обладанию этим проходом, с помощью которого можно избежать длинного обхода по солончаковым равнинам юга, или по скалистым горам севера[1].

Самая высокая вершина Эльбурса, Демавенд, которого пирамида высится на 2.000 метров над окружающими горами, геологически совсем не принадлежит к иранской орографической системе: это—вулкан, весь составленный из скал, смешанных с извержениями и лавой, тогда как все горы, образующие пьедестал Демавенда, состоят из осадочных слоев извести и песчаника, слои которых нисколько не расстроились от появления верхнего конуса[2]. Груды шлаков были выброшены расщелинами почвы поверх переднего возвышения гор и плато, и во многих местах можно видеть огнезданные скалы, покрывающие известковые слои. Но на восточной стороне вулкана можно заметить громадную расщелину, которая образует почти раздельную линию между веществами, выброшенными землей, и осадочными слоями. Центральный конус немного наклонен к западу, как будто бы его восточная база приподнята; зазубренный полукруг, остаток более древнего кратера, окружает пик, как другая Сомма окружает Везувий, но больших размеров[3]. Высота вулкана, наиболее возвышенного конуса в Персии, была высчитана различно: по словам Кочи—первого европейца, достигшего кратера, после ботаника Ошера Элуа,—высота вулкана достигает только от 4.200 до 4.500 метров, судя по поясам растительности; но Томсон, Лемм и некоторые другие ученые прибавляют к этому вычислению еще более 2.000 метров. Измерения Ивашинцова, которые он делал тригонометрическим способом, доходят до 5.628 метров. Персидские ученые, которые считают Демавенд самой высокой горой на земле, при полном непонимании меры, говорят, что высота его достигает 30 километров[4]. Из Тегерана видно его даже ночью господствующим над горизонтом, и когда солнце восходит за Эльбурсом, то от него огромная черная тень ложится далеко над парами равнины; его видно даже от подошвы Кашанских гор, через полосу пустынь. Кажется, с исторических времен Демавенд не производил извержений; но столбы пара часто поднимаются из трещин вершины, и особенно из случайного конуса Дуди-куха или «Дымовой горы», которая высится на южном склоне. Эти пары часто растопляли слои снега, покрывающие верхний конус, а также маленькие ледники в кругообразных лощинах, причиняя таким образом страшный потоп, уносивший лавины обломков на ниж-

1 Ouseley;—Fraser,—Tuilliier;—Morier;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.
2 E. Tietze. „Verhan Hungen der geologischen Reichsanstalt“, 1877, № 2.
3 F di Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“.
4 Czarnotta, „Mittheilungen von Petermann”, 1859, II.

ния террасы. Теплые источники, весьма обильные, возникшие на окружности горы и распространяющие такой же серный запах, как и дымовые трещины вершин, образовались из растаявших снегов, просачивающихся сквозь слои пепла. Их употребляют только при лече-



Крѣпость Верамин̈ъ

нии болезней; земледельцы считают их пагубными для растительности. Кроме того, железистые источники и другие, выбрасывающие травертиновый туф, текут в изобилии со скатов Демавенда. По исследованиям де-Филиппи, вулкан был еще в действии и тогда, когда на

иранском плато наносы заполнили верхом древние озера.

По сказаниям легенды, Демавенд или Дивбанд («Жилище Див или Духов»), был свидетелем всех событий, скрытых под завесой мифов. Там, говорят магометане Персии, остановился Ноен ковчег; там жили Джемшид и Рустем, воспетые в эпопеях; там Феридун, победитель исполина Зогака, зажег торжественный огонь, который напоминает, может быть, о древних извержениях: там заперто чудовище, а пары, выходящие из горы, это—дым из его ноздрей; там также пригвожден, подобно Прометею, Язид-бен-Джигад, печень которого, беспрестанно возрождающаяся, пожирается исполинской птицей[1]. Гроты вулканов наполнены сокровищами, которые стерегут змеи. Туземцы идут туда только для собирания серы, лежащей в жерле кратера и в соседних с ним дымовых трещинах. Подъем на гору трудный, хотя скаты везде правильные и поверхность из лавы и пепельные откосы нигде не прерываются пропастями. В предохранение от скорбута, который, благодаря испарениям почвы, становится иногда опасным, взбирающиеся на гору имеют обыкновение жевать чеснок или лук. Часто случается, что искатели серы погибают от внезапных бурь, поднятых одновременно снегом и пеплом, смешанными с сернистыми парами, что делает атмосферу невозможною для дыхания. Края кратера, которого впадина превышает 300 метров в окружности, заполнены льдом; при входе на гору, открывается громадный горизонт, более чем в 300.000 квадратных километров. Но весьма редко случается, что пространство не бывает задернуто туманом: сквозь серое покрывало из пыли и паров, едва можно различить у подошвы горы черные пятна, обозначающие сады Амола и голубую поверхность Каспийского моря, обрамленного желтоватой линией берега, изогнутого в виде полукруга. Со стороны иранских плато скорее угадываешь, чем видишь, города, окруженные садами: надо спуститься на выдвинутые вперед террасы, чтоб иметь перед глазами верную картину пространства, испещренного оазисами, «подобно коже пантеры»[2].

На северо-западе от Демавенда хребет Эльбурса принимает северо-западное направление, почти параллельное Каспийскому прибрежью, но мало-по-малу приближаясь к берегу. Точал-гора, которой длинная вершина господствует на севере над равниной Тегерана, достигает высоты 3.900 метров, и многие ущелья этой части Эльбурса превышают 2.500 метров. В них есть убежища, местами подземные, сохраненные близ входа для приюта животных и людей от снежных буранов. На северо-западе Тегерана, одна из вершин, не самая высокая гора Альп северной Персии, есть одна из тех «Соломоновых Тронов», которые находятся во всех мусульманских землях: Тахт-и-Сулейман Эльбурса достигает высоты не менее 4.400 метров[3]; в половине июля, она еще разливает блеск снегов; но на ней нет и следов ледников, ни нынешних, ни прежних[4]: Персия, в которой столько признаков указывают на бывший прежде период дождей и снегов, не имела периода льдов. В недалеком лишь расстоянии, к юго-востоку от Трона Соломона, над ущельями, к которым доступ весьма труден, высится, доминируемая горой Зиялар, крутая скала Аламут или «Орлиное гнездо», из которого «Старец Горы», король-священник «Убийц», т.е. правоверных, опьяненных «гашишем», сделал свою главную крепость и складочное место для своих грабежей. После долговременной осады крепость эта была взята монголами в 1270 году; остальные сто замков секты также вынуждены были сдаться; но религия, называемая Измаили, существует еще и теперь, и прямой потомок Старца Горы пребывает в Бомбее, в качестве мирнаго британского подданного, содержимый добровольными даяниями правоверных[5].

За Тахт-и-Сулейманом тянутся пастбищные вершины Самана. Горы спускаются отлогостями, а чрез всю толщину хребта протекает обильная водою река Сефид-руд (Белая река),

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII;—Melgounov, „Das sudliche Ufer des Kaspischen Meeres“.

2 Kotschy, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1859;—Rosenburg, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, mars 1876.

3 Von Godel Lannoy, „Allgemeine Zeitung“, oct. 1880-

4 De Filippi, цитированное сочинение.

5 H. Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

которая берет начало в горах Курдистана и течет на пространстве около 200 километров вдоль южной подошвы Эльбурса, до тех пор, пока находит брешь, дозволяющую ей ринуться к Каспийскому морю. На западе Гери-руда, Сефид-руд—единственная река, пробуравливающая местами вершины хребта, образуя таким образом диафрагму западной Азии. Брешь эта замечательна не с одной только географической точки зрения, но также и в отношении местных климатических явлений. Все путешественники жалуются на страшный северный ветер, поднимающийся летом с Каспийского моря и проникающий в ущелье Сефид-руда. Сначала он не особенно силен, но постоянно усиливается по мере того, как дальше проникает в ущелье и превращается в ураган при выходе из ущелья, там, где мост Менджгиль перекинут чрез поток. Легкие пары, приносимые этим ветром с моря, сгущаются на плато при соприкосновении с более холодными слоями воздуха и уже в виде густых облаков клубятся вокруг гор. Сейчас по наступлении дня, рискованно проходить по мосту Менджгиля: можно быть унесенным ветром; даже животные ни за что туда не идут. Легко себе объяснить происхождение этого атмосферического явления: во время жарких летних дней, долины, защищенные от северных ветров массивами Эльбурса, наполняются жгучей атмосферой; воздух Каспийского моря, втянутый в это горнило, стремится в воронку Сефид-руда и оттуда немедленно проникает в верхние слои воздуха плато. Зимой происходит противуположное явление: холодный воздух горных вершин вторгается в ущелье Сефида, притягиваемый менее холодною температурой Каспийского моря[1].

Горный хребет, снова показывающийся по другую сторону Белой реки и огибающий залив Ензели, затем продолжающийся к северу и выдвинувший в море свой мыс Астара, откуда течет поток, отмечающий границу между Персией и Россией,—считается обыкновенно принадлежащим к орографической системе, разнородной с Эльбурсом. Этот хребет есть продолжение Талышских гор, первые холмы которых возвышаются в Закавказье над Муганскою степью. Гребень этих гор вытягивается по прямой линии, километрах в двадцати от Каспийских берегов; во многих местах кручи представляются в виде вала над морем. Тем не менее, некоторые бреши в хребте дозволяют добраться до плато Азербейджана, и две идущие дороги,—одна от русского военного поста Астара, другая от небольшого порта Керганруда,—проходят чрез гору на высоте 1.980 метров; идущая южнее тропинка, которая огибает северные скаты Ак-дага,—не ниже 2.700 метров. Между этими двумя склонами Талыша контраст поразительный: с одной стороны виднеется море между ветвями деревьев, растущих на обрывистом скате; с другой стороны тянутся слегка волнообразные покатости плато, почти совсем лишенного растительности[2].

Узкая прибрежная полоса, образующая между горами и Каспийским морем две области, Гилян и Мазандеран, представляет страну, настолько разнящуюся от Персии и своим видом, и свойством почвы, и климатом, и произведениями, что в ней гораздо заметнее географическое влияние Кавказа, нежели Ирана, часть которого она составляет и с которым эта территория связана в политическом отношении. Контраст столь резок между плоскогорьями, простирающимися с южной стороны Эльбурса, и плодоносными долинами его северной подошвы, что многие ученые видели в этой противуположности одну из главных причин дуализма, составляющего основу древней персидской религии. Правда, если сравнивать Мазандеран с суровыми пустынями плато, он представляется раем по обилию своих вод, по силе и яркости своей растительности, по богатству своих садов. Но зато в другом отношении он невыносим, благодаря хищным зверям, обитающим в его лесах, несметному количеству комаров, тучи которых затемняют атмосферу, а также господству болотных лихорадок, действующих самым разрушительным образом на организм жителей. Эта прелестная страна была именно той, которую населяли злые духи. «Если хочешь умереть, ступай в Гилян», говорит персидская пословица. Другая причина, по которой нижний Мазандеран считался прокля-

1 Aucher Eloy, „Relations de Voyages en Orient";—Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin", 1876;—Melgounov, цитированное сочинение.

2 Thielmann, „Streifzuge im Kaukasus", etc.;—Hantsche, Talysch, „Eine geographische Skizze".

той страной, по сравнению с высокими местностями, заключалась в том, что «герои», т.е. победители, жили на горе и на передних холмах, тогда как в прибрежных местах, не защищенных болотами, работали порабощенные народы или данники, т.е. презренные. Прибрежная полоса, простирающаяся в длину около 600 километров, а в ширину имеющая не более 15 или 20 километров, не могла, очевидно, сделаться владением автономного народа: жители возвышенных местностей, внезапно спускаясь с гор, становились заранее хозяевами этих богатых посадов, которые они видели у своих ног. Но как бы ни был разителен контраст относительно почвы, климата и земледелия между иранскими плато и низменными областями Мазандерана, все же он представляет менее резкий переход от хорошего к худшему, нежели какой мы видим собственно в Персии: там просто поражает внезапный переход от зыбучих песков или голых скал пустыни к тенистому зеленому оазису, в котором слышно журчание фонтанов, пение птиц, и в чаще зелени которого скрывается многолюдный город.

Пары с Каспийского моря и приносимые полярными ветрами более, нежели какая-нибудь другая геологическая сила, содействовали тому, что Мазандеран обладает такой роскошной растительностью. Количество дождя, падающее на склоны Эльбурса, еще не измерено посредством сравнительных наблюдений; но на основании приблизительных вычислений известно, что дождь падает по крайней мере в пять раз больше на северных скатах горы, нежели на противуположных скатах, обращенных к Ирану[1]. Когда дождевые облака поднимаются с моря, то почти всегда видно, как они останавливаются на самой вершине гор, резко очерченные сухим воздухом, который покоится на плато[2]. После больших ливней, пресная вода, которую морской ветер выбрасывает на горы и которую затем уносят обратно потоки, покрывает на значительном пространстве соленые волны Каспийского моря. Предание, сообщенное Плутархом, говорит, что Александр Великий пил эту воду во время своего похода в Гирканию. Вследствие дождей, форма возвышения гор совершенно различна на двух покатостях персидских Альп. На юге Эльбурс высится правильными террасами, слегка надрезанными воздушными стихиями, а на севере его скаты изрыты по всем направлениям глубокими лощинами, осевшие частицы которых тянутся по почве узкой равнины в виде гравия или ила: с каждого холма, выдвинутого вперед, видны следующие друг за другом вдоль берега параллельные гребни мысов, из которых последние исчезают в густом тумане. Каждая из этих линий обозначает вход в долину, с её небольшими боковыми лощинами, и целую систему потоков, рек и ирригационных каналов. Хотя берега Мазандерана распространяются к северу до 36° широты, тем не менее они обладают если не тропической растительностью, то во всяком случае не менее богатой, как и на юге Европы. На севере Каспийского моря тянутся всюду степи и пустыни, на юге всюду виднеются итальянские деревни, где растут фиговые, миндальные, гранатовые, лимонные, апельсинные деревья. На холмах ростут кустарники самшитов (буксов), а кипарисы окружают деревни и замки. Выше леса, покрывающие скаты до 2.000 метров высотой, походят на леса центральной Европы и состоят преимущественно из ясеневых, буковых и дубовых деревьев. Европейцам, живущим в Тегеране, стоит только перейти чрез ущелье Эльбурса, чтоб почувствовать себя снова в своем отечестве. Возделанные поля, лежащие у подошвы гор, чрезвычайно плодородны: как говорил Страбон, «стоит зерну выпасть из колоса, чтоб произвести новую жатву; там деревья служат ульями для пчел и мед капает с их листьев».

Мазандеран продолжает быть садом Персии, и Тегеран пользуется от него рисом, пшеницей и фруктами, шелком-сырцом, равным образом лесом и углем из его лесов, и рыбой из Каспийского моря. Понятно, что государи Персии заботились о защите этой богатой провинции от вторжения разбойников-туркмен, рыщущих на юго-востоке Каспийского моря в долинах Атрека и Гюргена. Легко защищаемая с западной стороны, где холмы приближаются к морю настолько, что оставляют только узкие проходы, равнина Мазандерана имеет довольно широкий пролет с восточной стороны, к Гюргенской долине, к «Волчьей реке», которая

1 Oliver Saint John, „Eastern Persia“,

2 G. Radde, „Mittheilungen von Petermaim“, 1881.

дала название Гиркании древних. Надо было, следовательно, перерезать этот пролет стенами и башнями, опираясь с одной стороны на море, а с другой на горы: такой оплот должен был остановить яджуджей и маджуджей, племена «Гога и Магога», как их называли арабские ученые средних веков. Но чрез эти стены переступали не раз; поэтому и население Мазандерана состоит из большого числа земледельцев, происшедших от туркмен-номадов.

Хотя Каспийское море и очень глубоко вблизи побережья, судя по тому, что лот определяет глубину морскую в 750 метров на расстоянии всего только 30 километров от берега,— берег Мазандерана тем не менее совершенно не имеет хороших портов: наносы, приносимые с Эльбурса многочисленными потоками, подхватываются морскими волнами и осаждаются вдоль берегов. Почти повсеместно берег идет прямой линией или легкими извилинами. Единственный заметный выступ побережья образуется из осадочных наносов Сефид-руда, выдвигаясь по крайней мере на 25 километров против нормальной черты берега. Это осаждение земель морем объясняет возникновение обширного внутреннего залива, в который текут воды западного рукава дельты. Волны, захватывая наносы, приносимые Белой рекой, образовали из них прибрежный вал, окруживший водяное пространство, которое прежде составляло часть моря: это—Мурд-аб или «Мертвое Море» персов. Воды его, хотя и занимают пространство около 400 квадр. километров, совсем не глубоки: суда могут плавать там в небольшом числе по извилистому фарватеру; проток Энзели, соединяющий залив с Каспийским морем, дозволяет проходить только гребным судам, имеющим от 50-ти до 60-ти сантиметров осадки; места, поросшие камышем, распространяя на далекое пространство топи Мертвого моря, дали Гиляну его название, означающее «Страну Болот». Наиболее возвышенные местности равнины те, которые идут вдоль реки, как и во всех дельтах. Благодаря своему ежегодному половодью, Сефид-руд не перестает поднимать свои берега[1]: по старинному преданию, Лангеруд или «Река якорных стоянок», город, расположенный в наше время в нескольких километрах от моря, был когда-то портом Каспийского моря, и не так давно, в половине прошлого столетия, под почвой этого города не раз находили якоря.

Астрабадский залив, находящийся в юго-восточном углу Каспийского моря, походит на Мертвое море Гиляна, но он глубже, и чрез некоторые проходы туда проникают волны открытого моря; суда с углублением более 4-х метров могут входить в этот бассейн в благоприятную погоду. Стрелка, которую русские назвали Потемкинской, отделяет залив от открытого моря. Она постепенно съуживается от запада к востоку и кончается двумя островами, из которых наибольший, Ашур-аде, был выбран русским правительством для морской станции; рощи, изобилующие дичью, занимают почти всю окраину прибрежья. Астрабадский залив представляет, вместе с своими окрестностями, скорее вид затопленной местности, нежели залива первобытного образования: кажется; будто старый берег был разрушен, и деревни, лежащие за ним, были залиты приливами. Явления погружения в воду, которые были констатированы во многих местах каспийского побережья, именно в Баку и близ Ашур-аде у «Серебряного Холма» или Гумиш-тепе, делают весьма вероятным это вторжение моря в Астрабадский залив. Равным образом, замечались также следы понижения уровня каспийских вод во многих местах прибрежья, у Мазандеранского берега; понижение морского уровня не прекратилось. На различных высотах над уровнем настоящего берега можно наблюдать линии, проведенные ударом волн в эпоху, когда внутреннее море соединялось, быть может, с Понтом Эвксинским. Некоторые из этих оставленных берегов окаймлены стволами деревьев, зарытых волнами наполовину в ил. Деревья эти одинаковых пород с деревьями соседних лесов, приносимыми потоками к морю и которые после сильного половодья виднеются плавающими во множестве вдоль берегов. Раковины, смешанные с песком старых морских берегов, все принадлежат к породам, живущим и в настоящее время в соседних морях, и некоторые из них сохранили свежесть своих красок. Но замечательно, как исключение, то, что сердцеобразные раковины, столь обыкновенные теперь в Каспийском море, не встречаются совсем на покинутом прибрежье: в этом видно указание на важные из-

1 Melgounow, цитированное сочинение.

менения в жизни моря, со времени уменьшения его вод. На южных берегах его и теперь еще формируются песчаные скалы: там попадаются не только раковины и обломки дерева, но также и остатки человеческой производительности, что доказывает, что агломерация этих песков в камни есть современное явление[1].

На западе Талышских гор высится почти изолированная гора, коническая форма которой кажется издали вулканом: это—Савалан, которого вершина достигает 4.844 метров; она почти постоянно покрыта снегом. От начала исторических времен не упоминается об извержениях пепла или лавы, которые бы потрясали эту гору. Путешественники, всходившие на нее, видели там только следы кратера; но обильные теплые источники бьют у её подошвы. На востоке, на севере и на юге Савалан совершенно отделен от окружающих гор. Только на западе высокий отрог соединяет его с Кара-дагом или «Черной горой», которой вершина идет полукругом к югу от ущелий Аракса и соединяется в Армении с массивом Арарата. Черная гора есть гребень, граничащий к северо-западу с иранским плато и закрывающий, таким образом, длинный вход, открывающийся между Эльбурсом и горами Курдистана. Но нельзя сказать, чтоб эта горная цепь, идущая на севере вдоль русской границы, служила бы естественной границей. Горы северной Персии, южного Закавказья и турецкой Армении составляют в их целом одну и ту же орографическую систему, соединяя горные хребты Ирана с хребтами Малой Азии: это та гористая страна, которой Карл Риттер дал название Медийского перешейка[2]. В этой стране почва равнин весьма возвышенна: наиболее глубокая низменность, представляемая впадиной озера Урмия, превышает 1.300 метров.

В северо-западном углу Персии, наиболее высокая гора, один из священных пиков иранцев—Сехенд (в 3.546 метров высотой), кругообразная подошва которого, имеющая 150 километров в окружности, погружена в бассейн озера Урмия; наверху этой природной обсерватории Монтеит чертил карту Азербейджана. который он видел распростертым у своих ног[3]. Гордый массив, образовавшийся из трахитовых скал, на которые наслоились известь, сланец, песчаник, конгломераты,—весьма обилен всякого рода источниками, теплыми и холодными, кисловатыми, железистыми, серными. Источники Сехенда питают водохранилища Тавриза. На западном склоне, воды, сильно насыщенные солью, стекают в Урмийское озеро, увеличивая его солоноватость. Глубокая пещера в горе, Искандериях или «пещера Александра», выделяет в изобилии угольную кислоту, и животные, проникшие в эту расщелину земли, неизбежно погибают. Груды костей от умерших заграждают вход: по словам туземцев, в глубине этой пещеры, оберегаемой такой ядовитой атмосферой, Александр зарыл свои сокровища[4]. Скалы восточного склона испещрены прожилинами меди и серебристого свинца. Туземцы идут разрывать руду с единственной целью добыть из неё свинец, посредством разведенного у себя дома огня, пренебрегая тем, что этот металл имеет большую примесь серебра, которую, впрочем, они не съумели бы извлечь[5].

На юге Савалана, треугольник, находящийся между Эльбурсом и хребтами гор, служащими границею западной Персии, занят различными массивами и отрогами гор, составляющими переход между двумя орографическими системами. Наиболее величественный из этих массивов, параллельный Эльбурсу и прикасающийся к нему своею юго-восточной оконечностью, с остальных трех сторон превосходно очерчивается длинною дугою, которую описывает река Кизиль-узен ранее своего слияния с Шах-рудом, при входе в Менджгильское ущелье. Массив этот—знаменитый Кафлан-кух, который служит одновременно и метеорологической, и исторической границею. На севере страна более влажна: это—страна проточных вод и пастбищ; на юге воздух суше, почва бесплоднее. По одну сторону население состоит главным образом из турок, по другую сторону большинство населения—персы. Кафлан-кух, не-

1 Tietze, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, 1875
2 „Erdkunde Asien,“ vol. VIII.
3 „Journal of the Geographical Society of London“, 1833.
4 Tavernier;—Ouseley;—Browne;—Monteith;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.
5 Czarnotta, „Geologische Reiehsaustalt“, 1852, II.

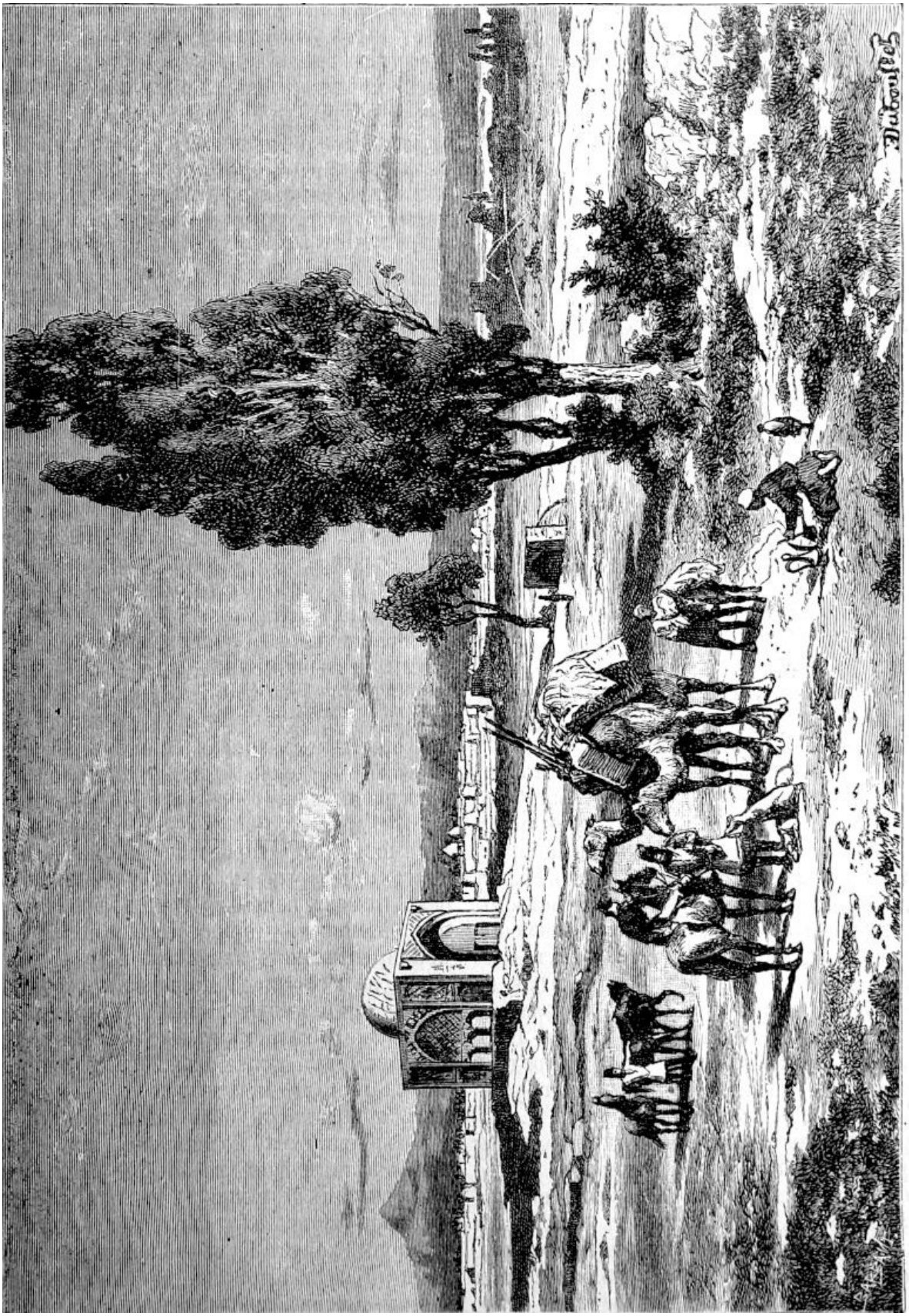
смотря на свою небольшую высоту в сравнении с Эльбурсом, горами Курдистана и Армении, и несмотря на легкость подъема на него по плохо вымощенной дороге,—считается как бы составляющим часть среднего раздела всего азиятского материка[1]. Впрочем, он действительно принадлежит к линии водораздела между Каспийским морем и персидской пустыней. Было бы более смысла назвать его «Пограничной горой», а не Тигровой горой, как обыкновенно его называют[2]. Кафлан-кух состоит из мергеля, местами переходящего в фарфор, вследствие извержений порфира[3]. Высокий хребет Камзех, простирающийся к югу, отделенный от Эльбурса долиной Шах-руда, подобно Савалану, весьма богат металлами: один из его отрогов, по которому приходится переходить из Султаниеха в Казвин, весь состоит из массы железистого камня, в котором количество металла весьма велико[4].

Горы Курдистана, поднимая некоторые из своих вершин на высоту почти столь же значительную, как Сехенд, примыкают к массиву Тендурека и, подобно этому конусу, который стоит прямо против двойной вершины Арарата, они частью также вулканического происхождения. Один кратер открылся в этой стране гор, и лава его текла широкой каменистой рекой над песками и гравием долины Зельмаса, северо-западного притока Урмийского озера. В некоторых местах река эта течет между базальтовыми утесами в сто метров вышиной[5]. Горы водораздела состоят большею частью из трахитовых порфиров, подобно Сехенду. Они начинаются на турецкой территории; только на юг от Урмийского озера, персидская граница, впрочем чисто условная, направляется к западу от первой вершины, чтоб затем спуститься в равнину и обогнуть подошву гор. Там не встречается таких складок почвы, которые бы в целом представляли столь поражающую правильность, какую мы видим в западной Персии. Горы однообразно направляются от северо-запада к юго-востоку, наклоняясь к югу немного более, чем понто-каспийский Кавказ и «Туркменский Кавказ». Большинство горных хребтов состоит из известковых и меловых скал третичной формации, тогда как предгория, которые ближе к Тигру, состоят большею частью из нуммулитов и свежего песчаника. Между всех этих гор гранитные ядра попадаются лишь на небольшом пространстве, если не считать того участка, который тянется от Урмийского озера к Испагани. Боковые горы иранского плато иногда называются общим именем Загроса: так называли их греки. Но это название принадлежит специально горному хребту, который внезапно круто возвышается, подобно валу, над равнинами Месопотамии, и который длинною долиною Керкга отделяется от восточных хребтов Нуристана и Кузистана. Горы, служащие границей Персии, идут по прямой линии, подобно вершинам Юры, Аллеганам, венгерской Маты, подобно горам Боснии, Сулейман-дага, и в большинстве они перерезаны местами широкими брешами или *тенгами*, открывающимися не в самой нижней части меловых и нуммулитовых хребтов, но именно в самых возвышенных частях каменистых соединений. Нигде нельзя лучше константировать, как тут, что некоторые горные ущелья возникли от пролома почвы, а не вследствие медленного размытия её: реки входят в них порывистыми изгибами, чтоб затем спуститься в перпендикулярные долины, лежащие между параллельными хребтами, и снова исчезнуть в боковой клюзе[6]. Стены, сотнями громоздящиеся друг над другом, от равнин Вавилонских к иранским плато, между ущельями рек, принимают росположение, подобное тому, которое англичанин Раверти, привыкший к маневрам войск, сравнивает с «баталионами в ротных колоннах». Цоколь каждого горного хребта тем выше, чем он ближе к возвышенным местностям Ирана. Идя от равнины, приходится подниматься по целому ряду ступеней из одной клюзы в другую, благодаря чему и назвали эту страну Тенгзир или «Страна Тенов».

---

1 Chardin, „Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient".
2 Ouseley, „Travels in the East";—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.
3 De Filippi, „Note di un Viaggio in Persia".
4 Czarnotta, цитированный мемуар.
5 Loftus, „Quarterly Journal ot the Geographical Society", aug. 1, 1855.
6 Loltus, цитированный мемуар;—Blanford, „Eastern Persia".

Некоторые из хребтов западной Персии так же однообразны по своей высоте, как и в общем направлении; но между ними есть однако несколько вершин очень неровных. Раньше, до того времени, когда английская коммиссия, назначенная для установления персидских



Тегеранъ.

границ с востока на запад, научно исследовала иранские горы, их считали менее высокими, чем они были в действительности. Непрерывный ряд подъемов и спусков сбивал с толку большинство путешественников; поэтому они пытались произвести измерения скорее отно-

сительной высоты гор, нежели абсолютной, отнесенной к морскому уровню[1]. Одна из этих высоких вершин—знаменитый Эльвенд, по иранской мифологии Реванд; эта гора из гранита и кварца достигает высоты 3.270 метров. Город Гамадан, над которым она возвышается с южной стороны, стоит на высоте 1.877 метров. В течение восьми месяцев в году Эльвенд покрыт снегом. На юге Испагани, гора Алиджук имеет более 4.200 метров высоты. Но из всех горных хребтов достигает наибольшей высоты Кух-Динар, который простирается на север от Шираза, параллельно берегу Персидского залива. Его видно с моря, близ Бушира, на расстоянии более 200 километров, через другие горные гребни, превышающие 300 метров. По словам Оливера Сент-Джона, пики Динара выше по крайней мере на 1.000 метров против того, как предполагали прежде. Главная вершина его, Кух-и-Дена, превышает 5.200 метров: во всей Передней Азии, на запад от Гинду-Куша, гора эта уступает в высоте только одному Демавенду. Некоторые из самых невысоких гор страны Тенгзира представляют несравненно более трудностей при взбирании на них, нежели колоссы плато. Изломы в скалах образовали в некоторых местах вертикальные стены, вышиной в 500 и 600 метров, и образовали таким образом природные крепости или *дизы*, жителей которых можно покорить только посредством голода. Последний национальный государь Персии, Иездиджерд, укрывался некоторое время от арабов в одной из этих цитаделей в скалах[2]. В южной Персии горы мало-по-малу понижаются, но расположение их иное. Сильные колебания почвы, выдвинувшие северные хребты гор параллельно Персидскому заливу и его прежнему северному протяжению, ныне затянутому наносами с Тигра и Евфрата,—дали также возвышенностям Ларистана направление, параллельное направлению берегов Ормузского пролива: здесь они тянутся большею частью с запада на восток; одна из вершин, которые высятся на одном из этих параллельных отрогов, на северо-восток от Бендар-Аббаси, Джебель-Букун, достигает высоты 3.230 метров. Большой остров Кишм, окаймляющий побережье к югу от ларистанских гор, расположен в направлении от юго-запада к северо-востоку: в этом месте на взгляд представляется, как будто остроконечная стрелка южной Аравии, кончающаяся у Раз-Мазандама, проникла чрез глубоко-сидящие скалы в слои персидских гор и вытянула их к северу, как будто эти горы состоят из тягучего вещества. Другие острова восточного побережья, в Персидском заливе,—не более, как простые отрывки береговых гор, частями погруженные в воду, сообразно общему расположению персидских гор.

Собственно на иранском плато, складки почвы, возвышающиеся над узкими долинами пашен и пустынными пространствами, идут, как и пограничные хребты западной Персии, в нормальном направлении, от северо-запада к юго-востоку. На пространстве 1.800 километров, вдоль берегов Кизиль-узена—в Азербейджане, близ гор Бампушта—в Белуджистане, простирается по прямой линии, без других перерывов, кроме ущелий и клюз, и без других неправильностей, кроме легких наклонов оси,—горная цепь, которая местами принимает чисто альпийский характер. Гаргиш, на юго-западе Кашана, и Дарбиш—на юго-востоке, имеют, как тот, так и другой, более 3.500 метров в высоту; Шир-кух к югу от Иезда, также альпийский массив, высотой около 4.000 метров, которого верхний купол походит с боку на альпийский Мон-Блан,—кажется полосатым от снега до конца лета, и даже некоторые слои снега на нем совсем не тают[3]. Различные вершины Джамаль-Бариса или «Холодных гор», и базальтовый конус Кух-и-Газар, на юго-западе и на юге Кирмана, по словам Оливера Сент-Джона, превышают 4.200 метров. Кух-и-Бирг, на границе Белуджистана, достигает высоты 2.400 метров. Судя по некоторым названиям стран, еще мало исследованных, которые находятся в этой части юго-восточной Персии, горы там довольно высоки. Одна из вершин известна под названием Сефид-куха или «Белой горы», и вся область этого Когистана или «Страны гор» называется одинаково белуджистанцами и персами Сархадом или «Холодной землей». Близ южной оконечности этого главного хребта, который проходит чрез Иран, по-

1 Olivier Saint-John, „Eastern Persia"; „Mittheilungen von Petermann", № 2.

2 Loftus, цитированный мемуар.

3 Stack, „Six Montus in Persia".

чти по всему его диаметру, и который, между Кирманом и Бампуром, состоит большею частью из вулканических скал, двух вулканических конусов Ношадура и Базмана,—в стране Нормашир высятся еще другие горы с менее высокими кратерами, близ окраин впадины, которая прежде была внутренним морем, а ныне завалена песками пустыни[1]. Но следует заметить, что продолжение иранской *оси* Сехендом ведет к соединению на северо-западе с другим вулканическим массивом, с массивом Арарата. Вдоль южного берега, на Персидском заливе и на Аравийском море, заметны следы колебаний почвы, которые имеют, быть может, связь с вулканическими явлениями. На Персидском Мекране, равно как и на Белуджистанском, попадается множество холмов, которые прежде были конусами, извергавшими ил. На отмели порта Джаска показывается из глубины моря глиняный холм, который, по всей вероятности, был прежде одним из грязных вулканов[2].

Маленькия островные группы, возвышающиеся на плато, среди песков и глины пустыни, имеют также общее расположение персидских гор, от северо-запада к юго-востоку. Наиболее известный из этих горных островов, Зиах-кох, который высится на расстоянии около 150 километров от Тегерана, среди голой пустыни, имеет направление от запада к востоку. Этот массив из траппа и трахита вполне заслуживает свое название «Черной горы» и представляет резкий контраст темными красками своих верхних скал с меловыми слоями подошвы. Хотя самые возвышенные его точки не превышают 1.500 метров, массив имеет тем не менее грандиозный вид, благодаря своей изолированности над равнинами пустыни, которые в этой стране не выше 600 метров. Как Эльбурс, хотя и в значительно меньшей степени, Зиах-кох представляет замечательную противоположность между своими северными и южными скатами: на юге скаты голые, точно выжженные, а на севере они поросли кустарником. В глазах окрестных номадов, которые приходят сюда запасаться топливом, и этот хворостинник кажется превосходным лесом[3].

Обширное пространство треугольной формы, заключающее в себе горы Персии,—не более, как пустыня, состоящая из глины, песку, скал или соли, по которой кое-где, изредка разбросаны оазисы. Чтобы составить себе верное понятие об областях Хорассана, наиболее населенных, надо вообразить, говорит Мак Грегор, «небольшой зеленый круг вокруг каждой деревни, указанной на карте, а все остальное покрыть темной краской»[4]. Пустынные пространства, закрытые со всех сторон горами, были несомненно внутренним морем в эпоху, когда дымились еще вулканы, которые ныне высятся на севере равнины. Правильные слои, наблюдаемые Филиппи на берегах Агвара, на юго-востоке Султание, служат доказательством, что процесс наслоения происходил в эпоху относительно недавнюю. Там слои кремней, песку, глины, покрытые черноземом, наложены один на другой на ряде камней и обломков, в которых попадаются остатки человеческой производительности: обточенная кость, глиняная посуда, куски каменного угля. На пространстве более 70-ти километров в длину можно наблюдать это разделение слоев,—доказательство, что тут не может быть и речи о давнем перевороте. Таким образом, нынешняя почва этой области иранской впадины не существовала еще в то время, когда человек, которого глиняные изделия были перенесены в равнину проточными водами, жил уже на скатах окрестных гор[5]. Эти обломки, перенесенные, вероятно, в снежный период, современный ледяной эпохе Альп, и засыпали окончательно персидское средиземное море. От каждой окрестной горы спускаются в равнину скаты с осколками, изрытые временными потоками вод, далеко уносившими с них пыль. Затем ветры продолжали процесс засыпания, перенося наиболее легкие материалы во впадины плато, из века в век все более и более толстыми слоями. На всем иранском плато, равно как в Афганистане и Белуджистане, виднеются огромные кучи песку и глинистой пыли, которые

1 Pottinger, „Travels in Beloochistan and Sinde".
2 A. Stiffe, „Quarterly Journal of the Geological Society", 1874, vol. XXX.
3 Tietze, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien", 1875.
4 Narrative of a Journey through the province of Khorassan.
5 De Filippi, „Note di un Viaggio in Persia".

походят на «желтые земли» в Китае, но которые, по недостатку воды, становятся негодными для растительности[6]. Но как бы ни был значителен процесс размельчания скал, все же внутреннее иранское море могло исчезнуть только вследствие чрезмерного испарения: обильные дожди помогли бы продержаться большому озеру, поднимая его уровень, по мере того, как наполнялось бы русло, и до тех пор, пока озеро нашло бы какой-нибудь выход из треугольной ограды гор, чтоб излить свой избыток в море.

В юго-восточных горах Персии господствуют пески. Ветер разметает их в холмы, которые перемещаются при каждой буре, стирая следы караванов, покрывая иногда пашни вблизи источников и временных ручьев, держа в осаде даже деревни и города. Есть стены, которым трение песков, гонимых ветром, придало глянец мрамора; есть также и такия стены, через которые перебрались дюны и, проникнув в город, вынудили жителей эмигрировать[1]. Другие пустыни, где пески были совершенно сметены ураганами, представляют сплошной голый камень. В остальных пустынях, пространства, покрытые гравием, походят на высохшие русла потоков. В течение одного и того же дня караванам приходится проходить по почве весьма различного свойства: слои глины и песков соперничают с кремнями и скалами. Одна из этих пустынь, на северо-западе Сеистана, известна под названием Дахт-и-Наумеда или «Равнины отчаяния». Для того, чтоб вести там свои войска и для разъезда гонцов, Надиршах приказал воздвигнуть на известных промежутках высокие колонны, которые бы указывали, какого направления следовало держаться. На востоке этой пустыни, на афганской границе, высится изолированная скала, знаменитая музыкой песков, которую производит в них ветер. Скала эта, называемая Рейг-Раван, походит на издающий звуки холм в долине Панджира, в северо-восточном Афганистане, музыка которого слышна на расстоянии почти двух километров[2].

Самая грозная пустыня Персии известна у народов, населяющих Хорассан, под названием Лута или Лота,—слово, которое, по мнению некоторых ученых, означает «Пустыня», а по мнению других оно напоминает о существовании древних исчезнувших городов Содома и Гоморры. Лут покрыт почти на всем своем протяжении слоем песку, скрепленного солью; более мелкий песок, который вздымает ветер, покрывает эту твердую поверхность. Отделяя Керманские горы от гор южного Хорассана, пустыня эта совершенно необитаема и имеет только небольшое число колодцев: чтоб пройти по её наименее широкой части, караваны должны употребить не менее трех дней и четырех ночей. Эта «проклятая земля» не имеет равной себе по бесплодию на всем пространстве азиатского материка, по крайней мере на севере Аравии; Гоби и Казиль-кум киргизов, в сравнении с Лутом—плодородные земли. Уже в десятом веке Истакри говорил, что «персидская Сахара», которую он не знал под её настоящим именем, была самой мрачной пустыней между всеми странами, принявшими ислам. Если на нее смотреть с верху какого нибудь окрестного холма, то видно, что она тянется на необозримое пространство, похожее на «массу металла, раскаленного до бледно-красного цвета»: ни малейшая тень не проходит по этому громадному пространству, освещенному ярким светом от восхода и до захода солнца. Но все же вид Лута несколько менее печален, нежели многие степи в русском Туркестане, потому что дуга горизонта нигде не образует абсолютно правильного круга; голубые или фиолетовые горы, похожия на легкия облака, прерывают монотонность пространства и указывают путешественникам направление, которого они должны держаться[3].

Вообще, самые глубокия части персидских бассейнов заполнены соляными топями, которые производят контраст с песчаными сахарами. В северных областях Ирана их называют *кевирами*, а в южном Иране—*кефихами* и *кафахами*. Самый обширный из них—тот, который простирается в пустыню на север от Теббских гор. Другой кевир, который, как говорят,

6 Grisebach, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. XVIII, p. I.

1 Mac. Gregor;—Floyer;—Stack, etc.

2 Bellew, „From the Indus to the Tigris".

3 Dupre;—Nicolas de Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale".

имеет 75 километров в окружности, виден с верху «Черной горы», по направлению к Кашану; но обманчивый мираж, может быть, удвойвает его действительное пространство, так же, как близ Кома мираж беспрестанно изменяет форму Кух-Телизмаха или «Талисмановой горы»[1]: в разгар лета пруд исчезает, его илистые воды заменяются красной землей, покрытой белыми полосами соляной плесени. Другие большие кевиры, остатки озер, рассеяны по долинам, параллельным с областью Кирмана; они принимают, подобно горным вершинам, направление от северо-запада к юго-востоку. Большая часть соляных грунтов представляют почву весьма неровную, пробуравленную в различных местах небольшими впадинами, которые чрезвычайно затрудняют движение верблюдов; но все же трясины редки на всем пространстве болот. Зимой, влажная земля делается черной, шероховатой, как будто она изборождена плугом, а летом она покрывается кожицей кристальной соли, под которой долго держится ил. В некоторых местах даже опасно переходить по этим обманчивым грунтам земли. Наиболее низменная часть *кевира*, на севере Иезда, по всей вероятности, не превышает 600 метров[2]; но далее к юго-востоку, в сахаре Лута, впадина плато становится все глубже и глубже. В Дихи-Зеифе, на северо-востоке Кермана, Ханыков нашел, что почва выше морскаго уровня только на 380 метров: по его мнению, самая низменная точка будет, по всей вероятности, на абсолютной высоте 120 или 150 метров.

Трудно вычислить даже приблизительно, какова относительная величина этих бассейнов без водораздела между внешними покатостями Персии, которые обращены или на север—к Каспийскому морю, или на юг—к Персидскому заливу, или к Аравийскому морю. Прежнее пространство дна бассейнов, несомненно, изменилось в геологическую эпоху: прежняя река, когда она катила значительную массу воды, достигала моря, тогда как ныне она исчезает во внутреннем болоте; прежнее озеро, закрытое со всех сторон кругом возвышенностей, тогда изливалось на морской склон через трещину своей ограды. Подобные же изменения совершаются и в наше время из лета в лето: большая часть течений, достигающих моря во время половодья, останавливаются на дороге в период засух; тогда несколько сотен метров в секунду представляют все количество воды, которое с этой части материка возвращается к морю. Но если бы реки, служащие периодическими данницами Каспийского моря или Индийского океана, считались постоянными указателями внешней покатости Ирана, тогда пришлось бы отвести под эти области течений немного более одной трети поверхности страны. Другие две трети Персии состоят из закрытых бассейнов, не имеющих сообщения ни с Каспийским морем, ни с океаном[3].

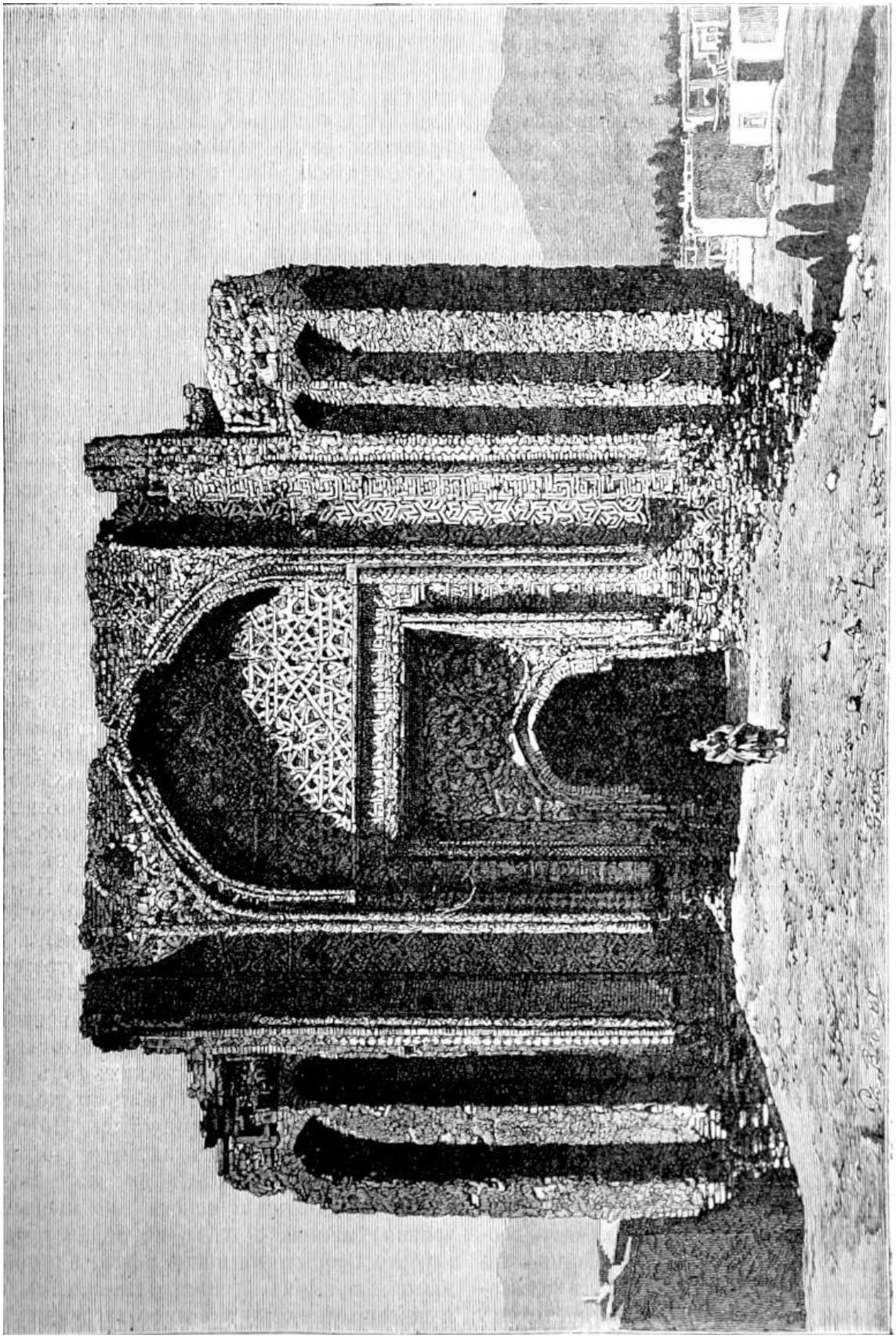
Небольшие реки, которые спускаются с Эльбурса и затем вливаются в Каспийское море—единственные, которые по сходству бассейна могут сравниться с реками западной Европы. Когда Атрек и Гюрген достигают моря, в них остаются только медленно текущие и болотистые воды. Что касается до Сефид-руда, который изливает более значительное количество воды, то он недостаточно глубок, чтоб служить для настоящего судоходства, и различные попытки для перевозки товаров этим путем не имели никакого успеха. Персидский залив не принимает в себя ни одной реки, которая не была бы переходима в брод, во всякое время года, и которая не отделялась бы от моря песчаной стрелкой во время лета. Его главные притоки: Джеррахи, Хиндиан или Зорех, Шемс-и-Араб, а южнее поток, носящий название Сефид-руда или «Белой реки», равно как и течение Азербейджана,—не более, как простые потоки. Но все же Персия имеет реку, судоходную вплоть до моря: это—Карун или Куран, образовавшуюся из потоков северной Сузианы и южного Луристана. Но эта река изливает только весьма небольшую часть своих вод прямо в залив: искусственный канал отвел ее к Шат-ель-Арабу, и в настоящее время она стала только притоком большой реки, подобно ре-

1 Chardin, „Voyage en Perse“;—Oliver, „Voyage dans l'Empire Ottoman“;—Carl Ritter, „Asien“.

2 Mac. Gregor, „Narrative of a Journey through Khorassan“.

3 Склоны Персии, по Оливеру Сент-Джону:
Покатость океана—35.000 кв кил.; покатость Каспийская—260-000 кв. кил.; бассейн Хамоена—105.000 кв. кил.; бассейн Урмии—55.000 кв. кил.; других закрытых бассейнов—850.000 кв. кил.

кам верховья, Джиале и Керке, берущим свое начало в западной Персии. Карун должен был бы служить главным путем доступа в плато для перевозки товаров, отправляемых чрез Персидский залив, так как он имеет более метра глубины во всякое время и пароходы могут



Развалины мечети XIV вѣка въ Гаманапѣ.

подниматься по нем в 250-ти километрах от его устья. На всем этом протяжении его течения существует только единственное препятствие, составляемое порогом песчаных скал, близ древнего большого города Ахваза. В этом месте холмы, или вернее глыбы песчаника, дости-

гающие почти до ста метров в высоту, которые издали можно принять за здания, воздвигнутые рукой человека,—съуживают долину; река входит в ущелье и спускается порогами между выступами скал, идущими в одну линию параллельными остриями к оси персидских гор. Уже более полвека прошло с тех пор, когда в 1836 году, англичанин Эсткур поднимался по Каруну на пароходе вплоть до утесов Ахваза; шесть лет позже, Зельби преодолел препятствие и остановился в 2-х километрах от низовья Шустера[1]. Канал Аб-и-Гаргар, к западу от главной реки, между Шустером и устьем Дизфуля, представляет еще более удобств для навигации, и в продолжение двух месяцев в году Дизфуль судоходен на всем протяжении, вплоть до города того же имени. Итак, целая сеть речных путей могла бы существовать в этой области Персии, особенно если б прорыли, как предлагали инженеры, канал около 2-х километров длиною, для обхода Ахваза. По мнению Дьелафуа, достаточно было бы исправить плотину и шлюзы Ахваза, чтоб пароходы вместимостью в 600 тонн и в 120 лошадиных сил могли доходить до Шустера.

Воды, текущие к внутренним бассейнам, пропорционально гораздо менее обильны, чем воды морских склонов. Доказательством этого служит высыхание бесчисленных плоскогорий плато, влажность которого испарилась или исчезает в иле соляных болот. Русло реки, спускающейся с Кузских гор, на юге входит в пустыню Лута и проходит на всем протяжении страну пустынь. Но с тех пор, как существуют люди, русло это никогда не было наполнено водою: даже в дождливые годы течение никогда не превышает уровня пашней, а тем не менее русло это глубоко прорыто в почве долгим и постоянным действием древнего течения. В этом и заключается одна из многочисленных причин переменного климата на иранском плато[2]; по преданию, море громадной пустыни изсякло в один день, как родился Магомет[3]. Ныне количество дождя весьма незначительно во всей Персии, за исключением северных покатостей Эльбурса, и еще меньшее по количеству в областях плато; в среднем, количество дождя не превышает, ежегодно, высоты 25-ти сантиметров, а в центральной Персии, равно как на границе Белуджистана, оно еще вдвое меньше[4]. Причина такой бедности Персии в облаках и дождях та же, что и в странах, лежащих более к востоку: происхождение ветров чисто континентальное. Тогда как оба большие морские бассейна, откуда идут ливни, с одной стороны Индийский океан, с другой Средиземное море, находятся на юго-западе и на западе, воздушные течения, ведущие борьбу из-за равновесия и проходящие одни за другими по персидской территории, суть ветры юго-восточный, который проходит по Африке и Аравии, и северо-восточный, который должен пройти по материку, почти во всем его диаметре, от полярной Сибири к степям Туркестана: это тот грозный ветер, который дует «сто двадцать дней» в некоторых областях Персии, именно в Сеистане, с такой силой что вырывает деревья с корнями из земли[5]: должно быть, в этой ветряной стране изобретены и ветряные мельницы[6]. Тотчас после уборки хлеба, крылья из камыша и из пальмовых листьев прикрепляются к концу цилиндра внутри какой-нибудь башни, открытой со стороны северо-востока, где завывает ветер; от сильного давления воздуха цилиндр начинает вертеться, а вместе с ним и основной жернов.

Воздух, покоющийся на иранских плато, чрезвычайно сухой. Он пересекается такими же сухими ветрами, идущими от экватора или от полюса. В пустыне Лут Ханыков нашел, что относительная влажность воздуха была только 1,2 на сто; это—самая сильная степень сухости, которая где-либо встречалась на всей поверхности земли. В Кирмане, среди пашней, она еще колеблется от 16 до 20-и сотых. Летом и осенью воздух так сух, даже в западной Персии, что металлические вещи, оставляемые на террасах во время ночного холода, остают-

1 „Journal of the Geographical Society of London", 1844.
2 N. de Kbanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale".
3 N. de Khanikov;—Stewart, „Proceedings of the Geographical Society", 1881.
4 Oliver Saint-John, „Eastern Persia"; „Mittheilungen von Petermann", 1877.
5 Bellew, „From the Indus to the Tigris";—Mac Gregor, „Journey through Khorassan".
6 Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Yacout";—Reinaud, „Geographie d'Aboulfeda".

ся блестящими в продолжение целых месяцев. Иногда во время ночных переездов случается видеть, как лошади, махая хвостом, выпускают целые снопы искр. В июле месяце случалось видеть термометр, показывающий только 13 градусов до восхода зари, и поднявшийся до 62 градусов на солнце в восемь часов утра[7]. Иногда воздух затемняется «сухими туманами», во время которых не осаждается ни пыли, ни росы. Пыльные бури—почти ежедневное явление; обыкновенно они начинаются между девятью и одиннадцатью часами утра, в зависимости от солнечного жара, и постоянно увеличиваются и числом и объемом к двум часам по полудни. Иногда образуются также большие облака пыли, граничащие с горизонтом, подобно стене. Летний жар здесь часто так силен, как в Сахаре в Африке: близ Мешеда запасы стеарина и сернокислой соли растапливались от жара, что допускает предполагать температуру в 65°,5 внутри ящиков, в которых они были запакованы. Ханыков предполагает, что самый горячий центр пустыни Лута имеет наклонность к югу изотермических линий всей северной Персии. В русском Туркестане эти линии весьма пространны; они, так сказать, жмутся к югу гор, идущих вдоль Хорассана, вдоль которого проходит кривая изотермическая 12-и градусная линия. Теплотворное влияние Лутского плоскогорья чувствуется даже в Мазандеране, где растительность, в сравнении с прочими берегами Каспийского моря, имеет почти тропический характер. Ядовитый ветер *бадех-самум*, совсем лишенный водяной влаги, дующий иногда со стороны пустыни, главным образом близ прибрежья, в соседстве с Бендар-Аббасом, чрезвычайно страшит путешественников; они рассказывают, что задохнувшиеся от него люди быстро синеют и члены их отпадают.

После всего этого становится понятным, с каким непреодолимым рвением персидские земледельцы, по крайней мере те из них, которых угнетение не отвратило от труда, стараются уловить у спуска с гор малейшую струю воды, чтоб утилизировать ее в своих полях и садах, где она переходит в сок и в плоды. Подземные водопроводы, известные в Персии под названием *канатов* или *канотов*, так же, как и в Афганистане, роются с особенным благоговением, и содержатся они с большою заботливостью, так как жизнь всего народонаселения зависит от них. Когда подземные воды иссякают вследствие повсеместной засухи в стране, или вследствие обвалов, тогда целые деревни обречены на погибель. Возделывание земли возможно только в горных долинах, потому что в Персии дождей летом не бывает: там дожди выпадают обыкновенно зимой или весной; целое лето проходит так, что небо ни разу не нахмуривается грозовыми тучами. В летний сезон небольшое количество воды можно найти только в гористых областях, где таяние снегов питает подземные ключи; внизу гор почва вдвое суше, с одной стороны от солнечного жара, а с другой от осушки почвы подземными канатами[1]. Как мало походит эта печальная, голая, сожженная солнцем Персия, вне её горных долин, на идеальную страну, воспетую Гафизом и Сади! Надо долго странствовать по плато и спуститься к плоскогорьям Тенгзира, прежде чем встретятся ароматные леса, полные певчих птиц, и свежие ручьи, текущие под кустами роз. Все эти чудеса—фантазия поэтов, искавших в своем воображении того, чего им не представляла природа. Знаменитый Банд-Эмир, воспетый поэтами Востока и Запада, как чудная река, текущая в прохладной тени,—не что иное, как канал, отведенный плотиной от небольшой речки, пересекающей равнину Персеполиса. Так драгоценны воды в этой бесплодной стране, что самое незатейливое водохранилище чествуется подобно озеру с чистой прозрачной водой, окруженному живописными утесами и тенистыми покатостями.

На северо-западе иранского плато, но уже в стране высоких армянских земель, находится самое большое водохранилище Персии, единственное, которое действительно заслуживает название озера: это—Дариатча или «Маленькое море», озеро Урмия, Марага или Армистанское, над которым высится на востоке большой массив Сехенд. Острова озера, его мысы, гора, которой скалы погружаются в воду, грандиозный вид снежного Арарата, варьируют картины до бесконечности. Берега, орошаемые более обильными дождями, нежели в южной

7 M. Dieulafoy, рукописные заметки.

1 H. Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

Персии, имеют много лесов; они также и менее пустынны: города, села, замки виднеются на всем пространстве берегов. Но «Маленькое море» далеко не представляет такой бездонной глубины, как озера центральной Европы: самая глубокая часть бассейна, измеренная Монтейтом, в северо-западной оконечности, достигает только 14-и метров. В среднем, вероятно, высота воды не превышает 5-и метров. И так, хотя озеро Урмия и занимает пространство около 4.000 квадр. километров, все же оно содержит воды от шести до восьми раз меньше чем Леман, который занимает весьма небольшое относительно пространство. Следует заметить, что у большого города Урмия озеро опускается от западного берега к восточному, следующими друг за другом пятью плато замечательной правильности: сначала лот показывает однообразно один метр, затем два с половиной и последовательно четыре, шесть и семь метров. В некоторых местах болотистые берега простираются далеко впадинами, едва погруженными в воду на несколько сантиметров. Более пятидесяти островов и каменных подводных рифов высятся над поверхностью воды. В числе островов есть три: Остров Лошадей, Остров Баранов и Остров Ослов, которые достаточно велики для того, чтобы прибрежные жители могли утилизировать их земли под пашню и под пастбища. Вода озера Урмия гораздо солонее и богаче йодом, нежели вода в море, и даже чем вода в Мертвом море; купальщики не могут в нее погружаться: их тело тотчас же покрывается слоем соли, которая блестит на солнце, как бриллиантовая пыль. По мнению Вагнера, ванны из этой соленой и йодистой воды могли бы быть единственными по своему целебному свойству при излечении некоторых болезней. Вода в океане содержит в себе только тридцатую часть солей, тогда как вода озера содержит в себе пятую часть соли[1]. Как только подует ветер, на поверхности воды образуется пелена из соляной пены; на илистых берегах соль осаждается плитами в несколько дециметров толщиною, а в некоторых местах в пять и в шесть километров шириной. Жители страны могли бы сколько им угодно запастись солью, как в каменоломне; в местах, где доступ к берегу легок, они устроили солеварни, подобно солеварням на берегах Средиземного моря; но вообще жители предпочитают каменную соль с соседних гор, легче добываемую и гораздо более чистую. Никакая рыба, никакие молюски не живут в водах озера, но зато в них виднеются мириады скорлупняков (раковидные животные) с тонким хвостом, составляющих особую породу[2]; они служат пищею лебедям и другим птицам, стаями опускающимся над озером. Там также встречаются породы насекомых, каких нигде нет, и специально соляная флора, выросшая на иле, окаймляющем берега, и которая делает всю окружность озера совершенно недоступной. Эти илистые массы, черноватые или темно-зеленые, имеющие иногда металлический отблеск и распространяющие зловонный запах, занимают широкую зону на берегу озера и простираются далеко над поверхностью его. Они заключают в себе магнезию, железо, равно как и большую дозу органических остатков. Маслянистые подонки этого вещества придают такую плотность жидкой поверхности, что даже во время самого сильного морского ветра, вода, ударяющаяся о берега, не вздымается волнами. Зимой эта полузастывшая масса превращается в какую-то кашу.

В многих местах обильные фонтаны бьют со дна озера, пересекая соляную массу своими столбами чистой воды; но наиболее замечательные источники текут близ берегов, на северо-западной стороне озера, в соседстве с равниной Зельмас, и на юго-востоке, неподалеку от деревни Дихкерган. Эти источники известны под названием «мраморных фонтанов». По общему убеждению туземцев, которое разделяется также большинством европейских путешественников, фонтаны эти действительно дают осадок мраморных слоев. Несомненно, им следует приписать образование тех залежей, которые разрабатывают в окрестностях Дихкергана, и которые доставили материал для великолепных дворцов Персии и Передней Азии. Этот «Тавризский» мрамор обыкновенно молочно-белого цвета, желтоватый или розоватый и имеет блеск кварца; часто он образует сцепление частиц подобно сталактитам, и окись, которую он в себе содержит, оттеняет его чрезвычайно красивыми цветами. Весьма вероятно, что

1 Удельный вес воды в озере Урмия: 1,555. (Hitchcock; Loftus Quarterly, „Journal of the Geological Society", aug. 1, 1855).

2 Moritz Wagner, „Reise nach Persien and dem Lande der Kurden".

мрамор этот стал осаждаться в эпоху, когда фонтаны, настоящая температура которых не превышает 18-ти градусов по стоградусному термометру, имели температуру, гораздо высшую; ныне они выбрасывают из себя небольшие, очень тонкия водяные струи белоснежного цвета, впрочем совершенно одинаковые по составу с соседним мрамором. Кроме того, источники дают осадок крупного туфа, который иногда смешивается с илом и сливается в черноватые массы. Большинство источников бьет из травертинских конусов, которые они образовали из своих же осадков. Когда отверстие, чрез которое бьют источники, засаривается, тогда они открывают новый для себя выход у подошв старинных холмов, или же пробивают где-нибудь, постепенно, еще новые выходы[1].

Уровень озера Урмия подвергался частым изменениям. По существующему туземному преданию, бассейн занимал в прежнее время гораздо большее пространство; но было также и такое время, когда размеры его были весьма незначительны: туземцы говорят, что страшное чудовище жило на дне озера, и что оно то выпивало, то выбрасывало из себя назад воды Мертвого моря. Что озеро было значительно больше в прежнее время, это подтверждает самый вид страны: прежние берега простираются далеко на значительное расстояние от нынешних берегов, на всем протяжении скал, ныне отдаленных от волн. Острова, каковы гора Шахи или вернее Шах-и-кух на северо-западе озера, близ Тавриза, превратились в полуострова, и эти полуострова со всех сторон примкнули к материку. Но, с другой стороны, озеро было в прежнее время довольно низко, так что один государь мифологических времен, Рустем или Джемшид, мог построить поперег южной части бассейна, между озером и противоположным берегом, плотину, служившую в одно и тоже время дорогой для людей и для экипажей. Множество туземцев уверяют, что они видели следы этого шоссе под прозрачной водой; в начале столетия один афшарский вождь, не зная другого способа перейти по озеру, шел по этой плотине, и нигде вода не была глубже четырех футов[2].

С тех пор как европейцы стали посещать страну, понижение уровня озера стало значительно, что объясняется тем фактом, что пашни расширились, утилизируя, следовательно, ирригационные воды более широким способом. Увеличение и уменьшение возделанной территории имеют непосредственное влияние на вместимость озерного бассейна, и, по всей вероятности, влияние это имеет больше значения, чем климатическое колебание с постоянными переходами от засухи к дождям. Когда береговые скаты покрываются обработанными полями, то воды, удерживаемые на пути каналами, не достигают озера; когда же эти скаты обезлюжены, то воды, ничем не задержанные, снова находят свой путь и увеличивают озерной бассейн. Таким образом, изменение береговой линии указывает на колебание самой истории относительно прибрежных жителей. Это явление аналогично с тем, какое описали Гумбольдт и Буссенго об озере Тикарагу или Валенсии; но на берегах Азербейджанского озера последствия должны быть гораздо значительнее. Бассейн озера вплоть до водораздела, где берут начало все его притоки, превышает 50.000 квадр. километров, и масса дождевой воды, выпавшей в этой стране,—если б она даже в среднем была не более 25-ти сантиметров в год,—представляет полную массу, по крайней мере в десять миллиардов кубических метров, почти около половины количества воды, собранной в центральной впадине. Судя по отношению возделаемых земель к массе истекающей воды, очертания озера должны изменяться тем быстрее, потому что поверхность воды изменяется при малейшей разности. И если поверхность глубокого Лого-Маджиоре изменяется на сорок квадр. километров между периодом засухи и половодья, то можно судить о переменах, которые представляет поверхность озера Урмия, большая часть которого не что иное, как болото. Очевидно, судоходство не может иметь значения на этом бассейне, не имеющем глубины; но все же несколько парусных судов плавают в отдаленных местах малой глубины; перевозка товаров и весьма немногих путешественников производится на плотах. В 1838 году, дядя шаха приказал назначить себя главным адмиралом озера, и, прежде всего, чтоб удержать за собою монополию судоходства,

1 Chardin, „Voyages en Perse";—Moritz Wagner, цитированное сочинение.

2 Carl Ritter, цитированное сочинение;—H. Rawlinson, etc.

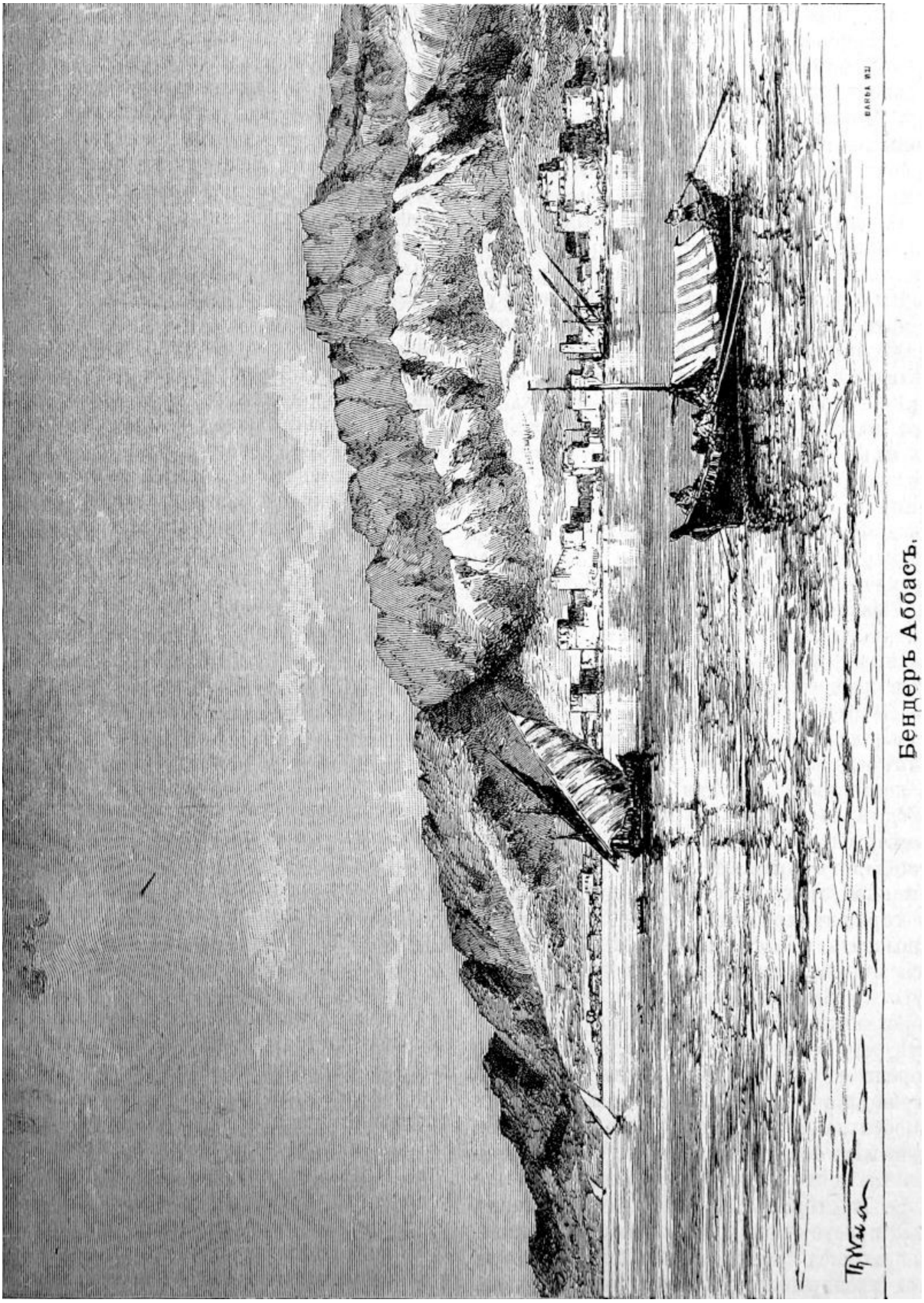
он начал захватывать и уничтожать все суда, принадлежащие частным лицам[1].

В озеро Урмия впадает множество рек, из которых главнейшая Джагату, текущая с южных гор. Один из главных притоков, Сарук, получает часть своих вод из колодца в 300 шагах от башни, которая высится на вершине известкового холма, называемого, как и множество других, Тахт-и-Сулейман или «Соломонов трон». Без сомнения, эта небольшая гора овальной формы, около 50-ти метров высоты, постепенно образовалась от самых вод, которые осаждали пласты травертина вокруг своего устья. Колодезь имеет совершенно такую же глубину, как и пласты травертина; но источник находится совсем не на дне этой бездны: сперва он должен наполнить обширные водоемы в горах, потому что, как бы ни были значительны займы воды, делаемые из колодца от холма для ирригации окрестной равнины, уровень озера остается всегда на одной и той же точке. Груды окаменелостей, приносимых в проход каналов, отведенных от большого источника, высятся там и сям вокруг Соломонова трона; между этими окаменелостями есть одна, имеющая фигуру дракона, о которой легенда говорит, что это было действительно чудовище, превращенное в камень сыном Давида. На западе есть другая подобная гора, называемая Зиндан-и-Сулейман или «Соломонова темница»; она поднимается на высоту более 60-ти метров, в сравнении с холмом нынешнего колодца, но происхождения с ним одинакового. Гора эта также образовалась из окаменелостей вод, но посреди её конуса находится вертикальный колодезь «темница», в которую Соломон запирал провинившихся духов. Оттуда в прежнее время била углекислая известковая вода; но ныне пучина опустела: вода из неё вырвалась чрез выход в скалах. Со всех сторон вокруг обоих колодцев бьют фонтаны минеральных и теплых вод, кисловатых, серных и известковых[2].

Бассейн, в который изливаются сточные воды канала Банд-Эмира, озера Нириса или Бактегана,—единственный во всей южной Персии, который мог бы лучше всех сравниться с озером, не по глубине, но по пространству водяной поверхности. Он простирается на юго-восток от древнего Персеполиса, между двумя рядами параллельных гор, на расстоянии около ста километров, перерезанный островами и мысами на множество второстепенных бассейнов, но также разветвляясь на извилистые рукава в боковых равнинах и соединяясь, посредством двух проливов, со вторым водохранилищем Тахтом или Наргисом, лежащим по другую сторону северных гор. Илистые и торфяные ямы протягивают его на север к Персеполису, в равнину Мерва. Вода в нем соленая, как в маленьком озере Дериах-и-Немек, которое лежит параллельно с ним, в равнине Шираза, и иногда в конце лета там можно видеть плавающими глыбы соли, подобно льдинам полярных морей[3]. Известковые горы, отражающиеся в синей воде, развалины, высящиеся на скалах берега, из которых одну туземцы считают древним храмом огнепоклонников, тамарисы по берегам и ивы в прибрежных долинах, фламинго и утки, летающие стаями над водой, придают необыкновенную прелесть пейзажам Нириса. Но на самом деле это не что иное, как постоянный разлив; на сотни метров от берега вода не доходит до колен, а ил, поднимаемый ногами, распространяет удушливый запах. Замечательный факт, что древние писатели не упоминают об этом озере, находящемся в одной из наиболее известных и наиболее процветавших в торговом отношении стран древнего мира. Ибн-Гокаль первый упоминает об этом озере в десятом веке, и с тех пор все географы о нем упоминали[4]. Весьма вероятно, что в прежнее время, когда страна была богата городами и пашнями, воды, вырывающиеся из горных ущелий, утилизировались до последней капли: не оставалось ничего для стоячих болот в залитой ныне равнине. Когда даже какой-нибудь поток извивался в глубине долины, достаточно было легкого возвышения почвы, обвала, или образования ската из наносных земель в нижней части бассейна, чтобы создать озеро.

1 Rawlinson, „Journal of the Geographical Society“, 1880.
2 Rawlinson, там же.
3 M. Dieulafoy, рукописные заметки.
4 Ouseley, „Travels in the East“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

Как место перехода между востоком Азии и странами Запада, Персия естественно обладает, по своему географическому положению, по своей влажности, по специальному климату своих различных областей,—холодному на плато и жаркому на побережье Индийского



Бендеръ Аббасъ.

океана,—растительным и животным царствами, тождественными с туркменскими землями, с Афганистаном, Аравией и Кавказом. Персия—страна контрастов. Леса Гиляна и Мазандерана с их деревьями, окруженными лианами, и с цветущим дерном на их прогалинах, кажутся

принадлежащими к другому миру, нежели соляные плато, где местами проглядывает низкий кустарник сероватого цвета. Там, даже в доисторические времена, не было никаких лесов; земледельцу не приходилось обезлесивать почву, как во многих других странах; напротив, благодаря его искусству, фруктовые сады окружают города своим зеленым поясом[1]. Даже рассматривая только плодородные области Персии, увидим, что они представляют странное различие по отношению к флоре, потому что все эти области, отличающиеся плодородием почвы, в то же время области гористые, и растительная поверхность видоизменяется сообразно с повышением почвы и долготою места. Все высоты подобны островам, которых вершины обитаемы породами животных холодных стран. Неровность почвы наделяет страну островной флорой, и определить границы растительности можно только приблизительно. На севере Персии рожь произрастает до 2.720 метров на покатостях гор; засеянные рисом поля занимают лощины по соседству с озером Урмия на высоте более 1.250 метров. В этой части Азербейджана фиговые деревья редки: они растут только в закрытых местах, тогда как виноград растет на скатах Эльвенда, на высоте 2.278 метров; но зато магнолии и камелии, растущие в сыром климате британских островов, совсем не встречаются в Персии при одинаковой температуре[2]. Пальмовые деревья культивируются только в низменных долинах, идущих вдоль их горных хребтов, и на юго-востоке плато вплоть до северной части Теббеса, до границ пустыни; но они снова встречаются на севере, на берегах Каспийского моря, и главным образом в садах Сари. По словам местного предания, все каспийское побережье Мазандерана еще недавно покрывалось тенью пальм, ныне замененных другими древесными породами. В среднем, если каспийское побережье считать отдельной страной, флора Персии несравненно беднее флоры Закавказья и Западной Европы. Будет поэтическим преувеличением, если мы будем вторить пословице: «В Фарзистане нельзя сделать шага, чтоб не наступить на цветы!»

Замечательный характер единства, какой представляет иранское плато, так плотно окруженное с трех сторон идущими вдоль него горными хребтами, могло бы заставить предполагать, что фауна Персии резко отличается от примыкающих к ней стран. Ничуть не бывало. Персидская фауна так мало отличается от фауны пограничных стран, что можно думать, что она недавно водворена в Персии. Несомненно, причиной тому—недавнее обсыхание страны. Но так как обсохла только окружность, то оттуда мало-по-малу породы животных стали подвигаться к центру, по мере того, как исчезли воды[3]. В горах, на плато, в пустынях Ирана, простирающихся на запад Афганистана, водятся также стада серн и диких ослов, леопардов, кабанов, медведей, волков и лисиц. Иранский Белуджистан походит на Келат, и, по обеим сторонам границы, Мекран представляет те же породы животных, но в меньшем количестве. Западная Персия, на своих внешних покатостях, имеет фауну Месопотамии, фауну Курдистана в своих долинах, и фауну плато на своих скалах и в своих кевирах. Наконец, орошаемые страны северо-запада, равнины Азербейджана и особенно северные покатости Эльбурса принадлежат, как животным царством, их населяющим, так равно и видом своей растительности, к одному поясу с Арменией и нижним Кавказом. Вершины изолированных гор, каковы Сехенд и Савалан, имеют не только одинаковую с Кавказом флору, но там водится также множество пород зверей, которые попадаются только за Араксом; кроме того, там встречаются различные породы бабочек[4]. Существует такого рода легенда, в основе которой, может быть, лежит частица правды, что в прежнее время леса Мазандерана были населены слонами, которые были истреблены Рустемом[5]. Своим климатом, своими флорой и фауной, равно как и многими обычаями своих жителей, эта низменная страна походит на одну долину Индии. Дикие быки, на которых охотились ассирийские государи в горах Курдистана,

1 M. Dieulafoy, рукописные заметки.

2 Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“;—N. de Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l’Asie Centrale“.

3 De Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“;—O’Donovan, „Road to Merv“.

4 Moritz Wagner, цитированное сочинение.

5 Melgounov, „Reise nach dem sudlichen Ufer des Kaspischen Meeres“.

перестали там водиться[1]; но лев без гривы, менее сильный, чем африканский лев, удержался в долинах гор, идущих вдоль иранского плато и равнин Тигра; он часто попадается на западе Ширазских гор, в дубовых лесах, где обилие желудей способствует размножению кабанов[2]. Тигр также водится в лесах Мазандерана. Дикая коза, как известно, принадлежит к разряду животных, наиболее свойственных гористым странам; она водится на всем пространстве, начиная от Буширских гор, на высоте 500 метров, вплоть до высоких гребней Эльбурса, на высоте 4.000 метров. Из мелких животных тщетно предполагали встретить на плато крысу, родиной которой древние естествоиспытатели считали Персию: она попадается только на берегах Каспийского моря, куда завезена на кораблях. Вообще персидская фауна бедна породами; но пресмыкающиеся, особенно ящерицы африканского типа, представляются во множестве видов. Рыбы не могут водиться в большом количестве, вследствие ежегодного высыхания рек; только в подземных течениях *канатов* попадается большинство рыбных пород, из которых многие хотя и привыкли к этим темным подземным водам, но лишились зрительных органов[3]. Улиток и других молюсков совсем нет, несомненно, по причине сухости страны[4].

Что касается домашних животных, то Персия, по крайней мере в отношений лошадей, может быть причислена к странам, обладающим самыми красивыми породами. В городах, смежных с Туркестаном, лошадь арабского происхождения приняла формы, делающие ее удивительно похожей на английскую скаковую лошадь, но при этом обладающей необыкновенной выносливостью[5]. Курдские лошади ростом меньше хорассанских лошадей, но гораздо грациознее их и не менее горячия: «лошадь самого беднейшего курда была бы замечена в Европе королевскими конскими заводами»[6]. Во многих конюшнях в Фарсистане существует обычай ставить лошадей вместе с поросятами, и самая тесная дружба завязывается между этими животными, столь разнящимися друг от друга[7]. Верблюды Хорассана и Сеистана чрезвычайно ценятся, и сильные животные этой породы поднимают, не надрываясь, тяжести в 250 килограммов, тогда как верблюды в караванах перевозят тяжести, весом от 50 и до 75 килограммов. Бараны, как и все прочие из них во всех степных странах, принадлежат к породе баранов с толстыми курдюками; в некоторых округах они достигают огромного роста и дают шерсть редкую по своей тонкости. Между различными породами собак, есть одна очень некрасивая, но отличающаяся замечательной неутомимостью, и обязанность которой состоит в сопровождении караванов. Собаки эти бегут и возвращаются от одной станции к другой, беспрестанно меняя своих спутников и служа им всем с одинаковою верностью[8]. У персов есть также порода борзых *тази*, необыкновенно изящная и превосходящая европейские породы быстротой бега. Местные охотники умеют еще дрессировать различные породы соколов.

Как флора и фауна, так и народности, весьма различные по происхождению, встретились на территории Ирана. Одни из них сохранили свой отличительный характер, другие перемешались в новый тип. Главнейшие этнические элементы страны суть: собственно иранцы, тюрко-татары, курды и арабы.

Ядро персидского населения обитает в южной части плато, от Кирмана до Керманшаха, и одна из провинций этой области носит даже специальное название Фарса или Фарсистана,

1 Layard, „Monuments of Nineveh“;—G. Perrot et Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'Antiquite“.
2 Aucher Eloy;—Blanford, „Eastern Persia“.
3 Fraser, „Journey into Khorassan“.
4 Moritz Wagner, цитированное сочинение.
5 Ferrier, цитированное сочинение;—Y. Baker, „Clouds in the East“;—Stewart, „Proceedings of the Geographical Society“, 1881.
6 Moritz Wagner, цитированное сочинение.
7 Wills, „The Land of the Lion and Sun“.
8 Brugsch, „Reise der preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861“.

т.е. «Страны Фарси» или Персов; общее же название для целой расы заключается в слове Ирани. Взятые в массе, персы из всех народов, населяющих земной шар, наиболее приближаются к тому типу красоты, какой создали себе европейцы. Хорошо сложенные, они изящны и стройны, отличаются благородной осанкой и широкой грудью; у большинства из них черты лица правильные, овал лица окаймлен черными вьющимися волосами; но привычка носить высокие шерстяные колпаки или меховые шапки делает почти всех мужчин плешивыми. Глаза почти всегда черные за исключением разве жителей Фарсистана, большие и глубоко прорезанные; брови дугообразные, иногда сходятся вместе над переносьем, а у женщин кисть помогает природе соединить обе дуги бровей; ресницы длинные и опущенные; нос слегка орлиный, рот небольшой, губы средней толщины; подбородок редко бывает слишком широким, у мужчин прячется под густой, шелковистой и волнистой бородой. Нет подобной страны, где школы представляли бы более восхитительное зрелище, как в Персии: можно залюбоваться этими смуглыми с черными локонами детьми, сидящими с поджатыми на коврах ногами и следящими за жестами их наставника с необыкновенной любознательностью, которая светится в их больших черных глазах. И сколько выражения в игре их подвижной физиономии!

Формой черепа иранцы занимают средину между семитами и афганцами. Но если считать типом настоящих персов гебров Иезда, от которых Ханыков вывез пять черепов, исследованных Байером, то по размеру черепного вместилища, персы наделены большими способностями. Череп их принадлежит к разряду долгоголовых[1]; он ниже, чем у семитов, но выше, чем у туранцев; верхняя часть черепа приплюснута. Барельеф Дарабгерда, изображающий триумф Сапора над Валерианом в 260 году по общенародному летосчислению, изображает персов и римлян; по тем, у которых головы голые, можно констатировать, что черепа персов были тогда, как и в наше время, относительно длинные, мало возвышенные и плоские в верхней части[2]. Вообще у иранцев адамово яблоко едва выдается, кости тоньше, чем у большинства европейцев, и суставы чрезвычайно тонкие. Руки и ноги маленькия и гибкия. Трудно встретить людей, лучше персов в ходьбе: иностранные инструкторы, назначенные правительством для обучения армии, удивлялись переходам, которые могут делать персидские войска без видимого утомления[3]. Они также были не мало поражены тем фактом, что весьма небольшое число людей не достигают или едва превышают среднюю норму роста, которая составляет около 1 м. 50: в этом отношении гораздо менее разнообразия, чем в Европе. Между персами чрезвычайно редко встречаются тучные люди. Врач Полак, много лет проживший в Персии, видел только трех иранцев, которых толщина была бы замечена в Европе. В прежнее время татуирование было общераспространено между женщинами: все они разрисовывали себе подбородок, шею, грудь и живот. Обычай этот исчез из городов и становится все более и более редким в деревнях западной Персии, но в провинции Кирмана и Белуджистане татуирование до сих пор еще в обычае[4]. Другой общепринятый обычай в некоторых округах Персии, который входит иногда в религиозные церемонии, это—употребление в пищу земли. Так, неподалеку от Реи, древнего Рагеса, находится мечеть, в которую имеют право входить только одни женщины, под которой земля состоит из обломков скал серого и желтого цвета, и вся она изгрызана зубами правоверных. Но этот столь распространенный обычай «землеядения» происходит от извращенного вкуса: почти на всех базарах в больших городах продаются шары из каолина (фарфоровой глины) или белой глины, не столь крупной, как обыкновенная глина, предназначаемой для удовлетворения подобного вкуса[5]. Старинный персидский обычай, еще сохранившийся в некоторых деревнях,—это кровопуска-

1 Головной показатель гебров Иезда: 0,70, (Duhousset, Khanikov).

2 Flandin;—Khanikov, „Ethnographic de la Perse“.

3 Polak, цитированное сочинение;—Baker, „Clouds in the East“.

4 Ker Porter, „Travels in Persia“;—Gasteiger, „Von Teheran nach Beludschistan“;—Wills, „The Land of the Lion and Sun“.

5 Polak, цитированное сочинение;—A. Goebel, „Bulletin de l'Academic des Sciences de Petersbourg“, tome V, 1863;—Tietze, „Verhandlungen der Geologischen Reichsantalt“, 1875, VIII.

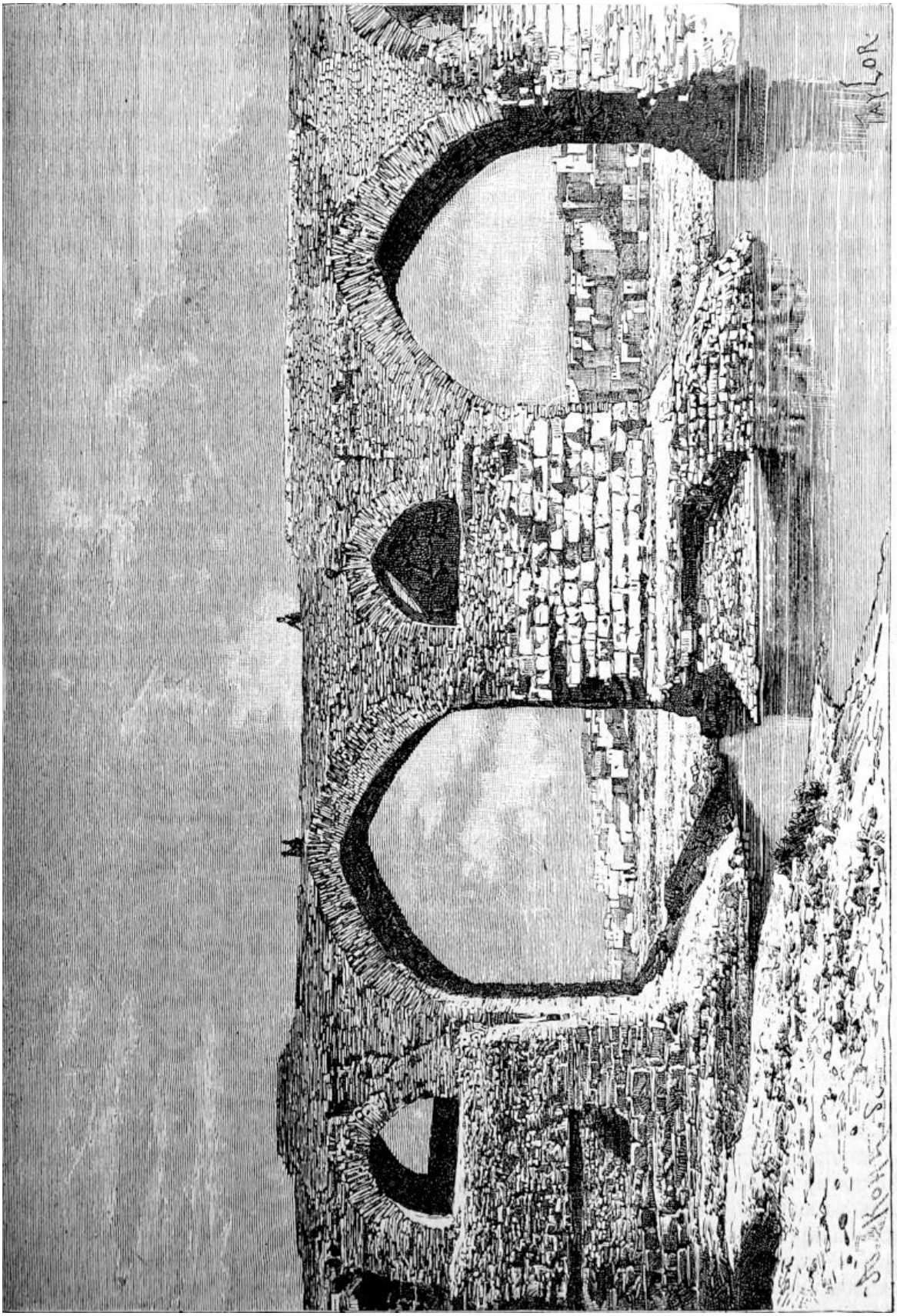
ние при каждом новолунии: от этого такой бледно-мертвенный цвет лица у жителей, который заставлял предполагать многих путешественников, что страна эта из самых зловредных для здоровья[1].

Самый чистокровный персидский тип сохранился, по всей вероятности, в областях восточных и центральных страны и в горных долинах, как именно и предполагалось до более подробного изучения страны, на основании того факта, что иноземные вторжения, переселения, миролюбивые смешения с другими народностями, происходили главным образом в плодородных западных областях, а жители оазисов, охраняемые пустынями, равно как и жители верхних долин, защищаемые скалами, были реже других посещаемы чужеземцами. Так жители Каруда, в горах, высящихся между Кашаном и Испаганом, сохранили до сих пор горделивую осанку «спутников Кира» и говорят на языке, который считается родственным с наречием пельви[2]. В других, более отдаленных местностях язык этот, бывший оффициальным иранским языком до победы арабов, также еще удержался. Халдейцы, курды, семиты всегда имели большое влияние в этой стране чрез смешение с персидскими народами Запада; при преемниках Александра и при Арзасидах, греческий или эллинский элемент стал также проявлять свое влияние. Позднее, владычество арабов имело последствием, что кровь семитов глубоко проникла во все слои иранского народа. Несколько тысячелетий тому назад негры чистокровные или смешанной расы, абиссинцы, сомали, чрез порты проникли в Персию силой или добровольно, и, может быть, некоторые округа Сузианы были в прежнее время владением народностей, приближавшихся к чернокожим и цветом лица, и происхождением. Самое название персидской провинции Кузистаном напоминает до сих пор о пребывании там этих древних кушитов, ныне смешавшихся с иранцами[3]. Туркмены и другие татарские народы также принимали участие в постепенном обновлении этих народностей, которых они так часто порабощали. Наконец, привоз тысячей тысяч грузинских и черкесских невольниц в течение почти трехсот лет, вплоть до завоевания Тифлиса русскими, в начале нынешнего столетия, несомненно имел огромное значение, по крайней мере в северо-западной части Персии, на улучшение расы. В свою очередь персы распространились далеко за пределы своего отечества: известно, что под именем татов и талишей они живут в Закавказье в числе почти 120.000, и что в Хорассане, Афганистане, Транеоксиене они во многих местах, составляют основу оседлого населения: там они называются сартами, таджиками, парзиванами.

Персы могут считаться не только одним из самых красивых народов земного шара, но и одним из наиболее интеллигентных. Необыкновенная быстрота понимания, остроумие, поэтический склад ума, редкая сила памяти, все это приводит в изумление европейцев; но слишком одаренные от природы, персы не считают необходимым развивать свой ум: они обладают, так сказать, неустойчивым умом[4]; они не стараются углубляться в предмет, раз понятый ими. Наследники вековой цивилизации, персы, вполне сознавая свое интеллектуальное превосходство над соседними народами, к несчастью, стоят гораздо ниже их в отношении мужества: арабы, курды, турки и туркмены, афганцы, белуджистанцы всегда одерживали верх над ними и во время войн, и во время местных восстаний, и страна их управляется государем иноземного происхождения, наследником других воинственных династий. Лишенные свободы, которая одна могла возродить их цивилизацию, воскресить их творческую силу, иранцы вынуждены жить своим прошедшим, свято соблюдая старинные традиции. Относительно вежливости они так же щепетильны, как японцы и китайцы: в самой глухой деревушке, если только тому не препятствуют исключительные обстоятельства, вызванные религиозным фанатизмом, как напр. приближение врага или сборщика податей, население чрезвычайно вежливо встречает иностранца. Ни в какой другой стране мира высшее искус-

1 Khanikov, „Ethnographie de la Perse“.
2 Jane Dieulafoy, „Tour du Mond“;—M. Dieulafoy, рукописные заметки.
3 G. Perrot et Chipiez, „Histoire de l’Art dans l’Antiquite“, vol. II.
4 Gobineau, „Trois ans en Asie Centrale“;—H. Vambery, „Sittenbilder aus dem Morgenlande“.

ство «вставать и садиться» не практикуется с такою грациею, как здесь. Искусно наблюдая за малейшим своим движением, за малейшим изменением в чертах лица, персиянин зрелых лет представляет резкий контраст с детьми своей расы, в большинстве столь живыми и игри-



Дизфульскій мостъ.

выми. Он любит говорить, любит давать простор своим мыслям, изливать свое природное красноречие; но вместе с тем отлично умеет напускать на себя важность, если это для него представляет выгоду; умеет и казаться скромным, умеет различать в социальной иерархии

низших, равных себе и высших всех рангов: в уменьи держать себя с посторонними, он не знает соперников, и перед властелином готов каждую минуту гнуть шею, как бы приглашая перерезать ее. В разговоре он умеет вставлять пословицы и произведения поэтов, подходящие к его положению и к его интересам, и, без заметного усилия, может направить мысли своего собеседника на предмет, которого он желает коснуться. «С голубем по-голубиному, с соколом по-соколиному», говорит перс, чтоб объяснить свою манеру вести разговор, постоянными увертками, соображаясь с собеседником. Какая разница между нынешним парси, пропитанным ложью, благодаря вековому рабству, и прежним свободным персом, сыном «Чистого Ирана»[1], который, «считал ложь величайшим бесчестием!» Так как прямодушие неизбежно выдало бы крестьянина в руки его притеснителей, то хитрость и лукавство в этом классе людей переходит от отца к сыну и часто спасает их от разорения: любая европейская деревня, где подати были бы так велики, как в Персии, в первый же год погибла бы с голоду; но иранский земледелец, как его ни теснят, все же умудряется кое-как кормиться и возделывать свои поля. Ловкие люди, употребляющие свои способности не для одной самозащиты, но также и для прокладывания себе дороги в свете, становятся опасными своими ухищрениями, интригами и ложью, направленными почти всегда на служение корыстолюбию. Один из весьма распространенных типов в Персии—фузули, которые не останавливаются ни перед какой низостью ради «мамона»: это—субъекты, являющиеся перед европейцами в качестве прислуги, управляющих, курьеров или простых советчиков, которые своими пороками кладут клеймо позора на свою нацию[2]. Впрочем, какие поразительные контрасты встречаются в одном и в другом конце. Права, между мужественным и храбрым талишем и жителем Кашана, которого все презирают за подлость, между изящным, благородным ширази, которого глаза блещут умом, и грубым земледельцем Мазандерана, которого называют *ябу*, так же, как ломовую лошадь!

В первые века истории, южная часть иранского плато была обитаема арийцами, а в другой части жили мидийцы, «аллофилы» туранские, говорившие на своем собственном языке, хотя они и состояли в повиновении у арийской касты, подобно персидской нации. Страна эта еще и по сие время разделена между двумя расами[3], потомками древних народов с большей или меньшей примесью, и, по всей вероятности, языческое разделение мало изменилось. Группа тюрков и туркмен, идущая вслед за иранцами по степени своей численности, представляет расу победителей, но, подобно манджурам в Китае, подчиняется влиянию покоренной ими расы. Правда, тюрки располагают оффициально властью, и армия почти вся целиком вербуется из их рядов; но персы заявляют себя более с умственной стороны: они завладели мануфактурной промышленностью, заведуют делами, одним словом, составляют цивилизованную часть нации. В сравнении с иранцами, тюрко-татары Персии имеют череп менее продолговатый, лицо менее овальное, черты лица менее выразительные, глаза меньше, нос толще, челюсть более широкую и более твердую. Вообще они выше ростом и крепче телосложением; рядом с персами они кажутся неповоротливыми и неуклюжими. Но также они и менее хитры; и часто перс получает обратно то, что они у него раньше отняли силой. Впрочем, они презирают прежних властителей страны, и в округах исключительно персидских они бы по первому слову начальников предали города огню и мечу. Несмотря на общее происхождение, эти тюрки Персии сражались всегда с особенной яростью против османлисов; сектантская ненависть более отдаляет их от анатолийцев, нежели разноплеменность от персидских сограждан-шиитов, как и они сами. Наречие их немногим отличается от языка османлисов, только выговор у них несколько жестче: тюрки Малой Азии и тюрки Персии понимают друг друга. Между тюрками Малой Азии мало таких, которые не знают персидского языка, но редко говорят на нем хорошо. В первой половине столетия, придворным языком был тюркский, но в наше время язык при дворе персидский.

1 Herodote, I, 138;—Burnof:—Carl Ritter, etc.
2 Polak, „Persien und seine Bewohner“.
3 Jules Oppert. „Le Peuple et la langue des Medes“.

Тюркское племя, которое ныне занимает первое место в государстве это—племя каджаров, защищавшее переход через Атрек и глава которого вступил в управление государством Ирана. Тем не менее, он сохранил гордость иноземной расы: на монетах шаха персидского, в то же время хана тюркского, чеканится до сих пор, вследствие его происхождения, его каджарский титул. Афшары, которые обладали в прежнее время численным превосходством и из племени которых родился победоносный вождь Надир-шах, «Сын Меча», остались и теперь наиболее многочисленным племенем: в начале столетия их различные племена состояли из 88.000 семейств. Карагезлю из Гамадана, шах-севены из Ардебиля принадлежат также к могущественным народцам, и последние имеют преимущество поставлять шаху сто голямов или телохранителей. Области, в которых преобладает тюрко-татарский элемент,—разумеется, северные и северо-западные, ближайшие к месту их родины. В Азербейджане почти все сельские жители состоят из тюрко-татар, и вплоть до самого центра Персии они встречаются многочисленными колониями. Некоторые орды туркменов, кашкаи, пришедшие в страну в эпоху Чингис хана, кочуют в окрестностях Шираза, Форга и Таруна, к юго-западу от Ирана и, как говорят, настолько многочисленны, что могут, в случае надобности, сформировать армию в тридцать тысяч всадников. В прежнее время эти племена были из наиболее грозных. Каждый туркмен считал себя в праве проливать кровь человека, который был ему не по вкусу. Наибольшая дань уважения, какую он мог выразить своему соотечественнику, заключалась в том, что он подносил ему пролитую им кровь со словами: «Смотри на эту кровь, как будто она пролита тобой! Я изливаю ее на твою голову!»[1].

Персіянка.

В гористых восточных иранских областях, переселенцы тюркской расы принадлежат к тем туркменским племенам, которые с первых времен писанной истории ведут постоянные войны с жителями плато. Известно, что до изгнания оттуда текинцев и до покорения их страны русскими, персы и туркмены постоянно враждовали из-за пастбищ на горах, идущих вдоль их границы, и особенно из-за верхняго течения источников, питавших ирригационные каналы. Редко иранцы играли блистательную роль в этих сражениях. Случалось, что, при виде нападающих, хорассанские персы, потомки парфян, заставлявших дрожать римские легионы, бросали оружие, позволяли связывать себе руки, даже сами связывали своих товарищей, хотя и знали, что им предстоит рабство, более тяжкое, чем смерть[2]. В свою очередь персидские правители также захватывали в плен, но только тогда, когда они, располагая значительными силами, могли сделать внезапное нападение на изолированное туркменское кочевье. Обыкновенно, мирные земледельцы плато, за неимением другого убежища, прятались в укрепленных башнях, которых десятки тысяч высятся среди полей в пограничной стране. Они давали промчаться, подобно урагану, грозным всадникам; затем, выйдя из своих убежищ, снова отправлялись в деревни посмотреть, что им оставили туркмены, и сосчитать число павших. Когда одна из таких крепостей попадала в руки туркмен, жители страны непременно разрушали ее, чтоб взамен её построить новую, в надежде, что она не подвергнется горькой участи своей предшественницы.

Конечно, грабители, пришедшие из равнины, могли без труда поселиться на завоеванных

1 Dupre, „Voyages en Perse“, tome 1

2 De Blocqueville,—Ferrier;—Vamhery;—Mac Gregor, etc.

высотах; но их бродяжнический образ жизни, их разбойничьи нравы постоянно тянули их в низменные страны, соседния с пустыней. Все же некоторые из этих племен удержали за собой завоеванную землю: одни для того, чтобы продолжать там кочевую жизнь на зимних и летних пастбищах, другие—чтоб основать там оседлые деревни и заняться земледелием. В Мазандеране, на северном склоне Эльбурса, равно как и на юге Атрека и в Хорассане вплоть до границ пустыни, попадаются кочевья и деревни туркмен, потомков степных всадников. И ныне переселение продолжается, но в миролюбивой форме: невольничьи рынки и в Хиве и в Бухаре закрыты, война прекратилась на границах, охраняемых русским караулом, и, сделавшись бесполезными, укрепленные башни в горах, идущих вдоль границы, превратились в развалины[1].

Народы курдского племени, населяющие северо-запад и запад персидской территории, походят на туркмен храбростью и воинственными нравами, но происхождением принадлежат к другой расе. Занимая в Персии, в русском Закавказье и в турецкой Армении почти все вершины горного хребта и рассеянные вокруг этого центрального массива многочисленные архипелаги и островки, курды совсем не сплочиваются в нацию; но именно на турецкой территории их гораздо больше, и там живут их могущественные племена, вполне сознающие свое политическое значение. Курды, живущие в горах Заба, по берегам Тигра и Евфрата, вне пределов Персии, образуют точку опоры целой расы, за исключением тех племен, которых иранское правительство силой водворило близ Персидского залива, в горах, идущих вдоль Копет-дага, или же среди юго-восточных белуджистанцев. Есть также народности, которые следует считать принадлежащими к языческой группе курдов, хотя они и носят иное название. Таковы луры, по имени которых названа провинция Луристаном, заселяющие долины верхнего бассейна Керки; их именем называют иногда всех кочевников Персии. Язык луров значительно разнится от языка курдов и составляет самостоятельное наречие; они считали бы себя очень оскорбленными, если бы их стали смешивать с курдами, которых они чаще всего называют леками. Те, как аборигены, позднее перешли в магометанство, тогда как луры с самого возникновения ислама, приняли веру победителей-арабов[2]. Их главное племя, которое в то же время имеет наибольшее значение в целой Персии, благодаря сплоченности своих кланов—это племя феили, обитающее в верхнем бассейне Каруна, у верховьев Шустера и Дпзфуля. По словам Морье, он состоит из ста тысяч кибиток; политическое устройство его чисто феодальное. Некоторые кланы луров носят звериные прозвища, подобно племенам краснокожих: они называют себя Воронами, Желтоногими, Волчьими Ногами.

Племена, которые, одновременно с курдами и лурами, лучше всех сохранили свой тип и свои обычаи, это—бахтиары, т.е. «Счастливые» или «Доблестные» жители Луристана и Сузианы. По мнению некоторых ученых, они-то и есть истинные курды; но язык их не походит на персидский. В физическом отношении они также отличаются иными чертами лица. По словам Дюгуссе, который командовал целым полком бахтиаров, люди этой расы, изо всех иранцев, имеют форму черепа наиболее круглую (*brachycephale*)[3]. Коренастые, сильные, мускулистые, как курды, они все вообще смуглолицы, волосы у них черные, волнистые, глаза оттеняются густыми ресницами, нос толстый и орлиный, опускающийся до губы, подбородок четырехугольный, скулы выдающиеся вперед. Даже несмотря на их пастушеский костюм, в них виднеются солдаты, и поразительно их сходство с фигурами, изображенными на сассанидских монетах[4]. Бахтиары, как и прочия пастушеские племена, летом кочуют в кибитках, на пастбищах, отведенных им обычаем, или же захваченных силой; зимой они живут в маленьких деревушках равнины или на нижних склонах гор. Бахтиары делятся на две больших группы, на хафт-ленгов или «Семиногих» и чагар-ленгов или «Четырехногих», названных так по количеству их налогов, подразделяясь на кланы или *тирга*, на группы се-

1 Lessar, „Mittheilungen von Petermann“, X, 1892.
2 Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“, 1877.
3 Головной показатель бахтиаров: 0,91.
4 Duhousset, „Etudes sur les populations de la Perse“;—Khanikov, „Ethnographie do la Perse“.

мейные, патриархально управляемые вождями, во главе которых состоит обыкновенно совет старцев. Некоторые племена считаются принадлежащими к дворянству, или вследствие генеалогии их вождей, или в силу их подвигов, или же богатств; а некоторые племена у других

Развалины Пальмиры.

более могущественных племен состоят в вассальном отношении, и предание говорит, что они низшего происхождения, тюркского или персидского[1]. Еще недавно бахтиары наводили

1 Rich;—Bode;—Rawlinson;—Layard;—Houtum Schindler, etc.

страх своими разбойничьими нападениями и грабежами караванов, и. чтоб пройти из Шираза или Испагана в нижний бассейн Евфрата, путешественники всеми силами старались миновать их земли. Один из новейших ученых исследователей, Макензи, не побоялся им довериться, и не мог нахвалиться их ласковым приемом и их предупредительностью[2].

Что касается до арабов и белуджистанцев, входящих также в состав жителей Персии, то большинство их племен заселяет земли, пограничные с их родиной: арабские народцы, считающие себя уроженцами Неджеда, кочуют в юго-западной части равнины Каруна, которая, благодаря им, получила название Арабистана. Равно и белуджистанцы Персии населяют в юго-восточной части государства одну провинцию, которая в прежнее время составляла часть Белуджистана и сохранила это название до сих пор. По словам Флойера, племя это вообще выше ростом и крепче телосложением, чем то, которое живет в ханстве, и многие из их кланов принадлежат семейству риндов или «Храбрых», живущему на границах Индии. В некоторых округах они наводят не менее страха, какой наводили недавно туркмены в Хорассане: иногда случалось видеть этих разбойников верхом на быстрых верблюдах, делающих до 130-и километров в день, проникавшими в соседство Кирмана и Иезда; но они не убивают, подобно туркменам, своих жертв: они довольствуются тем, что только грабят[1]. Между странствующими племенами, передвигающимися по плато Персии и которые, по исчислению, составляют четверть или даже треть всего населения[2], многие выдают себя за потомков арабов, что более или менее подтверждается происхождением их вождей. Но каково бы ни было их происхождение, они уже превратились в иранцев и по языку, и по их внешнему виду. Таковы «арабы» Вераминского округа, на юго-востоке Тегерана: язык их персидский, каким говорят в стране, а тип их ничем не отличается от соседей; смешения превратили мало-по-малу древних арабских переселенцев в настоящих персиян.

Тюрки или курды, арабы или белуджистанцы, даже персы,—все кочевники или полу-кочевники Персии, которых главное богатство заключается в стадах и которые живут летом в кибитках на горах, чтоб спуститься зимой в окрестности городов; все они известны под родовым своим названием илятов или «Семейств». Смотря по положению политических дел, число их увеличивается или уменьшается. Если, например, область терпит от грабительства губернатора или от того, что по ней прошли войска, иляты шер-нишини, привыкшие к постоянному местожительству и к возделыванию почвы, покидают свои деревни, чтоб начать кочевую жизнь, подобно сахар-нишини; в благоприятные времена племена поселяются на землях, которые им жалуются[3]. Только одни каулы, лулы, или карачи, которые и есть персидские цыгане, кочующие то тут, то там у окраин городов, не изменяют никогда своего образа жизни. Приноравливаясь к всякой религии, не исповедуя никакой, они искусные гадальщики, кузнецы, лудильщики, мастера разной посуды, сит и т.п., барышники и воры; они весьма походят на своих европейских единоплеменников; между ними шах выбирает себе скороходов[4]. Число цыганских семей простирается до пятнадцати тысяч. Что касается до лутов, то это, собственно говоря, шуты и вожатые медведей, фокусники; но под этим названием обыкновенно смешивают людей самых различных племен, связанных друг с другом воровством и разбоем.

Армяне, в прежнее время весьма многочисленные на персидской территории, ныне встречаются там только небольшими общинами. Большинство из населявших северные округа провинции Азербейджана, от сорока до пятидесяти тысяч человек, ушли из Персии в 1828 году, для того, чтоб поселиться в русской Армении, где половина из них погибла от холода и от голода; в стране осталось только две тысячи пятьсот семейств. Вне пределов Азербейджана персидские армяне не более, как переселенцы. В 1605 году, когда шах Аббас I вы-

2 „Proceedings of the Geographical Society“, March 1883.

1 Stewart, „Proceedings of the Geographical Society“. Sept. 1881.

2 Morier;—Goldsmid;—Lovett;—Oliver Saint John;—Hantsche

3 E. Tietze, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien, 15 Juli 1875“.

4 Polac, „Persien, Das Land und seine Bewohner“.

нудил их покинуть свое отечество—берега Аракса, разрушив каналы, мосты и даже жилища на глазах изгнанников, двенадцать тысяч семейств, переселившись в Испагань, пережили все муки изгнания, и в скором времени, благодаря своему трудолюбию, обогатились. Шарден, видевший в Испагани армянскую колонию в полном благосостоянии, хвалит их промышленность и их коммерческие способности; но с этой эпохи, притеснения губернаторов довели большинство гайканов до нищеты. В последнее время их стали считать почти русскими подданными, и они пользуются особым покровительством посланника могущественной нации, советы которого считаются приказанием. Положение их значительно улучшилось, но некоторые из их общин далеко еще не в цветущем состоянии и почти вся их молодежь эмигрирует, отправляясь искать счастья в Закавказье, в Константинополь, в Индию, вплоть до Явы, и в Китай. На вопрос путешественника Полака, патриарх Испагани, которого епископство распространяется от Гамадана до Батавии, мог насчитать только около двадцати тысяч овец своей рассеянной повсеместно паствы. В верхних долинах, лежащих на северо-западе Испагани, некоторые деревни заселены единственно гайканскими земледельцами, храбрыми горцами, которые замечательно разнятся от боязливых городских армян и которые умеют защищать свои поля от окрестных разбойников-бахтиаров[1].

Евреи еще малочисленнее армян на персидской территории: их не насчитывают даже и двадцати тысяч с теми, которые исповедуют свою религию втайне, но которые известны за ложно совратившихся в ислам. Они находятся в большом презрении и живут в каждом городе в гетто, подобно тем, какие были в прежнее время в европейских городах, и в домах их такия низкие двери, в которые можно войти не иначе, как нагнувшись, и которые легко забаррикадировать. Подобно европейским евреям, евреи, населяющие Персию, представляют два весьма различных типа: одни имеют правильное, благородное лицо, черные глаза, большой лоб; у других широкое лицо с большим носом и курчавые волосы. Они говорят по-персидски, но примешивают к этому языку слова древне-еврейские, и вообще говорят с особым акцентом; обыкновенно, в разговоре сильно жестикулируют, за что их презирают иранцы, весьма скромные в движениях. Как и в Европе, евреи любят ремесла, в которых на их долю выпадает обработка дорогих тканей и металлов; большинство из них ювелиры, вышивальщики, ткачи шелковых материй; они также занимаются производством вин, водок, уксуса и умеют сплавливать и отделять металлы. Из среды их выходят лучшие врачи в Персии, наследовавшие славу своих предков во времена калифов. Музыканты и певцы почти все без исключения евреи.

Европейская колония в Персии состоит из небольшого числа авантюристов и купцов, не считая персонала посольств и специалистов, профессоров, медиков, разного рода промышленников или военных, призванных в страну для руководства некоторыми производствами или же для обучения войск. На всех на них смотрят как на посетителей, и народонаселение избегает их как иностранцев: почти нет примера, чтоб иностранцы, не имея интимных связей с персидскими семействами, избрали бы Иран своим вторым отечеством: дезертиры русской армии, почти все поляки, которые в прежнее время в большом числе нашли убежище на персидской территории, перешли в ислам и ныне считаются иранцами. Персия не вошла в круг заманчивых для Европы земель, каковы Египет и Малая Азия; но климатические и земельные условия, равно как и политические события, позволяют утверждать, что в недалеком будущем, в русских переселенцах не будет недостатка в городах Мазандерана, Гилана и Азербейджана; но тем не менее, их непосредственное влияние на цивилизацию страны еще не скоро даст себя чувствовать. Иранская раса, сильная своей долголетней прошлой культурой, одна из самых живучих, какие существуют, а большинство европейцев вместо того, чтоб вложить свой элемент в народ, с которым они находятся в сношениях, сами превращаются в азиатов. Таким образом, в былое время, маленькия греческие колонии центральной Азии основались на землях окрестных народов[2].

---

1 Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“, 1877.

2 De Gobineau. „Trois ans en Asie“.

Древняя религия Зороастра ныне имеет только весьма небольшое число последователей между персами, и в форме весьма различной от той религии, которая должна была одержать верх в те времена, когда были провозглашены доктрины Зенд-Авеста. Известно, что парсы или зардушти имеют свои главные общины вне пределов Ирана, в Бомбее и соседних с ним городах; в самой же Персии их немного более 8.000, и встречаются они сплоченными группами только в округе Иезда или Иездана, т.е. в «Городе Света»[1]. Еще в десятом веке, со времен путешествия Ибн-Гаукаля, в каждой деревне был свой храм, свои священники, своя священная книга[2]; но с того времени «жертвенники огню», прежде воздвигаемые на вершинах холмов, были все разрушены, за исключением одного жертвенника Тафта, близ Иезда; священники не смеют более зажигать там священный огонь, состоявший из двенадцати разноцветных огней, из коих первый был зажигаем прямо солнцем посредством чечевицеобразного стекла[3]. Ныне жертвенники Иезда не более, как простые жаровни, спрятанные внутри почерневших развалин. Впрочем, от них уцелели только обломки, на которые указывает местное предание, и они называются в стране не иначе, как своим арабским названием *атеш-газ* или *атеш-каде*; древнее название пельви забыто. Но гебры удержали за собою право хоронить своих умерших по своим обрядам, и близ каждого города, где находится одна из их общин, высится на уединенной скале *дакме* или башня молчания. Гебров гнушаются, как идолопоклонников, и они давным давно были бы истреблены, если бы не обладали граматой калифа Али, обещавшего им свое покровительство, что, впрочем, ни мало не избавляет их от особой подати, требуемой с неверных. С недавнего времени число их стало уменьшаться, вследствие похищения молодых девушек, обращаемых в магометанство, и которые, сделавшись членами великой семьи ислама, не возвращались более к своим родителям. Еще и ныне самые богатые купцы-гебры могут ездить только на ослах и всякий раз обязаны слезать при встрече с мусульманином, а также обязаны носить на одежде особые цветные знаки для того, чтоб толпа могла их отличить от «истинно верующих» и могла бы преследовать их оскорблениями, не рискуя ошибиться[4]. Однако, положение огнепоклонников значительно улучшилось с половины нынешнего столетия, вследствие духовной солидарности с ними индийских парсов, которые посылают своим единоверцам деньги для уплаты податей и для содержания школ, и которые во многих обстоятельствах прибегали к советам Англии. Кроме того, некоторые немногие персы, гордящиеся своей историй, чувствуют симпатию к этим людям, которые остались верными в современном Иране преданиям древней Персии. Между вновь возникшими сектами есть такия, которые стараются приблизиться к древней религии Зороастра и даже трудятся над восстановлением древнего культа[5]. Великая персидская эпопея «Шах-наме» Фирдузи чествует культ предков в выражениях, будто скрывающих некоторую иронию, направленную против новой религии: «Наши отцы также боготворили Бога. Арабы обращаются в своих молитвах к камню, а те обращались к огню, горевшему яркими цветами». Многочисленные гражданские церемонии в Персии напоминают древний культ. Так, в Хорассане, когда депутация поселян выходит на встречу иностранцам, чтоб оказать им почести, делегаты несут обыкновенно, и зимой и летом, горшок, наполненный горящими углями[6]. Во всей Персии самый большой праздник—Неруза, справляемый 20-го марта в честь весны.

Как посредники торговых сношений с Индией, гебры Иезда и Кирмана играют довольно значительную роль, и в торговых делах они отличаются от персов верностью данного слова. В религиозном отношении большинство из них слепо подчиняются своим священникам или *мобедам*, которые произносят молитвы и заклинания на языке пельви, которого они сами не

1 Народная перепись парсов в 1879 году: Иезд и окрестные деревни—6.483; Кирман и окрестные деревни—1.498; Тегеран и окрестные деревни—150. Другие города и деревни—57. Вместе—8.188.

2 Godel Lannoy, „Allgemeine Zeitung“, Marz 1883.

3 H. Petermann, „Reisen in Orient“.

4 Casteiger, цитированное сочинение.

5 E. Renan, „Melanges d'histoire et voyages“.

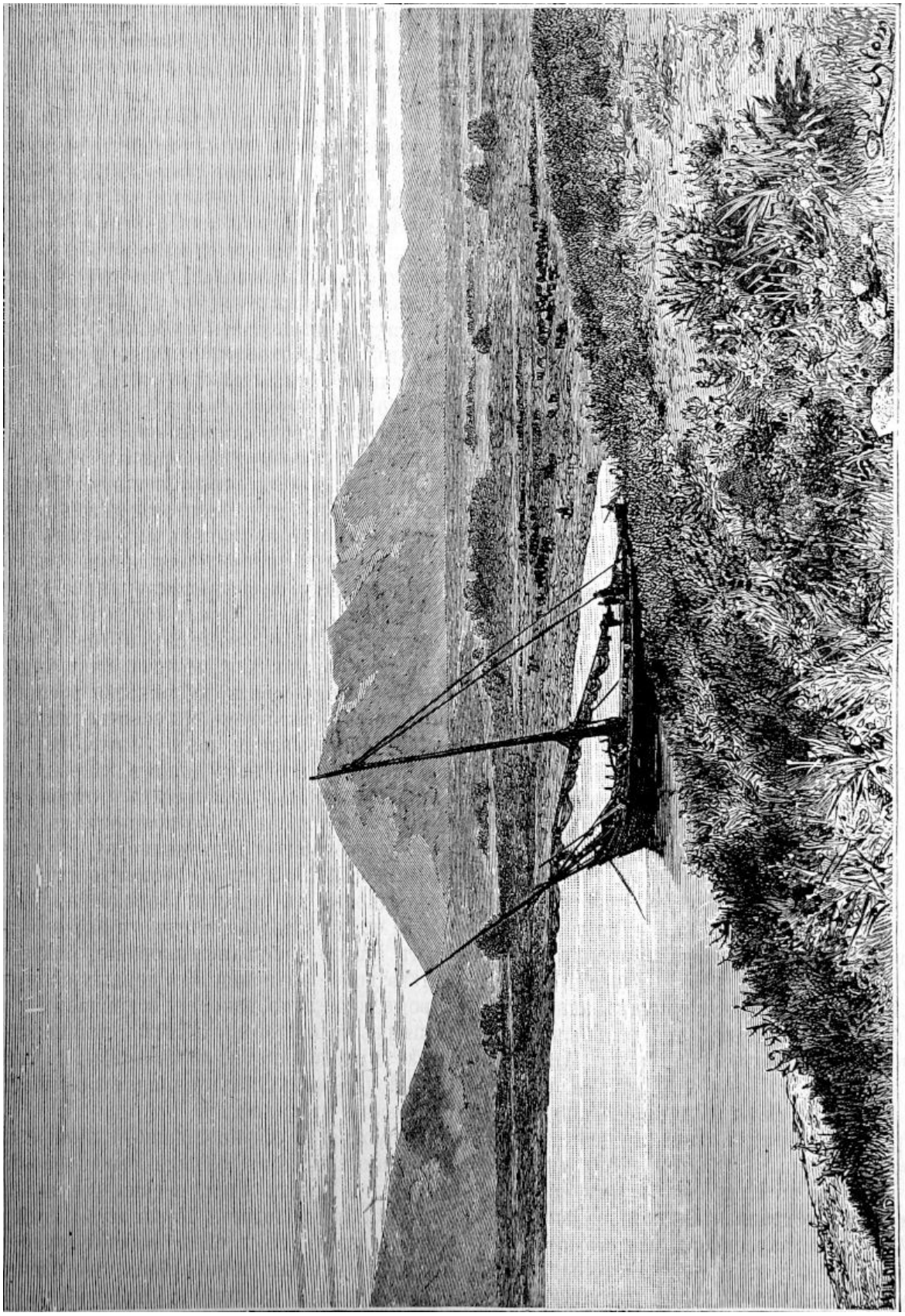
6 A. de Khanikov, „Memories sur l'Ethnographie de la Perse“.

понимают. Обряды, весьма сложные, сделались целой религией, и все внимание священнослужителей обращено исключительно на то, какие позы следует принимать во время молитвы, как произносить слова, в каком порядке должны быть размещены священные очаги, священные ветви гома (sarcostema viminalis), чаши, содержащие в себе сок божественного растения, курильницы, ступки, в которых толчется снадобье для традиционных пирогов. Посвящение в таинство детей мужского пола состоит только в том, что им дают рубашку, которая должна предохранять их от козней диавола, затем в опоясывании их шарфом, который должен дать им силу и доблесть для добрых дел. Древняя дуалистическая вера постепенно превратилась в монотеизм; кроме обрядов религия, персидских гебров не представляет никакого различия с религией соседних мусульман. Чтобы приобрести их благорасположение, огнепоклонники допускают, что Зердушт или Зороастр, автор их священной книги, есть одно и то же лицо, которого евреи, христиане и мусульмане, все «книжники», знают под именем Авраама; в каждом споре, собеседники вежливо соглашаются с ними, что это именно так и есть[1]. Между иранскими и бомбейскими парсами произошло нечто в роде раскола; но причина этому чисто материальная и ничуть не касается вопросов о догматах: отделенные друг от друга в течение нескольких веков, эти две группы единоверцев перестали иметь общий календарь и различно произносят некоторые слова литургии[2]. Гебры Ирана и гебры Индии имеют одинаковые обряды, и как те, так и другие, бросают своих умерших на съедение орлам и ястребам. Почти все браки у них заключаются между близкими родственниками, но никто не замечал, чтоб гебры стояли ниже своих соседей-магометан как в отношении чистокровности, так и по красоте лица. Впрочем, почти у всех персов первые браки заключаются почти всегда между двоюродными.

Девять десятых персидского населения принадлежит оффициально к религии магометан-шиитов. Можно сказать, что народ, побуждаемый патриотизмом, принял эту религиозную форму с целью противодействовать арабам и тюркам. Границы распространения секты соответствуют вообще границам государства, и даже во многих местах они сходятся совершенно: религиозные границы так же точно обозначены, как и государственные. Навязав свой культ, победители-арабы, «Пожиратели ящериц», как их презрительно называют, совсем не сделались братьями побежденных, которых они заставили принять свою веру: не прошло и полстолетия со времени вторжения арабов в Персию и со времени падения династии Сассанидов, как началась политическая реакция, но она была только обратным требованием династии: персы стояли больше самих арабов за поддержание калифата в семействе Магомета. Так как Али, племянник и зять пророка, женил своего сына Гуссейна на младшей дочери сассанидского короля Иездиджера, кровь пророка и наследных государей Ирана слилась таким образом в семье Али. Но когда несчастный калиф был умерщвлен в Куфской мечети, когда сыновья его, Гуссейн и Гассан, были задушены вместе с родственниками и друзьями в Кербельской равнине, династия Сассанидов угасла одновременно с династией Магомета. Велика была скорбь мусульман Персии, а ужасные обстоятельства, какими сопровождалась эта драма, возбуждали еще более сострадания к погибшей семье. Вскоре легенда, изобразив эти события, сделала из них предмет вражды между двумя государствами, между двумя религиями, между двумя силами, навеки враждебными, как древний маздеенский дуализм. Партизаны Али возвели его на один пьедестал с Магометом; они провозгласили его «наместником», *вали* Аллаха: у большинства шиитов Али считается первостепенным божеством, преемников Ормузда; особая секта али-аллахи, нозаири или назери, к которой принадлежат не только одни иранцы, но также тюрки и, может быть, даже остатки племен еврейских и несторианских, не делает никакого существенного различия между Аллахом и наилучшим из его тысячи и одного земного воплощения, калифом Али[3]. Есть также секты, предметом боготворения которых служат двенадцать имамов, потомки калифа, чтимого святым. С дру-

1 De Gobineau, „Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale".
2 Martin Haug, „Essays on the Sacred Language", „Writings and Religion of the Parsis".
3 Loftus, „Travels and Researches in Chaldaea and Susiana".

гой стороны, Омар считается чем-то в роде сатаны, которого должен проклинать каждый правоверный. Ежегодно один день в году посвящается празднованию смерти Омара, и богомольцы направляются толпами к Кашану, для посещения предполагаемой могилы его убий-



Озеро Ванъ.

цы.

Секта шиитов, преследуемая в первое время, постепенно захватила все персидские народности, но она стала религией государства не ранее начала шестнадцатого века, с воцаре-

нием династии Сефвидов. Она еще и теперь вербует последователей в восточном Афганистане, на северо-западе между татарами Закавказья, наконец в самой Персии и свидетельствует о своей живучести развитием национальной литературы, возникшей среди народа вне всякого влияния духовенства. В прежнее время поминовения, совершаемые в честь Али и его сыновей, состояли только из молитв, воплей, погребальных процессий, сопровождаемых добровольными самоистязаниями, которые делают из обрядов шиитов потрясающее зрелище[1]. Действующие лица драмы, Али, Гуссейн, Гассан, дети и женщины, умерщвленные в Кербеле, участвовали в этих представлениях в качестве немых свидетелей преступления; они не говорили и не действовали, тогда как теперь они стали актерами; *тазие*, подобные «мистериям» средних веков, ныне стали настоящими пьесами, в которых авторы большею частью неизвестные, ввели монологи, диалоги, неожиданные перипетии, осмеливаясь даже затрогивать легенду, чтоб придать положению действующих лиц более живой интерес. Труппы актеров почти все родом из Испагани, жители которой славятся между всеми персами своим звучным голосом и наилучшим акцентом, составились, чтоб давать театральные представления в различных города Ирана, и многие артисты, особенно те из них, которые изображали детей и женщин из семейства пророка, достигли славы и богатства. На некоторых сценах давали и другие мистерии, кроме убийства в Кербеле: таким образом мало-по-малу устраивается национальный театр[2]. Семейства сеидов или *сеидов*, родственные пророку Магомету, которые составляют по крайней мере пятидесятую часть всего персидского населения, принимают специальное участие в постановке тазие, как бы наиболее других заинтересованные в чествовании подвигов своих мнимых предков; но между этими семействами нет, может быть, ни одного, которое могло бы представить неопровержимое доказательство своего титула. Когда-то сеиды пользовались, так сказать, всеми правами, даже правом говорить правду государю!

Шииты отличаются от суннитов не только воспоминанием о политических распрях и национальной враждой, но главным образом значительным изменением в религии и в догматах вследствие многолетней отчужденности. В Персии древняя каста волхвов постепенно преобразовалась, благодаря соединению врачей в каждом городе. Духовная иерархия также изменилась у секты персидских шиитов гораздо больше, чем у суннитов, а Коран у них не подлежит свободному истолкованию правоверных, как это допускается у тюрков или арабов: у шиитов его могут читать и комментировать только одни муллы. Различные изображения возбуждают чувство гадливости у суннитов; у них же истинно верующий не преминет их убрать или даже убежать в другое место, когда он совершает молитву, и совершенно иначе относятся к ним шииты Персии[3]: почти во всех домах в Иране имеется картина, изображающая пророка Али; но так как художники чувствуют себя недостойными воспроизводить черты божественной красоты, какие предание приписывает зятю Магомета, то его изображают всегда с лицом, закрытым покрывалом. В некоторых отношениях, шиизм указывает на возвращение к религии, предшествовавшей магометанству, и сунниты имеют некоторое право обвинять их в принадлежности к религии Зороастра; тем не менее есть несколько мест в Коране, которым шииты дают истолкование, более соответствующее объяснениям первых комментаторов, нежели то, какое мы встречаем у теперешних суннитов. Шииты прикидываются более правоверными, чем арабы, и считают себя поддерживателями порядка законного наследования в калифате.

Несмотря на оффициальную принадлежность к общине шиитов, большинство персов тайно проповедуют идеи, весьма различные с теми, какие преподает Коран. Каждый стремится создать себе свою собственную веру, свои собственные умовоззрения, что влечет за собой странную разницу в верованиях: один и тот же субъект соглашается с целым рядом различных доктрин. Спорные вопросы взаимно нейтрализуются, поэтому религиозные волне-

1 Verechaguine, „Tour du Monde“, 1868.

2 De Gobineau, „Les Religions et les Philosophies dans l’Asie Centrale“.

3 A. de Beaumont, „L'Architecture en Perse" („Revue des Deux Mondes“, 1-er sept., 15 oct. 1866).

ния масс сделались почти невозможными. Хотя духовенство и оставило за собой право истолкования священных книг, каждый перс воображает себя теологом и нисколько не боится затрогивать самые отвлеченные вопросы, хотя бы они даже привели его к ереси. Впрочем, все персы пришли к тому убеждению, что каждый человек имеет право высказывать свои мысли и наружно исповедывать веру, которую втайне он отвергает; даже шиит, странствующий среди суннитов, может, не будучи обвиняем в подлости своими единоверцами, выдавать себя за сторонника того самого Омара, которого он ненавидит в глубине своей души. Такого рода религиозное мороченье называется *кетман*: никто не остается обманутым, но все делают вид, что верят этому, и надеются на обоюдность успехов. Сочинения персидских сектантов имеют, как и сочинения многих философов средних веков, два совершенно противуположных значения: одно значение оффициальное и прямое, которое во всех пунктах соответствует богословию, преподаваемому в школах, а другое скрытное, мистическое, от которого ключ у его учеников и которое истолковывается в тайных собраниях[1].

Итак, в Персии невозможно следить за движением сект: они известны только в общих чертах, и было бы напрасным трудом стараться их перечислить. У илятов различные группы народностей все различно понимают магометанскую религию, и даже «Люди истины», как называют али-аллахов, исповедуют ее самым различным образом. Так, например, одно племя, по словам Феррье, боготворит великого святого истукана Бузурга и игнорирует Магомета. Киринди, живущие близ Керманшаха, считают богом своего предка Дауда, и по ремеслу, как и он, кузнецы. Белуджи Персии, которых считают суннитами, большею частью не имеют никакой религии и ограничиваются тем, что отрывают куски от своих одежд и привязывают их к кустам, или же бросают камни на громады, высящиеся по краям дорог. В Мазандеране племя дровосеков также игнорирует Магомета, а в юго-восточных областях Персии многие ученые, цитирующие Гафиза и едва знающие Коран, не прочь возвести поэта Шираза на место пророка[2]. У образованных персов общепринятая доктрина, искаженная, как и все прочия, под видом кетмана, это—доктрина *суфи*. В сущности, они не придают никакого значения мусульманским обрядам, которые составляют для них одну только внешность, ничем не пробуждая сокровенные мысли внутреннего мира человека. Уже в четырнадцатом веке, Шемзеддин, более известный под именем Гафиза, воспевал в превосходных стихах человеческую нравственность вне всякого мистического учения и вне всякой надежды на вознаграждение в будущей жизни. Повторяя эти стихи и многие другие изречения своих знаменитых писателей, суфи говорят, по поводу их религиозной независимости, что у одних она выражается в полном скептицизме, а у других в метафизическом созерцании. В Европе большинство суфи были бы признаны пантеистами: они верят в соединение всего сокровенного в Боге и, следовательно, признавая свою собственную божественность, видят в самих себе центр всего. Недоброжелательные священники утверждают, что некоторые доктора-суфисты советуют прибегать к опьянению гашишем или опиумом, так как в состоянии головокружения и грез все представления в мозгу перепутываются, все предметы кажутся иными, все образы изглаживаются, и тогда человек снова погружается в первобытную беспредельность всемирного божества. Большинство персов имеют большую склонность искать экстаза в опьянении, которое производят наркозы или горячие напитки, вследствие чего тысячи из них преждевременно дряхлеют, пробуя созерцать великое из глубины собственного безумия[3].

Секта, которая в текущем столетии сильнее всего взволновала персов, это—бабисты, потому что она не ограничилась одной религиозной пропагандой, а влияние её отразилось и на политической жизни народа и имело последствием кровопролитные междуусобные войны. По их теологическим концепциям, в которых теория чисел и точек играет важную роль и

1 Население Персии, разделенное по религиям, по Хутум Шиндлеру: Шииты—6.860.000; сунниты и другие сектанты—700.000; армяне—43.000; несторианцы—23.000; евреи—19.000; гебры—8.000.

2 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

3 Chardin;—De Gobineau;—Fraser;—Polak, цитированное сочинение.

считается божественной манифестацией,—ученики мирзы Али Магомета, более известного под именем Баба, создали полный идеал нового общества, и этот идеал они осуществляли в их собственных группах. Между собой они не знали другого способа управления, как милость, взаимное уважение, вежливость, и только в важных случаях допускали обращение к третейскому суду. Они запрещали бить детей и наблюдали за тем, чтоб во все время ученья ни смех, ни игры и «ничто, что могло сделать их счастливыми», не отнималось бы у них. Баб осуждает полигамию, развод, обычай водить женщин под покрывалом; он советует правоверным заботиться о счастии их жен, о доставлении им удовольствий и никогда не отказывать в нарядах, которые идут к их красоте. Женщины приняли большое участие в пропаганде бабизма, и между проповедниками секты никто не приобрел такой громкой известности своею преданностью, твердостью и даром красноречия, как прекрасная Церрина Тадж или «Золотая корона», прозванная «Её Высочество Непорочная», или Гуррет-уль-Аин, «Утеха очей». Многие европейские писатели поставили Баба в разряд сект коммунистов, но это неверно: он никогда не советовал делать собственность общим достоянием, но увещевал богатых смотреть на себя, как на казначеев бедных, и отдавать свой избыток тому, кто нуждался в необходимом[1]. Красноречие Баба было до такой степени обаятельно, что оно стало легендарным: рассказывают, что ему достаточно было дать один финик любому из слушателей, чтоб сделать его своим последователем.

В эпоху, когда появилось их учение, Баб и его последователя ничуть не помышляли захватить в свои руки власть: их первоначальные проповедывания были совершенно миролюбивого свойства; но преследования со стороны священников, доходам которых народившаяся секта наносила большой ущерб, довели новаторов до мятежа. В 1848 году, памятном народными волнениями и междоусобными войнами как на крайнем Востоке, так и в западной Европе, в Персии происходили также междоусобные распри. После кровопролитных сражений, все бабисты Мазандерана были переколоты; затем восставший город Зенджан, находящийся на границах Азербейджана, был предан огню и жестокой расправе над жителями, а сам Баб был умерщвлен. Несколько сектантов, избегнувших участи своих товарищей, попробовали было отомстить шаху, а тот отдал приказ истребить всех оставшихся в живых последователей учения Али Магомета. Ужасную мысль возъимели верховные советники правителя—разделить пленных между высшими сановниками государства, дабы шах мог наглядно судить о преданности своих подданных, об их искренней верности по тем наказаниям, которым они будут подвергать свои жертвы. Каждый из сановников принял это к сведению, и начались пытки, от которых становится волос дыбом. Один из придворных приказывал резать перочинным ножиком своих пленных; другой их медленно душил, или разрубал на части; третий заковывал руки и ноги в кандалы, а тело приказывал рвать на куски плетьми. Дети и женщины проходили между фалангой палачей, которые жгли им тело зажженными фитилями. Среди безмолвия обезумевшей от страха толпы, раздавались только крики мучителей и замиравшие голоса мучеников, певших: «Во истину мы пришли от Бога и возвращаемся к Нему»!

Но, несмотря на эти зверские убийства, не удалось совершенно искоренить бабизм. По общему отзыву, секта эта стала многочисленнее, чем когда-либо, и тем более опасной для правительства, что отныне деятельность общины хранится втайне. В Персии у них нет вождей, но сектанты есть даже и между оффициальными представителями религии в государстве[2], которым не трудно входить в сношения с преемником Баба, имеющим пребывание в Азиатской Турции, и которого посещают персидские богомольцы, привлекаемые сюда святынями Кербелы и Неджефа. Каково бы ни было его действительное могущество, но нельзя умолчать о том, что Персия переживает в настоящее время критический период своей истории. Много внутренних перемен, указывая на своеобразное развитие народного духа, обеща-

1 Mirza Kazem-beg, „Journal Asiatique“, 1866;—De Gobineau, „Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale“.

2 Dieulafoy, рукописные заметки.

ет совершиться в этой стране, в ту самую минуту, когда давление извне, возростая все более и более, угрожает отнять у Персии последнюю тень политической независимости.

Весьма общежительные и к тому же вынужденные группироваться по причине небезопасности страны и неоднократных войн, опустошивших край, персы имеют много городов: пропорционально всему населению, число городов гораздо больше, нежели на полуострове, лежащем по сю сторону Ганга. Многие города совершенно изолированы в пустыне, не имеют ни предместий в городской черте, ни домов, рассеянных по окрестным деревням. Пространство, занимаемое скученным городским населением, вообще гораздо больше того, какое приходится в Европе на то же число жителей. Дома низкие и окружены дворами и различными постройками. Дворцы правителей с их службами образуют настоящие кварталы, где иностранец может заблудиться в лабиринте проходов и дворов. Но как ни обширны и ни затейливы эти жилища, в них редко живут долгое время: почти всегда новый властелин разрушает дворец своего предшественника, или вследствие простой любви к переменам, или же, что бывает чаще, для избежания злого рока, погубившего его предместника; он воздвигает новое здание рядом с старым, и город, таким образом, увеличивается. Страх роковой судьбы заставляет также перемещать деревни, местечки и целые города: рядом с новыми городами тянутся на далекое пространство громадные развалины, которые произвели добровольно сами жители, чтоб попытать большего счастия. Груды обломков, покрывающие почву, кучи грязи, размякшей от дождей, не могут служить доказательством, как предполагали многие из путешественников, что страна эта в прежнее время была более населена[1].

Но есть такие города, которые силой обстоятельств должны оставаться на своем прежнем месте, или вследствие своего выгодного природного местоположения, или благодаря имеющимся там фонтанам, или же по причине связанных с теми местами религиозных воспоминаний. Таков город Мешхед, нынешняя столица Хорассана или «Страна солнца», в котором скучение городского населения наибольшее во всей северо-восточной Персии. Он обязан своим значением находящейся в нем могиле имама Реза, одного из учеников Али. До того времени, пока эти смертные останки не привлекали еще массу богомольцев, «священный Мешхед» был не более, как простая деревня, хотя легенда новейшего происхождения приписывает его основание мифологическому герою Джемшиду. Да и самое местоположение Мешхеда не из тех, которые, благодаря пересечению природных путей, предоставляют городу играть важную роль. Лежащий на высоте 930 метров, в малоплодородной равнине, которую не орошает даже ни один постоянный источник, километрах в десяти к югу от Кашаф-руда, одного из западных рукавов реки Герата,—Мешхед имеет удобное сообщение только с верхним бассейном Атрека, который простирается на северо-запад между двумя параллельными хребтами Копет-дага и Ала-дага; надо перейти хребты высоких гор, чтобы попасть во все прочия части Хорассана, на запад к Нишапуру и Дагману, на юг к Турбат-Гайдари, на юго-восток к Турбат-Шейк-и-Джами и к Герату, на северо-восток к Сераксу, на север к Келат-и-Надиру. Пути, по которым ходили богомольцы, стали торговыми путями: сто тысяч правоверных, ежегодно посещающих гробницу имама, составляют в то же время и покупателей и продавцов, которые поддерживают промышленность в городе, и Мешхед сделался торговой метрополией Хорассана, каковою был был прежде Герат. Надир-шах избрал Мешхед столицею своей обширной империи.

Единственный, достойный внимания, памятник в священном городе,—мечеть, золоченый купол которой украшен в нижней своей части разноцветными фаянсами, голубыми и желтыми на белом фоне, высится над священным камнем почти в геометрическом центре города. До сих пор ни один европеец, не переодетый богомольцем, не мог проникнуть в эту мечеть, которую иначе он осквернил бы своим присутствием[2]; медная цепь указывает предел,

1 Mac Gregor, „Narrative of a Journey through Khorassan“;—Polak, „Persien und seine Bewohner“;—J. Dreulafoy, „Tour du Monde“, 1883.

2 O'Donovan, „Merv Oasis“,

за который не может переступить неверный; все домашния животные, заблудившиеся и попавшие за эту преграду, становятся принадлежностью имама, по праву, т.е. пятисот священнослужителей, которые питаются от приношений алтаря. Преддверие мечети служит местом убежища для преступников, и этот верный приют содействовал в некоторой степени заселению города; все богомольцы, приходящие говеть у гробницы имама, получают два раза в день в течение недели блюдо из пилава на счет святого. Библиотека имама имеет около 3.000 ученых сочинений; между ними есть некоторые весьма ценные[1]. Священный храм разделяет на двое центральную аллею или *киабан*, улицу более двух с половиной километров в ширину, которая пересекает Мешхед от запада к востоку, от ворот Кучана до гератских ворот. Посреди этой улицы, осеняемой чинарами и вдоль которой тянутся целые ряды лавок, течет речка или, вернее, водосточный канал, чрез который живущие вблизи люди перекинули подвижной мост, чтоб иметь возможность вечером подышать чистым воздухом, несмотря на примесь к нему скверного запаха от гниющей воды. Городская ограда заключает в себе обширные пространства, занимаемые кладбищами, на которые приносят за пятьсот километров в окружности трупы набожных мусульман, желающих вознестись на небо вместе с имамом Реза. Некоторые сады находятся также в этой ограде, а возделанные поля простираются вне её стены; но жители города рассчитывают всего более на продовольствие, которое им доставляют караваны в обмен на ковры, оружие, металлические изделия и вазы из «черного камня», в роде жировика[2], который им доставляют соседния каменоломни. Между жителями Мешхеда насчитывают несколько сотен евреев, которые вынуждены были, в 1839 году, ценою жизни принять ислам; но они только по названию магометане, а веру исповедуют втайне свою.

На северо-западе Мешхеда область равнины, которая принадлежит и по сие время бассейну Гери-руда, усеяна курдскими деревнями; все они укреплены и могут выдержать нападение туркменских шаек. Всего только два города, как тот, так и другой населенные курдами, находятся в этой местности, одной из житниц Персии: Казимабад и Радкан, расположенные вблизи болот, откуда берет свое начало Кашаф-руд. Наилучшие животные происходят от скрещивания бахтрианского двухгорбого верблюда с дромадером или арабским верблюдом; обыкновенный верблюд поднимает тяжесть весом не более 140 килограммов, а эти метисы поднимают тяжести в 280 и даже до 300 килограммов[3]. На севере Казимабада развалины города Ту усеивают деревню, находящуюся близ потока, текущего в Кашаф-руд: в этом-то знаменитом городе умер Гарун-аль-Рашид. Там также родился в 940 году, а равно и умер Фирдузи, автор великой персидской эпопеи «Шах-Наме»: в начале столетия маленькая часовня указывала место его погребения, а ныне только одно предание гласит о месте его упокоения. Знаменитый астроном Нассир-Эддин, основатель обсерватории в Марага, также один из родившихся в Ту. Не осталось ни одного замечательного обломка от зданий этого города, разрушение которого народное предание приписывает Чингисхану, этому первокласному истребителю человечества; но Ту обезлюдел только в конце восемнадцатого века[4].

Города северного склона гор, на север от Мешхеда, не могли ни увеличиваться, ни процветать, вследствие частых набегов туркмен; но благоденствие их не замедлит, как только наступит мирное время, что дозволит возделывать плодородные скаты Дерегеза или «Долины тамарисов», и когда деревни равнины не будут более опустошаемы.

Могаммедабад, Лутфабад, еще недавно бывшие незначительными местечками, несомненно, приобретут важное значение, когда зерновой хлеб, виноград и другие фрукты, шерстяные и грубые ткани туркменские будут обмениваться на мануфактурные персидские произведения. Но сколько разрушенных городов, какие груды обломков попадаются в этих плодородных областях, обработываемых в прежнее время трудолюбивым населением Маржианы!

1 N. de Khanikov, „Memoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale".
2 H. W. Bellew, „From the Indus to the Tigris".
3 Stewart, „Proceedings of the Geographical Society", sept. 1881.
4 N. de Khanikov, „Memoire sur la partie meridional, de l'Asie Centrale".

С мысов, выдающихся в равнину Теджена, можно видеть, как во многих местах горизонт изрезан зубцами «безчисленных» развалин, башен и стен, мерцавших в мираже[1]. Тут и там виднеются целые города с их улицами, площадями, крепостями, городской стеной, вполне сохранившиеся такими, какими они были в тот день, когда их покинули; ныне их единственные жители—леопарды и шакалы. Большой город Хивабад, который Надир-шах населил пленными хивинцами и бухарцами, это—город привидений, чрез который поспешно проходят путешественники, но где ни один туземец не согласится остаться. Туркмены, возделывающие поля Хивабада, живут во всей равнине Теджена в 25-и и 30-и километрах к северу, но ни за какие блага они не согласятся раскинуть свои палатки внутри ограды: для защиты от нападений врагов они скорее построят новый город рядом со старым. На восток от Лутфабада «Пребывание грации», другой город, гораздо больший, Хусру-тепе или «Гора Хозроес», избегается точно также, и тщетно хан Дерегез желал устроить там туркменскую колонию. Между покинутыми городами есть такие, которых жители вынуждены были оставить по причине перемены течения рек. К числу таковых принадлежит Абиверд, который значится на всех картах, но в действительности перестал существовать; он заменен большим посадом Кахка, к которому ныне направляется большая река Лаин-су[2]. Различные развалины, известные под названием *Килиш*, *Кализа* или *Кализи*, то-есть церковь—свидетельствуют о существовании древних несторианских общин в этом краю, который оспаривают друг у друга шииты иранские и сунниты туркменские[3]. Искусственные холмы возвышаются местами на границах пустыни, из Хивабада в Серакс[4].

Близ Могаммедабада, нынешней столицы Дерегеза и главного рынка туркмен-текке, разрушенная башня указывает место палатки, в которой родился тот свирепый тюрк, из племени афшаров, который впоследствии должен был носить имя Надир-шаха и управлял столь жестоко своей обширной империей, простиравшейся от долин Кавказа до берегов Джумны. Келат-и-Надир или «крепость Надира», расположенная почти на неприступном плато, которое командует над равнинами Теджена между Могаммедабадом и Сераксом, осталась главным военным городом страны, где персидское правительство содержит сильный гарнизон. Но стратегический, пункт северо-восточной Персии, наиболее ревниво охраняемый, и за покорение которого пролито много крови в этом столетии, это—город Серакс, построенный на Гери-руде, при входе этой реки в равнину туркменов. Серакс может считаться, еще более, чем Мерв, дверью в Индию: этим путем всего легче проникали армии в долину Герата, лежащую между Персией и Афганистаном. «Серакс будет когда-нибудь или пунктом обороны для Англии, или пунктом нападения для России[5].» Многочисленные развалины, изолированные форты в равнине, холмы с возведенными на них укреплениями,—все свидетельствует о кровопролитных сражениях, происходивших из-за обладания этим несчастным городом. Солдаты, евреи-купцы, несколько туркменских резидентов составляют население Серакса; окрестные поля не изобилуют возделанными пашнями, которые могли бы быть превращены в обширные поля с зерновым хлебом, благодаря ирригационным каналам Теджена и обилию воды, которая течет везде, если начать рыть почву на глубине в пяти или шести метров.

На юге Мешхеда один только город принадлежит к бассейну Гери-руда, это—Турбат-Шейк-и-Джами, расположенный на берегах Джама, неподалеку от афганской границы. Другие города этой гористой области расположены все или в долинах, или же на скатах гор, весьма скудные источники которых исчезают в пустынях. К югу от Мешхеда, у подошвы гор, лежат города Турук и Шерифабад, которые имеют значение, как перекрестки дорог западных, южных и восточных, по которым идут богомольцы, направляющиеся в священный город. Неподалеку оттуда находится остроконечная вершина Тепе-ис-Салам или «Холм

1 Edmond O'Donovan, „The Merv Oasis".
2 E. O'Donovan, цитированное сочинение.
3 O'Donovan;—Stewart;—H. Rawlinson; „Proceedings of the Geographical Society", sept. 1881.
4 Wambery;—Lessar, „Известия Географического Общества", 1882.
5 Mac Gregor, „Journey through Khorassan".

спасения», откуда взорам пришедших с плато богомольцев в первый раз представляются золоченые куполы Мешхеда; завидя их, они падают ниц, призывая Аллаха. На небольшом расстоянии, южнее, высятся соляные горы Кафир-Калах—«Замок неверных»—где снабжа-

Типы богатыхъ курдовъ.

ются съестными припасами мешхедские купцы и все прочие торговцы окрестной страны. На северо-западе от ущелья Шерифабада находится другое ущелье Дерудское, которое соединяет равнину Мешхеда с равниною Нишапура. Подъем труден, а иногда совсем невозможен

для вьючных животных, по причине снегов, покрывающих тропу в зимнее время. Но с этих высот, достигающих, вероятно, 3.000 метров[1], спускаешься на юго-запад в одну из плодоноснейших и живописнейших местностей Ирана: селения там словно затеряны среди фруктовых деревьев, ручьи журчат во всех долинах, каскады блестят между расселинами скал, дорога вьется змейкой по усыпанным цветами лугам. Путешественник, привыкший к дюнам, к песчаным пространствам, к скалам, к болотам, глинам и солончакам сахар и кевиров, с удивлением спрашивает себя: точно ли он в той самой восточной Персии, где растительность показывается такими редкими оазисами вокруг городов[2]. Главный город этой страны, Нишапур (Нисабур, Нишаур), один из райских уголков Ирана, Нисайя или Низея, благословленная Ормуздом, одно из тех таинственных мест, которым греческая легенда приписывает честь быть родиной Дионизоса (Вакха), представлял бы, конечно, больше выгод, чем Мешхед, как метрополия восточной Персии. Ибн-Гаукал упоминает о нем на-ряду с Гератом, Мервом, Балхом, как об одной из четырех столиц Хорассана; Ибн Батута называет его «маленьким Дамаском». Якут, исходивший во всех направлениях магометанский мир, говорит, что «не видел города, который бы можно было сравнить с Нишапуром». До монгольского нашествия на Иран, Нишапур был самым цветущим, самым богатым и самым многолюдным городом во всем свете, и караваны со всех концов сходились, как в сборном пункте, в этом преддверии Востока[3]. Разгром Нишапура был «величайшим из бедствий, когда-либо постигших ислам». В наши дни «этот царственный град Хорассана» не более, как незначительный, пришедший в упадок, городок, несмотря на плодородие окрестных местностей, производящий превосходные фрукты, хлеба, хлопок и другие продукты. Горы Биналуд, между Мешхедом и Нишапуром, очень богаты драгоценными каменными породами и прожилинами металлов, золота, серебра, меди, олова, свинца и железа; на северо-запад от города эксплоатируют ломки малахита прекрасных разновидностей; в других местах собирают селитру, идущую на выделку пороха; в Шандизе, недалеко от Мешхеда, каменоломни доставляют превосходные мраморы, белые с желтоватым оттенком, а близ Мадена, «Рудника» по преимуществу, находятся пласты каменной соли и месторождения бирюзы. Эти самоцветные камни, находимые в порфировой скале и в конгломератах, добываются из руды колонией рудокопов, переселенной из Бадахшана, страны рубинов. Большинство рудокопов работают артелями, так что продукт труда и прибыль делятся между всеми участниками. Но есть также отдельные семьи, снявшие в аренду у казны целый рудник. Годовой доход арендной платы с 14-ти бирюзовых рудников составлял в 1878 г. 77.000 франков[4]. Работники утверждают, что бирюза или «камень счастья» «вызревает», то есть что он выигрывает в цвете, по извлечении из земли; но одной весны для этого недостаточно: нужно тысячу лет, чтобы камень приобрел весь свой блеск[5].

Город Себзевар, лежащий к западу от Нишапура, на тегеранской дороге, походит на большинство других городов восточной Персии бесплодием окружающих местностей; он занимает узкую долину между двумя солончаковыми пустынями. Султанабад, обыкновенно обозначаемый под именем его округа, Туршиз, отделен высокими горами от бассейна, к которому принадлежат Нишапур и Себзевар. Очень деятельный по торговле, он владеет, кроме того, хорошо орошаемыми полями и обширными пастбищами, которые простираются далеко по направлению к пустыне и по которым кочуют тысячами пастухи-номады белуджиской расы: по Феррье, совокупность становищ заключает до 8.000 палаток. Турбат-и-Гайдари, «Купол Гайдара» или Льва, называемый также Турбат-Изахан, испытал большие превратности судьбы в течение этого столетия. Расположенный на дороге из Мешхеда в Кирман, на высоте 1.355 метров, в долине, откуда нельзя выйти иначе, как переходя через высокие

1 Beresford Lovett, „Eastern Persia“.
2 Ferrier, „Voyage en Perse“, etc.;—Evan Smith, „Eastern Persia“, etc.
3 Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Yakont“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.
4 Гутум Шиндлер, „Известия Кавказского отдела Географичес. общества“, 1878 г.
5 Фразер;—А. Ходзько;—Eastwick, „Mittheilungen von Petermann“, 1883.

хребты, он тем не менее имеет значение, как торговый центр, и базар его привлекает много народу. Конолли, в 1833 г., насчитывал там только 800 домов; десять лет спустя, Феррье определял число их в 3.000; по прошествии тридцати лет, в 1872 г., английская экспедиция, предводимая Гольдсмитом, нашла там уже только 200 семейств: страшный голод предъидущего года похитил семь восьмых городского населения. В наши дни Турбат снова достиг цветущего состояния. Он принадлежит народцу татарского происхождения, пришедшему сюда, по словам Белью, в эпоху Тамерлана. На юго-востоке, город Хаф, соседний с афганской границей, важен, как главное место аймакского племени таймуров. В окружающих горах живут также гезарехи, с монгольской физиономией, как и единоплеменники их в Афганистане, но исповедующие суннитскую веру.

Южная часть Хорассана, менее богатая ручьями, чем гористая территория северо-восточной Персии, по этому самому гораздо менее производительна и менее населена. Города там редки; но, будучи расположены в стороне от большой дороги завоевателей, они менее терпели от осад и войн, чем северные города; жителям их чаще приходилось страдать от голодовок, чем от вражеских нападений. Баджистан, к югу от Султанабада,—одно из наиболее посещаемых промышленных и торговых мест этого края, и караваны приходят туда закупать очень прочные материи из грубого шелку и из козьей шерсти. Ках, называемый также «Селением счастья», принадлежит к числу священных городов, благодаря находящейся в нем могиле брата имама Резы, и, как и Баджистан, славится своими тканями, шерстяными материями, вышитыми шелками разных цветов и разнообразных рисунков. Ках—город кузнецов, а окружающие его сельские местности производят в больших количествах опиум и хлопок. Тун, бывший главный город тунского и теббесского округа, имеет теперь не более значения, как и другие маленькие города страны. Он совсем пришел в упадок, если только правда, что в былое время, как гласит предание, в нем было «тысяча мечетей и две тысячи цистерн»; его обширная осьмиугольпая цитадель частию занята садами. Нынешний главный город округа Теббес, лежащий гораздо западнее, на высоте около 600 метров, в одной из самых низких частей плоскогорья, почти окружен пустыней. Промышленности в нем нет никакой, и население его, одно из самых фанатических во всем Иране, живет очень бедно: но, помещенный на западной оконечности гористой области Хорассана, он является обязательным исходным пунктом для караванов, которым предстоит совершить переход через равнины в направлении к Иезду или к Испагани; его можно сравнить с пристанью на берегу опасного моря. Путешественники, измученные утомительным переходом через пески пустыни, находят в этом городе по крайней мере чистую воду и тень. Финики, табак, опиум и асса-фетида, собираемая в соседних пустынях, составляют главные продукты, вывозимые караванами из Теббеса.

Округ Кайн или Кугистан, простирающийся к востоку от округа Тун и Теббес, на границах Афганистана, тоже переменил свой главный город. Кайн, бывшая столица этого края, лежащая на границах «Равнины отчаяния», которая простирается на восток к Фараху, представляет теперь почти руину: стены её разорваны широкими проломами, а сады и шафранные поля заросли диким кустарником; из восьми тысяч домов, заключающихся внутри городской ограды, теперь едва-ли наберется и полторы тысячи обитаемых[1]; укрепления, построенные некогда гебрами на вершине холма, обратились в груды обломков, но еще видны «башни молчания», куда огнепоклонники клали своих покойников. Бирджанд (прежде Мирджан), нынешняя столица области,—один из самых оживленных городов восточной Персии. Его три тысячи домов, с крышами в форме купола, которые делают их похожими на пчелиные ульи, лепятся по косогорам голых холмов, у выхода четырех подземных водопроводов; в середине лета, когда иссякнут источники в окрестностях, сельские жители перебираются в город, население которого от этого прилива временно удвоивается. Торговля очень деятельна, но знаменитые ковры, которые продаются во всей Персии, как произведения

1 Bellew, „From the Indus to the Tigris“.

бирджандской промышленности, выделываются почти исключительно в деревне Даракш[1], в 80-ти километрах на северо-восток от Бирджанда, ткачами, происходящими от переселенцев из Герата[2]. Туземцы рассказывали английской экспедиции, посетившей край в 1872 г., об исполинском чинаре, который будто-бы находится в 35-ти километрах на юго-восток от Бирджанда, в Гюльфанзе, и который имеет не менее 62-х метров (около 29-ти сажен) в окружности: дуплистый ствол служит загоном для овец, однако некоторые ветви носят еще листья. Не есть-ли этот колоссальный платан, спрашивает Юль, то знаменитое «Сухое дерево», о котором говорит средневековой итальянский путешественник Марко Поло?

Них, в соседстве Сеистана, замечателен обилием своих теплых вод, перенимаемых, как и холодные воды, в подземные водопроводы, и употребляемых для орошения полей и садов. Находящиеся в соседстве рудники, где добывали медь и свинец, теперь заброшены; но, судя по размерам древних шахт, камер и галлерей, высеченных в скале, равно как по совокупности работ, приступа к эксплоатации, нужно заключить, что население страны в ту эпоху, когда велись эти предприятия, стояло на гораздо более высокой степени цивилизации, чем в наши дни[3]. Точно также памятники, развалины которых видны в Сеистане, древнем Седжестане, на дорогах из Ниха в Гильменд, свидетельствуют о более славном прошлом, сравнительно с настоящим: там, в родной земле Рустема, развернулась в большой части героическая история Ирана, и много раз с тех отдаленных времен сеистанцы играли значительную роль в судьбах Персии; под арабским владычеством, в Сеистане национальная партия сделала первые серьезные попытки к восстановлению независимости. Груды развалин, столь же многочисленные на персидской границе, как и в афганской части Сеистана, напоминают о первом периоде цветущего состояния края. Нынешняя столица Сеистана, Назирабад, лежащая почти на половине дороги между низменностью Гамуна и Гильмендом, состоит из двух отдельных городов, старого и нового, заключенных каждый в особенной ограде из глиняных стен; население состоит преимущественно из переселенцев из Хорассана, выгнанных с родины голодом. Секуха или «Три горы», на юг от Назирабада, имел прежде титул столицы Сеистана: цитадель господствует над одним из трех глиняных холмов, от которых город получил свое название. На востоке, в одной из плодородных местностей, орошаемой каналами, проведенными из Гильменда, другая глинистая горка, скаты которой изрезаны пропастями и оврагами, увенчана крепостью Кала-Нау или «Новый замок», представляющей один из солиднейших и живописнейших оборонительных оплотов Персии; у подножия этих укреплений приютился маленький городок.

Города Хорассана и Сеистана, лежащие в восточных бассейнах, с их приблизительным населением:

Хорассан: Мешхед (Гольдсмит)—70.000 жителей; Бирджанд (Гольдсмит)—15.000; Себзевар (Гольдсмит)—12.000; Теббес (Мак-Грегор)—10.000; Баджистан (Белью)—10.000; Нишапур (О'Донаван)—9.000; Султанабад (Стьюарт)—5.000; Тун (Мак-Грегор)—5.000; Турбат-Шейх-и-Джами (Феррье)—4.000; Турбат-и-Хайдари—4.000; Ках (Гольдсмит)—4.000; Кахка (Лессар)—3.000; Деруд (Юан-Смит)—3.000; Радкан (Шиндлер)—3.000; Хаф (Клерк)—2.500; Кайн (Мак-Грегор)—2.500 (8.000, по Белью); Серахс (Лессар)—2.000 жителей.

Сеистан: Назирабад (Гольдсмит)—6.000 жителей, Секуха (Гольдсмит)—5.000; Кала-Нау (Гольдсмит)—4.000 жителей.

Северо-западный угол Хорассана принадлежит к бассейну Каспийского моря. Аллея из гор, в которой находится Мешхедская равнина, тянется на северо-запад далеко за истоки Кашаф-руда и продолжается возвышенной долиной Атрека, и раздел между двумя покатостями не обозначен никаким хребтом или рядом высот.

Город Кучан или Кабушан лежит недалеко от порога, но уже на каспийской покатости,

1 Evan Smith, „Eastern Persia".

2 Fr. Forbes, „Journal of the Geographical Society", 1844.

3 Гебель;—Хаишков, цитирован. статья.

на высоте 1.265 метров над уровнем моря. На этой высоте климат представляет среднюю температуру центральной Европы: виноград там созревает, но не утрачивая вполне своего кислого вкуса; однако, город окружен обширным виноградником, имеющим в некоторых местах несколько километров в ширину. Кучан был часто разоряем землетрясениями, и, во избежание новых бедствий этого рода, местные жители отстроили большинство домов по новому образцу: столбы, вбитые косвенно в почву и поддерживающие на верхней оконечности бревнышко конька, составляют весь сруб; слои глины покрывают оба ската этой крыши, поставленной на землю[1]. Хотя издали похожий на груду развалин, Кучан—торговый город. Населенный главным образом курдами, более трудолюбивыми, чем тюрки и персияне, он ведет большую торговлю лошадьми, шерстью, земледельческими произведениями: вся окружающая равнина, плодородная и хорошо защищенная от северных ветров, могла бы сделаться одним необозримым садом. Как стратегический пункт, весьма важный вследствие его положения по соседству порога, между Атреком и Кашаф-рудом, Кучан служит местом пребывания гарнизона и лагерной стоянки; в двух с половиной километрах к северо-востоку показывают холм, где был убит Надир-шах во время осады восставшего против него города,

Прелестный городок Ширван, лежащий ниже в долине Атрека, стоит на половине дороги в Буджнурд, который находится не на берегах реки, но в боковом бассейне, у подошвы гор величественного вида. Город окружен тополями, сквозь которые едва проглядывают там и сям его стены и плоские крыши домов. В Буджнурде есть кое-какая промышленность: там выделывают котлы, а ткачи его приготовляют шелковые материи, нисколько не уступающие в тонкости лучшим хорассанским тканям. Хотя окруженный тройным рядом стен, Буджнурд мог бы оказать сопротивление только неприятелю, не имеющему пушек, каковы были туркменские наездники, производившие прежде набеги на эту страну. До присоединения русскими территорий, лежащих к северу от Атрека, и до постройки железной дороги, идущей вдоль подошвы Копет-дага, Буджнурд был окружен кочевниками: это передовой страж иранского мира в землях Турана.

На западе нет городов в собственном смысле ни в бассейне Атрека, ни в верхней долине Гюргена. Эти области пастбищ принадлежат кочевым населениям; нужно спуститься до берегов Каспийского моря, чтобы найти значительный город. Астрабад, «Город звезды», или Астерабад, «Город мулов», хотя он никогда не принадлежал к числу больших городов, есть одно из тех городских поселений, которые должны, так сказать, выростать из земли, в месте естественного пересечения дорог, служащих путями переселения народов. Астрабад стоит близ юго-восточного угла Каспийского моря и командует местом разделения двух дорог, из которых одна идет вдоль южного берега, а другая вдоль восточного. Кроме того, исторические пути, проложенные в восточном направлении, сходятся к Астрабаду, так как две реки, Гюрген и Атрек, впадают в Каспийское море в небольшом расстоянии от этого города. Наконец, диафрагма гор, отделяющая северную Азию от Азии южной, имеет наименьшую толщину на юг от Астрабада; как раз в этом месте открываются проломы в цепи возвышенностей, где во все времена должен был совершаться переход между двумя половинами азиатского континента, Ираном и Тураном. Астрабад имеет, сверх того, местные выгоды, представляемые обилием вод, плодородием окружающей местности и близостью порта, который, не будучи хорошим, все-таки, один из наименее опасных на Каспийском море. Но Астрабад, город транзита, должен был роковым образом сделаться также военным пунктом. Занимая положение на границах различных рас, имеющих каждая свой образ жизни, свои наследственные инстинкты, свои соперничающие честолюбия, становища или местечки этой узкой территории, заключенной между Каспийским морем, Атреком и Эльбурсом, во все времена видели дефилировавшие перед ними армии, то полчища варваров, устремлявшиеся на завоевание и грабеж, то войска цивилизованных народов, оттесняющие кочевников в их родные степи. Как бы далеко ни спускаться в глубь истории, мы всегда увидим этот прилив и отлив между нациями, и уже ранее века Александра Македонского, ранее царствования Кира пер-

1 Mac Gregor, „Narrative of a Tourney through Khorassan“.

сидского, легенды постоянно говорят о воителях, проходивших в ту и другую сторону по этому пути побоищ. В наши дни еще один новый элемент прибавился к тем, которые до сих пор были в борьбе: Россия, завоевав всю северную Азию, стала на место туранских населений, как соседка иранцев, и город Астрабад лежит в точке соприкосновения двух государств.

Тюркское племя каджаров, к которому принадлежит ныне царствующая над Персией фамилия, господствует в Астрабадской равнине. Бывший дворец ханов, расположенный в центре города, и теперь еще самое красивое здание Астрабада; он служит местопребыванием главных должностных лиц администрации. Самый город представляет группу невзрачных домишек, заключенных в ограде, около пяти километров в окружности; но городская стена во многих местах пробита брешами, и дикие кабаны целыми семьями устраивают себе логовища в кустарнике пустопорожних городских земель. Что касается шакалов, то они бродят ночью по улицам, пожирая падаль и смешивая свои крики с воем собак. Промышленность в Астрабаде незначительна: он возделывает мыло на кунжутном масле и в особенности войлочные ковры, где смешиваются три рода шерсти: верблюжья, козья и овечья, валяемые на тростниковых циновках, и которым почти нет сносу[1]. Окружающие равнины, орошаемые водами Кара-су и Гюргеня, дают обильные урожаи, и в садах собирают прекрасные мандарины и гранаты. Из металлоносных залежей, находящихся в окрестностях Астрабада, разрабатываются только свинцовые рудники.

Вывозным портом для вывозимых из Астрабада произведений служит Кенар-Газ (Бандар-Газ или просто Газ), лежащий километрах в сорока к западу от города, на юго-восток от русского острова Ашур-Аде, и на берегу «маленького моря», называемого Астрабадской бухтой. Негоцианты, исключительно армяне, отправляют за границу большое количество хлопка, самшита (букса), вырубаемого в соседних горах, и, между прочими продуктами, болоны или наросты орехового дерева, очень ценимые мебельными фабрикантами в Париже и Вене. Кроме этих предметов вывоза, предназначенных для дальних стран, Газ отправляет также строевой лес туркменам и русским восточных берегов Каспийского моря. Порт, несмотря на его небольшую глубину, может смело рассчитывать на возростание своей торговли, благодаря его счастливому географическому положению в углу внутреннего моря и богатству соседних стран произведениями всякого рода. Но именно по причине торговой будущности, обещаемой этому приморскому местечку его счастливым положением, персидское правительство и отказывает его жителям в разрешении строить гати и улучшать подъездные пути: оно боится привлечь внимание своего могущественного соседа на выгоды Газа, как морской станции[2].

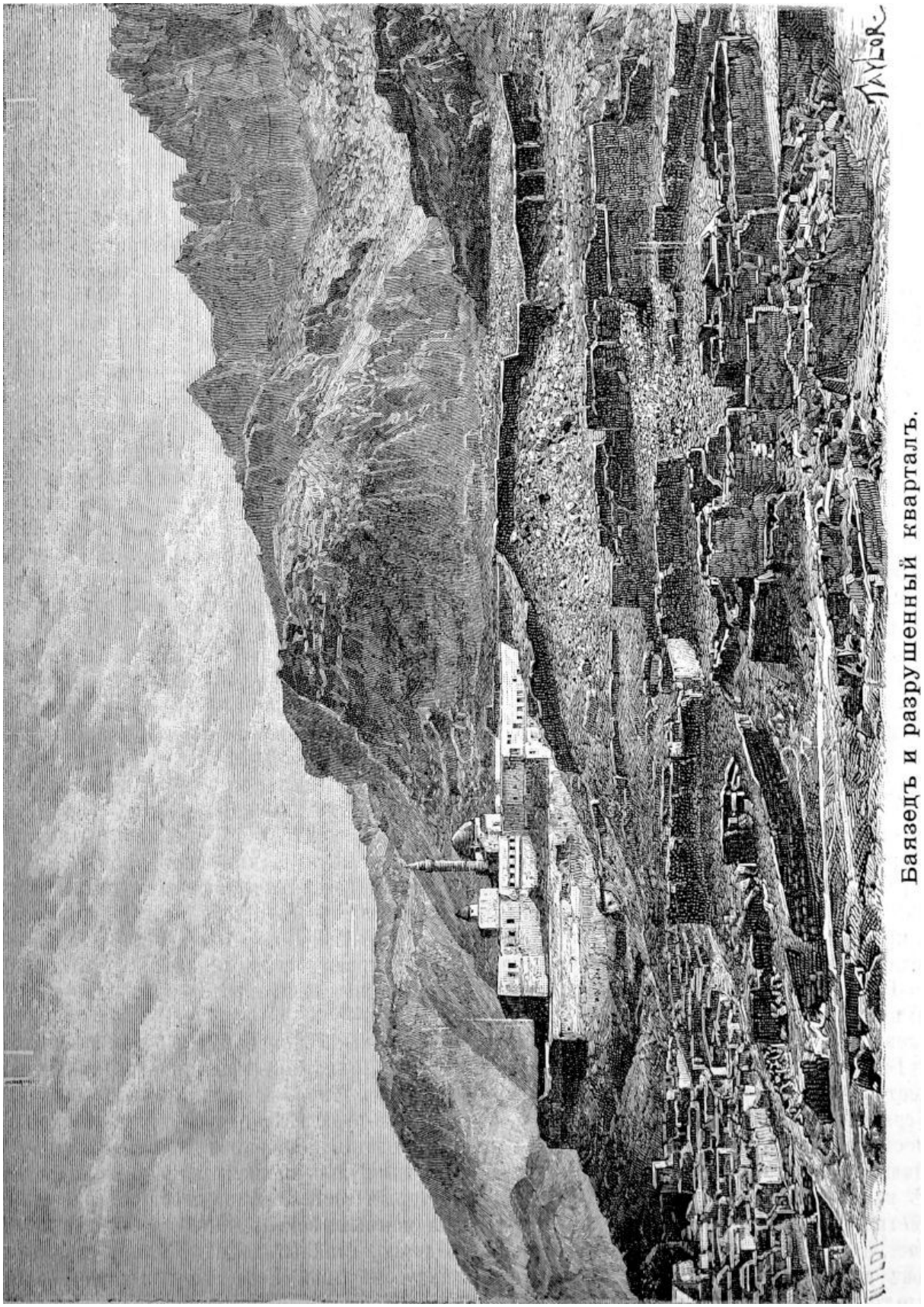
Астрабадская равнина не заключает других памятников, кроме оборонительных укреплений, да многочисленных могильных курганов, из которых иные расположены таким образом, что представляют три этажа, отступающие на подобие ступенек лестницы. Самые любопытные постройки—это древние сооружения Гюмиш-Тепе или «Серебряного холма», которые находятся еще на персидской территории, в небольшом расстоянии к северу от устья Гюргеня и к югу от большой бухты Гассан-Кале. Известно, что Гюмиш-Тепе, названный так потому, что искатели сокровищ часто находили там серебряные монеты, считается местными жителями делом Александра Великого[3]. Как бы то ни было, этот холм составляет часть целой обширной системы военных сооружений: вал, называемый Кизыль-Алан или «Красная стена», соединяет Гюмиш-Тепе с другим могучим массивом из кирпича, Карасули, и продолжается до г. Буджнурда тройной извилистой линией окопов, обозначенной рядом горок, расположенных на водораздельной линии между Гюргенем и Атреком. Эти стены, защищавшие средневековых персов от нападения опасных соседних населений, известных под именем яджудж и маджудж, имеют общее протяжение слишком в 350 километров. Они проходят близ древнего города Гюргень и оканчиваются около Каспийского моря земляными насыпя-

1 Edm. O'Donovan, „The Merv Oasis".

2 Edm. O'Donavan, цитированное сочинение.

3 „Всеобщая География", „Земля и Люди", том VI.

ми или шоссе, по которым переезжаешь или переходишь болота, не замочив ног. Деревня Гюмиш-Тепе, группа кибиток, над которой господствует «Серебряный холм», есть одно из редких постоянных становищ, принадлежащих туркменам-иомудам; жители, почти все ры-



Баязедъ и разрушенный кварталъ.

баки, имеют сотни барок и ловят в устье Гюргеня, в огромных количествах, рыбу, которая служит им для приготовления икры, отправляемой в Россию армянскими негоциантами. Гюмиш-Тепе, как и другие туркменские становища, отличается от персидских селений от-

сутствием укреплений. Туркмены рассчитывают на меткость своей стрельбы и на силу своих рук; персияне, напротив, возлагают надежду только на высоту и крепость своих стен.

На запад от Астрабада, несколько городов, очень бедных в сравнении с тем, чем должны бы быть земледельческие рынки столь плодородного края, следуют один за другим в приморской равнине Мазандерана; они соединены лишь плохими тропинками, извивающимися в кустарниках или в болотистых водах. От шоссейной дороги, построенной по повелению Шах-Аббаса в начале семнадцатого столетия, остались только рассеянные камни: погонщики мулов тщательно избегают топей этого бывшего шоссе. Тот же государь построил пышные Ашрефские дворцы, у подошвы и на первых склонах высокого мыса, откуда видна вся Астрабадская бухта и далее, за береговым поясом Потемкина и Ашур-Аде, необозримая гладь Каспийского моря. Эти дворцы, отделенные один от другого стенами и заключенные в общей ограде, пришли в состояние полного разрушения; разграбленные понизовой вольницей Стеньки Разина[1], опустошенные пожаром, затем предоставленные разрушительному действию времени, эти здания сохранили лишь небольшое число жилых аппартаментов; но сады, которыми они окружены, и которые обратились в чащи растительности,—единственные в Персии по богатству и разнообразию деревь: с холма, на вершине которого Шах-Аббас велел построить обсерваторию, открывается чудный вид на это необозримое море зелени и цветов, разделенное на отдельные массивы ручьями, прудами и развалинами; там и сям вокруг садов показываются дома деревни Ашреф, едва проглядывающие из-под переплетающихся ветвей деревьев.

Сари, лежащий западнее, в равнинах, орошаемых Тедженом и другими речками, очень капризными в своем течении и изменениях уровня воды,—тоже город, пришедший в упадок, как и Ашреф; еще в начале настоящего столетия он имел, по словам Фразера, свыше 30.000 жителей, то-есть вчетверо больше, чем в наши дни. Предание приписывает Сари глубокую древность: это один из тех городов, где, будто-бы, совершились некоторые из баснословных событий, о которых повествуют персидские эпопеи. Д'Анвиль и Реннель пытались отожествить Сари с древним Задра-Карта, самым большим городом Гиркании, где армия Александра Македонского останавливалась, чтобы сделать жертвоприношение богам. В соседстве Сари показывают несколько груд обломков и мусора, которые, будто-бы, представляют остатки доисторических памятников. Феридун, легендарный герой Персии, говорят, погребен под порогом мечети, стоявшей на месте бывшего храма огнепоклонников, а развалины башни, будто-бы, принадлежали к гробнице двух его сыновей[2]. Подобно Ашрефу, Сари окружен необозримым садом, а окрестные равнины покрыты шелковичными деревьями, хлопчатником, сахарным тростником, рисовыми полями. Он имеет порт на Каспийском море, при устье Теджена: это—селение Фарах-Акад «Жилище радости», обитатели которого занимаются рыболовством и приготовлением икры. Во время путешествия итальянского «пилигрима» Пьетро-делла-Валле, в 1618 году, Фарах-Абад (Ферхабад), незадолго перед тем построенный Шах-Аббасом, был «главным городом Мазандерана». Многие его улицы имели целую милю в длину, а пространство, занимаемое городом, равнялось, если не превосходило, площади Рима или Константинополя. Многочисленное население, состоявшее из магометан, христиан, евреев, людей всякой расы и национальности, переселенных из отдаленнейших стран, толпилось в широких проспектах нового города.

Барфруш, Барферуш или Бар-Фурут, то-есть «Большой рынок», не может похвалиться такой древностью основания, как его сосед Сари: триста лет тому назад он был простой деревней. Но занимая положение местности, менее усеянной болотами, чем другие города нижнего Мазандерана и, кроме того, пользуясь выгодами более удобного сообщения с Тегераном через горные проходы Эльбурса, Барфруш сделался в течение настоящего столетия важнейшим городом Персии на прибрежье Каспийского моря: Фразер, в 1822 году, приписывал ему цифру населения, превосходящую число жителей всякого другого города Ирана.

1 Мельгунов, „Южный берег Каспийского моря".

2 Ouseley;—D'Arcy Todd;—Carl Ritter, „Asien", vol. VIII.

Базар Барфруша один из самых богатых на всем Востоке, а порт его, лежащий в Мешед-и-Сер, при устье реки Балуль, впадающей в Каспийское море, километрах в двадцати к северу от города,—самый оживленный на всем этом берегу, несмотря на трудность подходов. Суда, вмещающие 200 тонн груза, становятся на якоре в открытом море в 2-х слишком километрах от берега; негоцианты, почти все армяне, приходят грузить преимущественно хлопок, привозя в обмен русские мануфактурные товары. Один из городов этого округа, Али-абад, лежащий на юго-восток от главного города, важен как земледельческий центр рисовых полей и плантаций хлопчатника и сахарного тростника. На юго-запад от Барфруша, местечко Шейх-Табризи, на легко-защитимом холме, напоминает восстание и избиение бабистов: из тысяч защитников цитадели ни один не остался в живых.

Амуль или Амоль, как и Сари,—город исторический, и предание даже возводит основание его к векам гениев и богов: во времена Якута он был «первым городом Табаристана», как называлась тогда провинция поморья. Нынешний город стоит не на том самом месте, где был древний Амоль, но он весь построен из материалов, найденных в развалинах. Утратив прежнее могущество и промышленность, Амоль не имеет более хлопчатобумажных и ковровых фабрик, которыми славился в старину; но, подобно другим городам «персидской Ломбардии»[1], он обладает богатыми произведениями необозримого сада, который занимает весь пояс, заключающийся между отрогами Эльбурса и морем. В этом же городе оканчивается колесная дорога, построенная из столицы к равнинам Мазандерана через долину Лара на восток от горы Демавенд. На западе несколько деревень этого округа обогатились от эксплоатации рудников железных, медных и свинцовых; но далее свободное пространство у подошвы гор слишком узко, чтобы зачаточное земледелие страны могло прокормить многочисленные населения: нужно идти вдоль морского берега на протяжении около 250 километров, до дельты Сефид-руда, прежде, чем встретить другое деревенское поселение. Этот Кухистан или «Страна гор» заключает в себе только становища цыган и илятов. Около западной оконечности этой области, близ деревни Сахтезар, вытекают из земли обильные серные ключи, называемые «Теплыми водами» (Аб-и-Герм), а далее горцы собирают твердый асфальт, из которого они выделывают разные ценные вещицы[2].

Маленький Ленгеруд и более значительный город Лахиджан—административные центры округов Гиляна, лежащих к востоку от Сефид-руда, тех округов, где обсохшая почва представляет наиболее благоприятные условия для культуры шелковицы и других дерев, которые составляют, вместе с рисом более низменных земель, богатство этого прибрежья. Однако, главный город Гиляна стоит к западу от реки Сефид-руда, среди болот и грязей, с которых поднимаются заразительные испарения. Потребности торговли вызвали к жизни этот торговый город, Решт, на дороге, которая с плоскогорий Ирана ведет к «Мертвому морю» или заливу Энзели, через долину Сефид-руда. Там находится главный рынок Персии для шелка-сырца и коконов шелковичного червя, рынок, прежде очень важный, пока появившаяся на черве болезнь не опустошила шелковичных заведений в окрестной местности. Решт вывозит ковры, составленные из разноцветных кусочков, образующих мозаику; прибрежные жители залива Энзели посылают ему большое количество икры, камышевых циновок, птичьих крыльев и перьев, употребляемых для украшения женских костюмов. В один только год в Мурд-абе наловили свыше двух миллионов рыбы *lucioperca*, и даже в один только день сети поймали 300.000 карпов вида *cyprinus cephallus*, которые достигают в среднем 30 сантиметров длины[3]. Русские, армяне, евреи служат посредниками в торговле Решта, а прежде, еще не так давно, повиндахи из Афганистана, баниахи из Индустана встречались в этом городе с европейскими купцами.

Порт, одна из самых опасных якорных стоянок Каспийского моря, лежит километрах в тридцати к северо-западу от города, перед Энзелийским баром, через который открытое море

1 Гмелин;—Мельгунов;—Фразер и др.

2 Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

3 Gustave Radde, „Mittheilungen von Petermann“, 1881.

сообщается с болотистым бассейном Мурд-аба. Перегружаемые товары, бакинская нефть, русские мануфактурные изделия ввозятся в лагуну на мелких плоскодонных судах и складываются под навесами в Пир-и-базаре, откуда их затем опять забирают и переплавляют через болота в склады Решта. Трудности перевозки товаров и опасности якорной стоянки в Энзели составляют главные препятствия к развитию местной торговли, и прорытие судоходного канала, соединяющего город с искусственным портом на морском берегу, без сомнения, удесятерило бы размеры торгового обмена. Но тут к коммерческому вопросу примешивается вопрос политический: персидское правительство боится дать слишком большое значение торговли города, который, силою вещей, становится, в торговом отношении, зависящим от Российской империи, как он был уже таковым с точки зрения административной. Уже много раз европейские капиталисты предлагали постройку железной дороги из Решта в Тегеран, и не может быть сомнения, что в близком будущем первый путь быстрого сообщения между внутренней Персией и остальным миром откроется, в самом деле, через брешь Сефид-руда и Гилянское прибрежье. Как только сеть железных дорог Европейской России соединится с сетью Закавказья, продолжение рельсов в направлении Персии сделается одною из настоятельных потребностей международного торгового обмена.

На запад и на север от Решта, к направлении России, на персидской территории нет больше городов в собственном смысле. Самые большие поселения—не более, как деревни; таковы: Фюмен, бывший административный центр округа; Мазуль или Мазулле, построенный на крутой скале и населенный главным образом кузнецами; Керганруд, береговой порт, куда приходят несколько русских судов за грузами орехового дерева. На юге от Решта долина Сефид-руда дает доступ на Иранское плоскогорье; но естественная область Гиляна останавливается у дефилеев, через которые воды низвергаются с верхнего уровня к бассейну Каспийского моря. Впрочем, дорога не придерживается течения реки: она поднимается круто поворачивающими зигзагами на высоты, которые господствуют над тесниной с западной стороны, и откуда видишь у себя под ногами глубокия ущелья, на дне которых белеют бегущие воды. Город Рудбар, называемый часто «Масличным Рудбаром», тянется, на пространстве по меньшей мере пяти километров, в равнине, наполненной оливковыми и другими фруктовыми деревьями: маслины,—плод, которого не найдешь ни в какой другой части Персии,—употребляются преимущественно для выделки мыла. Выше по реке, Менджигильский мост, построенный в небольшом расстоянии ниже слияния Шах-руда и Кизыль-узеня, которые образуют «Белую реку», принимая за границу между двумя провинциями Гилян и Ирак-Аджеми. Этот мост, устои которого, числом девять, высечены внутри, так что служат каравансараями, слывет у туземцев чудом архитектурного искусства: это тот знаменитый мост, по которому не отваживаются переходить, когда дуют утренние и вечерние ветры.

Города бассейна Атрека, Мазандерана и Гиляна, с их приблизительным населением:

Хорассан: Кучан (Стьюарт)—12.000 жит.; Буджнурд—7.500 жит.; Ширван—2.500 жит.

Мазандеран: Барфруш—50.000 жит.; Амол—10.000 жит.; Астрабад—15.000 жит.; Сари (Мельгунов)—8.000 жит.; Гумиш-Тепе (О'Донаван)—3.500 жит.

Гилян: Решт—41.000 жит.; Лахиджан—8.000 жит.; Рудбар—5.000 жит.; Ленгеруд—3.000 жит.; Энзели—2 500 жит.

Шах-руд, «Царская река»,—так называется город, который охраняет вход дорог через Эльбурс, спускающихся по другую сторону гор в Астрабадскую равнину. Это положение обеспечивает ему некоторое торговое значение, и караваны привозят туда рис и другие произведения Мазандерана. До недавнего времени город имел более оживленный вид, благодаря тому обстоятельству, что пилигримы, отправляющиеся на богомолье в Мешхед, должны были собираться в Шах-руде, чтобы соединиться там в партии, способные оказать сопротивление туркменским грабителям: до этого этапа, находящагося на полдороге между Тегераном и священным городом, они могли путешествовать незначительными группами, но далее малочисленный караван подвергался бы большой опасности. В Шах-руде существует кое-какая промышленность: тамошние сапожники, самые искусные во всей Персии, работа-

ют обувь для иранских щеголей, побывавших в Европе. Сотни садов, которые окружают этот город, так же, как и Бостам, лежащий в 6-ти километрах севернее, походят издали на сплошной лес; абрикосовые, тутовые, фиговые деревья переплетаются ветвями в густую чащу, а стены исчезают под фестонами винограда. Бостам, над домами которого высоко поднимается мечеть с трясущимся минаретом, славится обилием производимых его садами яблок; кроме того, в прежнее время воды его слыли во всем Иране самым действительным средством для излечения многих болезней, в том числе даже любви[1]. На пастбищах соседних гор пасутся лошади, порода которых считается одною из самых красивых конских пород в Персии.

На юго-запад от Шах-руда, Дамган, другой этап на дороге из Мешхеда в Тегеран, был когда-то большим городом, и до сих пор еще видны, в окрестностях, развалины, покрывающие обширное пространство. Путешественники безуспешно искали между этими руинами какие-нибудь остатки древности, ибо в Дамгане или Дамагане большинство ученых помещают древнюю столицу парфян, которой греки дали название Гекатонпилос, «город о ста воротах»[2]. Дамган, в самом деле, разделяет с Шах-рудом выгоду, представляемую положением в точке схождения «ста» дорог, спускающихся с Эльбурса, и кроме того, там оканчиваются многочисленные дороги, идущие из городов персидского плоскогорья. Если до сих пор не открыли никакого античного здания в этом месте, то по крайней мере предание говорит о «Серебряном городе», который, будто бы, стоял по соседству. На восток от Дамгана высится круглая башня Меймандан, вершина которой украшена арабесками. Своим цветущим состоянием «Стовратный» город обязан был главным образом ирригационным водам, проведенным к нему с Эльбурса подземными каналами, и Якут отмечает в своем путешествии, как «один из прекраснейших памятников, какие он видел в свете», резервуар, откуда вода распределялась в Дамгане, по ста двадцати деревням и по табачным плантациям окрестностей. Эта вода, позволявшая земледельческой культуре постепенно подвигаться все далее в пустыню, была та самая, которая бежит с гор близ прохода Шамшербур через источник Али.

Семнам, лежащий, как и Дамган, на тегеранской дороге, той самой, по которой шла армия Александра Македонского, преследуя Дария, не имел прежде такого важного стратегического значения, как «Стовратный город», но он не уступает последнему в численности населения, и его здания, мечети, караван-сараи, общественные бани лучше содержатся. Улицы, обставленные по сторонам тенистыми деревьями, очищаются ручьями проточной воды, спускающимися с гор и орошающими в окрестностях великолепные сады, из которых каждый, окруженный каменной оградой и защищенный круглой башней, мог бы выдержать приступ туркменских хищников. Хотя Семнам отстоит от Тегерана на 250 километров, он, однако, последний город, заслуживающий этого названия, который встречаешь на этом пути, прежде чем достигнуть этой столицы. Многочисленные оборонительные башни и искусственные горки, почти все военного происхождения, которые следуют одна за другой на дороге из Семнама в Тегеран, свидетельствуют о чрезвычайной важности, придаваемой обладанию этим путем, соединяющим две половины Персии. На верху одного из этих холмов, называемого Лазгирд, стоит большая круглая двух-этажная башня, опоясанная галлереями странного вида, без перил, которая служит жилищем целому деревенскому населению. В глазах туземцев, все тепе страны суть остатки башен, воздвигнутых некогда огнепоклонниками: их обыкновенно так и называют Гебр-абад или «Жилищем гвебров»; но более вероятно, что многие из этих бургов не что иное, как остатки возвышенностей, размытых и подточенных кругом со всех сторон во время отступления вод[3]; почти все они служили укрепленными лагерями и опорными точками селениям. В прежнее время огни, зажигаемые на этих горках, служили сигналами, и от одного холма до другого новости быстро передавались че-

1 Yakout;—Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse“.
2 Rennel, „Geographical System of Herodotus“;—Carl Ritter, „Erdkunde, Asien“, vol. VIII.
3 F. di Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“.

рез солончаковую пустыню до самого Эльбурса[1].

Древний Верамин, имя которого осталось за всей окружающей страной, перестал существовать. На месте, где стоял этот город, сменивший Рагес, в качестве столицы Персии и предшествовавший Тегерану, теперь находятся только развалины сильной крепости, уединенные загородные дома и прекрасная мечеть, построенная в половине четырнадцатого столетия и украшенная изящными изразцами с металлическими отливами[2]. Недалеко оттуда, бедная деревушка Айван-и-Каиф охраняет западный вход горного прохода, считаемого большинством историков тем перевалом, который в древности был известен под именем «Каспийских ворот». В этой области главные городские поселения, Демавенд и Фируз-Ку, находятся во внутренних тенистых долинах, между большими горами Эльбурса и его предгориями. Прямая дорога из Тегерана в Астрабад проходит через эти два города и через Шамшербурский перевал, близ источника Али. Разрушенная крепость, которая господствует над почти вертикальной скалой Фируз-Ку или «Гора победы», сплошь изрытой пещерами, была построена, как гласит легенда, Александром Великим. На севере, часто посещаемая дорога пересекает цепь Эльбурса, пробираясь ущельем, очень опасным в зимнее время, по причине снежных буранов.

Нынешняя столица Персии, Тегеран, хотя лежащая на границах пустыни, в равнине, где можно создать сады только при помощи ирригационных каналов, занимает в сущности не такое худое географическое положение, каким оно кажется с первого взгляда. Она находится почти по средине большой дуги, образуемой полумесяцем гор на юг от Каспийского моря, и, следовательно, может наблюдать одинаково хорошо как за восточными, так и за западными провинциями государства. Кроме того, она прилегает к массиву Эльбурса, и перевалы, перерезывающие гребень этого массива, позволяют спускаться в ту и другую сторону, на восток к Мазандерану и Астрабаду, на запад к Гиляну. Тегеран имеет над прежними южными столицами, Ширазом и Испаганью, то стратегическое преимущество, что он обращен фронтом к России, то-есть к наиболее угрожающему врагу; он лежит на равном расстоянии от границы по Атреку и от границы по Араксу. Ныне царствующая династия, происходящая из племени каджаров, живя в Тегеране, имеет резиденцию, не слишком удаленную от её родины, которая могла бы в критических обстоятельствах сделаться для неё местом убежища. Наконец, Тегеран, расположенный на высоте 1.161 метра и потому пользующийся умеренным климатом, располагает произведениями различных поясов, благодаря горам, которые возвышаются в его непосредственном соседстве, и во время жаров дополняется летними виллами и дачами, где воздух свежий и здоровый, где воды струятся в изобилии.

Тегеран или, вернее, Тигран, то-есть «Чистый»—город новый, наследник Рая или Рея арабов, который, в свою очередь, был преемником древнего Рагеса. Стены Рая, общее протяжение которых 36 километров, видны еще в равнине, простирающейся на юг от Тегерана; но пространство, заключенное в этой обширной ограде, теперь уже не имеет даже развалин, кроме двух башен, которые были, вероятно, гробницами[3]. Теперь Рай представляет возделанную равнину с несколькими рассеянными на ней поселками; почва, взрываемая сохой, иногда дает еще старинные серебряные и золотые монеты. Несколько раз завоеванный и разрушенный, Рай не поднялся после прохода монголов в половине тринадцатого века, и жизнь перенеслась в только-что нарождавшийся северный город, Тегеран, который до того времени считался простым пригородом столицы. Тем не менее, как это почти всегда случается, религиозная святыня осталась в павшем городе, который, по словам легенды, был родиной Зороастра: места поклонения не перемещаются так легко, как крепости и дворцы. Одно бывшее предместие Рая, где находится гробница чтимого мусульманами мученика, шаха Абдул-Азима, разрослось в целый городок, под покровительством святого: путешественник находит там базары, бани, большой каравансарай, прекрасные улицы, обсаженные деревьями

1 Duhousset, „Bulletin de la Societe d'Antropologie", 8 janv. 1883.

2 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

3 Duhousset;—Jules Laurens

и расходящиеся в виде радиусов вокруг мечети, заключающей гробницу имама.

Нынешняя столица, подобно Раю, окружена оградой, прерываемой во многих местах проломами. Скопированная с укреплений Парижа, городская стена Тегерана построена из материалов менее прочных; во многих местах, глиняные откосы обрушились во внешние рвы. Не трудно было бы опять привести ее в такое состояние, чтобы она могла оказать сопротивление восстанию, но, в случае осады и бомбардировки, она не противопоставила бы никакого серьезного препятствия неприятелю. Не очень давно возвели несколько новых стен, как начало второй ограды, которая будет охватывать все предместья, удвоивая оффициальное протяжение города; однако, пространство, заключенное внутри первой стены, еще далеко не все покрыто строениями: каменоломни, груды развалин, бесплодные желтоватые пустыри составляют там резкий контраст с густо разросшимися садами. Подъезжая к Тегерану, путешественник не видит за стенами ни башен, ни куполов, которые бы открывали ему соседство столицы, и, даже вступив в городскую ограду, он встречает сначала только убогия землянки. Но городские ворота по истине прекрасны, с их большой аркой, колоннами, которые их обрамляют, эмальированными изразцами, которыми они украшены: блеск и счастливый подбор цветов, изящество и разнообразие линий и фигур доказывают, что персияне, несмотря на свой упадок с точки зрения материальной цивилизации, сохранили свою художественную оригинальность; в этом отношении они нисколько не уступают западным народам.

В самом городе идет борьба двух влияний—привязанности к старине, консервативного духа с одной стороны, и мании подражания всему европейскому—с другой. Большой базар походит на рынки других городов Востока: это отдельный квартал, перерезанный маленькими, узкими улицами, из которых каждая принадлежит ремесленникам одного цеха или купцам, торгующим одинаковым товаром; но в соседстве шахского дворца увидишь уже магазины, устроенные и расположенные на европейский манер. Почти весь город представляет лабиринт неправильных улиц, загроможденных развалинами и кучами мусора, перерезанных топями и болотами, очищаемых только собаками и шакалами; впрочем, аристократические кварталы имеют свой бульвар, обсаженный деревьями и освещаемый газом, где разъезжают элегантные экипажи. Новый Тегеран застроен домами и зданиями на европейский образец; но главную красу его все еще составляет сад в восточном вкусе, окруженный резными ажурными балконами, аркадами, обтянутыми шелковыми занавесами; в этих тихих убежищах, где брызжут фонтаны чистой воды, рассыпаясь хрустальными жемчужинами по благоухающим цветкам, чувствуешь себя как будто за сотни верст от города. Окрестности столицы, особенно на северной стороне, куда искусственные каналы приносят с гор большое обилие воды, покрыты садами, которые почти все сохранили свой прежний вид укрепленных приютов, хотя жителям пригородных поселений теперь уже нечего опасаться нападения туркмен. Замечательно, что в Тегеране и в окрестных деревнях аисты, уважаемые и почти почитаемые народом, совершенно отсутствуют, тогда как в Верамине на каждом доме, на каждой руине есть гнездо этой почтенной птицы[1].

В начале настоящего столетия иностранец, который попробовал бы остаться на жительство в Тегеране во время летних жаров, неминуемо сделался бы жертвой лихорадок или других болезней, порождаемых городскими нечистотами. Теперь персидская столица, раскинувшись на более обширном пространстве, пообчистилась и ассенизировалась; однако и теперь, как только наступает лето, зажиточное население удаляется на северные высоты, усеянные деревнями и загородными домами, которым дают собирательное имя шемиран или шимран, имеющее, может быть, связь с легендой о царице Семирамиде[2]; кочевые нравы юрков, меняющих свой зимний кишлак на летний яйлак, по счастию, сохранились до наших дней. По крайней мере треть тегеранцев выселяется за город, на дачи в одну и ту же неделю, и тогда обозы лошадей и вьючных животных, везущих мебель, ковры, палатки, провизию, тянутся

1 E. Tietze, „Mittheilungen der Geograpischen Gesellschaft in Wien, 15 iuli 1885“.

2 Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

непрерывной вереницей на пространстве нескольких верст; насчитывают не менее 5.000 верблюдов, употребляемых для перевозки одного только шахского багажа[1]. Поставщики, нищие, солдаты, полиция следуют за двором и посольствами в их летния резиденции, и иная загородная местность, совершенно безлюдная в зимнее время, вдруг превращается в шумное ярмарочное поле. Шахский дворец Ниаверан, вокруг которого группируется население, скоро опоясывается настоящим городом бараков, почва покрывается кучами сора, кухонных отбросов и т.п., и воздух заражается миазмами. Тогда двор во второй раз эмигрирует и отправляется жить в палатках, на высоте более 2.000 метров, на берегу Лара, в живописных цветущих долинах, которые открываются у основания Демавенда. Аск, на склонах вулкана, населяется тегеранцами, и его термальные источники (Аб-и-Герм) принимают тысячи посетителей. Русское и английское посольства имеют каждое свою летнюю деревню, где единственная признаваемая власть есть власть императора всероссийского и королевы великобританской; русский загородный дворец находится в Зергендехе, дворец английского министра —в Гульхеке; французское посольство основало свою летнюю резиденцию в Теджрише, в тени великолепных платанов, из которых один пользовался славой уже двести лет тому назад. Жители Гульхека, освобожденные от всяких податей и налогов, пользуются большим благосостоянием, если судить по хорошему содержанию домов, по деревьям и цветам, украшающим края дорог, по оживлению, царствующему на улицах, где беспрестанно разъезжают европейские экипажи. Все садовники в Гульхеке—гвебры.

Еще не очень давно Тегеран не имел ни одной колесной дороги, кроме той, которая идет от зимнего дворца к летнему. Теперь он соединен с Касвином (Казбином) дорогою, шириной около 12-ти метров, которая будет продолжена до Закавказья через Зенджан и Тавриз: телеги русской конструкции быстро пробегают путь длиной около 150 километров, отделяющий Тегеран от Касвина. Этот город, который тоже был некоторое время столицей государства, и где еще видны многие обломки его прошлого величия, снова получил некоторую важность со второй половины текущего столетия, благодаря движению путешественников и товаров между Ираном и Кавказом. Сады его окрестностей, разведенные на почве, отвоеванной у пустыни, принадлежат к числу «райских уголков» Персии; виднеющиеся сквозь зелень виноградников или плантаций фисташкового дерева, окаймляющих дороги, изразцовые ворота города, осененные платанами, представляют живописную картину.

Султание, также один из главных этапных пунктов на северо-западной дороге, тоже был столицей Персии, до Испагани. Лишившись высокого ранга, он потерял свое, прежде многочисленное, население и теперь не более, как груда руин. Резко выделяясь среди этих развалин и невзрачных домишек, огромная мечеть Султание, воздвигнутая одним монгольским ханом, кажется от действия этого контраста еще более величественной; но её великолепный купол, окруженный поясом разноцветных изразцов, потрескался; шесть угловых минаретов разрушены или покосились; шестиугольная масса здания утратила почти все свои наружные орнаменты, и на окружности внутреннего пространства храма арабески и изречения из корана, отделяющиеся в виде изразцов лазурного цвета или других оттенков, повреждены временем или замалеваны новейшей аляповатой живописью.

Зенджан, на северо-запад от Султание, также на дороге в Россию,—тоже город, пришедший в упадок. Разрушенный в первый раз монголами, затем, в половине настоящего столетия, преданный в жертву пламени после восьмимесячной осады, которую выдержали там бабисты, несчастный город не возродился из своих развалин. Со стороны севера это—последний город провинции Ирак-Аджеми (Ирак-Адшми); здесь еще говорят по-персидски, тогда как по другую сторону хребта Кафлан-кух, в Азербейджане, общеупотребительный язык между жителями Миане уже турецкий. Этот город, «самый бедный во всей Персии», стоит на горном потоке, питаемом снегами хребта Сегенд и впадающем в Кизыл-Узен, главную ветвь Сефид-руда. Из всех этапных мест Миане особенно пугает чужеземцев: там больше,

1 Emile Duhousset, „Le Tour du Monde“, 1860;—J. E. Polak, „Persien, das Land und Seine Bewohner“.

чем во всяком другом городе Персии[1], кишит страшный «клоп» *argas persica*, укушение которого не беспокоит туземца, но у приезжих путешественников причиняло многочисленные случаи серьезной болезни и даже смерти. В Миане скончался, в 1667 году, знаменитый путешественник Тевено. В небольшом расстоянии на северо-запад от Миане, в хорошо орошаемой местности, одной из «житниц» Персии, находится большое село Туркменчай, известное по заключенному там трактату 1828 года, которым России были уступлены области Эриванская и Нахичеванская, равно как безусловное господство над Каспийским морем.

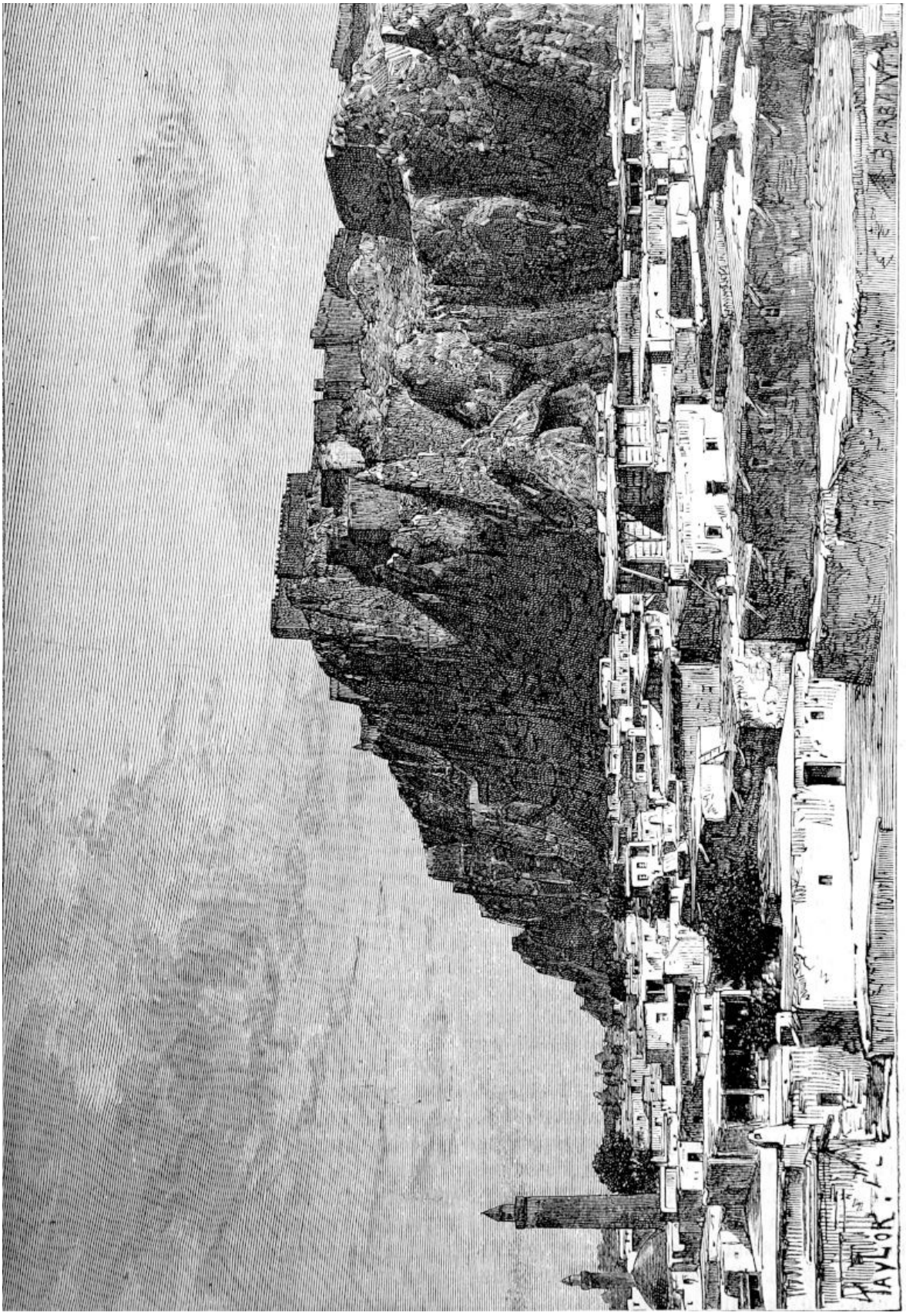
Тавриз (Тебриз, Таврис), столица Азербейджана и еще недавно самый многолюдный город Ирана, есть древний Кандсаг армян, основанный в конце четвертого столетия христианской эры. Он лежит в бассейне озера Урмия, и бурая масса его строений покрывает слегка покатую почву, среди равнины, над которой господствуют с северо-восточной и с восточной стороны голые скалы резких очертаний, тогда как на юге высится правильный конус горы Сехенд. Тысячи садов, орошаемых «девятью стами каналов», окружают город со всех сторон, составляя своей густой листвой яркий контраст с соседними холмами, лишенными всякой растительности. Когда смотришь с высот, Тавриз, стена которого имеет не менее 18 километров в окружности и который еще выделяет из себя предместья вдоль расходящихся в разные стороны дорог, кажется одним из больших городов земного шара; но когда вступишь в городскую ограду и пройдешься по лабиринту грязных улиц, без труда убеждаешься, что он далеко не мог бы, как во времена Шардена, сравниться с столичными городами Европы: в ту эпоху, в 1673 году, он имел, будто-бы, 300 каравансараев, базар с 15.000 лавок, 230 мечетей и 550.000 жителей. Тавриз не только должен был, как большинство других персидских городов, переносить бедствия осад и пожаров, он, сверх того, часто подвергался еще опустошительным землетрясениям: история говорит о пяти больших колебаниях почвы, которые разрушили его отчасти, погребая в то же время тысячи жертв; в 1727 году, говорят, до семидесяти тысяч человек были поглощены разверзшейся землей или раздавлены обрушившимися зданиями; в 1780 году число погибших от землетрясения простиралось, будто-бы, до сорока тысяч. Этим и объясняется бедность Тавриза замечательными зданиями, несмотря на его древность, богатство его купечества, могущество государей и губернаторов, имевших там свою резиденцию, красоту и прочность материалов, употребляемых для постройки дворцов и храмов: лав, порфиров, мраморов и разноцветных изразцов. Самый горделивый памятник—цитадель, четыреугольная масса, высотой около 25 метров, которая издали кажется еще нетронутой временем, но, подойдя к ней ближе, видишь, что кронверки её обвалились, стена дала трещины, а рвы засыпаны мусором; во рву этой цитадели был предан смерти Баб в 1848 году. «Голубая» мечеть, некогда чудо архитектурного искусства, которая, вместе со многими религиозными зданиями, доставила этому городу прозвище «Купола ислама», обрушилась в 1780 году: от неё остались только столбы да отрывки портала, утилизируемые соседними жителями, как каменоломня, откуда они добывают материал для постройки своих домишек. Изразцовые мозаики этой мечети, представляющие гирлянды цветов, приложены одна к другой с такой точностью, что не видно пазов[2].

Торговое значение Тавриза и особенно соседство России заставили избрать столицу Азербейджана резиденцией наследника персидского престола. Благодаря своему положению близ северо-западного угла государства, недалеко от границ русского Закавказья и от Турции, этот город сделался обязательным складочным местом товаров, чем и объясняется тот факт, что он оправлялся после каждого постигавшего его бедствия. В Тавризе существует целая колония иностранных негоциантов, в которой преобладают армяне, но где есть также представители и западных народов; уже в 1832 году общее движение торговых дел между Тавризом и заграничными рынками Фразер исчислял в 25 миллионов франков. Базар, сам по себе составляющий целый город, наполнен материями русскими, английскими и другими произведениями европейских мануфактур. Земледельческие продукты бассейна озера Ур-

1 Ousely;—Kotzebue;—Polak;—O'Donavan;—Gasteiger.

2 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde", 1883.

мия, окруженного амфитеатром гор, находят выгодный рынок сбыта только в этом городе, лежащем на международном торговом пути. Хотя весьма холодная зимой, страна эта имеет все культуры умеренного пояса, и некоторые из её плодов, особенно миндаль и абрикосы,



Ванъ. Городъ и цитадель.

очень ценятся. Летом все зажиточные жители уезжают отдыхать в тенистые деревни горы Сехенд, на берега минеральных вод, вытекающих в изобилии из вулканических горных пород. Особенно минеральные источники Лала, близ цветущего местечка Сирдаруд, привле-

кают большое число посетителей. Одна из соседних долин принадлежит к числу трех «раев» Ирана, воспетых персидскими поэтами[1].

Другие города Азербейджана тоже окружены фруктовыми садами. На северо-восток от Тавриза, в долине одного из притоков Аракса, город Агар обладает очень богатыми железными рудниками. Ардебиль, также в бассейне Аракса, близ северо-западного угла территории, при выходе главных перевалов, идущих через горы Талыш к Каспийскому морю, имеет в окрестностях богатые месторождения медной руды, и его базар в изобилии снабжен русскими товарами. Главная его мечеть, покрывавшая могилу шейха Сефи, обладала драгоценной библиотекой, которая увезена генералом Паскевичем в Петербург; но там и теперь еще есть, хотя в плохом состоянии, коллекция фарфоров китайских и персидских[2]. Маранд, лежащий к северу от Ардебедиля, на большой дороге, ведущей в Россию, посреди становищ илятов племени екенлю,—очень древний город, где мусульмане и армяне показывают могилу жены Ноя. Дома его скрыты за занавесами из тополей и густо разросшихся фруктовых садов. Точно также Хой, город, находящийся близ турецкой границы, на высокой гладкой равнине, около шестидесяти километров в окружности, затерян в настоящем лесу: город замечаешь только тогда, когда пройдешь его правильные укрепления, возведенные генералом Гарданом. Между всеми деревьями господствует шелковица, превосходные ягоды которой нисколько не похожи на безвкусные плоды европейского тутового дерева[3]. На северо-запад от Хоя, на большой дороге из Эрзерума в Требизонд, армянский город Маку стоит на откосе у подошвы утеса, пробитой огромной пещерой: словно раскрылась какая-то чудовищная пасть, чтобы проглотить город. Этот исполинский грот имеет не менее 200 метров в ширину, а длина аркады свода около 400 метров; в начале настоящего столетия внутри пещеры стоял замок, где жил один курдский шейх. Крышу грота образует мощный поток лавы, вылившейся на известковую скалу. В окрестностях видны многочисленные естественные колодцы, свод которых просверлила вода горных потоков, проходя, под твердыми лавами, в нижней, более хрупкой породе[4].

Большой город Урмия (Урмидж), построенный у подошвы гор, в равнине, спускающейся к «Маленькому морю», тоже окружен садами, которые разделяют его предместья и проникают между различными кварталами почти до самого базара; одна соседняя пещера, как говорит легенда, служила жилищем Зороастру. С миссионерской станции, основанной американскими проповедниками христианства в 1831 году, видна, как на ладони, вся великолепная лесистая долина, с её «тремя стами шестьюдесятью» деревень, утопающих в зелени, которую окаймляет грациозными кривыми линиями синева озерных вод. Одна из этих деревень, Гюжтапа, сплошь населена несторианами, обращенными в протестантство. Деревня Ада, отделенная от селения Супурган рекой Мазлу-чай, также присоединилась к новой вере, принесенной из-за Атлантического океана; другие местечки, населенные несторианами и халдеями, сохранили свои старые обрядности. Хусрава, в долине реки Сельмас, на запад от магометанского города Дильман, есть духовный центр халдеев-католиков[5]. Эти пограничные местечки ведут значительную торговлю с двумя соседними государствами, империями Российской и Оттоманской, но перевозка товаров через границы совершается посредством контрабанды.

В средние века, прелестная Марага, расположенная среди виноградников и фруктовых садов на полуденных склонах Сехенда, была обязана своей славой существовавшим в ней научным учреждениям: там жил, во второй половине тринадцатого столетия, знаменитый астроном Нассир-Эддин. Монгольский хан Хулагу построил ему обсерваторию, рядом с замком, где хранились его сокровища, и целая академия сгруппировалась в маленьком городке,

1 H. Rawlinson, „Journal of the Geographical Society“, 1841.
2 Thialmann, „Streifzuge in den Kaukasus“.
3 Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“.
4 Monteith, „Journal of Geographical Society“, 1834;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.
5 Arsenis und Kiepert, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“.

до того времени никому не известном. Нассир-Эддин, определяя положение своей обсерватории, нашел, что она лежит под 37°20' северной широты и под 82 градусом долготы к востоку от Счастливых островов (приблизительное положение этого места, по нынешним картам: долгота 46°9' к востоку от Гринвича, широта 37°22' к северу от экватора). Очаровательный Бинаб, очень чистенький, окруженный богатыми фруктовыми садами и виноградниками,—город новый, сменивший отчасти Марагу. Турецкое местечко Шерх-и-Маяндаб, в нижней долине Джагату, пришло в упадок.

Прежде существовал очень важный город на юго-западе около истоков главной реки Джагату. Развалины его окружают озеро или, вернее сказать, колодезь, вытекающий из горы Тахт-и-Сулейман; там отыскали остатки большого храма Огня, который, вероятно, был,наиболее посещаемым святилищем древней провинции Атропатены. По мнению Раулинсона, это здание и окружающие его строения суть не что иное, как руины индийской Экбатаны[1]. Новейшая легенда сделала из них «Трон Соломона», и на северо-востоке показывают другой холм, покрытый даниями, Тахт-и-Балхис, где восседала царица Саба, беседуя через пространство с своим царственным возлюбленным. Древняя дорога из Ниневии в Рагес проходила через этот священный город; она переходит большую пограничную цепь очень высоким перевалом, через который в зимнее время не отваживается пускаться ни один путник. Порог обозначен «синим столбом»,—откуда и произошло название Кали-Шин, данное этому проходу,—на котором есть клинообразная надпись; на другой, более низкой цепи, лежащей уже на турецкой территории, есть другой «Писанный камень», на который курды смотрят, как на талисман, почти как на волшебника, ибо взывают к нему, как к живому существу. Шульц снял копию с надписей, но был умерщвлен, и его путевой журнал не был отыскан; что касается Раулинсона, прогнанного снежным бураном, то он мог только взглянуть на столбы и убежать. Самое многолюдное местечко на иранском склоне хребта—Судж-Булак или «Холодный источник», главный пункт Микри, курдского племени, почти совершенно оставившего свои кочевые привычки. В соседстве путешественник Монтит открыл жертвенник Огня, наилучше сохранившийся из всех памятников этого рода, существующих в древней Атропатене; он поддерживается восемью колоннами, высеченными в скале.

Города Азербейджана, с их приблизительным населением:

Тавриз—180.000 жителей; Хой—42.000; Урмия—40.000; Марага—15.000; Ардебиль—12.000; Бинаб (Раулинсон)—7.500; Судж-Булак (Раулинсон)—6.000; Шехр-и-Маяндаб (Раулинсон)—5.000; Маку—4.000; Маранд (Дьелафуа)—4.000; Ахар—3.500 жит.

К югу от Азербейджана и бассейна, воды которого утекают через Кизыл-Узен в Каспийское море, ручьи, берущие начало на восточной стороне краевой цепи, иссякают в пустыне прежде, чем успеют образовать общую реку; существовавшее некогда речное разветвление теперь обозначено лишь болотами, да соляными полями. На севере пустыни, Тегеран, Касвин, Султание, и на юге—Гамадан, Кум, Кашан принадлежат к одной и той же гидрографической области, хотя они разделены теперь песками и твердыми глинами.

Гамадан, древняя Агбатана или Экбатана, Хагматана клинообразных надписей, переносит нашу мысль к отдаленным векам, предшествующим истории: она является большим городом с самых первых времен, о которых повествуют писатели Греции и Рима. В эпоху, когда движения войны и торгового обмена передвигали к западу центр тяжести Ирана, Экбатана занимала очень счастливое положение, как столица государства. Расположенная около средины пространства, заключающагося между Каспийским морем и Персидским заливом, как раз на границе мидян и персов, турок и иранцев, она командует, на востоке краевой цепи, водораздельным порогом и входом горных проходов, которые направляются к центральной части Месопотамии, туда, где некогда стоял громадный Вавилон и где в наши дни находится Багдад. От древней Экбатаны остались только груды обломков и мусора, в которых археологи стараются отыскать местоположение упоминаемой Геродотом семерной стены, окрашенной в семь цветов золотой краской и символизировавшей семь известных тогда

1 „Journal of the Geographical Society“, 1841.

планет, а также местоположение цитадели, где государи хранили свои богатства, и куда победитель Александр Великий сложил свою несметную добычу. Некоторые имена напоминают древнюю славу Экбатаны: так, близ холма, который венчали центральные укрепления, одна терраса носит название Тахт-Ардешир или «Трон Артаксеркса»; недалеко от города видны остатки льва из звонкого камня, на которого жители смотрят, как на волшебного покровителя города против холода и голода. Один купол, не очень древней конструкции, похожей на архитектуру магометанских зданий того же рода, в большой чести у европейских жителей и привлекает многочисленных пилигримов: это—предполагаемая гробница Эсфири и Мардохея, перед которой евреи рассказывают как о событии, действительно имевшем место, об избиении их предками 70.000 персов, на глазах снисходительно смотревшего на эту резню Артаксеркса. Иудейская община более многочисленна в Гамадане, чем во всяком другом персидском городе: она состоит из тысячи семейств[1]. Знаменитый бухарский медик Авицена

Гамаданъ.—Звучащій левъ.

(Ибн-Сина) был похоронен в Гамадане.

Расположенный близ подошвы Эльвенда, вершина которого почти всегда убелена снегами, и куда благочестивые дервиши, даже из отдаленной Индии, приходят искать лекарственных трав, город перерезан проточными водами, и в нем брызжут «тысяча шестьсот фонтанов», из которых один льет горячую воду. Водостоки, прорытие которых приписывают государям мифических эпох, приносят воды с расстояния от 50 до 60 километров, а глубина начальных колодцев по менее 100 метров (47 сажен)[2]. Значительная высота места (около 1.500 метров), положение горных склонов, обращенных к полярным ветрам, и близость снегов делают зимний климат Гамадана довольно тягостным для персиян; но зато летом, когда здесь царствует живительная прохлада, это одно из приятнейших местопребываний. Гамаданские виноградники дают отличные белые вина, которые Белью сравнивает с мозельскими, и крас-

1 H. Petermann, „Reisen in Orient“.

2 M. Dieulafoy, рукописные заметки.

ные, которые, будто бы, походят вкусом на обыкновенные сорта бордоских вин. В промышленном отношении этот город важен только по выделке кож, производству седел и конской сбруи, тканью и окраске ковров, но он ведет значительную торговлю с Месопотамией, и базары его снабжаются в изобилии товарами всякого рода. Гамадан можно рассматривать, как главный город западных туркмен Персии, становища которых рассеяны в окружающих равнинах и долинах. К востоку от Гамадана, на одной из дорог, ведущих в Тегеран, стоит, на границе пустыни, город Савех, заключающий грандиозные остатки средневековой старины.

На восток от области пастбищ, по которой кочуют туркмены, и на окраине песков, город Кум или Ком высоко поднимает свой позлащенный купол над гробницей «Фатимы Непорочной», сестры имама Резы. Женщины приходят туда толпами молиться о даровании плодовитости, красоты, супружеского счастия. Вокруг этого святилища рассеяны «четыреста сорок четыре» гробницы меньшей святости, где, однако, молитвы также богоугодны. Далее, за этими святынями, простирается на несколько километров обширное кладбище, где почивают верующие, сподобившиеся счастия умереть в священном городе или быть перенесенными туда после смерти. После Мешхеда, Кум, который ни гебры, ни евреи не могут осквернять своим присутствием, есть наиболее чтимое место пилигримства на иранской территории; но, сравнивая теперешнее состояние города с тем, которое нам описывают Шарден и другие путешественники, предшествовавшие девятнадцатому столетию, можно сказать положительно, что благочестие уменьшилось. Кум не имеет теперь двадцати мечетей, как имел в былое время; он потерял свою торговлю и промышленность, кроме разве производства пористых глиняных сосудов[1]: теперь это не более, как большая руина, похожая скорее на обширный некрополь, нежели на город. Пустыня, простирающаяся в необозримую даль, охристые или белые соляные холмы, замыкающие с западной стороны горизонт, образуют печальный ландшафт, вполне подходящий к городу, пришедшему в упадок.

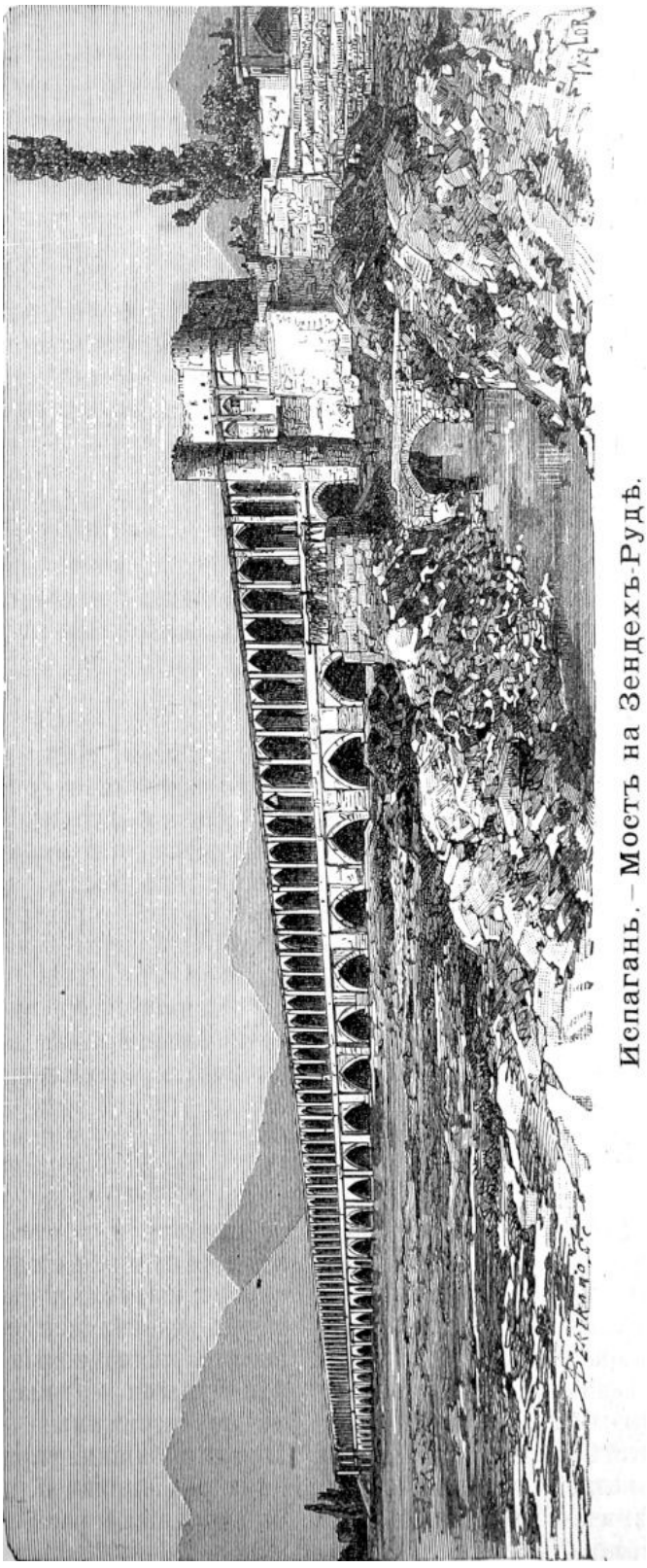
В противоположность Гадаману, Кашан, центральный город провинции Ирак-Аджеми, главный этапный пункт на дороге из Тегерана в Испагань, находится в полном процветании. Расположенный у подошвы гор, которые доставляют ему воду, хотя и не в особенно большом обилии, Кашан окружил себя фруктовыми и обыкновенными садами, виноградниками, дынными и арбузными полями, культурами в виде террас, где умеют утилизировать туки, пренебрегаемые в северной Персии. Но особенно как промышленный город он составил себе громкое имя; в нем существуют фаянсовые фабрики, мастерские для приготовления ювелирных изделий, для тканья золотой и серебряной парчи, красильные и котельные заведения, бархатные ткацкия мануфактуры, произведения которых считаются лучшими в Персии; здесь же сохранилось искусство разрисовывать мозаикой внутренния стены куполов и бань. Кашан, получивший прозвище «невесты между иранскими городами», в самом деле один из самых опрятных городов в Персии, один из тех городов, дома которых построены с наибольшим вкусом и улицы содержатся в чистоте и порядке с наибольшей заботливостью. По своему географическому положению он, кажется, предназначен сделаться центром персидских железных дорог. И теперь уже он обладает лучшими, после тегеранских, обыкновенными дорогами, и некоторые из великолепных каравансараев, находящихся на этапных пунктах этих путей, заботливо поддерживаются, как во времена их строителя, шаха Аббаса. От той же эпохи ведет свое начало одно из величайших общеполезных сооружений, какое существует в Персии: это Банд-и-Кухруд или «Плотина горного потока», которая видна к юго-западу от Катана, на испаганской дороге. Стена, образующая запруду, выше которой воды расстилаются в виде озера, поднимается на 40 метров (почти 19 сажен) высоты между двух утесов[2]. В Кашане боятся скорпионов почти столько же, как персидских клопов в Миане; по счастию, бесчисленные аисты помогают освобождать страну от этих опасных гостей.

Караванная дорога, которая идет прямо из Гамадана в Испагань, следуя вдоль восточного основания краевых гор плоскогорья, гораздо менее посещается, нежели главная дорога из

1 „Journal officiel“, 28 juin 1876;—Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.

2 H. Brugsch, „Reise der preussischen Gesandscbaft nach Persien in 1860 und 1861“.

Тегерана в Кашан и Испагань; до недавнего времени купцы должны были опасаться там нападений бахтиаров. Султанабад, обнесенный каменной стеной город, который стоит почти на полпути из Гамадана в Испагань, и гарнизон которого должен бы был отгонять грабителей, представляет скопление убогих домишек; но окружающая местность—один из самых деятельных центров коврового производства: нет ни одной избушки в окрестных селениях, где бы женщины не сидели за ткацким станком, привязывая шерсть различных цветов и пуская челнок. В окрестных горах собирают в изобилии манну или *гейзигебин*, сахаристый налет, выступающий на листьях и производимый червяком, который живет на одном виде тамариска. На юго-восток от Султанабада, по направлению к Испагани, следуют один за другим: Хюмейн, окруженный обширными руинами, полуразвалившийся город Гюльпайган, питаемый подземным водопроводом, который был вырыт по повелению калифа Гарун-аль-Рашида; затем длинная деревня Хонсар, дома которой с окнами, открывающимися на дорогу, напоминают постройки северной Италии. На пространстве около двенадцати километров идешь между этими прелестными домиками чрез рощи, сады и луга. Деревни, через которые проезжает путешественник, вступая в Испаганскую равнину, тоже окружены фруктовыми садами, зеленеющими чащами дерев, полями, где растут хлопчатник, табак, хлеба. Тигран, Неджефабад и другие селения следуют одно за другим, образуя нескончаемую улицу между стенами садов; затем вступаешь в город по великолепной аллее платанов, которая справедливо слывет одним из чудес Ирана.



Испагань. – Мостъ на Зендехъ-Рудѣ.

Испагань (Исфаган, Исфагун) теперь уж не «полмира», как ее некогда величали ея обитатели, восхваляя блеск её зданий, богатство её промышленности, красоту её садов. Наибольшая часть пространства, заключающагося внутри городской ограды, имеющей 37 километров в окружности, необитаема; дворцы, мечети и базары, где в былые времена теснилась многотысячная толпа, представляют теперь груды руин; шакалы и лисицы устраивают себе логовища среди обломков минувшего величия. Между этими развалинами мысль невольно ищет знаменитую пирамиду из 70.000 человеческих черепов, которую велел воздвигнуть грозный Тамерлан, чтобы напомнить последующим поколениям о мести, совершенной им над непокорным городом. И, однако, Испагань оправилась после Тамерлановского разгрома, и в царствование шаха Аббаса, в семнадцатом

столетии, сделалась одним из больших городов земного шара, заключавшим в своих стенах по малой мере полмиллиона жителей. Различные «записки», доставленные Шардену относительно населения Испагани и её предместий, сильно расходились в своих исчислениях показывая цифру жителей от шести сот тысяч до миллиона ста тысяч душ; число домов превышало тридцать две тысячи. Будучи складочным местом торговли Центральной Азии, этот город сделался сборным пунктом негоциантов; голландские и английские торговые дома имели там своих представителей; армяне обладали богатыми мастерскими в предместье, которое носит имя Джульфы, в память сожженного города на берегах Аракса. Промышленность Испагани не знала соперников в остальном Иране, и можно судить по зданиям, сохранившимся от той эпохи, какого знания приемов и способов работы и какой верности вкуса достигли её художники.

Взятие Испагани афганскими бандами, затем войны, опустошившие страну, и, наконец, перенесение столицы государства в Тегеран, следовавшее за воцарением каджарской династии, совершенно разорили город, и с тех пор голодовки много раз прерывали медленное дело реставрации. Однако, испаганский базар все еще ведет очень оживленный торг, и многочисленные станки ткут еще бумажные и шелковые материи и выделывают ковры. Богатая корпорация живописцев не слишком выродилась с той цветущей эпохи, когда тысячи художников украшали произведениями своей кисти дворцы шаха Аббаса. Самые эти дворцы, несмотря на состояние разрушения и запустения, в котором они теперь находятся, все еще представляют замечательнейшие памятники зодчества и живописи в Персии: в этих павильонах, в коллегиях, в мечетях, окружающих главную площадь или майдан, иранский стиль является во всей своей силе и оригинальности. Здесь он всего лучше съумел утилизировать разнообразные иноземные элементы архитектурного искусства, вплоть до китайских крыш, чтобы скомбинировать их в одно гармоническое целое[1]; мы видим в этих памятниках даже большие стенные фрески, которые производят приятное впечатление своим колоритом, не слишком шокируя глаз рисунком и композицией. Однако, новейшее испаганское искусство менее чисто, оно уже не отличается в такой высокой степени изяществом и благородством стиля, как искусство эпохи сельджукской и монгольской, с одиннадцатого по тринадцатое столетие[2]. Большинство садов были преобразованы в поля и огороды, а проточные воды, прежде распределявшиеся по разным частям города в виде фонтанов, водометов, маленьких каскадов, теперь заключены в водопроводы среди табачных плантаций и грядок овощей; но некоторые из аллей существуют еще до сих пор, даже более прекрасные, чем были в старину, благодаря времени и запустению. Широкая аллея, длиной около 4 километров, которая ведет к Зендех-Руду (Заинда-Руд) или «Реке жизни», составляет славу и гордость Испагани, и достойно оканчивается мостом о 34 аркадах, покрытым изящной резной галлереей. Ниже, через Зендех-Руд перекинут другой мост, который также можно назвать чудом строительного искусства. Он продолжается в сторону низовья вымощенною плитами площадью, под которой проходит река, чтобы ниже снова выступить наружу, изливаясь пенистыми массами, по мраморным ступеням. Верхний мост соединяет с городом большое предместье Джульфу, еще населенное потомками гайканов, поселившимися здесь в начале семнадцатого столетии. В этом религиозном центре православных армян Персии, Индии и Крайнего Востока живет не более шести сот семейств гайканской нации; но на северо-западе, в долине Феридун, лежащей на высоте слишком 2.500 метров, на границе с землей бахтиаров, многие деревни сплошь населены армянами. В некоторых общинах, все гайканы, пришедшие из Грузии, обратились в ислам, но говорят еще грузинским языком[3], а женщины, подобно эриванским армянкам, носят на рту повязку. Покровительствуемые Россией, к тому же более образованные и более деятельные, чем большинство окружающих их персиян, испаганские армяне снова приобрели большое влияние в торговых делах. Евреи также могут

1 De Gobineau, „Trois ans en Asie“.

2 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883; M. Dieulaoy, рукописные заметки.

3 Houtum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft der Erdkunde zu Berlin“, 1877.

смотреть на Испагань, как на свою столицу в иранской территории: здесь община их самая многочисленная, и на базаре им принадлежат сотни лавок. Два французских путешественника кончили жизнь в Испагани—Ошер Элуа и Гоммер-де-Гелль.

Окружающие Испагань сельские местности принадлежат к плодоноснейшим и наилучше орошаемым пространствам иранского плоскогорья: значительная высота равнины, определяемая в 1.432 метра, дает ей умеренный климат, где преуспевают растения субтропического пояса: там возделывают виноград, хлопчатник, табак, мак, фрукты и овощи всякого рода и особенно дыни, которые считаются лучшими в Персии; дикая айва или квит дает необыкновенно душистые плоды, которые, во время оффициальных визитов, переходят из рук в руки, чтобы наслаждаться их чудным ароматом. Многочисленные руины, села и деревни, святилища прерывают зеленеющие пространства, и повсюду высятся живописные голубятни, в одиночку или целыми группами, обыкновенно гораздо лучше содержимые, чем соседние дома. Это круглые башни, украшенные валиками и рубцами из кирпичей, имеющими вид зубцов: на верхней террасе закругляется центральный купол, окруженный другими меньшими куполами, в форме ульев, каждый кирпич которых отделен от другого отверстием; в несколько мгновений тучи голубей, кружащиеся вокруг купола, исчезают во внутренности башни. Между мечетями окрестностей самая любопытная—мечеть в Коладуне, украшенная минаретами, около 5-ти метров высоты, помещенными с правой и с левой стороны купола. Каждая из этих башенок может быть приведена в движение толчками одного человека, и тогда явственно чувствуешь, как вибрирует другая башня, и дрожит все здание, точно колеблемое землетрясением. Это явление «дрожащих минаретов», которое местные верующие приписывают чудодейственной силе святого, погребенного под куполом, происходит, как это констатировал Дьелафуа[1], от существования связей из бревен или срубов, к которым прикреплены минареты, башенки очень легкой постройки и легко вертящиеся на внутренней оси. То же самое явление качающихся минералов можно наблюдать в одной из мечетей Бостама[2].

Испаганцы и ширазцы завидуют друг другу и охотно перекидываются обидными кличками и насмешливыми присловьями: первых обзывают жадными, а вторых фальшивыми. Этот антагонизм происходит оттого, что их города, самые важные в южной Персии, часто боролись из-за гегемонии торговой и политической, и как тот, так и другой претендует на титул метрополии артистической и литературной. Уступая размерами Испагани, Шираз имеет над ней то преимущество, что он—столица Фарсистана, то-есть Персии по преимуществу, и население его состоит почти исключительно из иранцев. Кроме того, он—наследник столиц империи, которые сменяли одна другую в соседстве его местоположения, и из которых одна была могущественный Персеполь. Пользуясь доброй славой за свою сметливость, ум, прекрасный язык, ширазцы смотрят на себя, как на представителей национальной цивилизации, и нетерпеливо переносят владычество тегеранских каджарцев: Баб Али-Могамед, проповеди которого подвергли опасности царствующую династию, был уроженец Шираза, и в этом же городе сгруппировались его первые ученики. Чтобы обуздать население Фарсистана, персидское правительство посылает туда солдат-турок, в тех видах, чтобы расовая ненависть помогала гарнизонному воинству держать жителей в повиновении.

Шираз не имеет таких великолепных тенистых садов, аллей и рощ, как его соперница, Испагань, но зато растительность там отличается более южным характером. Когда спускаешься в равнину по персепольской дороге или с северо-востока, город вдруг открывается при повороте ущелья, и вид садов, кипарисовых аллей, блистающих куполов и голубоватой равнины, постепенно поднимающейся к основанию снеговых гор, исторгает у путешественника крик удивления и восторга: «велик Аллах!» Таков буквальный смысл имени «Тенг-и-Аллаху-Акбар», которое дают проходу, откуда взорам открывается великолепная картина. Шираз, «Чрево льва», хотя он находится еще на высоте 1.350 метров, есть уже, относительно городов нагорья, южный город; там начинается для иранцев область «теплых земель»; паль-

1 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.

2 Н. Ханыков, „Записки о южной части Средней Азии“.

мы, стоящие там и сям в равнине, указывают на переход от одного пояса к другому. Тогда как Испагань лежит на восточной стороне системы краевых цепей, Шираз находится в Целе-Персиде или «Впалой (низменной) Персии», в одном из промежуточных понижений рельефа, которое разделяет две параллельныя цепи, и воды его стекают в маленький замкнутый бассейн, род Каспийского моря в миниатюре. Хотя Шираз лежит уже на одном из внешних уступов, спускающихся с плоскогорья к Персидскому заливу, он совершенно защищен со стороны моря правильно расположенными по прямой линии гребнями Тенгсира или «Страны дефилеев»; нескольким храбрым полкам легко было бы охранять подходы к нему. Но поставленный в такия благоприятные условия во многих отношениях, город имеет также и большие невыгоды. Землетрясения там часты, и история упоминает много катастроф этого рода, которые произвели большие опустошения: таково, например, землетрясение 1855 года, которое опрокинуло больше половины домов, раздавив под упавшими стенами до десяти тысяч человек. Летом воздух нездоров, и лихорадка похищает много жертв среди населения.

Не наполняя даже своей ограды, имеющей в окружности только 6 километров, Шираз походит ныне на большое село и не заключает никаких замечательных зданий, кроме мечетей. Промышленность его не в цветущем состоянии: однако, еврейская колония состоит из искусных ювелиров: персиане фабрикуют превосходные изделия с накладной работой из дерева и слоновой кости, прославленную розовую воду, а армяне, впрочем немногочисленные, занимаются торговлей. Здешнее вино плохого качества; этот нектар поэтов получается из сельских местностей, отстоящих от города километров на пятьдесят: это—хмельной и ароматический напиток, вкус которого европеец находит сначала довольно странным, но к которому он скоро привыкает. Как ширазские розы, которые не могли бы выдержать сравнения с розами садов западного мира, так и вино ширазское обязано своей репутацией стихам, в которых оно воспевалось. Табак и другие земледельческие произведения края составляют предмет незначительного вывоза; но, как транзитная станция, город занимает исключительное положение, так как в нем оканчиваются дороги из портов Персидского залива. Но дороги эти в плохом состоянии, и трудности перевозки обременяют товары такими тяжелыми накладными расходами, что торговля предпочитает другие пути, именно пути, идущие в Керманшах и Тавриз. Уступая в отношении движения торгового обмена другим большим городам Персии, Шираз, по крайней мере, имеет то превосходство, которое ему дает умственное развитие и литературная эрудиция его жителей: он снискал себе лестное имя «Дома знания». Из трех знаменитейших поэтов Ирана: Гафиза, Сади и Фирдуси, два первые были уроженцы Шираза, и каждый персианин, проезжая через этот город, считает священным долгом посетить их могилы. На мраморной плите, покрывающей уже пять веков бренные остатки Гафиза, начертаны золотыми буквами две из его од; недалеко от этого камня был погребен Рич, исследователь Курдистана. Надгробный памятник Сади, стоящий в некотором расстоянии от города, близ деревни, называемой Садие, по имени поэта, не так заботливо поддерживается, без сомнения, потому, что автор Гюлистана не удостоился чести, как Гафиз, быть причисленным к сонму священных писателей, а между тем, как говорит Сади о самом себе в своей эпитафии: «ни один соловей не оглашал воздух более нежными песнями в саду знания!» Вблизи могилы разверзается пропасть, несомненно искусственного происхождения, глубина которой превышает 200 метров[1].

Ученые единогласно указывают как на местоположение древнего Персеполя, «города персов», на местность, называемую Истахр, лежащую километрах в пятидесяти к северо-востоку от Шираза, на испаганской дороге. В этом месте начинается цепь холмов из серого мрамора, которая продолжается в юго-восточном направлении, господствуя над широкой равниной, ныне болотистой, Мерв-Дашт, в которой Банд-Эмир, приток озера Нерис, извивается под тенью ив; запруда, увенчанная мостом о тринадцати арках, задерживает воды реки и заставляет их течь обратно в тысячи каналов, которыми изрезана эта равнина; три уединенные

1 Stack, „Six Months in Persia“;—M. Dieulafoy, рукописные заметки.

скалы горы Истахр высятся посреди аллювиальных пространств. Слегка пология земли, незаметно спускающиеся от холмов и скал к береговым равнинам Банд-Эмира и к его притоку Польвару или Пульвару, представляют великолепное местоположение для постройки города, и мысль без усилия восстановляет развертывавшийся здесь некогда амфитеатр дворцов. Впрочем, от него уцелели кое-какие остатки. Эта руина, самая величественная между древностями Персии, состоит из стен и колонн, образующих одно целое, которое туземцы с удивлением, смешанным со страхом, называют «Троном Джемшида». Теперь известно, благодаря дешифровке клинообразных знаков, начертанных на стенах памятника, что главный из шести дворцов был дворец Ксеркса, «царя царей, сына царя Дария, Ахеменида»; но, судя по недоконченности скульптурных украшений и надписей, кажется, что строитель не мог довести своего дела до конца. Если верить преданию, здание было истреблено пожаром, хотя на мраморе не видно никаких следов огня, и колонны даже сохранили свою полировку, «столь гладкую и столь ясную, говорил Герберт в семнадцатом столетии, что никакое зеркало из стали не может сравниться с её блеском». Магометане-иконоборцы посбивали головы крылатым быкам и уничтожили все изображения человеческих фигур. Время также много попортило: повалило стены, разрушило колонны, но и в теперешнем его виде здание представляет еще грандиозное целое. Двойная лестница из черного мрамора, по широким ступеням которой легко взобрался бы человек на лошади, ведет на квадратную террасу, на которой стоит памятник. В 1765 году Нибур насчитал семнадцать колонн, остаток семидесяти двух, многочисленность которых подала повод дать дворцу название «Ста минаретов». В настоящее время, по прошествии ста слишком лет, существует еще двенадцать колонн, сохранивших на верхушке остатки капителей. Далее, за этими колоннами, на трех последовательных площадках террасы, вымощенной мрамором, видны зазубренные стены, двери, столбы, бесформенные развалины, где, тем не менее, археологи, после тщательного исследования, признали расположение публичных зал и собственных царских аппартаментов[1]. Некоторые скульптурные работы и многие детали постройки напоминают влияние египетского стиля, но ансамбль отличается изяществом и грацией, которые свидетельствуют о «родстве», существовавшем в ту эпоху между искусством Персии и искусством Эллады[2]. Зодчие, строившие дворец Ксеркса, без сомнения, видели греческие храмы Ионии и памятники Лидии[3].

Выше Трона Джемшида, на стене мраморной горы, довольно близко от вершины, обрисовываются три вырубки, сделанные для помещения гробниц государей. Напротив, на горе Накш-и-Рустем, которая высится по другую сторону реки Пульвар, виднеются отверстия других царских усыпальниц, о которых в старину туземцы говорили, что это «темницы ветра»[4]. Одна из этих могил заключала бренные остатки Дария, сына Гистаспа, как показывает надпись; Ахемениды, его преемники, за исключением Дария Кодомана, покоились в другом крипте. Эти склепы высечены таким образом, что образуют гигантский крест, поперечная часть которого изображает перистиль храма, тогда как верхняя часть показывает царя, восседающего, как на троне, на большом щите, который несут побежденные народы. У основания скалы, цари из династии Сассанидов тоже хотели оставить памятники своей славы, высекая в камне барельефы, представляющие различные события их царствования: самое любопытное из этих изваяний изображает царя Сапора, великодушно простирающего руку над головой императора Валериана, побежденного врага[5].

По мнению большинства археологов, могила Кира, государя, все еще живущего в иранских преданиях, находится в той же стране, недалеко от селения Мешед-и-Мургаб, километрах в шестидесяти на северо-восток от Персеполя. Там расстилается, окруженная кру-

1 Loftos, „Suza and Persepolis“;—Eugene Flandin et Pascal Coste, „Voyage en Perse“;—M. Dieulafoy, рукописные заметки.

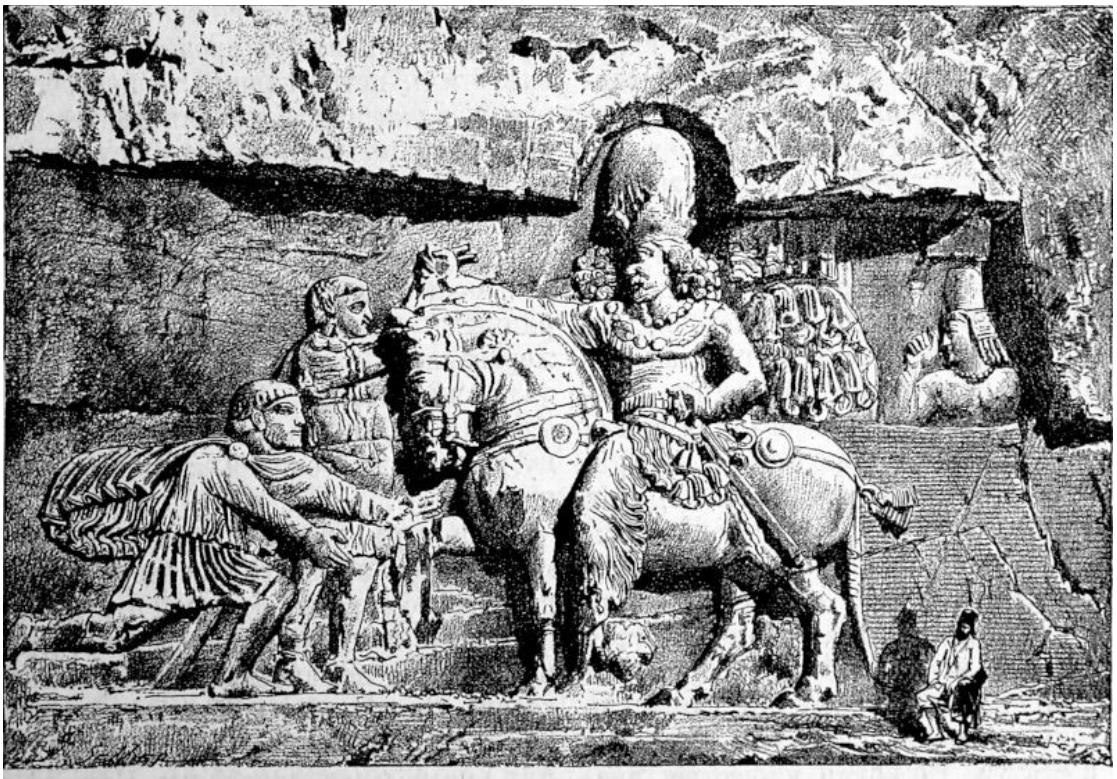
2 H. Brugsch, „Reise der preussischen Gesandschaft nach Persien in 1860 und 1861“.

3 M. Dieulafoy, „Academic des inscriptions“;—„Journal officiel de la Republique francaise, 18 septembre 1882“.

4 Barbier de Meynard, „Dictionnaire de la Perse, par Yakout“.

5 Flandin et Coste, „Voyage en Perse“.

тыми горами, доступная только через ущелья, где дорога высечена в скале, обширная равнина, усеянная развалинами и перерезываемая Мург-абом или «Птичьей водой», той самой рекой, которая ниже, под именем Пульвара, соединяется с Банд-Эмиром, близ Джемшидова Трона. В этом месте несомненно стоял большой город в эпоху Кира. Один столб носит еще образ обоготворенного властелина, которого прямо называет надпись: «Я, Кир царь, Ахеменид!» Одна гробница, которую жители того края называют могилой «матери Соломона», и на которой есть арабская надпись, признается большинством путешественников за надгробный памятник Кира, и остатки платформы, похожей по конструкции на площадку Джемшидова Трона, составляли, будто бы, подземное строение древнего храма Огня, где славный царь в большие праздники торжественно возжигал пламя перед собравшимся народом. Сомнительно однако, чтобы равнина Мешед-и-Мургаб была та самая, где находился древний Пасаргад, и с которою еще недавно все ученые отождествляли ее, ибо тексты древних письмен поме-



Барельефъ императорской гробницы въ Накшъ-и-Рустемѣ, близъ Персеполя.

щают этот священный город гораздо восточнее, в области Кирман, и при том не в равнине или долине, а на вершине горы[1]. Относительно памятников в равнине Мешед-и-Мургаб можно сделать то же замечание, которое высказано выше о памятниках истахрских: они, несомненно, были построены зодчими, знакомыми с эллинским стилем; очевидно, эти строители находили в Лидии и в Ионии свои образцы храмов и мавзолеев[2].

Город Дараб или Дарабджерд, лежащий в 200 километрах к юго-востоку от Шираза, близ истоков речки, воды которой текут в сезон дождей к Персидскому заливу, есть один из тех городов, которые ученые стараются отождествить с античным Пасаргадом; но там не нашли никаких памятников, никаких развалин, которые напоминали бы имя Кира. Тем не менее, не подлежит сомнению, что это очень древний город: знаменитый поэт Фирдуси сделал его театром многих событий своей мифической эпопеи, и на окружающих скалах видны многочисленные жертвенники Огня. Самое имя города означает, будто-бы, «Городище Дараба или Дария»[3], и одна гладко отшлифованная скала соседней горы украшена барельефом, встреча-

1 Oppert, „Academie des Inscriptions, seances du 29 septembre et du 6 octobre 1882“.

2 Dieulafoy, цитированный мемуар;—W. Oncken, „Weltgeschihte in Einze)darstellungen“.

3 Ousely, „Travels in the East“.

ющимся во многих других местах Персии и изображающим коленопреклонение Валериана перед Сапором; изваяния, грандиозного вида, к несчастию, сильно попорчены, и на них не видно никакого следа надписи. Другой древний памятник в окрестностях Дараба—подземный храм, высеченный в скале, но представляющий лишь гладкия стены, без барельефов и статуй. Во время нашествия арабов, в этот город удалился последний Сассанид, Ездиджерд, прежде чем воздвигнуть пустыню между собой и своими победителями. На север от Дараба, город Нирис, давший свое имя самому значительному озеру Фарсистана, был недавно одним из центров бабизма; преследования обезлюдили эту страну[1].

В северном Фарсистане, то-есть на плоскогорье, вне области дефилеев, существуют только два города, имеющие некоторую важность: Абадех, находящийся на половине дороги между Ширазом и Испаганью, и Кумишех, лежащий почти на 100 километров ближе к старой столице империи. Этот город, обнесенный высокими стенами, вполне заслуживает свое название, которое означает «Злачное место», ибо окружающие равнины, усеянные деревнями и тщательно возделанные, очень производительны. Абадех имеет одну специальную промышленность—резьбу на дереве; жители его необыкновенно искусны в вырезывании из грушевого дерева футляров, письменных приборов, ложек, шкатулок, шахматов. Даже на севере Ирана эти «абадехские изделия» оспаривают рынок у подобных же произведений, привозимых из Европы. К северо-западу от Абахеда, на дороге в Кумишех, другой укрепленный город, Ездихаст, занимает вершину конгломератовой скалы, которая высится уединенно в широкой расселине плоскогорья, точно подводный камень, поднимающийся со дна моря. Дома и башни кажутся как бы продолжением скалы; но вне этих потрескавшихся построек выступают качающиеся деревянные помосты, висящие над пропастью: пестрая толпа женщин и детей толкается на этих мостках, когда появится караван, шествующий внизу скалы. Город доступен только через старый подъемный мост: там и сям кое-какие остатки старинных стен указываются жителями, как жертвенники или замки гвебров, и в самом деле, имя города (Езд-и-Хаст), сходное с названием гвебрского города Езд, повидимому, напоминает о пребывании там огнепоклонников.

Цепь гор, перерезанная широкими проломами, которая тянется с северо-запада на юго-восток, по окраине большой пустыни, окаймлена, как и хребты Фарсистана, городами и местечками, лежащими у выхода небольших долин, там, где разветвляются горные потоки, прежде чем потеряться в равнине. Наин, на большой дороге из Кашана в Езд, почти на половине пути, есть один из этих соседних с пустыней городов, где вода делится на тысячу водопроводов; жители, подобно обитателям Кашана и Испагани, умеют ценить удобрения и собирают их самым тщательным образом. Местный промысел—гончарное производство; но туземные мастера, посланные в Европу для усовершенствования в своем искусстве, вернувшись домой, увидали, говорит Гольдсмит, что им еще надо многому поучиться у своих соотечественников. На юге, противоположный склон горного хребта господствует над Купой, одним из цветущих городов плоскогорья. Наконец в прекрасной аллее гор, которая постепенно поднимается в юго-восточном направлении, следуют один за другим города Агда, Ардаган, Майбут. Из них Ардаган самый многолюдный и самый торговый. Майбут обеднел, как и окрестные деревни, вследствие замены маком почти всех других культур. В видах быстрого обогащения путем продажи опиума, некоторые крупные землевладельцы принуждают своих арендаторов обращать все пахатные земли в одно обширное маковое поле: от этого съестные припасы становятся все более редкими и дорожают, хотя заработная плата не повышается; промышленность останавливается, и жители эмигрируют[2]. Можно даже встретить целые деревни, совершенно покинутые населением.

Иезд, который сообщается с остальным Ираном только посредством караванных дорог, пролегающих через глинистые плоскогорья, скалы или песчаные дюны, уже в полным смысле город пустыни: со всех сторон пустынные пространства окружают оазис шелковичных де-

1 Goldsmid, „Eastern Persia“.

2 Gasteiger, „Von Teheran nach Baludschistan“.

ревьев, где заперты город и подгорные селения. В некоторых местах пустыня начинается у самых ворот Иезда: песок скопляется против стен, и ветер кружит его и переносит за городскую ограду[1]; таким образом целым кварталам угрожает опасность исчезнуть с лица земли, как исчез первый город того же имени, называвшийся также Аскизар, развалины которого видны в 16 километрах к северо-западу, на дороге в Кашан. Понятно, что в этом городе, частию осаждаемом песками, вода сберегается с величайшей заботливостью: почти все резервуары или *аб-амбары* находятся под почвой, и в них спускаются по ступенькам, в роде лестниц, ведущих к подземным прудам в Бомбее.

Несмотря на свое изолированное положение посреди плоскогорья, недалеко от геометрического центра Персии, Иезд—один из цветущих городов Ирана; он имеет прядильни, ткацкия мастерские, красильные заведения, фабрики сахара, леденца. По шелковой промышленности это—«персидский Манчестер»: мануфактуры его очень многочисленны, и на некоторых из них работают по нескольку десятков станков. Так как коконов, доставляемых окружающим оазисом, недостаточно для потребления трехсот фабрик, то купцы привозят шелк-сырец из Гиляна, из Хорассана, даже из Герата. Что касается сбыта производимых этими мануфактурами шелковых тканей, то они вывозятся далеко за пределы Персии до Мекки и других городов Аравии, через Маскат. Иезд поддерживает даже косвенные торговые сношения с Китаем посредством отправки ящиков опиума, количество которых увеличивается с каждым годом. Посредниками в торговых делах служат почти исключительно члены гвебрской общины, единственной значительной, существующей еще в Персии: еще недавно конкурренция мусульман воспрещала им мануфактурную и торговую деятельность; огнепоклонники занимались почти исключительно садоводством и культурой хлопчатника, особенно того вида этого растения, которого коричневое волокно употребляется для тканья одежды, обязательной для гвебров. Получив, наконец, право заниматься торговлей, последние в несколько лет завоевали себе монополию торговых дел, и теперь один из этих негоциантов-парсов владеет слишком тысячью верблюдов[2]. Местное население состоит в большей части из сеидов, которые претендуют на происхождение от пророка: присутствие чуждого религиозного элемента, естественно, сильно возбудило фанатизм. Город получил прозвище «Града поклонения», и жители, очень гордящиеся этим эпитетом, стараются оправдать его крайней нетерпимостью в деле веры[3]. Еще недавно убийство гвебра никогда не наказывалось. Километрах в двадцати на юго-запад большое местечко Тафт, где гвебры наиболее пользовались привилегией возжигать публично священный огонь, сохранило кое-какую промышленность, в особенности по фабрикации войлоков и поярка. Соседняя пещера, галлереи которой продолжаются на целые мили во внутренности горы, заключает в себе очень богатые свинцовые рудники, равно как месторождения бирюзы[4].

Следуя на юго-восток от Иезда, по большой караванной дороге, извивающейся в глинистой равнине, между двух параллельных цепей гор, не видишь, на пространстве слишком 200 километров, ничего, кроме одиноко стоящих каравансараев, да нескольких полуразвалившихся домишек: оттого путешественник приятно удивлен, когда, после этого долгого странствования в пустыне, он примечал, наконец, настоящий город, Бахрамабад, окруженный маковыми полями, чередующимися с садами и плантациями хлопчатника. Благодаря схождению нескольких дорог, Бахрамабад процветает, и из небольшой деревни, какою он был еще недавно, сделался значительным центром населения. Парсы, даже баниахи из Индустана, основали там могущественные торговые дома. На север от этого города, на северном склоне гор Нугата, разработываются очень богатые свинцовые рудники.

Кирман или Керман, главный город одной из больших провинций Персии, сохранил имя карманов или германов, о которых говорят древние писатели, но, как и Иезд, переменил ме-

1 Mac Gregor, „Journey through Khorassan“.
2 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
3 Ханыков, „Записка о южной части Средней Азии“;—Floyer, цитированное сочинение.
4 Гебель;—Ханыков, цитированное сочинение.

стоположение: остатки обширного древнего города, среди которых незаметно ни одной башни, ни одной мечети, простираются на юг от нынешнего города; на западе также видны груды развалин; наконец, на севере предместье гвебров было почти совершенно разрушено в конце прошлого столетия. Обнесенный стеной неправильной формы и опирающийся на четыреугольную цитадель, теперешний Кирман занимает почти квадратную площадь, по километру в длину и ширину, у западного основания выступа горы, который увенчан старинной разрушенной крепостью, известной под именем «Замка девы»; Кирман лежит на высоте около 2.000 метров над уровнем моря; оттого зимняя температура там очень холодна, но летом стоит жара невыносимая, и дома так же, как в Иезде, Майбуте и других городах центральной Персии, имеют на верху *бадгир* или вентилятор в форме башни, в которую низвергается воздух, чтобы освежать нижние покои. Еще в конце прошлого столетия двенадцать тысяч семейств гвебров-огнепоклонников жили в Кирмане и в соседних селениях, но преследования и насильственные обращения в ислам сократили их общину до незначительной цифры: теперь едва насчитывают полторы тысячи семейств. Со времени посещения знаменитым итальянским путешественником Марко Поло, Кирман утратил процветавшую в нем тогда оружейную промышленность, но производимые им вышивания и ковры все еще высоко ценятся; кроме того, там выделывают дорогия шали, которые хотя не отличаются такой удивительной нежностью на ощупь, как кашмирские, но не уступают им в тонкости ткани и в изяществе рисунка[1]: для приготовления этих тканей, отправляемых потом во все части Персии и даже за границу, через Байдар-Аббас, употребляется так называемый *карк*, нежный козий пух, смешанный с шелком. Кирман посылает также этот карк амрицарским фабрикантам, которые смешивают его с тибетским *пашмом*[2]. Главная станция дороги из Кирмана в Бандар-Аббас-промышленный город Сайдабад или вернее, Сеидабад, «город сеидов», окруженный речками, которые получают воду из снеговых гор, но иссякают уже в небольшом расстоянии от истоков: желтый песок составляет резкий контраст с богатейшей зеленью.

Кирман на юго-востоке Персии, во внутренних странах Ирана,—последняя станция, куда доходят письма и депеши из Европы[3]: путешественник, пускающийся далее, из оазиса в оазис, найдет опять сообщения с цивилизованным миром только спустившись к морскому прибрежью Белуджистана, или достигнув на востоке долины Инда. Почти все население состоит из кочевых белуджей, гоняющих перед собой стада верблюдов, коз, овец; их города и крепости не что иное, как притоны для разбойников. А между тем, нет недостатка в плодородных землях в долинах, которые Марко Поло нашел покрытыми городами, деревнями и загородными домами; некоторые склоны гор даже представляют зрелище обширных лесов, очень редкое в восточной Персии. Один из прелестнейших уголков того края—местность, окружающая мечеть Маган или Магун, в 26 километрах к юго-востоку от Кирмана: это прекрасное здание, изукрашенное эмальированными изразцами, на которых дрожит тень столетних платанов, прикрывает бренные останки Нимет-уллаха, «персидского Нострадамуса». Раин или Раюм, лежащий далее на юго-восток, между горой Джупой и Джамаль-Барисом,—огромное село с домами, рассеянными среди виноградников и ореховых деревьев; каждый сад окружен рядом тополей; в этой живописной, утопающей в зелени деревне, не увидишь ни одной развалины, этой почти неизбежной картины во всяком городском поселении Персии. Еще в половине настоящего столетия все жители Раюма обитали в обширном лесу, совершенно сохранившемся, который венчает соседнюю гору[4].

Бам, самый многолюдный город восточного Кирмана, мог бы быть назван кочевьем, как и большинство персидских городов. Несколько стен, бесформенные груды развалин, лежащие у подошвы уединенной скалы в равнине, составляют единственные остатки старого

1 Yule, „The Book of ser Marco Polo“.
2 Yule;—Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
3 Gasteiger, цитированный труд.
4 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

Бама; новый выстроился с половины нынешнего столетия, верстой южнее. Это один из самых чистеньких городов Ирана и в то же время один из тех, которые окружены роскошнейшими садами. Он находится уже в Гермсире или «Жаркой стране»; лимонные, апельсинные, пальмовые деревья придают южную физиономию молодому городу, но почти сейчас же за городской чертой опять начинается пустыня. Между станцией Риган или «Песчаное море» и городом Бампур, на пространстве около 200 километров по прямой линии, встречаются только развалины, но ни одного обитаемого дома, и караваны должны запасаться провизией на весь путь. Самый Бампур, главный город персидского Белуджистана, не что иное, как группа около сотни соломенных хижин, скученных в беспорядке у подошвы искусственного пригорка, на котором стоит обрушивающаяся крепость. В 1881 году во всем городе существовал только один дом из битой глины: все остальные жилища были просто грязные лачуги, не защищающие своих обитателей ни от солнца, ни от холода, ветра или дождя. Город не имеет ни школы, ни мечети, ни публичной бани, даже садов очень мало, хотя окружающая равнина очень плодородна, и земледельцы имеют в своем распоряжении обильные воды, которые катит Бампурский поток. Деревня Пура или Техре, лежащая километрах в двадцати к северу от Бампура, представляет гораздо более цветущий вид, чем она обязана своему положению на склоне холма над лесными чащами равнины, относительной здоровости своего климата и в особенности выгодам личной опрятности. Жители обрабатывают каждый свой собственный участок земли, тогда как бампурцы работают в качестве наемников в казенных имениях[1].

Бампур находится еще в 300 километрах от поста Мешхид, где проходит оффициальная граница между двумя Белуджистанами, персидским и келатским; но во всей этой обширной территории нет ни одного города: встречаются только маленькие поселки, становища, да крепостцы, еще поддерживаемые или пришедшие в состояние развалин. Джалк, т.е. «опустелый», который изображают на карте как главный город обширного округа, в действительности есть просто группа маленьких крепостей, окруженная пашнями и рощицами финиковых пальм[2]. Точно также Пип, Бинт, Ангуран—простые оазисы с рассеянными по ним деревушками. В этих странах, где бродят балучские грабители, мы уже собственно не в Персии, хотя политические разграничения поместили эту территорию в пределах Ирана. Даже Бампур—более индусское, чем персидское местечко: имя его индустанское; жители почти черные, как джаты, исповедуют магометанство суннитского толка, ненавистного шиитам иранского плоскогорья; женщины продевают себе кольца в нос и чернят зубы, жуя орех бетеля.

Города плоскогорья и замкнутых бассейнов Ирана, кроме Каспийского моря и озера Урмия, с их приблизительным населением:

Ирак-Аджеми. Тегеран (Шиндлер)—200.000 ж., Кашан—30.000 ж., Испагань—90.000 ж., Иезд—40.000 ж.. Касвин—40.000, Зенджан—20.000 ж., Кум (Смит)—20.000 ж., Гамадан—35.000 ж., Купа (Стак)—15.000 ж., Неджефабад (Стак)—15.000 ж., Хонсар—14.000 ж., Дамган (Шиндлер)—13.000 ж., Семиан (Гольдсмид)—12.500 ж., Ардаган (Стак)—10.000 ж., Шахруд (Гольдсмит)—8.000 ж., Гульпайган (Стак)—8.000 ж., Бортам (Ханыков)—8.000 ж., Наин (Стак)—5.000 ж., Майбут (Флойер)—5.000 ж, Тафт (Мак-Грегор)—5.000 ж.,

Фарсистан: Шираз—32.000 ж., Абадех—5.000 ж., Кумишех—4.000 ж.

Кирман: Кирман—5.000 ж., Бахрамабад—10.000 ж., Сайдабад (Стак)—8.000 ж., Раин (Смит)—6.000 ж., Магун—5.000 ж., Бам (Сент-Джон)—2.500 ж.

Персидский Белуджистан: Бампур (Флойер)—1.000 ж.

Берега Мекрана, причисляемые политически к Персии, так же малолюдны, как и восточные берега, зависящие от балучского ханства. Несколько оазисов, рассеянных, как острова, среди моря, оживляют от времени до времени бесплодные, пустынные местности внутренности страны, и маленькие порты следуют один за другим вдоль морского прибрежья. Хобар

1 Gasteiger, цитированное сочинениет

2 „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, 1814.

(Чаубар или Чаобар), стоящий на оконечности мыса, при входе в бухту, глубоко вдающуюся внутрь материка, и Джаск, построенный у основания мыса, на берегу открытого рейда, где волна морского прилива умирает между корнями ризофор,—деревни, где сосредоточена главная торговля; они имеют также некоторую важность, как станции континентального телеграфа, соединяющего Лондон с Калькуттой через Кавказ и Персию. В 50 километрах к западу, у Рас-эль-Кух или «Мыса горы», морской берег меняет направление и поворачивает на север, параллельно арабскому острову мыса Мазандам, чтобы образовать соединительный рукав между Оманским морем и Персидским заливом.

Знаменитый порт, некогда известный под именем Гамбруна или Комрона, а со времени царствования шаха Аббаса называемый «портом Аббаса», Бандар-Аббас или Бендер-Аббас, перестал быть гаванью, в которой прежде сосредоточивалась вся внешняя торговля Персии. Трудность единственных путей сообщения с внутренностью страны—троп, ведущих в Шираз через несколько последовательных гряд гор, окаймляющих плоскогорье, а также страшная жара тамошнего лета и нездоровый климат морского прибрежья, наконец, большое удаление от центра Персии,—уменьшили относительную важность этого порта. Шираз сообщается теперь с заграничными рынками через Бушир; Испагань и Гамадан производят свой торговый обмен преимущественно с Багдадом сухим путем, а весь север Ирана ведет сношения с Европой через Тавриз или Энзели; таким образом Бандар-Аббасу осталась только торговля Иезда и Кирмана. Хотя носящий имя порта, Бандар-Аббас на самом деле только рейд, и волны разбиваются пенящимися завитками на песчаном берегу, но суда обыкновенных размеров могут становиться на якорь в 2 километрах на глубине 6 метров; остров Кишм, далее острова Ларек и Ормуз заслоняют порт от ветров открытого моря. Пароходы регулярно пристают в Бандар-Аббасу, чтобы принять грузы кирманских ковров, иездских шелковых материй, опиума, фиников, рыбы; в толпе негоциантов, комми, моряков, встречаешь людей всякого племени, азиатцев, европейцев и негров. Все новые дома снабжены на верху башенками-вентиляторами, куда ветер низвергается, чтобы циркулировать в жилище и понижать его температуру. Но лучшие охладительные приспособления не избавляют от страшной жары, царствующей в летние месяцы, когда воздух кажется словно выходящим из раскаленной печи. В эту пору года, все, кому не безусловно необходимо жить в порте, бегут на дачи. Суру, деревня, лежащая в 15 километров к западу от города, среди финиковых пальм,—одно из главных дачных мест; но большой оазис, Минао или Минаб, находится на востоке в расстоянии 87 километров, и занимает выход долины, над которой господствуют пики причудливых форм и нависшие скалы. Под тенистыми деревьями громадного сада нечего больше бояться жгучего ветра, который проносится над раскаленной песчаной и солончаковой пустыней, прилегающей к Бандар-Аббасу, ни отражения от голых скал массива Джебель-Шиннох. Вода, от которой Минаб получил свое имя, означающее «воду грязей» или «речные наносы», льется со всех сторон среди фруктовых садов, которые производят великолепные плоды, миндаль, лимоны, апельсины, гуявы, манги и гранаты[1]. Здешние финики славятся своим превосходным вкусом, и арабские суда, приходящие в устье речки, вывозят их каждый год около 1.500 тонн. В сезон сбора этих плодов сюда стекаются эмигранты со всех окрестных местностей за 200 километров кругом; отсюда и произошло имя Магистан, или «Страна фиников», данное Минабу[2]. Сбор хлопка тоже весьма значителен, равно как сбор лавзонии (lawsonia alba), кустарника, красноватые корни которого дают краску для крашения материй, а листья употребляются восточными женщинами для окрашивания себе ногтей, ладоней и подошвы ног. Минабская лавзония вывозится в Бомбей, но наибольшая часть сбора посылается в Иезд и в Кирман. Торговое движение Бандар-Аббаса простиралось в 1877 году (по Шиндлеру) до 12.850.000 франков.

В эпоху Марко Поло, на материке находился город Гормос или Ормуз, который был тогда средоточием «обширнейшей» торговли, и куда приходили купцы из Индии с кораблями,

1 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

2 Carl Ritter, „Asien“, vol. VII.

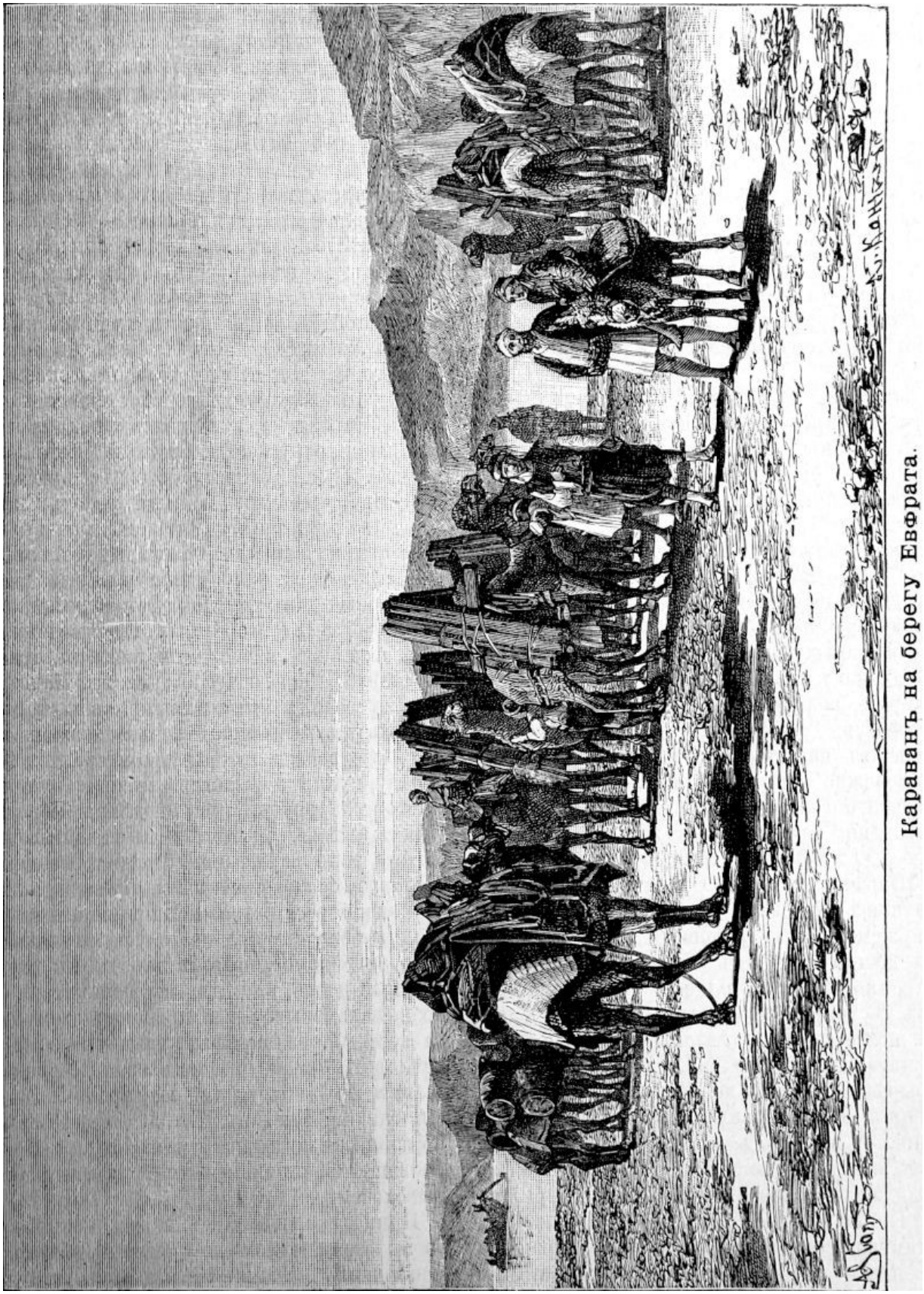
нагруженными пряностями, драгоценными каменьями, жемчугом, шелковыми и парчевыми тканями, слоновыми бивнями. Местоположение старого города, частию покрытое развалинами, было отыскано на течении Минаба, километрах в десяти к юго-западу от форта, стоящего в центре оазиса садов[1]. Опустошенный монголами, Ормуз снова отстроился уже на острове, почти круглой формы, лежащем в расстоянии около 6 километров от материка: это тот город, которым Альбукерк овладел в начале шестнадцатого столетия, и где происходил к выгоде португальских мореплавателей обмен драгоценнейших произведений Востока и Запада. Город был расположен в ближайшей к континенту части острова; там и теперь еще находится деревенька, указываемая издалека минаретом и португальской крепостью, хорошо сохранившеюся. Дворцы, церкви были рассеяны в разных частях острова Ормуз, и самый высокий холм, превышающий 200 метров, был увенчан часовней, посвященной пеньянской Божией Матери (Nostra Senhora de la Penha) и служившей в то же время маяком; глубокия цистерны вырыты в скале. Завидуя торговле португальцев, английская Ост-индская компания заключила союз с Персией, и, после продолжительной осады, крепость должна была отворить ворота; город был предан разграблению и разрушен, строительные материалы были увезены и употреблены при постройке зданий Бандар-Аббаса[2]. Немногочисленные ормузские суда вывозят теперь только соленую рыбу, охристую землю, которая употребляется, как красящее вещество, и соль, которую собирают после дождей в блистающих белизной оврагах, которые прорезывают, внутри острова, холмы, состоящие из каменной соли.

Остров Кишм или Тавилах, то-есть «Длинный», который простирается на запад от Ормуза, параллельно берегам Ирана,—значительная по величине земля, некогда, кажется, составлявшая часть материка. Он отделен от твердой земли лишь узким проливом, шириной от 2 до 10 километров, который извивается вокруг горных мысов и низменных берегов, покрытых корнепусками. Даже большие парусные суда, пользуясь морским приливом, могут пускаться в плавание по этому длинному каналу, протянувшемуся на целую сотню верст, потому что на самых высоких порогах лот показывает от 6 до 7 метров глубины. Остров имеет хорошие якорные стоянки, лучшая из которых—гавань Лефт, посредине длины канала. Но, несмотря на свое превосходное положение между двух морей, напротив Аравии и в глубокой вогнутости персидского прибрежья, эта длинная земля не имеет больших складов произведений. Местечко, называемое Кишм, как и самый остров, и построенное на юго-восточной оконечности, близ бывшего португальского форта, напротив Ормуза, может предложить купцам почти только одни плоды: редкие оазисы, где возделывают ячмень, дыни, кое-какие фруктовые деревья, показываются на отлогих пространствах, покрытых тонким слоем растительной земли. В целом, остров каменистый и лишенный растительности, перерезанный холмами, серыми или беловатыми, известковыми или соляными, или покрытый серной эффлоресценцией, изображает картину запустения. Некоторые путешественники сравнивают его с подводными плато, недавно выступившими из волн моря; другие—с землей, опустошенной огнем и представляющей теперь сплошную груду шлаков. Англичане основали было, на западной оконечности острова, военный пост Басидух (Бассадор), чтобы командовать входом в Персидский залив, но они должны были покинуть эту колонию, по причине недостатка воды и невыносимой жары. Все съестные припасы, твердые и жидкие, необходимые маленькому гарнизону, нужно было привозить из Бомбея. Летом даже большинство туземцев ищут убежища на материке, в рощах Минаба; серные и соляные копи разрабатываются арабами только в продолжение пяти месяцев в году. Однако, один вид антилопы живет на этом каменном и соляном острове[3].

Генджам, отделенный от южной оконечности большого острова каналом в 2 километра ширины, тоже был намечен, как будущий пост британского флота; но и от этого выбора должны были отказаться по тем же причинам: без исключительных предосторожностей,

1 Felly;—Yule, „The Rook of ser Marco Polo“.
2 A. W. Stiffe, „The Geographical Magazine“, april 1874.
3 Whitelock, „Journal of the Geographical Society“, 1838.

европеец не мог бы провести там лета, не подвергая себя опасности лишиться рассудка или жизни. А между тем, этот остров когда-то был очень многолюден; тысячи старых каменных домиков рассеяны во впадинах, так же, как многочисленные цистерны, облицованные не-



Караванъ на берегу Евфрата.

разрушимым цементом; на скатах высот видны остатки пашен в виде террас; на северной оконечности можно еще распознать развалины значительного города, где стояли две мечети. В наши дни единственные жители острова—около 200 арабских семейств, пришедших из

Шарджаха, что на Оманском берегу; они поселились на юге, чтобы эксплоатировать мели жемчужных раковин; скудный источник доставляет им солоноватую воду. Во внутренности острова есть целые массивы скал, состоящие из соли, которая от примеси посторонних тел испещрена полосами красного, желтого, зеленого цвета; расселина, открывающаяся в холме из известняка и каменной соли, оканчивается пещерой, наполненной пиритом, который блестит, как золото, при колеблющемся свете ламп[1].

Линджах, первая пароходная пристань на Персидском заливе,—большое село, протянувшееся на 3 или 4 километра вдоль низменного берега, осененного финиковыми пальмами, и над которым господствует с северной стороны гора, поднимающаяся почти на 1.200 метров; якорная стоянка лучше и ближе к берегу, чем в Бандар-Аббасе: в этом порте производится продажа барейнского перламутра ост-индским негоциантам[2]. Линджахские моряки имеют около 150 судов, из которых штук десять употребляются для ловли жемчужных раковин, и строят суда из леса, привозимого из Индии; недавно из здешних верфей были спущены барки вместимостью в 500 и даже в 800 тонн. За Линджахом до Бушира, персидский берег, скалистый, изрезанный высокими мысами, без воды и без растительности, обитаемый только несколькими разбойничьими арабскими племенами, не был еще пройден ни одним европейским исследователем; но и там есть порты, имевшие некогда значительную торговлю. На оконечности болотистой равнины, простирающейся к западу от Линджаха и отделяющей от внутренних горных цепей несколько массивов, некогда островных, находится маленькая деревня Чарак, приютившаяся у подножия крепостцы и окруженная рощами финиковых пальм. В этом месте стоял в девятом столетии нашей эры большой город Сираф, богатства которого прославляет Ибн-Гаукал: там обменивались на привозный товар алоэ, амбра, камфора, жемчуг, слоновая кость, черное дерево; даже китайские корабли приходили туда за грузами драгоценных произведений Персии и Аравии[3]. Попав под власть арабского шейха, владевшего островом Каис, Сираф утратил мало-по-малу свою торговлю в пользу политического центра, лежавшего в тех же водах, в 33 километрах к юго-западу, и Каис сделался главным сборным местом моряков при входе в Персидский залив; затем, в начале четырнадцатого столетия, эта роль выпала на долю острова Ормуз, сделавшагося независимым от шейха. На северном берегу острова Каис еще видны развалины большого арабского города, близ которого англичане основали в этом столетии военный пост, впоследствии покинутый; сады, поля, пальмовые рощи придают этому острову веселый, оживленный вид—чего не имеют другие земли, рассеянные в Персидском заливе. Лежащие далее, за Чараком, маленькия гавани, Бандар-Нахль или «Пальмовый порт», Бандар-Бисайтин, Бандар-Конгун посещаются лишь мелкими судами арабских рыболовов.

Приморская покатость Персии, понижающаяся в юго-западном направления рядом уступов, известна лишь по маршрутам путешественников, которые следовали той или другой дорогой из Шираза в Бендар-Аббас. Северная дорога, перерезывающая верхния долины и переходящая на больших высотах гребни поперечных гор, проходит через древний город Дараб, затем через Форг, окруженный рощами финиковых пальм, и через Тарун, еще более богатый плодами всякого рода, но лежащий уже в низменной местности, подверженной малярии. Другая дорога идет возвышенной долиной Престафа, где находится большой, пришедший в упадок город Фаза или Феза, обратившийся ныне в группу хорошеньких деревень, рассеянных в лесу финиковых пальм. Южная дорога, спускаясь прямо на юг от Шираза по первым ступеням морской покатости, поворачивает затем на юго-восток, доходит до города Джарун (Ярун), где кончается культура винограда; затем переходит через несколько цепей холмов, чтобы достигнуть города Лара: это—бывшая столица Ларистана, царства, которое простиралось некогда по всей прибрежной области, от острова Барейн, на аравийском бере-

1 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.

2 Lewis Felly, „Journal of the Geographical Society“, 1864;—Stack, „Six Months in Persia“;—Denis de Rivoyre, „Obocket Bassora“.

3 Renaudot;—Ousely;—Von Kremer, „Culturgeschichte des Orients“.

гу, до острова Диу, принадлежащего к Индустану[1]. В шестнадцатом столетии, ларская монета, кусок серебра в форме финика, с вычеканенным на ней именем государя Ларистана, была самым распространенным во всей Персии меновым знаком. Овладев приморскими дорогами, шах Аббас разрушил Ларское царство, и город быстро потерял свое значение; теперь он даже не административный центр провинции. Впрочем, он ведет довольно значительную торговлю; жители его хвалятся, что их верблюды самые сильные, а финики самые лучшие в Персии. В Ларе нет никаких древних памятников, но Фирузабад, группа деревень, как Фаза, лежащий на полдороге из Шираза к морю, в «области Проходов», очень богат изваяниями на камне, и изображающими боевые сцены, и постройками, предшествовавшими исламу; на вершине одного горного мыса высится разрушенный храм. Эта область Ирана, красоту которой так восхваляет Страбон, есть, в самом деле, одна из приятнейших стран Персии по прозрачности её вод, блеску растительности, величавой форме гор; в то же время это край, где можно видеть некоторые из памятников чистейшего стиля[2].

Бушир или Бандар-Бушир, порт Персидского залива, где оканчивается наиболее посещаемая дорога иранского плоскогорья,—город сравнительно недавнего происхождения. Надир-шах, стремившийся к завоеваниям на море, остановил свой выбор на этом рейде, ближайшем к Ширазу, чтобы оттуда пустить флот, и город, который он там основал, получил имя Абу-Шехр или «Отец городов», изменившееся постепенно в Бушир. Этому городу предшествовал другой коммерческий центр, Ришехр, местоположение которого указывается издали старинным португальским фортом; на берегу еще видны нагроможденные развалины; в почве нагорного берега находят во множестве сердолики с резьбой и без резьбы, которыми Ришехр вел некогда большую торговлю с Ратнапуром, что близ Камбейского залива. По словам восточных писателей, до семисот семейств занимались вырезыванием девизов и символических фигур на этих камнях, которые отправлялись отсюда во внутренние города. Бушир, где в настоящее время сосредоточивается почти вся морская торговля Персии, не представляет, однако, ни одного из условий, необходимых для основания хорошего порта. Он стоит на северной оконечности продолговатого острова, который, вследствие возвышения почвы, соединился с материком. Бывший пролив, простирающийся на восток к пустынной равнине, представляет собою еще болото с топкой почвой, тогда как на севере бухта, вдающаяся в виде полукруга внутрь твердой земли, в часы отлива бывает покрыта слоем воды не больше метра толщиной; островки и песчаные отмели выступают вровень с поверхностью вод. Только мелкие суда могут, обогнув мыс, становиться на якорь к востоку от города в яме, имеющей от 4 до 8 метров глубины; большие же суда бросают якорь в открытом море в 7 или 8 километрах от берега. Негоцианты, между которыми преобладают армяне, отправляют вина, табак и особенно опиум, предназначенный для китайских портов; ввозят же из Батавии сахар в значительных количествах, а английские пакетботы привозят им тысячи разнообразных предметов европейской фабрикации. Доход буширской таможни в 1880 году составлял 600.000 франк.; приблизительная ценность торгового обмена простиралась до 18.000.000 франк. Островная земля Бушира, ограниченная нагорным берегом со стороны континента, имеет родники холодной ключевой воды и источники горячей воды, а также рощицы пальм, подле которых иностранные купцы основали свои загородные дома; но главные места дачной жизни находятся внутри материка, на склонах гор Гизакан и Хормудж, господствующих над городом Барасджан и его обширными садами. Возвышенный остров Хараг, лежащий в открытом море между Буширом и устьями Евфрата, был часто занимаем пиратами; он был также, в половине восемнадцатого столетия, голландской колонией, или, вернее сказать, гнездом корсаров, под командой одного бывшего нидерландского консула; остров заключал тогда несколько тысяч жителей. В 1840 году англичане поставили там свой гарнизон.

На дороге, открытой в течение девяти месяцев в году, которая соединяет Бандар-Бушир

1 Dupre, „Voyage en Perse“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

2 D’arcy Todd;—Kinneir;—Carl Ritter, „Asien“;—Dieulafoy, рукописные заметки.

и Барасджан с Ширазом через высокие горные перевалы «Девушки» и «Старухи» (2.209 метров), главное этапное место—город Казерун, лежащий в одной из тех складок почвы, которые разделяют параллельные цени Тенгсира. Там и начинается Иран в собственном смысле, по климату и населению; ниже, говорят персияне, область морского прибрежья, Даштистан,—это уж Аравия. Казерун, бывший когда-то большим городом, славившимся своей торговлей и промышленностью, теперь незначительный городок, окруженный руинами и имеющий некоторую важность только по табаководству да по конским торгам, куда окрестные бродячия племена приводят на продажу великолепных лошадей. Километрах в тридцати к северу от Казеруна, в другом из этих понижений, направляющихся однообразно с северо-запада на юго-восток, находятся обширные развалины Шапура или Сапора, древней резиденции Сассанидов. Мало встретишь долин в Персии, которые имели бы в таком изобилии проточные воды, такия густые и благоухающие рощи: Шапур—это один из «земных раев» Азии[1]. Несмотря на то, разрушенный город не отстроился; кочевники продолжают пасти свои стада в ограде его дворцов. Ни в какой другой персидской долине не увидишь такого множества высеченных на скале изваяний. На горке, где расположен акрополь, так же, как на стенах скал, запирающих с той и другой стороны долину, большие кессоны, вырезанные в камне, образуют как бы амфитеатр из барельефов, где сами горы рассказывают о подвигах Сапора, об его охотах, победах, торжественных аудиенциях. Типы и костюмы различных персонажей: римлян, арабов, персов, индусов, представленных в этих каменных летописях, придают большой интерес этой истории могущественного царя, который, садясь на коня, ставил ногу на затылок пленного императора. Изваянные стены Шапура, различные фрагменты скульптурных работ, найденные между руинами, и поваленная колоссальная статуя, заграждавшая вход в пещеру, были, очевидно, произведением резца греческих художников, может быть, пленников[2].

Другие остатки старины: иссеченные скалы, жертвенники огня, цитадели рассеяны по всей области Тенгсира, на юго-восток к Рам-Гормузу и Бабагану или Бебегану, открытому городу, окруженному пальмами; в соседстве, нефтяные источники вытекают из гипсовых скал. В некоторых местах крепкие замки, напоминающие социальное состояние, сходное с феодализмом на Западе, высятся на вершине каждой скалы: один проводник путешественника Оузли исчислял в «пять тысяч» число этих полуразрушенных замков, с которыми по большей части связаны легенды о «Деве»,—имя, под которым сохраняется память о богине Анагиде.

Города приморской покатости Персии, с их приблизительным населением:

Бушир—27.000 жит.; Минаб—10.000; Бандар-Аббас—8.000; Лар—8.000; Казерун (Штак)—8.000; Барасджан (Мак-Грегор)—6.000; Бабаган (Уэльз)—4.500; Джарун—4.000; Фируза-бад (Штак)—4.000; Фаза—4.000; Тарун—3.000; Форг—2.000; Хобар (Флойер)—1.000 жит.

Так как Персия, если исключить провинцию Шустер, владеет только верхними долинами притоков Тигра, то города не многочисленны на этой покатости, по которой кочуют пастушеские племена; однако, важность дорог, которыми производится сообщение между иранским плоскогорьем и Месопотамией, вызвала к жизни несколько городов в долинах, лежащих на проходе этих путей. Северная область, где текут первые воды Малого Заба и Диалаха, и которая принадлежит к относительно маловажной провинции Ардилан, перерезанной горными хребтами, имеет лишь мало посещаемые дороги; оттого там существуют только два города: хорошенькая Бана, раскинутая на вершине лесистого холма, между двух возделанных долинок, и новый город Сенна (Сигнах), местопребывание вали или генерал-губернатора иранских курдов, расположенное в плодоносном бассейне, окруженном становищами кочевников. Сенна—город персидский только в политическом отношении: христиане, несториане и халдеи очень многочисленны в том краю; кочевые племена состоят из али-аллахов и других «людей истины». Магометанское население месопотамской покатости сплошь сун-

1 Ouseley, „Travels in the East“.

2 Eugene Flandin, „Voyage en Perse“.

нитское; краевая горная цепь разделяет две религии—религию Персии и религию Турции.

Историческая дорога из Экбатаны в Вавилон, из Тегерана и Гамадана в Багдад, та, которою следовал Александр Македонский на обратном пути из Ирана, и которую после него избирали бесчисленные военные и торговые экспедиции, огибает южные отроги Массива Эльвенд и его скалы, испещренные вырезанными клинообразными надписями, чтобы спуститься, переходя с отрога на отрог, в долину реки Керхи или Керхера, Кара-су, «Черная вода» турок, Хоаспес древних географов. Конгавер или Генджавер, одно из первых этапных мест на этом пути, расположен у подошвы гор, которые очень походят на горы Аттики отчетливостью профиля и гармонией форм; но конгаверская равнина гораздо богаче афинской проточными водами и чащами зелени. Маленький персидский город тоже имеет свой акрополь, где господствует высоко поднимающееся над другими постройками здание, которое было в одно и то же время храмом и цитаделью, как Парфенон в столице Эллады. Это то самое святилище, о котором Исидор, писатель, живший в первом или втором столетии христианской эры, говорит, что оно было посвящено богине Артемиде, Анагиде персов, той «Деве», в честь которой наименованы столько скал, горных проходов, старых замков в странах Ирана. Храм, часто служивший крепостью шайкам разбойников, представляет теперь лишь груды развалин; однако, там еще видны кое-какие драгоценные остатки архитектуры: стройные изящные колонны, прекрасные изваянные капители, изображающие цветки лотоса. Влияние греческого искусства не менее заметно в памятнике Конгавера, чем в памятнике Персеполя. Посреди равнины возвышается горка, быть может искусственного происхождения, также покрытая руинами, как полагают, развалинами храма Солнца, где жертвоприношения и молитвы чередовались с теми, которые, на другом холме, были возносимы к богине луны Артемиде.

Ниже Конгавера, воды, вытекающие с массива Эльвенд, соединяются в реку Гамас или Гамас-аб, спускающуюся из долины, где находится Негавенд, «город Ноя», прославившийся в летописях ислама «победой побед», которую армия калифа Омара одержала над Ездиджердом, последним государем из национальной династии; пастбища окружающих гор, где шах содержит часть своей кавалерии, считаются лучшими в Иране. Ниже соединения потоков, река вступает в ущелье грозного вида, где стены, громоздясь на стены, пропускают лишь ослабленный свет. Высокая гора, усаженная на гребне остроконечными зубцами скал, заканчивает ущелье на северной стороне Гамас-аба: это—Бизутум, у подошвы которого приютилась деревня, приобревшая большую славу в истории археологии. Ни один памятник древности не имел больше важности, чем бизутунские надписи, для дешифрирования клинообразных письмен, которые открыли широкую перспективу к давно забытым временам: в Бизутуне, можно сказать, совершился, для изучения древней истории, величайший научный переворот нашего века, подобный тому обновлению, которое было внесено в область религиозных и философских исследований открытием санскритского и зендского языков[1].

Скала Бизутун или Бегистун, название которой мало отличается от древнего наименования, существовавшего в греческую эпоху—Багистан или «Место садов»,—поднимается на 450 метров вертикальной высоты над лугами, где пасутся стада. Обильный источник прозрачной, как хрусталь, воды вытекает у основания скалы, которая увенчана барельефами, почти разрушенными не столько временем, сколько завоевателями, которые велели вырезывать новые фигуры на старых; точно также греческие надписи частию исчезли под арабскими письменами. Другие изваяния, высеченные на большой высоте скалы, тоже сопровождаются несколькими надписями, которые трудно разобрать; но знаменитая доска, изучаемая с таким старанием, существует еще почти неповрежденная. На пространстве около 45 метров в ширину и 30 метров в высоту скала была выровнена и отшлифована, и в этой обширной рамке царь Дарий, сын Гистаспа, велел выгравировать тысячу строк, рассказывающих на трех языках, персидском, индийском и ассирийском, о его победе над Вавилоном и обетах, данных им по возвращении с войны. При основании этого писанного камня видны обломки

1 Darmstetter, „Essais orientaux“.

террасы, по которой посетители подходили к памятнику; но ничего не осталось от изваяний Багистана, о которых говорит Ктезий, и которые он приписывал Семирамиде. Полированные стены, где вырезаны надписи, покрыты легким слоем кремнекислой соли, который предохранял их от разрушительного действия непогод. Из этого видно, что персы уже двадцать четыре века тому назад знали искусство придавать крепость скале[1].

Те же самые кручи, которые носят на своих стенах бизутунские надписи, продолжаются на запад и принимают на северо-востоке от города Керманшаха имя Так-и-Бостан или «Свод садов», которое напоминает висячие сады, приписываемые легендарной царице. Непосредственно над цветущей равниной и подле обильного источника, бьющего из известняковой скалы, находятся две залы, высеченные в скале, в эпоху Сассанидов, как о том свидетельствуют стиль культурных украшений и надписи на языке пельви, разобранные Сильвестром де-Саси. Малый грот относится к четвертому столетию нашей эры; большой, гораздо богаче украшениями, был высечен или, по крайней мере, получил свои изваяния, как полагают, двумя или тремя веками позднее, накануне завоевания страны арабами. Охотничьи сцены, которыми украшены стены грота, изображены с такой выразительностью и чистотой рисунка, каких другие древние памятники Персии не представляют примера: они, очевидно, принадлежат резцу греческих ваятелей, живших при дворе Сассанидов[2]. Керманшах, лежащий в плодоносной равнине в нескольких километрах от Так-и-Бостан, был маленьким городком в конце прошлого века; но в начале настоящего столетия он сделался одним из первых городов Персии, как столица провинций Курдистана, из которых Али-Мирза, сын шаха Фатх-Аля, сделал настоящее царство: офицеры разных наций, между прочим, знаменитый Раулинсон, один из европейских исследователей, наилучше изучивших географию и историю этой страны, жили тогда в Керманшахе и основали там арсеналы и оружейные заводы; ремесленники стекались туда из Персии, Турции и Арменистана. С той эпохи город снова уменьшился в числе жителей и размерах промышленности. Большинство персидских танцовщиц принадлежат к племени сусмани, кочующему в соседстве Керманшаха[3].

За Керманшахом большой исторический путь из Ирана в Месопотамию, удаляясь от реки Хоасп, принимающей направление сначала на юг, затем на юго-восток, проходит через город Киринд, главное место многих курдских племен, принадлежащих к различным религиозным сектам, преимущественно к секте али-аллахов. Далее дорога проходит по гористой стране, чтобы затем постепенно подниматься к хребту Загрос или Загрш, естественной стене, которая ограничивает на западе плоскогорье Персии, и откуда спускаешься к Зогабу и к равнинам Месопотамии. Раздельная линия между климатами, между флорами и фаунами, огибает основание горного вала; по ту и другую сторону этой грани живут разные народы, говорящие разными языками, и история приняла иное течение. На отлогости, покатой к Турции, замок, называемый Так-и-Гиррах, то-есть «Арка дороги», обозначал прежде политическую границу: и теперь еще там стоит высокий портал из белого мрамора, остаток, как полагает Кер-Портер «Ворот Загроса» или Загри-Пиле (Zagri-Pylae), название которых (Зарг-пиль), будто-бы, сохранилось до сих пор в наименовании деревни Сарпиль, Сарпуль или Сарипуль. Как бы то ни было, мало найдется естественных границ, лучше начертанных, чем границы Загроса, и если равнины по течению Зогаба принадлежат к Персии, то это единственно по праву завоевания; с тех пор, как этот пашалык был отнят у Турции, в начале текущего столетия, Порта не переставала требовать обратно владения им. Исторически этот край совсем не иранский: это, напротив, одна из классических областей Месопотамии; на месте, занимаемом ныне городком Гольван, стоял некогда один из могущественнейших городов Ассирии, который многие археологи принимали, но ошибочно, за Калаш, временную столицу империи равнин.

На юг от Бизутуна и Керманшаха, река, принимающая ниже название Керхи, не омыва-

1 Rawlinson;—Brugsch, etc.

2 Rawlinson, „March from Zohab to Khuzistan“, „Journal of the Geographical Society“, 1839.

3 Polak, цитированное сочинение.

ет, до самого впадения в Ефрат, ни одного значительного города. В настоящее время на этой реке, длиной около 600 километров, увидишь только развалины, да кое-где деревни; во всем бассейне, занятом почти исключительно курдскими пастухами, из племен луров и бахтиаров, существует только один город, Хоррамабад, лежащий на речке того же имени, восточном подпритоке Керхи. Местоположение Хоррамабада необыкновенно живописно; стена скал, следующая, как и все горные цепи Луристана, нормальному направлению с северо-запада на юго-восток, вдруг прерывается, чтобы дать проход реке, затем снова поднимается за проломом, шириной около 1.200 метров; но посреди свободного пространства остался отрывок естественного вала, уединенная каменная глыба, круто обрывающаяся со всех сторон и дающая начало близ вершины очень обильному источнику. Эта скала, окруженная при основании двойной искусственной стеной, есть цитадель Хоррамабада; изящный дворец, сады, обширный резервуар занимают верхнюю часть горки; внизу раскинулся город, продолжаясь предместьями, заключенными между тенистых садов.

Цепь древних, лежащих в развалинах, городов тянется на западе параллельно краевому хребту, отделяющему гористую страну от равнин Месопотамии. Первый из этих покинутых городов, Сирван, расположен в ущелье, на берегу западного притока Керхи; дома теснятся один к другому, но все окрестные холмы покрыты древними жилищами, среди которых возвышаются там и сям маленькие обелиски, означающие могилы луров. Некоторые здания обширного города, очень хорошо построенные из тесанного камня, совершенно сохранились в своем первоначальном виде: своды, корридоры, галлереи, подземные лабиринты, вся сассанидская архитектура представляется взорам путешественника в этом городе без жителей. Лурийские разбойники основали свой притон в подземельях дворца Нуширвана, основателя города. Раулинсон, который собирался было посетить «талисманный камень», помещенный у входа в склеп, где этот государь покоится на «ложе из золота и серебра», должен был удалиться, не окончив предпринятого исследования. Рудбар, расположенный в месте слияния Керхи и Киринда,—тоже большая руина времен Сассанидов; а далее на юге, в боковой долине Керхи, Сеймарах или город Хозроя, Шехр-и-Хусрау, кажется точным воспроизведением Сирвана в отношении местоположения, общего вида и стиля архитектуры; но он еще обширнее, и над массой его домов господствует дворец более грандиозных размеров. Этот памятник —«Трон Хозроя», названный так по имени врага Ираклия, который сделал его своей зимней резиденцией[1].

Но из всех руин страны ни одна не оставила по себе более громкого имени, чем развалины Сузы или Шузы, по которым и весь этот край часто называется Сузианой. Географическое положение древней столицы—одно из самых счастливых: в этом месте река Дизфуль, приток Каруна, близко подходит к Керхе; два потока, развертывая свои излучины на встречу друг другу, сближаются так, что расстояние между ними не более 15 километров; и равнина, разделяющая их, настолько гладка, что можно было прорыть многочисленные ирригационные каналы, отведенные из обеих рек. Кроме того, выше Сузы образовался естественный канал истечения, Шаруп или Шахвер, достаточно широкий и глубокий, чтобы принимать торговые суда, и спускающийся на юго-восток к реке Карун, так что равнина вокруг Сузы представляет как бы маленькую Месопотамию, и почва её так же плодородна, как почва берегов Евфрата. Весной лошади с трудом могут пробираться через густую траву, которая покрывает поля, орошаемые Шапуром. Руины или, лучше сказать, поросшие травой пригорки, обозначающие местоположение древнего города, занимают пространство от 10 до 12 километров в окружности, и над ними господствует квадратная платформа, около километра длиной в стороне, где некогда находилась цитадель. Искусственная горка, высотой 50 метров, поднимающая свои крутые откосы на северо-западной стороне террасы, указывает место, где возвышались самые крепкия стены акрополя. Никаких драгоценных обломков не сохранилось от этой некогда столь пышной столицы: несколько разбросанных капителей, стволов колонн, изваянных камней—вот все, что осталось от блестящего города; но археоло-

1 H. Rawlinson, „Journal of the Geogr. Society“, 1839.

ги могли распознать план большого дворца, начатого Дарием и оконченного Артаксерсом Мнеmоном; это здание походило на «Трон Джемшида» в Персеполе. Предполагаемая гробница Даниила, осененная несколькими платанами на берегу Шапура, есть простой кирпичный мавзолей, куда мусульмане из окрестных местностей приходят на поклонение; но они уже не видят там камня, на который смотрел, как на талисман—покровитель страны: это была плита черноватого цвета, содержавшая надпись на двух языках иероглифами и клинообразными знаками. Англичане Монтит и Киннир тщетно пытались купить эту плиту; Гордон получил от принца Али-Мирзы, правителя Курдистана, разрешение увезти драгоценный эпиграфический памятник, но жители выкупили это право подарком к 40.000 франков, с придачей двух арабских коней самой дорогой цены[1]. К несчастию, легенда говорила о несметных богатствах, зарытых под священным камнем: один чужеземец взорвал его на воздух, чтобы открыть клад, и как нарочно величайшие общественные бедствия: чума, наводнение, голод следовали одно за другим после этого уничтожения спасительного талисмана, как бы для того, чтобы подтвердить справедливость народных суеверий. По словам Лофтуса, уцелело несколько осколков священного камня, вделанных в столбе[2].

Река Дизфуль, главный приток Каруна, получает начало, как и Гамас-аб, главная ветвь Керки, в одной из высоких продольных долин, которые разделяют параллельные цепи и образуют закраину плоскогорья. Но в то время как Гамас-аб течет на северо-запад к Негавенду, Дизфуль спускается на юго-восток к Буруджирду, славящемуся своими отличными пастбищами, где пасутся лошади тысячами голов; затем, прорезывая последовательно каждый из скалистых хребтов Луристана, вступает у города Дизфуль в область равнин. Невозможно было бы следовать по течению реки через ущелья, где она пробирается; существует только тропинка из Буруджирда в Дизфуль, и эта дорога, взбирающаяся последовательно на все параллельные цепи скал, не везде проходима даже для неустрашимых персидских лошадей. Буруджирд, стена которого имеет 10 километров в окружности,—очень промышленный город, и со всей окрестной местности, за сто верст кругом, луры приходят туда покупать войлоки и ткани, давая в обмен коз, овец, лошадей и мулов. Дизфуль, лежащий в соседстве древней Сузы, может быть рассматриваем, как наследник этого большого города: мелкие суда поднимаются, но очень нерегулярно, по реке до самого города и грузят шерсть, хлопок, индиго, хлеб, горную смолу, серу, привозимые и приносимые крестьянами окрестных селений. Местная промышленность очень деятельна; болота окрестностей производят тростник, из которого выделываются лучшие перья, отправляемые отсюда во все концы Востока, от Константинополя до Калькутты[3]. В настоящее время Дизфуль, «Манчестер» Хузистана,—самый многолюдный город Персии равнин. На северо-запад от Дизфуля находится знаменитый Кале-Диз или «Замок скалы», получивший такое название от естественной башни, на которую взбираются при помощи приставных лестниц, веревок и ступенек, высеченных в камне: эта естественная крепость, совершенно неприступная и неодолимая, служит резиденцией одному бахтиарскому шейху, который обработывает людьми поля верхнего плоскогорья; он владеет там несколькими стадами овец, некогда диких, но, по невозможности убежать, сделавшихся в конце концов приручеными. Рабочих животных поднимают и спускают на веревках[4].

Шустер или «Малая Суза», на Каруне или Куране, были первым городом Арабистана до чумы 1832 года; с этого рокового года, который оставил его почти пустынным, он снова вырос. Как и Дизфуль, он имеет ту выгоду, что находится у входа в обширные и плодоносные равнины, на реке, если не вполне судоходной, то во всяком случае доступной судам, и, сверх того, он предназначен сделаться исходным пунктом дороги, которая рано или поздно направится к Испагани через землю бахтиаров. Гидравлические работы, которые превратили бы

1 Ousely, „Travels in the East“.
2 Loftus, „Quarterly Journal of the Geological Society“, aug. 1855.
3 Houtoum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“. 1879.
4 Layard, „Journal of the Geographical Society“, 1846.

Шустер в торговую речную пристань, незначительны в сравнении с теми сооружениями, которые производились в третьем столетии христианской эры, в царствование Сапора и, быть может, под руководством его пленника, императора Валериана; одна из этих плотин до сих пор еще носит имя Банд-и-Кайсар или «Запруда императора». Выше города, у крутого изги-

Багдадскіе арабы.

ба реки, сделали прорез в песчаниковом крутояре левого берега и прорыли канал, в котором отведенная часть течения приняла постепенно, под именем Гергер, вид естественной реки, с её излучинами, отмелями отложенного ила, колебаниями уровня воды. Эти два рукава со-

единяются верстах в 50 ниже прореза, замыкая остров, который, при помощи ирригационных каналов, превращен в один обширный сад. Чтобы располагать достаточным скатом в верхней части этого островного пространства, принуждены были прорыть траншею под открытым небом, затем туннель через скалу, на которой стоит замок Шустера; другой канал, Дариям или «ров Дария», был вырыт ниже города между двумя реками, с целью совершенно изолировать место. Почти все эти обширные работы канализации сохранились в течение пятнадцати веков и свидетельствует о науке, которой мы, вероятно, не нашли бы уже у современных персидских инженеров, если бы они не довершали своего образования в высших европейских школах.

У города Банд-и-Кира, в том месте, где соединяются Карун и Гергер, впадает также река Дизфуль или Аб-и-Диз, и главная река, окончательно сформировавшаяся, направляется извилистым течением к Шат-эль-Арабу. Аваз, расположенный близ скал и остатков плотины, которые составляют единственное препятствие судоходству по нижнему Каруну, теперь, подобно другим городам, лежащим на реках Джеррахи и Гиндиан, не более, как бедное местечко, дома которого как бы затеряны среди развалин и могил древнего города. Но ниже по реке возник новый город, Могаммерах, построенный на косе между Каруном и нижним Евфратом: это—речной порт Персии, занимающий более выгодное положение, чем Бассора, для большой торговли и, однако, много уступающий последнему размерами торгового движения. Могаммерах имеет ту выгоду, что ближе к Персидскому заливу и, сверх того, сообщается с морем устьем, всецело находящимся на персидской территории, устьем Бамушир, которое было прежде независимым устьем Каруна, когда эта река не соединялась еще с Шат-эль-Арабом: при отливе, суда, сидящие почти до 3 метров в воде, могут свободно входить в этот лиман. Однако, Могаммерах почти не пользуется преимуществами своего положения; редко когда какой-нибудь пароход поднимается вверх по реке до авазской запруды. Низменная область Арабистана, политически принадлежащая к Персии, в действительности отделена от неё параллельными цепями гор, через которые не проложено еще ни одного торгового пути; отпускная торговля этого персидского порта на Шат-эль-Арабе ограничивается произведениями, привозимыми из Дизфуля и Шустера.

Персидские города на покатости Евфрата, с их приблизительным населением:

Ардилан: Керманшах—35.000 жит.; Сенна (Рич)—8.000 жит., Киринд (Флойер)—6.000 жит.; Бана (Кастальди)—3.000 жит.

Луристан: Хоррамабад (Раулинсон)—5.000 жпт.

Ирак-Аджели: Буруджирд (Шиндлер)—20.000 жит.; Негавенд—5.000 жит.

Хузистан или Арабистан: Дизфуль—30.000 жит.; Могаммерах—10.000 жит.; Шустер—27.000 жит.; Бебеган (Уэльз)—4.500 жит.

Нет народа, о котором бы можно было сказать, что он стоит выше персиан в отношении понятливости, быстроты и ясности ума, в отношении способности к всякого рода умственному труду, так же, как в отношении искусства во всех ремеслах, а между тем теперешнее влияние Персии на остальную Азию почти ничтожно: нужно оглянуться далеко назад, в глубь предшествующих веков, чтобы найти начало тех экспансивных движений, которыми персидские идеи проникли в религии и западные философии, и которые доставили языку, литературе, искусству и промышленности Ирана такую огромную долю влияния в Индии и во всем мусульманском мире.

Прежде всего нужно принять в соображение тот важный факт, что персиане в собственном смысле уменьшились в численном отношении, сравнительно с другими жителями иранского плоскогорья, Индустана и Передней Азии. Известно, как сильно возросло народонаселение Индии; точно также народонаселение Закавказья увеличилось, тогда как население Персии, насколько об этом можно судить при отсутствии всякой точной статистики, уменьшилось с начала настоящего столетия, вследствие чумы, голода и набегов туркмен, курдов и балучей. В Персии число болезней менее велико, чем в западной Европе, и некото-

рые из недугов, похищающих наибольшее количество жертв на Западе, каковы рахитизм, бугорчатка, довольно редки, но эпидемические болезни всегда смертоносны[1]; там, где они прошли, опустошение распространяется на целые поколения; в этом отношении Иран представляет те же явления, как Европа в средние века. Проказа существует еще в провинции Хамсе, между Касвином и Тавризом; в Ларистане почти все жители, за исключением негров-невольников, страдают от алеппского бутона или мединского червяка (подкожная глиста); а в Дардистане по крайней мере один из трех жителей страдает болезнью глаз. Чума часто свирепствовала в Персии, и даже, кажется, один из её очагов извержения находится в горах курдов Азербейджана; в 1870, в 1878 годах, она появилась в Суджбулакском округе и в окрестностях города Бана, такого прелестного и такого здорового во всех других отношениях[2]. Страшный бич поражает сначала кочевые племена, прежде чем наброситься на оседлые населения; затем из курдской земли распространяется на юг, направляясь постоянно к устьям рек[3]. Но никакая болезнь не страшна так в Иране, как эпидемия голода. Нет сомнения, что во время больших голодовок смертность поражала в особенности персиан, которые живут в городах и в областях плоскогорья, недостаточно орошаемых; она уносила, пропорционально, меньше жертв между другими расами, тюрками, курдами, лурами, бахтиарами, кашкайцами, живущими в гористых странах, на берегу источников и ручьев и между бродячими племенами, перекочевывающими с пастбища на пастбища со своими стадами. Прежде, чем вновь завоевывать себе влияние за пределами своего государства, персидская нация должна сама снова устроиться, затем опять приняться за работу ассимиляции над другими этническими элементами Ирана. Есть еще другое обстоятельство, более значительное в своих результатах, которое должно было уменьшить влияние Персии на нации Передней Азии: это её почти полная изолированность с точки зрения международных сношений. Если бы все пространство, заключенное между Тавризом и Мешедом, вдруг исчезло, число путешественников между западом и востоком Азии едва-ли бы уменьшилось хотя на одного человека. Хотя, по конфигурации континента, иранское плоскогорье, казалось бы, должно быть обязательным местом прохода из Индии в Европу, и хотя, действительно, великия переселения народов и идей совершались некогда чрез этот «Индийский перешеек», съуженный между бассейном Евфрата и Каспийским морем,—но это движение совершенно прекратилось. Походы и завоевания Надир-шаха, затем отлив афганцев и изгнание этих чужеземцев были последними столкновениями, напоминающими о прежней важности этой страны, как проходной земли. В наши дни Персия, вместо того, чтобы служить посредником между Индией и Западом, сама, так сказать, заперта между двумя новыми путями: на севере —тем путем, который русские территориальные присоединения открыли через степи киргизские и туркменские, на юге—морской дорогой, по которой совершают правильные рейсы береговые пакетботы. Капитальный вопрос для Персии—это, если не сделаться снова большой арийской дорогой, то, по крайней мере, связать себя с сетью путей сообщения, которые окружают её территорию. Но этот неизбежный прогресс сам сопровождается серьезными опасностями для нации слабой и окруженной врагами; она не безнаказанно для себя облегчит восхождение на свои горы иностранным армиям.

Число персидских земледельцев исчисляют приблизительно только в две трети всей цифры народонаселения, и общее протяжение почвы, которое они обрабатывают, не составляет, без всякого сомнения, и пятидесятой доли всей территории. Но даже и эта незначительная часть поверхности Ирана принадлежит почти всецело не самим хлебопашцам и садоводам, а другим лицам: мало найдется стран, где бы система крупного землевладения была более распространена,чем в Персии. Обширные пространства земли составляют часть шахских домен, и крестьяне, обрабатывающие их, подчинены режиму, который мало чем разнится от крепостного состояния. Другие земли, совокупность которых еще гораздо более значительна, но

1 Polak, „Persien, das Land und seine Bewohner“.

2 Arnaud;—Mahe, „Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales“.

3 Tholozan, „Histoire de la peste en Perse et en Mesopotamie“.

которые по большей части лежат невозделанными, составляют достояние короны, которая получила их путем конфискации или завоевания, и обыкновенно жалуются во временное пользование любимцам или кредиторам. Мечети, школы, богоугодные заведения всякого рода принадлежат, как юридические лица, к числу крупных землевладельцев, и имущества их возрастают из году в год, не только путем пожертвований по духовным завещаниям и получения наследств, но также посредством секретных договоров чиновников-казнокрадов и лихоимцев, которые, опасаясь полной конфискации их имущества государем, отказывают свои поля на церковь, с обязательством со стороны последней уплачивать им пожизненную ренту. Вся страна чуть-было не превратилась в один громадный *вакуф* (вакф) или неотчуждаемое церковное имение, когда Надир-шах взял обратно у мечетей значительную часть их недвижимых имуществ; но так как теперешнее экономическое положение опять сделалось таким же, каким оно было в эпоху этого завоевателя, то является вопрос: не представится ли в близком будущем необходимость снова принять подобную меру, в видах общественного блага. Что касается частных имений довольно значительного протяжения, то они вообще сдаются в аренду, при чем арендатору дают ирригационную воду, семена для посева и скот, в обмен за две трети или три четверти получаемого продукта. Случается, что землевладельцы отягчают невыносимым образом условия арендного договора; тогда арендаторы предают пламени свои хижины, срубают деревья, которые они насадили, навьючивают свои пожитки на животных и отправляются в дальние места искать менее жестокого хозяина[1]. По словам Стака, в Персии, будто бы, не существует никакого следа сельских общин, подобных тем, какие мы видим в Индии, а между тем сам же он говорит о деревнях, жители которых каждый год делят прилегающую к селению равнину или *сахру* на столько продольных полос, сколько в общине «сох». Каждой сохе, то-есть каждому домохозяину, отводится одна из этих полос земли[2].

Постоянный налог, которым обложена земледельческая собственность, состоит из двойной десятины; но это взимание одной пятой дохода увеличивается еще добавочными поборами, которые вымогают сборщики податей, чтобы и самим обогатиться, да и ублаготворить высокопоставленных лиц, которым они обязаны своей должностью. Если саранча опустошит поля, если засуха выжжет посевы, крестьянин, не будучи в состоянии уплатить подати, в конец разорен; тогда-то и наступают те страшные голодовки, которые обезлюживают целые деревни и обращают в пустыни цветущие города. Когда зимний снег не покрывает толстым слоем вершин и склонов гор, можно сказать заранее, что будет неурожай: горные потоки остановятся, иссякшие при выходе высоких долин, и подземные галлереи каналов или водопроводов останутся без воды. Однако, некоторые области пользуются достаточно благоприятным климатом, чтобы можно было возделывать их даже без искусственного орошения: таковы северо-западные провинции и провинции каспийского прибережья. Орудия, которыми располагает земледелец—самые первобытные: соха состоит просто из кола с острым железным наконечником, а борону часто заменяет пучек прутьев или соединение досок, усаженных на нижней поверхности острыми кремнями; но крестьянин отлично владеет лопатой, и свою сметливость и трудолюбие он доказывает именно тщательными культурами садоводства и огородничества, гораздо более, чем полевыми работами. На юге он умеет также утилизировать туки и даже фабриковать их для различных видов растений. Как в европейских городах, в Испагани приготовляют искусственные удобрения и очень сильно действующие гуано, смешанные с голубиным пометом, собираемым на голубятнях[3]. С тех пор, как в Тегеране существует маленькая колония европейцев, в стране были введены многие новые виды полезных и декоративных растений; картофель получил повсеместное распространение в Азербейджане.

Культура хлебных злаков производится преимущественно в западных провинциях, от

1 Polak, „Persien, Das Land und seine Bewohner“.
2 „Six Months in Persia“.
3 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.

Тавриза до Гамадана и Керманшаха; в хорошие годы, некоторое движение по вывозу хлеба направляется к Буширу, Багдаду и русской границе по Араксу, но наибольшая часть избытка урожаев остается непроданной, по причине трудности перевозки. Англичанин Нэпир, во время посещения им провинции Ардилан, констатировал, что этот бесполезный излишек, для одного только керманшахского округа, составлял около 80.000 тон. (4.800.000 пудов); разность цен на хлеб была тогда так велика, что вьюк пшеницы стоил в Тегеране впятеро дороже, чем в Керманшахе[1]. Еще более значительна разница цен для риса, составляющего главную пищу достаточных классов, и который возделывается только в провинциях каспийского прибрежья. Кроме пшеницы, риса и одного вида проса, употребляемого для приготовления хлеба низшего качества, из других хлебных растений сеют только ячмень, который идет в корм лошадям; овса нигде не сеют[2]. Все европейские овощи известны персианам, и некоторые виды, именно бадиджан (армянские огурцы), лук, огурцы, потребление которых громадно—лучше, чем те же продукты огородничества на Западе. Плоды также составляют одно из главных богатств Ирана; тамошние арбузы и дыни превосходного вкуса. Виноград, который культивируют в долинах, лежащих на высоте от 600 до 1.500 метров, дает плоды, очень ценимые даже за границей, в Индии и в России, и куда их отправляют, после высушки, под именем кишмиша. В северных областях нужно закапывать виноградную лозу, чтобы предохранить ее от холода; в южных провинциях ее закрывают, чтобы защитить от жаров; наконец, в некоторых округах Хорассана она может произрастать только под защитой высоких стен, которые охраняют ее от полярных ветров[3]. Абрикосы и другие фрукты, сушеные или вареные в сахаре, тоже вывозятся в Россию, и с каждым годом возрастает их торговая важность. Фруктовые деревья умеренной северной Европы, яблони, груши, вишни и сливы, растут в низменных областях плоскогорья, рядом с персиками и абрикосами, но их плоды не очень вкусны; только в горах, где на деревьях, переносящих зимние холода, медленно вызревают плоды, эти последние могут сравниться с хорошими западными сортами. Известно, что иранские персики славятся своим великолепным вкусом, и долгое время думали, что их первоначальная родина Персия, имя которой они и носят в западных языках; но исследования де-Кандолля показали, что персиковое дерево происходит из Китая[4].

Земледелие заключает в себе также культуру многочисленных промысловых растений. Тутовое дерево возделывается не исключительно ради его ягод, очень ценимых в сельских местностях вокруг Тегерана: листья его собирают для воспитания шелковичных червей, коконы которых утилизируются на фабриках Тавриза, Кашана, Иезда; кроме того, некоторая торговля шелком-сырцом производится с Европой через Закавказье; но болезнь шелковичного червя, появившаяся в провинции Гилян в 1864 году, уменьшила сбор коконов на две трети. Из ткацких растений льна почти нигде не сеют, а конопля служит только для приготовления гашиша; но хлопчатник одна из обыкновенных культур во всей западной Персии, даже в холодных областях Азербейджана, вокруг Хоя и Урмии, где температура не достаточно высока для американских разновидностей этого растения. Клещевина доставляет почти все осветительные масла, употребляемые в крае; листья лавзонии (lawsonia) и испаганская манна вывозятся, измельченные в порошок, во все страны Востока. Южные провинции, особенно Луристан, производящие лавзонию, дают также лучший в Персии табак, хорошо известный во всем Востоке, и даже за пределами мусульманского мира со времен крымской войны; он очень крепок, менее ароматичен, чем испаганский, и употребляется преимущественно курильщиками наргиле: магометане, за исключением вагабитов, курят тем больше, чем меньше пьют. Из наркотических средств в эти последние годы всего более увеличилась культура мака, употребление которого, в виде опиума, китайцы переняли у иранцев[5]. Испа-

1 Bateman Champain, „Proceedings of the Geographical Society“, march 1833.
2 Polak, цитированное сочинение.
3 Goldsmid „Eastern Persia“.
4 A. de Caudolle, „Origine des plantes cultivees“.
5 Malie, „Geographie medicale, Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales“.

ганский и иездский опиум делает все более и более опасною конкурренцию ост-индскому продукту на рынках Срединной империи; почти все персиане имеют привычку принимать это зелье по крайней мере по одной пилюле в день; они дают его даже своим лошадям. Но очень редко употребление опиума доходит до злоупотребления, как это часто случается с гашишем, приготовляемым из конопли: «бедняк, когда он примет его хотя бы только одну драхму, высоко поднимает голову и гордо смотрит на эмиров».

Вывоз опиума через Персидский залив:

Фискальн. год 1871—1872: 870 ящиков, ценностью 1.522.000 франк.; фискальн. год 1880—1881: 7.700 ящиков, ценностью 21.175.000 франк.

В то время, как маковые поля расширяются, плантации сахарного тростника уменьшаются в протяжении. Не видно более, на берегах Каруна и рек Фарсистана, тех лесов сахарного тростника, которые прежде окружали Аваз, Шапур и другие города. Персия, где арабские врачи изобрели в десятом столетии, по всей вероятности, искусство рафинировать сахар[1], покупает в настоящее время этот продукт у марсельских купцов и у голландских негоциантов острова Явы.

Кочевые населения теперь пропорционально более многочисленны, чем в эпоху, предшествовавшую обращению иранцев в ислам. Один только факт арабского завоевания ввел в страну сильные числом племена, которые сохранили на плоскогорье бродячие нравы, усвоенные ими в равнине на окраинах пустыни. Затем внутренния войны, ослабление цивилизованных общин, обезлюднение городов привлекли других чужеземцев, турок и туркмен, курдов и балучей, и территория, занимаемая этими номадами, увеличилась в ущерб земледельцам. Перемещения целых населений, переводимых насильственно из одной провинции в другую, имели то следствие, что в кочевую жизнь бросилось не малое число семейств, которые до того времени, из поколения в поколение, вели оседлое существование. Наконец притеснения и вымогательства губернаторов и других правителей часто не оставляли поселянам иного исхода, как бросать поля и хижины и идти жить ниществом, приключениями и грабежом. Взятые в массе, кочевники способствуют совокупности национальных богатств только скотоводством. Они имеют стада овец довольно многочисленные, чтобы удовлетворять потреблению иранцев, которые едят почти исключительно баранину; у кочующих племен нет другой монеты, другого менового средства, кроме овец. Они продают также шерсть, но не давая себе труда очищать ее, и ни мало не заботятся об улучшении породы. Козы, которых редко воспитывают на мясо, доставляют кирманским промышленникам ту шерсть или козий пух, который служит для тканья тончайших шалей. Собирают также, для выделки войлоков, верблюжью шерсть, которая падает толстыми пучками весной, во время линяния животных. Лошадей у кочевников мало, но за то много ослов и мулов, которые употребляются для перевозки запасов провизии и палаток. В становищах мужчины не занимаются никаким промышленным трудом; женщины, более деятельные, ткут для городских рынков циновки, грубые ковры, шерстяные одеяла.

Со времен отдаленных веков персидские ремесленники почти нисколько не изменили способов производства, и тщетны были все попытки основать, в окрестностях Тегерана и других больших городов, фабрики, подобные европейским мануфактурам: недостаток опытности у рабочих, дороговизна топлива, бесчестность начальников, высокая цена стоимости производства, всегда приводили в конце концов к разорению этих промышленных заведений, построенных с большими издержками. Вкус к предметам иностранной фабрикации, распространяющийся с каждым днем все более и более в персидском обществе, легко удовлетворяется путем торговли; многие плохие товары, привозимые из Европы, продаются вдвое или втрое дешевле, чем подобные же произведения, обязанные своим происхождением туземному труду. Наибольшую выгоду от этого обмена получают русские промышленники. Около половины текущего столетия почти все товары, продававшиеся на базарах Ирана, происходили из Англии; но конкурренция России, в начале робкая, оспаривала, затем заво-

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII;—A. von Kremer, „Kulturgeschichte des Orients“.

евала север Персии у британских рынков, и в настоящее время этим последним остался лишь узкий пояс сбыта вокруг порта Бушир. Как в Афганистане и в Малой Азии, русское преобладание в Иране в торговом отношении, так же, как и в политическом, становится все более и более очевидным[1]. Географические условия слишком благоприятны для России, чтобы английские негоцианты могли надеяться снова завоевать потерянный рынок. Через Закавказье, степи Даман-и-Кох и прибрежье Каспийского моря русские владения соприкасаются с персидским государством; подходные дороги, через Тавриз, Решт, Барфрушт, Астрабад, позволяющие русским отправлять свои товары в города иранского плоскогорья и получать в обмен произведения этой страны, гораздо более доступны, чем пути, открытые англичанам через порты Персидского залива: на пространстве 310 километров дикая тропинка, поднимающаяся из Бушира в Шираз, имеет не менее шести трудно переходных горных перевалов[2].

Роковым следствием этого наводнения персидских рынков произведениями иностранной фабрикации было если не разорение, то, по крайней мере, упадок отечественной промышленности. Конечно, Персия не имеет теперь столько искусных рабочих, как в ту эпоху, когда Шарден посетил испаганские базары; особенно приготовление тонких фаянсовых и фарфоровых изделий не встречается более в мануфактурных городах. Однако, и теперь еще есть цветущие отрасли промышленности, и ни в одной из них не утратились совершенно традиции искусства. Персиане—большие мастера в искусстве дамаскинировать (насекать золотом или серебром) металлы, и их стальные и медные изделия с серебряной насечкой и резьбой в виде кружев и различных узоров по справедливости возбуждают удивление иностранцев. В Хорассане фабрикуют сабли великолепной закалки, и в арсеналах мастера научились, под руководством европейцев, делать превосходное огнестрельное оружие[3]. Изобретатели наргиле, арабское название которого происходит от слова *нарджиль* или кокосовый орех, потому что прежде употребляли эти орехи, как резервуары для воды, через которую проходит дым, —персиане, особенно испаганцы и ширазцы,—все еще лучшие фабриканты прекрасных кальянов, которые они украшают чеканным золотом или серебром, осыпанным драгоценными каменьями[4]. Хотя почти все бумажные материи, одноцветные или набивные, приходят из Европы, многие персиане, почитая старину, предпочитают им прочный *кербас* или *калемкир* отечественного изделия, расписанный цветами и арабесками, отпечатанными ручным способом; грубые шерстяные ткани туркмен и курдов тоже не вполне еще вытеснены суконами, привозимыми из Германии или из Польши. Войлоки, украшенные фигурами и надписями, также составляют производство, в котором персиане не имеют себе соперников. Кашанские бархаты и парчи высоко ценятся, так же, как некоторые шелковые материи, выделываемые в Иезде; кирманские ковры известны во всем свете и пользуются заслуженной славой за прочность и легкость ткани, за прелесть рисунка и гармоническое сочетание цветов. В этой отрасли промышленности, персидские рабочие не имеют надобности делаться подражателями Европы; напротив, на Западе лучшие мастера только копируют их работу, не достигая, однако, того разнообразия и изящной симметрии фигур и узоров, какими отличаются персидские ковры. Северные персиане и теперь, как прежде, покупают исключительно в Фарсистане свои ковры, цвета которых никогда не блекнут, как это бывает с красками на ковровых изделиях европейского происхождения. К сожалению, тканье материй производится в Иезде, в Катане, в Кирмане в условиях, особенно неблагоприятных для здоровья

1 Из общей суммы ввоза в 1893 г. на долю России приходится более трети. По данным русских таможен, общий привоз из России, не считая ввоза из Закаспийской области в Хорассан, определен в 1893 г. в 11.919.887 руб., при чем через Кавказскую границу доставлено товаров на 10.013.776 р., через Астрахань на 1.824.319 р., через Узун-Ада на 111.802 р. Главными предметами ввоза из России являются: сахар (4.709.000 р.), сахарный песок (1.029.000 р), бумажные ткани (3.960.000 р.) фарфоровые и стеклянные изделия (345.000р), невыделанный металл (283.000 р.) и металлические изделия (188.000 р.).

2 Bateman Champain, „Proceedings of the Geographical Society“, march 1883.

3 F. de Filippi, „Viaggio in Persia“.

4 Vambery, „Sittenbilder aus dem Morgenlande“.

рабочих. По причине крайней сухости воздуха, ткачи должны работать в подвалах или в погребах, где бассейны, наполненные водой, поддерживают постоянную влажность, необходимую для того, чтобы нити всегда оставались упругими и гибкими[1]. А между тем заработная плата самая ничтожная: чтобы соткать шаль ценой в тысячу франков, которая принесет им всего только четыреста франков, три ткача работают вместе в продолжение целого года; тридцать пять сантимов в день—вот обыкновенный заработок ткача в Иезде и в Кирмане[2].

Так как столица лежит в соседстве Каспийского моря и получает этим путем и через Закавказье наибольшую часть нужных ей предметов продовольствия и товаров, так же, как и своих посетителей, то, естественно, проекты новых дорог—а они очень многочисленны—почти все относятся к северо-западной части государства, между Тегераном и русской границей. Уже были даже выданы формальные концессии на постройку железнодорожных линий, но потом взяты обратно и, быть может, отчасти из опасения возможных в будущем неприятельских нашествий. Тем не менее, однако, эти проекты тщетно будут устраняемы: все равно, настанет день, когда воля могущественного соседа будет высказана решительно и окончательно: когда железные дороги Закавказья соединятся с рельсовой сетью Европейской России и будут продолжены до персидской границы, эта черта не замедлит быть перейденной, и локомотивы взберутся по скатам иранского плоскогорья. Без сомнения, материальные препятствия значительны, и чтобы достигнуть Тегерана, высота положения которого превосходит высоту всех французских городов, за исключением Монлуи и Бриансона, нужно будет перейти через высокие пороги; но это трудности такого рода, перед которыми не отступают современные инженеры. Как только ровная поверхность плоскогорья будет завоевана паровозами, легко будет провести от магистральной линии побочные ветви к важнейшим городам Ирана. Даже не было бы ничего невозможного продолжить железную дорогу до английской Индии, проведя ее на всем протяжении через населенные местности: такия значительные станции, как Шахруд, Нишапур, Герат, Фарах, Кандахар, обеспечили бы этому рельсовому пути местную торговлю,—выгода, которой будет совершенно лишена всякая дорога, проведенная севернее, по степям и пескам русской Азии.

Была также проектирована постройка другой линии, открывающей доступ в пределы Персии. Отправляясь из Багдада, эта линия должна была подниматься по течению реки Диалах до Хиникина, последнего турецкого города, затем пошла бы долиной Гальвана по древней «царской дороге» Александра Македонского; но предстоящие работы по проведению дороги через краевые горные цепи и подъему по скатам плоскогорья потребовали бы огромных расходов, и, вероятно, еще долго придется отступать перед осуществлением этого громадного предприятия. Пока самое нужное и безотлагательное дело—это заменить хорошими колесными дорогами плохия тропинки, поднимающиеся с равнины и с берегов моря к внутренним плоскогорьям. Четыре дороги особенно необходимы: дорога из Багдада в Гамадан, по направлению «царского пути», затем дорога из Шустера в Испагань, продолжающая линию судоходства по Каруну[3], и наконец, два подъемных пути из Бушира и Бандар-Аббаса в Шираз и Кирман. Но персиане говорят, что «европейцы не имели бы дорог, если бы у них были такия лошади, как наши»[4], и нисколько не заботятся об улучшении своих путей сообщения. В настоящее время единственная колесная дорога, не считая тех, которые представляет ровная поверхность глинистых или солончаковых пустынь,—это дорога из Тегерана в Касвин, по которой ездят на русских телегах. Вокруг больших городов, как Испагань, не увидишь ни одной телеги, тогда как близ Хонсара они в общем употреблении[5].

1 Stack, „Six Months in Persia“;—Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“. 1883.

2 Gasteiger, „Von Kirman nach Baludchistan“.

3 Dieulafoy, „La Perse ouverte“, „Philosophic positive“, mai-juin 1883.

4 Polak, „Persien, das Land und seine Bewohner“.

5 В 1893 г. колесных дорог было гораздо больше: путь из Тегерана в Касвин продолжен до Решта; кроме того Мешхед соединен колесной дорогой с Асхабадом; из Тегерана проложена еще дорога в Султан-абад через Кум. Кроме этих больших дорог есть еще несколько колесных дорог в окрестностях Тегерана, Решта и Тавриза. Протяжение железных дорог самое небольшое: всего еще только 17 верст.

Вся торговля Ирана производится посредством караванов, которые составляются в городах плоскогорья, чтобы отправиться либо до другого значительного города Персии, либо в заграничный город, как Эрзерум или Багдад. В западных областях, где дороги проложены по бокам крутых гор, товары перевозятся на спинах мулов: верблюдов употребляют только для дорог относительно ровных, плоскогорья и западных провинций. Часто караван состоит из нескольких сотен вьючных животных, которые двигаются нескончаемой вереницей, одно за другим, под предводительством испытанной лошади, гордящейся своим шумным колокольчиком, звон которого разносится на далекое пространство в безмолвии ночи. Редко случается, чтобы путешествие совершалось днем под знойными лучами солнца; обыкновенно переходы от этапа до этапа, среднее расстояние между которыми от 30 до 36 километров, делаются по ночам, при ярком свете звезд; днем отдыхают подле колодцев или луж, а в местностях, где есть проточные воды и зелень—на тенистых берегах ручьев. На шестнадцати главных дорогах, называемых «шахскими», учреждены, на известном расстоянии одна от другой, станции для почтовой службы, и путешественники и их животные находят кров в обширных каравансараях. Почти все эти здания, из которых иные отличаются обширными размерами и даже архитектурной пропорциональностью частей, восходят, по времени постройки, к царствованию шаха Аббаса; но с той эпохи их никогда не ремонтировали, и подходы к ним завалены мусором и обломками. Большинство мостов, воздвигнутых по повелению того же государя, сделались дотого опасными, что по ним уже не отваживаются проходить; точно также тщательно избегают пришедших в разрушение мостовых, рассеянных среди топей и трясин. Правда, что время мало ценится в Персии, и если дорога трудная, то ничего не стоит идти медленно: часто видишь стариков, предпринимающих, без спутника, отдаленные путешествия в несколько сот миль с такой беззаботностью, как будто они идут в гости в соседнюю деревню[1]. На самой оживленной, наиболее посещаемой дороге, ведущей из Тегерана в Решт, употребляют семь дней, чтобы пройти весь путь длиной около 300 километров. Нужно целый месяц, чтобы достигнуть Бушира, сорок дней, чтобы добраться до Бандар-Аббаса, два месяца—чтобы дойти до белуджистанской границы, лежащей за городом Бампур.

Совокупность внешней торговли Персии исчисляется приблизительно в 60 миллионов рублей; определенная таможенная пошлина в размере 5 процентов взимается со всех товаров при ввозе и вывозе (ценность заграничной торговли в 1893 г. простиралась до 62 миллионов рублей, из которых 29 миллионов приходились на вывоз, а 33 миллиона на ввоз; таможенных пошлин собрано 1.200.000 рублей). Но к этому налогу, единственному, который приходится платить иностранцам, прибавляется для туземцев акциз и сборы на заставах или внутренних таможнях: таким образом этой странной фискальной системой европейским негоциантам оказывается «покровительство» против их персидских конкуррентов[2]. Внутри государства торговые сношения увеличиваются из году в год, как о том свидетельствует постоянное возрастание числа телеграм, посылаемых туземцами. Кроме англо-индийского телеграфа, захватывающего персидскую территорию на протяжении от Тавриза до Бушира, иранское правительство соединило сетью проволок все большие города империи. В 1893 году общая длина телеграфных линий равнялась 6.000 верстам. Большинство начальствующих лиц в телеграфных бюро—члены царской фамилии[3].

Понятно, что общественная нравственность мало развита в стране, где развод практикуется так часто, где временные брачные союзы, заключаемые на двадцатипяти-дневный срок или даже на менее продолжительный период времени, совершаются формально и освящаются муллами; мало встретишь женщин, которые бы достигли двадцати-четырех-летнего возраста, не имев уже двух или трех мужей[4]; всего реже развод постигает тех супруг, которые

1 A. de Gobineau, „Tour du Monde“, 1860;—Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
2 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1883.
3 O'Donavan, „The Merv Oasis“.
4 De Gobineau, „Trois ans en Asie“.

уже до брака были родственницами супруга: такия командуют всем семейством и часто пользуются значительным влиянием, даже вне *эндеруна*. Рабство еще существует, и арабы из Маската все еще привозят в Иран негров и сомальцев, которых они продают открыто, как товар, тому, кто предложит большую цену; балучские и туркменские пленники—единственные белой расы, которые обращаются в рабство[1]. Впрочем, с невольниками вообще обращаются, как с членами семьи, и самое обыкновенное имя, которое им дают—*бача* или «дети». Они могут делаться собственниками, хотя по закону, все, что они приобретают, считается принадлежащим их господину[2].

Элементарное образование более распространено в Персии, чем в некоторых провинциях Европы. Почти при каждой мечети есть школа или медресе; все дети в городах и в большинстве деревень учатся декламировать стихи корана, строфы знаменитых персидских поэтов. Их поэтический вкус настолько развит, что каждый персианин, на базарах, в лавках, в становищах караванов, находит удовольствие в декламировании идиллий Гафиза или стихотворений Фирдуси. Тысячи из них и сами большие мастера слагать стихи, писать сочинения по какому-нибудь научному вопросу, богословскому догмату или проблеме из алхимии. С половины настоящего столетия стали переводить на персидский язык, под руководством г. де-Гобино, произведения европейских литератур, как, например, «Discours sur la Methode». Титул *мирза*, помещаемый, правда, в начале или в конце имени, смотря по смыслу, который ему придают, означает равно «принца, князя» или «грамотея, книжника». «Чернила ученых более драгоценны, чем кровь мучеников», повторяют персиане вместе с пророком. Однако, книгопечатание, введенное в Тавризе с начала текущего столетия, еще мало утилизируется: рукописи воспроизводятся преимущественно посредством литографии; как красивый почерк считается одним из драгоценнейших приобретений образования, то естественно оказывают предпочтение тому способу воспроизведения, при котором наиболее сохраняется изящная форма рукописных букв. У персиан существует также несколько периодических изданий в Тавризе, Тегеране, Испагани; но эти листки, редактируемые под наблюдением губернаторов, далеко не представляют собой, как в европейских странах, одной «из властей государства».

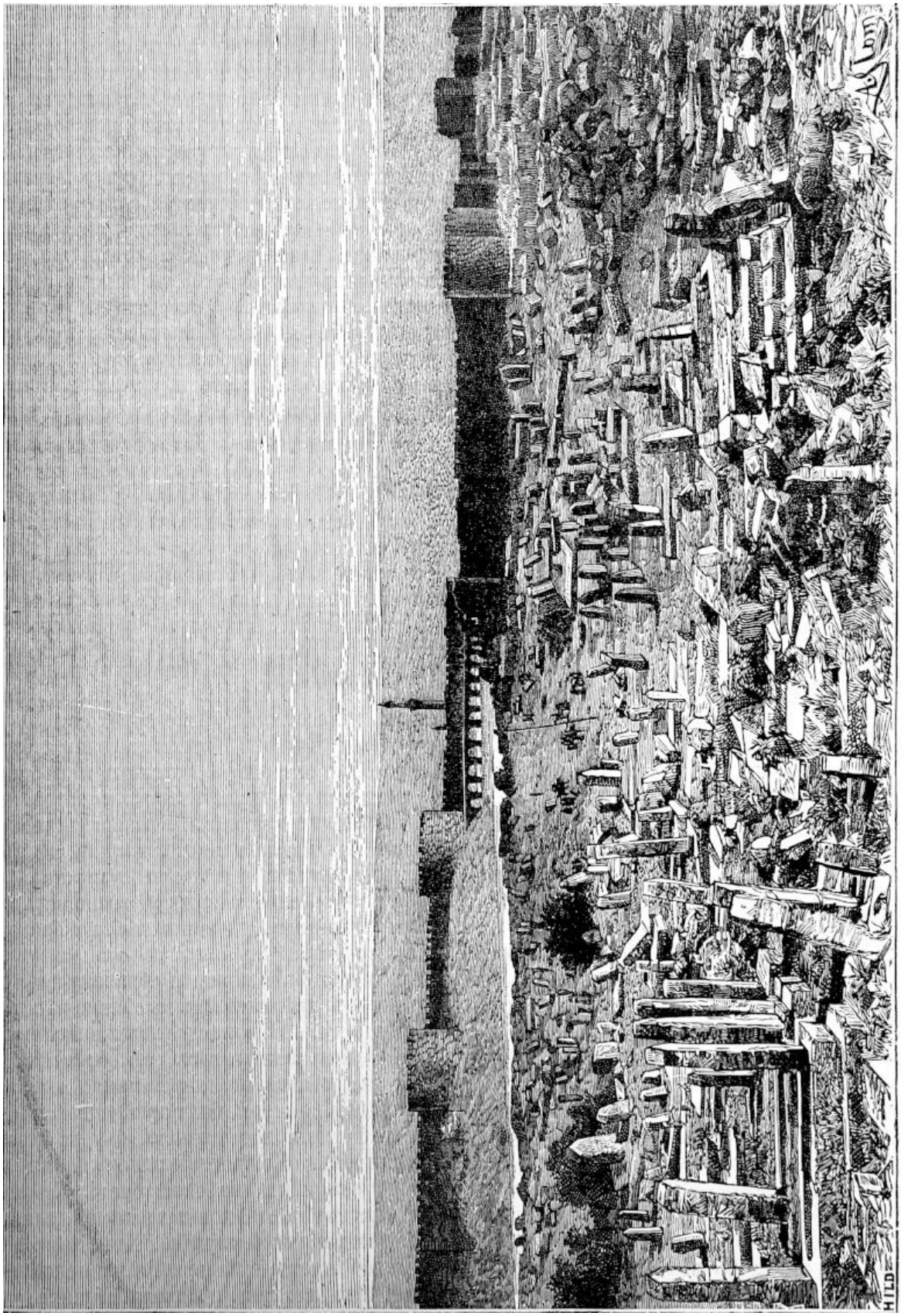
Персия—царство, пришедшее в упадок, как по территориальному протяжению и численности народонаселения, так и по относительной важности своей торговли и деятельности своей промышленности. Но государь этой страны не испытал оффициального умаления своей власти, и речь, которую он держит подвластным ему народам, не менее высокомерна, чем речь Артаксеркса или Дария, когда они торжествовали и увековечивали свою славу посредством вырезанных на скале надписей, на языках своих бесчисленных подданных. Что значат европейские «величества», «короли Божиею милостию» в сравнении с этим «царем царей, превознесенным как планета Сатурн, Полюсом вселенной, Кладезем мудрости, Подножием неба, блистательным самодержцем, которому солнце служит штандартом и великолепие котораго подобно великолепию небес, монархом, армии которого многочисленны, как звезды на небесном своде?» Между властелинами народов есть ли хоть один, более законный чем это, «Исхождение самого Бога»? Каждый в Персии повторяет стихи Сади: «Всякий порок, одобряемый царем, становится добродетелью». «Искать мнения, противного царскому, значит омыть руки в собственной крови!» Но всемогуществу шаха грозит серьезная опасность. В глазах всех, шах есть не более, как государь de facto, но не законный монарх, ибо он не Алид, а по неоспоримой доктрине, потомки Али, которые в то же время по женской линии и потомки Ездиджерда, одни имеют право на трон Ирана[3]. Несмотря на грандиозные титулы, которыми обладает хан бедного тюркского племени каджарцев, сделавшийся шахом персидским, власть его теперь очень ограничена. Последнее его столкновение с европейской

1 Polak, цитированное сочинение.

2 Gasteiger, „Von Kirman nach Baluchistan“.

3 De Gobineau, „Religious et Philosophies dans l’Asie Centrale“.

державой имело место в 1857 г., когда англичане высадили маленькую армию в Бушире и бомбардировали город Могаммерах. С той поры ему не остается ничего более, в своей внешней политике, как сообразоваться с указаниями, которые ему дают иностранные министры,



Діарбекиръ на Тигрѣ.

резидирующие при его дворе. В особенности он должен принимать советы русского посланника, ибо ему нельзя забывать, что сохранение его власти зависит единственно от воли могущественного соседа. В 1829 году, когда знаменитый писатель Грибоедов, чрезвычайный по-

сланник и полномочный министр при тегеранском дворе, был убит разъяренной чернью, и император Николай оставил это дело без отмщения, правительство Персии поняло, какое было единственное средство получить его прощение; с той эпохи оно сделалось вассалом Петербурга. Персидское государство превращается постепенно, но верно в русскую провинцию: новые господа не несут на себе ни издержек, ни ответственности завоевания, но выгоды господства, тем не менее, принадлежат им.

Даже в делах внутреннего управления власть шаха ограничена предписаниями корана, обычаем, влиянием *муштегида* и других духовных особ, которых общее уважение облекает авторитетом; они должны также принимать во внимание советы и указания иностранных посольств, опасаться даже силы некоторого общественного мнения; еще больше боятся они неблагоприятных суждений европейской печати. Но в Персии нет никакого представительного собрания или учреждения, заседающего у ступеней трона: власть шаха ограничена только духовным законом, основанным на Коране. Министры, которых выбирает шах, и которых он определяет, по своему усмотрению, число и ранг, суть не более, как царские слуги, которых он осыпает почестями или велит удавить, смотря по капризу. Главные визири—министры иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, военный, богоугодных заведений. К числу наименее влиятельных визирей принадлежит министр народного просвещения. Один серьезный автор рассказывает, что какой-то из этих министров был обязан своим назначением на высший государственный пост счастливой идее—посылке депеши, возвещавшей о том, что дыни благополучно созрели.

Административный режим—тот самый, который господствовал в древних сатрапиях. Провинции подчинены *хакимам* или губернаторам, этим «столпам и опорам государства», которые, будучи избираемы по большей части из членов царской фамилии и имея постоянное местопребывание в Тегеране, заменяются в провинциях второстепенными визирями. Власть их, исходящая из царской власти и безапелляционная, заключает в себе право жизни, пытки и смерти. «Царь улыбается только для того, чтобы показать свои львиные зубы», говорит персидская пословица, передаваемая Шарденом. Бывали примеры, и даже в недавнее время, что владыка, покрываясь красным плащем, «мантией гнева», повелевал замуровывать человека живым в постройки какого-нибудь дворца, засекать до смерти ударами кнута или сжигать на медленном огне. Тюремное заключение, дорого стоющее казне, есть одно из наказаний, наименее применяемых; редко случается, чтобы заточение осужденного продолжалось целые месяцы: день нового года раскрывает настежь двери всех тюрем[1]. Уездные начальники—это сущие царьки в своем округе, так же, как келантеры или начальники полиции, поставленные во главе управления городов. Как и в других мусульманских странах, юриспруденция и отправление правосудия смешивается с религией; шейх-уль-исламы заседают, в качестве судей, в главных городах провинций и назначают второстепенные трибуналы, судей низшей инстанции, на обязанности которых лежит разбирательство исковых и тяжебных дел и суждений проступков, и которые в своих приговорах руководствуются, как им заблагоразсудится, либо решениями корана, либо прежде бывшими примерами, прецедентами, даваемыми обычаем. Однако, мы находим в каждом городе и во многих деревнях начатки народного суда и вместе с тем народного представительства: все купцы соединяются для избрания из своей среды старшины, на обязанность которого возлагается примирять приходящие в столкновение интересы и защищать общину перед судьями и губернаторами; но, кроме того, этот выборный старшина несет ответственность за всякий беспорядок, могущий произойти в районе его ведомства. В случае причиненного кому-либо убытка, он обязан вознаградить потерпевшего; оттого полиция, благодаря деятельному наблюдению выборного представителя, заинтересованного в охранении порядка, гораздо лучше устроена в Персии, чем в Азиатской Турции[2]; жители деревень не носят оружия, и несо-

1 F. de Filippi, „Note di un Viaggio in Persia“;—Wells, „The Land of Lion and Sun“;—Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“;—De Gobineau, „Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale“.

2 H. Petermann, „Reisen im Orient“;—De Gobineau, „Trois ans en Asie“.

гласия редко переходят у них в ссоры и драки. Кочевые населения имеют свое особое устройство, но, как и провинции, они составляют группы строго монархические. Глава племени или ильхани зависит непосредственно от шаха или от хакима, и, принимая тоже титул «столпа государства», есть единственный полновластный господин и повелитель народца, повиновение которого он гарантирует.

Армия состоит главным образом из турок и туркмен, набираемых в северо-западных провинциях, где воинственные инстинкты гораздо более развиты, чем в областях, обитаемых собственно персиянами; кашкайские начальники племени, бахтиарские ильханы, шейхи Арабистана поставляют банды грозных наездников. Каждое большое племя илята должно снарядить на свой счет *фудж*, то-есть отряд из 800 конных людей, для исполнения пограничной службы. Христиане и гвебры освобождены от несения воинской повинности, так же, как и жители Кашана, искони пользующиеся репутацией трусов[1]; солдат или *сербаз*, то-есть «человек, не дорожащий своей головой», берется не иначе, как из воинственных рас. В целом, это войско, отличное по происхождению от народа, который оно должно держать в повиновении, слишком склонно третировать жителей в качестве побежденных, и нередко само выплачивало себе недоплаты жалованья, предавая разграблению целый округ. До 1875 года солдаты принадлежали шаху, в продолжение всей жизни и возвращались к домашнему очагу лишь в качестве временно-отпускных; в настоящее время, если бы мы поверили оффициальным документам, срок военной службы сокращен до двенадцати лет, и набор рекрут производится посредством вынутия жеребья, с правом представления заместителя; но эти реформы существуют пока лишь на бумаге. В действительности, старая система остается в полной силе: в солдаты берут того, кто не в состоянии откупиться от этой повинности[2]. Регулярная армия, или *низам*, экипирована и дисциплинирована на европейский манер, под руководством иностранных инструкторов. С начала нынешнего столетия офицеры французские, английские, австрийские работали над организацией войск, постройкой крепостей и снабжением арсеналов боевыми припасами; в наши дни военным обучением занимаются преимущественно русские и австро-венгерцы; за исключением нескольких эскадронов кавалерии, одетых по-казацки, персидские солдаты облечены в австрийский мундир. По оффициальным штатам, армия заключает в себе 77 батальонов пехоты, по 800 человек, 79 полков кавалерии, 20 полков артиллерии, 1 батальон саперов. Совокупность армии превышает, следовательно, 100.000 человек, при 200 артиллерийских орудиях, но в среднем она не достигает и половины этого личного состава: около десяти тысяч человек составляют специальный корпус, отправляющий службу жандармерии и полиции. Правительство экономно и даже для содержания армии не выходит из пределов своего бюджета, определяемого в год в 14.000.000 руб. Что касается военного флота, то он ограничивается несколькими таможенными барками и шахской яхтой, стоящей на якоре в Энзелийском рейде и командуемой адмиралом; в силу трактатов, Каспий—исключительно русское море.

Персия—одно из редких государств, которые не имеют государственного долга и не обогащают европейских капиталистов займами, заключаемыми за ростовщические проценты. Корона владеет даже собственной казной, где скопляются благородные металлы, самоцветные камни, драгоценности, представляющие, говорят, ценность в сотню миллионов. Быть может, и теперь еще не решаются, как это было во времена Шардена, сделать общее исчисление ценности сокровищ, из опасения накликать тем беду на шахскую казну. Два главных источника государственных доходов—поземельный налог, установленный в размере одной пятой получаемых произведений, не включая сюда добавочных, произвольных налогов, и таможенный сбор, снимаемый у правительства на откуп за 5 или 6 миллионов в год; Бендар-Аббас, некоторые другие порты и острова у южных берегов сдаются в аренду Маскатскому имаму. Кроме того, правительство декретирует, когда ему вздумается, дополнительные налоги, либо во всей империи, либо в каком-либо отдельном округе, что позволяет губернаторам

1 De Bode, „Travels in Luristan“;—Polak;—Jane Dieulafoy, цитированные сочинения.

2 Jane Dieulafoy, „Tour du Monde“, 1892;—M. Dieulafoy, рукописные заметки.

предаваться самым вопиющим вымогательствам и влечет за собой разорение населений на долгие годы. Приезд хакима в город, так же, как и отъезд его, обязывает городское общество представить ему уплату за путевые расходы, состоящую из червонцев, подносимых на золотом или серебряном блюде, из драгоценных кашемиров, из лошадей и мулов; в прежнее время совершали заклание баранов и даже быков при приближении губернатора. Каждый чиновник прибавляет к своему оффициальному окладу жалованья продукт добровольных приношений или принудительных поборов, которые ложатся тяжелым бременем на его подчиненных: этот дополнительный доход известен под именем *мокатель*. Нынешний шах Музаффер-Эддин, вступивший на престол в 1896 г., проявил намерение упорядочить администрацию, искоренив подкупы и продажность должностей.

Денежные знаки Персии, золотые, серебряные и медные монеты, выделываемые из привозимых из России слитков металла, чеканятся почти во всех больших городах, даже в Сикогахе, в Сеистане; символы царского могущества, золотые и серебряные монеты, носят на себе имя шаха, а на некоторых имеется даже его изображение, несмотря на запрещение корана. Прежде *томаны* чеканились из чистого золота; теперь же они содержат значительную пропорцию лигатуры и по большей части обрезаны: купцы принимают их не иначе, как на вес. Оффициально, монетная система, с 1879 года, та же, как и во Франции. Томан состоит из десяти *кранов* или франков, которые, в свою очередь, подразделяются на десять двойных *шаев* (*шагис*) или децимов; другие деления те же самые, как и во французской монетной системе.

Нижеследующая таблица дает список провинций и губерний с их главными городами и приблизительной цифрой населения. Границы губерний, их округов или уездов и *булуков* или кантонов часто меняются, смотря по степени милости, какою пользуются *шах-задехи* или царские сыновья и другие высокопоставленные особы, которым вверено управление краем, ибо их доходы возрастают или уменьшаются пропорционально пространству провинции.

Провинции	Губернии	Главные города	Другие важные города	Народонаселение
Азербейджан	Азербейджан	Тавриз	Урмия, Хой, Марага	1.400.000
Ирак-Аджеми	Хамсе	Зенджан	Дамган, Семнан, Шахруд, Бостам, Савех, Гульнайган, Хонсар, Неджефабад, Купа, Найн, Тафт, Ардаган, Майбут	1.320.000
	Касвин	Касвин		
	Тегеран	Тегеран		
	Гамадан	Гамадан.		
	Кум	Кум		
	Кашан	Кашан		
	Испагань	Испагань		
Курдистан	Ардилан	Сенна		260.000
Луристан	Керманшах	Керманшах	Хорремабад	300.000
	Буруджирд	Буруджирд		
Фарсистан	Шираз	Шираз	Бушир, Казерун, Фирузабад	1.200.000
Арабистан или Хузистан	Шустер	Шустер	Дизфуль, Бебехан	600.000
Кирман	Кирман	Кирман	Бахрамабад	600.000
Малаир Турсикан	Бампур	Бампур		100.060
Гилян	Гилян	Решт	Ленгеруд, Энзели	400.000
Мазандеран	Мазандеран	Сари	Барфруш, Амоль	250.000
Астрабад	Астрабад	Астрабад		150.000
Хорассан	Хорассан	Мешед	Нишапур, Кучан, Ширван	1.000.000

Глава V Азиатская Турция

I.

Точно так же, как Европейская Турция, та часть Передней Азии, которою управляет константинопольский султан, есть расчлененная политическая область, остаток некогда существовавшей империи, и многие территории принадлежат ему только наполовину, как бы с соизволения великих европейских держав. На северо-востоке Россия выправила границу к своей выгоде, овладев стратегическими пунктами на раздельном хребте; наперед указываются те дороги, которыми её армии спускаются к Евфрату, и те армянские и курдские округи, которые она присоединит к другим, уже завоеванным. Англия, не будучи в состоянии помешать этим политическим переменам, так как она неблагоразумно впуталась в это дело, взяв на себя протекторат над турецкими владениями в Азии, хотела получить свою долю добычи и присвоила себе остров Кипр, откуда она может, по крайней мере, наблюдать за событиями. Даже греки морского прибрежья, и те, учреждением маленького княжества Самос, под оффициальной верховной властью Порты, начали дело восстановления своей независимости от господства оттоманов.

И в то время, как на границах и морских берегах Турецкой империи в Азии грозит опасность, в отношении её территориальной целости, либо со стороны иностранных держав, либо со стороны собственных подданных, возвращающих себе свои права, она теряет и внутреннее сцепление, вследствие столкновений племен и классов: разрушается фасад, и здание дает трещины во внутренности. Греки и турки, лазы, кудры, армяне, мароните, друзы, ансариехи волнуются, как будто связь, соединяющая их в один политический союз, должна скоро порваться. Многия территории, показанные на картах принадлежащими падишаху, населены племенами, в действительности независимыми. Кроме того, различные провинции империи отделены одна от другой областями пустынными или опустошенными, и в южной части Азиатской Турции нужно идти многие дни через пустыни, чтобы из возделанных долин Ливана добраться до берегов Евфрата. Со времен римской эпохи необработанные пространства увеличились в протяжении; вокруг Пальмиры и других древних городов теперь увидишь только палатки кочевников; змеи ползают между распавшимися камнями античных храмов. За отсутствием всякой сколько-нибудь точной статистики, нельзя утверждать этого с достоверностью, но большинство путешественников согласно говорят, что в наши дни пробелы еще возрастают между группами населения; сельские местности отчасти обезлюдели с половины настоящего столетия,—во многих округах от голодовок, в других местах от выселения и во всей мусульманской территории—от частых наборов солдат, которым по большей части не суждено когда-нибудь вновь увидеть родную почву.

Пространство и народонаселение Азиатской Турции, с островами Самосом и Кипром, в приблизительных числах, по Бему и Вагнеру:

Пространство—1.900.000 кв. килом.; вероятное население—16.873.000 жит.; километрическое население—9,9 жителей.

Принимая во внимание сейчас указанную расчлененность турецких владений в Азии, очевидно, следует рассматривать отдельно, как особенные области или края, каковы бы ни были оффициальные административные деления, страны Азиатской Турции, которые представляют некоторое единство по своим географическим контурам, по своей истории или происхождению населения. Замкнутый бассейн озера Ван и горные массивы Курдистана и Армении, между Закавказьем и верхним Евфратом, составляют одну из естественных областей. Равнина Месопотамии, где основались могущественные царства, и где находились знаменитые в древности города—также самостоятельная территория, имевшая свою собственную историческую эволюцию и образующая хорошо ограниченное географическое целое. То же самое можно сказать о полуострове Малой Азии, прибрежье которого, окаймленное островами и островками, развертывает, в виде исполинской кривой, свой пояс возделанных

земель и деревень вокруг плоских возвышенностей, слабо населенных и занятых частию солончаковыми степями. Равным образом остров Кипр, входящий теперь в состав громадной, всепоглощающей Великобританской империи, должен быть изучаем отдельно, тем более, что уже в глубокой древности он играл выдающуюся историческую роль, как посредник Финикии и Греции. Наконец, Сирия и Палестина, длинная гористая страна, ограниченная с одной стороны водами Средиземного моря, с другой песками пустыни, тоже представляет совершенно обособленную географическую область; в истории человечества жители её оказали капитальное влияние своими открытиями, торговыми сношениями и передачей идей. Что касается турецких владений на прибрежьях Аравии, то их, понятно, следует изучать в совокупности со всем полуостровом, часть которого они составляют.

II. Лазистан, Армения и Курдистан

Прибрежье Понта, бассейны озера Ван и верхнего Евфрата

Если нынешние политические пределы Азиатской Турции не совпадают с естественными границами, то по крайней мере краеугольный межевой столб, разделяющий владения русского царя, шаха персидского и султана османлисов, выбран как нельзя более удачно: это — массив Арарата. Разграничение трех империй находится на хребте или проходе, открывающемся между главным и нижним конусами этого массива. Начиная от этого пункта, политическая граница Турции следует до расстояния 150 километров к западу от линии водораздела, между бассейнами Аракса и Евфрата. Все понимают, что граница эта временная. Между исследователями, которые прошли страну во всех направлениях, русские занимают, по числу, далеко не последнее место; но их карты и планы предназначены по большей части для стратегических этюдов генерального штаба, и если судить по воспоминаниям предшествовавших войн, то можно предвидеть, что столкновения кончатся новыми территориальными присоединениями. Эльборус может повторить Тандуреку, Бингель-дагу, Аргейской горе то, что он говорил некогда Казбеку в стихотворении Лермонтова «Спор»: «Берегись!

Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»
Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит полный дум:
Видит страшное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамена,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымяся, как пред боем,
Фитили горят...

К западу от горы Арарат, цепь, усаженная вулканическими конусами, небольшого относительно возвышения над гребнем, ограничивает своей крутой стеной зеленеющие равнины Эчмиадзинского бассейна. Некоторые вершины, Чингил, Перли-даг и другие, переходят за

высоту 3.000 метров, поднимаясь почти на 1.500 метров над уровнем равнины; но, продолжаясь извилистой линией в западном направлении, затем в юго-западном, цепь постепенно понижается, в то же время, как поднимается, у её северного основания, долина Аракса. Около области истоков она опять повышается и образует, вместе с другими сходящимися цепями, массив Бингель-даг или «Гору с тысячью озер» (3.752 метра), зимние и весенние снега которой питают воды, струящиеся со всех сторон: на востоке Аракс, на севере и на юге две главные ветви Евфрата, Кара-су и Мурад, принимают в себя все эти потоки. За узлом Бингель-дага, гористая область, главный гребень которой идет параллельно прибрежью Черного моря, продолжается к западу на протяжении 250 километров, и, постепенно понижаясь от вершины к вершине, дает наконец проход реке «Черной воды» или Кара-су, которая круто поворачивает к юго-востоку, чтобы соединиться с другой ветвью Евфрата.

Высокий хребет, который тянется в северном направлении, связывает массив Бингель-дага с Эрзерумскими горами и образует на востоке от цирка, где собираются первые воды реки Кара-су, раздельную возвышенность, извилистую и перерезанную многочисленными брешами. Там проходит большая военная дорога из Эрзерума в Карс. Гора Паландекен, возвышающаяся непосредственно на юг от Эрзерума, есть самая высокая вершина (3.145 метров) обширного круга гор, опоясывающая бассейн; но далее на запад боковая отрасль массива Ерли-даг, которую огибает первая большая излучина реки Кара-су, содержит несколько вершин, достигающих еще более значительной высоты. На севере Эрзерумского бассейна другой, очень высокий массив, Гяур-даг или «Гора неверных», образует узел, подобный Бингель-дагу, как центр расхождения вод. Горный поток Тортум-су, соединяющийся впоследствии с Чоруком, притоком Черного моря, спускается с его северных склонов; затем, усиленный многими другими ручьями, падает в виде великолепного каскада, «одно из красивейших в Старом Свете», и низвергается в глубокия ущелья, извивающиеся между крутых стен из лавы, которые поднимаются до высоты 300 метров[1]. На юго-востоке, бегущие с гор потоки принадлежат к Каспийской покатости через посредство рек Аракса и Куры. Наконец, на юге, на скатах Думли-дага, отрога «Горы неверных», бьет из земли, на высоте 2.570 метров, ключ, дающий начало Евфрату, притоку Персидского залива. Почти все истоки больших рек образуются в галлереях известковых гор, родник же Евфрата берет начало в порфирах и трахитах[2]. Холодная, почти ледяная вода (3°,3 Ц.) этого родника, выходящая из водоема скалы, прославлена в армянских легендах: в том самом месте, откуда вытекает обильный ключ, был, будто-бы, погребен «истинный крест», до перенесения его в Константинополь; в тот момент, когда животворящее дерево было извлечено из почвы, появилась жила чистой воды. На окружающем лугу бьют из земли двадцать других источников, присоединяющих свои струйки к водам главного ручья. Даже турки чтут, как святыню, исток Евфрата, и говорят, что вода его смывает обыкновенные грехи, но убивает тех, кого преследует гнев Аллаха[3]. По соединении с другими потоками, из которых один, по объему жидкой массы, не уступает Евфрату, святая вода спускается в Эрзерумский бассейн, где расстилаются весной, во время таяния снегов, обширные болота Сазлик. Равнина, покрытая тростником, населена дикими гусями, утками и другой водяной птицей; по выходе из этих болот, темная вода Евфрата, текущая медленно в тенистом ложе, вполне заслуживает данное ей турками имя Кара-су. Весьма вероятно, что болота Сазлик—остаток озера, наполнявшего некогда весь Эрзерумский бассейн; однако, г. Радде не мог, несмотря на продолжительные изыскания, найти там ни одного вида озерных раковин[4]: растительные остатки, образовавшие в равнине толстый пласт чернозема, и слои вулканического пепла, выброшенного огнедышащими горами, сплошь покрыли бывшее ложе вод.

Горы, окружающие равнину, где простиралось некогда Эрзерумское озеро,—по большей

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
2 Moritz Wagner, „Reise nach dem Ararat und dem Hochlande Armenien“.
3 Strecker, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde“, vol. IV.
4 „Известия Кавказского Отдела Географического Общества“, том V, 1878 г

части вулканического происхождения, и там и сям видны еще стоящие на гребнях шлаковые конусы, отличающиеся замечательной правильностью, но потоки лавы редки; в этом отношении эти вулканы не могут сравниться с вулканами восточной Армении, с Араратом, с Тандуреком, с Сейбаном, но в особенности с Алагезом, которого плащ из лав имеет слишком 150 метров в окружности. У самых ворот Эрзерума, близ гор, опоясывающих южную часть бассейна, возвышается вулкан, кратер которого был прежде наполнен водой; давление жидкой массы прорвало северную стену горы и вырвало овраг, открывающийся на север, к болотам реки Кара-су. Самая высокая из этих потухших огнедышащих гор и вместе с тем самая замечательная своей красивой конической формой, напоминающей форму Везувия,—вулкан Сихчик, который высится на северо-запад от Эрзерума, в цепи Гяур-даг, поднимаясь слишком на 1.100 метров над уровнем окружающей равнины, тогда как общая (абсолютная) высота его достигает 3.184 метров: почти весь он состоит из рыхлого пепла, восхождение по которому очень затруднительно. Посередине кратера, гораздо более обширного, чем кратер нынешнего Везувия, возвышается шлаковый конус, бурая и черная масса, окруженная кольцеобразным лугом, который весна убирает цветами. Хорошо защищенная от северных ветров, замедляющих и уменьшающих развитие растительности на окрестных вершинах, небольшая кольцеобразная долина, заключающаяся между внешними стенами вулкана Сихчик и его центральным конусом, обладает флорой, самой богатой видами и самой яркой цветами во всей этой области[1].

С северной стороны долину реки Кара-су сопровождают горы, расположенные в форме цепи, общее направление которых параллельно берегу Черного моря, и которые теряются на западе в плоской возвышенности Сивас. Несколько массивов, имеющих каждый свое особое название, возвышаются на протяжении этой цепи, носившей в древности название Париадрес; но общее наименование, обыкновенно даваемое ей,—Коп-даг, по имени горы (3.300 метров), которую огибает на востоке и на севере колесная дорога из Эрзерума в Требизонд. Перевал, через который проходит эта дорога, самая замечательная в Турции, как произведение инженерного искусства, лежит на высоте 2.700 метров, то-есть почти на высоте горы Стельвио, в центральных Альпах. На севере открывается долина Чорука, образующая, вместе с долиной Харшута или реки Гумиш-хане, полукруглую впадину, отличающуюся удивительной правильностью. От порта Батум, близ которого Чорук впадает в Черное море, до Тиреболи, лежащего при устье Харшута, можно идти как-бы гигантской аллеей, между двух рядов пиков: на всем этом пространстве нужно перейти только один перевал в 1.900 метров высоты у деревни Вавуг, между истоками двух рек. Обширный полумесяц, описываемый этими потоками, занят грядой высоких гор, называемых Понтийскими Альпами, одна вершина которых, Хачкар, на юго-востоке от Ризе. поднимается, говорят, выше 3.600 метров; один соседний хребет имеет, по Коху, 3.268 метров высоты. В этой области Лазистана тропинки бывают завалены снегом в продолжение шести слишком месяцев: «даже птицы, говорят туземцы, не могут летать зимой через гору»[2]. На запад от реки Харшута, горы, простирающиеся вдоль морского берега, по направлению к Кизыл-Ирмаку, менее высоки, чем Понтийские Альпы; однако, они все еще довольно высоки, чтобы затруднять сообщения от одной горы до другой, и через известные промежутки выдвигают к морю высокие мысы между небольшими долинами морского прибрежья. Один из этих естественных рубежей называется Язун-бурун, что значит «мыс Язона». Скала до сих пор еще носит имя легендарного мореплавателя, направившего свой корабль к таинственной Колхиде. В верхних долинах Понтийских Альп видны многочисленные следы древних ледников, морены, отшлифованные и изборожденные стены скал. Лавы, порфиры и другие эруптивные породы, из которых состоят эти горы, как и горы, продолжающиеся на западе от Харшута к реке Гермили или древнему Ликусу, были исчерчены резцом глетчеров. Везде в этой области вулканическая деятельность, повидимому, имела место в эпоху, предшествовавшую ледяному периоду; в

1 Moritz Wagner, цитированное сочинение.

2 Moritz Wagner, цитированное сочинение.

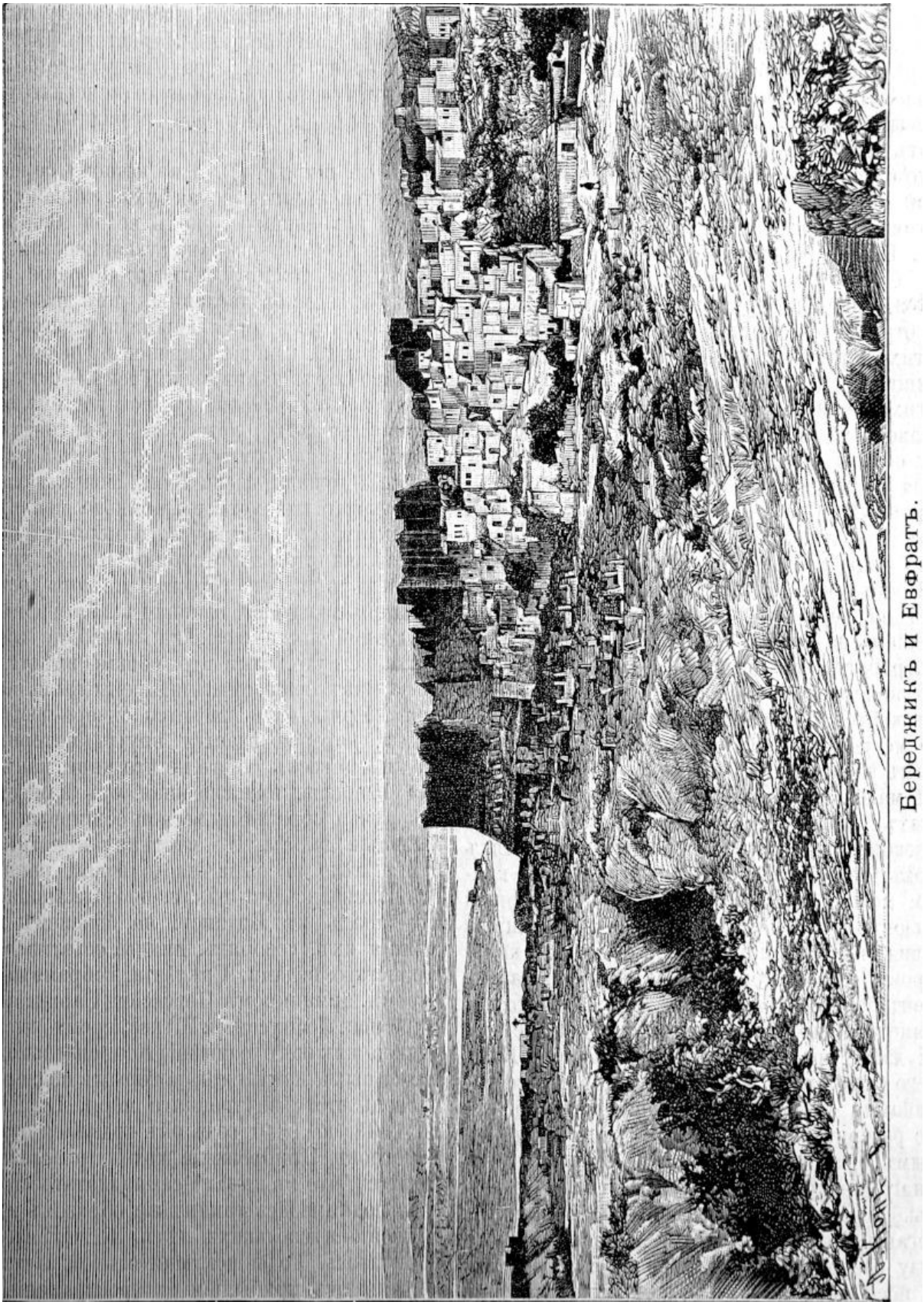
настоящее время единственными признаками существования подземных очагов служат частые землетрясения и присутствие горячих ключей, бьющих из земли у основания гор и на высотах[1]. По Штреккеру, вершина Колат-дага (2.900 метров), стоящая на гребне большой цепи, в 50 слишком километрах к югу от Требизонда, есть гора Фехес, откуда «Десять тысяч греческих воинов», предводимых Ксенофонтом, после долгого странствования, увидели наконец море и приветствовали его радостными криками, как конец своих бед. Но эта вершина не легко доступна для армии со всем её багажом и обозами продовольствия, а на северном склоне спуск с Колат-дага положительно невозможен. Место, столь часто упоминаемое древними писателями, откуда греки увидели у своих ног зеленеющие берега и беспредельное пространство блистающих вод, нужно искать ближе к морю, и при том на пороге, через который проходит дорога или тропинка. Однако, на юг от Колат-дага и даже от перевала Вавуг, очень близко от пути, которым должны были следовать греки, существует гора, поднимающаяся на 2.400 метров, с которой ясно видно море. На самой высокой вершине её стоит курган из порфировых глыб, около десяти метров высотой, окруженный другими грудами камней в форме усеченных конусов. Г. Брио, открывший этот памятник, полагает, что это не что иное, как памятный холм, воздвигнутый греками, и что, следовательно, вершина, которую он венчает, есть именно гора Фехес[2].

Громадный лабиринт Альп Армении или Анти-Кавказа, занимающий все пространство, заключающееся между бассейном закавказской Куры, Черным морем и верхним Евфратом, обнимает также, на юге и юго-западе от Арарата, обширный бассейн озера Ван и окружающую его страну до персидской границы. Почва этой области везде очень возвышенная. На юг массива Перли-даг одна впадина плоскогорья заключает озеро Балик-гель, или «Рыбное», лежащее на высоте 2.237 метров над уровнем моря; вытекающий из этого озера ручей уносит излишек его вод в один из притоков Аракса. Мурад или южный Евфрат, текущий на юг от этого озерного бассейна, пробегает, на высоте 2.000 метров, по дикой узкой долине, по обеим сторонам которой высятся глыбы лавы, вылившейся некогда из кратеров и вулканических трещин. Голые, лишенные растительности, крутые склоны, разорванные остроконечные верхушки гор, господствующие над обвалами и осыпями, придают дикий, почти страшный вид этим каменистым пустыням. На севере высится могучая масса Арарата с черными скалами, на которых резко выделяются белые полосы снега; далее тянется менее высокая, но страшно крутая цепь гор. Ала-даг или «Пестрая гора» (горы этого имени очень многочисленны во всех странах тюркского языка; в форме Аллах-даг оно означает «Божьи горы»), откуда изливаются самые верхние истоки Евфрата, достигает 3.518 метров. Другая, еще более величественная вершина, поднимающаяся непосредственно на восток от Ала-дага, имеет 3.565 метров в высшей точке своего овального кратера. Из всех армянских вулканов Тандурек или Тантурлу, то-есть «Жаровня», называемый также Сундерлык-даг или «Гора печки», и обозначенная, кроме того, на первых русских картах под именами Хур и Хори, сохранил наиболее многочисленные следы прежней деятельности. Главный кратер, громадная впадина около 2.000 метров в окружности и 350 метров глубиной, не извергает теперь ни лавы, ни паров, и на дне жерла виднеются воды небольшого озера; но сотней метров ниже из расселин горы выделяются фумароллы. На восточном склоне находится пещера, откуда вылетают пары, не сернистые, температура которых около 100 градусов Цельзия; со дна кратера слышен непрерывный рев; в одну из закавказских войн, русские и турки, стоявшие в соседстве друг от друга, на двух противоположных скатах одного отрога Тандурека, приняли этот шум за отдаленную канонаду, и в обоих лагерях была сделана тревога. У северо-западного основания Тандурека,—на продолжении оси, проходящей через пещеру, главный кратер и второй кратер извержения,—бьют из земли обильные Диядинские сернистые ключи, покрывающие почву своими известковыми инкрустациями, различных форм и цветов, и образующие горячий ручей, который бежит маленькими дымящимися каскадами к холодным водам

1 Palgrave, „Essays on Eastern Questions“.

2 Briot, рукописные заметки.

Мурад-чая[1]. В 1859 году, главный источник находился ниже; от сильного подземного удара, поколебавшего почву до самого Эрзерума, он иссяк; но вскоре после того воды открыли себе новый выход. Впрочем, в области истоков должны происходить частые перемены от дей-



Бередживкъ и Евфратъ.

ствия слипания, производимого минеральными источниками, которое быстро изменяет рельеф местности. Тэйлор видел множество маленьких гейзеров, бивших фонтаном до высоты

1 Jaubert, „"Voyage en Armenie“.

2 или 3 метров над уровнем почвы, затем внезапно исчезавших: издали явление представляло словно фантастическую пляску призраков[1]. Несколько лет спустя Абих не мог открыть этих перемежающихся водометов[2]. Ниже истоков Мурад исчезает под базальтовым туннелем, который продолжается глубокой траншеей между двух вертикальных стен.

Тандурек составляет узел расходящихся в разные стороны небольших цепей. На северо-западе тянется хребет, соединяющийся далее с массивом Перли-даг, и через который пролегает дорога из Эрзерума в Тавриз. Хребет этот, казалось бы, должен служить границей между Турцией и Персией; но высокая восточная долина, в которой находится озеро Балык, и откуда вытекает ручей того же названия, причисляется к Оттоманской империи. Цепь гор, начинающаяся непосредственно на восток от Тандурека, напротив двух вершин Арарата, также составляет в своей совокупности естественную границу, и граница эта, благодаря независимым курдам, которые занимают оба её склона, уважается обеими сопредельными империями. На восточной покатости, по направлению к озеру Урмия, эта цепь выделяет из себя лишь короткие отроги, оканчивающиеся крутыми, обрывистыми мысами, тогда как на западе, по направлению к озеру Ван, отделяется несколько ветвей, которые продолжаются далеко и наконец сливаются с плоскогорьем, средняя высота которого около 2.000 метров. Сама цепь достигает высоты 3.000 метров лишь немногими из своих пиков. Хребет гор Гаккиари, который, повернув на юг, тянется вдоль южного берега озера Ван, не имеет, кажется, более высоких вершин, хотя, по словам Морица Вагнера и Рича, там существуют еще «ледники», то-есть, вероятно, поля отвердевшего снега, залегающие на дне некоторых оврагов. На севере и северо-западе другой каменный вал дополняет круг гор и возвышенностей, опоясывающих озерную впадину, и на верху стоит древний вулкан, Сейбан или Сипан, высота которого, по Феншау Тозеру, около 3.000 метров, и который бывает покрыт снегом в продолжение десяти месяцев в году. Благодаря своему уединенному положению, белому конусу, которым он оканчивается, синей поверхности вод, в которой он отражается, этот вулкан кажется больше многих других гор, более высоких, но стоящих среди массива или в соседстве других вершин. Шиль сравнивал его с Демавендом и приписывал одинаковую высоту обоим вулканам, которые, однако, разнятся между собой по крайней мере на 2.500 метров. В Сейбане видели также соперника горы Арарат, и легенда рассказывает, что когда воды всемирного потопа стали сбывать, то Ноев ковчег был сначала брошен волнами на гору Сейбан; затем, увлеченный течением на север, остановился окончательно на Арарате; еще недавно армяне приносили туда непорочного барана для заклания его на краю кратера[3]. Верхняя чаша, глубиной около 150 метров, зимой наполненная снегом, а летом усеянная цветами, иногда же содержащая маленькое озеро, окружена грудами беловатых шлаков, возвышающимися в виде остроконечных горок. С вершины этих горок, составляющих как-бы ограду кратера, можно созерцать на севере обширный горизонт гор Армении, развертывающийся в виде кривой линии, длиной около 300 километров, от Бингель-дага до Арарата. На юге виден боковой кратер, впадину которого наполняет Агир-гель или «Неподвижное озеро»; далее простирается бассейн озера Ван с его бухточками, заливами, болотами, составляющими как бы продолжение этого обширного резервуара, и с амфитеатром гор, которым он окружен со всех сторон: у западного подножия вулкана расстилается маленькое озеро Назик, пресноводный бассейн, залегающий на водораздельной возвышенности между озером Ван и Евфратом, которым он посылает по ручью, по крайней мере в дождливое время года[4]. На юго-западной стороне горизонта синеватая дымка сливается с неопределенными очертаниями равнины. Последние уступы армянского плоскогорья оканчиваются над месопотамскими равнинами зубчатой линией утесов, изрытой в виде глубоких зазубрин речками и ручьями, но представляющей в целом правильное направление от юго-востока к северо-западу, на

1 „Mittheilungen von Petermann“, 1869, XI.
2 „Записки Кавказского Отдела Географ. Общества“, 1873 г.
3 M. Wagner, цитированное сочинение.
4 Layard, „Nineveh and Babylon“;—Millingen, „Wild Life among the Koords“.

продолжении краевой цепи Луристана. На западной стороне озера, гора Нимруд-даг, почти целиком состоящая из вулканического пепла, склонила к водам свой громадный кратер, имеющий, как говорят, несколько километров в ширину[5], а на южном берегу открывается эллиптическая бухта, чаша вулкана, частию находящагося под водой. Вся возвышенная Армения—страна вулканическая, часта колеблемая землетрясениями. Горячие ключи там более многочисленны, чем даже в самых богатых термальными источниками горах Запада, каковы Пиренеи и Овернь.

Озеро Ван, по-армянски Тосп,—откуда имя Фоспитис или Тоспитис, которое ему давали древние географы,—лежит на 336 метров выше озера Урмия; абсолютная его высота 1.625 метров. Площадь озера Ван, исчисляемая в 3.690 квадр. километров, немного меньше поверхности Азербейджанского моря, но первое имеет значительную глубину[1]; в 3 километрах к западу от города Ван лот достает дно лишь на глубине слишком 25 метров[2], а в южной части бассейна ложе еще гораздо более вогнуто, так что общая вместимость озера Ван, без сомнения, превышает объем озера Урмия. Что касается северо-восточной бухты, которая вдается внутрь материка на 60 километров, то это не что иное, как водная площадь, происшедшая от наводнения, где ручьи образуют весной обширные аллювиальные дельты. По местному преданию, эта бухта некогда была плодоносной равниной, где извивались две речки, продолжавшиеся на юго-запад к Битлису; на бывшем месте слияния их, говорят, видны остатки моста, покрытого водами. Сведения, собранные Жобером, армянином Нерсесом Саркисианом, Ауриемой, Лофтусом и Штреккером, не оставляют никакого сомнения относительно значительных изменений, которым подвергался уровень этого внутреннего моря. В период с 1838 по 1840 год он поднялся от 3 до 4 метров. Прибрежные жители рассказывали Лофтусу, что в начале семнадцатого столетия вода поднималась таким же образом в продолжение нескольких лет, но затем опять понизилась. Годы исключительной засухи задерживают прибыль и распространение вод, но после временного отступления дело захвата возобновляется с еще большей силой. Многие острова прибрежья были залиты водой; прежние полуострова, теперь отделенные от материка, превращаются в островки, постоянно уменьшающиеся в размерах. Дорога, пролегающая вдоль северного прибрежья, должна быть из поколения в поколение переносима все далее внутрь материка; город Арджиш, на берегу северо-восточной бухты, почти совершенно исчез, а местечку Адельджива, на северной стороне главного бассейна, угрожает опасность наводнения. Точно также на восточном берегу окраина озера приближается к городу Ван, который уже сменил прежнюю, более древнюю береговую полосу резервуара; деревня Искелла частию покинута жителями; лодочники привязывают свои барки к стволам дерев, находящимся теперь далеко от берега; колодцы, куда проникли, путем просачивания, воды озера, дают лишь солоноватую жидкость: может быть, эти вторжения озера и породили легенды, относящиеся к большим городам, погрузившимся на дно вод. Какая причина этого возрастания, представляющего явление, обратное тому, какое наблюдается почти во всех других озерных бассейнах Азии? Если только не существует особенного местного течения воздуха, увлекающего в эту область больше дождевых облаков, чем прежде, нужно принять объяснение, которое дают сами прибрежные жители: по их мнению, подземные расселины, откуда выходят обильные источники к верхним притокам Тигра, частию засорились от обвалов, и резервуар, получая посредством дождя и снега больше жидкости, чем сколько берут испарение и подземные истоки, увеличивается в объеме и протяжении до тех пор, пока не восстановится равновесие, или пока излишек воды не выльется на юго-запад, в поток Битлис. Какие-то кочующие пастухи, по словам туземцев, завалили большим камнем отверстие одной из воронок, через которые уходят воды,—воронок, подобных катавотрам озер Греции, и с того времени уровень, будто-бы, повышается медленно, но постоянно. Интересно было бы проверить непосредственным наблюдением рассказы туземцев от-

5 Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor“.

1 Monteith, „Journal“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. IX.

2 Millingen, цитированное сочинение.

носительно засорения воронкообразных углублений и прежде всего удостовериться, действительно ли источники, указываемые как подземные истоки озера, походят на него содержанием соляных частиц. К востоку от озера Ван, другой бассейн, Эрчек, тоже представляет постепенное повышение уровня[3]; эта прибыль воды в двух соседних озерах дает некоторую вероятность предположению о совершившейся перемене климата. Эрчек походит на озеро Ван также и минеральным содержанием своих вод; только по Миллингену, он содержит весьма значительную пропорцию мышьяку; поля, затопленные его разливом, делаются бесплодными на многие годы.

Как бы то ни было, жидкая масса, заключенная в бассейне Ван, сконцентрировала соль, которую ей приносят его притоки, и, не будучи столь соленой, как вода озера Урмия, содержит, однако, так много соли, что ее не могут пить ни люди, ни животные: стада ходят на водопой к устьям рек, а рыбаки возобновляют свой запас годной для питья воды, черпая из ключа, бьющего со дна и клокочущего на поверхности. Менее соленые, чем жидкая масса озера Азербейджанского, воды армянского внутреннего моря дают приют более развитым животным видам: в устьях впадающих в него речек ловят в значительных количествах одну породу рыб, которую Жобер ошибочно принимал за совершенно тожественную с черноморским анчоусом, столь обильным в требизондском рейде; это—уклейка (cyprinus Tarichi), как ее определил натуралист Дейроль. Однако, эта рыба не живет в соляных частях бассейна[1]; она показывается в верхнем слое только с марта до начала мая, то-есть в том периоде, когда пресные воды, происходящие от таяния снегов, расстилаются поверх более тяжелых соляных вод озера; во все остальное время года не увидишь ни одной рыбки; все уклейки, которые не были пожраны бесчисленными бакланами или морскими воронами, удалились в ручьи, изливающиеся в озерный бассейн. Прежде полагали, что они держатся в глубинах озера[2]. В бассейне Назак, вода которого, впрочем, пресная, наблюдали, говорят, точно такое же ежегодное исчезновение рыбы[3]. Соляные частицы, остающиеся, после испарения воды, на плоском берегу Вана, так же, как вокруг бассейна Эрчек, состоят на половину из углекислой и сернокислой соды, которую утилизируют для выделки мыла, и которую вывозят отсюда даже в Сирию[4].

Суда составляют редкость на озере Ван; однако, английский путешественник Тозер недавно проехал озеро на рыболовном судне, сопровождаемом пятью баржами. Американские миссионеры, проживающие в Ване, пустили по озеру, в 1879 году, складной пароход, все части которого были доставлены из Константинополя на верблюдах, но, кажется, это предприятие не имело успеха[5].

Самое существование озер Ван, Урмия, Гокча в Закавказье и многочисленных озерных впадин на ахалцыхском плоскогорье, между Карсом и Тифлисом, доказывает, что климат армянских плоских возвышенностей имеет над климатом Персии то преимущество, что он гораздо влажнее. Действительно, весь Лазистан и гористая страна, получившая в древности название Понта, находятся под влиянием Черного моря с метеорологической точки зрения. Господствующие западные и северо-западные ветры приносят в изобилии дожди во время летних бурь, снег—в зимние месяцы. Количество атмосферных осадков там далеко не столь значительно, как на южных склонах Кавказа, в Мингрелии и Имеретии, где годовой слой дождя превышает 2 метра; но и в Лазистане есть долины, поставленные природой в благоприятные условия; там облака проливают в продолжение года более метра дождевой воды; по словам одного американского миссионера, количество снега, выпавшее в Битлисе, на южной отлогости гор, господствующих с юга над озером Ван, составляло пять с половиной

3 Strecker, „Mittheilungen von Petermann", VII, 1863.

1 Ernest Chantre, рукописные заметки.

2 A. Jaubert, „Voyage en Armenie et en Perse";—Millingen, цитированное сочинение.

3 Layard, цитированное сочинение.

4 Deyrolle, „Tour du Monde", 1-er semestre 1876.

5 Fanshawe Tozer, цитированное сочинение.

метров в продолжение зимы 1858-59 года; это слой снега, представляющий слишком 40 сантиметров воды. Хотя мы еще не имеем точных наблюдений, которые позволяли бы сделать несомненный вывод, можно однако приблизительно принять равным почти полметру среднее количество атмосферной влаги, получаемой возвышенностями Армении.

В некоторых областях, каково, например, плоскогорье Ольты, загороженное от влажных ветров высокими горами, редко бывает дождь, который так необходим для земледельческой культуры; как в местностях Закавказья, лежащих на каспийской покатости, там нужно перехватывать ручьи и разветвлять их на тысячи канавок, перерезывающих пахатные земли. Но наибольшая часть южной Армении, несмотря на барьер, образуемый Понтийскими Альпами, подвергается влиянию дождливых западных ветров, которые направляются с моря на плоскогорье Сивас, затем низвергаются в западные долины реки Карасу, до Эрзерумского бассейна, получает ветры с Черного моря. Они дуют преимущественно зимой и покрывают густым слоем снега амфитеатр гор, окружающих истоки Евфрата; летом, северные и восточные ветры, составляющие ветвь главного полярного течения, которое пересекает континент Азии, приносят сухой воздух, развевающий облака; но случается также, что внезапные бури, налетающие с запада, оканчиваются сильными ливнями. Кроме того, юго-западные ветры, посылаемые Средиземным морем, тоже приносят свою долю влажности и раздирают свои облака о кручи армянских гор; даже в хорошую погоду легкий туман смягчает резкие контуры гор и оттеняете пейзаж нежными красками. На северном склоне, избыток влажности, получаемой армянскими Альпами, образует реки, как Чорук и Харшут, водная масса которых весьма значительна в сравнении с размерами бассейна, а на южном скате он питает Тигр и Евфрат, воды которых, соединенные в Шат-Эль-Арабе, превосходят объемом всякий другой поток, заключающийся между Индом и Дунаем, и даже почти в два раза превышают водную массу Нила. Таким образом в атмосферическом и речном кругообороте Черное море, посредством дождей и через русло Евфрата, непрерывно изливается в Персидский залив.

На берегу Понта Эвксинского города пользуются довольно теплой средней температурой. В прибрежных местностях холода редко доходят до 6 градусов ниже точки замерзания; с другой стороны, умеряющее влияние моря не позволяет летним жарам подниматься выше 25 градусов по Цельзию. Так например, климат Требизонда, в разные времена года, на основании шестилетних наблюдений, определяется следующими числовыми данными: средняя температура января 6°.8 Ц., температура августа 24°,3; средняя температура года 15°,5; крайния температуры самого теплого и самого холодного месяцев 29°,9 и —2°,6 Ц.; количество выпадающего в продолжение года дождя 566 миллиметров[1]. Вдали же от моря, которое сближает крайности годового климата, населения турецкой Армении страдают попеременно от сильных холодов и страшных жаров. В Эрзеруме почти не бывает весны; зимние снега растаивают там в несколько дней, превращая вдруг ручьи в широкия реки; наблюдавшиеся крайности температуры самого холодного и самого жаркого дня суть —25+44 градуса. Впрочем, необходимы еще ряды продолжительных наблюдений прежде, чем можно будет в точности сравнивать этот климат с климатом европейских и азиатских стран, которые уже хорошо известны с метеорологической точки зрения.

Климат Эрзерума в разные времена года (высота места 1.987 метров).

	Зима	Весна	Лето	Осень	Год
По Чихачеву (3 г.)	—10°,8	9°,8	24°,3	10°,3	8°,45 Ц.
„ Маламе (3 года)	—4	10°,8	24°,2	7°,9	9°,72 Ц.

Даже в один и тот же день случалось наблюдать разность температур между утренней зарей и полуднем, доходившую до 33 градусов[2]. Зимние холода и весенние утренники замедляют растительность, но летом растения торопятся расти и созревать; природа, так сказать, делает вспышку, в мае и июне. Пшеница проходит все фазы своего произрастания, от распускания листьев до созревания колоса, в двухмесячный промежуток, но жгучее летнее

1 Hann, „Behm's Jahrbuch", IX, 1882.

2 Малами, „Эрзерумский вилайет";—Radde, цитированное сочинение.

солнце спалило бы ее в цвету, еслибы ирригационные канавки не доставляли ей необходимой влаги. До 1.800 метров возделывают пшеницу, и даже на высоте 2.100 метров увидишь еще поля, засеянные ячменем; но на этих высотах урожаю хлебов угрожают ранние осенние заморозки. В среднем, пояс культуры поднимается менее высоко в армянских Альпах, нежели на грузинских склонах Кавказа, лежащих, однако, под более северной широтой. Причиной тому, вероятно, форма гор: в то время, как горные цепи Армении пропускают северный ветер через многочисленные бреши, однообразный вал Кавказа защищает растения, живущие на его южном склоне. Растительные области переплетаются своими границами сообразно местным климатам. Так, в окрестностях Вана растут еще померанцовое и лимонное деревья, но масличное дерево уже не может там жить[1]. Во Франции, напротив, пояс оливкового дерева наидалее выдвигается к северу.

В соседстве Черного моря понтийская растительность похожа на флору Мингрелии, с которой она, однако, не может сравниться в отношении разнообразия видов и яркости цветов[2]. Армения есть одна из стран Малой Азии, где фруктовые деревья дают самые вкусные плоды, и где, по мнению ботаников, следует искать первоначальную родину многочисленных видов, между прочим, винограда и груши. «Лазистан»—говорят туземцы,—отечество фруктов[3]. В Азиатской Турции нет местности, более богатой растительностью, чем окрестности Требизонда; от основания до вершины, холмы, покрытые однообразным слоем растительной земли, или разделенные на террасы посредством подпирающих стен, одеты сплошной зеленью садов, лугов и лиственных деревьев с постоянной или опадающей листвой. Лимонные, масличные деревья окружают города и деревни, раскинувшиеся на берегу, а выше идут ореховые деревья с широкими ветвями, каштаны, дубы, издали азалеи и рододендроны блестят красными скатертями на склонах гор. Цветкам азалей приписывают ядовитое действие меда, от которого опьянели и обезумели воины Ксенофонта. Ботаник Кох не мог отыскать этого меда в кавказских областях, но его продают на всех рынках Понтийского берега, между Батумом и Орлу; туземцы, чтобы сделать этот мед безвредным, отваривают его и прибавляют сахару[4].

Во внутренности материка горы Армении почти все лишены древесной растительности: видишь только скалы, да горные пастбища. В этой стране, которая могла бы быть покрыта сплошными лесами, многие округа не имеют другого топлива, кроме коровьего кала. Птицы здесь редки, за исключением тех, которые вьют гнезда в углублениях скал. Дикие звери, принадлежащие к тем же видам, как и живущие в горах Закавказья, не находят себе убежища на этих голых или поросших мелкой травой пространствах; почти все горные скаты составляют владение пастухов и их баранов с толстыми хвостами или курдюками, оберегаемых полудикими собаками, часто более опасными, чем медведь и волк. Лошади, пасущиеся в степях Предкавказья, хорошей породы, но они уступают в силе туркменским лошадям, а в грации движений—персидским: хотя полные огня, они всегда очень смирны. Впрочем, курды, как и большинство других обитателей Армении и Малой Азии, предпочитают понукать животных голосом, чем кнутом. Буйвол, запряженный в телегу, идет только под звуки песни; когда проводник умолкает, животное останавливается[5]. Пастбища турецкой Армении, более травянистые, нежели пажити Персии, по причине большей влажности воздуха и обилия источников, прокармливают миллионы голов скота, мясо которого служит для продовольствия Константинополя и многочисленных городов Малой Азии. Миллинген полагает, что число овец, рассеянных на пастбищах, заключающихся между Араратом и Персидским заливом, не менее 40 миллионов. В начале текущего столетия, Жобер исчислял в полтора

1 Статковский, „Проблемы климатологии Кавказа“.
2 A. Jaubert;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X.
3 Koch, „Wanderungen in Orient“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XVIII.
4 Hamilton, „Researches in Asia Minor“;—„Zeitschrift der Gesellschaft fur allgemeine Erdkunde“, Band IV;—Mahe, „Geographie medicale“, „Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales“.
5 Millingen, „Wild Life among the Koords“.

миллиона количество баранов, которое Стамбул получал ежегодно с гор Армении. Посылаемые стадами, от полуторы до двух тысяч голов, они в дороге паслись на горах, следуя постоянно по области пастбищ, и достигали Босфора лишь через семнадцать или восемнадцать месяцев после отправления. Алеппо, Дамаск, даже Бейрут тоже снабжаются мясом пастухами Армении и Курдистана, и турецкия армии во время походов зависят в отношении продовольствия от жителей верхнего Евфрата[1].

Жители Понта, турецкой Армении и Курдистана, исчисляемые в два слишком миллиона душ, принадлежат в большей части к тем же расам, как и населения Закавказья: в этнологическом отношении эти две сопредельные страны имеют такое же единство, как и с географической точки зрения.

Население вилайетов Требизондского, Эрзерумского и Ванского, в приблизительных числах, по Еризову, Мордтману и другим:

Турки и туркмены—800.000 жителей; армяне—600.000; курды—450.000; лазы—100.000; черкесы—50.000; тюрки—50.000; другие национальности—20.000 жителей.

По ту и другую сторону Кавказских гор живут, хотя под различными именами, грузины; турецкий Эрзерум такой же армянский город, как и русская Эривань; курдские пастухи водят свои стада на берега озера Гокча, так же, как и на берега озера Ван: политическая граница не составляет естественного рубежа между народами. Правда, переселения, не всегда добровольные, в обратном направлении из одной территории в другую имели место после всякого нового завоевания России. Так, с 1828 по 1830 год, более ста тысяч армян из Турции и Персии, надеясь найти свободу в христианской стране, просили убежища у русского правительства и получили земли, покинутые курдскими и татарскими эмигрантами, которые в свою очередь бежали в магометанские края. Точно также со времени войны 1877 года, произошел обмен населения между турецкой Арменией и провинциями, присоединенными к русскому Закавказью. Турки из Ардагана и Карса последовали к Эрзеруму и Сивасу за своими отступавшими армиями, турки из Артвина направились к плоскогорью Ван, тогда как гайканы с верховьев Чоруха, из Эрзерума, из Вана заняли, вокруг русских крепостей, оставленные прежними жителями места. В целом, наиболее выиграла при этом обмене Оттоманская империя; мусульмане не хотят более жить под русским господством и уходят к своим единоверцам и единоплеменникам; с другой стороны, многие из армян Турции не страшатся насилия турецких пашей, и также идут под власть Порты.

Движение переселения в территории, присоединенной к русским владениям, в период с 1877 по 1881 год:

Эмиграция—87.760 душ; иммиграция—21.890 душ; потеря—65.870 душ.

Главным результатом русских нашествий было то, что они преобразовали Армению в Туркестан[2].

Однако, эти значительные перемены в равновесии этнографических элементов, перемены, которые сопровождались ужасающей смертностью, вызванной голодом, лихорадками, тоской по родине,—далеко не произвели этнологического разграничения, совпадающего с условным начертанием границы. Понятно, какие выгоды, дипломатические и военные, смежность населений одинакового происхождения дает русскому правительству, в случае, столкновения с Портой. Во имя своих подданных, грузин Закавказья, оно может вмешиваться в дела грузин требизондских; как властителю курдских пастухов, ему легко было бы присвоить себе право надзора за этими кочевниками от одной территории до другой; но в особенности как покровитель армян, как покровитель их священного города Эчмиадзина, оно было бы в своей политической роли, требуя реформ и административной автономии для братьев тех, которые состоят под его покровительством. В Европейской Турции оно могло

1 A. Jaubert, „Voyage en Armenie et en Perse“.

2 Palgrave, „Notes on Eastern Questions“.

возвысить свой могучий голос в пользу болгар и заставить дать им территорию, простирающуюся до Салоникского залива; точно также, когда представится удобный к тому случай, оно будет вооружено предлогом для вмешательства за армянские общины, рассеянные на пространстве от Эрзерумской долины до покатости Александретского залива, напротив острова Кипра, нового завоевания Англии. Что касается Великобритании, то она не могла бы гарантировать действительным образом нынешния границы Оттоманской империи против русских; если она понуждала турецкое правительство к выполнению его обязательства относительно обеспечения порядка в его анатолийских провинциях, то это только с той целью, чтобы иметь предлог взять назад свое неблагоразумное обещание покровительства; она грозит потому, что не может более действовать.

Грустно подумать, что страна, столь богатая, одна из прекраснейших и плодоноснейших областей умеренного пояса,—страна, которая, вероятно, дала, относительно своего протяжения, наибольшее число питательных растений, так мало в наши дни утилизируется человеком: теперешнее население её можно считать никак не более 6 жителей на квадратный километр, да и то есть основание думать, что оно уменьшается. А между тем, господствующая раса, турки, или, вернее сказать, туркмены—ибо большинство еще живут обособленными племенами,—обладает сильными качествами, которые, казалось бы, должны обеспечивать ей значительную долю в труде наций. Трудолюбивые, терпеливые, стойкие в начатой работе туркмены возобновляют, без устали, дело, прерванное вражескими нашествиями. Сознавая славу своих предков, кара-куюнли и ак-куюнли, то-ест «черных» и «белых пастухов», они сохранили чувство национальной связи, которого недостает большинству их соседей, и при смешении рас это смешение вообще совершается к их выгоде: лазы, черкесы, курды кончают, во многих округах, тем, что соединяются с ними, особенно там, где кочевые нравы уступили место оседлой земледельческой жизни. В этом-то сильном населении туркменов, а не в политических союзах, возвратах военного счастия или содействии «европейских капиталов», Турция должна была бы искать элементов своего «возрождения»[1].

Лазы морского прибрежья и аджары береговых гор, между Батумом и Требизондом, суть грузины магометанской религии, не менее красивые, стройные и изящные, чем их соплеменники в Грузии; их язык, очень близко подходящий к наречию, которым говорят в сельских местностях Мингрелии, смешан с турецкими и греческими словами[2]. Различие религии, политического режима, и особенно привычки временного переселения, общераспространенные в Лазистане, все более и более обособляют говор грузин, подвластных России, и лазов турецкого Гурджистана; в некоторых округах, даже на верхнем и среднем Чорухе, турецкий язык сделался общим идиомом. Лазы трудолюбивы, предприимчивы, искатели приключений. Прежде они охотно предавались морскому разбойничеству, и их маленькия барки смело пускались в бурю преследовать купеческие суда: теперь они занимаются рыбной ловлей и перевозкой товаров; тысячи эмигрантов лазов приходят в Константинополь, где они занимаются ремеслом носильщиков, грузильщиков в гавани, котельников[3]. Остающиеся дома—пастухи или земледельцы, и нужно удивляться, с какой тщательностью они устраивают террасы пахатной земли на боках гор. В округе собственного Лазистана, ограниченного на западе мысом Кемер (Кемер бурну), лазы составляют почти все население; за этим округом, по направлению к Требизонду, и далее до Платаны, они являются отдельными общинами, все менее и менее многочисленными, редко рассеянными среди турецких и греческих резидентов. Черкесы, абхазы и другие выходцы с Кавказа, переселяющиеся сюда ежегодно в количестве около шести тысяч душ, составляют, после грузин, важнейший этнический элемент страны. Они охотно соединяются с туземцами в одну нацию, благодаря красоте грузинских девушек, с которыми они предпочтительно вступают в брак[4]. Армяне имеют лишь

1 Palgrave, цитированное сочинение.
2 Rosen, „Ueber die Sprache der Lazen“.
3 „Известия Кавказского отдела Географ. Общества“, том V, 1877-1878 гг.
4 Palgrave, цитированное сочинение.

небольшую группу деревень вокруг Копи, а греческая колония сводится к нескольким отдельным семействам в городах и местечках морского берега. В некоторых долинах внутренности страны, особенно в Дживислике, находятся промежуточные населения, называемые по-итальянски «Mezzo-Mezzo», которых невозможно причислять ни к туркам-мусульманам, ни к грекам-христианам: утром они беседуют по-турецки и ходят в мечеть, а вечером говорят по-гречески и совершают христианские таинства[1]. Потомки эллинов, но эллинов, смешанных с лазами и обращенных в ислам в семнадцатом столетии, эти двуязычные и двоеверные поселяне держат в тайне перед османлисами совершаемые ими христианские обряды, но секрет их всем известен и презрительно терпим. Впрочем, их магометанство нельзя считать чистым лицемерием: обрядности обеих религий, в силу привычки, делаются им равно необходимыми. Быть может, в них следует видеть потомков тех макронов, о которых говорит Геродот, как о людях, практикующих обряд обрезания: если это так, то они, значит, были «мусульманами» уже до завоевания страны воинами ислама[2].

Нигде, ни в Турции, ни в Закавказском крае, гайканы или армяне не живут в виде сплоченной национальности, но на южном склоне долины Чоруха, так же, как в долинах главных ветвей верхнего Евфрата, они составляют господствующее население. В Малой Азии, в бассейне Джигуна, они населяют исключительно некоторые возвышенные долины; там-то, на пространстве от Черного до Средиземного моря, всего лучше сохранились предания Армянского царства. Численность гайканов неизвестна: так как их политическое положение подало повод к оживленным спорам, то были допущены преувеличения в том и другом направлении, сообразно интересам участвующих в этой полемике: по словам одних, в оставшихся под властью Турции провинциях число армян простирается еще от двух до трех миллионов; другие, напротив, утверждают, что их наберется не более пятисот тысяч. Оффициальные статистики, составляемые на основании простых местных исчислений, не всегда ведут правильный счет различных национальностей; тем не менее, однако, так как численное отношение отдельных рас известно в общих чертах по исследованиям путешественников, то из него можно вывести приблизительное число турецких армян: число это, вероятно, от семисот до восьмисот тысяч душ. Таким образом, около трети гайканской нации находится на османской территории. В Эрзеруме, так же, как в Константинополе, армяне отличаются от турок более открытым и более свободным умом, большей любовью к образованию, большей инициативой в торговле и промышленности; в Ванском вилайэте нет дома, который не был бы построен ими; нет туземной материи, которая не была бы соткана их руками, нет почти плода, который не происходил бы из их садов. Они охотно эмигрируют, и—не считая тех, которые покидают родину, чтобы уйти от вымогательств пашей или от набегов курдских грабителей—армянских выходцев встретишь тысячами в Стамбуле и в других городах Анатолии и Европейской Турции, где они работают преимущественно в качестве каменщиков, чернорабочих и носильщиков. В Константинополе имя Ван-эрменизи, «армянин из Вана», употребляется в таком же смысле, как, например, слово, «оверньят» в больших городах Франции. На родине целые деревни населены одними женщинами, оставленными дома их мужьями и братьями, чтобы заниматься хозяйством семьи.

В то время, как центр тяжести армянского населения находится на русской территории, у подножия горы Арарата, наиболее многочисленные племена курдов (в турецких владениях этническое имя произносится *курд* или *курт*; арабы называют эту нацию *карт*, во множественном числе *экрат*; сами же они именуют себя *картмаиче*)[3] сосредоточены в пределах Оттоманской империи: истинное средоточие их области находится на плоскогорье Ван, но область их распространения громадна. Считая в числе курдов луров и бахтиаров, жителей краевых цепей Ирана, и различные народцы, переселенные государями Персии в Хорассан и на границы Белуджистана, нужно признать, что немногие из наций Передней Азии рассеяны

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“;—Eli Smith;—Flandin;—Palgrave, и другие.

2 De Gobineau, „Trois aus en Asie“.

3 Ernest Chantre, рукописные заметки;—Millingen, „Wild Life among the Koords“.

на более обширной территории: пояс, который они занимают, почти без перерыва, от местности, соседней с Гамаданом, до Аинтаба, имеет не менее 1.000 километров в длину, при средней ширине около 250 килом. Они распределены между тремя империями; но курды России, относительно малочисленные, окруженные армянами, грузинами и татарами, не имеют никакой связи с главными племенами. Большинство племен признают верховную ленную власть (сюзеренитет) султана; восточные племена зависят от Персии, и, наконец, различные народцы наименее доступных областей, особенно те, которые населяют горы Дерсима, на юго-запад от Эрзерума, живут еще маленькими независимыми государствами.

Курдские населения, исчисляемые приблизительно: Турецкий Курдистан и другие страны Азиатской Турции—1.300.000 жител., Персия (не считая луров и бахтиаров)—500.000 жител., Афганистан и Белуджистан—5.000 (?) жител., Русское Закавказье—13.000 жител.

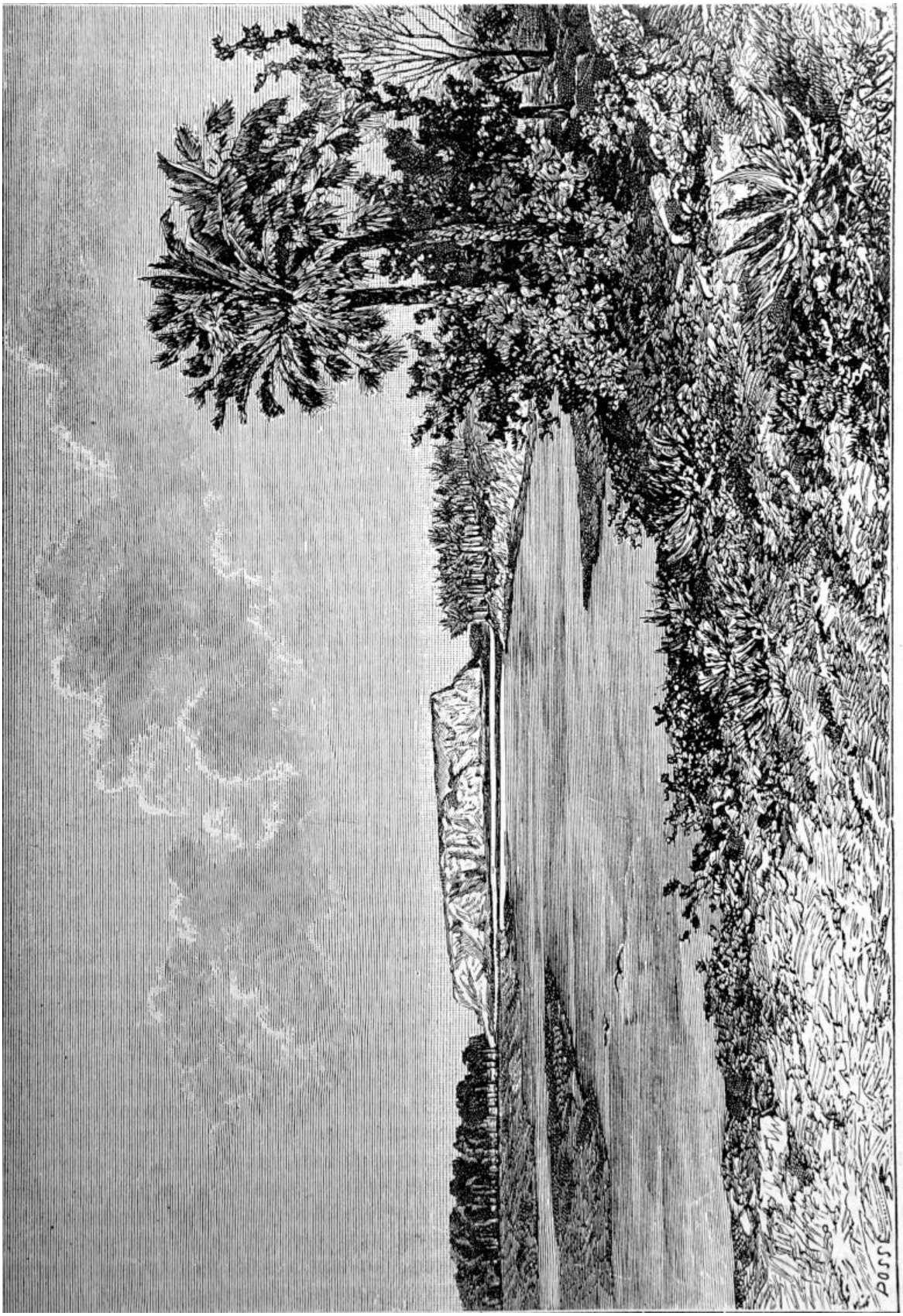
В долинах, где курды сгруппированы в сплоченные племена, особенно в бассейне «Большого Заба», они составляют национальность довольно могущественную для того, чтобы в виду турок и персиан стремиться к образованию особого государства. Между возмущениями, которые вспыхивали с половины текущего столетия, в особенности со времени последней войны с Россией, многие несомненно имели целью завоевание политической свободы: были даже попытки основания «курдской лиги». Редко случается, чтобы возникали раздоры между курдскими племенами: они обыкновенно нападают только на иноплеменников.

Разсеянные на таком огромном пространстве, курды далеко не везде представляют один и тот же физический тип, и, без всякого сомнения, принадлежат к различным расам. Одни из них смешаны с туркменами или тюрко-татарами, другие—с армянами или с персианами. Некоторые племена, которым приписывают чисто-армянское происхождение, выдают себя за потомков древних христианских общин, обращенных в магометанскую веру. Почти все турецкие солдаты, расквартированные в горах курдов, женятся на туземных девушках[1]. Различие физиономий соответствует различию происхождения: иные курды безобразны и неуклюжи, тогда как другие могли бы поспорить силой, стройностью и грацией с красивейшими черкесами. Те, которые живут в бассейнах озер Урмия и Ван, и которых считают потомками кудрахов, упоминаемых в надписях древнего Персеполиса, кардухов и гордийцев, о которых говорят греческие писатели,—среднего роста и крепкого телосложения, широкоплечи, с гордыми и выразительными чертами лица; но курды, обитающие на персидской границе, имеют вообще подавшийся назад лоб, широкия и хорошо разделенные брови, длинные ресницы, большой рот, выдающийся подбородок, резко-орлиный нос, заостренный и с очень мясистыми ноздрями[2]. В очень многих племенах курды, подобно персиянам, красят свои густые бороды и волоса на голове в красный или черный цвет; между ними нередкость встретить таких, у которых от природы волосы белокурые и глаза голубые, так что их можно принять за немцев[3]. Пять курдских черепов, измеренных г. Дюгуссе, отличаются замечательной короткоголовостью (головной указатель у курдов 0,06; средний указатель, но Эрнесту Шантру, 0,81) и составляют поразительный контраст с черепами восточных персиан, афганцев, индусов. Однако, большое разнообразие, представляемое курдами в физическом отношении, не позволяет видеть в этих нескольких краниологических измерениях выражение общего явления. Американские миссионеры, очень многочисленные в курдской стране, сравнивают её жителей с краснокожими индейцами.

Ансамбль курдской физиономии напоминает, по выражению г. Дюгуссе, «обличье плотоядного животнаго», но он не лишен красоты. Дети прелестны, и в живописных караванах кочевников нет картины, более грациозной, как вид улыбающихся головок, которые высовываются из котомок, привязанных к седлу, на боку лошадей[4]. Курдские женщины, которые

1 Millingen, „Wild Life among the Koords“.
2 Duhousset. „Etude sur les populations de la Perse“, „Revue orientale et americaine“, 1863.
3 Polak, „Persien, Das Land und seine Bewohner“.
4 James Creagh, „Armenians, Koords and Turks“.

никогда не закрывают лица, имеют вообще черты, отличающиеся строгой правильностью, большие глаза, орлиный нос, мощные формы, длинную, заплетенную в косы, шевелюру, цвет которой, черный, как смоль, гармонирует с темно-смуглым оттенком кожи; но, к сожа-



Холмы Бабиль.

лению, во многих племенах они уродуют себя, как индуски, продевая в ноздрю золотое кольцо. Храбрые, как мужчины, и берущиеся за оружие в случае надобности, они любят также драгоценные украшения и красивые платья, но им редко удается наряжаться в эти

платья, потому что мужья присвоивают себе право пользоваться ими. Курд любит дорогия и пестрые материи, яркие цвета, высокие головные уборы, обернутые великолепными шалями. К тяжести своего костюма он еще прибавляет арсенал оружия, заткнутого за поясом,—пистолеты, кинжалы, ятаганы, далее ружье, которое он носит на перевязи, длинное копье, украшенное стрелами и лентами, на которое он опирается; но для битвы он вооружается более легко. Багдад поставляет в курдские горы бамбуковые стволы для пик и носороговые кожи для щитов[1].

В своем путешествии через курдские области нагорья, г. Дюгуссе не заметил физической разницы между начальниками племени или шейхами и толпой земледельцев, обработывающих курдские поля; но исследователи и миссионеры, пробывшие долгое время среди этих племен, единогласно признают у большинства курдских народцев, как в Персии, так и в Азиатской Турции, существование двух, ясно обособленных каст, принадлежащих, вероятно, к различным этническим корням: эти две касты—*кермани* или *ассирета*, то-есть благородные, и *гуран* или крестьяне. Последние, в четыре или пять раз более многочисленные, чем первые, в южном Курдистане считаются—и вероятно справедливо—потомками побежденной и порабощенной нации[2]: их называют, в Азиатской Турции, райями, так же, как и других закрепощенных людей. Во многих округах они действительно невольники, обязанные обработывать землю для своих господ, которые присвоивают себе над ними право жизни и смерти. Они никогда, ни при каких условиях, не могут возвыситься на степень воинов; им остается только покориться судьбе и менять господ, когда того потребует исход битв. С своей стороны, благородные или воины сочли бы за бесчестье предаваться земледелию. Единственный мирный труд, позволительный этим высшим людям,—это уход за стадами; грабеж и война, либо за свой собственный счет, либо в качестве наемников, вот единственные достойные их занятия, кроме пастушеского ремесла; в некоторых округах они, в виде отличия, носят красный плащ[3]. Вообще менее красивые, чем курды из касты гуранов, они имеют формы более тяжелые, лица угловатые, глаза маленькие и глубоко сидящие. У гуранов черты лица более мягкия, более правильные и приближающиеся к греческому типу[4]. Кроме того, между армянами и курдами живут несколько семейств чингианехов или цыган, во всем похожих на европейских, и тере-камехи, которым приписывают тюркское происхождение, по сходству их наречия с турецким. Тере-камехи населяют около сотни деревень близ персидской границы.

Язык так же различен, как и черты лица. Говоры сильно разнятся между отдаленными друг от друга племенами. Курд с гор Киликии с трудом понял бы курда с Копет-дага. Общее строение их диалектов существенно иранское. У восточных племен словарь обогатился персидскими словами; у западных и у северных он изобилует арабскими и тюрко-татарскими терминами; в некоторых округах очень многочисленны сирийские слова. В Закавказском крае курды употребляют русские выражения; наречие заза, которым говорят в Муше и в Палу, представляет некоторое сходство с идиомом кавказских осетин. По Лерху, курдский язык делится на пять наречий, из которых одним, керманджи, говорят во всех племенах к западу от Моссула[5]. Все эти наречия грубы, звуки их состоят как будто из ряда взрывов, но они менее изобилуют свистящими и гортанными, чем большинство языков, которыми говорят соседния нации. Несколько народных песен, воспевающих горы, реки, богатырей, без длинного поэтического развития мысли, но с глубоким чувством, исчерпывают собою всю оригинальную литературу курдов. Американские миссионеры прибавили к этому перевод Библии и некоторых сочинений духовного содержания. Не имея собственного письма, курды пользуются арабским алфавитом, видоизмененным их соседями персиянами, и те, кото-

1 Thielmann, „Streifzuge in dem Kaukasus“.
2 Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“.
3 Millingen, „Wild Life among the Koords“.
4 Rich, „Narrative of a Residence in Koordistan“.
5 „Forschungen liber die Kurden und die Iranischen Nordchaldaer“.

рые поднимаются над уровнем массы путем образования, обыкновенно оставляют свой собственный язык, заменяя его речью образованных иранцев или турок. Самое имя их, курды, —персидского происхождения и значит «сильные» или «могучие». Правда, что татары производят это слово от *гурд* или «волк», мстя этой иронической этимологией за жестокую алчность и хищничество народа, от которого им часто приходилось терпеть. Курды охотно претендуют на арабское происхождение, и можно поверить, что действительно некоторое число их шейхов принадлежит к этой расе завоевателей.

Ни балучи, ни бедуины, ни апачи, пи патагонцы, не превзойдут курдов воинственных племен разбойничьими инстинктами и искусством удовлетворять эти инстинкты. Начальник или глава племени, крепкий замок которого господствует, словно орлиное гнездо, над входом в горные ущелья, содержит шайку воров, которые рыскают по окрестным дорогам и приносят ему добычу. Кража вооруженной рукой или открытый грабеж считается у них особенно почетным и достохвальным делом, но они презирают контрабанду, которую легко было бы практиковать в этом гористом крае, где встречаются границы трех государств. Эта тайная торговля кажется им несовместной с их достоинством. Тем не менее, однако, они пользуются этой смежностью границ различных государств для того, чтобы организовать свои грабительские экспедиции то в одной, то в другой стране, так, чтобы свалить ответственность на своих соседей и поставить границу между собой и преследующим их войском. Особенно когда представляется случай удовлетворить свою племенную и религиозную ненависть к армянам, курды чувствуют себя в своей истинной стихии и радостно приготовляются к воровским экспедициям. Желание избавиться от таких опасных соседей и было причиной опустения многих армянских округов, жители которых массами переселились в Закавказский край. Во многих местностях нагорья, города и группы армянских деревень держатся как бы в осаде этими грабителями; никто не отваживается выходить за ограду садов. Страшные казни, применяемые к разбойникам, даже костер и кол, не устрашают курдских племен, и часто даже побуждают их к ужасному возмездию; подавленная в одном месте борьба возобновляется в других пунктах, вынуждая иногда турецкое правительство снаряжать военные экспедиции против грабителей. По словам путешественника Полака, существует одна курдская секта, у которой строго воспрещено грабить живых, но обирать мертвых дозволяется, из чего сектанты, будто-бы, выводят заключение, что они в праве убивать тех, имуществом которых им хочется овладеть. Впрочем, в обыкновенное время курдские грабители уважают человеческую жизнь: они не убивают тех, кого грабят, и даже оставляют съестные припасы и одежду бедным в ограбленных ими деревнях. Однако, английский консул Абот, попытавшийся было, при нападении на него разбойников, обороняться, был убит палками и оставлен голым на Диядинской дороге, среди своих испуганных служителей[1]. Они проливают кровь только в тех случаях, когда нужно отмстить за личную или наследственную обиду; но, чтобы исполнить эту священную обязанность родовой мести, они не останавливаются ни перед чем, нападают друг на друга и дерутся даже в мечети. Шейхи, которым племена оказывают слепое повиновение, держат открытый стол и возвращают в виде пиршеств полученные подарки и награбленную добычу; чужеземец находит очень радушный прием, когда является в качестве гостя.

Взятые в массе, и несмотря на их воинственные нравы, курды более честны и более надежны, чем их соседи других рас. Вообще, они уважают своих женщин и предоставляют им гораздо большую свободу, чем какой пользуются турчанки и персиянки; но неустанный труд делает существование курдской женщины в высшей степени тягостным, и говорят, что часто матери, желая избавить своих дочерей от тяжкой жалкой жизни, какова их собственная, убивают их тотчас же после рождения. Однако, курды, в противоположность черкесам, на которых они походят во многих других отношениях, никогда не продавали своих молодых девушек поставщикам гаремов. Несмотря на все их качества, существованию курдов, как нации, грозит опасность во многих округах Персии и Турции; они уменьшаются численно, и

1 James Creagh, цитированное сочинение.

там и сям сливаются с окружающими населениями. Крепостные крестьяне, составляющие главную массу жителей, не имеют никакого интереса поддерживать узы, связывающие их с военной кастой, и последняя обречена на постоянное самоистощение, обречена своим образом жизни, который есть не что иное, как борьба против всех. С другой стороны, религиозная ненависть тоже способствует делу истребления, по крайней мере в Персии, ибо три четверти курдов—ревностные сунниты, и иранцы, в качестве шиитов, считают богоугодным делом всячески притеснять и даже убивать еретиков.

В этой переходной стране, где смешались обломки стольких народов, самые разнообразные верования и культы оставили свои следы. Г. Шантру указывали даже, в сертском или саэртском санджаке, один курдский народец, как неимеющий никакой религии. Между племенами, населяющими армянские и курдские плоскогорья, мы находим не только магометан и христиан всех вероисповеданий, но еще и бессознательных наследников древнего маздеима. Кизыльбаши или «Красноголовые»—слово, которое в Афганистане и в других странах Востока применяется к людям персидской расы,—по большей части курды: на 400.000 сектантов (впрочем, Тэйлор полагает, что их не больше 25.000) только 15.000 принадлежат к туркменской расе, и два или три племени называют себя арабами. Красноголовые, главные общины которых живут в среднем бассейне Евфрата, на берегах Гермили и верхнего Кизыл-Ирмака, причисляются мусульманами к христианским сектам на том основании, что они пьют вино, совершают обряды крещения и причащения, и женщины их не закрывают лица[1]. Из всех сектантов кизыль-баши всего упорнее обвиняются—справедливо или нет—их соседями в совершении ночных праздников, на которых, будто-бы, царствует самый разнузданный разврат: отсюда имя Терах-Сондеран или «Гасители светильников», под которым они вообще обозначаются[2]. Духовный глава кизыль-башей имеет пребывание в Дерсиме, близ реки Мурат[3].

Другие внушающие ужас сектанты—те, которые известны у их соседей под именем «обожателей дьявола». Курды, иезиди или шемсиех, хотя очень малочисленные, никак не больше пятидесяти тысяч, рассеяны на весьма значительном пространстве: становища их находятся преимущественно в Синджарских горах, на север от равнин Месопотамии, но существуют также на плоскогорьях Ванском и Эрзерумском, равно как в Персии и в Закавказском крае, близ восточных берегов озера Гокча[4]; одна из их колоний выдвинулась даже до самого Босфора и расположилась в виду Константинополя[5]. Ненавидимые, проклинаемые своими соседями всякой религии и всякой расы, то вынужденные сражаться, то бегущие от своих преследователей, истребляемые голодом и болезнями еще более, чем мечом, они успели, однако, сохранить из века в век свои бедные общины, не имея, как евреи, прочной точки опоры, которую дают кодексы писанных преданий, история долгого прошлого, когда народ пользовался независимым существованием; у них есть только вера да память о вчерашней борьбе, для того, чтобы поддерживать в себе мужество к борьбе завтрашней; они утверждают, что будто их главный святой, шейх Ади, написал поучительную книгу, Асват или «Черный», но не существует ни одного исторического документа, доказывающего справедливость этого утверждения, которое, вероятно, было придумано ими с той целью, чтобы заставить мусульман относиться к ним с большим уважением[6]. Нигде они не пользуются независимым существованием; синджарские иезиди (помесь курдов с арабами), которые в продолжение целого ряда поколений жили автономными республиками в своих горных цитаделях, обра-

1 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.
2 Peter Lerch, цитированный мемуар;—A. Vambery, „Allgemeine Zeitung“, 27 dec. 1877;—Millingen, „Wild Life among the Koords“.
3 Ernest Chantre, „Tableau des tribus kurdes“.
4 Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“.
5 Van Hammer;—Purgstall;—Carl Ritter, „Asien“.
6 Frederick Forbes, „Journal of the Geographical Society“, 1839.

зуемых скалами, были большей частию истреблены в 1838 году; большинство укрылось в пещерах, но их оттуда выкуривали дымом; женщины были проданы в рабство, и жалкие остатки племен принуждены были покориться магометанам.

Сравнивая рассказы путешественников, посетивших курдов иезиди в разных округах, где они рассеяны, замечаешь такия существенные различия, что ученые должны были допустить различное происхождение для сектантов, подводимых под общее имя «поклонников дьявола». В соседстве армян они, повидимому, примыкают к тому же этническому корню, как и их соседи, и точные исторические документы указывают середину девятого столетия и одну деревню Ванского округа, как эпоху и место, где получила начало религия этой секты, бывшая в первое время простым расколом армянской догмы. В Синджаре, напротив, курдам иезиди приписывают арабское происхождение, и культ их производят от ислама. В Персии на них смотрят, как на потомков гвебров или огнепоклонников; однако, самое название, под которым они известны, указывает на связь их с мусульманским миром, так как оно происходит от имени Езида, проклинаемого калифа, виновного в убиении Гуссейна, внука пророка Магомета. Наконец, курдские племена часто смешивают их с христианскими сектами нижних равнин, и рассказывают о тех и других самые странные вещи: нет такой гнусности, которой бы им не приписывали; нет такой фантазии, которой бы не выдумывали на их счет. Их обрядности разнятся, смотря по местности: некоторые из них совершают над своими детьми обряд крещения и делают знак креста[1]; в некоторых округах они практикуют обрезание, в других местах оно, напротив, запрещено; посты строго соблюдаются у иезиди, живущих в соседстве с армянами, тогда как другие «обожатели дьявола» считают себя вольными есть во всякое время; здесь господствует многоженство, там—строгое единоженство; прежде большинство были всегда одеты в синее платье, теперь они гнушаются этим цветом и употребляют исключительно белый. Впрочем, преследуемые сектанты естественно должны были, подобно еретикам персидского шиизма, научиться исполнять для виду церемонии официальных культов: нет святого христианского или мусульманского, суннитского или шиитского, которого бы они не признавали за своего и не почитали с притворным рвением.

Общей связью между иезиди различного происхождения и различных культов служит обожание *мелека* Тауса, их царя Павлина или Феникса. Господина Жизни, Святого Духа, Огня и Света, которого они представляют в форме птицы с петушиной головой, помещенной на подсвечнике. Первый его минист—Люцифер, утренняя звезда, которого они не переставали почитать, несмотря на его падение. Сами пребывая в состоянии грехопадения, говорят они, в праве ли мы проклинать падшего ангела, и если мы ожидаем нашего собственного спасения от божественной милости, то почему великий низверженный не мог снова возвыситься на степень вождя небесных воинств? Быть может, даже пророки Моисей, Магомет, Иисус Христос были его воплощением; быть может, он уже возвращен на небо, чтобы снова исполнять, в качестве главного служителя Божия, повеления Всевышнего законодателя. Они приходят в ужас, когда услышат, что мусульмане или христиане богохульствуют над именем архангела, и говорят, что у них определена смертная казнь тому, кто осмелился бы произнести имя «Сатаны»; слышавшие это имя обязаны убить оскорбителя, затем и самих себя лишить жизни[2]. Они избегают даже всякого сочетания слогов, которое могло бы напомнить кощунственное слово. Они свято исполняют приказания своих священнослужителей, и многие из них ходят в пилигримство к святому месту шейха Ади, которое находится на севере от города Моссула, по дороге из Амадиаха: их папа или шейх-хан имеет пребывание в местечке Баадлы, приютившемся на крутой скале; но самое святилище находится в другой деревне, Лалех, где жил один пророк, «Магомет» иезидиан: там совершаются торжественные религиозные церемонии, и священное изображение мелека Таус выставляется на поклонение верующих; утром, когда солнце поднимается на горизонте, толпа пилигримов привет-

1 Azahel Grant, „The Nestorians“.

2 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.

ствует озаряющий землю свет троекратным падением ниц[1]. Путешественники, даже миссионеры католические и протестантские, которые были приняты у иезидиан, понятно, должны были содрогаться от ужаса при мысли быть в присутствии обожателей дьявола, единогласно отзываются от них, как о людях, стоящих нравственно гораздо выше всех своих соседей, несториан или грегориан, суннитов или шиитов. Эти сектанты отличаются безусловной честностью; опустошители и грабители, когда война объявлена, они в мирное время относятся самым почтительным образом ко всему, что принадлежит другому. Они выказывают безграничную предупредительность к чужеземцу, доброжелательны друг к другу, кротки и верны в браке, очень прилежны на работе. Песни, которые они поют, обработывая пашню или отдыхая вечером от дневных трудов, состоят либо из отрывков эпопеи, прославляющих подвиги предков, либо из строф любви, полных чувства, иногда также из жалобных воззваний. «Шакал откапывает только трупы, он уважает жизнь; а паша пьет только кровь молодых. Он разлучает юношу с его невестой. Будь проклят тот, кто разлучает два любящие сердца! Будь проклят сильный, незнающий жалости! Могила не возвратит погребенных в ней; но Высший Ангел услышит наш вопль!»

Некоторые христианские секты также представлены между населениями Курдистана. Главная из них та, которую обыкновенно обозначают именем несториан, хотя, впрочем, сами они не принимают этого имени: они называют себя «мессианскими назареями», «сирийскими назареями» или просто назареями, и язык их действительно есть арамейский диалект, происходящий от древне-сирийского; миссионерам пришла мысль обучать еврейскому языку своих несторианских учеников, которые понимают его с удивительной легкостью и, так сказать, не учась[2]. Более многочисленные, чем иезидиане—может быть, около двухсот тысяч[3],—они распространены, как и те, на обширной территории, и, вероятию, к их же секте принадлежали китайские несториане, от которых теперь осталось только одно воспоминание, и сектанты Нассарени-Моплах Малабарского берега, у которых до сих пор древне-сирийский язык служит священным идиомом, и которые признают своим духовным главой вавилонского патриарха, имеющего пребывание в Моссуле. Неизвестно, в какую эпоху и по какому случаю назареи Персии и турецкого Курдистана покинули свою сирийскую родину, чтобы поселиться среди населений, отличных от них по расе, языку и нравам: это событие, без всякого сомнения, предшествовало гиджре, то-есть началу магометанского летосчисления. Когда мусульмане овладели Месопотамией, они не дали себе труда захватить гористую область Джуламерк, между двумя озерами Урмия и Ван, где несториане имели крепости и важные общины. Независимые *de facto*, христиане считали себя обеспеченными от всякого нападения; но в 1843 году окрестные курды мусульмане, поощряемые турецкими властями, ринулись на несторианские селения: мужчины, оказавшие сопротивление, были перебиты; женщин увели в неволю, а мальчики, подвергнутые обрезанию, были насильно обращены в магометан и таким образом сделались будущими врагами своих собственных семейств. В настоящее время Турция не имеет более покорных подданных, чем христиане Джуламерка. Подобно окружающим их курдам, они делятся на два класса, дворян или *ассирета* и крестьян, мало отличающихся от невольников. Ими управляет целая иерархия духовных лиц под патриаршей властью первосвященника-царя, известного под именем Мар-Шимун или «Господин Симон». Патриарший престол переходит в порядке наследования от дяди к племяннику; во время беременности мать будущего патриарха обязана употреблять исключительно растительную пищу, которая предписана прелатам; если надежда её не оправдается и у неё родится дочь, то она обречена на монашескую жизнь[4].

Несториане мало интересуются теологическими тонкостями о человеческом и божеском естестве Иисуса Христа, которые имели следствием раскол основателя их секты, Нестора, но

1 Niebuhr;—Gazzoni;—Rich;—Ainsworth;—Rousseau;—Forbes;—Perkins;—Wagner.
2 Ernest Kenan, „Association scientifique de France“, 1878.
3 Millingen, „Wild Life among the Koords“.
4 Eugene Bore, „Memoires d'un voyageur en Orient“;—Millingen, цитированное сочинение.

различия в обрядах было достаточно, чтобы породить вековую вражду между ними и другими религиозными сектами. Халдеи, то-есть христиане Месопотамии и Загроса, живущие по большей части в низменных местностях, вокруг Диарбекира и на севере от Багдада, присоединились с шестнадцатого столетия, по крайней мере оффициально, к римскому католицизму. Они, однако, сохранили различные обряды своего древнего вероисповедания, и священники их вступают в брак, за исключением высшего духовенства; но пребывающие среди них католические миссионеры стараются мало-по-малу сблизить халдейские обрядности с обрядностями западной церкви. Что касается несториан, оставшихся верными назарейскому культу, возникшему в Сирии, то они находятся, с 1831 года, главным образом под влиянием американских протестантских миссионеров, которые содержат около шестидесяти миссионерских станций в их стране и дают денежные пособия на содержание туземного духовенства и учебных заведений; вместе с тем они неоднократно оказывали действительную защиту горцам-христианам против турок и курдов.

Города относительно немногочисленны в этих населенных армянами и курдами гористых областях, столь часто опустошаемых разбойничьими набегами и большими военными экспедициями. К бедствиям, удручающим страну, нередко присоединяются еще голодовки. Когда недостаток дождей или какая-нибудь другая неблагоприятная причина лишит земледельцев обычного урожая, им не остается ничего более, как питаться полевыми травами, набивать себе желудок хлебом из желудей и древесной коры: не имея денег, они не могут купить себе хлеба в соседних провинциях, от которых их отделяют дикия горные тропинки. Несчастные, не умирающие с голоду, ходят побираться к соседним племенам; путешественник проезжает тогда через деревни, совершенно покинутые жителями, и через города, где развалины занимают больше пространства, чем дома. Половина населения ведет полукочевую жизнь, между зимними и летними пастбищами, и бедные постройки, возводимые этим пастушеским народом, так непрочны, что время скоро сравнивает их с окружающей почвой. Шатер, летнее жилище курдского пастуха, представляет гораздо более импонирующий вид, нежели убогая зимняя лачуга: конус из черного войлока, составляющий яркий контраст с зеленеющим пространством лугов, поднимается на 5 или на 6 метров в вышину, привязанный длинными веревками из конского волоса к кругу кольев, вбитых в землю. С той стороны, где открывается более далекий вид на горизонт гор, края палатки приподняты на двойную высоту человеческого роста наклонно поставленными столбами, на остроконечной верхушке которых войлок образует фестоны, в виде правильных кривых линий, и через это широкое отверстие видны, занятые каждый своей работой, обитатели внутренности кибитки, то на половину скрытые тенью, то выделяющиеся светлыми фигурами на черном фоне кошмы. Зимния жилища, как у армян, так и у курдов, состоят по большей части из хижин, на половину подземных, кровли которых, покрытые землей, едва отличаются от смежной почвы; одни и те же травы растут на доме и на окружающих землях, весной и летом одни и те же цветки распускаются и тут, и там. Если бы не пирамиды высохшего навоза, возвышающиеся подле каждого жилья, то можно было бы пройти по деревне, не замечая её существования. Некоторые могущественные шейхи между курдами обладают большими каменными домами, имеющими даже мраморные камины, но всегда расположенными так, чтобы хозяин постоянно имел перед глазами лошадей, которые составляют его славу и радость: стена, высотой по грудь, отделяет конюшню от большой залы и служит основанием колоннам, поддерживающим крышу[1].

На западе от Батума и дельты Чоруха, отделенных Россией от турецких владений после войны 1877 года, моряки плывут вдоль берега на пространстве 150 слишком километров, не встречая ни одного города, даже ни одного сколько-нибудь значительного местечка. Атина, древняя греческая колония, носившая некогда имя Атене, как столица Аттики, состоит лишь из разбросанных домов, и в соседстве её видны кое-какие остатки стен, которым турки

1 Millingen, „Wild Life among the Koords“.

дают название Эски-Тиребзон или «Старый Требизонд». Ризе—маленькая пристань, командуемая редутом и посещаемая покупщиками апельсинов, орешков и плотного полотна, называемого «требизондским», которое ткут лазовские женщины окрестных селений, Оф и Сюрмене—группы избушек, к которым иногда пристают барки.

Требизонд, Трапецос греков, Тиребзон османлисов, есть один из древнейших городов Малой Азии: прошло уже более двадцати шести столетий с того времени, как одна вышедшая из Синопа колония поселилась в этом месте. В древности он был столицей Понта, а в средние века сделался главным городом азиатской империи греков: известно, что в начале тринадцатого столетия Алексей Комнен основал в Малой Азии новое царство, отделившееся от Византии, которое в продолжение слишком двух с половиною веков задерживало поток магометанских завоевателей, и слава которого так воспевалась в рыцарских романах: поэты Запада любили повторять это звучное имя Требизонда. Даже после падения Константинополя. столица империи Комненов долго еще оказывала сопротивление врагу; с тех пор как и она пала в свою очередь, она снизошла на степень главного города турецкой провинции, но все еще сохранила некоторое значение как рынок Персии на Черном море; во все времена она была портом, где высаживаются пассажиры и выгружаются товары, направляющиеся в Иран, и куда караваны привозят произведения, отправляемые из Персии в западные страны. Правда, этот город не имеет хорошего рейда, и в бурную погоду суда должны становиться на якорь западнее, перед прелестным городком Платаной, утопающим в зелени фруктовых садов. Другая невыгода Требизонда та, что он лежит не у выхода большой долины, далеко проникающей внутрь страны; узкая же Деджерменская долина, прорезывающая на юго-западе вал гор, доставляет торговле лишь незначительные рессурсы; дорога, поднимающаяся на юге на плоскогорья, пролегает через труднопроходимые местности, часто заваленные снегами и выставленные холодным ветрам. Тем не менее, эта дорога, кратчайшая и удобнейшая, которая, соединяет с морем возвышенности Азербейджана через Баязидский горный проход и через Эрзерумскую равнину, есть исторический путь по преимуществу, главная диагональ Передней Азии между Индом и Понтом Эвксинским. В наши дни труднопроходимая горная тропа, соединявшая Требизонд с Эрзерумом, была заменена колесной дорогой (около 340 километров длиной), скаты которой нигде не превышают 10 сантиметров на метр, и по которой ходят даже артиллерийские обозы; но другой, окольный путь, путь железных дорог, которые начинаются у ворот Батума и Поти, чтобы направиться к Баку и продолжиться рано или поздно к Персии через прибрежье Каспийского моря, грозил уже отнять у Требизонда наибольшую часть его торговли. Почти весь сахар, отправляемый из Франции, чай и ткани, посылаемые Англией, покинули-было прежний путь на Эрзерум и направились через Закавказье; персидский экспорт тоже было значительно уменьшился, особенно по причине совершенного отсутствия безопасности и плохого состояния дорог, пролегающих через Курдский край.

Торговое движение Требизонда в 1881 году[1]: Привоз—43.329.555 фр., из которых 16.744.110 фр. в Персию. Вывоз—24.932.950 фр., из которых 3.793.390 фр. из Персии. Вместе—68.262.505 фр., из которых 20.537.600 фр., перс. транзита.

Однако, запрещение кавказского транзита, объявленное русским правительством, должно иметь следствием возвращение прежней деятельности Эрзерумской дороге. Иной караван, идущий из Требизонда в Персию или обратно, состоит из полутора тысяч вьючных животных.

Трапеция городских стен, от которой город получил свое название, существует еще до сих пор. По крайней мере, план первых валов, много раз вновь отстроенных в течение веков, сохранился в старой ограде с башнями, густо обвитыми плющом; на вершине мыса, между двумя крепостями, высится крепость, соединенная хребтом в несколько метров ширины с соседней горой Боз-тепе («Серая гора»), состоящей из трахита и вулканическаго пепла. Дворец Комненов, западная стена которого служит в то же время стеной крепости, господствует

1 Querry, „Bulliten consulaire francais“, 1882.

отвесно над глубоким и зеленеющим ущельем, по краю которого тянется извилистая линия городского вала; лежащий в развалинах замок завершает укрепления со стороны моря, и его изваянные камни образуют скалы среди вод: это почти все, что осталось от античного Трапецоса. Турецкий город, построенный амфитеатром по скату холма, возвышается своими ярко окрашенными домами, минаретами и группами деревьев над берегом моря, усеянным каиками, и над товарными складами набережной, с колоннадами, на которых натянуты рыболовные сети. Вне городских стен, на вершине холма, командующего городом с восточной стороны, расположен новый квартал Гяур-Мейдан или «Площадь неверных», населенный армянами, греками и европейскими негоциантами; там останавливаются караваны, приходящие из внутренности страны; иногда на большой площади бывают собраны целые сотни верблюдов. Посещаемый почти ежедневно пакеботами, город изменяет мало-по-малу свою физиономию и принимает вид других портов прибрежья, где люди, одетые по-европейски, постепенно завладевают главными улицами и площадями, оттесняя туземцев в их живописных костюмах в боковые улицы. В смешанном населении Требизонда персидская колония довольно многочисленна и доставляет городу почти всех его ремесленников, производящих предметы искусства: портные—преимущественно армяне: турки, как в большинстве других городов покоренной ими территории, занимают, если не считать мест чиновников, низшие должности: они метут улицы, носят тяжести и ходят на барках в море ловить рыбу *хамси* (особый вид анчоуса), потребляемую в большом количестве во всей северной части Анатолии. Кое-какие грубые гончарные изделия и фрукты садов, окружающих город зеленеющим поясом,—таковы другие местные произведения Требизонда. На юге, на высокой террасе и в огромном гроте, открывающемся на боку массива Колат-даг, восемь или десять тысяч «греческих» богомольцев посещают каждый год знаменитую Сумелийскую Панагию или Мириам-ана, «мать Марию». Даже турецкия женщины приходят в большом числе молиться о её заступничестве против лихорадки или неплодия; она может избавить от всяких бедствий, но в особенности против саранчи помощь её проявляется со всей силой; оттого на всем пространстве от Пафлагонии до Каппадокии она известна под именем «Саранчовой Панагии»[1]. Этому монастырю принадлежат громадные земельные имущества на южных берегах Черного моря, между Требизондом и Константинополем.

На запад от древнего греческого города другие названия тоже напоминают, что эллинское влияние было некогда преобладающим на всем прибрежье Понта Эвксинского. Тиреболи или Тарабулус есть один из многочисленных Триполи или «Тройных городов», стены которых давали убежище жителям троякого происхождения. Этот город имеет над Требизондом то преимущество, что он стоит при устье довольно полноводной реки, Харшута; но эта река протекает слишком узкими горными теснинами, чтобы можно было проложить по её берегам удобную дорогу, и путь, проникающий внутрь страны через Гумиш-Хане, еще более горист и более труден, чем требизондский. Далее, на морском берегу, показывается маленький порт Киресун, другая греческая колония, древний Керасос, с циклопическими стенами, откуда Лукулл привез некогда в Рим первые отсадки вишен: древнее название этого дерева (по-армянски *кераз*) доказывает, что город ему обязан своим именем[2]. Во время путешествия Тернефора Киресун был окружен лесами вишневых дерев; тем не менее однако, главную статью отпускной торговли страны составляют грецкие орехи. В 1881 году жители продали их 3.500 тонн, на сумму около полутора миллиона франков; треть этих закупок делается русскими купцами, которые грузят орехи на парусные суда.

Между Требизондом и Эрзерумом главный этап—местечко Байбурт, лежащее в бассейне реки Чорух, на её верхней восточной ветви, у подошвы подъема на Коп-даг. Это не более, как кучка лачуг и развалин подобная всем другим городам в горах турецкой Армении, исключая Эрзерума; важный крепкий замок, сельджукской постройки, господствует над местечком, менее грозный, однако, чем одна из соседних крепостей, Генис-Кале или «Генуэз-

1 Fallmerayer, „Fragmente aus dem Orient“.

2 Kiepert;—Carl Ritter, Asien“, vol. XVIII.

ский замок», воздвигнутый некогда итальянскими коммерсантами на дороге в Мидию[1]. Серебряные рудники в окрестностях Байбурта не разрабатываются более, так же, как и рудники городка Гумиш-Хане или «Серебряный дом», лежащего западнее, в верхнем бассейне Харшута, на крутом холме, который окружен цирком гранитных гор. Еще в половине настоящего столетия эти месторождения серебряной руды были самые производительные во всей Оттоманской империи; затем рудники были частию залиты водой[2]. Гумиш-Хане был главной школой горных наук, и горные инженеры из Константинополя приезжали туда изучать на практике свою профессию. Километрах в двадцати к юго-востоку от Байбурта, на медных рудниках, главная шахта которых спускалась до глубины слишком 400 метров, работало около 500 рудокопов[3]. Вся долина Чоруха усеяна развалинами замков, церквей и городов. Древний Испир представляет теперь лишь груды обломков и мусора; вообще нет ни одного города в части долины, оставленной туркам русскими, которые овладели нижней частью бассейна, где находится многолюдное городское поселение Артвин. Вся эта страна могла бы быть превращена в обширный сад, как поля боковой долины Тортума; городок того же имени поставляет на эрзерумский рынок плоды и овощи[4]. В соседстве, на плато, окруженном горами, стоят церковь и монастырь Эвек-Ванк, замечательнейший памятник грузинского искусства. Выше своего слияния с Чорухом долина Тортума заграждена обвалом, который заставил течь обратно воды этого потока, вследствие чего образовалось озеро глубиной в 105 «локтей».

Эрзерум сохранил отчасти свое прежнее важное значение, как последний оплот против русских вторжений и как место схождения торговых караванов в горах Армении: в этом городе встречаются дороги из Требизонда и Батума, из Сиваса и Диарбекира, из Багдада, Тегерана и Тифлиса. Главная транзитная торговля, направляющаяся с Черного моря в Персию, уменьшилась со времени открытия закавказских железных дорог; с другой стороны, во время турецких войн 1827 и 1877 годов самые искусные и самые трудолюбивые армянские ремесленники, особенно те, которые занимаются приготовлением металлических изделий, покинули город и последовали за победителями в русские пределы. Лишившийся в большей части своей торговли и своего промышленного труда, угрожаемый, сверх того, новыми неприятельскими нашествиями и близкими политическими переменами, Эрзерум есть один из тех городов турецкой Азии, которые особенно сильно пострадали, и где развалины занимают наибольшее пространство. Пребывание в нем пугает иностранцев по причине его суровых зим, и все, кто только может, спешат покинуть его и променять на более приятную резиденцию. Эрзерум лежит на высоте 1.920 метров, в безлесной равнине, перерезанной болотами, и в продолжение слишком полугода улицы его бывают завалены снегом; мятели нагромождают высокие снежные сугробы вокруг жилищ, и, чтобы поддерживать сообщение от дома к дому, приходится по целым неделям прокладывать дорожки при помощи лопат и метел. Несчастные, обитающие в лачугах предместий, построенных из камня или из битой глины, принуждены плотно запирать единственное отверстие своего логовища, чтобы не умереть от холода. Большинство путешественников, видя Эрзерум летом, не могут представить себе, как печален и непригляден его вид во время зимних холодов; они любуются чудным амфитеатром гор, правильными конусами убеленных снегом вулканов, украшенными пестрым ковром цветов, склонами холмов, покрытыми густой сочной травой, лугами где пасутся и отдыхают животные караванов. Почва равнины, состоящая из вулканического пепла, извергнутого кратером Сишика и смешанного с речными и озерными наносами, отличается необычайным плодородием, которое вознаграждает за невыгоды зимнего климата; урожаи вообще очень обильны. По своим богатым пашням эрзерумский бассейн естественно должен был сделаться передовым постом цивилизации среди кочевых населений.

---

1 M. Wagner, цитированное сочинение.

2 Hommaire de Hell, „Voyage en Turquie et en Perse“.

3 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

4 Deyroll, „Voyage dans le Lazistan et l’Armenie“, „Tour du Monde“, 1-er semestre 1876.

Уединенный холм, на котором стоит уже многие века Эрзерумская крепость, объясняет выбор этого места, как стратегического центра. Древний армянский город Арзен, куда караваны приходили обменивать свои товары, лежит восточнее. Форт Феодосия или Феодосиополис, построенный в начале пятого столетия на горе над городом Гарин или Карин, тоже получил впоследствии имя Арзен, но это был Арзен-эр-Рум, или Арзен «римлян», то-есть византийских греков. Мало найдется городов, которые так часто подвергались бы осадам и завоеваниям, как Эрзерум; укрепленное место византийцев, персов, сассанидов, арабов, монголов, турок, русских, он был последовательно добычей всех народов, которые встречались на этом хребте Передней Азии. Он принадлежал поочередно всем, исключая только той нации, на территории которой он находится; мало того, до первого вторжения русских войск (в 1827 году), эрзерумские армяне должны были терпеть всевозможные унижения со стороны османлисов: теперь, напротив, те из них, которые считают себя имеющими право на покровительство русского консула, безнаказанно бравируют над турками, но и они не могут надеяться на иную участь, кроме перемены одного господина на другого. Смотря по превратностям войн, численность населения изменялась в поразительной пропорции; так, до осады 1829 года, Эрзерум имел, говорят, 130.000 жителей; в следующем году цифра его населения спустилась до 15.000 душ. Часто собаки были единственными обитателями покинутых людьми кварталов. В настоящее время город не имеет уже замечательных памятников зодчества, исключая живописной цитадели из сероватого базальта и мечети «Двух минаретов», покрытой эмальированными изразцами в персидском стиле. Местная промышленность заключается почти только в котельном мастерстве, да в выделке кож; производство оружия, составлявшее прежде столь важный промысел, занимает теперь лишь небольшое число мастеров. Рудники не разрабатываются более, а между тем эта страна, по преданиям, была отечеством первых кузнецов, родиной тех тибаренцев и холибов, которые умели уже делать оружие и орудия из железа и бронзы в то время, когда их соседи употребляли еще неолитовые (каменные) снаряды[1].

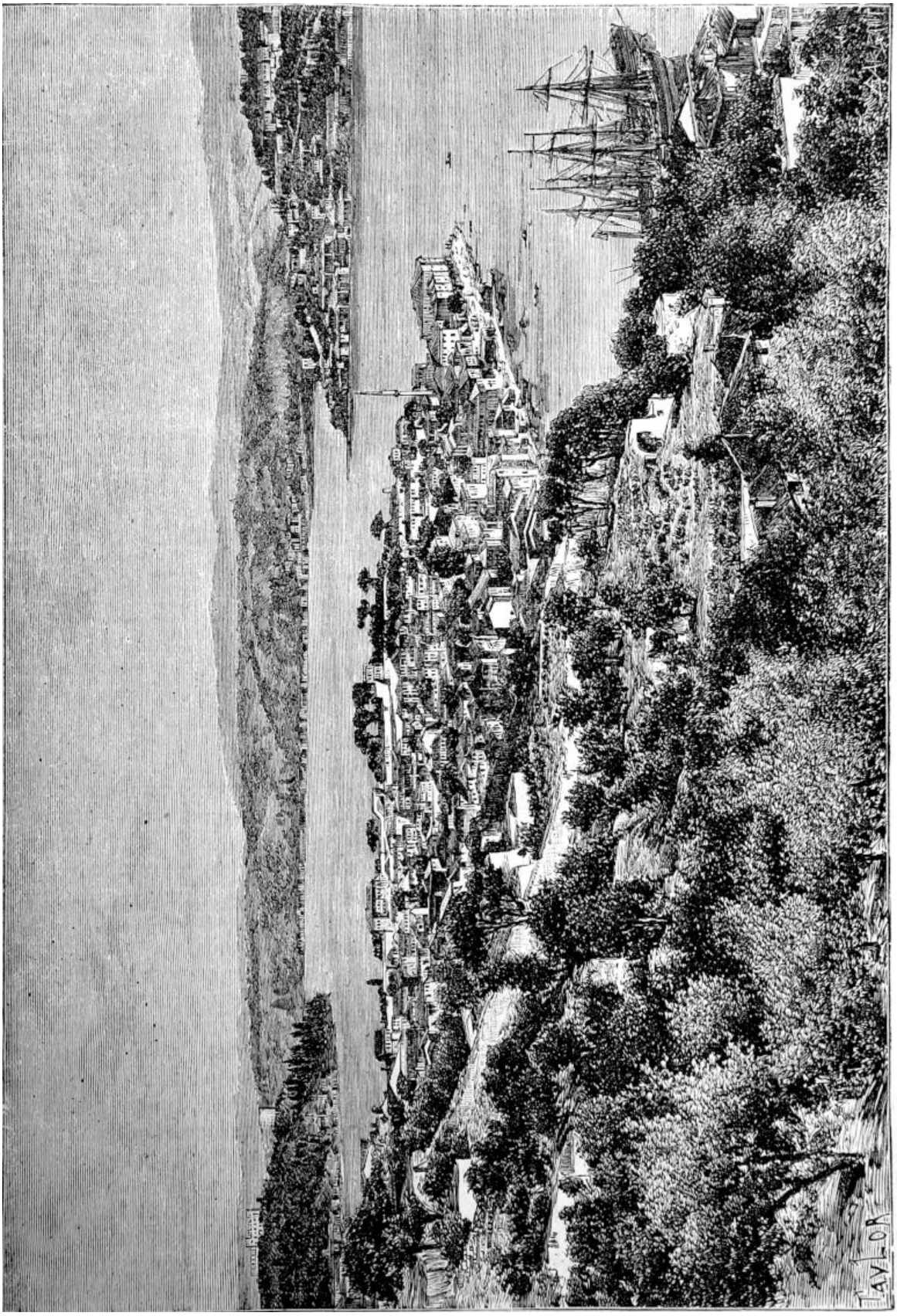
К западу от Эрзерума дорога спускается, следуя по берегу верхнего Евфрата или Карасу, проходит вскоре затем мимо илиджийских терм, наиболее посещаемых горячих источников Армении; затем пролегает последовательно через несколько многолюдных бассейнов, чередующихся с узкими ущельями; но городов она не встречает на расстоянии около 200 километров, пока не достигнет плодоносной равнины, по которой протекают несколько ручьев и речек, притоков Евфрата. В этой равнине находится Эрзенджан или Эрзинган, очень древний город. Уже в до-христианскую эпоху Эрез пользовался большой славой в Армении, как святилище богини Анагид (Анаитис), которую эллины смешали с Артемидой, превратившейся впоследствии в римскую Диану и, наконец, уступившей место Панагии христиан. Древний храм Анагиды был преобразован в церковь Пресвятой Девы.

Эрзенджан был до Эрзерума главным городом той области Гаик, от которой гайканы или армяне получили свое название, и в окрестных возвышенных долинах находятся некоторые из «святых гор», наиболее чтимых. Когда известный венецианский путешественник Марко Поло посетил Эрзенджан, последний был большим городом, где выделывалась «лучшая в свете материя букеран», вероятно, кисея. Кроме того, там были в то время «лучшие минеральные воды, какие только существуют», воды, которые ныне уже неизвестны, или по крайней мере не эксплоатируются. Впрочем, может быть, сотрясения почвы перенесли их на другое место, так как эта область много пострадала от землетрясений; в 1667 году сильный подземный удар ниспроверг город и разверзшаяся земля поглотила половину его жителей. Лежащий на высоте 1.366 метров, Эрзенджан пользуется значительно более теплым климатом, и окружающие его плодоносные равнины производят уже культурные растения, свойственные умеренному поясу: город опоясан фруктовыми садами, виноградниками, плантациями дынь и арбузов.

Ниже Эрзенджана утесы приближаются к руслу, и одно из ущелий, в которые вступает

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. X;—Francois Lenormant, „Les Premieres Civilisations“.

Евфрат, и куда дорога не может следовать за ним, образовано почти вертикальными стенами, поднимающимися на высоту от трехсот до пятисот метров. На вершине и склонах одного из мысов или выступов горы, предшествующих ущелью, раскинулся старый город Кемах,



Видъ Босфора передъ Арнаутъ-Кіой.

окруженный крепкой стеной, составляющей продолжение крутых скатов скалы. В этом-то неприступном городе, до которого прежде не мог добраться никакой неприятель, находились, в начале христианской эры, прекраснейшие храмы армянских царей, их сокровища,

их государственная тюрьма и усыпальницы. У подошвы холма, леса шелковичного дерева, которые тянутся по берегу реки, привлекают весной мириады перепелов, на внезапное появление которых туземцы смотрят, как на чудо. Контраст зеленеющих садов и голого камня горы придает восхитительный вид древнему Кемаху. Но еще несравненно замечательнее город Эгин или Акин, расположенный на правом берегу Евфрата, Кара-су, вниз от «Глубокой долины», через которую выходит приток Чалтачай: в этом месте река, переставая течь на запад, как бы для того, чтобы направиться к Александретскому заливу, начинает описывать ряд кривых, которыми она и выходит из гор Армении. Когда стоишь над Эгином, на краю плато, господствующего над ним с западной стороны, и смотришь на город, приютившийся на дне пропасти глубиною в 1.000 слишком метров, он кажется весь лежащим в долине; но когда спустишься на берег реки, через которую построен деревянный мост, город представляется поднимающимся по склону амфитеатром среди скал, изрезанных в форме башен и шпицев. Тополи и чинары окружают основание холмов; орешники с широко-раскинувшимися ветвями, сады, наполненные тутовыми деревьями, плод которых дает жителям значительную долю их продовольствия, покрывают откосы осыпи, опирающиеся о белыя стены скалы. Эгин, о котором Мольтке говорит, что «это—самое грандиозное и самое прекрасное из всего, что он видел в Азии», служит местопребыванием для большого числа армян, нажившихся себе состояние в Константинополе или в городах равнины: оставившие дела или службу банкиры, негоцианты, носильщики поселяются здесь на постоянное жительство, чтобы пользоваться своими достатками, приобретенными правдой или неправдой, или удалиться на покой и жить пенсией, дорого купленной. В побочной долине, где течет приток Чалтачай, находится важный город Дивриг или Дивриги, построенный, как полагают, на том самом месте, где стоял в древности Никополис или «Град победы», напоминавший о торжестве Помпея над Митридатом[1]. Зоб—очень обыкновенный недуг в этой области гор, особенно в Эгине.

К востоку от Эрзерума, дорога пролегает через легкопроходимый перевал (2.090 метров), возвышающийся всего только на 125 метров над городом, Деве-бойну—Верблюжий перевал,—который прежде был укреплен, чтобы защитить город от русских; порог разделяет бассейн Евфрата и бассейн Аракса. С этой стороны проход тоже был защищен крепостью, теперь бессильной против русских. Гассан-Кале или «Замок Гассана» в настоящее время не более, как маленькая группа домишек, раскинувшаяся у подошвы холма, где видны остатки форта, постройку которого единогласное, но ошибочное, предание приписывает генуэзцам[2]. Итальянские купцы, если верить этому преданию, обставили крепкими замками караванную дорогу между Требизондом и Тавризом. В окрестностях Гассан-Кале бьют из земли горячие ключи, принадлежащие к числу наиболее посещаемых в Армении, вообще столь богатой минеральными источниками высокой температуры.

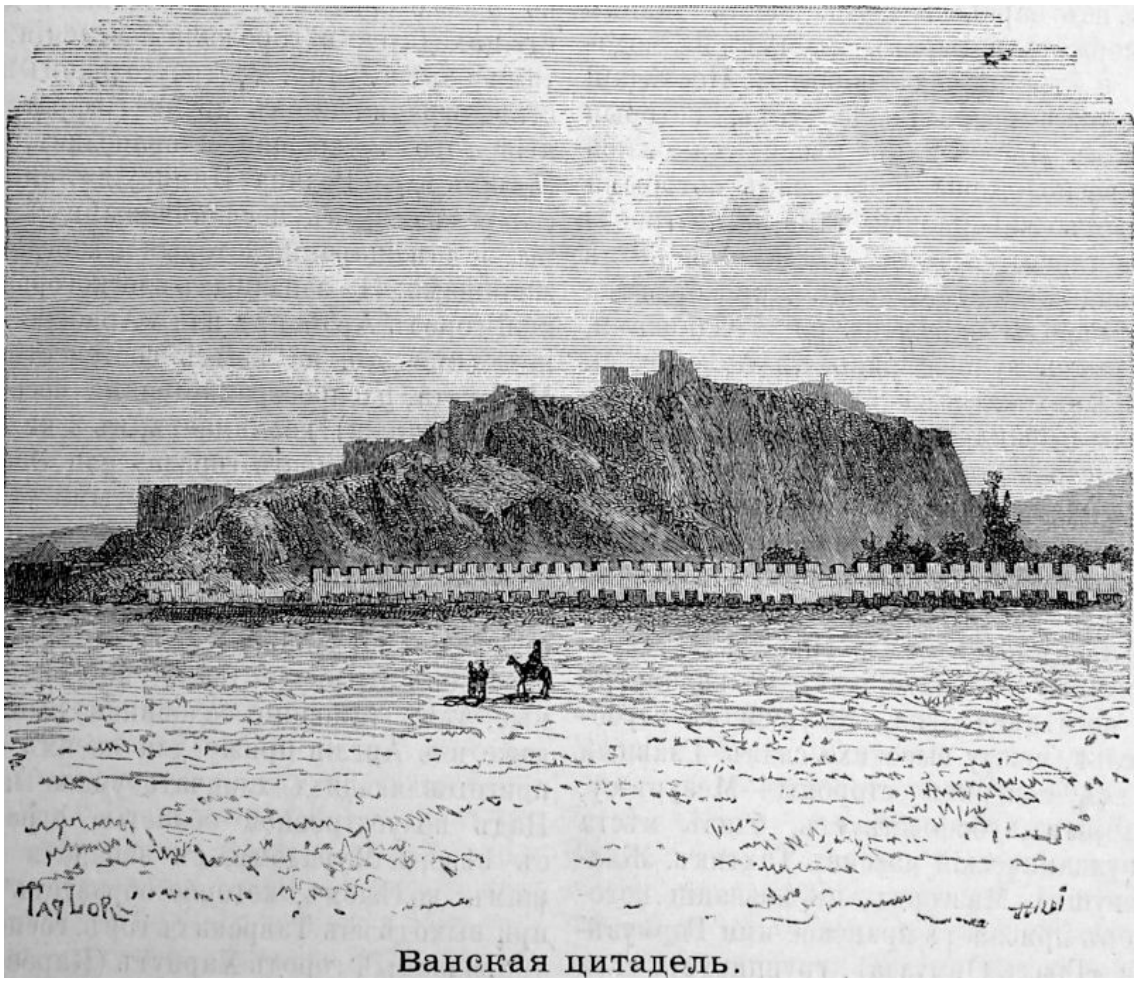
Ниже Гассан-Кале, близ закавказской границы, дорога раздвояется: один путь, направляющийся на северо-восток, следует по течению Аракса до городка Хорассан, затем идет через плоскогорья и достигает крепости Карс, тогда как дорога в Персию, оставаясь на турецкой территории, переходит реку по «Мосту пастухов», постройку которого легенда приписывает Дарию, сыну Гистаспа, и многочисленными кругами поднимается на порог Дели-Баба или «Глупого отца», откуда снова спускается в долину верхнего Мурад-чай, то-есть восточного Евфрата. Городов там нет. Топра-Кале. некогда один из центров армянского населения, был почти совершенно покинут после первого вторжения русских войск, и теперь представляет почти одни развалины. Уч-Килисса или «Три церкви», лежащий выше, в одном из ущелий восточного Евфрата, замечателен только как место паломничества, куда стекаются армяне со всех сторон, даже из глубины Персии и с берегов Дона, чтобы поклониться мощам святого Сург-Оаннес, то-есть Иоанна Крестителя, которые, по преданию, передавались

1 Von Moltke, „Briefe uber Zustande und Begebenheiten in der Turkei“.

2 Brant, „Journal of the Geographical Society“,1836;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

от мученика к мученику и дошли, наконец, до Григория Просветителя[1]. Еще выше встречаем Диядин, построенный у подножия старинной крепости, в том месте, где соединяются первые истоки Мурада, выходящие из массива Ала-даг. Диядин давно уже утратил ранг города и теперь представляет лишь незначительное, все в развалинах местечко, где останавливаются караваны, при входе или выходе из персидской территории. Неподалеку оттуда некогда стоял большой город Зараван, который разрушили персы в половине четвертого столетия, и который, говорят, имел в ту эпоху около 80.000 жителей, в том числе до 50.000 евреев.

Баязет, лежащий на юг от большой дороги и водораздельного хребта между бассейном Евфрата и бассейном озера Урмия, сменил собою другой, исчезнувший армянский город, Пакован, основанный в первом столетии христианской эры. Нынешний город, названный



Ванская цитадель.

так по имени султана Баязида I, его основателя, есть одна из живописнейших групп развалин в Передней Азии. Амфитеатр строений покрывает круто наклоненные скаты, которые увенчаны двойной террасой полуразрушенного дворца и изящным минаретом мечети. Над дворцом господствует цитадель, стены которой опираются на узкие карнизы горы. Еще выше, громадная скала красного мрамора с белыми прожилками горделиво вздымает свои крутые стены, изрезанные наверху тысячами причудливых зубцов, а за скалой высоко поднимается убеленная снегом вершина. Дворец Баязида, произведение одного персидского архитектора, еще недавно был прекраснейшим памятником зодчества во всей Оттоманской империи[2]: его портики, колоннады и стены сделаны целиком из богатого красного мрамора, выломанного из соседней горы. Скульптурные работы, составленные из арабесок и переплетающихся листьев, отличаются удивительным совершенством и отчетливостью отделки; но, обладая более строгим вкусом, чем большинство персидских артистов, художник, украшавший памятники и дворец Баязида, не впал в излишество до такой степени, чтобы испещрить

1 Moritz Wagner, „Reise nach Persien und dem Lande der Kurden“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. VIII.

2 Brant, „Journal of the Geographical Society“, 1836.

орнаментами все стены. Теперь мечеть низведена на степень казармы; соседния здания, поколебленные землетрясениями, дали трещины, часть города обрушилась, но прелестный минарет сохранил еще свое равновесие[1]. В прежнее время из Эривани страдавших лихорадкой посылали лечиться в здоровом воздуха Баязета[2].

К югу и юго-западу от бассейна, некогда озерного, в котором соединяются Мурад-чай и Шариан-чай, приходящие с плоскогорий Пасин, между Гассан-Кале и Топра-Кале, течение восточного верхнего Евфрата не было еще исследовано на всем его протяжении, хотя через эту область проходили многие путешественники: ни одна большая караванная дорога не направляется в сторону этой возвышенной речной долины, и живущие там курдские племена более дики и потому более опасны, чем в других местах; даже на подробных картах тех мест оказываются еще большие пробелы. При том же местечки и деревни редки в этой гористой стране, где население много уменьшилось с тех пор, как столько армян добровольно выселились из своего отечества. Мелезгерд или Маназгерд, который находится на берегу «Соляной реки» (Тузла-су), южного притока Евфрата, снабжает солью большую часть Армениетана. Муш, главный город пашалыка, орошаемого Мурадом, лежит не на реке, а в обширной боковой равнине, при выходе ущелья, стены которого состоят из красных скал, и над которым господствуют голые горы, покрытые снегом в продолжение шести месяцев в году. Благодаря своему более низкому положению (он лежит на 500 метров ниже Эрзерума), Муш пользуется менее суровым климатом, в садах его растут фруктовые деревья, и даже виноградники лепятся по откосам, опирающимся о скалы. Лежащая в развалинах цитадель была некогда местопребыванием тех мамигонцев, которыми управляли князья, пришедшие из Дженасдана, то-есть из Китая, в первые века христианской эры[3]. Мушский округ замечателен, как место рождения двух армянских знаменитостей: Мезропа, изобретателя гайканской азбуки, и историка Моисея Хоренского.

По принятии в себя притока Мушской равнины, одного из многочисленных Кара-су («Черная вода»), который тихо изливается из «бездоннаго» кратера, открывающагося среди равнины, Мурад вступает в ущелье, куда он низвергается каскадом: шум падающей воды, усиливаемый отражением звука от стен ущелья, подал повод дать ближайшей к водопаду деревне имя Гургур или Куркур. Река, хотя уже очень полноводная, еще не судоходна: ударяясь о скалы, она кружится в виде длинных водоворотов, затем ниспадает стремнинами через пороги, образуемые камнями её ложа; горы, пересекающия её течение, оставляют ей в некоторых местах лишь узкую расселину между двух вертикальных стен или крутых склонов, поднимающихся на несколько сот метров. У селения Акраклы, Мурат имеет всего только «двадцать шагов в ширину»[4]. Он начинает принимать характер реки с правильным руслом лишь вниз от Палу, но попытки судоходства, сделанные от этого города до слияния двух Евфратов, Мольтке и Мюльбахом, не имели успеха; течение реки, которая находится еще на высоте 868 метров перед Палу, слишком наклонно, чтобы барка могла безопасно пуститься там в плавание; рыбаки употребляют *келлек*, то-есть тонкия доски, связанные веревками и поддерживаемые мешками из бараньей кожи: шесть таких плотов держат четырех человек на водоворотах и стремнинах порогов. Последний мост на реке выше Гилле—тот, который построен в Палу; над рекой, на южной террасе, расположены дома, над которыми господствует живописный замок, построенный, как гласит легенда, гениями, и подле которого видны на одной скале клинообразные надписи. Город окружен виноградниками, которые дают лучшее вино в Армении; на юго-востоке находятся важные железоделательные заводы Сиван-Маден, основанные среди страны, столь богатой железом, что там даже нет надобности рыть рудники: холмы и долины усеяны глыбами черной руды, которых хватило бы на

1 Chantre;—Barry, „Mission Scientifique dans la haute Mesopotamie, le Kourdistan et le Caucase“.
2 M. Wagner, цитирован. сочинение.
3 Saint-Martin, „Memoire sur l'Armenie“.
4 Muhlbach, „Karte von einem Theile des Euphrates bei Palu“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

целые века для работы обширного завода[1]. Близ Сиван-Мадена водораздельный порог между Тигром и Мурадом отстоит не более, как на километр от этой последней реки, текущей в глубоком ущелье, между высоких скал. Главный приток с северной стороны—Мезур-су, над которым господствует, близ места слияния, вулканический массив Тахтик. Жалкая деревушка Мазгерд, в названии которой Тэйлор признает иранское имя Гормуз-герд или «Град Ормузда», группирует свои хижины в котловине из вулканического пепла, у подножия площадки, где некогда стоял жертвенник Огня, видимый с громадного расстояния. Окрестные кизыль-баши и армяне с благоговением прикладываются к обломкам священных построек[2].

Ниже слияния двух Евфратов, Мурада и Кара-су, река сохраняет еще для туземцев имя Мурад, данное ей, как говорят, в честь султана Мурата I, построившего многочисленные крепкие замки на холмах её берегов; наименование Фрат, принадлежащее ветви Кара-су, дается обыкновенно соединенным водам лишь при входе их в равнину. В месте соединения двух ветвей нет ни одного большого города: Кьебан-Маден, находящийся в небольшом расстоянии ниже слияния, на левом берегу, очевидно, обязан своим происхождением лишь рудникам содержащего серебро свинца, недавно заброшенным, которое находятся в окрестных горах, так как он построен среди скал, в котловине без деревьев, даже без кустарника, в местности, не представляющей никаких естественных преимуществ. Сближающиеся местами утесы обоих берегов, съуживающие реку, мешают также постройке дорог, и потому караваны проходят выше, по плоскогорьям и в боковых долинах, где находятся и городские поселения, с мечетями и крепостями. В треугольном пространстве, ограниченном двумя Евфратами, главный город—древний Гиераполис, Чемеш-гадзак или «Родина Цимисхия», окруженный с трех сторон песчаниковыми скалами, изрытыми пещерами, которые некогда служили жилищами. На западных плоскогорьях, большой город Арабкир или «Арабское завоевание» (имя это, на языке соотечественников Магомета, распространяется на весь полуостров Анатолии)[3] занимает, в 3 километрах к югу от «старого города» или Эски-Шер, дно впадины, окруженной крутыми утесами из черного базальта; но трудолюбие жителей превратило темную котловину в цветущий сад, грозные стены естественной ограды из лавы проглядывают лишь сквозь зелень больших деревьев. Арабские ткачи, не менее деятельные, чем тамошние садовники, выписывают даже из Англии пряжу для своих станков, приготовляющих хлопчатобумажные материи. Над полуостровной областью, ограниченной с севера Мурадом, с запада и юга большим коленом, которое образует Евфрат при выходе из Таврских гор, господствует укрепленный город Харпут (Карберд), крутой холм которого возвышается над плодоносной и хорошо возделанной равниной, производящей все плоды умеренного пояса. Посреди этой богатой местности находится город Мезере, называемый также «Новым Харпутом». «Армянская коллегия», основанная в Харпуте американскими миссионерами, есть главное общественное учебное заведение в этих двух странах—Армении и Курдистане. Целые партии эмигрантов спускаются каждый год с возвышенностей Арабкира и Харпута, чтобы идти искать счастья в Константинополе, Диарбекире, Дамаске, Алеппо и других городах малоазийского берега; в Алеппо почти в каждом доме найдешь слуг или работников, выходцев из Арабкира.

В юго-восточной части армянских плоскогорий самый большой город дал свое имя озеру Ван. Он расположен почти в 3 километрах от берега озера, в гладкой равнине, окруженной с трех сторон—северной, восточной и южной—крутыми известковыми склонами без всякой растительности. Уединенная скала, совершенно голая, как глыба вулканического шлака, высоко поднимает над домами с террасами свои ярко-белые и красные стены, блистающие на солнце ослепительным светом. Собственно город обведен на трех сторонах равнины широкими рвами и двойной оградой зубчатых стен с башнями по бокам. Но внешний город, город Багларов или «Садов», гораздо более значителен и раскинулся на пространстве несколь-

1 Von Moltke, „Briefe uber Zustande und Begebenheiten in der Turkei“.

2 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.

3 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868;—Л. Мечников, рукописные заметки.

ких километров: местность эта так плодородна, что даже сложилась поговорка: «Ван в этом свете и рай в том!» Протекающие по равнине ручьи поддерживают богатую растительность, состоящую из фруктовых деревьев, осин и других древесных пород с раскидистыми ветвями. Летом почти все население покидает замкнутый город и переселяется в город садов, чудеса которого остаются неизвестными проезжающему путешественнику; дома и высокие стены, окаймляющие дороги и их ивовые аллеи, заслоняют кущи зелени и цветов. Вино, получаемое из виноградников Вана, легко и очень приятно на вкус. Женщины этого края ткут волнистую материю, род объяра, из козьей шерсти, непромокаемую и, по справедливости, высоко ценимую, даже в Константинополе[1].

Обнесенный стеной город иногда обозначается именем Шемиран или Семиран подобно многим другим местам Курдистана и Персии, их деревням, долинам или горам; история, в самом деле, говорит нам, что прежде чем получить название Ван, данное по имени одного армянского царя, который был его вторым основателем, этот город обозначался специально как «Град Семирамиды» или Семирамгерд. Древний армянский историк Моисей Хоренский, сам видевший великолепные дворцы, основание которых предписывали знаменитой царице, рассказывает, что она прислала из Ассирии 60 зодчих и 42.000 рабочих, и что эта армия каменщиков и художников трудилась пять лет над постройкой дворца и садов, которые сделались одним из «чудес света». Семирамида основала там свою летнюю резиденцию, чтобы пользоваться чистым горным воздухом. От ассирийских зданий теперь уже не осталось следов, но тем не менее скала, на которой стоит цитадель Вана, представляет неисчерпаемый рудник для изысканий археологов. Эта громадная масса нуммулитового известняка, около 600 метров в длину и поднимающаяся почти на сто метров в своей высшей точке, делится на три главных массива, имеющих каждый галлереи, лестницы, подземелья, надписи. На стенах её на всех высотах виднеются линии клинообразных письмен. Первый ученый, который их скопировал, Шульц, вскоре после того убитый разбойниками в Курдском крае, должен был расположиться на минарете, чтобы оттуда изучать их в телескоп; впоследствии, другой исследователь, г. Дейроль, только с помощью веревок и лестниц, висящих высоко над пустым пространством, мог добраться до надписей и взять с них оттиски. Одна из этих надписей, сделанная на трех языках, как и надпись в Бисутуне, рассказывает почти в тех же выражениях о подвигах Ксеркса, сына Дария; но другие гораздо более древние письмена долго ускользали от разъяснения. Благодаря терпеливым усилиям г. Гюйарда и профессора Сэйса, мы теперь имеем целый ряд чтений древнейших надписей; эти тексты на древне-армянском языке не составляют более тайны, и мало-по-малу раскроются события, рассказываемые мраморными архивами. В окрестностях Вана тоже встречаются скалы, испещренные надписями, из которых многие еще ожидают своих истолкователей. В одной из внутренних зал Ванской скалы сочится из камня источник горной смолы[2]. На юго-восток от Вана другая ассирийская крепость, Топра-Кале, смелая постройка из базальтовых глыб, поставленная на известняковой скале, была недавно исследована гг. Шантром и Барри.

С высоты укреплений, которые образуют три главные группы стен и башен, открывается великолепный вид на обширный амфитеатр гор и голубую поверхность озера, в которой отражается белый конус Сеибан-дага. По ту сторону армянского внутреннего моря стоит городок Ахлат, расположенный на берегу бухты, в том месте, где дорога, идущая из Муша по Евфрату, поднимается к порогу, занимаемому водами озера Назик. Это не более, как незначительный остаток некогда многолюдного города, развалины которого рассеяны среди садов, и который окружен некрополями, вырытыми в песчаниковых скалах окрестностей. К востоку от Вана, местечко Эрчек, вокруг которого летают несметными стаями чтимые жителями вороны[3], господствует над южным берегом озера Эрчек или Эртеш. Далее, за этим местечком, обрисовывается на горизонте цепь гор, служащая границей между двумя империями, и че-

1 Millingen, цитированное сочинение.

2 Loftus, „Turko-persian frontier“.

3 Ernest Chantre, „Mission scientifique dans l’Asie occidentale“.

рез которую проходит «перевал Разбойничьего притона», хорошо известный курдским грабителям; на иранском склоне находится военный порт Котур, принадлежавший прежде Турции и присоединенный к Персии по берлинскому трактату, с территорией в тысячу квадр. километров. Последняя турецкая долина, которая начинается на южной стороне Баязидских гор,—это великолепная равнина Абага, зеленеющие поля которой составляют резкий контраст с крупными склонами снеговых гор.

К юго-западу от Вана показывается гористый остров Актамар, некогда полуостров, который постепенной прибылью в озере был отделен от твердой земли и теперь удален от берега на 4 километра. Актамар долгое время служил местопребыванием армянских царей, которым обязана своим происхождением стоящая по середине острова древняя церковь, построенная в десятом столетии: это самый красивый и самый богатый храм в турецкой Армении; актамарские патриархи претендовали на равное достоинство с эчмиадзинскими католикосами. К югу от Вана, в одной долине, несущей свои воды в озеро, находится другой знаменитый монастырь, называемый Едди-Килисса, то-есть «Семь церквей»; молодые армяне из богатых семейств воспитываются там в коллегии, соперничающей с Ванской нормальной школой и организованной, как и эта последняя, по образцу наилучших заведений Запада[1]; в этих глухих местностях, лежащих в стороне от больших центров населения, образование более распространено, чем можно было бы ожидать; часто европейский путешественник с удивлением слышит от гайканских крестьян приветствие на французском языке[2]. Армяне, обитатели этой страны, большие любители путешествий: тысячи из них побывали на своем веку в Багдаде, Алеппо, Константинополе, Вене, Париже. Деревни южного берега озера Ван каждый год посылают сотни носильщиков на набережные Стамбула и черноморских портовых городов; камнетесы, очень искусные в своем ремесле, тоже спускаются целыми группами со своего нагорья. Впрочем, совершенно естественно, что горцев тянет к богатым равнинам, которые расстилаются у подошвы их гор, и к которым их ведет течение ручьев и речек, бегущих к Тигру, Евфрату и Понту Эвксинскому[3]. В 1837 году насчитывали слишком 30.000 эмигрировавших из Ванского округа рабочих или торговцев, а обратное движение этой временной эмиграции простиралось средним числом до 3.000 душ в год.

Главные города Понта и турецкой Армении, с их приблизительным населением:

Требизондский вилайет: Требизонд—35.000 жит.; Керасунд, по Геллю—4.000; Тиреболи, по Геллю—3.000; Гумиш-Хане—5.000; Платана—2.500; Ризе—2.500 жит.

Ванский вилайет: Ван—233.269 жителей; Муш—338.393 жит.

Эрзерумский вилайет: Эрзерум—39.000 жит.; Эрзенджан—23.000; Байбурт—20.000; Баязид—1.000 жит.

Харпутский вилайет: Арабкир, по Тэйлору—35.000 жит.; Харпут—20.000; Дивриги—10.000; Эгин, по Геллю—8.500; Палу, по Тозеру—7.500; Чемеш-гадзак, по Тэйлору—4.000; Аргана, по Бранду—3.500; Кьебан-Маден, по Брандту—2.500 жит.

III. Бассейны Тигра и Евфрата

Нижний Курдистан, Месопотамия, Ирак-Араби

Область Передней Азии, орошаемая двумя большими реками, Тигром и Евфратом, хотя и лежит среди континента, однако, представляет собою одну из стран, которые всего рельефнее отличаются от окружающих земель своими физическими чертами и историей своих народов. Нигде вид почвы и местности не показывает лучше, насколько судьбы наций гармо-

1 Deyrolle, „Tour du Monde“, 1876.

2 Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor“.

3 Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

нируют с землей, на которой они живут[1]. Без Тигра и Евфрата как объяснить халдейскую цивилизацию или могущество Ассирии? Подобно тому, как имя Египта вызывает представление о Ниле, заключенном между двумя пустынями, затем разветвляющемся в дельту, так точно слова Вавилон и Ниневия напоминают о двух больших реках, окружающих равнины Месопотамии своими водами, беловатыми или желтыми от примеси твердых частиц. Населения равнин, заключающихся между Тавром и Персидским заливом, важностью своей исторической роли обязаны были, очевидно, не по собственному достоинству той или другой расы, ибо нации, которые организовались в области этих двух рек, имеют многосложное происхождение и образовались из самых разнородных элементов. Именно смешение этих рас, в среде, благоприятной их слиянию, так же, как их развитию интеллектуальному и социальному, и доставило Халдее и Ассирии продолжительное первенствующее значение в истории древнего мира.

Иранское плоскогорье, господствующее с востока над равнинами Тигра, расположено относительно этих низменностей как поперечная запруда, откуда стекают воды. Месопотамия представляет как бы водоспуск для населений соседних возвышенностей, которые легко могли спускаться через ту или другую из долин, наклоненных к Тигру, и акклиматизироваться, останавливаясь на каждом из лежащих на пути уступов. Точно также жители армянских гор и жители Тавра, на севере и на северо-западе, были естественно привлекаемы к равнинам, орошаемым двумя большими реками. Наконец, горцы прибрежных цепей Средиземного моря тоже устремляли взоры к Евфрату через узкую полосу пустыни. С трех сторон, обширный полумесяц равнин, покатых к Персидскому заливу, окружен возвышенностями, жители которых, так сказать, чувствовали естественное влечение к низменным полям, к обильным водам и плодоносным морским берегам. Всем этим переселенцам, пришедшим с огромной горной окружности, Месопотамия представляла аналогичные условия; разнородные элементы были ассимилированы в одну цивилизованную нацию, и из всех этих этнических контрастов образовалось высшее единство.

Как исторический путь, долина Евфрата имела, вместе с долиной Тигра, капитальную важность в древнем мире. Там проходит дорога, соединяющая линии берегового судоходства между Индией и странами Средиземного моря. Долина, продолжающая через Переднюю Азию поперечную впадину Персидского залива, достигает на северо-западе прибрежного пояса Средиземного моря, и через пролом гор сообщается с нижней долиной Оронта: таким образом естественное понижение рельефа почвы продолжается непрерывно от одного моря до другого. С тех пор как люди научились управлять своими судами на волнах, Евфрат естественно должен был сделаться посредником между Востоком и Западом и заменить труднопроходимые тропинки Ирана через горы и плоскогорья. Путь по Евфрату представляет, хоть в меньшей степени, выгоды, сходные с выгодами, присущими Нилу, и потому движение истории совершалось параллельно в той и другой стране. Вавилон был естественным соперником Египта во всемирной торговле; оттого могущественные государи этих стран всегда пытались завоевать соперничающую дорогу, чтобы уничтожить или обратить в свою пользу её конкурренцию[2]. По крайней мере была эпоха, когда Месопотамия, повидимому, имела перевес, как средоточие торгового обмена. Двадцать пять веков назад, Вавилон был складочным местом богатств Индии, и, чтобы иметь в своем владении всю транзитную дорогу, царь Навуходоносор, уже владевший портом Тередон, на Персидском заливе, овладел городом Тиром, на Средиземном море. Евфрат, сделавшийся тогда главным торговым путем во всем свете, превосходил по важности даже дорогу Красного моря и Нила. Персидские завоеватели, привыкшие к нагорным дорогам и неопытные в морском деле, остановили движение торгового обмена между Индией и Месопотамией; видя в реках оборонительные линии, а не дороги, они перерезали их течение запрудами, с целью помешать судоходству и обеспечить себя от попыток нападения. Сделавшись повелителем империи персов, равно как стран по Нилу,

1 „Ueber raumiiche Anordnungen auf der Aussenseite der Erdballs“.

2 Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l’Orient“.

Александр Македонский, понимавший цену двух великих торговых путей, перешедших под его власть, пытался реставрировать евфратскую дорогу. Он разрушил запруды, задерживавшие воды, выпрямил течение обеих рек, восстановил порт Тередон, велел построить флоты и вырыть в Вавилоне доки, где могли поместиться до тысячи судов. Эти усилия не были бесплодны, и не только во времена греческого господства, но еще и после Селевкидов, течение Евфрата оставалось дорогой между Востоком и Западом. При калифах, когда арабы обладали еще той могучей силой первого порыва, который дал им половину известного тогда света, рынки Месопотамии возобновили свою деятельность в международной торговле. Впоследствии эта область Турецкой империи обратилась в пустыню; но не видим ли мы уже предвестников возвращения счастливых дней для Месопотамии? Отлив цивилизации распространяется к тем странам, откуда к нам пришла её приливная волна. Афины, Смирна и Александрия снова выступили на всемирную сцену; точно также возродится, без сомнения, и Вавилон.

Взятая во всей совокупности её исторической жизни, эта область Передней Азии есть, бесспорно, одна из тех стран, которые пользовались наиболее продолжительной цивилизацией. Когда мидяне и персы наследовали могущественной ассирийской державе, были уже тысячи лет, как династия халдеян, эламитов, вавилонян, ниневийцев последовательно сменяли одна другую в равнинах Месопотамии, и как их учреждения, культы и языки совершали свою эволюцию. Прибрежные жители Двух Рек возводили свою мифическую историю к тем отдаленным временам, когда произошло великое наводнение, которое подало повод к преданию о потопе, сохранившемуся в их рассказах[1], и их достоверные летописи начинаются слишком за сорок одно столетие до нашей эпохи[2]. Но еще ранее, до этой, ныне несомненно установленной исторической даты, какой длинный культурный период должен был пройти для того, чтобы различные элементы, представленные скифами или туранцами, «древнейшими из людей»[3], иранцами, семитами, жителями острова Тильмун—может быть, нынешнего Барейна—могли смешаться и выработать религии, нравы, политические учреждения, запечатленные характером единства! Новейшие исследования не указывают ли также на тот факт, что и наука китайцев, которую так долго считали совершенно самобытной, самостоятельно возникшей на восточной покатости Старого Света, имеет в действительности халдейское происхождение и получила начало на берегах Евфрата?[4] Вавилонское чародейство мы находим даже у тунгузов.

Так велико было превосходство и влияние цивилизации древних халдеев, что окрестные населения, в своих легендах, помещали между двумя реками Месопотамской низменности то идеальное место, где первые люди жили в невинности и радости. Как все народы, обитатели бассейна Евфрата должны были относиться с особенным благоговением к той стране, откуда к ним пришли искусства и науки, и эта страна превращалась в их глазах в благодатный и счастливый край, в «рай», в «Эдем»—где смерть не имела власти, куда не пробирался змей-искуситель. Иранцы обращали взоры к долинам Эльборджа или Эльбурса; индусы переносились мысленно в страну «Семи рек», над которой господствует священная гора Меру; точно также евреи, пришедшие из Месопотамии, устремляли взоры к области её рек, и их рай имел границами течения Тигра и Евфрата, а также течения рек Пизон и Гихон, оставшихся неизвестными. Матросы, поднимающиеся вверх по Шат-эль-Арабу, никогда не упускают случая показать путешественникам, как местоположение земного рая, старые деревья, растущие в Корна, при слиянии двух рек. Много существует теорий, предложенных археологами и толкователями Священного писания, которые пытались с точностью определить место, где книги евреев помещали сад блаженства; но не следует ли видеть в нем просто пояс воз-

1 Fr. Lenormant, различные мемуары;—Haupt, „Sundflubericht“, etc.

2 Fritz Hommel, „Die Vorsemitischen Culturen in Aegypten und Babylonien“.

3 Richard Lepsius;—Wahrmund, „Babylonierthum“.

4 Lenormant;—Terrien de la Couperie, „On the Shitting of the cardinal Points, as an illustration of the Chaldaen-Babylonian culture borrowed by the early Chinese“.

деланных земель, орошаемых двумя главными реками Месопотамии и проведенными из них ирригационными каналами? В клинообразных надписях Вавилонское царство всегда изображается именами четырех рек: Тигра, Евфрата, Сумани, Укни,—вероятно, тех самых, о которых говорит Книга Бытия. Имя Эдем или Ган-Эдем, как полагают, тожественно с названием Ган-Дуни, одним из наименований, которыми обозначалась Вавилонская страна, посвященная богу Дуни или Дуния[1]. Со времени открытия литератур зендской и санскритской, слово «Земной рай», который легенда локализировала в стране Арам-Нагарайн, то-есть «Сирии Двух Рек», сделалось неопределенным выражением, применяемым к Кашмиру, к Бактриане или к какой-либо другой плодоносной области Передней Азии.

Халдея, куда все еще обращают взоры те из людей западного мира, которые ищут золотого века в прошлом, не могла не оказывать капитального влияния на религию народов, принявших её цивилизацию. Священные книги евреев, сделавшиеся ветхозаветным священным Писанием христиан, содержат многочисленные места, переписанные из халдейских книг, и даже отрывки, составленные на вавилонском наречии; сказание о жизни патриархов, о всемирном потопе, о вавилонском столпотворении и смешении языков совершенно одинаковы[2]; космогония Книги Бытия мало разнится от той космогонии, которую передают отрывки из Бероза. Но Халдея завещала западным народам также свое научное имущество, знание небесных светил и их движений, искусство разделения времени по движению небес; она научила их взвешивать и измерять предметы с точностью, и преподала им тысячу первоначальных понятий из астрономии и геометрии, следы которых до сих пор сохранились в технических терминах. Для торговых сделок халдеи употребляли—вероятно, первые—обожженные кирпичи, на которых писался порядок платежа; из Вавилона это изобретение перешло в Персию, откуда арабы распространили его в Европу[3]. Что касается искусств и литературы населений, живших в бассейнах Тигра и Евфрата, то действие их тоже было очень могущественно, но не прямо, а через выработку, которой их подвергли, с одной стороны, евреи и финикияне, с другой—гиттиты, киприоты, фригийцы. Их доля влияния на ход человечества была долгое время забыта; но она, так сказать, пробудилась в настоящем столетии. Первые исследователи разсказывают, как они были поражены, во время раскопки развалин, когда увидели этих крылатых быков, с бесстрастным и грозным лицом, которые охраняли вход в храмы. Легко понять ужас арабов, которые, при виде этих откапываемых священных фигур, убегали без оглядки, или падали на колени, полагая, что из земли выходит божество.

Ни в какой стране Передней Азии почва не покрыта более многочисленными руинами, чем в Месопотамии; на обширных пространствах земля смешана с осколками глиняных сосудов и кирпичей. *Телли* или горки обломков и мусора разбросаны сотнями и тысячами по равнине; кое-какие остатки башен и бесформенных стен напоминают города, где некогда толпились массы людей, и самое имя которых неизвестно в наши дни. Подобно соседним нациям, народы, населявшие область Двух Рек, пришли в упадок вследствие поступательного движения, которое постепенно переносило центр цивилизации из Азии на берега Средиземного моря и оттуда далее в западную Европу; но состоя из земледельцев и торговцев, рассеянных в равнине, открытой со всех сторон набегам варваров, эти народы не могли с успехом защищаться от нападений диких орд, которые, следуя по стопам цивилизованных, также подвигались постепенно с востока на запад. Города были срыты, жители истреблены, и теперь едва насчитывают пять миллионов душ в этой области, столь же обширной, как Франция, и гораздо более плодородной в тех местностях, где могут разветвляться ирригационные каналы; более половины обитателей Месопотамии, и именно обитатели нижних равнин, которые могли бы давать обильнейшие урожаи,—кочевники, живущие становищами на окраинах пустыни и всегда готовые снять свою палатку и перекочевать на другое место.

Население округов Месопотамии, по Сальнаме или оффициальному альманаху за

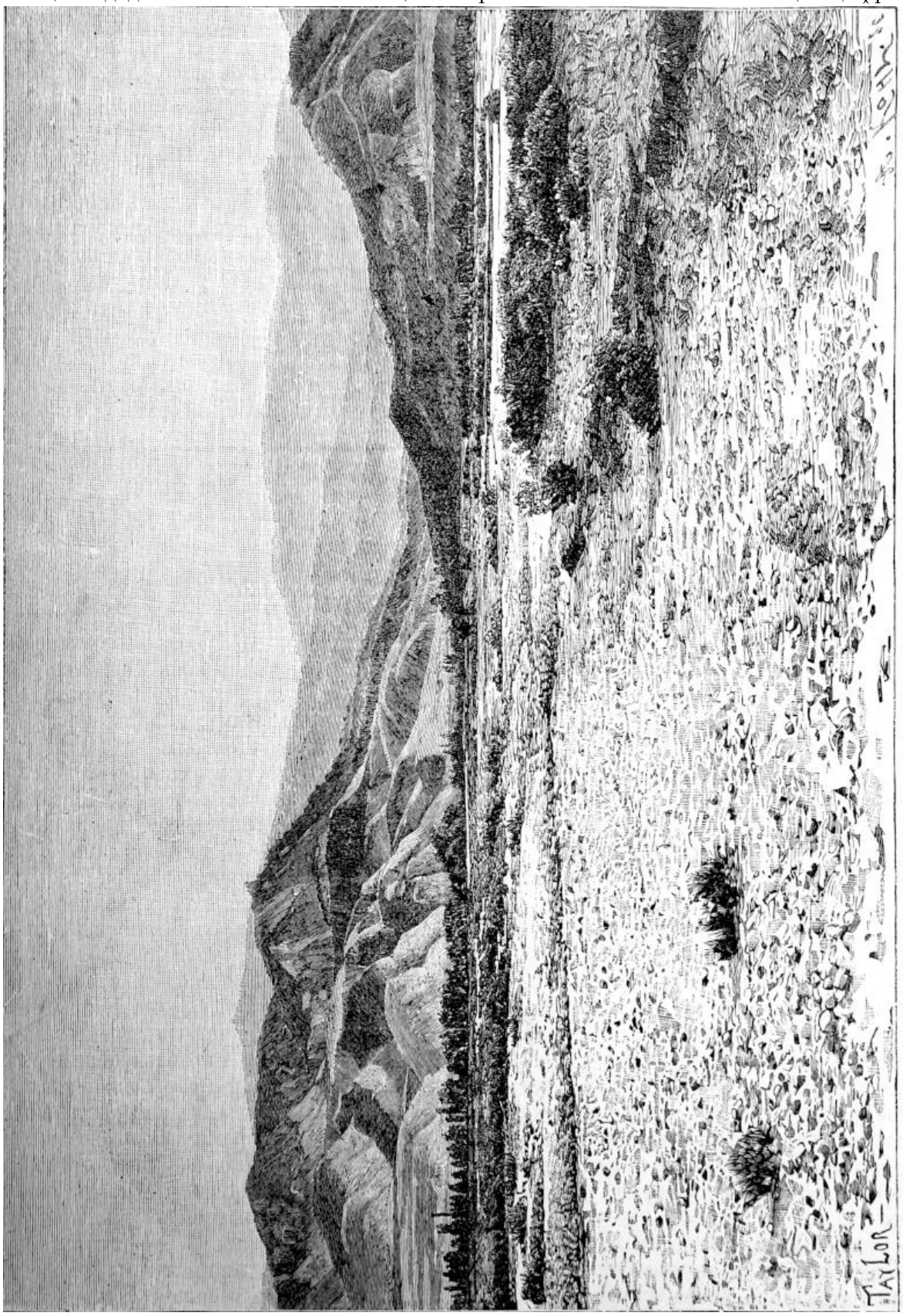
1 H. Rawlinson, „Notes on the site of the terrestrial Paradise“;—Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?“

2 Fr. Lenormant;—Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?“

3 Lenormant, „La Monnaie dans l’antiquite“.

1879 г.:

Диарбекирский вилайет—818.000 жит.; санджак Орфа—56.000; санджак Зор или Дейр—240.000; Багдадский вилайет—3.210.000; Бассорский вилайет—790.000. Общая цифра населения—5.114.000 жит.



Долина Тмолусъ. Сардская равнина

Естественные границы Месопотамии составляют горы, образующие на востоке и на севере первые ступени краевых цепей Персии и плоскогорий Курдистана; на северо-западе пре-

делом служат массивы и цепи Таврских гор, общее направление которых с северо-востока на юго-запад, и которые оканчиваются выступами и мысами на берегу Средиземного моря. Но внутри обширного полумесяца, описываемого этими складками почвы вокруг Месопотамии, и даже внутри громадного острова, ограниченного течениями двух её главных рек, есть несколько гряд высот независимых или, по крайней мере, отделенных от предгорий Тавра и Курдистана глубокими проломами.

Массив Караджа-даг, на юге от узкого перешейка из скал, поднимающагося между истоками западного Тигра и крутым поворотом Евфрата у Телека, протянул свои гребни по направлению с севера на юг и образует, так сказать, стрелу громадного лука, очерченного краевыми горами Армянского нагорья; горный проход, высотой около 800 метров, отделяет его от массива Мераб-дат, передового контрфорса Тавра, занимающего крайний угол междуречной области. Караджа-даг—могучий массив из черного базальта, вершины которого, достигающие около 1.900 метров высоты[1], выливали некогда из своих трещин большие потоки лавы: горные ручьи, бегущие с Караджи, вырыли свои русла в этих огненных породах, которые высятся по обеим сторонам потока в виде вертикальных утесов. Так, Караджа-чай, ручей Караджа, текущий с северо-восточных склонов к Тигру, ниже Диарбекира, бежит по дну глубокого ущелья, иссеченного в массе лавы, и соединяется, на небольшом расстоянии от реки, с другим горным потоком, Кучук-чай (Маленький ручей), над правым берегом которого господствует перпендикулярная базальтовая стена, в 70 метров высоты[2]. Город Диарбекир построен на оконечности одного из этих застывших потоков лавы, которые, очевидно, вылились в эпоху, предшедствовавшую нынешнему геологическому периоду, так как они покрыты легким слоем глинистой земли.

На западе базальтовые горы Караджа-дага опираются на боковые отроги, невысокие цепи которых разветвляются по направлению к Евфрату; некоторые из этих цепей достигают до 800 метров абсолютной высоты, превышая таким образом на четыреста или пятьсот метров уровень нижних равнин; эти высоты—к которым принадлежит, между прочим, Нимруд-даг, горы Немврода—имеют внушительный вид только благодаря своим крутым скалистым склонам. Но в большей части своего протяжения, к западу, эти возвышенности принимают характер плоскогорий: так, на запад от гор Немврода, возвышенность Кара-Сека представляет плато в роде тех, какие мы видим в южной Франции (где они известны под именем causses), хотя менее правильной формы. Этот известковый стол, имеющий 720 метров средней высоты, прерывается через известные промежутки трещинами, которые оканчиваются в кольцеобразных углублениях, впадинах, образовавшихся вследствие провала почвы, в которых скопляется немного воды во время дожливого сезона.

На востоке, Караджа-даг отделен от гор Мардин широким проломом около 800 метров абсолютной высоты, представляющим легкопроходимую дорогу путешественникам, отправляющимся из Диарбекира в степи, огибаемые течением реки Хабур. По обе стороны перевала геологический контраст полный: на западе высятся базальтовые утесы, на востоке простираются пласты известняков и мела. Высота самых высоких вершин почти одинакова, около 1.500 метров; на тех и других бывают иногда в конце апреля полосы снега. Горы Мардин, Мазиос древних географов, представляют, на высоте около 1.000 метров, многочисленные понижения гребня, через которые бассейн Евфрата сообщается с бассейном Тигра, а с восточной стороны широкая долина отделяет их от менее высокого доломитового массива Тур-Абдин, который продолжается по направлению к Тигру базальтами Гамка-дага и Элимдага. Вершины Тур-Абдина почти все без деревьев; во многих местах камень нигде не покрыт даже травкой; только в долинах кое-где показываются редко стоящие дубы; но у подошвы южных крутых склонов, равнины, орошаемые горными потоками, разветвляющимися на тысячу ирригационных каналов и канав, представляют один громадный сад, где скучены селения столь же многочисленные, как в наилучше обработанных странах Европы. Откосы

1 Cameron, „Our Highway the India“.

2 Чернbк и Швейгер-Лерхнефельд, „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, 44, 45.

утилизируются жителями до последнего клочка земли, благодаря стенам в виде лестницы, опоясывающим каждую террасу; внизу, фруктовые деревья едва оставляют место, необходимое для дорог; тополи окружают пригорки, на которых некогда стояли оборонительные башни и храмы, деревенские акрополи или кремли.

Водораздельная возвышенность проходит гораздо ближе к Тигру, чем к Евфрату; в Лелеки-баире, где воды разделяются, при чем одни текут в Тигр, а другие образуют далее притоки Джахджаха и Хабура, раздельный хребет в десять раз более удален от Евфрата, чем от восточной реки. Он продолжается на юг, чтобы образовать массивы Карачок и Бутман, которые господствуют над Тигром и заставляют его описывать излучины по направлению к востоку. С своей стороны, массив Бутман примыкает к восточной оконечности цепи, которая выдвигается далеко к юго-западу в степи средней Месопотамии: это—Синджар, по-курдски Сингали, хребет, хотя не высокий, но, тем не менее, имеющий величественный вид, благодаря своему уединенному положению среди ровных степных пространств: с речных берегов в открывающейся взорам пустынной области видны только крутизны Синджара и скал, продолжающих его в западном направлении, Джебель-Ахдала и Джебель-Азиза, обрисовывающих на горизонте свой неравный гребень над пыльной поверхностью пустыни, и снова появляющихся по ту сторону Евфрата, чтобы соединиться с Анти-Ливаном через кряжи Джебель-Амур и Джебель-Рюак[1]. Редко посещаемый, хребет Синджар сделался, однако, центром населения, по причине дождей, орошающих его склоны; многочисленные гроты, открывающиеся в известковых скалах, часто служили убежищем преследуемым иезидам, обитающим в окрестных селениях. Равнины, простирающиеся на запад от Синджара, по направлению к Евфрату, были свидетелями великого научного события, совершившагося в начале девятого столетия: измерения градуса меридиана собранием арабских астрономов; по их наблюдениям, длина одного градуса оказалась равной 56 и двум третям арабских миль. Но какова была в ту эпоху точная величина мили? По Беку, погрешность, сделанная астрономами, посланными калифом Аль-Мамуном, составляла около одной десятой по плюсу; по Ханыкову же, ошибка их не превышала одной пятидесятой[2].

К югу от хребта Синджар, в Месопотамской области встречаются только невысокие горки, почти все искусственные, да столы из скал, выгрызенных водой временных потоков (уади). На восток от Тигра, почва везде снова поднимается в виде горных валов; но эти скалы, перерезываемые притоками реки, принадлежат к иранской системе, ориентированной с северо-запада на юго-восток, и продолжаются параллельно краевым цепям Персии, снеговые вершины которых, блистающие на солнце, ясно видны из садов Багдада. К северо-востоку от Моссула, различные гряды гор, гораздо более неправильные, чем цепи Ирана, и соединяющиеся во многих местах в высокие массивы, поднимаются большим числом вершин выше 4.000 метров; массив Тура-Джелу, на востоке от Большого Заба, имеет, по Лейярду, более 4.500 метров высоты. Главная цепь, которую путешественники переходили перевалами, очень удаленными один от другого, та, которая господствует над становищами и селениями курдов гаккари; от озер, лежащих южнее озера Ван, она продолжается до краевых хребтов Персии, к которым примыкает между истоками двух рек Заб. Точная граница земли курдов или Курдистана на северо-востоке Месопотамии есть в то же время предел гористой области: это—песчаниковый вал, Джебель-Гамрин, четыреугольная призма геометрической правильности, разрезанная водами на узкия поперечные долины или ущелья, не менее правильные. Персиане дают совокупности гор, господствующих над равнинами Месопотамии, общее название Пушт-и-ку, которое можно встретить на очень многих картах, но которое на самом деле не применяется ни к какой особенной цепи. Это имя просто значит «Горы по ту сторону».

Тигр, менее длинный из двух рек-близнецов, изливающих свои воды через устья Шатэль-Араба в Персидский залив, берет начало, как известно, в соседстве Евфрата. Близ Си-

1 Anne Blunt, „Amon the Bedouins of the Euphrates“.

2 Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

ванских рудников, главные истоки, называемые Уч-Гель (Три озера), бьют из земли на расстоянии не более тысячи метров от глубокого ущелья, где течет Мурад, и образуемый ими ручей направляется на юго-запад, как бы для того, чтобы броситься в Евфрат, при выходе его из гор. Но другой поток, берущий начало также в нагорной долине, близкой к Евфрату, идет ему на встречу и увлекает его в юго-западном и южном направлении: это—Диджле, который считают главной ветвью Тигра, откуда и самое имя Шат или «Река» по преимуществу. Он течет сначала с полуостровной области, которую ограничивает Евфрат, описывая длинный ряд извилин на севере, потом на западе и на юге от возвышенных равнин Харпута; вытекая близко (всего только в нескольких километрах) от крутого поворота Евфрата, Диджле тотчас же начинает искать себе выхода из громадного круга, очерченного вокруг него рекой-соперницей. «Маленькое озеро» с солоноватой водой, Гельджук, Гельджик или Геленджик занимает в небольшом расстоянии к северу и 200 метров выше, впадину плато, кругообразная закраина которого посылает ручьи как в Тигр, так и в Евфрат[1]. Недавно, после нескольких дождливых годов, озеро, уровень которого постепенно повышался, подобно тому, как это было с армянским внутренним морем Ван, достигло, наконец, пролома скал у его восточной оконечности, так что излишек вод его полился в Тигр: пользуясь этим обстоятельством, предприняли даже прорытие траншеи для того, чтобы урегулировать истечение озера и сделать его постоянным питательным источником реки[2]. Так сближаются два речных бассейна, сближаются дотого, что сети их вод кажутся переплетающимися, как бы подтверждая описания древних авторов. Согласно местной легенде, поток Тигра был посещен Александром Великим; оттого этот исток называют «Рекой о двух рогах», по прозвищу, которое получил македонский завоеватель вследствие обоготворения его народами Востока.

По вступлении в Диарбекирскую равнину, «Река» быстро увеличивается в объеме от принятия притоков, посылаемых ей северными горами. Батман-су, один из наиболее обильных притоков,—второй Тигр по стремительности его вод, и бассейн этого притока, как и бассейн Диджле, начинается в непосредственном соседстве верхнего Евфрата, на южной стороне Мушских гор. Затем следуют Арзен-су и другой Шат, Ботан-су, в который впадает река Битлис, получающая начало в невысоком массиве, ограничивающем с юго-западной стороны резервуар озера Ван. Этот прекрасный ручей Битлис есть, вероятно, тот самый поток, который подал повод к басням, повторяемым Страбоном и Плинием, о проходе Тигра через озеро, в котором, будто бы, водилась только одна порода рыбы; на воды Битлиса смотрели, как на подземное истечение озера Ван, но этот поток берет начало на более высоком уровне сравнительно с уровнем озера, и вода его не солена и не содержит натра, как вода ванского замкнутого резервуара. Очевидно, только по составу воды можно будет узнать, существует ли действительно между притоками верхнего Тигра ручей, вышедший из Армянского озера подземными галлереями

Ниже соединения двух Шатов, Диджле, или западного Тигра, и Ботана, или восточного Тигра, река, которая уже катит половину жидкой массы, несомой его нижним течением в море, поворачивает на юго-восток, чтобы направиться в ущелья, перерезывающие дикия горы. На пространстве около 75 километров, тропинки оставляют берега и взбираются либо на западной, либо на восточной стороне, по крутизнам, съуживающим течение реки: там и сям, с высоты мысов, видны в глубине ущелья воды, скользящие у основания почти отвесных известковых стен или базальтовых колоннад. Ниже этого первого пролома гор, куда не решились проникнуть «Десять тысяч воинов Ксенофонта», открывается широкая равнина, и река извивается на просторе среди аллювиальных земель; но вскоре после того поток перерезывает другие горные валы, и в этих местах берега его опять делаются непроходимыми. Утесы и обвалы известняков, глин, конгломератов омываются волной: тропинки, избегая реки большими обходами, удаляются даже от нижней части притоков, которые все текут на

1 Muhlbach;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X;—Haussknecht, „Routen im Orient“.

2 Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor“.

глубине 15 метров между двух глинистых стен[1].

В ряде теснин, который начинается при слиянии притока Ботан-су и оканчивается выше города Моссула, река сохраняет нормальное направление, которому она следует до Евфрата, параллельно краевым цепям иранского плоскогорья. В этой части своего течения, как и в области истоков, Тигр получает большие притоки только с левой стороны: покатость правого берега представляет лишь узкую полоску земли, и почти все воды водораздельной возвышенности текут по направлению к Евфрату. Дождевые облака, приходящие с Средиземного моря и с Индийского океана, разрываются на южных скатах высот Курдистана, и в то время, как дожди, падающие на предгорья, непосредственно на север от пустыни, стекают к Евфрату, влажность, приносимая южными ветрами на высокие горы Вана и западной Персии, возвращается, в виде горных потоков, к Тигру. Некоторые из этих потоков имеют значительный бассейн: таков Большой Заб или Зарб (Зарб-эль-Кебир), верхния реки которого уносят воды области, заключенной между двумя озерами Ван и Урмия. Малый Заб (Зарб-Сагир) тоже катит много воды, часть которой он получает в персидской территории. Точно также, река Диялах, впадающая в Тигр, ниже Багдада, получает из Персии большое число ручьев, берущих начало в параллельных понижениях краевых цепей. Притоки, как и самый Тигр, должны пройти через параллельные хребты гор, прежде чем выйти из своих древних озерных впадин, чтобы вступить в равнину Месопотамии. Большой Заб, вытекающий из возвышенных долин курдского края, ударяется, на востоке от Моссула, о конгломератовые массивы, которые он перерезывает широким руслом, имеющим в некоторых местах не менее километра от берега до берега. Малый Заб тоже достигает Тигра, пройдя последовательно ряд узких поперечных долин между горами. На юго-восток от одних из «Ворот Тигра», вырезка, вертикальные стены которой имеют от 50 до 70 метров высоты, открывает проход водам реки Диялах через пласты красного песчаника массива Гамрин. В дождливое время года воды скопляются в виде временного озера в равнине Кизыл-Робат, лежащей выше ущелья. Другой приток Тигра, Адгим, берущий начало на склонах священной горы, Пир-Омар-Гудрун (2.500 метров), образует постоянное болото выше «Железных Ворот» или Демир-Капу, отделяющих его от аллювиальных равнин Месопотамии. Ниже всех рек-притоков, Тигр во многих частях своего течения выступает из берегов и выделяет из себя на восток болотистую ветвь, Гадд, которая соединяется с Керхой, рекой Луристана. Зимой вся равнина, простирающаяся от нижнего Тигра до Персидских предгорий, представляет одно внутреннее море, часто называемое в насмешку Умм-эль-Бак, что значит «Мать москитов»; летом остается сеть извилистых потоков, по которым удобно ходят мелкие суда, из Тигра в Керху, на расстоянии более 150 километров[2].

При слиянии с Евфратом, у Корны, Тигр, вопреки тому, что говорит Страбон, самая полноводная из двух соединяющих рек. Среднее количество протекающей в Тигре воды равно, по Ренни, 4.656 кубич. метров в секунду, тогда как в Евфрате, у Гита, по измерениям того же исследователя, оно составляет только 2.065 куб. метров. Западная река, то-есть Евфрат, теряется в его потоке, не увеличивая, повидимому, его объема. Отсюда может быть и название «Безводный Тигр», Диджлат-эль-Аура, которое прежде давали соединенным рекам, как бы желая тем указать на кажущееся исчезновение Евфрата[3]. Общая длина Тигра, между истоков «Двурогой Реки» и местом её вступления в Шат-эль-Араб, около 2.000 километров, вдвое менее, чем длина Евфрата, и протяжение его бассейна тоже далеко уступает пространству бассейна этой последней реки; но, вместо того, чтобы извиваться в пустыне, как Евфрат по выходе из цепи Тавра, он все время течет вдоль основания гор, которые посылают ему свои воды, происходящие от снега и дождя. Получая начало в местности, лежащей на несколько сот метров выше долины Евфрата, и следуя, в направлении Персидского зали-

1 Черник и Швейгер-Лерхенфельд, цитированный мемуар.

2 Layard, „Nineveh and Babylon, Journal of the Geographical Society“, 1844.

3 Wustenfeld, „Zeitschrift der Morgenlandischen Gesellschaft“, 1844;—Vivien de Saint-Martin, „Nouveau Dictionnaire de Geographic universelle“.

ва, по менее извилистой долине, Тигр имеет гораздо более наклонное падение. Он бежит быстро между крутых берегов, откуда и произошло его древне-персидское название Тигр или «Стрела», заменившее ассирийское наименование Гиддекель (Идиклат) или «Река с высокими берегами»[1], которое сохранилось в армянском имени Дикла и в арабском Диджле. Благодаря большей скорости течения, Тигр теряет менее воды испарением и менее разливается по прибрежным равнинам в виде озер и болот. Пароходы с неглубокой посадкой подымаются по реке до Багдада и могли бы даже достигать Текрита, отстоящего от моря почти на 1.000 километров. Выше, до Моссула, ходят только барки, а еще выше, между Моссулом и Диарбекиром, единственное средство плавания составляет келлек, то-есть плот из досок, поддерживаемый на воде надутыми кожаными мешками. Мольтке и Мюльбах были первые европейцы, спустившиеся по реке этим способом и усмотревшие грандиозные ущелья, которыми Тигр выходит из области гор[2].

Ниже слияния двух главных ветвей—Мурада, наиболее полноводного из них, и Фрата (Кара-су, или «Черная вода»), давшего название всей реке,—Евфрат, то-есть «Река по преимуществу»[3], несет уже большую часть водной массы, которая соединяется с Тигром в Шатэль-Арабе. Русла двух Евфратов имеют, в среднем, более 100 метров ширины, один метр глубины, и скорость течения равна 3 метрам в секунду. В период разлива, то-есть с половины марта до конца мая, уровень поднимается обыкновенно от 5 до 6 метров и даже еще гораздо выше во время исключительно больших наводнений[4]. Ущелья, которыми проходит поток, наполняются от утеса до утеса, и тропинки по берегам заливаются водой. Прежде, чем выйти из горной области, Евфрат усиливается еще несколькими притоками, присоединяющимися к нему как раз у вершины большой дуги, которую он описывает к западу от последних отрогов Тавра. В этом месте, воды возвышенностей Армении некогда скоплялись в озеро, бывшие берега которого видны еще на окружающих крутизнах, и которое оставило после себя многочисленные болота в богатых аллювиальных землях Малатии, отложенных течением Евфрата и его притоков. Не много найдется стран в Передней Азии, почва которых была бы столь же плодоносна, но и нет местностей более нездоровых. Между этими реками западной покатости, соединяющимися с Евфратом, самая полноводная Токмасу (Мелас древних географов), истоки которой переплетаются на водораздельной возвышенности с истоками Джигуна или Пирама Киликийского, притока Кипрского моря. Низменная равнина, орошаемая Токмой и Евфратом, лежит как раз на половине дороги из Константинополя в Багдад и составляет место роздыха на этом главном тракте Турецкой империи. Кроме того, и другие исторические пути проходят через этот бассейн, естественный центр пересечения дорог между Арменией и Сирией, между Малой Азией и низовьем Евфрата. Эта низменность, составляющая на западе продолжение верхней долины Тигра, была дорогой, указанной природными условиями местности караванам и армиям, отправляющимся из Персии к берегам Ионии. Клинообразные надписи, вырезанные на скале, господствующей над Евфратом в месте прохода, напоминают чужеземцу какой-нибудь забытый военный подвиг и славу персидского завоевателя, имя которого ученые стараются дешифрировать.

В бассейне Малатия, река находится еще на высоте 847 метров, и вал Тавра отделяет ее от нижней равнины. Поворачивая сначала на восток, чтобы следовать вдоль северного основания гор, поток вскоре вступает на юго-востоке в ущелья между скалистыми крутизнами, поднимающимися на 500 слишком метров: здесь начинаются стремнины или «пороги» Евфрата, которым турки дают название «Сорока дефилей». Эти пороги, в числе около трехсот, следуют один за другим на пространстве 150 километров, и в некоторых местах в таком близком расстоянии, что едва минуешь один катаракт, как уже слышишь рев воды на следующем пороге. Иногда, зимой, льдины задерживаются на выступающих из воды камнях и

1 Friedrich, Delitzsch, „Wo lag das Paradies?“
2 Carl Ritter, „Asien“, vol. X.
3 Friedrich Delitzsch, цитированное сочинение.
4 Muhlbach;—Carl Ritter, vol. X.

скопляются сплошными массами, по которым поселяне переходят через реку, как по мосту. Смотря по высоте вод, пороги бывают более или менее опасны: то поток убегает, образуя наклонную плоскость последовательных волн, то он низвергается каскадами. Водовороты перемещаются, и тогда как в одно время года воды кружатся медленно, в другое они несутся бешеным потоком, вырывая воронку, окруженную пеной. Справа и слева, с гор бегут ручьи, одни спускаясь по дну оврагов, через которые взор поднимается до верхних террас, с их лугами, осененными раскидистыми орешинами, другие низвергаясь шумными каскадами или даже падая с высоты карниза, откуда по временам летят также, смешанные с водяным столбом, глыбы и мелкие камни.

Один из самых опасных порогов—тот, который встречается первый на пути из Малатийской равнины: это—«Змеиный водоворот», названный так по причине волнообразного движения потока, который в этом месте имеет падение 5 метров на 180. Другие грозные пороги следуют один за другим близ Телека, там, где Евфрат, круто поворачивая на юг, затем на юго-запад, проходит под плоскогорьем, на котором бьет из земли, в 400 метрах выше, исток западного Тигра; сернистые воды вылетают фонтаном из расселины скалы, вблизи катарактов, и приметны издалека своими волютами паров: ниже, горный обвал съузил реку, и русло, средняя ширина которой перед этим местом превышает 200 метров, имеет здесь не более тридцати метров от одного берега до другого: эта теснина известна под именем Геик-Таш, что значит «Прыжок оленя». Один из последних порогов, Гергер (Гургур или Харкар), справедливо прозванный «Ревом воды», тоже считается опасным у плотовщиков. Однако, находились смельчаки, пускавшиеся в плавание через пороги. В 1838 и 1839 годах офицер Мольтке, командированный турецким правительством изучить на месте перевозочныя средства для транспортирования военного провианта, спустился по дефилею на плоте келлек: в первый раз он совершил переезд благополучно; но во второе плавание, предпринятое в сезон разлива, ему лишь с большим трудом удалось спастись от одного из водоворотов на пороге Телек; кожаные мешки были разорваны или отвязаны от плота силой течения, и несколько раз волны увлекали его под воду[1].

По выходе из ущелий армянского Тавра, Евфрат огибает на востоке, потом на юге, эту цепь гор, которая посылает ему многочисленные горные потоки; выше маленькой деревни Кантары видны еще кое-где пороги и стремнины. Река еще не вступила в равнину; утесы и холмы, известковые или меловые, высотой около сотни метров или даже более, прерываемые в местах впадения перерезывающих их речек, господствуют над долиной, преимущественно на правом берегу; но с высоты этих береговых круч на юге виднеются уже, через холмы, однообразные пространства Месопотамии и длинные извилины реки, с её островками и песчаными мелями. В этой части своего течения Евфрат направляется к Средиземному морю, и при вершине крайней описываемой им дуги он находится от этого моря всего только на расстоянии 155 километров. К этой излучине, столь важной в историческом отношении, сходятся естественные пути между морем и рекой. Самое имя Рум-Кале или «Крепкий замок римлян» указывает на важное значение, которое римляне или византийцы придавали этой части реки, называемой древними цейгма или «соединением», «местом переправы», по преимуществу[2]. Выше этого пункта на Евфрате были построены мосты в разные времена, и Линч еще в 1836 году видел кое-какие обломки, в которых он признал остатки этих древних сооружений. Ниже, в Бире или Биреджике, главном месте прохода караванов, иногда скоплялось до пяти тысяч верблюдов, ожидающих судов для переправы через реку[3]. До Балиса, лежащего на 150 километров ниже Рум-Кале, Евфрат течет почти параллельно берегу Средиземного моря, и только с этого места он поворачивает на юго-восток, чтобы пересечь наискось территорию до Персидского залива.

Справа и слева долины почва равнин довольно ровная; однако, высокие берега все еще

1 Von Moltke, „ Briefe uber Zustande und Begebenheiten in der Turkei“.

2 Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

3 Chesney, „Reports on the navigation of the Euphrates“, 1833.

сопровождают реку, особенно на правой стороне, где размывающее действие вод наиболее ощутительно. Некоторые цепи холмов оканчиваются выступами или высокими мысами над потоком и даже съуживают его ложе. Так, ниже Деира, Джебель-Абиад, или «Белая гора» заставляет Евфрат отступать, изгибаясь к западу до ущелья, через которое река соединяется с Хабуром. Ниже Анахаи до Гита, известковые скалы, окаймляющие берег, так близко подходят к реке, что не остается даже места для домов и нив. Некоторые селения состоят из естественных и искусственных гротов, вырытых в стенах поднимающихся над рекой утесов. Стоя внизу, различаешь жилища арабов и соседния пещеры, служащие убежищем диким голубям, только по тучам пернатых, кружащихся в воздухе. Некоторые деревни, как, например, Гадида (Гадиса), Эль-Уз, Джеба, построены на скалистых островах среди потока, который шумно ударяется о выступающие над поверхностью воды камни. Словно крепости, эти селения поднимаются над уровнем половодья, который почти на 7 метров превышает зимний горизонт вод. Внешние дома походят на стены цитадели и не имеют ни одного отверстия, через которое вода могла бы проникнуть в селение: во время наводнений деревня превращается таким образом в род кругообразной шахты, лежащей ниже потока[1].

Судоходный в продолжение части года, по крайней мере для пароходов небольшого водоуглубления, Евфрат имеет, ниже Биреджика, лишь весьма незначительное среднее падение до самого моря: принимая в рассчет все извилины, наклон площади истечения едва превышает один дециметр на километр; оттого вода спускается медленно, особенно в период мелководья, в конце осени и в начале зимы. Когда глубина составляет только полтора метра в самой впалой части ложа, верблюды могут безопасно пускаться через реку по крепкому дну; даже перед деревней Гадида поселяне переходят в брод. Во всем своем течении по равнине вниз от Биреджика, река Передней Азии, вероятно, уменьшается в объеме, подобно Нилу. Правда, к ней присоединяются притоки справа и слева: так, она получает Саджур из Таврских гор, Нахр-Белик—с высот Урфа, Хабур—вытекающий из гор Тур-Абдин; но, за исключением этого последнего, горные потоки, впадающие в средний Евфрат, несут значительный объем воды только в сезон дождей; другие притоки не более, как уади, почти круглый год безводные; прибрежные жители спешат отвести воду на свои поля, как только она появится на песчаном или глинистом дне ложа. Многие из этих временных потоков улетучиваются в прудах или теряются в болотах. Уади Али, начинающийся в соседстве Пальмиры, есть одно из этих русл, почти всегда сухих, а между тем он имеет не менее 300 километров. Уади Гарра, уади Гауран тоже имеют, по своим высоким берегам и широким ложам, вид больших рек, хотя летом там увидишь лишь лужи стоячей воды[2]. Но эти временные ручьи и речки сирийской пустыни далеко превзойдены руслом потока Эль-Недж или Эр-Румом, который берет начало километрах в пятидесяти от Мадианского прибрежья, затем описывает большую дугу к югу во внутренности Аравии и оканчивается у нижнего Евфрата, пройдя пространство по меньшей мере в 2.000 километров. Эта большая «безводная река» свидетельствует о значительных климатических переменах, которые совершились с той эпохи, когда дожди могли размыть такую громадную рытвину на восточной покатости Аравии. Если бы брать в рассчет все временные воды, которые, даже из глубины Аравии, стекают на месопотамскую покатость, то поверхность бассейна Евфрата и Тигра, исчисляемая почти в 500.000 квадр. километров, увеличилась бы на целую треть. Устья временных потоков или уади бывают иногда опасны для перехода, даже когда в них совсем нет воды и дно кажется совершенно ровным. Дело в том, что во время сильных жаров почва дает широкия и глубокия трещины, которые первые дожди, увлекая мелкий песок, покрывают кремнями в виде пленки, тонкой, как лист бумаги. Путешественники должны идти с величайшей осторожностью, когда они рискуют пускаться по этому обманчивому грунту[3]. Между двумя из этих уади, Кубейса и Мохамедие, из которых последний спускается с западных степей, непосред-

1 Черник:—Швейгер-Лирхенфельд, цитированный мемуар.

2 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

3 Thielmann, „Streitzuge im Kaukasus, im Persien und in der Asiatischen Turkei“.

ственно под городом Гит, простираются обширные слои пропитанной горной смолой почвы, прикрытые гипсом и глиной. бесчисленные серые холмики, поднимающиеся над поверхностью равнины, словно палатки лагеря, изливают из своего основания горную смолу (асфальт), в виде дымящихся источников, средняя температура которых от 25 до 30 градусов стоградусного термометра. Тягучая жидкость течет извилистым ручьем на почерневшей земле и медленно спускается к Евфрату.

В том месте, где западная река наиболее приближается к Тигру, и где эти два потока спускаются параллельно, на расстоянии один от другого, средним числом, около 35 километров, лежащая между ними равнина орошается Евфратом, который выше восточной реки почти на 5 метров. Кажется, что в предшествующую эпоху Евфрат в этом месте соединялся с Тигром, потому что скат от первой реки ко второй однообразен, без всякого промежуточного порога: вследствие постоянного размывания и подтачивания своего правого берега и отложения наносов на левом берегу, Евфрат постепенно удалился от Тигра, но он и теперь еще посылает ему боковые потоки[1]. Оскудевая таким образом в пользу багдадских равнин и Тигра, получающего излишек водной массы своего близнеца, Евфрат мало-по-малу уменьшается в объеме; кроме того, значительная часть его вод переходит через плотины, худо содержимые, и разливается по болотам равнины, этим громадным «тростниковым морям», которые продолжаются на необозримое пространство, на протяжении сотен квадр. километров[2]. Выше Вавилона, течение реки не переставало перемещаться, то вправо, то влево, иногда по собственной воле, часто вследствие труда человека, повиновавшагося приказу Нитокриса, Кира или Александра Македонского. Еще в эпоху Селевкидов, главное русло проходило к востоку от небольшого возвышения почвы, которое поднимается непосредственно на юго-западе от Багдада, и змеилось в равнинах, на расстоянии менее 25 километров от Тигра: вдоль этого древнего ложа и расположены почти все груды развалин и кучи мусора, оставшиеся от прежних городов, тогда как на берегу нынешней реки нигде не находили руин. В 80 километрах к югу от места первоначальной бифуркации начинается рукав, называемый каналом Гиндие и обязанный этим именем будто-бы работам ремонтирования, которые были предприняты одним индийским набабом; но, повидимому, он существовал уже в предшествовавшую эпоху; были уже сделаны многие прорезы, чтобы урегулировать изменчивое русло. Канал Гиндие уносит теперь около половины вод главной реки и изливается на западе в обширное «море» Неджеф; воды его очень уменьшаются в объеме от испарения, когда выходят из этого обширного болотистого резервуара, чтобы вернуться в главное русло. Вследствие этих разветвлений речного течения, произошло то, что рукав, за которым сохраняется имя Евфрата, перестал быть узнаваемым. Среди Ламлунских болот он имеет не более 74 метров от берега до берега; фарватер в собственном смысле имеет, в сухое время года, всего только 60 сантиметров глубины и от 3 до 4 метров ширины; спускаясь на барке по течению реки, англичане Кембаль и Бьюшер часто принуждены были тащить свое судно в грязи и пролагать себе проход через камыши, там, где пароходы Чесни находили за тридцать лет перед тем от 4 до 6 метров воды.

Ниже Евфрат снова принимает свою нормальную ширину, благодаря возвращению канала Гиндие и вод, изливающихся из прибрежных каналов, а также благодаря водной массе, приносимой ему Тигром, ибо, по странному явлению, восточная река, после принятия в себя истечений Евфрата, делается, в свою очередь, данником своего соперника: обмен вод совершается от верховья к низовью. При том, система канализации так же неудовлетворительна в прибрежном поясе Тигра, как и в прибрежном поясе вавилонской реки, и многие каналы, вместо того, чтобы разветвляться на второстепенные канавы и канавки, теряются в обширных болотах, заражая атмосферу. Во время наводнений часто случается, что плотины прорываются выше Багдада, и город остается по целым месяцам отделенным от восточных возвышенностей необозримой водной площадью, среди которой возвышаются там и сям, на

1 Augustin Hausdorf;—Friedrich Delitzsch, „Wo lag das Paradies?“

2 Bewsher, цитированный мемуар.

подобие островов, пригорки, служащие убежищем для поселян, захваченных врасплох катастрофой. Поток наводнения не облегчается более, как было прежде, всеми этими боковыми каналами, которые сообщались с водовместилищами, вырытыми во внутренности туннеля, и защищали таким образом низовые равнины, сохраняя излишек вод до конца разлива. Восточные притоки Тигра, которые более удобны для канализации, чем главная река, по причине их меньшего объема и большей наклонности их скатов, гораздо лучше утилизируются: это преимущественно водам Халиса, отведенного из реки Диялах, багдадские равнины обязаны своей богатой растительностью. На берегах того же притока сделаны были с успехом первые ирригации по методам европейских гидротехников.

Во все времена хотели установить нечто в роде мистического контраста между двумя главными реками Передней Азии; в этом брачном союзе вод Евфрат представлялся вообра-

Барка на Евфратѣ.

жению восточных народов мужским элементом, тогда как на Тигр смотрели, как на элемент женский[1]. После соединения Тигра и Евфрата в общем русле Шат-эль-Араба, еще на расстоянии нескольких километров ясно заметна разница двух потоков: менее обильный, Евфрат приносит воду более медленную, более теплую, более чистую, более правильную в своем стоке; наносы или осадки его отложились уже в прибрежных болотах, тогда как «Стрела» содержит еще муть или твердые землистые частицы, увлекаемые её течением. Мыс Корна, омываемый двумя реками при их слиянии, составляет южную оконечность большого овального полуострова «Междуречье» или Месопотамия, Джезире турок, Арам-Негарайн древних халдеев и египтян во времена Тутмесов и Рамзесов[2]. Эта островная область начинается, в строгом смысле слова, у Телексного колена, там, где пороги Евфрата отделены от истоков Тигра лишь узким валом скал; но с географической точки зрения, в отношении вида местно-

1 A. Sprenger, „Ausland“, 1876, № 44.

2 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

сти, почвы, климата, произведений, жителей и истории, истинная Месопотамия есть просто равнина, в которой переплетаются ирригационные воды, отведенные из этих двух рек. Искусственный вал, начинающийся на Тигре у Самарской луки и направляющийся на юго-запад к западной оконечности канала Саклавиях, ограничивает на севере эту плодоносную область Междуречья. Эта стена, называемая «валом Немврода», имела от 11 до 15 метров средней высоты и через каждые 50 метров была фланкирована башнями; но теперь во многих местах от этого сооружения остались только бесформенные развалины[1].

Евфрат мало утилизируется для судоходства, хотя с 1836 года пароходы спускались по реке ниже Биреджика. В различные эпохи, со времени Александра Македонского, по этому поперечному пути Передней Азии ходили целее военные флоты; император Юлиан собрал там не менее тысячи ста судов. В мирные периоды, когда судовщики не имеют причины опасаться вымогательств со стороны солдат или нападений грабителей, торговое движение возобновляется между речными пристанями, по перевозке фруктов и других произведений; плашкоуты, длиной до 12 метров, имеющие 1 метр осадки, безопасно плавают по среднему Евфрату в продолжение двух третей года[2], с грузом до 15 тонн. С 1563 года, эпохи, в которую один венецианский купец, Чезаре Федериго, спустился по течению из Биреджика до Фелуджи, багдадской пристани на Евфрате, европейские путешественники часто избирали речной путь, отправляясь с прибрежья Средиземного моря в города Месопотамии. До применения пара к судоходству, главное препятствие в торговых сношениях происходило от трудности проводить барки обратно к верховью: большая часть плашкоутов разбирались по прибытии на место назначения и продавались как строительный материал или на дрова, а судовщики, точно так же, как это было во времена Геродота, возвращались домой сухим путем, либо следуя вдоль берега, либо избирая более короткую, но и более трудную дорогу, через пустыню[3]. Редкость леса на горах Армении и на Тавре делает лодочное судоходство очень дорогим, и на нижнем Евфрате, вниз от города Гита и его асфальтовых источников, употребляют, для плавания по реке, преимущественно большие корзины, сплетенные из веток тамариска; промежутки между прутьями затыкаются соломой, и вся корзина внутри и снаружи покрывается слоем асфальта, который совершенно не пропускает воды и выдерживает давление водной массы. Иногда можно видеть оригинальное зрелище, как эти корзины, кружащиеся на воде, плывут сотнями, нагруженные товарами, которых ожидают на берегу караваны верблюдов. Таким образом, нынешния суда на Евфрате отличаются от кожаных корзин, описанных у Геродота. Что касается пароходства, то река достаточно известна со времени исследований Чесни и других английских офицеров, чтобы можно было, во всей нижней части Евфрата, предварительно канализированной в местах прохода через болота, устроить правильное пароходное сообщение на все время сезона дождей; но города, сменившие могущественный Вавилон, не довольно многолюдны, чтобы поощрять подобные предприятия. От времени до времени, какое-нибудь турецкое судно появляется выше Гилле до Анаха, но можно судить о теперешней маловажности реки, как судоходного пути, по тому факту, что почти вся торговля последнего из только-что названных городов с Багдатом производится не по Евфрату, а дорогой через пустыню, направляющейся на восток к Текриту на Тигре[4].

Известно, как велико было плодородие вавилонской почвы, когда речные воды были искусно распределяемы по прибрежным местностям. Геродот, который, однако, ранее видел плодоносную дельту Нила, не хотел описывать растительность на берегах Евфрата, из опасения, чтобы его рассказы не показались преувеличенными. Даже после прохода стольких завоевателей и разрушения канализационных работ, сделанных ассириянами, сырая Месопотамия, совершенно непохожая, по физическим условиям, на сухую Месопотамию, то-есть

1 Chesney, „Expedition on the Rivers Euphrates and Tigris“;—Spiegel, „Eranische Alterthumskunde“.
2 Josef Cernik, цитированный мемуар.
3 Chesney, „Expedition of the Survey of the Rivers Euphrates and Tigris“.
4 Черник и Швейгер-Лерхенфельд, цитированный мемуар.

полосу, обнимающую северные степи, отличалась баснословным плодородием: первые калифы извлекали из этой области громадные выгоды, когда вымогательства еще не обезлюдили края, последствием чего было постепенное распространение пустыни по возделанным землям. Статистика, составленная по повелению калифа Омара, констатирует тот факт, что производительные земли черноземной полосы Савад, общая площадь которых составляла всего только миллион сто тысяч гектаров, давали казне доход в 85 миллионов франков, контролируемый свинцовыми печатями, которые земледельцы носили на шее, после уплаты налога. В наши дни земледельческое производство далеко не так велико, но оно все еще возбуждает удивление своим обилием, и невольно задаешь себе вопрос: как природа соглашается так щедро вознаграждать столь примитивный труд араба. Тамошний земледелец ведет свое хозяйство следующим способом: он выбирает какой-нибудь *хор*, то-есть опушку болотистого пространства, средина которого занята грязью и тростником; затем, без всякой обработки, или просто поцарапав почву закривленной на конце палкой, которая менее взрывает землю, чем это сделал бы зуб граблей, и даже не дав себе труда вырвать сорные травы,—бросает семена ячменя в приготовленное таким образом поле. Как только покажутся листики, выпускают скот на хор, чтобы дать ему выщипать первые всходы, после чего оставляют поле без всякого ухода до дня сбора. Через четыре месяца после посева, в апреле, хлеб готов для жатвы. До тридцати и сорока колосьев родятся из каждого посеянного зерна[1].

Вода и теперь еще настолько утилизируется в сельских местностях, хотя и варварскими способами, что река значительно уменьшается в объеме в некоторых частях своего течения. Большинство прибрежных жителей орошают свои поля при помощи привода, который попеременно понижает и поднимает мех из козьей кожи. В промышленных округах для этой цели употребляют колеса, приводимые течением в движение и к которым привязаны бадьи, выбрасывающие воду в каменные водопроводы, построенные на вершине высокого берега. Наконец, кое-где есть каналы, регулируемые при входе шлюзом, которые берут ирригационную воду прямо из реки и разветвляются далеко по прибрежным равнинам: это лишь слабый остаток исполинских гидравлических сооружений, описанных у Геродота, во времена которого боковой резервуар, откуда получали воду ирригационные канавки, был так обширен, что мог принимать в себя в продолжение нескольких дней, не наполняясь, весь поток Евфрата. Канал, построение которого приписывалось царю Навуходоносору, и который разветвлялся параллельно реке, от Гита до моря, имел не менее 800 километров в длину; он не был превзойден ни одним из новейших сооружений этого рода. Древние каналы, остатки которых видны в прибрежных равнинах, были двоякого рода: одни, как, например, канал Нахр-эль-Мелек или «поток царя», спускавшийся наискось из Евфрата и впадавший в Тигр при Селевкии, были вырыты настолько глубоко, что поток проходил там во всякое время года и прочищал свое русло собственной силой размывания: это были судоходные пути. Другие каналы, служившие исключительно для целей орошения, получали воду только во время сезона разливов, который как раз совпадает с самым деятельным периодом растительности; но эти ирригационные канавы засоривались, заносились песком, и каждый год нужно было вынимать из них ил, который выбрасывали на берега; образовавшиеся от этого откосы достигали, наконец, высоты от 6 до 7 метров над уровнем равнин; встречаются даже такие, которые превышают 10 метров. С течением времени земледельцы утомлялись поддерживать эти каналы с двойным боковым валом; они вырывали рядом второй канал, затем третий, боковые насыпи которых возвышались последовательными рядами поперег равнины; во многих местах существует пять или шесть таких старых ирригационных каналов, окаймляющих горизонт своими параллельными стенами, которые издали походят на линии ретраншементов[2]. Ничего не было бы легче, как снова привести эти каналы в исправное состояние очисткой от засорившего их ила и песка, тем более, что в новейшее время уже бывали примеры подобных реставраций: так, в июле 1838 года один пароход спустился по каналу

1 Baillie Fraser, „Travels in Mesopotamia“.

2 Bewsher, „Journal of the Geographical Society“, 1867.

Саклавиах до Тигра у Багдада. С того времени были поправлены и некоторые другие из вавилонских каналов; но ирригационные канавы, которые роют в наши дни, имеют по большей части гораздо более скромные размеры, нежели подобные же сооружения древних; они далеко не достигают такой значительной ширины (от 20 до 80 метров), какую имели древние каналы, являвшиеся настоящими реками, и не снабжены резервуарами-регуляторами, вымощенными и выложенными камнем, как старые водохранилища, которые еще видны там и сям, затерянные во внутренности земель. Запущенные и заброшенные уже сотни лет, эти гидравлические сооружения не окружены более мощной растительностью, как это было в старину: теперь кругом них во все стороны расстилается на необозримое пространство бесплодная равнина, покрытая, точно снегом, белым соляным налетом. Что касается построения речных плотин, то прибрежные жители, арабы или другие, умеют еще возводить их с большим искусством: ветви тамариска и камыш служат им материалом для приготовления фашин, которые, по своей гибкости, лучше оказывают сопротивление, чем камень; ил, залегая в промежутки между прутьями, скрепляет обшивку берегов и способствует их прочности.

В нескольких километрах ниже соединения Тигра и Евфрата, Шат-эль-Араб принимает в себя значительный приток, Керху, персидскую реку, которая спускается с гор Луристана. Имея полкилометра в ширину и от 6 до 10 метров глубины, «Река Арабов»—таков буквальный смысл слова Шат-эль-Араб—есть одна из больших рек Азии, хотя, однако, ее нельзя сравнивать с такими могучими потоками, как Ян-цзе-кианг, Ганг и Брамапутра; она даже много уступает объемом Дунаю, сопернику Евфрата по длине течения, но протекающему по стране с более сырым климатом. Средний сток Шат-эль-Араба исчисляется Барнсом в 6.696 куб. метров в секунду, что представляет истечение около 3 дециметров для всей поверхности бассейна: так как средняя глубина Персидского залива составляет 75 метров, то водам Шат-эль-Араба нужно бы было около семидесяти лет, чтобы наполнить эту впадину, если бы она была осушена каким-нибудь явлением природы. Землистые частицы, содержащиеся в водах этой реки, отлагаются при устье и образуют в море бар в форме полумесяца, представляющий в часы отлива только от 3 до 4 метров глубины: суда, имеющие более значительную осадку, должны выжидать прилива, который в среднем достигает 3 метров высоты, или употребить большую паровую силу, чтобы прорезать килем порог из грязи, запирающий вход в речное устье и покрытый слоем воды толщиной от 3 до 4 с половиной метров. Речные наносы, постепенно накопляющиеся, выдвигаются все далее и далее, заставляя море отступать за собой. В шестидесятилетний период времени, с 1793 по 1853 год, приращение дельты составляло, по Раулинсону, 3.200 метров, то-есть около 53 метров в год, и вычислено, что в течение тридцати последних веков все прибрежье подвинулось к югу слишком на 150 километров[1]. Эти состоящие из речных наносов пространства продолжают равнины морского образования, которые можно видеть даже в соседстве Багдада, и происхождение которых обнаруживается мириадами раковин, принадлежащих к тем же видам, как и раковины Персидского залива[2]. Но подвигаясь мало-по-малу в область морских вод, река не перестает передвигать свое течение то вправо, то влево, совершая как-бы качания, в роде качаний маятника: русло перемещается из века в век и из года в год. Было время, когда Тигр, Евфрат, Карун, даже Керха изливались в море каждый отдельно; «Две Реки», соединенные своим средним течением, были самостоятельны по низовью; они спускались параллельно морю, и русло, где соединяются воды, раздваивается там и сям, как будто две реки имеют стремление опять разделиться. Клинообразные надписи упоминают о военной экспедиции Сеннахериба против государства Элам, во время которой этот царь должен был подвергать себя и свое войско опасностям морского плавания, чтобы добраться от устья одной реки до устья другой. Прежнее независимое русло Евфрата, Паллакопас древних греков, известное в наши

1 Loftus, „Quarterly Journal of the Geographical Society“, aug. 1855;—Ainsworth, „Researches in Assyria“, etc.;—Carl Ritter „Asien“, vol. X.

2 Lyell, „Principles of Geology“;—Rud. Credner, „Die Deltas“ „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, 56;—Loftus, „Chaldaea and Susiana“;—Friedrich Delizach, „Wo lag das Paradies?“

дни под именем Джахризадех, находится километрах в двадцати к западу от Шат-эль-Араба, и хотя ему часто дают название «безводной реки», однако, там и теперь еще течет ветвь Евфрата,в продолжение восьми месяцев в году[1]. Морское течение, которое идет вдоль прибрежья Персидского залива, устремляясь к устью в направлении от востока к западу, от берегов Персии к берегам Аравии, постепенно засыпало песком вход Паллакопаса или «устья Абдалаха»[2]. Точно так же и нынешний лиман, частью уже засоренный илом, переменяет место; со времени построения первых английских морских карт, он отодвинулся к востоку, приближаясь к старому устью Каруна. Эта персидская река, некогда впадавшая прямо в море, теперь соединена с Шат-эль-Арабом искусственным каналом Гаффар, вырытым в 40 километрах ниже города Бассоры. Первоначальное русло Каруна существует еще под именем Бамишира, давая таким образом персианам независимый торговый пункт, которым они, впрочем, не стараются воспользоваться, чтобы не иметь надобности расчищать и поддерживать проход из реки в море.

Устья Шат-эль-Араба и Бамишира старые, покинутые течением речные русла, боковые истоки или ветви верхних вод, пруды, наполняющиеся в период разлива, топкие илистые берега—все это вместе образует неопределенное, переходное пространство, которое уже перестало быть морем, но еще не успело сделаться твердой землей: это—область, которую можно сравнить с Сандербаном Ганга, но растительность её гораздо менее богата: вместо непроницаемой чащи джунглей, где кусты и деревья переплетаются стволами и ветвями, здесь увидишь лишь камыши в затопленной равнине, и в часы прилива путешественники, уже прошедшие бар и поднимающиеся по речному течению, могли бы подумать, что находятся еще на море; только на северном горизонте, ряды пальм, которых видны лишь вееры, показываются в воздухе, как стаи птиц. Солончаковые пространства возвышающиеся над уровнем наводнения, покрыты солончаковыми растениями, тогда как земля уже твердая, но еще затопляемая периодическими пресными водами, поросла особого рода тростником, mariscus elatus, волокнистые корни которого переплетаются в ткань дотого плотную, что почва превращается в род войлока, оказывающего сопротивление самым сильным разливам; там, где mariscus овладел почвой, размывания уже не бывает: вода скользит вдоль берега, не подтачивая перепутанного до бесконечности сплетения корней[3]. В мелких и тинистых водах, окаймляющих пояс тростников, живут мириадами барвены, которые роют себе норы в иле и поднимают его мало-по-малу, облегчая таким образом захват почвы растениями. Фауна Шат-эль-Араба отчасти морская. Акулы поднимаются с приливом до города Бассоры, и даже выше в Тигре и Евфрате, но они заходят по большей части в Карун, вода которого, спускающаяся с гор Хузистана, гораздо прохладнее; в нескольких сотнях метров температура воды разнится на 8 градусов Цельзия. В Каруне ладейщики встречают этих акул во всем низовье до запруды Аваз; их видели даже в соседстве Шустера[4].

На берегах обеих рек, Тигра и Евфрата, и в степях подошвы Синджара и Мардинских гор, летния жары почти невыносимы. Зимние холода там тоже очень чувствительны, особенно в открытом поле; лужи замерзают по ночам: когда дует северный ветер, арабы валятся с лошадей, как безжизненные массы; верблюды, окоченевшие от холода, не в состоянии двигаться[5]. Месопотамская область обязана исключительно этим двум главным рекам своей замечательной географической индивидуальностью: по климату она представляет переходный пояс, где перекрещиваются метеорологические явления соседних стран, и где встречаются флоры и фауны, принадлежащие различным областям. Тогда как северные округи заняты предгорьями Курдистана и первыми уступами плоскогорья Персии, обширные пространства, заключающиеся между двумя реками, состоят из глинистых или каменистых сте-

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. XI.

2 Denis de Rivoyre, „Obock, Mascate, Bouchire, Bassorah“.

3 Ainsworth, „Researches in Assyria“.

4 Hootum Schindler, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde“, 1877;—Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

5 Loftus, „Susiana and Chaldaea“;—Huber, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.

пей, и растительность, окаймляющая правый берег Евфрата, ограничена песками пустыни или соляной эффлоресценцией высохших болот. С одной стороны, скаты гор убираются весной самыми разнообразными цветами, и стада газелей прячутся в густой траве; с другой—бесплодная почва дает только тощий кустарник, и дикая фауна представлена лишь хищными зверями, бродящими вокруг палатки бедуина. От Багдада до Мардина не увидишь, может быть, и шести деревьев, разве только в возделанных лощинах, да на вершине холмов. Однако, северные степи представляют также местами пространства очень плодородной земли, где могли бы жить миллионы людей, если бы они утилизировали воды ручьев и отводили в свою пользу течения Тигра и Евфрата; весной охотничьи собаки, бегающие по степи, возвращались домой все желтые от насевшей цветной пыли[1]. Большая равнина, зеленеющая с февраля по май, желтая в остальное время года, принадлежит к русскому поясу по чернобыльникам, к сахарной области по мимозам, к бассейну Средиземного моря—по злакам[2]. По мнению большинства ботаников, подтверждающему то, что говорил двадцать три столетия назад Бероз, равнина Двух рек есть страна по преимуществу хлебных злаков: там был испечен первый хлеб; в начале настоящего столетия, в 1807 году, путешественник Оливье открыл в одном овраге, непригодном для культуры, пшеницу, ячмень, полбу в диком состоянии, и с того времени многие ботаники находили эти виды в области среднего Евфрата[3]. С юга на север и с запада на восток Месопотамия представляет ряд поясов, отделенных один от другого неправильными линиями. Пальмы не переходят на севере за южное основание массива Синджар; на Евфрате последняя большая пальмовая роща находится в городе Анах; в Текрите, на Тигре, находим две последние плодовитые финиковые пальмы, составляющие как-бы авангард финиковых лесов нижней Месопотамии: они указывают естественный предел арабского владычества, а далее на севере начинается область курдского армянского масличного дерева. Хлопчатник растет в Диарбекирских равнинах, но далее этого предела он не встречается; выше европейские плодовые деревья, которые, однако, первоначально были привезены в нашу часть света из Передней Азии, их настоящей родины,—яблони, груши, абрикосовые деревья, окружают селения, но вишни нет, так же, как в северной Армении и на Понтийском прибрежье.

В равнинах Междуречья лев бродил еще в половине настоящего столетия, даже в соседстве Мардинских гор[4], но он исчез с берегов среднего Тигра выше болот Керхи. Слон и дикий тур, на которых охотились ассирийские цари в окрестностях Ниневии, не встречаются там более, по крайней мере уже слишком двадцать пять веков[5]. Равным образом дикий осел перестал уже принадлежать к месопотамской фауне. Пеликану, еще недавно столь обыкновенному в евфратских лесах, тоже грозит опасность исчезнуть в очень близком будущем, так как пух его идет на муфты, очень ценимые, особенно в России[6]. В степи самый обыкновенный зверек—тушканчик или табарган, разрывающий почву своими норками, так что в некоторых местах лошадям очень опасно бежать по такому обманчивому, постоянно проваливающемуся под ногами грунту. Евфрат и его прибрежные местности сохранили еще кое-какие остатки флоры и фауны, отличной от растительного и животного царства степей; река имеет собственную растительность, своих особенных птиц и диких животных: на берегах её водятся куропатки, франколины, сороки, гуси, утки и другие пернатые, которых никогда не встретишь в 2 километрах расстояния на пустынной равнине[7]. На скалах вокруг Биреджика гнездится ибис (ibis comata), абиссинская птица; кажется, он не имеет колоний в других местах долины Евфрата, и жители охраняют эту птицу, видя в ней как бы покровителя их го-

1 Layard, „Nineveh and Babylon“.

2 Grisebach, „Vegetation du Globe“, trad. par P. de Tchihatcheff.

3 A. de Candolle, „Origine des plantes cultivees“;—Helfer, „Reisen in Vorder-Asien“;—Anne Blunt, „The Bedouins of the Euphrates“;—Menant, „Babylone et Chaldee“.

4 Von Moltke, „Das nordliche Vorland Kleinasiens“;—Anne Blunt, цитированное сочинение.

5 Chabas, „ Stele d'Amenemheb“;—Francois Lenormant;—Layard.

6 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

7 Anne Blunt, цитированное, сочинение.

рода[1]. Бобры сохранились еще в средней части течения реки, а в прибрежных болотах обитает особый вид черепахи, *trionix euphratica*, длиной около метра[2]. Чесни утверждает, что будто в Евфрате, именно в области ближайших к Сирии излучин, водятся крокодилы; однако, этот факт подвергнут сомнению некоторыми зоологами[3].

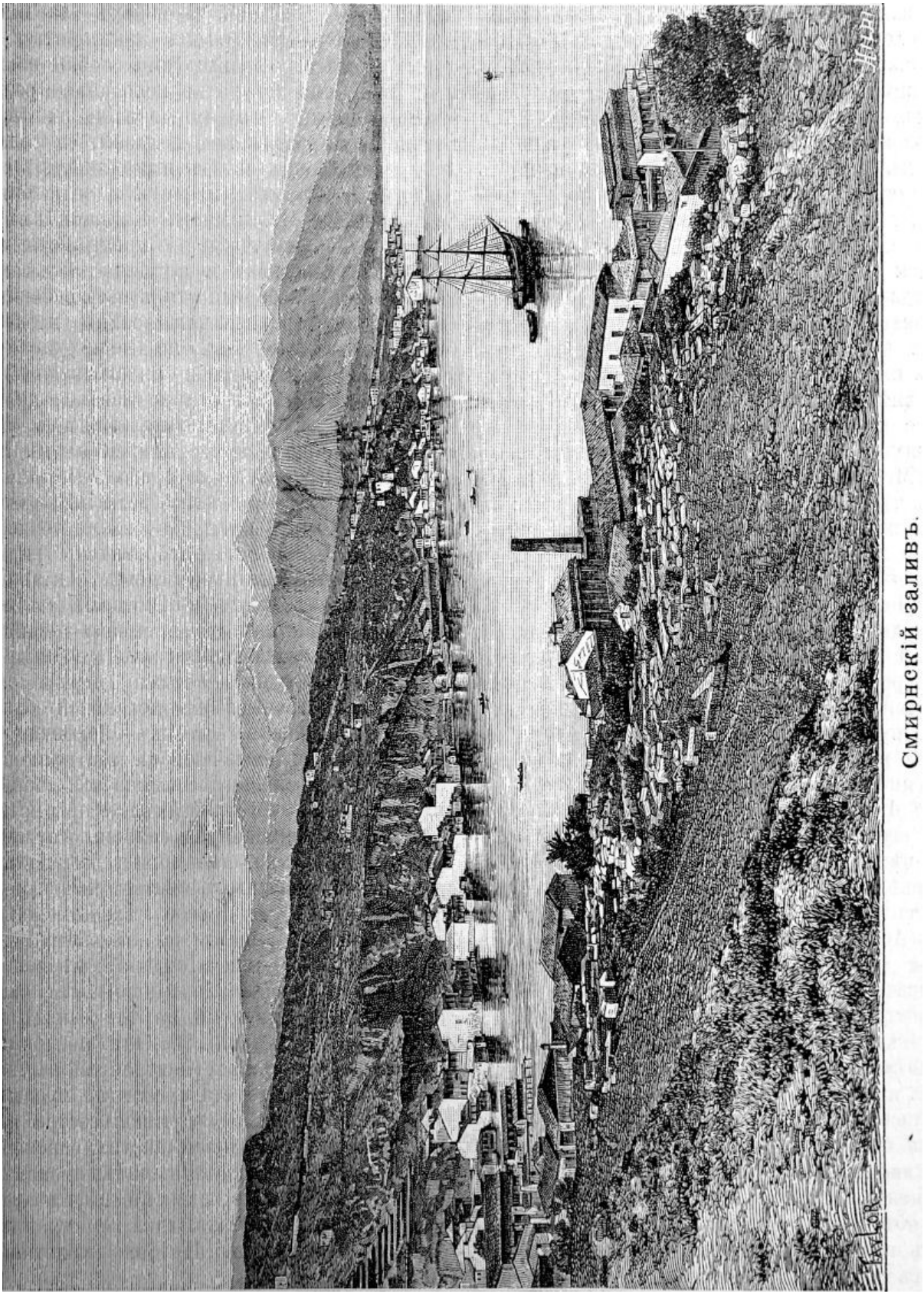
Во все времена с самого начала писанной истории, население Месопотамии было смешанного происхождения. Иранцы севера и востока, семиты юга и запада встречались в равнинах Тигра и Евфрата, и в этой области Междуречья образовались новые нации, непохожия на первоначальные расы и отличающиеся особенными качествами, подобно тому, как сплавы приобретают новые свойства, отличные от свойств первоначальных металлов, из которых они составлены. Ассирияне и халдеи имели свой особенный гений, отличный от гения их соседей, персов и мидян, арабов, сирийцев и евреев; но они не сохранили отдельного существования, как эти соседние народы. Сделавшись слабейшими, они были истреблены или смешались со своими победителями, утратив свое имя, свой язык, сознание своей национальности; однако, и до сих пор существует еще между курдами одно племя, которое носит имя Айсор и претендует на прямое происхождение от древних ассириан. Падение цивилизаций Вавилона и Ниневии позволило первоначальным элементам снова взять верх, и в наши дни вся Месопотамия разделена, как завоеванная земля, между этнологическими областями арабов равнины и горских курдов и туркменов[4]. В половине семнадцатого столетия, когда Оттоманская империя была в борьбе с Австрией, арабы племени шаммар или шомер из Неджеда воспользовались удалением турецких войск на театр войны, овладели несколькими городами на берегу Евфрата и прошли победоносно по равнинам до Мардинских гор. Другое племя арабов, аназехи, пошли по их следам, чтобы иметь свою долю в завоевании, и после продолжительной и кровопролитной борьбы, вся область, простирающаяся от гор Сирии до предгорий Ирана, оказалась разделенной между двумя названными главными народцами и их союзниками. Аназехи распространили свое владычество в северо-западных степях до самых ворот города Алеппо; шаммары стали господствовать в Месопотамии. Война в собственном смысле прекратилась между шаммарами и аназехами, но мир не был заключен, и набеги из территории в территорию часто повторяются. По сведениям, собранным английской путешественницей, Анной Блент, численность этих племен определяется приблизительно следующими цифрами:

Аназехи и союзные племена: 30.000 палаток или 120.000 душ; шаммары и союзные племена: 28.000 палаток или 112.000 душ.

Со времени крымской войны прибрежные города на Евфрате были снова завоеваны турками; паши установили военные посты на больших дорогах, по которым ходят караваны, и некоторые племена оставили кочевую жизнь, променяв ее на земледельческий труд; они не носят более копья. Так, могущественный народец монтефиков или «соединенных», численность которого прежде простиралась по меньшей мере до тридцати тысяч палаток, состоит теперь из феллахов, водворённых на нижнем Евфрате и на Тигре. Племена бенилаам, заключающее около четырех тысяч семейств, баттар, зигрит, абу-могамед, шаб на нижнем Каруне, которые, впрочем, в сильной степени смешаны с иранскими элементами[5], тоже принадлежат к числу арабов-земледельцев, населяющих пригородные деревни, но они повиновались лишь призыву торговли: правительство тщетно пыталось ранее действовать на них силой. Различные племена кочевых бедуинов, внезапно окруженные войсками, получили приказ построить себе избы и обработывать соседния земли под надзором солдат; но как только гарнизон уходил, они снова отправлялись в свои излюбленные степи. Всего легче совершается переход от бродячей жизни к оседлому существованию у тех народцев, которые

1 Ernest Chantre, рукописные заметки.
2 Chesney, „Official Reports“, etc.;—Carl Ritter, „Asien“, vol X.
3 Blanford, „Eastern Persia“.
4 Anne Blunt, цитированное сочинение.
5 Layard, „Nineveh and Babylon“.

занимаются скотоводством, то-есть кочуют со стадами баранов и буйволов; наездники же, привыкшие владеть копьем, не могут принудить себя покинуть пустыню. Некоторые племена приспособились к постоянной жизни среди болот, где они обитают в хижинах, сделанных



Смирнскій заливъ.

из тростника: таковы хозаилы и маданы, которых никогда никакие завоеватели не пытались преследовать в их топях и трясинах[1]. Этим болотным жителям достаточно прорвать плотины,

1 Baillie Frazer, „Travels in Mesopotamia“.

чтобы оградить себя от всякого внешнего нападения или преследования. Другие кланы арабов, зобеири, например, состоят исключительно из лодочников. Во всей Месопотамии нет более красивых мужчин, чем эти рослые, сильные матросы: ни один из их молодых людей не может думать о женитьбе, если он не совершил по крайней мере трех плаваний вверх по Тигру, из Шат-эль-Араба до Багдада.

Курды предгорий принадлежат, вероятно, как и курды Персии и Армении, к различным расам, но они походят друг на друга нравами и образом жизни. В большинстве, они магометане, но несториане тоже представлены между ними значительными группами, особенно в долине реки Большой Заб, вокруг Джуламерка; халдеи имеют в Моссуле и в его окрестностях общины, более богатые, чем те, которые существуют на плоскогорье Урмия; сурияни или христиане-якобиты живут в числе около 30.000 душ в горах Тур-Абдинских, вокруг Мидиата и монастыря Дер-Амер; развалины семидесяти обширных монастырей[1] свидетельствуют о важности, которую имела некогда эта секта: шемсиехи, иезиди или «обожатели диавола», также имеют в верхней Месопотамии свои убежища на Синджаре, где они долгое время пользовались почти полной независимостью. Некоторые специальные секты, остатки гонимых гностиков, равным образом удалились в уединенные массивы Месопотамии: рассказывают об одной общине, живущей в Мардинских горах, которая, как полагают, происходит от поклонников солнца, изгнанных из Харрана, города Авраама. Угрожаемые смертью, при калифе Аль-Мамуне, потому что не имели священной «Книги» или Библии, как христиане и евреи, эти сектанты принуждены были обратиться оффициально в одну из терпимых религий: большинство их присоединились для виду к секте христиан-якобитов, населяющих, вместе с ними, около шестидесяти деревень в горах Мардин и Тор. С тем искусством притворяться, которым так хорошо владеют вообще восточные люди, они аккуратно исполняют религиозные обряды, предписанные патриархом; но потихоньку продолжают поклоняться солнцу, луне, всему сонму звезд и регулируют свою жизнь по сочетаниям планет и волшебным заклинаниям. На нижнем Евфрате и в долине Каруна живут другие христианские гностики, которые, как полагают, тоже сохранили некоторые обрядности культа небесных светил: это гараниты или сабейцы (но не сабеяне), названные так по имени одного из их пророков; сами себя они называют мандайе, что значит «Ученики слова», и вообще католические миссионеры называют их «христианами Иоанна Крестителя», по имени Крестившего на Иордани, которого эти сектанты считают основателем их религии. Сабейцы, повидимому, были прежде очень многочисленны. На карте Тевенота[2] обозначено тридцать шесть групп «Учеников слова», обитавших в Бассорском округе, и некоторые из этих групп состояли из двух тысяч семейств; в 1875 году насчитывали уже не более тысячи сабейцев на берегах Тигра и около восьми тысяч во всей Месопотамской области; на Евфрате главное место их—деревня Сук-эш-Шиок, в земле племени монтефиков[3]. До половины текущего столетия все сабейские священники в окрестностях Бассоры погибли от чумы; сменившие их священнослужители исполняли лишь внешние обряды, между которыми самым важным считается частое крещение верующих—первое условие прощения грехов[4]. Сабейцам не позволяется жить далеко от реки или «Иордана»: в текущей воде они совершают большую часть своих религиозных церемоний, в том числе даже обряд бракосочетания[5]. Они поклоняются кресту, потому что мир, разделенный на четыре части, сам составляет крест по преимуществу. Их религия, враждующая сестра иудейства, христианства, магометанства, основана на гностической идее двух начал, проповеданной некогда их богословами и философами, ибо сабейцы имели также свой период литературной деятельности. Подобно христианам, евреям и мусульманам, они—«люди Книги»; они обладают «Сокровищем», называемым также «Книгой

1 Soein, „Zur Geographie des Tur-Abdin, Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft“, 1881.

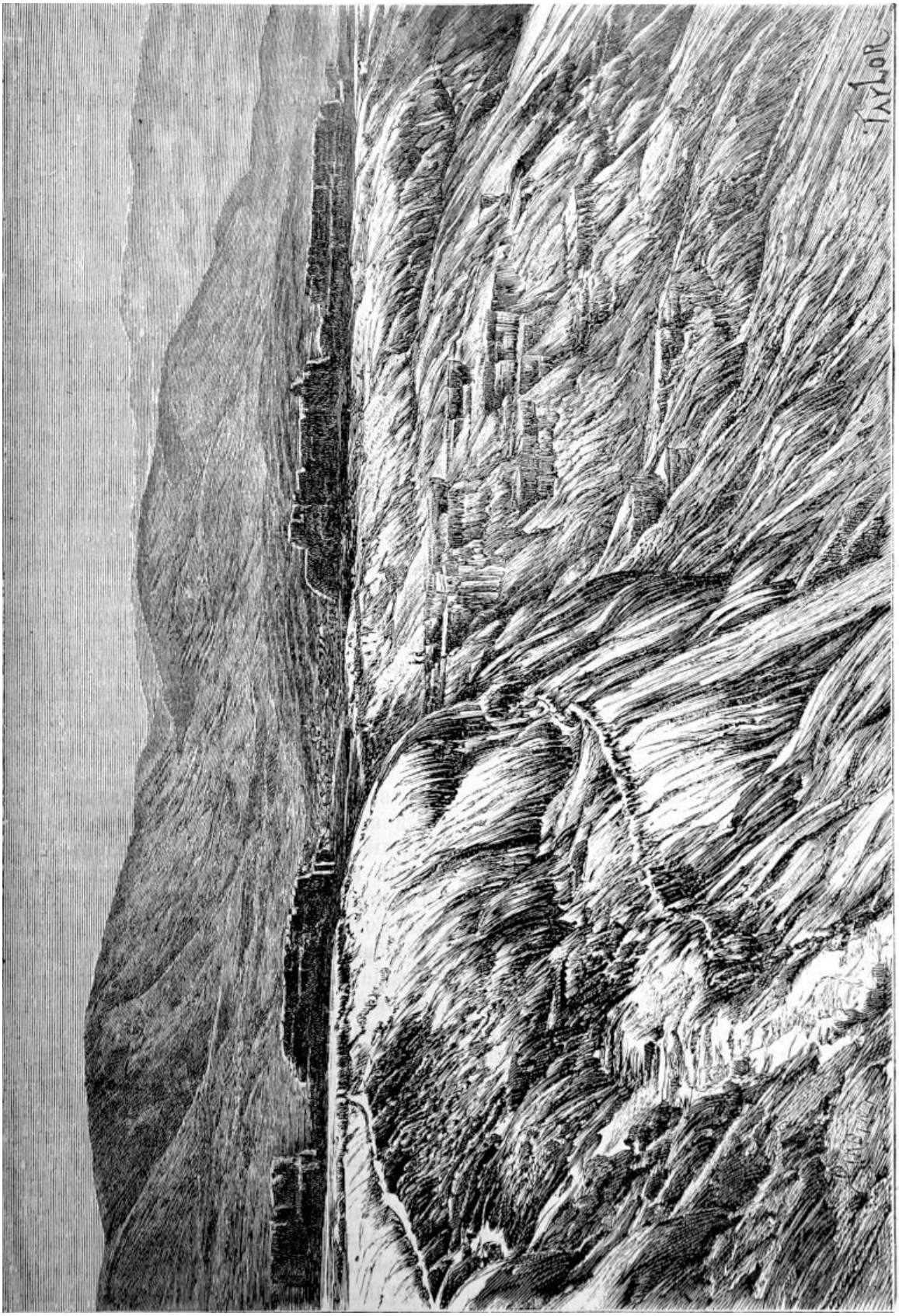
2 „Recueil de divers voyages curieux“, Paris, 1863.

3 Anne Blunt, цитированное сочинение.

4 H. Petermann, „Reisen in den Orient“;—Euting, „Ausland“, 1876;—Siouffi, „Etudes sur la religion des Soubbas on Sabeens“.

5 Damien de Saint-Joseph, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1873.

Адама»—хотя она появилась уже после Магомета[1]—и составленной на своеобразном семитическом языке, как подобает идиому особенной религии. Однако, этот язык существует лишь в священных сборниках: верующие говорят арабским языком, как все жители страны.



Каскадъ Памбукъ-Кале.

Многоженство им не воспрещено, но они могут заключать брачные союзы только в среде своей общины. В обыкновенной жизни они отличаются от магометан только большей

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. XI

честностью; впрочем, иначе и быть не могло бы, так как они должны завоевать себе уважение, чтобы пользоваться терпимостью.

Так же, как христианство, учение Магомета породило множество сект в этой стране, где перемешалось столько религиозных преданий. Все секты Востока имеют своих представителей в Месопотамии. Аравийские вагабиты организовали там общины, за которыми учрежден строгий надзор; персидские бабисты держат там свои тайные сходбища; на берегах Тигра тысячи мусульман называют себя учениками ахунда, смиренного и бедного проповедника из долины реки Сват, в Афганистане[1]. Существует также, как говорят, между монтефиками и другими арабами на нижнем Евфрате и Шат-эль-Арабе небольшое число последователей религиозной секты или сообщества сенусиа, возникшего в Алжирии, где оно наделало не мало хлопот французам[2]. Кроме преследуемых сект, вынужденных явно притворяться исповедующими какую-либо дозволенную религию и продолжающих в тайне соблюдать обряды своей собственной веры, есть местности, где два культа в чести. Так, жители Моссула, мусульмане и христиане, имеют одного и того же патрона, Джерджиса или св. Георгия. Во многих областях Месопотамии, между прочим, в Орфе, мусульманки делают приношения Божией Матери, чтобы иметь детей; если их желание исполнится, они считают долгом отправиться в церковь, чтобы принести благодарственную молитву, и подробно расспрашивают об обрядах, которые нужно исполнить по христианскому обычаю[3]. С другой стороны, есть много бедуинов, о которых трудно было бы сказать, к какой религии они принадлежат: они боятся дурного глаза и отстраняют его от себя жестами, подобно тому, как это делают неаполитанцы, но они не принудят себя даже прочитать молитвы и считаются магометанами только по имени[4].

В городах, арабское население, смешанное с турецкими и халдейскими элементами, исповедует суннитскую догму; однако, Вавилония заключает в своих пределах святые места, наиболее чтимые у шиитов, после Мекки: таковы Кербела, где находится могила Гуссейна, и Неджеф, где высятся куполы мечети Али. Верным шиитам, которым посчастливилось жить и умереть в этих святых местах, нечего бояться мук ада: они даже не будут ответствовать за дурные дела, совершенные на этом свете. Оттого тысячи персиан и сотни богатых индусов шиитской секты поселились на постоянное жительство либо в Багдаде или в Хадиме, в соседстве священных могил, либо даже в Неджефе или в Кербеле, и очень многие из богатых иранцев, которые не имели счастья жить на благословенной земле, просят, умирая, чтобы их смертные останки отвезли туда для погребения. Перевозка покойников в Кербелу и в Неджеф, хотя иногда запрещаемая, до сих пор составляет одну из главных статей торговли между Персией и Азиатской Турцией; по новейшим статистическим сведениям, среднее число ввозимых персидских трупов равняется 4.000 в год; но в 1874 году, после голода и следовавшей за ним большой смертности, было зарегистровано 12.202 мертвых тела, посланных из Персии в Месопотамию. Сверх того, многие арабские племена, увлеченные силой примера, взяли привычку отправлять своих покойников в святые города шиитов, превратившиеся, вследствие этого, в обширные кладбища. Для длинного странствования, тела завертываются просто в ковер или циновку,без всяких антисептических ингредиентов, и когда транспорт приходит в святое место, покойники представляют лишь бесформенную массу останков; на расстоянии нескольких сот метров путешественники задыхаются от невыносимого трупного запаха, распространяемого погребальными поездами, которые перевозят в одно и то же время мертвые тела и чуму[5]. Ирак-Араби есть одно из гнезд этой страшной болезни: из сорока последних эпидемий двадцать две получили там начало или распространение[6].

1 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

2 H. Duveyrier, рукописные заметки.

3 De Gobineau, „Les Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale“;—Guardiagrele „Annales de la Propagation de la Foi“, 1875.

4 Anne Blunt, „Bedouin Tribes of the Euphrates“.

5 Leonard Arnaud, „Peste en Mesopotamie“;—Mahe, рукописные заметки.

6 Alfr. von Kremer, „Culturgeschichte des Orients“.

В верхнем бассейне западного Тигра самый высокий по положению город—горнозаводский центр Хапур (Маден-Хапур), стоящий на высоте 1.039 метров над уровнем моря и 250 метров над уровнем реки. Соседняя гора, Магарат, доставляет в изобилии медную руду, которую работники греческие, армянские и турецкие частию переплавляют на месте, но которой большая часть вывозится в промышленные города Азиатской Турции—в Диарбекир, Эрзерум, Требизонд; еще недавно почти все восточные люди, от Константинополя до Испагани, запасались медной посудой из Маден-Хапура. В начале нынешнего столетия годовой вывоз руды с верхнего Тигра в Багдад простирался до 400 тонн[1], но с той эпохи добыча меди много уменьшилась; теперь едва эксплоатируют месторождения свинцовой руды, содержащей серебро, и не занимаются более добыванием золота и серебра. Город Аргана, лежащий на юго-западе от Хапура, на выступе горы, господствующем над Тигром, обязан соседству подземных рудокопных галлерей тем, что ему тоже дали прозвище Маден: Аргана-Маден или «Аргана рудниковая».

Диарбекир или Диарбекр, то-есть «земля бекров», названный так по имени арабского клана бекр, которым он был завоеван в седьмом столетии, есть древний Амид или Амида, и теперь еще его часто называют Кара-Амид, «Черный Амид», по цвету базальта, из которого он построен. Диарбекир занимает чрезвычайно счастливое географическое положение. Построенный на высоте 626 метров над уровнем моря,—высоте, которая, под 38 градусом северной широты, обеспечивает стране климат, соответствующий климату южной Франции,—этот город расположен близко от перешейка, разделяющего две реки, Тигр и Евфрат; он занимает верхнюю оконечность месопотамского «острова», где находится главное пересечение дорог между двумя бассейнами. Кроме того, он обозначает точку соприкосновения между несколькими этнологическими областями: там встречаются различные народности—турки, армяне, курды, арабы. Недалеко от этого города, немного южнее, проходит северная граница арабского языка, и начинается пояс турецкого идиома. Ко всему этому Диарбекир имеет еще ту выгоду, что он господствует над обширной аллювиальной равниной, отличающейся замечательным плодородием. Во все времена окрестная местность вокруг Амида была одною из «житниц» Передней Азии, и это местное преимущество с соединении с выгодным географическим положением, давало Диарбекиру первостепенную важность. Он заключал в своих стенах, в мирные годы, сотни тысяч жителей, и не раз бывало, что осада делала внутри его больше жертв, чем сколько он имеет в наши дни постоянных обитателей.

Город живописно расположен на оконечности застывшего базальтового потока, вылившагося из древних вулканов массива Караджидаг. Конечный утес, господствующий над садами правого или западного берега, поднимается на высоту 30 метров над уровнем Тигра, а зубчатые стены, с круглыми башнями по бокам, придают Диарбекиру еще более горделивый вид. Черная городская ограда, еще хорошо сохранившаяся, развертывается на протяжении 8 километров, примыкая с одной стороны к четыреугольной массе разрушенной цитадели, с другой к мосту о десяти арках, последнему сооружению этого рода, существующему ныне на Тигре. Внутри город мрачен, непригляден, сыр и нездоров, улицы узки и грязны; главная дорога, базарная, куда направляется все движение, имеет всего только 3 или 4 метра в ширину; местная болезнь, называемая диарбекирским «бутоном», еще более опасна, чем алеппская[2]. Лавки не менее обильно, чем багдадские, снабжены произведениями края и европейскими товарами, и между выставленными на продажу предметами есть много изделий местной фабрикации, каковы медные сосуды, золотые и серебряные украшения филиграновой работы, трубки, сафьяны, шерстяные ткани, шелковые и бумажные материи; число ткацких станков, действующих в этом городе, простирается до полуторы тысяч. Толпа, собирающаяся на базарной улице—одна из самых пестрых и смешанных, какие только можно встретить в Передней Азии: население Диарбекира состоит из курдов, армян, турок и туркмен, халдеев, несториан и якобитов, иезидов и евреев, сирийцев и греков, к которым в последнее время

1 Olivier, „Voyage en Perse fait dans les annees 1807, 1808 et 1809“.

2 Ernest Chantre, рукописные заметки.

прибавилось еще большое число болгар, высланных из Европы турецким правительством[1]. Почти половина жителей—христиане, и мечети не более многочисленны, чем церкви; одна из них стоит на месте римского здания (третьего или четвертого столетия), от которого уцелел фасад, представляющий в нижнем ярусе аркады с легким сводом, а в верхнем изящные колонны, отличающиеся одна от другой арабесками ствола и скульптурными украшениями капителей.

Вообще верхния долины Тигра и его притоков богаты развалинами, и даже новые городки и местечки построены на месте древних городов. Самая грандиозная руина древних построек—это остаток места, разорванные аркады которого нависли над Тигром на высоте 25 метров, недалеко от слияния этой реки с её притоком Батман-су. Громадные глыбы песчаника, рассеянные в соседнем ущелье, были выдолблены для того, чтобы служить жилищами; на горном обвале приютилась деревня, где есть даже базар[2]. Город Майя-Фаркейн или просто Фаркейн, лежащий на северо-восток от Диарбекира, на обломках морены[3], которую огибает приток реки Батман-су, разветвляющийся ирригационными каналами в садах, есть Мартирополис («город мучеников») византийцев, и там до сих пор еще видны величественные руины искупительного памятника, построенного в начале пятого столетия на костях нескольких тысяч христиан, перебитых Сапором. Далее к востоку, на Батман-су, находится персидский мост, аркады которого возвышаются на 50 метров над уровнем реки. Живописный город Хузу (Гузу, Хазу), с домами, расположенными в виде ярусов по уступам горы, воздвиг свою новую крепость на развалинах древнего замка, а в окрестностях, на дне оврага, стоит древняя армянская церковь, сооружение которой относят к пятому веку после Р. Х.: каждый год к этой святыне приходят толпы богомольцев из Сирии, из Армении, из России поклониться хранящемуся там большому куску от «истиннаго креста», то-есть креста, на котором был распят Спаситель. Серт или Саэрт, на Ботан-су, тоже построен на руинах, которыя д'Анвиль и другие историко-географы считают развалинами древнего Тиграноцерта. Клинообразные надписи, на древне-армянском языке, встречаются в различных местах этого края, вырезанные на гладко-отшлифованных стенах скал. Маленькия башни, стоящие там и сям в окрестностях, среди полей, засеянных дынями, арбузами и огурцами, придают Серту вид крепости, окруженной фортами. После Диарбекира, самый большой город на верхнем Тигре—это прелестный Битлис, лежащий на высоте около 1.500 метров над уровнем моря, недалеко от юго-западного угла озера Ван. Потоки лавы, красной и коричневой, вылившиеся из массива Нимруд-даг, оканчиваются крутыми мысами, перерезанными широкими расселинами, на дне которых с шумом бегут быстрые потоки, частию минеральные и горячие, образующие реку Битлис-су. Старый замок или крепость господствует над слиянием; перекинутые через реку стрельчатые аркады соединяют оба высокие берега, и круглые башни широких минаретов высоко поднимают свои кругообразные галлереи над домами с террасами, над садами и группами деревьев[4]. Битлис, население которого состоит частию из армян, занимается выделкой и окраской тканей, и как главный этапный пункт между долиной Тигра и долиной верхнего Мурада, поддерживает значительное торговое движение.

Очень древний город Джезире-ибн-Омер или «Остров Омарова сына», лежащий ниже пролома Тигра, на острове, образуемом рекой и искусственным каналом, был часто, вопреки своему имени, средоточием не мусульманских общин. В четырнадцатом веке там находилась большая еврейская колония, и из её школ вышло несколько раввинов, впоследствии прославившихся. В начале настоящего столетия, иезиды или «поклонники диавола» сделали из этого города один из своих укрепленных пунктов, но не могли защитить его против турок и почти все были перебиты. Их заменили кудры-мусульмане, но не возвратили городу его

1 Черник и Швейгср-Лерхенфельд, „Erganzungsheft zu Peterraann's Mittheilungen", №№ 44, 45.
2 Von Moltke, „Zustande und Begebenheiten in der Turkei";—Carl Ritter, „Asien"
3 Ernest Chantre, рукописные заметки.
4 Hommaire de Hell;—Ainsworth;—Deyrolle;—Chantre;—Barry.

прежнего важного значения. Крепость, построение которой туземцы приписывают генуэзцам, как почти всех старых замков, существующих в Малой Азии[1], теперь представляет лишь руину, впрочем очень живописную, с правильными кордонами из бурого базальта и белого известняка; от старинного моста, перекинутого на Тигре, к востоку от Джезире, остался только один столб, вокруг которого вода образует опасную стремнину[2]. Ниже по течению, на меловой террасе, господствующей над правым берегом Тигра, другой город, еще более пришедший в упадок, чем Джезире-ибн-Омер, не имеет более даже собственного названия: это—Эски-Моссуль или «Старый Моссул». Змеи ползают тысячами в траве и в потрескавшихся стенах этого древнего городища. В гористой области, окружающей Джезире, растет в изобилии деревцо, похожее на ракиту, которое иногда покрывается тысячами шелковистых коконов: тамошния женщипы утилизируют эти коконы и ткут из них очень прочные материи[3].

Моссул—город относительно новый, так как в первый раз имя его упоминается при магометанском владычестве. Но не стоит ли он на месте, которое некогда должно было занимать западное предместье Ниневии, на правом берегу реки? Так же, как Биреджик на Евфрате, Моссул находится на Тигре в поясе необходимого перехода. Естественный путь, ведущий от Средиземного моря к Евфрату, обходя пустыню, затем следующий вдоль южного основания предгорий Курдистана, достигает Тигра у Моссула или в соседстве этого города, откуда направляется к Загросу, чтобы подняться на иранское плоскогорье так называемой «царской дорогой». Точно так же караваны, отправляющиеся из Багдада в Алеппо, идут на Моссул, чтобы избегнуть территории, занимаемой разбойничьими племенами аназехов. Большинство этимологов полагают, что арабское название Моссул означает «переправу». По выражению одного старинного писателя, цитируемого де-Гинем, «Дамаск есть дверь Запада, Нишапур—дверь Востока, а Моссул—переход из стран Востока в страны Запада». Хотя пришедший в упадок, как и другие города на Тигре, Моссул представляет еще величественный вид. Построенный на оконечности отрога цепи Синджар, называемого Джебель-Джубилах, он живописно раскинул свои дома с террасами по скату горы в виде обширного амфитеатра, который окружен оградой, имеющей около 10 километров в окружности. На вершине холма дома, принадлежащие зажиточным гражданам, рассеяны в садах, где бьют фонтаном теплые воды; внизу жилища ремесленников и бедняков скучены вокруг базаров, бань и мечетей; за стеной город продолжается на юг предместьем или *магалехом*, перед которым останавливаются плывущие по реке курды, и где они разбирают на части свои плоты. Публичные здания, по большей части постройки без всякого архитектурного вкуса, отличаются, однако, красотой самого материала, из которого построены; особенно замечателен так называемый «моссульский мрамор», алебастр, доставляемый каменоломнями Меклуб-дага, находящимися к востоку от равнины. Вместо того, чтобы снабжать весь свет своими прекрасными материями, как это было во времена калифов, Моссул теперь сам покупает за границей почти все потребляемые им ткани; вообще в нем нет ныне почти никаких промыслов, кроме дубления кож, фабрикации серебряных и золотых вещей филиграновой работы; но он ведет торговлю чернильными орешками, зерновыми хлебами и другими произведениями, получаемыми из курдских долин и привозимыми иезидами из Телль-Афара и других степных местечек.

На Тигре, в самой узкой его части, устроен пловучий мост длиной около 170 метров, который продолжается в равнине, затопляемой во время разлива, дамбой, извивающейся между речными рукавами. В 2 километрах от Моссула, когда поднимешься на восточный высокий берег, то очутишься на обширной ровной террасе, пространством около 10 квадр. километров и ограниченной со всех сторон оврагами, заваленными мусором: это и есть плато, на котором стояла древняя Ниневия. Долина, по которой протекает Гассер-Чай, небольшой приток Тигра, разрезывает это плато, состоящее из конгломератов, на две половины, имею-

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. XI.

2 Von Moltke, цитированное сочинение.

3 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1865.

щие каждая 9 километров в окружности. В северной половине, непосредственно над речкой Гассер-Чай, поднимается четыреугольный, почти квадратный холм, высотой около 18 метров, перерезанный траншеями и изрытый галлереями во всех направлениях: это—знаменитая горка Куюнджик, содержащая массу кирпича, вес которого исчисляют в 14 с половиной миллионов тонн. В южной части плато, около средины его западного крутого берега, возвышается другой пригорок, Юнес Пегамбер или Неби Юнас, названный так в память пророка Ионы, который, по общему верованию христиан и магометан, погребен в этом месте. Третья груда развалин, имеющая меньшие размеры, указывает юго-западный угол Ниневийской террасы. Вся площадь ассирийской столицы, не считая предместий, которые, без сомнения, тянулись за рвом городской ограды, вдоль дорог и реки, представляет восьмую часть Парижа, так что трудно понять, как могли быть на этом пространстве скучены такия массы людей, о которых говорит сказание о пророке Ионе[1].

Уже с давних пор знали, что под курганами, возвышающимися напротив Моссула, на другом берегу Тигра, находятся любопытные развалины, происходящие от древней столицы ассириян. Путешественники открывали там остатки строений и изваяний и привозили оттуда писаные камни, цилиндры и другие мелкие предметы. Первые раскопки были сделаны только в 1843 году, под руководством Ботты, французского консула в Моссуле: это было начало тех подземных изысканий, которые открыли миру целое неведомое искусство и породили новую науку, развертывая летописи Ассирии, представляя церемонии и празднества её народа. Но еще остается сделать много дальнейших открытий. Даже курган Куюнджик, на котором раскопки производились преимущественно английскими археологами: Лейярдом, Лофтусом, Смитом, еще не вполне известен: мы имеем лишь частные планы двух открытых там дворцов, в которых, между прочим, найдены величественные колоссы, весом от тридцати до сорока тонн (слишком 2.400 пудов), поставленные теперь в залах Британского музея в Лондоне, и—еще более драгоценные остатки глубокой древности—целые библиотеки, состоящие из табличек обожженной формовой земли, из которых каждая была как бы листок книги. Что касается кургана пророка Ионы, то он оставался неисследованным до 1879 года: маленькое здание, господствующее над ним, мусульманские могилы, покрывающие его скаты, деревенька, приютившаяся у его основания,—единственная группа домов, находящаяся ныне на месте пышной столицы Ассирийского царства,—были препятствиями, которые долгое время не позволяли, чтобы это священное место был «профанировано» руками гяуров. Халдеец Гормузд Рассам обследовал недавно под этим бугром остатки дворца Сеннахериба.

Между всеми этими развалинами ассирийских городов всего лучше изучена руина Хорсабад или Хос-робат, находящаяся километрах в двадцати к северо-востоку от Моссула, далеко за пределами Ниневии: это был, по выражению г. Перро, «Версаль какого-нибудь ассирийского Людовика XIV». Город был маленький, не покрывавший даже 3 квадр. километров, но его ограда лучше сохранилась, чем стены других древних городов, и дворец, исследованный методически французским консулом Ботта и продолжателем его трудов, Пласом, известен лучше всех других памятников Месопотамии в его деталях. Раскопки остановились лишь на самых границах платформы, площадь которой около десяти гектаров. Этот дворец был построен между годами 705 и 722 до Р. Х., в царствование Саргона, о славе и могуществе которого, еще недавно забытых историей, напоминают барельефы и надписи, продолжающиеся на протяжении 2 километров. Можно судить о гигантском труде, который представляет такая пышная постройка, как «город Саргона» (Гирс-Саргон или Дур-Сарюкин), по тому факту, что наружные стены имели не менее 24 метров в толщину и 31 метр с половиною в вышину. Рядом с дворцом стояла многоэтажная башня или *зигурат*, может быть, обсерватория, напоминающая своей пирамидальной формой гробницы египетских царей. Плас откопал её основание и распознал правильные массы четырех расположенных один над другим ярусом, равно как наружную рампу, сохранившую еще кое-какие остатки своего

1 G. Perrot et Ch. Chipiez, „Histoire de l'art dans l'Antiquite", 2-e volume.

зубчатого бордюра[1]. Драгоценные изваяния, найденные при раскопках в Хорсабаде, не все достигли Лувра: многие из них потерялись в Тигре. Одна из самых замечательных находок Пласа—железная кладовая, заключающая слишком 160 тонн всякого рода орудий: быть может, знаменитые дамасские клинки составляют наследие ассирийской промышленности[2].

К группе руин принадлежат также, лежащие на восток от Куюнджика, горки Карамлис и другие деревни «Халдейской равнины», названной так по имени христиан, которые ее населяют. Самый знаменитый из этих холмов, лежащий километрах в тридцати к югу от Моссула, носит легендарное имя Нимруд, то-есть Немврод. Археологи знают теперь, что эта горка возвышается на том самом месте, где стоял Калаш, первая столица Ассирийского царства: основание этому городу было положено Салманасаром I, около тридцати двух веков назад[3]; впоследствии, когда Ниневия сменила его, в качестве царской резиденции, он все-таки остался большим городом. Положение его было очень выгодное: он стоял недалеко от слияния Большого Заба и Тигра, в месте встречи двух долин, на высоком бугре левого берега главной реки; у подножия руин видно еще старое русло Тигра, который в наши дни удалился к западу, как это с ним случилось во многих других местах его течения[4]. Дворец Ассур-Назирпала, построенный в девятом столетии до Р. Х., есть главное здание, найденное под развалинами. Собранные в нем скульптурные работы могут считаться образцовым произведением ассирийского искусства, а «черный» обелиск есть драгоценнейший эпиграфический памятник могущественного царства. В 15 километрах к северо-востоку от Калаша, под горкой Балават, Гормузд Рассам открыл для Британского музея бронзовые пластинки, древние двери драгоценной работы, которых гравюры и надписи рассказывают все подвиги, совершенные Ассур-Назирпалом, царствовавшим за двадцать семь с половиной веков до нашего времени.

Много других горок ожидают исследователей, чтобы отдать им свои каменные архивы: в равнине нет города, который не имел бы своего храма и дворца, а в долинах Хабура, Большого Заба и их притоков находятся многочисленные развалины, где, по всей вероятности, откроют здания, построенные государями Ассирии, которые проводили половину своей жизни в лесной области гор, где они охотились на диких зверей, и целые города воздвигались вокруг их охотничьих сборных пунктов. Некоторые из замечательнейших изваяний верхней Месопотамии иссечены, близ Малтая, в 80 километрах к северу от Моссула, на скале, господствующей над ручьем Дулап; колоссальные фигуры, еще более любопытные, были изваяны в рельефе Сеннахерибом на известняковой стене, в узкой долине Бавиан, которую горы Меклуб отделяют от моссульской равнины. Эта изваянная на скале картина, защищенная от непогод закраиной ниши в 9 метров высоты, сохранилась бы еще вполне, если бы какие-то троглодиты, вероятно христианские монахи-отшельники, не вздумали вырыть там свои жилища: полукруглые окна этих пещер открываются, в разных частях громадной рамки, прямо на теле и голове рельефных изображений человеческих фигур.

В настоящее время бассейн реки Большой Заб есть одна из тех местностей Передней Азии, путешествие по которой далеко небезопасно. Это—гористая страна, где живут самые воинственные курды, наименее подчинившиеся влиянию мусульман, турецких и арабских, поселившихся в равнине. Там же находились горные крепости, под защитой которых несторианские племена, привыкшие к грабежу, как и другие курды, наиболее бравировали перед турецкими пашами. История не упоминает завоевателей, ассирийских, персидских или греческих, которые проходили бы через этот опасный край. Все обходили его либо на севере, либо на юге, чтобы пробраться на плоскогорья Персии или Мидии, или спуститься в равнины Тигра. Первый европейский путешественник, Шульц, проникший в эту страну в 1829 году, нашел там смерть со всеми своими спутниками. Курдские шейхи, прежде независи-

1 Place, „Ninive“;—Perrot et Chipiez, цитированное сочинение.
2 Вениё, „Fouilles et Decouvertes“.
3 Smith, „Assyrian Discoveries“.
4 Carl Ritter, „Asien“, vol. X.

мые, а ныне подвластные Турции, вследствие их взаимных раздоров, проводят часть года в крепостях, окруженных несколькими домами; зимой, когда племена спускаются из своих летних становищ на горах, эти укрепленные места делаются настоящими городами. Главный из таких городов—Джуламерк, столица курдов племени гаккари, построенный на выступе горы или мысе, господствующем над правым берегом Большого Заба. В небольшом расстоянии к северу оттуда показывается деревня Коч-Ганнес, местопребывание Мар-Шимуна или «Господина Симона», патриарха несториан или тияри. Шейх племени гаккари эксплоатирует некоторые месторождения железа и свинца в соседстве Джуламерка, но большие металлические богатства, приписываемые миссионерами окрестным горам, еще не разрабатываются.

К югу от страны курдов-гаккари, местечко Амадия, расположенное на косогоре, но в местности легко доступной, близ водораздельного порога между долиной Большого Заба и бассейном Хабура, долгое время было торговым центром, сборным пунктом горских курдов, приходивших туда для мены с месопотамскими купцами; еврейская колония, составляющая около половины местного населения, напоминает еще этот период меновой торговли. Евреи Курдистана охотно отдают своих дочерей замуж за турок[1]; они постепенно слились с окружающим населением, так что по наружности и нравам теперь уже едва отличаются от своих соседей. К югу от Амадии, в живописной лесистой долине, стоит скромный храм Шейха Ади, у входа в который изваяно изображение змея—символ падшего ангела; вокруг храма расположены жертвенники, на которых зажигаются, в большие праздники, огни (горит нефть и горная смола). Другая духовная столица Эль-Кош, резиденция халдейского патриарха, приютилась у подошвы холма, сплошь изрытого пещерами, древними жилищами и гробницами[2], а на вершине, подъем на которую затруднителен, находится монастырь Раббан Ормуз, частию иссеченный в скале. Теперь Амадия не более, как маленький центр племени, местечко в развалинах, занятое гарнизоном, который наблюдает за окрестными курдами. Но Ревандоз или Ровандиз, лежащий между глубокими боковыми оврагами Большого Заба, выше выходного ущелья,—настоящий город, и жители скучены там как в каком-нибудь торговом центре, которому тесно в стенах ограды; в нем слишком тысяча домов, и в каждом доме живет два или три семейства, даже больше; в летние месяцы все население, мужчины, женщины, дети, собаки и домашняя птица, толпится на плоских крышах, обставленных зеленью[3]. Моссульские купцы посещают Ревандоз, чтобы обменивать там европейские мануфактурные товары на чернильные орешки. Ревандозский табак, почти всегда смолотый в порошок, отправляется преимущественно в Персию.

Главный рынок курдов, живущих в бассейнах Большого и Малого Заба—город Арбиль или Эрбиль, Арбеллы древних греков, лежащий на высоте 430 метров над уровнем моря, вне области гор, в живописной волнистой равнине, которая открывается на запад к Большому Забу и Тигру, на юг к долине Малого Заба; он стоит как раз на рубеже территории арабского языка, на этнологической границе курдов. Как ни важен еще Арбиль между второстепенными городами Месопотамии, он, очевидно, не более как руина, в сравнении с тем, чем был когда-то; еще ясно видны остатки старинного, окружавшего город, рва, в котором нынешние дома как-бы затеряны. Древний квартал построен на одном из тех искусственных холмов, которые рассеяны в таком большом числе по всей стране; начатые раскопки уже обнаружили своды и галлереи, которые, вероятно, ассирийского происхождения; на западе, конгломератовые массивы Дегир-дага перерезаны древними ирригационными каналами, которые спускались к равнине Шемамлыка, между Эрбилем и Большим Забом. В том месте, где эта река выходит из своего последнего ущелья, между хребтами Дегир-даг и Арка-даг, происходила, в Гавгамеле, знаменитая битва, известная в истории под именем Арбельской, которая открыла македонцам дорогу в Персию[4]. Недалеко оттуда, Акра прячется в целом лесе фрук-

1 Millingen, „Wild Life among the Koords“.
2 Rich, „Residence in Koordistan“.
3 Ainsworth, „Journal of the Geographical Society“, 1841.
4 Рич;—Энсворт;—Черник.

товых деревьев.

Один только городок находится в бассейне Малого Заба—Алтын-Киопру или «Золотой мост»: это—обязательный переход караванов, которые из равнины Арбильской направляются к долине Адима или к долине Диялы. Алтын-Киопру, один из живописнейших городов Передней Азии, построен на конгломератовом острове, который, круто обрываясь вертикальными утесами со стороны верховья, постепенно понижается по направлению к низовью и оканчивается песчаным мысом. Мост южного берега, перекинутый с утеса на утес, развертывает свою стрельчатую аркаду на большой высоте, и с парапетов его открывается вид на террасы города и на быструю воду, по которой несутся плоты, пускаемые выше ущелий курдами из Хойсанджака: в годы большой торговли до сотни тысяч навьюченных верблюдов проходят по «Золотому мосту». В небольшом расстоянии к юго-востоку от Алтын-Киопру начинается долина реки Хаза-Чай, где находится другой город, Керкук, самый значительный во всей нижней Курдской области. Расположенный на пути караванов, которые следуют вдоль основания больших гор, к востоку от Тигра, Керкук состоит в действительности из трех отдельных городов: крепости, построенной на искусственной горке высотой 40 метров, облицованной камнем на всей окружности и содержащей внутри целый лабиринт подземных галлерей; нижнего города, расположенного полукругом вокруг холмика цитаделей, и предместья или *махале*, дома которого рассеяны среди садов правого берега. В Керкуке имеет местопребывание шейх-дервиш, духовный глава пятидесяти тысяч мюридов или «учеников», живущих в различных местностях Месопотамии[1]. Важность этого города происходит не единственно от пересечения в нем торговых дорог: он имеет кроме того термы, привлекающие большое число посетителей, и обильные соляные источники; в соседних горах существуют каменоломни алебастра, а в соседстве, на севере, находятся, как в Италии, знаменитые «флегрейские поля», где поклонялись богине Анагит: шум, исходящий из почвы, был причиной того, что этой горящей местности дали название Баба-Гургур, что значит «Отец ропота»; если воткнуть шпагу в почву, то из земли выходит пламя[2]. Керкукская нефть, которую собирают в многочисленных источниках, на лужах и даже во рвах, отправляется в Багдад и во всю восточную Месопотамию. Равным образом утилизируют источники горной смолы в Туз-Хурматли, бьющие из земли южнее, на одном боковом притоке реки Адим, а также источники в Кифри или Салахие,—местечке, лежащем в боковой долине реки Дияла, близ которого видны остатки заброшенного города.

Ниже руин Калаша и соединения двух соперничающих рек, Тигра и Большого Заба, развалины следуют одни за другими вдоль реки, приметные издали по *теллям* или буграм мусора, заросшим травой и мелким кустарником. Одна из этих груд развалин, на правом берегу, выше устья Малого Заба, есть самый высокий курган, какой существует в Месопотамии выше Багдада. В соседстве находится деревня Кале-Шаргат: это—остарок древнего города Ассура, который предшествовал Ниневии и дал свое имя ассирийскому царству. Вдали от реки, среди пустыни месопотамских степей, пастушеское племя шаммар расположило свое становище на развалинах города, который тоже был столицей, и самое имя которого, Эль-Хадр или Хатра, повидимому, означало «царскую резиденцию» или «город» по преимуществу. На берегу Тартара, ручья, спускающагося из синджарских долин, стоит круг стен, совершенно правильный, заключающий внутри храм Солнца, фасад которого обращен к востоку. Это здание, пышно украшенное изваяниями, относится к эпохе Сассанидов, но оно покоится на гораздо более древних развалинах, и некоторые фрагменты этого фундамента напоминают халдейские века[3].

На Тигре редкия группы домов новейшей постройки возвещают о себе уже издали окружающими их оазисами культур. Между Моссулом и Багдадом, только один из этих поясов садов, простирающийся вдоль правого берега, представляет довольно густое население: это—

1 Хуршид-Эфенди, „Описание турецко-персидской границы“, переведенное на русский язык Гамазовым.
2 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.
3 Ainsworth, „Travels in Asia Minor“;—Rich;—Layard, „Nineveh and its Remains“.

оазис Текрит, лежащий ниже фатта или прохода Тигра через пролом кряжа Хамрин, где видны нефтяные источники, бьющие со дна реки черным ключем и покрывающие на далекое пространство желтоватую воду своими радужными пленками[5]. Громадный разрушенный замок, где родился Саладин, господствует над низкими домами нынешнего местечка Текрит. Один из многочисленных Эски-Багдад или «Старых Багдадов», близ водоотвода из Нарвана, занимает место какого-то неизвестного города, может быть Гаруние, города знаменитого калифа Гарун-аль-Рашида; Самара, находящаяся тоже на левом берегу, в равнине, орошаемой каналами, отведенными из Нарвана, теперь лишь незначительная деревня, но в девятом столетии она была столицей империи калифов. Недалеко оттуда видны остатки земляного вала, который арабы называют «стеной Нимруда». Не есть ли это часть «Индийской стены»—вала, который некогда защищал равнины ппжней Месопотамии от набегов северных варваров?

Багдад, носящий оффициально имя Дар-эс-Салам или «Жилище мира», стоит на месте древнего города, название которого Опперт объясняет персидским словом Багадата, то-есть Богом данный[1], но от этого города оставались только развалины, когда Багдад был вновь отстроен во второй половине восьмого столетия калифом Абу-Джаффар-Аль-Мансуром: он находится в местности, где пересечение исторических путей необходимо должно было вызвать к жизни большой город. Разрушенная на одном пункте страны, столица должна была возраждаться на другом; одно время центром населения был Ктезифон, затем его сменила Селевкия: так от срубленного дерева появляются новые отпрыски. В этом месте Тигр настолько приблизился к Евфрату, что эти две реки, соединенные проведенными из них каналами, составляют одну гидрографическую систему. Долина реки Дияла примыкает к долине Тигра и представляет лучшие входные ворота, чтобы подняться к иранскому плоскогорью и проникнуть туда легчайшим перевалом краевых гор. Как Эрзерум для Мидии, Багдад служит для Персии в собственном смысле обязательной исходной точкой караванов. Но самая важность его во все времена привлекала завоевателей: мало городов, где бы столько развалин покрывали последовательными наслоениями почву. Раскапывая землю, находят еще остатки галлерей, кирпичи которых носят имя Навуходоносора[2], а между тем до сих пор не знают даже, где надо искать следы дворца, в котором обитал пышный калиф Гарун-аль-Рашид, современник Карла Великого. Багдад сохранил от этой эпохи богатства и могущества только развалившиеся стены гробницы Зобеиды, любимой жены Гаруна.

Город, основанный калифом Аль-Мансуром, стоял на правом берегу; но так как ему было слишком тесно в пределах ограды, то он продолжался на другой стороне реки предместьями и садами, которые, в свою очередь, сделались настоящим городом: древняя заречная часть города, снизошедшая на степень пригорода или предместья, утратила свое имя; теперь это—местечко Каршиака, населенное преимущественно арабами племени агейль. Два пловучие моста, длиной около 250 метров, соединяют оба берега, в наименее широком месте реки. Распространяясь некогда далеко в окружающих равнинах, Багдад образовал огромное поселение, состоявшее из сорока городов и местечек, которые соединялись непрерывными рядами домов вдоль дорог[3]; в наши дни он даже не наполняет четыреугольного пространства, заключенного в опоясывающих его валах; половина этого пространства покрыта развалинами, среди которых шествуют караваны, точно в каком-нибудь уголку пустыни. Даже внутри городской ограды виднеются там и сям груды обломков и мусора, чередующиеся с группами пальм; многие кварталы состоят из скопления убогих хижин, таких же полуразвалившихся, как избушки в деревнях внутренних округов; тем не менее, город, взятый в целом, есть один из самых цветущих городов Оттоманской империи. Как транзитное и складочное место, он получает произведения и драгоценные изделия из всей Передней Азии, и восемь пароходов, турецких и английских, которые теперь совершают правильные рейсы по реке, между Баг-

5 Thielmann, „Streifzuge in dem Kaukasus“.

1 Jules Oppert, „Expedition scientifque en Mesopotamie“.

2 Layard, „Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon“;—Oppert, цитированное сочинение.

3 De Slane, „Prolegomenes d’Ibn Khaldoun“.

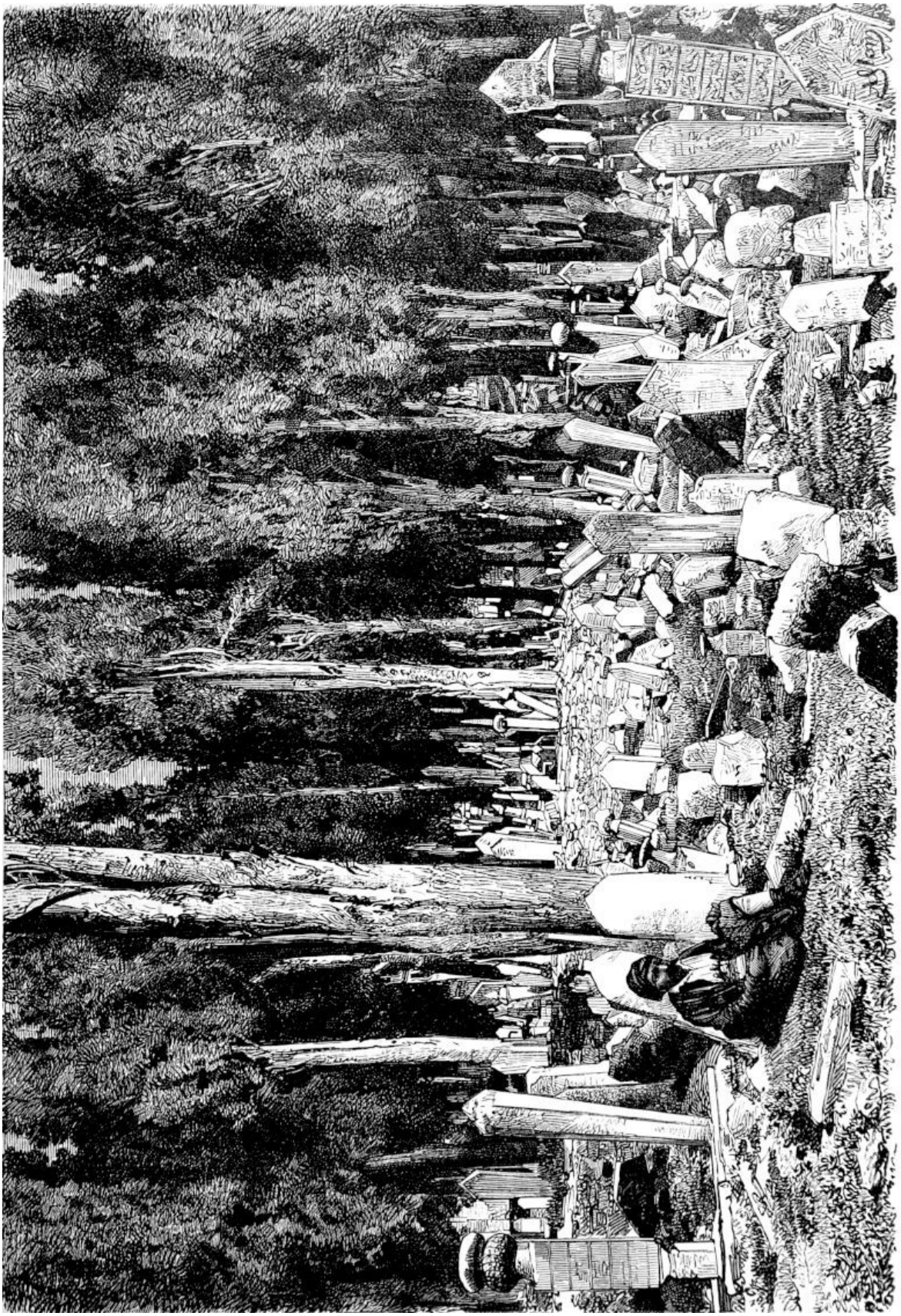
дадом и Бассорой, не поспевают перевозить товары: шерсть, зерновой хлеб, чернильные орешки. Своей собственной промышленностью Багдад тоже способствует поддержанию отпускной торговли: его финики, овощи и фрукты его садов и огородов славятся на всем Востоке; за багдадских лошадей платят высокие цены, и особенно за багдадских белых ослов с цветными крапинками, производимыми растением лавзонией. В Багдаде существуют различные учреждения, которых мы напрасно стали бы искать в других городах Востока: кроме мусульманских медрессе и школ, открытых европейскими миссионерами, католическими и протестантскими, он имеет профессиональную школу, где обучают различным мастерствам по обработке дерева, металлов, выделке тканей, писчей бумаги, химических продуктов; после временного закрытия, это училище снова было открыто и продолжает с успехом свою полезную деятельность. Недавно был возбужден вопрос об оснований французской школы на востоке для преподавания арабского языка[1]. Багдад проявляет даже—вещь редкая на Востоке—некоторую заботливость относительно своей гигиены: на севере, на левом берегу Тигра, раскинут прекрасный «народный сад», орошаемый обильными ручьями, которые питаются речною водой, накачиваемой паровым насосом. Самым большим бедствием, постигшим Багдад в течение настоящего столетия, была чума 1831 года, во время которой, вследствие смерти или бегства, город потерял три четверти своих жителей. Чума 1849, затем чума 1877 годов тоже сделали опустошения в столице Месопотамии, но лучшая организация санитарного дела, большие удобства перемещения и увеличение материального благосостояния постепенно уменьшают напряженность бича. Багдад лучше, чем прежде, защищен от наводнений: стена городской ограды окружена высокой насыпью, через которую не могут перейти выступившие из берегов воды; при малейшей тревоге солдаты располагаются лагерем на плотине и работают над заваливанием промоин и над укреплением слабых пунктов[2]. Особая местная болезнь, известная под названием «багдагского финика», другая форма «алеппского бутона», поражает почти всех жителей города, туземцев или иностранцев.

Турки остались чужеземцами в Багдаде: их нация представлена в Месопотамии почти только чиновниками, да солдатами. Это—город чисто-арабский по местному патриотизму, равно как по диалекту и нравам. Евреи составляют по меньшей мере четверть городского населения; они настолько многочисленны, что сохранили свой язык, которым говорят так же хорошо, как арабским. Большинство иранцев, между которыми особенно многочисленны баби[3], живут за Багдадом, в Гадиме, Хатимайме или Имам-Муса, лежащем в 5 километрах к северо-западу от верхнего моста на Тигре, среди ограды садов, окаймляющих изгиб реки. Гадим, обитаемый более зажиточным населением, чем население Багдада, также красивее последнего, лучше содержится, и его прекрасные кварталы состоят из вилл с колоннадами, обвитыми гирляндами цветов. Над городом поднимается круглый купол, и высятся шесть минаретов мечети, прикрывающей гробницу одного шиитского мученика, имама Муса Ибн-Джаффара. Багдад не имеет памятников, которые могли бы сравниться с этой святыней персидских шиитов. Ревностные богомольцы отправляются к гробу святого, идя на коленях, тогда как негоцианты, возвращающиеся из конторы в свои загородные виллы, удобно совершают путешествие в вагонах американской железной дороги. Против Гадима, на левом берегу, стоит другой священный город, Мадим, посещаемый пилигримами-суннитами.

Маленький гадимский железный путь есть скромное начало рельсовой сети, которая будет иметь центром Багдад; но до настоящей минуты турецкое правительство отказывало в концессиях на постройку железнодорожных линий, которые соединили бы этот город с святыми местами Неджеф и Кербела, равно как на содержание пути, не менее полезного в торговом отношении, который направлялся бы на северо-восток к Ханакину или Ханыкину, на персидской границе; через этот пункт каждый год проходит от сорока до пятидесяти тысяч персидских пилигримов, направляющихся к Кербеле. Из всех побочных долин Тигра доли-

1 F. Desjardins, рукописные заметки.
2 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
3 Petermann, „Reisen im Orient“.

на реки Дияла самая богатая и самая населенная; равным образом и в стратегическом отношении она имеет наибольшую цену для Турции, так как проникает далеко в область краевых цепей Ирана. Сулеймание, город новый, построенный только в 1788 году, в самом серд-



Скутарійское кладбище.

це гор у подошвы снеговой вершины Авромана, наблюдает за границей и служит рынком окрестным курдским племенам: добраться туда можно не иначе, как проходя через высокие гребни гор или пробираясь по страшным ущельям. Несколько больших деревень следуют

одна за другой в долине Дияла; самые многолюдные из них те, которые находятся уже в равнине при выходе из Гамринских ущелий. Бакуба, лежащая километрах в пятидесяти от Багдада, расположена среди обширного сплошного сада, который простирается вдоль реки Дияла, от берегов Тигра до основания крутых склонов массива Гамрин. Недалеко оттуда видны развалины Дастагерда, другого Эски-Багдада (Старого Багдада), которые еще не были исследованы. Мендели, лежащий на одном из притоков Тигра, есть, как Ханакин, место прохода шиитских пилигримов и одни из торговых ворот империи со стороны Ирана. После сбора фиников, главная его промышленность—эксплоатация нефтяных источников, продукты которых отправляются в Багдад для освещения улиц города. Мендели имеет также очень обильные источники газа, отравляющие атмосферу. Арабы всегда располагают свои становища на приличном расстоянии и с наветряной стороны от этих опасных фумаролл[1].

Многочисленные *телли* или курганы развалин господствуют над равниной в окрестностях Багдада. Одна из этих горок, Телль-Магомед, возвышается у самых ворот города, на юго-западной стороне; другая, в 30 километрах к западу, носит имя Каср-Нимруд или «Дворец Немврода»; ее называют также Акеркуф: это—один из самых высоких курганов древней Халдеи; он имеет слишком 40 метров в вышину и походит на группу огромных столбов, разрытых при основании; подобно другим теллям равнины, он состоит из обожженных на солнце кирпичей, чередующихся с слоями тростника. Другие курганы выше Багдада следуют один за другим вдоль реки, на некотором расстоянии от левого берега, как военные посты; наконец на юг от слияния р. Дияла с Тигром, груды кирпича и осколков глиняных сосудов указывают местоположение предшествовавших столиц, Мадайнов, или «Двух городов», которые расположены один против другого на обоих берегах Тигра. Селевкия, город правого берега, названный так в честь государя, который построил его после падения Вавилона, не сохранил более ни одного памятника: можно распознать только, да и то с трудом, следы четыреугольной городской ограды. Часть западного города, сирийской столицы, была разрушена размывами реки, тогда как на левом берегу прибавились новые береговые полосы земли к полуострову, на котором стоял Ктезифон, столица парфян. От самого города остались только кирпичи да черепки, но дворец Хосроя Нушрвана, построенный в половине шестого века христианской эры, еще до сих пор раскинул над равниной свой колоссальный портал в 32 метра высотой. Так-и-Кесра или Так-Косру, то-есть «Свод Хосроя», дает вход в обширное внутреннее пространство, имеющее 50 метров в глубину и помещенное в центре многоэтажного здания, разделенного на аппартаменты небольших размеров. Орнаменты, скульптурные изваяния исчезли, но величественная аркада, единственный памятник доисламитской эпохи, которым еще обладает нижняя Месопотамия, тем более грандиозна в своей наготе. Никакая другая дверь персидских дворцов не может сравниться по смелости плана с этим порталом разрушенного памятника. Под сводом Хосроя арабы, победители в решительной битве при Кадезии, нашли трон, корону, пояс и знамя персидского царя.

Ниже «городов-близнецов», по течению Тигра, многие другие горки напоминают о существовании исчезнувших городов, но обитаемые селения попадаются все реже и реже, и большая часть жилищ состоит из палаток кочевников. На всем протяжении дороги в 800 километров длиной, которую должны проходить пароходы, совершающие рейсы между Багдадом и Бассорой, существуют только четыре места остановки, в том числе только один город, Кут-эль-Амара, основанный в 1860 году и сделавшийся сборным торговым пунктом для сотен племен. Там и сям показывается купол над гробницей какого-либо святого, которая везде в другом месте сделалась бы ядром города: таковы, например, могила Исава, которую посещают еврейские пилигримы, и недалеко от слияния Тигра с Евфратом, могила Эздры, равно чтимая евреями, христианами и магометанами. Канал Шат-эль-Гай, отделяющийся от Тигра у городка Кут-эль-Амара и текущий прямо на юг к Евфрату, имеет более важное значение, чем самый Тигр, по окаймляющему его поясу возделанных земель и населенных мест.

1 Meissner „Petermann's Mittheilungen“, IX, 1874.

Главные города бассейна Тигра в Азиатской Турции, с их приблизительным населением: Багдад—145.000 жит., Моссул—61.000 жит., Диарбекир—34.000 жит., Битлис—39.000 жит., Керкук, по Чернику—12.000 жит., Сулеймание, по Ричу—10.000 жит., Ревандоз—10.000 жит., Кут-эль-Амара, по Дени де-Ривуару—10.000 жит., Гадим, по Чернику—8.000 жит., Арбиль—6.000 жит., Мендели, по Клеману—6.000 жит., Серт, по Шилю и Энсворту—5.000 жит., Туз-Хурматли, по Ричу—5.000 жит., Ханакин—5.000 жит., Маден-Хапур—4.000 жит., Хой-Санджак—4.000 жит., Кифри, по Клеману—4.500 жит., Джезире—3.500 жит., Телль-Афар, по Захау—3.000 жит., Бакуба, по Клеману—3.000 жит., Аргана—3.000 жит., Акра—8.000 жит., Алтын-Киопру, по Чернику—2.000 жит., Текрит—2.000 жит.

На берегу канала Шат-эль-Рай или отведенных из него разветвлений, уже в соседстве Евфрата, виднеются остатки некоторых из древнейших городов Халдеи. Там находится, между прочим, Телло или Телль-Лох, Сиртелла (Сирбурла) археологов, вдруг получивший громкую известность, благодаря раскопкам г. де-Сарзека, которые открыли миру замечательный период искусства, предшествовавший эпохам вавилонской и ниневийской. В то отдаленное время письмо еще не приняло клинообразного вида, какой оно получило впоследствии; каждый письменный знак напоминал смутно предмет, который он представлял под своей иероглифической формой[1]. В нижней Халдее совсем нет камня, и потому привозили из очень далеких стран, может быть, из Египта, необделанные камни для статуй и надписей. Найденные в Телло памятники были перевезены в Лувр.

Евфрат, менее полноводный, чем Тигр, более удаленный от плодоносных горных долин и ограниченный на правом берегу песками или глинами пустыни, имеет гораздо менее городов и местечек на своих берегах, между областью проходов и Вавилонией в собственном смысле: хотя его течение образует большую диагональ Передней Азии между Александретским и Персидским заливами, Евфрат—река мертвая в сравнении с потоком восточной Месопотамии. Не так было в прежния времена. В истории наций установился замечательный географический контраст между этими двумя речными артериями. От выхода ущелий до Сузианы большие города были расположены на Тигре, главной реке Ассирии; но в нижней Месопотамии, начиная от Индийской стены, почти все города следовали один за другим по берегам или в соседстве Евфрата[2]: контраст двух царств, Ассирии и Вавилона, соответствует контрасту двух потоков.

Ниже слияния двух Евфратов и до выхода ущелий Таврских гор только бедные местечки выстроились на берегах главной реки; но в боковом бассейне её притока Токма-су находятся два главных города, Малатия и Азбузу, между которыми еще недавно странствовало пополугодно почти все городское население. Малатия, Мелитена древних римлян, была зимним городом; но окруженная ирригационными каналами и затопленными водой полями, она делается нездоровой с наступлением первых жаров; жители покидают ее и переселяются в Азбузу, летний город, лежащий на юге в более высокой долине[3]. Но эти периодические переселения в большей части уже прекратились; большинство населения водворилось на постоянное жительство в южном городе, очаровательном местопребывании, где каждый дом имеет свой фонтан, свой сад, свою рощу. Два города верхней долины Токма-су, Гурун и Дерендах, в летнее время, как и Малатия, бывают почти совершенно безлюдны: все население переселяется в загородные дома или дачи окрестностей. Выходцы из Гуруна, которых можно встретить во всех частях Турецкой империи, отличаются духом предприимчивости.

Древняя столица Коммагены, Самосат, родина Лукиана, некогда столь важная как место прохода и как крепость римских легионов при выходе из ущелий Евфрата, теперь не более, как незначительное местечко в развалинах, менее населенное, чем маленький городок Суве-

1 Heuzey et Oppert, „Rapport a l'Academie des Inscriptions“;—Perret et Chipiez, „Histoire de l'Art dans l'Antiquite“.

2 Menant, „Babylone et Chaldee“;—Hommel, „Vorsemitische Kulturen“.

3 Von Moltke, „Das nordliche Vorland Klein-Asiens“;—Karl Ritter „Asien“

рек, лежащий в боковой долине, на диарбекирской дороге. В этих двух городах замечательны только огромные искусственные холмы, на которых некогда стояли акрополи; но в окрестностях, на массиве, поднимающемся к западу от реки, недавно открыли, почти на высоте 1.800 метров над уровнем моря, пышные надгробные памятники древних царей Коммагены[1], украшенные статуями, из которых иные имеют до 17 метров в вышину. Туземцы предполагали там могилу Немврода, легендарного героя Месопотамии: отсюда имя Нимруддаг, которое они дали этим горам.

Ниже Самосата Евфрат принимает в себя ручей, спускающийся из узкой лощины, окруженной известняковыми горами, где находится турецкий город Бегесни. Еще ниже по течению, Рум-Кала или «Замок римлян», бывшая резиденция патриарха-католикоса Армении, был, как и Самосат, очень посещаемым местом перехода через реку; в настоящее время пунктом, где почти всегда происходит переправа караванов с одного берега на другой, служит город Бир, Бир-аль-Бират или Биреджик: в этом месте, как гласит греческая легенда, Вакх перекинул первый мост на Евфрате, чтобы идти на завоевание Индии[2]. Одна уединенная скала левого берега покрыта живописными развалинами обширной крепости, которая некогда командовала переходом через реку и продолжается на юге холмами, откуда строения спускаются амфитеатром к высокому берегу Евфрата; дома с террасами, над которыми возвышаются белые минареты мечетей и темные кипарисы, окаймляют реку на протяжении около 2 километров. Биреджик населен преимущественно турками, но в нем есть также колония армян, которые занимаются главным образом транзитной торговлей, а в соседстве цитадели многочисленные курдские семейства живут в развалинах и в пещерах известняковых скал. Вокруг Биреджика простираются поля, засеянные ячменем, где проходящие караваны запасаются кормом для верблюдов. К западу, на берегу излучины Евфрата, возвышается курган Балкис, где нашли ценные римские мозаики и произведения живописи; но все ценные предметы были поломаны, и холм служит каменоломней для жителей Биреджика[3]. Голая равнина, простирающаяся на север от Биреджика, к предгорьям Тавра, замечательна своими бесчисленными базальтовыми обломками, усеянными на песчаниковых скалах[4].

Большая дорога из Биреджика в Александретту, которая (т.е. дорога), без сомнения, рано или поздно будет заменена рельсовым путем, проходит чрез маленький город Низиб и его масличные плантации, где происходила в 1839 году битва, открывшая египетским войскам Ибрагима-паши дорогу на север и вызвавшая вмешательство Европы; там же или в окрестностях, на стратегическом пути из Малой Азии и Сирии к Евфрату, уже ранее встречались многие другие армии, греческие—византийские и персидские. Главный город этой области, принадлежащей еще к бассейну Евфрата,—Аинтаб, который поднимается амфитеатром по северным скатам, господствующим над долиной реки Саджур, искусственный холм, обшитый каменными плитами, как большинство курганов Сирии и Месопотамии, возвышается между рекой и городом, покрытый развалинами заброшенной крепости, вокруг которой кружатся стаи птиц. Город, населенный преимущественно турками, не имеет другого промысла, кроме мытья шерсти и дубления кож; но, как главная станция между Биреджиком и морем, ведет значительную транзитную торговлю. На юго-восток от Аинтаба река Саджур разделяется на два рукава; искусственный канал, продолжающийся туннелем в 250 метров длиной, соединяет Саджур с обильными истоками реки Гек-су, спускающейся на юг к алеппским равнинам: таким образом этот прорез почвы, сооружение которого восходит к тринадцатому столетию, но который недавно пришлось реставрировать, связывает бассейн Евфрата с замкнутой впадиной, дно которой занимает город Алеппо[5]. Римские развалины многочисленны в этой области, которая в течение четырех столетий была границей империи:

1 Sester und Puchstein, „Verhandlungen der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“, 1882.
2 Oppert, „Expedition scientifique en Mesopotamie“.
3 Черник и Швейгер;—Лерхенфельд, цитированный мемуар.
4 Von Moltke, „Das nordliche Vorland Klein-Asiens“.
5 Rousseau;—Carl Ritter, „Asien“, vol. X;—Черник, цитированное сочинение.

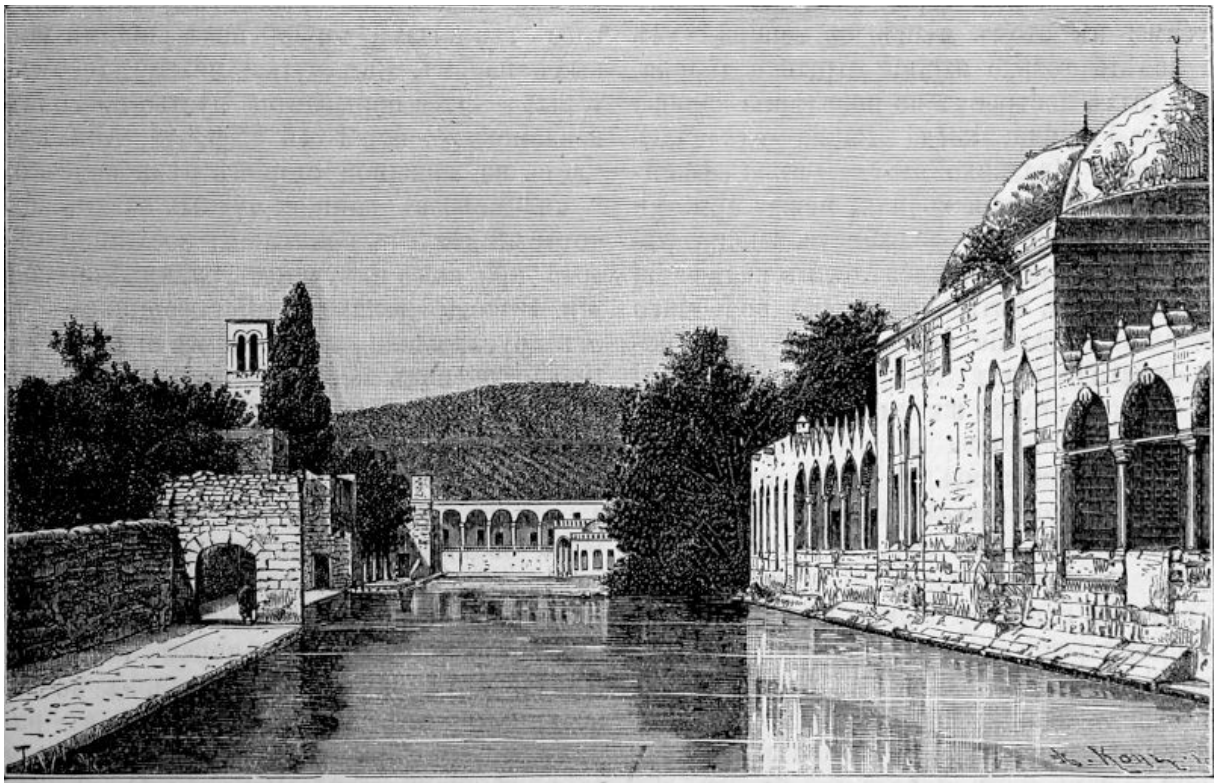
на правом берегу Евфрата, недалеко от слияния Саджура, видны на утесе, в Джарабисе (или Джераблусе) остатки храма, который еще недавно считали храмом древней Европы. Новейшие раскопки английских исследователей Гендерсона и Кондера доказали несомненно, что это развалины Каркгемиша, столь долго отыскиваемой столицы таинственного народа гиттитов; изваяния, высеченные на базальтовых и известняковых плитах, отличаются стилем, напоминающим ассирийский, но который, однако, имеет самобытный характер; надписи вырезаны иероглифами[1]. На юге от реки Саджур, общей границы языков арабского и турецкого, есть другой разрушенный временем город, посещаемый археологами, Бамбис, по-нынешнему Мамбидж; это—один из многочисленных Гиераполисов, некогда посвященных солнцу и «великой богине»: ему давали также имя Магога.

К востоку от Биреджика, Орфа (Урфа), древний Рогас и Эдесса крестоносцев, есть первая большая станция караванов на моссульской дороге. Этот город, лежащий на западном берегу Кара-чая, притока Евфрата чрез Нахр-Белик, опирается на передовые холмы Топдага, известного в средние века под именем «Святой горы», по причине многочисленных монастырей, построенных на её склонах. Замок Орфа, построенный, как и многочисленные крепости на границе, императором Юстинианом, одним из величайших строителей, какие когда-либо существовали[2], стоит на крутом контрфорсе, окруженном со всех сторон рвами, иссеченными в живой скале на глубине 12 метров[3]; треугольная ограда, с четыреугольными башнями по бокам, примыкает к укреплениям замка и отделяет город от зеленеющих рощ и плодоносных садов, среди которых разветвляются воды Кара-чая: с валганга крепости виден, как на ладони, раскинувшийся внизу город с его куполами и минаретами, пояс фруктовых садов и скаты окружающих холмов, покрытые виноградниками. Источник, знаменитый в древности ключ Каллироэ, бьет из земли у основания замка и наполняет священный пруд, где плещутся чебаки, равно чтимые евреями, христианами и мусульманами. Мечеть, посвященная патриарху Аврааму, называемому Халиль или «Друг Бога», отражает свои стены в зеркальной поверхности пруда, и гранатовые деревья, кипарисы, чинары осеняют ступени площадки, на которую приходят сидеть пилигримы. Две колонны, которые приписывают отцу евреев, высятся близ цитадели, а под скалой крепости, так же, как в склонах окрестностей, открываются по меньшей мере до двухсот высеченных в камне гротов, из которых иные расположены один над другим этажами и продолжаются в виде галлерей: это—усыпальницы, превращенные в жилища[4]. В самом городе есть остатки средневековых строений, именно нескольких частей дворца принцев Куртенэ, сюзеренов Эдессы во времена крестовых походов. Здания Орфы построены из камня, известняков и базальтов, положенных попеременными слоями, что придает им очень приятный вид; немногие города в Передней Азии могут сравниться с Орфой в отношении опрятности домов и улиц. Промышленность этого города ограничивается производством шерстяных тканей и глиняной посуды, но транзитная торговля его очень деятельна. Вывоз хлеба достиг значительных размеров; сотни бедуинов и курдов, полуоседлых, имеют становища в соседстве и обработывают для французского консула обширное имение Меджери-хан; кроме хлебных растений, там культивируют кунжут, коноплю, хлопок и рамию[5].

Все города верхней Месопотамии имеют имя в истории религий. К югу от Орфы, города «Друга Божьяго», Харран, древний Харре, упоминается в Книге Бытия, как место, бывшее жилищем Авраама, и культ небесных светил держался там долгое время. На востоке Мардин замечателен как центр сектантских населений, оттесненных в горы, сначала православными христианами, а потом мусульманами; около половины его народонаселения состоит из хри-

1 Sachau, „Reise in Syrien und Mesopotamien“.
2 E. Desjardins, рукописные заметки.
3 G. Key, „Les Colonies franques de Syrie an douzieme et treizieme siecles“.
4 Olivier, „Voyage dans l'empire Ottoman“.
5 Ernest Chantre, рукописные заметки.

стиан, принадлежащих к различным сектам[1]: в этом городе преобладает арабская речь, тогда как в Орфе господствующий язык—турецкий. Населенный курдами-магометанами, «халдейцами», сирийцами, якобитами, армянами и новообращенными, католиками и протестантами, которые живут не в отдельных кварталах, Мардин есть город мечетей, церквей, часовень, медрессе и школ. Мардинские женщины славятся красотой. Этот живописный город построен на высоте 1.190 метров, на известняковой скале, растрескавшейся по всем направлениям и увенчанной белой крепостью, которую молва называет неодолимой. Ста метрами выше, на остроконечной верхушке скалы, стоит еще форт, воздвигнутый как обсервационный пункт над страной. Расположенный в соседстве перевала, посредством которого Диарбекир сообщается непосредственно с равнинами Месопотамии, и чрез который проходит дорога «почти проезжая», Мардин имеет важное значение в стратегическом отношении, но доступ к нему слишком труден, чтобы город мог сделаться средоточием большой торговли; караванная дорога идет вдоль основания его гор, откуда направляется на восток к Низибину и



Фонтанъ Авраама.

Моссулу. В 25 километрах к юго-востоку от Мардина, она проходит мимо выхода из ущелья, которое некогда защищал византийский город Дара. Зубчатые башни, ряды ступенек, аркады и колоннады, высеченные в живой скале, сохранились неповрежденными. Невольно ищешь глазами толпу, которая должна бы толкаться у дверей храмов и на лестницах большого подземного города, но все нынешнее население состоит из нескольких туркменских семейств, живущих разбросанно в гротах и развалинах. На востоке, в горах Тур-Абдин, находится город Мидиат, метрополия якобитов. Низибин, древняя Низибида, бывшая резиденцией Тиграна, и которую римляне сделали оплотом против парфян, «вторая Антиохия», заключавшая, говорят, в своих стенах сотни тысяч жителей, занимает незначительную часть пространства, окруженного старым циркумваллационным рвом. Колонны храма сохранились еще, так же, как римский мост, перекинутый через Джахджах, шумную речку, бегущую к реке Хабур. В этом же бассейне Хабура, к юго-западу от Мардина, исследователь Захау открыл, как он полагает, местоположение столь долго розыскиваемой Тиграноцерты: это, будто бы, Телль-Эрмен или «Армянский холм», близ деревни Дюнайсир; но до сих пор там не заметили никаких развалин. Рас-эль-Айн или «Голова воды», в равнине, орошаемой

1 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

Хабуром, был недавно центром колоний кавказских чеченцев; но преследуемые арабами окружающих племен, которые обвиняли их в конокрадстве и похищении детей, эти пришельцы были большею частью перебиты или покинули свою новую родину, чтобы поступить на службу в турецкую жандармерию[1]. В глубине равнины, некогда столь многолюдной, а ныне почти пустынной, где извивается Хабур, тянется, по направлению от востока к западу, прерывающаяся цепь Синджара, главный город которой, Синджар, Сингали курдов, Белед арабов, есть главный рынок иезидов или поклонников диавола. Говорят, что в скалах Джебель-Азиза, к востоку от Синджара, открывается «бездонная» пропасть, куда иезиды ходят каждый год делать приношения диаволу, бросая в бездну драгоценные камни и золотые и серебряные монеты[2].

На берегах Евфрата, так же, как в степях, по которым протекает его приток Хабур, разрушенные города, обозначенные *теллями* или буграми, на которых были расположены их акрополи или кремли, более многочисленны, чем местечки еще обитаемые, да и эти населенные места по большей части являются лишь ничтожными остатками некогда существовавших значительных городских поселений. Балис теперь не более, как полуразвалившийся замок, расположенный на меловом утесе, в том месте, где река, перестав течь параллельно прибрежью Сирии, поворачивает на юго-восток и направляется к Персидскому заливу. Древний Тапсакус, имя которого значит «Переправа», не существует более. Ракка, в небольшом расстоянии выше впадения в Евфрат Белика, не сохранил более ничего, что напоминало бы греческие города Никефорион, Каллиникон, Леонтополис, которые следовали один за другим в этом месте, и теперь там можно видеть только жалкие отрывки дворца, который был построен по повелению калифа Гарун-аль-Рашида, когда Ракка сделалась его столицей. Недалеко оттуда, в Сеффинских равнинах, происходили, между армиями Али и Моавии, битвы, долженствовавшие решить порядок престолонаследия в калифате. Никогда, может быть, не видано подобного ожесточения: сражение было решено лишь после 90 ожесточенных схваток, почти по одной в день, и стоило жизни 70.000 человек, половине сражавшихся; в этой стране, где так часто сталкивались на поле битвы различные нации, по выражению одного писателя, «самая почва есть история»[3].

Зелиби, древняя Зенобия, приютившийся на верху высокой скалы, у подножия которой проходили пальмирские караваны, направлявшиеся к Персии, сохранил лишь разбросанные отрывки своих зданий, построенных из просвечивающего алебастра[4]. Город, господствующий теперь над проходом в эту область, есть крепость Деир (Дер, Эд-Дер) или «Монастырь», населенный турками, несколькими арабскими поселенцами и черкесскими эмигрантами, которым отведен для жительства особый квартал. Мост, снесенный водой во время разлива 1882 года, соединял западный высокий берег, на котором построен город, с большим островом Евфрата, покрытым садами, рисовыми полями, плантациями хлопчатника и табаку. Ниже Биреджика, который находится в 400 километрах по течению реки, Дейр есть первый центр земледельческой культуры и торговли. Далее вниз по реке, в том месте, где Хабур и Евфрат соединяются у подножия крутого мыса, вся равнина представляет один обширный сад; но древний греческий город Киркесион, который недавно считали Каркгемишем, столицей гиттитов, где сходились на поле брани армии Египта и Ассирии, уступил место группе лачуг, которая носит название Бусейрах. Ниже по течению в равнине, на извилине Евфрата, встречаем более значительный городок, Маядим; его каменные дома почти целиком построены из остатков зданий, которые стояли в этой стране, некогда столь многолюдной. Величественные руины замка Рахаба, в котором, предполагают библейский Рековоф, расположены на крутой скале, над Маядимом.

Анах, древний Анефо—единственный в своем роде город в Передней Азии. Он походит

1 Sachau, цитированное сочинение;—Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.
2 Kinneir, „Voyage en Armenie“, etc.
3 Walpole, „The Ansayris“.
4 Helfer;—Chesney, „Report on Steam Navigation to India“.

на те сингалезские и малабарские городки, которые окаймляют берег Индийскаго океана, и дома которых тянутся без конца вдоль тенистых дорог под рощами кокосовых пальм. Замкнутый между утесом, которым круто обрывается пустынное плато, и извилистым берегом Евфрата, Анах занимает на западной стороне реки пояс около 8 километров длиной, чудный оазис зелени, который делает понятным восхищение Геродота при виде цветущих равнин Месопотамии. Высокие дома, стоящие особняком друг от друга, словно потонули в пышной растительности; под высокими шатрами пальм растут смоковницы, апельсинные, гранатовые деревья, виноград обвивает свои кисти вокруг деревьев; сахарный тростник чередуется с хлопчатником; ниже длинной дороги, окаймленной домами и садами, старый каменный мост соединяет с берегом островной город древнего происхождения, имя которого сделалось именем всего оазиса. Анах—столица и главный рынок кочевых бедуинов, имеющих становища в равнинах между Сирией и Евфратом, и торговля в нем значительна. Против Анаха, на левом берегу, расположено местечко Равах, служащее исходным пунктом для многочисленных караванов, которые достигают Тигра у местечка Текрит.

Ниже Анаха следуют один за другим маленькие островные города Гадигах, Эль-Уз, Джиббах, затем город Гит, славящийся своими асфальтовыми источниками, доставляющими горную смолу для постройки судов: один из нефтяных фонтанов бьет неистощимо из вершины холма, открытого в форме котла[1]. Гит есть также важная пристань для транзитной торговли между двумя большими реками, но главный порт—это Фелуджа, где оканчивается кратчайшая дорога из Багдада к Евфрату. К западу от излучины, описываемой этой рекой, простираются плодоносные равнины Саклавия, где пасутся сотнями тысяч верблюды и арабские лошади, славящиеся на всем Востоке. Саклавийские пастбища продолжаются на юг до болот, окаймляющих Евфрат в древней Вавилонии. Местечко Моссеиб, расположенное на обоих берегах реки, имеет очень оживленный вид, как место прохода двухсот тысяч пилигримов, которые каждый год отправляются из Багдада в Кербелу. В Моссеибе предполагалось, по проектам известного Мидхада-паши, построить на Евфрате путевод железной дороги.

«Великий Вавилон», именем которого означают еще самые огромные города в свете, где высятся пышные здания, где поглощаются богатства окружающих стран, представляет теперь голую равнину, усеянную курганами, грудами обрушившихся кирпичей, которые некогда были дворцами и храмами. Пространство в 24 километра длины по стороне—то-есть в 576 квадратн. километров,—которое обнимали исполинские стены древнего Вавилона, имеет в наши дни вид пустыни почти на всем своем протяжении. Однако, в южной части этого громадного пространства находится один из значительных городов нижней Месопотамии. Осененный финиковыми пальмами, окруженный великолепными садами, перерезанный широкими улицами, более опрятными, чем улицы Багдада, и имеющий богатые базары, где толкается толпа арабов, Гиллех-эт-Фейдах или «Гиллех обширный», окаймляет правый берег реки и сообщается с предместьем противоположного берега посредством пловучего моста длиной около 200 метров. Выгоды, представляемые этой частью реки, к которой сходятся дороги из Сирии и от арабских становищ, были достаточны, чтобы здесь возродился город, хотя столицы, сменившие древний Вавилон—Селевкия, Ктезифон, Куфа, Багдад—лишили его преимуществ, которые должны принадлежать всякому центральному городу Месопотамии.

Ближайший к Багдаду вавилонский курган, которому дают специальное имя Бабил, «Врата Божии», или Муджелибех, «Ниспровергнутая», служит каменоломней уже в течение двух тысячелетий. Взятые из него кирпичи были употреблены на постройку зданий окружающих городов. Еще и в наши дни, целые семьи, принадлежащие по большей части к племени бабили, которое считает себя потомками древних вавилонян, не имеют другого ремесла, кроме раскапывания этих груд античного кирпича, с целью извлекать из них строительные

1 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

материалы[1]. Самый высокий курган на левом берегу Евфрата—Каср или «Дворец» по преимуществу, воздвигнутый царем Навуходоносором и имеющий не менее 1.500 метров в окружности. Южнее, все на том же берегу, стоит Амранский холм, вероятно, на том же месте, где находились знаменитые висячие сады. Во времена, следовавшие за смертью Александра Македонского, эта горка служила некрополем, без сомнения, по причине выгод, которые представляли, для склада покойников, сводчатые галлереи, на которых покоились террасы[2]. Далее на юге, в оазисе пальм, где ныне лежит деревня Джумджумах, находятся развалины вавилонского базара, где отыскали слишком три тысячи писаных табличек, которые раскрывают нам финансовую историю халдейской столицы[3]. На правом берегу, где находится нынешний город Гиллех, стоящий, по мнению Опперта, на месте промышленного квартала[4], курганы редки, и не видно более никаких следов дворца, который Семирамида воздвигла напротив Каср, стоявшего на противоположном берегу. Причина этого совершенного исчезновения памятников западной части древнего Вавилона должна быть приписана размывам реки, которые происходили преимущественно на правом берегу. Обширные куски почвы, постепенно подточенные водами, были унесены течением, вместе с покрывавшими их грудами кирпичей и обломков, и на место их отложились новые земли. Однако, один памятник существует еще на юго-западе, на месте древней Борсиппы, близ болот, которые тянутся на некотором расстоянии от правого берега реки, и эта развалина есть именно та руина, которую легенда представляет как остаток древнейшего здания в свете. Курган Бирс-Нимруд есть, будто-бы, знаменитая «Вавилонская башня», вершина которой должна была «достигнуть неба», и где совершилось чудо «смешения языков». Трещины холма—это, будто-бы, следы грома, поразившего дерзновенных строителей. Однако, эта горка, сплошь состоящая из глиняных черепков, между которыми не растет ни былинки, не дала исследователям и искателям кладов ни одного обломка, предшествовавшего эпохе Навуходоносора. Имя этого государя носят кирпичи памятника[5]. По Ричу, точная высота кургана 60 метров, но уцелевшая часть стены, господствующая над ним, увеличивает общую высоту на 11 метров; Страбон давал ей одну стадию, то-есть 185 метров (86 с третью сажен) высоты. На сколько можно судить по внешнему виду, западная сторона Бирс-Нимруда, кажется, состояла из вертикальной стены, тогда как на восточной стороне следовали одна за другой, через ровные промежутки, террасы в форме ступеней. Что это была за постройка, воздвигнутая Навуходоносором? Теперь известно, что это была «Башня Семи Сфер», *зиггурат* или обсерватория, в роде той, какая существовала в Хорсабаде.

Вероятно, ни Вавилон, ни другие исчезнувшие города нижней Халдеи не откроют нам ни монументальных скульптурных произведений, ни каменных архивов, подобных тем, какие оставили после себя города древней Ассирии. Страна чисто-аллювиальная, где не встретишь ни одного камешка, южная Месопотамия не имела других строительных материалов, кроме тростника, древесных ветвей, асфальта и своих грязей, употребляемых в виде битой земли для мазанок араба, или формуемой в кирпичи для построек, предназначенных к продолжительному существованию. Камни, которые служили для изображения богов и царей, приходилось привозить с предгорий Ирана, с берегов Аравии, или даже с отдаленного Египта. Но если развалины Вавилонского царства не обещают много статуй и барельефов археологам, то они сохранили более древние архивы из кирпичей, и, благодаря этим архивам, историки восходят на несколько столетий далее к началам человечества. К северу от Вавилонской башни, на канале, проведенном из Евфрата, два города-близнеца, Сиппар и Агаде, стояли почти за четыре тысячи лет до нашего времени, в ту эпоху, когда народы Сумира и Аккада оспаривали друг у друга господство над страной. Недалеко оттуда, курганы Абу-Губба за-

1 Layard, „Nineveh and Babylon“.
2 Perrot et Chipiez, „Histoire de l’Art dans l’Antiquite“, vol. II.
3 George Smith et Hormuzd Rassam, „Weekly Times“, sept. 2, 1881.
4 „Expedition Scientifique en Mesopotamia“.
5 Layard, цитированное сочинение.

ключают в себе обломки храма Солнца, где жил Ксизуфрус, царь халдейский. К югу от Вавилонской башни, на нижнем Евфрате, в местности, которую болота делают неприступной в продолжение большей части года, рассеяны курганы древнего Эреха (Урук), Орхеи греков, Варки нынешних арабов. Это—город Книг: там находилась древнейшая библиотека Халдеи, и потому в этом месте надеются найти когда-нибудь полную эпопею Исдубар, от которой теперь имеются только отрывки[1]. Ниневийские кирпичи, где отыскали рассказ о всемирном потопе, были скопированы с эрехских писаных табличек. Судя по обширным некрополям, окружающим Варку, ни один город, может быть, не был более священным, как место погребения. Некрополь раскинулся на пространстве нескольких миль; без сомнения, покойники привозились сюда из всех областей Месопотамии, как они привозятся в наше время из Персии в Кербелу. Тела умерших спускались целыми караванами по водам Евфрата, подобно тому, как в средние века сплавляли трупы по течению Роны до города Арля, где благочестивые руки собирали их, чтобы положить в склепы кладбища Алискан[2]. Далее на юге в первые века истории Халдеи стояли другие большие города: из них назовем Ур, который был могущественным городом слишком за четыре тысячи лет до нашей эпохи, и от которого не осталось ничего, кроме величественного кургана, высотой 60 метров, который арабы называют Мугеир, то-есть «Горная смола», по причине нефтяного цемента, связывающего слой кирпичей.

Вавилон, наследник всех этих древнейших городов, сохранил в глазах народов обаяние, которое создается долгим прошлым, прославленным культурой и могуществом. Бедуины приходят созерцать Вавилонскую башню; евреи, вспоминая «вавилонские ивы» (по Гутум-Шиндлеру, так называемая «плакучая» или «вавилонская ива», *Salix Babylonica*,—скорее тополь; арабы называют это дерево *гараб*, а персиане *бид*; оно встречается больше в Сузиане, чем в собственной Вавилонии), под которыми плакали их отцы, видят в этом месте пленения как-бы второе отечество. Вавилон был местопребыванием знаменитой школы, откуда вышел ученый доктор Гиллель, правила которого были в большей части сохранены Талмудом, и Каббала (таинственные предания евреев) получила там свое начало[3]. В двенадцатом столетии, во время путешествия Вениамина Туделы, двадцать тысяч евреев имели постоянное жительство в черте бывшей городской ограды Вавилона. Все закладчики в Гиллехе—евреи, и им принадлежат если не окружающие земли, то по крайней мере доходы с земли и домов. Деревня Кифиль, на юге от развалин, есть одна из их колоний, группирующаяся вокруг гробницы, которую они считают могилой Езекииля. Эта святыня берегов реки Гиндие не менее чтится, чем могила Эздры на берегу Тигра, и на поклонение ей стекаются со всех сторон богомольцы; иногда бывало, что до двадцати тысяч пилигримов стояли лагерем в палатках, разбитых на равнине вокруг местечка.

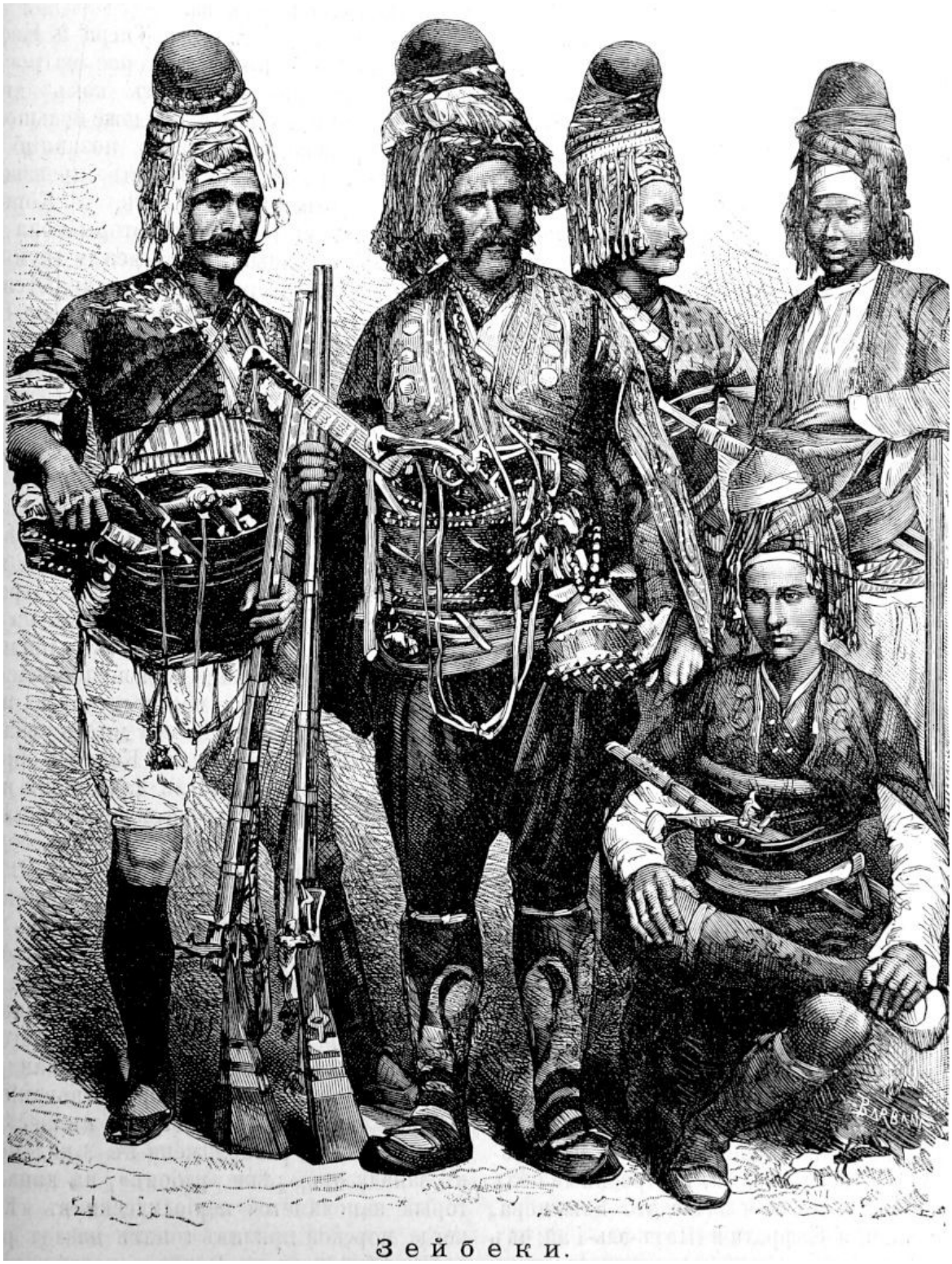
Воспоминание о великом Вавилоне входит, может быть, также отчасти, как одна из побудительных причин, в религиозную ревность шиитских пилигримов, которые из глубины Персии, из Индии, из Закавказья, стекаются к святым городам Кербеле и Неджефу. Первый из этих городов, лежащий к северо-западу от Вавилона, к западу от Тюэриджа, на реке Гиндие, окружен болотами и прудами, происходящими от разливов большого, отведенного из Евфрата, канала, который изливается в «Неджефское море», попеременно пресноводное и соляное, смотря по степени обилия питающих его речных вод. Шпалеры пальм окружают Кербелу и защищают ее отчасти от болотных миазмов; но в центре города, называемого также Мешед-Гуссейн, находится кладбище; даже дома служат гробницами, и земля, которую из них вынимают при копании могил, поступает в продажу, в виде талисманных лепешек, для пилигримов. Главный промысел жителей, между которыми насчитывают несколько тысяч индусов, состоит в погребении трупов, которые привозятся им со всех концов шиитского мира, даже из Бомбея, на английских пароходах; в смрадном некрополе живые находятся в

1 Lenormand;—Menant;—Hommel;—Delitzsch, etc.

2 Loftus, „Chaldaea and Susiana“.

3 Munk, „Palestine“;—Delitzsch, „Jesus und Hillel“.

постоянном соприкосновении с мертвыми, особенно в феврале месяце, когда пилигримы приходят массами оплакивать убиение Гуссейна. В следующем месяце они отправляются в Неджеф или Мешед-Али, город «Мученика Али», где высокая мечеть, посвященная этому святому, с куполами, обшитыми золотыми листами, покрывает некрополь, священный по преимуществу, громадный склеп, разделенный на три этажа, где тела покойников кладутся



Зейбеки.

по порядку первенства, смотря по цене, платимой наследниками за место. Понятно, какую опасность для общественного здравия составляют кладбища Кербелы и Неджефа, особенно во время эпидемии. Исследования санитарных врачей установили тот факт, что чума, когда она заносится из Курдистана, всегда имеет свой центр распространения в священных горо-

дах Вавилонии[1]. В 2 километрах к востоку от Неджефа группа убогих землянок указывает место, где стояла некогда Куфа, бывшая столица калифата, представлявшая, как говорят, столь же значительный центр населения, как и Вавилон. Этот город художников и писателей известен лишь по прекрасным надписям «куфическими буквами», которыми украшены дворцы и мечети великой архитектурной эпохи ислама. Пилигримы, отправляющиеся на богомолье в мечеть Али, обходят стороной эту деревню, которую они считают проклятою, так как там находится мечеть «без сводов, без столбов, почти без стен в настоящее время», в которой Али был поражен на смерть. Этот ужас, питаемый пилигримами к Куфе, объясняет тот факт, что эпидемии всегда обходят ее. Гира, другой большой город, оставил после себя одни развалины. Недалеко от Кербелы находится местечко Эль-Каддер, древняя Кадесия, где происходила битва, положившая конец существованию национальной монархии персов и обратившая их в магометанский народ. В 1801 году вагабиты, в числе пятнадцати тысяч, овладели Кербелой, где им досталась громадная добыча.

Ниже Вавилона, берега Евфрата, некогда столь густо населенные, не совсем пустынны. Маленький город Дивание, чрез который проходит одна из дорог, ведущих в Неджеф, расположен на левом берегу реки, вдоль которого тянутся рисовые поля; далее по течению, ниже Ламлунских болот, где Евфрат разветвляется на несколько необособленных определенно побочных рукавов, теряющихся в камышах, город Самава показывается на том же берегу, при устье канала Шенафие, по которому поднимаются барки с пилигримами, отправляющимися в Мешед-Али. Назрие—город новый, построенный под руководством одного бельгийского инженера, близ соединения Евфрата и Шат-эль-Гай; он населен арабами племени монтефиков, так же, как и Сукеш-Шиох или «Рынок шейхов», лежащий ниже, в соседстве болот. Это арабское местечко, почти все состоящее из тростниковых хижин, имело некогда весьма важное значение, как резиденция шейха и главный рынок могущественного племени монтефиков: по Уэлльстеду[2], до 70.000 жителей были собраны в этом месте на берегах Евфрата. Оттуда вывозятся камышевые циновки и шерсть шелковистая и гибкая, из которой во Франции выделывают ковры[3]. Сук-эш-Шиок есть единственное место, где сабейцы имеют церковь.

При слиянии двух рек, Тигра и Евфрата, стоит местечко Корна, которое матросы называют путешественникам как «город Рая», где они показывают даже большое раскидистое дерево, как «древо познания добра и зла»[4]. Так как судоходство производится почти единственно на Тигре, то Корна не пользуется теми выгодами, которые она имела, бы, как складочный пункт между двумя большими реками, которые там соединяются. Речной рынок находится далее к югу на Шат-эль-Арабе, почти на половине дороги от места слияния до моря, там, где останавливается морское судоходство и начинается речное. Но этот торговый город, Бассора или Басра, пришел в упадок, как и жители Тигра, для которых он служил портом в эпоху калифов. В то время, когда Багдад был одним из первых городов в свете, Бассора, находившаяся западнее, на другом канале, сообщающемся с Шат-эль-Арабом, была самым оживленным портом на всем Востоке; жители сотнями тысяч толпились на её улицах. Бедствия, поразившие населения внутренности страны, постигли также и приморский город: значение его дотого умалилось, что история забыла о нем. Каким образом он исчез? Вследствие ли наводнений и бурь, как говорит местная легенда, или вследствие постепенного засорения каналов, соединявших его с речным устьем[5]? Вопрос этот до сих пор остается нерешенным. От древней Бассоры остались только груды кирпича, близ того места, где теперь стоит, среди песков, городок Зобеир; это не более, как *телль*, в роде соседнего кургана Джебель-Синан,

1 Leonard Arnaud, „Rapport officiel sur la peste en Mesopotamie“;—Mahe, рукописные заметки.
2 „Travels to the City of the Caliphs“;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XI.
3 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.
4 Floyer, „Unexplored Baluchistan“.
5 Ainsworth, „Researches in Assyria, Babylonia and Chaldaea“.

отожествляемого археологами с Тередоном Навуходоносора и Александра Македонского[1]. Новая Бассора, основание которой восходит по крайней мере к шестнадцатому столетию, расположена в 3 километрах к западу от «реки арабов», на канале, который наполняется периодически в те часы, когда морской прилив гонит назад речные воды; дома, как в Венеции, погружаются тогда нижней своей частью в поток. Англичане построили свои склады и верфи при соединении канала и реки, и теперь там мало-по-малу выростает новый город. Турецкий арсенал находится в 5 километрах выше по реке, близ маленького торгового города Маагиль[2].

Вокруг Бассоры и её пригородных поселений пальмы растут сотнями миллионов в сырой почве. Корни финиковых пальм мокнут в реке, которая дважды в сутки выступает из берегов, и этому-то ежедневному наводнению бассорские финики, как полагают, и обязаны своим несравненным вкусом[3]; но дерево менее долговечно, чем на более сухой почве: в двадцать лет оно уже гнилое, и насаждение должно быть обновлено. Бассорский пальмовый лес тянется вдоль правого берега Шат-эль-Араба, на пространстве около шестидесяти километров, и ширина его в некоторых местах составляет шестую часть этого расстояния. На противоположном берегу, принадлежащем Персии, видно только несколько рощиц финиковых пальм, дурно содержимых. Обыкновенно этот поразительный контраст приписывают различию администраций, и отсюда заключают, что турецкий режим лучше персидского. Но оттоманы ни при чем в преуспеянии бассорских пальмовых плантаций: эти насаждения почти всецело принадлежат арабам, жителям порта Ковент, составляющим как бы независимую республику. Им-то и обязан своей красой и пышностью этот обширный сад, где растут семьдесят разновидностей финиковой «пальмы», фруктовые деревья всякого рода и кусты роз. Со времени открытия Суэзского канала, цена шат-эль-арабских фиников увеличилась в шесть раз, а между тем уже в половине текущего столетия общая ценность вывоза этого продукта простиралась до 2 миллионов франков. В некотором расстоянии от реки возделывают преимущественно хлебные растения, и урожаи иногда бывают так обильны, что арабы, чтобы не платить за перевозку, дают хлеб в корм скоту или употребляют его в виде топлива.

При устье Шат-эль-Араба, местечко Фао есть передовой порт Бассоры, местопребывание лоцманов и служащих на маяке, на подводном телеграфе и в таможнях; годовое движение, по приходу судов, превышает полмиллиона тонн. Напротив Фао, персидский берег лимана имеет пустынный вид; но выше, при слиянии Шат-эль-Араба и канала, отведенного из Каруна, на северном высоком берегу раскинулся город новой постройки, Могаммерах. Этот речной порт Персии, лежащий в области, столь отличной от Ирана с географической точки зрения, почти безполезен для жителей нагорья, и уже не раз обвиняли Англию в желании овладеть им, чтобы извлекать из него больше выгоды, чем нынешние его владельцы.

Турецкие города в бассейне Евфрата, ниже слияния Мурада и Карасу, с их приблизительным населением:

Орфа—55.000 жителей; Аинтаб—43.000; Бассора—40.000; Мардин (по Захау)—20.000; Асбузу (по Гвардиагрелю)—20.000; Биреджик (по Шантру)—15.000; Гиллех (по Арно)—15.000; Кербела—65.000; Бегесни—12.000; Неджеф (по Гири)—12.000; Гурун (по Бранту)—9.000; Дивание (по Арно)—6.000; Суверек (по Опперту)—6.000, Дейр (по Захау)—5.500; Деренда—5.000; Маядим (по Захау)—5.000; Моссеиб (по Гири)—4.500; Анах (по Чернику)—4.000; Назриех (по Ривуару)—4.000; Тюэридж (Гиндие) (по Маге)—3.500; Мидиат (по Захау)—3.000; Гит (по Чернику)—2.000 жителей.

1 Niebuhr;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XI.

2 Denis de Rivoyre, „Obock, Mascate, Bouchire, Bussorah“.

3 Grattan Geary, цитированное сочинение.

IV. Малая Азия

Названия «Малая Азия» и «Анатолия», употребляемые ныне в тожественном смысле, суть термины византийского происхождения, значение которых изменилось в течение веков. По мере того, как наименование Азия, принадлежавшее в начале области незначительного протяжения на покатости Эгейского моря, распространялось на более обширную совокупность земель, постепенно увеличивавшуюся из века в век с открытиями путешественников и походами завоевателей, сделалось необходимо употреблять другие термины, во избежание путаницы понятий. Так, с начала пятого столетия христианской эры, название Малая Азия стали применять к полуострову, заключающемуся между Кипрским заливом, Понтом Эвксинским и течением реки Галис, для отличия от всего остального континента, называвшагося «Большой Азией» или «глубокой», то-есть дальней Азией. Выражение Анатолия, которое употребляли в Константинополе для обозначения небольшой части азиатского полуострова, и которое в шестнадцатом столетии, в царствование Сулеймана Великолепного, было еще оффициально названием особой провинции, получило в конце концов общий смысл и заменило имя Рум или «Романия», которое обычай давал прежде византийским провинциям, столь долго оспариваемым турками у константинопольских императоров. Сами османлисы употребляют, в форме Анадоли или Анадолю, это греческое слово Анатолия, синоним наших неопределенных выражений «Восток» или «Левант». Правда, по странному смешению понятий, какого географическая номенклатура представляет много примеров, это название Анатолия или Натолия могло быть взято турками как имя города Натолии, столицы одного из княжеств Рума, и распространено ими на всю страну[1].

Как бы то ни было, географические наименования Малая Азия и Анатолия имеют в наши дни довольно точный смысл и применяются к области, хорошо ограниченной. Залив Искандерунский или Александретский, проникая далеко внутрь материка между Киликией и Сирией, ясно обозначает на юго-западе крайний угол полуострова. Цепь гор и высоты, продолжающие на севере хребты Сирии и составляющие водораздельную возвышенность между Джигуном или Пирамом и притоками Евфрата, образуют естественную демаркационную линию при основании полуострова. Только в северо-восточном углу, там, где тянутся параллельно Черному морю Понтийские Альпы, раздельная черта становится неопределенной, и географическую границу проводят уже условным образом от плоскогорья Сивас к мысу Язун, через долину реки Гермили, притока Ешил-Ирмака; однако и там отроги гор Армении, резко отличаясь своим мощным рельефом и богатством своей растительности от однообразных равнин Запада, составляют естественный рубеж между Понтом и Малой Азией в собственном смысле. В этих пределах полуостров занимает пространство, почти равное пространству Франции, но обитаемое населением в пять раз менее многочисленным.

Пространство и народонаселение Малой Азии, с островами прибрежья, но без Кипра: 517.600 квадр. километр.,6.720.000 жит., 13 жителей на 1 квадр. километр.

Без всякого сомнения, Анатолия могла бы легко прокормить такое же число жителей, как самые богатые страны Европы. Правда, почти вся поверхность этого края занята высокими плоскогорьями и горами, и средняя высота страны над уровнем моря, вероятно, не менее 1.000 метров; но сколько миллионов людей могли бы жить в довольстве в плодоносной долине Меандра или в какой-либо другой равнине, покатой к морю Архипелага! Даже на внутренних возвышенностях жители могли бы группироваться массами: на многих плато, где в наши дни увидишь только палатки пастухов, почва усеяна древними городами в развалинах: на той же абсолютной высоте, на которой находится Монлуи и Брианcон, эти французские крепости, столь пугающие, как места пребывания, Малая Азия имела в былые времена сотни многолюдных городов. Разность широты вознаграждает за разность высоты; изотермическая линия 12 градусов по Цельзию проходит через Кайсарие, главный город Каппадокии, лежащий на высоте приблизительно 1.200 метров над уровнем океана, тогда как во

1 P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“, vol. I.

Франции, 8 градусами севернее, эта самая линия средней годовой температуры пересекает область сентонжского прибрежья[1]. На берегу Кипрского моря, на склоне гор, обращенных на юг, климат уже почти тропический.

Одна из главных выгод Малой Азии состоит в замечательном развитии её морского прибрежья сравнительно с пространством территории. На востоке, как на побережье Понта, так и на побережье Средиземного моря, берег представляет волнистую линию, образующую длинные полукруговые выпуклости и вогнутости, изрезанные на окружности второстепенными правильными изгибами берегового контура. Около северо-западного и юго-западного углов Анатолии, кривые с большим радиусом сменяются глубокими иссечениями берега; прибрежье разветвляется как-бы на суставы, которые, в свою очередь, выдвигают маленькие полуострова в море, усеянное островами и островками: весь западный берег разрезан на гористые полуострова, которые следуют один за другим правильно от залива к заливу, ритмируя свое движение, как стихи с гармоническим размером. Если принимать в рассчет только главные изгибы, то оказывается, что общее протяжение ионийского берега по крайней мере в четыре раза превосходит прямое расстояние, а с побережьем всех обитаемых островов длина его вдесятеро больше. Пункты берега, где море вызвало к жизни рынки и порты, возрасли численно в значительной пропорции; повсюду открываются бухты и порты; дополняясь всеми этими расчленениями, морской берег сделался оживленным.

Западная часть Малой Азии представляет поразительный пример того, как много условные деления заключают в себе произвольного. В самом деле, острова, полуострова, речные долины Анатолии до гор и плоскогорий внутренности страны вовсе не имеют азиатского характера: они принадлежат географически, так же, как исторически, к Европе. По обе стороны моря климат сходен, берега имеют одинаковый вид и одинаковое образование; на той и другой стороне поселились, друг против друга, единоплеменные населения, и одно и то же историческое движение увлекло их к одинаковым судьбам. Вместо того, чтобы разделять Элладу и Анатолию, Эгейское море, напротив, соединило их непрерывным обменом произведений и путешественников. Как во времена Геродота, Афины и Смирна, которые смотрят друг на друга через волны моря, остались греческими городами, несмотря на завоевания и нашествия варваров, переселения которых происходили сначала от востока к западу, потом приняли обратное направление—с запада на восток[2].

Но две Греции, Европейская и Азиатская, представляют замечательный контраст. Если азиатская Иония не менее богата расчленениями берегов, чем Европейская Греция, то различие её положения относительно соседних земель дает ей иную историческую роль. В то время как Пелопоннез—на что указывает и самое имя его—есть скорее остров, чем полуостров, да и континентальная Греция—страна почти исключительно приморская, отделенная от северных областей высокими горами, проход чрез которые возможен лишь по узким дефилеям,—расчлененное морское побережье, окаймляющее в виде полукруга полуостровной корпус Малой Азии и образующее ту область, столь благоприятную для культуры и торговли, которую Лежан называл «анатолийской подковой», составляет естественный придаток внутренних плоскогорий. Правда, от возвышенностей центра и даже долин рек, впадающих в Эгейское море, до плоских берегов окружности, сношения затруднены во многих местах горными массивами, оставляющими населениям побережья лишь узкий пояс земли; из области морских берегов на центральные плоскогорья приходится подниматься по диким скалам *богазов*; прибрежные равнины и внутренния степи—совершенно различные земли, имеющие различное население и различную историю[3]. Даже в некоторых местах бассейны окружности были разделены на замкнутые бассейны, с трудом сообщающиеся один с другим: таким образом эллины, обитавшие на морском берегу, могли долгое время сохранять свою самостоятельность и свою самобытную цивилизацию рядом с могущественными азиат-

1 P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“, vol. II.

2 Ernst Curtius, „Geschichte von Griechenland“.

3 Ernst Curtius, „Die Jonier vor der ionischen Wanderung“.

скими царствами, от которых они были отделены только поясом скал в несколько миль ширины[1]; но, тем не менее, несомненно, что, вообще говоря, между областями морского прибрежья и областями внутренности страны должны были установиться правильные сообщения, постоянный обмен товаров, людей и идей. В этом и заключается оригинальность дела, выполненного во всемирной истории жителями анатолийского полуострова. Можно сказать, что эта страна состоит из двух областей, вложенных одна в другую: это азиатская земля, вставленная в рамку из европейского прибрежья.

Как область прохода для народов Востока, Малая Азия составляет естественное продолжение плоскогорий Армении и «Индийского ущелья»; но на этой оконечности Азии должна была происходить приостановка в движении племен. Только на северо-западе, там, где море, на Босфоре и Геллеспонте, съуживается до размеров реки, переселения могли совершаться без затруднения с одного континента на другой. В других же местах везде сношения между Европой и Азией производились не перемещением самих населений, но чрез посредство торговли и военных экспедиций. Впрочем, различие почвы и климата между внутренними плоскогорьями и иссеченной окружностью приморских низменностей имело следствием контраст между обитателями тех и других. Переходный пояс между Азией и Европой, между ионийцами с одной стороны, лидийцами и фригийцами с другой, находился на самом полуострове; это в Малой Азии была совершена, гением прибрежных эллинов, изумительная выработка всех элементов искусства, науки, цивилизации, принесенных из Халдеи, Ассирии и Персии, из семитического мира и даже, косвенным образом, из отдаленного Египта; они разработали все эти чужеземные элементы, и все это новое достояние было передано ими своим единоплеменникам на островах Архипелага и на континентальных берегах Греции. Анатолию сравнивали с рукой, протянутой Азией Европе[2]; но эта рука не могла бы распространить своих благодеяний, если бы от одного берега к другому эллины не служили посредниками.

Мало найдется стран в свете, где бы, по выражению известного историка Курциуса, «так много истории было скучено на таком тесном пространстве». На этом поясе поморья, пользующемся таким благоприятным климатом, на этих берегах, так хорошо разрезанных на заливы и полуострова, в этих аллювиальных равнинах, где природа, вспомоществуемая человеком, производит пищевые растения в таком изобилии,—населения должны были стекаться толпой и оспаривать друг у друга почву с ожесточением. С одной стороны, жители плоских возвышенностей и внутренних долин усиливались сохранить в своем владении прибрежные земли Эгейского моря; с другой, народы моряков, торговых людей или пиратов, старались утвердиться на этих, так много обещающих берегах. После длинных превратностей кровопролитной и истребительной борьбы, о которой рассказывают мифы и античные поэмы, победу одержали населения наиболее подвижные, наиболее живые, населения приморские. Греки различных корней или племен: лелеги, ионийцы, доряне, овладели лучшими по положению и удобствам портами, и города, которые они основали, сделались многолюдными и могущественными центрами населения. Там-то из всех элементов, принадлежащих различным цивилизациям Египта, Сирии, Персии, Индии, областей Кавказа, вышло то движение искусства и науки, которое увлекает нас и по настоящую минуту; там истинное начало нашей культуры, наша умственная колыбель. Гомериды распевали там древнейшие песнопения нашей средиземной литературы; ионийское искусство достигло там своей высшей степени изящества и блеска; философы высказали там гипотезы о мироздании, которые до сих пор составляют предмет обсуждения. В одном из городов Малой Азии, в знаменитом Милете, Анаксимандр, Гекатей, Аристагор начертали, слишком двадцать четыре века назад, первые географические карты, на бронзовых досках. А между тем редко отдают справедливость азиатским эллинам, подобно тому, как в течение столетий видели древнюю Грецию сквозь римский мир, так точно, от действия перспективы, видят эллинскую Малую Азию

1 G. Weber, „Le Sipylos et ses monuments“.

2 Curtius, „Geschichte von Griechenland“.

преимущественно как бы в тени Греции; впечатление ансамбля было бы совершенно иное для азиатских населений. Открытия археологов доказывают, что Азиатская Греция стояла не ниже Греции Европейской в отношении произведений искусства, и что первая предшествовала последней. «Ионийская цивилизация была весной цивилизации греческой, это она дала первые плоды культуры, эпос и лирическую поэзию»[1]. Малая Азия—родина Гомера, Фалеса, Гераклита, Пифагора и Геродота. Только тогда, как в европейской Элладе весь умственный свет, казалось, сосредоточивался в Афинах, он был рассеян в многочисленных фокусах на берегах Малой Азии: в Пергаме, Смирне, Эфесе, Милете, Галикарнасе.

Конечно, разница велика между античной Ионией и нынешней турецкой территорией Анадоли. Упадок до такой степени очевиден, что одно имя Малой Азии вызывает в уме образ её славного прошлого, а не образ печальной современной эпохи. Язык почти отказывается называть провинции и города их нынешними наименованиями: мы все еще видим их такими, какими они были две тысячи лет тому назад. Однако, было бы несправедливо повторять обычные обвинения против османлисов, как будто бы они были единственными виновниками контраста, который представляет страна в сравнении с тем, чем она была в давния времена. Ведь турецкие завоеватели, как замечает Чихачев, нашли это наследие древности уже в состоянии руины. Сколько побоищ и опустошений пронеслось над этими странами со времени экспедиций римлян до Крестовых походов и до нашествий монголов! Притом же между происшедшими там переменами нет ли таких, которые должны быть приписаны природе или последствиям дурного ведения земледельческой культуры? В настоящее время между странами, которые могли бы быть в большей части покрыты лесами, Малая Азия одна из наиболее обезлесенных. Множество старинных письменных памятников говорят о лесах, существовавших в тех местностях Анатолии, где теперь увидишь лишь обнаженную землю или жалкий кустарник. Истребление лесов, конечно, увеличило крайности температур, разность между зимним холодом и летним жаром; оно влияет также на экономию приточных вод, удлинняя засухи и делая разливы более внезапными. Менее регулируемые в своем течении, воды образовали обширные болота, которые заразили атмосферу и сделали обширные пространства почти необитаемыми. В некоторых низменных равнинах деревни, стоящие на месте древних многолюдных городов, летом обязательно должны быть покидаемы жителями под страхом смерти; в некоторых из наиболее опасных округов действие чумного яда ощущается даже до высоты 1.800 метров над уровнем моря[2]. И не только ухудшение климата уменьшило число жителей миазматическими болезнями, Малая Азия часто бывала очагом эпидемий для западных народов: сколько раз корабли из Леванта заносили чуму в порты Италии, Испании и Франции!

Но, несмотря на теперешнее печальное состояние Анатолии, нет недостатка в признаках, позволяющих надеяться на близкое возрождение страны и на обратное завоевание ее цивилизацией. Капитальное дело современного поколения состоит не в том только, чтобы расширять посредством колонизации поверхность обитаемого мира, изливать, в Африку и в Австралию излишек европейских населений, но также и в том, чтобы опять найти Восток, снова завоевать культурой эту страну нашей колыбели. Подобно морскому приливу, поток которого распространяется круговыми волнами, западная цивилизация охватывает постоянно все окружающие ее страны и не следует исключительно тому направлению с востока на запад, которое так долго было траекторией прогресса. Могучая волна, которая перекатила свои воды через Атлантический океан и омыла берега Нового Света, отливает также в Средиземное море и достигает берегов, которые, казалось, на всегда были покинуты культурой. Уже работа географического исследования почти вполне окончена в Малой Азии для всех главных линий сети, и за этим общим или суммарным ознакомлением теперь следуют местные изыскания, более подробные и более точные. Некоторые города морской окраины принадлежат уже к кругу притяжения Европы, и это движение распространяется все далее во

1 G. Perrot, рукописные заметки

2 Чихачев, цитированное сочинение.

внутрь материка. Горки развалин, могильные курганы, одетые газоном, поломанные колонны, полуразрушенные замки, города, сливающиеся с скалами или покрытые наносами рек и ручьев,—все эти руины оставляли бы глубокое впечатление грусти, если бы не предчувствовалось, что следы смерти исчезнут под новой жизнью. Это обновление уже проявляется на деле. Когда видишь, с каким рвением эллины, армяне, евреи занимаются воспитанием своих детей, готов разделять их веру в будущее. Поколение, которое они приготовляют, не ослабеет перед своей задачей.

В целом прямоугольник Малой Азии представляет плоскость, наклоненную к Черному морю. В южной части полуострова, над берегами Средиземного моря, стоят самые высокие массивы и тянутся главные горные цепи. Северный скат этой средиземной закраины сливается с плоскогорьями центральной Анатолии, а эти плоскогорья разрезаны во всех направлениях реками, долины которых, постепенно расширяющиеся, выходят устьями к Черному морю. Только на севере, там, где берег Малой Азии выдвигается в виде большой выпуклой кривой в воды Понта Эвксинского, возвышаются независимые и как-бы островные массивы между бассейнами рек Кизыл-Ирмака и Сакария, ограничивая на севере центральную равнину, впадина которой еще наполнена остатками внутреннего моря. Горы, окаймляющие в некотором расстоянии южное прибрежье и разделяющиеся на массивы и неправильные цепи, имеют в целом форму полумесяца, выпуклость которого обращена к Средиземному морю, соответствуя таким образом северной кривой черноморского прибрежья. Эти горы южной части Малой Азии обозначаются под общим названием Тавра.

Известно, что в прежнее время это название Тавр было, как и наименование Кавказ, одно из тех неопределенных выражений, которые применялись к самым различным и очень отдаленным одна от другой горам. На всем полуострове встречаются вершины, называемые Давр и Даври, которые представляют собой столько же Тавров, под едва измененными именами. По понятиям большинства писателей древнего мира, Тавр есть совокупность всех линий возвышенностей которые от западных мысов Малой Азии до неизвестных берегов крайнего Востока, образуют диафрагму азиатского континента. В наши дни это имя еще применяется вообще к нескольким различным цепям Передней Азии, но теперь обыкновенно определяют точнее каждую область гор обозначением провинции, где они находятся. Так, армянский Тавр есть совокупность массивов юго-западной Армении, которые прорезывает в своем течении Евфрат, чтобы выбраться к равнинам Месопотамии. Тавр киликийский есть угловой бастион, который возвышается на юго-востоке малоазийского плоскогорья, над долиной реки Сейгун. Затем, по направлению с востока на запад, следуют один за другим Тавры исаврийский, писидийский, ликийский. Местные турецкия названия, смысл которых более определенный, применяются к горным выступам, имеющим ясно обозначенную индивидуальность.

Тогда как в Верхней Армении и Понте, к северу от Мурада, континентальный остов образован Понтийскими цепями, прилегающими к Черному морю, в Анатолии становой хребет выступивших из-под воды земель направляется к Средиземному морю; но поперечный кряж соединяет эти две системы гор, следуя направлению всех черт географического рельефа в этой части Малой Азии, гор, долин и морских берегов. Первое звено цепи, соединяющей Понтийские Альпы с системой Альп Киликийских,—Карабельдаг, вставленный между большим изгибом Евфрата у Эгина и верхними притоками Кизыл-Ирмака. Абсолютная высота этого массива значительна, так как самая высокая вершина достигает 1.764 метров; но цоколь возвышенностей, на котором он стоит, поднимается на 1.500 метров над уровнем моря: поэтому, относительно окружающих плато он представляет лишь скромную гряду холмов. Это и есть начало горной системы Анти-Тавра, которая тянется к юго-западу в виде параллельных хребтов, кажущихся тем более высокими, чем глубже их основание подточено Сейгуном и его притоками. Впрочем, эти стены из скал, прорезанные в разных местах узкими и трудно доступными брешами, действительно повышаются, подвигаясь вперед в южном

направлении; до июля месяца вершины Ханзир-дага или «Горы вепрей», Бимбога-дага или «Горы тысячи быков» и других цепей Анти-Тавра остаются убеленными снегом; во многих углублениях между скалами фирновые поля держатся круглый год, Одна из вершин Козан-дага имеет 2.812 метров высоты; к востоку от Сейгуна, одна из вершин Кермез-дага, говорят, достигает даже 3.200 метров. Обильные дожди, получаемые этой южной частью Анти-Тавра, сравнительно с волнистыми плоскогорьями севера, дают ей также более богатую растительность, обширные леса, покрытый газоном, и усеянные цветами склоны гор. Некоторые из долин, где берут начало ручьи, текущие в Сейгун, составляют поразительный контраст разнообразием своих растений и блеском своей зелени с обедневшей флорой центральных областей Малой Азии[1].

В самой стране, различные отрывки цепей, которые следуют один за другим по направлению с северо-востока на юго-запад, образуя легкую выпуклость со стороны запада, не обозначаются одним собирательным именем. Название Анти-Тавра, даваемое им географами, вовсе не оправдывается, ибо вместо того, чтобы возвышаться напротив Тавра-Киликийского, как соперничающий параллельный массив, они принадлежат к той же орографической системе и составляют лишь продолжение её, хотя слегка разорванное промежуточной впадиной. Анти-Тавр продолжает горы Киликии, подобно тому, как в Пиренеях средиземная цепь продолжает цепь атлантическую, от которой она отделена лишь Аранской долиной. Разрез между двумя половинами Таврских гор есть понижение почвы, в котором проходит река Замантия-су, самый полноводный из западных притоков Сейгуна; на западе тянутся вершины Ала-дага, северной оконечности киликийского Тавра; на востоке массивы Гединбали и Козан-даг начинают собою Анти-Тавр; но несколько гряд, которые географы рассматривают как принадлежащие к этой половине Таврской системы, продолжаются на запад от долины реки Замантия-су: таковы массивы Кале-даг и Ханзир-даг. На востоке массив Кермез-даг соединяется, посредством группы Берута, высотой в 2.400 метров, с другими параллельными горными валами, не менее правильными, чем Анти-Тавр, но следующими иному направлению, именно с запада на восток: это—цепи армянского Тавра, которые оттесняют Евфрат к востоку, прежде чем разорваться на ущелья, чтобы дать проход водам реки. На юге, отдельная цепь, точно ограниченная глубокой долиной реки Ак-су, притока Джигуна, составляет юго-восточный вал Малой Азии: это—Гяур-даг или «Гора неверных», названная так по населению, состоящему из армян и греков, которые обитают в её долинах. Этот массив тянется по направлению с северо-востока на юго-запад и соединяется посредством поперечного кряжа с сирийскими горами, известными под именем Амануса. Прерываемый глубокими понижениями гребня, он снова появляется на берегу Александретского залива, чтобы образовать два массива: Джебель-Нур или «Гора света» и Джебель-Миссис. Река Джигун огибает эти горы на юге, извиваясь в широкой аллювиальной равнине; но далее несколько холмов, некогда островных, возвышающихся среди болот, продолжают цепь и оканчиваются круто обрывающимся высоким мысом Кара-Таш или «Черный камень».

Собственно киликийский Тавр начинается величественным массивом Ала-даг или «Пестрая гора», одна вершина которой, Апиш-Кардаг, превышает 3.400 метров; но эти горы высовывают свои верхушки из такого лабиринта других цепей, поперечных или параллельных, что нужно находиться в большом расстоянии, или взойти на какой-нибудь отрог, чтобы увидеть весь ансамбль высокого ряда покрытых снегом вершин. Однако, эта могучая масса, образующая на юго-востоке внешний вал плоскогорья Малой Азии, не составляет раздельной возвышенности для стока вод. Две реки, берущие начало на внутренних возвышенностях, перерезывают насквозь массив Ала-даг, чтобы идти на соединение с Сейгуном, который и сам образуется из всех потоков, выходящих из параллельных долин Анти-Тавра. Два ущелья, которыми пробираются эти реки, Геклю-су и Чекид-су, совершенно недоступны, и от одного до другого склона нужно подниматься на гору по опасным тропинкам; одна из высоких брешей обозначена в старинных дорожниках именем Карга-Кермез, что значит «Не-

1 Чихачев, цитированное сочинение.

переходимая для воронов»[1]. Единственная дорога, которою артиллерийские фургоны могут проникнуть из пояса морского прибрежья во внутренния области Анатолии, поднимается по реке Кинду на севере от Тарса, затем вступает в боковое ущелье Гюлек-богаз, чтобы обойти крутые склоны, господствующие на западе над ущельем реки Чекид-су.

Этот проход «Пил» или Киликийские Ворота, высота которых 966 метров[2], всегда имел первостепенную стратегическую важность, так как здесь оканчивается диагональная линия Малой Азии между Босфором и Александретским заливом; здесь должны проходить армии, направляющиеся из Константинополя к сирийскому прибрежью или к большому изгибу Евфрата при входе его в Месопотамию. Нет пути, более прославленного в военных летописях, чем этот узкий дефилей, где сходятся дороги полуострова. До Ксеркса и Александра Македонского это ущелье уже было пройдено многими завоевателями; точно также и после них там проходили многочисленные воители. В 1836 году, Ибрагим-паша, победитель Низиба, сильно укрепил Гюлек-богаз, чтобы загородить дорогу турецким армиям; кроме того, все тропы, ведущие через гребень, были сделаны непроходимыми; весь киликийский Тавр был преобразован в неодолимую крепость. И теперь еще видны кое-какие остатки египетских редутов, так же, как крепких замков, построенных генуэзцами и армянами; эти укрепления следуют одно за другим на половине склона над поясом морского прибрежья и прежде сносились между собой посредством телеграфических сигналов; кое-какие следы сооружений видны также в дефилее. Над дорогой, проникающей в Гюлек-богаз, можно совершенно отчетливо различить остатки древней дороги, высеченной в скале ассириянами или персами; в самой узкой части ущелья видны обломки жертвенника и двух обетных столов, надписи которых стерлись, равно как ступени лестниц, над которыми были ворота, запиравшиеся в военное время. В наши дни «Киликийские Ворота» имеют важность только для торговли, несмотря на внутренния таможни, взимающие пошлину с каждого верблюжьего вьюка. Все ущелья, проходящие через цепь Тавра, представляют метеорологическое явление, аналогичное с тем, которое можно наблюдать в ущелье Сефид-руд: в них врывается яростный ветер, дующий попеременно от верховья к низовью и от низовья к верховью, соответственно суточным колебаниям температуры[3].

Вся западная часть киликийского Тавра, ограниченная на востоке ущельем Чекид-су, известна специально под именем Булгар-даг: это та цепь, которую путешественники, плывущие вдоль морского берега, созерцают на северном горизонте, и которую им называют как «Тавр» по преимуществу. Это, в самом деле, одна из высочайших цепей Малой Азии, одна из тех, которые смелым профилем своего гребня, изрезанного на подобие зубцов пилы, и богатством своей растительности, всего более напоминают горы Западной Европы. Массив Булгар-даг походит на Пиренеи, с той только разницей, что его высшие пики немного выше пиренейских, и что они тянутся параллельно морскому берегу, где виднеются белые города, прячущиеся под шатрами пальм. Самая высокая вершина Булгар-дага, поднимающаяся на 3.500 метров над уровнем моря,—на сто метров выше, чем пиренейский массив Маладетта,—известна в крае под названием Метдезис. Инженер Русэггер, который первый совершил восхождение на эту гору, в 1836 году, дал ей название Аллах-Тепесси или «Божия гора», в память «божественно прекрасной панорамы», которую он созерцал. С этой обсерватории, обрезанной отвесно с северной стороны страшной пропастью, видны все большие пики цепи, высшую кульминационную точку которой занимает зритель. На северо-востоке, горизонт ограничен хаосом гор всевозможных форм и цветов: одни в виде террас, другие в форме пирамид или шпицев, желтые или красные, черные или серые: это—контрфорсы Булгар-дага, где разрабатываются богатые рудники содержащего серебро свинца, называемые Булгар-Маден. Далее высятся другие горы, Ала-даг и Анти-Тавр, параллельные цепи которых очерчивают на небе пересекающиеся линии своих профилей. На севере, на плоской возвышен-

1 Ainsworth, „Journal of the Geographical Society“, 1840.

2 G. Favre et B. Mandrot, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, janv. 1878-

3 Th. Kotschy, „Reise in dem cilicischen Taurus“.

ности, неясно отсвечивают воды больших озер и блистают искрами снега Арджижа, самой высокой вершины Малой Азии[1]. На юге, взор обнимает весь склон гор, с их передними контрфорсами и валами, которые расходятся в разные стороны по почве равнины, как корни дуба. За первым берегом видны еще берега Сирии до Латакие, обрисовывающиеся так же отчетливо, как берега Сицилии, когда смотришь с вершины Этны; посреди голубой поверхности вод, неопределенные контуры, проглядывающие сквозь туман, указывают горы острова Кипра. Хотя расположенная в южной части Малой Азии и вполне выставленная солнечным лучам, цепь Булгар-даг сохраняет снежный покров в течение нескольких месяцев в году и высокие бреши её иногда бывают совершенно завалены снегом. На северном склоне фирны, усеянные каменными глыбами и мелкими камнями, держатся в продолжение целого года: прежде предполагали существование маленького ледника на скатах Чубан-гуйю, одной из гор, соседних с вершиной Метдезис; но образование этих масс прозрачного и голубоватого льда объясняется присутствием значительного источника, который растопляет снег, вскоре превращающийся в лед в холодные ночи[2].

В то время, как с одной стороны киликийский Тавр поднимается во всю свою вышину, так как основание его ограничено морем, с другой стороны его известняковые стены господствуют над плоскогорьем, средняя высота которого превышает 1.000 метров, и на котором стоят многочисленные массивы, соединяющиеся высокими террасами с цепями Булгар-даг и Ала-даг. Между Тавром и группами Гассан-дага горы следуют одна за другой непрерывным рядом, но эти высоты принадлежат к другой геологической системе, к системе вулканов, пылавших некогда в центре полуострова, на берегах древнего внутреннего моря. Господствующая вершина высится на северо-восточной оконечности этой вулканической области: это могучий конус Арджижа (Арджеха) или Аргейской горы, которая превышает все другие вершины Анатолии, как это было известно уже Страбону, родившемуся в нескольких днях ходьбы к северу от вулкана. По Лихачеву, южный край кратера находится на высоте 3.841 метра над уровнем моря, а некоторые шпицы перпендикулярных или нависших скал поднимаются еще на сотню метров выше.

Высота Аргейской горы, по Гамильтону—3.962 метра; высота Аргейской горы, по Куперу —3.993 метра; высота Аргейской горы, по Тозеру—4.008 метров.

По рассказам редких путешественников, которые, во времена Страбона, всходили на эту гору, взор, при ясном небе, открывал, будто бы, за-раз два моря, Понт Эвксинский и «море Иссийское». Ничего этого нет в действительности. С вершины, правда, созерцаешь необъятный горизонт, но на юге могучие валы Булгар-дага и Ала-дага скрывают Средиземное море, и на северо-востоке едва можно разглядеть неопределенные очертания Понтийских гор.

Аргейская гора стоит на очень высоком цоколе: на севере, Кесарийская равнина, самая низкая на всей окружности, имеет слишком 1.000 метров абсолютной высоты, тогда как на западе горный проход, отделяющий центральный массив от другой вулканической группы, переходит за высоту 1.500 метров. Контрфорсы, придаточные конусы, застывшие потоки расплавленных каменных пород окружают гору в собственном смысле так, что совокупность группы имеет поверхность, превышающую 1.000 квадр. километров. Идя вверх по южному склону, который выбрал Гамильтон, первый из новейших путешественников, совершивших восхождение на Аргейскую гору, поднимаешься последовательно на широкия террасы, расположенные в виде уступов вокруг главной вершины. Верхний конус, имеющий около 800 метров высоты, изрезан глубокими расселинами, и непогоды вырыли там расходящиеся овраги, которые обрисовывают на краю кратера как бы косынку из белого снега, спускающуюся длинными полосами между красноватых шлаков. На этих изрытых откосах малейшей перемены температуры во время ночи достаточно, чтобы заставить их скатываться в снега; они сковываются морозом, но с восходом солнца теплота освобождает их: увлекаемые собственной тяжестью, они прыгают со скалы на скалу над расселинами. Весной, в период

1 Арджиж возвышается на 2.765 м. над Кесарийской равниной, которая сама имеет до 1.230 м. высоты.

2 Th. Kotschy, цитированное сочинение.

таяния снегов, эта артиллерия очень опасна, и восхождение должно быть совершаемо ночью, прежде чем гора проснется. Летом, снег совершенно исчезает с южного ската Аргейской горы[1], но в глубоком кратере всегда лежат снежные массы, которые образуют там даже настоящие ледники.

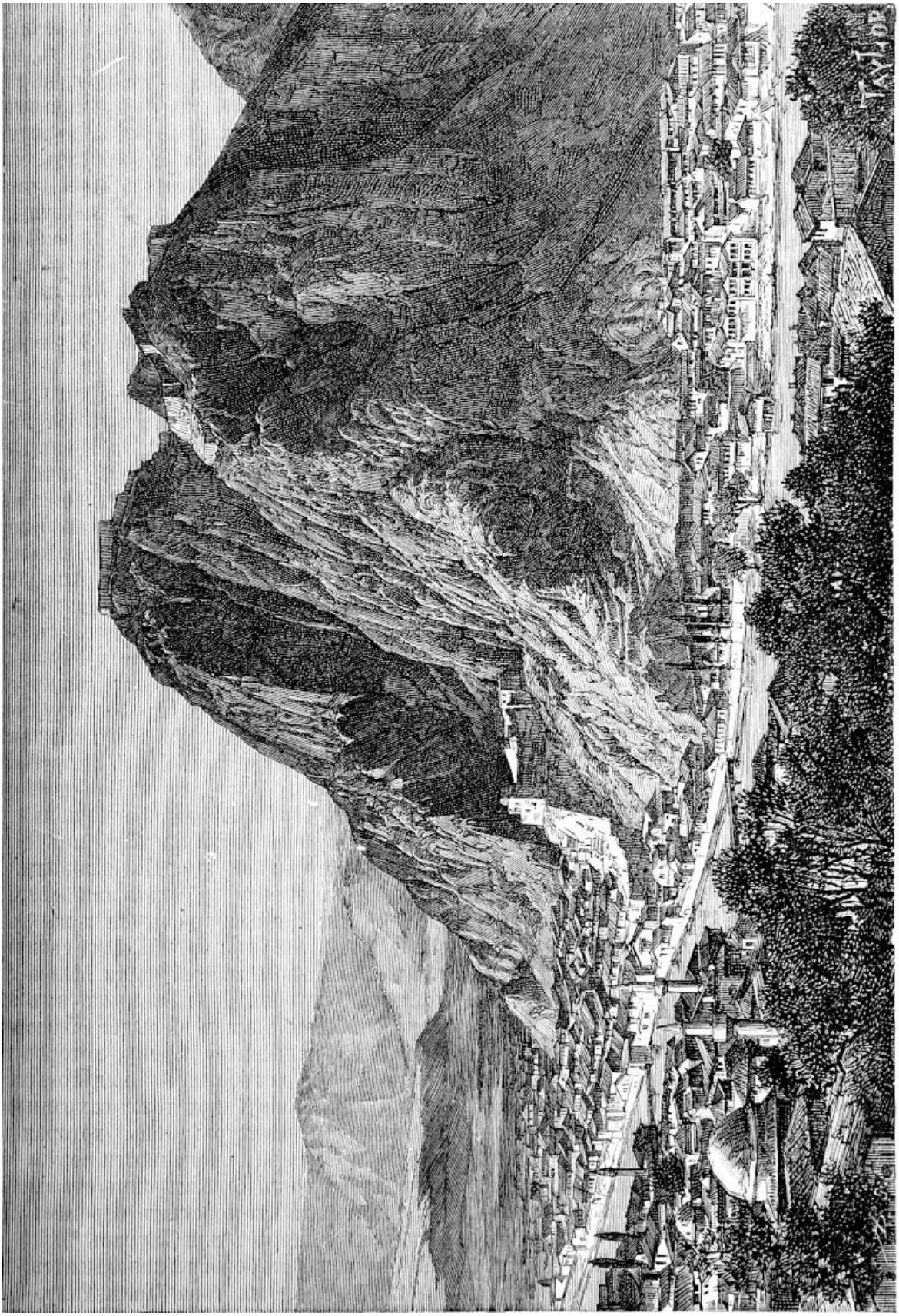
Еще в эпоху Страбона эта гора проявляла остатки вулканической деятельности. Склоны её были покрыты лесами, впоследствии исчезнувшими; но равнина была «снедаема внутренним огнем», откуда часто выбрасывалось пламя; в пятом столетии христианского летосчисления Клавдиен описывает «объятые огнем вершины» Аргейской горы. Чихачев говорит о древних монетах, найденных в окрестностях города Кайсарие, на которых (монетах) изображена гора в извержении. В наши дни никому не случалось наблюдать ни фумаролл, ни источников угольной кислоты на склонах вулкана и окружающих его конусах огненного происхождения, но повсюду вид вулканических шлаков, потоков лавы и кратеров такой, какой должен был бы представлять едва охладившийся очаг извержений. Али-даг на северо-востоке, Севри-даг на юго-западе и другие горы сотнями, холмы или простые бугры, которые возвышаются в вулканической области, сохранили свои кратеры. Из всех вулканических вершин, принадлежащих к системе Аргейской горы, самые высокие после главного вулкана,—вершины Гассан-дага, поднимающиеся почти на 3.000 метров; на юго-востоке, этот массив примыкает к другим горам, почти столь же высоким, к вершинам Ешил-дага, который оканчивается над равнинами крутыми стенами и базальтовыми колоннадами; на юго-западе, вулканическая цепь соединяется с массивом Караджа-даг, который продолжается на 200 километров от Аргейской горы. Один из кратеров Караджа-дага имеет чрезвычайно любопытную форму, быть может, единственную в своем роде. Кругообразный холм, который виден в 8 километрах к юго-востоку от Карабунара, посреди небольшого соляного озера, представляет на вершине овальную чашу, край которой постепенно поднимается на восточной стороне и оканчивается нависшим выступом[2]; по всей вероятности, жидкия вещества, извергнутые кратером, застыли на верху жерла, отчего и образовался на внешней стороне конуса выступ в виде носка амфоры.

К западу от киликийского Тавра, вся передняя область морского прибрежья, заключающаяся между заливами Тарсским и Адалийским, занята лабиринтом гор, известным под именем Тавра Исаврийского или Трахейской Киликии. Географы не могли еще с достоверностью определить между этими массивами те, которые получили от древних названия Крагус, Имбарус, Андрикус. Впрочем, эти имена применялись преимущественно к горам, которые были видны с берега, какова бы ни была их важность относительно более возвышенных пиков, находящихся внутри материка. Главная группа всей области—Гёк-ку или «гора Неба», высокие вершины которой достигают 3.000 метров; большинство принадлежащих к этой группе второстепенных цепей тянутся по направлению с северо-запада на юго-восток, так же, как параллельные цепи и восточный берег Адалийского залива. Вне группы Гёк-ку мало вершин, которыя поднимались бы выше 1.500 метров. Несмотря на незначительную высоту этих гор, поморье Малой Азии не имеет более крутых берегов, чем берега Трахейской или «Круто береговой» Киликии, названной так в противуположность низменным берегам «Полевой» Киликии, которая простирается у подошвы Булгар-дага, по направлению к Александретскому заливу. Высокие мысы из сланцев, конгломератов, известняков, белого мрамора следуют один за другим без перерыва на всей окружности кривой линии берега, обращенной к острову Кипру, и между этими мысами есть такие, которые поднимаются вертикальными утесами на 200 слишком метров над поверхностью морских вод. Первый мыс, который мореплаватель огибает, пройдя низменные берега Полевой Киликии,—величественный полуостров Кавалерского мыса, Манават османлисов, крутые берега которого состоят из расположенных разноцветными лентами слоев самого причудливого вида. Соединенный с

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“;—P. de Tchihatcheff, цитированное сочинение;—Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor“.

2 Чихачев, цитированное сочинение;—Ainsworth, „Travels in Ash Minor“.

твердой землей плоским берегом, перерезанным прудами, этот полуостров образует естественную цитадель, преобразованную в сильно укрепленное место оборонительными стенами и рвами, высеченными в живом камне; в нескольких километрах к востоку, другая мра-



Амазія.

морная скала, но совершенно окруженная водой, носящая имя Провансальского острова, тоже увенчана крепостью, и, кроме того, там видны еще развалины домов и часовень. Эти остатки военных и религиозных сооружений, равно как названия мыса и острова, доселе

употребляемые прибрежными моряками, напоминают о пребывании здесь христиан: эти две скалы киликийского берега были в числе крепостей, которые Лев, царь армянский, уступил папе, в конце двенадцатого столетия, и где рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского основали приют освобожденных христианских невольников[1]. На запад от Кавалерского мыса другие мысы, менее любопытные по историческим воспоминаниям, столь же живописны: мыс Кизлиман, также соединенный с твердой землей низменным перешейком, состоит из пластов совершенно правильных и представляющих самые разнообразные цвета—красный, фиолетовый, коричневый, желтоватый, синий. Далее следует мыс Анамур, самая южная оконечность Малой Азии.

На севере от горного лабиринта Крутобереговой Киликии возвышается, на подобие острова, массив среди однообразных Кониехских равнин. Эта группа, носящая имя Кара-даг или «Черная гора», столь обыкновенное в землях турецкого языка, лежит на продолжении оси цепей, которые, за городом Коние, продолжаются к северо-западу, на пространстве около двухсот километров. Восточный вал, ограничивающий на западе центральную низменность Малой Азии, перерезан большим числом брешей, и возвышается, средним числом, только на двести или триста метров над уровнем высокой равнины; но на северо-западной своей оконечности он оканчивается массивами Эмир-даг и Кешир-даг, немного более высокими горами, где многочисленные пастухи располагают свои становища во время летних жаров. Западный вал, носящий имя Султан-даг, которым он обязан, может быть, своим более значительным возвышением, представляется в виде настоящей цепи с восточной стороны, над поверхностью озер и болот; но на западе и на севере он сливается во многих местах с гористым плато, где реки, впадающие в Эгейское море, Гедиз-чай, Меандр и их притоки, начинают вырывать свои долины.

К юго-западу от краевой цепи Султан-дага, горы постепенно возвышаются, приближаясь к морю. В Писидии, где Боз-Бурун или «Седая голова», достигает почти 3.000 метров высоты, направление цепей с севера на восток; в Ликии они ориентированы по большей части с северо-востока на юго-запад. Один массив ликийского Тавра, Ак-даг или «Белая гора», достигает 3.080 метров; Сузуз-даг, стоящий напротив него с восточной стороны, почти не уступает ему по высоте, а Бей-даг или «Главенствующая гора», находящаяся на востоке от Эльмалу, может быть, превосходит Белую гору: он имеет, говорят, 3.150 метров. После Метдезиса, ливийские массивы Ак-даг и Бей-даг самые высокие из таврских вершин, и их большая, близость к морю придает им еще более величественный вид. На склонах, обращенных к северу, массивы ликийского Тавра покрыты или испещрены снегом в продолжение целого года; этой белизне своих вершин многие горы в этой части Малой Азии и обязаны, будто бы, придаваемым им эпитетом *бали*, имеющим большое сходство с славянским словом «белый», которое также употребляется для обозначения снеговых вершин[1]. Название Тавр тоже сохранилось в местной номенклатуре: цепь, которая начинается у южной оконечности озера Эгердир и образует ствол всех отраслей, направляющихся к морским берегам Ликии, носит имя Даврас или Даурас[2].

На восточном берегу Ликии высится, достигая 2.375 метров, гора Тах-Талу, Солима древних, в основание которой врезываются ущелья, а средние склоны покрыты деревцами и кустарником: на полуденном склоне этого величественного пика горит день и ночь «Химера», о которой говорят греческие и римские географы и которая подала повод к такому множеству сказок. Огненный источник, Янар или Янар-таш, бьет фонтаном из отверстия глубиной около метра, над которым возвышаются развалины древнего языческого храма. Не видно ни малейшего дыма, который сопровождал бы пламя; в нескольких метрах расстояния, серпентиновая скала, откуда вылетает таинственный огонь, имеет температуру не выше той, какую показывает окружающая почва; в непосредственном соседстве с огненным фонтаном

1 F. Beaufort, „Caramania“.

1 Чихачев, цитированное сочинение.

2 Hirschfeld, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde“, 1877.

растут деревья, и под тенью их извивается ручей. Часто окрестные пастухи приходят готовить себе кушанье на пламени Химеры, но она отказывается, говорит легенда, варить украденную пищу. Другое отверстие на скале, подобное отверстию Янара, теперь погасло, и там незаметно никакого выделения газа. По временам, рассказывают местные жители, слышен глухой подземный рев внутри горы Тах-талу[1]. Эта область Ликии была известна в древности под именем горы Феникс, и одна из деревень той страны до сих пор сохранила название Финека. Орлы и коршуны беспрестанно парят над объятой пламенем скалой азиатской Финикии. Не этому ли факту, спрашивает английский путешественник Феллоз[2], должно приписать происхождение легенды о фениксе, постоянно возрождающемся из своего пепла?

Мысы Ликии, как и мысы Крутобереговой Киликии, оканчиваются почти все высокими стенами из беловатого известняка, составляющими резкий контраст с покрывающими их сосновыми лесами. Морское побережье, разрезанное на многочисленные полуострова, обнаруживает там и сям стремление образовать острова, как бы служащие предвестниками архипелагов, прилегающих к западным берегам. Имена, данные греческими и итальянскими мореплавателями, начинают преобладать: так, главный береговой остров, Кастель-Ориццо, вероятно, обязан этим наименованием (Кастель-Россо) красноватым оттенкам своих скал; мыс и острова Хелидан или Хелидония, на юго-восточном углу Ликии, получили свое имя от ласточек, которые кружатся тучами вокруг скал; далее, на восточном берегу, открывается Генуэзский порт (Дженовезе). В Средиземном море мало найдется областей, где морские течения отличались бы такой силой, как в проливах между Хелиданскими островами. Поток, постоянно несущийся от берегов Сирии к западу, следуя вдоль прибрежья Анатолии, ударяется, на юге от Адалии, об утесы, которые выстроились поперег его течения, как громадная плотина, и, отброшенный влево, быстро уходит в открытое море через проходы, которые ему представляет небольшой Хелиданский архипелаг; в некоторых местах скорость течения доходит почти до 5 километров в час. Эти острова очень любопытны также в геологическом отношении своими естественными рвами, образовавшимися вследствие провалов или оседания почвы; три из них перерезаны от одного берега до другого аллеей, до такой степени правильной, как будто траншея была сделана рукой человека: можно подумать, что скала подалась книзу, и вместе с тем налегающие пласты опустились всей массой до высоты нескольких метров над уровнем моря. Другая достопримечательность Хелиданского архипелага—маленький пресноводный ручей, текущий на островке Грамбуза, который, повидимому, слишком мал, чтобы дожди могли питать там столь обильный источник; вероятно, вода происходит с материка и снова выступает на поверхность в виде артезианского колодца, пройдя под проливом, который имеет не менее 52 метров глубины.

Западная область плоскогорья Малой Азии понижается неравномерно к берегам Эгейского моря. На передней, обращенной к морю, стороне этого плоскогорья находятся многочисленные вырезки морского прибрежья, усложняемые, кроме того, боковыми разветвлениями, подобными разветвлениям норвежских фьордов. Возвышенности раздробляются как ткань, которая сечется. Хребты, расположенные по большей части в виде параллельных линий, понижаются уступами к морю; затем другие цепи, отделенные от первых глубокими брешами, возвышают свои крутые склоны над равнинами и, в свою очередь, прерываются широкими пространствами, как бы проливами зелени, которые соединяют поля двух покатостей; далее, гряды высот снова появляются, но их наклонное основание уже покрыто морем; они выдвигаются в виде полуостровов, и последние их выступы или мысы погружены в глубокую воду; однако, твердая земля исчезает только для того, чтобы далее в море снова выступить на поверхность в виде гористых островов, которые продолжаются другими, более низменными островами, затем островками и подводными камнями. Горы континента и островные массивы—одна и та же формация. Если уровень моря поднимется, то на окраинах твердой земли появится бахрома из новых островов; если, напротив, воды понизятся, то ар-

1 Francis Beaufort, „Caramania“;—Spratt and Forbes, „Travels in Lycia“.

2 Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

хипелаг морского прибрежья превратится в полуострова.

Гористое разветвление, которое отделяется от плоскогорья, чтобы развернуться к юго-западу от полуострова, начинается у горделивого массива Баба-даг, «гора Отец», Кадмус древних (1.860 метров). Этот массив огибается на востоке низменностью, через которую долина Меандра, притока Эгейского моря, сообщается с долиной реки Дулуман-Чай, впадающей в Родосское море. На юг от Кадмуса, цепь Боз-даг или «Серой горы» понижается постепенно до 1.000 метров, затем до 600 метров и еще менее; отрасли, выдвигающиеся далеко в море на углу полуострова, состоят лишь из невысоких холмов, впрочем, очень круто обрезанных и отличающихся бесконечным разнообразием форм. Горы на островах выше, чем горы соседнего поморья; так, гора Аттайрос, на острове Родосе, достигает 1.240 метров; гора Ластос, на о. Карпафосе, только метров на двадцать ниже; с этой высшей точки совершенно отчетливо видна восточная оконечность острова Крита, которую соединяет с Малой Азией, между морскими пучинами глубиной слишком 2.000 метров, порог, покрытый слоем воды толщиной от 300 до 400 метров. На север от Родоса, другой полуостров продолжается островом Сими; длинная узловатая ветвь, оканчивающаяся на мысе Крио, снова появляется на Низиросе, пирамидальная гора которого поднимается на высоту 692 метров. Далее, полуостров Галикарнасский едва отделен от острова Коса и архипелага Калимноса и Лероса узкими проходами, загроможденными подводными скалами. Замечательно, что гора Низирос, единственный еще действующий вулкан Малой Азии, высится как раз на углу полуострова Анатолии, между Эгейским морем и глубоким бассейном восточной части Средиземного моря. Фумароллы, температура которых превышает 100 градусов по Цельзию, выходящие из земли столбы пара и образование кристаллов серы—таковы в настоящее время единственные видимые явления вулканической лаборатории. Деятельность подземного очага усиливается во время сезона дождей; тогда дно кратера превращается в серное озеро, имеющее температуру кипящей воды[1]. Искатели серы превратили кратер в завод. Одна греческая легенда говорила, что Низирос не что иное, как отрывок острова Коса, брошенный в море богом; но в действительности совершенно наоборот: окружающие земли образовались из обломков, которые жерло вулкана Низирос выбросило во время своих извержений. Островок Яли, лежащий между островами Косом и Низиросом, есть груда этих вулканических туфов, чередующихся с травертинами, которые очень богаты ископаемыми. По Горсе, этот островок, будто бы, испытал ряд колебаний уровня, которые продолжаются и в наши дни, свидетельствуя таким образом о постоянном движении лавы в подземном очаге. В этих областях Средиземного моря прилив и отлив очень чувствительны; разность уровня вод превышает 30 сантиметров в заливе Сими[2].

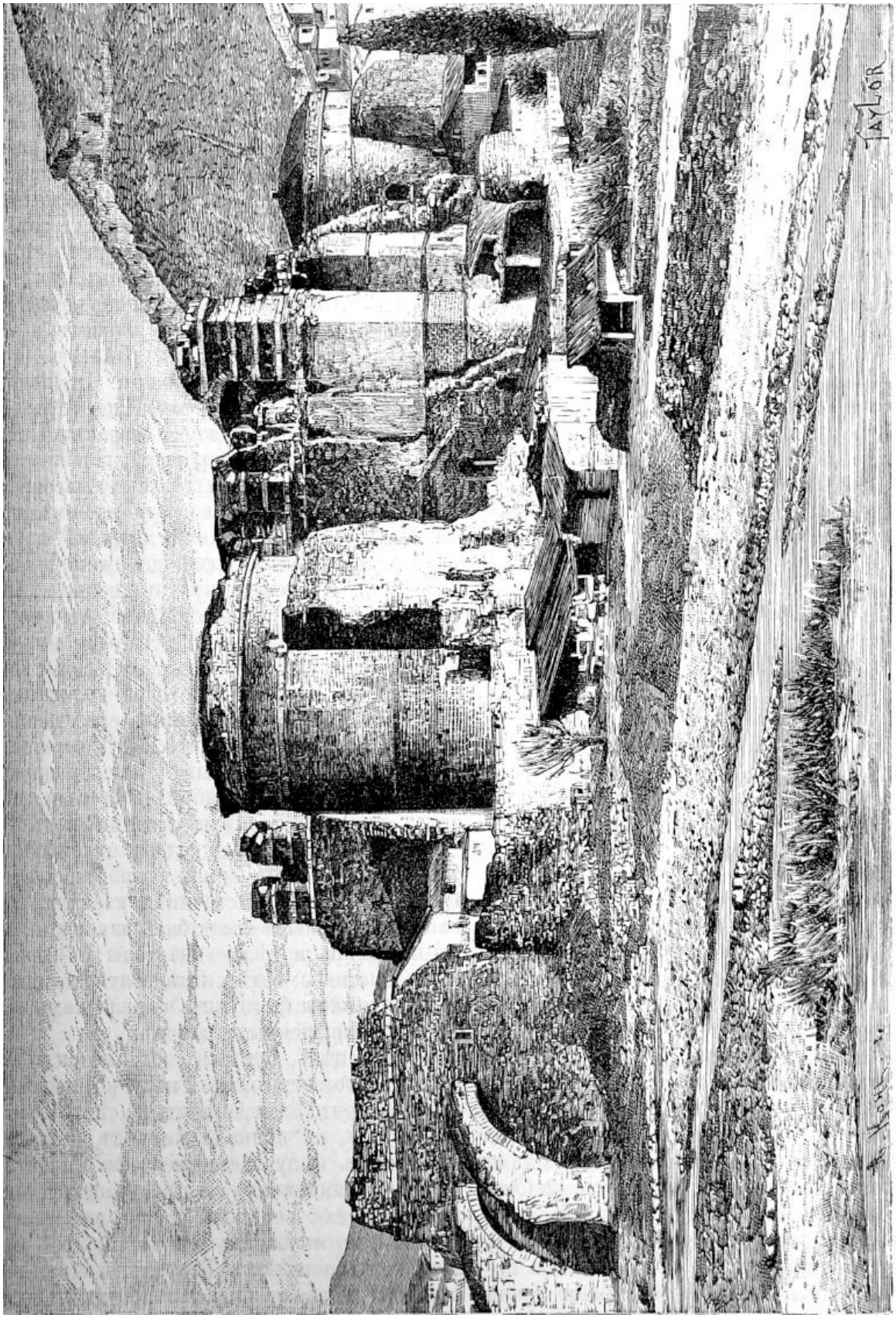
Тот же массив Баба-даг, образующий общий ствол отраслей на юго-западе полуострова, выделяет из себя также к западу ветвь, прерываемую на некотором расстоянии одна от другой глубокими долинами. Несколько вершин, имеющих слишком 1.000 метров высоты, показываются над гребнями, и около западной оконечности этой гряды массив Беш-Пармак или «Пятипалый» поднимает одну из остроконечных вершин на 1.371 метр и примыкает к «горделивому треугольнику Латмуса, похожему на фронтон храма»[3]. На север от долины Меандра, цепь гор, выступающая вне плоскогорья, гораздо правильнее, чем массив Баба-даг и его продолжения. Эта цепь, известная под разными местными именами, но вообще обозначаемая греками древним названием Мизогис, продолжается без перерыва на протяжении около 140 километров, от пролома Меандра, близ Буладана, до мысов Скала-Нова, в Эфесском заливе. Средняя высота самых высоких вершин не превышает 1.000 метров; голые и серые, они следуют одна за другой правильно с востока на запад, без промежуточных брешей, однако, в целом эта цепь имеет очень разнообразный вид, благодаря конгломератовым террасам, идущим вдоль её основания на высоте 100 и 150 метров, и которые разрезаны гор-

1 Gorceix, „Archives scientifiques“.

2 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

3 Olivier Rayet, „Milet et le golfe Latmique“.

ными потоками на кубы и пирамиды. Возделанные пространства, расположенные уступами одно над другим, и густые деревья, наполняющие небольшие долины своей зеленью, составляют яркий контраст с красными цветами горных обвалов и осыпей. Все эти земли, которые



Пергамъ, развалины базилики.

обваливаются и покрываются рытвинами, и обломки которых уносятся ручьями, отлагающими их в виде наносов в долине Меандра, суть, очевидно, остатки отложений, которые образовались в предшествующую геологическую эпоху, в то время, когда берега Анатолии

были глубже погружены в море.

Около западной своей оконечности, цепь Мизогис понижается. Порог, под которым проходит подземным туннелем, на высоте 243 метров, железная дорога из Смирны в долину Меандра, отделяет главную цепь от массива Гумиш-даг или «Серебряной горы», изобилующей залежами наждака и других руд. На юге, группы холмов окаймляют низовье Меандра, напротив крутых склонов массива Беш-Пармак; далее виднеется в профиле направляющийся с востока на запад зубчатый хребет Самсун-даг, Микале древних. Каменистая пирамида Рапаны, возвышающаяся посреди этой цепи, над большими сосновыми лесами, лавровыми и митровыми рощами, есть самая высокая вершина азиатского прибрежья Эгейского моря (1.258 метров); непосредственно на западе закругляется верхушка другой вершины, немного пониже предъидущей, но считающейся у эллинских моряков священной горой; остаток часовни, посвященной пророку Илии, который сменил в почитании ионийцев бога солнца Аполлона-Мелькарта, стоит на краю пропасти, откуда открывается чудный вид на прибрежье и море с его заливами, проливами и островами. Напротив, как бы на расстоянии брошенного камня, виден остров Самос, оканчивающийся на западе массой Керки, еще более высокой (1.750 метров), чем вершины хребта Микале; далее, за Самосом, показываются вершины Никария, тоже поднимающиеся выше 1.000 метров, а к юго-западу различные острова, между прочим, Патмос, выделяются на фиолетовом фоне моря, то в виде черных теней, то в виде светлых паров. Пролив, отделяющий Самос от наидалее выдвинутого в море мыса Микале, имеет всего только 2 километра в ширину; да и то еще маленький островок, где отдыхают дезертиры, переправляющиеся через пролив вплавь, делит канал на два рукава. Из города Самоса население могло видеть воздвигнутый на противуположном берегу материка крест, на котором был распят тиран Поликрат «в своей славе». Этот крайний выступ твердой земли сохранил свое античное имя Микале, измененное перестановкой слогов в Камилла или Камелло.

На север от цепи Мизогис тянется другая цепь такой же высоты, Тмолус древних, которая оканчивается непосредственно на восток от Смирны громадным молом, где на половине ската приютилось несколько деревень. Вместе обе эти цепи, Мизогис и Тмолус, закругляются в виде обширного полукруга, обхватывающего долину Кайстра. На запад от этой долины, горы образуют независимые массивы, некогда отделявшиеся от внутренних гор широкими проливами. Массив Аламан-даг, Галлезион древних, сохранил свой островной вид: зелень, окружающая его откосы и проникающая в его ущелья, ограничивает мыс так же резко, как ограничивала бы вода моря; мало найдется гор, которые имели бы более горделивый вид, чем эти скалы, которых пирамиды с гладко обрезанными плоскостями или гранями, опирающиеся на скаты горных обвалов, поросших травой, отличаются такой правильностью формы, что их можно принять за гигантские памятники, воздвигнутые рукой человека; каменные стены, идущие вдоль горных хребтов, крепости, стоящие на краю пропастей, кажутся как бы принадлежащими к архитектуре горы. В противуположность почти всем другим цепям азиатской Ионии, нормальное направление которых от востока к западу, Аламан-даг выстроил свои пики в направлении с севера на юг, точно так же, как и другая, более западная ветвь, которая перерезывает Смирнский полуостров и примыкает к вершинам-близнецам Двух-Братьев, лесистые склоны которых господствуют над входом в рейд. Далее, другая цепь, превосходящая предъидущие по абсолютной высоте, следует тому же направлению с юга на север, от мыса Карака до Мимаса или мыса Кара-бурун; длинная гряда гор высится, как вал, на полуострове Эритрейском поперек Смирнского залива. Ближайший к морскому прибрежью остров Хиос ориентирован таким же образом и, следовательно, отличается от других островов азиатского архипелага протяжением по направлению меридиана. Названием своим этот остров, может быть, обязан снегу (*хион*), блистающему на его горах в течение нескольких зимних дней или нескольких недель[1]. Самая высокая вершина, гора св. Илии, возвышающаяся на северной стороне острова, достигает 1.267 метров.

1 Pauli, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg“, 1881-1882.

Формации острова Хиоса принадлежат к различным геологическим эпохам, и земля продолжает до сих пор работать, чтобы производить новые образования. Эруптивные горные породы, серпентины, порфиры, трахиты, встречаются во многих частях острова, так же, как и напротив, на полуострове Эритрейском: два параллельных массива, которые разделены рукавом моря, имеющим на пороге всего только 25 метров глубины, находятся в той же площади вулканического колебания. Известно, что эта область Ионии, одна из богатейших в Малой Азии по термальным источникам[1], есть одна из тех, которые наиболее страдают от подземных потрясений. В течение второй половины настоящего столетия немногие из естественных бедствий могут сравниться с страшным землетрясением, которым был разрушен город Хиос. В октябре 1883 года, почва снова дрожала преимущественно под Эритрейской областью, где виден маленький кратер, близ Чесмы. Земля разверзлась в Лацатском округе. Источники иссякли, тогда как новые ключи стали бить из земли; многие поселения и целые кварталы в городах были повалены; более пятидесяти тысяч человек должны были жить в палатках подле своих разрушенных домов.

Горная цепь, которая соединяется невысоким порогом с горами Тмолус и изгибается к западу, чтобы ограничить на севере Смирнскую бухту, не принадлежит к числу замечательных выпуклостей рельефа Малой Азии, ни по занимаемому ею пространству, ни по высоте своих вершин, но она имеет громкое имя в мифологии и истории. Это—Сипилос, где царствовал Тантал, а самая высокая гора, которая видна напротив Смирны, и усеченный конус которой обрисовывает свой профиль над другими, более близкими вершинами, есть «трон Пелопса» где возседал родоначальник, давший свое имя Пелопоннезу[2]. Древние писатели говорят о страшных землетрясениях, разрушивших многие города и «поглотивших» гору Сипил. Теперь неприметно никаких следов этих катаклизмов, но вся западная часть цепи, обозначаемой турецким именем Яманлар-даг, образована из эруптивных горных пород. Западная часть Сипила, Манисса-даг или «гора Магнезии» состоит из меловых формаций, которые круто обрываются, на северном склоне, грозными стенами, разнообразно окрашенными, изрытыми гротами, изрезанными трещинами, которые, повидимому, проходят через всю гору насквозь. Таким образом, в массе горы открываются настоящие траншеи, совершенно правильные, и проникают далеко внутрь скал, между двумя вертикальными стенами. На восток от горы Магнезии (Манисса-даг), Сардская равнина, по которой протекает река Гермус или Гермул, простирается вдоль северного склона цепи Тмолус, известной в этом месте под названием Боз-дага или «Серой реки». Эти скаты, как и скаты массива Мизогис над долиной Меандра, обставлены по бокам красноватыми каменными обломками в форме террас, которые разрезаны реками на отдельные массивы, и края которых усажены пирамидами и обелисками, изваянными действием дождевых вод. Более высокие, чем береговые террасы Меандра, террасы Сардской долины также составляли часть сплошных слоев, которые занимали всю ширину равнины, прежде чем Гермус открыл себе ущелье для прохода к морю, между Сипилосом и горами Гассан-дага.

Массивы, возвышающиеся против цепи Тмолус, на север от Алашерской долины,—отчасти вулканического образования, и одна из заключающихся между ними равнин носит название «Спаленной страны»: это—Катакекаумене древних греков. Один конус извержения, Кара-Девлит или «Черная чернилица», поднимающийся приблизительно на 150 метров над равниной Кула, состоит сплошь из вулканического пепла и черноватых шлаков, подающихся под ногами. На запад от «Черной чернилицы» два другие конуса извержения, с правильным кратером, следуют один за другим на расстоянии 11 километров, и так же, как Кара-Девлит, дают начало потокам лавы, спускающимся с севера к Гермусу. Самый западный конус, Каплан-Алан или «Пещера тигра», представляет наверху чашу, имеющую около 800 метров в окружности. В течение неизвестного числа веков застывшие потоки лавы сохранили шероховатость своей поверхности; как во времена Страбона, они и теперь вполне заслу-

1 G. Lattry, „Congres medical a Athenes“, 1882.

2 Weber, „Le Sipylos et ses monuments“.

живают данное им греками имя «Спаленной страны»: бесплодные и черные, эти каменные реки из вулканических шлаков составляют поразительный контраст с зеленеющими равнинами, которые их окаймляют. Кроме трех конусов извержения, откуда изливаются эти лавы, относительно нового происхождения, вероятно, принадлежащие той же эпохе, как и вулканы Оверни, есть несколько других, которые можно различить только по их профилю, и которые одеты такой же точно растительностью, как и окрестные местности; склоны их покрыты виноградниками и возделанными полями, как и окружающая их равнина; наконец, на плоскогорьях, состоящих из сланца и мрамора, высятся другие вулканы, относящиеся к предшествовавшей эпохе[1]. На запад от Катакекаумене, маленький бордюр из гор, Кара-даг, сопровождает с северной стороны долину Гермуса; поддерживаемое им плато осело или выгнулось к центру и заключает как в овальном цирке озеро Мермере, уровень которого лишь немного превышает уровень моря[2].

Массив Мурад-даг, составляющий западное продолжение хребта Эмир-даг, может быть рассматриваем как горной узел, откуда расходятся цепи, и откуда вытекают главные реки на северо-западе полуострова. Там берут начало Меандр, Гермус, Фимбриус. Мурад-даг, одна из высоких цепей Малой Азии, поднимающаяся слишком на 2.000 метров, продолжается на запад Ак-дагом или «Белой горой», достигающей высоты 2.440 метров. Далее продолжаются правильные разрезы цепи Демирджи-даг, выделяющей из себя на юг отроги, между прочим величественный трахитовый массив Каяджик, возвышающий свои вертикальные стены над тенистыми долинами, где извиваются воды потоков. Цепь Гассан-даг, составляющая продолжение главного хребта на востоке и на юго-западе, загибается к горе Сипилос, как бы для того, чтобы замкнуть долину Гермуса; железная дорога из Смирны в Магнезию открывает себе проход через эти ущелья, куда прежде проникали только опасные тропинки. Другие массивы, которые примыкают к Демирджи-дагу, и которые превращают в обширный лабиринт всю область, простирающуюся к Мраморному морю, закругляют по большей части свои вершины в виде длинных волнообразных повышений рельефа: это так называемые *яйлы* или покрытые пастбищами плато, где племя юрук располагает свои становища в летние месяцы. Однако, некоторые цепи имеют резко очертанные гребни: таков, напротив Митилены, массив Мадара-даг, сиенитовый вал, образованный в большей части из каменных глыб, нагроможденных одна на другую в виде фантастических фигур и представляющих всевозможные переходные степени формаций, от твердой скалы до сыпучего песку; там и сям обвалившиеся скалы повисли между двух крепко стоящих столбов и служат крышей мазанкам пастухов. Митилена, которую Эдремидский залив отделяет от открытого моря, тоже окружена горами; одна вершина, носящая имя «Олимпа» и иногда блистающая снежным покровом, отражается в водах внутренней бухты, называемой Масличным портом. Этот большой остров анатолийского прибережья принадлежит, очевидно, к двум орографическим системам: западный его берег составляет продолжение троянского берега, тогда как восточный идет параллельно берегам Мизии. Этому двоякому образованию остров и обязан своей причудливой конфигурацией, представляющей форму веера, протянувшего свои ветви на юг, где море проникает внутрь острова в виде кругообразных заливов.

Главный узел гор Троянской области или Троады находится не в центре территории, но на одной из её оконечностей, непосредственно на север от Эдремидского залива. Там возвышаются лесистые кручи массива Каз-дага, «Гусиной горы», Иды или Гаргары древних; однако, эти два названия должны быть применяемы в их поэтическом значении к другим, более центральным горам Троады, так как с высшей вершины Каз-дага,—достигающей 1.769 метров, по Шмидту,—но окруженной другими вершинами, почти столь же высокими, не видно равнины Илиона, и оттуда Зевс не мог бы наблюдать борьбу троянцев с греками на берегах Скамандра. Для современных эллинов Ида—священная гора, как она была священной и для верующих предшествовавших религий: близ вершины видны остатки келий и часовен, и на-

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia“.

2 P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“.

кануне Ильина дня поселяне из окрестных деревень приходят провести ночь на самом пике, чтобы приветствовать земным поклоном дневное светило, когда оно появится на горизонте: без сомнения, эта церемония не изменилась с тех пор, как античные поэты воспевали славную вершину, которую солнце освещает своими первыми лучами, и которая «распространяет по лицу земли божественный свет»[1]. Ида еще одета великолепными лесами, от которых она и получила свое имя; но большая часть передних гор, каковы Кара-даг или Карали-даг, обезлесены и покрыты лишь мелким кустарником. Там и сям, однако, на горных пастбищах сохранились рощи сосен, не тех хвойных дерев, которые все походят друг на друга стройностью ствола и формой ветвей, как деревья европейских лесов, но сосен, которые все отличаются одна от другой положением ствола и движением ветвей. Большие сосны громадного парка, рассеянные в беспорядке по мягкой мураве, не группируются в лес довольно густой, чтобы задерживать взор; становища юруков приютились в лощинах, стада овец рассыпаны белыми пятнами по зелени лугов, по известняковым склонам и трахитовым куполам соседних гор. Внизу, на Троянской равнине, змеится Мендере, за ним показывается извилистый Дарданельский пролив, а еще далее виднеется сверкающее море, с его островами, Тенедосом, Лемносом, Имбросом, Самофракией, иногда даже треугольный профиль Афонской горы. Последние холмы системы Иды, заключенные между Безикской бухтой и входом в Дарданеллы, образуют вдоль моря островной вал, ограниченный на юге устьем ручья, бывшего некогда рекой Скамандром, на севере дельтой Мендере или Симоиса Гомера. В открытом море, обнаженная глава Тенедоса, на холмах которого нет ни одного дерева, и несколько островков, менее бедных зеленью, образуют маленький архипелаг против троянского прибрежья.

Южный берег Мраморного моря также окаймлен орографической системой в миниатюре, отдаленной от южных гор наносами и третичными формациями, которые указывают на проход в этом месте древнего пролива между морями Черным и Эгейским. Сизикский полуостров, соединенный с городом узким перешейком, тоже заключает импонирующую горную массу, Капу-даг, и острова Мраморного архипелага, названные так по их мраморным скалам, суть выступающие из-под воды горы. На восточной стороне Пропонтиды, полуостров, ограниченный линией, проведенной через заливы Гемликский и Исмидский, также имеет свой островной массив, главная вершина которого, Саманлу-даг, достигает высоты 830 метров, и который оканчивается на западе грозным Боз-Бурун или «Серым мысом», извержением траппа, подобным многим другим массивам из горных пород огненного происхождения, которые возвышаются в виде конусов на берегу моря и озер, равно как в аллювиальных равнинах страны. Полуостров Вифиния, между Исмидским заливом и Черным морем, тоже заключает вулканические формации, пробивающие другие горные породы. Плывя вдоль берегов Понта Эвксинского, от Босфора до устья Сакария, видишь на материке следующие один за другим многочисленные трахитовые мысы, изрытые при основании гротами, куда вливаются, как в пропасть, волны моря.

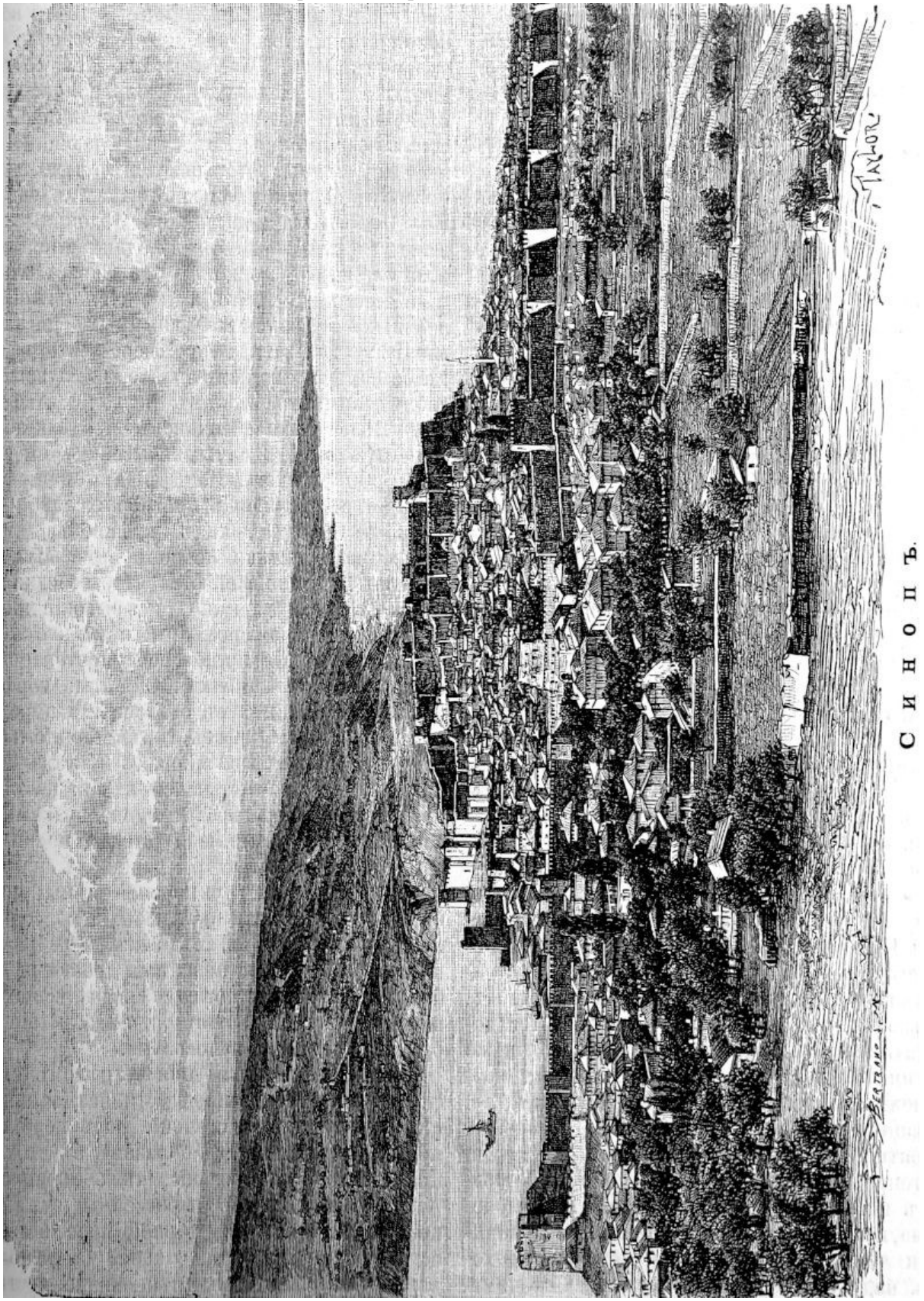
Олимп, вершину которого можно ясно различить из Константинополя в виде лазурной линии, обрисовывающейся на южной стороне горизонта, соединяется лишь неправильными хребтами с узлом Мурад-дага, во внутренних горах. Это почти уединенный массив из гнейса и гранита, одетый на скатах диоритом и мрамором. Он больше импонирует своей массой, нежели высотой; на него легко взбираться, даже на лошади, и в Бруссе много есть резидентов и приезжих, которые совершили восхождение на эту гору. Однако, абсолютная высота центральной вершины, называемой Кечиш или Монашеской горой, еще неизвестна; она, вероятно, немногим менее 2.500 метров и дает высокочтимой горе эллинов первое место между вершинами северной части Малой Азии.

Высота Олимпа, по карте Киперта—1.888 метр.; высота Олимпа, по карте Петермана—1.930 метр.; высота Олимпа, по карте Стебницкого—2.494 метр.; высота Олимпа, по барометрич. измерениям Мармона—2.247 метр.; высота Олимпа по барометрич. измерениям Фритша

1 Euripide;—Le Chevalier, „Voyage dans la Troade“.

—2.120 метр.

Это на запад от галатского Олимпа, первый массив, получивший имя Олимпа, а между пятнадцатью или двадцатью горами, которые носят это название,—означающее «Блистатель-



Синопъ.

ный» или «Лучезарный»,—он сделался в народном воображении главным жилищем богов. Олимп вифинский по своему северному склону, Олимп мизийский по южному склону, он стоит на рубеже двух провинций, господствуя над необъятным горизонтом, простирающим-

ся от вод Черного моря до островов—Мраморного архипелага и до берегов Фракии[1]. На юго-восток гора Олимп продолжается узким и правильным хребтом, который далее делится на параллельные валы. На восток от Олимпа, горы «с многочисленными складками», другие горные цепи, менее высокие и изрытые потоками, тянутся по направлению к долине Сакария. Эта река проходит узкими дефилеями, между вертикальных стен или крутых склонов, но соседния вершины имеют лишь незначительную высоту над уровнем плоскогорья. Горы в собственном смысле снова появляются лишь на восток от реки Сакария и области степей, занимающих центральную часть Малой Азии.

В своей совокупности различные горные цепи, поднимающиеся на плоской возвышенности, между бассейнами Сакария и Кизыл-Ирмака, так же, как между бассейнами Кизыл-Ирмака и Ешил-Ирмака, суть валы незначительной относительной высоты, направляющиеся с юго-запада на северо-восток. Только небольшое число из этих цепей достигают высоты 2.000 метров; многие же из них не что иное, как удлиненные возвышения рельефа, покрытые пастбищами, *яйлы*, посещаемые только пастухами, но которым, вероятно, предстоит современем сделаться местопребыванием многочисленных оседлых населений, так как почва там плодородна, и воздух, постоянно обновляемый верхними течениями атмосферы, которые проходят над лощинами и болотистыми степями, отличается замечательной чистотой; эти травяные плато были бы великолепными санитарными станциями для жителей Константинополя и городов морского прибрежья[2]. Между всеми цепями этой области самая высокая—Ала-даг, одна из тех многочисленных «Пестрых гор» или, может быть, «Божественных гор», которыми изобилуют турецкия страны; её кульминационные точки возвышаются слишком на 2.400 метров над уровнем моря. Массив Ала-даг состоит из пяти параллельных валов, понижающихся пологими скатами к окружающим плоским возвышенностям и заключающим прелестные долины, которые зеленеют между их стенами. Массивы Илькас-даг, к югу от Кастамуни, Эльма-даг или «Яблонная гора», к югу от Ангоры, тоже поднимаются выше 2.000 метров; к западу от Сиваса, горная цепь, состоящая, как и Ак-даг, из параллельных стен, ориентированных по направлению с юго-запада на северо-восток, и отделенных травяными плато, заслужила по своим зимним снегам название Ак-даг или «Белой горы»; Чихачев определяет абсолютную высоту самых высоких её скал в 2.200 метров. Илдыз-даг или «Гора звезд», составляющая северо-западное продолжение предъидущих массивов, имеет только около тысячи метров высоты; но далее горы снова повышаются, чтобы соединиться с понтийскими цепями. Один высокий хребет тянется вдоль побережья, на север от глубокого понижения, по которому протекает река Ликус или Гермили. Сиениты, порфиры, покрытые там и сям осадочными породами, образуют остов этих гор, верхние пласты которых пробиты во многих местах выступающей наружу застывшей лавой: на север от Шибин-Карагиссар, один вулкан, Казан-Кая или «Каменный котел», поднимает свой выемчатый кратер слишком на 2.500 метров[3]. Эта приморская цепь, может быть, самая богатая в Анатолии по содержанию руд железных, медных, серебряных, и кучи шлаков, оставленные древними халибами, встречаются повсюду среди лесных чащей: здесь, как гласит легенда, были изобретены молот и наковальня.

Так как Малая Азия в целом имеет форму плоской возвышенности, наклоненной к северо-западу, то истечение вод необходимо происходит главным образом в этом направлении; воды больше, чем с половины Анатолии, текут, через бассейны двух Ирмаков и Сакария, в Черное море, но затем остаются еще в центральной части полуострова обширные замкнутые низменности или котловины, где дождевые воды скопляются в виде соляных озер. В предшествовавшую геологическую эпоху, когда средиземный климат был влажнее, чем теперь, эти впадины, лучше наполненные водой, вероятно, изливали излишек своей жидкой массы

1 Gebhart, „Revue des Denx Mondes“, 15 juin 1867;—Dutemple, „En Turquie d’Asie“;—Голинский, рукописные заметки.

2 Чихачев, цитированное сочинение.

3 Briod, рукописные заметки.

в море, но общее обсыхание почвы, перевес испарения над количеством получаемых атмосферных осадков, мало-по-малу произвели разделение пресноводных озер на площади соленой воды.

Самый замечательный бассейн на северо-востоке Анатолии—это бассейн древняго Ириса, нынешнего Ешил-Ирмака, который получает почти все воды с западных разветвлений Анти-Кавказа. Тозанлы-су, рассматриваемый как главная река, по причине направления его долины, вытекает из небольших долин массива Кес-дага, южный склон которого дает начало Кизыл-Ирмаку, самой большой реке Малой Азии. Он течет сначала на запад, затем поворачивает к северу и северо-востоку, принимая в Амазии исток озера Ладик-гель, которое теперь незначительно, но которое во время Страбона занимало обширное пространство. Древний Ликус, называемый турками Келькит или Гермили, есть самая полноводная из этих двух потоков; он берет начало гораздо восточнее, чем Тозанлы-су, под меридианом Требизонда. Ниже соединения, река не получает более притоков; она прорезывает ущельем последнюю цепь скал, которая некогда преграждала её течение; затем, вступив в приморскую равнину, разливается в дельту, наносы которой завоевали у моря пространство в несколько сот квадратн. километров. Вода Тозанлы-су, слегка солоноватая, насыщена также известью, и жители Амазии принуждены часто менять ирригационные водопроводные трубы, залепляемые известковою накипью. Непосредственно к востоку от Ешил-Ирмака, течет река, часто трудно переходимая и гораздо более полноводная, чем можно было бы ожидать, судя по незначительной поверхности её бассейна; это Терме, имя которой напоминает греческое название Термедон; высокая долина, по которой бежит этот горный поток, прославилась в древности связанным с нею воспоминанием об амазонках, о которых до сих пор еще говорят местные легенды. Одна из скалистых цепей, которые перерезывает река Терме, продолжается на запад до Ириса и далее под именем Мизон-даг или «Горы амазонок».

В целом Кизыл-Ирмак или «Красная река» турок, Галис (Соленый) древних греков, описывает обширную кривую концентрическую с Ешил-Ирмаком или «Зеленой рекой»; развернутая длина его течения, между истоками в массиве Кес-даг и его дельтой, по меньшей мере в пять раз превосходит прямое расстояние между этими двумя крайними точками. В верхней своей части Красная река иногда совершенно пересыхает летом; даже в среднем течении и в соседстве дельты она переходима в брод во многих местах. Так как потеря вследствие испарения превышает прибыль от дождевых вод, то вода в реке имеет солоноватый вкус, который оправдывает её греческое имя: в равнине Сивас она проходит через пласты каменной соли, откуда жители Армении получают свой обычный запас соли[1]. Как и Ешил-даг, Красная река делится при устье на большое число ветвей или рукавов, далеко выдвигающихся своими наносами в Черное море. Часто древние географы, следуя примеру Геродота, принимали Галис за предел Малой Азии: по ту сторону этой реки для них простиралась обширная Трансгализийская Азия. Выбор этой границы объясняется военной важностью трех значительных рек: Термодона, Ириса, Галиса, следующих одна за другой в небольшом расстоянии, как рвы крепости[2]. Наростание аллювиальных образований в дельте Кизыл-Ирмака было значительно: тысячу лет тому назад город Паврахе, нынешний Бафра, был на берегу моря; в семнадцатом столетии он еще был посещаем кораблями[3].

Хотя более длинный, чем все другие реки Малой Азии, Кизыл-Ирмак катит жидкую массу, меньшую, чем Сакария (Сагарис или Сагариас древних). Эта последняя река очень извилиста, как и оба Ирмака восточной Анатолии; тогда как по прямой линии расстояние от её истоков до устья только 200 километров, общее протяжение её течения по крайней мере в три раза больше. Нормальное направление горных цепей этой области—с востока на запад, а потому в этом же направлении текут Сакария и её притоки, и чтобы достигнуть моря, они пробираются узкими поперечными долинами или *дербентами* (воротами), перерезывающи-

1 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.
2 Spiegel, „Eranicshe Alterthumskunde“.
3 O. Blau, „Petermann's Mittheilungen“, XI, 1865.

ми ряды гор. В низовой равнине Сакария, быстрая и несущая много землистых частиц, часто меняла русло, и византийские летописи рассказывают о значительных гидравлических работах, которые предпринимались с целью исправления её течения. Несколько проектов канализации этой реки были также и в наши дни представлены турецкому правительству: по одному плану, составленному французскими инженерами, предполагалось сделать Сакарию совершенно судоходной во всякое время года до расстояния 250 километров вверх от устья посредством шлюзованных запруд; в некоторых трудно-проходимых частях течения должны были быть прорыты боковые обходные каналы, а бар реки был бы избегнут прорезом морского берега, продолженным до глубокой воды[1]. Эти проекты не были приведены в исполнение, и Сакария служит лишь для мелкого местного судоходства и для сплава леса и угля, отправляемых в Константинополь. Проекты постройки железных дорог, которые тоже не были осуществлены, отвлекли общественное внимание от планов канализации; но сакарийский путь необходимо должен быть улучшен, так как он составляет часть поперечной линии Малой Азии, отрывка кратчайшей дороги между Англией и Индией.

Озерная область центральной Анатолии прежде, кажется, составляла часть бассейна Сакарии, по крайней мере в большей половине её протяжения. Туз-гель или «Соляное море», называемое также Ходж-гиссар-гель, по имени соседнего города, лежащего близ его восточного берега, есть самый обширный озерный бассейн во всей Малой Азии: оно имеет не менее сотни километров в длину, по направлению с северо-запада на юго-восток, и нигде менее 12 километров в ширину; оно занимает площадь слишком в тысячу квадратных километров, но, вероятно, летом средняя глубина его не превышает двух метров. Около середины озера Туз-гель видны следы плотины длиной около 12 километров, которую один султан велел построить для прохода своей армии, и вода, окаймляющая эту насыпь, не представляет ни в одном месте более метра толщины. В действительности, это озеро есть не что иное, как необозримая площадь рассола. В сезон засух окружность его можно признать лишь по растениям берегов[2]; твердая соляная плита продолжается на многие мили; но редко случается, чтобы можно было побывать на озере летом, по причине недостатка воды и продовольствия. Зимой вода наполняет всю озерную впадину, но поверх воды простирается соляная кора, имеющая различную толщину, от 5 сантиметров до 2 метров; эта кора приобретает вообще довольно крепкую консистенцию, так что по ней можно ехать на лошади; благодаря тому обстоятельству, не раз совершали переезд от одного берега до другого, как по льду замерзшего озера. Солепромышленники, эксплоатирующие Соляное озеро, ограничиваются выламыванием поверхностной плиты, которую вода отделяет от дна из синеватой глины, и вскоре на месте вынутой образуется новая соль. По анализу Филипса, вода озера Туз-гель, более тяжелая и более соленая, чем вода Мертвого моря, содержит слишком 32 части соли на 100 частей воды, и удельный вес её равен 1.240. На востоке возвышается несколько холмов, зелень которых составляет яркий контраст с блестящей белой поверхностью равнины[3].

На запад от озера Туз-гель, равнина усеяна многочисленными прудами, солоноватыми водными площадями, болотами и ручьями соленой воды, которые летом совершенно испаряются и высыхают, а зимой возобновляют свое течение. Некоторые из них отличаются от бассейна Туз-гель содержанием солей. Так, озеро Булук-гель, недалеко от деревни Эскиль, заключает преимущественно сернокислую магнезию и глауберову соль. Синеватые глины, составляющие ложи временных озер, которые простираются на юге и на западе в громадном бассейне степей, тоже пропитаны горькими магнезиевыми солями, без примеси хлористого натрия: близкое соседство соляных и горько-соленых озер, происходящее от прохождения источников через различные по составу слои земной коры, представляет довольно обыкновенное явление в замкнутых бассейнах; на берегах горько-соленого озера Булук-гель один из этих магнезистых ручьев был обследован от источника до устья. Пропитанный магнези-

1 Vidal-Naquet, рукописные заметки.

2 Ainsworth, „Journal of the Geographical Society“, 1840.

3 Чихачев, цитированное сочинение.

евой солью ил не имеет такой твердости, как ил, покрывающий эффлоресценции обыкновенной соли; он остается в вязком тестообразном состоянии, которое делает ходьбу затруднительной, так как грунт подается при малейшем давлении. Самые сухия пространства степи покрыты травой, которую очень любят коровы и которая распространяет восхитительный запах, когда лошадь раздавит ее копытом; в Коние из травы приготовляют душистое масло, запах которого показался путешественнику фон-Мольтке по меньшей мере столь же приятным, как розовая эссенция. Около центра равнины, между озером Туз-гель и городом Коние, близ станции Обрукли, видна лужа на дне ямы глубиной в 60 метров.

Кроме озер Центральной Анатолии, которые находятся в степях, прилегающих к Большому Соляному озеру, и составляют, очевидно, часть древнего, более обширного бассейна, вытекавшего на север через реку Сакария, есть другие резервуары, которые, хотя занимают отдельные долины в почти замкнутых цирках, повидимому, принадлежат к той же покатости Понта Эвксинского. Пороги, возвышающиеся над бассейнами, ущелья, где видны следы речных течений, указывают во многих местах следы некогда существовавших сообщений. Пруды, разсеянные в низменности, которая разделяет массивы Эмир-даг и Султан-даг, и представляющие попеременно то водные площади, напоминающие горные озера Альп, то простые болота, окруженные солью, тоже, повидимому, принадлежали прежде к приморскому бассейну Центральной Анатолии: на севере посредством пролива равнин, который открывается из Афиум-Кара-Гиссара в Кютайе, на юге посредством широкого пролома, перерезывающего вал Эмир-дага.

В области нижнего течения река Сакария принимает в себя воды, вытекающие из одного озера, незначительного по величине, но очень любопытного, как вероятный остаток образовавшейся путем размывания долины, которую открыли себе воды Черного моря, прежде, чем пробить далее на западе узкий проход Босфора. Это—озеро Сабанджа, в древности Софон, поверхность которого лежит на 31 метр выше уровня моря. В сравнении с другими озерными бассейнами Плоскогорья, оно очень глубоко, ибо лот достает в нем дно только на глубине 36 метров[1]; однако, оно есть лишь остаток существовавшего некогда обширного внутреннего моря, так как окружающая почва состоит из размельченных в порошок земель, которые были отложены водами, и на которых теперь малейший ветерок поднимает облако пыли. На юге, высокие холмы, покрытые высоким лесом и кустарником, составляют резкий контраст с бесплодными кручами противуположного берега. При первом взгляде на местность кажется, что озеро Сабанджа указано самой природой, как внутренний порт для судоходного пути между Мраморным и Черным морями через Исмидский залив и нижнее течение реки Сакарии; глядя с высот, господствующих над долиной, подумаешь, что достаточно сделать небольшой прокоп, чтобы соединить эти два моря. Плиний Младший предлагал императору Трояну это дело канализации, и следы, которые были видны в его время, свидетельствовали, что это предприятие уже было начато Митридатом, Ксерксом или каким-либо другим царем древности. Проект был возобновляем в различные эпохи, со времени царствования султана Солимана Великолепного, и инженеры неоднократно приступали к делу, но без результата. Раздельный порог слишком высок, чтобы в стране, столь мало торговой, как Анатолия, стоило труда предпринимать это прорытие соединительного канала или постройку лестницы шлюзов между Исмидским заливом и озером Сабанджа. По приблизительной нивеллировке Гоммер-де-Гелля, подтвержденной впоследствии точными исследованиями[2], порог, состоящий из моласса, стертого водами, находится почти на высоте 41 метра; линия железной дороги проходит немного выше. Следовательно, относительный уровень земли и моря изменился по крайней мере от 40 до 50 метров с тех пор, как закрылся морской пролив Сабанджи, то-есть со времени события, которое, может быть, совпало с открытием Босфорского прохода. Вдоль окраины Понта Эвксинского видны еще во многих местах и на различных высотах, до 30 метров, покинутые водами берега, покрытые раковинами, которые и те-

1 Evlya Effendi;—von Hammer;—Чихачев.

2 Briot, рукописные заметки.

перь еще принадлежат к черноморской фауне. Нет области более любопытной, как эти изменчивые перешейки и проливы между Европой и Азией, но их новейшая геологическая история еще не вполне известна. Не знают даже с достоверностью, каков порядок изменений выходного течения и входного противотечения между морями Черным и Мраморным; неизвестно даже, не представляет ли уровень двух морских поверхностей какой-либо разницы. Воды Понта Эвксинского, которые притекают ко входу, в Босфор, следуя вдоль берегов Турции, не могут все проникнуть в воронку пролива; образуется нечто в роде водоворота или противотечения, которое уносит жидкую массу вдоль берегов Анатолии: средняя скорость этого течения, которое заметно до Синопа, от 2 до 3 километров, даже до 4 километров против Инеболи. У подножия маяка этого порта были в первый раз констатированы правильные приливы и отливы в Черном море: на соседних берегах Босфора Видаль-Наке нашел, что два суточные колебания уровня вод изменяются от 9 до 12 сантиметров, смотря по состоянию ветра. Проникая в ручей Инеболи, приливная волна поднимается вверх по течению в виде очень энергичного маскарета до 2 километров расстояния от устья[1].

Озеро Исник или Никейское есть пресноводный бассейн, как и озеро Сабанджа, и также сообщается с морем посредством истока. На западе, Гемликский залив вдается далеко внутрь материка, как-бы для того, чтобы соединиться с озером Исник, которое, без сомнения, и само было морским заливом в предшествовавшую эпоху; расстояние от моря до озера всего только около 12 километров, а разность уровней не превышает 30 метров. На юго-западе другой озерный бассейн, сохранивший свое греческое имя Аполлония в форме Аболонта или Аболуния, занимает площадь, почти равную площади Никейского озера, и так же, как это последнее, имел, кажется, более обширное протяжение в эпоху, относительно недавнюю; берега озера Аполлония и недавно выступившие из-под воды острова усеяны раковинами столь же ярких цветов, как и раковины, покрывающие берега соседнего моря. Приток этого озерного бассейна соединяется с значительной рекой Сусурлю-чай, почти напротив впадения другого ручья, который приносит лишния воды озера Манияс, называвшагося в древности Милетополитес или Афанитес. Таких же размеров, как озеро Аполлония, резервуар Манияс находится равным образом на очень небольшом возвышении над уровнем моря[2]. Он заканчивает собой на западе цепь озер, которые следуют одно за другим параллельно южным берегам Мраморного моря, и которые, повидимому, составляют остатки древней Пропонтиды между Эгейским морем и Понтом Эвксинским. Из четырех больших озер этой цепи, озеро Аполлония наиболее утилизируется для целей судоходства; его прибрежные жители, греческой расы, плавают по водной площади в торговых барках, переходя из одной деревни в другую[3].

К западу от реки Сусурлю-чай и озера Манияс, маленький бассейн реки Коджа-чай, древнего Граника, отчасти питается водами Иды и отделяет массивы Троянской области от остальной Анатолии. Коджа-чай, так же, как соседния речки, бывает настоящей рекой только после сильных дождей или во время таяния снегов, но тогда опасно переправляться через нее, и её желтоватые воды распространяются далеко в Голубое море. Между этими потоками, которые являются попеременно то бешеными реками, то маленькими ручейками, змеящимися в песках, есть один, который поэмы Гомера прославили на вечные времена: это—Мендерех; но несмотря на такую славу этого потока, ученые до сих пор еще спорят по вопросу о том, следует ли отожествлять его с Симоисом или со Скамандром. По мнению большинства историков и археологов, Мендерех есть гомеровский Симоис; напротив, Шлиман, счастливый исследователь Гиссарликских руин, признает в нем, согласно этимологии нынешнего имени Ксанф, ту реку, «прекрасные воды которой, запруженные нагроможденными трупами, не могли более течь до божественного моря»[4]. Вид почвы доказывает, что Троянская

1 Vidal Naquet, рукописные заметки.
2 Чихачев, цитированное сочинение.
3 George Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure".
4 „Илиада", песнь XXI, 2.

равнина есть одна из областей Малой Азии, которые наиболее изменились с античных времен. Остов гор и холмов, закругляющихся амфитеатром вокруг равнин, по которым протекает Мендерех, мог подвергаться лишь незначительным переменам вследствие обвалов или размываний, но промежуточная равнина, некогда отчасти покрытая прудами, обсохла. Кордон дюн, красивая дуга которого соединяет холмы Эрен-кой с мысом Кум-кале или «замок Песков», защищал наполнение, которое производилось в равнине наносами реки Мендереха и других проточных вод. Извилистые потоки, проходящие по этому лабиринту болотистых лугов, не носят никаких судов, и Калафат, «местечко конопатчиков», где прежде строились суда, представляет теперь собрание хат, населенное земледельцами и затерянное среди земель. В настоящее время наносы реки Мендерех, увлекаемые в море, подхватываются течением Геллеспонта и уносятся далеко в Эгейское море; только часть ила отбрасывается на мыс Кум-Кале, крепость которого засыпана песком до самых зубцов стен[1]. Прежде река Бунарбаши, которую, по мнению большинства путешественников, следует считать Скамандром Гомера, соединялась с Мендерехом посредством болотистых водных площадей; но в виду того, что порог, разделявший бассейн Бунарбаши и покатость Безикской бухты, имел всего только несколько метров высоты, признали полезным прорыть там водосточный ров и таким образом отбросить воды в Тенедосское море. Вследствие этого, маленькая скалистая цепь Сигейского мыса, увенчанная могильными курганами, превратилась в остров. Глубокая траншея, открывающаяся около южной оконечности этой цепи, но на уровне более высоком, чем уровень нынешнего рва, доказывает, что уже в очень древнюю эпоху, быть может, даже в троянские века, занимались урегулированием распределения вод в этих плодоносных местностях.

Реки, изливающиеся с горы Иды и с соседних массивов в Эгейское море, не имеют достаточно обширного бассейна, чтобы давать сколько-нибудь значительный сток воды; но между этими потоками Тузла-су или «Соляная река», берущая начало на южном склоне горы Иды, отличается странной формой своей долины: вырывая себе рытвину в этих снеговых высотах, река течет параллельно берегу Эдремидского залива, чтобы броситься в Эгейское море севернее мыса Баба-Кале. Вместо того, чтобы прямо спуститься к соседнему морю, она остается отделенной от него стеной скал, вдоль подножия которой она течет на протяжении около 100 километров. При выходе долины, стены гор, белые с синими, красными и желтыми прожилками, везде раздроблены множеством ключей соленой воды; из почвы равнины повсюду пробиваются струйки, температура которых от 78 до 90 градусов по Цельзию, и которые соединяются в один горячий ручей, впадающий в реку Тузла-су. Из этих вод можно было бы извлекать огромное количество соли, но, по Чихачеву, годовая добыча этого минерала едва достигает там 18 или 20 тонн.

Три реки, Мадара-чай, Ходжа-чай, Бакир-чай, следуют одна за другой в южном направлении; но первая река этой покатости, несущая обильные воды, есть Гедиз-чай, древний Гермус или Гермос, который делает плодоносными лидийские равнины. Зарождаясь близ города Гедиз, который дает ей свое имя, эта река уходит из гор рядом ущелий, затем извивается длинными излучинами в Сардской равнине, некогда озерной. Маленькое солоноватое озеро Мермере, наполняющее котловину гор, на севере этой равнины, и которое, вследствие испарения, постепенно понизилось до уровня, едва превышающего морской уровень, есть, может быть, остаток внутреннего моря, которое занимало Лидийскую равнину и которое ушло через Менеменский дефилей между Сипилосом и Гассан-дагом. У выхода этих ущелий, Гедиз-чай, несущая в своих водах массу землистых частиц, не переставала увеличивать материк на счет залива; все пространство, в несколько сот квадр. километров, которое простирается к югу от Менемена, между западными мысами Сипилоса и Фокейскими горами, есть завоевание реки, представляющей попеременно засеянное хлебом поле и обширную водную площадь во время разлива. Маленькие пригорки, бывшие прежде островами, теперь соединены с твердой землей. Плиний указывает на мыс Левке, как на землю, отвоеванную

1 Emile Burnouf, „Archives des Missions Scientifiques“. tome VII.

таким образом у вод, и этот мыс, известный у турок под именем Трес-Тепе, находится в наши дни в 4 слишком километрах от внешнего берега, отделенного от Смирнского залива рыболовными лагунами.

Разделенный на несколько рукавов, Гедиз-чай продолжает отодвигать море на всей окружности своей дельты, но весьма неравномерно, смотря по направлению главных течений. Прежде он изливался главным образом в сторону запада к холмам Фокеи; в настоящее время устья дельты выдвигаются на юг, как бы для того, чтобы загородить вход в Смирнский порт. В период разливов море делается мутно-желтым на большое расстояние от устья реки. С восточной стороны, во всем порте, вода утратила свою прозрачность; только в редких случаях, от действия течений и при благоприятных метеорологических обстоятельствах, она принимает такой же вид, как воды в открытом пространстве Эгейского моря; восточная часть залива приняла вид озера, и если не будут предприняты своевременно работы, для защиты порта от речных наносов, он отделится от моря и сделается совершенно обособленной водной площадью. Это лишь вопрос годов, и уже можно вычислить с точностью эпоху, когда пролив должен закрыться. Перед главным устьем Гедиз-чая корабли находят еще отверстие в 2 слишком километра, где глубина варьирует от 20 до 40 метров, но на востоке фарватер, съуженный между укрепленным мысом южного берега и песчаной отмелью северных плоских берегов, имеет всего только 43 метра в ширину, а глубина его, около 10 метров, уменьшается ежегодно от 2 до 3 сантиметров. Бури иногда вдруг углубляли проход, но после этих внезапных углублений медленный процесс обмеления возобновляется, и дно снова повышается. По вычислениям инженеров, глубина фарватера уменьшится до 12 метров к 2000 году; большое судоходство со Смирнским портом сделается очень затруднительным, даже невозможным, если до того времени не восстановят на нижнем Гермусе его прежнее течение к Фокее, так, чтобы отбросить речные наносы во внешний залив[1].

Южные реки покатости Эгейского моря тоже принадлежат к числу потоков-«тружеников», которые завоевали обширные пространства у моря, чему помогало, может быть, постепенное поднятие морского прибрежья. В то время как Гедиз-чай угрожает только Смирнскому порту, Кайстр или Кучук-Мендерех, то-есть «Малый Меандр», древняя «Лебединая река», давно уже засыпал илом порты Эфеса, а Большой Меандр превратил во внутреннее озеро Милетский порт. Ни в какой другой части света работа засыпания речными наносами не совершается с такой быстротой, если принять во внимание незначительный сток этих речек, которые нельзя сравнивать с большими реками, каковы Нил, Рона или По. Так, хотя общая длина течения Малого Меандра, со всеми извилинами, не более 125 километров, а площадь его бассейна всего только 3.000 квадр. километров, хотя годовое количество выпадающей дождевой воды там, в среднем, на одну пятую менее, чем на французской территории[2], однако, эта река наполнила своими наносами порты Эфеса, засыпала илом лиман, который, по свидетельству историка Льва Диакона, существовал еще в двенадцатом столетии христианской эры, и выдвинула берег на 8 километров в море. Такия значительные перемены заставляют предполагать, что колебания уровня почвы также участвовали в перемещении морского прибрежья. Точные нивеллировки, производимые в подземных постройках гидравлических сооружений древнего Эфеса, позволят разрешить эту проблему физиографии.

Буюк-Мендерех или «Большой Меандр» есть, в самом деле, одна из полноводнейших рек Анатолии; между её истоками и устьем развернутая длина течения около 380 километров, и некоторые из притоков Меандра имеют не менее 100 километров протяжения; взятый в целом, бассейн занимает площадь около 23.900 квадр. километров, что дает возможность исчислять нормальный сток реки в 200 слишом кубич. метров в секунду, на основании среднего количества дождей, выпадающих в этой стране. Меандр берет начало на плоскогорье, вытекая из маленького озера Гойран, почти на высоте 1.000 метров над уровнем моря. Вскоре

1 Abrami, рукописные заметки.

2 Julius Hann, „Handbuch der Klimatologie“

по выходе из озерного бассейна, он исчезает в расселине известняковой скалы, чтобы выйти на поверхность к востоку от Динейра, затем еще раз скрывается под землей, после чего вторично появляется подле самого города. У подошвы только-что пройденных им скал Меандр вступает в обширную равнину, бывшую некогда озером, и хотя течет на поверхности земли, перестает быть видимым, скрываемый чащами камышей, которые окаймляют его на расстоянии целых километров: эти тростники, среди которых извивается скрытый от взоров Меандр, те самые, которые легенда изображает нам наклоняющимися от берегового ветра, чтобы повторять без конца свою однообразную песню о позоре царя Мидаса. По выходе из этой равнины, Меандр, удвоенный в объеме присоединением к нему другой реки, Банас-чай, пробирается узкими горными теснинами, затем вступает в великолепные равнины, которые, за исключением нескольких коротких каменистых пространств, продолжаются до самого моря; в этом месте он, кажется, имеет уже весь свой объем; в время разлива, это настоящая большая река, подмывающая свои берега, открывающая себе новые русла, образующая или разрушающая острова. Другая река, повидимому, едва уступающая ему по величине, Чорук-су, древний Ликус, идет ему на встречу и смешивает свое течение с его водами; водные площади, происходящие от боковых инфильтраций, распространяются далеко по равнине и придают реке в иных местах вид обширного болота. Инкрустирующие источники сотнями бьют из земли на берегах Ликуса и вливают в его русло свою воду молочно-белого цвета. Кажется, что во времена Геродота слепки, образуемые на обоих берегах этими известковыми водами, соединялись так, что простирались в виде свода над рекой; поток исчезал на пространстве пяти стадий, то-есть около километра. Теперь этот туннель уже не существует, но и до сих пор можно еще признать нависшие стены, припаянные осадками к скале. Ак-су или «Белая вода», облепляющая и превращающая в камень река, которая наиболее способствовала образованию свода, переместилась к верховью, известковый свод обвалился, и Ликус снова течет под открытым небом. В короткое время колеса мельниц, отстроенных на берегу реки Ак-су, исчезают под облепляющим их каменным кругом, а деревья, на которые падает её вода, скоро превращаются в скалы[1].

Гора, господствующая над слиянием Меандра и Чорук-су, опоясана при основании, на протяжении нескольких километров, правильной двух-этажной террасой, высота которой над равниной около 90 километров; эта терраса, где видны, на тридцать километров кругом, блистающие на солнце белые потоки, точно молочные каскады, была вся целиком образована слепками окаменяющихся источников: большинство путешественников дают ей название Памбук-Кале (или Памбук-Калесси), «Хлопковый замок», без сомнения, по причине беловатых куч, отложенных водами; однако, местные жители ясно называют его Тамбук[2]: это Гиераполис (священный город) греков. С верхнего этажа, окаймляющего гору, в виде площади, шириной от пятисот до шестисот метров, бьют из земли наиболее многочисленные и наиболее обильные термальные источники; в одних температура воды 60 градусов, в других 50 или даже только 40 или 36; все они имеют вкус слегка кисловатый и железистый, все выделяют угольную кислоту. Почва покрыта слоями бугорчатого травертина, отложенными этими источниками; повсюду видны следы прежних русл, покинутых вследствие перемещения источников, которые, повысив свои верхния закраины и берега своих каналов истечения, открыли себе выход ниже. Горячие ручейки, которые не могли найти себе выхода через какую-нибудь боковую трещину, не переставали подниматься над плоскогорьем и текут в верхнем желобе высокой стены, которую отложения очень обильного потока окаймили сталактитами. Одна из этих слепленных из отложений извести стен, пробитая у основания ручьем недавнего происхождения, сохранила только свой верхний слой, представляющий естественный пролет, обшитый, словно бахромой, навесами свода, которые походят на льдины замерзших каскадов. Эти явления «преобразования воды в камень» живо поражали древних. Страбон говорит, что вода Гиераполиса так быстро переходит в твердое состояние, что

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

2 Fellows;—Ernest Renan.

если ее отвести в канал, то этот канал тотчас же превращается в монолитовую стену. По словам Витрувия, тамошние жители этим способом возводили заборы вокруг своих полей. Во времена Страбона, в окрестностях Гиераполиса существовала пещера, откуда выделялся углекислый газ, смертельный для всякого, кто им дышал. Новейшие исследователи тщетно искали этой наполненной газом пещеры[1].

Но древние писатели ничего не говорят об истинном чуде Тамбука. Вся окружность верхней террасы исчерчена каскадами, и даже там, где воды уже не льются более скатертью или ракетами, соседния стены, образовавшиеся из сростков извести, которые были отложены другими ручьями в их бегстве, кажутся и сами настоящими водопадами: перед этими массами молочно-белого цвета, ступеньки которых поднимаются одна за другой по склону горы, стоишь точно перед каким-то замерзшим потоком: кажется, что Ниагара остановилась и застыла. Из шести больших каменных водопадов один в особенности поражает зрителя своими громадными размерами: это южный утес, расположенный непосредственно под руинами античного Гиераполиса. Известковые инкрустации, отложенные фонтанами Тамбука, принадлежат к числу удивительнейших образований нашей земли; нигде медленная и непрерывная работа капли воды не является в более грандиозном виде. В котловине верхней террасы, у подножия длинных скатов горы, несколько источников соединяются в небольшой пруд глубиной слишком 3 метра, усеянный разбитыми карнизами и колоннами из белого мрамора, обломками обрушившагося портика. Термальный ручей, вытекающий из пруда, перерезывает плато и проникает под своды дворца или гимназии, стены которых он покрыл слоем известковой накипи толщиной около 5 метров, затем соединяется с другим нормальным ручейком и льется со ступеньки на ступеньку на закраину утеса. Количество ниспадающей воды незначительно, но, глядя снизу, подумаешь, что этот каскад, скатерти которого сливаются с его каменным ложем, водопад какой-то исполинской речки; зимой, весной и даже летом по утрам пары, поднимающиеся с теплой воды и носящиеся в атмосфере, еще более увеличивают иллюзию: сквозь эту легкую дымку пара кажется, что видишь падение бурного потока. Когда, приближаясь к утесу, который развертывается обширным кругом около полкилометра в окружности, убеждаешься, что падает только тонкая прозрачная скатерть воды, невольно сравниваешь тогда бугорчатые пласты ослепительной скалы с обвалом ледника. Как лед Альп, травертин Гиераполиса примешивает к своей белизне прекрасные оттенки нежно-голубого цвета; кроме того, там и сям он отливает розовым и зеленым цветами, как алебастры и мраморы. Грандиозный в своих размерах, этот амфитеатр прелестен в деталях своих белых или слабо-окрашенных скал; ниспадая, вода, постепенно охлаждающаяся, разливается маленькими волнами, из которых последняя останавливается, отлагая известковый рубец или ободок; таким образом каждый уступ состоит из водоемов с круглой верхней закраиной, под которыми следуют один за другим новые бассейны в форме кропильницы. Вода спускается со ступени на ступень, словно по колоссальной «лестнице Нептуна». Но в своем течении она повсюду окаймляет и украшает узорами поверхность камня; нет уголка скалы, который она не изваяла бы причудливыми арабесками.

Ниже ручьев, которые приносят ему инкрустирующие воды Тамбука и соседних высот, Меандр извивается в своей широкой равнине, образуя те изгибы и повороты, которым дали его имя (меандр значит излучина). Правда, что этот поток спускается «излучинами» до самого моря и, кажется, много раз, описав дугу, опять возвращается на то же место; но в этом отношении малоазийская река далеко уступает некоторым другим рекам: он не описывает завитков, подобных завиткам Лота, Сены и Шьера, он не имеет бухт и бухточек, как заливы Миссисипи, у которого дуга низовья приближается к кривой верховья и наконец соединяется с ней. В целом, течение Меандра имеет лишь местные извилины и вовсе не представляет больших уклонений от общего направления, подобных изгибам Кизыл-Ирмака и Сакарии, к которым с гораздо большим правом можно было бы применить то, что греческие географы говорили некогда о Меандре, что «он течет, поднимаясь обратно к своему собствен-

1 P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“.

ному истоку».

Особенно замечателен Меандр, как река-«работница». Геологическая работа, совершенная им в последние двадцать три столетия, так велика, что в этом отношении с ним не может сравниться никакой другой поток того же объема, и нет ничего удивительного, что для объяснения этой громадной работы ученые должны были прибегнуть к гипотезе поднятия почвы,—гипотезе, которая, впрочем, до сих пор еще не подтверждена непосредственными наблюдениями. Существовавший в древности Латмийский залив, на берегу которого находился приморский город Милет, и который простирался на север до подошвы холма, где стоял храм богини Приены, перестал быть заливом; от него осталось только озеро, Капикерен-Денизи или Акис-чай, западный берег которого отстоит от моря в 17 километрах по прямой линии[1]. Бывший остров Ладе, к западу от Милета и к северу от нынешнего течения Меандра, теперь не более, как выступ материка среди внутренних болот. Поверхность пространства, завоеванного рекой в течение двадцати трех веков, может быть исчислена в 325 квадр. километров; средним числом, речной «нос» выдвигался вперед на десять метров в год. Допуская, что во всей этой области новых отложений море имело глубину только в 20 метров, следовательно, гораздо меньшую, чем глубина других пространств в заливах Малой Азии, и давая десять метров среднего возвышения наносам Меандра,—повышаемым каждым последовательным наводнением, соразмерно удлиннению дельты,—общее количество земель, отложенных рекой в эти две тысячи триста лет, было бы около десяти миллиардов кубических метров, что составит 500 кубич. метров в сутки. Пропорция эта не представляет чего-либо чрезвычайного, так как, например, Брента, порядок течения которой был изучен с наибольшей тщательностью, отлагает каждый день в лагуну Киоджиа массу грязи в восемь раз большую, хотя по количеству катимой воды итальянская река уступает Меандру. Но вероятно, что масса, отложенная этой азиатской рекой, много превышает предполагаемую толщину в 30 метров, потому что, по Чихачеву, уровень озера Акис-чай, постоянно поднимаемый увеличивающимся порогом из речных наносов, находится на 29 метров выше уровня моря. Как бы то ни было, дельта Меандра есть одна из тех, где соединились все элементы, чтобы возбуждать удивление грандиозностью совершившихся геологических преобразований: здесь мы видим заливы, занесенные песком, острова, соединившиеся с материком, города, погребенные под слоем ила. С высоты вершин, господствующих над равниной, и особенно с пиков Самсун-дага, поднимающихся непосредственно на севере от морского прибрежья, можно обозревать расстилающуюся под ногами и теряющуюся в отдаленной перспективе всю область дельты, с извилинами нынешнего Меандра, бесчисленные пересекающиеся русла ложных рек или «старых Меандров», губы устья, далеко выдвинутые в море, окрашенное до самого горизонта в желтый цвет мутными водами реки, правильные кривые береговых кордонов, прерываемых через известные промежутки рыболовными протоками, и, внутри, земель, концентрические дюны прежних берегов, последовательно покинутых водами моря с распространением речных наносов. Белая линия у подошвы зеленой горки указывает местоположение Палатии, составляющей все, что осталось от славного города Милета.

На покатости Малой Азии, обращенной к югу, первое озеро, лишния воды которого изливаются в Средиземное море, есть, повидимому, как и Акис-чай, половина бывшего морского залива, замкнутого недавними речными наносами и постепенно возвышенного порогом, который образовался в низовье: это—Кеджез-лиман, лежащий теперь, по Чихачеву, на 29 метров выше уровня моря. Подобно бассейну Акис-чай, озеро Кеджез-лиман, постепенно обновляемое реками, наполнено чуть солоноватой водой. Никакое историческое свидетельство не говорит об отделении лимана Кеджез от открытого моря; даже во времена Страбона, Каунус занимал часть порога, ограничивающего озеро с южной стороны: следовательно, прошло уже, по крайней мере, восемнадцать или девятнадцать веков с тех пор, как бывший залив превратился в озеро; но очертание морского прибрежья изменилось, так как город, стоявший тогда на самом берегу моря, теперь удален от него на 8 километров. Недалеко от-

1 P. de Tchihatcheff, „Asie Mineure“;—Olivier Rayet, „Milet et le golfe Latmique“.

туда, близ Макри, есть очевидное доказательство колебаний почвы прибрежья. Один саркофаг, построенный на сухом берегу, покрыт серпулами и источен морскими животными до трети его высоты: следовательно, он когда-то погружался в воду и теперь опять находится на твердой земле. На прибрежье Малой Азии берега Лидии—единственные, где кораллы, принадлежащие к виду *cladaeora caespitosa*, строят обширные рифы; красный коралл родится также на дне моря, но ветви его слишком малы, чтобы стоило труда ловить его[1].

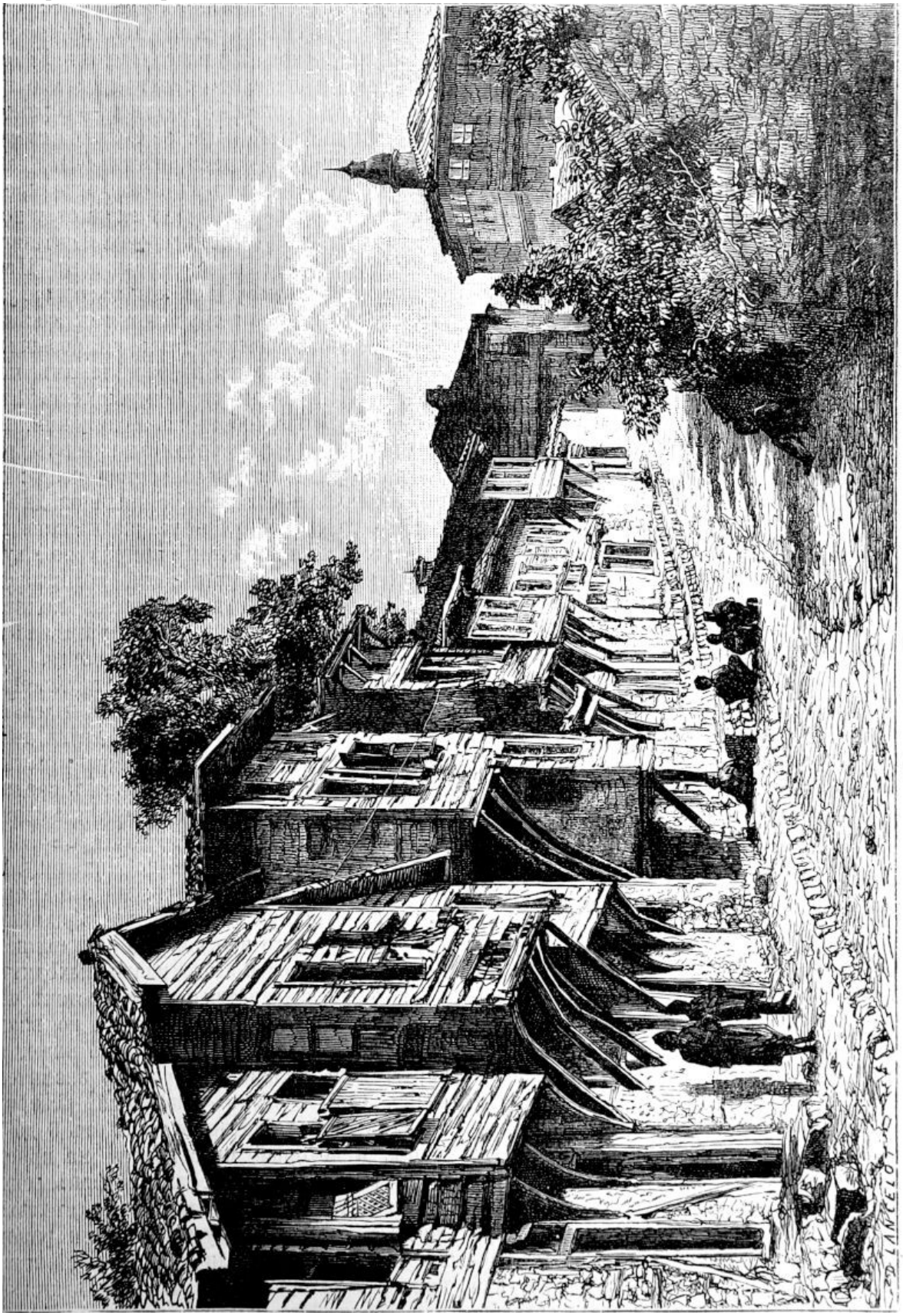
На юго-западном берегу Ликии порт Патара тоже сделался озером или, лучше сказать, болотом; но гораздо более значительная геологическая перемена совершилась в Памфилии, на северном прибрежье залива Адалия. Там во времена Страбона простиралось «очень обширное» озеро Каприя, замещенное теперь сырыми землями, в иных местах болотистыми, в других поросшими кустарником; лагуны гниющей воды наполняют низины, отделенные от моря желтым песчаным берегом, осененным приморскими соснами. Чихачев исчисляет в 400 квадратн. километров поверхность озерного бассейна Памфилии, составляющего в настоящее время часть твердой земли. Но не одни только наносы рек заполнили древний резервуар: бесчисленные источники, насыщенные известью, как, например, Тамбукские ключи, отлагали этот минерал в виде коры на почве так быстро, что трава и листья уже окаменели, не утратив своего цвета; в некоторых местах вода даже вытекает через береговые утесы прямо в море, и огромные сталактиты висят над самыми волнами[2]. Близ Адалии видно явственно, что фронт береговых утесов выдвинулся по крайней мере на 300 метров, благодаря этим непрерывным наносам. Реки, покрывшие страну слоями травертина, беспрестанно меняют свое течение: поднимая мало-по-малу свои каменные ложа над окружающей равниной, они кончают тем, что текут в высоких водопроводах; рано или поздно берега подаются в каком-нибудь слабом пункте, и поток устремляется через боковую брешь, чтобы образовать себе другое русло. В других местах проточные воды исчезают в пористой почве, под естественными аркадами. Из века в век гидрографическое разветвление совершенно изменяется: этим и объясняется тот факт, что географы тщетно старались согласить тексты древних авторов с настоящим положением дел. Катарактес, о котором Страбон говорит как о большой реке, низвергающейся с шумом с очень высокой скалы[3], перестал существовать и, вероятно, разделился на многочисленные ветви, поверхностные или подземные. Фонтаны пресной воды, которые бьют среди моря, явственно видны с высоты берегового утеса, благодаря различному преломлению света в двух средах[4].

Ак-су, то-есть «Белая река», которая служит водостоком для западных равнин каменистого бассейна, берет начало в горах к западу от озера Эгердир, которое, быть может, выливает под землей свой излишек через эту реку, чем можно было бы объяснить тот факт, что вода в этом бассейне не солена, как почти во всех других замкнутых резервуарах. Озеро Эгердир, вероятно—самое значительное во всей Малой Азии: хотя оно не занимает столь обширной площади, как большое Соляное озеро в Ликаонии, но зато превосходит последнее глубиной. Озерная впадина Эгердир, представляющая овал, который продолжается с севера на юг и делится поперечной цепью гор на две полости, походит в южной своей части на альпийское озеро: крутые горные склоны с лесистыми террасами господствуют над его берегами; маленькие острова, где блестят белые домики между группами тополей, весело отражаются в голубой поверхности вод; на каждом шагу бесконечное разнообразие зубчатого берега изменяет пейзаж. Два озера, Бульдур и Чурук-су, лежащие западнее, на слегка волнистом плато, отличаются от Эгердира. Окруженные низменными берегами, которые попеременно то покрываются водой, то снова открываются, эти бассейны имеют вид болот на большей части своего протяжения. Вода в Бульдуре желтоватая, а в Чурук-су содержит в растворе серно-кислую магнезию (горькая или английская соль) и сернокислый натр (глауберова соль),

1 Spratt and Forbes, „Travels in Lycia, Milyas and the Cibyratis“.
2 Beaufort, „Caramania“.
3 Книга XIV, глава IV.
4 Fellows, „Travels in Lycia“.

в соединении с морской солью; летом, вода сбывает, оставляя на берегах эти минеральные вещества, кристаллизующиеся твердыми плитами.

Озеро Бейшехр-гель, хотя оно находится очень близко от скатов, наклоненных на юге к



Видъ въ Скутари.

заливу Адалия, занимает место в числе озер, принадлежащих к системе замкнутых бассейнов Анатолии. Этот резервуар, называемый также озером Керели—имя, едва отличающееся от древнего греческого наименования Каралитис,—гораздо менее обширно, чем большое Со-

ляное озеро; но, быть может, его водная масса более значительна по объему, так как он представляет несколько глубоких впадин у подошвы скалистых откосов своего западного берега; на юге белые вершины гор Писидии отражаются в голубых водах озера. Многочисленные потоки спускаются с соседних высот в Бейшехр-гель; но большинство источников теряются в расселинах почвы, прежде чем достигнуть озера; бассейн питается главным образом родниками, выходящими из озерной впадины или из расселин скал, омываемых водами озера: пузыри, поднимающиеся из бьющих на дне ключей через спокойную воду, указывают место истечения; но прибрежные жители не съумели перехватить эти чистые воды, которые теряются в безвкусной и нездоровой воде Бейшехр-геля. Летом туземцы не имеют другого питья, кроме воды колодцев, вырытых в соседстве берега и очень удаленных один от другого; иногда толпы людей и животных оспаривают друг у друга доступ к этим колодцам, влага которых так драгоценна, как будто она вытекает среди безводной пустыни, хотя неподалеку простирается целое море пресной воды.

Высота Бейшехр-геля, по Чихачеву, 1.151 метр над уровнем моря; но это озеро занимает не самую глубокую часть замкнутого бассейна южного плоскогорья Ликаонии. Из южной оконечности этого плато выходит река, которая спускается на юго-восток через ущелье между скал и теряется во впадине, лежащей метров на пятнадцать ниже, и которую еще недавно наполняло значительное озеро, Соглу: этот обширный резервуар, средняя глубина которого была от 6 до 7 метров, и который простирался на пространстве около 175 квадр. километров, опорожнился около половины настоящего столетия; но почва еще усеяна двустворчатыми раковинами, и местные жители долго сохраняли запас карпов, который дала им последняя обильная ловля. Это быстрое исчезновение озера, содержавшего слишком миллиард кубич. метров, невозможно было бы объяснить перевесом испарения над притоком воды; весьма вероятно, что обломки, загромождавшие подземные галлереи, были расчищены глубокими водами, и эти последние вылились в море. Этому-то скрытому, подземному истечению два названные бассейна, Бейшехр и Соглу, и были обязаны тем, что воды их не насытились солью, как воды большинства замкнутых озер Малой Азии. Аллювиальные земли, отложенные речками и ручьями, были преобразованы земледельцами в плодородные поля. По Гамильтону, появление и исчезновение озера Соглу представляют периодические явления, правильно чередующиеся через промежутки времени от десяти до двенадцати лет. Согласно искони установившемуся обычаю, получившему силу закона, крестьяне делаются собственниками выходящей из воды почвы, под условием оставления в пользу казны половины первой жатвы; в следующие же годы они должны платить только десятину, то-есть десятую часть собираемых плодов[1]. Небольшие озера Ликии, в бассейне Эльмалу и соседних равнинах, имеют порядок истечения, подобный тому, какой представляет Бейшехр: они также изливают свой излишек вод через подземные галлереи, вырытые в известковых скалах. Озеро Авлан-Оглу, к югу от Эльмалу, принимает в себя быструю реку, имеющую около десяти метров в ширину и до 2 метров глубины, и исток его низвергается с шумом в пещеру. Обильные источники, снова выходящие на поверхность земли близ деревни Финека, недалеко от морского берега,—не что иное, как воды Авлан-Оглу[2]. Естественные водоспуски или «катавотры» этой изобилующей трещинами области известны под именем *дуден*. По существующему в крае преданию, сообщаемому Гамильтоном, долина, которую ныне покрывают воды озера Эгердир, была совершенно сухая восемьсот лет тому назад, и образование озера произошло, будто-бы, вследствие завала подземной галлереи.

К востоку от понижения Ликаонии, некоторые озерные бассейны, теперь замкнутые, кажется, изливались некогда в Средиземное море. К числу этих озер принадлежат Кара-Бунар или «Черный фонтан», который окружен вулканическими конусами и потоками лавы; летом крестьяне окрестных селений ломают соль в некоторых из окаймляющих его соляных бассейнов, и каждую зиму образуется новая кора. К югу оттуда, озеро Эрегли есть скорее затоп-

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

2 Ch. Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

ленная разливами водная площадь, продолжающаяся на сотню верст параллельно северному основанию Булгар-дага; это обширное болото усеяно прудами, из которых иные всегда остаются солеными, другие же зимой наполняются через маленькие притоки пресной водой, но летом опять делаются немного солоноватыми. Озеро Эрегли еще продолжает быть притоком Средиземного моря через ручей, который изливается на юге в мраморный бассейн, лежащий метров на десять ниже озерного резервуара. Неизвестно, где опять выходит наружу этот поток на противуположной покатости гор, хотя он уносит весьма значительную по объему жидкую массу, особенно весной, в период таяния снегов: тогда два озера, Эрегли и Кара-Бунар, так же, как все болота низменной равнины, превращаются в обширное внутреннее море, шириной около 150 километров, которое простирается на запад до самых ворот города Коние. Между источниками, питающими бассейн Эрегли, группа термальных источников приметна издали по конусам, которые образует вытекающая вода, отлагая вокруг отверстия содержимые в растворе минеральные вещества. Так же, как в Тамбуке, постоянно наростающий камень в конце концов залепляет выходы, и бьющая из земли вода, отыскивая новые отверстия, воздвигает горку за горкой: плато постепенно возрастает, сохраняя однообразную высоту. Ключи эти, хотя все они, повидимому, принадлежат к одному и тому же подземному озеру, разнятся между собой температурой и составом воды: одни из них имеют слишком 50 градусов по Цельзию, в других, напротив, вода почти холодная. Тогда как вода одного бассейна отлагает морскую соль, вода другого приносит серу, и большинство окружают свое отверстие гипсовым ободком; один источник образует ручеек чистой воды. Камнистое вещество, содержащееся в растворе в воде фонтанов озера Эрегли, так обильно, что пузыри газа, приходя в прикосновение с атмосферным воздухом, тотчас же превращаются в раковины бесконечно малой тонины, которые, теснясь одна к другой, постепенно складываются в компактную массу, имеющую строение оолита (икряного камня)[1].

В древние времена, Кестрос, по-нынешнему Ак-су (Белая вода) и соседняя река, Кепросу или Эвримедон, были судоходны при устьях; теперь они закрыты для барок, тогда как Мелас, называемый ныне Манавгат, носит парусные суда, хотя греческие и римские писатели не упоминают о нем, как о реке, доступной судам. Что касается самой полноводной реки всего этого прибрежья, на западе Полевой Киликии, Каликадна, по-нынешнему Эрмерек-су (иначе Гек-су), то течение её слишком стремительно, чтобы она могла когда-либо быть судоходной, что бы ни говорил Аммиан Марцелин, единственный из древних авторов, приписывавший ей это свойство. Восточнее, в собственной Киликии, Тарсус-чай или «река Тарс»—незначительный поток, а между тем это—река, пользовавшаяся большой известностью в древности под именем Кидна. Исток её один из самых обильных в Малой Азии. Со стены наклонной скалы, сплошь изрытой трещинами и расселинами, льются бесчисленные струйки, которые соединяются в одном бассейне, откуда река, уже непроходимая в брод, бежит бешеными прыжками через обвалившиеся каменные глыбы и затем исчезает в глубоком ущелье. Величественные кедры, имеющие по крайней мере 7 аршин в обхвате, могучие дубы, платаны, обвитые плющем и хмелем, осеняют исток своей густой листвой. Спускаясь красивыми каскадами в равнину Тарса, «хладноводный» Кидн орошает поля и сады; затем, разливаясь в виде болот, заменивших прежнее озеро, впадает в море на небольшом расстоянии к востоку от устья Сейгуна. Подобно многим другим потокам Малой Азии, Кидн часто менял русло: некогда он проходил через город Тарс, с конца же шестнадцатого столетия течет на востоке от его стен[2].

Но блуждающими реками по преимуществу можно назвать две реки восточной Киликии, Сар и Пирам, которые турки и арабы называют Сейгун (Сигун, Сиган, Саран) и Джигун (Джиган), или в память двух больших рек того же имени в Туркестане, более известных ныне под названием Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, или намекая на два потока мифического рая. Сар—самая полноводная и самая длинная из этих двух рек. Она берет начало около середи-

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

2 Чихачев, цитированное сочинение;—Kotschy, „Reise in den Cilicischen Taurus“.

ны полуостровного основания, к северо-востоку от Аргейской горы, в горных цепях, господствующих с южной стороны над долиной верхнего Кизыл-Ирмака, и принимает в себя воды, которые текут в параллельных понижениях Анти-Тавра и уходят из гористой области глубокими ущельями, поражающими своим грандиозным видом; на западе другие потоки спускаются с центрального плоскогорья к Сару, перейдя перед тем Тавр ущельями, еще более трудно доступными, чем Киликийские Ворота. Джигун или Пирам берет начало в водораздельной области, по другую сторону которой течет Евфрат; но до настоящей минуты Страбон остается единственным путешественником, который описывает исток этой реки, как «глубокую пропасть, откуда вода вдруг вырывается столь могучим потоком, что дротик лишь с трудом пронзает его». Страбон же говорит, притом в выражениях, отличающихся редкой точностью, об ущелье, которым Пирам выходит из области гор: «Выступы одной стены как раз соответствуют входящим углам другой, так что, будучи сближены, обе стены плотно пришлись бы одна к другой; около середины ущелья расселина дотого съуживается, что собака или заяц могли бы перескочить ее одним прыжком»[1]. Пирам соединяет в своем нижнем русле потоки всего гористого округа, простирающагося на восток от Анти-Тавра; но эти высоты, менее выставленные дождевым ветрам, чем возвышенности западной Киликии, получают меньшее количество воды; оттого Джигун, хотя бассейн его обширнее бассейна Сейгуна, много уступает последнему по среднему количеству катимой воды. По исследованиям инженеров, делавших разведки для проектированной железной дороги между Мерсиной и Аданой, оказалось, что средний сток его составляет почти только треть стока Сейгуна. Вот точные числа, относящиеся к рекам Киликии:

	Длина течения, кил.	Площадь бассейна, кв. километр.	Средний сток в секунду, куб. метров.
Кидн (Тарсус-чай)	130	1.400	20
Сар (Сейгун)	450	22.400	250
Пирам (Джигун)	450	24.150	95

Однако, Джигун судоходен в нижней части своего течения; по Энсворту, барка могла бы подняться по реке слишком на сто километров от устья.

С начала исторической эры эти две реки не переставали блуждать в аллювиальных равнинах, образованных их отложениями на запад Александретского залива. В настоящее время устья Сара и Пирама отстоят одно от другого по прямой линии на 72 километра; но из старинных документов видно, что часто их потоки бывали соединены одним общим устьем. В последние двадцать три столетия произошло семь больших перемен течения: три раза реки совмещались в одном русле и четыре раза разделялись[2]; незначительного бокового прореза было бы достаточно соединить их опять. Блуждая таким образом по равнине, они не переставали прибавлять новые земли к материку. «Равнина турок», Чукур-ова, и наибольшая часть пространства, продолжающаяся от Тарса до Сиса, у восточного основания Тавра, на расстоянии слишком 100 километров, есть их «дар». Мыс Кара-Таш или «Черный камень», который служит южной опорной точкой наносимым речным осадкам, есть бывший остров, соединенный ныне с твердой землей; одно предсказание, сообщаемое Страбоном, говорит, что «настанет день, когда среброводный Пирам достигнет священных берегов Кипра». Покрытые илом пространства, окаймляющие устья обеих рек, представляют еще неопределенную область, нечто среднее между морем и землей; флора и фауна напоминают недавнее пребывание морской волны; воды наполнены рыбами, беспрестанные движения которых обнаруживаются содроганиями жидкой поверхности; мириады разной водяной птицы—пеликанов, лебедей, гусей и уток—покрывают песчаные отмели, и огромные черепахи медленно двигаются в иле[3].

1 Книга XII, глава 4, издание Амедея Тардье.

2 Чихачев цитированное сочинение;—V. Langlois, „Voyage dans la Cilicie“.

3 Fr. Beaufort, „Caramania“;—Burckhardt, Barker, „Lares and Penates“.

Разсматриваемая в целом, Малая Азия имеет более холодный климат, нежели полуострова Европы под той же широтой, и температуры там отличаются большими крайностями. Контраст этот легко объясняется: в то время, как Испания, Италия, Фракия и Греция защищены от полярных ветров Пиренеями, Альпами, Балканами, Анатолия отчасти выставлена этим холодным воздушным токам, не встречающим никакой преграды при движении через равнины России и поверхность Черного моря. Та самая часть морского прибрежья Малой Азии, которая омывается водами Понта Эвксинского, представляет поразительный пример перемены, какую защита, оказываемая цепью гор, производит в климате. Так, западная зона берега, заключенного между Константинополем и Синопом, выставлена суровым зимним холодам и сильным летним жарам; но на востоке «византийский» климат изменяется, по мере того, как к северо-востоку, по ту сторону Черного моря, высокий горный вал Кавказа поднимается непереходимой стеной между полярными воздушными течениями и анатолийским прибрежьем: разности средней температуры зимы и лета уменьшаются; деревья, не могущие расти на негостеприимном западном прибрежье, с успехом произрастают на берегу восточных бухточек, в теплом «трапезондском» климате; масличное, затем померанцевое деревья появляются вокруг городов и деревень, и великолепные южные сосны или италийские кедры (pinus pinea) растут в диком состоянии по склонам холмов. Долина Чорука, по мнению ботаника Коха, должна считаться родиной этого дерева, характеризующего средиземную растительную область[1].

Западные берега Малой Азии, омываемые водами Эгейского моря, пересекаются изотермами, немного косвенными к градусам широты: в среднем, на ионийском прибрежье немного холоднее, чем в портах, лежащих напротив, на берегах Греции. Колебания климата там также вообще более внезапны и более неравномерны, чем по другую сторону архипелага. Острова, рассеянные перед прибрежьем, и многочисленные вырезки твердой земли видоизменяют до бесконечности нормальный порядок ветров; местные собирательные фокусы разделяют атмосферные потоки на тысячи особых струй; каждый мыс, каждый пролив имеет свой специальный ветер, внушающий опасение морякам; при входе каждого залива установляется столкновение между воздушными токами различной температуры, спускающимися с гор и поднимающимися с моря. Шквалы, внезапные порывы ветра делают некоторые воды совершенно несудоходными в зимнее время. Эти неравенства температуры, эти холода, чередующиеся с жарой, не позволяют растительности принять субтропический характер. Пальмы chamaerops, финиковые деревья не принадлежат к самобытной флоре Малой Азии. Направляясь к югу вдоль берегов Анатолии, первые группы пальм встречаешь на острове Патмосе, называемом по этой причине Пальмозой в некоторых портуланах (описания морских берегов и гаваней).

Южный пояс Малой Азии, хорошо защищенный различными массивами Тавра, пользуется, конечно, гораздо более теплым климатом, чем остальной полуостров: при равном расстоянии, мало найдется стран, где бы разность в средней температуре была так велика, как между берегом Тарса и берегом Синопа; между черноморским прибрежьем и берегами Кипрского моря Анатолия представляет ширину около пяти градусов широты, но разности годовой температуры достигают там семи градусов по Цельзию. Самое приятное время года на берегах Киликии—это два последние месяца, ноябрь и декабрь; оно отделено от летних жаров осенним кризисом, известным под именем *кассима*, который обыкновенно продолжается около восьми дней; во время этого периода перелома сильные грозы, сопровождаемые ливнями и градом, очищают атмосферу от миазмов и пыли, после чего жителям, спускающимся с гор, из своих летних становищ, нечего более бояться пребывания в равнине[2].

Долины внутренних гор и плоских возвышенностей представляют величайшее разнообразие климатов, смотря по высоте, положению относительно стран света, зелени и обнаженности почвы и тысяче противуположностей рельефа. Но общую отличительную черту всей

1 „Reise nach dem Pontischen Gebirge“.

2 Julius Hann, „Handbuch der Klimatologie“.

области Малой Азии, заключающейся между горными выступами окружности, составляет редкость дождей. Облака приносят на анатолийские плоскогорья лишь незначительную пропорцию влажности, и даже морские берега получают с неба меньше воды, чем западная Европа: хотя поверхность Малой Азии почти равна пространству Франции, общий сток её рек составляет не более 2.000 кубич. метров в секунду, то-есть только около трети того количества, которое катят французские реки. В противуположность понтийской области, где количество атмосферных осадков весьма значительно в теплое время года, Полуостров принадлежит к субтропической области, которая отличается недостатком или редкостью летних дождей; так, в Смирне, где, однако, морские ветры приносят несколько ливней, падение атмосферной влаги в продолжение трех летних месяцев, июня, июля и августа, составляют только 4 сантиметра, не достигая даже пятнадцатой части годового количества дождя; но в некоторых внутренних округах шесть и семь месяцев проходят под-ряд без того, чтобы синева неба хоть раз оживилась полетом облаков. В то время, как климат морского прибрежья может быть уподоблен в целом климату южной Франции, на внутренних плоскогорьях находим метеорологический порядок, аналогичный порядку, господствующему в степях Туркестана.

Вероятные средния температуры Малой Азии, по Чихачеву:

	Год	Зима	Лето
Византийский пояс	14° Ц.	6°	24°
Трапезондский пояс	14°	7°	22°
Пояс Пропонтиды	14°	7°	22°
Иранский пояс	16°	8°	24°
Южный пояс	21°	14°	29°
Малая Азия в совокупности	12°	4,°8	22,°6

Климат Смирны, по Ганну:

Январь	Апрель	Июль	Октябрь	Наибольш. холод	Наиб. жара	Год	Дожди.
8°,2	14°,6	26°,7	16°,9	-4°,4	39°,6	18°,7	61 миллим.

Анатолия есть одна из тех стран бассейна Средиземного моря, где малария особенно страшна: лихорадка—«царица полуострова». Столько рек переменили русло, усеевая окружающую местность прудами и лужами, столько болот образовалось вследствие наводнений или отступления моря, столько озер обсыхают и наполняются попеременно, смешивая пресные воды с солеными, что большая часть равнины и плоской возвышенности всегда омывается зараженной атмосферой. Нет сомнения, что с блаженных времен ионийской цивилизации климат Малой Азии утратил свою здоровость: многочисленные руины городов, которые некогда процветали в странах, ныне необитаемых, свидетельствует об этих переменах; когда берега болот выступают наружу на знойном солнце, видеть Милет значит умереть. Было время, когда реки сдерживались в своем русле и когда шпалеры деревьев задерживали водяные пары на проходе; истребление лесов имело следствием ухудшение климата. Обезлесение было дотого полное, более, чем на трех четвертях полуострова, что испорченный воздух равнины и долин приносится ветром даже на высоты, не встречая на пути ни одного массива растительности, который бы задерживал его распространение. Туземцы отлично умеют выбирать для своих *яйла* или летних становищ местности на горах, защищенные скалами или вершинами от вредных испарений, поднимающихся с нижних болот. В некоторых округах деревни равнины совершенно покидаются жителями в теплое время года; даже администрации переселяются в летния резиденции; нищие и воры также следуют за поселянами в горы. Становища обезлесенных яйл состоят из палаток или мазанок, сложенных из камня; в лесных же местностях, в северной Анатолии, для становищ строят хижины на манер русской избы, из еловых бревен, соединенных в виде сруба. Многие из этих временных поселений, построенных по большей части на развалинах древних городов,—важные рынки для продажи масла, сыра, скота, и негоцианты с морского прибрежья встречаются там с торговцами из внутренних местностей[1].

1 Briot, рукописные заметки.

Как в отношении климата, так и в отношении флоры Малая Азия принадлежит к двум различным областям: «анатолийская подкова» составляет часть средиземного пояса: внутренния плоскогорья продолжают собой степи Центральной Азии[1]. В этом пространстве, окруженном возвышенностями, флора относительно бедна, и растительность ограничивается кратковременной весенней деятельностью. Но какое разнообразие на окружности, благодаря переходу, который совершается от анатолийского пояса к зонам соседних стран! Так, черноморская флора, чрезвычайно богатая, составляет продолжение флоры Мингрелии; Троада, один из «раев ботаника», имеет все растения, свойственные Македонии и Фракии, рядом с представителями азиатской флоры[2]; две Ионии, в Азии и в Европе, обменялись своими растительными видами через Эгейское море; на южных берегах Анатолии, Киликия в ботаническом отношении продолжает собой сирийское побережье, и даже многие египетские растения акклиматизировались там. Таким образом, по истории растительных видов, как и по истории людей, Малоазиатский полуостров есть переходная страна между тремя континентами —Европой, Азией и Африкой. Средиземная флора представлена преимущественно кустарниками, которые получают на склонах гор Анатолии необычайное развитие: персидские деревца, медвежьи ягоды (arbutus), лавры принимают там размеры настоящих деревьев; стволы мирт достигают во многих местах полметра и даже метра[3]. Анатолия—богатейшая область в свете по разнообразию пород дуба: Франция имеет только 12 пород, тогда как между Понтом Эвксинским и Кипрским морем их насчитывают 52, из которых 26 не встречаются нигде в других местах[4].

Самый обширный лес в Малой Азии—Агач-дениз или «море деревьев», простирающийся на восток от реки Сакарии, в горах Боли, где действуют многочисленные лесопильные заводы, не нанося, однако, заметного ущерба лесным богатствам, так что вершины еще не утратили своего покрова из зелени. Все северные покатости горных цепей, параллельных Понту Эвксинскому, покрыты богатой лесной растительностью; леса находятся также в промежуточных долинах и в ущельях горных потоков[5]. «Море деревьев» доставляет строевой и мачтовый лес турецкому флоту; но вообще лесное хозяйство ведется крайне не умело. Во внутренних областях, вдали от больших дорог, лес может быть утилизируем только в виде топлива. Обыкновенно ждут, когда дерево будет повалено бурей, или само упадет от старости; тогда отрубают ветви, чтобы увезти их на спине мулов, и выдалбливают желобки на верхней части ствола для того, чтобы задерживать дождевую воду и таким образом ускорить разложение древесной ткани. Проходит несколько лет, дерево распадается на куски, и тогда остается только дать несколько ударов топором, чтобы расколоть его на дрова. В Карии иначе никак и не эксплоатируют внутренние леса, если только не прибегают к более скорому способу, состоящему в том, что лес зажигают и затем собирают обугленные остатки[6].

Последовательное расположение поясов растительности на скатах гор ни в какой части Анатолии не обозначено так резко, как на южных склонах Киликийского Тавра. У основания горной цепи группы пальм, фруктовые сады, обнесенные живой изгородью из столетников, указывают субтропическую область. Затем на первых холмах показываются большие деревья с опадающими листьями: выше почвой овладевают хвойные: сначала сосны темного цвета, потом многочисленные виды можжевельника, далее киликийские ели и кедры. Ни в какой части Малой Азии или Сирии, ни даже на склонах Ливана не встретишь кедровых лесов, подобных тем, которые опоясывают отлогости Булгар-дага до высоты 2.000 метров. Многие миллионы великолепных кедров растут там группами над целым морем сосен, елей и можжевельника. Но и туда добираются пожары, зажигаемые пастухами в низком кустар-

1 Griesebach, „La Vegetation du Globe“, trad. par Tchihatcheff.
2 Sentenis, рукописные заметки.
3 Ch. Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.
4 Tchihatcheff, „Weekly Times“, Sept. 1, 1882.
5 G. Perrot, рукописные заметки.
6 Ch. Fellows, рукописные заметки.

нике, и часто тысячи могучих деревьев пылают разом,—кажется, будто исполинская огненная река лавы льется с горы. Над лесным поясом простирается мелкий кустарник, заменяющий горные пастбища Европы. В Киликийском Тавре редко встретишь покрытые муравой склоны, разве только по берегам источников и ручьев: там до самой подошвы голых скал вершины и до полос снега растут деревянистые растения и деревца с ярко-зеленой листвой. На такой высоте, где европейские горы представляют лишь однообразно серую поверхность пажитей, на Тавре земля усеяна пучками блестящих, ярко окрашенных цветов, которые придают этим безмолвным местностям разнообразие вида, о каком не могут дать понятие пастбища европейских Альп[1]. На северо-востоке Малой Азии понтийские горы представляют гораздо больше сходства с горами центральной Европы, но они богаче растительностью. На многих лугах можно видеть до двухсот видов альпийских растений. Одна и та же горная вершина может принадлежать одною из своих покатостей к черноморской зоне, а другою к степной полосе: с этой стороны растения рассажены с некоторыми промежутками и отличаются однообразным типом; издали их сероватая зелень едва отделяется от тусклых цветов глины или камня[2].

Ботаники констатировали тот факт, что в местностях, где существовали поселения эмигрантов, встречаются колонии иностранных растительных видов. Так, между развалинами крепостей, воздвигнутых генуэзцами и рыцарями острова Родоса на некоторых мысах и на островках южного берега, родятся мылянки и другие европейские растения, происходящие от посеянных западными пришельцами шесть или семь столетий тому назад; эти растения не цветут нигде в других местах, удаленных от зданий, построенных гяурами[3]. Есть также фруктовые сады, насаждение которых предание приписывает крестоносцам или генуэзцам; орешник, яблони и вишни сменяются одни другими в одной и той же долине, не делая захватов на окружающей почве, как равно, с другой стороны, область их распространения нисколько не уменьшилась со времени исчезновения неверных. Но если Анатолия получила в последние века некоторые растительные виды, принесенные европейцами, то сама она гораздо больше дала нашей части света. В шестнадцатом столетии первые ботанические сады Запада были в действительности не что иное, как школы акклиматизации или питомники для левантских растений: в эту-то эпоху Пьер Белон ввел во Франции каменный дуб, иудино дерево, целомудренник (agnus castus), кожевенное дерево (сумах), восточный можжевельник. белую и черную шелковицу, горд (viburnum timus), юбу, курму или псевдолотос (diospyros lotus), мирт и многие другие анатолийские растения[4].

Новых насаждений в Малой Азии почти нигде не делается, разве только в области виноградников. Нигде еще не начато столь необходимое дело облесения: ограничиваются разведением вокруг городов и селений некоторых деревьев, сделавшихся, так сказать, неразлучными спутниками человека: таков платан или чинар, приобщаемый им к своему отдыху, к своим молитвам и играм, ко всей своей домашней жизни; таков кипарис, бодрствующий над мертвыми. Нет страны, где эти деревья были бы более прекрасны и более любимы и чтимы человеком, чем на анатолийском побережье. Платан как-будто возбуждает веселые мысли: его подвижная листва, колеблемая малейшим ветерком, освежает атмосферу; довольно плотная, чтобы умерять солнечный жар и пропускать лишь слабый пепельный свет, она, однако, не настолько густа, чтобы заслонять вид неба; взор простирается далеко между стволами и ветвями с светлой корой, без всякой монотонной правильности. Привычка сделала из платана дерево почти священное: многие поселяне, не имея средств соорудить минарет при мечети, устраивают деревянную площадку на горизонтальной ветви чинара, откуда муэдзин призывает правоверных на молитву, окруженный голубями, которые весело клюют зерна, рассыпанные у его ног. Кипарис также получает долю почитания, оказываемого предкам; но он

1 Kotschy, „Reise in den Cilicischen Taurus“.
2 Griesbach, цитированное сочинение.
3 Kotschy, цитированный труд.
4 Lavallee, „Societe nationale et centrale d’Horticulture“.

не имеет того мрачного сурового вида, каким отличаются его родичи на Западе: более высокий и более широкий, он имеет стан менее правильный, ветви более раскидистые и образует великолепные массивы зелени; кладбище—это обыкновенно самое красивое, что имеет восточный город.

Истребление лесов имело следствием исчезновение большого числа животных видов. Так, лев, который, по свидетельству древних писателей, водился во всех областях полуострова, и которого видели еще во времена крестовых походов, не встречается больше, разве только, может быть, в самых глухих ущельях Ликийского Тавра[1], где будто-бы живет также один большой зверь кошачьей породы, которого турки называют *капланом*, и который, как полагают, есть не кто иной, как леопард: может быть, это—пантера, подобная той, которая бродит еще в горах Тмолуса[2]. Гиена еще не совсем истреблена, и по ночам везде слышно завывание шакалов, которым отвечает из каждой деревни лай собак. В восточных областях шакал менее распространен, чем на ионийских берегах и центре полуострова: он частью заменен волком, бурым и черным; лисица не так обыкновенна в Малой Азии, как в южной Европе: плотоядные представлены преимущественно различными видами полудиких собак, которые бродят на улицах больших городов. Известно, что в Константинополе эти голодные животные, роющиеся в кучах нечистот и собирающиеся целыми стаями, с вытянутой мордой, с дрожащими ноздрями, вокруг костяков, висящих перед бойнями, очень редко подвергаются болезни, называемой водобоязнью, если даже подвергаются когда-нибудь. Во время своих путешествий по всем частям полуострова г. Чихачев часто видел собак, называемых «бешеными», но никогда укушенные лица не погибали от полученных ими ран. Однако, в окрестностях Смирны бывали, говорят, хотя и редко, смертельные случаи, происшедшие после укушения прокаженными водобоязнью собаками, волками и шакалами; средство, употребляемое пастухами в случае укушения бешеным животным—отвар горьких корней[3].

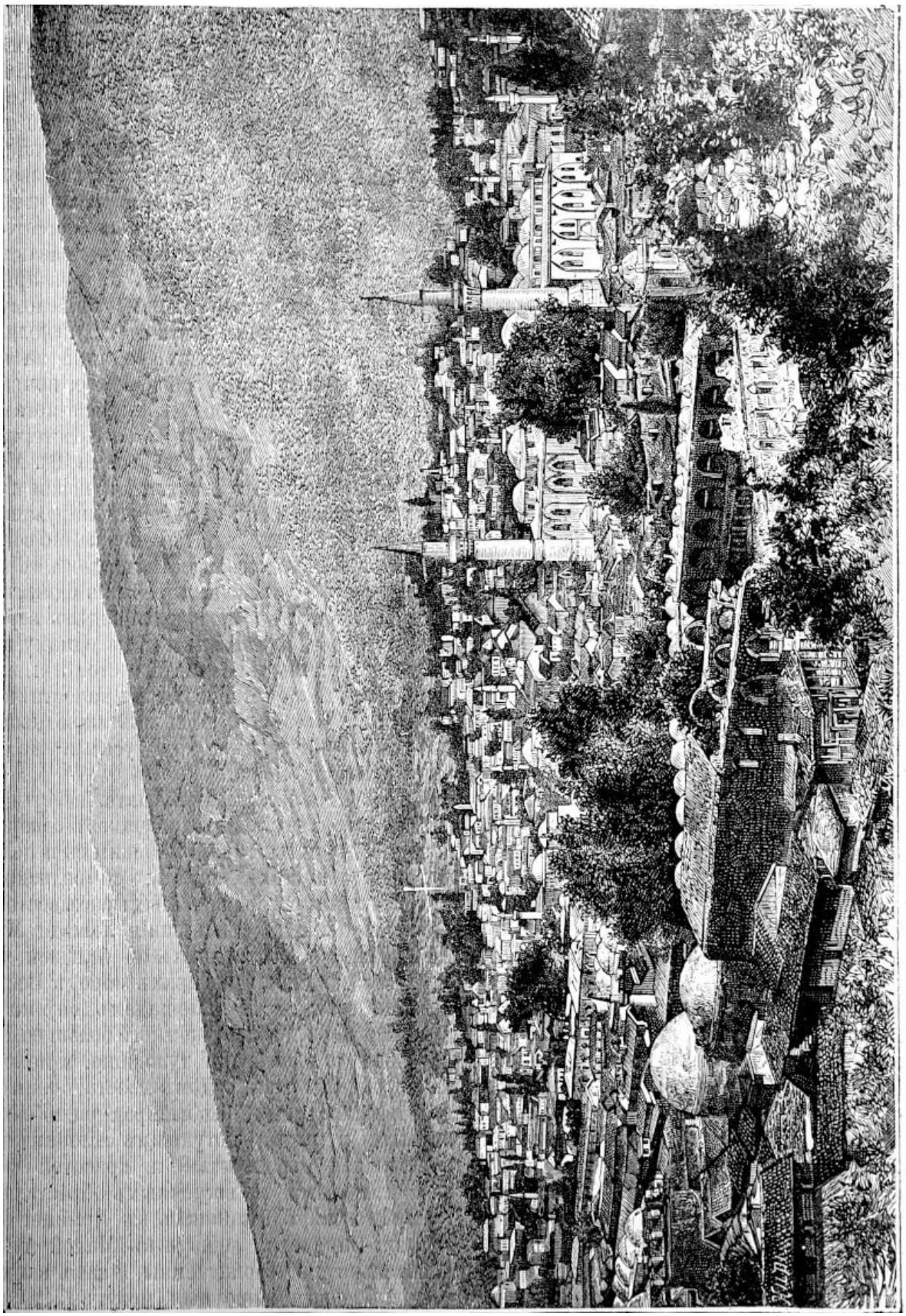
Крупная дичь, которую охотники преследуют в лесах Европы, водится также и в Малой Азии. Дикие кабаны очень обыкновенны в областях полуострова, так как турки не охотятся на них. Большой олень довольно редок, но лань и косуля встречаются стадами. Газель, которой не имеет европейская фауна, бродит в равнинах Полевой Киликии, на границах Сирии, и, вероятно, другие виды антилоп живут на плоскогорьях. Эгагр или дикая коза бегает в горах Тавра Киликийского и Анти-Тавра, соседних с областями, где коза появляется, как домашнее животное в древние времена. Так как дикая коза имеет такие же размеры, наружные формы и рога, как и прирученное животное, то весьма вероятно, что от неё произошла и домашняя порода коз. На высоких степях и горах водятся также дикие бараны, разновидность муфлона или степного барана, которого считают родоначальником европейского барана. Таким образом Малоазийский полуостров, родина стольких растительных видов, дал человечеству два из его драгоценнейших домашних животных. Что касается ангорской козы, столь замечательной блеском и нежностью своей шелковистой, вьющейся шерсти, то натуралисты сомневаются, чтобы она была анатолийского происхождения, так как ни один классический писатель не говорит об этом животном, которое, однако, непременно должно было бы обратить на себя внимание; и хотя они упоминают всех баранов, шерсть которых употреблялась для тканья ценных материй, никто не сообщает об употреблении козьей шерсти для приготовления тонких тканей. Введение ангорских коз в крае г. Чихачев приписывает тюркским племенам, пришедшим на полуостров в одиннадцатом и двенадцатом столетиях, и склонен думать, что место происхождения самих переселенцев и их стад следует искать в одной из долин Алтая, именно в долине Бухтармы, притока Иртыша; эта местность славится во всей Сибири красотой своих котов, еще более замечательных, чем ангорские, и отличающихся, как и ангорские козы, волнистой и шелковистой шерстью, что, повидимому, указывает на сходство климатических условий. Как бы то ни было, ангорская коза занимает в на-

1 Ch. Fellows, Чихачев, цитированные сочинения.

2 G. Perrot, рукописные заметки.

3 „Impartial de Smyrne“, octobre 1883.

стоящее время небольшую территорию, около 40.000 квадр. километров, да и в этой области она с успехом разводится только на плоскогорьях и в долинах, высота которых не меньше 600 и не больше 1.600 метров. Все козьи стада вместе заключают от четырехсот тысяч до



Брусса.

полмиллиона голов. Акклиматизация этих драгоценных животных очень трудна, так как малейшее перемещение сопровождается ухудшением качества шерсти; однако, пояс обитания ангорской козы и в это последнее время расширился. Что касается овечьей породы, то самая

обыкновенная разновидность здесь—*караманлы* или бараны с толстым хвостом (курдюком), —порода, которая господствует также в Сирии, в области азиатских степей и даже в южной России. На всех ровных плоскогорьях и в равнинах увидишь только стада баранов; исключительную область козы составляют склоны и кручи гор. В степях почва везде изрыта подземными галлереями, выкапываемыми табарганом или тушканчиком.

Во все времена быки были редки в Малой Азии, и в некоторых округах даже было бы трудно прокормить их, так как пастбища представляют траву слишком короткую для толстых губ животного. Кажется, что в юго-западной Анатолии существуют, в небольшом количестве, зебу, похожие на ост-индских горбом на спине и маленькими подвижными рогами. Но самая обыкновенная бычачья порода—буйвол, который населяет берега рек и болотистые области на всей окружности полуострова: есть даже местности, как например, болота, образованные блуждающими руслами Сейгуна и Джигуна,—где буйвол, говорят, живет еще в диком состоянии или снова впал в это состояние. Единственный вид верблюда, который водится в Анатолии,—одногорбый, употребляемый только для перевозки тяжестей и не пригодный для езды. Тогда как в других местах двугорбые верблюды и дромадеры могут переходить лишь пески, глинистые и солончаковые пространства пустыни, малоазийские верблюды постепенно приспособлялись к хождению по кручам гор, где, впрочем, они носят лишь незначительный вьюк, не более 100 килограммов (6 пудов). Они даже лучше лошади умеют совершать восхождение по крутым каменистым тропам, но зато с какой осторожностью ставят они ноги на землю! Они идут так легко, что не слышно шума их шагов. Караван дает о себе знать только звоном колокольчиков, привешенных на груди взрослых животных. Обоз обыкновенно состоит из семи до девяти животных, привязанных одно к другому, как суда на буксире; но предводительство вверено не высокорослому животному: роль вожака почти всегда исполняет маленький осел; человек, сидящий на нем верхом, держа перед собой ружье, почти касается земли своими болтающимися ногами, и над его головным убором распростерта в виде аркады шея первого верблюда. В Малой Азии верблюд не имеет той антипатии к лошади, ослу или мулу, какую он обнаруживает в других местах: лошадь, совершенно освоившаяся с верблюдом, пасется рядом с ним и позволяет привязывать себя к одним яслям; г. Эрнест Дежарден видел верблюдов и ослов, привязанных к одному и тому же ярму. С двенадцатого столетия, эпохи вероятного введения верблюда в качестве вьючного скота, в Малой Азии все животные, сопровождающие турка-номада, успели уже сдружиться между собой.

Иммиграция верблюда в Анатолию есть один из поразительнейших признаков совершившихся перемен, территориальных и политических: он, так сказать, символизирует замену культуры средиземных рас восточной цивилизацией. Даже нынешния лошади Малой Азии, кажется, составляют по большей части продукт скрещения конских пород Востока: подобно туркменским лошадям, они имеют длинные ноги и голову немного большую, сравнительно с размерами туловища, и походят на персидские расы видом хвоста; очень сильные и выносливые, они взбираются по самым крутым и трудно доступным склонам гор; наибольшей стройностью и красотой форм они отличаются в восточных областях, в провинциях, ближайших к Армении и к Персии. Впрочем, лошади в Малой Азии относительно немногочисленны, и как вьючные, так и ездовые животные, могут быть заменены верблюдами и ослами. Эти последние, малорослые, слабосильные, часто покрытые язвами, нисколько не похожи на великолепных сирийских или египетских ослов, ни на онагров или диких ослов, которые, по свидетельству древних писателей, бродили во множестве на центральных плоскогорьях, и представители которых, говорят, встречаются еще в небольшом числе в лесных областях восточной Анатолии[1]. Жители Малой Азии употребляют также мулов, которых они ценят выше лошади и в качестве вьючного, и в качестве верхового животного. Предания, передаваемые Илиадой, приписывают одному народу полуострова первые попытки разведения мулов.

1 Чихачев, цитированный труд.

Один из самых характеристических представителей животного царства Малой Азии—аист. Трудно вообразить себе какой-нибудь анатолийский пейзаж без этих важных птиц, сидящих на кипарисе или летающих с вытянутой вперед шеей и длинными протянутыми ногами. Есть деревни, где семейства аистов более многочисленны, чем семейства людей. Когда соха переворачивает землю на пашне, эти голенастые следуют шаг за шагом целыми бандами за пахарем; во время ежегодных перелетов с летних квартир в Малой Азии на зимния в Египте, иногда увидишь целые полчища аистов, в двадцать пять или тридцать тысяч голов, собравшиеся где-нибудь на берегу болот[1]. Аисты, так же, как вороны, сороки, ласточки,—драгоценные союзники для земледельца, когда грозные тучи саранчи спускаются на поля; но для здешних жителей самый желанный гость из пернатых—это *смармар* (turdus roseus), розовый дрозд с черными крыльями, который яростно преследует саранчу, убивая насекомых не только для того, чтобы съедать их, но также и просто ради удовольствия истреблять. Один французский инженер, г. Ама, видел жителей одной деревни, переселившихся в палатки для того, чтобы предоставить птицам-истребителям удобнее гнездиться в их домах.

Обитатели Малой Азии самого разнообразного происхождения. Этот полуостров, западная оконечность передней части континента, был естественным местом схождения для воинственных племен, кочевых или торговых, пришедших из южных стран Востока или с северо-востока. В южных частях Анатолии жили семитические народы, да и внутри страны их кровь, диалекты, имена, кажется, преобладали у многочисленных населений; на юго-западе они, повидимому, смешались с чернолицыми людьми, может быть, с кушитами. В восточных провинциях главные этнические элементы были родственны персам и говорили языками, близко подходящими к зендскому; другие представляли собою пришельцев с севера, понимаемых под общим именем туранцев. На Западе переселения происходили в обратном направлении с теми, которые спускались с плоскогорий Армении; фракийцы находились в торговых и культурных сношениях между двумя покатостями Европы и Азии, наклоненными к Мраморному морю, и из одной части света в другую греки постоянно были в движении через Эгейское море. Даже из самых отдаленных стран Европы приходили эмигранты в большом числе: так, галлы поселились в Азии и в течение веков сохраняли свою самобытность среди окружающих населений. Но ни в какую эпоху полуостров не принадлежал какой-либо однородной нации, имеющей один язык и одну цивилизацию; никогда гегемония не выпадала на долю той или другой из населявших его рас. Ионийцы, карийцы, лелеги, фригийцы, пафлагонцы, ликийцы и киликийцы, все эти различные народы старались оберегать свою самостоятельность, и многие города, успев сохранить независимость, приобрели в то же время силу и славу, но единство никогда не установлялось путем федерации городов: оно создавалось, по виду, только иностранными завоеваниями, которые из граждан делали подданных и рабов[2].

В громадном горниле Малой Азии большинство древних наций утратили свое имя и даже самое предание о своем происхождении. Где теперь халибы, научившие некогда своих соседей искусству плавить металлы и ковать железо? Где галаты, соплеменники западных галлов, давшие свое имя одной из больших провинций Азии? Эти народы и большая часть других, о которых говорят древние, как о жителях внутренних областей полуострова, не существуют более в виде отдельных народностей: они постепенно слились с окружающими населениями. Греки на западе, армяне и курды на востоке единственные народы, которые могут прямо возвести свое начало к первым историческим временам. Да и то, между именующими себя греками есть не мало таких, которые, по происхождению, принадлежат к древним коренным народцам края, и которых язык и православная вера связали с господствующей национальностью морского прибрежья.

Внутри страны, между гористой Арменией и изрезанными берегами, омываемыми морем Архипелага, огромное большинство жителей—тюркской расы. На этих плоскогорьях, усеян-

1 Чихачев, цитированный труд.

2 E. Renan, „Histoire des langues semitiques“;—Vivien de Saint-Martin, „Asie Mineure“.

ных соляными озерами, выходцы из аральских и балкашских степей нашли новое отечество, мало отличающееся от старого, нашли страну, где они могли вести прежний образ жизни. Между этими чужеземцами, заменившими собой первоначальное население, есть много таких, нравы которых почти не изменилась со времен переселения, и которые таким образом являются живыми свидетелями социального состояния, уже несуществующего в странах так называемого цивилизованного мира. Так, юруки, потомки первых прибывших в край тюркских племен, принадлежавших к орде «Черного барана», в состав которой входили также сельджукские турки, до сих пор еще ведут кочевую жизнь, переселяясь дважды в год, вместе со стадами, между зимними и летними становищами. Некоторые из них имеют настоящие дома, как цивилизованные турки[1], но большинство живут в черных палатках или кибитках из козьей шерсти или в шалашах из древесных ветвей, куда можно проникнуть не иначе, как согнувшись, и где внутренность почти всегда наполнена дымом. Юруки—магометане только по имени. Юрукская женщина не закрывает себе лица, как турчанка, городская жительница, но она не поднимает головы, когда проходит чужой мужчина, разве что он попросит воды или молока,—тогда она бросается стремглав, чтобы наполнить просимую чашу. Обыкновенно хижины располагаются в виде круга, при чем входные отверстия обращены к общей площадке, где исполняются крупные работы, и где обсуждают дела, касающиеся всего племени. Вокруг жилищ бродят злые собаки. Каждое становище есть особый, замкнутый мирок, который не приглашает чужого; но когда он придет, оказывает ему дружелюбный прием. Племена юруков, рассеянные в Малой Азии, исчисляются сотнями; в одной только Брусской провинции насчитывают больше тридцати племен, подразделяющихся на группы без всякой географической связи. Для обозначения этих классов кочевников употребляется обыкновенно генерическое имя «туркменов»: это—неопределенный термин, применяемый безразлично к кочующим пастухам всякой расы, и который вовсе не указывает на тождество происхождения с туркменами Центральной Азии; однако, многие писатели делают различие между юруками и туркменами. Первые будто-бы полные номады, жители палатки, не имеющие никакого постоянного местопребывания, вторые—те, которые уже сделались на половину оседлыми, преимущественно на центральном плоскогорье и в горах восточной области[2]. Впрочем, переход от одного образа жизни к другому—явление гораздо более обыкновенное, чем вообще думают: в Анатолии, как и в Персии, увеличение или уменьшение земледельческих населений зависит от общей безопасности края. Особенно туркмены легко меняют пастушеский образ жизни на земледельческий: достаточно нескольких лет спокойствия, чтобы становища заменились деревнями. Часто цыганы или чинганы,—лошадиные барышники, кузнецы, лудильщики или делатели сит, которые кочуют в большом числе в Малой Азии, обыкновенно располагая свои таборы у входов в города, также смешиваются с юруками под неопределенным наименованием туркменов. В Ливии некоторые цыганские племена занимаются скотоводством и живут в постоянных селениях[3].

В одной и той же местности деревни и становища принадлежат самым разнородным населениям: здесь живут греки, далее черкесы, в других местах турки и юруки. В городах каждая раса имеет свой особый квартал. Никакая общая карта не могла бы дать понятия обо всех этих населениях, перемешанных и однако отличных одно от другого. Даже там, где жители принадлежат к одной и той же расе, они часто разделены на племена или роды, живущие особняком друг от друга, и иногда третирующие друг друга, как врагов: какой-нибудь афшарский или туркменский народец, бродящий вокруг турецких деревень, отличается от оседлых резидентов этих селений только образом жизни да традициями независимости; он составляет особый мирок и старается отличиться от других оружием и костюмом. Наибольшего успеха достигли в этом отношении зейбеки, живущие в горах Мизогиса. Эти турки, потомки одной из первых дружин завоевателей, прибывших в страну, сохранили полное

1 G. Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure“.

2 Hamilton, „Researches in Asia Minor“;—de Moustier, „Tour du Monde“, 1 semestre 1864;—G. Palgrave, „Essays on Eastern Questions“.

3 Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

сознание славы своих предков, и за исключением стариков, носящих простой костюм турецких крестьян, они стараются импонировать блеском своей одежды. Почти все рослые и сильные, они хотят, кроме того, удивлять толпу богатством своей расшитой узорами куртки, широтой и роскошью пояса, высотой головного убора, сшитого из разных материй, размерами и богатством оружия. Народное воображение совершенно несправедливо видит в них население бандитов: это—сыны воинов, имеющие свои традиции чести и обычай гостеприимства, но полные гордости: как гласит их имя, «они сами себе князья»; они думают, что свет им принадлежит. Тщетно турецкое правительство хотело запретить им ношение оригинального костюма, чтобы ассимилировать их с остальным населением: они предпочитали делаться разбойниками. Тогда прибегли к другому средству, чтобы их дисциплинировать: почти все их молодые люди были взяты в солдаты, и тысячи из них пали на полях битв в Болгарии.

Под «турками» в обыкновенной речи понимаются все оседлые мусульмане Малой Азии, каково бы ни было их происхождение. Многочисленные албанцы, которых военная служба сделала, против их воли, обитателями полуострова, считаются турками, хотя по своим предкам, пелазгам, они единоплеменники греков; босняки и болгары магометане, которых изгнание, добровольное или вынужденное, со времени последних войн, бросило сотнями тысяч за Босфор, также называются турками, хотя они принадлежат к той же расе, как сербы, кроаты и русские, которые их изгнали. Татары-ногайцы, переселившиеся из Крыма, более справедливо носят название турок, на которое они имеют право по своему происхождению и языку; но турками также называют чиновников, сыновей грузинок или черкешенок, и происходящих по своим предкам от всех наций, пленницы которых населяли гаремы. Наконец, к османлисам же причисляют потомков арабов и тех из чернокожих африканцев всякого происхождения, которые некогда были привезены в страну в качестве невольников; во многих мало-азийских городах значительная часть населения есть, очевидно, помесь негров. В Джебель-Миссисе, близ Аданы[1], есть целые деревни, сплошь населенные чернокожими. Что касается курдов, то хотя они и магометане, но так резко отличаются от османлисов своими нравами и наружностью, что им никогда не присвоивали имени турок; подобно курдам Загроса и верхних бассейнов Тигра и Евфрата, они, очевидно, по большей части иранского происхождения. Кизыль-баши очень многочисленны между курдами Малой Азии.

Турки в собственном смысле, то есть часть нации туркменского происхождения, которая усвоила себе нравы оседлой жизни, и которая сообразуется с предписаниями и правилами ислама, являются в гораздо более выгодном свете в Анатолии, чем в Европейской Турции. Они вообще имеют смуглый цвет лица, черные глаза, темные волосы, слегка выдающиеся скулы, важную и медленную походку, несколько тяжеловатую вследствие слишком широкой одежды, обладают большой физической силой, но ловкостью не могут похвалиться: у них нет того изящества и проворства, которые отличают иранца. Между ними редко встретишь немощных и хилых; вошедшая в привычку умеренность и воздержность дает им очень чистую кровь; большинство имеет голову сплюсную назад, что объясняется положением, которое обыкновенно дается ребенку в колыбели[2]. На азиатской стороне Босфора, особенно вокруг Олимпа, где раса менее смешана с иноплеменными элементами, нежели в других местах, османлисы являются еще с своими природными качествами; здесь они чувствуют себя более дома, чем во Фракии, среди стольких чуждых населений—греков, болгар, албанцев. Турок, не испорченный употреблением власти, не униженный угнетением, есть бесспорно один из людей, которые производят наиболее приятное впечатление совокупностью своих нравственных качеств. Он никогда не обманывает: честный, прямодушный, правдивый, он именно этими качествами вызывает насмешку или сожаление у своих соседей—грека, сирийца, персианина, армянина. Очень солидарный со своими, он охотно делится, но сам никогда не просит; что бы там ни говорили, злоупотребление бакшишем гораздо более велико в Европе, чем в восточных странах, кроме городов, где теснится толпа левантинцев. Есть ли

1 Favre et Mandrot, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1-er semestre 1878.

2 Richard Battus, рукописные заметки.

хоть один путешественник, даже между самыми гордыми или самыми недоверчивыми, который не был бы глубоко тронут сердечным и бескорыстным приемом, оказанным ему турецкими поселянами? Завидев иностранца, глава семейства, на которого возложена обязанность принять гостя, спешит ему на встречу, помогает слезть с коня, приветствует ласковой улыбкой и приветливым жестом, расстилает на почетном месте свой самый дорогой ковер, приглашает приезжего отдохнуть, и, полный радости, что может быть ему полезным, тотчас же принимается за приготовление трапезы. Почтительный, но без унижения, как подобает человеку, уважающему себя, он никогда не делает нескромных вопросов; отличаясь безусловной веротерпимостью, он никогда не затевает религиозных споров, к чему так склонен персианин. Ему достаточно своей веры, и он считает неприличным допрашивать гостя о тайнах совести.

Присущие турку доброжелательность и справедливость не изменяют ему и в семейных отношениях. Вопреки разрешению, даваемому кораном, и несмотря на пример пашей, моногамия (единобрачие) составляет правило у азиатских османлисов, и указывают даже целые города, как, например, Фокею, которые не представляют ни одного случая многоженства. В деревнях, правда, турки берут себе вторую жену, чтобы «иметь лишнюю служанку»[1]; точно также в некоторых промышленных городах они увеличивают посредством брака число своих работниц. Но имеет ли он одну или несколько жен, турок вообще гораздо больше уважает супружеские узы, чем западные люди; что бы ни говорили по привычке, семья не менее согласна у мусульман-османлисов, чем у европейских христиан. Полная хозяйка в доме, жена всегда третируется с доброжелательством; на детей, как бы молоды они ни были, смотрят уже как на равных по праву, и эти младшие члены семьи без хвастовства, с натуральной серьезностью, которая кажется выше их возраста; принимают участие в беседе больших; но настает час игры—они бегают, борются, прыгают, кувыркаются и резвятся с не меньшим увлечением, чем европейские дети. Природная доброта турок почти всегда распространяется и на домашних животных, и во многих округах ослы пользуются еще правом на два дня отпуска в неделю. Птичий двор, председательствуемый «благочестивым» аистом, важно восседающим на ветке платана или на коньке кровли, также представляет картину счастливой семьи. В деревнях, где живут представители двух преобладающих рас, турки и греки, нет надобности входить в жилища, чтобы узнать национальность их обитателей: аист всегда избирает себе местопребыванием крышу турка[2].

Хотя потомки расы завоевателей, в которой набираются по преимуществу чиновники правительства, турки не менее угнетены, чем другие национальности Оттоманской империи, если не более, потому что в посольствах никто не заступится за них, никто не походатайствует в их пользу. Налоги, сбор которых обыкновенно сдается на откуп армянам, сделавшимся в действительности худшими угнетателями страны, ложатся тяжелым бременем на бедных османлисов, отягченных, сверх того, многими другими повинностями. Когда проходят чиновники или солдаты, поселяне обязаны поставлять все необходимое для удовлетворения потребностей этих посетителей, и часто это вынужденное гостеприимство разоряет их столько же, сколько разорил бы грабеж настоящих разбойников. Когда молва возвещает о предстоящем проходе чиновников или военных, жители деревень покидают свои жилища и уходят в леса или ущелья гор[3]. Отбывание воинской повинности лежит единственно на турках, как будто султан хочет переместить в ущерб своей расе центр тяжести населений империи, и для народа, у которого так сильно развиты семейные чувства, этот налог крови особенно тяжел и ненавистен. Во времена своих завоеваний турки перемещались целыми родами и семьями: старики, жены, дети, сестры следовали за воинами по близости от поля битвы; победители или побежденные, все разделяли одинаковую участь. Теперь же конскрипция отнимает молодых людей у семьи, не только на несколько месяцев, самое большое на

1 G. Perrot, рукописные заметки.
2 Spratt and Forbes, „Travels in Lycia“.
3 Georges Perrot, цитированный труд.

три года или пять лет, как в странах Западной Европы, но на продолжительный период и часто даже на всю жизнь. Турецкие конскрипты не празднуют своего призыва на службу песнями или веселыми пирушками; почти все женатые уже два или три года, когда приходят сержанты-наборщики завладевать их личностью, они должны покидать родителей, жен, детей; все семейные связи разом порываются. Оттого, как бы ни была велика у них сила характера, они удаляются в безмолвии, точно пораженные страшным роком. В тех частях западной Анатолии, куда проникают железные дороги смирнской сети, новобранцев перевозят сотнями; на каждой станции поезд останавливается, чтобы принять новый груз рекрут. Толпа матерей, жен и сестер теснится около дверец вагонов, чтобы иметь последний поце-

Турчанка изъ Бруссы.

луй, последнее рукопожатие. Когда поезд тронется, поднимается общий взрыв криков и рыданий, и несчастные женщины тщетно бегут вдоль уходящих вагонов, протягивая цветы и масличные ветки к этим любимым фигурам, которые скоро принимают неясные очертания и, наконец, скрываются из глаз.

Ослабленные, угрожаемые в своем национальном существовании постоянными правильно повторяющимися из году в год рекрутскими наборами, одаренные, сверх того, качеством, которое, в их положении, составляет недостаток—покорностью судьбе, турки подвергаются крайней опасности, которая происходит от жизненной конкурренции с расой, обладающей более сильной инициативой. Они не могут бороться с греками, которые, под видом мирных торговых сделок, мстят им за истребительную войну, следы которой еще сохранились в Кидонии и на острове Хиосе. Турки сражаются не равным оружием: по большей части они

знают только свой собственный язык, тогда как грек говорит на многих языках. Они невежественны и наивны, имея перед собой ловких и хитрых противников. Не будучи ленивым, турок не любит торопиться: «поспешение от дьявола, терпение от Бога!»—такова любимая его поговорка. Он не мог бы обойтись без своего *кейфа*, во время которого, погруженный в неопределенные мечты, он живет жизнью растений, не давая себе труда ни думать, ни хотеть. Между тем его соперник, сохраняя свою волю настойчивой и определенной, умеет пользоваться даже часами отдыха. Даже хорошие качества турка обращаются во вред ему: честный, верный слову, он будет работать до конца дней своих, чтобы расквитаться с долгом, и коммерсант пользуется этим, чтобы услужливо предлагать долгосрочные кредиты, которые закабалят должника навсегда. Господствующий принцип торговли в Малой Азии таков: «если хочешь благоденствовать, не делай христианину кредита больше, как на десятую часть его состояния, с мусульманином же рискуй до суммы, вдесятеро превосходящей его имущество!» Так широко кредитуемый, турок не имеет уже ничего, что бы принадлежало ему, как полная собственность. Все продукты его труда будут отданы ростовщику; его ковры, его земледельческие произведения, его стада, самая земля, наконец, все перейдет последовательно в чужия руки. Почти все местные промыслы, за исключением тканья материй и седельного мастерства, отняты у него. Лишенный всякого участия в морской торговле и в мануфактурном труде, он постепенно оттеснен с прибрежья внутрь страны, опять приведен к прежней кочевой жизни; земледелие ему оставляют только для того, чтобы заставить его обработывать свою собственную почву в качестве батрака. Скоро ему не останется ничего более, как только водить караваны или следовать за стадами с пастбища на пастбище. Турки почти совершенно изгнаны с островов ионийского берега; в больших городах прибрежья, где они еще недавно составляли большинство жителей, теперь им принадлежит лишь второе место по численности. В Смирне, главном городе их полуостровной империи, они кажутся скорее терпимыми, чем хозяевами. Даже в некоторых внутренних городах эллинский элемент уже уравновешивает турецкое население. Движение кажется неудержимым и непреодолимым—как поднимающаяся волна прилива, и османлисы сознают это не менее греков. С давнего времени крик «вон из Европы!» раздавался не только против османских правителей, но также против массы турецкой нации, и известно, что это жестокосердное желание в большей части уже осуществилось: сотнями тысяч ушли в Малую Азию эмигранты из греческой Фессалии, из Македонии, из Фракии, из Болгарии, и эти беглецы составляют лишь остаток несчастных, которые должны были покинуть отеческие дома. Этот исход османлисов из Европы продолжается и не прекратится, без сомнения, до тех пор, пока вся нижняя Румелия не сделается европейской страной по языку, нравам и обычаям. Но вот и в самой Азии туркам угрожает та же участь. Поднимается новый зловещий крик: «в степи!» и с ужасом спрашиваешь себя: неужели и это слово должно исполниться? Неужели нет возможного примирения между расами в борьбе, и неужели необходимо, чтобы единство цивилизации достигалось принесением в жертву целых народностей, да еще таких, которые отличаются самыми высокими нравственными качествами—прямотой, сознанием собственного достоинства, мужеством, терпимостью.

Греки, эти сыны угнетенной райи, которые уже смотрят на себя как на будущих хозяев полуострова, по всей вероятности, в огромном большинстве потомки ионийцев и других греков прибрежья. Однако, они не могут, взятые в массе, претендовать на чистоту крови. Разноплеменные населения, вошедшие в круг притяжения мелких греческих государств, и те, которые впоследствии эллинизировались под византийским влиянием, оставили потомство, смешанное с потомством древних греков, и слияние было полное. Отличительный признак греческой национальности, какою она сложилась ныне в Малой Азии, не раса, даже не язык, а вера в её внешних обрядностях; пределы этой народности, которую можно исчислять в миллион душ, совпадают с границами православных общин. Подобно тому, как на острове Хиосе и на полуострове Эритрейском многие деревни населены османлисами, потомками выходцев из Пелопоннеза, которые говорят только по-гречески, так точно в очень многих греческих общинах употребительный язык турецкий, и грамотеи, которые пишут на своем

древнем языке, употребляют турецкие письменные знаки[1]. Таковы, например, многие селения в долинах Гермуса и Кайстра, где греческий язык только теперь начинает входить в употребление, благодаря основанию школ. Проникая во внутрь страны, встречаешь в нескольких часах от портовых городов многочисленные греческие населения, знающие только турецкий язык; судя по названиям деревень, подумаешь, что попал куда-нибудь к туркменам, а между тем находишься посреди «азиатской Греции». С другой стороны, существуют эллинские населения, почти неизменившиеся в течение двух тысяч лет. Таковы островитяне, жители Карпафоса, Родоса, соседних островков и некоторых долин Карийского побережья, где древнее дорийское наречие оставило большое число слов. На островах Архипелага сохранились еще следы обычаев, предшествующих эллинизму: так, во внутренности островов Коса и Митилены, одни только дочери имеют право на наследство после родителей, и предложения о браке исходят от женщины. Когда старшая дочь выбрала себе мужа, отец отдает ей свой дом[2].

При основании полуострова, на границах Армении, сохранилось несколько групп греков, которых не коснулось никакое смешение с чуждыми элементами, ни с курдами, ни с армянами или османлисами, и которые говорят старым эллинским языком, изобилующим архаизмами, исчезнувшими из греческого диалекта, употребляемого в области морского прибрежья. Так, Фараш или Фараза, орлиное гнездо, господствующее над течением реки Замантиасу, на границах Каппадокии и Киликии, осталась до сих пор чисто греческой, несмотря на то, что она окружена туркменскими народцами. Фаразиоты, гордящиеся тем, что они говорят более чистым языком, чем ромейский (новогреческий), претендуют на происхождение из Пелопоннеза; можно по крайней мере допустить, что эллинские колонисты смешались с потомками древних каппадокийцев, подчиненных греческой цивилизации; но нет никаких народных песен, никаких древних сказаний, которые бы пролили свет на эти вопросы о происхождении[3]. Пока фаразиоты оставались как бы блокированными в своей высокой крепости разбойничеством курдов и афшарцев, они сохраняли в целости наследие своего языка; но вольные отныне ходить по всему краю и эмигрировать в другие селения, они рассеялись по центральной Анатолии. Если бы школы не восстановляли равновесия, греческому языку грозила бы опасность исчезнуть в этой части полуострова. В некоторых деревнях, где прежде раздавалась эллинская речь, теперь греческие песни повторяются только стариками; во многих семьях дети не говорят уже национальным языком[4]. Даже в начале текущего столетия, некоторые греческие общины, потеряв родную речь, потеряли вместе с тем и свою религию. Г. Каролидис встречал во время своего путешествия деревни, некогда эллинские по вере и языку, которые теперь сделались магометанскими. Вероятно, подобные обращения происходили и прежде, начиная с первых времен турецкого нашествия. Г. Каролидис, кажется, даже склонен думать, что каппадокийские афшары, резко отличающиеся от афшаров персидских, в действительности потомки туземцев, некогда эллинизировавшихся. По языку они не отличаются от других магометан, но нравы их в бесчисленных мелочах напоминают нравы древних греков. Упадок эллинизма в селениях внутренних областей, вероятно, достиг своего предела, потому что те из греков, которые сохранили свое имя, сохранили также сознание и гордость своего происхождения, действительного или предполагаемого, и теперь они находятся в непосредственных сношениях со своими единоплеменниками, которые, без сомнения, окажут им поддержку в борьбе за существование.

Как бы то ни было, успехи греческой национальности в областях морского прибрежья дотого быстры, что можно было бы вычислить, по правилу пропорций, во сколько десятилетий древняя эллинская Азия будет обратно завоевана у турок без пролития крови, просто постепенной заменой одной расы другою. Религиозное наименование составляет внешний

1 Th. Kotschy, „Petermann's Mitheilungen“, VI, 1863;—G. Perrot, цитированное сочинение.
2 Michaud et Poujoulat, „Correspondanse d'Orient“.
3 Karolidis, „Путешествие в Коману“ (на новогреческом языке).
4 Perrot, „Souvenirs d'un voyage dans l'Asie Mineure“;—Каролидис, ibidem.

кадр захватывающего греческого общества, но не догматическая пропаганда служит двигателем этого мирного завоевания. Напротив, мало-азийские греки, недавно обозначаемые под общим именем «христиан», редко отличаются ревностью в своем православии; их священники не пользуются общим влиянием, и за исключением деревень, с ними почти никогда не советуются о гражданских делах общины. Связью эллинских обществ служит патриотизм: они чувствуют себя солидарными с другими греками бассейна Средиземного моря, независимо от условных границ. Если они обращают взоры к Афинам больше, чем к Константинополю, то, тем не менее, можно сказать, что они видят отечество не в каком-нибудь городе, но в той подвижной волне, которая окружает острова Архипелага и которая, от Александрии до Одессы, омывает берега стольких греческих колоний. Все эллины Анатолии проникнуты «великой идеей» и все знают средство исполнить ее. Ни один народ не умеет лучше обеспечить свою будущность воспитанием детей. В этом отношении их инициатива равняется даже инициативе армян. В каждом городе школы—главное дело. Негоцианты, окончив деловые беседы о цене и отправке товаров, переходят к обсуждению педагогических методов, оценивают достоинство преподавателей, поощряют рвение воспитанников. Когда их посетит иностранец, они считают непременным долгом показать ему учебные заведения и детские приюты, просят его проэкзаменовать детей, высказать свое мнение по всем вопросам, касающимся воспитания, от которых зависит будущность их расы. Пункт, относительно которого все согласны—это то, что нужно прежде всего развивать в юношестве любовь к своей нации и честолюбие первенства. Все воспитанники учатся древне-греческому языку и читают классиков, чтобы познакомиться с теми временами величия и славы, которые сделали их предков воспитателями человечества; все изучают новую историю Греции и особенно подвиги, которыми ознаменовалась война за независимость. На снисходительных глазах управляющего ими турка они воспламеняются мыслью о том, чтобы прогнать его современем. Работа обратного завоевания отечества подготовляется на школьных скамьях. Так совершается мало-по-малу, мирным путем, политическая революция. Чтобы обеспечить содержание школ, этой надежды нации, нет той жертвы, которой не сделали бы общины. При жизни многие богатые частные лица строят на свой счет училища, и в духовных завещаниях патриотов образование молодых эллинов никогда не забыто.

В этом движении постепенного преобразования греки завладели уже, в ущерб туркам, многочисленными отраслями промышленности и всеми так-называемыми либеральными профессиями. В городах они делаются медиками, адвокатами, профессорами и учителями; как драгоманы и журналисты, они единственные информаторы европейцев, и на основании сообщаемых ими сведений складывается общественное мнение Запада. По каждому ремеслу, их национальности принадлежат лучшие мастера, и в их жилищах можно видеть с первого взгляда, что они сохранили от своих предков совершенное чувство веры и ритма форм. Несмотря на века варварства и угнетения, через которые прошла раса, очень многие произведения их промышленности могли бы служить образцами подобным предметам европейской индустрии. В греческих домах столярные работы—панели, потолки, паркеты—отличаются удивительной тщательностью отделки и пленяют взор скромным подбором цветов и вкусом орнаментов. В Смирнском порте лодка самого последнего гребца есть своего рода образцовое произведение по прочности конструкции, изяществу форм, счастливому распределению всего аппарата; уже по манере обвивания каната вокруг носа, сразу узнаешь, что лодочник принадлежит к народу-художнику. Чего нужно опасаться, так это того, чтобы, из любви к перемене, к новизне, подражание западным народам не увлекло их к уклонениям от хорошего вкуса и не заставило принимать фабрикуемые за границей предметы, стоящие гораздо ниже того, чем они сами обладают. Так, в городах Азии большинство греков одеваются уже «по-французски», в тот банальный и уродливый костюм, который фабрикуют для вывоза в европейских мастерских; они стыдятся носить вышитую куртку, шаровары, пояс, которые, однако, придают походке столько грации и благородства. В прежнее время им не дозволялось носить никакой одежды, кроме черной.

Благодаря своему более высокому образованию, захвату в свои руки ремесл и свободных

профессий, наконец, благодаря богатству, которым они владеют, греки являются сильно вооруженными для борьбы с своими бывшими угнетателями. Они угрожают им также своим вездесущием. Мореход, путешественник, как во времена Геродота, нынешний эллин везде поспел: по своей деятельности он стоит десятка турок-домоседов, которые покидают родное место только затем, чтобы подышать чистым воздухом гор в летнем становище или яйлаке. Между греками, живущими в Азии, есть очень много приезжих из Пелопоннеза, континентальной Греции и с островов; взамен того, множество эллинов из азиатской Ионии, с берегов Черного моря, из Каппадокии отправляются на жительство к своим европейским братьям. Благодаря этим частым путешествиям, семейным союзам с одного континента на другой, благодаря также фальсификации документов, на которую легко склонить турецких чиновников за приличную взятку, не один малоазийский грек без труда превращается в эллинского подданного. Заручившись этим титулом, который изъемлет его самого и его семейство из-под непосредственного ведения турецкой администрации, он возвращается с высоко поднятым челом в свое первоначальное отечество. Таким-то образом в Смирне и в других городах азиатского поморья греческий консул имеет под своей юрисдикцией целые населения: в самом сердце турецкой территории основываются колонии эллинов, обладающих, вместе с силой, которую дает личная инициатива, неоценимыми выгодами политической независимости.

Между европейскими эмигрантами Малой Азии есть большое число выходцев, которых религия связывает с греческим миром, и которые мало-по-малу сливаются с ним. Таковы болгары и валахи; они скоро выучиваются греческому языку, и почти все, во втором поколении, сделались эллинами по нравам. К этим новым грекам примыкают представители расы, которую не ожидаешь встретить в Анатолии: это—несколько сотен семей казаков-рыболовов, поселившихся одни в дельтах Кизыл-Ирмака и Ешил-Ирмака, другие близ озера Манияс и на нижнем Кайстре, в соседстве Эфеса. Эти казаки, как и некрасовцы, поселившиеся на Дунае—староверы, бежавшие в Турцию от преследований в царствование Екатерины II, в конце прошлого столетия. Но в последние десятилетия главный поток эмиграции составляли черкесы—общее имя, под которым понимают всех переселенцев кавказского происхождения, и, конечно, эти иностранцы не из тех, сообщество которых греки находят приятным или по крайней мере сносным. Естественнее всего было бы поселить этих горцев в стране, мало отличной от той, которую они покинули: высокие долины Понтийских гор, киликийского Тавра, ликийского Ак-дага—вот те области, которые были бы для них наиболее подходящими по климату и произведениям; там им, конечно, жилось бы лучше, чем в равнине, и они не наделали бы себе так много врагов; но турецкое правительство, опасаясь, чтобы они не сделались слишком независимыми, расселило их группами по разным местам. Водворенные по большей части на землях, которые пришлось отрезать у их соседей, эллинов или турок, содержимые даже на счет окружающих общин, черкесы были встречены местным населением как грабители, и очень немногие постарались заставить простить им их непрошенное вступление в чужую семью. Незнакомые с местными языками, нежелающие научиться им, всегда гордые и молчаливые, новые пришельцы не все отказались от своих грабительских повадок, прибыв в страну, которая гостеприимно дала им у себя приют. Случаи кражи лошадей, даже похищения молодых девушек совпали с их приходом, и подозрения тотчас же направились на этих выходцев с Кавказа. «Черкес ворует даже у бедняка!»—таков общий голос в Малой Азии. Все соединились против них. Война вспыхнула против чужеземцев, особенно в греческих деревнях, жалобы которых не имели тех же шансов быть выслушанными, как жалобы турок. Во многих округах закон крови царствует между смежными общинами. Когда какой-нибудь черкес заблудится в пределах враждебных земель, он исчезает внезапно и бесследно, и никто не может или не хочет дать о нем какие-либо объяснения. Эмигранты из Кавказа, будучи в меньшинстве, принуждены были во многих местах отказаться от неравной борьбы и искать убежища в менее населенной стране; в других местах, именно близ Никомедии, они, напротив, прогнали своих соседей. Однако, нет недостатка и в таких черкесских селениях, жители которых, достаточно снабженные землями и скотом, жи-

вут в мире со своими соседями и постепенно приспособляются к новой среде. В верхней долине Меандра некоторые кавказские колонии могли бы служить примером окрестным туркам в отношении хорошей обработки полей и содержания ирригационных каналов. Из кавказцев туземцы всего менее имеют причин жаловаться на абхазов.

Прежде торговля Малой Азии была в большей части сосредоточена в руках иностранцев, почти исключительно латинских католиков, поселившихся в Смирне и других портах морского прибрежья и известных под коллективным именем левантинцев. До пробуждения греческой национальности они были единственными посредниками между турками Анатолии и портами Запада; но возрастающая деятельность эллинов и облегчения, которые употребление пароходов доставило непосредственным торговым сношениям, заметно уменьшили влияние левантинцев. Большинство их, поселившееся в стране с давнего времени и насчитывающее уже несколько поколений, представляет уже смешанную расу; многие плохо знают язык нации, к которой принадлежат по своим документам о происхождении; но они, тем не менее, ставят себя под покровительство своего консула и пользуются привилегией быть изъятыми из турецкой юрисдикции; между ними-то почти всегда выбираются консульские агенты и служащие в канцеляриях иностранных представителей. Без всякого сомнения, левантинцы исчезнут рано или поздно как особый класс: одни—чтобы слиться с населением края, другие—чтобы вернуться в лоно нации, к которой они принадлежат по происхождению. Гораздо раньше самого класса исчезнет жаргон, называемый «франкским языком», жаргон, порожденный коммерческими сношениями левантинцев с туземцами всякой расы в портах Востока. Этот жаргон, состоящий из нескольких сотен слов, приставляемых одно к другому без всякой флексии, был преимущественно итальянский, так как большинство говоривших им были уроженцы Италии; но он заключал в себе также термины провансальские, испанские, французские, равно как местные названия, греческие и турецкия, предметов торговли. Можно сказать, что это грубое собрание слов, называемое франкским языком, не существует более: оно уже заменено итальянским простонародным наречием и французским языком. Другой левантийский жаргон тоже на пути к исчезновению: это—испорченный испанский (spaniole), тот диалект, который употребляют потомки евреев, изгнанных из Испании, смешивая его с еврейскими выражениями, и который кастильцы поняли бы с трудом. В настоящее время воспитание мало-по-малу заменяет цивилизованными языками все эти уродливые говоры. Француз, высаживающийся в Смирне, с радостным удивлением слышит раздающуюся кругом него его родную речь, которую образованные туземцы приняли, как свой общий язык, и слова которой они, при том, произносят с замечательной чистотой. Это французский литературный язык сделался для армян и евреев, так же, как для греков и левантинцев, «франкским» диалектом наших дней.

Самый рельеф почвы сгруппировал на морском прибрежье наиболее многочисленные населения; по мере удаления от берегов, населенные места встречаются все реже и реже, и, наконец, путешественник вступает в пределы настоящих пустынь. Города, многолюдные села и деревни находятся в огромном большинстве в соседстве моря; как на Пиренейском полуострове, с которым Малая Азия имеет так много сходства, плотность народонаселения уменьшается от окружности к середине. Однако, плоские возвышенности Анатолии, как и нагорья Испании, заключают несколько важных городов, необходимых этапов торговли, которая производится от одного прибрежья к другому. Линия раздельного хребта между покатостями Черного и Кипрского морей составляет почти точную границу между двумя стилями архитектуры: к северу от этой черты везде увидишь наклонные крыши, покрытые черепицей, к югу—террасы из битой глины или мелкого булыжника, каковы бы, впрочем, ни были климатические условия[1].

К западу от мыса Язона, рассматриваемого, как восточный предел Понтийских берегов Малой Азии, первый город богатого Джаникского края—порт Уние, имеющий некоторую

1 Von Moltke, „Das nordliche Vorland Klein-Asiens“.

важность по судостроительным верфям и по каменоломням, откуда добывают красную и белую известняковую плиту, отправляемую в другие города побережья. Горные породы, из которых выламывают плиту, содержат залежи волнистой яшмы, отлично принимающей полировку: здесь, как думает Гамильтон, выделывались те яшмовые вазы, которые Митридат любил показывать своим гостям. Возвышающиеся внутри этого края известняковые холмы покрыты желтоватой глиной, в которой находят гнезда железистого камня с довольно слабым содержанием металла, и местные жители, может быть, потомки древних халибов, плавят эту руду в маленьких деревенских заводах; впрочем, их железо, очищаемое на древесном угле, превосходного качества, так что турецкое правительство покупает его для своих арсеналов. В одно и то же время рудокопы, кузнецы и угольщики, униехские «халибы» ведут кочевую жизнь, перенося свои хижины и кузницы на новое место, когда на старом залежь руды кажется им истощившейся. Вся страна усеяна рудоплавильными печами в развалинах и грудами шлаков[1]. На востоке, тоже на берегу земли халибов, следуют один за другим несколько портов—Фатиса, Орлу; но, служа местами сбыта для коротких долин, эти порты имеют незначительную торговлю. В этой области, защищенной от ветров мысом Язоном, находится лучшая якорная стоянка на всем анатолийском прибрежье Черного моря, Воналиман, куда некоторые суда удаляются на зимовку.

Верхняя долина реки Гермили, главного притока Ешил-Ирмака, начинается в самом сердце Понтийских гор, между травянистыми склонами. Главный город этой альпийской области—один из тех многочисленных Карагиссаров или «Черных замков», названных так от разрушенных крепостей, приютившихся на вершине отвесных скал. Карагиссар северо-восточной Анатолии обозначается специально прозвищем Шеб-хане, Шабанах или Шабин, по причине квасцовых рудников, которые разрабатываются в соседстве, и продукты которых перевозятся через горы Гумбет-даг в порт Керасун. План колесной дороги, еще не выполненный, соединяет этот город с набережными порта Тиреболи. Шабин-Кара-гиссар, высоко стоящий на уединенной скале, в цирке гор, находится на высоте слишком 1.600 метров. Другой торговый город этой долины, Никсар, древняя Нео-Кесарея, лежит всего только на высоте 500 метров; он отстоит не более, как на 50 километров от слияния двух главных ветвей Ириса. Среди его обширного леса фруктовых деревьев видны кое-какие остатки римских укреплений Новой Цезареи. В этом-то городе, который у Страбона называется Кабирой, и была, по мнению Гамильтона, резиденция Митридата. Почти все нормальное население окрестностей состоит из кизыль-башей[2].

Токат, столица верхнего бассейна реки Ирис или Тосанли-су, есть один из больших городов внутренней Анатолии и один из главных этапных пунктов на дороге из Константинополя в верхнюю Месопотамию. Предместья его продолжаются далеко в боковые долины между садами; в 12 километрах вверх по реке находилась пышная Комана понтийская[3], где еще видны кое-какие обломки древних храмов, вставленные в византийский мост, построенный на Ирисе. Токат, представляющий ныне скопление домишек из битой глины и кирпича, высушенного на солнце, легко мог бы быть отстроен из мрамора, так как он расположен у подошвы двух крутых вершин из кристаллического известняка, доставляющего великолепнейший строительный материал; слои, на которых залегают эти мраморы, ломаются широкими плитами, которые турки употребляют на надгробные памятники. Северная скала увенчана живописными развалинами византийского замка, а на одной из её стен открываются гроты, естественные и искусственные, которые, вероятно, служили некрополем; портал, на пороге которого висит остаток лестницы, давал некогда доступ в подземные галлереи. Сады, хорошо нагреваемые теплотой, отражающейся от мраморных скал, и орошаемые обильными водами, проведенными из Ириса, дают превосходные плоды; их яблоки и груши еще лучше и ароматичнее, чем ангорские, славящиеся во всей Малой Азии, даже в Константинополе.

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

2 Taylor, „Journal of the Geographical Society“, 1868.

3 Briot, рукописные заметки.

Токат имеет медноплавильный завод, куда привозят руду, добываемую из залежей Кабан-Маден, за Сивасом. Выделываемая на этом заводе посуда отправляется даже в Египет, в Персию и в Туркестан.

Ниже Токата простирается, на берегах Ириса, плодоносная, равнина Каз-ова или «Гусиная», оконечность которой охраняется большим местечком Турхал; над домами и садами этого городка высится совершенно уединенная скала, пирамидальной формы, с выступами, расположенными косвенно кругом стен и придающими ей поразительное сходство с древнеассирийским храмом, каким его показывают реставрированные планы. На вершине Турхальской скалы видны развалины крепости. К юго-западу от этой долины, в равнине, орошаемой притоком Ириса, значительный город Зиллех, древняя Зила, населенный почти исключительно турками, также сгруппировал свои дома у подошвы скалы, отделенной от окружающих холмов и увенчанной крепостью. На вершине скалы стоял храм богини Анагит, высоко чтимое здание, на которое древние персидские цари, по словам Страбона, смотрели, как на главное святилище своих божеств. Вероятно, сила привычки сделала из Зиллеха одно из наиболее посещаемых ярмарочных мест Малой Азии; толпу пилигримов, привлекаемых некогда святостью храма, сменило стечение торгового люда. К северу от Зиллеха, на дороге в Амазию, находится поле битвы, которую Цезарь дал Фарнаку, царю Понтийскому, и которую он описал в трех словах: «veni, vidi, vici!» (пришел, увидел, победил!)[1].

Амазия, где родился Страбон, и где был написан его великий труд, наполняет узкий бассейн, через который протекает Ирис (Ешил-Ирмак), соединяющийся немного ниже города с притоком Терсекан-су. С восточной и западной стороны высятся огромные серые скалы, лишающие город лучей солнца в продолжение нескольких часов дня. Восточные холмы, менее крутые, представляют несколько террас, покрытых виноградниками и усеянных домиками. Западные скалы, фланкированные при основании широким цоколем, на котором стоял дворец понтийских царей, указываемый еще кое-какими обломками, представляют почти вертикальную стену, оканчивающуюся острым гребнем, на котором помещалась цитадель, описанная Страбоном. Чтобы взобраться туда, нужно обогнуть скалу и войти на западе в утесистую брешь, откуда крутая тропинка поднимается к ограде бывшего укрепления. Нынешняя крепость почти вся византийской и турецкой постройки; но уцелели еще две эллинские башни превосходной работы, а также галлереи, высеченные в скале, которые спускаются к подземному источнику, затем выходят на поверхность папертью, подобной порталу в Турхале[2]. На стенах скалы, господствующих над древним дворцом, виднеются пять царских могил, ясно выделяющихся на сером фоне камня, благодаря тени высеченных вокруг них гротов.

Древняя метрополия Понта не сохранила других античных остатков, если не считать фрагментов изваянных мраморов, которые послужили материалом для постройки быков одного из её мостов; но она имеет богатую мечеть, прекрасные фонтаны, живописные дома, мельницы, поднимающие ирригационную воду большими, медленно вращающимися колесами, группы тутовых деревьев в перемежку с домами, и почти чистые улицы. Белые ястребы, гнездящиеся в расселинах окрестных скал, очищают город лучше, чем это сделали бы отряды турецких рабочих. Амазия, насчитывающая между своими жителями большое число армян и греков, составляющих около четверти населения,—довольно промышленный город; многочисленные заводы следуют один за другим вдоль реки и её каналов, мельницы, мастерские для разматывания шелка, мануфактуры грубых сукон. Тем не менее, этот город есть также оплот турецкого фанатизма. «Оксфорд Анатолии», Амазия дает приют двум тысячам студентов, разделенных между восемнадцатью медрессе или коллегиями, богоугодными заведениями, владеющими полями, домами, лавками, доходы с которых идут на содержание профессоров и воспитанников. Эти имущества, *вакуфы*, управляемые специальным администратором, который заседает в Константинополе в совете министров, приносят школам лишь

1 G. Perrot, „Memoires d'Archeologie, d'Epigraphie et d'Histoire".

2 Hamilton, „Researches in Asia Minor";—G. Perrot, „Voyage en Asie Mineure".

весьма небольшую часть получаемых с них действительных доходов[1].

Амазия и другие города нижнего бассейна Ираса, Чорум и Мерсифун (Мерсиван), не отправляют своих произведений и товаров через устье реки; суда не поднимаются по течению, и ближайшее к морю местечко, Чарамба, в голове дельты, состоит лишь из домов, рассеянных на обоих илистых берегах Зеленой реки. К западу от Ешил-Ирмака, Самсун, новый порт, служащий посредником в торговле между бассейнами Ешил-Ирмака и Кизыл-Ирмака, находится почти на полдороге между дельтами этих двух рек; он сменил древний Амизус греков, который лежал в 2 километрах севернее, и от которого уцелели еще молы и остатки набережных, окаймляющие аллювиальные земли, на которых разведены сады. Нынешний город, с грязными кривыми улицами, замечателен только своим рейдом, заключенным между двух обширных полукругов твердой земли, образовавшейся из речных наносов. С половины настоящего столетия торговля его значительно увеличилась, особенно торговля с Россией, и в многочисленных проектах инженеров Самсун обозначен, как исходный пункт будущей железной дороги, которая направится к Токату, Сивасу и равнинам Евфрата. Торговое движение в порте Самсун в 1880 году: 310.000 тонн.

Сивас, главный город большой провинции, лежит на правом берегу верхнего Кизыл-Ирмака, в равнине, постепенно понижающейся с высоты 1.250 метров и доминируемой на западе крутыми склонами холма, возвышающимися на 300 метров. Внутри городской ограды встречаются пространства, покрытые развалинами и полуразрушенными зданиями персидской конструкции; несмотря на то, Сивас—один из самых цветущих городов внутренней Анатолии, благодаря тому обстоятельству, что в нем сходятся главные караванные дороги между Черным морем, Евфратом и Средиземным морем; на юге, недалеко от местечка Улаш, находятся очень производительные солончаки, разрабатываемые для казны. Пятая часть населения состоит из армян, которые имеют в соседстве чтимую церковь, а также богатый монастырь, в самом же городе многочисленные школы.

Кайсарие, деревня Кесарея, метрополия Каппадокии, лежит не в долине Кизыл-Ирмака, как Сивас: она занимает, к югу от этой реки, бассейн, некогда озерный, который защищен от лучей южного солнца громадной массой Аргейской горы, и через который протекает небольшой южный приток Красной реки. Соседнее болото, остаток бывшего озера, выливает зимой излишек своих вод через реку Кара-су (Черная вода), которая принимает в себя также Кесарийский ручей; выходное ущелье несомненно то самое, о котором Страбон говорит, что оно было запружено одним государем Каппадокии с целью превратить эту равнину во внутреннее море. Кесарея, древняя Мазака, лежащая ближе к вулкану, чем нынешний Кайсарие, оставила после себя лишь бесформенные обломки, да и от средневекового города, разрушенного землетрясениями, видны одни только развалины. Теперешняя Кесарея, где армяне и греки доставляют больше трети населения, довольно торговый город, благодаря своему центральному положению, и караваны беспрестанно ходят между Константинополем и равниной, над которой господствует гора Аргей; тем не менее, правильные рейсы пакетботов, ходящих от пристани до пристани вдоль берегов Черного и Средиземного морей, отвлекли к прибрежью торговое движение, и Кайсарие утратил свое значение, как центральный рынок Малой Азии. Тенистые долины Аргейской горы и соседних гор усеяны загородными домами, где богатые негоцианты и чиновники проводят лето. Эверек, расположенный в лесу фруктовых деревьев, у южного основания горы Аргей, и населенный исключительно христианами, армянами и эллинами, есть главное местечко в окрестностях, откуда отправлялись все путешественники, предпринимавшие восхождение на вулкан. Много других деревень населены греками, говорящими по большей части только по-турецки[2].

К западу от Кайсарие, большая дорога, ведущая в Константинополь, не спускается к Кизыл-Ирмаку, но следует параллельно его долине в некотором расстоянии, в понижении, отделенном от реки высокими горами. Она проходит через города Инджех-су, Ургуб и Нем-

1 G. Perrot, цитированное сочинение.

2 Karolidis, цитированный мемуар;—Fanshawe Tozer, „Eastern Asia Minor“.

Шехр (Нев-Шехр), из которых последний один из богатейших городов внутренней Анатолии, один из тех, где греки наиболее многочисленны, так что им принадлежит половина города и почти вся его торговля. Ургуб и соседняя деревня Уч-Гиссар или «Три замка» расположены в одной из замечательнейших стран Малой Азии по её достопримечательностям, естественным и археологическим. В этой вулканической области верхния формации, состоящие из твердого камня, залегают в форме стола на пластах туфа, которые, хотя имеют некоторую консистенцию, но легко разъедаются водами. Вековая работа ветров, солнца, дождей образовала в горной породе целую сеть долин, оврагов и барранок. Некоторые из холмов, вырезанных таким образом в туфе, сохранили свою капитель из твердого камня; это—«колонны в шапках», как те глиняные обелиски, которые встречаешь в эрозивных долинах Альп. Другие утратили верхнюю плиту и являются в форме конусов неравной высоты, различие которой зависит от большего или меньшего сопротивления, оказываемого горной породой разрушительному действию атмосферных деятелей. Есть такие, которые возвышаются почти на 100 метров, другие поднимаются только на 50, иные не выше 10 или 20 метров; но они рассеяны по равнине целыми тысячами, представляя вид громадного поля, покрытого исполинскими палатками, где спят гиганты. Большинство этих конусов, серых или красноватых и опоясанных зеленью при основании, просверлены отверстиями, открывающими вход во внутренния полые пространства, человеческие жилища, голубятни или могильные склепы. Между этими гротами одни простые прокопы, четыреугольные или полукруглые, другие имеют спереди изваянные вестибюли и даже колоннады, и украшены живописью; целый народ поместился бы в этих подземельях, вырытых со времен доисторических. Древние аборигены несомненно обитали в этих подземных галлереях, впрочем всегда сухих и совершенно здоровых; туда они помещали своих богов и там же хоронили своих покойников. Теперешние дома Ургуба сохранили некоторые особенности, напоминающие древние жилища троглодита; они построены на высоких аркадах, под которыми открываются обширные подвалы, высеченные в туфе. На юго-запад от Аргейской горы, недалеко от города Кара-Гиссар, скопившийся вулканический пепел, Соанли-дере, представляющийся в форме зубчатых стен, изрыт таким множеством гротов, что в целом скала имеет вид громадного здания с неправильными этажами и неровно расположенными окнами; несколько тысяч отверстий усеяли своими черными точками серый фон скалы[1]. Соанли заключает в себе церковь, из которой можно подняться, переходя из галлереи в галлерею, почти до натуральных зубцов гребня.

На северной покатости долины Кизыл-Ирмака, так же, как и на южной, города удаляются от глубокой впадины, в которой течет река. Маджур, Кир-Шехр, построены, тот и другой, в боковых долинах. Часть страны если не совершенно безлюдна, то по крайней мере без постоянных жителей: там можно встретить только палатки туркменов или курдов. Что касается постоянных селений, то они состоят из домов, которые едва отличишь от окружающей почвы, из домов, погребенных на три четверти для того, чтобы их обитатели менее страдали от летних жаров и зимних холодов; часто путешественники, не замечая улицы, проезжают на лошади по террасам, рядом с баранами и козами, которые щиплют траву на кровлях домов[2]. Этот стиль архитектуры объясняется высотой плоскогорий, поднимающихся, в среднем, слишком на 1.200 метров.

В том месте, где Кизыл-Ирмак, описывая свою большую полукруглую дугу, перестает течь к северу и принимает окончательное направление к северо-востоку, городок Каледжик или «Маленький замок», расположенный на левом берегу, командует проходом, на дороге из Ангоры в Сивас через Юзгат. Полуразрушенная крепость господствует над крутым остроконечным пиком, который опоясан рядом домов. На одном из рукавов реки построен деревянный мост; затем дорога продолжается через брод к восточному высокому берегу. Юзгат, немного значительнее Каледжика, лежит почти в геометрическом центре кривой, описывае-

1 Paul Lucas;—Hamilton, „Researches in Asia Minor“;—Ch. Texier, „l'Architecture byzantine en Orient“.

2 G. Perrot, цитированное сочинение.

мой Кизыл-Ирмаком от Сиваса до Черного моря. Этот город, относительно недавнего происхождения, так как он основан в половине восемнадцатого столетия, находится на высоте 1.792 метров, то-есть почти на высоте Эрзерума, и в местности, более выставленной леденящему дуновению полярных ветров. Юзгат, вероятно, был бы обитаем только в сезон жаров, да и то лишь пастухами-кочевниками, если бы он не был избран как административный и военный центр. С половины текущего столетия этот город обогатился разведением ангорской козы, которая прежде водилась только на пастбищах, лежащих к западу от Кизыл-Ирмака[1].

Некогда страна несомненно была более многолюдна, чем ныне, судя по находимым там развалинам многочисленных городов, которые, повидимому, былп очень богаты и заключали пышные памятники. Менее чем в 40 километрах к северо-западу от Юзгата, близ Богазкоя или «Деревни ущелья», видны остатки храма великолепных размеров. Соседния скалы покрыты барельефами, представляющими торжественные процессии, может быть, двух государей, заключающих мирный договор, может быть—бога, идущего на встречу царю-победителю. Тексье, первый из новейших исследователей, посетивший «писаный камень», полагает, что город, находившийся в этом месте, был Птерия, разрушенная Крезом слишком две тысячи четыреста лет тому назад. По мнению Гамильтона, в этих барельефах следует видеть остатки древнего Тавиума, о котором Страбон говорит, как о важном торговом городе. Но к какому городу принадлежали артисты, которые покрыли скалу изваяниями, по виду еще полу-ассирийскими, но уже заставляющими предчувствовать произведения эллинской скульптуры? Не менее замечательны руины в Оюке, находящиеся километрах в сорока севернее, на покатости Ешил-Ирмака, близ трахитовой скалы Кара-Гиссар, похожей на изолированную пирамиду. Двери древнего дворца охраняются двумя гигантскими животными, имеющими голову женщины, а туловище и лапы льва; по стилю эти колоссы походят на египетских сфинксов, тогда как другие изваяния, между которыми виднеется также двуглавый орел, воспроизводимый на гербах современных империй, напоминают сцены охоты и битв, изображаемые на памятниках Персии и Ассирии. Нынешняя деревня Оюк построена на горках обломков, покрывающих дворец, и для того, чтобы предпринять серьезные раскопки, нужно начать с отчуждения и сломки жилых домов[2].

Чангри и Искелиб, в плодоносных бассейнах притоков Красной реки—многолюдные города; но на среднем течении главной реки городов совсем нет, да и в нижней долине они немногочисленны. Один из важнейших—Османджик, стоящий на правом берегу, у оконечности старого каменного моста о пятнадцати арках, где проходит прямая дорога в Константинополь. Ниже Османджика с Красной рекой соединяется речка, спускающаяся с высокой Коч-гиссарской долины и орошающая сады местечка Тозия; затем другой, более обильный приток приносит воды, текущие с гор, окружающих Кастамуни. Этот город, круг домов, кожевенных заводов, прядилен, красильных заведений и садов, в центре которого высится скала, увенчанная крепостью времен Комненов,—откуда имя его Castra Comneni, переделанное в Кастамуни,—есть один из главных этапных пунктов на дороге, которая идет прямо из Стамбула в Самсун, не следуя вдоль извилин морского прибрежья. Ниже, на той же реке, Таш-Кепри или «Каменный мост» заменил древний Помпеиополь. К востоку от главной реки, город Визир-Кепри, окруженный кипарисами и тополями, тоже лежит вне главной долины, на последнем притоке. Наконец, Бафра, рынок дельты, расположен в некотором расстоянии от топкого речного ложа и окружающих его болот, на возвышенном месте, часто превращаемом в остров наводнениями: дороги все должны проходить по насыпям над низменной равниной. Главная культура на этой сырой и плодородной почве—табак, который отправляют в Константинополь через маленький порт Кунджас или Кумжугаз, лежащий на востоке дельты, как раз в том месте, где аллювиальные земли образуют выступ на нормальной линии морского берега.

Прелестный Синоп, древний ассирийский город, уже колонизированный милезийцами

1 Fanshawe Tozer, „Turkish Armenia and Eastern Asia Minor“.

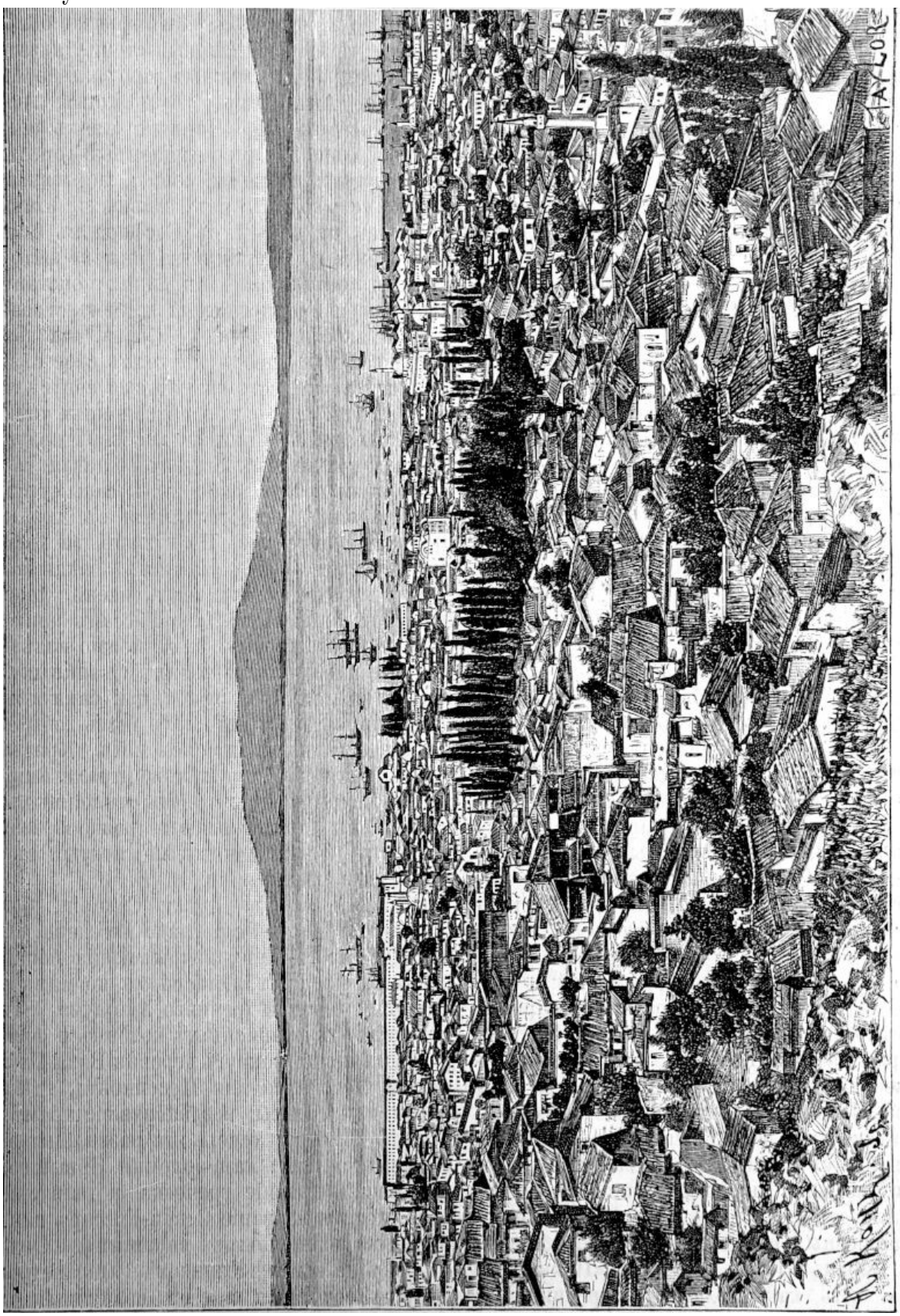
2 G. Perrot, цитированное сочинение.

двадцать семь веков тому назад, ведет менее значительную торговлю с внутренними областями, чем Самсун. В то время, как этот последний порт имеет легкое сообщение с Эрзерумом, Амазией, Токатом и Сивасом, Синоп отделен от средних долин Кизыл-Ирмака и Сакарии крутой горной цепью Марайдаг, через которую ведут лишь плохия тропинки. Синоп, лежащий близ самого северного мыса Малой Азии и не имеющий дорог, находится как бы вне континента; на него должно смотреть, как на род острова, который обязан своей важностью лишь выгодам приморского положения. Группа холмов, слегка волнистых, на которые он опирается, была в самом деле островным массивом, состоящим из известняковых пластов, которые прикрыты в некоторых местах трахитами и вулканическими туфами. Узкий перешеек, который северо-западные ветры посыпают тонким песком, соединяет высоты с твердой землей: с холмов, господствующих над перешейком Синопа, его строениями и двумя рейдами, созерцаешь одну из восхитительнейших картин азиатского прибрежья. Гармонические, волнистые изгибы берега, сравниваемые восточными поэтами с гибким стройным станом юноши, отдельные группы деревьев, осеняющие скаты высот, дома, башни, минареты, корабли, глядящиеся в зеркальную поверхность голубого моря, контраст двух портов, имеющих каждый свою систему волнений и течений, свои шквалы и отблески,—все это вместе придает городу необыкновенно живописный вид, так что Синоп по справедливости можно назвать жемчужиной северной Анатолии. Но внутри городских стен, установленных по бокам потрескавшимися и наклонившимися башнями, не видно более никаких остатков тех памятников, которые украшали вольный греческий город во времена, когда там родился Диоген-циник. Здания, построенные Митридатом, также сыном Синопа, не существуют более, но в стенах византийской эпохи встречаются вставленные фрагменты античных изваяний и надписей. Южный порт, гораздо более посещаемый, чем северный, не защищен никаким жете, но суда могут совершенно спокойно стоять там, когда дует опасный западный ветер. Турецкое правительство вновь выстроило в Синопе арсенал и кораблестроительную верфь, взамен тех, которые были сожжены, вместе с стоящей на рейде маленькой оттоманской эскадрой, русским флотом в начале крымской войны, в 1853 году. Местная торговля имеет некоторое значение только по вывозу фруктов и леса; торговое движение Синопского порта в 1880 году выразилось цифрой 113.000 тонн. Известно, что пафлагонский город доставлял художникам ту «синопскую землю», название которой передалось в геральдическом языке зеленому цвету (sinople) на гербах. Оконечность Синопскаго мыса усеяна пропастями и ямами, образовавшимися вследствие провалов почвы.

К западу от мыса Сириас или Инджех-Бурун, составляющего западную границу маслич-ного дерева, как это заметил еще Ксенофонт, следуют один за другим маленькие порты между скалистыми мысиками; такова древняя греческая колония Инеболи, откуда выходит горная дорога, направляющаяся в Кастамуни, Коч-Гиссар и Чангри. Далее следует Сезамиус (Амастрис, Амасра), где видны остатки висячего сада, поддерживаемого девятнадцатью колоссальными сводами[1]. Порт Бартан, также греческого происхождения, стоит не при море, а на реке, древней Парфении, которая позволяет судам, сидящим в воде не более 2 метров, вход на целую милю внутрь материка. Река Филиас—в старину Биллеус—гораздо более полноводная, чем Бартан или Парфений, заперта в устье баром, через который суда не могут проходить; но она орошает сады двух важных городов, называемых, тот и другой, Боли. Восточный Боли, обозначаемый специально под именем Зерафан-Боли или «Шафранный Боли», лежит в широком бассейне плодородных полей, орошаемых рекой Суганли-су, притоком Филиаса; шафран, украшающий в октябре месяце своими цветами всю равнину, вывозится главным образом в Сирию и Египет. Западный Боли, называемый просто Боли, находится уже в самом сердце гор, на высоте 860 метров, на дороге из Эрекли в Ангору: это—древний Вифиниум. Город, большой и некрасивый, расположен у подошвы высокой скалы, увенчанной развалинами крепкого замка; на юге обрисовываются длинные лесистые верхушки Аладага, Галатского Олимпа. На западном мысе, господствующем над устьем реки

1 Eng. Bore, „Correspondance“.

Филиас, рассеяны руины города Тиума—храмы, амфитеатры, водопроводы, ворота, стены и гробницы, на половину скрытые листвой больших деревьев и гирляндами плюща. Тиум —«жемчужина Эвксина»[1].



Смирна.

Эрекли, древняя Гераклея, или «порт Геркулеса», хотя теперь в упадке—один из красивейших городов прибрежья. Расположенный при выходе зеленеющей долины, на берегу

1 Ainsworth, „Travels in Asia Minor“.

бухточки, защищенной с севера высоким мысом, он окружен старыми стенами, закрытыми там и сям густо разросшимися деревьями; наблюдаемые с моря, все холмы, до крайнего горизонта, покрыты буковым лесом. Эрекли—один из портов Черного моря, которым, повидимому, предстоит сделаться центрами самой кипучей деятельности, когда рессурсы страны будут утилизируемы как следует. В соседстве эксплоатируют в очень незначительных размерах каменноугольные копи, которые, при более серьезной разработке, тщетно предлагаемой европейскими промышленниками, могли бы быть гораздо более производительными. Залежи каменного угля, исследованные на небольшом числе пунктов, простираются на пространстве, имеющем от 120 до 130 километров в длину, с запада на восток, и около десяти километров в ширину; мощность одного из пластов равна 4 метрам. Кое-какие обломки древней Гераклеи видны еще внутри нынешней ограды; на севере, между скалами северного мыса, показывают грот Ахерусия, где Геркулес спускался в подземное царство, чтобы привязать на цепь Цербера и победить смерть; волшебники вызывали там призраки. Посреди гористой и лесной области, простирающейся на юг к Галатскому Олимпу, местечко Ускюб, древняя Пруза или «Prusias ad Hypium», сохранило интересные остатки греческого театра, а также длинные и любопытные надписи[1].

Известно, что бассейн реки Сакария, к западу от гор Галатеи и долины Кизыл-Ирмака, соединяется по наклону почвы с степями и озерными впадинами центральной Анатолии: несмотря на общее осушение почвы и разделение на замкнутые бассейны страны, простирающейся за истоки Сакария до южной стороны Большего Соляного Озера, можно сказать, что вся эта область принадлежит геологически к черноморской покатости. Ак-Серай или «Белый дворец»—незначительное местечко, сделавшееся главным городом бесплодного и почти пустынного края, самая обширная впадина которого занята Большим Соляным озером. Населенный единственно турками, Ак-Серай, в окрестностях которого нет никаких поселений, кроме временных становищ кочевников, не имеет других предметов торговли, кроме селитры, собираемой на стенах после дождей; но эта страна, как показывают остатки старины, была некогда гораздо более богата. На юге, предгорья массива Гассан-даг покрыты циклопическими постройками, акрополями, храмами и гробницами, от которых сохранилось несколько великолепных обломков. Мало найдется стран в Малой Азии, где бы древние населения, предшествовавшие завоеваниям Александра Македонского, оставили более грандиозные свидетельства своего пребывания. Виран-Шехр, то есть «Покинутый город», есть, как полагают, древняя Назианза, известная в истории церкви, как место рождения св. Григория[2].

Озерный бассейн, который лежит в низменности, заключающейся между Эмир-дагом и Султан-дагом, также должен быть рассматриваем, как находящийся на покатости Черного моря. Более узкий, окруженный горами, которые доставляют ему большое количество воды, этот бассейн гораздо более населен, чем солончаковые степи Ликаонии, и заключает более важные городские поселения: Ильгун, Ак-Шехр, Бульвадин, Афиум-Кара-Гиссар или «Черный замок опиума». Этот большой и промышленный город, где фабрикуются сафьяны, ковры, шерстяные материи, есть один из главных этапных пунктов на дороге с Босфора в Сирию, и по проектам большинства инженеров, там должны соединиться две линии, константинопольская и смирнская, на общем стволе железной дороги в Индию. Скала, от которой этот важный город получил свое название Черного замка, есть трахитовый конус, который стоит одиноко среди равнины, увенчанный стенами и башнями; на севере, полукруг других трахитовых горок составляет как бы кортеж центральной скалы; сады окружены полями мака, чередующимися с хлебами и другими культурами. На севере, за холмами, простирается узкая равнина, заключающая один город, повидимому, очень древняго происхождения: Эски-Кара-Гиссар или «Старый черный замок». Там можно видеть некоторые из прекраснейших изваянных мраморов Малой Азии, гробницы, бани и колонны, материал для кото-

1 G. Perrot, „Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure".

2 Hamilton, „Researches in Asia Minor".

рых был добыт из покинутых ныне каменоломен. Кристаллические мраморы, окруженные трахитами, которые видоизменили пласты сплошных известняков, представляют разнообразие оттенков—белый, синеватый, желтый с прожилками и крапинками[1].

Область истоков реки Сакарии, богатая руинами, теперь очень слабо населена. Развалины Герган-Кале, покрывающие обширную равнину, представляют собою, по мнению Гамильтона, остатки древнего Аморіума, а Тексье признал в фрагментах колонн и фризов,

Остатки древняго храма въ Анцирѣ.

разбросанных вокруг деревни Бала-Гиссар, руины Пессинуса или Пессинонта, где жили галлы или галаты, воздвигнувшие храм «бабушке» Цибеле; теперь эти развалины разрабатываются, как каменоломня. Новый город, сменивший древние греческие и галатские города, носит название Севри-Гиссар или «Замок остроконечных вершин». Он построен на высоте слишком 1.000 метров, у южного основания крутой гранитной скалы, где на половине высоты видны развалины замка. Совершенно защищенный от северных ветров и обращенный на юг, Севри-Гиссар занимает счастливое положение во время зимнего сезона; но летом, спокойный воздух, нагреваемый отражением белых скал, кажется раскаленным, словно выходящим из горящей печи.

Восточная ветвь реки Сакарии, Энгури-су, орошает поля, окружающие знаменитую Эн-

1 Hamilton, цитированное сочинение.

гурие или Ангору, древний галатский город, сделавшийся главным очагом западной цивилизации во внутренней Анатолии. Город некрасив; его серые дома, из необожженного кирпича, имеют вид мазанок, и окрестные холмы, не высоко поднимающиеся над равниной, представляют монотонный профиль, едва прерываемый несколькими изгибами. Самый живописный элемент пейзажа—скала черноватого трапа, на вершине которой приютилась цитадель, обнесенная тройной стеной. Ангора, Анкира или Анцира древних греков и римлян, обладает остатками прекрасного храма, посвященного Августу и Риму, и который заключен теперь в строениях мечети Гаджи-Бейрами; там находится драгоценный «анкирский памятник», то-есть надпись на двух языках, в которой семидесяти-шестилетний Август рассказывает историю своего царствования, перечисляет свои деяния, свои завоевания, здания, которые он построил. Только в 1861 году латинский текст и греческий перевод надписи были окончательно списаны со всей точностью, какой требовал исторический документ такой важности[1]. Стены и ворота Ангоры большею частью построены из обломков римских зданий, храмов, колоннад, амфитеатров. Лев прекрасного стиля вставлен в турецкий фонтан, почти у самых ворот Ангоры, на расстоянии однодневного перехода к юго-западу, в дефилее обширных плоскогорий Гаймане. Гг. Перро и Гильом открыли драгоценный гиттитский памятник, представляющий две фигуры с тиарой на голове и с правой рукой, протянутой к западу. Над этими изваяниями высятся циклопические стены крепости, называемой туземцами Гяур-Кале, то-есть «Крепостью неверных».

Почти треть населения Ангоры состоит из армян-униатов, которые забыли родной язык и всегда говорят по-турецки, разве только в семинарии, тогда как на западе местечко Истанос, стоящее на месте того города, где Александр Великий рассек гордиев узел, сохранило древний идиом. Ангорские армяне отличаются от константинопольских большей сердечностью, более веселым и общительным характером, меньшей скрытностью в сношениях к иностранцами. Тип тоже разнится: в столице Галатии большинство армянок не имеют того смуглого цвета кожи, тех грубоватых черт, того слишком округлого лица, которые обыкновенно замечаешь у гайканских женщин Турции; большое число галатских армянок имеют белокурые волосы, голубые глаза, овальное лицо, физиономию европейцев, тип, который, впрочем, часто встречается в Пафлагонии[2]. Г. Перро спрашивает: не следует ли видеть в ангорских армянах смешанную расу, происходящую частию от галатов, «древних французов», как говорят армяне? Точно также мусульмане Галатии, слывущие самыми кроткими и общительными между правоверными Анатолии, имеют, как говорят, небольшую долю галльской крови в жилах[3]. Однако, прошло уже по малой мере восемнадцать веков с тех пор, как кельтский элемент окончательно распустился в населении Анкиры; часто повторяют со слов св. Иеронима, что в его время, то-есть в четвертом столетии христианской эры, язык, употребляемый анкирцами, был тот самый, которым говорили тревиры; по уже лет за триста перед тем галатские имена были заменены в крае греческими названиями,—доказательство, что галльский идиом уже исчез в ту эпоху; в галатской территории до сих пор не нашли никакой кельтской надписи, никакого памятника, который бы напоминал в каком-либо отношении отдаленное западное отечество[4]. Ангорские армяне почти все занимаются мелочной торговлей. Отпускная торговля принадлежала в прошлом столетии иностранным негоциантам, —английским, голландским и французским; затем место их было занято греческими коммерсантами, переселившимися из Кайсарие, которые скупают и отправляют в Англию шерсть ангорских коз, почти столь же тонкую и шелковистую, как пашм кашмирских коз. Тщетно турецкое правительство пыталось передать эту торговлю в руки своих единоверцев, предоставив им, в половине текущего столетия, монополию экспорта ангорской шерсти: силой вещей отпускная торговля опять перешла к грекам. Они отправляют также и другие

1 Perrot, Guillaume et Delbet, „Exploration archeologique de la Galatie“.

2 Strabon, книга XI, глава III, 9;—Vivien de Saint-Martin, „Description historique et geographique de l’Asie Mineure“.

3 Perrot, „Souvenirs d’un voyage en Asie Mineure“.

4 Perrot, „Revue celtique“, 1, p. 179;—„Memoires d’Archeogie et d’Histoire“.

произведения края, особенно воск и чекери (rhamnus alaternus), желтую ягоду, окрашивающую материи в прекрасный зеленый цвет. Дважды в год негоцианты покидают свои конторы и переселяются на жительство в свои виноградники на склонах гор: в первый раз они поднимаются туда в апреле или в мае; затем во время больших жарова, спускаются обратно в равнину и снова переезжают в свои загородные дома, когда наступает пора сбора винограда. Нет такого бедного резидента в Ангоре, который не имел бы собственной дачки.

Западная ветвь Сакарии, Пурсак или Пурсаду, превосходит реку Ангору длиной течения, обилием воды, населенностью бассейна. Главный город её верхней долины, Кютайе, соперничает с Ангорой в отношении числа жителей и пользуется большими торговыми выгодами, благодаря близости Бруссы и Константинополя, а также благодаря своему положению на главном торговом тракте, перерезывающем поперег Малую Азию. Кютайе лежит на высоте 930 метров, в плодоносной равнине, которая, повидимому, была некогда дном озера, и над городом, как во всех анатолийских городах, господствует высокая крепость византийской постройки. Крепость эта одна из наилучше содержимых и всего более походит на современную цитадель; там есть, между прочим, так называемый «французский» сад, сплошь засаженный миндальными деревьями, которые были посажены пленными французами из египетской армии. От древнего Котиеум, имя которого сохранилось под турецкой формой Кютайе, не осталось никаких руин. Подобно стране, окружающей Ускюб и Нев-Шер, на западе от Аргейской горы, верхняя долина Пурсака наполнена туфом и пемзой, которые размывающим действием вод разрезаны на конические горки, расположенные в некоторых местах почти с симметрической правильностью: со времен глубокой древности жители выкопали в этих горках всякого рода пещеры, могильные склепы, жилища и святилища.

Эски-Шер или «Старый город»—тоже греческого происхождения: это—древний Дорилеум, часто упоминаемый в истории, как сборное место византийских армий, выступавших в поход против турок; Готфрид Бульонский одержал там большую победу. Эски-Шер имеет термальные воды, привлекающие большое число посетителей; но важность его зависит главным образом от соседства залежей пенки, которые находятся в нескольких часах ходьбы к юго-востоку. До настоящего времени этот город обладал монополией добывания и продажи этого драгоценного магнезита: дурное состояние дорог, большие налоги, взимаемые фиском, алчность посредников тормозили эту торговлю, никогда, однако, не прерывая ее, и, вероятно, она прекратится только вместе с истощением пластов, которое предвидится в довольно близком будущем. Рудокопы, почти все персиане, подчинены своему консулу и должны платить ему ежегодную ренту; сверх того, турецкое правительство взимает двойную пошлину в размере двенадцати с половиной процентов с ценности добываемой пенки,—пошлину, которую откупщики налогов еще увеличивают в свою пользу[1]. Австрийские, армянские и турецкие негоцианты отправляют пенку преимущественно в Вену, но также в Рулу, в Париж, в Нью-Йорк, в Сан-Франциско, для фабрикации трубок и портсигаров. Успехи химии позволили получать подобные продукты, которые только искусные знатоки могут отличить от анатолийской пенки; тем не менее, вывоз этого минерала из Эски-Шера не переставал возрастать с начала нынешнего столетия: с 3.000 ящиков, вывозившихся около 1850 года, он поднялся в 1881 году до 11.000 ящиков, содержащих около 2 миллионов килограммов, ценностью от 4 до 5 миллионов франков[2].

Больших городских поселений нет в бассейне нижней Сакарии, но несколько маленьких городов рассеяны по берегу главной реки или в её боковых долинах. Аяш или Бей-Базар, откуда получаются превосходные груши, называемые «ангорскими», затем Налли-Хан следуют один за другим от востока к западу на дороге из Ангоры в Константинополь; Мудурлу (Модзени) командует горным проходом Ала-дага, на дороге из Эски-Шера в Боли; Согуд (Шугшат) или «Ива», обладающий гробницей Отмана, основателя оттоманского царства, сгруппировал свои дома у подошвы лесистых холмов, через которые пролегает дорога из

1 Edmond Dutemple, „En Turquie d'Asie".

2 „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux", 18 decembre 1882.

Бруссы в Эски-Шер; Биледжик населен армянами, имеющими около пятнадцати шелкопрядилен; Лефке, древняя Левце, занимает, при слиянии Гек-су и Сакарии, живописный и плодородный бассейн, один из наилучше обработанных на всем Полуострове; Ада-Базар или «Рынок острова», цветущее местечко, раскинул свои загородные дома среди рощ, близ ручья, выходящего из озера Сабанджа и впадающего в Сакарию. Один из прекрасных памятников, воздвигнутых по повелению великого строителя, императора Юстиниана, мост длиной 267 метров, вполне сохранившийся, проходил некогда над главным течением Сакарии; но так как река переместилась, то теперь этот мост стоит уже над болотистыми лагунами, и грунт до такой степени повысился, что начало арочных сводов зарыто в слое аллювия. Мы находимся уже в пределах городского округа Константинополя, и охотники приезжают из столицы стрелять дичь в болотах и лесах окрестностей. В 1880 году, около двух с половиной миллионов килограммов яблок и груш были отправлены в столицу садовниками из Сабанджи; но большая часть фруктов пропадает или идет в корм домашним животным.

Главные города Анатолии на черноморской покатости, с приблизительной цифрой их населения:

Требизондский вилайет (Понт): Шабин-Кара-Гиссар, по Бранту—12.500 жит.; Самсун—15.000; Бафра, по Гамильтону—5.500; Никсар, по Бранту—5.000; Чаршамба, по Чихачеву—3.500 жит.

Вилайет Сивас (часть Каппадокии): Сивас—43.000 жит.; Токат—30.000; Амазия—30.000; Зиллех, по Чихачеву—15.000; Мерсиван—10.000; Визир-Кепри—5.000; Турхал, по Гамильтону—3.000 жит.

Вилайет Кастамуни (Пафлагония): Зафа ран-Боли, по Вронченко—25.000 жит.; Кастамуни—20.000; Чангри, по Энсворту—19.000; Искелиб, по Вронченко—13.000; Боли, по Вронченко—12.000; Тозия, по Вронченко—10.000; Синоп—9.000; Мундурлу—5.000; Таш-Кепри, по Энсворту—4.500; Эрекли (Гераклея), по Перроту—2.000; Инеболи, по Вронченко—3.000; Бартан, по Боре—2.500 жит.

Вилайет Коние (Ликаония и часть Каппадокии): Нев-Шер, по Гамильтону—20.000 жит.; Ургуб, по Барту—7.500; Кир-Шер—3.500; Ак-Серай, по Гамильтону—3.300; Маджур—3.000 жит.

Ангорский вилайет (Галатия, часть Каппадокии и Фригии): Кайсарие, по Тозеру—60.000 жит.; Ангора—28.000; Юзгат, по Тозеру—15.000; Чорум—10.000; Инджех-су—4.500; Кара-Гиссар, по Гамильтону—3.500; Каледжик, по Перроту—3.000 жит.

Вилайет Гудавендигиар (Фригия и Вифиния): Афиум-Кара-Гиссар—42.000 жит.; Кютайе, по Перроту—37.000; Эски-Шер—13.000; Севри-Гиссар, по Гамильтону—11.500; Ада-Базар, по Мутье—10.000; Биледжик, по Барту—10.000 жит.

Азиатские города и деревни берегов Босфора составляют в сущности лишь предместья европейского города, который покрыл своими мечетями и дворцами высокие берега Золотого Рога. С геологической точки зрения, полуостров, на оконечности которого построен Константинополь, принадлежит к Азии, так как он состоит из одних и тех же горных пород, которые в точности соответствуют друг другу своими выступами и бухтами; геологическая граница между двумя континентами обозначена километрах в тридцати к западу от Босфора, там, где девонская формация анатолийской системы оканчивается в виде мыса в новых образованиях, третичных и четвертичных. Но с исторической точки зрения, со времени основания Византии обладание обоими берегами должно быть приписано Европе: укрепления, порты, мечети, кладбища, места загородных прогулок, рыбацкия деревни, виллы и дачи, даже города составляют в действительности лишь пригороды или подгородные селения соседней обширной столицы, и с той и другой стороны моря существует почти совершенное соответствие как между сооружениями, возведенными рукой человека, так и между естественными чертами местности. При входе в Босфор со стороны Черного моря, маяк в Анадоли стоит как раз напротив маяка в Румели, затем батареи азиатского берега перекрещивают свои огни с батареями европейского берега, чтобы остановить русские военные корабли,

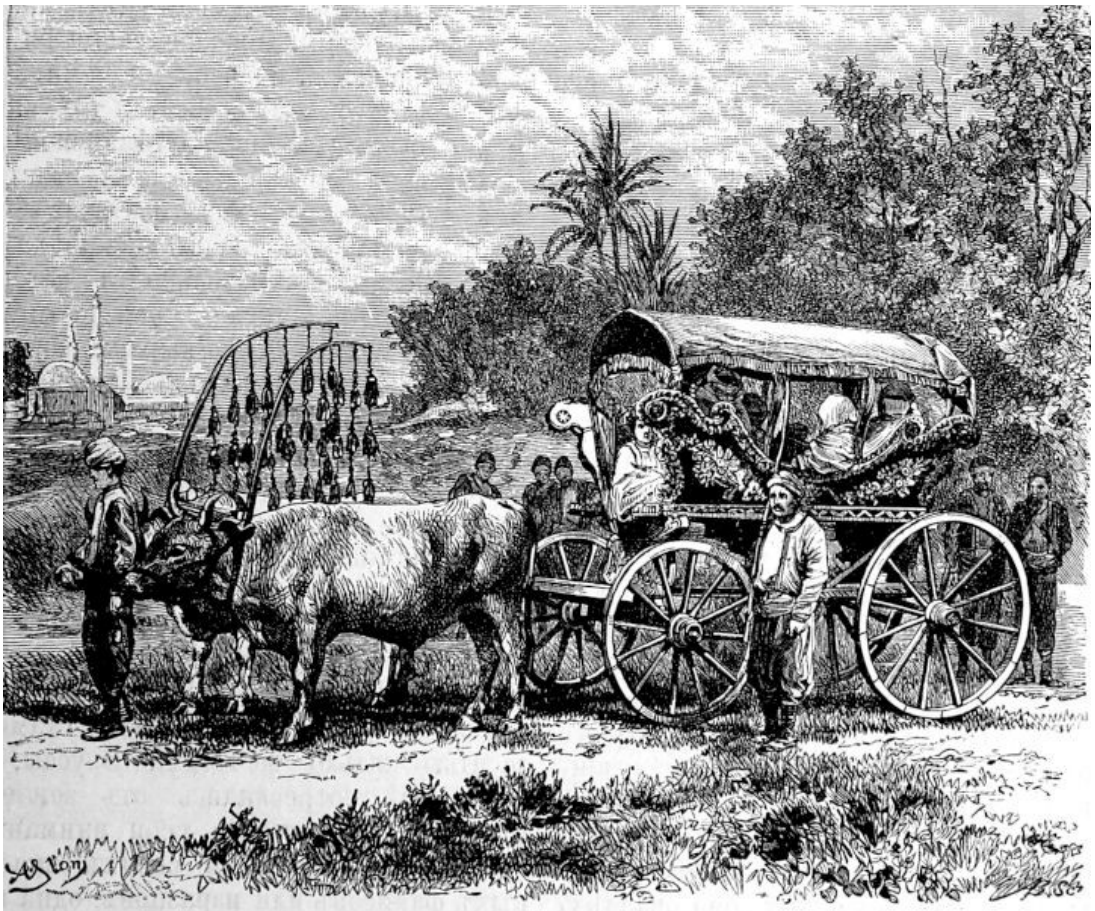
если бы они попытались проникнуть в пролив. Две генуэзские башни, Анадоли-Кавак и Румели-Кавак, сторожат с той и другой стороны один из самых узких проходов морского дефилея. Прелестные города Буюк-дере и Терапия, с их домами, наклонившимися над водой, с их мраморными дворцами, тенистыми садами, массивами платанов отражаются, так сказать, со стороны Азии, в деревнях Беикос, Инджир-кой, Чибуклу, которых белые колоннады, минареты и купоны ярко блестят на зеленеющем фоне долин. Середина пролива, которую охраняют, на европейском прибрежье, громадные башни укрепления Румели-Тиссар, построенного Магометом II, защищается, на противоположном мысу, крепким замком Анадоли-Гиссар, сооруженным по повелению того же завоевателя. В этом месте съузившиеся воды морского потока колышутся, как река, и, кажется, ждут моста, который Микель Анджело хотел перекинуть из одного замка в другой между двумя континентами. Но если инженеры должны обесславить Босфор какой-нибудь чудовищной железной трубой, подобной стольким другим уродливым сооружениям этого рода, которые портят прекраснейшие виды и картины природы, то можно только пожелать, чтобы их пагубное дело замедлилось как можно долее.

Непосредственно к югу от Анатолийского замка открывается маленькая, обросшая мягкой муравой, долина, где извивается ручей, в тени ясеней, платанов и сикомор: это—«долина Небесной воды», которую иностранцы обыкновенно называют «азиатскими Сладкими Водами», по уподоблению европейским Сладким Водам, любимому месту загородной прогулки стамбульских дам, которые приезжают туда полежать под тенистыми деревьями, вокруг журчащего фонтана. Азиатские предместья Константинополя начинаются у мыса, ограничивающего долину Сладких Вод. Кандили, Вани-Кой, Кулели, Ченгелькой, Бейлер-бей, Исаврос, Куз-Гунджук, Скутари (Ускудар) следуют один за другим по прямой линии на пространстве десятка верст, противополагая городам восточного берега соответственный ряд дворцов и мечетей. Более ста тысяч жителей населяют этот высокий берег, группируясь в отдельные кварталы, смотря по национальности,—турки, греки и армяне. Скутари, азиатское предместье Царьграда, мыс которого приходится как раз против Золотого Рога, один заключает в себе более половины этого населения, и турки составляют там огромное, большинство. Забывая греческое происхождение древнего Хризополиса, они видят в Скутари священный город: там крайний мыс их отечества; туда, как предсказывают их пророчества, они вернутся, когда их прогонят из Стамбула. В вышине, на холме, виднеются большие кипарисы, которые осеняют, может быть, несколько миллионов их мертвых, погребенных на прахе других миллионов трупов, фракийских и византийских[1]. До сих пор европейские нововведения еще не изменили оттоманского города. Многочисленные улицы вполне сохранили свой оригинальный характер, ничто в них не переменилось: ни мраморные фонтаны, покрытые арабесками и защищенные широкой выгнутой крышей, ни лужайки с решетчатыми окнами, где несколько могильных камней с изваянными тюрбанами показываются среди кустарника, ни деревянные дома, два этажа которых выступают навесом, скрывая все свои отверстия под трельяжем в форме ромба, ни извилистые, поднимающиеся в гору дороги, над которыми платаны распростерли свои широкия ветви. Гора Бульгурлу, господствующая над Скутари, представляет прекрасную обсерваторию, откуда можно обозревать грандиознейшую панораму Константинополя, Босфора и Мраморного моря.

На юго-восток от Скутари цепь предместий продолжается громадными казармами и кладбищами до мыса, где стоит Кади-кой или «Село судьи», древняя Халкедония. Здесь уже началось европейское вторжение, постепенно преобразующее вид города: постоянное население состоит преимущественно из греков; сотни константинопольских негоциантов, особенно англичан, имеют загородные дома в тенистых рощах Кади-коя; в продолжение дня пароходы беспрестанно ходят взад и вперед между столицей и её азиатским предместьем. Лесистые широкия аллеи мыса, который выдвигается на юг, ограничивая естественный порт, соседство архипелага Принцевых островов, куда каждый праздничный день приводит тысячи

1 Ainsworth, „Travels in Asia Minor“.

посетителей, великолепие страны, которая развертывается от входа в Босфор и от стрелки сераля до отдаленных берегов Мраморного моря, наконец, защита, которую Скутарийский холм представляет против северных и северо-восточных ветров,—все это способствует возрастанию из года в год европейской колонии. В равнине, отделяющей Кади-кой от главного Скутарийского кладбища, собирались некогда армии пади-шаха для его азиатских походов; теперь там находится, рядом с «величайшей в свете казармой», станция Гайдер-паша, исходный пункт железной дороги, которая идет на севере вдоль Исмидского залива и которая должна продолжиться современем до Сирии, Вавилонии и в Индию. Она касается маленьких портов Маль-тепе, Корталь, Пендик, откуда отправляют плоды первого сбора в Константинополь. Напротив, на противоположном берегу залива, Карамуссаль посылает в столицу



Прогулка турецкихъ женщинъ въ окрестностяхъ Скутари.

первые вишни. Железная дорога проходит через Габиз (Гибисса), где умер Аннибал: курган, осененный тремя кипарисами, хранит, говорят, пепел великого полководца.

Исмид или Искимид, древняя Никомедия, построенная «сыном Нептуна», и которую Диоклетиан хотел сделать столицей империи, занимает великолепное положение на восточной оконечности залива того же имени, на передних террасах высокого холма, обращенного на юг и изрезанного при основании оврагами, где сквозь листу деревьев проглядывают группы разноцветных домов. Античный акрополь или вышгород, с эллинскими фундаментами прекраснейшей работы, поддерживающий римские и византийские башни и современный императорский киоск, господствует над городом, верфями и портом, куда приходят мелкие суда грузить лес и зерновой хлеб. Никомедия может быть рассматриваема географически, как истинный порт реки Сакария, от которой она отделена невысоким порогом, на западе озера Сабанджа; удивительно, что город, занимающий такое счастливое положение, как пункт скрещения дорог из внутренних областей и как место отправки товаров морским путем, имеет такую незначительную торговлю: никакой факт не свидетельствует более красноречиво о режиме угнетения, который тяготеет над страной и парализует развитие и экспло-

атацию её экономических рессурсов.

Гемлик занимает положение, сходное с положением Исмида; расположенный на восточной оконечности залива, который глубоко вдается в материк, и на последних склонах холмов, обращенных к югу, он также окружен прекрасными тенистыми рощами и находится в легком сообщении с долиной Сакарии через низменность, заключающую воды Никейского озера. Гемлик ведет, подобно Никомедии, небольшую розничную торговлю и строит мелкие суда незначительной вместимости. Исник или Никея, имевший некогда свой «флот и адмиралтейство» там, где ныне стоит маленькое греческое местечко Гемлик, теперь не более, как бедная деревня, затерянная среди своей двойной римской ограды, и почти совершенно покидаемая жителями в сезон господства лихорадок. «Город Победы», резиденция царей Вифинии, место рождения Гиппарха, в настоящее время состоит из какой-нибудь сотни убогих домишек, да из груд обломков, на половину скрытых кустарником. Издали, однако, можно подумать, что Никея большой город: её высокие стены с большими башнями по бокам довольно хорошо сохранились; но, подойдя ближе, замечаешь кучки кустарников, растущих между брешами. Мечети сломаны, от римских памятников не осталось ничего; единственная достопримечательность—это маленькая греческая церковь, заключающая грубо нарисованную картину, изображающую Никейский собор, который провозгласил в 325 году почти все члены веры, известные под именем «Символа Апостолов». Кроме того, Никея—один из городов, прославленных в истории крестовых походов: в 1096 году армия крестоносцев оставила более двадцати тысяч трупов в соседних ущельях; в следующем году она овладела Никеей, блокируя ее при помощи флотилии, перевезенной по сухому пути в Исникское озеро.

Столица вилайета Гудавендигиар, Брусса,—один из больших городов Анатолии; вместе с тем это один из красивейших городов Малой Азии. Очень обширный и разделенный на особые кварталы, отделенные один от другого небольшими долинами, осененными платанами и орошаемыми живыми водами, город господствует над плодоносной равниной своими домами с красными крышами, позолоченными куполами и белыми минаретами; нет ни одной группы строений, которая бы не была украшена зеленью: Брусса в одно и то же время город и парк. Могучия предгорья Олимпа, исчерченные сходящимися складками, контрастом своей темной зелени делают более ярким блеск зданий; непосредственно над городом тянется пояс каштанов, затем следуют леса разнообразных древесных пород,—лещины, грабины, бука и дуба; еще выше сосны и другие хвойные опоясывают гору черным кругом. Равнина, простирающаяся у подошвы террас города, представляет огромный сад, где тропинки и дороги извиваются в тени гигантских орешников; жимолость (каприфолий) и жасмин перемешиваются своими гирляндами с ветвями кипариса и фруктовых дерев.

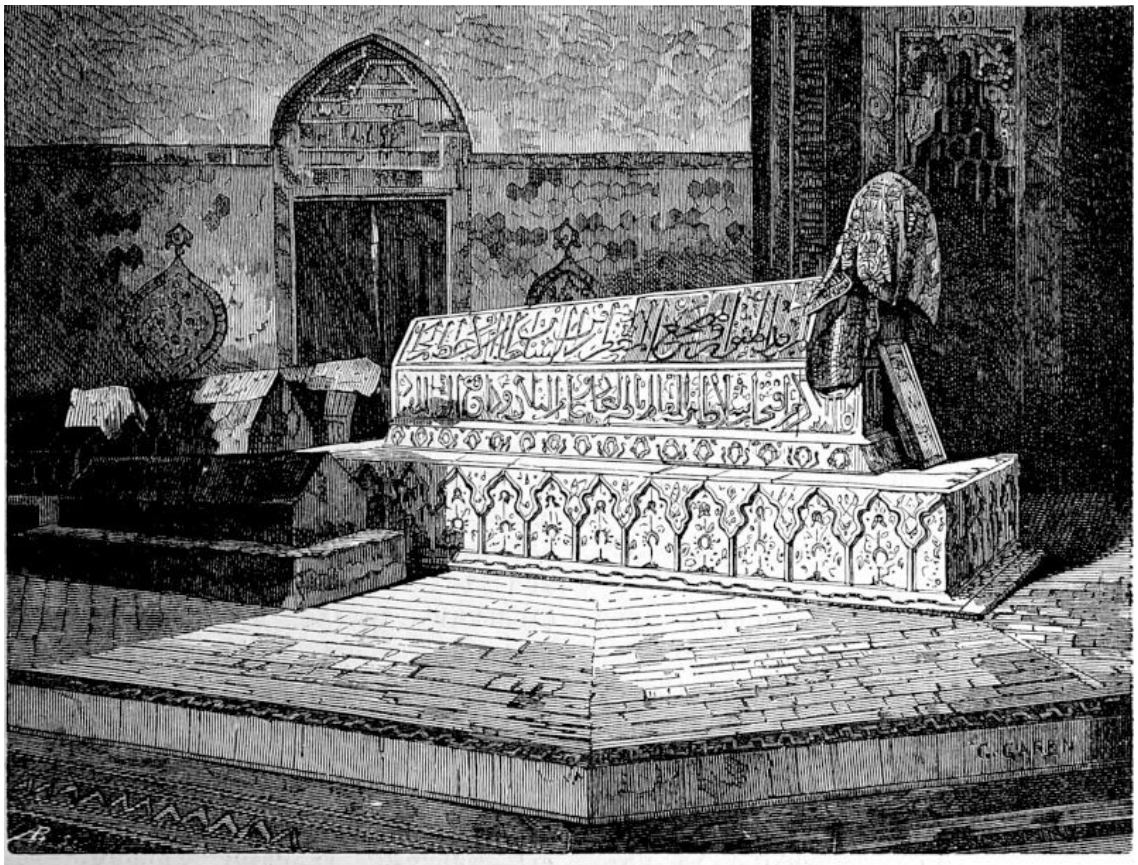
Брусса, сохранившая доселе, в слегка измененной форме, имя Прузиум, которое ей дал её основатель, царь вифинский Прузиас, не имеет уже никаких остатков римской древности, но в ней еще уцелели, несмотря на землетрясения, низвергнувшие её здания и разрушившие или покосившие её минареты, некоторые драгоценные остатки той эпохи, когда она была столицей Оттоманской империи; с 1328 года она подпала под власть османских турок, и здесь-то Орхан «Победоносный» получил титул падишаха османлисов. Брусса замечательна в истории, как город, где оттоманские турки достигли сознания своей силы, где, по выражению одного писателя, «племя превратилось в нацию, и где глава орды сделался главой империи»[1]. Наследовав своему соседу, городу Енишеру, как резиденция султанов, Брусса была заменена, в свою очередь, Адрианополем, затем Константинополем, но она до сих пор осталась высокочтимым градом, и правоверные с благоговением посещают кенотаф (пустую гробницу) Османа, равно как могилы Магомета II и других первых государей турецкого царства. Между «тремя стами шестьюдесятью пятью» мечетями Бруссы, которые почти все потрескались от землетрясений, многие обращают на себя внимание богатством и изяществом своих эмальированных фаянсов или изразцов; одна из них, Ешиль-Джами или «Зеленая мечеть», была реставрирована в примитивном вкусе персидского искусства одним француз-

1 G. Perrot, цитированное сочинение.

ским художником. Брусса—торговый центр и даже промышленный город, благодаря культуре тутового дерева, а также мукомольным заводам, приготовляющим муку для вывоза; но с 1856 года болезни, появившиеся на шелковичном черве, уменьшили на две трети шелковичное производство Гудавендигиарского вилайета; средняя ценность сбора шелка, простиравшаяся прежде от 28 до 50 миллионов франков в год, не достигает теперь даже 10 миллионов.

Шелковичное производство провинции в сезон 1880-1881 гг.: 433.040 килограммов. Шелка-сырца: 928 кип, или 83.520 килограмма; ценность шелка и остатков: 9.049.500 франк.[1].

Фабрики, числом около 45, прядут шелк почти исключительно для Лиона; вообще торговые сношения Брусса поддерживает единственно с Францией, через посредство армянских, греческих и турецких домов. После разведения шелковицы самая важная культура в этом



Гробница Магомета II въ Бруссѣ.

округе—возделывание винограда. Производство виноградников в прибрежной области залива Гемлик до 40 километров расстояния от берега: 780.000 килограм. черного и 10.600.000 килограм. белого винограда[2]. Виноград идет преимущественно на приготовление густого сока или сиропа, употребляемого для варенья: небольшая часть собираемого винограда превращается в вина греческими негоциантами.

Европейская колония Бруссы состоит менее, чем из сотни лиц, но она увеличивается временно в мае и в сентябре, в месяцы, рекомендуемые для пользования минеральными водами. Источники Чекирже, железные и серные, необыкновенно обильные, представляют величайшее разнообразие состава и целый ряд всевозможных температур, от 35 до 80 градусов Цельзия. В середине лета сезон лечения прерывается сильной жарой; зажиточные местные жители и приезжие посетители удаляются в виллы, рассеянные на склонах Олимпа, или отправляются на берег моря, в Муданию, в Арнаут-кой и в другие места. Мудания, место дачной жизни для обитателей Бруссы, есть в то же время их главный экспедиционный рынок;

1 Edmond Dutemple, „En Turquie d'Asie".

2 Edmond Dutemple, цитированное сочинение.

но рейд открыт ветрам с моря, и во время северо-восточных бурь корабли уходят в порт Гемлик, как более безопасное место. Спекулянты предлагали построить искусственный порт перед Муданским берегом, и даже был уже сломан, в соседстве, греческий театр древней Апамеи, для того, чтобы строительные материалы этого здания употребить для сооружения мола, оставшагося почти безполезным. Более того—железная дорога, длиной в 42 километра, построенная с 1875 года между Муданией и Бруссой, никогда не была открыта для публики; ржавчина испортила машины, рельсы и шпалы растащены крестьянами и дожди размывают насыпи. Пример заботливости, какая прилагается в деспотических странах к развитию общественного блага!

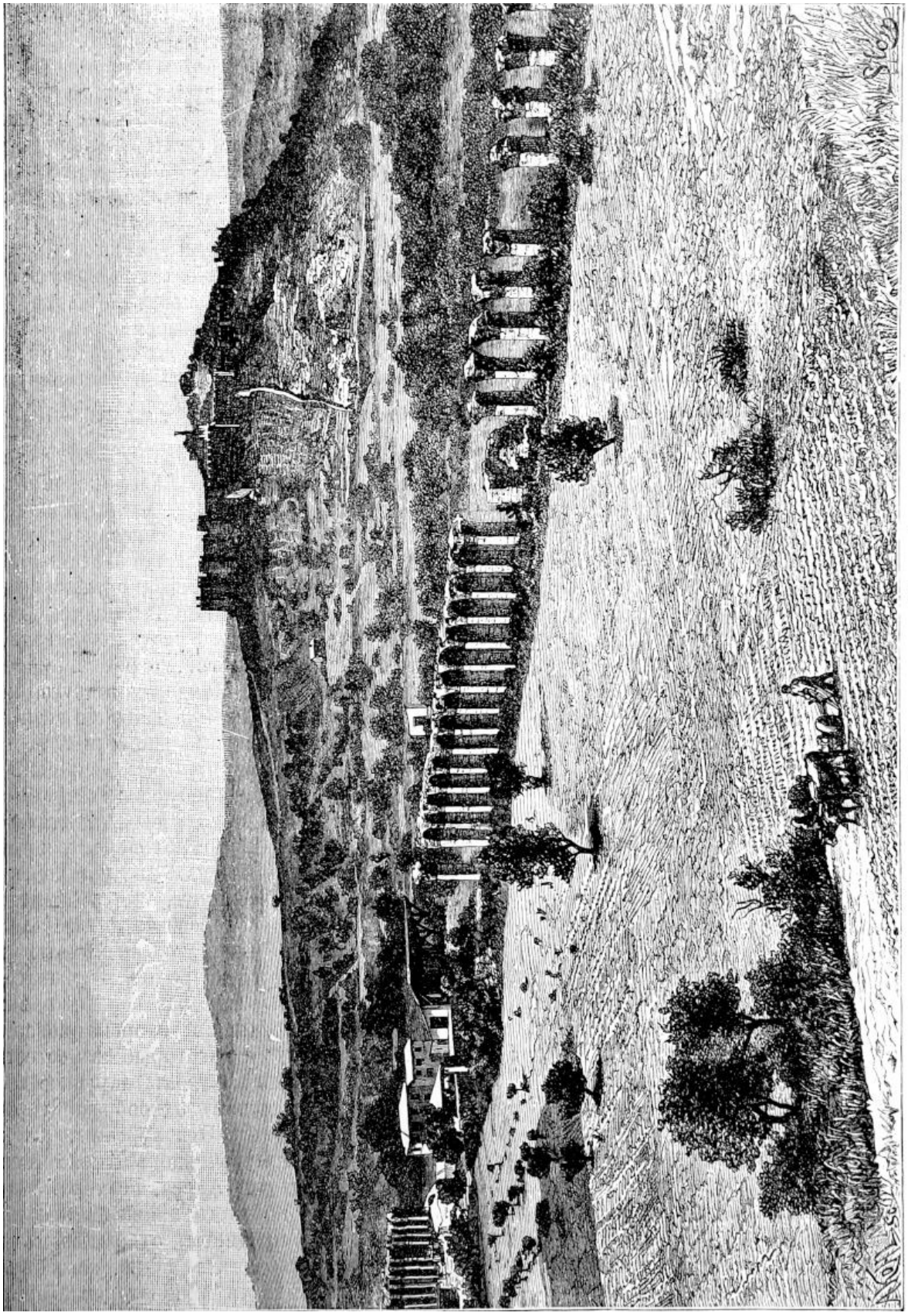
Долина реки Сусурлю-чай, самого большого притока Мраморного моря, проникает далеко внутрь материка; равнины, орошаемые этой рекой, принадлежат к плодороднейшим местностям Малой Азии и производят в изобилии мак, табак, пеньку; склоны холмов покрыты зарослью дубов кина, жолуди которого (собственно их чашечки) Смирна отправляет за границу. В этой долине есть значительные местечки и даже города. Близ озера, откуда выходит исток, уже довольно полноводный, реки Сусурлю, находится город Симау, в соседстве с древней Анкирой Фригийской. Ниже, недалеко от большой излучины, которую образует река, изгибаясь к северу и северо-востоку, группируются жилища местечка или кассабы с славянским именем Богадич или Богадица; затем, на западной стороне реки, в широкой равнине, некогда озерной, виднеется местечко Балакесри или Балак-гиссар, с очень оживленными ярмарками; далее следует Муалич, расположенный на островообразном повышении почвы, в низменной местности, где истоки озер Маниас и Абуллион соединяются с главной рекой. Муалис—большое местечко, обогащаемое обильными урожаями, которые дает его аллювиальная равнина, но имеющее нездоровый климат по причине вредных испарений, поднимающихся с соседних болот. Абуллион, древняя Аполлония, совершенно покрывает своими живописными домами, тесно скученными, островок озера, соединенный с твердой землей качающимся извилистым мостом, который осеняют передния ветви платанов. Прежде проходом командовал византийский замок, построенный частию из остатков античных зданий. Население этого города рыболовов и моряков состоит почти исключительно из греков[1]. Поселившиеся в окрестностях казаки тоже эллинизировались.

От пышной Кизики, прославленной древними, остались лишь незначительные обломки, и очищенные от мусора подземные строения старинных зданий не отличаются той прекрасной греческой работой, какой мы восхищаемся при раскопках в Пергаме, в Эфесе, в Милете: турки называют эти руины Баль-Киз или «Медовая девушка»,—название, в котором Гамильтон видит невольный каламбур, происходящий от сокращения греческого имени Палайя-Кизикос или «Старая Кизика». Эллинский город занимал великолепное местоположение на южном берегу гористого острова, превратившагося теперь в полуостров, и имел два хорошо защищенные от ветров порта, открывавшиеся один к Геллеспонту, другой к Босфору; пролив занесло илом, и вместо двух мостов, соединявших, во времена Страбона, остров с твердой землей, образовался перешеек, шириной более километра. В настоящее время восточный порт Кизики заменен портом Пандермоса или Панормоса, маленького города, населенного турками, греками и армянами, куда регулярно заходят пароходы из Константинополя. Западному порту наследовал порт Эрдек, древняя Артакея, окруженная виноградниками, которые производят превосходные вина, лучшие в Анатолии. Напротив, на континентальном берегу, большое местечко Айдинджик показывает многочисленные древние надписи, найденные в развалинах Кизики; недалеко оттуда находятся ломки мрамора, откуда добывались плиты, которыми обшивали гранитные здания соседнего города. Мусульмане, эмигрировавшие из «Долины роз», в Балканах, направились в большом числе к Кизике и её полуострову. В окрестностях разрабатывается очень богатое месторождение борацита, залегающего целыми глыбами.

К западу от Эрдекского залива и от группы Мраморных островов, на морском берегу, по

1 Гамильтон:—Перро и др.

большей части болотистом, попадаются лишь бедные деревни. Единственный город, Бига, лежит километрах в двадцати от берега внутри материка, на том месте, где река Коджа-Чай или Граник выходит из области гор, и где Александр Македонский одержал свою решитель-



Цитадель въ Ефесѣ

ную победу при переправе через реку. Азиатский берег Геллеспонта так же мало населен. Ламсаки, древняя Лампсака, которую персидский царь Ксеркс дал изгнаннику Фемистоклу, чтобы доставлять ему столовое вино—теперь маленькое местечко, затерянное среди маслич-

ных рощ и виноградников; Абидос не сохранил даже никаких руин, и путешественник видит в нем только казармы, да батареи, подобные стольким другим военным веркам, защищающим вход в пролив. Дарданельский замок, центральный пункт всех этих укреплений, стоит на южном берегу пролива, подле устья Чинарлика, древнего Родиуса, маленькой реки, текущей в тени ив и платанов. Город, который населен людьми всякой расы—турками, греками, евреями, армянами, черкесами, цыганами,—выстроился на северной стороне крепости, между рекой и Геллеспонтом, и часто экипажи всех торговых наций Европы еще более увеличивают царствующее здесь смешение языков. На большей части домов, окаймляющих морской берег, развеваются флаги различных государств, так как Кале-Султание или «Замок султана», как оффициально называют город Дарданеллы, есть как бы входные ворота Константинополя, и все суда обязаны бросать здесь якорь, прежде чем подниматься к столице. Этому городу дают также название Чанак-Калесси или «Замок гончаров», по причине существующих там заводов, выделывающих глазированную глиняную посуду, по большей части причудливых форм. Окрестные горы изобилуют металлоносными залежами, составляющими в большей части монополию правительства.

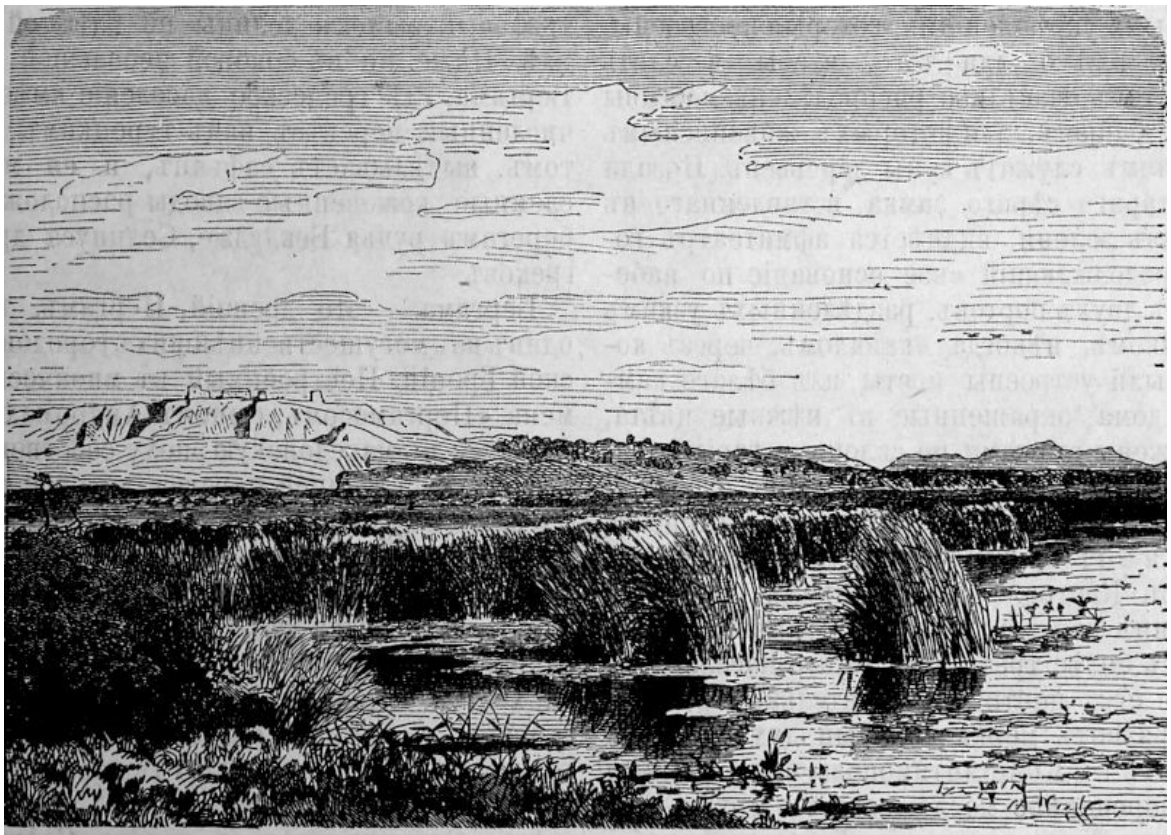
К югу от Дарданельского замка пролив съуживается; на мысе виднеются правильные откосы акрополя древнего Дардануса, поломанные мраморы которого рассеяны по соседним тропинкам. Далее, большое село Эрен-Кой или Итгельмез, сплошь населенное греками, несмотря на его турецкия названия, стоит на высокой террасе, осененной дубами и орешником, и уже отсюда виднеются в отдалении Троянская равнина и конусообразные курганы, воздвигнутые на окрестных холмах. Долина, где бежит ручеек, в котором Шлиман предполагает реку Симоис, отделяет Эрен-Койские высоты от небольшой цепи холмов, из которых последний, господствующий над болотистыми равнинами реки Мендере, есть знаменитая терраса Гиссарлик или «терраса маленького замка», отожествляемая большинством археологов с новым Илионом; напротив, сейчас названный счастливый раскапыватель древностей видит в этой террасе, вопреки свидетельству Страбона, Илион Гомера, и нет ничего удивительного, что, совершив такия обширные работы по очистке мусора и раскопке холма, он склонен преувеличивать ценность своих открытий: приближаясь к Гиссарлику, можно подумать, при виде этих огромных траншей, этих исполинских груд обломков, что находишься у подножия какой-нибудь крепости, изрытой неприятельскими бомбами и гранатами.

В этом месте твердая горная порода прикрыта обломками, общая толщина которых около 16 метров (7 с половиной сажен), и которые расположены слоями, относящимися к различным векам. Остатки шести следовавших один за другим городов скучены здесь в одну громадную земляную насыпь. Верхний слой принадлежит историческому периоду греческого мира; ниже лежит очень тонкий пласт, где найдены вазы лидийского происхождения; затем следуют два слоя, которых дома, невзрачные на вид, были построены из маленьких камней и вымазаны внутри глиной. Еще ниже находилась, как полагают, Троя Илиады, город, истребленный пламенем, и пепел которого заключал тысячи предметов, свидетельствующих об эллинском происхождении троянцев и об их специальном культе богини Афины. Наконец, нижний слой указывает, по мнению археологов, на пребывание народа, предшествовавшего даже легендарному периоду истории. Судя по форме предметов, найденных в этих развалинах, пожар, воспетый Илиадой, имел место около трех тысяч шестисот лет тому назад, в эпоху чистой меди и богов с лицами животных. Однако, Гиссарликская терраса, занимающая около 79 гектаров[1], представляет слишком узкое пространство, чтобы город, построенный в этом месте, мог быть когда-либо значительным и крепко осевшим; кроме того, на ней нет воды: едва легкое просачивание влажности виднеется у подошвы холма во время дождя. По мнению Лешевалье и Форхгаммера, местоположение древнего Илиона следует искать на холме Бунарбаши или «Голова воды», на юге аллювиальной равнины: там стоит высокий холм, сплошь усеянный разбитыми камнями, который господствует на западе над течением реки Мендере неодолимыми и неприступными кручами, цоднимающимися исполинской

1 Emile Burnouf, „Archives des Missions scientifiques“, tome VII.

стеной в 100 метров высоты; длинные пологие скаты, где рассеяны домишки нынешнего Бунарбаши, спускаются на север к равнине; наконец, у основания скал вытекает «сорок ключей», соединяющихся сначала в два ручья, за тем в один поток, на который Лешевалье и указывает, как на истинный Скамандр Илиады. Глубоких раскопок еще не было сделано в Бунарбаши, а найденные до сих пор обломки зданий не принадлежат к прото-эллинской древности.

Существует еще третья Троя, та, которую построил Александр Македонский на одном мысе Эгейского моря, лежащем напротив серого Тенедоса; на нее также долгое время смотрели, как на бывшую резиденцию Приама, и имя, которое она носит, Эски-Стамбул или «Старый Константинополь», свидетельствует об иллюзии, заставлявшей искать во всей стране большой город, существование которого восходит к первым временам истории. Александрия-Троас или Александрова Троя представляет в самом деле импонирующие руины, фраг-



Троянскіе холмы. Гиссарликъ.

менты городских стен, остатки терм, дворцов, храмов, водопроводов; в соседстве один гранитный холм иссечен каменоломнями, где еще видны колонны, подобные тем, которые были открыты при раскопках в Бунарбаши и Гиссарлике; одна из колонн-монолитов имеет слишком 11 метров в длину. В наши дни главные центры населения Троады или Троянской области образовались на самом углу континента, в островном пространстве, ограниченном с одной стороны рекой Мендере, с другой каналом Безикским. На юге большая греческая деревня Нео-Хори, по-турецки Ени-Кей, приютилась на вершине крутого утеса; далее на севере, на оконечности небольшой цепи высот, лежит Ени-Шер или «Новый город», сменивший античную Сигею; наконец, у подошвы хребта, указываемого издали длинным рядом ветряных мельниц, выстроенных на гребне, крепость и городок Кум-Кале или «Замок песков» занимают низменный мыс, отделяющий устье Мондере от открытого моря. Обширные кладбища рассеяны в равнине, и могильные курганы, с которыми совершенно сходны по виду и некоторые из естественных трахитовых конусов, нарушают своим резким выступом однообразие горных склонов и вершин. Эти курганы, к которым легенда приурочивает имена Ахилла, Патрокла, Антилоха, Аякса, Гектора, вероятно, не имеют никакого права на эти названия, так как предметы, открытые в них раскопками, восходят не далее, как к маке-

донской эпохе или к императорской эре. Самый высокий из искусственных холмов, Юджек-тепе, горделиво стоящий на плато, которое господствует с востока над Безикской бухтой, был некогда посвящен пророку Илии, и каждый год греки из окрестных мест отправлялись туда на богомолье. Когда Шлиман приехал в Юджек-тепе делать свои раскопки и стал взрывать святую землю, велико было негодование верующих; однако, они не посмели остановить археолога; только религиозные празднества с той поры прекратились, и теперь никто уже не приходит поклониться святому на профанированной почве.

Города покатости проливов и Мраморного моря, с их приблизительным населением:

Скутари и другие константинопольские предместья на берегах Босфора—110.000 жит.

Брусса—76.000жит.; Баликерси (Киперт)—12.000; Дарданеллы, Кале-Султание или Чанак-Калесси (Баттус)—9.000; Маниас (Гамильтон)—7.500; Гемлик (Киперт)—6.500; Панормос (Перро, Гамильтон)—6.000; Эрдек или Артакия (Перро, Гамильтон)—6.000; Бига (Киперт)—6.000; Богадич (Гамильтон)—5.000; Исмид или Никомидия—3.000; Абуллион (Перро)—2.700; Мудания—2.000; Кум-Кале—2.000 жит.

Баба-Кале или «Замок отца», на остром углу южного мыса Троады,—живописный городок, расположивший свои серые дома ярусами по крутому голому склону, где нет ни одного деревца; в небольшом от него расстоянии к востоку стоит, на крутой скале, древний Ассус, «совершенный идеал греческого города», как выразился исследователь Лик, говоря об амфитеатре его трахитовых стен, отлично сохранившихся; из театра собравшийся народ любовался чудной картиной расстилающагося внизу моря и высящейся напротив громады митиленских гор. Эдремид, Адрамитти греков, лежащий в аллювиальной равнине, над которой господствуют с северной стороны продолжения горы Иды, остался многолюдным городом, но потерял свой порт, занесенный илом горных потоков, которые со всех сторон сходятся к соседней бухте. Важнейший торговый город на морском берегу—Кидония греков, Айвали турок,—то-есть, на обоих языках, «Город квитов или айв»,—построенный на берегу бухты, которую архипелаг «Ста островов» отделяет от Эдремидского залива, и соединенный портом с островным городом Мосхинизия. Населенный преимущественно греками, этот город много пострадал за национальное дело во время войны за независимость; в 1821 году турки разрушили его и перебили жителей. Долго после того он оставался почти пустынным, но, наконец, другие греки вновь отстроили его, и теперь он отличается, как и в былое время, между эллинскими городами побережья своей инициативой, любовью к образованию, торговой деятельностью. Нигде в Малой Азии не увидишь более поразительного контраста между двумя расами, оспаривающими одна у другой преобладание. Верстах в пятнадцати к юго-востоку от Айвали, недалеко от моря, недавно стоял турецкий город Айасмат, жители которого сделались, в 1821 году, палачами своих соседей айвалиотов и заняли их место, как владельцы виноградников и масличных рощ. В наши дни Айасмат, пришедший в упадок, состоит из каких-нибудь двух десятков лачуг, рядом с обширным кладбищем, тогда как греческие жители Кидонии устроили свое население и выкупили свои прежния имения[1]. Так как порт частию обмелел, то негоцианты прорыли канал в 4 метра глубиной, дающий доступ кораблям, которые приходят грузить деревянное масло, вина, изюм.

Порт Митилены, ведущий большую торговлю с Айвали и другими рынками материка, лежит на западном берегу Митилены или Лесбоса, знаменитого острова, где родились Сафо, Алкей, Терпандр, Арион. Столица этой земли поэтов, этого Золотого острова, занимает одно из приятнейших местоположений. Невысокий холм, бывший некогда островком, скрывает наполовину город; гребень его, до половины ската, покрыт неправильными средневековыми укреплениями, которые построены, кажется, только для того, чтобы веселить взор,—так счастливо распределены массивы стен и башен, для которых живописным контрастом служат купы деревьев. Позади этого старого серого замка, вставленного в рамку из зелени, виднеется афмитеатр города, продолжающий свое основание по набережным двух портов, разделенных узким перешейком, некогда «каналом, через который были устроены мосты из бе-

1 Humann, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“, 1877.

лого камня»[1]; дома, окрашенные в нежные цвета, расположены этажами по склонам горы, словно ряд ступеней; где прекращаются строения, начинается оливковый лес, над которым господствуют кручи отвесных скал. Митилени или Кастро, как его прежде называли по причине его замка (кастро—крепость), заключает более трети лесбийского населения; у жителей его, почти исключительно греков, сильно развит меркантильный дух, и суда их возят в Константинополь вина, винные ягоды, деревянное масло, деготь и другие продукты; кроме того, очень деятельный каботаж производится между Митиленой и Смирной. К сожалению, большие корабли должны становиться на якорь на рейде, в некотором расстоянии от берега; только суда незначительного водоизмещения могут подходить к самой пристани. Правда, остров имеет две несравненные гавани, порт Масличных рощ и порт Каллони, настоящие внутренния моря, сообщающиеся с открытым морем лишь узкими проливами, но они находятся не на пути следования судов, ходящих между Смирнским и Эдремидским заливами; поэтому торговый порт Лесбоса должен был основаться на менее удобной бухте западного берега. Митилени сохранил лишь кое-какие следы античных памятников; лучшая его римская руина—водопровод, перекинувший свои высокие аркады через глубокий овраг; но в различных частях острова видны остатки храмов и акрополей.

Между Лесбосом и Смирнским заливом, залив Чандарлик, опасный для мореплавателей, вдается внутрь материка и принимает в себя речку Бакир, Каик древних, образующую при впадении маленькую дельту. Её долина, относительно очень густонаселенная, отличается своей промышленностью. Киркагач или «Сорок деревьев», в бассейне, лежащем при начале долины, окружение полями хлопчатника, которые дают лучшее в Анатолии волокно, утилизируемое отчасти в нескольких местных ткацких мастерских. Сома, над которой господствует старая византийская крепость, тоже значительный город, центральный рынок долины по хлебной торговле. Ниже, но в боковой небольшой долине, Бергама, где греческое население имеет уже численный перевес над турецким элементом, выделывает сафьян, и её многочисленные кожевенные заводы расположены пи берегам ручья Боклудже, Селинуса древних греков.

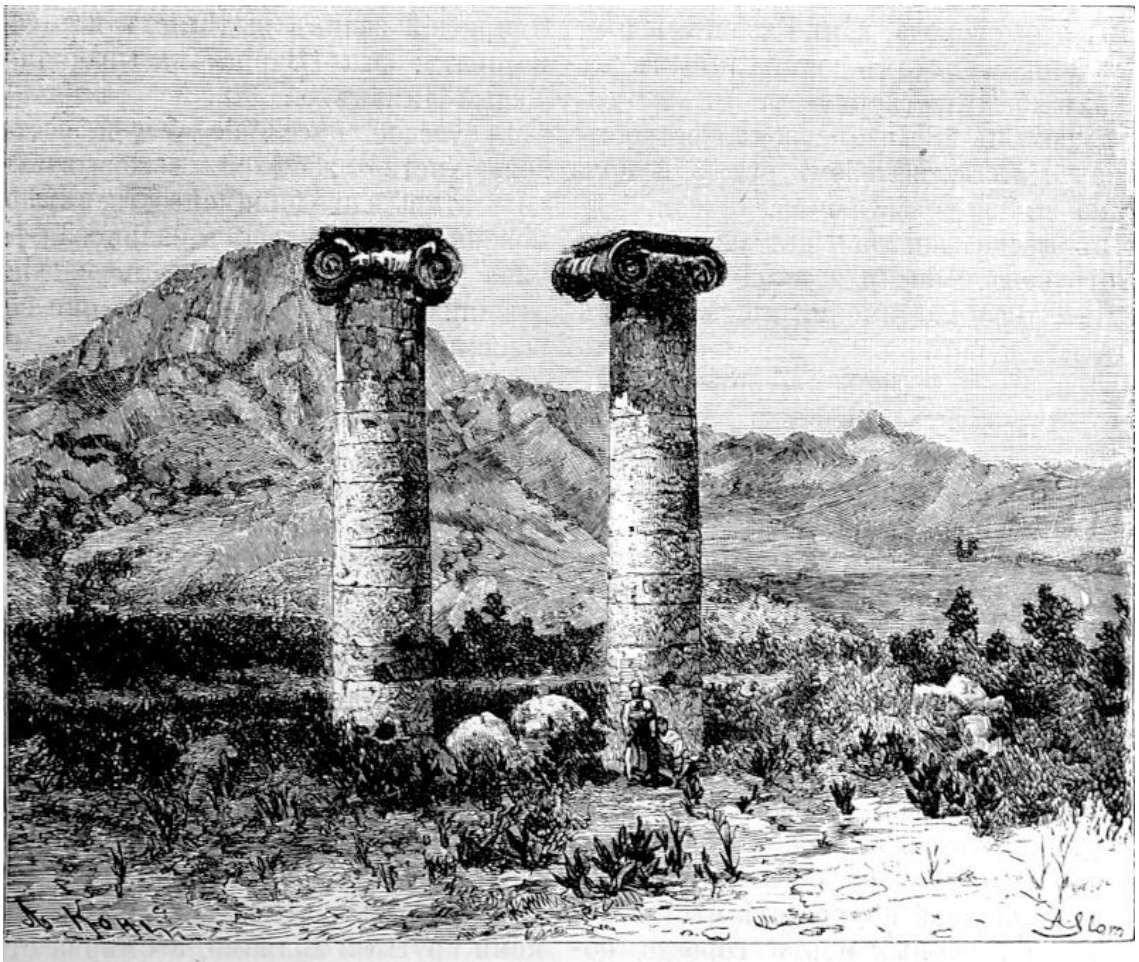
Бергама—это древний Пергам, некогда один из могущественнейших городов азиатской Греции. Построенный в мифические времена «Пергамосом, сыном Андромахи», он сделался в македонскую эпоху собственностью Лизимаха и столицей царства, которое династия Аттал идов завещала римлянам: храм, называемый «базиликой», и другие памятники, остатки которых до сих пор возбуждают удивление, относятся к этому периоду. На 300 слишком метров над равниной возвышается холм акрополя, очень крутой с трех сторон и представляющий доступный скат только с южной стороны, где извивается тропинка, поднимающаяся между развалинами стен. Ограниченная с запада Селинусом, с востока другим ручьем, скала вышгорода, где брызжет фонтан, высечена в виде вертикальных стен, которые продолжаются крепостными стенами, соединяющимися в многочисленную ограду; на южном фасе холма дворцы и храмы, расположенные рядами один над другим, в виде амфитеатра, соединяли нижний город с акрополем, тоже наполненным памятниками зодчества, обломки которых лежат на почве, покрытые землей или обросшие кустарником. В городе видны остатки храмов, набережных, мостов и двойной туннель, длиной около 200 метров, в котором проходят воды Селинуса. На северо-востоке, у основания высот, стоящих напротив вышгорода, ристалище, театр, амфитеатр, которые в старину украшались, с большим блеском, указывают местоположение Асклепиона, древнего города ванн и увеселений, славившагося в греческом мире здоровостью воздуха и обилием вод. Наконец, Пергам обладает также памятниками, предшествующими историческому периоду: это—галлереи, высеченные в скале, которые служили жилищами и святилищами, и четыре могилки, из которых одна состоит из двух рядом стоящих конусов, окруженных широким рвом; под этими конусами, по преданию, погребены основатель города и его мать Андромаха[2]. Один из могильных курганов, Маль-тепе

1 Longus, „Daphnis et Chloe“.

2 Hamann;—Ernst Curtius. „Beitrage zur Geschichte und Topographie Kein-Asiens“.

или «Холм сокровищ», стоящий на юге, близ дороги в Дикели, возвышается на 32 метра над равниной; раскопки доказали, что эта горка была перекопана, чтобы служить могилой государям из династии Атталидов.

До 1878 года знали лишь небольшое число древностей, извлеченных из Пергамского акрополя: заметили барельефы, надписи, фрагменты статуй в византийских валах, но не давали себе труда вынимать их из стен, где они были крепко вделаны, и думали, что почти все разрозненные мраморы были подобраны и снесены в печи для обжигания извести, чтобы быть превращенными в цемент. Когда же разные признаки открыли инженеру Гуману существование античных изваяний, представляющих высокий интерес, германское правительство выхлопотало у Порты разрешение приступить к подробному исследованию акрополя, и в продолжение четырех лет под-ряд отряды рабочих, под руководством Конце и других ученых, раскапывали верхнюю террасу: около половины площади, занимающей пространство в



Развалины Сардъ.

семь с половиной гектаров, было изрыто во всех направлениях, и план зданий, венчавших холм вышгорода, известен теперь в подробности. На южной стороне высился колоссальный жертвенник, имевший слишком 40 метров длины у основания и окруженный колоннадами; около середины акрополя, на краю западного крутого откоса, стоял храм Минервы Воительницы, и несколько других храмов группировалось вокруг этого святилища, покровителя города; далее, на самой возвышенной части холма, римляне воздвигли Августеум, а северный выступ горы заканчивался храмом Юлии. Вокруг жертвенника и храма Минервы раскопки обнаружили драгоценнейшие барельефы, составляющие теперь, вместе с олимпийскими барельефами, славу и гордость берлинского музея; около двухсот статуй и изваянных пьедесталов лучшего периода греческого искусства были извлечены из массы развалин; найден также великолепный фриз длиной около сотни метров, представляющий гигантомахию, отчаянную борьбу титанов с богами; во всей эллинской скульптуре нет героического сюжета, разработанного с большим разнообразием замысла, с большей силой в концепции целого, с

большим искусством в исполнении[1]; эти титаны, как полагают, символизировали галлов, которые были побеждены близ Пергама в 168 году до Р. Х.[2]. Другое открытие, почти столь же интересное—это находка греческого дома, построенного за две тысячи лет до нашего времени и еще сохранившего внутреннее распределение комнат и стенную живопись. Отныне имя Пергама будет пользоваться в истории искусства такой же славой, какую оно уже приобрело в истории наук, благодаря знаменитым уроженцам этого города, как Галиен, и драгоценным манускриптам, написанным на «пергамских кожах» (пергамент).

Дорога длиной в 28 километров, построенная Гуманом, исследователем руин, ведет из Пергама в его новый порт, Дикели, сделавшийся в несколько лет цветущим греческим городком. Чандарлик, на северном берегу залива того же имени, приходит в упадок с тех пор, как перестал быть отпускным портом долины Бакир-чай. По другую сторону залива, простая деревушка, Ламурт-кой, указывает местоположение древних Кум (Киме), матери других Кум, италийских, где Энеида поместила вход в ад. Далее, на морском берегу, при рейде, открытом северным ветрам, основалась Енидже-Фокия или «Новая Фокея»; жителя её, большинство которых греки, строят мол для защиты кораблей от ветров.

Караджа-Фокия ила просто Фокия, Фуджес или Фоглеры, есть знаменитая Фокея, смелые выходцы которой основали Марсель и столько других колоний. Старая Фокея, скромный городок в сравнении с её богатой дочерью, не уступает последней по красоте местоположения, а её естественный порт гораздо обширнее марсельского. Группа островов, Перистериды или «Голуби», защищают рейд с северной и северо-западной стороны, оставляя судам только два входа: северный, не глубокий, и южный, широкий и доступный самым большим купеческим кораблям; мыс, занятый разрушенной цитаделью, защищал некогда вход в порт. Круглый бассейн, который кажется запертым со всех сторон высотами острова и твердой земли, сам делится на два второстепенных порта, на севере и на юге полуострова, на котором расположены развалины крепости и собственно город. Еще недавно эта скала была островом; но обломки, падавшие с соседних стен, выбрасываемый в море балласт кораблей и мусор всякого рода, наносы ручейка, может быть, также, как утверждают туземцы, медленное поднятие почвы осушили пролив, и теперь стоят дома там, где прежде становились на якорь суда. Новый квартал, населенный почти исключительно греками, вытянулся полукругом на берегу, вдоль северной бухты. Масличные рощи, в перемежку с кипарисами, занимают овальную равнину, которая составляет как бы продолжение залива и окружена со всех сторон голыми каменистыми горами, известковыми на юге, вулканическими на севере. На юго-востоке видны остатки города, бывшего акрополя Фокеи, господствующие над другой гаванью, которую Смирнский залив выделяет из себя внутрь материка: это—Вария, называемая турками Хаджи-Лиман.

Греческое население Фокеи, составляющее большинство жителей, выказывает меньше инициативы и предприимчивости, чем их обыкновенно обнаруживает эллинская раса. Причина тому, без сомнения, в условиях труда здешних греков: почти все они солепромышленники, добывающие соль из соленых болот, залегающих на берегу моря, к северу от Гермуса, и постоянный надзор чиновников фиска держал их как бы в состоянии рабства, парализуя всякое проявление самодеятельности. Единственная торговля Фокеи—отправка соли: в соседстве пристани высятся громадные груды кристаллов, настоящие холмы, одного из которых достаточно для нагрузки нескольких кораблей. А между тем город поставлен в очень благоприятные условия для большой международной торговли, как передовой порт Смирны: расположенный при входе в залив, представляющий судам превосходную якорную стоянку и совершенную защиту от ветров, он имеет лишь то неудобство, что отделен от Гермуса дикими крутыми холмами, а Смирна отказывает ему в проведении ветви железной дороги, которая отвлекла бы в пользу Фокеи часть торгового движения. Хотя азиатские фокейцы и очень гордятся городом, основанным их предками на берегу Прованса, однако их вовсе не

1 Conze:—Humann;—Bohn, „Ausgrabungen zu Pergamon“.

2 W. C. Perry, „Fortnightly Review“, 1881.

встречается среди греков, эмигрировавших в Марсель.

Долина Гедиза или Гермуса, наносы которой выдвинуты далеко в море, непосредственно на юг от Фокейских холмов, как и долина Каика, очень густо населена относительно своего протяжения. Город, давший ей свое имя, незначителен: расположенный в горном цирке, над которым господствуют снеговые вершины Мурад-дага и Ак-дага, он сгруппировал свои дома невдалеке от застывшего потока базальта, который, вследствие охлаждения, раскололся на отдельные массы на подобие колонн, и в котором река открыла себе проход. С высоты этих скал видишь у себя под ногами плоские кровли домов, с стоящим на каждой мраморным свитком, фрагментом колонны, который употребляется для утрамбовывания земли[1]. Гедиз—может быть, древний греческий город Кади, но большие развалины находятся вне этого бассейна, в верхней долине Риндака, притока реки Сусурлю-чай; там, близ нынешней деревни Чарду-Гиссар, стоял эллинский город Айзани, теперь же видны только остатки ристалища и театра. На западе, Демирджи, Гердиз, Ак-Гиссар, через который проложена железная дорога, занимают географическое положение, сходное с положением Гедиза, в небольших высоких долинах, которые открываются в южном основании водораздельных гор, ограничивающих с севера бассейн Гермуса или Гедиза. Гердиз—промышленный город: его «смирнские ковры» всего более похожи на персидские по отчетливости узора и прелести колорита. Ковровое производство Гердиза: 2.000 работниц, 400 станков; общее количество вытканных ковров 10.000 квадр. метров[2]. Ак-Гиссар, древняя Фиатира, сохранил от своих дворцов и храмов только остатки скульптурных работ. Он превзойден ныне городом Мермере, построенным на хребте, который господствует на севере над глубокой котловиной, где находится озеро того же названия.

К югу от реки Гедиз-чай, город Кула, лежащий среди «Горелой» местности, усеянной «чернилицами» или кратерами из черноватого вулканического пепла, отправляет в Смирну так называемые «молитвенные ковры», очень умеренной цены, потому что они ткутся из шерсти, смешанной с пенькой. Другие материи, отличающиеся оригинальным стилем и превосходным качеством, которые ткутся лучшими мастерицами, предназначаются для приданого; в продаже их редко встретишь, по причине их высокой цены[3]. Кула—земледельческий центр, откуда отправляют опиум и другие сельско-хозяйственные произведения на железную дорогу Гермуса. Конечная станция этого важного пути,—который должен современем соединиться у Афиум-Кара-Гиссара с будущей магистральной линией Передней Азии,—в настоящее время Алашер, известный в эллинскую и римскую эпохи под именем Филадельфии, которым он был обязан своему основателю, царю Филадельфу, из династии Атталидов. Некогда значительный город, Алашер занимает в равнине Когама или Сари-киз-чай, притока Гедиза, основание предгорья Тмолуса или Боз-дага; терраса покрыта садами и тенистыми рощами, а равнина представляет одно обширное поле, где разветвляются до бесконечности ирригационные каналы. Филадельфия была «маленькими Афинами», по своим памятникам и празднествам; хотя землетрясения, очень частые в этой области Катакекаумены, не раз опрокидывали и разрушали её здания, там и теперь еще видны остатки многих храмов, ристалища, театра и двух каменных оград, стен акрополя и стен собственно города. Филадельфия была, во времена Иоанна Богослова, одною из знаменитых «семи церквей», и имя её упоминается в Апокалипсисе; но, несмотря на все поиски, до сих пор не найдено никаких обломков, относящихся к этому первому периоду христианства[4]. Филадельфия, последний город Малой Азии, завоеванный оттоманами[5], пал лишь в 1390 году. В наши дни он быстро возрастает в торговой деятельности; греческая община, состоявшая недавно из тысячи душ, увеличивается вместе с развитием торговли и промышленности.

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
2 Edm. Dutemple, „En Turquie d'Asie“.
3 E. Dutemple, цитированное сочинение.
4 Humann;—Ernst Curtius, „Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, 1872.
5 Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

Сарды или Сарт, древняя столица Лидии, в настоящее время не более, как железнодорожная станция, окруженная простыми навесами и двумя или тремя хижинами; здесь переходишь по доске через знаменитый Пактол, узкий ручей, текущий среди лугов; предгорья, господствующие над долиной, сплошь состоят из конгломерата и красной земли, которые малейший дождик бороздит рытвинами везде, где переплетающиеся корни растений не образуют непроницаемого ковра. Разрезанные размывами дождевых вод, иссеченные в форме пирамид, обелисков, крепких замков, сардские холмы имеют причудливый и восхитительный вид, благодаря контрасту зелени и красноватых скал; в обломках, увлекаемых дождевыми потоками с этих стен, находятся те частицы золота, из которых были вычеканены первые монеты[1], и которые сделали из имени Пактола синоним неисчерпаемого сокровища; но в наши дни нет более пастуха, турецкого или греческого, который дал бы себе труд заняться промыванием песков ручья. Земли, обвалившиеся с холмов или нанесенные проточными водами, покрыли большую часть античного города, расположенного между цепью Боз-даг и холмом акрополя; однако, там видны еще остатки зданий. Прекраснейшая руина, развалина храма Цибелы—быть может, святилища Юпитера Олимпийского, воздвигнутого Александром Великим, представляет две колоссальные колонны, высоко поднимающиеся над неровной лужайкой; во время путешествия Чисгулля, в 1699 году, портал, предшествуемый шестью колоннами, с их архитравами, существовал еще; вероятно, что систематические раскопки, предпринятые в городе Креза, привели бы к открытию драгоценных изваяний. На север от Сард и равнины Гермуса или Гедиза, недалеко от озера Гигес—ныне озеро Мермере—находятся древние могилки в таком большом числе,что образуют целый некрополь, называемый Бин-Бир-Тепе или «Тысяча один курган». Самый обширный из этих могильных холмов, о котором легенда говорит, как о кургане Алиатта, отца Креза, имеет более версты (1.100 метров) в окружности; раскопки, сделанные там недавно, доказали только факт посещения прежних исследователей, которые и унесли сокрытые в могилах сокровища.

Новый город Дургутли, лежащий к западу от древней столицы Лидийского царства, и более известный под именем Кассабы, то-есть «Местечка», окружен садами, бахчами дынь, полями хлопчатника и хлебных растений, занимая род бухты в широкой долине Гермуса, между предгорьями Боз-дага и крутыми горами Манисса-дага. Он обязан плодородию своей равнины важностью своих рынков; его торговая деятельность зависела главным образом от его положения относительно Смирны. Здесь проходит самая легкая дорога, ведущая из столицы Ионии в долину Гермуса; до постройки железной дороги, которая огибает на западе массив Сипилос, вся торговля, направлявшаяся из верхней долины к морю, производилась через этот вырез горы, порог которого имеет всего только 200 метров высоты[2]; там видны еще многочисленные следы древней дороги. Недалеко от этого перевала, но уже на покатости Гермуса, какие-то древние завоеватели вырезали в стене из серого известняка барельеф, который Геродот описывает, как фигуру Сезостриса: это—памятник в виде четыреугольного каменного столба, называемый Нимфи или Нимфио (Ниф), по имени соседней деревни, где находился античный нимфеум. Дожди попортили камень, и многие детали доспехов и одеяния неузнаваемы более; однако, кажется, можно сказать с уверенностью, что на этом барельефе не было иероглифической надписи, и стиль скульптуры вовсе не египетский; в этом замечательном памятнике лидийского, или, может быть, гиттитского, происхождения, чувствуется влияние ассирийского искусства, как и в других до-эллинских барельефах Малой Азии[3]. В 1875 году инженер Гуман открыл на одной скале той же долины следы другого «столба Сезостриса», о котором также говорит Геродот; но костры, зажигаемые юруками у подножия этого барельефа, сделали его почти неузнаваемым.

Нынешняя Манисса (Мансер), бывшая Магнезия на Гермусе или при Сипиле, занимает грандиозное местоположение у основания крутых гор, которые отделяют ее от Смирнского

1 Andree, „Ethnographische Parallelen“.
2 G. Weber, „Le Sipylos et see Monuments“.
3 Перро;—Баддингтон;—Масперо;—Вебер.

залива: белые минареты, резко обрисовывающиеся на сером или черном фоне скалы; отдельно расположенные кварталы, виднеющиеся на склонах и на террасах; чащи зелени, рассеянные в лощинах и на кладбищах по окраинам города,—все это придает Маниссе странный, своеобразный характер. Внутренность города также производит приятное впечатление оригинальностью вида; турецкий квартал сохранил еще свою особенную физиономию: нигде не увидишь лучше, каков был оттоманский город в средние века, с его лабиринтом базаров, ханов, мечетей и медрессе. Но рядом с турецкой Маниссой стоит эллинская Магнезия, быстро растущая и долженствующая опередить свою соперницу в близком будущем. В 8 километрах к востоку, в нише одной скалы, стоит колоссальная статуя, впрочем, очень попорченная и совершенно неразличимая в некоторых частях тела и одежды. Не есть ли это Ниобея Илиады, а глубокие следы, оставленные дождем, не борозды ли неизсякаемых слез богини? Или, быть может, это изваяние есть Кодинская скала, о которой говорит Павзаний, «статуя Цибелы, матери богов, старейшей из богинь»? Как бы то ни было, этот бесформенный памятник, кажется, указывает одну из первых попыток эллинского скульптурного искусства. Вокруг ниши Цибелы скала во многих местах высечена в виде гротов, служивших могильными склепами, где, без сомнения, хоронились те из верующих, которые хотели покоиться вблизи святилища[1]. Научный термин «магнетизм» произведен от имени Магнезии, славившейся в древности своими горными породами и жилами руды, имеющей свойство притягивать железо.

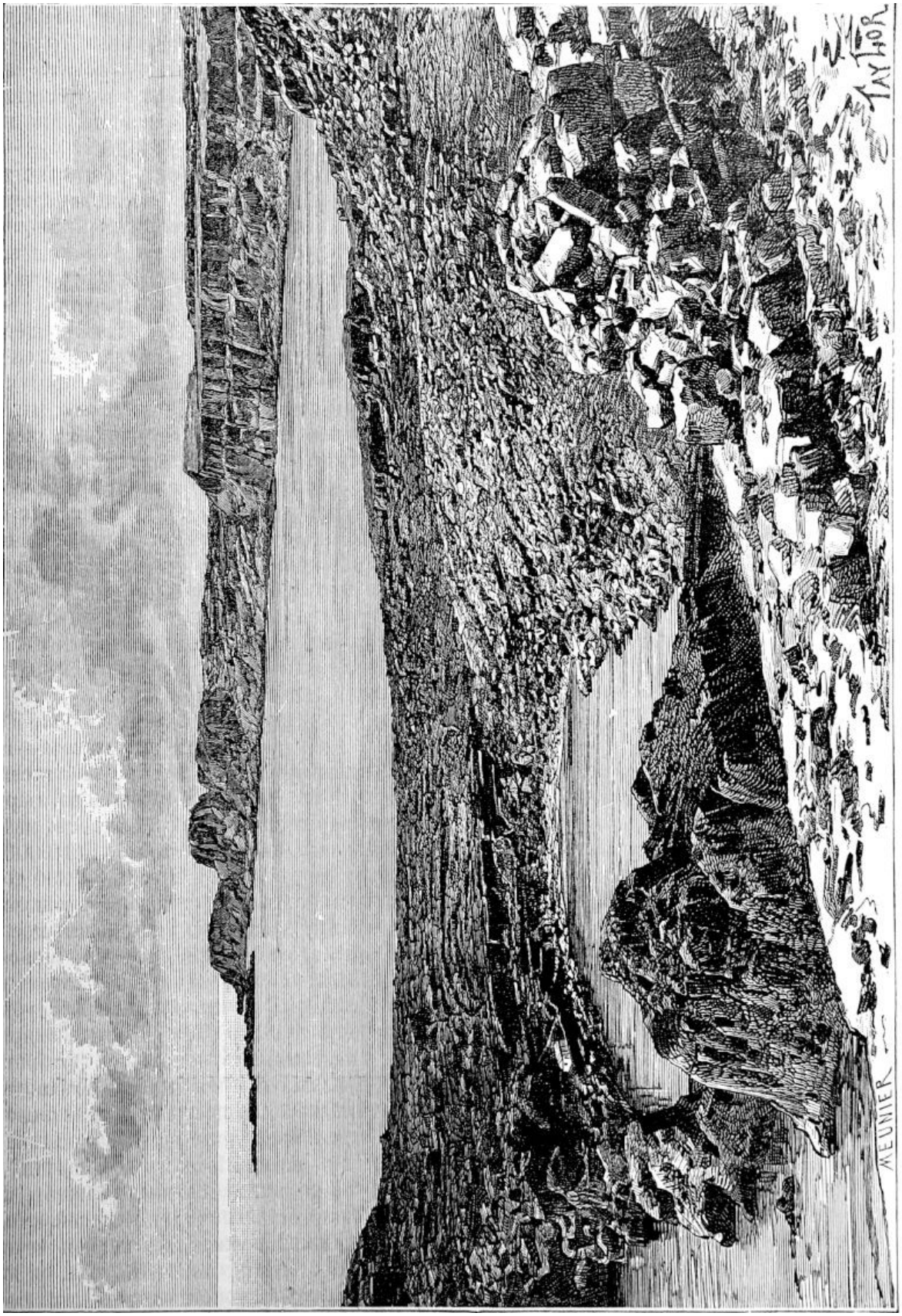
Ниже Магнезии, единственный город этой долины—Менемен, лежащий при выходе из ущелий реки и при входе в её аллювиальную равнину. Менемен может быть рассматриваем уже как пригород Смирны, которую он снабжает огородными овощами и фруктами, и которая посылает ему в праздничные дни тысячи гуляющих.

Смирна, по-турецки Исмир, главный торговый город Малой Азии, стоит не на берегу открытого моря; близ восточной оконечности своего залива, окрашенного в желтый цвет мутными водами Гермуса, она отделена от голубых вод моря узким проходом, над которым господствуют белые стены Санджак-Кале («Крепость знамени»). Город занимает широкий пояс земель с пологим скатом, которые постепенно поднимаются на юг и к горе Пагус, на которой еще сохранились остатки средневековых укреплений, построенных на фундаментах античного акрополя. В отношении красоты и живописности Смирна уступает большинству городов азиатской Ионии и, повидимому, не заслуживает изречения оракула: «трикраты и четырекраты счастлив тот, кто обитает на Пагусе, за священным Мелесом!» Едва несколько высоких зданий выступают над морем домов; только когда приблизишься к городу со стороны южного угла, видишь развернувшийся во всем объеме амфитеатр турецкаго квартала, с его куполами, минаретами и кипарисными рощами, осеняющими кладбища. Все горы, ограничивающие горизонт, безлесны и не имеют другой растительности, кроме пажитей; но по крайней мере они отличаются красотой контуров. Массив «Двух братьев», господствующий над входом в рейд, отдаленный Мимас, отделяющий залив от открытого моря, цепь Сипила, поднимающаяся постепенно уступами до пирамидальной массы Пелопсова Трона, могучая вершина хребта Тмолус с деревнями, приютившимися на его предгорьях,—живописно обрамляют этот необозримый круг, развертывающийся около рейда.

Самый значительный город Анатолии и всей Передней Азии, Смирна по численности населения первый город эллинского мира после Константинополя; по влиянию же она занимает второе место после Афин. Турки не без основания дали ей прозвище «Смирны неверной»: вступая в порт, видишь почти исключительно суда под европейскими флагами, и все кварталы вдоль набережных, построенные на земле, которую французская кампания завоевала у моря, принадлежат гяурам. Все носит на себе отпечаток западной инициативы: набережные, вымощенные лавами Везувия, английские рельсы, венские коляски и кареты, дома, построенные под руководством французских архитекторов каменщиками из Архипелага, кирпичи, мраморы, железные столбы, сваи и деревянные рамы, позволяющие строениям выдер-

1 G. Weber, цитированное сочинение.

живать сотрясения почвы,—все эти материалы были привезены из-за моря. Иностранец почти не знает другой Смирны, кроме Смирны греков и франков; турки оттеснены внутрь города, к склонам горы Пагус; квартал их—это лабиринт бедных деревянных домов, которые



Линдосская бухта на Родосѣ.

никогда бы не ассенизировались, если бы огонь не делал иногда среди них широких пробелов. Судя по школам, которые наперед обеспечивают первенство более образованным, не подлежит сомнению, что нравственное превосходство греков быстро возрастает; их главная

коллегия (высшее учебное заведение), которую английское покровительство охраняло от вмешательства турецкого правительства, занимает целый квартал и постоянно расширяется прибавлением новых построек; при ней есть даже музей древностей, который обогащается изо дня в день новыми приобретениями, благодаря патриотическому рвению греческой общины, а библиотека её представляет неоценимое сокровище, при входе в обширный мир без книг, простирающийся внутрь Азии. Армяне тоже очень усердно заботятся о своих школах, и даже евреи, еще недавно составлявшие один из самых презренных классов общества, поднимаются мало-по-малу в общем уважении за ту энергию, с которой они занимаются воспитанием своих детей. В очень многих европейских семействах французский язык заменил испорченный испанский (spaniole), как общеупотребительная речь[1].

Население Смирны по «национальностям» в приблизительных цифрах:

Греков райи—96.000; эллинских граждан—30.000; турок—40.000; евреев—16.000; армян—10.000; левантинцев и иностранцев—8.000; всего—200.000.

Промышленность Смирны доставляет для вывоза лишь небольшое число предметов. Ковры, известные под именем «смирнских», производят внутренние округа—Гердиз, Кула, Ушак; в городе и его окрестностях не выделывают других фабрикатов, кроме ординарных бумажных тканей, тесьмы, лент и легких шелковых материй, затканных золотом; главный местный продукт—халва, род теста, приготовляемого из кунжутной муки и меду; она очень ценится во всех восточных странах, где население обречено на частые посты; смирнская халва вывозится в Грецию, в дунайские земли и в Россию. Почти вся отпускная торговля главного порта Ионии состоит из земледельческих и промышленных произведений, доставляемых из внутренних долин по железным дорогам, которые проникают уже на сотни верст внутрь материка (общая длина сети смирнских железных дорог в конце 1883 года—570 километров; доход в 1882 году 3.050.000 франк.). Главные предметы вывоза—виноград, винные ягоды, хлеб, растительные масла, хлопок, табак, опиум, кожи сырые и в деле, ковры и цыновки; ценность вывозимого винограда, в среднем выводе, 10.000.000 франков; сбор в 1882 году 34.000 тонн. Привоз состоит из бумажных и полотняных изделий, доставляемых преимущественно из Англии, сукон из Германии, лионских шелковых тканей, затканных золотом и серебром материй, металлов, мануфактурных произведений всякого рода. Прежде смирнские армяне пользовались монополией фабрикации носовых платков и покрывал, но завод их был отчужден для постройки железнодорожной станции. Возрастание торгового обмена значительно из десятилетия в десятилетие, хотя Смирна уже не занимает такого важного места относительно остальной Оттоманской империи, какое занимала прежде, в первой четверти нынешнего столетия: в 1816 году, её внешняя торговля с Европой, около 70 миллионов франков[2], представляла по ценности половину торговых сношений всей Турции, европейской и азиатской. Франция, которая в прошлом столетии пользовалась почти исключительной монополией левантской торговли, опережена теперь Англией в отношении ценности торгового обмена, но не уступает своей заламаншской соседке в отношении движения морского судоходства (относительного числа судов, участвующих в торговле с смирнским портом), и все еще занимает привилегированное положение, благодаря приносимому таможнями доходу, приписываемому отчасти французской компании, которая расчистила нынешний порт, построила волноразбиватели, молы и набережные. В настоящее время видны только следы прежнего порта, который вдавался внутрь материка близ южной оконечности города. Овальные контуры старых берегов бассейна еще заметны в строениях базара, которые стояли вокруг водной площади, постепенно съуживавшейся.

Движение судоходства в Смирне в 1880 году:

Парусных судов—1.233, вместимостью—165.650 тонн; пароходов—1.668, вместимостью—1.787 250 тонн; всего—2.901, вместимостью—1.952.900 тонн.

Ценность привоза в 1882 г.—116.500.000 франков; ценность вывоза—95.500.000

1 Pariente, рукописные заметки.

2 Jurien de la Graviere, „Revue des Deux Mondes“, 15 decembre 1872.

франков; общая сумма—212.000.000 франков.

Доля различных наций во внешней торговле Смирны в 1882 году[1]:

Англия—75.730.000 франков; Франция—39.000.000 франков; Австро-Венгрия—19.300.000 франков; Италия—7.750.000 франков.

Доля участия иностранных коммерческих флотов в торговле Смирны в 1880 году:

Франция—21 процент; Австро-Венгрия—20 процент.; Англия—17 процент.; Италия—7 процент.; Турция—2 процента; другие государства—33 процента.

Как все большие города, Смирна дополняется предместьями, местами загородных прогулок и центрами дачной жизни, куда городские жители отправляются искать тени, недостающей их площадям и проспектам. На северо-востоке, кладбища представляют великолепные группы кипарисов; подле этих занавесов зелени смирниоты, сидя беспечно на террасах кофеен, расположенных вдоль берега, рядом с Караванным мостом, созерцают беспрестанно меняющееся зрелище, представляемое проходом верблюдов, с их вожаками, юруками, турками или татарами. В своем нижнем течении скромный ручей, обозначаемый, справедливо или нет, именем Мелеса, в память Гомера, бежит в «Райском» овраге, под аркадами древних водопроводов, сплошь обвитых фестонами растений. На востоке, в цирке, открывающемся на боках массива Тмолус, приютилось местечко Буджа, окруженное прекраснейшими чащами зелени, великолепными кипарисовыми аллеями. Далее, в том же бассейне верхнего Мелеса, Севди-кой или «деревня любви» выглядывает своими белыми домиками из-за зелени платанов. В равнине, составляющей продолжение впадины Смирнского залива, по направлению к Нимфейскому перевалу, Бурнабат, покрывающий своими садами пространство в несколько квадр. километров, поднимается пологим скатом у основания гор: это—наиболее посещаемый дачный городок в окрестностях Смирны; население его удвоивается в период с марта по ноябрь. Дальше на восток показываются Гаджилар, окруженный масличными рощами, и Бунар-Баши или «Голова воды» (начало, исток), который обязан своим названием находящимся в соседстве его обильным источникам; железная дорога, которая в праздничные дни привозит толпу гуляющих в сады Бурнабата, продолжается до подошвы Нимфейского прохода. На одной террасе хребта Тмолус расположено местечко Каклуджа (Куклуджа), откуда можно любоваться панорамой бухты. На другой стороне залива, напротив города, быстро разростающееся местечко Корделио состоит из вилл, принадлежащих мелкой буржуазии, и имеет правильное пароходное сообщение с Смирной. Наконец местечко Кара-Таш, где находится большой лицей, и Гез-тепе, собрание дач, продолжают город на юго-запад, вдоль южного берега залива. Скаты холмов, еще недавно представлявшие обширные пастбища, уже разрезаны на правильные геометрические фигуры, начерченные стенами оград.

Но в этой Смирнской области, где возникают новые города вокруг большого торгового центра, на каком именно месте стояла древне-греческая Смирна? Какая река должна быть признана Мелесом, на берегу которого родился Гомер? Вот вопрос, обсуждаемый археологами, и относительно которого они еще далеко не пришли к соглашению. Так как древние предания поместили Мелес под стенами Смирны, и так как этот город несколько раз менял место, то название реки всегда переносилось на тот поток, при котором основывался новый город[2]. Большинство путешественников, принимая народное предание, видят Мелес в ручье, проходящем под мостом Караванов, и с благоговением посещают близ древнего водопровода пещеру, которая носит название «Гомерова грота». Другие исследователи полагают, что истинный Мелес впадает в северо-восточный угол Смирнского рейда. Руины, «гробницы Тантала», могильные склепы, высокий акрополь, венчающий соседния кручи, по их мнению, принадлежали к древнему городу[3], и остатки порта видны еще, будто-бы, в маленьком озере

1 Petissier de Reynaud, „Bulletin consulaire francais“, 1883, 3-e fascicule.

2 Michaud et Poujoilat, „Correspondance d'Orient“,

3 A. voh Prokesch. „Denkwurdigkeiten und Erinnerungen aus dem Orient“;—E. Curtius, „Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, 1872;—G. Weber, „Le Sipylos et ses Monuments“.

и болотах, сообщавшихся некогда с морем. Наконец, некоторые археологи, созерцая прекрасный источник, называемый Кара-Бунаром, то-есть «Черным фонтаном», или чаще, «купальней Дианы», уверяют, что эта-то чистая вода, разливающаяся скатертью, среди колеблемых ветром высоких трав и спускающаяся к морю равномерным потоком, и есть настоящий Мелес, «с прозрачной водой, обросшей густыми камышами», как его описывают древние авторы[1]. Сколько источников величаются таким образом «реками»,—титулом, которого, конечно, более заслуживает вода всегда прозрачная и бегущая, чем поток быстрый весной, но иссякающий во время летних жаров! Сена, Гаронна, Рона, Дунай, Иордан, Евфрат представляют тому замечательные примеры.

Античная Клазомена, родина философа Анаксагора, стоявшая на внешнем Смирнском заливе, вне прохода, почти совершенно исчезла, как и город Гомера, но по крайней мере известно, где она находилась. Она была расположена на острове, к востоку от великолепного рейда, образуемого полуостровом и островными холмами. Колонны и различные остатки скульптурных украшений были увезены в Смирну и в другие города морского прибрежья. В наши дни Клазомена сделалась лазаретом, и суда, выдерживающие карантин, становятся на якорь под защитой этого островка. Плотина, разрушенная теперь до уровня воды, была построена по повелению Александра Македонского от острова Клазомены до твердой земли. Морская пристань Вурлах, лежащая на континентальном берегу, напротив Клазомены, посылает свой виноград непосредственно за границу. Прекрасная колесная дорога, длиной 4 километра, соединяет этот порт с городком Вурлах, который виднеется на краю гористого плато, превращенного в эти последние годы в один необозримый виноградник; но большая часть возделанной территории уже монополизирована крупными землевладельцами. Тысячи рабочих приходят из других мест и располагаются лагерем в окрестностях Вурлаха во время полотья и сбора винограда. Эти работники разделены на партии, как невольники, расставленные в линию, они полют в такт, нагибаясь и выпрямляясь все вместе мерным движением; от времени до времени коновод испускает пронзительный крик, и все отвечают ему, продолжая его голос звуком, похожим на ржание коней. На расстоянии нескольких борозд, против ряда наемников, стоит надзиратель, часто вооруженный. Лошадь его, оседланная, ждет своего господина на соседней тропинке.

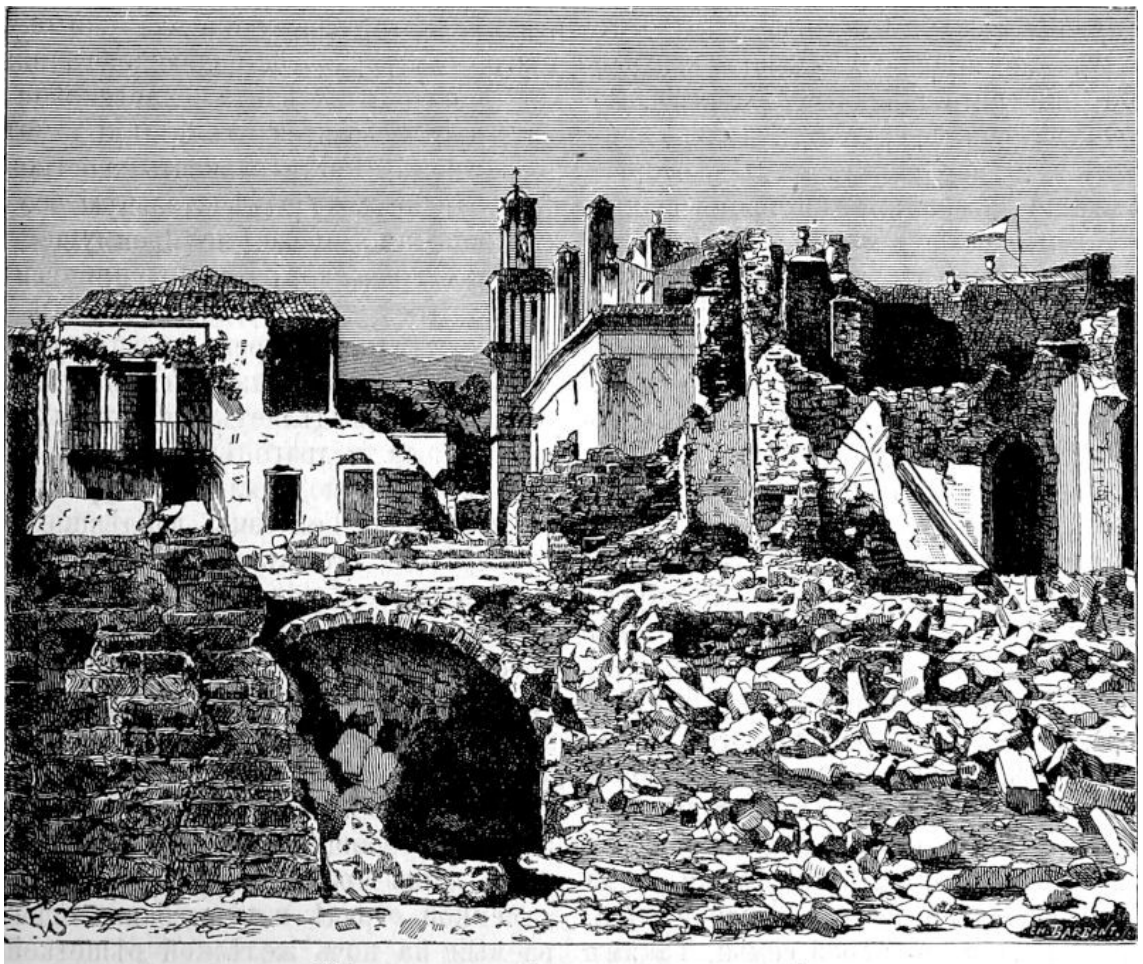
По другую сторону полуострова, на южном побережье, два города, Севри-Гиссар и Сигаджик, сделались, подобно Вурлаху, земледельческими центрами. В 2 километрах к югу от этого последнего города, у основания скалистого полуострова, находятся величественные руины Теоса, ионийского города, где родился знаменитый поэт Анакреон. Ограда из каменных стен имеет 6 километров в окружности, и между развалинами можно различить кое-какие остатки храмов, театр, откуда открывался обширный вид, простиравшийся до гор далекого Самоса, и святилище Дионизоса, которому город был посвящен. Договоры, заключенные со всем эллинским миром, обеспечивали ему право убежища. Далее на юго-восток, на том же южном берегу, развалины Лебедоса представляют лишь бесформенные кучи мусора, а в направлении Эфеса, Кларос, славившийся своим оракулом, исчез с лица земли, так же, как и город Колофон. После Чендлера, Арунделя, Тексье, Аристид Фонтрье тщательно изучил все его обломки и отыскал несколько замечательных остатков древности, между прочим фрагменты двух гигантских львов, относящихся к великой эпохе ионийского искусства. Страна, некогда густо населенная и славившаяся коневодством, ныне почти пустынна, исключая зимнего времени, когда там бродят пастухи-номады со своими стадами. Горы, господствующие над этой страной, сохранили еще кое-где купы сосен, последние остатки больших лесов, о которых говорят древние писатели, как о производящих колофонскую смолу, название которой переделано в «канифоль»[2].

В эпохи эллинские и римские, Лебедос был посещаем иностранцами, ради существую-

1 Bonaventure Slaars, „Etude sur Smyrne“.

2 Аристид Фонтрье, „Этюд по вопросу об определении положения различных, упоминаемых древними, местностей в Ионии“ (на новогреческом языке).

щих в окрестностях его терм, которыми и теперь еще пользуются. Мало найдется стран, более богатых горячими источниками, чем изрезанный полуостров, заключенный между Смирнским заливом и заливом Скала-Нова. Уже в соседстве смирнских вилл, на южном берегу залива, бьют из земли Агамемноновы ключи, возле которых видны остатки римских терм. Но наибольшее число посетителей привлекает Чесменский курорт, близ оконечности полуострова, напротив Хиоса и недалеко от развалин Эритреи, где также текут обильные горячия воды. Чесме, то-есть «Источник» по преимуществу, приобрел в истории известность морской битвой 1770 года, в которой русские совершенно истребили оттоманский флот, и подвигами греческого вождя Канариса, который «водрузил пламя пожара» на корабле капудан-паши. Рядом с торговым городом, разделенным на два квартала, турецкий и греческий, выстроился новый город для приезжающих из Смирны на минеральные воды. Высокую тем-



Хіосъ послѣ землетрясенія.

пературу чесменских источников и вообще всего полуострова приписывают вулканической энергии почвы. Действительно, земля этой страны часто испытывает потрясения; как на одно из явлений этого рода, причинивших наиболее бедствий, можно указать на последнее землетрясение, имевшее место в октябре 1883 года, когда слишком шесть тысяч домов были разрушены в Чесме, Лацате, Ритре, Рейс-дере. Запасы сушеного винограда, продукта, составляющего богатство края, исчезли под грудами обвалившихся камней. Еще долгие годы будут чувствоваться последствия общего обеднения, произведенного этой катастрофой.

Город Хиос, протянувшийся на несколько километров в длину, на острове того же названия, на краю зубчатого берега, между садами померанцевых деревьев и масличных рощ, наглядно свидетельствует своим видом о бедствиях, которые могут быть причинены землетрясениями. В 1881 году он был почти весь разрушен, и слишком 5.000 человек погибли под развалинами зданий. Хотя после того город в большей части опять отстроился (реставрация Хиоса до июля 1883 г., по сведениям газеты «Impartial de Smyrne»: 1.321 домов, церквей и мечетей отстроенных, 1.873 поправленных), однако, и теперь еще увидишь много покривив-

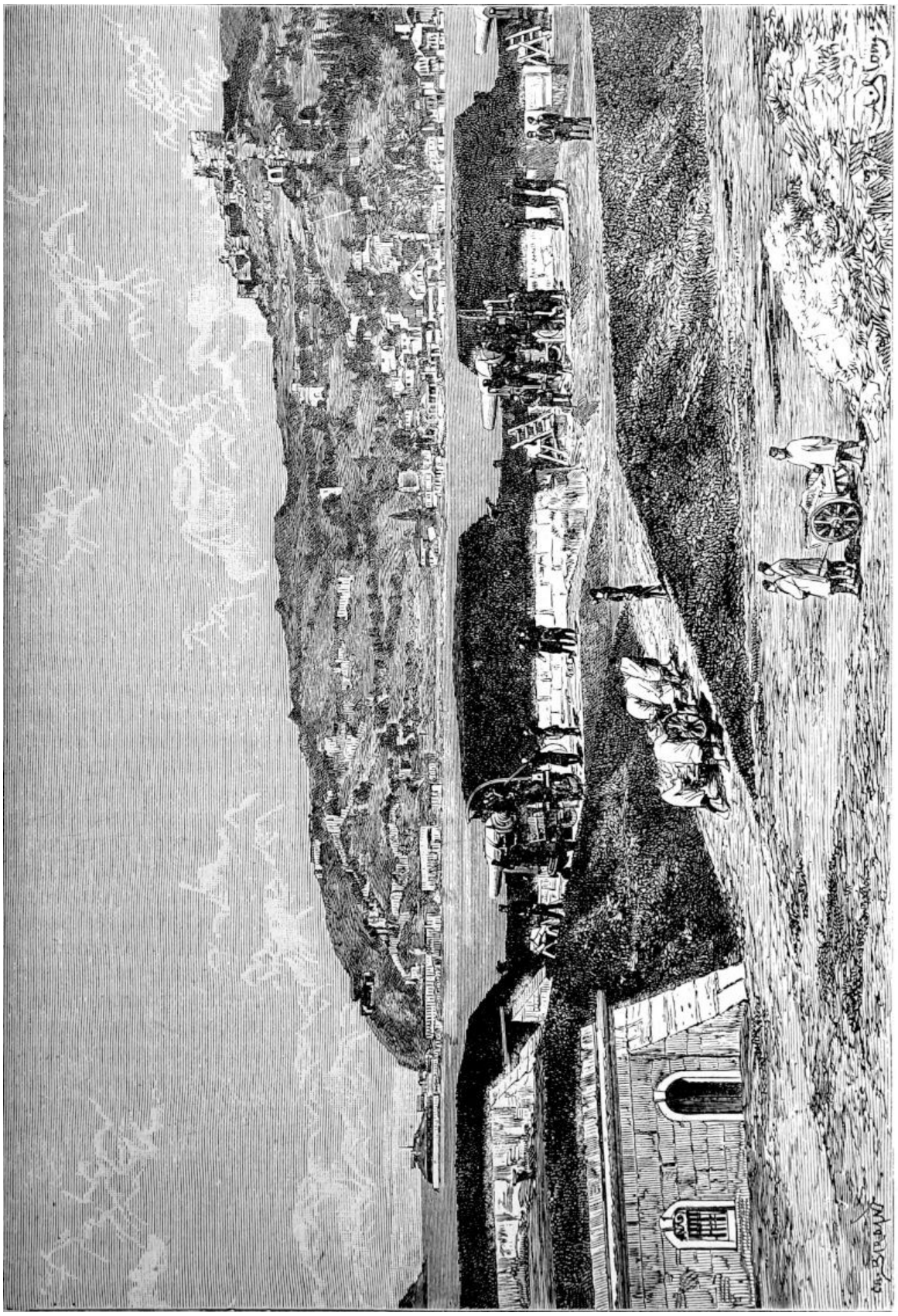
шихся башен и потрескавшихся стен. Но трудолюбие хиосцев так велико, что они, без сомнения, скоро изгладят все следы страшной катастрофы, подобно тому, как до землетрясения они уничтожили следы еще большего бедствия. В 1822 году, в первое время войны за независимость Греции, турки «прошли здесь», и когда дело опустошения было совершено, города и деревни представляли одни груды развалин. 25.000 хиосцев были перебиты и 45.000 уведены, как невольники, в Смирну и Константинополь; 15.000 убежали на острова и в континентальную Грецию; остальные умерли от голода или тифа. Из всего населения, превосходившего 100.000 душ, только 2.000 пережили турецкий разгром. Так отомстило оттоманское правительство за поражения, которые моряки из Псары или Ипсары, маленького островка, лежащего в соседстве с Хиосом, к северо-западу от последнего, нанесли турецким военным кораблям.

«Рай Архипелага» снова заселился, хотя число его жителей не достигло еще и половины той цифры, какую представляло население острова до войны. Город Хиос, или Кастро—как его называют по господствующему над ним генуэзскому замку,—занимает очень счастливое положение, на пути кораблей, плывущих вдоль западных берегов Малой Азии; это—передовая пристань Смирны на дороге из Афин и из западной Европы. На север город продолжается предместьем или, вернее сказать, громадным парком Вронтадос, населенным преимущественно моряками. С южной стороны за городом тянутся непрерывным рядом тысячи вилл дачного места Кампос, куда негоцианты уезжают каждый вечер, по окончании дневных занятий. Во все времена хиосские греки отличались меркантильным гением; те из них, которые нашли убежище за границей во время войны за независимость, воспользовались своим изгнанием, чтобы основать торговые дома на Западе—в Лондоне, в Марсели, в Ливорно, и их-то инициативе торговля острова была обязана тем, что опять достигла цветущего состояния. «Природа, говорят, создала их негоциантами и банкирами, и они делаются богатыми без усилий». Другие греки остерегаются этих единоплеменников, столь ловких, и часто утверждают, что в них следует видеть потомков какой-нибудь еврейской или финикийской колонии; впрочем, хиосцы действительно имеют кое-что из семитического типа, особенно женщины, которые отличаются благородством и правильностью черт. Подобно евреям, хиосцы избегают смешения с иноплеменниками или с эллинами других островов. Брачные союзы заключаются не иначе, как между своими; точно также, когда требуется выбрать торгового корреспондента, они всегда берут члена своей семьи. Таким образом, с одного конца света до другого, дела ведутся между родственниками[1]. Пронырливые и вкрадчивые, хиосцы также очень искусны в приобретении почестей и теплых местечек. Число высших чиновников, уроженцев острова, весьма значительно при дворе и во всех пашалыках.

Исключая низины, остров Хиос от природы не плодороден. Камень, состоящий почти везде из синеватого мрамора с крупными кристаллами, прикрыт лишь тонким слоем растительной земли. Нужно было создать почву и удержать ее на террасах, расположенных одна над другой в виде ступеней лестницы по бокам гор; нужно было также отыскать источники в недрах скал, вывести их на поверхность и распределить их воду по ирригационным каналам: если остров сделался плодоносным, то только благодаря труду человека. Хиосцы—самые искусные садоводы между греками; их берут нарасхват в качестве садовников в Константинополе, в Смирне и даже в Италии; вошло в поговорку, что «земля улучшается в их руках». Благодаря этому неутомимому труду жителей и своему счастливому климату, Хиос, очень богатый плодами всякого рода, вывозит каждый год от 35 до 40 миллионов апельсинов, от 40 до 50 миллионов лимонов; кроме того виноград, винные ягоды и камедь лесного и терпентинного фисташкового или мастиковаго дерева, употребляемую для приготовления «мастики», которую жуют восточные люди, и другой «мастики», составляющей главный крепкий напиток Леванта (мастиковой камеди ежегодно вывозится от 50.000 до 60.000 килограммов). Растительность на острове Хиосе представляет ту замечательную особенность, что маслина, дерево, по преимуществу свойственное греческому Востоку, прино-

1 Fustel de Coulanges, „Archives Scientifiques“, tome V.

сит плоды не каждый год, а в два года раз. Взамен того, мастиковое дерево, бесплодное или малопроизводительное на других островах и на континенте, выделяет в южных местностях Хиоса ту драгоценную смолу, за которую весь остров получил у турок название Сакиз-Ада-



Турецкая батарея при входѣ въ Босфоръ.

си. Генуэзцы, владевшие островом до перехода его в руки турок, придавали такую важность монополии знаменитой камеди, что для того, чтобы легче было наблюдать за крестьянами и предупредить всякую контрабанду, они сделали из каждой «мастиковой деревни» обширную

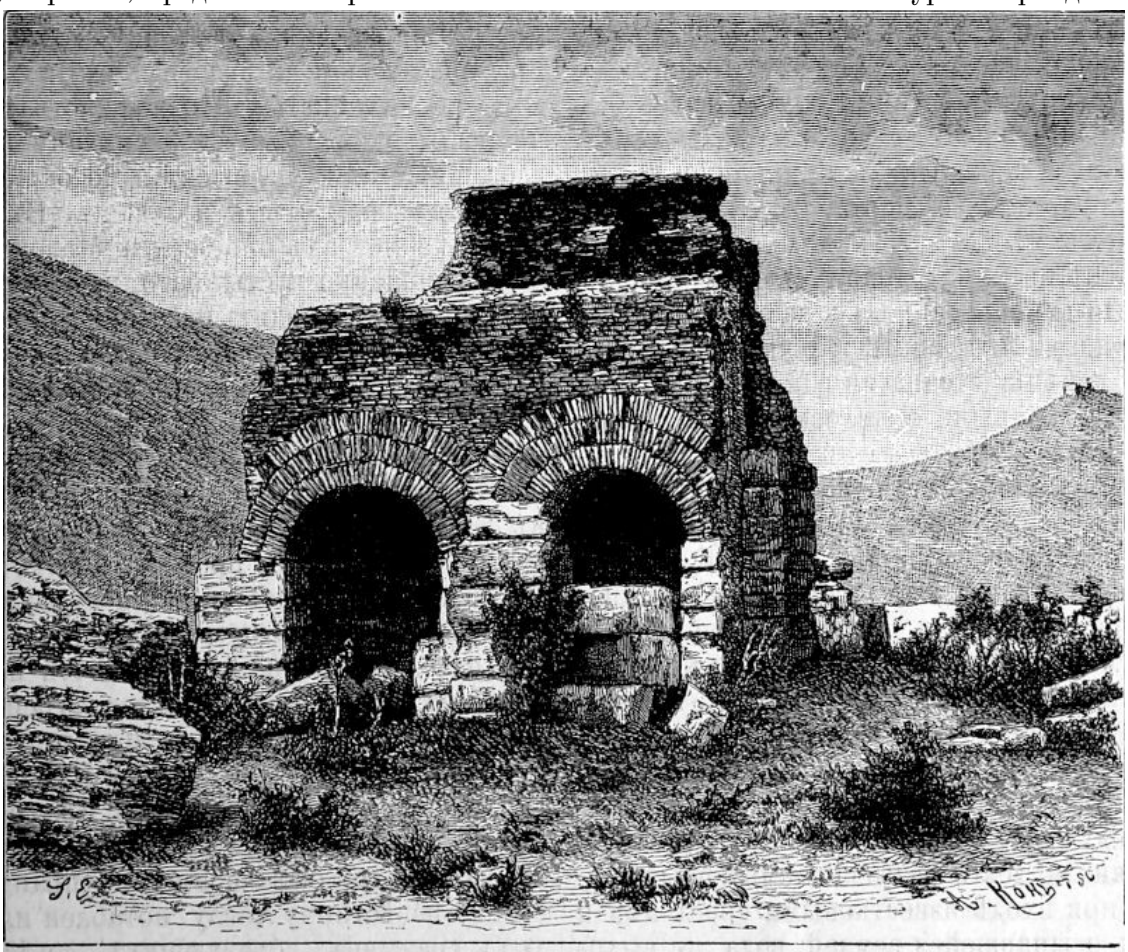
тюрьму. Еще и в наши дни местечки в южной части острова имеют вид настоящих четыреугольных крепостей, которые сообщаются с окрестными деревнями лишь чрез узкия ворота, пробитые в каменной ограде из высоких стен и запираемые на ночь железной решеткой. Внутри ограды дома тесно скучены вокруг сторожевой башни, на которую можно взойти не иначе, как по веревочной лестнице. Ни город Кастро, ни другие населенные места острова не сохранили никаких остатков древности, кроме находящейся в 8-ми километрах к северу от города скамьи, вырезанной в скале и поддерживаемой грубыми изваяниями, изображающими не то львов, не то сфинксов: этот памятник, быть может, принадлежащий до-эллинскому периоду, называется «Гомеровой школой», на основании предания, которое сделало из поэта философа и изображает его восседающим в этом месте среди своих учеников. В новые времена, как и в древние века, Хиос имел сынов, приобревших известность в науке и литературе: так, эллинист Корай, так много сделавший для восстановления классических текстов, был хиосец. Турки держат гарнизон в цитадели и редко пускают туда христиан; но они мало вмешиваются во внутреннее управление острова. Общественными делами в Хиосе, как и в большей части земель Архипелага, заведует патрициат, почти автономный.

К югу от смирнских гор долина реки Кайстра или «Малого Меандра», оканчивающаяся эфесскими болотами, представляет страну небольшого протяжения, которую древние обозначали специально под именем Азии, и которая в наши дни есть одна из самых многолюдных и важнейших по торговле областей Анатолии; сотни деревень и три важных города, население которых в большинстве состоит еще из турок, Эдимиш, Тира или Тире, Байндир, отправляют в Смирну земледельческие произведения окрестных местностей—виноград, оливки, винные ягоды, хлеб. Тира, соединенная с сетью смирнских железных дорог, есть одно из красивейших городских поселений Малой Азии. Разделенная лесистыми оврагами на множество отдельных кварталов, она представляет скорее целую группу городов, чем один сплошной город; со всех сторон стройные минареты выдвигаются над зеленеющими чащами деревьев. К западу от Тиры находится обширный *чифтлик* Машат, который султан подарил Ламартину, но которым поэт не воспользовался для обработки земли и ведения хозяйства.

Древний город Эфес, охранявший выход долины Кайстра, перестал существовать, и в равнине, где виднеются развалины его памятников, единственные жилища—это избушки бедной деревни Айя-Сулук, приютившейся под нависшими аркадами римского водопровода, на котором важно сидят аисты; путешественники с опасностью жизни пускаются летом в болотистую область, где некогда стояли прекраснейшие здания. Эфес, состоявший по крайней мере из трех, первоначально отдельных, городов, был раскинут на значительном пространстве; на западе, близ моря, он покрывал крутые склоны горы Коressос; другая уединенная гора, Пион (Прион), на которой был расположен второй квартал или отдельный город, тоже заключалась в городской черте, а далее, на восточной стороне, третья скала была увенчана эллинскими строениями, которые впоследствии сменил турецкий крепкий замок, резиденция ай-сулукских султанов. В этом обширном пространстве, около 4 километров с востока на запад, нет больше ни одного цельного памятника, но обломки зданий встречаются на каждом шагу, свидетельствуя о могуществе и великолепии античного города. Эфес, «глаз Азии», как известно, был, после Афин, столицею ионийской конфедерации и, как религиозная метрополия, резиденцией жрецов-царей, местопребыванием грозной богини,—в одно и тоже время Анагиды, Артемиды и Дианы,—которая царствовала над Европой, так же, как и над Азией, «Матери природы» и «Источника всех вещей». Никакое творение рук человеческих не могло достойно представить эту богиню; самая священная, наиболее чтимая статуя её был буковый чурбан, упавший с неба. Непрерывные восьмилетния раскопки под руководством англичанина Вуда привели, наконец, к открытию, в 1871 г., фундаментов Артемизиона, погребенных на глубине более шести метров, недалеко от того места, где стоит мечеть деревни Айя-Сулук, сама построенная на остатках христианской церкви. В своих поисках этот исследователь руководился межами полей, для определения направления древних дорог: он был совершенно прав, вверяясь в этом случае консервативному духу крестья-

нина; древние памятники разрушены временем, но проложенные к ним тропинки существуют и до сих пор.

Колоссальное здание, в четыре раза превосходящее размерами афинский Перфенон, открылось взорам археологов, которые могут отстроить его мысленно, с его бесконечными рядами желобчатых колонн, опирающихся на цоколи, украшенные барельефами, с его группами статуй и жертвенниками, окруженными тенистыми деревьями, сквозь которые виднелись вдали холмы, обрисовывающие на горизонте свой важный и мягкий профиль. Великолепные фрагменты, перевезенные в Британский музей в Лондоне, дают возможность составить понятие, каково было это «седьмое чудо света». Развалины храма были частью употреблены как материал для постройки водопровода и впоследствии для сооружения мечети, которая, впрочем, представляет оригинальный и любопытный памятник турко-персидского ис-



Эфесъ. Развалины темницы св. Павла.

кусства, украшенный стихами из Корана, которые группируются и обвиваются прелестными арабесками. На самых склонах гор Пиона и Коресса, откопанные фундаменты зданий, выступающие из-под земли развалины стены также обнаруживают изумительное богатство пышными памятниками, которые украшали город эфесцев. Какое грандиозное зрелище должен был представлять вид театра, где более двадцати пяти тысяч зрителей собирались на скамьях, поднимающихся уступами, и под перистилем верхней колоннады[1]. Другие исследователи исчисляли в 56.000 число мест в театре (Фалькенер). От театра до порта храмы, названия которых сохранились на медалях, следовали один за другим без перерыва: статуи, теперь разломанные на отдельные куски или превращенные в цемент, стояли тысячами по сторонам широких аллей; каменоломни на горе Пион, откуда добывали материалы для постройки всех этих зданий, поражают своими громадными размерами. Как во всех жреческих городах, в Эфесе не было ни одного камня, который не имел бы своей легенды, и в окружаю-

1 Wood, „Discoveries at Ephesus“.

щих горах каждая местность была прославлена какими-нибудь чудесами; все боги там фигурировали в какой-нибудь мифологической сцене. Точно также христиане, наследники греческого мира, видели в Эфесе один из своих святых городов; здесь «тюрьма апостола Павла», в другом месте—могила Марии Магдалины; там, приютившись в гроте, почивали в течение двухсот лет «семь спящих отроков» с их верной собакой, тогда как вокруг них сменялись поколения, и древние языческие верования уступали место новой религии; вырезанные на драгоценном камне имена этих отроков сделались как для христиан, так и для магометан, вернейшим талисманом. Предание указывает на Эфес, как на местопребывание апостола Иоанна Богослова; отсюда и самое имя местечка, Хагиос Феологос, превратившееся в Айя-Сулук в устах турок[1]. После Гераклита, знаменитейший из греков, родившихся в Эфесе, был живописец Апеллес, который, менее счастливый, чем эллинские ваятели, не оставил ни одного творения, чтобы оправдать свою славу в глазах потомства.

Две гавани, которыми обладал в древности Эфес, не существуют более, но можно угадать их местоположение. «Священный порт», названный так потому, что он находился в соседстве храмов, можно узнать только по крутому изгибу, который делает в этом месте река Кайстр. Бассейн города, лежавший дальше от моря и сообщавшийся некогда с большим портом посредством канала, может быть искусственного, теперь не более, как болото, окруженное развалинами. Эти обмелевшие гавани были заменены портом «Нового Эфеса», более известного под именем Скала-Нова или «Новая пристань», которое ему дали итальянские мореплаватели. Город, носящий то же название, имеет вид большого города; он поднимается амфитеатром по северному склону холма, обращенного наискось к морю; древние стены окружают лабиринт поднимающихся в гору улиц; обширные кладбища простираются далеко в равнине, окаймляющей морское прибрежье; гавань глубока, и с западной стороны островок, называемый Птичьим, отчасти защищает ее от ветра, дующего с открытого моря; но северо-западные бури бывают там иногда опасны. Скала-Нова посещалась большим числом судов до открытия железной дороги, которая проникает в долину Меандра и увозит теперь все произведения в Смирну; но в наши дни «Новая пристань» почти покинута и, если правительство не разрешит постройки ветви, соединяющей ее со станцией Эфес, на магистральной линии, то изолированное положение, в котором она очутилась, грозит лишить ее и той небольшой торговли, которую она еще сохранила. Однако, пароходные компании, ведущие борьбу с «обществом смирнских набережных», часто возвращаются к мысли основания в Новом Эфесе большого порта со всеми новейшими промышленными приспособлениями, и постройки специального пути к долине Меандра, чтобы отвлечь торговое движение к своей выгоде[2]. На западе, недалеко от пригорка, на котором раскинуты руины Неаполиса («Нового города»), греческое местечко Чангли прячется в маленьком бассейне зелени на берегу ручья, осененного платанами: это, как полагают, древний Панионium, куда собирались делегаты от ионийских городов для обсуждения общих дел конфедерации[3]. За Чангли, на морском берегу, нет ни одного города, даже ни одной деревушки, и только кое-где встречаются отдельно стоящие дома.

Древняя столица острова Самоса, отделенная проливом, в несколько километров, от полуострова Микале, исчезла, как и Эфес, и от всех её храмов сохранилась только одна колонна, остаток Гереиона, наиболее чтимого святилища богини Геры во всей азиатской Ионии. Маленький городок, называемый Тигани или «Сковорода», по причине кругообразной формы его порта, выстроился на том самом месте, где находился торговый квартал в времена Поликрата; на террасе гор, среди виноградников и расположенных косыми рядами маслич-ных рощ, другой город, с домами, стоящими один над другим, и с кривыми извилистыми улицами, Хора, то-есть «Место» по преимуществу, занимает местоположение одного квартала античного Самоса, вероятно, той части города, которая носила название Пифагоровой;

1 A. von Prokesch, „Denkwurdigkeiten aus dem Orient“.

2 Loehnis, „Beitrage zur Kenntniss der Levante“.

3 Tournefort, „Relations d’un voyage du Levant“;—Chandler, „Voyage dans l’Asie Mineure“.

остальная часть равнины, некогда покрытая жилищами, теперь заключает лишь бесформенные развалины, рассеянные в болотах и на распаханных землях. Под холмом акрополя, еще увенчанным стенами и башнями, недавно открыли двойную подземную галлерею, длинной около 1.200 метров, которая приносила городу воды бьющего из земли фонтана; этот тунель, долго разыскиваемый, был залеплен при входе известковыми сростками и прикрыт осыпавшейся землей; вода, по выходе из глубокой пропасти, над которой раскинут купол часовни, текла по дну узкого ущелья и наконец терялась в болотах прибрежья. Теперь занимаются очисткой галлерей, и скоро маленькое местечко Тигани, лучше поставленное в отношении водоснабжения, чем многие большие города, будет получать в изобилии чистые воды по каналу, вырытому слишком двадцать четыре века тому назад.

Вати, нынешняя столица Самосского княжества, расположена на противуположной покатости острова, на берегу воронкообразного залива, открывающагося в направлении северо-запада; большие корабли подходят к новым набережным в глубокой воде. Она состоит собственно из трех городов: в зеленеющем, поросшем травой цирке, на южной стороне крутой горы, куда поднимаются по козьим тропинкам, видны старинные строения Палайо-Кастрона; на половине высоты, на предгорьях, извиваются в виде лестницы улицы собственно так называемого города, внизу, новый квартал порта тянется вдоль набережных, там, где еще в половине настоящего столетия стояли только бедные избушки. Порт Вати, посещаемый регулярно пароходами, поддерживает очень деятельную торговлю фруктами, луком, винами, мушкатными орехами. Вокруг города расчистка и запашка земель быстро изменяют вид местности. Виноградники разводят там не только в равнинах и на пологих скатах гор, но даже на каменистых пространствах, и куски скалы, собранные с распаханной почвы и сложенные в кучи, высятся по окраине изгородей, в виде стен и башен. В нескольких километрах от берега Малой Азии, почти совершенно пустынного, путешественник с удивлением видит население, пристрастившееся к труду и проявляющее кипучую деятельность. Самос имеет широкую колесную дорогу, между Вати и Тигани; там есть также мосты, набережные, жете в двух восточных портах и на северо-западном берегу, в Карловасси; он ведет значительную торговлю, в два раза превосходящую торговлю Франции, пропорционально числу жителей. Это цветущее состояние острова объясняется тем, что население его пользуется почти полной автономией, и ему нечего боятся турецкого гарнизона из 156 человек, парадного войска, содержимого для формы от имени султана, верховного властителя страны. Ежегодная дань в 47.000 франков освобождает самосцев от всякой другой зависимости; управление присвоено известному числу нотаблей или именитых граждан, образующих совет, под председательством князя, назначаемого Портой. Островитяне имеют собственный флаг, гордо показываемый в Архипелаге целым флотом самосских шлюпок. Остров Самос пользуется большим материальным благосостоянием; рождаемость обыкновенно в два раза превышает смертность, и с каждым годом возрастает число жителей, которому ведется точная перепись строго применяемой статистикой[1].

Народонаселение Самоса в 1610 г.—10.000 жит., в 1828 г.—27.125 жит., в 1864 г.—33.998 жит., в 1879 г.—37.701, в 1881 г.—49.211 жит.

Бюджет Самоса в 1876 г.: доходы—3.033.729 франков, расходы—2.923.429 франков.

Роды культур на о. Самосе в 1878 г.: пашни—6.676 гектаров, масличные рощи—5.219 гектаров, виноградники—2.927 гектаров, фруктовые сады—393 гектара.

Жители Самоса отличаются такой воздержностью и умеренностью в пище, что легенда приписывает сухому и живительному климату острова особенное свойство, состоящее в том, что там, будто-бы, можно совсем обходиться без хлеба насущного.

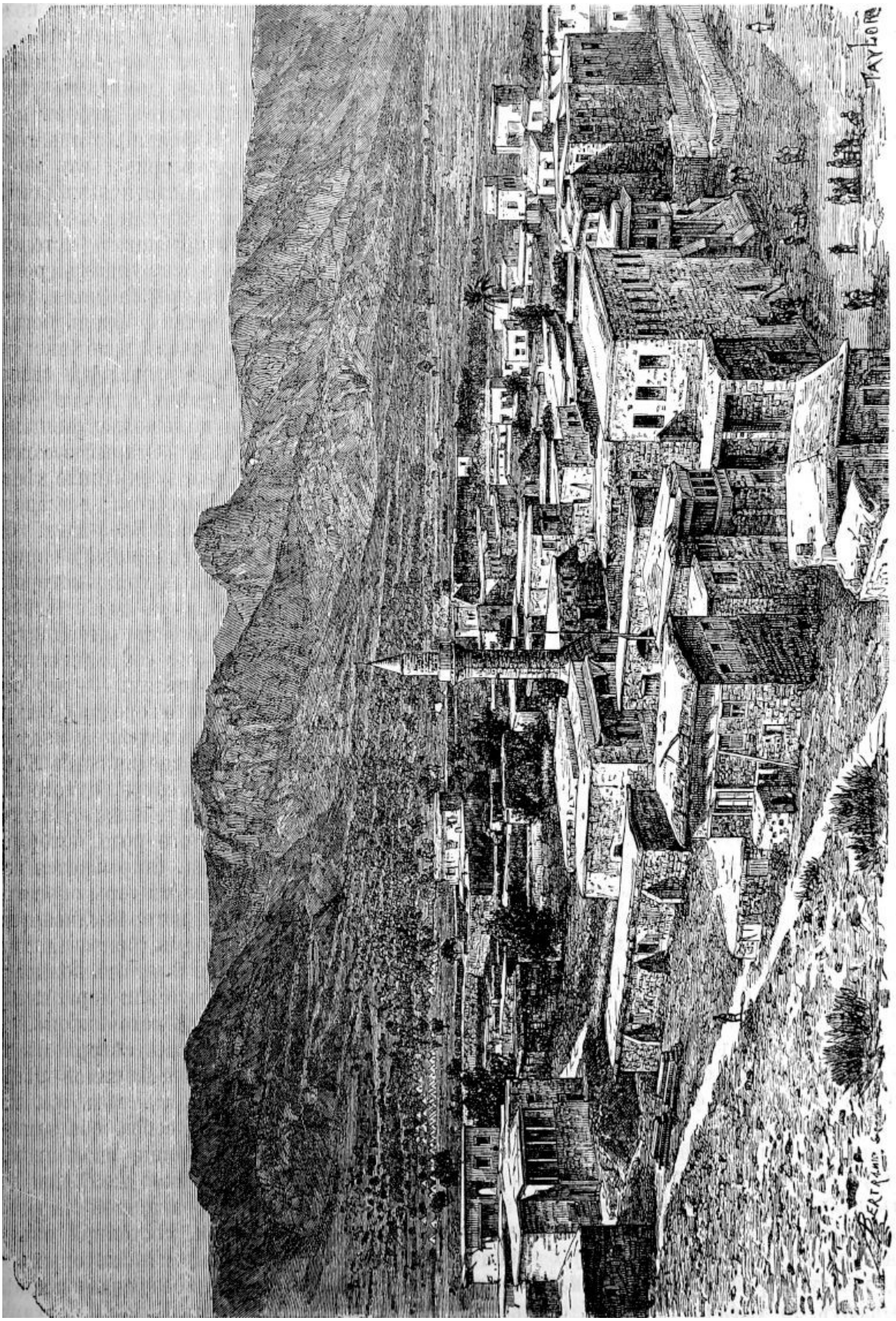
Ценность внешней торговли Самоса в 1879 году: привоз—15.701.318 франк., вывоз—12.305.582 франк., общая сумма—28.006.900 франков.

Движение морского судоходства: 3.159 судов, вместимостью 77.014 тонн.

Потомки колонистов, пришедших со всего Архипелага, с берегов континентальной Элла-

1 Эпаминонд Стаматиадис, «Самосский Ежегодник за 1880 год».

ды и из Анатолии после опустошения острова турецкими завоевателями, самосцы способствуют, в свою очередь, заселению соседних морских берегов. Целыми тысячами уходят они искать счастья в Смирне и в других городах Ионии; между ними же слишком часто набира-



Кириней.

ются разбойничьи шайки, разгуливающие по Анатолии. Те же самые индивидуумы, смирные и кроткие среди трудолюбивых населений родного острова, делаются наводящими страх бандитами на чужой земле. Много народу эмигрирует также из Никарии и с вулканической

скалы Патмос, где жил Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса. Этот последний остров потерял почти половину своих жителей с пятидесятых годов настоящего столетия.

Если бы прекрасная и плодородная долина Меандра была так же населена и возделана, как гористый остров Самос, она была бы раем Анатолии. Эта долина и теперь уже одна из самых промышленных областей Малой Азии: оттуда Смирна получает наибольшую часть земледельческих произведений и мануфактурных изделий, питающих её торговлю. Динеир, у истоков Меандра, составляет как бы ворота областей плоскогорья и должен в скором времени, как конечный пункт смирнской дороги, сделаться складочным местом Фригии и Писидии. Ушак, лежащий на одном из верхних притоков Меандра и окруженный полями, дающими лучший опиум в Анатолии, вышивает так называемые «смирнские ковры»; около 4.000 ткачих, работающих под открытым небом, перед деревянной рамой, в которой натянута основа, заняты весь день считаньем, завязываньем узлов, выравниваньем нитей утка. Ковровое производство возрастает из году в год и представляет среднюю ценность около двух миллионов, оплачиваемых импортерами Англии, Франции и Соединенных Штатов. Французские негоцианты имеют своих агентов в Ушаке и делают непосредственно авансы предпринимателям, которые платят работникам от 4 до 5 франков в неделю[1]. Подобным же образом, посредством выдаваемой вперед платы, значительно меньшей против рыночной цены товара, смирнские негоцианты покупают бумажные материи, называемые *алажас*, которые ткут женщины мусульманского местечка Кади-Кой, в бассейне Ликуса, между Сарай Коем и Денизли. Там насчитывают до тысячи ткацких станков. Чтобы увеличить свои доходы посредством умножения числа работниц, кадикойские турки почти все имеют по четыре законные жены, то-есть, столько, сколько дозволяет коран[2].

Денизли, лежащий у восточного основания Баба-дага, в равнине, орошаемой живыми водами, состоит почти только из базара и нескольких кожевенных заводов; в половине прошлого столетия, после землетрясения, опрокинувшего город, почти все население разбрелось по загородным домикам окрестной местности, под тень вязов, дубов и фруктовых деревьев. Вероятно, этот городок рано или поздно будет привлекать много посетителей, как центральный пункт для экскурсий к живописным местоположениям горы Кадмус, к инкрустирующим источникам на берегах Ликуса и к руинам греко-римских городов. На севере Лаодикея, одна из «семи асийских церквей», очень богатая и очень населенная в начале христианской эры, оставила импонирующие развалины своего водопровода, своих храмов и двух театров, обозначаемые теперь под коллективным именем Эски-Гиссар или «Старый замок»; на востоке, местечко Хонас сохранило несколько фрагментов зданий Колоссов; на западе, на противуположном склоне Баба-дага, бараки Гейры (Гиеры, т.е. священный) окружают руины Афродизии, главный храм которой, преобразованный в церковь в византийскую эпоху, до сих пор еще имеет пятнадцать ионических колонн, вполне сохранившихся, но самые грандиозные развалины—это остатки Гераполиса («священного города»), на травертиновой террасе, господствующей над аллювиальной равниной, где соединяются Ликус и Меандр. Со ступеней театра, одного из самых пышных и наиболее пощаженных временем памятников этого рода, которые уцелели от эпохи Адриана, открывается великолепнейший вид на голубые горы окрестностей и на равнину Меандра, которая сливается вдали с прозрачными парами горизонта, которые кажутся еще более легкими от контраста с руинами зданий, красного или черноватого тона, стоящими на террасе источников.

Буладан, на маленьком северном притоке Меандра, и Сарай-кой, на самой реке, ниже слияния её с Ликусом, так же, как и Денизли, представляют собою оба земледельческие рынки, отправляющие свои произведения в Смирну по айдинской железной дороге. Ниже, на отлогости, обращенной на юг, виднеется городок Назли, состоящий из двух отдельных местечек, из которых одно, Верхний Назли, населенное греками и известное специально под именем Базара, получило довольно важное значение, как один из главных рынков по тор-

1 Edm. Dutemple, „En Turquie d'Asie".

2 Giudici;—Sejourne, рукописные заметки.

говле винными ягодами, называемыми «смирнскими». Окружающая местность представляет один необозримый сад смоковниц, под сенью которых растут ячмень и кукуруза; синия сойки летают повсюду под листвой дерев. Недавно станция Султан-Гиссар была окружена апельсинными рощами, но только небольшое число этих деревьев избегли болезни, от которой погибли в то же время все апельсинные деревья на острове Самосе. Римские руины встречаются почти на каждом шагу. На одном холме, над Султан-Гиссаром, виднеются остатки Низы Греческой.

Айдин-Гюзель-Гиссар или «Прекрасный замок Айдина», самый большой город области Меандра, дал свое имя вилайету, главный город которого—Смирна. Протянувшись в длину на несколько километров, Айдин раскинулся у основания и по скатам холмов из красноватого конгломерата, увенчанных несколькими виллами; выкрашенные дома, желтые, зеленые или синие, крытые черепицей, красный цвет которой исчез под слоем наросшего мха, поднимаются амфитеатром по склонам гор; куполы, минареты, группы кипарисов господствуют над массой низеньких построек; посреди города, между двух выступов горы, открывается глубокая долина, и на берегах ручья Айдин-Чай над журчащей водой свесились раскидистые платаны, под обширными ветвями которых приютились кофейни; в окрестностях бьют из земли обильные минеральные ключи. Айдин, названный так по имени независимого эмира, который овладел долиной Меандра после прохода монголов, населен преимущественно оттоманами; но греки растут в числе, в богатстве, во влиянии, благодаря своей инициативе, своим путешествиям и особенно своим школам, так как хотя они не составляют и пятой части населения, но целая половина общего числа учащихся принадлежит их национальности. Армяне, квартал которых, расположенный но склону холма, находится в соседстве с кварталом греков, соперничают с ними по ведению торговых операций, и менее внушая опасений туркам, чем предприимчивые эллины, доставляют оттоманской администрации почти всех её служащих. Испанские евреи, живущие в нижнем предместье, близ станции железной дороги,—все коммиссионеры, менялы, ростовщики, дающие ссуды под заклад или под формальные росписки. Население Айдина: 23.000 турок, 6.500 греков, 1.800 евреев, 1.000 армян. В том самом месте, где кончается Айдин, т.е. на закраине холма, господствующего на западе над ущельем ручья Айдин-Чай, начинался некогда город Траллес. Терраса, на которой он стоял, совершенно ограниченная крутыми склонами и соединенная с горами легко защитимым перешейком, составляла естественную крепость, пространством от 2 до 3 квадр. километров, которую каменные стены делали почти неодолимой[1]. Греческий город был пышен и богат прекрасными зданиями; но эти здания были почти все построены из кирпича, и уже многие века жители Айдина не имеют другой каменоломни кроме развалин античного города; рабочие постоянно раскапывают почву, чтобы извлекать оттуда древние кирпичи, единственные, которые годятся для постройки печей. Среди масляничных деревьев этой террасы видны лишь груды обломков да кладбища; только на западной оконечности высится еще громадный фасад гимназии, стена толщиной 8 метров (без малого 4 сажени), прорезанная тремя воротами с полукруглым сводом, «Тремя глазами» (Уч-Гёз), через которые можно обозревать нижнюю долину реки. Жалованное поместье Фемистокла, Магнезия на Меандре, которая и сама сменила другой, еще более древний город, исчезла, как и Траллес, расхищенная вековой непрерывной работой камнеломов; все каменные сооружения на железной дороге между Айдином и Эфесским перевалом были сделаны из камней, взятых в Магнезии. Близ бесформенных груд развалин расположена станция Баладжик, славящаяся своим медом и винными ягодами, лучшими в Анатолии.

Средний сбор винных ягод в долине Меандра: 30.000 грузов или 6.360.000 килограм.; в 1878 году 10.000.000 килограммов.

Сбор в долине Кайстра: 2.120.000 килограммов.

За исключением Сокии или «Холодной», названной так от пролома в горах, через который врывается северный ветер, в нижней долине нет городов. Сокия, где греки составляют

1 Olivier Rayet et Albert, Thomas „Milet et la golfe Latmique“.

большинство населения, приобрела важное значение, благодаря заводам для приготовления лакрицы, основанным английскими коммерсантами; они эксплоатируют также в соседстве копи лигнита и наждака. Вот и вся промышленность страны. Но нет в Малой Азии местности, где можно было бы видеть более драгоценные остатки античного искусства. Там, где теперь стоит деревня Самсун, у подошвы Микале, находилась родина Биаса, Приена, набережные которой некогда омывались морем, и над которой господствовал очень высокий акрополь; у подножия скалы, на террасе, виднеются руины храма Миневры Полиады, «образцового произведения ионийской архитектуры в лучшую её эпоху», как о том свидетельствуют фрагменты, положенные г. Пулланом в Британский музей, и реставрация их, сделанная гг. Рэйетом и Томасом. Километрах в двадцати к югу, на колене Меандра, бедная деревушка Палатия указывает местоположение славного Милета, родины Фалеса и Анаксимандра; остатки театра, самого большого, каким обладала Малая Азия, да груды бесформенных развалин, поросших кустарником,—вот все, что уцелело от могущественного города, которому принадлежала гегемония в ионийской конфедерации, и который не побоялся оказать сопротивление армиям Александра Великого. Раскопки, исполненные под руководством г. Рэйета, обнаружили план пышных зданий и привели к открытию изваяний, находящихся теперь в Луврском музее. Мионт, на рукаве Меандра, к северо-востоку от Милета, исчез бесследно; но город, где родился знаменитый живописец Зевксис, Гераклея, лежащая на восточной оконечности бывшего залива Латмос, обратившагося во внутреннее море, вследствие накопления речных наносов,—сохранил свою агору (рынок), менее поврежденную временем, чем агора всякого другого древне-греческого города, и свою ограду, смело взбирающуюся по откосам крутых скал. Наконец, близ мыса, отделяющего залив Меандра от залива Менделия, в Димиде, нынешней Гиеронде, видны руины святилища Аполлона Бранхидеса, самого обширного храма этого бога в Малой Азии и одного из самых замечательных по особенному архитектурному расположению частей здания, обусловленному таинствами оракула. Дорога, длиной в 4 километра, обставленная по бокам сидячими статуями, напоминающими египетский стиль, соединяла этот храм с ближайшим портом. Лувр и Британский музей обладают многими фрагментами изваяний, найденных в Димиде и на Священной дороге[1].

Маленький бассейн Сари-чая или «Желтой реки», впадающей в Менделийский залив, также очень богат древностями. Недалеко от города, давшего свое имя заливу, и над которым с северной стороны господствуют крутые склоны Латмуса, на месте, где находился древний Эврем, видны остатки прекрасного коринфского храма; в Мелассе, Миласе древних, нет ни одного дома, который не был бы построен из материалов, взятых из развалин храмов, дворцов или мавзолеев; Асын-Кале или «деревня замка», к северу от устья реки Сари-чай, расположен у подошвы полуостровного мыса, на котором в древности стоял Яссус, с его прекрасным театром, его гробницами, его пелазгическими стенами, утилизированными впоследствии для крепости, построенной венецианцами. Древняя Карианда, родина Скилакса, находится на противуположном берегу Менделийского залива. Оттуда остается только перейти горный хребет, чтобы спуститься в город Будрун, бывший Галикарнас, где родился Геродот. Занимая великолепное местоположение на берегу глубокой и безопасной бухты, этот город представляет, по выражению Витрувия, форму амфитеатра, обращенного к морю; с двух сторон бухту ограничивают два высокие мыса, на одном из которых, на правом, стоял храм Венеры, Афродиты и Гермеса, а левый, оканчивающийся скалистым полуостровом, был увенчан дворцом Мавзолея; в этом обширном полукруге находились дворцы, храмы и мавзолей, воздвигнутый Артемидой. Это «чудо» древнего мира, над которым работали Скопа и другие знаменитейшие ваятели своего времени, был в течение восемнадцати веков уважаем всеми завоевателями, последовательно являвшимися на берегах Малой Азии. Хотя несколько раз потрясенный землетрясениями, цоколь имел еще все свои колоннады и изваяния в начале пятнадцатого столетия, когда рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского, более дикие варвары, чем все их предшественники, набросились на памятник и стали делать из него камни

1 O. Rayet et A. Thomas, „Milet et le golfe Latmique“.

для построек и известь. Под руководством архитектора Генриха Шлегехольта, эти вандалы разрушили мавзолей, чтобы воздвигнуть крепость, которую они, впрочем, не смогли защитить против Солимана. Раскопки, сделанные гг. Ньютоном и Пулланом, обнаружили местоположение мавзолея и привели к открытию удивительных фрагментов; теперь нужно отправиться в Лондон, чтобы увидеть эти остатки древнейшего ионийского памятника Анатолии; по мнению г. Рэйета, он был построен в половине четвертого столетия до Р. Х.

Входъ въ Родосскій портъ.

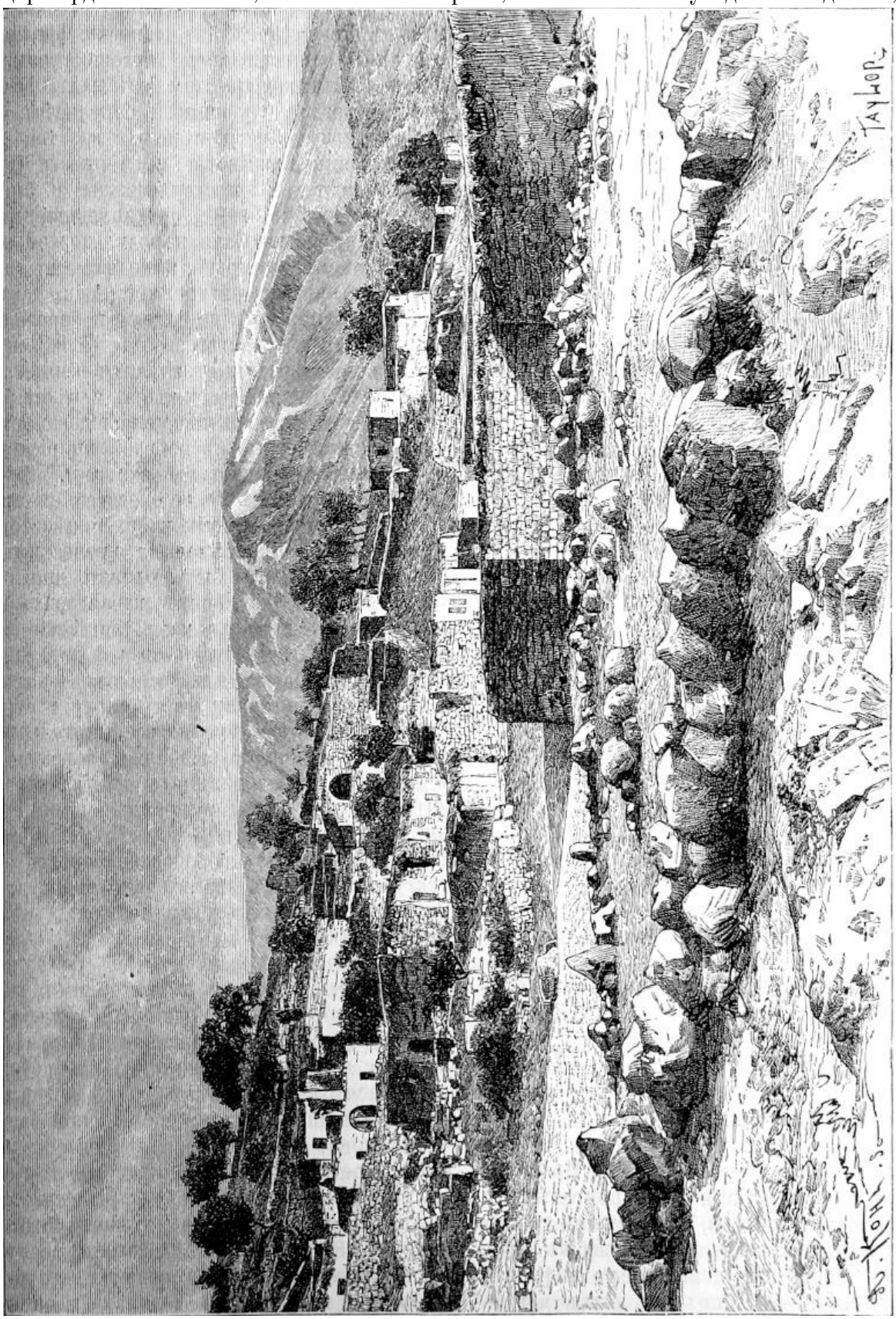
Порт Будрун ведет лишь небольшую торговлю винными ягодами. Джова, лежащая на восточной оконечности залива Кос, есть просто пристань Муглы, которая находится километрах в двадцати от берега, внутри материка, окруженная горами: наконец, знаменитая Книда, главный город дорийского Гексаполя (союза шести городов), любимый город Афродиты, обладавший статуей богини, изваянной Праксителем, оставил после себя только руины, гробницы, циклопические стены, обломки которых послужили материалом для постройки дворцов в Египте для Магомета-Али; до сих пор там не нашли другого замечательного

фрагмента, кроме статуи льва, перевезенной в Британский музей. Эврип или канал, которым сообщались два книдских порта, и через который были построены два моста, занесен илом. В настоящее время рынок юго-западной части Малой Азии находится на острове Косе: из города того же названия, лежащего на закругленном, в виде полукруга, берегу, ясно видны на севере Будрунская бухта, на юге мыс Крио, в древности Триоциум или Книдский. Кос Греческий, один из богатейших островов Архипелага, вывозит превосходные вина, лук, кунжут; он снабжает александринский рынок фруктами, гранатами, миндалем, лимонами, виноградом. Как и в Будруне, над Косом господствует крепость рыцарей-иоаннитов, заключающая барельефы греческого храма; главная площадь осенена платаном, имеющим 19 метров (около 9 сажен) в окружности, боковые ветви которого подперты мраморными столбами: под этим-то деревом, как гласит предание, Гиппократ давал свои медицинские консультации; ключи, бьющие из земли на юго-западе, на боках горы Оромедон, известны под именем «Отца врачебного искусства». Остров Кос, лежащий в соседстве вулкана Низирос, изобилует термальными источниками и плодородием своих равнин обязан главным образом, как это доказал Горсе, вулканическому пеплу, который был выброшен из кратера Низироса во время какого-нибудь древнего извержения. На других островных горах этих областей Архипелага, каковы Калимнос, Астропалея, Сими,—главное богатство жителей составляют губки, растущие на дне бухт; симские моряки употребляют для этого лова около дюжины больших судов и до 150 обыкновенных ладей. Все симиоты искусные водолазы и не боятся нырять в воды, где плавают акулы; обычай не дозволяет молодому человеку жениться прежде, чем он не научится собирать губки на глубине двадцати морских сажень (120 английских фут.)[1]. Сцена, которую описывает известная баллада Шиллера, часто происходила на острове Сими; там самая красивая девушка обещается отцом самому отважному молодому человеку, и толпа собирается на берегу бухты, чтобы присутствовать при состязании водолазов и решить, кто из них достоин руки красавицы[2].

Родос, или «Земля Роз», или вернее, «Гранат»[3], как о том свидетельствуют древние монеты, есть один из самых больших островов Архипелага. В некоторых отношениях он занимает привилегированное положение: защищаемый горами Ликии от северо-восточных ветров, никогда не подвергающийся северному ветру, который, направляясь к тепловым фокусам Египта и Сирии, изменяется для него в северо-западный[4], освещаемый летом морскими бризами, этот остров пользуется более равномерным климатом, чем другие азиатские Спорады, и долины его менее плодородны, чем долины Хиоса и Митилены: к Родосу более, чем ко всякому другому острову Архипелага, применимы слова Гиппократа: «Там почти не знают различия тепла и холода; обе температуры сливаются одна с другой». Родос—это «супруга солнца», «местопребывание Гелиад», потому что здесь нет ни одного дня в году, когда бы солнечный луч не пронизывал облаков, «деревья здесь никогда не бывают без листвы, а дни без солнца». Расположенный в углу Малоазийского полуострова, Родос занимает центр схождения морских дорог, и в древности, когда корабли редко отваживались пускаться в открытое море, он был необходимою пристанью для купеческих флотов, которые, прибыв на угол континента, должны были менять направление пути. Этим объясняется важность торгового обмена, происходившего некогда в городе Родосе, «с которым, говорит Страбон, никакой город в мире не мог сравниться». В третьем и во втором веке до Р. Х. родосцы были «первыми моряками в свете»; наследники финикиян, имевших колонии на их острове, они, подобно своим предшественниками, основали фактории и конторы даже в отдаленной Иберии, и имена города Розас, гор Рода до сих пор еще напоминают о посещении родосскими мореходами пиренейских мысов. Родосцы вели обширную торговлю с Синопом, снабжавшим их крымским хлебом, невольниками, рыбой «пеламидой» или стерлядью, и их полити-

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.
2 Van Egmont and Heyman, „Travels“;—Schubert, „Reisen in das Morgenland“.
3 V. Guerin, „Ile de Rhodes“.
4 Ross, „Reisen in den griechischen Inseln“.

ка всегда искала дружбы Византии, чтобы обеспечить себе беспрепятственный переход через Босфор[5]. Положение Родоса давало ему также первостепенное стратегическое значение, и рыцари ордена св. Иоанна, изгнанные с материка, выказали большую дальновидность, осно-



Большой Гермонъ.

вав свою главную крепость на далеко выдающейся в море оконечности острова, похожей на нос корабля, ударяющийся о берег; там они уравновешивали в продолжение двух слишком

5 E. Desjardins, рукописные заметки.

веков могущество турок в морях Леванта, и известно, с каким мужеством они сопротивлялись, в 1522 году, превосходным силам Солимана Великолепного. Нынешний город, едва занимающий шестнадцатую часть древнего пространства, принадлежит еще, одним из своих кварталов, к средним векам христианства: поднимаясь по извилистой Рыцарской улице, между расписанных гербами ворот «гостиниц», путешественник легко может вообразить себя перенесенным на четыре столетия назад в прошлое. Азиатский остров сохранил вид города феодальной Европы; к несчастию, замечательнейшие памятники Родоса рыцарей, церковь св. Иоанна Крестителя и дворец гросмейстеров ордена были разрушены в 1856 г. взрывом: старинные документы, изученные г. Гереном, заставляют его предполагать, что боченки с порохом,—причина катастрофы—были те самые, которые спрятал изменник Амарал, чтобы ускорить сдачу крепости в 1522 году.

Порты Родоса по большей части засорены: южная гавань, лежащая вне городских стен, не утилизируется более торговлею; северная, в которой стояли галеры рыцарей-иоаннитов, принимает теперь лишь самые мелкие суда; обыкновенные суда, т.е. среднего размера, могут проникать только в центральный порт, над которым поднимается полукругом амфитеатр города. Но и этот порт плохо защищен; вход его, который легко было бы прикрыть волноразбивателем, широко открыт опасным северо-восточным ветрам, и часто экипажи должны сниматься с якоря и направлять паруса в бухточки континента, особенно в великолепную гавань Мермеридже, бассейн с извилистым входом, окруженный высокими холмами. Остров, довольно массивный в своих контурах, не имеет более ни одного посещаемого порта к югу от города Рыцарей; суда не заходят более в бухту, над которой господствует древний акрополь Линдос, около середины восточного берега. Недалеко оттуда, к северу, видны остатки древнего финикийского города Камирос, некрополь которого дал искателям тысячи любопытных глиняных изделий.

К юго-западу от Родоса, продолговатый остров Карпатос ведет незначительную торговлю, но большинство его жителей уходят временно на заработки, в качестве плотников или резчиков на дереве. Что касается островитян, жителей маленького Казоса, который продолжает цепь островов по направлению к Криту, то они занимаются почти исключительно мореходством, и флаг их появляется во всех портах Средиземного моря.

После смертоносной высадки, которую сделали турки во время войны за независимость Греции, остров был совершенно покинут жителями. Большинство земель Архипелага пользуется полным самоуправлением: с них спрашивают только налог.

Главные города анатолийской покатости Эгейского моря и турецких островов Архипелага, с их приблизительным народонаселением:

На континенте: Смирна—200.000 жит., Манисса (Магнезия)—35.000 жит., Кидония (Айвали), по Гуману—35.000 жит., Айдин, по Апостолидесу—32.000 жит., Киркагач—20.000 жит., Ак-Гиссар—20.000 жит., Чесме, в 1882 г.—16.285 жит., Пергам, по Гуману—16.000 жит., Алашер (Филадельфия)—8.000 жит., Ушак, по де-Мутье—15.000 жит., Тира—15.000 жит., Лацата, в 1882 г.—13.880 жит., Кассаба—12.000 жит., Мугла, по Шерцеру—11.000 жит., Бурнабат—10.000 жит., Вурлах—10.000 жит., Сома—10.000 жит., Гердиз—10.000 жит., Назли—10.000 жит., Денизли—10.000 жит., Кула—9.000 жит., Эдремид—8.000 жит., Байндир—8.000 жит., Эдемиш—8.000 жит., Буладан—8.000 жит., Енидже-Фокия—8.000 жит., Гедиз, по де-Мутье—7.500 жит., Фокия (Фокея)—7.000 жит., Менемен—7.000 жит., Скала-Нова—7.000 жит., Сокия—7.000 жит., Сигаджик—5.000 жит., Севри-Гиссар—4.000 жит., Дикели, по Гуману—4.000 жит., Кади-Кой на Меандре—4.000 жит.

В Архипелаге:

	Острова	Главные города
Тенедос	7.000 жит.	3.000 жит.
Митилини	60.000 „	20.000 „
Хиос	70.000 „	26.000 „
Ипсара (Псара)	6.000 „	-
Самос	49.000 „	7.000 „

Острова		Главные города
Икария (Никария)	7.000 „	1.000 „
Патмос	3.000 „	-
Дерос	3.000 „	-
Калимнос	16.000 „	15.000 „
Кос	25.000 „	11.000 „
Низирос	2500 „	-
Сими	7.000 „	7.000 „
Телос	1.000 „	600 „
Родос	27.000 „	11.000 „
Карпатос	5.000 „	
Казос	5.000 „	

На южном побережье полуострова, порт Макри, настолько обширный, что мог бы вместить все корабли Средиземного моря, имеет, однако, на своих берегах только одну деревню, почти совершенно покидаемую жителями во время летних жаров, но очень оживленную зимой, когда она делается торговым пунктом. Там находился в древности Тельмес, город гадателей, от которого сохранились еще важные остатки. Предгорья Крагуса, господствующие над портом, пробиты на боках гротами, служившими гробницами, из которых иные высечены в форме храма, с папертью, перистилем и фронтоном; при входе в один из этих могильных склепов одна колонна потеряла свою нижнюю часть вследствие разрыва стены, но капитель её осталась повисшей на скале[1].

Замечательные обломки ликийской архитектуры были найдены в руинах Ксаноа, города, стоявшего некогда на уединенном холме среди аллювиальной равнины, по которой протекает река Эрен-чай до впадения в море, к востоку от величественного массива Семи мысов. Драгоценнейшие ксанфские фрагменты, собранные английским путешественником Феллоз, занимают одну из зал Британского музея: это гробницы и барельефы, очень любопытные в истории искусства, так как эти изваяния, эллинские по верности форм, грации поз, изяществу одежды и оружия, имеют, тем не менее, оригинальный характер, как и подобало народу, долгое время независимому, который находился в сношениях с нациями внутренней Азии, так же, как с ионийцами и дорийцами побережья; в руинах этих гористых областей все скульптурные произведения отличаются изяществом и чистотой стиля. У термилаев или ликийцев были свои особенные письмена, имевшие некоторые знаки, общие с азбукой киприотов[2]: их надписи начертаны знаками, которые хотя представляют много сходства с архаическим эллинским языком и, на некоторых гробницах, сопровождаются греческим переводом, не могли быть, однако, вполне дешифрированы. В своих изваянных гробницах, как и в храмах, ливийские зодчие воспроизводили в точности все детали деревянных (дубовых или сосновых) хат, какие крестьяне строили в ту эпоху и строят еще по настоящее время: все тщательно скопировано: бревна сруба, балки, перекладинки и драницы; даже орнаменты на углах походят на пучки травы по краям земляной крыши, плохо выравненной катком[3]. Тем не менее, разнообразие воспроизведенных архитектурных форм значительно, и многие из ливийских гробниц оканчиваются стрельчатым коньком.

Эти развалины кажутся тем более живописными, что горы изрезаны дикими ущельями, над которыми господствуют грандиозные кручи склонов. Так, древняя Пинара, ныне Минара, окружена вершинами, из которых одна высится на несколько сот метров, в виде громадной башни, прорезанной по бокам, словно амбразурами, тысячами могильных гротов, над которыми царят орлы. С тех пор, как Феллоз, так сказать, открыл Ликию, во время своего памятного путешествия 1838 года, исследователи десятками насчитывают ликийские города и местечки, которые они посетили в долинах и на берегу моря. Вот Тлос, на боку гор, возвышающихся на востоке, против скал Пинары; вот Патара, близ Ксанфа, с её большим театром, высеченным в камне горы, дальше на восточном берегу, стояли Феллос и Антифеллос;

1 Fellows, „Travels and Researches in Asia Minor“.

2 Hamilton Lang, „Cyrpus“.

3 Fellows;—Spratt;—Forbes;—Hoskyns;—Schonborn, etc.

другие города, без названий, опоясанные стенами, совершенно сохранившимися, заключают внутри ограды только деревья. Между недавно исследованными развалинами самые замечательные были руины Гиель-баши, открытые в 1842 году австрийским путешественником Шенборном. Гора, господствующая на западе над глубокой долиной реки Дембра-чай, увенчана небольшим акрополем, окруженным гробницами, и прямоугольным памятником, главный фасад которого и четыре стены внутреннего двора были украшены фризами в барельефе, общее протяжение которых превышало сто метров. В этих изваяниях развертывались, осененные ветвями деревьев, все важнейшие сцены Илиады и Одиссеи, охота Мелеагра, битвы амазонок и центавров[1]. Эти удивительные фризы из Гиель-баши, изваянные со всей эллинской грацией и с замечательным богатством замысла, находятся в одном венском музе. Античное название лежащего в развалинах города осталось неизвестным.

Разделенная на множество бассейнов, из которых иные даже не имеют видимого истечения к морю, Ликия должна была распадаться во все времена на кантоны, имевшие отдельное экономическое существование; каждая долина, каждый горный массив имели свой город; нигде не было естественного торгового центра для обширной территории; политической связью послужило соединение городов в союз или конфедерацию. Но если Ликия изрезана до бесконечности со стороны моря, где процветала эллинская цивилизация, то она представляет более правильные и более доступные, в смысле сообщения, формы рельефа в своих северных областях, где она постепенно сливается с внутренними плоскогорьями, и с этой-то стороны и проникло турецкое владычество, принесшее с собой административную централизацию. Относительно значительный город, Эльмалу, основался в замкнутом бассейне, который находится почти в геометрическом центре обширного полукруга, описываемого берегами Ликии, между заливом Макри и заливом Адалия. Это—город цветущий, населенный преимущественно греками и армянами, но имеющий также турецкий квартал, над которым господствует богатая и прелестно изукрашенная мечеть. Главный промысел жителей Эльмалу—выделка кож; однако, здешние кожевенные заводы, вместо того, чтобы заражать атмосферу, как делают подобные заводы европейских городов, распространяют приятный запах, происходящий от употребления, для дубления кож, коры козьего дуба. Смирниоты, греки и левантинцы приезжают сюда делать непосредственно закупки сафьяна, кож, фруктов, красильных веществ. Два порта, с которыми столица Ликии ведет самую значительную торговлю—Макри и Адалия; кроме того, она имеет торговые сношения с Феникой, «город фиников», который вполне оправдывает свое название Маис (Мейс, Мегисте) или Кастельориццо, островная пирамида домов и разрушенных укреплений, возвышающихся на берегу бухты, имеет некоторую важность только по своей гавани, запущенной от ветров, да по своей торговле с Александрией: горы Ликии и Карамании доставляют лес Египту.

Адалия, столица Памфилии, признается большинством археологов за Атталею, город Аттала Филадельфа, от которого она, будто-бы, и получила свое название. Расположенная в форме греческого театра вокруг кругообразного порта, вход в который прежде был защищен двумя крепкими замками, она поднимается уступами по отлогому скату холма: снизу одним взглядом видишь весь город, заключенный в двойной зубчатой ограде с массивными башнями по бокам, кое-где в городских валах и стенах вставлены римские обломки. Окруженная садами и стоящая при выходе очень плодородной равнины, Адалия ведет некоторую торговлю, особенно с Египтом, и наружность её жителей так же, как местный диалект, свидетельствуют о смешении между туземными турками и арабскими переселенцами; почти все торговые дела монополизированы греческими негоциантами. Античные руины довольно многочисленны в этой области Памфилии: к востоку от Адалии, на берегу залива, Эски-Адалия или «Старая Адалия», по гречески Сиде, показывают удивительные остатки эллинского театра; к юго-западу, остатки Ольбии господствуют над зеленеющей долиной, где адалийцы построили свои загородные дома вблизи маленьких каскадов; к северо-западу, на уединенном плато, находятся развалины Термесса Большого, покрывающие значительное про-

1 Benndorf, „Vorlaufiger Bericht uber zwei Oesterreich. Archeolog. Expeditionen nach Kleinasien“.

странство; как почти во всех греческих городах, театр занимает там, на краю утеса, место, откуда взор обнимает обширнейший горизонт долин и гор.

Если бы дороги не были так редки и так дурно содержимы, Адалия была бы очень оживленным портом, как естественное место сбыта для произведений замкнутых бассейнов, ограниченных с севера массивом Султан-дага и горами, где берет начало река Меандр. В этой области основалось несколько промышленных городов, произведения которых отправляются в Смирну по железной дороге или в Константинополь по афиум-кара-гиссарской дороге. Бульдур, на восточном берегу озера того же имени, раскинулся на пространстве нескольких квадр. километров в узкой равнине: это—Полидорион греков. Этот город, подобно Эльмалу, имеет кожевенные и сафьянные заводы, ткет и белит полотно, отправляет в Смину адрагантовую камедь, получаемую с одного вида астрагала, похожего на утесник (дикий терн). Исбарта, древняя Барида, над которой господствуют куполы тридцати мечетей, ведет еще более значительную торговлю, чем Бульдур, и имеет более удобное сообщение с морем; ее сравнивают с Бруссой по красоте вида и богатству окрестной местности, покрытой виноградниками, полями мака и другими культурами, составляющими резкий контраст с пемзовыми откосами и трахитовыми склонами гор; в этой равнине соединяются многочисленные истоки Ак-су (Белой реки), которая изливается в море между Адалией и Эски-Адалией, пройдя плодоносные «равнины хлопчатника» (Памбук Овасси). Западный приток р. Ак-су проходит у основания скал, на вершине которых лежат развалины античного Сагаласса; ближайшая турецкая деревня называется Агласан,—название, очевидно, происшедшее из первоначальной формы. Сагаласс, мужественно оказавший сопротивление армии Александра Македонского, был одним из сильнейших укрепленных городов Малой Азии и в то же время одним из тех, где на тесном пространстве был соединен прекраснейший ансамбль храмов, дворцов, портиков, театров и других общественных зданий, составлявших необходимую принадлежность каждого греческого города[1]. Над террасой, совершенно ровной, где стоял античный город, господствует с северной стороны вертикальная скала, тогда как на юге она обрывается крутыми откосами: конусообразная скала, правильная, как вулкан, высится впереди террасы, которая выдвинула к ней узкий перешеек: эта скала, командующая всем плоскогорьем, увенчана руинами акрополя; на восточной оконечности площадки, театр, еще более обширный, чем театр Гиераполиса, и не менее хорошо сохранившийся, хотя местами ореховые деревья просунули свои корни между ступенями,—величественно поднимается над другими зданиями, поваленными или обрушивающимися. К югу от Сагаласса, другая крепость писидийцев, Кремна, занимала уединенное плато, которое считали неприступным: у подножия этой скалы теперь приютилась деревня Гирме.

Эгердир—из греческого Акротири—лежащий на южной оконечности озера того-же названия, очень красивый город; амфитеатр рыболовных заведений, домов, мечетей, валов и башен, группы деревьев, над которыми высятся голые кручи скал, зеркальная площадь голубых вод, лесистые острова, мысы, следующие один за другим на берегах бассейна до отдаленных, подернутых фиолетовой дымкой гор,—все это придает ему чисто итальянский вид. Бей-Шехр или «Город бея», тоже построенный на берегу озера, при реке, впадающей в Соглагель, также очень живописный город, но без большой торговли. Очевидно, страна была гораздо богаче и населеннее, когда в этой области озер стояли римские города, Апамея (Apamea Cibotus), Аполлония, Антиохия писидийская, от которой сохранились еще величественные развалины. Высокие аркады водопровода, приносившего столице Писидии чистые воды Султан-дага, проходя красивой дугой через плато, где был расположен город, представляют грандиозное зрелище. Никакой новый город не сменил собою древней Антиохии. Аполлония, на притоке Эгердирского озера, заменена большим местечком Улубурлу, получившим в последнее время известность, благодаря открытию надписи, подобной той, которая была найдена в Анкире.

Коние, древний Икониум, главный город провинции Ликаонии, затем столица Сель-

1 Arundel, „Visit“;—Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

джукской империи, занимает стратегическую позицию на дороге из Сирии в Константинополь, у основания гор, господствующих над областью равнин к югу от Большого Соляного озера. Армии часто сталкивались в этой части Малой Азии, в эпоху крестовых походов, затем во время междоусобных войн турок; в 1832 году, египетские силы, под начальством Ибрагима-паши, одержали здесь победу, которая открыла бы им ворота Царьграда, если бы не вмешательство европейских держав. Коние, город, пришедший в упадок, более любопытен своими средневековыми памятниками, чем своей теперешней промышленностью. Его старинные стены и башни сохранили изваяния и надписи, греческие, арабские, турецкия, напоминающие различные господства, под которые последовательно подпадал Иконium; мечети эпохи Сельджукидов, почти все сильно поврежденные временем,—бесспорно прекраснейшие мусульманские храмы на полуострове по изяществу арабесок и разнообразию изразцов; «минарет, поднимающийся до звезд», есть образцовое произведение искусства по нежности форм и колориту украшений. Оазиз садов, окружающий Коние, так сказать, осаждается пустыней; но в нескольких часах к западу оттуда открываются небольшие тенистые долины, снабжающие город овощами и фруктами. К северо-западу от Коние, Зилле, где над массой домов с крышами из красной земли высятся стены трахитовых скал, тоже красных—есть цветущее местечко, сплошь населенное греками, которые происходят от древнего эллинского населения, изгнанного из Икониума[1]; в окрестностях находятся залежи пенки. Почтовая служба, то-есть перевозка почты в Анатолии, вверена с незапамятных времен одному татарскому племени из окрестной Коние, все люди которого могут с гордостью сказать, что никогда никто из них не оказался неоправдавшим общественного доверия. Редкий путешественник, даже из числа очень хороших наездников, мог поспевать за этими курьерами в их быстрых разъездах по полуострову[2]. Гамаллы или носильщики в Константинополе и Смирне тоже по большей части уроженцы окрестностей Коние.

К западу от этого города, редкия скопления домов или хат, которым дают название городов, следуют одно за другим у северного основания Тавра, там, где ручьи чистой воды еще не иссякли, и где в сезон лихорадок туземцы имеют по близости горные пастбища для ежегодных переселений. Караман, некогда главный город провинции Карамании, находится уже почти в самом сердце гор, на высоте 1.900 метров. Эрегли лежит на высоте не более 1.000 метров, но дома его сгруппировались на холме, над болотистой местностью. Кара-Бунар или «Черный фонтан» совершенно покидается населением в летнее время; жители его оставляют в эту пору года разрабатываемые ими соляные и селитряные копи и переселяются в *яйлы* Караджа-дага. Наконец, Нигдех, у восточной оконечности бассейна, лежит на высоте около 1.500 метров, у подошвы предгорий Ала-дага. Недалеко оттуда, деревня Киз-Гиссар, «Замок девушки», или Килиси-Гиссар, «Замок церкви», стоит на «Семирамидином шоссе», где была построена деревня Тиана, родина магика Аполлония. Исследователь Гамильтон мог с точностью определить положение Тианы, благодаря открытию бьющего из земли ключа, который древние авторы описывают под именем Асмабея. Этот источник, посвященный Юпитеру, образует пруд холодной, солоноватой, слегка сернистой воды, посредине которого бьет ключ, поднимающийся почти на полметра над поверхностью, при чем, однако, бассейн никогда не переливается через края. Очевидно, этот резервуар представляет то же явление, как и наши водометы: жидкость вылетает через центральное отверстие и уходит через трещину дна. Торговая и военная дорога, которою во все времена следовали караваны и войска из Икониума в Тиану, загибается полукругом, чтобы идти вдоль основания гор через Ларанду и Кибистру, то-есть через Караман и Эрегли; далее на север солончаковые болота, недостаток продовольствия и чистой воды делают путешествие слишком утомительным для того, чтобы значительное число людей могло пускаться через эти негостеприимные пространства. Таким образом очертания морского берега и параллельные хребты береговых гор в точности воспроизводятся кривой, описываемой главной большой дорогой на высоких плоскогорьях.

1 Hamilton, „Researches in Asia Minor“.

2 Ed. Dutemple. „En Turquie d'Asie“.

В этой местности английский путешественник Девис открыл недавно гиттитские надписи.

Отделенные от внутренней Анатолии высокими горами, берега Крутобереговой Киликии имеют лишь маленькия гавани, менее оживленные, чем прежние порты, судоходство которых поддерживалось торговлей многолюдного Кипра. Алайя, древний Коракесион,—село, приютившееся у подошвы островной скалы, соединенной с материком песчаным перешейком; Селинти, Селинос древних греков,—теперь бедная деревушка; Анемурион, на крайнем южном выступе Малой Азии, представляет лишь обширный некрополь, и нынешнее местечко Анамур расположилось в некотором расстоянии от развалин, при устье горного потока. Дальше, бухточка Чалиндрех, Келендерис в древности, служит портом для судов, отправляющихся на остров Кипр. Что касается скалы Провансальского порта, некогда укрепленной родосскими рыцарями, то теперь там никто не обитает, а древняя Селевкия (Селевко), при устье Гек-су (Каликадна), представляет лишь группу мазанок.

Торговое движение должно было переместиться к востоку, на берега сельской Киликии, где оканчивается диагональная дорога Малой Азии, и где равнины и плодородные долины представляют обширный пояс культурных земель. Мерсина, коммерческий порт этой области, была еще в половине настоящего столетия маленькой группой хат, окруженной миртами, откуда и произошло данное ей имя, теперь же это торговый город, порт которого, слишком открытый ветрам с моря, окаймлен набережными и снабжен молом (движение судоходства в мерсинском порте в 1880 г.: 110.000 тонн). Город частию построен из мраморных фрагментов, лежавших на земле, обломков греческого города. В нескольких километрах к западу другие развалины указывают местоположение аргейского города Соли, где говорили тем неправильным языком, который подал повод дать неверным оборотам речи во всяком языке название «солецизмов». Дальше видны римские колоннады Помпеиополиса, приводившие к овальному порту, набережные которого еще вполне сохранились; но самый бассейн заполнен илом, и дюны прибрежья продолжаются поперег входа. Памятник более любопытный в некоторых отношениях—это Дерикли-Таш или «Стоячий камень», огромный столб, воздвигнутый, может быть, во времена доисторические: по словам Ланглуа, эта каменная глыба, потертая у основания верблюдами, которые чешутся об нее, имеет 15 метров в высоту, а объем её около 120 кубич. метров[1]; она весит по меньшей мере 3.000 тонн и может поспорить величиной с самыми могучими мегалитами Бретани. Не есть ли это менгир, или, скорее, один из тех столбов, которые финикияне обыкновенно ставили по два у входа в храмы[2]?

Отличная дорога, новой постройки, соединяет Мерсину с городами Тарсом и Аданой. Тарс, лежащий близ правого берега реки Кидна или Тарсус-чай, на сливающейся с равниной покатости одного предгорья массива Булгар-даг, есть, между прославившимися городами Малой Азии, один из тех, которые претендуют на глубочайшую древность: по одной восточной легенде, занимаемое им место есть первая равнина, обсохшая после спада вод всемирного потопа. Пока речные наносы не заполнили порта и когда Кидн был еще судоходной рекой, Тарс занимал очень выгодное положение, чтобы сделаться торговым центром, между Сирией и Малой Азией, через ворота Киликии, вход в которую он охранял. И действительно, во времена Цезаря и Августа он был соперником Александрии, на которую он глядел через море. Школы его считались лучшими в свете, превосходившими даже афинские, и философы его разносили свет своего знания на Западе[3]. Город сделался очень богатым и пышным, Марк-Антоний возвел его на степень столицы свой азиатской империи: здесь он отпраздновал свое бракосочетание с египетской царицей Клеопатрой; император Юлиан был похоронен в Тарсе. Но затем войны разорили город, протекавшая через него река удалилась к востоку и перестала носить суда, порт обмелел, и Тарс очутился посреди материка. Теперь там не видно более никаких следов его былой славы; изредка только кое-какие античные

1 Victor Langlois, „Voyage dans la Cilicie“.

2 G. Perrot, рукописные заметки.

3 Heuzy, „Academie des Inscriptions et Belles-Lettres“, 7 juillet 1876.

фрагменты зазвенят под ударом заступа; самое любопытное здание—мечеть, построенная, по преданию, на том самом месте, где родился Павел, «апостол язычников». Недалеко от городских стен открыли огромный склад изделий из терракотты, представлявших преимущественно обетные фигурки: вероятно, тут находилась фабрика этих предметов благочестия[1]. После Мекки и Иерусалима, одно из главных мест пилигримства мусульман—это грот в окрестностях Тарса, одна из тех многочисленных пещер, где легенда помещает местопребывание «семи спящих отроков»[2].

Летом город делается нездоровым, и зажиточные жители бегут в долины Булгар-дага, на Ишмехские минеральные воды, в Козне, в Немрун, в Гюлек-Базар, близ Киликийских Ворот. Лучшее украшение Тарса составляет его обширный сад, зеленеющий пояс, откуда сквозь ветви деревьев виднеются поломанные аркады, пошатнувшиеся столбы, остатки римского водопровода; но все эти руины кажутся мизерными, когда, при повороте тенистой тропинки, вдруг очутишься перед громадным Дюнюк-Даш или «Упавшим камнем». Эта обширная четыреугольная каменная масса, пустая внутри, имеет вид колоссальной глыбы. Если смотреть с берегов Кидна, сквозь ветви кипарисов и фруктовых деревьев, Дюнюк-Таш походит на песчаниковую скалу: его можно принять за произведение природы, в роде тех причудливых каменных масс, какие часто встречаются в странах, потрясаемых геологическими деятелями. Это странное здание, очевидно, очень древнее, имеет 90 метров в длину, не считая придаточных построек; ширина его 42 метра, а вышина около 8 метр.; плитки белого мрамора, которыми были облицованы стены, рассеяны по земле. Как она изображена на медалях, эта исполинская масса служила пьедесталом статуи какого-то царя, державшего лук и колчан и стоявшего на символическом животном, вооруженном рогами. Произведенные до сих пор раскопки не обнаружили ни времени сооружения этого памятника, ни его названия. Некоторые ученые видят в нем место прорицаний; по мнению археолога Ланглуа, которое опирается на одном тексте Страбона, это была гробница первого Сарданапала, удалившагося в Киликию после потери своего царства: на вершине здания, без сомнения, высилась колоссальная статуя, изображенная на многочисленных монетах Тарса[3].

Адана унаследовала часть торговой важности древнего Тарса. Лежащая, подобно этому последнему, в очень плодородной местности, окруженная садами, полями хлопчатника и плантациями сахарного тростника, она также находится на большой диагональной дороге Малой Азии; в этом месте Сарус или Сейгун, текущий на восток, и чрез который построен мост о восемнадцати арках, выходит из области холмов, чтобы вступить в обширную аллювиальную равнину, которая увеличивается каждый год, впрочем, на незначительную ширину по направлению к Кипру и Сирии. Верхняя долина этой реки, как и долины её притоков, составляют естественные пути, открывающиеся в направлении Кайсарие и Кизыл-Ирмака. Кроме того, река Пирам или Джигун настолько близко подходит к Адане, что этот город сделался естественным местом сбыта для произведений всего бассейна; там оканчивается историческая дорога между верхним бассейном Евфрата и побережьем Киликии. Сверх того, эта река представляет, в сравнении почти со всеми другими реками Малой Азии, ту выгоду, что она судоходна в своем нижнем течении; суда, зафрахтованные на о. Кипре и в Сирии, бросают якорь перед набережными города. Благодаря плодородию окружающей местности и схождению дорог, Адана сделалась средоточием большой торговли, и теперь приступили к постройке узкоколейной железной дороги, длиной 60 километров, которая соединит ее с портовым городом Мерсиной через Тарс. Хотя вообще более здоровый, чем этот последний, город на Сейгуне становится, однако, опасным для пребывания в период господства лихорадок, и тогда деревни окрестных гор населяются временными эмигрантами.

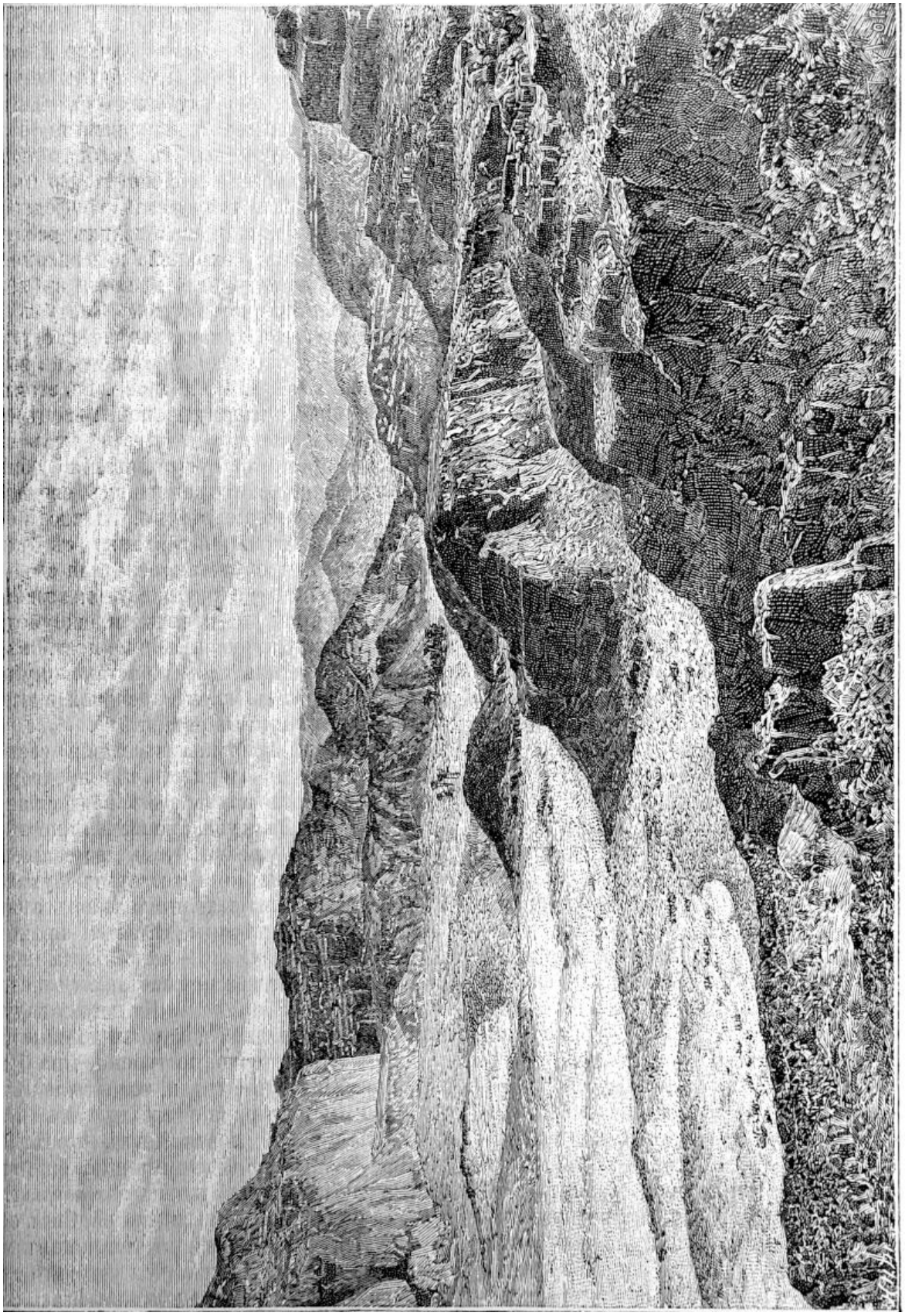
В верхней долине Сейгуна, к северу от армянского города Гаджин и на границе двух вилайетов, Сивасского и Аданского, недалеко от нового города Азизие, маленький городок Сар

1 Leon Heuzy;—Burckhardt Barker, „Lares et Penates“.

2 V. Langlois, цитированное сочинение.

3 G. Perrot, „Memoires d’Archeologie, d’Epigraphie et d’Histoire“.

или Сартере занимает местоположение древней Команы, называвшейся Гиераполисом или «Святым городом». Господствующая над развалинами гора называется еще Куменек-Тепе, но самое имя Комана до сих пор еще не открыто на памятниках. Все здания, храмы, театры,



Синайскій полуостровъ.

арены, гимназия, относятся, по времени постройки, к эллино-римскому периоду; однако, святилища представляют—вероятно, согласно требованию священных традиций—скорее египетский, чем греческий характер; собственно храм не имеет колонн, и жилища жрецов

расположены вокруг него, не представляя архитектурного единства. Многочисленные гроты открываются в стенах гор, господствующих над городом и его богатой равниной, которую во время Страбона обрабатывали шесть тысяч рабов[1]. Туркменские княжества Козан-оглу и Менеменц-оглу, существовавшие в верхних долинах Сара и Пирама, утратили свою независимость; еще в половине настоящего столетия они были связаны с Турецкой империей лишь вассальными отношениями к султану, как сюзерену.

Главный город в верхнем бассейне Джигуна—Альбистан, часто обозначаемый игрой слов под именем Эль-Бостан или «Сад»; он и в самом деле утопает в зелени; обширная, хорошо орошаемая равнина, где оканчиваются едва заметными волнообразными повышениями и понижениями почвы скаты окружающих гор, кажется как-бы предназначенной к основанию большого города, посредника торговли между верхним Евфратом и морем. В этой равнине соединяются все верхние притоки Джигуна, которые спускаются отсюда на юг рядом теснин, завершаемых грозным ущельем Ахир-дага; но в глазах туземцев ни один из этих горных потоков не может быть признан за настоящую реку: с благоговением, какое питают все народы к постоянным источникам, они смотрят как на истинное начало Джигуна, на маленький бассейн, где бьют ключем воды, выходящие из глубоких расселин, и вытекает постоянно одинаковый по объему ручей, орошающий сады. В Альбистане есть несколько армянских семейств, но к юго-западу от города, гайканская конфедерация, состоящая из шести маленьких республиканских общин, сохраняла независимое существование до недавнего времени в возвышенной долине, называемой Зейтун или «Масличная», хотя маслины не растут в этом горном бассейне, лежащем на высоте по крайней мере 1.500 метров. В этом армянском мире, состоящем почти всецело из приниженных подданных, это был единственный пример существования общины вольных горцев, сохранявших свою независимость в течение веков. В числе около десяти тысяч душ эти гайканы, все отлично умеющие владеть оружием, оградили свою территорию несколькими укреплениями, воздвигнутыми в горных дефилеях, и еще недавно не позволяли мусульманам проникать в их селения; они не платили альбистанскому паше никаких налогов, кроме арендной платы за земли, снятые ими в равнине[1].

Мараш, где половина населения состоит из армян, прислонился к предгорьям Ахир-дага, господствующим над слиянием рек Ак-Су и Джигуна, при выходе последней из её главного ущелья. Этот промышленный город, женщины которого ткут бумажные материи и вышивают ткани золотом и серебром, в летние месяцы делается временной столицей вилайета; это—*яйла*, куда переселяется паша, когда жары заставляют его покинуть аданский *кишлак*. К юго-западу от Мараша, на западной покатости долины Джигуна, Сис—местечко, построенное на боках и у основания крутой горки, тоже было некогда столицей: цари Армении имели там пребывание в течение почти двух столетий, с 1182 по 1374 год, и до сих пор еще видны остатки *тарбаса* или дворца *такаворов*. Перестав быть царской резиденцией, Сис остался духовной метрополией; в тамошнем монастыре царствует патриарх, которого турецкое правительство хотело-было сделать соперником русского подданного, эчмиадзинского патриарха-католикоса. Все окрестные епископы посылают пребывающему в Сисе прелату десятину, платимую их крестьянами. На дороге, спускающейся к Джигуну, один холм увенчан крепким замком Аназарб (Хайн-зарба мусульман), который до Сиса был резиденцией армянских царей, и имя которого прославлено сохранившимися там римскими руинами. Два древних водопровода, хотя прерывающиеся там и сям и потерявшие уже свои изваяния и надписи, все еще представляют грандиозные памятники античного зодчества: они продолжаются один на 12, другой на 20 километров, до гор, господствующих над равниной с севера и с северо-запада[2]: их плодотворные воды преобразили окружающую пустыню в необразимый цветущий сад, так что в двенадцатом столетии Эдризи мог сравнить окрестности Аназарба с

1 Каролидис, „Комана и её руины“ (на ново-греческом языке).

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. XIX.

2 Texier, „Revue francaise“, 1838;—Carl Ritter, „Asien“, XIX.

дамасским «раем».

К востоку от Аданы, древняя Мопсуэста, Мамистра крестоносцев, Миссис армян и турок, охраняет переход через Пирам, на котором в этом месте построен мост о девяти арках: мы уже находимся около основания полуострова, и крутые склоны Джебель-эль-Нура или «Горы света» обозначают естественный рубеж между двумя странами, Малой Азией и Сирией; в этой пограничной области встречаются группы всякой нации—турки и греки, армяне и курды, арабы, черкесы, ансариехи, негры и цыгане. Мопсуэста, стоящая на крайней границе эллинского мира, принадлежала также к Сирии и внутренней Азии по смешению культов. Её Аполлон был скорее восточный Ваал, чем греческое божество; в ней для всех богов были храмы и поклонники; точно также Эгея (Айяс, Лаяццо), «город волн», построенная на северной стороне Александретского залива, принимала все религии бассейна Средиземного моря; во время крестовых походов, когда итальянские мореходы основали здесь свой главный складочный пункт, Мопсуэста сделалась христианским городом. Сменивший ее киликийский порт находится в нескольких километрах западнее, недалеко от устья Пирама: это —местечко Юмурталик (Чумур-Талек); теперь поговаривают о том, чтобы соединить этот городок с Аданой железнодорожной ветвью, которую нужно будет защитить от речных наносов, отведя течение реки к западу[1]. Айяс и Юмурталик суть в числе портов, которые предполагают взять за исходные пункты железной дороги от Средиземного моря к Персидскому заливу. Путь вышел бы длиннее, но строители выиграли бы тем, что при этом направлении можно было бы обойтись без подъемных рамп для перехода через Аманус.

На восточном скате Джебель-эль-Нура, близ дуги залива, который наидалее к северу вдается внутрь материка, две сближающиеся скалы, соединенные прекрасной аркадой из черного гранита, съуживают дорогу: как и ущелье Гюлек-богаз, это тоже «ворота Киликии», называемые также «Воротами Тамерлана», иначе «Железными воротами» или «Черными воротами», Кара-Капу. Сколько людей было перебито для завоевания этого узкого прохода, открывающего дороги Азии! Со времен доисторических не было ни одного столетия, которое бы не видело там кровопролитных битв.

Города южной покатости Малой Азии, с их приблизительным населением:

Караманский вилайет: Коние—40.000 ж., Исбарта—30.000 ж., Адалия, по Спратту—13.000 ж., Бульдур, по Гамильтону—12.500 ж., Эльмалу, по Шенборну—10.000 ж. Караман, по Гамильтону—7.500 ж., Нигдех, по Гамильтону—6.000 ж., Эгердир, по Гамильтону—5.000 ж., Эрегли—5.000 ж., Зилле—4.000 ж.

Аданский вилайет: Адана—25.000 ж., Мараш—52.000 ж., Тарс, по Гири—12.000 ж., Хаджин—10.000 ж., Мерсина, по Гири—10.000 ж., Сис—5.000 ж., Альбистан—1.000 жит.

Земля в одно и то же время азиатская и европейская по своей географии, истории и населению, Анатолия представляет в своем социальном и политическом состоянии двойное движение упадка и прогресса, прелюдию неизбежных переворотов. Греки возрастают в числе, а турки уменьшаются; города морского прибрежья населяются, а города внутренних областей приходят в упадок. Современная промышленность представлена в Смирне самыми грандиозными из её произведений, а в непосредственном соседстве обитают в походных палатках кочевые племена, не менее лишенные всяких материальных удобств жизни, чем беднейшие киргизы Средней Азии. Некоторые округа поморья возделаны так же тщательно, как сельские местности западной Европы, тогда как в других местах боязнь разбойников заставляет покидать поля и деревни. Иной город, даже в соседстве прибрежья, как бы осаждается бандитами, и именитые жители не отваживаются выходить за городскую ограду иначе, как под охраной многочисленных эскортов. Основываются огромные имения, низводя целые населения в замаскированное крепостное состояние. Жестокия голодовки, как, например, 1874 и 1878 годов, разом обезлюднивают целые округа. Внутри страны можно ехать целые дни, не встречая других следов пребывания человека, кроме могильных курганов, да развалин эллинских или римских городов. А между тем торговля, указатель земледельческой и

1 Ed. Dutemple, „En Turquie d'Asie".

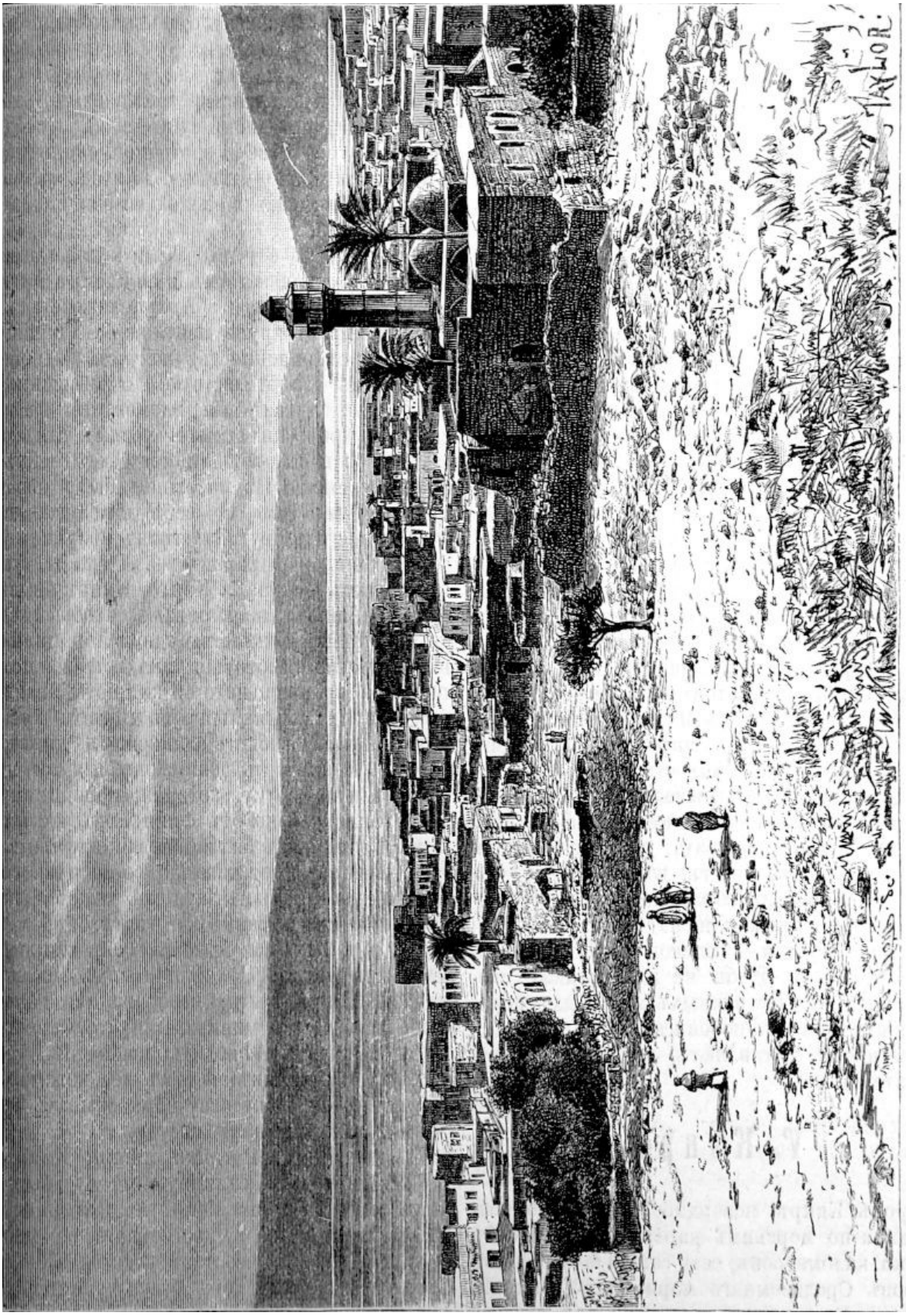
промышленной деятельности, возрастает из года в год. Если Азиатская Турция перестала вывозить марену, если, вследствие болезни, появившейся на коконах, в ней уменьшилось производство шелка-сырца, за то она экспортирует теперь больше, чем прежде, хлопка, опиума, винограду. Одна только Смирна имеет в настоящее время более значительную внешнюю торговлю, чем какую имела вся Анатолия в начале нынешнего столетия. Вероятно, в целом есть прогресс: общая равнодействующая всех элементов, находящихся в столкновении, указывает, повидимому, на возрастание народонаселения и его благосостояния.

Сильный контраст, замеченный теперь между двумя половинами Анатолии—морским прибрежьем, которое стремится принять европейский характер, и внутренними плоскогорьями, которые принадлежат еще к Центральной Азии,—не может не ослабеть в близком будущем. Разделенный на расходящиеся бассейны, имеющие скат к разным морям и отделенные один от другого впадинами без истечения, полуостров Малой Азии не имел географического единства; но это единство, в котором ему отказала природа, он начинает приобретать, благодаря деятельности человека. Торговля, облегчаемая путями сообщения, уравнивает первобытные препятствия, отнимает у раздельных возвышенностей, у крутых склонов гор, их влияние, некогда решающее, на движения истории, ослабляет мало-по-малу узы зависимости, привязывавшие населения к родной земле. Уже вагоны железных дорог начинают конкуррировать в Малой Азии с 160.000 вьючных верблюдов, следующих караванными путями. Когда внутренняя Анатолия сделается столь же легко доступной, как страны Европы и Америки, уже обладающие обширной, далеко разветвляющейся сетью железных путей, понизится и барьер, отделяющий однообразное нагорье от зубчатой, изрезанной бухтами и бухточками, окраины морских берегов. Мало-по-малу, шаг за шагом, действие, идущее извне, почувствуется даже на горных пастбищах, где бродят юруки со своими стадами. Самая форма Малой Азии, так сказать, отдает ее заранее в руки предприимчивых европейцев. С трех сторон этот остров омывается морем, и от Батума, сделавшагося русским владением, до Мерсины, лежащей против острова, присоединенного уже к Британской империи, все порты представляют как бы пункты атаки. Наконец своим континентальным фасом Анатолия, прежде имевшая свободное сообщение с курдскими, тюркскими и туркменскими племенами лидийских гор, теперь граничит с европейской державой; она, так сказать, обойдена в тыл, и с этой стороны тоже сеть дорог будет быстро разростаться.

В этом деле постепенного преобразования Малой Азии инициатива принадлежит не Стамбулу, а Смирне «Неверной». Естественно, что константинопольские оттоманы нехотя занимаются общественными работами, которые достанутся в наследство иностранцам. Железная дорога, начинающаяся в Скутари и которую инженеры столько раз предлагали продолжить до Багдада, не проникает еще даже в долину р. Сакарии, которая, в отношении ежедневного продовольствования столицы, почти составляет часть округа Босфора. Но главный город азиатской Ионии, где, несмотря на политические фикции, гегемония принадлежит в действительности грекам и западным европейцам, обладает уже целой сетью железных дорог, проникающей на восток в долины Гермуса, Кайстра и Меандра, и работы по постройке быстрых путей сообщения продолжаются в направлении к внутренним плоскогорьям, на которые без труда можно будет проложить рельсы по легким для подъема скатам. Даже в этих высоких степях, где города так редки, железные пути найдут элементы торгового движения в химических продуктах, каковы соль, селитра, бура, которые выработались на берегах озер Фригии и Ликаонии. Однако, эти линии, очень полезные для обеспечения промышленного завоевания внутренних областей страны, будут иметь лишь второстепенную важность для международной торговли: это в Константинополе должен пройти большой диагональный путь, соединяющий Европу с Индией.

Но как бы дело ни представлялось на первый взгляд, в сущности англичане, обитатели Индустана, не имеют никакого интереса строить эту прямую линию, командуемую батареями пролива, который не в их сфере влияния. Открытие этого пути, без сомнения, тотчас же дало бы нациям центральной Европы преимущество над ними в отношении торговли с Вос-

током. Владычице морских путей, Великобритании, выгодно было бы не иметь другой дороги, кроме той, которая идет вокруг мыса Доброй Надежды. Так, она противилась открытию Суэзского канала, потому что не ей одной можно было пользоваться этим новым путем. Точ-



Фиваиды. Фиваидское озеро.

но так же она будет противодействовать всякому предприятию, имеющему целью постройку железной дороги из Константинополя в Багдад: линия, которой она благоприятствует наперед,—это та, которая пойдет от какого-нибудь порта Средиземного моря, лежащего против

острова Кипра, и кончается у Персидского залива, замкнутого моря, где господствуют её флоты. Она требует также, чтобы проектируемый путь был отделен от армянских плоскогорий течением Евфрата, так как военное превосходство обладателей Кавказа и Анти-Кавказа слишком прочно установилось, чтобы османлисы, даже поддерживаемые англичанами, могли впредь пытаться загородить дорогу русским, если бы последним заблагоразсудилось прибавить к своим владениям Тавр и Анти-Тавр.

Таким образом промышленное и торговое завоевание Малой Азии должно иметь важные последствия для политического равновесия мира: но сколько перемен нужно предвидеть для самых населений полуострова! Можно сказать, что, с точки зрения правительства, политическое единство Анатолии установлено: власть султана там теперь лучше утверждена, чем в былое время; повсюду вассальные или почти независимые княжества *деребеев* или «начальников долин» были упразднены: уцелели лишь кое-какие следы автономных республик, которые держались там и сям в высоких горных массивах. Административное устройство одинаково во всех вилайетах. Но это единство—чисто внешнее: анатолийские «нации» остаются, несмотря на политическое единство, все так же разъединенными. Более того: возрастающие удобства сообщений увеличивают число точек соприкосновения между народностями враждебными или, по крайней мере, имеющими совершенно различные интересы. Предприимчивые греки побережья уже видят соседями не одних только античных, покорных судьбе турок: они встречают также туркменов из внутренней части страны, еще молодых энергией, курдов, с их иранскими качествами, сметливостью и изворотливостью, армян, трудолюбивых и настойчивых. Нет ни одного города в Малой Азии, где не было бы четырех или пяти «национальностей», живущих смешанно. Многие города насчитывают их до двенадцати или пятнадцати, и каждая из этих национальностей ищет вне родного города своих соотечественников или единоверцев; жители одного и того же города, сознающие свое различное происхождение, разъединенные традиционной ненавистью или соперничеством, не считают и не называют себя согражданами. Как совершится присоединение всех этих разнородных элементов в европейском миру? Без сомнения, в Малой Азии нет недостатка в людях с широкими взглядами, понимающих равноправность восточных национальностей и высказывающих пожелания за будущий политический союз или федерацию народов Тавра и Арарата; но этот исторический переход будет, конечно, труден. Присутствуя при преобразовании старой Европейской Турции, можно ли надеяться, что преобразование Турции Азиатской может совершиться без того, чтобы не иметь также своего кортежа насильственных массовых переселений и кровавых побоищ, которые за последнее время составляют нередкое явление в Анатолии.

V. Кипр

Остров Кипр, поверхность которого, вычисленная по морским картам, превышает 9.500 кв. километров, есть самый большой из островов Средиземного моря, после Сицилии и Сардинии. Географически он принадлежит к Малой Азии, от которой отделен морями, гораздо менее глубокими, чем сирийские воды, и горы его протянуты как раз в том же направлении, какое имеют цепи противуположного берега, в Крутобереговой Киликии; если не считать нескольких маленьких иссечений береговой линии, параллелизм полный между его северными берегами, от мыса Кормакити до мыса св. Андрея, и киликийскими берегами, от Анамура до устья Каликанда. Но если остров зависит от Анатолии по своей географической форме, то флорой и фауной он больше походит на северную Сирию. Из этого натуралисты заключают, что к концу третичной эпохи существовало соединение между его северо-восточной оконечностью и континентальной цепью Амануса, направление которой также параллельно оси Тавра Киликийского[1].

1 Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern“.

Исторически остров Кипр тоже примыкает к двум областям, Малой Азии и Финикии. Через море и острова Архипелага он находится также в круге притяжения Греции; религия, промышленность, искусства древних киприотов свидетельствуют о смешении, которое они сделали из элементов финикийских и греческих: мы находим там, как в центре водоворота, наносы из всех соседних земель. Но население было довольно цивилизовано само по себе для того, чтобы занесенное из других стран получило у него оригинальный характер. Легко доступный мореходам Сидона и Крита, Кипр был, однако, слишком изолирован, чтобы сделаться простой зависимостью одной из цивилизованных наций, которые там встречались. С первых времен истории киприоты являются, как народ, отличный от других греков: они говорили особым эллинским наречием, очень близким к эолийскому, и даже имели собственную азбуку, которая, повидимому, не была заимствована от финикиян, как письмена Греции: их силлабический алфавит, где каждая черта представляла согласную, сопровождаемую гласным звуком, кажется, имел сродство с алфавитом гиттитов; может быть, он был заимствован из клинообразного письма[1]. В эллинских легендах, дальний Кипр всегда изображается как колыбель греческой цивилизации; там греки взяли свой культ Афродиты пафийской, сестры Астарты финикиян; и там же, может быть, научились они искусству обработывать металлы и делать глиняную посуду.

С политической точки зрения, Кипр часто имел судьбу, отличную от судьбы соседних земель, Сирии и Малой Азии; этот остров имел автономное существование во многих государствах, в состав которых последовательно входил: он был египетским и персидским владением, хотя, впрочем, никогда не был вполне подчинен этим большим континентальным империям; затем, при Александре Великом, он составлял часть Македонского царства; впоследствии принадлежал Риму и Константинополю. Со времени перемещения Византийской империи Кипр сделался отдельным королевством, и в продолжение двух с половиной столетий был управляем фамилией Лузиньянов, которые к своей действительной верховной власти над островом прибавляли пустой титул «королей иерусалимских». Лузиньянам наследовали венецианцы и удерживали за собой Кипр в течение целого столетия. Они потеряли его в 1571 году, и с этого времени остров принадлежит оффициально Оттоманской империи; но в действительности он повинуется не султану, а другому господину. В силу трактата 1878 года, он управляется Англией, которая платит за него Порте ежегодную аренду, но зато пользуется всеми правами верховной власти, принадлежащими номинальному владельцу. Для нации, обладающей могущественными флотами, положение Кипра имеет большую стратегическую важность: расположенный при входе в бухту, как корабль, поставленный на шпринг, он командует в одно и то же время берегами Анатолии и берегами Сирии, и нос его направлен как раз к жизненному пункту Передней Азии, то-есть к большому колену Евфрата, центру схождения всех дорог между Черным морем и Персидским заливом, между Араратом и Ливаном. Но Кипр еще слишком мало населен, слишком беден материальными рессурсами, чтобы быть, с колониальной точки зрения, драгоценным приобретением: еще долгие годы он будет стоить Великобритании гораздо больше, чем сколько приносит доходу; все надо заводить или переделывать—дороги, порты, верфи, крепости, арсеналы. Пространство Кипра 9.180 квадр. километров; число жителей в 1891 году 209.291 (209.291) душ, так что средним числом приходится 22 жителя на квадр. километр.

Главный массив, известный в древности, как множество других гор, под именем Олимпа и чаще обозначаемый в наши дни названием Троодос, возвышается в юго-восточной части Кипра. По Гревсу, высшая его вершина немного превышает 2.000 метров; снега лежат там большую часть года, и короли из Лузиньянской династии выкапывали обширные ледники в нескольких хорошо защищенных впадинах, всегда наполненных снегом, даже в жаркое время года[2]. К востоку от Троодоса, цепь Олимпа, изрезанная глубокими оврагами, снова поднимается, чтобы образовать вершины-близнецы Двух братьев (1.640 метр.), за которыми

1 G. Perrot, рукописные заметки.

2 L. de Mas-Latrie, „L'Ile de Chypre“.

следуют пики Махераса (1.442 метра) и почти уединенный высокий мыс Ставро-Вуно (700 метр.), названный итальянскими моряками Санта-Кроче (св. Креста). Хотя по высоте много уступающая другим вершинам, Крестовая гора, благодаря своему положению впереди цепи и близ берега, наиболее посещаемого кораблями, долго считалась высочайшим пиком острова; подобно горе Троодос, она носила громкое имя «Олимпа», и на верху её стоял знаменитый храм Венеры, куда одни только мужчины имели право входить, и место которого впоследствии занял монастырь бенедиктинцев[1]; в пещерах этой горы, а не на Венусберге (Венерина гора) Тюрингии, живет, по легенде крестовых походов, рыцарь Тангейзер, ожидая подле башни рокового гласа последней трубы. На западной оконечности цепи, другая вершина, называемая Кихо (1.100 метров), тоже слывет священным местом, и греко-восточные христиане ходят туда на богомолье, как некогда хаживали поклонники Афродиты.

Горные породы кипрского Олимпа, эруптивного происхождения, приподняли известняки и мергели, третичного образования, которые простираются у их основания. На линиях соприкасания нижние пласты разнообразно видоизменились, и с той и другой стороны видны залежи металлов и особенно меди, металла «кипрскаго» по преимуществу, так как в греческом, латинском и в новых западноевропейских языках он носит название этого острова. Во многих местах почва покрыта вулканическими шлаками, в которых осталась лишь весьма значительная пропорция металла,—доказательство, что жители были очень искусны в своих металлургических работах[2]. Там и сям встречаются также железные рудники, ныне совершенно заброшенные. В древности, киприоты разделяли с халибами и тибаренцами славу первых кузнецов: они приписывали открытие медной и железной руды национальному герою Кинирасу, который будто бы первый смастерил молот, клещи, наковальню и выковал броню; победоносный меч Агамемнона, меч Александра Великого, были подарки кипрских царей[3].

Северная часть острова, оканчивающаяся на северо-востоке длинным полуостровом Карпазос, который древние называли «Хвостом быка», сплошь занята цепью гор, совершенно отличной от массивов Олимпа. В действительности, Кипр состоит из двух островов, которые разделялись бы при понижении уровня почвы на какую-нибудь сотню метров; широкая равнина из новых формаций, которая некогда была проливом между двумя, ныне соединенными островами, носит имя Месария или вернее Месорея, то-есть «Междугорье», подобно многим другим равнинам такого же происхождения, находящимся на различных островах Эллинского Архипелага[4]; это—«Благодатный уголок», Макария древних[5]. Северная цепь, более правильная, чем массив Олимпа, тянется в виде полумесяца, на пространстве 160 километров; очень узкая и направляющаяся вдоль берега Анатолийского моря, она представляет, на большей части своего протяжения, форму зубчатой стены, и во времена владычества Лузиньянов этот естественный вал действительно служил оплотом Никозийской равнине; все бреши, которые могли бы дать доступ неприятелю, были тщательно укреплены. Самая высокая вершина, посвященная в наши дни пророку Илии, наследнику солнечного бога, возвышается близ западной оконечности; высота её превышает 1.000 метров. Около середины полумесяца господствующая вершина увенчана крепким замком Буффа-Венто («дуй ветер»), названным так от шквалов, свистящих на высоте тысячи метров над пенящимися волнами моря. Пентодактиль, затем другие пики следуют один за другим до полуострова Карпазос, которым командует при его основании вершина горы Кантары (634 метра). За этой горой продолжается маленькая цепь, высший гребень которой тоже был Олимп, наименее высокий из трех одноименных гор Кипра. Г. Годри дал совокупности северных хребтов название Керинской или Церинской цепи по имени города, стоящего у северной подошвы гор, при

1 Adolf Bastian, „Zeitschrift fur Ethnologie“, 1870.
2 Albert Gaudry, „Geologic de l'ile de Chypre“.
3 Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern“.
4 Ross, „Reise nach Kos, Halikarnassos, Rhodos und Gyper“.
5 G. Perrot, „Revue des Deux Mondes“, 1 decembre 1878.

выходе единственной колесной дороги, проведенной через эти горы: несколько удальцов могли бы защищать против целой армии дорогу, извивающуюся в ущелье[1]. В некоторых местах, выступы гор выдвигаются в виде вертикальных утесов, омываемых водами моря, но почти везде мысы «Рогатаго» острова окаймлены кордоном известняковых или песчаных скал, имеющим в среднем около километра в ширину. Эта кругообразная терраса, подобная образованиям того же рода, которые можно видеть на острове Родосе, в Сицилии и на разных побережьях Средиземного моря, очевидно, нового происхождения, так как её раковины принадлежат нынешней морской фауне: или почва Кипра повысилась, или море отступило[2]. Морская пристань Ларнака построена на одном из этих новых берегов; вне города ясно различаешь очертание старого берега[3].

Самый значительный поток острова берет начало в цепи Большого Олимпа и спускается на северо-восток в поля Междугорья, чтобы излиться в залив Фамагуст: это—Педиас или «Река равнины». Несмотря на свою длину, превышающую 100 километров, и порядочное число притоков, Педиас не постоянная река: летом русло её пересыхает, и только кое-где виднеются лужи стоячей воды у подошвы крутых подточенных берегов. На острове есть несколько озер, но все это соленые пруды без истечения к морю. Большинство этих озер были лиманами или бухтами, которые, вследствие образования береговых кордонов или песчаных кос, отделились от Средиземного моря и превратились в замкнутые лагуны; таковы солончаки, окаймляющие побережье к югу от Ларнаки, и солончаки около Лимасоля, которые ограничены двумя низменными берегами, в виде полукруга, соединяющими с большим островом маленькую скалистую цепь полуострова Акротири. Эти солончаки, откуда каждый год добывают значительное количество соли, от 25 до 30 тонн, бывают попеременно то выше, то ниже уровня моря. Зимой, временные ручьи наполняют впадины и образуют настоящие озера, более возвышенные, чем морские воды; летом, испарение мало-по-малу уменьшает пруды, и водная площадь, уровень которой постепенно понижается, опускаясь ниже поверхности моря, в конце концов даже совсем высыхает, оставляя лишь слой соли на дне. Каждый год соляные частицы, увлекаемые проточными водами в бассейны испарения, прибавляются в достаточном количестве для того, чтобы поддерживать нормальную соленость, и до сих пор еще никогда не замечали, чтобы средняя добыча соли уменьшалась; возможно также, как это предполагает натуралист Унгер, что медленное просачивание морских вод через песчаные берега, когда пруды бывают почти высохшими, достаточно для восстановления обычной пропорции соли. Как бы то ни было, земли побережья, даже вдали от лагун, до такой степени насыщены солью, что посаженные или посеянные там растения погибают, когда обильные дожди не выщелочили почвы[4].

В земледельческой экономии Кипра постоянные источники, вытекающие у основания или в долинах гор, имеют большую цену, чем так называемые «реки», и многие города обязаны своим основанием соседству этих бьющих из почвы вод. Пафос, конечно, не существовал бы без прекрасного ключа, который льется из скал и бежит между лужайками, под переплетающимися ветвями деревьев. На окраинах массива Олимп, который, однако, получает наибольшее количество снега и дождя, источники немногочисленны и маловодны по большей части. Из этого заключают, что падающие из атмосферы воды находят себе выход только в морское ложе. Лучшие естественные фонтаны находятся в Церинской цепи, и некоторые из них, каковы, например, «Пять глаз» в Кифоке, образуют значительные ручьи. Все источники северной цепи берут начало на высоте от 150 до 200 метров, в месте соприкасания известняков и песчаников; узкий хребет, поднимающийся над этим поясом, не представляет достаточно обширной приемной площади, чтобы объяснить в стране, так бедной дождями, существование столь обильных родников. Откуда же они берутся? Спускаются ли их

1 L. Mas Latrie, цитированное сочинение.
2 A. Gaudry, цитированное сочинение.
3 De Cesnola, „Cyprus“;—Thomson, „Proceedings of the Geographical Society“, febr. 1879.
4 Samuel Baker, „Cyprus“.

воды с Олимпа и проходят ли они под поверхностными слоями Месореи, чтобы снова выйти на поверхность на скатах северной цепи? Или, может быть, как говорят туземцы, и как склонен думать Унгер, место происхождения их находится в горах Киликии, и они проходят

Видъ на Синайскомъ полуостровѣ.

под проливом, чтобы опять появиться на южной покатости Церинского хребта?[1] В этом последнем случае подземные воды должны бы были иметь течение длиной по меньшей мере

1 Ali-bey, „Voyage au Maroc, a Tripoli, Chypre, etc.“;—Unger und Kotschy, „Die Insel Cypern“.

100 километров и проходить на глубине слишком 300 метров под поверхностью Средиземного моря. В тех частях острова, где нет ключей для орошения полей и водоснабжения городов, туземцы очень искусны в перехватывании вод на линии ската: они выкапывают на известном расстоянии одна от другой глубокия ямы, доходящие до непропускающей воду глины, составляющей подпочву, и соединяют их подземной галлереей; просачивающаяся вода наполняет мало-по-малу эти водопроводные трубы, подобные афганским карезам и иранским канатам, и поднимается, до отверстия колодцев, где ее принимают каналы обыкновенных водопроводов; так питается канал в 15 километров, который приносит воды с холмов в город Ларнаку.

Кипр, как остров, заключенный между берегами Киликии и берегами Сирии, не имеет морского климата: в отношении распределения дождей, так же, как в отношении изменения температуры, он представляет те же явления, как и соседний материк. Зимой, он выставлен холодным ветрам, которые перед тем проносятся над высокими плоскогорьями Малой Азии, снег падает на горы и даже в равнины; дожди часты, особенно в последние три месяца года, когда реки выступают из берегов, и нередко прерываются всякия сообщения в Месорейской равнине. Но смена зимы летом совершается вдруг, почти без переходного времени, называемого весной; в продолжение нескольких месяцев небо постоянно безоблачно, воздух едва освежается легкими морскими бризами; почва выжигается нестерпимой жарой, которую, быть может, и символизирует лев с разинутой пастью, изображенный на древних монетах[1]; летняя температура в Ларнаке выше, чем в Каире[2]. Тогда-то в соседстве лагун побережья малария (болотная лихорадка) становится страшным бичем; злокачественный туман стоит над равнинами и ползет у подошвы гор.

Климат Ларнаки, по Фонбланту, Унгеру, Паскотини, Сандвичу (средний вывод трехлетних наблюдений): самый холодный месяц, февраль н. ст. 11°,95 Ц.; самый теплый, август 31°,33. Средняя температура года, 20°,72. Количество дождя: 320 миллиметр.[3]. В этот убийственный сезон летних жаров пыльная и спаленная солнцем равнина крайне неприглядна, и мергельные холмы, голые или покрытые очень скудной растительностью, состоящей лишь из колючего кустарника, да из малорослых, кривых и редко стоящих сосен, представляют печальную картину, совершенно непохожую на ту, о которой мечтал путешественник, высаживаясь на остров Киприды. Прекрасные пейзажи, напоминающие ландшафты тосканских Апеннин, можно увидеть лишь в высоких долинах Олимпа, где почва всегда сохраняет достаточный запас влажности: там приютились монастыри, высоко поднимающие свои башенки между группами сосен. В равнине, растения, лишенные необходимой влажности, делаются дотого твердыми и жесткими, что ходить по ним очень тяжело; животные приучаются прыгать, чтобы избегать укола трав, волчецов, колючих растений; от того высоконогия собаки, как например борзые, легче приспособляются к среде, чем другие породы[4]. Иногда ветры переносят с берегов Азии, через пролив, тучи саранчи (stauronatus cruciatus), которые спускаются на северные берега острова и пожирают все посевы и плантации. Около половины настоящего столетия киприотам приходилось страдать от этого бича, средним числом, раз в каждые два года; тогда они придумали защищать свои поля, окапывая их рвами и окружая последние изгородью из скользких досок, на которые насекомые не могут взобраться[5]. Кипрская и киликийская саранча отличается от акриды (acridium), опустошающей Сирию и Палестину[6].

Островная флора, очень богатая, заключает более тысячи явнобрачных видов: там встречаются почти все растения, свойственные Криту и Архипелагу, равно как много других,

1 DeLuynes, „Numismatique et Inscriptions Cypriotes“.
2 Unger und Kotschy, цитированное сочинение.
3 E. G. Ravenstein, „Cyprus“.
4 Albert Gaurdy, „Revue des Deux Mondes“, sept. 1877.
5 „Journal ofliciel de la Republique francaise“, 10 sept. 1875.
6 Kotschy, „Die Insel Cypern“.

принадлежащих соседнему континенту; только четыре вида, в том числе дуб «с ольховыми листьями», составляют специальную флору острова. В лесах почти совсем нет лиственных деревьев; самая обыкновенная порода—это красная караманская сосна, ветви которой превосходят высотой ветви всех других хвойных. Кипарис, который этому острову обязан своим именем—так же, как медь или «кипрский металл» и чебак (cyprinus) или «кипрская рыба»—растет еще в диком состоянии в восточной области, где он образует несколько рощиц; но ему грозит близкое исчезновение, благодаря тому, что строители предпочитают его всякому другому дереву, по причине его твердости и превосходного запаха: известно, что кипарисовые рощи Крита доставили строевой лес для флотов Александра Великого на Тигре и Евфрате. По мнению большинства этимологов, название острова происходит от наименования одного растения, *кофер*, продукты которого были прежде предметом значительной торговли. Но какое это растение? Основываясь на описании его, данном Плинием, вообще пришли к тому выводу, что это лавзония или троэна (бирючина), листья которой, обработанные химически, доставляют вещество, известное под тем же именем; но это растение не природное европейское и никогда не культивировалось иначе, как в садах. Кочи полагает, что кофер был *cistus creticus* (ладанник критский), который растет в горах, между 600 и 1.500 метров высоты; волоски этого растения выделяют душистую смолу, которая прилипает к бороде коз и в конце концов превращает ее в твердую массу: древние очень ценили эту смолу, бальзам лаудан, которую и теперь еще собирают для аптек[1].

Дикия животные почти совсем исчезли. Кипрский баран, *ovis cyprius*, встречается еще в каменистых цирках гор; кошки очень многочисленны в лесах, а кабаны опустошают поля; ядовитые змеи, очень опасные для жнецов, водятся в расселинах почвы. Говорят, что около западной оконечности острова, в области мыса Эпифани, бродят лошади, ослы и быки, одичавшие вследствие войн и эпидемий. Одною из первых забот англичан, после того как они взяли в свои руки управление Кипром, было оставить за собой дичь, обложив право охоты высокой таксой. Вдоль морских берегов ловят обыкновенные губки.

Как растения в совокупности кипрской флоры, так точно и в населении острова различные этнические элементы происходят из всех прибрежных земель восточной части Средиземного моря. Здесь встречаются греки и турки, сирийцы, египтяне и арабы, при чем невозможно различить их первоначального происхождения. Островитяне группируются не по расе или национальности, а по языку и еще более по вероисповеданию. Греки, которые составляют четыре пятых населения, все без исключения киприоты, говорящие эллинским наречием острова, довольно отличным от ново-греческого или ромайского языка, и соблюдающие праздники и посты, установленные православной греко-восточной церковью. Все магометане обозначаются общим именем турок, даже те, которые не знают другого языка, кроме кипрского греческого диалекта. Наконец, есть промежуточный класс, который не знают куда причислить, хотя он нисколько не отличается расой, наружностью или языком от других «греков» острова. Это так называемые линобамбаки или «лен и хлопок», которые наружно придерживаются обрядностей ислама, но совершают над новорожденными таинство крещения и называют себя христианами в своих семьях. В Кипре, как на других островах и в Малой Азии, почин принадлежит грекам; однако, кипрские греки считаются гораздо большими рутинерами, чем их братья в Архипелаге, и к ним и теперь охотно применяют эпитет «быков», который им дали древние эллины. Никогда киприоты не были увлечены в патриотическое движение других островитян, кандиотов, например; никогда они не приносили никаких жертв для «великой идеи»[2]. Они живут мирно, верные подданные властителей, сменявших друг друга в течение веков, христиан или мусульман. По крайней мере, между обычаями старины, которые они с благоговением сохраняют и соблюдают, есть очень милые, которые, без сомнения, восходят к тем временам, когда боготворили Афродиту. Иностранцу,

1 Mariti, „Voyage dans l'ile de Chypre, la Syrie et la Palestine".

2 G. Perrot, цитированный мемуар.

переступающему порог, хозяин дома передает яблоко, символ дружбы, и когда гость уходит, старшая дочь окуривает его, махая кадилом, где горят масличные листья и благовонные смолы.

В прежнее время мароните были довольно многочисленны во всей северной области Кипра. Переселившись на остров вместе с франкскими рыцарями, когда эти последние принуждены были покинуть Палестину, они основали несколько деревень на склонах Керинских гор и особенно на длинном полуострове Карпазос; но, окруженные греками и турками, они в большинстве уступили давлению среды: почти все они, выучившись греческому языку, переняли вместе с тем православные обрядности; некоторые вступили в лоно ислама. Единственные, ныне существующие еще маронитские общины, заключающие около пятисот душ, занимают мыс Кормакити, на западной оконечности Керинской цепи: там говорят еще испорченным арабским языком, но священники, пришедшие из дамасских и алеппских монастырей, принуждены; проповедывать по-гречески, чтобы быть понятыми слушателями[1]. Несколько тысяч негров-невольников, привезенных на остров, оставили свое потомство в магометанском населении. Со времени взятия острова во владение англичанами, к кипрскому населению примешались в немалом числе другие иммигранты—левантинцы из Константинополя и Смирны, армяне, евреи, западно-европейцы всякой нации. Но эти пришельцы по большей части спекулянты, а не колонисты: им нужно только захватывать себе, в качестве посредников всякого рода, наибольшую часть денег, приносимых «милордами»; так, например, накануне подписания Берлинского трактата, один банкир Перы велел купить разом на миллион франков часть земель города Ларнаки, которые он потом перепродал за семерную цену правительству и английским сановникам.

Но это нашествие купцов не увеличило богатства острова; земледелие и промышленность все еще остаются такими же, какими они были под турецким режимом, то-есть в первобытном состоянии: едва десятая часть почвы занята культурой. Производительность Кипра много уменьшилась со времен Лузиньянов и венецианцев. Сахарный тростник, некогда возделывавшийся на южном побережье, теперь увидишь только в садах; бананы, финиковые пальмы стали редки; хлопчатник, доставлявший прежде для вывоза до 6.000 кип ежегодно, теперь дает не более тысячи кип. Точно так же культура винограда значительно уменьшилась со времени изгнания венецианцев, а между тем весь остров мог бы быть превращен в один громадный виноградник до высоты 1.200 метров над уровнем моря, и качество здешнего винограда по-прежнему хорошо; в некоторых же местностях, как например, на землях Командорства, близ Лимассоля, оно превосходно; известно, что португальцы достали от киприотов первые виноградные лозы, посаженные ими на острове Мадере[2]. От пятнадцати до двадцати пяти тысяч гектолитров—таково в настоящее время общее производство Кипра. В каждом селении есть своя масличная роща, плоды которой, вместе с хлебом, составляют обычную пищу крестьянина в постные дни. После зерновых хлебов, винограда и оливкового дерева, главную культуру составляет сладкий рожок (ceratonia siliqua), драгоценное дерево, растущее на самых бесплодных склонах гор; рожки, которые прежде вывозились как корм для скота, и которых Одесса покупает некоторое количество, как лакомство для простонародья, употребляются преимущественно на винокуренных заводах. Общая ценность торговли, для всего острова, от двенадцати до пятнадцати миллионов франков.

Столица Кипра, Левкозия или Никозия, занимает очень хорошее местоположение на небольшом возвышении почвы, среди Месорейской равнины, орошаемой рекой Педиас; канал, отведенный из этой реки, пересекает город. Расположенная почти на равном расстоянии от бухты Морфу на западе, от Фамагосты и Ларнаки на востоке, Левкозия есть естественный центр двух приморских поясов; кроме того, она имеет удобное сообщение с северным побережьем через ущелья Керинских гор. Венецианская стена Никозии, правильный много-

1 Ross, „Reisen nach Kos, Halikarnassos, Rhodos und Cypern“.

2 G. Perrot, цитированный мемуар.

угольник около 5 километров в окружности, фланкированный одиннадцатью бастионами, еще вполне сохранилась, хотя между камнями там и сям выросли деревца, а откосы покрыты газоном, усеянным цветами; но пространство, заключенное внутри этой каменной ограды, не заполнено уже домами, и рощицы финиковых пальм высятся среди обширных садов. Английский гарнизон, наблюдающий за городом, стоит лагерем к северо-западу от Левкозии, на скатах горы Махера, над областью лихорадок. Летом все иностранцы и зажиточные туземцы бегут из города и отправляются дышать более чистым воздухом в высоких долинах.

По близости того места, где стоял загородный дворец королей фамилии Лузиньянов, в пересеченной равнине, теперь почти совершенно лишенной зелени, деревня Дали указывает местоположение древнего Идалиума, то-есть «места, посвященного богине»—таков смысл финикийского слова. Поля и пригорки, где некогда зеленели «Идалийские рощи», и земля которых пила кровь охотника Адониса, дали археологам драгоценные остатки старины. Г. де-Вогюэ, первый определивший с точностью местоположение Идалиума, открыл там кипрские надписи; оттуда же получена знаменитая бронзовая дощечка, хранящаяся теперь в парижской публичной библиотеке; г. Ланг нашел там один памятник с надписью на двух языках, финикийском и кипрском, которая позволила Джорджу Смиту дешифрировать язык островитян, до него неизвестный; наконец, г. де-Чеснола раскопал более пятнадцати тысяч могил громадного некрополя, где хоронили мертвых из всей окрестной местности; любопытнейшие и богатейшие предметы, извлеченные из этих подземных склепов, помещены в метропольный музей Нью-Йорка. К западу от Дали, Атиено, деревня, населенная погонщиками мулов, претендующими на происхождение от королевской фамилии Лузиньянов[1], дала искателям древностей другие археологические сокровища: там стоял храм Афродиты Гольгии, куда стекались со всех сторон пилигримы приносить жертвы по обету. Среди этих развалин найдены колоссальные фигуры, гиератического (священного) характера, представляющие жрецов, драпированных на манер египтян или ниневийцев, но с лицами, похожими на лица современных киприотов. Далее на север, близ источников Китреи, имя которой напоминает храм богини Цитеры, тоже открыты замечательные остатки древности.

К западу от Никозии, равнины Месореи не имеют более порта; гавань Морфу совершенно обмелела, и все произведения направляются к северному или восточному берегу. Керния, Гирне или Церина, город, некогда укрепленный порт Никозии на северном берегу острова, имеет теперь, для принятия приходящих кораблей, лишь полукруглую бухточку, глубиной от 3 до 4 метров, над которой господствуют с западной стороны высокий мыс, где был расположен греческий акрополь, с восточной—живописный замок Лузиньянов. В Церинском округе, как и в других округах, руины представляют больше интереса, чем нынешние города. Непосредственно к западу от акрополя и порта, холм пробит на боках гротами и могильными склепами; далее, близ древнего Лапефоса и современного большого монастыря Актеропифи, целые скалы были высечены снаружи и внутри, так что образовали гигантские башни с внутренними галлереями и расположенными один над другим дворцами. Прекраснейшие крепкие замки эпохи Лузиньянов высятся на вершине соседних гор, крепость Иллариона или бога любви, и крепость Буффавенто или «Замок королевы», башни которых едва отличишь от шпицев соседнего гребня. Аббатство Лапаис или Бель-Паэзе, затерянное в лесу масличных и померанцевых деревьев, теперь тоже развалина. Во время оттоманского завоевания все латинские монастыри были опустошены и частию разрушены: вероятно, что истребителями были не турецкие солдаты, а греческие крестьяне, обрадовавшиеся случаю отмстить чужеземным монахам, которые низвели их в крепостное состояние[2].

В эллинскую эпоху главным портом восточного берега был Саламин, колония греческого острова того же названия, и, подобно своей метрополии, прославившаяся во время персидских войн. Раскопки ничего не открыли археологам: камни памятников и набережных были употреблены венецианцами на сооружение грозных стен Фамагусты, древней Аммахостос,

1 Thomson, цитированный мемуар.

2 De Cesnola, цитированное сочинение.

Амта-Хадаста или «Святой жены», «Великой богини» ассирийцев[1]. Крепость, горделиво возвышающаяся в восьми километрах к югу от Саламина, теперь не более, как огромная развалина; полуразвалившиеся церкви готического стиля, составляющие резкий контраст с плоскокровельными домишками, рассеяны внутри городской ограды; но сами стены, еще нетронутые всесокрушающей рукой времени, являются в том же виде, какой они имели в роковой день 1571 года, когда венецианцы подписали капитуляцию, так жестоко нарушенную победителями. Корабли, увозившие христианские семейства, были потоплены в рейде, солдаты перебиты, а с начальника их, Баградино, с живого содрана кожа: Венецианская республика ценой золота выкупила его бренные останки. Порт венецианцев совершенно занесен илом; но к северу от этого бассейна, который мог бы сделаться местом для постройки складочных магазинов и нового города, продолжается рейд, длиной около 2 километров, защищенный цепью подводных скал и песчаных мелей, параллельной побережью. Эта якорная стоянка, имеющая 15 метров средней глубины, указана наперед, как порт, откуда англичане будут наблюдать за берегами Малой Азии и Сирии: Фамагуста будет Мальтой восточной части Средиземного моря[2]. Потомки греков, изгнанных из Фамагусты, живут в нескольких пригородных селениях, обозначаемых общим именем Варозия; они снабжают овощами и плодами Ларнаку и вообще пользуются большим благосостоянием, чем турки, запертые в высоких стенах.

Ларнака, портовый город, через который в настоящее время производится почти вся торговля острова, состоит из двух частей. Длинный и неправильный ряд домов тянется вдоль низменного берега нового образования: это—морская пристань, растущий город; собственно Ларнака находится в версте от берега, на обнаженной равнине, где только кое-где виднеются скудные пальмовые рощицы; на юг простираются водные площади, от которых он получит свое турецкое имя Тузла или «Салина» (соляная лагуна). Порт греческой эпохи совершенно исчез, и на подземных основаниях древних набережных теперь стоят дома, суда становятся на якорь на рейде, вдали от берега. Движение судоходства в порте Ларнака в 1876 году: в приходе и отходе 914 судов, общая вместимость которых равнялась 185.852 тоннам; ценность торгового обмена простиралась до 9.064.250 франк. Торговля всего острова представляла в 1879 году сумму 13.265.625 франков. Морская пристань занимает местоположение древнего Киттима, финикийского города, где найден драгоценный ассирийский барельеф, посланный царем Саргоном II, как поясняет надпись, вырезанная клинообразными буквами. Между тысячами гротов, могильных или других, от которых Ларнака и получила свое имя, означающее «Город могил», самый любопытный—это подземный склеп, называемый Фанеромене окрестными поселянами, которые ходят туда помолиться Панагии; на подземелье стоит финикийское строение. В течение веков, киприоты смотрели на Киттим, известный у эллинов под именем Китиона, как на сирийский город; Зенон, родившийся в этом городе, называется «финикиянином» у Цицерона и других классических авторов.

Лимиссо или Лимассоль, на низменном берегу полукруглой бухты, ограничиваемой с юга мысом Кап-Гатто—второй порт острова по размерам торговой деятельности; как и в Ларнаке, корабли бросают якорь в открытом море, на песчаном дне. Вывоз состоит главным образом из соли, винограда, свежего и сушеного, водок и вин, приготовляемых частию в окрестностях Колосси, деревни, над которой господствует «командорство» родосских рыцарей: оттуда-то получается первое кипрское вино, прославившееся с глубокой древности. Движение судоходства в порте Лимассоль в 1876 году: 68.000 тонн; ценность внешней торговли: 2.770.000 франков. В 13 километрах к востоку, деревня Палео-Лимиссо или «Старый Лимассоль», расположена на месте, где в древности стоял город Амафос или Амафонта, прославленный культом Венеры. Амафос или Гамаф был, как и Киттим, финикийский город; имя его почти тожественно с именем Гамаха, на берегах Оронта, и полагают, что он был колонизован выходцами сирийского города; на-ряду с Венерой Астартой, жители Амафонты

1 H. Rawlinson, „Proceedings of the Geographical Society“, febr. 1879.

2 Evans, „Proceedings of the Geographical Society“, 1879.

боготворили также тирского Геркулеса или Мелькарта (Мелецерта) и, по примеру континентальных сирийцев, долгое время приносили своим богам человеческие жертвы. На акрополе Амафонты видны обломки огромной вазы, высеченной в песчаниковой скале и подобной той, которая была перевезена в Лувр. Следы древнего города и его гробниц быстро исчезают, благодаря тому, что скала вышгорода эксплоатируется как каменоломня для построек и набережных Порт-Саида: инженеры Суэзского канала привозят с Кипра часть нужных им камней.

На западе маленького полуострова Акротири, древний город Куриум, построенный на высеченной резцом скале, господствовал над полукруглой бухтой, соответствующей бухте Лимассоля, которая находится на противуположной стороне полуострова. Руины, покрывающие мыс, оставались неизвестными исследователям старины до 1870 года, а между тем произведенные там раскопки привели к открытию «царских сокровищ», заключавших разные древне-кипрские украшения, богатейшие по материалу, из которого они сделаны, и любопытнейшие по работе; де-Чеснола собрал там целый музей драгоценностей ассирийских, египетских, финикийских и греческих; одни из этих украшений были принесены торговцами, другие, очевидно сфабрикованы в крае, ибо подражание иногда несовершенно и, в большинстве случаев, иероглифы, худо воспроизведенные, не представляют никакого смысла[1].

Пафосский округ, где некогда скоплялись богатства гораздо более значительные, чем в городе Куриуме, расположен вдоль юго-западной части острова, разрезанной на расходящиеся долины отрогами Олимпа. От древнего храма Венеры, стоявшего на высоком холме, и который мореходы видели с далекого расстояния, когда подплывали к Кипру, едва уцелело несколько обломков; сделанные там раскопки не привели к открытию памятников, подобных памятникам Идалии. Без сомнения, лучшие статуи Палео-Пафоса (Старого Пафоса) были перевезены в Нео-Пафос (Новый Пафос), когда этот город, населенный иностранными купцами, сменил, как столица, первоначальный город; там, при римском владычестве, стояли храмы, дворцы, гимназии, колоннады из египетского гранита. На обширном пространстве видны только иссеченные камни, остатки стен, могилы, отверстия подземельев; но не осталось ни одного здания, которое бы еще продолжало стоять. Маленькая деревня, Бафа или Пафо, расположена на месте знаменитого в древности города, куда со всех сторон стекались верующие, чтобы войти под таинственную тень святых деревьев и воздать, в торжественной процессии, поклонение священному конусу, символу творческой силы, непрестанно обновляющей мир. Кипрские женщины и теперь еще отправляются раз в год на берег моря, как в те времена, когда они ходили торжествовать рождение богини любви: пена морских волн уже не посвящается Венере, но киприоты все еще погружают в нее благоговейно руку: «у нас есть, говорят они, три покровителя превыше всех других—св. Георгий, св. Лазарь и святое Море».

В силу трактата, заключенного в 1878 году, Англия принимает исключительно на себя управление островом, уплачивая Порте ежегодную сумму 11.468.000 турецких пиастров, ценность которых, по нынешнему курсу, равняется 2.250.000 франков. Годовые доходы варьируют от 4 до 5 миллионов; расходы в 1882 году составляли 7 с половиной миллионов. Английский коммиссар облечен полной властью, хотя при нем состоит, в качестве совещательного органа, совет из восемнадцати членов, из которых шесть назначаются правительством, а двенадцать—девять христиан и трое мусульман—выбираются посредством ограниченной подачи голосов. Оффициальных языков два—английский и греческий. Порта сохраняет право собственности на пустопорожния, не принадлежащие частным лицам, земли и на леса, то-есть более, чем на три четверти острова, но английское правительство имеет право купли на все земли, какие ему понадобятся: оно управляет даже имениями (вакуфы), принадлежащими мечетям и учебным заведениям, при содействии мусульманского резидента, назначаемого главным управлением вакуфами, находящимся в Константинополе. Наконец—как бы для того, чтобы примешать ироническую ноту к серьезным конвенциям—англий-

1 De Cesnola, цитированное сочинение.

ское правительство обязуется спустить свой флаг и возвратить Кипр Турции, когда русские очистят Карс, Батум и все свои завоевании в Армении. Британский гарнизон состоит приблизительно из 600 человек.

Друзская принцесса и ливанская женщина.

Архиепископ кипрской церкви независим от константинопольского патриарха. Это богатая духовная особа; но сельские священники по большей части бедные крестьяне, принужденные сами себе латать одежду и гонят своих коз на пастьбу.

Остров Кипр делится на шесть провинций, которые подразделяются на округи или дистрикты:

Провинции	Округи	Провинции	Округи
Левкозия	Левкозия	Пафо	Пафо (Бафа)
	Орини и Тилирия		Авдиму
	Кипрея		Килани
Ларнака	Ларнака		Куклия
Лимиссо	Лимиссо		Хрисоко
	Эпископи	Кериния	Кериния
Фамагуста	Фамагуста		Морфу
	Месорея		Лева
	Карпасо		

Главные города Кипра с их насилением в 1881 году: Левкозия или Никозия—13.000 жит., Ларнака—8.000; Лимассоль—7.000; Морфу—4.000 жит.

VI. Сирия, Палестина, Синай

Узкий пояс обитаемых земель, который тянется вдоль восточного берега Средиземного моря, между Александретским заливом и египетскими берегами, представляет собою хорошо ограниченную естественную область. Течение Евфрата, в его большой западной извилине, образует, к востоку от маленького Алеппского бассейна, точную границу, которую продолжают на юг камни, лавы, глины и пески пустыни. На восток от Мертвого моря поднимаются, в виде вала, голые бесплодные горы, а южная, почти совершенно пустынная, страна оканчивается правильным треугольником между двумя длинными заливами Красного моря. Но вся эта область, которая, от Амануса до Синая, простирается с севера на юг на пространстве около 1.000 километров, при средней ширине 150 километров, сама делится на страны, отличные одна от другой рельефом почвы, климатом и исторической эволюцией: на севере бассейн Оронта; в середине долина Иордана и сопредельные земли; на юге Синайский полуостров. Как мы видим тому много других примеров, чрезвычайно большая длина территории сравнительно с незначительной шириной уменьшила её силу сцепления; населения, не имеющие общего центра, живущие в бассейнах, отделенных один от другого высокими горами, разделились на особенные, ничем не связанные между собой группы. Периоды независимости всегда совпадали с дроблением на мелкие монархические государства или на конфедерации племен. Но жители узкого пояса морского побережья были слишком малочисленны и, главное, слишком разъединены, чтобы могли оказать сопротивление нападению больших царств, которые последовательно образовывались в бассейне Евфрата и Тигра, на плоскогорьях Персии, в дельте Нила, в греко-римском мире. Чужеземное завоевание сделало из Сирии и Палестины одну провинцию; они познали единство лишь в общем рабстве. Один только Синайский полуостров, защищаемый недостатком воды и бесплодием своих скал, не имел над собой господ, хотя и он имел свою маленькую долю влияния в истории, благодаря двум заливам, омывающим его на западе и на востоке, и которые в различные эпохи были посещаемы флотами. Но он лежит в стороне от пути наций, и завоеватели никогда не имели никакого интереса уклоняться от своей прямой дороги, чтобы углубляться в опасную степь, в погоню за неуловимыми разбойниками.

Пояс сирийского побережья, с сопредельными землями, простирающимися на восток до самой пустыни, имел большое влияние на историю человечества. Через Сирию и Палестину проходит естественная дорога, соединяющая египетский Нил с двумя главными реками Халдеи. Очень может быть, что в эпоху, предшествующую той, о которой повествуют наши летописи, в те времена, когда небо было менее скупо на дожди, почва была менее иссушена, существовали легкия сообщения непосредственно между побережьем Персидского залива и дельтой Нила. Но с самого начала исторического периода пространство, заключенное между течением нижнего Евфрата и заиорданскими горами, является уже пустыней, закругляю-

щейся к северу в виде обширного полукруга: там встречаются только временные воды, как например, Гауран, спускающийся с гор того же названия, и потому на всем этом пространстве нигде не живут земледельцы; только кочевники бродят там во всех направлениях, наблюдая за редкими караванными дорогами. Полукруг городов и возделанных местностей развертывается вокруг степей и песков, от Багдада до Дамаска, и по этой же кривой распространялись великия движения народов. Пути, пересекающие Малую Азию, примыкают также в Сирии к дороге, ведущей в Египет. Памятники всевозможных стилей и всех веков указывают там распутье наций. На иной стене скал, близ Бейрута, читаешь надписи, вырезанные завоевателями, которые следовали один за другим в этой стране со времен Рамзеса; где столько людей оставили след своего прохода, что земля должна сохранить нечто из их жизни.

К важности сирийского берега, как места сухопутного прохода, прибавилось, в течение веков, превосходство в торговом отношении, для международного обмена морским путем. С самого начала писаной истории финикияне являются великими мореплавателями, и, под влиянием очень естественной оптической иллюзии, мы склонны видеть в хананеянах народ мореходов, предпринимающих дальние плавания, чтобы искать в других странах те рессурсы и произведения, в которых им отказывала собственная, слишком скупая почва. Это понятие, однако, не согласуется с фактами, которые показывают нам в первоначальных финикиянах народ по преимуществу земледельческий. Равнины морского берега и долины, поднимающиеся на восток к Ливану, были той страной Ханаанской, «текущей млеком и медом», которую часто смешивали с бесплодными землями южной Палестины, и даже именно для того, чтобы вывозить за границу излишек произведений своего отечества, тирийцы и сидонцы и сделались мореплавателями[1]. Самые большие, уцелевшие до сих пор остатки их зодчества—это монолитовые тиски или давильни для выжимания винограда и деревянного масла, мельничные жернова, цистерны, чаны, выдолбленные в камне для хранения воды, растительного масла или зернового хлеба. Развалины, позволяющие распознать архитектуру городов и публичных памятников, очень редки, что, впрочем, должно быть приписано отчасти геологическому свойству горных пород. Известняк сирийского берега, с шероховатой поверхностью, с неровным сложением, не поддается так хорошо резцу, как мраморы Греции. Жилища первых хананеян были просто пещеры, форму которых имитировали и зодчие, когда они научились воздвигать монолитовые храмы[2]. Но, сделавшись мореходами, финикияне изобрели гидравлические сооружения, для которых природа не представляла им других образцов, кроме естественных молов из скал и подводных камней; на своем длинном, почти прямолинейном берегу, не имеющем заливов и гаваней, подверженном ударам страшной зыби, они вырыли или обвели плотинами искусственные порты, от которых теперь не осталось никаких следов: песчаные наносы и, может быть, также изменения уровня почвы преобразовали форму побережья. Города, построенные финикиянами на морском берегу—Арад, Библос, Берит, Сидон, Тир, следуют один за другим почти в равном расстоянии,—в расстоянии дневного перехода; все они одинаково расположены на далеко выдвинутых в море выступах берега, так что суда могут, смотря по направлению ветра, искать на правой или на левой стороне бухту, представляющую им лучшую защиту; островки, подводные камни были утилизируемы для постройки волноразбивателей, а реки были отклонены, в виде ирригационных каналов, на окрестные сельские местности. По прошествии трех тысяч лет, города, построенные финикиянами, все еще составляют торговые центры сирийского побережья: несмотря на войны и осады, население всегда возвращалось в эти места, так удачно выбранные[3].

Став мореплавателями, финикияне скоро сделались коммиссионерами многочисленных народов. Прибрежные жители Тигра и Евфрата не могли вести торговлю с прилегающими к

1 Movers, „Die Phonizier“;—Prutz, „Aus Phonizien“.

2 E. Renan, „Mission en Phenicie“.

3 Prutz, „Aus Phonizien“.

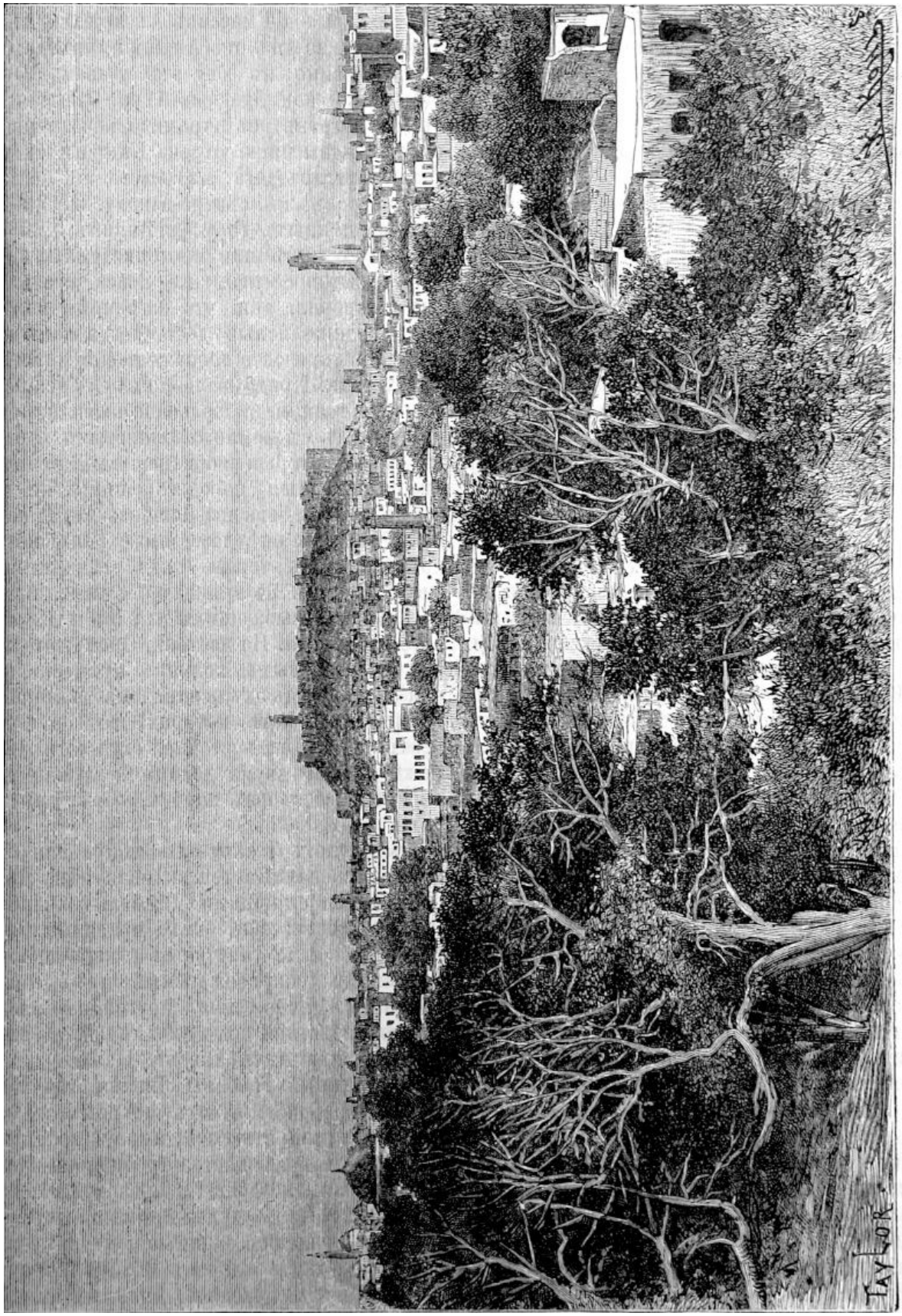
Средиземному морю странами иначе, как отправляя свои товары в сирийские порты через проломы береговых гор, и самый Египет, хотя омываемый морем и снабженный речными входами на всей окружности своей дельты, избирал финикиян в посредники своих торговых сношений, потому что не имел собственного леса для постройки судов, и привоз громоздких строительных материалов был в то время гораздо затруднительнее, чем в наши дни. Тирские и сидонские мореходы ревниво оставляли за собой исключительное право собственности на кедровые леса, которые, доставляя самое крепкое и наименее подверженное порче дерево, обеспечивали им монополию большого мореплавания. Они тщательно хранили также секрет своих путешествий в дальние страны; для них «молчание было золото», особенно перед греками, их соперниками в смелых предприятиях; никто не знал даже, откуда привозились драгоценнейшие предметы, благородные металлы, янтарь, слоновая кость, которые они продавали государям Востока[1]. Но как ни скромны были в этом отношении финикияне, они все-таки в конце концов сообщили своим соседям в Сирии и Палестине открытия и идеи, привезенные ими из чужих дальних стран, и своими колониями, рассеянными по всем берегам Средиземного моря, постоянно расширяли круг цивилизации, центром которого было их отечество, и в котором они распространяли употребление азбуки, этого главного посредника для передачи мысли. С своей стороны, колена Израиля, хотя жившие внутри материка и старавшиеся держаться особняком от своих могущественных соседей, чтобы сохранить свою независимость, также способствовали своими вынужденными переселениями смешению культур в узкой области сирийского побережья. Вышедшие из Египта, странствовавшие десятки лет по пустыне и в заиорданских долинах, затем отведенные в плен в Вавилон и на склоны иранских плоскогорий, евреи отражают в своем гении дух народов, среди которых им приходилось жить; несмотря на свою ненависть и недоверие к чужеземцу, они в конце концов все-таки несколько ассимилируются с ним, усвоивают понятия и смешивают их со своими воззрениями. Затем, как странствующие купцы во всех странах средиземного света, они получают часть торгового наследства Тира и Сидона и, подобно этим двум городам, делают из своего отечества общий центр древнего мира. Так, греко-римское влияние присоединяется к влияниям Египта, Халдеи, Персии, Аравии. Везде населения, склонные присвоивать каждое себе одному право на название людей, преувеличивают размеры своего отечества и хотят видеть в нем средоточие вселенной; но можно сказать, что в области, заключающейся между Евфратом и Суэзским перешейком, это притязание занимать центр земель до некоторой степени оправдывается. Там не находится, правда, геометрическая середина трех континентов, Азии, Африки и Европы; однако, ни одно место прохода не имеет больше важности, чем дорога, этапными пунктами которой является Дамаск и Иерусалим.

Известно, какое громкое имя сделал себе этот последний город в истории религий: к одному близлежащему холму, к горе Голгофе, устремляют взоры христиане, чтобы видеть там своего распятого Искупителя. Страна, где некогда обитали двенадцать колен Израиля, есть их «Святая Земля»; Назарет и Вифлеем, Тивериадское озеро и гора Фавор, Сихемский колодезь, Елеонская гора—места священные по преимуществу; народы отыскивают там начало своей религии и в будущем видят там воздвигнутым тот «Новый Иерусалим», где не будет более ни плача, ни страдания. Однако, христианская вера, оспаривающая у буддизма первое место по числу последователей, никогда не имела большой силы в стране, где она ищет свое происхождение. До разрушения Иерусалима жители Иудеи, обращенные в новый культ, оставались редко рассеянными среди остального населения. Но уже эллинизация края началась: боги Греции и Рима имели свои алтари во всех храмах; политеизм восторжествовал в стране, где долго царствовал догмат «Единого Бога». Христианство водворилось победоносно в Сирии и Палестине лишь в течение короткого периода между завоеванием политической власти христианами и внезапным вторжением арабов, принесших новую религию[2]. Но даже в то время, когда все святые места Иудеи были во власти монахов, древнее язычество, разно-

1 E. Renan, „Journal officiel de la Republique francaise“, 20 mars 1877.

2 Clerinont-Ganneau, „La Palestine inconnue“.

образно смешанное, видоизмененное влиянием верований и культов Греции, Александрии, Халдеи и Ирана, обнаруживалось бесчисленными ересями, предания которых до сих пор еще встречаются в гористых областях Передней Азии. Обращение сирийцев в ислам совер-



Алеппо.

шилось быстро, и тщетно крестоносцы в продолжение двухсотлетних ожесточенных войн пытались вновь завоевать их своей вере. В то время, как христианство распространялось по всей Европе, затем в Новом Свете и во всех европейских колониях, оно останавливалось на

пороге первоначального отечества, или водворялось там в виде скромных, малочисленных колоний. Это объясняется тем, что христианство выработалось гораздо больше в арийском мире, чем в мире семитическом: если оно получило свое имя и права в странах сирийского побережья, то перед тем оно долго подготовлялось во всех окружающих областях; исполинское дерево простирает свои корни с одной стороны до Ирана и в Индию, с другой к Афинам и к Александрии.

Подобно другим провинциям Азиатской Турции, Сирия пришла в большой упадок и покрыта развалинами, подле которых не возникли новые города. Пустыня захватила обширные пространства обработанных земель, и даже наиболее посещаемые дороги проходят теперь через многие пустынные, безлюдные местности. Но большая часть этой области вполне исследована с географической точки зрения. Вся Палестина по сю сторону Иордана, на пространстве около 15.000 квадр. километров, была измерена тригонометрически, и работа английских картографов продолжается на восток в землю Моавитскую. Три четверти древних имен, упоминаемых в Библии, у Иосифа и в Талмуде, отожествлены относительно мест, к которым они относились[1]; исследователи старины отыскали даже большую часть ханаанских названий мест, предшествовавших поселению евреев в Палестине: дешифрируя иероглифы Карнакского пилона (род портала), Мариет мог составить карту земли Ханаанской в эпоху битвы на равнине Мегиддо, происходившей за тридцать семь веков до нашего времени. На севере Ливан также был тщательно изучен офицерами генерального штаба, состоявшими при французской экспедиции, в 1860 и 1862 годах, и по направлению к Евфрату съемки продолжаются вдоль проектированных железных путей. За исключением некоторых долин Ливана, ни одна область Сирии не населена пропорционально своему плодородию. Общее население страны, простирающейся от Киликийских Ворот до Синайского полуострова и насчитывавшей по малой мере десять миллионов жителей три тысячи лет тому назад, теперь, как кажется, не превышает полутора миллиона душ: один только город Лондон, с своим городским округом, имеет втрое больше жителей. Пространство и народонаселение Сирии и Палестины: 183.000 кв. километр., 1.450.000 жителей; 8 жителей на один квадр. километр.

Горы Акма-даг, Аман (Amanus) древних, составляющие первый сирийский массив, к югу от Александретского залива, могут быть рассматриваемы во многих отношениях, как часть орографической системы Малой Азии: они соединяются с массивом Гяур-даг горным плато, одна впадина которого заключает «озеро Неверных» или Гяур-гёль, и среднее направление которого с северо-востока на юго-запад, параллельно цепям Тавра Киликийского и Анти-Тавра. Древние видели в этих горах один из таврских хребтов; по их понятиям, Сирия начиналась лишь на реке Оронте. Высота Амана едва превышает 2.000 метров на нескольких пунктах[2]; но склоны его очень круты на морской покатости, и в некоторых местах дорога, идущая вдоль побережья, взбирается на предгорья, выступающие в море в виде высоких мысов. На север от Александретты, скала перерезана ущельем, которое император Юстиниан велел расширить железом, чтобы сделать его удобопроезжаемым для колесниц: остатки древнего портика из белого мрамора до сих пор еще видны подле прохода, известного под именем «Дверей» или «Аманских ворот». Им дают название «столбов Ионы», так как местная легенда указывает на эти развалины, как на место, где пророк был извергнут китом; по другому преданию, тело Александра Великого было, будто-бы, положено на вершине аркады, дабы все цари и принцы, проходя под сводом, признавали превосходство над собой македонского героя. К югу от Александретты, дорога обходит изрезанную цепь «Красных гор» и «Моисеевых гор», составляющих продолжение Амана и оканчивающихся грозным мысом, называемым Рас-эль-Ханзир или «Кабанья голова»; путешественники поднимаются прямо на гребень, чтобы перевалить через хребет Амана проходом, называемым «Сирийскими воротами», и затем спускаются в Антиохийскую равнину. Эта обширная низменность, через

1 Clermont-Sannean;—Conder;—Wilson;—Tyrwhitt Drake etc.

2 Favre et Mandort, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1878.

которую воды Оронта изливаются в Средиземное море, и есть истинный вход в Сирию: географическая граница ясно очерчена рекой, Антиохийским озером и его восточными притоками. На востоке несколько холмов и столбообразных плато, средней высоты 4.000 метров, окружают замкнутый бассейн, центр которого занимает город Алеппо.

Самый высокий массив Ансариехских гор, лежащих на юг от Антиохии, находится непосредственно к югу от устьев Оронта: это—Казий или Джебель-Акра, «Лысая гора» (1.769 метров), с пирамидальной вершиной, откуда видны пики острова Кипра и снеговые главы Булгар-дага, на расстоянии более 200 километров к северо-западу. Казий—одна из священных гор финикиян; греки сделали его одним из многочисленных Олимпов, местопребыванием Зевса, столь высоким, говорили они, что на одном из склонов видишь ясный день, тогда как другая половина горизонта погружена еще в глубокий мрак ночи. Продолжаясь к югу, Ансариехские горы, состоящие в большей части из меловых скал с немного волнистыми вершинами, сквозь которые пробились там и сям диоритовые горные породы[1], нигде не достигают высоты массива Джебель-Акра; во многих местах они даже ниже 1.000 метров, хотя переход через них, тем не менее, очень труден, по причине бесчисленных оврагов, разрезывающих их в виде обширного лабиринта. На востоке, Оронт отделяет их от краевых холмов пустыни, а южная оконечность их ограничена долиной реки Нахр-эль-Кебир, которая, как и Оронт, берет начало на восточной отлогости Ливана; между этими двумя долинами нужно только перейти небольшой порог, образуемый буграми.

К югу от Нахр-эль-Кебира или «Большой реки» начинается высокая цепь Ливана, называемая сирийцами Джебель-эль-Либнан. Этот хребет, еще более правильный, чем морской берег, тянется с северо-востока на юго-запад, сопровождаемый на востоке, за равнинами Келе-Сирии, другой параллельной цепью, известной под именем Джебель-эш-Шарк, или Анти-Ливана. Наблюдаемый с моря, длинный гребень Ливана, голубой летом, серебристый, от покрывающих его снегов, зимой и весной, имеет грандиозный вид; пары пространства сообщают отдаленным горам воздушную прозрачность, но к этой мягкости колорита примешивается сила, которую придают мощные контуры вершин и крутые откосы склонов. Вблизи горная цепь кажется менее красивой. Длинный вал представляет, на всем своем протяжении, около 150 километров, лишь желтоватые массивы без деревьев, монотонные долины, однообразно закругленные вершины. На северной оконечности, преимущественно на склоне, обращенном к Келе-Сирии, видишь только голые стены гор, господствующие над длинными скатами из красноватой земли, мореновыми остатками снежных лавин и ледяных потоков. На южной оконечности хребта, долины более плодородны, более богаты зеленью, лучше обработаны; там и сям встречаешь живописные пейзажи, особенно весной, когда верхняя часть гор блестит еще белая и розовая, под лучами солнца. Под мореновыми обломками Нахр-эд-Джоза открыли обделанные кремни и кости животных четвертичного века, на которых охотились горцы Ливана до распространения ледников[2].

В целом эта цепь гор состоит из доломитов, грубых известняков, мраморов, песчаников и мергелей, пробитых из бесчисленных пунктов базальтами, которые, однако, не сделали никаких перемещений в расположении пластов. Горные породы перерезаны очень глубокими расселинами, которые вообще следуют в направлении с севера на юг или с востока на запад, и которые делят Ливан на особенные массивы, образующие как бы цитадели. Этот рельеф гор объясняет состояние относительной независимости, в которой удержались тамошния населения: среди мусульманской страны, в уединенном массиве, по окраине которого, вдоль его приморского основания, даже расположены города, где господствовали арабы и турки, ливанские горцы могли сохранить свои религии, почти не изменившиеся в течение веков. Эти горы Сирии не имели богатых рудных месторождений, которые могли бы привлечь колонии алчущих металла завоевателей. Близ Бейрута есть несколько незначительных залежей каменного угля. Там и сям текут фонтаны горной смолы, имеющие большое экономиче-

1 G. Key, „Archives des missions scientifiques“, tome III, 2-me serie, 1886.

2 Lewis;—L. Lartet;—Oscar Fraas;—Lartet, „La Syrie d'aujourd'hui“.

ское значение; главные из этих ключей выходят на поверхность невдалеке от истоков Иордана, на север от низменности, оканчивающейся Асфальтовым озером[1].

Гора Ливан, по-еврейски и по-арабски, есть синоним «Молочной горы» или «Белой горы». Однако, ни одна из её вершин не поднимается до пояса вечных снегов. Самая высокая вершина, находящаяся на северной оконечности гребня, не превышает 3.200 метров; из других вершин только три достигают 3.000 метров; большая колесная дорога из Бейрута в Дамаск, построенная французской компанией, проходит на высоте 1.800 метров над уровнем моря. Средняя высота цепи немного меньше высоты Пиренеев; но гораздо более высокая температура климата объясняет относительно небольшое протяжение снежных полей и отсутствие в настоящее время ледников на Ливане; однако, как говорит один арабский поэт, «Саннин носит зиму на своей голове, весну на плечах и осень в своих недрах, тогда как лето спит у его ног»[2]

Высота главных вершин Ливана[3]: Тимарун или Тиз-Марун—3.210 метр.; Мускиях—3.080 метр.; Захр-эль-Казиб—3.046 метр.; Джебель-Макмаль—3.040 метр.; Джебель-Саннин—2.711 метр.; ливанские кедры—2.240 метр.

Известняковые породы Ливана изрыты на боках гротами, из которых иные продолжаются на целые мили во внутренности горы, и в которых находят остатки животных и следы человеческого жилья; есть такие, которые и теперь еще служат жилищем человеку, другие дополнились наружными постройками, висящими на боку горы; так, в долине Кадиша, монастырь Каннобин выступил наружу из своей первоначальной пещеры. Стекая с вершин, ручьи действием размывания разрезали гору на огромные цирки; замечательные примеры этого явления можно видеть к востоку от Бейрута. Но в других местах горные потоки не могли размыть скал: они или пробили их так, что образовались гигантские аркады, каковы, например, аркады Нахр-эль-Лебана или «Молочного ручья», или исчезают в трещинах почвы; оттого многие долины почти всегда остаются безводными: взамен того, подземные ручьи бьют великолепными ключами у подошвы гор. Два противуположных склона разнятся в отношении обилия воды: покатость, обращенная к востоку, почти не имеет источников; едва упав на землю, снег испаряется в чистом воздухе; на западной отлогости, напротив, снежные хлопья, падающие, впрочем, в большом количестве, увлажняются теплыми парами, поднимающимися с Средиземного моря; они тают испаряясь и тотчас же образуют ручейки[4]. Впрочем, даже во многих таких местах, где почва, повидимому, совершенно безводна и бесплодна, горцы, очень искусные земледельцы, с успехом занимаются культурой; особенно в южной части, вообще известной под названием «гор Друзов», по имени населяющей их нации; жители обрезывают землю на горных склонах в виде террас, направляют туда ирригационные каналы и разводят виноград и фруктовые деревья.

На западных скатах Ливана поясы климата и растительности обозначаются жителями края специальными названиями. Область морского побережья, бывший Ханаан евреев, называется Сагиль: это—узкая полоса земли, необычайно плодородная, где некогда стояли цветущие торговое города древней Финикии. Выше простирается средняя область или Вусут, немного менее населенная, чем нижний пояс, но еще усеянная деревнями: жители поморья возделывают там табак, зерновые хлеба, картофель; там же растут деревья в большом числе; некоторые склоны, покрытые сосновым лесом, принимают зеленеющий вид. Верхний предел Вусута проходит на высоте около 1.200 метров. Третья зона, Джурд, в целом есть область бесплодных пространств, бешеных ветров и снежных лавин; обработанные земли показываются еще на высоте 1.800 и 2.000 метров, но только в защищенных небольших долинах, лощинах и оврагах; там и сям встречаются лески дубов с кривым низким стволом, с огромными желудями, теревинфов (терпентинного дерева), кленов, дикой груши, можже-

1 Oscar Fraas, „Aus dem Orien“, 2-er Theil.
2 Volney, „Voyage en Egypte et en Syrie“.
3 R. Burton and Tyrwhitt Drake.
4 Lartet, „Tour du Monde“, 2-e semestre 1882.

вельников, из которых иные достигают могучих размеров. Летом стада овец и коз поднимаются с равнин к Джурду, чтобы пастись там травами и листьями кустарника.

Знаменитые кедры, сильный душистый запах которых дал древним повод назвать Ливан «Благоухающей горой», растут в верхней области на высоте слишком 2.000 метров, близ горного прохода, открывающагося на юге массива Джебель-Макмаль. В соседстве вздымаются самые высокие вершины цепи, и хребты и гребни гор представляют в этом месте живописные и грандиозные линии. Некогда с высот спускался ледник и наполнял котловину, при входе в которую теперь растут кедры; корни их разветвляются между камнями конечной морены. Число деревьев колоссальных размеров не переставало уменьшаться. В половине шестнадцатого столетия, во время путешествия Белона, их было двадцать пять; теперь кедров, поистине заслуживающих названия гигантов, всего только пять; дерев средних размеров насчитывают несколько сотен. Смотря по расположению духа посетителей, ливанские кедры, «славнейшие естественные памятники вселенной», возбуждают удивление или разочарование; так, по словам Бертона, они не были бы «достойны фигурировать в парке скромного английского джентльмена». Впрочем, стволы у них голые, изрезанные и обезображенные ножом туристов; большинство путешественников уносят на память куски, отколотые от ствола, и считают священным долгом вырезать на коре свое имя и фамилию, или по крайней мере их начальные буквы; наконец туземцы в большие праздники зажигают костры среди вековых деревьев. Так истребляемые людьми, еще более страдающие от бурь и непогод, кедры не могут не уменьшаться в числе с каждым годом, ибо старые деревья погибают, а все новые побеги выщипываются козами вровень с землей.

На восточной стороне Ливан обрывается крутыми склонами к долине Келе-Сирии или «Впалой Сирии», самой правильной части борозды, вырытой самой природой с севера на юг страны, от Антиохийского озера до Мертвого моря и Акабахского залива. Келе-Сирия, обозначаемая в наши дни именем Эль-Бекая или «Долина шелковичных дерев», есть равнина с двойным скатом, пробегаемая на северо-востоке водами Оронта, на юго-западе водами Леонтеса или Нахр-эль-Лейтани; порог почти нечувствительный, на высоте 1.170 метров, образует раздельную линию между двумя покатостями; средняя высота Келе-Сирии может быть исчислена в 1.000 метров; с той и с другой стороны горы поднимаются до высоты 1.500 метров над промежуточной впадиной: болота, остатки бывшего озера, некогда простиравшагося между Ливаном и Анти-Ливаном, рассеяны по всей равнине.

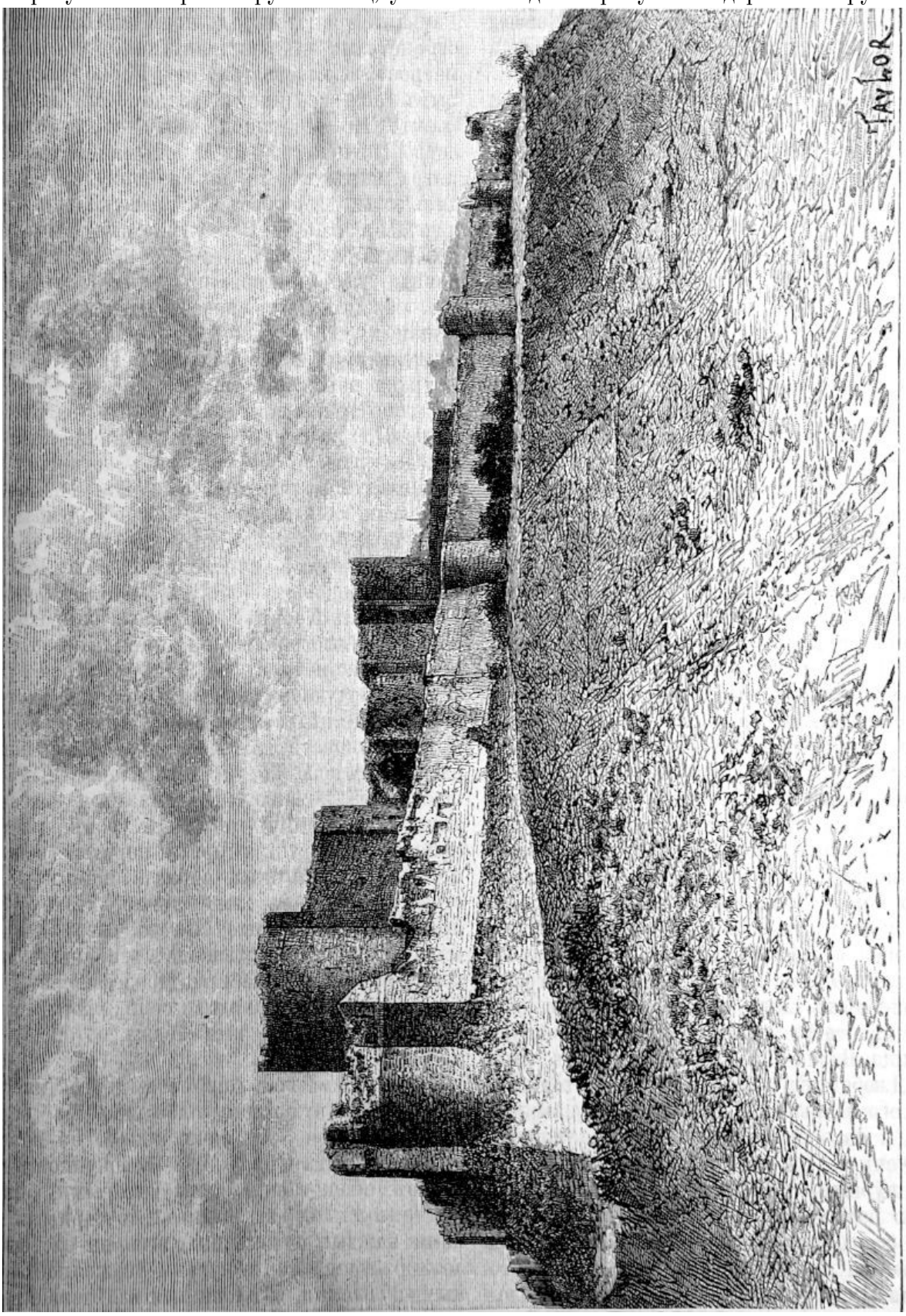
Анти-Ливан, Джебель-эш-Шарк или «Восточные горы» сирийцев, представляет в целом замечательное сходство с Ливаном, который ему параллелен. Состоящий из тех же известковых пород, одетый такой же красной землей, глетчерного происхождения, Анти-Ливан не менее бесплоден и обнажен в своей северной части, и плодородные долины, как и на Ливане, перерезывают его только около южной оконечности. На западе, то-есть со стороны, господствующей над Келе-Сирией, Анти-Ливан, как и западная цепь, изборожден бесчисленными расселинами, в которые убегают воды. Наконец самая высокая вершина Анти-Ливана, Шейх-эл-Джебель или «Царь-гора», находится как раз напротив высшего массива Ливана.

Высота главных вершин Анти-Ливана, по измерениям Р. Бертона и Теруитта Дрека:

Шейх-эль-Джебель (Фатли или Талат-Муза) по средине цепи—2.670 метр.; Галимат-эль-Кабу, на севере—2.510 метр.; Эль-Ахиар, или гора Блудан, на юге—2.352 метр.

Уступая, по высоте, главной цепи (в среднем, от трехсот до четырехсот метров), Анти-Ливан отличается, однако, более живописными формами, более величественными вершинами, более дикими оврагами, более живыми красками, более поразительными контрастами. На юге горные склоны менее обезлесены; приводящая в отчаяние обнаженность скал или печальная растительность волчцов и ползучих можжевельников сменяется лесками, вообще довольно редкими, но местами принимающими вид настоящих лесов. Растительность двух параллельных цепей также представляет замечательный контраст. В то время как характеристические древесные породы Ливана составляют сосны, ели, кедры, на Анти-Ливане

преобладающим деревом является тополь. В долинах Тавра и во всех долинах северной Сирии, величавые платаны и ореховые деревья осеняют селения; в Анти-Ливане же везде тополи образуют шпалеры вокруг жилищ, указывая издали присутствие деревни[1]. Круто обры-



Замокъ Моргабъ.

ваясь со стороны равнины Бекая, как и Ливан, восточная цепь спускается к востоку длинным пологим скатом или, вернее сказать, параллельными уступами, постепенно понижаясь

1 Barth, „Becken des Mittelmeeres“.

к пустыне. На юге открывается глубокая брешь, по которой протекает река Барада, получающая начало между двух высоких террас цепи. Дорога, называемая французской, переходит, на высоте 1.300 метров, узкое плато, образующее раздельную возвышенность между покатостью Келе-Сирии и Дамасскими равнинами.

Широкое отверстие, которым воспользовались для проведения этой дороги, отделяет Анти-Ливан от другой цепи, которую можно бы было рассматривать, как простое продолжение северной гряды: это—Гермон или Джебель-эш-Шейх, «гора царя», в память божеств, храмы которых высились на вершине её скал. По древним легендам, провинившиеся ангелы упали на эту гору, когда они были низвергнуты с неба. Гермон, как и Ливан,—священная гора, и повсюду там встречаются часовни, стоящие на месте древних языческих святилищ; возвышенные места пользуются тем же почитанием, как и прежде; только св. Георгий, Илья и пророк Иона заменили Ваала, Адониса или Элиуна[1]. Сама гора почиталась богом, и констатировано, что храмы окрестных местностей все были ориентированы в направлении главной цепи; подобно тому, как мусульманин молится, обратившись лицом к *кабе* Мекки, так точно сирийцы взывали к своим богам, устремляя взоры к Гермону[2]. Очень крутая на обоих склонах, «Царская гора» увенчана треглавым пиком, поднимающимся на 2.827 метров над уровнем моря и на еще большую высоту над глубокой впадиной, в которой течет Иордан; с этой могучей вершины, уступающей по высоте только высшим верхушкам Ливана, взор обнимает необозримую панораму, простирающуюся от Средиземного моря до большой пустыни[3]; образовавшаяся вследствие провала почвы пропасть, в которой исчезают дождевые и снеговые воды, открывается подле одной из трех остроконечных глав, на которой видны развалины какого-то древнего храма, вероятно, святилища Ваала-Гермона. Из всех гор Сирии Джебель-эш-Шейх самая лесистая; склоны его покрыты рощами, даже небольшими лесами, и европеец может иметь удовольствие, очень редкое на Востоке, слышать под ногами шуршание опавших листьев[4]. Гермон в большей части состоит из базальтовых скал, и около южного его основания простирается болотистая впадина, с немного приподнятыми краями, в которой предполагают бывшее жерло извержения: это—Биркет-эр-Рам, вероятно, озеро Фиала древних, принимаемое некогда за один из истоков Иордана. На юге высится вулканический конус Тель-эль-Ахмар.

Массив вулканических гор, Джебель-Гауран, господствует над пустынными пространствами, в расстоянии около сотни километров к юго-востоку от Гермона, с которым он соединен холмистым плоскогорьем. В восточной части самая высокая остроконечная вершина подымается на 1.853 метра, и некоторые другие верхушки переходят за 1.000 метров. Все эти скалы из лавы и груды вулканического пепла высятся в виде красных конусов, которые походят на огромные кальцинированные камни, вышедшие из обжигальных печей; одна только гора Кулаиб, около южной оконечности, осенена несколькими деревьями на вершине. Горы Гаурана образуют массив, ось которого направляется почти с юга на север. С этой стороны, Джебель-Гауран оканчивается довольно крутыми скатами, над которыми поднимается закругленная вершина, Телль-Абу-Тумеис (1.600 метров): можно подумать, что видишь перед собой цепь Овернских гор, оканчивающуюся куполом Пюи-де-Дом[5]. Четыре боковых конуса, Телль-Шейхан, Гаррах-эль-Кебир, Джемаль, Гаррах-эль-Киблиех, выстроились на линии, длиной около десяти километров в виде «батареи вулканов». Оттуда-то вышли огромные потоки, образующие целое море лавы, Аргоб евреев, простирающееся к северо-западу, в направлении Дамаска. Толщина расплавленных веществ, разлившихся по глинам и известнякам, исчисляется в 200 метров; действие непогод на хрупкия горные породы, трещины и большие расселины, образовавшиеся вследствие сжатия лав, ямы фумаролл, пустоты, произ-

1 Robinson, „Physical Geography of the Holy Land“.
2 Jules Soury, „Etudes historiques sur l'Asie Interieure et la Grece“.
3 R. Burton, „Unexplored Syria“.
4 Richard Burton, „Unexplored Syria“.
5 G. Rey, рукописные заметки.

веденные взрывами газа, разрезали громадную площадь застывших огненных потоков в целый лабиринт дефилеев, где беглецы не раз находили себе приют, откуда и произошло новое имя Леджа, которое получила эта страна.[1]

Сафа или «Голая гора» есть другой массив потухших вулканов, лежащий на берегу бывшего моря, ограничивавшего на востоке возвышенности Сирии. Это—совокупность кратеров, клокотавшие лавы которых, бившие ключем из жерла, выливались черными волнами: каждый поток походит на застывшее ложе расплавленного чугуна, усаженное огромными пузырями, вздувшимися вследствие взрывов газа. Эта грозная область, куда редкий путешественник отваживался проникать, вполне заслуживает названия Трахона или «Шероховатой страны», которое ей дали древние, как и Джебель-Гаурану. Сафа и теперь еще является в том же виде, какой она имела в эпоху её образования. Её потоки лавы блестят, словно отлитые из металла; с боков кратеров как будто текут ручьи с черными и красными волнами; арки, перекинутые с одной скалы на другую, кажутся как бы застывшими над пылающей рекой. Южная гряда Сафы представляет страшный вид. Вступая на эти горы, невольно задаешь себе вопрос: не тлеет ли тут всегда огонь под пеплом. Края потухших вулканов Светая и Абу-Ганима усажены хлопковатыми лавами, похожими на пылающие факелы и разнообразно наклоненными, как будто под напором ветра; вероятно, они отлагались в форме легких деревец и нагнулись под давлением воздушных токов. Светая есть лишь «скелет вулкана». Внешния стенки кратера частию обрушились, и верхняя труба, поддерживаемая несколькими столбами, осталась повисшей над пропастью. Тонкия стеклянные пластинки, сталактиты из лавы, образуют бахрому вокруг поверхности разрыва[2]. Почти все кратеры Сафы открываются не на вершине конусов, рассеянных по черной поверхности плоскогорья, но в самой толщине лав. Повсюду видны круглые пропасти, подобные пустотам, образуемым шлаками в пузырях газа; но эти пустоты имеют до 300 метров ширины и от 20 до 50 метров глубины. Одни из этих огромных ям изолированы; другие соприкасаются или отделены одна от другой только узкими стенками, простыми перегородками из красного или черноватого стекла. В других местах масса лав перерезана прямолинейными трещинами, имеющими несколько сот метров в длину. На Сафе единственная растительность—беловатые лишаи, плотно прилегающие к базальту, так что издали их можно принять за нераздельную часть скалы; однако, г. Вецштейн видел папоротник на дне расселины. Вода, падающая на шлаки и пепел, поглощается порами и вновь появляется только при основании лав, в местах соприкосновения с глинами, там и сям преобразованными в кристаллические породы жаром раскаленных веществ. Впрочем, на северо-западном склоне Сафы открывается естественный грот, частию расширенный человеком, на дне которого течет ручеек, хорошо известный бедуинам: это—пещера Ум-Ниран или «Матери огня»[3].

В совокупности Сафа занимает пространство около 1.200 квадр. километров и поднимает свои конусы на четыреста до шестисот метров над окружающими равнинами, которые сами возвышаются слишком на 500 метров над уровнем моря. Несколько глинистых пространств, где в дождливые годы скопляется немного воды, ограничивают основание этой вулканической области, на северо-запад к Дамаску, на юго-восток к равнинам Евфрата; но наибольшая часть окрестностей занята потоками лавы. На юго-западе, пустыня Кра или «Каменистая земля», отделяющая массив Сафа от Джебель-Гаурана, есть одно из этих шлаковых полей, усеянных второстепенными кратерами и ямами, образовавшимися вследствие взрывов. Далее на юг простирается пустыня Гарра или «Горелая местность», которой так боятся бедуины. Это—круглая равнина, наполненная тончайшими песками, которые скопились вокруг высокой черной скалы. Арабы в один голос говорят, что, ступая по этой обманчивой почве, животные—газели, лошади или дромадеры увязают в ней: песок, так сказать, сделался жид-

1 Wetzstein, „Reisebericht uber Hauran und die Trachonen“;—R. Burton and Tyrwhitt Drake, „Unexplored Syria“;—G. Rey, „Voyage dans le Haouran“.

2 Wetzstein, цитированный мемуар.

3 R. Burton, „Unexplored Syria“;—„Journal of the Geographical Society“, 1872.

ким вследствие своей чрезвычайной тонкости, и в нем утопаешь, точно в озере. После сильных дождей, поверхностный слой слепляется в кору, по которой человек еще может пускаться, но которая не сдержит тяжести верблюда. Это в гораздо более обширных размерах явление, аналогичное тому, которое представляют некоторые песчаные «топи» во французских лайдах. Местность Гарра составляет уже часть пустыни, редко переходимой путешественниками, которая простирается к устьям Евфрата, и которую ограничивает, на юг от Пальмиры, бывший морской берег, состоящий из песчаников и известняков.

Нижний Леонтес, называемый обыкновенно Нахр-Казимиех или «рекой раздела», ограничивает с южной стороны цепь собственного Ливана. С орографической точки зрения, эта брешь есть простая неровность почвы, углубление рельефа: на юг, по направлению к Палестине, горы могут быть рассматриваемы, как принадлежащие к системе Ливана; но они не отличаются такой же правильностью расположения и направления: их массивы, невысокие и образующие едва раздельные цепи, занимают всю ширину территории, заключенной между Средиземным морем и низменностью Иордана. Однако, в этом лабиринте галилейских долин карты позволяют распознать общий порядок расположения возвышенностей. На востоке, гряда гор, нигде не достигающая высоты 1.000 метров, тянется в направлении оси Ливана, образуя краевой хребет продольной впадины, в которой течет верхний Иордан. По линии, перпендикулярной к направлению этой цепи, расположено несколько гряд, общее ориентирование которых с запада на восток, и которые соединены одна с другой боковыми отраслями; эти различные хребты Галилеи, особенно около своей западной оконечности, сближаются могучими отрогами, составляющими, как кажется, остатки существовавшей некогда краевой цепи, параллельной побережью Средиземного моря; реки, берущие начало внутри страны, разорвали эту цепь в разных местах, так что остался только скелет берегового горного вала. Самая высокая вершина галилейских гор, Джебель-Джармук (1.189 метров), поднимается на северо-западе от Сафеда, на линии водораздела между долиной Иордана и покатостью Средиземного моря; но эта высшая вершина, окруженная другими, почти не менее высокими вершинами, не позволяющими видеть ее в её истинных размерах, не есть прославленная гора страны: наиболее чтимая вершина—это гора Фавор, Джеболь-Тор или «Гора над горами» (как ее называют арабы), которая высится почти уединенно, на юг от Назаретской цепи. Поднимаясь всего только на 561 метр—595 метров по Герену,—она едва превышает гребни меловых холмов, окружающих ее в виде амфитеатра; однако, её положение на краю большой Эздраэлонской равнины, по которой протекают река Нахр-эль-Мукаттах и её притоки, давало ей прежде некоторое стратегическое значение, и на широком плато вершины видны еще остатки средневековых укреплений, сменивших укрепления римлян и евреев. В легенде, сложившейся в четвертом столетии христианской эры, Фавор сменил Гермон, как гора Преображения Господня, и с шестого века на террасе вершины стояли три церкви и три монастыря, построенные в память трех кущей, которые Петр хотел воздвигнуть для Иисуса, для Моисея и для Илии. Раскопки обнаружили остатки подземных частей строений.

Взаимное пересечение горных хребтов Галилеи образовало промежуточные котловины, где воды скоплялись некогда в виде озерных бассейнов, которые впоследствии опорожнились, вследствие открытия боковых проломов; только несколько болот, появляющихся в дождливое время года, указывают место нахождения бывших озер. Но на юг от галилейских гор гористый рельеф почти совершенно прерывается, от Средиземного моря до долины Иордана, широкой равниной, которая, повидимому, обязана своим происхождением проходу больших водных площадей. Эта равнина, ориентированная с юго-востока на северо-запад, усеяна несколькими буграми или *теллями*, которые остались после размыва жидкими массами почвы окрестностей, но в целом местность имеет вид гладкой равнины, и грунт, где вулканический пепел смешан с черноземом, отличается необычайным плодородием; обработанные поля дают великолепные урожаи хлебов, а земли, оставленные под пар, покрываются гигантскими волчцами. К югу от Назарета, обширная низменность, известная под именем Мердж-ибн-Амир или «Равнина сына эмира», имеет не менее 26 километров в ширину: это —пространство, называвшееся некогда равниной Мешдской, Эздраэлонской или Езраель-

ской. Порог, находящийся в небольшом расстоянии к северо-западу от Зерина, древнего Езраеля, лежит на высоте около 120 метров. На покатости, обращенной к Средиземному морю, скат очень пологий, тогда как на востоке, к Иордану, почва быстро понижается; с одной стороны Зерина простирается равнина, на вид горизонтальная; с другой скаты круто спускаются, и ручей, текущий у подошвы холмов, лежит уже ниже уровня Средиземного моря. Это через Зеринский порог, по странному проекту английских промышленников, должен бы был пройти современем канал, соединяющий залив Сен-Жан-д'Акра с заливом Акабахским, в Красном море, захватывая глубокую впадину Иордана и Асфальтового озера. Эздраэлонская равнина, разрезывающая Палестину на две отдельные половины, и командующая двумя покатостями страны, была во все времена полем битвы между племенами и армиями,— откуда и самое имя реки, Нахр-эль-Мукаттах, «Вода побоища». Евреи и хананеяне, сарацины и крестоносцы часто сталкивались в этой местности; во время войн первой французской республики генералы Клебер и Бонапарт нанесли там поражение турецкой армии, близ деревни Эль-Аффулех, в соседстве раздельного порога: это сражение известно под именем «битвы при горе Фаворе». Там же, говорят истолкователи Откровения св. Иоанна (Апокалипсиса), находится Армагеддонское поле, где произойдет последняя борьба на жизнь и смерть, долженствующая обеспечить евреям владычество над миром.

Длинный полу-эллиптический залив Сен-Жан-д'Акра, образующий очень красивую линию, ограничен с южной стороны высоким мысом Кармель, оконечностью горы Джебель-Мар-Элиас или «горы св. Илии». Эта цепь, состоящая преимущественно из известняков, самая правильная во всей Палестине; на юге невысокий порог отделяет ее от гор Самарии; от моря до этого перевала цепь сохраняет направление с северо-запада на юго-восток. Восточный склон круто обрывается к равнине Эздраэлон, тогда как на западе горы понижаются, со стороны Средиземного моря, длинной отлогостью. В среднем, высота хребта от трехсот до четырехсот метров; самая высокая вершина, собственно гора Кармель, в центре цепи, достигает 551 метра высоты. Большие деревья, осеняющие верхние склоны, кустарник, цветущие газоны доставили этим горам еврейское название Кармель или «Вертоград»; но около северной оконечности, единственной части цепи, посещаемой потоком путешественников, скалы, более дикия, в некоторых местах лишены зелени, и вся растительность их состоит лишь из каменных дубов и кустов, обыкновенных в восточных лесах. На скале мыса имело пребывание античное прорицалище, которое посетил Пифагор, и куда приходил император Веспасиан, чтобы просить оракула предсказать ему его судьбу. В этом месте, лежащем на границах страны ханаанской и земель иудейских, происходила, по еврейскому преданию, та борьба между Илией и пророками Ваала, которая символизирует непрерывные религиозные войны Палестины и Сирии. Над «гротом Илии», где его ученики изрекали прорицания, стоит пышный монастырь недавней постройки.

К юго-востоку от Эздраэлонской равнины, массив холмов Гильбоа, называемых арабами Джебель-Факуах, начинает собой серединную цепь Палестины, которая, за исключением нескольких неправильностей в деталях, сохраняет направление, параллельное долине Иордана и Средиземному морю; состоящая главным образом из меловых пород, которые местами пробиты выступившими наружу базальтами, эта цепь имеет однообразный рельеф, и вид гор не представляет ничего живописного, но их извилистые лощины отличаются замечательным плодородием. Гребень этих гор, совпадающий с линией водораздела, как и гора Кармель, гораздо круче наклонен своими восточными скатами, чем западными. В среднем, хребет их вдвое более удален от Средиземного моря, чем от берегов Иордана: оттого с этой стороны высоты Иудеи поднимаются в виде настоящих гор, тогда как на противоположной покатости они кажутся только холмами; между тем, в действительности они выше на своих восточных отлогостях, так как с этой стороны открывается глубокая впадина Иордана. К востоку от исторического пути морского побережья, которым следовали почти все завоеватели, массив Иудеи составлял уединенную горную массу, трудную для нападения: этим объясняется постоянный антагонизм между низменной областью Палестины, обитаемой более цивилизованными населениями, и нагорной страной, где жили грубые горцы Иудеи. В этой

верхней стране, разрезанной по бокам глубокими долинами, которые подразделяются на каменистые овраги, самый гребень представляет наиболее доступную дорогу: это в соседстве самых высоких вершин извивается исторический путь, которым следовали во все времена купцы, воины или пилигримы, и на котором выстроились значительнейшие города. Средняя высота вершин срединного хребта от 600 до 800 метров. Эвал и Гаризим две прославленные горы, господствующие над Сихемской равниной, превышают 900 метров. Самая высокая гора Иудеи, Телль-Асур, к северу от Иерусалима, достигает 1.011 метров и господствует над центральным узлом, откуда расходятся, как радиусы, во все стороны небольшие цепи. На юг от Иерусалима, некоторые вершины приближаются еще к 1.000 метров, но далее холмы мало-по-малу понижаются в направлении Синайского полуострова, и наконец теряются в изрытой оврагами плоской возвышенности Бадиет-эт-Тих, усеянной буграми и дюнами.

Заиорданские горы, как и горы собственной Палестины, образуют изрытое оврагами плоскогорье, высотой от 750 до 900 метров над уровнем Средиземного моря, только в редких местах представляющее вид настоящей цепи. На запад от верхнего Иордана, плато Джаулана, древней Гауланитиды, даже имеют подобие гор только своим западным склоном, спускающимся уступами к озеру Гуле и Тивериадскому морю. Поток Ярмук, ветви которого, уади, простираются на восток до массива Джебель-Гауран и до краевых хребтов Евфратской пустыни, ограничивает Джауланское плоскогорье, как широкий ров, затем далее снова начинается гористая область. Точно так же ручей Жабок, и южнее, на покатости Мертвого моря, Моджиб (Арнон) и его притоки разрезывают по всей их толще пояс заиорданских гор и таким образом разделяют возвышенности на неравные отрывки; кроме того, второстепенные уади изрыли глубокими оврагами скалистые массивы и разрезали их на выступы или мысы самых разнообразных форм, но верхушка которых, там и сям одетая базальтовыми лавами, издали кажется сливающейся в однообразную ровную площадь, едва превышаемую несколькими пирамидальными вершинами. К востоку от собственного Гора, то-есть долины Иордана, заключающейся между Тивериадским озером и Мертвым морем, высоты, известные под общим именем Джебель-Аджлун или Галаад, легко доступны: обращенные к реке крутые скаты их делятся на уступы из плодородной красной земли, покрытые там и сям лесками, где преобладает дуб; в дождливые годы низменности дают обильные урожаи зерновых хлебов, очень ценимых во всей Сирии. На восточной стороне Мертвого моря высоты труднее для восхождения; горы высятся крутыми стенами, и овраги уади проникают внутрь горной массы, как узкия улицы между двух отвесных стен. Растительность редка на скатах и на плоскогорьях этой области Эль-Белька, чаще обозначаемой именами обитавших там древних народов Аммон и Моав[1]. Однако, голый вид этих гор нельзя сравнивать с видом известкового массива Иудеи, на западе Мертвого моря: не только хорошо орошаемые впадины, лощины и овраги наполнены зеленеющими чащами, но даже лески дуба, терпентинного дерева, лавра растут на террасах, обращенных к влажным ветрам Средиземного моря. В среднем заиорданские горы выше гор Палестины. Массив Джебель-Оша, лежащий почти напротив Телль-Асура, имеет 1.058 метров высоты; одна вершина Моава достигает 1.170 метров, и южнее, горы, окаймляющие с восточной стороны Уед-Арабах и соединяющиеся с Мадианскими горами, превышают 1.200 метров. Между всеми этими пиками Заиорданья или Переи самый знаменитый, но не самый высокий, Джебель-Неба, на который предание указывает как на гору Нево, откуда Моисей созерцал, по ту сторону Иордана, землю, обетованную его народу, но ему запрещенную.

Горы синайской системы очень ясно отделены от массивов Палестины. Аравия Петра, называемая также Петрея (Petrea), в смысле «Каменистой», в самом деле усеяна скалами и неправильными холмами, высотой от 400 до 600 метров, которые широкими оврагами разделены на особенные массивы. В целом область, ограниченная с запада и с востока Суэзским каналом и Арабахской низменностью, образует площадь, слегка покатую к Средиземному морю и резко ограниченную с юга краевой цепью Джебель-эт-Тих, которая состоит из двух

1 Tristram, „The Land of Moab“.

гряд, встречающихся под прямым углом: этот угол гор обращен к югу, в ту же сторону, как и остроугольная оконечность полуострова, оканчивающаяся длинным узким мысом Раз-Могамед. Таким образом, окружность области Синая состоит из линий, имеющих почти геометрическую правильность, в виде наконечника стрелы. К югу от краевых гор цепи Джебель-эт-Тих, где некоторые вершины достигают почти 1.000 метров высоты, широкие уади, идущие вдоль скал, как рвы, выкопанные у подножия крепостного вала, тоже способствуют точному разграничению синайских массивов от плоскогорья Каменистой Аравии. На востоке, Уэд-эль-Айн с его тысячью разветвлениями, овраг Айн-эль-Гудерах, Уад-Несб покаты к Акабахскому заливу; на западе, другие русла временных потоков, почти всегда сухия, соединяются в песчаном поясе, называемом Деббет-эр-Рамлех, который сообщается с побережьем Красного моря узкой поперечной долиной. Южнее, другой уади, первые разветвления которого начинаются также в соседстве массива Джебель-эт-Тих, равным образом извивается на севере Синайских гор; террасы из желтоватой глины, которые с обеих сторон этого ручья опираются о скалы, до высоты 30 метров, вероятно, образовались из наносов озерного происхождения, отложившихся в предшествующий геологический период, когда Фейран еще не сообщался с Суэзским заливом[1].

Холмы побережья Красного моря, к западу от массива Джебель-эт-Тих, состоят из меловых пластов; это белые и правильные массы монотонного вида, возвышающиеся на несколько сот метров. Но первые горы, принадлежащие к Синайской группе и стоящие на юг от краевой цепи, от Суэзского залива до Акабахского, образованы из песчаников с причудливым профилем и разнообразным колоритом, группирующихся в живописные пейзажи. Южнее поднимаются граниты, гнейсы и порфиры. Однообразные по составу своих каменных пород, горы Синая не менее однообразны бесплодием своей поверхности; они поражают своей страшной наготой; их профиль обрисовывается на голубом фоне неба с отчетливостью черты, проведенной резцом на меди. Таким образом красота Синая, не имеющая никаких внешних украшений, есть красота самой скалы: кирпично-красный цвет порфира, нежно-розовый оттенок полевого шпата, светло и темно-серые цвета гнейса и сиенита, белый цвет кварца, зеленый различных кристаллов придают горам некоторое разнообразие, еще увеличиваемое синевой дали, черными тенями и игрой света, блистающего на кристаллических гранях. Жалкая растительность, показывающаяся там и сям в оврагах и на выветрившемся гнейсе склонов, своим контрастом еще более возвышает величавость форм и блеск колорита, представляемые голыми кручами; на краях временных вод в уади, кое-где растущие дроки, акации, тамариски, маленькия группы пальм не могут скрыть величавой простоты камня. Эта мощная природа, столь отличная от той, которою мы восхищаемся в влажных странах западной Европы, сильно действует на умы. Все путешественники бывают поражены при виде открывающейся их взорам грандиозной картины; бедуины, рожденные у подножия гор Синая, любят их страстно и чахнут от тоски по родине вдали от своих скал. Странное существование анахоретов, проводивших свою созерцательную жизнь в пещерах полуострова, объясняется, может быть, также красотой окружавших их гор, с которыми они не в силах были расстаться[2].

Песчаниковые скалы северного Синая, опирающиеся в некоторых местах на граниты и порфиры, очень богаты рудами железа, меди и месторождениями бирюзы, разработывать которые затруднительно по недостатку топлива и перевозочных средств; англичанин Макдональд горячо принялся-было за это дело и потратил на него несколько лет, но предприятие его не увенчалось успехом. Однако, есть одна долина, именно долина Магарах, куда бедуины приходят иногда раскапывать жилы медной руды, чтобы искать вкрапленные в них кристаллы бирюзы, которые «устраняют дурные влияния, укрепляют зрение, доставляют милость властвующих, обеспечивают победу, разгоняют дурные сны, напоминают сладости любви и

1 Lepsius, „Denkmaler aus Aegypten und Aethiopien“.

2 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

обещают возобновление их»[1]. С первых веков исторического периода египтяне запасались из Магарахской долины медью и красильными минеральными веществами[2]: там до сих пор еще видны глубокия каменоломни, длинные галлереи, груды обломков, свидетельствующие о прежней важности этих рудокопных работ; заметны даже остатки плавильных печей и даже формы, в которые выливали расплавленную медь. Но самые драгоценные следы глубокой старины—это иероглифические надписи, отчетливо сохранившиеся, которые находятся на отшлифованных стенах порфира, и которые считают древнейшими письменными памятниками египетского Востока и даже всего земного шара. На этих каменных архивах, Снефру, первый фараон, представлен наносящим удар туземцу с головой, украшенной птичьим пером. Далее, в ряду египетских царей, фигурируют также Шуфу (Хеопс), строитель большой пирамиды, и Рамзес II, отец Менефты, в царствование которого израильтяне ушли из Египетской земли: писаная история этих фараонов обнимает период времени более пятнадцати веков[3]. Близ Магараха, между высоких стен, поднимающихся на 200 метров, открывается широкая долина потока Уэд-Мокаттаб или «Долина Писания», прославившаяся своими graffiti и рисунками всякого рода, которые почти все выгравированы мало-опытными резцами; бесчисленные обделанные кремни, валяющиеся у основания скал, повидимому, служили инструментом для шлифовки изваяний[4]. Большая часть надписей составлены, кажется, на арамейском наречии, с примесью арабских слов, и полагают, что дата их может быть отнесена к последнему столетию старого летосчисления и к первым временам христианской эры[5]; Пальмер высказывает предположение, что ярмарочное поле, где собирались племена полуострова, существовало некогда в «Долине Писания». С той эпохи множество путешественников, мусульман и христиан, тоже хотели увековечить свою память, вырезывая свое имя на полированных стенах долины Уэд-Мокаттаб; только почти все надписи находятся на теневой стороне: пилигримы желают разделить бессмертие Сезостриса, не выставляя себя ослепительному свету и тропическому жару, которые отражаются стеной, обращенной на юг.

До исследований новейших путешественников, обошедших полуостров по всем направлениям и открывших истинную форму его рельефа, Синай представляли себе в виде пирамидальной горы, совершенно уединенной и возвышающейся среди обширной равнины, где могли бы расположиться лагерем целые народы. Может быть, это представление верно относительно Синая евреев, ибо не доказано несомненно, что гора «Закона» находится в южной области пустыни, и географы ищут эту гору в пустынных пространствах Эль-Ариш, в Идумее или даже в Аравии[6]: не существует никакого еврейского непрерывного предания, относящагося к горам южного полуострова, и израильтяне никогда не имели к ним особенного почтения. Как бы то ни было, массив, называемый ныне Синаем, представляет, в целом, группу гор, стоящих близко одна от другой и поднимающихся без видимого порядка над переплетающейся сетью бесчисленных уади; рассматриваемая с одной из вершин, эта область имеет вид волнующагося моря, волны которого разнообразно сталкиваются и пересекаются под влиянием противуположных и кружащихся ветров. Самая возвышенная часть, которую можно рассматривать, как центральный узел, занимает почти геометрическую середину полуострова: это—массив Джебель-Катерин, где видны следы древних ледников[7]. Одна гряда гор отделяется от узла к северо-западу, чтобы образовать массив Сербал, ограниченный долиной Уади-Фейран; на юге, другая горная группа поднимает свою главу почти вровень с массивом Джебель-Катерин; далее тянутся другие горы, постепенно понижающиеся к мысу Рас-Могамед. Вся восточная покатость занята лабиринтом высот, над которым господ-

1 Vambery, „Sittenbilder aus dem Morgenlande“.

2 Geogr Ebers, „Von Gozen zu Sinai“.

3 Lepsius, „Denkmaler aus Aegypten und Aethiopien“;—De Laborde et Linant, „Voyage dans l'Arabie Petree“.

4 Bauermann;—Palmer, „The desert of the Exodus“.

5 Georg Ebers, цитированное сочинение

6 R. Burton, „Journal of the Geographical Society“;—Beke, „Sinai in Arabia“.

7 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

ствуют группы, называемые Джебель-Фарани и Абу-Месуль. Только на юго-западе горы являются в форме правильной сиерры над каменистым, усеянным мелким булыжником, пространством, называемым по преимуществу Эль-Гаах то-есть «Равнина». Полагают, что это бывшее морское дно, постепенно приподнятое; имея около 300 метров высоты у основания гор, эта равнина понижается ровным скатом к нынешнему берегу моря, и покатость продолжается под водами Суэзского залива, средняя глубина которого по средине фарватера 75 метров. Несколько острововидных бугров, как например, «Рога козла», высятся там и сям в равнине, и, следуя вдоль побережья, параллельные хребты цепи Джебель-Габелиех выдвигаются в виде полуострова на западе севернаго залива, образуемого некогда бассейном Эль-Гаах.

Какой между различными пиками Синайских гор должен быть признан той вершиной, которая первая была почитаема христианами, как священная гора, откуда снизошли на землю слова Закона, среди блеска молний и ударов грома? В разногласии с монахами, построившими свою обитель в центре массива, подле самой высокой горы, большинство исследователей приняли гипотезу Лепсиуса, который считает истинным Синаем Сербал или «Вершину Ваала» (2.046 метров)[1]. Впрочем, развалины церквей и монастырей, виднеющиеся у северной подошвы горы, остатки города Фаран-Фоиникон или «Пальмовый Фаран», тысячи надписей, оставленных пилигримами на соседних скалах в долине «Писаных камней», свидетельствуют о святости, которую некогда приписывали этой местности. Предание изменилось только после Юстиниана, когда он велел построить крепость близ горы Джебель-Катерин, и когда в соседстве основался новый монастырь. В прежния времена арабы ходили туда совершать заклание овец и приносить пучки травы—самое драгоценное, что им дает природа[2],—но у них нет никакого предания, которое делало бы из Сербала «Престол Аллаха» или «Седалище Моисея»; их почитание направлено на небольшую вершину, лежащую на северо-востоке, Джебель-Моннейджа или «гора Беседы», которую они считают той вершиной, где Моисей беседовал с Господом[3]. Окруженный долинами уади, лежащими ниже временных потоков массива Джебель-Катерин, Сербал имеет более значительную относительную высоту, и арабы во все времена видели в нем гиганта полуострова. Во всяком случае, это—самая грандиозная гора: над предгорьями высоко поднимаются его голые стены, перерезанные пропастями и оканчивающиеся наверху гребнем, с виду неприступным и недосягаемым, разрезанным на остроконечные шпицы и пирамиды. Однако, на него можно взобраться, и со времени Бурхардта многие европейцы совершили восхождение на эту вершину. Вследствие минералогического явления, довольно редкого в граните, некоторые части Сербала изрыты естественными гротами. Кристаллы полевого шпата расположились в горной породе в виде расходящихся лучей или радиусов, и, будучи первые подвержены разрушительному действию времени, они, выветриваясь, оставляют после себя глубокия впадины, которыми и воспользовались отшельники, чтобы сделать из них себе жилища. Обыкновенно верующие смотрят на эти пещеры, как на дело рук самих пустынников, но в действительности почти вся работа исполнена тут природой. Человеку оставалось только дополнить внутреннее устройство естественных пещер нужными ему приспособлениями, высекая в камне грубые скамейки и алтари[4].

На склонах Сербала часто случается слышать сильные звуки, издаваемые кристаллическими песками, находящимися в движении. Один узкий проход этой горы, наклоненный в направлении к западу и имеющий около 15 метров в ширину, наполнен измельченными обломками кварцевых стен. Туземцы называют этот корридор Джебель-Накус или «Колокольной горой», потому что там слышен, говорят бедуины, звон колоколов монастыря—призрака, разгуливающего во внутренности Сербала. Путешественник слышит чарующие звуки, то

1 Oscar Fraas, цитированное сочинение.
2 Burckhardt, „Travels in Syria“.
3 Georg Ebers, цитированное сочинение.
4 Oscar Fraas, цитированное сочинение.

слабые, как будто отдаленная игра на флейте, то сильнее, словно звуки близкого органа. Смотря по степени солнечного зноя, влажности воздуха и земли, количеству отделяющагося от скалы песка, силе бризы, ускоряющей или замедляющей распространение звуков, музыка кажется гармоническим вздохом или ревущим голосом горы[1]. Другой Джебель-Накус (Нагус) находится в нескольких километрах от Тора, на южной оконечности цепи Джебель-Габелиях: это—тоже монастырь, гласит легенда, и колокол его регулярно каждый день звонит к вечерне[2].

Джебель-Катерин, высочайшая вершина Синайской группы (2.599 метров), поднимает уже свою гранитную макушку в область зимних изморозей; в декабре путешественник Пальмер спал там на снегу. С этой высокой обсерватории видишь у себя под ногами бесконечную дорогу, начертанную узкими долинами временных потоков или уади полуострова, и берега двух заливов; вдали показываются даже горы Африки. На востоке Ум-Алови, «Мать вершин», высится почти уединенно: не есть ли это древняя Джебель-Элохим или «Божия гора»[3]? На юге, Ум-Шомер или «Мать укропа» всего только на несколько метров ниже горы Джебель-Катерин; гора Тхебт, километрах в тридцати дальше к оконечности полуострова, есть также одна из высоких вершин синайской группы; но другие вершины гораздо ниже. Джебель-Муса или «Моисеева гора», которую монахи соседнего монастыря считают той самой вершиной, где был дан Закон евреям, поднимается только на 2.243 метра. Этот пик и его близнец—вершина Рас-Сафсафе или «Гора ивы», возвышающаяся севернее, господствуют над узкой долиной, притоком долины Уади-эд-Дейр, на краю которой группируются строения монастыря св. великомученицы Екатерины (1.530 метров), окруженные высокой

Синайскій монастырь.

1 Holland;—Holinski, рукописные заметки.

2 Charles Didier, „Visite an Grand Gherief de la Mecque“;—Palmer, „The Desert of the Exodus“.

3 Holland, „On the Peninsula of Sinai“.

каменной стеной; еще недавно внутрь монастырской ограды можно было проникнуть не иначе, как в корзине, поднимаемой на веревках. Община, защищаемая мнимым фирманом Магомета, могла держаться в течение веков под магометанским владычеством только под условием, чтобы была построена мечеть рядом с церковью[1]. Монастырь этот очень богат: его пальмовые рощи рассеяны в разных оазисах полуострова, и даже на островах Крите и Кипре он владеет значительными недвижимыми имуществами. Монахи обладали несколькими драгоценными рукописями, которые теперь находятся в Петербурге[2]. По мнению туземцев бедуинов, эти иноки держат в своих руках дождь и вёдро посредством книги Торы; священные письмена открывают или запирают водяные врата в тверди небесной[3]. Место священное для христиан и магометан, Моисеева гора есть средоточие цикла легенд, относящихся не только к законодателю евреев и к странствованиям двенадцати колен Израилевых в пустыне, но также ко всем патриархам, святым и пророкам.

Параллельные складки гор Сирии, возвышаясь к середине своего протяжения в виде двух симметрических валов, Ливана и Анти-Ливана, придали соответственную форму рекам промежуточных борозд. Длинное понижение почвы, ограничиваемое краевыми горами запада, делится на две покатости, из которых одна наклонена к северу, а другая к югу; с одной стороны текут воды Оронта, которые соединяются с водами Александретского залива; с другой, изливается Иордан, проходящий последовательно через два озера, прежде чем потеряться в Мертвом море. Вправо и влево от этой срединной впадины, параллельной берегу Средиземного моря, постоянные реки и временные потоки или уади не имеют достаточного пространства, чтобы соединиться в бассейны значительного протяжения. Реки западной покатости впадают в Средиземное море тотчас же по выходе из своих дефилеев; потоки восточной покатости иссякают при входе в пустыню. Высота Ливана и Анти-Ливана, позволяющая им задерживать на проходе влажные морские ветры, и пещеристое свойство их горных пород, в которых вода циркулирует в подземных водопроводах, объясняют наибольшее обилие рек, текущих с этих хребтов, с одной стороны к Средиземному морю, с другой к пустынным равнинам. Между сирийскими притоками моря самый значительный после Оронта,—Лейтани; с другой стороны, из всех уади наибольшее количество воды катит к восточным степям река Барада. Но обе эти реки, Лейтани и Барада, получают начало в той же области, как Оронт и Иордан. Общие черты сирийской гидрографии представляют образ креста: Оронт и Иордан составляют ствол его, а Лейтани и Барада—ветви. Невысокие пороги равнины Эль-Бекая или «Низменной Сирии» (Келе-Сирии), между Ливаном и Анти-Ливаном, образуют общий хребет страны, центр расхождения вод в разные стороны. Близ пересечения бассейнов находится, на северо-западных скатах Гермона, маленький замкнутый бассейн Кефр-кука. По мнению туземцев, скопляющаяся в этом бассейне вода дает начало одному из источников Иордана[4].

Оронт известен у сирийцев под именем Нахр-эль-Аси или «Непокорной реки», данным ему либо потому, что его «нечестивый» поток бежит в сторону, противуположную Мекке, либо по причине его крутых поворотов, либо, как говорит Абульфеда, потому, что он течет между высоких берегов, в глубоком русле, где трудно черпать воду для орошения полей и садов. Он берет начало на западном склоне Анти-Ливана, в небольшом расстоянии к северу от Бальбека; но первые его воды, доставляемыя таянием снегов, неправильны в своем стоке; туземцы видят истинный исток реки в бассейне постоянной воды, находящемся в 35 километрах ниже первых оврагов. В этом месте скала открывается в форме воронки, и из отверстия камня, окруженного мелким кустарником, вытекает значительный ручей, к которому тотчас же присоединяется верхний поток; стены скалы, господствующие над источником с

1 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“;—Lenoir, „Le Fayoum, le Sinai et Petra“.
2 Lenoir, цитированное сочинение.
3 Burckhardt, „Travels in Syria“;—Georg Ebers, „Durch Gozen zum Sinai“.
4 Michaud et Poujoulat, „Correspondance d’Orient“;—G. Rey, рукописные заметки.

южной стороны, изрыты пещерами, где будто бы жил Марон, легендарный основатель маронитской секты; оттого и самый родник получил название Магхарат-эр-Рахиб или «Вертеп отшельника». Ниже, Нахр-эль-Аси встречает много препятствий, замедляющих его течение и заставляющих воды разливаться по сторонам в виде озер и болот. Выше Гомса, он образует обширное озеро, простирающееся, в среднем, на пространстве слишком 50 квадр. километров, благодаря римской плотине[1], поднимающей уровень более, чем на 3 метра; ниже, под Гамахом, он тоже разливается в прибрежные болота, остаток другого озера, образующагося от запруды, построенной близ Апамеи, ныне Калат-эм-Медик; наконец, он огибает предгорья массива Казий и омывает стены Антиохии; но прежде чем излиться в Средиземное море, он спускается быстринами по подводным камням, остаткам порога из скал, который некогда заставлял воды течь обратно кверху и задерживал их в виде большого озера. На месте древнего внутреннего моря теперь простирается обширная затопленная равнина, высотой около 40 метров, центральная впадина которой известна под именем Ак-Дениз или «Белое море». Эта болотистая площадь, окаймленная камышами, где скрываются мириадами утки, чирки и другая водяная птица, расстилается на северо-восток, от Антиохии, у южного основания хребта Аман. Она получает несколько ручьев, из которых важнейшие суть Нахр-Африн и ленивый поток, называемый Кара-су, «Черная вода», как многие другие истоки болотистых бассейнов. Амку, как называется равнина Антиохийского озера, грозит опасность скоро превратиться в огромное болото, так как водослив озера загражден и приподнят на 4 метра двумя запрудами, построенными для ловли угрей[2]. Устье Оронта во все времена считалось северной границей Сирии: глубокая впадина, составляющая географическую границу, есть в то же время и граница рас: ни курды, ни туркмены не переходят ее; она же образует приблизительно раздельный пояс между двумя языками, арабским и турецким.

На восток от Оронта, все потоки, до евфратской покатости, принадлежат замкнутым бассейнам. Таковы река Ковеик (Куаик), берущая начало близ Аинтаба и текущая с севера на юг, теряясь, наконец, за Алеппо в болоте, размеры которого изменяются, смотря по обилию дождей и орошению, и Нахр-эль-Дахаб, река параллельная Ковеику и питающая большую *себха*. Джабуль, соляное озеро, берега которого окаймлены бахрамой из кристаллических плит. Возможно, что эти реки с замкнутым бассейном были некогда притоками Евфрата; цепь болот есть, может быть, остаток древнего речного русла, которое изгибалось к востоку, у основания небольшой цепи скал, соединялось с главной рекой в соседстве Балиса. В наши дни, наоборот,—один приток Евфрата сделался данником Алеппской реки: подземная галлерея, прорытая в тринадцатом столетии и недавно реставрированная, приносит этой реке часть вод Саджура[3].

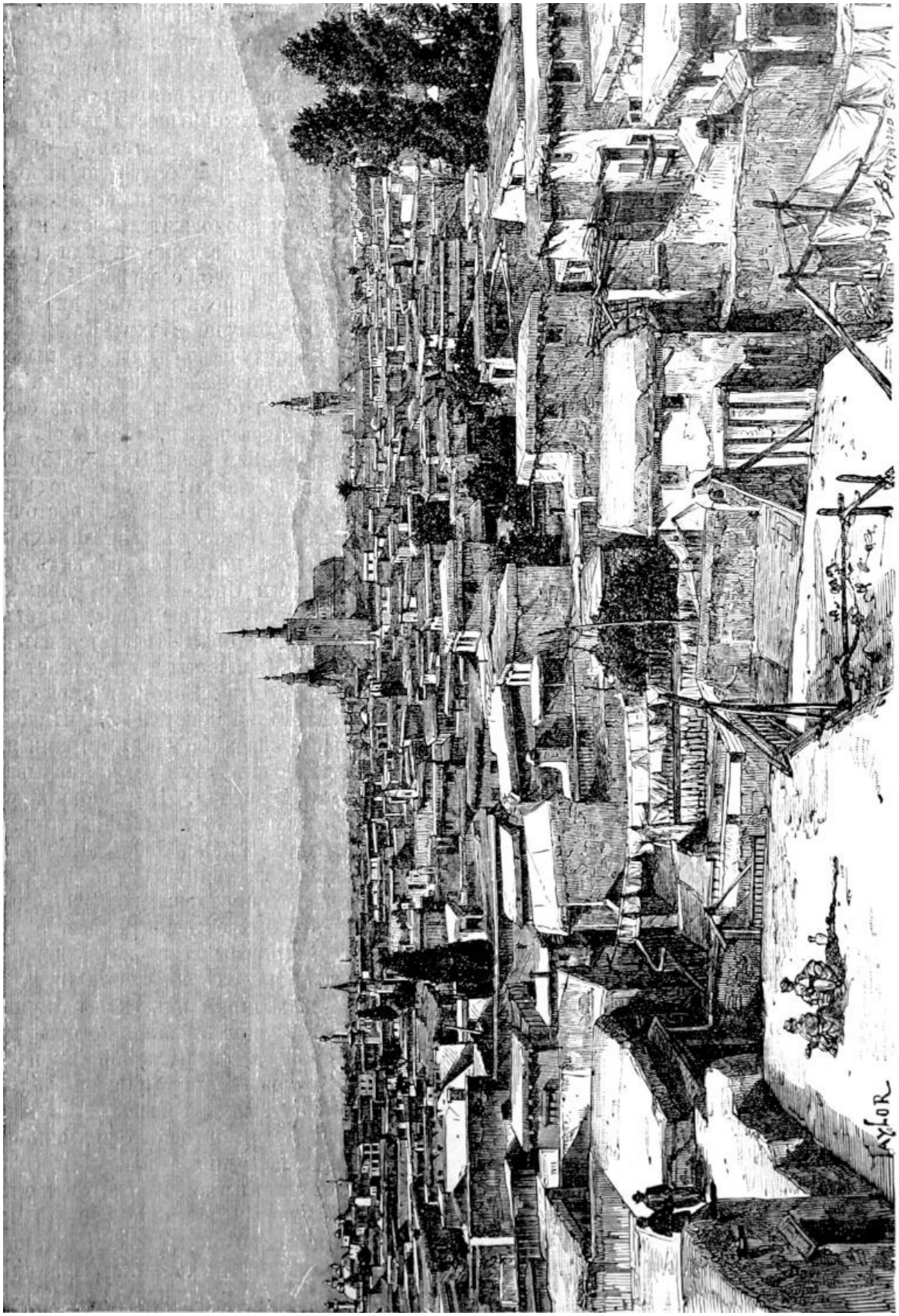
Дамасская река, в древности Хризороас или «Золотая река», тоже теряется в болотах, как и Алеппская. Образуясь из двух главных притоков, из которых один берет начало на восточной, а другой на западной стороне Джебель-Зебдани, высокого гребня Анти-Ливана, эта река вытекает из древнего озера и проходит эти горы глубокими вырезами, где слышен рев вод, часто невидимых между высоких стен. Но в глазах сирийцев этот дикий поток, спускающийся с Анти-Ливана, есть не более, как приток тихого и при том более обильного ручья, выходящего из наполненной голубой водой пропасти, глубина которой еще не измерена. Это родник Эль-Фиджех, на восточной отлогости гор: в народной географии постоянный источник всегда считается «головой или началом воды»; там воздвигались нимфеумы, и совершались религиозные празднества. Водопровод принимал ручей Фиджех и приносил его прямо в Дамаск: в наши дни чистая вода смешивается с молочной волной верхнего потока и из ущелья в ущелье спускается вместе с ней к равнине. Выше садов, она разделяется на ирригационные каналы, разветвляющиеся среди возделанных земель; затем сточные воды снова собираются в болотистых лугах. Когда несколько годов под ряд стоит сырое, дождливое

1 Conder, „Palestine Exploration fund“, july 1881;—Ernest Chantre, рукописные заметки.

2 G. Rey;—Sejourne;—Chantre, рукописные заметки.

3 См. выше.

лето, вода Барады и отведенных из неё каналов, так же, как воды реки Фарфар или Нахр-эль-Аруад, спускающейся с Гермона, разливаются обширными площадями, обозначаемыми даже именем «озер» или «морей»; но эти так называемые озера, которые доставили восточ-



Дамаскъ.

ным поэтам такия блестящие сравнения, эти «голубые сапфиры, обрамленные изумрудами», суть не что иное, как печальные равнины, попеременно то покрытые водой, то обсохшие. Обыкновенно бывает последнее. В продолжение нескольких лет под ряд путешественник не

находит там другой воды, кроме воды колодцев, выкопанных арабами. Там и сям маленькия болота показываются в ложбинах и чащах тростника, где устраивают свои логовища дикия свиньи; в других местах бывший берег обозначен только линиями тамарисков. Соляной налет покрывает почву и, смешенный с песком и обломками раковин, разносится ветром далеко по равнине[1].

На западной отлогости Ливана реки частью регулируются подземными водами, текущими под известковыми пластами гор. Так, Нахр-эль-Кебир или «Великая река» принимает в себя приток, Нахр-эль-Арус, в который впадает перемежающийся ручей, Нахр-Себти или «Река седьмого дня»: это—«Субботняя река» Иосифа. По преданию, несогласному с действительностью, этот источник, будто бы, иссякает в продолжение шести дней и течет только в седьмой день, в пятницу—по верованию мусульман, в субботу—по верованию евреев. В действительности, перемежки менее правильны, и продолжительность их изменяется, смотря по влажности или сухости года; обыкновенно течение ручья Нахр-Себти возобновляется через каждые два дня на третий[2]. К югу оттуда, «Нахр-Кадиша» или «Святая река» получает воды с высочайших вершин Ливана, с Тимаруна и Махмала: это «Райская река», и одно из селений в её бассейне носит название Эдема.

Другая полноводная река, Нахр-Ибрагим, в большей части своего течения—подземный поток. Она берет начало на восточном склоне Ливана и течет в расселинах под горой, чтобы снова появиться в виде источника на покатости Средиземного моря: явление, подобное тому, какое представляет западная Гаронна, которая образуется из тающих снегов Маладетты и низвергается в пропасть, называемую «Воловьей ямой», чтобы выступить затем на поверхность, несколькими километрами севернее и 600 метрами ниже, в виде бьющего из земли ключа, называемого «Goueil de Djoueou». Но верхний ручей Нахр-Ибрагима не постоянный поток. Пещера истока, находящаяся близ деревни Ямуне, пересыхает к концу лета и в начале осени; течение его перемежающееся; когда он появляется, что бывает почти всегда около 8 марта, вода выбрасывается из отверстия в виде «извержения»; он образует тогда большой ручей, выходящий из скалы шумным каскадом и бегущий в каменистом русле, к глубокой воронке, называемой «пропастью» или *балау*. Весной, когда таяние снегов увеличивает объем жидкой массы, скрытые галлереи оказываются недостаточно широкими, чтобы вместить всю низвергающуюся в них воду: воронка при селении Ямуне быстро выходит из берегов, и вся окружающая котловина наполняется водой: на месте каменистой, покрытой булыжником, равнины видишь озеро, имеющее от 3 до 4 километров в длину, по Борте—даже 6 километров, по Бертону и Теруитту Дреку—и 1.800 метров в ширину. Павел Лукас говорит, что озеро было недавнего образования, во время его путешествия, в семнадцатом столетии: на дне виднелись еще остатки поглощенного водами города; купаясь, он отдыхал на террасе потопленного дома и мог исследовать развалины города, который, по его словам, был «красив и хорошо построен». До 1870 года, озеро Ямуне, хотя подвергавшееся большим колебаниям уровня, никогда, говорят, не исчезало совершенно, благодаря толстым слоям грязи, покрывавшим дно впадины и залеплявшим все его щели. Когда же прибрежные жители, убрав этот ил, открыли таким образом подземные шлюзы, озеро вдруг понизилось и, наконец, совсем исчезло[3]; с тех пор оно имеет временное существование. К югу от Ямуне, другое озеро, Легмия, тоже без видимого истока, вероятно, также имеет скрытые истоки, вода которых вновь появляется в виде ключей на западной покатости Ливана. Подземные воды населены очень маленькой рыбкой, *phoxinillus Libani*, которая выливается из воронки Ямуне вместе с выходящей из берегов жидкой массой[4].

Средняя высота озера Ямуне исчисляется в 1.375 метров, а воды, вновь появляющиеся на поверхности на западе, по другую сторону массива Джебель-Мнеитри, вытекают в месте,

1 Richard Burton, «Unexplored Syria».
2 Robinson, «Physical Geography of the Holy Land».
3 Burton and Turwhitt Drake, цитированное сочинение.
4 Lortet, „Tour du Monde“, 2-e semestre 1882.

лежащем на 150 слишком метров ниже воронки, через которую они уходят. Один из источников, называемый Акурой, бьет ключем на дне обширного цирка, открывающагося непосредственно на западе от озера Ямуне; самый обильный, известный специально под именем Мара или «Пещера», берет начало гораздо южнее, в высокой долине Афка, у западного основания хребта, господствующего над озером Легмия. Ливанский Воклюз—одно из грандиозных местоположений Сирии. Вокруг источника развертывается обширный амфитеатр скал в шестьсот или семьсот метров высоты; меловые стены, почти вертикальные, представляют лишь скудную растительность кустарников, выходящих из расселин пучками, но местами скала разрезана в виде ступеней, на которых растут сосны и можжевельник: белая стена опоясана до самой вершины полукругами зелени. При основании восточной стены открывается пещера, почти четыреугольная, около 60 метров в ширину и вышину, откуда вытекает прозрачная, как хрусталь, вода, спускающаяся шумящими каскадами. Ниже старого моста, поток снова низвергается тремя водопадами, до такой степени правильными, что можно подумать, будто пласты скал высечены рукой человека[1]. Большие деревья свесились над чистой водой, где отражалась фигура Адониса, когда Венера, говорит легенда, влюбилась в молодого охотника. Река, вытекающая из пещеры Афка и впадающая в Средиземное море в 6 километрах к югу от Джебайла, древнего Библоса, так и называлась у финикиян и греков Адонисом; магометане и евреи, отвергая языческое предание, дали священной реке имя своего патриарха Авраама. Адонис превратился в Нахр-Ибрагима, храм Венеры, стоявший на мысе над источником, разрушен, но окрестные поселяне и теперь еще, в годовщины древних празднеств, привязывают лоскутки к кустам, растущим между камней. Каждый год, после сезона дождей, воды Нахр-Ибрагима, насыщенные илом, принимают красноватый цвет, и море окрашивается на далекое пространство. Эта глина была кровь Адониса, растерзанного зубом вепря. Нахр-эль-Кельб или «река собаки», называемая древними Ликус или «река волка>, изливается в море к северу от Бейрута и питает этот большой город своими водами; очень замечательный, как и Адонис, гротами, аркадами, воронкообразными впадинами своего бассейна, он вытекает из глубокой пещеры, где слышен рев вод: отсюда, может быть, и самое имя реки. Английские инженеры, перехватившие этот поток, чтобы провести его в Бейрут, проникли до расстояния 1.200 метров в подземной галлерее, оглашаемой шумом каскадов.

Леонтес, большая река, в сравнении с Адонисом, зарождается на север от Бальбека, в нескольких стах метров от первых горных ручьев, спускающихся к Оронту; но, как и для всех других сирийских рек, происхождение этой реки ищут не в верхних ручьях, часто безводных, но в главном источнике верхнего бассейна. Главный ключ, перемежающийся водомет, который считают истинным Леонтесом, или Нахр-эль-Лейтани, бьет из земли в одном ущелье Анти-Ливана, верстах в 25 к югу от Бальбека; в том месте, где этот ручей соединяется с ручьем равнины, он гораздо полноводнее последнего. Усиливаемый тысячью источников, ручьев и ручейков, которые с Ливана и Анти-Ливана посылают ему свои струи, Лейтани, который катит, средним числом, 143 кубическ. метров в минуту[2], казалось бы, должен продолжать свое течение в означенном направлении, следуя вдоль основания Анти-Ливана и его продолжения, Гермона. Вероятно, когда-то в давния времена южные воды Келе-Сирии в самом деле изливались в долину, по которой теперь протекает Иордан; но расселина в горах позволила Леонтесу перейти Ливан и направиться к Средиземному морю. Долина делается глубже и превращается в ущелье; справа и слева высятся стены гор. Под террасой, на которой расположена деревня Ягмур, пропасти, между которыми скользит пенящаяся река, имеют слишком 300 метров в глубину; каменные глыбы, упавшие с карнизов утеса, остановились на выступах стен, над бегущим внизу потоком, и образуют естественный мост, обросший кустарником[3]. За ягмурской тенистой следует ряд других ущелий; ничто не указы-

1 Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui";—de Vogue, „Revue des Deux Mondes", 15 janvier.

2 Messedaglia. „Esploratore", 1880, №3.

3 E. Robinson, „Physical Geography of the Holy Land";—„Biblical Researches".

вает трещины, где течет ручей—так хорошо соответствуют волнообразные повышения и понижения почвы того и другого склона; в некоторых местах щель так узка, что деревья, растущие на двух противуположных берегах, переплетаются своими ветвями; смельчак мог бы пройти поток по этому воздушному мосту. Грозный средневековой замок, Бофор (Beaufort) или Касгат-эш-Шукиф, вновь отстроенный во второй половине двенадцатого столетия одним сеньором из Саглетты[1], высится на вершине гребня западного утеса. В 3-х километрах ниже этой разрушенной крепости, крутой поворот реки указывает конец ущелья, перерезывающего Ливан. Нахр-эль-Лейтани, известный с этих пор под именем Нахр-Касимие или «река раздела», течет прямо на запад и изливается в море в семи или восьми километрах к северу от Тирского полуострова.

Выше этой пограничной реки, в Галилее и Палестине есть лишь небольшие потоки: самый значительный из них, не по длине течения, но по обилию водной массы—Ауджехх, который берет начало в одном болоте равнины, и после пятнадцативерстного течения достигает моря на севере от города Яффы; он переходим в брод только на небольшом числе пунктов. Некоторые подземные потоки изливаются в Средиземное море уже за чертой берега, как например, Арадские источники, которые бьют ключем на дне в порте, и которые позволяли островитянам насмехаться над усилиями врагов, надеявшихся принудить их к сдаче недостатком воды[2]. Большинство рек Палестины, спускающихся к Средиземному морю, задерживается в устьях песками, которые действием морских волн накопляются в виде дюн вдоль берега. Гонимый ветром, почти постоянно дующим с запада, песок подвигается мало-помалу к внутренности материка. На берегах собственно так называемой «Филитимоской земли», между Яффой и Газой, он подвигается вперед, средним числом, на один метр в год[3]. На юге, на границе с Египтом, пески, отбрасываемые морской зыбью и омываемые береговым течением, образовали прибрежный кордон, который отделяет от открытого моря обширную лагуну, называемую Себха-Бердауйль. Это—древнее озеро Сербонис, часто почти высыхающее, где, по мнению Бругша, совершился переход евреев, преследуемых фараоном[4]. Иордан, то-есть, на древнееврейском языке, «Поток» или «Река» по преимуществу,—единственная в свете река по глубине своей долины относительно уровня моря. Почти на всем протяжении, между болотистым бассейном «Меромских вод» и Мертвым морем, он течет по дну глубокой впадины Гхор или Хор, лежащей ниже поверхности Средиземного моря, и в южной части долины разность уровней не многим менее 400 метров. Низменность Хор составляет продолжение борозды Бекая, между Ливаном и Анти-Ливаном; но в точке соединения, обозначенной складками почвы на западе от Гермона, длинная продольная долина меняет направление: тогда как Лейтани течет с северо-востока на юго-запад, параллельно Ливану и побережью Средиземного моря, впадина Хор продолжается прямо на юг, удаляясь все более и более от берегов Палестины, которые, описывая большую правильную кривую, соединяются с берегами Египта.

Подобно другим потокам Сирии: Оронту, Леонтесу и Дамасской реке, Иордан считается получающим начало там, где обильные родники дают ему постоянное течение. Верхние ручьи, иногда катящие значительную массу воды, но часто пересыхающие, которые зарождаются в северных долинах Уади-эт-Тейма, передовой террасы Гермона, не признаются за Иордан; река начинается только близ Газбеи могучим ключом, задерживаемым плотиною на пруде. Вытекающий из пруда ручей, Нахр-эль-Гасбани, спускается на юг, вырывая себе узкое и глубокое ущелье чрез поток лавы: это—западный Иордан.

Бугор, лежащий в 25 километрах южнее, в месте соприкасания известняков и базальтов

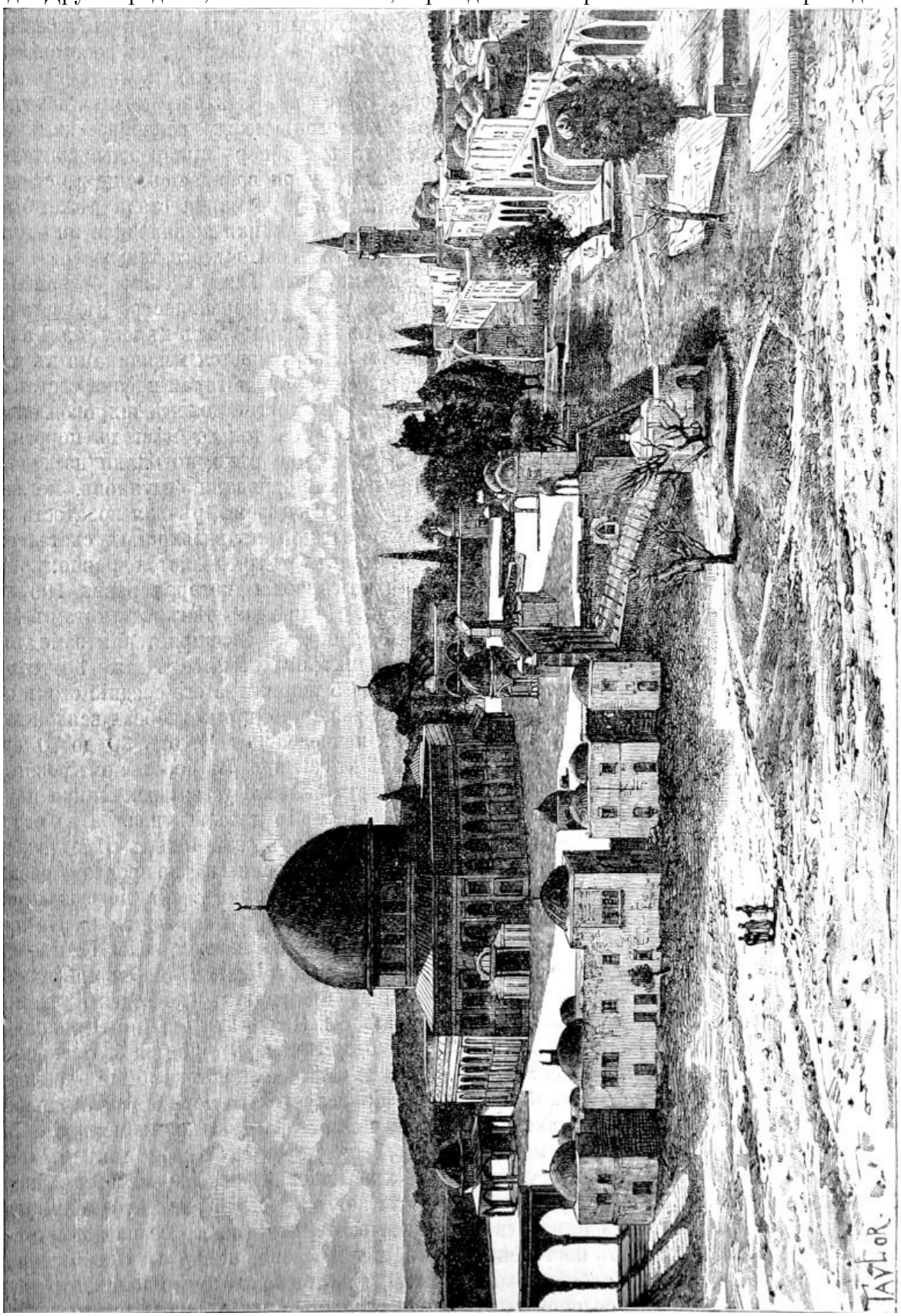
1 G. Rey, „Architecture militaire des Croises“.

2 Fellows, „Travels in Lycia“;—Gaillardot;—Renan, „Mission en Phenicie“.

3 Volney, „"Voyage en Syrie et en Egypte“;—Conder, „Tent-work in Palestine“;—Warren „Palestine Exploration fund“, april 1874.

4 G. Ebers, „Durch Gozen zum Sinai“.

Тель-эль-Кади, дает начало одному из величайших в свете ключей[1], который разливается сначала в пещере, затем спускается водопадами чрез большие камни, нагроможденные у входа. Другой родник, менее обильный, зарождается в верхней котловине и приводит в дви-



Мечеть Омара въ Іерусалимѣ.

жение колеса нескольких мельниц; эти два источника суть истоки центрального Иордана или Нахр-эль-Леддана и в то же время первые текучия воды собственно Палестины, так как

1 Robinson, цитированное сочинение.

холм Тель-эль-Кади, кажется, именно та самая высота, на которой некогда стоял город Дан, составлявший северную границу Обетованной Земли; имя Леддан, данное среднему Иордану, образовалось, без сомнения, из слова Эд-Дан или река «Дана». Наконец, третий Иордан, самый знаменитый, но не самый полноводный, берет начало на востоке в ущелье Баниас, у подошвы крутых скал, возвышающихся почти на 40 метров. Пещера, откуда изливался этот поток, частью обрушилась, и обломки обвала разделяют водную массу на тысячу пенящихся водометов которые соединяются в ручьи между берегов, окаймленных олеандрами и усеянных античными развалинами. Часовня св. Георгия сменила, после пещеры Иордана, храм Августа, которому предшествовало другое, более древнее языческое святилище.

По соединении в 8 или 10 километрах к югу от холма Тель-эль-Кади, три Иордана текут извилистой линией на юг в широкой долине и скоро исчезают в целом лесе папирусовых тростников, где исследователь Мак-Грегор открыл себе проход на барке[1]. Эти тростники занимают пояс в несколько верст шириной и продолжаются на юг неглубоким озером «Меромскими водами», называемыми ныне Бахр-эль-Гуле или «Море Гуле». По нивеллировкам английских исследователей, поверхность этого бассейна только на 2 метра выше поверхности Средиземного моря. По выходе из озера, Иордан течет сначала медленно, затем быстро катится по наклонной плоскости долины, между базальтовых стен. В 40 километрах к югу, там, где он изливается в бассейн Тивериадского озера, он уже лежит на 208 метров ниже уровня Средиземного моря, и впадина, наполняемая этим озером, залегает еще на 250 метров ниже: такова глубина, которую нашел г. Лорте, драгируя ложе озера в местах, соседних с Уади-эс-Семаком или Феркой, в северо-западной части бассейна; средняя толщина жидкого слоя около 40 метров. Тивериадское озеро, в древности море Генисаретское или Галилейское, простирается на пространстве около 1.750 кв. километров; но, исследуя его берега, без труда убеждаешься, что прежде уровень озера был выше, и что воды занимали гораздо более обширный бассейн. По всей окружности холмов, однообразных и голых, следуют одна за другой террасы, покрытые валунами, бывшие плоские берега, образованные отступлением вод. Самый высокий из этих берегов соответствует уровню Средиземного моря. Вероятно, что Тивериадское озеро некогда сообщалось с Сирийским морем через большую равнину Эздраэлон, которая и теперь еще сохранила вид морского пролива; поднятие почвы и может быть, потоки лавы, вышедшие из вулканов, находившихся как раз в соседстве порога, заперли узкий входный канал и преобразовали Тивериадский залив в замкнутый бассейн. Отделившись от соленого моря и беспрестанно обновляя свою водную массу прозрачным потоком Гермона и резервуаром воды, некогда морской, изливающим свой излишек в Мертвое море, залив постепенно превратился в пресноводный бассейн: вода только чуть-чуть отзывается еще солоноватым вкусом[2]. Между животными видами, собранными в Тивериадском озере, многие представляют переходную фауну между фауной соленых и фауной пресных вод. Одна из рыб, свойственных этому озеру—кривобочка (chromis paterfamilias), мечущая икру во впадине устья, откуда молодые рыбки выходят стаями, иногда в числе двухсот, как только подростут настолько, что в состоянии вести самостоятельную жизнь. Как в то время, когда Иисус из Назарета ходил искать своих апостолов между генисаретскими рыбарями, так и теперь прибрежные жители Галилейского моря собирают еще в свои сети мириады рыбы; но барки стали реже: бывало, что путешественники не находили ни одной; в 1880 году их было всего только три.

Регулируемые Тивериадским озером, воды Иордана, через который построен всего один мост, в 10 километрах к югу от Галилейского моря, спускаются извилинами к крутобереговой долине, которая и сама составляет углубление в другой долине, широкой впадине Хор. В двух только местах пороги прерывают течение реки; но барки исследователей, тащимые отрядами бедуинов, могли перейти их. В целом, речная покатость отличается большой правильностью; скат, около 200 метров, распределяется равномерно по всей длине течения, ко-

1 „The Rob-Roy on the Jordan“.

2 Lortet, „Academie des Sciences“, 13 sept. 1880.

торая равна 105 километрам. Но прежде, чем вступить в Мертвое море, поток расширяется и замедляется на отмелях; он не имеет даже 1 метра глубины на 75 ширины, а его средний сток исчисляется различно, притом без всякой точности в исчислениях[3], от 30 до 70 кубич. метров в секунду. В небольшом расстоянии вверх от речного устья, паломники переходят в брод Иордан и купаются в его священных водах, где Иоанн Предтеча крестил новообращенных; но предание разнится для греков и латинян: они погружаются в воду не в одном и том же месте. По преданию, воды Иордана, как и воды Ганга, слыли «нетленными»; чтобы исцелиться, прокаженные бросались семь раз в его воды. Как преобразилась бы Палестина, если бы течение этой реки, которая теперь теряется без пользы в озере, не имеющем истока, было перехвачено выше Генисаретского моря и разветвлялось на ирригационные каналы по низменности Хор!

Мертвое море, названное так в первые века христианской эры, вероятно, намеком на города, поглощенные в его глубинах, вполне заслуживает это имя по бесплодию его берегов, почти совершенному отсутствию животной жизни, тяжеловесности его волн, с трудом поднимаемых бризой, угрюмым видом обширной площади его вод, над которой часто висит густой туман. Тем не менее, ансамбль пейзажа, который созерцаешь в его берегах, не имеет того зловещего вида, который приписывает ему воображение. Крутые склоны, выступающие отвесно из голубой воды, поднимаясь последовательными уступами, смелая форма гребней, резко обрисовывающих свой профиль в небе на высоте 1.000 или 1.200 метров над поверхностью озера, разнообразие колорита, которое представляют скалы, от темно-красного цвета до ослепительной белизны, придают картине грандиозный характер, смягчаемый там и сям контрастом небольших массивов зелени, ив, акаций, тамарисков, тесно скученных вокруг источников.

Поверхность озера, изменяющаяся, смотря по обилию приносимой Иорданом воды, может быть исчислена, в среднем, в 926 квадр. километров, а высота его положения колеблется между 392 и 395 метрами ниже уровня Средиземного моря. С половины настоящего столетия уровень озера повысился: островок Риджм-эль-Бахр, близ северного берега, недавно был мысом; дорога, соединявшая его с берегом, теперь под водой[1]. Наибольшая глубина Мертвого моря, недалеко от устья ручья Зерка-Майн, близ северо-восточного берега, 399 метров[2] (по Молине, глубина в этом месте 411 метров); средняя толщина жидкого слоя около 330 метров в части бассейна, ограниченной с юга полуостровом Лизан, небольшой скалистой цепью, соединенной песчаным перешейком с Моавитским берегом. Когда воды очень низки, можно перейти в брод с полуострова на западный берег; нигде круглый залив, образующий южную оконечность озера, не имеет больше 4 метров глубины: это просто площадь наводнения, продолжающая на юг впадину, которая одна только заслуживает названия моря по своим глубинам, по движению волн и даже течений, направляющихся с севера на юг, следуя по середине бассейна, и по своим встречным течениям, идущим обратно с правой и левой стороны параллельно побережью[3]. На юге, низменность Хор продолжается большими затопленными мелями, частию покрытыми чащами тростника; у западного основания Хор простирается лес из тонкоствольных деревьев, тесно скученных, переплетающихся и взаимно обвивающихся своими колючими ветвями; в прогалинах сырая и жирная земля приносит обильные урожаи хлебов[4].

Общая вместимость озерной котловины может быть исчисляема приблизительно в 130 миллиардов кубич. метров, следовательно, в два раза превышает объем Женевского озера—бассейна, с которым большинство путешественников сравнивают замкнутое море Палестины. Подобно Тивериадскому озеру, резервуар, питаемый Иорданом, поднимался прежде на

3 См. Eugenio Falcucci, „Il mar Morto e la Pentapo li del Giordano“.

1 Conder, „Tent-work in Palestine“.

2 Lynch, „Expedition to the Dead Sea“.

3 Vignes, „Voyage d’exploration a la mer Morte“.

4 De Saulcy, „Voyage en Terre Sainte“.

гораздо более высокий уровень. На всей окружности Асфальтового озера продолжаются, на разных высотах, *сидды* или покрытые галькой террасы, очевидно, бывшие берега, заключающие раковины видов, поныне живущих в Средиземном море; на западных склонах насчитывают не менее девяти последовательных берегов, из которых главный, состоящий частию из смолистых пластов, составляет продолжение равнины Хор; самый высокий из древних берегов в точности соответствует уровню Средиземного моря. При виде этих высоких берегов естественно является мысль, что Мертвое море образовало некогда, вместе с Тивериадским озером и всей низменностью Хор, залив, соединявшийся с Средиземным морем Эздраэлонским проливом. Отделяясь с моря, озерный резервуар, быстро уменьшившийся вследствие испарения, вероятно, занимал последовательно уровни, указываемые террасообразными берегами: затем, Тивериадское озеро, оставшееся в верхней впадине, постепенно утратило соленость образованием себе истока, тогда как соляные вещества сосредоточились в съуженном бассейне, занимающем самую глубокую часть равнины Хор. Что касается южной низменности, продолжающей на юг бассейн Мертвого моря, то невероятно, чтобы она была когда-нибудь проливом, через который внутренния воды Палестины сообщались с Акабахским заливом: измерения высоты мест, произведенные г. Винем, установили тот факт, что раздельный порог поднимается на 240 метров над уровнем Красного моря, следовательно, в два раза превышает высоту Зеринского порога над поверхностью бухты Гайфа.

Если правда, что главное озеро Палестины составляло некогда часть Средиземного моря, то состав его вод значительно изменился со времени разделения. Гораздо более плотная, чем морская вода, жидкость, почерпнутая на поверхности Мертвого моря, даже в соседстве Иордана, средним числом на одну шестую тяжелее пресной воды.

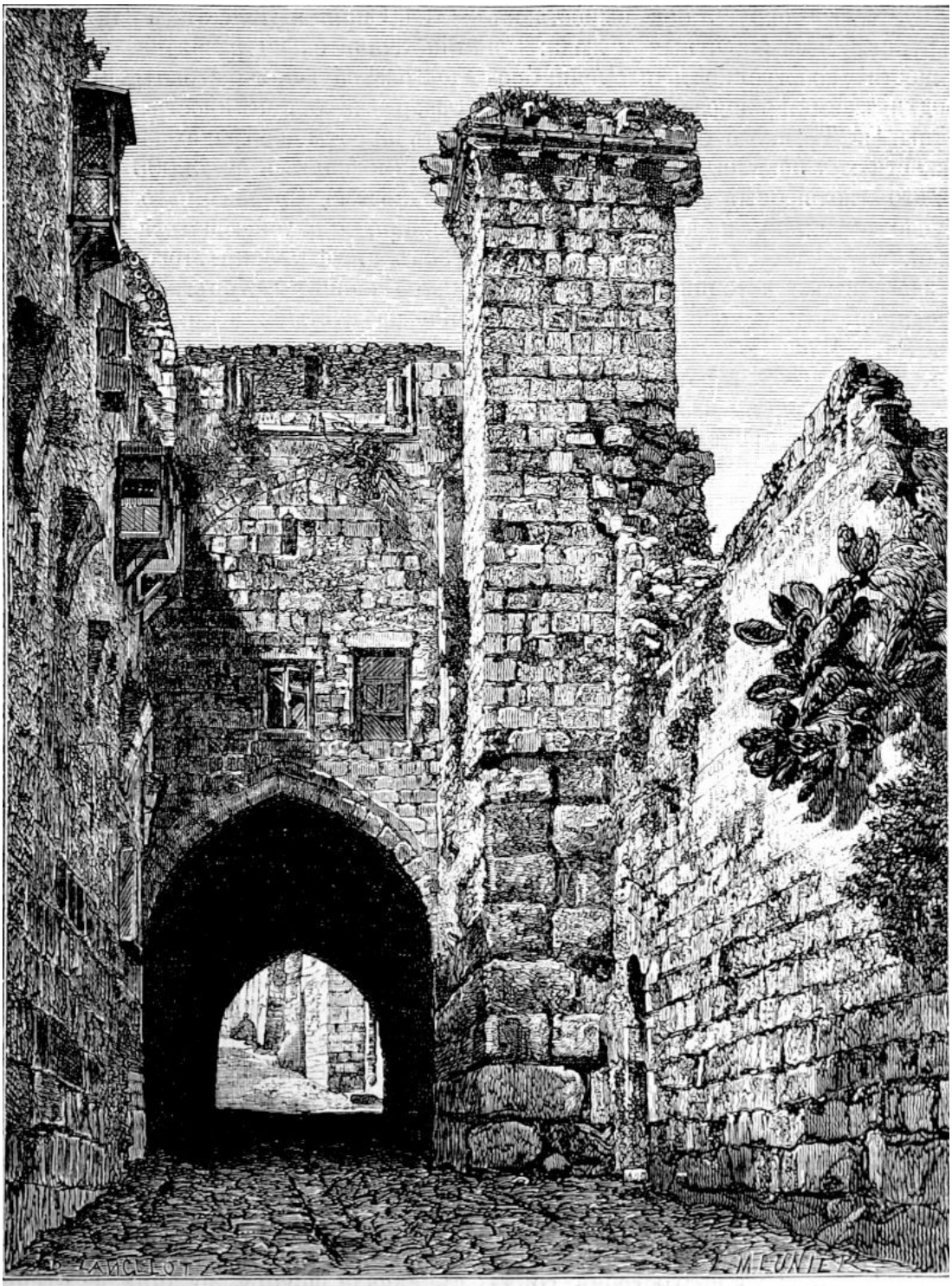
Удельный вес морской воды вообще—1.027; Средиземного моря—1.029; Красного моря—1.033; Мертвого моря на поверхности—1.162; на глубине 338 метр.—1.227; на плоских берегах, где сильное испарение—1.256[1].

Человеческое тело не погружается в волны Мертвого моря, брызги их оставляют на всех предметах легкий слой соли; не безопасно подвергаться продолжительному действию этой соленой жидкости на кожу. Вода очень близка к точке насыщения; она отлагает соленые кристаллы на берегах и едва растворяет основание утеса из каменной соли, окаймляющего юго-восточный берег. Но пропорция минеральных веществ здесь иная, чем в соседних морях: Мертвое море отличается не большим обилием морской соли, но чрезвычайным богатством хлористого и бромистого магния. Г. Ларте приписывает обилию этих солей почти полное отсутствие в бассейне рыб и других животных, обитающих в притоках. Ракообразные и насекомые, так же, как рыбы, приносимые течением Иордана, погибают, как только вступят в озеро. Одна лагуна западного берега, питаемая термальным источником, соленость которого почти так же сильна, как и соленость большого бассейна, заключает в себе множество маленьких рыбок зуботерок (cyprinodon), которых убивает погружение на несколько минут в воду озера. Таковы причины, заставившие многих геологов допустить, несмотря на существование высоких берегов, что Мертвое море никогда не сообщалось с Средиземным, и что оно образовалось независимо, падением дождей, смешанных с минеральными веществами, которые растворяются термальными водами. Если пропорция брома очень велика, то йода, кажется, совсем нет; точно также до сих пор не обнаружено присутствия фосфора, серебра, цезия, рубидия и лития. С другой стороны, г. Дьёлафе, анализируя воды Мертвого моря, пришел к тому выводу, что по общему характеру содержащихся минеральных веществ и особенно по одновременному присутствию литины и борной кислоты, бассейн Палестины представляет полнейшую аналогию с маточным рассолом наших солончаков или соляных болот, на которых вываривают соль. Таким образом вопрос остается еще открытым, но, вероятно, он будет в скором времени решен, ибо химические вещества, содержащиеся в Мертвом море, имеют высокую промышленную цену, и основательные исследования не заставят себя

1 Lynch, цитированное сочинение;—Lartet, „Exploration geologique“.

долго ждать в этой обширной лаборатории равнины Хор[1].

В числе естественных продуктов, собираемых в бассейне Мертвого моря, находятся также смолистые вещества, от которых он получил название «Асфальтового озера». Древние рассказывают, что большие плиты горной смолы плавали на поверхности, но это явление редко замечается в наши дни; оно было наблюдаемо только в 1834 и 1837 годах, во время



Остатки крѣпости Антонія въ Іерусалимѣ.

землетрясений, которые, без сомнения, отделяли эти плиты от глубоких пластов[2]. На западном берегу древние наносы тоже содержат большую пропорцию асфальта в виде толстых слоев, а к северо-западу озера находятся пласты известняка, смешанного с горной смолой;

1 Laurence Oliphant, «The Land of Gilead“.

2 Robinson, цитированное сочинение.

это так называемый «Моисеев камень», из которого вырезывают разные религиозные предметы. Нефтяные источники, существующие, вероятно, в глубинах, указывают, повидимому, на геологические формации, подобные образованиям пластов западной Персии и Месопотамии, и из этих-то формаций и просачиваются смолистые вещества. Вулканические горные породы представлены в бассейне и на окружности только в заиорданских горах; но нигде не замечено следов недавней вулканической деятельности; никакой признак не оправдывает гипотезы, еще защищаемой некоторыми учеными авторами[1], об извержении, поглотившем, будто бы, четыре тысячи лет тому назад, Содом, Гоморру и три другие города страны. Ни слоев пепла, ни потоков лавы, под которыми можно было бы искать развалин городов, не видно вокруг озера. Впрочем, до сих пор тщетно искали «проклятых городов»: местности, обозначаемые арабами как поглощенные землей города и показанные гг. Сольси и Делессеру и другим путешественникам, заключают лишь незначительные обломки. Джебель-Усдом или «Содомская гора», длинный и узкий холм, около сотни метров высотой, поднимается, совершенно уединенный в равнине прибрежья, около юго-западной части озера; он сплошь состоит из каменной соли, там и сям окрашенной в зеленый и красный цвет, и одетой на вершине слоем грязно-белой глины[2]. Шпицы, которыми усажен гребень, представляют некоторое сходство с драпированными статуями: арабы называют одну из них «женой Лота», обращенной в соляной столб, когда она оглянулась, чтобы посмотреть на объятые пламенем «города геенны». Между видами местной флоры показывают также проклятые растения, которые приносят плоды, имеющие лишь едкую пыль под заманчивой оболочкой. Таков падуб (ilex), плоды которого походят на спелые сливы; таков в особенности ластовень (asclepias), приносящий великолепные яблоки, которые лопаются с треском, точно пузыри. Эти растения встречаются однако и в других странах, кроме нижней долины Иордана: падуб принадлежит флоре Троянской области и различных провинций в Малой Азии; ластовень же растет также в Йемене и в Нубии[3].

Треугольное пространство, заключенное на юге от Палестины, между двумя заливами Красного моря, Суэзским и Акабахским, не имеет постоянных потоков: гидрографический режим представлен там лишь ключами, да извилистыми руслами уади или временных ручьев. Эль-Ариш, нижнее течение котораго образует границу между турецкой провинцией Сирией и вице-королевством Египтом, кажется, при взгляде на карту, значительной рекой, принимающей в себя воды бассейна величиной около 25.000 квадр. километров; на самом же деле это не более, как разветвление речных лож, где можно хорошо проследить течение бывших рек и ручьев, но где вода появляется только изредка, после сильных гроз с ливнем. Глядя на эти русла высохших потоков, с удивлением задаешь себе вопрос: как могли воды исполнить труд размыва, о котором свидетельствует природа, выровнять широкия долины, засыпать равнины своими наносами: но когда уади наполняется, он является непреодолимым потоком, который стремительно несется, как снежная лавина, вырывая с корнем тамариски и пальмы, унося шатры бедуинов, убегающих на высокие скалистые берега[4]. Для человека, пускающагося в путь через пустыню, струйка чистой воды, бьющая из скалы, имеет больше цены, чем все эти речные бассейны без постоянного потока, несмотря на их громадную геологическую работу, излучины, ущелья, слияния и дельты. Как показывает история израильтян, странствовавших по Синайскому полуострову в поисках за родниками, «живая» вода есть бесспорно самый источник жизни в пустыне; вокруг неё выростают деревья, группируются животные и люди: это по преимуществу собственность племени: бросать в родник камни равнозначительно объявлению войны[5]. Те, кого оживляет чистая влага, торжествуют появление её, как своего рода чудо: это «волшебный жезл» неби (пророка) расколол камень

1 Eugenio Falcucci, „Il mar Morto e la Pentapoli del Giordano“.
2 De Saulcy, „Voyage autour de la mor Morte“;—Tristram, „The Land of Moab“.
3 Seetzen, „Reisen“;—E. Robinson, цитированное сочинение.
4 Holland, „Journal of the Geographical Society“, 1868.
5 Hepworth Dixon, „The Holy Land“.

и извел воду из недр земли.

Самые знаменитые источники Каменистой Аравии—родники, называемые «Моисеевыми», по-арабски Аин-Муса, вытекающие недалеко от залива, в двадцати верстах от Суэца. Воды, бывшие прежде, по сказанию легенды, горькими, но которые пророк превратил в пресные, погрузив в них ветку, бьют ключем из вершины глинистых горок, которые они сами же и образовали своими последовательными отложениями; другие бугры, из которых самые большие возвышаются на 30 метров над равниной, покинуты водой, которая, не имея достаточного давления, чтобы подняться до этой высоты, должна была искать себе новых выходов. Немецкий путешественник Фрааст[1] приписывает работе инфузорий постепенное наростание этих курганов; по его объяснению, микроскопические животные своими бесчисленными известковыми отложениями превращают мало-по-малу песок в твердую кору, которую вода должна пробивать с усилием, разбрасывая песчинки вокруг отверстия; эта двойная работа постройки и ломки продолжается в течение веков, и таким-то образом мало-помалу вздымаются горки. Источники Моисея, слегка термальные (от 27 до 29 градусов по Цельзию), поддерживают богатую растительность в окружающих их садах, которые издали приметны мореплавателям по высоким группам пальм. Горки расположены по направлению с северо-запада на юго-восток, параллельно берегу, и как раз на продолжении этой линии бьют из земли, на Синайском полуострове, горячие серные ключи Фараона, и далее ключи Тора[2]. По преданию, место, где бьет ключем Фараонова вода, указывает тот пункт, где первый израильтянин коснулся ногою берега после перехода через Чермное море, и где исчез в волнах вождь преследовавших полчищ: призрак поглощенного морем египетского царя бьется еще в глубинах, отчего и происходят постоянные перемещения восходящего столба жидкости. Указываемая издали клубами пара, горячая вода (73 градуса по Цельзию) вылетает фонтаном из морскаго песка непосредственно под наносом открытого моря[3].

В Сирии и Палестине климатические явления значительно разнятся, по причине продолговатой формы страны, протянувшейся с севера на юг на пространстве девяти градусов широты, и больших неровностей рельефа, поднимающагося на 3.000 метров над поверхностью Средиземного моря, вершинами Ливана, и опускающагося почти на 400 метров ниже уровня этого моря глубокой впадиной равнины Хор. В то время, как сирийская пустыня и Синайский полуостров походят на Сахару своими крайностями температуры, и особенно своими жарами, некоторые долины, хорошо защищенные от северных и южных ветров и покатые к Средиземному морю, имеют морской климат с слабыми месячными вариациями.

Средняя температура в Бейруте и в Иерусалиме[4]:

Бейрут: 12°,9 Ц. (самый холодн. месяц, январь); 27°,8 Ц. (самый тепл. месяц, июль); 20°,6 (год).

Иерусалим: 8°,5 Ц. (самый холодн, месяц, январь); 24°,5 Ц. (самый тепл. месяц, июль); 17 °,2 (год).

Изотермические линии далеко не имеют нормального направления с запада на восток, как градусы широты; они, напротив, направлены таким образом, что огибают цепи гор, которые тянутся в обратном направлении, параллельно берегу Средиземного моря. В низменности Хор линии равной температуры расположены в виде концентрических овалов, следующих по окружности горных склонов; в среднем выводе, температура 6-ью градусами выше на берегах Мертвого моря, чем на Иерусалимском плато.

В Сирии только два времени года—лето и зима, которая есть в одно и то же время период холодов и дождей. В продолжение всего теплого сезона небо всегда ясно и безоблачно; дожди падают только с конца октября или с начала ноября до апреля месяца. Редко случается,

1 „Aus dem Orient“.
2 Steudner, „Mittheilungen von Petermann“, XI, 1861.
3 Holland, „Journal of the Geographical Society“, 1868.
4 Hann, „Handbuch der Climatologie“.

чтобы это суровое время года приносило снег; но указывают, однако, некоторые исключительные годы. Так в 1753 году снега покрывали большую часть Палестины, и холод был так силен, что люди замерзали в соседстве Назарета; в феврале 1797 года холмы Иерусалима оставались совершенно белыми в продолжение двенадцати или тринадцати дней; даже в половине апреля, именно в 1844 году, видели падавшие хлопья снега. Дождь почти всегда приносится западным и юго-западным ветрами. Другие воздушные течения сопровождаются засухой: особенно боятся южного и юго-восточного ветров, сирокко или шуркайе—т.е. восточный,—ветер пустыни, сжигающий и иссушающий растительность. Вид природы изменяется с дождями: весною, когда земля получила много воды, она покрывается зеленью и цветами; в стране Моавийской иногда увидишь до семидесяти цветущих растительных видов в одной и той же долине; пески исчезают под разноцветным ковром; но несколько недель спустя не приметишь больше ни одной зеленой былинки[1]. Несмотря на обилие зимних дождей, равнины и долины имеют серый цвет с первых же недель лета; нигде не увидишь зеленеющих лугов, ни другой самопроизвольной растительности, кроме колючих кустарников и деревьев. Впрочем, чернозема, собственно так называемой растительной земли, совсем нет в Палестине; почва даже самая плодородная, есть не что иное, как песок или глина с примесью известковых обломков[2]. Метеорологи задают себе вопрос: не изменился ли несколько климат сирийского побережья и Палестины с той эпохи, когда страна была вдвое или втрое гуще населена, чем в наши дни? Без всякого сомнения, средняя температура осталась почти та же, так как северный предел пояса, где созревают финики, и южная граница винограда совпадают еще на берегах Иордана[3]; следовательно, в низменности Хор температура от 21 до 21 с половиной градусов по Цельзию сохранилась в течение двадцати пяти веков. Однако, в стране с таким неровным рельефом возможно, что пределы растительных областей или поясов немного переместились в высоту, хотя летописи и не дают никаких указаний на этот факт; достаточно самого незначительного изменения высоты, чтобы произвести перемену в характере растительности, так как 200 метров повышения соответствуют увеличению широты на один градус. В прежния времена, как и в нынешнем столетии, речные воды были часто недостаточны для орошения возделанных земель; устройство водопроводов и цистерн для водоснабжения городов и ирригации полей составляло самую необходимую из общественных работ; служились одновременно молебны о ниспослании дождя, в октябре, когда обыкновенно выпадают первые ливни, и в апреле, когда ждут весенних дождей[4]; но как ни жаждали жители обильных дождей, которые принесли бы плодородие их нивам и садам, самый вид края, кажется, доказывает, что эти страны, «текущие млеком и медом», имели некогда более сырой климат. Древние писатели согласно говорят, что Палестина была покрыта лесами на большей части своего протяжения; теперь эти леса совершенно исчезли, разве только в соседстве моря, да на некоторых горных склонах, хорошо выставленных дуновению влажных ветров; единственные остатки их, находимые в других местах—это корни, которые туземцы вырывают, чтобы обратить их в уголь или в дрова. Обработанные земли простирались прежде гораздо далее нынешних пределов; даже в полной пустыне, где теперь не нашлось бы воды, необходимой для орошения, видны следы древних плантаций. Вся Палестина, ныне столь безводная и каменистая во всей южной области, была покрыта растительностью: горы были обрезаны в виде террас, подобных тем, какие мы видим в Провансе и Лигурии; от Дана до Берсебаха, даже на Синайском полуострове[5], встречаешь на всей окружности холмов развалины каменных стен, которые поддерживали землю виноградников. Если климат Сирии и Палестины изменился, если атмосфера сделалась там, как и во всей Передней Азии, менее влажной, то по крайней мере общая здоровость климата сохранилась там до сих пор; покатое положение земель облегчает сток вод и болота не обширны. Там же, где они

1 Tristram, „The Land of Moab“;—Conder, „Palestine Exploration fund“, jan. 1872.
2 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.
3 Gay Lussac et Arago, „Annales des Longitudes“, 1834.
4 Conder, „Tent-work in Palestine“.
5 Holland, „Journal of the Geographical Society“, 1868.

занимают значительное пространство, как, например, в окрестностях Антиохии, страна, опасная для жительства даже зимой, совершенно пустеет на летнее время.

Некоторые перемены, соответствующие изменению климата, произошли и в Сирийской флоре. Если финики и растут еще в Иерихоне, то в самом незначительном количестве; г. Кондер нашел только две финиковые пальмы во всем оазисе. Банан (райская смоковница), который возделывали еще в конце шестнадцатого столетия на берегах Генисаретского озера, не встречается там больше[1]. Известно, что кедр, некогда дерево, по преимуществу свойственное Ливану, представлено теперь там только редкими рощицами; порода, заменившая их в Сирийских горах, pinus bruittia, довольствуется меньшей влажностью в атмосфере, климат западной Европы им более благоприятен[2]. Растительность лесов сохранила свой первобытный вид только в некоторых частях массива Аман, которые походят на Тавр Киликийский своими высокоствольными лесами дубов и буков, кедров и сосен, из которых иные достигают 50 метров (слишком 23 сажени) в вышину. Фауна Сирии и Палестины тоже изменилась: большинство домашних животных гораздо ниже ростом, чем их сородичи на Западе или в Малой Азии. Кабаны водятся еще в чащах, и шакалы бродят вокруг деревень, но лев уже исчез; пантеры и барсы, обыкновенные в горах Аманус, стали редки на Ливане и Анти-Ливане. Медведь шатается только в пустынных местах хребта Дже-бель-эш-Шейх и других гор Сирии. Впрочем, сирийский медведь добрый малый, менее опасный для стад, чем для виноградников и полей, засеянных горохом. Сирийцы верят даже, что существует вид медведя исключительно плодоядного, никогда не трогающего пасущихся в поле овец и ягнят. В сезон сбора винограда туземцы защищают свои виноградники, ударяя в металлические сосуды, чтобы запугать медведя и его кумовей—шакала и лисицу: этот заунывный звон раздается тогда на всех культивируемых скатах гор и холмов[3].

Долгое время сомневались относительно существования в палестинской фауне крокодила, но положительное свидетельство некоторых путешественников, между прочим г. Герена, и недавняя присылка г. Зифросом в лондонский и кенигсбергский музеи чучел животного решили вопрос в утвердительном смысле. Нахр-Зерка, на юге от горы Кармель, вполне заслуживает название Flumen Crocodilum (река крокодилов), данное ей Плинием; и другие ящерицы того же вида водятся также в Нахр-эль-Фалеке, на берегах Самарии. Только эти земноводные, не имея такой реки, как Нил, где бы им можно было развиться на просторе, не походят на египетских чудовищ: это маленькие крокодилы, длиной в полтора метра. В марте они выходят из воды класть яйца, и говорят, что тогда они опасны для стад. Речная и озерная фауна Палестины представляет гораздо более египетский, чем азиатский характер. Изучая рыб Иордана и Тивериадского озера, натуралист Тристрам задавал себе вопрос: не принадлежала ли река Иудеи к бассейну Нила? Сирийские воды имеют также несколько видов, не встречающихся в других местах. Так, река Ковеик, текущая в замкнутой Алеппской долине, заключает, между семнадцатью различными формами рыб, населяющих её воды, три вида, свойственных ей одной. Низменность Хор, имеющая африканский климат, походит также на Африку и своей фауной: из 122 видов птиц, известных до сих пор в Палестине, насчитывают 58 общих Иудее и северо-западной Африке, и эти виды водятся почти исключительно в равнине Хор и на окружности Мертвого моря. Особенно замечательны прелестные маленькия розовые горлицы, сидящие на высоких ветвях деревьев.

Так называемое «арабское» население Сирии и Палестины заслуживает это наименование только по языку: оно происходит от древних обитателей страны. Завоеватели, пришедшие из Аравии, не истребили туземцев; они оставили им поля и жилища, довольствуясь получением дани и даже не требуя от них обращения в ислам. Большинство сирийцев поспешили сделаться магометанами, подобно тому, как они сделались христианами под владычеством Византии; но обращение в веру Магомета не было более глубоко, чем совершившийся

1 Ritter, „Asien“;—Delitzsch, „Wolag das Paradies?“

2 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

3 Richard Barton et Tyrwhitt Drake, „Unexplored Syria“.

за несколько веков перед тем переход из язычества в христианство. Прежде всего нужно было сохранить почву, удержать за собой землю, а новые внешния формы религии тем менее стесняли феллахов, что основа античных культов, предшествовавших даже иудейству, оставалась им по-прежнему. Как в те времена, когда еврейские пророки изрекали проклятия на обожателей высоких мест, феллахи и теперь еще поклоняются, как фетишам, большим деревьям и горкам, увенчанным высокими скалами; только им пришлось замаскировать языческий культ под формами строго-мусульманскими: святые места, обозначаемые именем «остановок для поклонения» или *макам*—едва отличающимся от названия *маком*, проклятого законом Моисея,—украшены маленькими белыми куполами, прикрывающими, говорят, могилы начальников племени или пророков. Но эти шейхи и неби, носящие по большей части имя самого места, не то ли же самое, что древние местные божества, хотя многие из них имеют новые имена, иногда даже христианского происхождения, как-то Петр, Павел, Матфей? Эти мнимые мусульманские святые часто соединяются попарно, как соединились финикийские божества: чтобы приспособить их к новой религиозной среде, достаточно было переименовать супруг в сестер. Обряды обожания те же самые, какие существовали три тысячи лет тому назад: и теперь еще совершается заклание ягнят перед гробницами святых; священная скала или верхний камень двери, при входе в гробницу, и теперь еще помазывается лавзонией; старшие в деревне исполняют перед макамом свои торжественные пляски; к растущим кругом могилы кустам привязывают лоскутки материи, как дар по обету; каждая веточка, упавшая с осеняющего гробницу священного дерева, благоговейно подбирается верующими; в макамах зажигают лампадки, и на всех окружающих холмах верхушка, откуда видно святое место, обозначена маленькой пирамидой. В пределах священной ограды гостеприимство ненарушимо, даже для неверного. Имя местного божества никогда не произносится так легкомысленно, как имя Аллаха; ничто так не редко, как лжеприсяга, принесенная на местной святыне: смерть была бы неизбежным следствием для клятвопреступника[1].

Древние ханаанские религии воздвигали также дольмены, менгиры, круги из камней. Но этого рода памятников не находят более в Иудее, где строгие блюстители закона, вероятно, разрушили их, забывая, что Моисей и Иисус Навин сами сооружали подобные памятники. В Самарии же, как полагают, отыскали следы одного из этих первобытных памятников. Английские исследователи указали несколько штук их в Галилее, «земле язычников»; один видели близ Тира, а в заиорданских горах[2] и на Синайском полуострове их открыли целыми сотнями; в один только 1881 год обследовано слишком семьсот памятников этого рода в стране Моавийской. Каждая вершина холма имела свой храм или по крайней мере груду сложенных каменных глыб. Большинство памятников состоят из грубых неотесаных камней; однако, есть и такие, которых коснулось железо. Арабы смотрят еще на дольмены, как на жертвенники, и приходят туда приветствовать восход солнца. Вокруг этих мегалитов собрали несколько наконечников стрел и множество обделанных кремней[3].

Население Палестины и Заиорданья, как и население Малой Азии, состоит из двух элементов совершенно различных, хотя живущих бок-о-бок во всей стране: из бродячих бедуинов и из феллахов, жителей деревень и городских окрестностей. В некоторых городах, представляющих скорее группы базаров и садов, как, например, Газа, увидишь стоящие один подле другого дом горожанина, барак феллаха и шатер араба. Бедуины уменьшаются в числе в стране по сю сторону Иордана: теперь едва встретишь нескольких «сынов пустыни» в прибрежной Саронской равнине; но старожилы еще помнят то время, когда разбойники переходили Иордан, чтобы грабить селения Эздраэлонской равнины. На плоскогорьях Заиорданья главные бедуинские племена—адваны, в числе около 11.000 душ, и бени-сахры или «сыны скал», менее многочисленные на одну треть, но более сильные; они называют себя переселенцами из центральной Аравии, родственными гимиарам, от которых они еще сохра-

1 Clermont Gannean, „Palestine inconnue“;—Condor, „Tent-work in Palestine“.

2 Conder, „Exploration of Palestine“;—Wilson;—Holland, etc.

3 E. Cartailhac, „L'age de la pierre en Asie“.

нили несколько слов в своем языке[1]. Бедуины Синайского полуострова, известные под общим именем товарахов или «торских арабов», говорят, может быть, с некоторым преувеличением, что их около 8.000 душ; их считают потомками амалекитян, которых евреи, по выходе из Египта, победили в Рафидиме, у подошвы горы Сервал. Очень привязанные к родному месту, товарахи всегда возвращаются на одни и те же зимния и летния становища. Женщины их, как и адванки, татуируют себе в синюю краску нижнюю губу и испещряют лицо несколькими геометрическими чертами[2]. По словам Елисеева, племена бедуинов очень различного происхождения: есть такия, которые походят на северных европейцев белокурыми волосами и голубыми глазами. Между бедуинами Палестины встретишь также алжирцев, удалившихся на Восток, чтобы избегнуть французского господства; однако, они смотрят на французских путешественников почти как на своих соотечественников, и представляются им, как люди, имеющие право на их милостыню[3]. Цыгане, известные под именем наури, тоже кочуют среди бедуинов.

Феллахи Палестины, вообще называемые *куфарами* или «деревенскими жителями», презираются арабом за их неправильный язык и еще гораздо более за их раболепие, составляющее, впрочем, необходимое следствие их образа жизни; браки между молодыми людьми этих двух групп населения—очень редкое явление. А между тем, феллахи по большей части хорошо сложены и имеют приятные черты лица; назаретские и вифлеемские женщины даже славятся своей красотой, что объясняют, справедливо или нет, смешением крови с европейскими этническими элементами. В деревнях Сирии и Палестины очень редко увидишь изуродованных или безобразных людей, но проказа еще свирепствует между феллахами, и в каждом большом городе есть особое предместье для несчастных, пожираемых этой страшной болезнью. В некоторых частях Палестины жены, уличенные в прелюбодеянии, побиваются камнями, как было две тысячи лет тому назад, и показывают пропасти, куда еще недавно несчастные были сбрасываемы старейшинами деревни[4].

Если в сельских местностях население мало изменилось, то нельзя того же сказать о городах, где водворились арабские завоеватели, потом те, которых обыкновенно называют турками и которые на самом деле суть курды, армяне или черкесы; рабство, еще не отмененное —ибо в Дамаске все еще существует невольничий рынок, где продаются африканцы—способствует скрещению населения. Раса очень смешанная, однако, она отличается характеристическими чертами. Сирийцы имеют вообще лицо правильное, но несколько широковатое, нос хорошо очерченный, хотя без тонкости, губы слегка оттопыренные; глаза, разрезанные в форме миндалины, всегда красивы, и физиономия чрезвычайно подвижная. Все путешественники согласно говорят, что сирийцы, истинно достойные своих финикийских предков, народ очень смышленый и интеллигентный; англичанин Бертон отзывается о них, как о «самой даровитой расе, какая только существует». Несмотря на долгие века тяготевшего над ними рабства, они отличаются удивительной инициативой, самодеятельностью и предприимчивостью, так же, как необычайной понятливостью и смышленостью. Их способности естественно направлены на торговлю, и уже немалое число сирийских негоциантов поселились и основали свои конторы в Марсели, в Ливерпуле, в Манчестере; их встретишь даже в Америке и в Скандинавии. Прирожденные коммерсанты, они почти не ведут разговора, который бы не вертелся на деньгах. Кроме того, почти всех сирийских «арабов» упрекают в недостатке правдолюбия. «Обман—соль человека!» говорит одна из пословиц[5], оправдывая порок плутни и надувательства, столь обыкновенный у людей угнетенных. Другой капитальный недостаток сирийцев—это их нестерпимое тщеславие: они так гордятся своим знанием, что у них нет охоты учиться больше; самодовольные, они останавливаются на полдороге,

1 Conder, „Heth and Moab“.
2 Palmer, „The Desert of the Exodus“.
3 Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui“.
4 Conder, „Tent-work in Palestine“,
5 Conder, „Tent-work in Palestine“.

гордясь тем, что ушли так далеко. Впрочем, каждый город отличается специальными признаками, нравственными особенностями своих жителей, зависящими от разнообразия скрещений и среды. Местные поговорки характеризуют эти различия, преувеличивая их: «Халеби, челеби! Шами, шуми! Алепинцы—негодя! Дамаскинцы—плуты!» Таковы эпитеты, которыми жители одного города честят жителей другого. Дамаскинцы из всех сирийцев наиболее представляют арабский тип, что объясняется их постоянными торговыми сношениями с Меккой. Арабский диалект, которым говорят в Дамаске, более чистый, чем наречие, употребляемое в остальной Сирии; но древний сирийский язык сохранился еще в некоторых соседних местечках. Алеппо находится в соседстве стран турецкого языка, а город Антиохия составляет часть глоссологической области Малой Азии.

Вдоль северного берега Сирии, от Александретского залива до Нахр-эль-Кебира, большинство жителей принадлежат к народцам носаири (малые христиане)[1] или ансариех, численность которых определяют различно, в 120.000 или в 180.000 душ; они пастухи в горах, отличные землепашцы в равнине; но живущие в открытых местностях держатся особняком от соседей и не роднятся с ними через браки; однако, они говорят арабским языком; между ними очень много блондинов, с белокурыми волосами и голубыми глазами[2]. Городские ансариехи называют себя магометанами, чтобы избежать преследования; они обрезают своих детей и исполняют на-показ обряды оффициального культа, совершая все предписанные омовения и соблюдая посты. Но у них есть свой особенный культ, смесь сабеизма (поклонение солнцу, звездам и огню) и христианства, через которое они примыкают к манихеянам: секрет, составляющий основу их религии и открываемый устно последователям, называется «тайной двух»[3]. Впрочем, различные племена или *ашаиры* не исповедуют в точности одни и те же догматы, и писатели значительно расходятся в своих рассказах, смотря по группам ансариехов, с которыми им приходилось иметь сношение. Говорят, что большинство поклоняются Богу в пяти лицах; они повергаются перед деревьями и особенно перед солнцем и луной, двумя «князьями пчел», то-есть звезд. По их понятиям, женщина есть существо поганое. «Бог, говорят они, сотворил диаволов с грехами человека, а жену с грехами диаволов». Более низкая, чем демон, женщина не имеет даже права молиться. Впрочем, она так мало уважаема другими сирийцами, что приличие требует извиниться, когда в разговоре упомянешь имя одной из этих нечистых тварей. Обычай уродовать голову детей бандажем очень распространен у ансариехов[4].

Друзы, число которых определяют различно, от 80.000 до 130.000 душ, обитают в долинах южного Ливана и на Гермоне и смешиваются с другими общинами в равнинах, окружающих их гористые крепости. Друзское население передвигается постепенно в направлении востока; во многих округах Ливана, где прежде они были очень многочисленны, теперь увидишь только отдельные семейства, тогда как Джебель-Гауран постепенно захватывается ими; их поселения граничат с степями, где они смешались с аназехами и шаммарами[5]. Лет полтораста тому назад этот вулканический массив служил убежищем только бедуинам, ныне же он населен большею частию друзами. В этой глуши, гордые горцы, еще подвластные номинально Турции, снова находят независимость, которая им дорога: у них есть пастбища, плодородные земли, вода в изобилии, здоровый климат, а древние покинутые города доставляют им сколько угодно камня для постройки хат. Подобно ансериехам, они называют себя мусульманами, но справедливо исключаются из лона ислама другими магометанами, ибо их вероучение не согласуется с кораном. Эд-дерузы, или последователи пророка Могамеда Эд-Дерази, исповедуют религию, которую большинство не в силах было бы даже изучить—так запутана её теология, так много примешивали её основатели, изощрившиеся во всех тонко-

1 Ernest Renan, „Mission de Phenicie“.
2 Blanche;—Condor, „Heth and Moab“.
3 Victor Langlois, „La Cilicie“.
4 Ernest Chantre, „Rapport sur une Mission scientifique dans l’Asie occidentale“.
5 Conder, „Fortnightly Review“, aug. 1863.

стях метафизики, к своим шиитским доктринам позаимствований из учения гностиков и маздеян. Один персидский маг основал эту секту в конце третьего столетия геджры; другой иранский маг, Гамза, резюмировал и видоизменил систему вероучения. Друзы называют себя «унитариями» или единоипостасниками, и действительно, их первый догмат есть единоличность Бога, но этот Бог, по их учению, многократно являл себя в человеческом образе. Али был одним из этих явлений, также и грозный калиф Хаким, безумие и жестокость которого до сих пор еще слывут легендарными у мусульман. Гамза, «центр круга», есть последнее из этих божеских воплощений; он был свет, а Магомет тень его, и на каждого ученика зла родился ученик добра. Между этими двумя началами, добра и зла, идет вечная борьба, война без конца, в которой друзы и бесчисленная толпа «Гога и Магога», в глубине дальнего Китая, представляют Божие воинство. Так как число душ определено от вечности, то они переходят бесконечно из тела в тело, возобновляя битву в каждом новом бытии: «душа подобна жидкости, переливаемой из сосуда в сосуд»; судьба её наперед написана, и завет избранных с Богом хранится в одной из египетских пирамид: в последний день, Хаким вручил свой меч Гамзе, для того, чтобы он доставил торжество истинной вере и распределил наказания и награды. Большая часть вероучения облечена тайной и закрыта для незнающих формулами, знаками и числами, ключем которых обладают одни только посвященные или *оккалы*. Смертная казнь угрожает тому, кто разгласил бы таинственные церемонии, совершаемые на «высоких местах» (холмах), перед священным тельцом.

Первые нравственные правила, внушаемые с детства друзам—правдивость и солидарность: они должны в отношении друг друга всегда быть искренними и доброжелательными в словах и поступках. В отношении иноплеменников им не предписывается такой же обязанности: они могут даже убивать их безнаказанно, если смерть их необходима для национального дела. Однако, друзы отличаются вообще от всех своих соседей большим прямодушием, большим достоинством в манерах, более прочной сердечностью, более простой и откровенной речью. Они вообще очень воздержны, одеваются со вкусом, но без тщеславного щегольства, скромны в разговоре и почтительно величают друг друга титулом шейхов: они считают долгом быть лучшими, так как они избранные. Нигде у восточных народов женщины не пользуются таким уважением, как у друзов; права их в браке и по владению имуществом делают их равными мужчинам; по образованию же они вообще стоят выше мужчин, так как почти все умеют по меньшей мере читать и писать и составляют часть класса «ученых» или посвященных. Семейства, строго моногамические, ограничиваются известным числом детей: обычай не позволяет богатому человеку иметь более четырех дочерей, бедному более двух; домашния заботы не должны мешать женщине заниматься своими гражданскими обязанностями и молитвами. Политическое влияние друзов переходит далеко за пределы племени; эмиры «унитариев» имеют между своими подданными крестьян различных сект, с которыми они, впрочем, обращаются с большой умеренностью. Очень храбрые, друзы не имеют перед собой, при равном числе, врагов, относительно борьбы с которыми они не могли бы быть заранее уверены в победе[1].

Между нехристианскими сектами Сирии, метуалы, живущие в Тире, в Сидоне, в равнине Келе-Сирии и в окрестных боковых долинах, заняли отдельное место своей нетерпимостью. Это—шииты, оказывающие, подобно иранским мусульманам, особенное почитание калифу Али, которого они ставят на одну степень с Пророком, или даже выше его; повсюду, куда бы ни шли, они носят с собой горсть персидской земли[2]. Они сочли бы себя осквернеными прикосновением еретика, суннита или христианина, и разбивают сосуд, который употреблял иноверец. Севернее, в горах, отделяющих Гомс от Триполи, другая секта, батенияне или измаильтяне, сохранила предания хашишимов или «убийц», сеидов «Нагорного старика», восседающего на престоле в своей крепости Аламут, в центре Эльбурса. Сирийские горы, как и

1 Silvestro de Sacy, „Expose de la religion des Druses“;—Guys, „La nation druse, son histoire et sa religion“;—H. Petermann, „Reisen in Orient“;—Wolf. „Die Drusen und ihre Vorlaufer“.

2 Conder, „Fortnightly Review“, aug. 1883.

горы Курдистана и Армении, были убежищем всем преследуемым религиям. На более или менее ровных пространствах равнины и плоской возвышенности господствует единство веры; напротив, в гористых местностях неровности рельефа защищали и поддерживали разнообразие культов.

Мароните, входящие ныне в состав латинской церкви, несмотря на первоначальное различие их догматов и обрядностей, принадлежат к числу христиан, которых кручи гор предохранили от истребления. Крепко сплоченные в одну нацию, они обитают преимущественно на западной покатости Ливана, между Нахр-эль-Кельб, или «Собачьей рекой», впадающей в море немного севернее Бейрута, и Нахр-эль-Барид или «Холодной рекой», текущей с северных предгорий Ливана; несколько групп маронитов живут также в стране ансариехов и в городах равнины, где они находят для себя точку опоры в католических общинах; наконец, на острове Кипре существуют еще слабые остатки их древних колоний. Названные так по имени патриарха Марона, устроившего их церковь в седьмом столетии после Р. Х., мароните сделались во времена крестовых походов естественными союзниками западных европейцев против магометан и мало-по-малу видоизменили свое вероучение, чтобы привести его в согласие с учением иноземцев, которых они сопровождали на полях битв; в 1215 году они признали авторитет папы, и с этой поры на них смотрят, как на состоящих под специальным покровительством католиком Запада; некоторые семейства горцев носят даже европейские фамилии, что дает повод думать, что в эпоху крестовых походов бывали случаи смешивания франков с этим ливанским народцем[1]. Мароните с гордостью показывают две грамоты Людовика XIV и Людовика XV, которые обещают им постоянную поддержку Франции, и в течение настоящего столетия на них всегда смотрели, как на «ливанских французов». Отсюда чрезвычайная важность, которую получил вопрос о маронитах в борьбе дипломатических влияний на Востоке. В силу трактатов, ливанский паша должен исповедывать христианскую религию—религию большинства горцев. Так как Франция покровительствует маронитам, то Англия взяла под свой патронат друзов, и местная рознь, разжигаемая иностранными резидентами и самими мусульманскими пашами, счастливыми тем, что могут сеять раздор, чтобы тем вернее властвовать, перешла, наконец, в открытую войну и резню. В 1860 году тринадцать тысяч христиан были перебиты в Ливане и в соседних странах. Обвиняли друзов в этих поголовных истреблениях, но они принимали в них лишь слабое участие; главные виновники были турецкие солдаты, регулярные и иррегулярные[2]. Хотя многочисленные и защищенные крутыми откосами своих естественных крепостей, мароните не дерзали сопротивляться, и спокойствие было восстановлено только после посылки французской экспедиции. Привлекаемые на места побоища грудами трупов, худо погребенных, дикие звери, барсы, гиены и волки снова овладели страной, и еще долгое время после кровавой сечи опасно было путешествовать без эскорта[3].

Духовенство в большой силе в маронитской земле: более четверти страны принадлежит церкви; по меньшей мере двести монастырей, обыкновенно расположенных попарно, мужской рядом с женским, рассеяны в долинах Ливана, окруженные орешниками и другими развесистыми деревьями, господствующими над террасами виноградников и плодородными равнинами. Священники женятся, но, овдовев, уже не могут вступать во второй брак; они выбираются монахами, так же, как и епископы, которые, в свою очередь, назначают из своей среды патриарха или батрака, под условием утверждения выбора папой. Богослужение совершается на древне-сирийском языке, непонятном ни верующим, ни самим священнослужителям. Между маронитами очень многие выучиваются французскому языку и свободно говорят на нем, но редко изучают литературу этого языка, так как их честолюбие обыкновенно не заходит дальше должности драгомана или конторщика. Те из них, которые занимаются торговлей, вообще ведут дело без духа предприимчивости и ограничиваются мелочным

1 Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient“.
2 Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui“.
3 Van Lennop, „Bible Lands“.

торгом. Масса населения осталась верна наследственному и рутинному труду возделывания виноградных полей и фруктовых садов: ему недостает инициативы. Иностранные мастера и художники, по большей части греки, строят и украшают его здания; построенное маронитом обыкновенно тяжеловесно и некрасиво. Костюм его менее щеголеват и наряден, чем костюм его соседей, арабов и друзов[1]. Однако, средневековое маронитское искусство оставило несколько зданий оригинального стиля, украшенных живописью и фресками. Маронитские ткачи в Зук-Микаиле выделывают прекрасные штофные обои, а золотых и серебряных дел мастера того края, сохранившие способы финикийского и греческого искусства, делают очень ценимые украшения из золота и серебра, отличающиеся большим художественным достоинством[2].

Другие католики-униаты живут в соседстве пустыни, к югу и к западу от Дамаска, и эти христиане чистой арабской расы. Переселившиеся из Йемена задолго до начала христианской эры и усиленные впоследствии колонистами из Геджаса и Неджеда, эти «арабы-арабы», как они называют себя, чтобы тем засвидетельствовать свое незапятнанное происхождение, обратились в христианство около четвертого столетия, и с принятием нового культа получили имя «греков»; после арабского завоевания, некоторое число их сохранили свою религию, но господство православных в конце-концов показалось им тягостным, и тогда, из любви к независимости, они подчинились отдаленному владыке, папе римскому, который позволил им иметь свою собственную иерархию и заменить в богослужении греческий язык арабским; их называют греко-униатами, хотя они не связаны с эллинами ни происхождением, ни вероисповеданием. Они называются также мелькитами или «царственными»; их духовный глава, имеющий пребывание в Дамаске, принимает титул патриарха антиохийского, александрийского и иерусалимского. Из всех христиан Азии, латинян и греков, арабы-мелькиты пользуются наибольшим уважением; храбрость их выше всякого испытания; их природный ум развит образованием; они превосходно знают свой язык, и даже те, которые не изучали его литературы, говорят изящным и чистым арабским диалектом. Исполненные совершенно справедливой самоуверенности, они не отступают ни перед каким предприятием, и нельзя не удивляться, какое огромное участие такой маленький народ, численность которого наверное не достигает и 100.000 душ, принимает в ведении больших дел[3].

Евреи—чужеземцы в стране, которая принадлежала их предкам, и которую они считают своим отечеством; только в Дамаске они составляют общину, которая, кажется, происходит по прямой линии от древней колонии; из 6 миллионов евреев едва 40.000, следовательно, около ста пятидесятой части нации, имеют пребывание в своей первоначальной родине: теперь средоточием еврейства сделались Польша и Галиция. Недавно палестинские иудеи все были мограбины или «спаниолы», потомки сынов Израиля, изгнанных из Испании инквизицией: это сефардим или «люди книги». Караимы также живут в небольшом числе в Палестине. Но с половины настоящего столетия еврейские переселенцы толпой направляются к «Обетованной земле», и эти выходцы принадлежат почти все к другой группе ашкиназим или восточно-европейских жидов. В сороковых годах насчитывали уже ежегодно около сотни евреев, которые, чувствуя приближение смерти, покидали Россию, чтобы идти угасать в Палестине. В то время было общераспространенное верование, что в день страшного суда мертвые, погребенные в «Святой земле», немедленно воскреснут, тогда как все другие должны будут прорывать себе, как кроты, подземный проход до священного места, где их вызовет трубный глас[4]. По талмудическому преданию, принимаемому евреями немецкими, польскими, русскими и румынскими, Мессия, по пришествии на землю, установит свой престол в Сафеде: это и было причиной, побудившей главную еврейскую колонию поселиться у осно-

1 G. Palgrave, „Essays on Eastern Questions“.
2 G. Key, рукописные заметки.
3 G. Palgrave, цитированное сочинение.
4 J. G. Kohl, „Reisen in Sud-Russland“;—См. также „Voyages“ de Chardin.

вания древнего вулкана[1]. Тивериада, где возродится Мессия, тоже получила многочисленных колонистов, которые «всегда держат свой светильник зажженным», и тысячи поселенцев сгруппировались вокруг храма иерусалимского. Недавния преследования, которым подверглись евреи в восточной Европе, ускорили эмиграционное движение к Иудее, и многие земледельческие колонии были основаны в стране, особенно у подошвы горы Кармель, в равнине Эздраэлон; английские филантропы также принимали живое участие в этом деле и добились того, что им были уступлены для еврейских колонистов великолепные земли страны Галаад или Гилаад, в Заиорданье[2]. Дебюты этих колонизационных предприятий были плачевны: голод, нужда, болезни унесли в могилу более, чем десятого из несчастных беглецов; в некоторых местах они принуждены были разбрестись в разные стороны, чтобы прошением милостыни поддерживать свое жалкое существование; несколько партий этих горемык были посажены обратно на суда, по приказанию турецкого правительства. Тем не менее, массовая иммиграция, без сомнения, будет иметь следствием увеличение важности еврейского элемента в Палестине. Сефардимы, которым до недавнего времени обязательно было носить черный тюрбан, отличаются благородством осанки, красотой и правильностью черт лица; но более рутинные, менее деятельные, менее образованные, чем ашкиназимы, они обречены на участь пролетариев еврейской нации.

Арена борьбы между различными христианскими вероисповеданиями, оспаривающими друг у друга право обладания Гробом Господним, земля древних израильтян получила не только многочисленных миссионеров, но также колонии европейских земледельцев. Самые богатые—это колонии швабских протестантов, поселившихся близ Яффы и в Хайфе, у подошвы горы Кармель; эти колонисты принадлежат к секте «храмовников», которая ожидает пришествия Мессии и хочет первой ответить на его призыв в день страшного суда. После различных перипетий, их поселения, поддерживаемые добровольными вспомоществованиями, присылаемыми из метрополии, получили некоторую важность, как промышленные и торговые центры, откуда дороги расходятся в разные стороны к окрестным местностям; эти поселения утрачивают мало-по-малу свой религиозный характер, чтобы превратиться в экономические предприятия, и многие колонисты работают для самих себя вне общины. Спекулянты, греки и европейцы, завладевают, в форме концессий, обширными территориями в самых плодородных местностях; один купец получил на свою долю половину равнины Эздраэлон, с двадцатью деревнями; земельная собственность переходит из рук в руки, к великому ущербу феллахов; старые общины, в которых каждый имел по крайней мере действительное право на владение землей, и где *штора* (участок) неспособного к работе обрабатывался его однообщественниками[3], перестали существовать. Нужда увеличивается в сельских округах; деревни обезлюдниваются, число туземцев в них уменьшается, тогда как в городах иностранные колонии возрастают. Голодовки часто опустошают страну. Сколько раз крестьяне, за недостатком хлеба, принуждены были питаться зернами мальвы, сваренными в деревянном масле или в молоке!

Народонаселение Сирии и Палестины по вероисповеданиям, в приблизительных числах:

Мусульман: суннитов—650.000; метуалов—40.000; друзов—120.000; ансариехов—150.000; греков православных—100.000.

Римско-католиков: маронитов—200.000; мелькитов—80.000; сирийцев-униатов и других—40.000; армян—20.000; евреев и самаритян—40.000; протестантов разных сект—10.000.

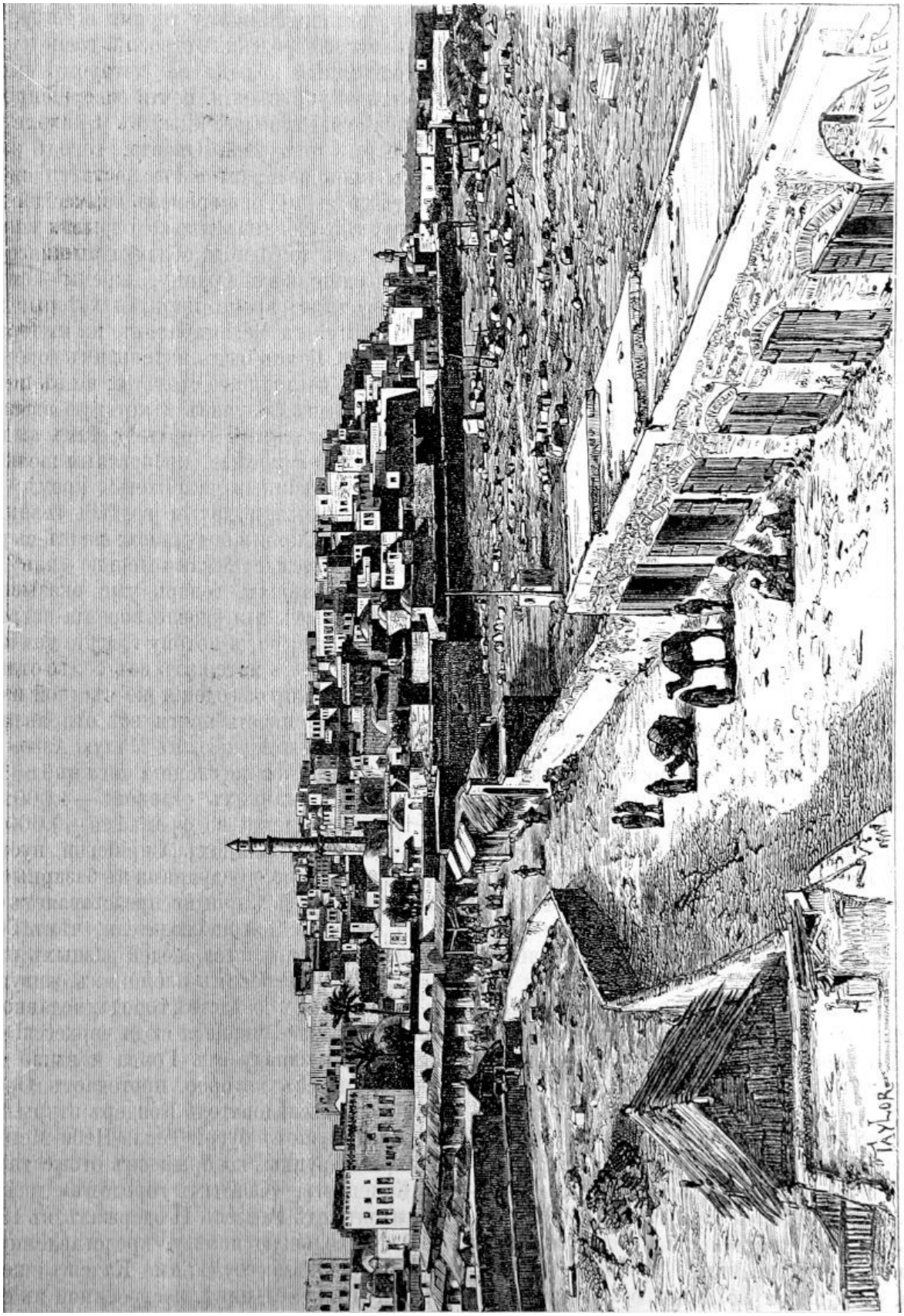
Страна горной цепи Аман есть та область побережья Средиземного моря, между Малой Азией и Египтом, в которой сравнительно всего больше убавилось народонаселения, и где городские поселения наиболее удалены одно от другого. Древний город Исс (Issus), где Александр Македонский одержал победу, не существует более, и даже не знают, которые между многочисленными руинами следует признать за развалины греческого города. Искан-

1 De Vogue, „Revue des Deux Mondes“, fevrier 1875.

2 Laurence Oliphant, „The Land of Gilaad“.

3 Conder, „Tent-work in Palestine“.

дерум или Александретта, «Малая Александрия», частию покидается жителями на летнее время: болота, которыми он окружен и миазмы которых пытались задержать шпалерами тополей[1], заражают атмосферу и делают ее убийственной для европейцев: когда настает сезон



Яффа.

жаров, европейские резиденты удаляются в живописный город Бейлан, построенный на высоте 500 метров, на полускате горы, огибаемой прелестной долиной, через которую проходит

1 Kotschy, „Petermann's Mittlieilungen“, 1865, № XL

водопровод с двумя рядами аркад. Необходимо было бы ассенизировать александретский порт, занимающий самое благоприятное положение для того, чтобы сделаться исходной точкой железной дороги, соединяющей Евфрат с Кипрским морем; ветры, спускающиеся с соседних гор, иногда с яростью низвергаются в рейд; при всем том он представляет наименее опасное пристанище для судов на сирийском берегу, и негоцианты выбрали его предпочтительно перед другими гаванями для отправки хлеба, получаемого из плодородных сельских округов, заключающихся между Тавром, Евфратом и Оронтом: десять тысяч верблюдов постоянно ходят навьюченные, взад и вперед между Алеппо и Александреттой (ценность отпускной торговли александретского порта в 1882 году: 31.250.000 франков; движение судоходства: 130.000 тонн). Правда, что горный вал Амана отделяет александретский берег от равнин по течению Оронта, но железная дорога из Алеппо, проходя туннелем под Бейланским перевалом (выс. 686 метр.), имела бы над селевкийской линией то преимущество, что она была бы короче. Один из железнодорожных мостов проектированного пути проходил бы через «Чортов овраг», на высоте 167 метров над бегущим по дну ущелья потоком. В равнине Амка этот путь должен бы был раздвоиться, и одна ветвь его пошла бы к Аинтабу через город Киллис, окруженный масличными рощами.

Алеппо или Халеб, промежуточная станция караванов между Александретским заливом и Евфратом, есть один из больших городов турецкой Азии, благодаря своему положению в центре соединения дорог; сверх того, он пользуется той привилегией, что имеет проточные воды; широкий пояс возделанных земель окаймляет оба берега реки Ковеик; алеппские садоводы имели прежде почти монополию вывоза фисташек[1]. Алеппо, древняя Берея, сама сменившая еще более древний город, название которого, Халебон или Халебо, возродилось в Алеппо, во все времена имел важное значение, как складочное место товаров: до открытия мыса Доброй Надежды и морского пути в Индию, он был в числи важнейших торговых городов земного шара. Еще очень многолюдный в начале настоящего столетия, он потерял в один день, во время землетрясения 1822 года, больше половины жителей. С этой роковой эпохи город не оправился вполне; он даже стал склоняться к упадку после открытия Суэзского канала, который отвлек к себе часть его торговли. Алеппо, «Пестрый» (намек на его разношерстное население), принял эмигрантов всех рас и всех религий: две трети его населения состоят из мусульман арабского языка, но христиане, армяне и другие, евреи, ансариехи, друзы там очень многочисленны, особенно в предместьях; сотни черкесов, изгнанных из Болгарии, тоже нашли там убежище. Собственно город, заключенный в ограде, около 6 километров в окружности, перерезан узкими улицами, из которых иные совершенно прикрыты сводом, образуемым сходящимися выступами противоположных домов. В центре всех городских строений, базаров, караван-сараев для купцов и погонщиков верблюдов, мечетей с куполами и минаретами, домов с решетчатыми окнами и нависшими выступами, высится искусственный холмик, высотой около 60 метров, откосы которого, очень крутые, обшиты правильной настилкой из больших камней; на этом холме стоит крепость, выдержавшая осаду крестоносцев в 1124 году. Разрушенная временем и землетрясениями, алеппская цитадель не представляет теперь никакой стратегической цели, но она все еще имеет величественный вид, с её широкими четыреугольными башнями, потернами (подземными выходами из крепости), угловыми башенками и бастионами. Укрепленные казармы, построенные за городом Ибрагимом-пашей, победителем Низибаским, заменили алеппский замок, как оборонительный верк: в них можно поместить до 10.000 человек. В истории медицины сирийский город хорошо известен накожной болезнью, называемой «алеппским бутоном» (прыщи). Впрочем, эта болезнь, которой избегают только немногие из жителей, как туземцев, так и иностранцев, и которая поражает даже собак и кошек, не есть недуг, исключительно свойственный городу, от которого он получил название: мы находим его также в Орфе, в Багдаде, во многих других городах Востока, и особенно в южной Персии.

Главный город в верхнем бассейне Оронта—древний Эмесс, название которого измени-

1 Olivier, „Voyage dans l'Empire Ottoman“;—Yolney, „Voyage en Egypte et en Syrie“.

лось теперь в Гомс. Как и Алеппо, этот город создан торговлей; в этом месте пересекаются естественные торговые пути,—дорога, следующая по течению Оронта, и поперечная дорога, соединяющая Средиземное море с Пальмирским оазисом и с Евфратом через долину реки Нахр-эль-Кебир; брешь, образующая долину этой реки между массивами Амана и цепью Ливана, указывает направление будущей железной дороги между портом Триполи и бассейном Евфрата[1]. В осенний месяц, после сбора плодов, слишком 10.000 верблюдов приходят по триполийской дороге[2]. В Гомсе, как в Алеппо, и почти во всех других городах Сирии, лежащих между горами и Евфратом, над массой городских строений господствует искусственный холм, на котором высятся старинные укрепления, почти совершенно развалившиеся. Расположенный в 4 километрах к востоку от реки Оронта, город заключает лишь незначительные остатки средневековых зданий; от времен языческой древности он сохранил только отрывки колонн и не имеет ни одного обломка пышного храма, посвященного Солнцу, жрецы которого были в то же время цари, и которые всходили вместе с Гелиогабалом на императорский трон. Гомс был маленьким городком в начале настоящего столетия; но в последнее время он получил некоторую важность, как промышленный город[3]; там выделывают, как и прежде, прекрасные шелковые материи, затканные золотом; кроме того, ткут бумажные и другие грубые ткани, для потребления Сирии и бедуинов; шелк-сырец, ввозимый прежде исключительно из гор Джебель-Ансариех, теперь уже оказывается недостаточным для удовлетворения потребностей производства, и потому гомские ткачи выписывают этот материал из более отдаленных стран; произведения же местной шелковой промышленности почти все отправляются в Египет, в Аравию, в Малую Азию.

Промышленное население Гомса в 1883 г.—12.000 лиц; ткацких станков—4.000; ценность произведений во франках—9.000.000. Лежащий на границах Сирийской пустыни, Гомс наводняется бедуинами в базарные дни; ни один город Сирии не представляет большего интереса для наблюдателя, чем Гомс, собранием множества людей разных рас и религий. К арабским племенам, живущим в палатках в соседстве города, недавно прибавились переселившиеся сюда черкесские кланы. К юго-западу от Гомса и выше озера Кадес, через которое протекает Оронт, английский исследователь Кондер открыл, на островообразном бугре Телль-Неби-Мендех, обширные руины, которые он отожествляет с Кадешем, «Святым городом» древних гиттитов, где Рамзес II одержал, в 1361 г. до Р. Х., большую победу, представленную в фиванском Рамессеуме; имя Кадеш еще применяется к мельнице, построенной в соседстве пригорка. Мраморы античных храмов и саркофагов были недавно разбиты и употреблены как материал для постройки сахароваренного завода[4]. Неподалеку оттуда находится пропасть, из которой бьет ключ: по мусульманскому преданию, отсюда хлынули воды всемирного потопа; на один четырехсторонний курган, возвышающийся на берегу озера, указывают как на Ноев ковчег[5].

Гамах, построенный в 46 километрах к северу от Гомса, на обоих берегах Оронта,—тоже город древнего происхождения; нынешнее его название едва разнится от того, которое он носил четыре тысячи лет назад, в ту эпоху, когда израильтяне вступили в Обетованную землю. Это очень красивый город; наблюдаемый с высот, он кажется разделенным на несколько городков садами и рощами фруктовых деревьев, извивающимися в виде зеленеющих проливов между рядами белых домов; с берегов Оронта он имеет еще более живописный вид, благодаря усеянным цветами террасам берега и огромным колесам водоподъемных машин (нория), из которых иные имеют 68 метров в окружности; так как Нахр-эль-Ази (Оронт) течет между высоких берегов, то надо было прибегнуть к этим громоздким машинам, чтобы поднимать воду «Непокорной реки» до уровня садов. Вверх и вниз по течению средняя вы-

1 V. Lovett Cameron, „Our futur Highway“.
2 Savoye, „Bulletin consulate francais“, 8-e fascicule, 1883.
3 Seetzen, „Reisen durch Syrien, Palastina“, etc.
4 Tawnsley, „Palestine Exploration Fund“, april 1881.
5 Кондор, „Heth and Moab“.

сота берегов над речным ложем от 60 до 70 метров; оттого искусственное орошение очень затруднительно, и прибрежные жители по большей части ограничиваются обработкой *зоров* или «узких полос», то-есть поясов низкой почвы, которые тянутся вдоль реки под береговыми утесами, и которые имеют, в некоторых местах, до полверсты в ширину. Эти наносные земли, необычайно плодородные, производят овощи всякого рода, особенно лук, хлопчатник, кунжут; поля верхней долины, до самых пределов пустыни, засеваются пшеницей и ячменем, и собираемый хлеб, превосходного качества, разбирается нарасхват экспортерами. Промышленность Гамаха, уступающая размерами промышленности Гомса, состоит главным образом в выделке шелковых и бумажных материй; около 3.000 ткачей занимаются этим

Древняя гробница въ Данѣ.

производством, которое представляет годовую ценность около миллиона франков[1]. Гамах прославился в истории эпиграфии надписями, которые открыл Бурхардт в 1812 году на глыбах базальта, вставленных в стенах базара; теперь они находятся в константинопольском музее. Последующие находки, сделанные в разных частях Сирии и Малой Азии, привели к убеждению, что эти иероглифические надписи, еще не разобранные, принадлежали народу гиттитов, святой город которых, Кадеш, находился южнее, близ озера Кадес[2]. Два городка, прежде укрепленные, Массиад и Кадмус, стоящие на выступах или мысах Ансариехских гор, к юго-зададу от Гамаха, замечательны как религиозные центры секты «убийц».

На север от Гамаха население становится все реже и реже в долине, где нездоровые болота чередуются с трудно доступными ущельями. Дороги из Алеппо проходят к востоку от кра-

1 Savoye, цитированный мемуар.

2 Richard Burton and Tyrwhitt Drake, „Unexplored Syria“.

евых гор Оронта, по неровному, немного бугроватому плоскогорью, средняя высота которого от 350 до 400 метров; местечки, окруженные полями, засеянными зерновыми хлебами, возникли в этапных пунктах. Марах-эн-Ноаман, Сермин, Риха заслуживают даже названия городов; Эдлип или Идлиб—цветущий город, окруженный богатыми плантациями, нивами и садами и имеющий большие мыловаренные заводы и ткацкия мастерские. Эта область Сирии одна из замечательнейших своими остатками христианского зодчества первых веков нашей эры. Эль-Барах, лежащий в самом сердце гор, к юго-востоку от Рихи, можно назвать азиатской Помпеей: так хорошо сохранились его здания, церкви, виллы и гробницы; некоторые из частных домов имеют еще комнаты, окна, потолки и крыши, и надписи видны совершенно отчетливо; двери сделаны из цельных плит, вращающихся на каменных петлях[1]. Дана, на дороге из Алеппо в Антиохию, сохранила красивейшую гробницу, какая завещана римлянами Сирии; г. де-Вогюэ успел разобрать время её сооружения: она была воздвигнута в 324 году новой эры. В обширном треугольнике, заключенном между Алеппо, Гамахом и Антиохией видны если не «триста шестьдесят пять городов», как говорят арабы, то по крайней мере больше сотни христианских городов эпохи от четвертого до седьмого столетия, почти вполне уцелевших; если бы не землетрясения, от которых кое-где потрескались стены и обрушились своды, то зданиям недоставало бы только срубов драгоценного наследия, которым не преминули воспользоваться строители новых городов. Другие материалы очень твердые базальты, которые легко найти в каменоломнях страны, слишком дорого стоило бы разбирать и перевозить.

Ниже большего пролома Оронта и его поворота на севере от массива Джебель-Коссеир, могущественный город охранял некогда ворота внутренней Сирии: Антиохия «прекрасная», «третий город в свете», уступавший только Риму и Александрии. Местоположение было выбрано как нельзя более удачно для основания большой столицы. Неподалеку оттуда, в северо-восточном углу Средиземного моря, Киликийский залив наидалее вдается внутрь материка; там именно находится то место, где соединяются три исторических пути. Один направляется к Константинополю, пересекая наискось полуостров Малой Азии; другой достигает Египта и Аравии побережьем Сирии и Палестины; третий, наконец, проникает в Месопотамию долиной Евфрата, которая напротив Антиохии описывает огромный круг со стороны Средиземного моря. Сама природа указывала в этом месте положение большого торгового центра. Антиохия, в самом деле, была в две различные эпохи одним из деятельнейших городов по движению торгового обмена, в первые века христианской эры и во время господства крестоносцев: тогда караваны приносили туда драгоценные произведения Индии, и тысячи мастеров выделывали там дорогия ткани, известные на Западе под именем антиохийского сукна; итальянские купцы поселились там целыми колониями. Но почва там часто колеблется: ни один город не страдал больше Антиохии от землетрясений. В 115 г. после Р. Х. число людей, раздавленных падением зданий, простиралось, говорят, до 200.000: это, вероятно, самая смертоносная катастрофа этого рода, какой человечество когда-либо подвергалось. В 585 году другое землетрясение опрокинуло город, и оставшиеся в живых антиохийцы тщетно пытались распознать место своих жилищ среди груд развалин. Еще относительно недавно, в 1822 и 1872 гг., внезапные подземные удары повалили половину домов. Осады, между прочим, осада 1098 года, отдавшая Антиохию во власть Боэмунда, тоже способствовали, с своей стороны, изменению вида города. Оттого столица селевкидов сохранила очень мало остатков предшествовавших периодов своего существования: уцелела почти только одна ограда, воздвигнутая крестоносцами—итальянскими норманнами, да и та была частию разрушена египетскими солдатами Ибрагима-паши, которые выламывали из неё камень, чтобы добыть материал для постройки себе казарм. Городская стена, некогда обставленная по бокам ста тридцатью башнями, тянется по краю левого берега Оронта, затем поднимается на юге по первым скатам гор, где стояла сильная цитадель; громадный четыреугольник стен

1 D Vogueet Waddington, „Syrie centrale“, „Architecture civile et religieuse“;—Selah Merill, „East of the Jordan“.

представляет собою «пустой гроб; это могила Антиохии: все, что заключал в себе могущественный и цветущий город, обратилось в прах»[2]. Башни городской ограды доныне обозначаются своими старыми именами времен Крестовых походов, напоминающими о той значительной роли, которую играла Антиохия в истории христианства: здесь новая вера окрепла и окончательно сложилась в самостоятельную религию. В Антиохии родился Иоанн Златоуст; один из четырех великих патриархов греко-восточной церкви имеет пребывание в этом городе.

Город Антакие, расположенный в северо-западном углу древней антиохийской ограды, словно затерян среди садов и групп фруктовых деревьев: когда смотришь с высоты холмов, господствующих над массой строений с северной и южной стороны, вид города напоминает одно из тех обширных кладбищ Востока, где каждая могила имеет свой кипарис, как здесь при каждом доме есть шелковичное дерево, смоковница или платан. Антакие снова приобретает постепенно некоторую важность, благодаря своей довольно значительной отпускной торговле и мыловаренному производству; основались компании для сельско-хозяйственной эксплоатации окружающих сельских местностей. Замечательнейший памятник в окрестностях древней Антиохии—запруда, которую Юстиниан велел построить на западе от крепости через глубокий овраг Онопниетеса: эта плотина сохранилась еще почти в целости. К западу от Антиохии, долина Оронта, то широко раздвигающаяся, то съуживающаяся и принимающая вид теснины, необыкновенно живописна; боковые долинки, откуда выходят текучия воды, покрыты сплошь зеленью; группа домов, Бейт-эль-Ма, указывает местоположение древней Дафны, где стояли храмы Аполлона и других языческих божеств. Горы, замыкающие долину с северной стороны, известны под именем Джебель-Семан или «гор св. Симеона». Память знаменитого столпника, «христианского факира», как его называют туземные мусульмане, сохранилась во всей стране. Столп в 30 локтей вышины, на котором он скончался, находился к северу от Антиохии, близ развалин Калат-Семан или «замка Симеона».

Нынешняя гавань города Антакие—хорошенькая деревня Суэдие, расположенная на южных скатах и у основания холма, огибаемого на юге устьем Оронта; арабские суда пристают к берегу верстах в десяти к югу от засоренного порта Селевкии. Рейд, на юге от Рас-эль-Ханзира, имеет ту выгоду, что он находится в соседстве Оронта; он был бы естественным местом отпускной торговли для всей богатой речной долины, если бы морской берег представлял там достаточную защиту от ветров. У основания известкового мыса, ограничивающего с севера низменную равнину Оронта, древние вырыли бассейн в селевкийском берегу, и до сих пор еще видны разрозненные камни мола[1]; можно было бы расчистить этот маленький порт, очень недостаточный для нынешней торговли; но для больших судов, какие строят в наши дни, надо бы было продолжить жете на целую версту, и подходы к нему все-таки были бы опасны. Проектированный порт должен быть построен напротив деревни Суэдие, близ речного устья, и соединен с Антиохией железной дорогой, на которую давно уже выдана концессия. Селевкийский холм изрыт могильными склепами, и одна из дорог, направляющихся внутрь страны, пересекает скалу рядом траншей и туннелей: это одно из величайших сооружений этого рода, оставленных нам древними.

В ту эпоху, когда в стенах Антиохии были скучены сотни тысяч жителей, самым деятельным портом этого города был не бассейн Селевкийский, подходы к которому были слишком опасны: суда направлялись тогда большей частию к Лаодикее, лежащей, однако, в сотне километров к югу, при небольшом заливе, который по берегам весь изрезан бухточками: одна из этих бухточек, с тех пор частию обмелевшая, была довольно вместительна и довольно глубока, чтобы принимать многочисленные суда, и со стороны открытого моря молы и подводные скалы защищали ее от волн. Несмотря на затруднительность сообщений с внутренними областями, через Ансариехские горы, древняя Лаодикея, ныне называемая Латакие, есть одна из морских пристаней Алеппо, и там поселилась маленькая европейская колония. Го-

2 Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient“.

1 Ernest Renan, „Origines du Christianisme, Saint Paul“.

род построен на террасе, в версте от пристани, дома которой расположены полукругом вдоль морского берега. Латакие ведет большую торговлю очень крепким табаком, производимым окружающими сельскими местностями; табак этот отличается от других черным цветом и особенным запахом, происходящим от окуриваний на жаровнях из кедрового дерева[1]. Город вывозит также фрукты, растительные масла, зерновые хлеба и хлопок. Латакие—один из портов побережья, которые были предложены как исходные пункты евфратской железной дороги. Проектированный рельсовый путь перешел бы на высоте около 500 метров порог хребта Аман и пересек бы Оронт перед богатым местечком Эш-Шугр.

Почти на половине дороги из Латакие в Триполи, в открытом море напротив Ансариохского берега, возвышается подводная скала в 800 метров длины и 500 метров ширины, где тесно скучены дома. Это—островок Руад, древний Арад или Арвад, который командовал, четыре тысячи лет тому назад, целым царством, простиравшимся за горы до долины Оронта. Тогда как столько других столиц исчезли с лица земли, Арад существует еще до-сих пор, едва ли менее многолюдный, чем во времена его славы, но теперь единственная его промышленность—ловля губок; памятников старины не сохранилось никаких, кроме развалин финикийских стен, состоящих из огромных камней, положенных на обтесанные скалы[2]. В древности город, которому было слишком тесно на своей скале, должен был продолжить свои кварталы далеко на морском берегу, и до сих пор еще видны руины этих «дщерей Арада» на непрерывном пространстве пятнадцати слишком километров. Северный квартал получил название Антарад (Antaradus) или «Против Арада»: это город, прославившийся в средние века именем Тортозы, крепость, которая победоносно оказала сопротивление Саладину в 1188 году, и которая была последним укрепленным пунктом азиатского континента, очищенным крестоносцами в 1291 году, когда они удалились на остров Кипр. Сильная крепость и городские стены Тортозы построены из больших камней, без сомнения, принадлежавших финикийским памятникам. Но не все остатки арадского зодчества исчезли. В одном из южных кварталов континентального Руада, называвшемся Марат, ныне Амрид, находится памятник, как полагают, самый древний во всей земле Ханаанской и единственный еще легко узнаваемый семитический храм: жители края справедливо называют его Эль-Маабед, то-есть «Святилище». Этот храм возвышается в форме куба на четыреугольном дворе, высеченном в скале и некогда частию наполненном водами священного пруда, где плавал «ковчег», подобный кивоту завета евреев.

Главные города северной Сирии, с их приблизительным народонаселением:

Алеппо—127.000 жит.; Гамах (по Савуа)—39.600; Гомс (по Савуа)—35.000; Антакие или Антиохия—24.000; Эдлип (по Камерону)—20.000; Латакие (по Лорте)—10.000; Александретта—3.500; Киллис—5.200; Риха—1.600: Руад (по Реанну)—1.300 жит.

В арадской равнине видны также и другие остатки финикийской старины. Так, на высотах дорогами командуют горделивые цитадели, какова, например, Сафита или Кастель-Бланко, которую оспаривали друг у друга крестоносцы и саррацины. Одна из террас этой горной страны носит гигантские развалины Хосн-Солимана, священной ограды, наилучше сохранившейся из всех памятников этого рода, существующих в Сирии: это был *гарам*, подобный ограде иерусалимского «святилища»; храм, который он заключал, был посвящен Юпитеру Баотекейскому[3]. Сильная крепость Калат-эль-Хосн, называемая Крак историками, крестовых походов, командовала проходами реки Нахр-эль-Кебир, к западу от Гомса. На севере от Тортозы береговой дорогой командует замок Маргат, ныне Маргаб, который принадлежал франкам с 1140 по 1285 год. Все эти замки были в большей части построены европейскими каменщиками; метки на камнях для подбора их при кладке почти все сделаны латинскими буквами[4].

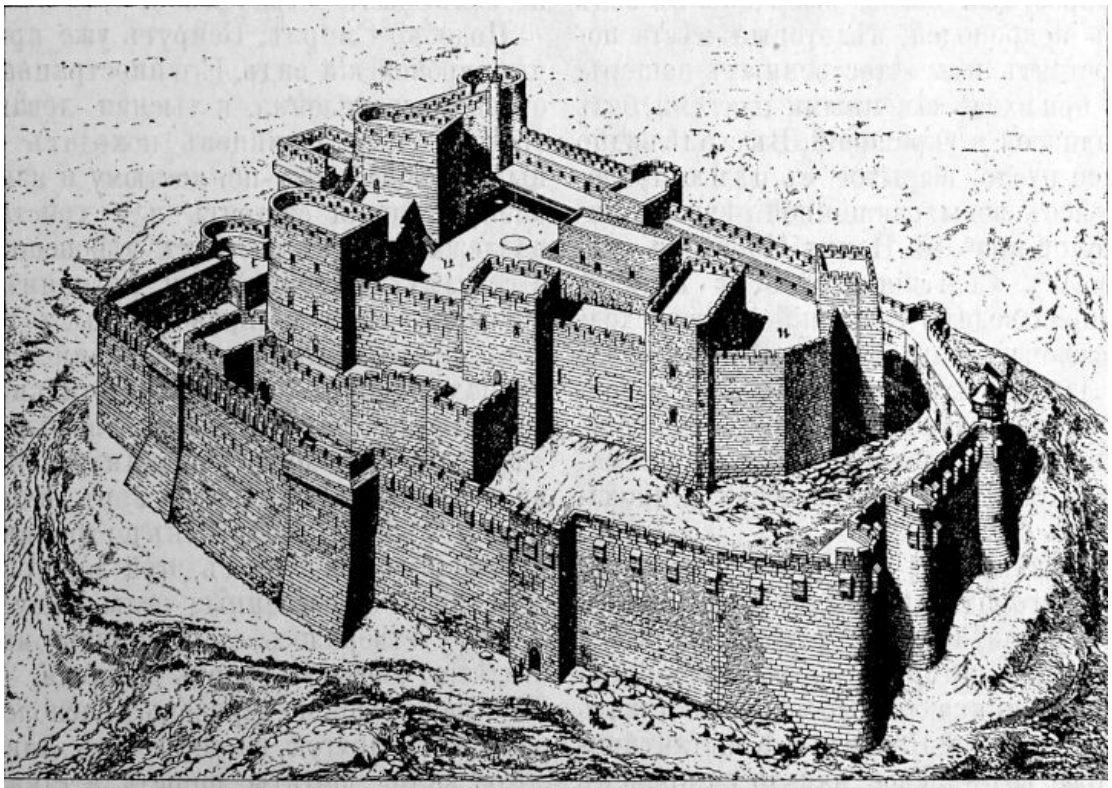
1 Лев Мечников, рукописные заметки.

2 E. Renan, „Mission en Phenicie“.

3 G. Rey, „Essai geographique sur le nord de la Syrie, Notes manuscrites“.

4 G. Rey, „Monuments de l’architecture militaire des Croises“.

Тарабулус или Триполи, один из многих «тройных городов», существовавших в разных частях древнего мира, есть порт северного Ливана и в то же время пристань Гомса и Гамаха на верхнем Оронте. В финикийскую эпоху он был общей конторой трех городов Тира, Сидона и Арада: отсюда и самое имя его, которое он ныне заслуживает по другой причине. Город состоит из трех отдельных частей: замка Синджиль или св. Эгидия (Saint Gilles)[1], бывшего дворца графов триполийских, стоящего на холме над извилистой и зеленеющей долиной потока Нахр-Кадиша; верхнего города, или «горы богомольцев» (так его называли крестоносцы), занимающего, на левом берегу речки, передовую террасу предгорий Ливана, и «морской пристани» или «Эль-Мина», построенной в 2 километрах к северо-западу, на узком полуострове, где еще видны остатки средневековых укреплений. Несколько подводных камней, в полверсте от морского берега, составляют обломки мола Бакар, некогда защищавшего порт от страшных западных и северных ветров: разорванный на многих пунктах, этот волноразбиватель не защищает более места якорной стоянки судов, и в рейде часто случались кораблекрушения, когда дует аквилон. Во времена крестовых походов, Триполи, который занимали лангедокцы и провансальцы, был главным центром торговли Запада на сирийских



Калатъ-эль-гознъ.

берегах; четыре тысячи ткацких станков производили там шелковые материи и камлоты или ткани из верблюжьей шерсти; кроме того там отливали стекло; в то же время город служил складочным местом драгоценных товаров, сделавших имя Востока синонимом «страны сокровищ»; из этого же города сахарный тростник был впервые привезен в Сицилию, откуда он распространился в Андалузии и в Новом Свете. Триполи, ученый город, где крестоносцы, по прибытии в край, первым делом сожгли библиотеку, сделался главным разсадником науки для западных народов; арабы, несториане, иаковиты преподавали там философию, историю, медицину. В наши дни сирийский город не имеет более университета, но, как торговый центр, он быстро возрастает. Избранный конечным пунктом будущей железной дороги, которая перейдет раздельный гребень на высоте 335 метров и направится в Алеппо через Гомс и Гамах, Триполи получает уже из этих двух городов караванами более двадцати тысяч тонн товаров[2]. Он вывозит шелк-сырец и грубые ткани, великолепные апельсины, табак, отлич-

1 G. Rey, „Les Colonies francques de Syrie au douzieme et treizieme siecles“.

2 Savoye, „Recueil consulaire francais“, 8-e fascicule, 1883.

ные вина, получаемые из сельских местностей Эль-Мардж, между двумя названными городами, и фабрикует мыло, отправляемое главным образом в Малую Азию и на остров Кипр. Жители Триполи и маленького соседнего порта Батрун, лежащего к юго-западу, занимаются также ловлей губок, которые считаются лучшими на всем сирийском побережье и ловля которых с каждым годом принимает все более и более обширные размеры. Инициаторами этого нового промысла были греки с Архипелага, но число их уменьшилось теперь до нескольких экипажей; сирийские ловцы стали так же искусны, как и их учители, и имеют над ними то преимущество, что живут в непосредственном соседстве с местом ловли.

Губковый промысел в Триполи и в Батруне в 1874 году[1]: 300 судов; ценность улова: 600.000 франков. Ценность губок, привезенных в Бейрут в 1880 г.: 2.000.000 франков.

Положение Триполи по близости «Святой долины», маронитских городков Эдена и Бшарреха и Кедрового плоскогорья, также способствует увеличению движения иностранных путешественников. Прежде последние быстро проезжали равнину садов, отделяющую морскую пристань от «Горы пилигримов», опасаясь болотных миазмов; но произведенное в последнее время лучшее распределение вод сделало эту местность менее опасной в санитарном отношении.

Древний Ботрис, ныне эль-Батрун, представляет теперь бедное рыболовное местечко. Джебайль, Гевал евреев и Библос греков, тоже совершенно пришел в упадок и занимает лишь небольшую часть городской ограды, которая была построена крестоносцами. Библос, «Святой город», где поклонялись башне Ваалат, то-есть «Даме», и где родился бог Таммуз, «Сын жизни», Адонис греков, есть один из древнейших городов в свете; он предшествовал Тиру и Сидону, и самая древность дала ему право на святость. Маленькая гавань, пространством не больше гектара, расстилается полукругом перед городом, защищенная от ветров и волнения полуразрушенным молом. Джебайль, все античные памятники которого были систематически разрушены христианами, заключает в своих стенах только средневековые развалины; но окрестные скалы высечены в виде обширных некрополей; некоторые места погребения состоят из естественных пещер, запертых при входе каменными плитами, без всяких надписей и украшений. В скале видно еще древнее русло, вырытое с целью провести в Библос воды священной реки Адониса, называемой арабами Нахр-Ибрагим (река Авраама)[2]. Сельские местности вокруг Джебайля производят славящийся превосходным качеством табак, который посылается отсюда в Латакию или Лаодикею, где его подвергают окончательной обработке. На юге, богатые маронитские долины Кесруана отправляют часть своих земледельческих произведений через бухту Джуни.

Бейрут, важнейший по торговле и самый многолюдный город сирийского побережья и один из красивейших городов по своей чудной панораме, которую, по выражению одного путешественника, «смело можно поставить на-ряду с панорамой Неаполя и Константинополя[3],—тоже ведет свое начало со времен глубокой древности: это—Берит финикиян, основанный богом Эль в один день с Библосом. «Он был первый город, который Время, сотворенное одновременно с ним, увидело появившимся на земле; это корень жизни, колыбель городов, первоначальная царица мира»[4]. Финикийско-римский город находился восточнее, при реке, называемой ныне Нахр-Бейрут; он постепенно передвинулся к западу, по направлению к мысу, образующему самый острый выступ прибережья на севере от горы Кармель или Кармил. Однако, морской берег плохо защищен в этих водах, и судам, стоящим на якоре в рейде, часто приходится страдать от бурь и непогод. Город, не обнесенный стенами, тянется по берегу моря на пространстве нескольких километров, а задние кварталы его продолжаются внутрь материка на первых скатах холмов; далее виллы сотнями рассеяны на высотах среди садов и пальмовых рощ. С западной стороны, дюны из красного песку постепенно за-

1 Lortet, „La Syrie d'aujourd'hui".
2 Renan, „Mission en Phenicie".
3 Fr. Lenormant, „Exploration", 15 juin 1883.
4 Nonnos, „Dyonisiaques", песнь 41.

сыпают сады; движение песчаных горок совершенно останавливается на юге там, где тесно скучены огромные сосны и ели, шумящие при морском ветре: этот бор «sapinoie», как его называет Гильом Тирский, историк крестовых походов, составляет славу Бейрута, который от него, вероятно, и получил это имя. Среди круга домов и засеянных полей, опоясывающих лес, можно подумать, что находишься где-нибудь в пустыне: городской шум смешивается с шумом отдаленной зыби моря. Вероятно, некогда весь Бейрутский массив, к югу от песков, был островом[1].

Подобно Смирне, Бейрут уже принял почти европейский вид. Его иностранная колония очень малочисленна, и тысячи левантинцев, греков, даже сирийцев походят на западных европейцев по костюму и языку; половина населения состоит из христиан, принадлежащих к разным вероисповеданиям и сектам—маронитов и латинян, армян униатов, греков православных и католиков, протестантов всякого наименования. На улицах щегольские экипажи сталкиваются с вереницами навьюченных верблюдов; на «французской» дороге, поднимающейся по легким всходам на склоны гор, ездят дилижансы и фуры, тогда как по тропинкам, извивающимся рядом с этой дорогой, тянутся вереницей навьюченные ослы и мулы. Население учетверилось с половины настоящего столетия. Бейрут, порт Дамаска, получает все произведения деревень, расположенных одна над другой на террасах Ливана; «золотое вино», фрукты, шерсть, а также коконы и шелк-сырец, какие болезнь шелковичного червя оставляет еще горным шелководам (производство шелководства в Сирии в 1877 году: 1.925.000 килограммов коконов, 140.000 килограммов шелка-сырца). Ввоз иностранных товаров не перестает возрастать.

Ценность торгового обмена в Бейруте в 1878 году: привоз—24.250.000 франков, вывоз—32.500.000 франков.

Движение судоходства в порте в 1879 г.: 392 парохода, вместимостью—291.420 тонн; 2.300 парусных судов, вместимостью—62.000 тонн. Всего 2.692 судна, вместимостью—353.420 тонн.

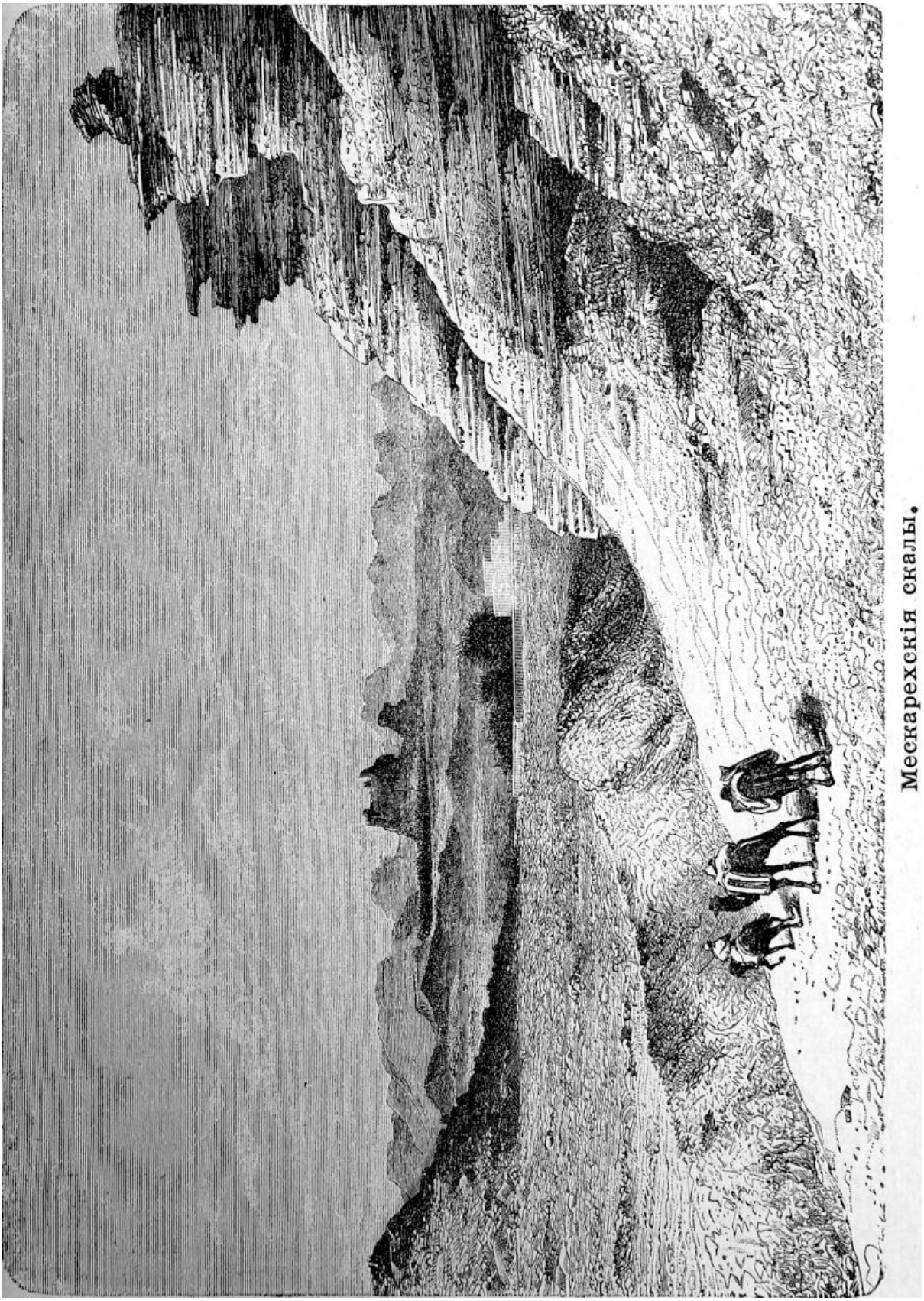
Во внешней торговле почти равная доля по количеству грузов принадлежит коммерческим флотам трех государств: Англии, Франции и Австро-Венгрии. Увеличение торговли не позволяет более морякам довольствоваться открытым рейдом, где становятся на якорь суда, испытывающие там томительную боковую качку и лишенные новейших приспособлений, облегчающих разгрузку. Устройство нового порта стало неотложной необходимостью: по проекту, выработанному г. Пертюи, значительная часть нынешнего берега, с его скалистыми бухточками, должна быть засыпана землей, и молы, построенные от этой насыпи, образуют гавань, могущую вместить количество судов, представляющее ежегодно около 200.000 тонн грузов[2].

Европейское влияние проявляется в Бейруте не только торговлей, но также и школами. Славившийся в римскую эпоху своим юридическим факультетом, Бейру славится в наши дни учебными заведениями, основанными различными религиозными общинами, с помощью субсидий, посылаемых из-за границы: две из этих коллегий, снабженные обсерваториями, музеями, мастерскими, типографиями, претендуют на титул университетов и расширены присоединением к ним медицинских школ. Американская коллегия находится за городом, на западном мысе, господствующем над Бейрутским рейдом и над берегом, разрезанным на скалистые полуострова; громадные здания иезуитской коллегии высятся в самом центре города. Почти все ново в Бейруте; древностей очень мало, видны только кое-какие фрагменты: мостовые, колонны, саркофаги; любопытные остатки финикийской старины существуют лишь в соседнем с устьем Нахр-эль-Кельба ущелье, где следуют одни за другими многочисленные барельефы и надписи всех веков. Недавно построенный водопровод приносит в Бейрут часть реки. Археологи отыскали следы другого канала, который был проведен через залив по двойному или тройному ряду аркад; при новейших гидравлических работах

1 Prutz, „Aus Phenizien“.

2 Loenis, „Beitrage zur Kenntniss der Levante“.

открыли, в 1878 году, на правом берегу реки Нахр-эль-Кельб, драгоценные клинообразные надписи, перечисляющие провинции, подвластные царю Навуходоносору. К востоку от города, на отроге Ливана, огибаемом глубокой долиной реки Нахр, в Деир-эль-Калахе, суще-



Мескарехскія скалы.

ствуют еще остатки значительного храма греко-римской эпохи, построенного, очевидно, на фундаментах финикийского святилища, ограду которого легко признать по её огромным камням в несколько метров высоты.

Деир-эль-Камар, главный город друзской земли, населенный, однако, христианами, лежит в самом сердце гор, на террасе, возвышающейся на 900 метров; он господствует с большой высоты над течением реки Нахр-эль-Кади или Нахр-эль-Дамур, впадающей в Средиземное море между Бейрутом и Саидой. «Монастырь луны»—таков буквальный смысл имени Деир-эль-Камар, происходящего, без сомнения, от церкви Божией Матери, всегда символизируемой полумесяцем[1]—не город, а скорее собрание деревень и поселков, рассеянных на террасах над чудными висячими садами, которые поддерживаются ступенями, высеченными и выложенными камнем на боку горы. Деир-эль-камарские женщины занимаются главным образом тканьем материй, и друзские шейхи у них-то и покупают те платья из затканного золотом шелка или парчи, в которые они облекаются в высокоторжественные дни. На юге, по другую сторону оврага, на верху крутой скалы, красуется Бен-эль-Дин или Бтеддин—дворец, в котором обитал знаменитый Бешир, почти независимый государь друзов, до прибытия в край Ибрагима-паши, в 1839 году. Эта резиденция, принадлежащая ныне губернатору Ливана, есть одно из замечательнейших мавританских зданий по удивительной легкости его маленьких аркад, изяществу куполов, разнообразию построек, расположенных лестницей одна над другой, каждая со своими башнями, галлереями и садами.

На юг от Бейрута следуют один за другим два города, которые, если взять в соображение различие между древней эрой и современной эпохой, играли некогда громадную роль во всемирной торговле. Тот и другой, Сидон и Тир, ныне Саида и Сур, пришедшие в полный упадок, теперь бедные незначительные городки. Сидон, заключенный в полуразвалившейся ограде, не имеет теперь даже гавани, разве для мелких барок арабов. Северный бассейн занесен илом, и дети, по словам г. Герена, играя, переходят его в брод; это был настоящий док, ограниченный с двух сторон скалами и подводными камнями, а на северо-востоке мостом о девяти стрельчатых аркадах, который соединяет с материком живописный «Замок Моря» или Калат-эль-Бахр. Он сообщался проливом, теперь почти занесенным илом, с южным портом, который в настоящее время совершенно открыт ветрам, дующим с моря, так что суда не могут становиться там на якорь. Нынешний город, где метуалы, мароните, греки, левантинцы и евреи живут бок-о-бок с мусульманами-суннитами, в большей части построен из обломков старого Сидона; маленький музей древностей находится во «французском» каравансарае, который стоит близ берега северного порта, и который был, в семнадцатом столетии, складочным местом товаров, привозимых из Франции в Сирию. Если бывшая метрополия обширной колониальной империи финикиян не имеет более памятников древности, то по крайней мере она все еще «Сидон цветущий», как была в давния времена; никакой другой сирийский город, исключая может быть Дамаска, не окружен более роскошными садами, ни один не имеет более красивых цветов и лучших плодов; в последние годы Сидон стал конкуррировать с Яффой по производству апельсинов: гектар садов ценится средним числом от 15.000 до 18.000 франков. За городом, в обширном некрополе, простирающемся на юго-востоке, у основания известковых холмов, находятся интереснейшие остатки античного Сидона: колодцы, склепы и саркофаги; одна из этих гробниц, мавзолей царя Эшмуназара, чисто египетского стиля, удостоилась чести быть перевезенной в Лувр за её драгоценную финикийскую надпись. В непосредственном соседстве с некрополем, на берегах, продолжающихся на север и на юг, возвышаются, в виде огромных куч, слои раковин, оставленные фабрикантами пурпура, некогда славнейшими и богатейшими представителями сидонской промышленности. Одна груда, состоящая единственно из раковин murex trunculus, употреблявшихся для окраски грубых тканей, имеет не менее 120 метров в длину, при высоте от 7 до 8 метров; другие кучи, очень многочисленные, состоят из обломков раковин murex brandaris и purpura hemastoma, которые употребляли для окраски дорогих материй. Один город, стоявший к северу от Сидона, на плоском берегу, покрытом тонким песком, получил имя Порфирион или «Город пурпура», благодаря его красильным заведениям[2]. Это тот са-

1 Chauvet et Isambert, „Itineraire de l'Orient“.

2 Gaillardot;—Robinson;—De Saulcy.

мый берег, на который, по преданию, существующему у евреев и у мусульман южной Сирии, пророк Иона был извергнут из чрева кита; отсюда название Хан-Неби-Юнас, данное соседней деревне. Когда обширная морская торговля Сидона стала приходить в упадок, деятельность его жителей обратилась к промышленности, в которой они вскоре заняли первое место между народами тогдашнего света: то же самое мы видим в истории Венеции, которая искала в промышленности вознаграждения за потерю своей торговли с Востоком[1]. «Мастера на всякое дело», по выражению Гомера, сидонцы, были также очень искусны в выделке стекла, как были впоследствии венецианцы: их стеклянные заводы находились в городе Сарепте, или городе «Плавления», лежавшем в трех часах ходьбы к югу. Нынешняя деревня Сарфенд расположена в соседстве развалин этого города.

Тир, «сын Сидона» и его соперник, еще более пришел в упадок: в нынешнем городе этого названия трудно узнать могущественную столицу, основанную самим Ваалом. Он занимает лишь небольшую часть скалистого островка, который сопротивлялся десять лет ассириянам Салманасара и Суриакина, тринадцать лет войскам Навуходоносора, и который на семь месяцев задержал под своими стенами Александра Македонского в его победоносном шествии. К западу от этого острова, от которого, вероятно, Тир и получил свое название, означающее на финикийском языке «Скалу», несколько обломков, виднеющихся под прозрачными водами, составляют, как полагают, остатки древнего города, построенного на искусственной террасе, которая была размыта волнами во время сильной бури; может быть, тут имело место также медленное оседание почвы. На севере, в расстоянии около километра, показывается выступающая из воды скала, соединенная некогда с Тиром дамбой, от которой теперь не заметно уже никаких следов. На юге, мол, соединявший другие островки в один сплошной вал и продолжавшийся в направлении Рас-эль-Абиада или «Белого мыса», тоже исчез. Но шоссе, которое построил Александр Великий, чтобы соединить остров с твердой землей, все еще существует, благодаря волнам и ветрам, которые с той и другой стороны нанесли песку, укрепившего земляную насыпь; перешеек имеет теперь 600 метров ширины в самой узкой своей части, и пески возвышаются на нем там и сям в виде горок. От континентального города, Палео-Тира (древнего Тира), который продолжался между холмами и морским побережьем, на протяжении 12 километров с севера на юг, между устьем Леонтеса и великолепными источниками Рас-эль-Айна или «Головы воды», не осталось ни одного здания, кроме гробниц, по большей части провалившихся. Одна из них известна под именем «Гирамова гроба»: легенда, в самом деле, должна была найти в древнем Тире хотя один камень, который напоминал бы имя царя-строителя, память которого еще присутствует в собраниях «каменщиков» (масонов), желающих перестроить мир. Та же легенда указывает, как на «Соломоновы колодцы», на древние резервуары, в которые изливаются обильные воды Рас-эль-Айна, разветвляясь затем тысячью каналов по равнине; воды эти питали некогда водопровод, теперь лежащий в развалинах, который направлялся на север к пригорку или теллю Машук и там разделялся на две ветви. Один рукав проникал в островной город: два ключа, бьющие из земли близ Сура, на песчаном перешейке, вероятно, имеют подземное сообщение с Соломоновыми колодцами. Нынешний Тир, населенный суннитами, метуалами, евреями и греками православного и римско-католического вероисповеданий, довольно цветущий городок: гавань его, простая бухточка древнего северного порта, ведет довольно значительную торговлю хлопком и табаком. Раскопки, предпринятые в 1874 г. в развалинах древнего собора, с целью отыскать там могилу императора Фридриха Барбароссы, привели к открытию великолепных колонн, простых и двойных, из гранита и египетского сиенита.

Бассейн реки Леонтес или Касимие, экспорт которого производится еще через Тирскую пристань, не имеет ни одного города в нижней своей части. Нужно подняться до низменности Бекая и даже за область истоков этой реки (Лейтани), прежде чем встретишь городские поселения. Главное из них, по числу и промышленной и торговой деятельности жителей— Залех, город сирийских и греческих христиан, построенный амфитеатром на скатах холма,

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

который разделен водопадом, образуемым одним потоком; на севере, склоны опять повышаются к массиву Джебель-Саннин; имя города напоминает «соскальзывание» почвы, вследствие которого он спустился с более высокого уровня[1]. Город окружен виноградниками, а в соседней равнине все ручьи окаймлены тополями. Промежуточный этап между Бейрутом и Дамаском, Залех служит местом жительства многочисленным погонщикам мулов и конвоирам, пользующимся всеобщим доверием.

Бальбек не простая развалина храма, стоящая среди пустыни, как можно заключить из некоторых описаний: это—маленький город, где есть даже каравансарай для арабов, отель и телеграф для европейских путешественников; стена длиной около трех километров окружает несколько сотен домов, где живут, как и в других городах Сирии, общины, принадлежащие к различным религиям. Хотя войны и вековое угнетение достаточно объясняют упадок Бальбека, как и многих других городов турецкой Азии, все-таки удивительно, что город, занимающий такое счастливое географическое положение, в этой благодатной области Келе-Сирии, на едва заметном водораздельном пороге, отделяющем бассейн р. Лейтани от бассейна Оронта, не сохранил более многочисленного населения и более деятельного торгового движения. Без всякого сомнения, Бальбек снова приобретет значение между горами Сирии; древние культурные террасы, на скатах окрестных высот, ожидают только земледельцев, чтобы снова зазеленеть и зацвести: часть равнины принадлежит уже европейским спекулянтам, которые завели там хозяйство и возделывают хлебные растения, бобы, хлопчатник, виноград. Колесная дорога, ветвь пути из Бейрута в Дамаск, соединяет в настоящее время Бальбек с берегом Средиземного моря[2].

Руины памятников, составлявших красу и славу города Солнца, находятся на западе. Круглый храм, очень поврежденный временем, стоит особняком в равнине; далее, скучены в одном месте все другие древние здания, храм Солнца, храм Юпитера, пропилеи, циклопические стены. «Это едва-ли не прекраснейшие развалины, какие существуют в свете!»—восклицает один путешественник[3]. То, что еще уцелело от древнего города, маловажно в сравнении с тем, что разрушено землетрясениями и людьми; стволы колонн, лежащие в разброску на каменных плитах, более многочисленны, чем цельные колонны, которые еще высоко вздымают в голубые воздушные пространства свои коринфские капители и антаблементы; но эти развалины импонируют своим величественным видом. Удивленный путешественник восхищается красотой пропорций, высотой колонн, богатством, может быть, несколько тяжеловатым, скульптурных украшений; особенно перед циклопическими стенами он приходит в изумление при виде огромных каменных глыб, которые труд человека смог употребить в дело. Эти массы единственные в Азии по своим чудовищным размерам. Недоумеваешь, как могли тысячи рабочих, даже пользуясь помощью машин, группироваться в отряды, действовавшие в достаточно хорошем порядке, чтобы поднимать, перевозить, устанавливать на место подобные громады. Кладка стен представляет цельные глыбы камня, имеющие до 11 метров в длину, при нескольких метрах ширины и толщины; есть монолиты, объем которых исчисляют в 300 слишком кубическ. метров, а вес в 800 тонн[4]. Один камень, который показывают еще в каменоломне, в расстоянии километра, и который, без сомнения, был предназначен служить цоколем во внутренней колоннаде, имеет 432 кубическ. метра в объеме, а вес его превышает 1.000 тонн (более 60.000 пудов); один дефектный обелиск, оставшийся в другой каменоломне, имеет свыше 30 метров в длину! Самый большой менгир Бретани, в Лок-Мариа-Кер, весил только 250 тонн[5], то-есть меньше четверти глыбы, высеченной в сирийской каменоломне; единственный долмен в Европе, превосходящий по величине бальбекские монолиты—антверпенский, объем которого равняется 945 кубическ.

1 Michaud et Poujoulat, „Correspondance d'Orient".
2 Lovett Cameron, „Our Highway to India".
3 Lortet, „Tour du Monde", 2-e semestre 1882.
4 Sepp, „Geographisches Gesellschaft zu Muncheu", 1875.
5 Gabriel de Mortillet, „Le Prehistorique".

метров; эрратическая глыба гранита, на которой стоит конная статуя Петра Великого, в Петербурге, весит около 1.500 тонн. Что значат, в сравнении с этими гигантскими массами, перенесенными без помощи других машин, кроме канатов, рычагов и воротов, огромные кубы бетона, нагроможденные в наших волноразбивателях?

Города Ливана и Анти-Ливана, с их приблизительным населением:

Бейрут—120.000 жит., Триполи с Ель-Мина—30.000 жит., Залех—13.000 жит., Саида (Сидон)—9.500 жит., Деир-эт-Камар—8.000 жит., Джебайль (Библос)—8.000 жит., Сур (Тир)—5.000 жит., Бальбек—4.500 жит., Бшаррех—3.000 жит., Батрун (Ботрис)—2.000 жит.

Дамаск, стратегическое и торговое положение которого подобно положению Бальбека, не пришел в упадок, как город Келе-Сирии. Некогда уступавший одной только Антиохии, он теперь первый город Сирии; в турецкой Азии только Смирна превосходит его числом жителей: оттого туземцы дают ему название Эш-Шам или «Сирия», как будто в нем сосредоточена вся провинция. Он расположен в очень плодородной равнине, обильно орошаемой, как раз напротив пролома, отделяющего Гермон от Анти-Ливана; через низменность Бекая он командует всеми позициями севера и центра, с одной стороны через покатость Оронта, с другой через покатость Леонтеса. «Дамаск—глаз Востока», говаривал император Юлиан. Но, господствуя стратегически над областью побережья и служа ей посредником для торговли с границами пустыни и Месопотамии, Дамаск занимает независимое положение и может довольствоваться собственными рессурсами, даже когда его сообщения с морем бывают прерваны. Во время войн крестовых походов он был безуспешно осаждаем европейцами и допускал их, в качестве союзников, лишь в течение небольшого числа лет. Он был резиденцией двух знаменитых противников крестоносцев, Сала-эд-Дина и Мелек-эд-Дахер-Бибарса, могилы которых еще видны в соседстве главной мечети. В ту эпоху Дамаск был ученым городом, славившимся своей медицинской академией.

Эш-Шам приписывает себе честь быть древнейшим городом в свете; как бы то ни было, он уже значится в списке Карнакского пилона между городами, подвластными Тутмесу III, без малого три тысячи восемьсот лет тому назад. По арабской легенде, почва Дамасской равнины дала ту «девственную землю» или «красную глину», из которой был сотворен первый человек, и которая будто бы всегда обладала целебной силой; благоухающие сады, окружающие город, были земным раем; неподалеку оттуда пролита кровь Авеля и был построен Ноев ковчег. Показывают еще дом Авраама, и дамасские евреи отправляются каждую субботу в синагогу, воздвигнутую на могиле Илии. Игравший столь важную роль в истории религий иудейской и мусульманской, Дамаск не менее важен и в развитии христианства, ибо здесь Павел обратился в новую веру и начал апостольскую деятельность, которая должна была иметь такия великия последствия для мира: указывают—правда, в двух разных пунктах—то самое место, где шедшего к Дамаску Савла внезапно осиял свет с неба, превративший горячего гонителя учеников Христовых в ревностного проповедника Слова Божия. В соседней горе показывают пещеру Семи спящих отроков. Дамаск причастен также к святости Мекки и Медины, ибо здесь составляется самый большой караван пилигримов, направляющихся к святым местам мусульманства; тысячи правоверных сопровождают священного верблюда, несущего в Каабу подарки султана.

Вид Дамаска—одно из сказочных чудес Востока. С высот, господствующих над городом с северной и западной стороны, он является белым и розовым среди обрамляющей его яркой зелени; предместья, продолжающиеся далеко между рядами садов, скрываются там и сям за чащами больших деревьев; несколько водных площадей, озерок и прудов блистают под шатрами пальм. Но контраст сразу бросается в глаза, как только вступишь в кривые, извилистые улицы. Как и в других городах Востока, дома, даже самые пышные, красивы только внутри, вокруг брызжущих фонтанов и пестрых цветников. Собственно город, занятый в северо-западном углу четыреугольным замком, имеет форму овала или эллипса, большая ось которого направлена с востока на запад; он перерезывается в этом направлении длинной

улицей, называемой «Прямым путем», которая заменила собой великолепную аллею из колонн, построенную в римскую эпоху. Она и теперь еще служит главной артерией торговли, но примыкающие к ней кривые улицы почти пустынны; на ночь различные кварталы запираются воротами и образуются таким образом как бы отдельные города[1]. На севере предместье Эль-Амара разветвляется на противуположном берегу главной ветви Барады; на юге, другой форштадт, более значительный, Мейдан, продолжается версты на две слишком по меккской дороге. Главное здание Дамаска—«большая мечеть», древняя базилика римская, от которой осталось несколько колонн, одни стоящие отдельно, другие заключенные в строениях мечети и окружающих базаров. Хотя христиане только с недавнего времени получили позволение входить в это здание, они говорят о нем с большим уважением, ибо оно было некогда церковью, и там покоятся, будто-бы, некоторые из христианских святых, между прочим, говорят, Иоанн и Захария. Один из трех минаретов мечети называется «башней Иисуса», и здесь-то, по мнению дамаскинцев, будет восседать «Сын Человеческий», когда придет во всей славе своей судить живых и мертвых. Эти высокие минареты мечети Оммиадов, прославившиеся в истории архитектуры, послужили образцами для башни Хиральда в Севилье, для колокольни св. Марка в Венеции, для Тораццо в Кремоне[2].

Дамаск составляет для центральной Сирии необходимый складочный пункт товаров, как Алеппо для северной части страны. Ежегодно пять или шесть больших караванов уходят отсюда в Багдад; другие отправляются в Биреджик, в Ракку, в Бассору, в Неджед и другие области Аравии. Но между перевозимыми товарами мало таких, которые были бы обязаны своим происхождением дамасской промышленности. Несколько шелковых фабрик, произведения которых высоко ценятся на Востоке, ювелирные мастерские для золотых филиграновых работ, многочисленные седельные заведения—вот и все местные мануфактуры. Со времени страшного прохода Тамерлана, который перебил почти всех жителей. в 1401 году, Эш-Шам не имеет более оружейных мастеров; «дамасские клинки», пользовавшиеся такой громадной славой после первых веков арабского господства, теперь чаще увидишь на базарах Каира, чем на рынках сирийского города; но зато во дворцах Дамаска и Алеппо найдешь, быть может, прекраснейшие старинные фарфоры Китая, привезенные в средние века купцами из Бактрианы; в этом отношении Сирия едва-ли не богаче самого «Цветущего царства»[3]. Эссенция из роз дамасского рая, столь славившаяся некогда, не приготовляется более на берегах Барады, с тех пор, как козы выщипали розовые кусты на Ливане; превосходство по приготовлению драгоценного *аттара* принадлежит южным склонам Балканских гор и египетскому Файюму. Религиозные общины Дамаска, так резко обособленные, как будто бы они составляли различные нации—что, впрочем, так и есть для большинства из них—поделили между собой профессии и промыслы. Евреи, другого происхождения, чем спаниолы (испанские), живущие в приморских городах, и чем немецкие и русские жиды, недавно переселившиеся в Палестину, происходят по прямой линии от сынов Израиля (Бени-Исраэль) Обетованной Земли. Христиане, втрое более многочисленные, не представляют никакой связи между собой, и во время избиений 1860 года они дали себя перерезать почти все без сопротивления; только арабские «греки» храбро защищались. Несмотря на фанатизм мусульман, иностранцы, посещающие Дамаск ежегодно в числе нескольких сот человек, не подвергаются никаким обидам и могут безопасно гулять на базарах и в предместьях. Многие казенные учебные заведения, как, например, военный институт и школа искусств и ремесл, имеют директорами европейцев.

Население Дамаска по вероисповеданиям, в приблизительных числах:

Мусульман-суннитов—125.000; метуалов—4.000; христиан греко-восточной церкви—7.000; христиан греко-униатов—7.000; христиан сирийских и других—3.000; евреев—6.000; различных исповеданий—8.000; всего—160.000.

1 Alf. von Kremer, „Kulturgeschichte des Orients“.

2 Sepp, „Geographische Gesellschaft zu Munchen“, 1875.

3 Lortet, „La Syrie d’aujourd’hui“.

Салахие, длинный пригород, расположенный на первых скатах массива Джебель-Касиум, на северной стороне равнины, может быть рассматриваем, как отдельный город; южная его оконечность, ближайшая к Дамаску, отстоит от последнего на 2 километра. Поднимаясь над туманом, ползущим иногда над сырой низменностью, Салахие пользуется более здоровым воздухом, чем самый город. Главные учебные заведения находились прежде в этом предместье; в наши дни там живет большинство европейцев; другие идут далее в горы, избирая местом жительства Блудан, на склоне одной из главных вершин Анти-Ливана. Внизу видна на всем её протяжении чудная Дамасская равнина. Все, что земля может содержать желанного и прекрасного, араб воображает себе соединенным в волшебном имени Эль-Гута, обширного сада, окружающего Дамаск. По рассказам жителей Востока, ирригационные воды этой равнины, будто бы, разделяются на семь рек и на триста шестьдесят пять каналов, разносящих плодородие в тридцать тысяч садов. Благодаря обилию воды и смешению климатов, производимому соседством прохладных гор и знойной пустыни, здесь соединены различные флоры, образующие прелестнейшие чащи разнообразной растительности: дубы и орешины растут рядом с масличными деревьями и кипарисами; под пальмами, над кустами роз, яблони раскидывают свои широкия ветви. Дамасские сливы пользуются наибольшей славой из всех плодов этого громадного роскошного сада[1].

К востоку от Дамаска, недалеко от большого болота Бахр-эль-Атейбе, древняя Харран-эль-Ауамид, или «Харран с колоннами», некогда была, будто бы, важным городом, который комментаторы Библии отожествляют с местом, где жил Авраам[2]. Но большие развалины, находятся восточнее, среди пустынных местностей Гамада. Древний Тадмор, ныне этапный пункт в пустыне между Дамаском и Евфратом, сохранил имя, под которым он появляется в первый раз в истории, во времена Гирама и Соломона: название Пальмира есть лишь латинский перевод и совершенно неизвестно туземцам. Огромного города, который когда-то стоял здесь, давно уже не существует; бедная деревушка, сменившая пышную столицу, спрятана в руинах античного храма, ворота которого запираются крепкими засовами на ночь, для защиты от нападений бродячих бедуинов; но в двенадцатом столетии, во время путешествия Вениамина из Туделы, население, в среде которого насчитывалось до двух тысяч купцов-евреев, было еще значительно. Древний град Удеинатов и Зиновии теперь не более, как узкий оазис, дорога к которому идет по высохшим ложам временных потоков; необходимо даже брать с собой запас воды для перехода через безводные пространства. Невозможно было бы понять изумительного богатства и могущества Пальмиры в эпоху, когда её владычество простиралось на Сирию, Малую Азию, Месопотамию, если не допустить, что обильные источники снабжали город водой, и что равнина была орошаема рекой. Птоломей в самом деле говорит, что река, подобная Хризорроасу—дамасская Барада—проходила подле храмов, и вплоть до десятого и даже до двенадцатого века писатели упоминают о проточных водах Пальмиры, о её фруктовых садах и полях. Еще в половине прошлого столетия английский путешественник Вуд видел в Тадморе два небольших ручья, но вода в них сделалась сернистой, так что ее можно было пить не иначе, как дав хорошенько отстояться[3]. В наши дни только один ручеек протекает на юге от города, да и тот теряется у подошвы меловых холмов: очевидно, почва высохла, пустыня увеличилась; некогда пышный и шумный город, теперь не более, как обширный некрополь. В 1691 году английские путешественники открыли Тадмор после тринадцатилетних поисков, и еще долгое время после того трудно было пробраться к знаменитым развалинам через пустыни. Легко вообразить себе восторг, который испытывали первые исследователи, когда, после долгого странствования по пескам, глинам, голым скалам, взорам их вдруг представилась чудная колоннада Пальмиры.

Это был город колонн, и теперь еще, хотя большинство их, поваленные землетрясениями, представляют, с их цоколями, стволами, перемешанными капителями, вид мраморной море-

1 Barth, „Das Beckon des Mittelmeeres“.
2 Beke;—Mrs Beko, „Jacob's Flight“.
3 „Ausland“, 5 nov. 1877.

ны, горизонт Пальмиры кажется со всех сторон ограниченным колоннами. Из четырехсот колонн, украшавших храм Солнца, пятьдесят еще стоят; из тысячи пятисот колонн, составлявших большую центральную аллею, которая тянулась между дворцами на пространстве 1.200 метров, уцелело еще полтораста; но не существует более ни одной из статуй, которые поддерживались консолями, приделанными к колоннам. Надгробные памятники сохранились в большом числе, и на них нашли много надписей на арамейском языке, мало отличающемся от нынешнего сирийского; некоторые составлены на двух языках, греческом и пальмирском[1].

К югу от Дамаска, в стране Заиорданской, все древние города, подобно Тадмору, пришли в состояние бедных деревушек или развалин. А между тем города стояли сотнями в этой области, по которой теперь кочуют арабы, и где друзы основали довольно большое число селений. Во многих пустынных местностях высятся колоннады, триумфальные арки, гробницы, подобные тем, которые нам оставила Пальмира; памятники первых веков христианства там почти так же многочисленны, как и в северной Сирии. К западу от массива Гауран следуют один за другим покинутые города, группы прекрасных зданий, с резьбой на дверях и окнах, некоторые даже с крышами; подумаешь, что жители только недавно покинули их. Эль-Мусмие, Шакка, Шухба теперь не что иное, как руины; Канават, Суэйдех—ничтожные деревеньки, окруженные величественными развалинами; виноград там более не культивируется, но окрестные холмы еще опоясаны террасами, где виноградные кисти обвивались вокруг ветвей фруктовых деревьев. Далее, Босра, Бостра римлян, лежащая близ юго-западного угла Джебель-Гаурана, на уади, притоке Иордана через Ярмук, походит на столицу, благодаря громадной массе её арабского крепкого замка, с его валами и мечетями; театр, триумфальные арки, навмахия (место, где производились перед зрителями примерные морские сражения), портики, остатки дворцов показываются среди почти пустынной ограды, и импонирующие развалины кафедрального собора господствуют теперь над домишками нескольких семей бедуинов, единственных обитателей некогда могущественного города. К западу оттуда, близ Дерата, древней Эдреи, целый подземный город, исследованный Вецштейном, вырыт в скале[2]. За Дератом, на плато, господствующем над восточным берегом долины Иордана, Умм-Кейс (Мкейс), древняя Гадара, все еще показывает остатки одной из тех «прямых улиц» или длинных, на подобие аллей, колоннад, которые мы находим во многих сирийских городах первых времен христианской эры, от Помпеиополя до Тадмора. Джерах, Гераза римлян, на север от верхней долины потока Иавок, есть, после Пальмиры, город пустыни, которого прямые улицы, площади и здания всего лучше сохранились. Эта широкая аллея, пересекаемая в разных местах другими дорогами, которые также были обставлены колоннадами и статуями, имеет больше километра в длину, и на ней видно еще свыше двухсот колонн, вертикальных или наклонившихся. Новое городское поселение Заиорданской страны, Эс-Сальт, тоже, вероятно, древний город, как полагают, Рамоф Галаадский израильтян. Главный административный пункт и местопребывание турецкого гарнизона, он расположен на южных скатах массива Джебель-Оша, господствующего над всей страной.

Около истоков потока Иавок, развалины Аммана напоминают древнее царство аммонитян, наследственных врагов евреев. В этом месте стояла столица, Равваф-Аммон, которую римляне назвали Филадельфией. Немногие крепости имеют более величавое положение, чем древняя твердыня аммонитян, скала изолированная самой природой со всех сторон, исключая северо-западной, где откосы были высечены рукой человека. К югу от замка простирался собственно город по берегу уади, а на противоположном берегу, обращенном к городу и к скалам крепости, расположены полукругом ступени театра, одного из величайших и наилучше сохранившихся зданий этого рода, какие нам оставлены римлянами. Несчастные черкесы, переселенные в этот край, климат которого так резко отличается от климата их родины, живут становищами в окрестных лощинах.

1 Do Vogue, „Inscriptions semitiques“.

2 Wetzstein, „Reisebericht uber Hauran und die Trachonen“.

Гесбан, древний Есвон или Есевон аморитян, часто воевавших с израильтянами, представляет теперь лишь бесформенные развалины; но на востоке, в той же области плоскогорья, находился город Зиза, замечательный своими большими цистернами и ямами для ссыпания зерновых хлебов. Недалеко оттуда, на дороге, которою ходят хаджи, английский путешественник Тристрам открыл пышные остатки уединенного дворца, который арабы называют Машита, и строители которого неизвестны. Изваяния фасада, отличающиеся удивительным богатством и еще большим разнообразием, чем скульптурныя украшения Альгамбры, приписываются Фергюсоном Сассанидам: по мнению английского исследователя, дворец этот построил Хосрой в начале седьмого столетия, во время своих победоносных походов в Сирию и Египет[1]. Машита находится недалеко от истоков Зайн-Мерки, глубокого уади, который в соседстве Мертвого моря принимает в себя термальные серные воды потока Каллироэ, названного так Иродом. Дымящиеся каскадики этих источников блестят между олеандрами и соединяются в ручеек, осененный пальмами. Слепки, отлагаемые водой, опираются об утес в виде террас: одна из них имеет не менее 50 метров толщины и содержит окаменелые стволы пальм. В соседстве горячих ключей, температура которых от 65 до 70 градусов по Цельзию, растительность имеет своеобразный характер. Прежде базальтовая плотина заграждала долину, и, чтобы обойти ее, термальный ручей должен был размыть себе боковое ущелье.

Столица моавитян, Равваф-Моав, называемая ныне Рабба, гораздо менее богата древностями, чем Равваф аммонитян, но многие другие города страны Моавитской доставили не мало сокровищ археологам. Замечательнейшая находка, сделанная в этой области, есть знаменитая четыреугольная колонна Мезы, царя моавитского, находившаяся среди обширных развалин Дибана, местечка, лежащего к северу от потока Арнон: теперь ее можно видеть в Луврском музее, благодаря г. Клермон-Ганно, которому удалось спасти ее от разрушения. Этот драгоценный памятник, к сожалению, не сохранившийся во всей целости, носил на себе надпись из тридцати четырех строк, составленную на диалекте, мало отличающемся от древне-еврейского языка, и вырезанную буквами, похожими на финикийский тип. Язык, которым говорил царь Меза, две тысячи восемьсот лет тому назад, свидетельствует о совершенном сходстве понятий и нравов между моавитянами и их соседями, сынами Израиля. Читая надпись моавитского столба, подумаешь, что читаешь главу из Книги Судей; только имя Иеговы заменено именем бога Камоша. К югу от Равваф-Моава, самый значительный городок—Керак, лежащий при уади, притоке Мертвого моря, на крутой скале, края которой обведены валом; на южной оконечности этой скалы, отделенной от массива глубоким прокопом, стоит цитадель, одна из сильнейших, какие были построены крестоносцами во время их завоеваний в Азии; здесь же находился самый крепкий замок моавитян, упоминаемый в Библии под именем Кир-Харесеф или «Город на холме». Керак оказал сопротивление Саладину, и в 1844 году Ибрагиму-паше. За этим городом простирается красная земля Идумеи или страны Эдомской. Здесь уже нет обитаемых городских поселений; все города лежат в развалинах. Керакские христиане почти ничем не отличаются от бедуинов; живут они также в палатках[2].

Петра, которая, под именем Селаха, была столицей страны с первых времен истории, есть по преимуществу город «Камня». Этот город, так сказать, открытый в 1812 году путешественником Буркхардом, расположен в цирке уади Муса или Моисеевом уэде (временный поток), запертом со всех сторон песчаниковыми скалами и горами. На востоке и западе высятся крутые стены; на севере, высоты, разрезанные параллельными оврагами, ограничивают горизонт непрерывным хребтом; на юге скаты более пологи, но и там песчаниковая стена образует закраину бассейна. Ущелье, шириной в несколько метров, простая расселина между двух стен, поднимающихся на 80-100 метров, составляет входный корридор: среди белого дня свет проникает на дно этой теснины лишь в виде тусклых сумерек; римская аркада про-

1 Tristram, „Land of Moab“.

2 Klein, „Palestine Exploration Fund“.

ходит через дефилей, как мосты, перекинутые над траншеями на железных дорогах. К западу от Петры другое ущелье принимает в себя временные воды уади, которые затем или уходят в пропасть, как говорят арабы, или изливаются в Арабахскую впадину, как это дает повод предполагать рельеф страны; но ни один новейший исследователь не проследил еще до конца долину уади, загражденную густой растительностью олеандров. Остатки древних зданий, одинокая колонна, гробницы встречаются в разных местах цирка и подходов к нему, но замечательнейшие памятники высечены в скале. Петра для римской эпохи Сирии то же самое, что Эллора и Аджанта в Индии для буддийских времен. Храмы с колоннадами и фронтонами открываются в розовой массе камня; повсюду фасады скал иссечены и изваяны в виде расположенных одно над другим зданий, дворцов или некрополей. В первые века обитатели страны были горимы, то-есть троглодиты, но первые пещеры, бесформенные углубления, вырытые в камне, были преобразованы в архитектурные галлереи, украшенные барельефами и статуями. Затем население исчезло, забытое историей, и город пустыни представляет теперь лишь громадное кладбище, исследование которого еще не доведено до конца. К западу от Петры высится вершина горы Ор, чтимая евреями, христианами и мусульманами, как место погребения первосвященника Аарона.

Главные города замкнутых бассейнов центральной Сирии и Заиорданья, с их приблизительным населением:

Дамаск, с Салахие—170.000 жит.; Эс-Сальт—4.000; Керак—3.000 жит.

Долина Иордана относительно густо населена лишь в северной части, где живые воды текут в изобилии, где скаты холмов одеты растительностью и где возвышение почвы придает, даже в летние месяцы, некоторую прохладу климату. Рашейя, Хасбейя, занимающие обработанные террасы в гористой и плодородной области Уади-эт-Тейма, который образует западный склон хребта Гермона или Ермона, почти заслуживают названия городов; но от Баниаса или Панеи, города «бога Пана», древней Кесарии (Филипповой), славившейся своим неприступным замком и истоком Иордана, а также пропастью, где исчезали жертвы, закалываемые ножом жертвоприносителя,—едва осталось несколько домов. Еще реже населенные, чем верхняя долина реки, берега Галилейского моря имеют всего только один город: Табарие, древняя Тивериада, на западном берегу озера; Вифсаида, близ входа Иордана в Тивериадский бассейн, теперь не более как *телль*, курган, поросший низким кустарником. На северо-западе, близ озерного берега, другая горка, Телль-Гум, состоящая из обломков древних зданий, считается развалинами Капернаума. Тивериада—святой город евреев; её раввинская школа, пользовавшаяся славой во все продолжение средних веков, была преемницей иерусалимской и долгое время служила авторитетом в толковании текстов Священного Писания; город, где показывают могилу великого еврейского учителя Маймонида, населен главным образом испанскими и русскими жидами, ожидающими пришествия Мессии.

Сафед, расположенный у подошвы и на скатах высокого укрепленного холма, обязан тому же пророчеству своим населением иудейских переселенцев. Сотрясения почвы, довольно частые в этой вулканической местности, кажутся им предвестниками близкого пришествия ожидаемого царя. Эти содрагания земли часто были очень гибельны: в 1837 году, весь жидовский квартал, построенный амфитеатром на крутом склоне горы, был опрокинут, и четыре тысячи жителей были раздавлены под развалинами домов, скатывавшимися в виде обвалов по крутой покатости. Невдалеке от Тивериады находятся термальные источники древнего Эммауса, Гаммам-Сулейман и Гаммам-Ибрагим (Соломонов и Авраамов), привлекающие большое число посетителей; на западе волнистые земли, простирающиеся близ деревни Гаттин, были полем сражения, где Саладин одержал в 1187 году решительную победу над крестоносным воинством, отдавшую в его руки Иерусалим. К югу от Тивериадских холмов, в плодоносной долине Уади-Джалуль, одной из «врат Рая», лежит деревенька Бейсан; это был город Вефсан, оказавший сопротивление европейским завоевателям и сохранивший свой культ в течение веков; в римскую эпоху он носил имя Скифополя, которым он был обязан, без сомнения, колонии «скифов» или северных людей,

В Хоре, глубокой долине Иорданской, между озером Тивериадским и Мертвым морем, совсем нет городов. Риха (Эриха), воздвигнутая на месте Иерихона Иродова, но в некотором расстоянии к востоку от города, разрушенного евреями при входе их в землю Ханаанскую,— теперь не более, как группа бедных лачуг. Знаменитый город, который сделался, после вавилонского пленения, вторым городом Иудеи, который был школой пророков, и который Ирод I избрал своей резиденцией, пришел в упадок одновременно с засорением оросительных каналов, отведенных из Иордана и из обильного источника, называемого Елисеевым или Султанским (Аин-эс-Султан): это уже не «город Пальм»; он не вывозит более фиников-орехов (caryopes), торговля которыми некогда составляла его монополию[1]. Потеряв свои финиковые пальмы, плантации сахарного тростника, розовые рощи, Иерихон потерял также и своих жителей, которых он, без всякого сомнения, приобрел бы снова с восстановлением сети ирригационных каналов. Очень опасный в санитарном отношении по причине господствующих там злокачественных лихорадок, унесших в могилу многих исследователей Палестины[2], Иерихон есть тем не менее одно из наиболее посещаемых селений Святой Земли. Православные паломники, почти все русской национальности, приходят туда целыми караванами, чтобы выкупаться в священных водах Иордана и помолиться в разных святых местах. Некоторые набожные абиссинцы выдерживают сорокадневный пост в гротах соседней горы, в подражание «Четыредесятнице» Иисуса Христа: отсюда и название «Горы Четыредесятницы», которое обыкновенно дают этому крутому пику. В Иерихонском оазисе живут различные тропические птицы; там увидишь также растения жаркого пояса, принадлежащие зоне Судана и Сахары[3].

Полевая Галилея, разделенная многочисленными горными цепями на лабиринт долин без легких сообщений, заключает в себе почти только незначительные местечки: главный её город, Назарет или Эн-Назира, лежит вне гористой области и обращен на юг к равнине Эздрелонской или Израельской; впрочем, большинством своих жителей он обязан религиозным воспоминаниям, возбуждаемым его именем. Еще в начале восемнадцатого столетия это была бедная мусульманская деревушка, которая с этого времени, благодаря иммиграции христиан, постепенно выросла в целый город: церкви всех вероисповеданий, монастыри, странноприимные дома, конфессиональные школы встречаются на каждом шагу в двух кварталах Назарета, греческом и латинском; мусульмане оттеснены на юго-восток, в часть города, соседнюю с садами. Эн-Назира один из редких городов Палестины, имеющих настоящие дороги; колесная дорога соединяет его с Хайфой, у подошвы горы Кармель или Кармил.

Акка или Сен-Жан-д'Акр (Птолемаида) принадлежит к Галилее, но, как и Назарет, находится вне горных массивов. Она занимает, на самом берегу моря, скалистый мыс, которым оканчивается на севере полукруглая бухта, другая оконечность которой занята горой Кармель. Позиция Акки (Акко финикиян, Птолемаида лагидийцев) защищена самой природой против неприятеля, не владычествующего на морях, и город обязан ей своей существенно военной ролью. Никогда евреи не овладевали этой финикийской крепостью. Во время крестовых походов она попеременно попадала под власть то христиан, то мусульман, и приобрела важное значение, как главная квартира военных орденов; рыцари св. Иоанна Иерусалимского оставили даже свое имя городу, который они принуждены были покинуть навсегда в 1291 году. В 1799 году Бонапарт безуспешно осаждал ее: военное счастье его разбилось об эти стены, поддерживаемые с моря английским флотом. С этого времени Акка не раз подвергалась приступам турок, египтян; в 1840 году британский флот разрушил ее почти всю до основания. Теперь новые укрепления опоясывают каменным кольцом город, как бы в ожидании будущих нападений. Порт Акки, производивший обширную торговлю во времена владычества крестоносцев, ныне утратил почти всякое значение: гавань занесена песком, и

1 Fournier et Saglio, „Dictionnaire des Antiquites“.
2 Claude R. Conder, „Tent-work in Palestine“.
3 Grisebach, „Vegetation du Globe“, trad, par Tchihatcheff.

немногие приходящие суда бросают якорь в открытом море, чтобы забрать грузы зерновых хлебов, фруктов и других произведений края. Хайфа, на южном берегу той же бухты, у подошвы горы Кармель,—более деятельный рынок, благодаря поселившейся там колонии трехсот швабских «храмовников» и существованию пароходной пристани: это порт всей равнины Эздрелонской, до Назарета и богатого местечка Дженин. Одно из важнейших селений равнины—Леджун, древний Легион римлян, быть может, Мегиддон, где происходила главная битва между египтянами и гиттитами. Была речь о том, чтобы взять Хайфу за исходный пункт железных дорог Сирии и Палестины: одна линия поднималась бы к Дамаску по верховьям Иордана, другая взошла бы мало наклонными скатами на хребет, где находится Иерусалим.

В гористой области Самарии, к югу от равнины или долины Израельской, стоит богатый Наблус или Наплуза, древний Сихем. Некогда религиозный соперник Иерусалима, он занимает гораздо более счастливое географическое положение, чем святой город евреев и христиан. Расположенный на высоте 570 метров над уровнем моря, как раз в точке раздела между долинами, спускающимися на запад в направлении Средиземного моря, на восток к Иордану, богатый источниками, которые льются каскадами, окруженный зеленеющими равнинами, густо разросшимися вертоградами, благоухающими садами,—Сихем один из тех городов, которые по своему положению и своим природным выгодам должны были возраждаться после каждого бедствия: старый, как сама история, он, однако, сохраняет имя Неаполя или «Нового города», данное ему императором Веспасианом: это один из редких городов, которых название греческое или римское сохранилось до настоящего времени. Две горы возвышаются над Сихемом: на юге Гаризим, с крутыми стенами, откуда левиты, облаченные в пышные одеяния, простирали руку, чтобы благословить народ; на севере гора Гевал, где священнодействовали другие жертвоприносители, изрекавшие слова проклятия. Сколько раз, в этой борьбе, напоминающей вечную войну между Ормуздом и Ариманом, проклинатели, казалось, одерживали верх! Сколько раз был разрушаем Гаризимский храм, сколько раз его защитники подвергались избиению! Поклонялись Юпитеру, затем Пресвятой Деве, затем Аллаху на «благословенной горе», и, однако, культ, который считали окончательно уничтоженным, всегда в конце концов снова появлялся; с беспримерным упорством, маленькая секта каждый раз вновь образовывалась, сохраняя свои предания и догматы. Религия «Книги» или «Священного Писания», как Моисеев закон, и ислам и христианские вероисповедания, эта секта обладает рукописью Пятикнижия и некоторыми другими драгоценными документами, которыми пользовались теологи и гебраисты. В числе около ста шестидесяти человек (в 1881 году их было 98 мужчин и 62 женщины)[1], сихемские самаритяне отличаются особенной одеждой: они носят красный тюрбан и тщательно очищают себя от всякого нечистого прикосновения; строго соблюдают предписания своего закона, воздерживаются от всякого труда в день субботний и совершают еще жертвоприношения на горе Гаризим, согласно предписаниям книг Левит и Второзакония. И они также ожидают пришествия Мессии, который, по их верованию, сойдет на священную гору, чтобы воскресить праведных и увезти их в своей славе.

Самария, которая, не имея святости Сихема, была, тем не менее, некоторое время столицей Самаритянского царства, потеряла свое древнее название, замененное греческим названием Себаст или Севаст, Себастие в устах туземцев. Скромная деревня не заслуживает более этого титула «Священного города» (себастос по-гречески-священный); но там видны еще остатки «прямой дороги», в роде тех, которые сохранились в Пальмире и заиорданских городах; некоторые уцелевшие колонны обозначают еще направление древней триумфальной аллеи. Лежащая километрах в пятидесяти к северо-западу от Сихема, Самария, которую тоже окружают богатые плантации, нивы и сады, имела то преимущество, что находилась в открытой местности, располагающей более легкими сообщениями с морем. Её порт на морском побережье тоже был Себаст, более известный под именем Кесарии или Цезареи (Кай-

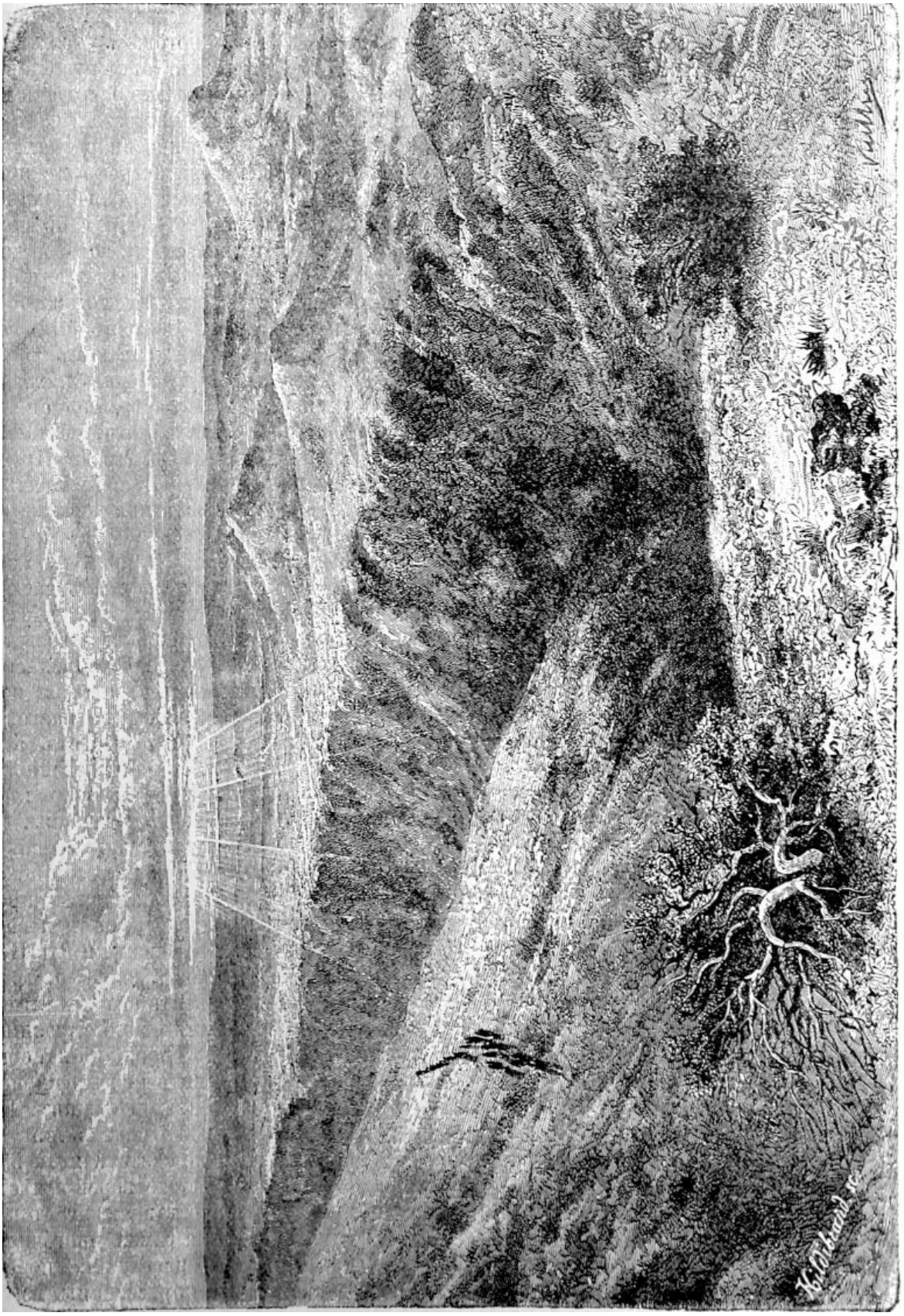
1 Conder, „Reports Palestine Exploration Fund“, july 1881.

сарие), данном ему тоже в честь Августа. В этом месте побережье, окаймленное дюнами, изрезано на скалистые бухточки, из которых одна, снабженная молами и волноразбивателями, сделалась в правление Ирода самой оживленной гаванью Палестинского берега. После разрушения Иерусалима императором Титом, Кесария Палестинская была столицей Иудеи, и празднества по случаю возведения её в этот ранг начались избиением тысяч евреев на арене амфитеатра. Неоднократно подвергшаяся осадам и штурмам во время различных войн, опустошавших Сирию, Кесария была окончательно разорена в конце тринадцатого столетия; теперь она посещается только арабами, приходящими искать камней для построек в Яффе, Рамлехе, Бейруте. Ограда, занимаемая некогда рыцарями ордена св. Иоанна Иерусалимского, была отдана султаном императору германскому.

Несмотря на свое название, Иерусалим, «Наследие мира», обязан своим происхождением своему стратегическому положению на скале, легко защитимой и командующей хребтом южной Иудеи между покатостями Средиземного и Мертвого морей. Завоеванная царем Давидом у иевусеев, крепость была преобразована в могущественную столицу, которая вскоре, в царствование Соломона, сделалась, вероятно, многолюднейшим городом всей Сирийской области. Но через немного лет после этой эпохи господства, «Град Давида» отворил свои ворота египтянам. Филистимляне, арабы, затем опять египтяне занимали его впоследствии; потом ассирияне, в свою очередь, овладели им: храм был разрушен до основания, и городские стены срыты. По возвращении из вавилонского пленения, иудеи вновь отстроили «Божий дом», но уже не вернули своей независимости, и город принадлежал последовательно всем прохожим завоевателям; даже парфяне вступили в него, когда, уже подвластный Риму, он управлялся ставленником империи. Исполненные веры в пророчества, возвещавшие им пришествие Спасителя, наследника престола Давида, иудеи дерзнули подняться против Рима. Запершись в Иерусалиме, защищенном тройной оградой, они оборонялись с мужеством отчаяния; но голод, тиф, пожар были могучими союзниками императора Тита: башня за башней, квартал за кварталом были занимаемы его войсками; кольцо осады постепенно съуживалось вокруг верхнего города; беглецы были распинаемы перед стенами, пленные были закалываемы мечом или ввергаемы в пламя: когда последняя крепость была взята, из полумиллиона человеческих существ, находившихся в городе до осады, едва осталось несколько тысяч несчастных, предназначенных служить предметом потехи для римского народа. Вновь отстроенный императором Адрианом после новой опустошительной осады, но уже впредь воспрещенный для жительства иудеям, Иерусалим должен был испытать новые бедствия. Самое ужасное из этих бедствий был разгром, которому его подвергли крестоносцы в 1099 году. В то время это был арабский и мусульманский город. Проложив кровавую дорогу до Гроба Господня, нападающие едва дали себе время прочитать молитву, и страшная резня началась: более шестидесяти тысяч магометан были перебиты. Со времени крестовых походов, столица Палестины, низшедшая на степень маленького города, неоднократно подвергалась осадам, но уже не была более ставкой для столкновений между нациями; религиозные войны продолжаются вокруг «Святых Мест» лишь в форме дипломатических интриг; известно, что соперничество из-за влияния между греческими и латинскими монастырями дало предлог к крымской войне.

«Святой город»—таков смысл имени Кудс (Эль-Кодс), которое ему дают арабы—лежит почти на высоте 800 метров, на пологом плато, наклоненном к югу и окруженном с трех сторон глубокими оврагами. Восточное ущелье, Уэд-эн-Нар—«Огненная долина»—где повременам текут воды Кедрона (поток Кедрский), притока Мертвого моря, и где группируются хижины и пещеры вокруг источника Силоамского, есть долина, называемые Иосафатовой, которая отделяет Иерусалим от Масличной и Елеонской горы; на западе и на юге протекает поток Генном или «Геенны», получивший это название от пропасти, символа ада, в которой проходят его воды. За этим ущельем другие хребты образуют ограду к выступу горы, на котором расположен город, и скрывают последний от взоров путешественника. Прежде, когда еще не было предместий, выстроившихся вдоль сходящихся дорог, вид Эль-Кодса был поразителен: при повороте перевала, «Святой город» вдруг показывался между запыленными

маслинами, с правильным полигоном его стен, с башнями по углам, и с его многочисленными главами церквей и мечетей. Иерусалим по преимуществу город куполов: это и составляет его краску. Строевой лес так редок в верхней Иудее, что Святой город по необходимости дол-



Горы Фульджи.

жен был принять такой стиль архитектуры, в котором камень составляет главный элемент. Над неправильными строениями и извилистыми улицами города господствует колоссальный купол мечети Омара, стоящей в центре Харам-эш-Шерифа или «Священной ограды», кото-

рая в северо-восточном углу оканчивается высокой башней Антония.

В этом месте, на горе Мория, стоял храм Соломонов, к которому «восходили» евреи всех колен; за этим первым храмом следовали храмы, воздвигнутые Неемией и Иродом, затем капище, посвященное Юпитеру, церковь в честь Пресвятой Девы Марии, и знаменитый «купол скалы», Куббет-эс-Сахра, построенный в конце седьмого столетия. Этот памятник, отличающийся необыкновенной простотой стиля, есть, однако, один из красивейших и самых гармонических памятников турецкой Азии. Это обширный шестиугольник, имеющий по семи готических окон на каждом из фасадов, украшенных мраморами и эмальированными фаянсами; посредине здания вписан круглый неф, с двумя концентрическими колоннадами, над которым закругляется купол: этот легкий купол, несколько выпуклый при основании, покоится на стене, украшенной снаружи стихами из корана, золотые буквы которых ослепительно блестят на лазурном фоне эмали. Во внутренности сохранены стройность и пропорциональность частей; только в центре мечети правильный пол вдруг прерывается выступом скалы, знаменитой Сахры, которую отожествляют с вершиной горы Мория: на этом месте священнослужители закалывали жертвы, кровь которых утекала через пещеры в поток Кедрон; отсюда Магомет вознесся на небо; здесь вытекали из земли четыре источника Рая; это краеугольный камень мира. В пространстве около 14 гектаров, ограниченном четырехсторонней стеной Священной Ограды, находятся другие мечети и различные памятники, покоящиеся на античных фундаментах. Недавния раскопки обнаружили большую часть подземных строений, между прочим подземелья, в которых спрятались сотни евреев во время взятия храма римскими воинами Тита; эти галлереи со сводами составляли часть гигантских работ, предпринятых с целью преобразовать в одну выровненную террасу вершину, которую венчал храм; в некоторых местах первые фундаменты нашли на глубине 30 и даже 38 метров под нынешней поверхностью. До крымской войны христианам, которые теперь беспрепятственно исследуют во всех направлениях почву и подпочву Иерусалима, строго был воспрещен доступ в Священную ограду; только немногие из них, переодетые мусульманами, проникали туда, с опасностью жизни. И теперь еще вход в Гарам-эш-Шериф не дозволен евреям; каждую пятницу они собираются на площади «Слез», за западной стеной ограды, чтобы читать плач Иеремии и по крайней мере прикоснуться к этим стенам, которых они не могут более переступить. В течение веков, после восстановления Иерусалима императором Адрианом, самый город был закрыт им, и при христианском владычестве, до калифа Омара, они лишь за деньги получали позволение приходить, раз в год, оплакивать свой профанированный храм. В прошлом столетии число иудейских жителей города была ограничено тремя стами.

Религиозные памятники христиан находятся в северо-западной части города, между Вифлеемскими и Дамасскими воротами, на том месте, где стоял храм Венеры. Там соединены в одно целое строений, различных по времени и стилю, почти все чтимые христианами места, на которые различные предания, одни сравнительно недавния, другие восходящие к эпохе крестовых походов и к веку Константина Великого, указывают как на место Страстей Христовых. Церкви, часовни и склепы, некогда обособленные, образуют целый лабиринт нефов (корабль или трапеза, то-есть среднее пространство храма) и галлерей, непринадлежащих одному и тому же вероисповеданию; за исключением протестантов, главные христианские вероисповедания, представленные в Палестине, имеют каждое свою долю собственности вокруг Гроба Господня. Главная трапеза, где находится «центр мира», обозначенный столбом в круге из белого мрамора, находится во владении православных греко-восточной церкви; францисканцы тоже имеют свою церковь; зала Голгофы (Лобное место) разделена на две часовни, из которых одна принадлежит латинянам, а другая грекам; крипт св. Елены принадлежит абиссинским христианам, но армяне имеют там право отправлять богослужение, и латиняне удерживают за собой одну боковую капеллу. Копты и сирийцы иаковиты молятся в особенном пределе; камень, называемый «камнем Помазания», составляет общую собственность всех верующих, латинян и греков, армян и коптов. Наконец, сами турки, в качестве сюзеренов и третейских судей, имеют наблюдательный пост у входных дверей храма.

Ротонда, в центре которой помещается Гроб Господень,—недавней постройки; она сооружена на общие средства Турции, владеющей державы, и России и Франции, представительниц двух соперничающих вероисповеданий христианского мира. Маленький храм, где находится Гроб Господень, есть дело греков; накануне Светлого Христова Воскресения, перед великой заутреней, они теснятся вокруг камня, ожидая пришествия священного огня, который ангел протягивает епископу через дыру в стене. В момент появления этого огня, верующие стремительно бросаются вперед, чтобы зажечь свои свечи об архиерейскую свечу, храм вдруг оглашается радостным пением, которое иногда смешивается с криками раненых, со стонами и предсмертным хрипением несчастных, раздавленных неудержимым потоком толпы. В 1834 году более четырех сот трупов остались на полу ротонды, и только благодаря вмешательству мусульманской стражи, под командой полковника, энергически размахивающего саблей, подобная катастрофа не повторялась после того[1]. Существует обычай между верующими быстро проводить себе по лицу пламенем зажженной свечи, которое должно опалить только нечестивых. Прежде верующие приносили холст, складки которого они припаливали, и который должен был служить им, в день смерти, саваном[2].

Недалеко от Гроба Господня находятся портал и стрелки сводов странноприимного дома св. Иоанна Иерусалимского, обитаемого некогда «семью нациями» рыцарей: Провансом, Овернью, Францией, Италией, Испанией, Англией и Германией. Последняя держава есть единственная, которая с 1869 года представлена во дворце ордена. По примеру России и Франции, Германия захотела иметь свою долю собственности в соседстве Святых Мест, чтобы построить там церковь и школы, водрузить свое знамя. Русские водворились за городом, подле Дамасских ворот, на верхней части командующего городом плато, которое во все времена было местом атаки для осаждающих: здесь они и основали свой религиозный квартал, здания которого в одно и то же время монастыри и казармы. Везде, в городе и за городом, встречаешь духовные заведения и конфессиональные школы, принадлежащие грекам, латинянам, протестантским сектам всякого наименования; субсидии, посылаемые из Европы и из Нового Света, дали возможность вновь отстроить город почти весь и удвоить его протяжение. Как во времена ветхозаветные, Иерусалим—по преимуществу город священно- и церковнослужителей, которые, под другим именем, живут на счет отдаленных общин. Промышленности в нем нет никакой, так же, как и торговли, если не считать мелкой перекупной торговли для удовлетворения местного потребления. Евреи, составляющие с половины настоящего столетия самый многочисленный элемент городского населения, по большей части ашкиназимы, переселенцы из восточной Европы, содержимые *галукой*, то-есть денежными пособиями, присылаемыми в Иерусалим от израильтян всего света; множество жидов отправляются каждое утро за городские стены перекупать с проходящих возов сельские произведения, чтобы затем продавать их с лотков на улицах города.

Население Иерусалима в 1891 году, в приблизительных числах: евреев—18.000 жит.; христиан различных наименований—16.000 жителей, мусульман—7.000 жит.

С Масличной горы, на одной из вершин которой стоит мечеть Вознесения, открывается обширный вид, охватывающий большую часть Палестины, с одной стороны до гор Самарии и плоских возвышенностей Галаад, с другой до горных вершин Моава и Идумеи, за глубокую пропасть, где виднеются свинцовые воды Мертвого моря. На западе Средиземное море скрыто за соседними высотами Иерусалима. У себя под ногами видишь Иосафатову долину, с её бесчисленными могильными камнями, первыми, которые, по еврейским предсказаниям, распадутся при трубном гласе страшного суда. Замечательнейшие античные памятники в окрестностях Иерусалима—погребальные склепы, особенно гробницы, называемые гробницами «Судей» и другие гробницами «Царей», где найдены замечательные саркофаги, хранящиеся теперь в Луврском музее. Повсюду встречаешь религиозные здания, из которых каждое имеет свою легенду, и к которым греки или латиняне ходят на богомолье. Любопытней-

1 Conder, „Tent-Work in Palestine“.

2 „Memoires du chevalier d’Auvrieux“, 1660.

ший монастырь в окрестностях—монастырь Мар-Саба или св. Саввы, древняя обитель ессеян, приютившаяся на вершине известковой скалы, над глубоким «Огненным ущельем», в котором текут воды потока Кедрон; небольшой сад, с одинокой пальмой, висит на склоне скалы подле монастырских стен, но в других местах не видно ни одного деревца, ни одного пучка травы, только беловатый камень, да темная расселина. Перестроенный на средства России, монастырь Мар-Саба—один из богатейших в Палестине, тем не менее он служит местом ссылки, и находящиеся там монахи присланы туда в наказание за проступки или ересь[1].

Вифлеем, «Дом хлеба», лежит в 8 километрах к югу от Иерусалима, среди холмов, покрытых виноградниками и масличными рощами; население его состоит в большинстве из латинян и живет главным образом на барыши, которые ему доставляет продажа различных предметов святости: медалей, четок, крестиков всякого рода, до пыли святых мест включительно. Группа вифлеемских церквей и монастырей, так же, как храм Гроба Господня в Иерусалиме, составляет совокупность строений без всякой симметрии, принадлежащих различным религиозным общинам: та или другая галлерея, лестница или дверь пропускает только греков; в других местах одни только латиняне или армяне имеют право входа. Главная трапеза, базилика Рождества Христова, прекрасное здание первой половины четвертого столетия, есть общая собственность греков и армян; католикам дозволено только проходить по хорам. Под этой церковью находится пещера, вымощенная мрамором и разветвляющаяся на целый лабиринт подземных галлерей, куда верующие спускаются, чтобы преклонить колена перед углублением в скале, на которое предание указывает, как на место рождения Иисуса Христа.

На юге Иудеи, на том же хребте высот, как Иерусалим и Вифлеем, последний многолюдный город по направлению к пустыне—Хеврон (Мамре), град Эль-Халиля или «Друга Божия», названный так, как и Орфа, в память Авраама. Согласно легенде, которая не встречала неверующих между средневековыми христианами, но которую сильно оспаривают дамасские арабы, отстаивающие права своего города, это будто бы в соседстве Хеврона, близ могилы Авраама, находятся слои красной глины, послужившей материалом для сотворения первого человека. В былые времена, богомольцы отправлялись толпой в Хеврон, чтобы созерцать это родное место человеческого рода и собирать комочки той земли, из которой они считали себя происшедшими. Святое место в Хевроне—мечеть Авраама, которая стоит на восточной стороне потока Эль-Халиль, на вершине амфитеатра домов, образуемого главным кварталом. Эта мечеть, частию высеченная в скале, была некогда церковью, а еще ранее синагогой, здания следовали одно за другим на этом месте, но внешняя ограда, сложенная из больших камней, повидимому, очень древней постройки: археологи приписывают ей около трех тысяч лет существования. Под мечетью идет двойная пещера, которую многовековое предание называет пещерой Махпелой, где Авраам, Сарра, Исак, Ревекка, Иаков, Лия были «взяты на лоно своих отцов». Еще недавно мечеть была открыта одним только мусульманам; но они и сами не посещают гротов под храмом; вероятно, что со времен крестовых походов никто не проникал в эти подземелья, разве только, может быть, в 1834 году, когда жители Хеврона, осаждаемого войсками Ибрагима-паши, спрятали в склепы под мечетью свои самые дорогия вещи[2].

Поток «Друга Божия» спускается на юго-запад к Бер-Себаху, последнему местечку Палестины на границе пустыни, затем теряется в уади, притоке Средиземного моря. Непосредственно к востоку от Хеврона, лежащего близ водораздельного хребта, выше, чем Иерусалим, открываются другие овраги, направляющиеся к Мертвому морю. С этой стороны границы Палестины были в древности охраняемы от набегов грабителей крепостью Мазада, из которой царь Ирод сделал твердыню, повидимому неодолимую, чтобы найти себе там верное убежище в случае опасности. Эта скала, известная ныне под именем Себбе, представляет из-

1 Conder, „Tent-Work in Palestine“.

2 Conder, „Tent-Work in Palestine“.

вестковое плато или стол овальной формы, почти неприступный на всей окружности, разве с западной стороны, где узкий перешеек соединяет ее с внутренним плоскогорьем. После падения Иерусалима, около тысячи иудеев, под предводительством Елеазара, бросились в эту крепость, откуда они угрожали римлянам. Последние предприняли правильную осаду Мазадской скалы; они опоясали основание её циркумваллационной стеной, которая существует и теперь еще, воздвигли против западного перешейка широкую платформу для расположения своего лагеря, и через овраг, отделявший их от замка, перекинули мост для атаки. Первая ограда была скоро форсирована; затем следовал последний приступ, но за стенами не видно было более ни одного защитника: предпочитая добровольную смерть свободных людей подлой смерти от руки неприятеля, все осажденные перерезали друг друга; когда римляне ворвались в крепость, они нашли там в живых только двух женщин и пятерых детей. Это был последний эпизод еврейской независимости.

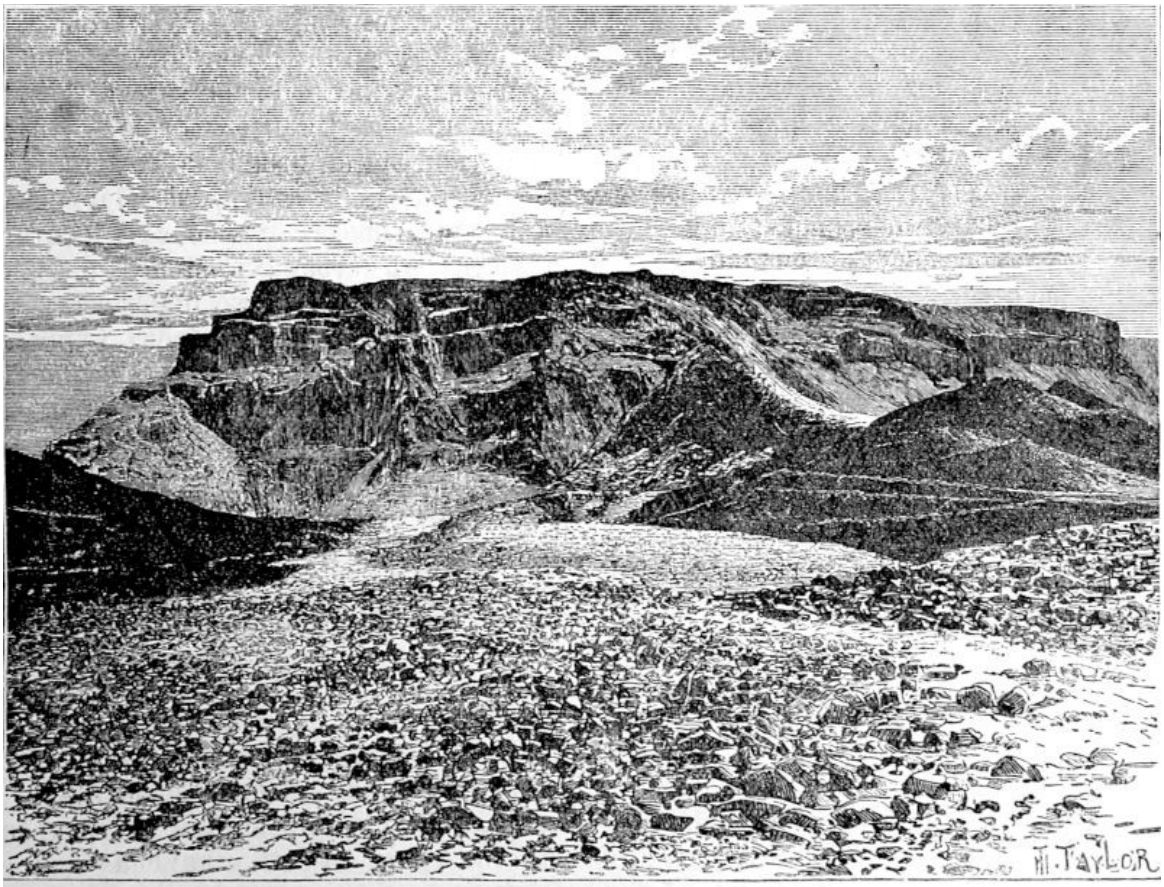
Иерусалим соединен с морем колесной дорогой, длиной около 50 километров, вдоль которой идет телеграфная линия, и которую должен заменить железный путь, давно уже начерченный на карте, но еще не начатый постройкой; впрочем, сооружение его обойдется довольно дорого, по причине неравенства подъемов, которые будут в среднем от 12 до 13 метров на километр. У западного основания гор, в равнине морского побережья, недалеко от древнего Модина, родины Маккавеев, два соседние городка, Лудд и Рамлех, окружены возделанными землями; но, как показывает самое название Рамлех, тут уже начинаются пески, и вплоть до Яффы не увидишь никакой растительности, кроме как около селений, где резервуары принимают воду временных потоков или уади. Самый город Яффа, то-есть «Холм», расположен на горке, в оазисе, пространством около 8 квадр. километров, который осаждается с севера и с юга грядами дюн; каналы, проведенные из временных потоков, и несколько колодцев, где скопляются просачивающиеся в почве воды, доставляют его садам необходимую влагу. Деревья умеренного пояса: миндальные, абрикосовые, персиковые и масличные, приносят там превосходные плоды; возделывают также банан, сахарный тростник, но большинство загороженных пространств, обсаженных гигантскими нопалами (индийская смоковница), заключают в себе лишь апельсинные и лимонные деревья, плоды которых отправляются даже в города Западной Европы (апельсинные рощи Яффы в 1880 году: 765.000 деревъ; сбор: 30.000.000 апельсин). С половины настоящего столетия площадь садов в Яффе учетверилась.

Порт Иерусалима и всей южной Иудеи с самых первых времен истории, Яффа, древняя Иоппея, не представляет, однако, судам надежного пристанища; древний бассейн, засыпанный песками, нанесенными ветром с моря, и вероятно, поднятый подземными силами, находится теперь в поясе садов, на севере от горки, на которой стоит город[1]. Берег, почти прямолинейный, продолжается с северо-востока на юго-запад, подвергаясь непрерывному удару морской волны, где плещутся акулы: здесь-то, согласно легенде, передаваемой Плинием и Иосифом Флавием высилась скала, к которой была прикована на цепь Андромеда[2]. Перед Яффой цепь подводных камней, длиной около 300 метров, образует волноразбиватель и защищает маленькую гавань, где барки и мелкие суда, сидящие не глубже 2 или 3 метров, находят убежище. Но обыкновенные суда и пароходы, совершающие правильные рейсы между портами этого побережья, останавливаются в версте от берега, готовые каждую минуту сняться с якоря, если поднимается ветер, грозящий погнать их к берегу. В этих водах море всегда волнуется; когда дуют опасные северо-западные ветры, пакетботы не могут останавливаться перед Яффой и продолжают свой путь к Порт-Саиду или к Хайфе, чтобы там выгрузить товары. Но значительное пассажирское движение, доходящее в среднем до 80.000 лиц, и товарное движение между Яффой и Иерусалимом, простирающееся до 150.000 тонн в год, при том возрастающее с каждым годом, оправдывали бы сооружение искусственного порта в глубокой воде: по проекту инженеров, этот порт, с двумя входами, одним на севере,

1 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

2 U. Guerin, „Description de la Palestine“.

другим на юге, защищаемыми волноразбивателем длиной около 360 метров, открывался бы вне цепи подводных камней, представляя судам водную площадь, превышающую 3 гектара при 8 метрах глубины; обширные пространства земли, завоеванные при этом у скал и моря, позволили бы переместить частию самый город, запертый ныне в слишком тесной ограде. Внешняя торговля Яффы находится исключительно в руках христиан, туземцев и иностранцев; она состоит главным образом в отпуске зерновых хлебов, апельсинов, лимонов и других естественных произведений (движение торгового обмена в Яффе в 1878 году: 22.500.000 франк.: вывоз 15.000.000 франк.; привоз: 7.500.000 франк.). Торговля эта могла бы без труда удвоиться, если бы обильные воды реки Нахр-эль-Аудже, текущие в 6 километрах к северу от города, были отклонены посредством водопровода и употреблены на орошение равнины, теперь бесплодной, которая простирается на север от садов. Можно бы было таким об-



Мазадская скала.

разом вновь завоевать для земледелия все Саронское побережье, славившееся в библейской древности своими «розами», которые, как полагают, были нарциссы, покрывавшие серый песок своими белыми звездами[1]. Виртембергская колония Сарона, состоящая из 250 душ, поселилась в этой местности и, благодаря искусственному орошению, создала там новый оазис. Всемирный еврейский союз (l'alliance israelite universelle) основал в окрестностях Яффы земледельческое училище, где сотни жидовских детей учатся садоводству и огородничеству. Близ города несколько больших масличных дерев, расставленных симметрически, принадлежали некогда сельско-хозяйственной школе, с образцовой фермой, основанной Кольбером[2].

На юг от Яффы большинство укрепленных городов филистимлян заменены теперь бедными селениями. Аскалон, «невеста Сирии», который, несмотря на многочисленные превратности войн и осад, продолжал быть большим городом до эпохи крестовых походов, в наши дни совершенно покинут и пришел в запустение; от него остались лишь бесформен-

1 Conder, „Palestine Exploration Fund", janv. 1878.

2 E. Melchior de Vogue, „Syrie et mont Athos".

ные развалины, да полукруг его вала, который оканчивается на севере и на юге крутыми откосами берегового утеса, господствующего над водами Средиземнаго моря; ограда занята вся огородами, где жители соседней деревни Джуры сеют еще особый вид чеснока, который обязан древнему Аскалону своим латинским названием *askalonium* (по-французски *echatote*, шарлот, мелкий чеснок). На юге страны филистимлян, и уже в соседстве пустыни, Газа (Газзе), южный город Пентаполя (Пятиградской области), о котором египетские летописи упоминают почти четыре тысячи лет тому назад, остался большим городом, благодаря своему счастливому географическому положению, которое сделало его посредником торговых сношений между Египтом и Палестиной, между Африкой и Азией. В первые времена Византийской империи он славился своими школами, и арабы приходили туда из очень далеких мест, чтобы познакомиться с эллинским миром и его идеями[1]. Газа—не город в собственном смысле слова, а скорее совокупность деревень и садов, расположенных в виде неправильного круга вокруг холма с широкой плоской террасой, повидимому состоящей частию из обломков древних строений; это так называемый квартал Лестниц, где находятся сераль губернатора и главная мечеть, бывшая церковь двенадцатого столетия. Город часто перемещался, подвигаясь к востоку перед наступающими с берега дюнами; вообще между земледельцем и песками идет постоянная борьба; приходится отгребать песок вокруг каждого фруктового дерева, растущего как бы на дне кратера[2]; но часто подвижные дюны, имеющие в среднем от 10 до 15 метров высоты, засыпали сады и жилища; во многих местах, к западу от города, отыскали под песками отрывки зданий, кучи черепков глиняной посуды, римские статуи прекрасной работы. Древняя «морская пристань» тоже почти совершенно занесена тонким песком плоского берега; едва несколько судов решаются приставать в этом месте, где они подвергаются сильному прибою волн, ударяющихся о берег, почти прямолинейный. Все движение торгового обмена производится сухим путем, по египетскому тракту: Газа стоит на половине дороги от границы до Яффы и Иерусалима.

Города Палестины и верхней долины Иордана, с их приблизительным населением: Иерусалим—41.000 жит.; Газа, по Кондеру—18.000 жит.; Хеврон (Эль-Халиль), по Кондеру—17.600 жит., Наплуза (Сихем)—13.000 жит.; Яффа—12.000 жит.; Назарет (Эн-Назира)—8.000 жит.; Сафед, по Герену—8.000 жит.; Хайфа—6.000 жит.; Вифлеем—5.500 жит.; Акка—8.000 жит.; Хасвея—4.000 жит.; Лудд—4.000 жит.; Тивериада—3.500 жит.; Рамлех—3.500 жит.; Дженин—3.000 жит.; Рашея—3.000 жит.

На Синайском полуострове нет городов. Суэц, порт западного залива Красного моря, находится на африканском берегу морского залива. Нахль или «Пальмовая роща» в пустыне Тих имеет значение преимущественно как военная станция и сборное место караванов. В Синайской пустыне, Фаран «Финиковых пальм» заменен теперь становищем бедуинов. Другой Фаран, при устье Уади-Фейрана, не существует более. Портом полуострова на западном заливе служит городок Тор, который, когда плывешь на пароходе, вдруг показывается при повороте одного мыса, полузакрытый группами пальм; международная санитарная коммиссия выбрала его как карантинную станцию для судов с мусульманскими пилигримами, возвращающимися из Джедды. Акабах, на оконечности восточного залива, ограничивающего треугольник Синайского полуострова,—крепкий замок, господствующий над несколькими палатками арабов-рыбаков и группами пальмы дум с раздвоенными стволами. Недалеко оттуда некогда стоял торговый город Елаф, существовавший еще в эпоху крестовых походов, и который был в продолжение пятидесяти лет во власти христианских королей иерусалимских. Портом его, три тысячи лет тому назад, был город Эцион-Гебер (Гавер), пристань, куда финикияне привозили для Соломона золото, драгоценные ткани и богатые произведения Индии. Впоследствии, когда пышный город Петра вырыл свои здания в горах Идумеи, и когда возникли города Декаполя (Десятиградской области) в странах Моава и Заиорданья, Акабахский залив тоже привлекал торговые флоты, и скалистый островок Гурия, лежащий

1 Starck, „Gaza und die philistaische Kusste“.

2 Warren „Palestine Exploration Fund“, april 1871.

у оконечности залива, имел важное военное значение для защиты рейда. Воды его опять оживятся, если долина Иордана вновь заселится и продолжит свои дороги на юг в Арабахскую низменность.

VI. Административные деления Азиатской Турции

Обширные азиатские владения султана делятся, как и владения Европейской Турции, на *вилайеты* или провинции, подразделяющиеся на *санджаки*, то-есть «знамена» или «полки». Некоторые административные округи, менее обширные, чем вилайеты, но имеющие особенное значение в стратегическом отношении или вследствие дипломатического вмешательства европейских держав, образуют отдельные по управлению области, называемые *мутасерифлик*. Очертания губерний Азиатской Турции и их уездов часто менялись, смотря по превратностям внешних войн и дворцовых революций: размеры областей увеличиваются или уменьшаются, смотря по степени милости, которою пользуются паши у государя. При том, административные деления не совпадают с естественными областями. Острова Архипелага, соседние с побережьем Азии, составляют часть того же вилайета, как и острова европейских вод; Багдадский вилайет захватывает, на западном берегу Персидского залива, обширную полосу полуострова Аравии, и весь Синайский полуостров, причисляемый политически к Египту, хотя он составляет продолжение сирийского побережья, ограничен прямой линией, проведенной геометрически через уади, равнины и скалы.

Следующая таблица дает список административных делений Азиатской Турции (исключая островов Самоса и Кипра), с их приблизительным населением и главными городами:

Естественные области	Вилайеты и мутасерифлики	Санджаки	Приблизит. население	Главные города
I. Армения и Понт	Требизондский (Трапезунтский)	Требизонд	250.000	Требизонд
		Джаник	260 000	Самсун, Бафра
		Гюмиш-хане	80.000	Гюмиш-хане
		Лазистан	200.000	Ризе
	Эрзерумский	Эрзерум	260.000	Эрзерум
		Эрзниджан	120.000	Эрзниджан
		Баязид	30.000	Баязид
		Байбурт	50.000	Байбурт
	Ванский	Ван	25.000	Ван
		Муш	15.000	Муш
		Гаккари	80.000	Джуламерк, Ревандоз
	Харпутский	Мамурет-эль-Азиз	220.000	Харпут
		Аргана	80.000	
II. Верхний Тигр, Месопотамия		Диарбекир	65.000	Диарбекир
		Мардин	25.000	Мардин, Низибин
		Серт	15.000	
		Малатия	45.000	Азбузу
		Моссул	290.000	Моссул
		Шехр-зор	250.000	
		Сулеймание	250.000	Сулеймание
	Багдадский	Багдад	460.000	Багдад
		Амара		
		Кербела	140.000	Кербела, Неджед
		Гиллех		Гиллех
	Бассорский	Бассора	13.000	Бассора
		Монтефик	660.000	Сук-эш-Шиок
		Неджед (Хаза)	65.000	Гофгоф, Эль-Катиф
III. Малая Азия	Сивасский	Сивас	420.000	Сивас, Токат
		Амазия	210 000	Амазия, Мерсивап
		Шебин-Кара-Гиссар	190.000	Кара-Гиссар
	Кастамунийский	Кастамуни	330.000	Кастамуни, Тозия

Естественные области	Вилайеты и мутасерифлики	Санджаки	Приблизит. население	Главные города
		Боли	260.000	Зарафан-Боли
		Синоп	110.000	Синоп
		Чангри	140.000	Чангри
	Ангорский	Ангора (Энгурие)	200.000	Ангора
		Юзгат	190.000	Юзгат
		Кайсарие	130.000	Кайсарие
		Кир-шехр	45.000	Кир-шехр
	Гудавендигиарский	Брусса	270.000	Брусса, Гемлик
		Карасси	210 000	Баликесри
		Афиум Кара-Гиссар	200.000	Кара-Гиссар
		Киутайе	250.000	Киутайте, Ушак
	Айдинский	Измир (Смирна)	310.000	Смирна
		Айдин	250.000	Айдин, Тира
		Сарухан	230.000	Киркагач, Пергам
		Ментеш	80.000	Мугла
	Ак-Динис (Белое море)	Митилени	90.000	Кастро
		Хиос (Сакиз)	40.000	Кастро
		Кос (Истанкой)	45.000	Кос
		Родос	130.000	Родос
	Конийский	Коние	290.000	Коние, Караман
		Текке	170.000	Адалия, Эльмалу
		Гамид	100.000	Избарта, Эгердир
		Нигдех	200.000	Нигдех
		Бульдур	80.000	Бульдур
	Аданский	Адана	140.000	Адана, Тарс
		Козан	65.000	
		Ичил	90.000	
		Байяс	20.000	
IV. Сирия	Алепский	Алеппо	260.000	Алеппо
		Мараш	150.000	Мараш
		Орфа	80.000	Орфа
		Зор	40.000	Биреджик, Дейр
	Сирийский	Дамаск		Дамаск
		Бейрут		Бейрут
		Гамах		Гамах
		Акка (Сен-Жан-д'Акр)		
		Белькая		
		Гауран		
		Тараблус (Триполи)		
	Джебель-и-Либван Кудс (Эль-Кодс)	Иерусалим	240.000	Иерусалим, Наплуза
V. Аравия	Геджаз	Эмарет-Мекка	65.000	Мекка
		Мушейхат-Медина		Медина
	Иемен	Сана	190.000	Сана
		Годейдах	130.000	Годейдах
		Ассир (Эбхе)	160.000	Конфудах
		Таиз	50.000	Таиз

Глава VI Аравия

I.

Этот массивный полуостров, по величине равный трети Европы, лежит в самом центре

Старого Света. Привешенный, так сказать, к континентальной массе горными хребтами, соединяющими Синай с Тавром, он принадлежит в одно и то же время, как переходная страна, к Азии и к Африке. По контурам, по направлению гор, по климатическим условиям,— это преимущественно африканская земля; по скату своих временных потоков или уади, по смежности, на протяжении слишком 1.000 километров, с бассейном Евфрата—это, напротив, одна из стран Азии. Но, хотя связанная таким образом с двумя материками, Аравия составляет, однако, отдельный мир: исторические пути не пролегают через нее; напротив, они обходят ее. Главный путь сообщения между Азией и Африкой, где во все времена происходил прилив и отлив людей, торговцев или воинов, следует вдоль сирийского побережья и проходит на севере Синайского полуострова. Огибаемый с одной стороны этой дорогой передвижения народов, омываемый с трех других сторон водами Индийского океана и его заливов, полуостров Аравийский справедливо называется Джезире-эль-Араб, то-есть «Остров арабов». Несмотря на внешния черты, большинство настоящих островов более, чем Аравия, зависят от соседних материков.

Почти замкнутая для остального человечества, Аравия была известна древним только в соседстве морского побережья. Завоеватели, о которых упоминает история, никогда не проникали в эту страну; Рим посылал туда только одну военную экспедицию, в 22 году до Р. Х., и его легионы, под начальством Элия Галла, подвинулись на некоторое расстояние внутрь полуострова только в юго-западной области, относительно населенной, которую Птоломей обозначает под именем «Счастливой Аравии»; александрийский географ знал только по рассказам караванов торговые дороги и станции, удаленные от морского берега. Со времени установления геджры (магометанского летосчисления) и до половины прошлого столетия единственные сведения, доходившие в Европу о центральной Аравии, приносились мусульманскими пилигримами, посещавшими святые города ислама. Турки, хотя их повелитель носит титул «главы правоверных», всегда занимали лишь узкую полосу аравийского побережья, на западе—вдоль Красного моря, на востоке—по окраинам Персидского залива. Более счастливые египетские армии, предводительствуемые, правда, вассалом Турции, успели, с 1810 по 1820 год, проникнуть победоносно до самого центра полуострова, в землю вагабитов; но на юге ни одна местность не была посещена ими. Нет страны, где бы завоевательные походы оставили меньше следов, чем в Аравии. Сотни обитающих там народцев никогда не слыхали стука копыт чужой лошади вблизи своих шатров.

Если арабы отлично защищены окружающими безводными и пустынными пространствами, то они все-таки не совершенно разобщены с остальным миром. Им, как привыкшим к ходьбе и езде в песках, хорошо знающим дороги и колодцы пустыни, понятно, легче выйти из своих владений, чем соседям войти туда. Древняя история рассказывает нам о победоносных вторжениях гиксов в Нильскую дельту. Известно, с какой неудержимой силой расширения явили себя арабы, потомки этих воинственных пастухов, другим народам, в качестве обратителей в свою веру и завоевателей. Энергия, накоплявшаяся из века в век в безвестных племенах, обнаружилась вдруг с напряженностью, превосходившей даже воинственный пыл греков, когда они, под предводительством Александра Македонского, хлынули завоевательным потоком на Азию. Это был взрыв, подобный расцвету запыленного столетника, который пропускают мимо себя целые поколения людей прежде, чем распуститься, но пышный венчик которого, появляющийся так внезапно, восхищает нас своим блеском. Египет, Сирия, Вавилония, Персия, Малая Азия, северная Африка, Сицилия, Испания, берега Индийского океана сделались арабскими землями, и все покоренные страны получили, вместе с завоевателями, обновленную цивилизацию. Пыл религиозной веры, могучая сила самоотвержения сами по себе еще недостаточны, чтобы объяснить изумительные колоссальные успехи аравитян; причиной их был также хороший прием со стороны самих населений; во многих странах эти завоеватели явились не для того, чтобы угнетать, а для того, чтобы освободить от существовавшего гнета. Более справедливые, чем прежние властители, более веротерпимые, несмотря на строгости их рвения, они привлекли к себе миллионы людей: менее, чем в сто лет, число называвших себя арабами, от берегов Гвадалквивира до островов Сондского архи-

пелага, вероятно, удесятерилось. Носители науки и искусств, драгоценного наследия классической древности, которому византийцы дали придти в упадок, аравитяне оживили его, напротив, и сделали плодотворным: они раздули новое пламя из тех тлеющих искр, которые медленно угасали под пеплом восточных монастырей. Таким образом арабы, несмотря на изолированное положение их отечества, имели, тем не менее, значительную долю участия в коллективном деле человечества, и потому совершенно несправедливо некоторые писатели, гордящиеся своим «арийским» происхождением, отрицают или игнорируют огромную услугу, которую оказали «семиты», сокращая для Европы длинную ночь средних веков.

В ту эпоху, когда аравитяне были господствующей нацией в Передней Азии и в бассейне Средиземного моря, их географы интересовались больше новыми странами, покоренными армиями ислама, чем областями полуострова, откуда ученики Магомета устремились на завоевание мира. Тем не менее, они описали дороги, которыми следовали пилигримы, направлявшиеся к Мекке и Медине, относительно остальной Аравии прибавили много драгоценных сведений к тем, которые нам оставили Птоломей и другие писатели древнего мира; изучение их трудов, без сомнения, откроет еще множество фактов, доселе неизвестных. Географическое исследование страны европейцами началось лишь в 1762 году, со времени путешествия Карстена Нибура в Йемен. Зетцен, Бурхардт, Али-бей, Шедюфо, Тимизье, Ферре и Галинье посетили священные города или соседние округи и проникли внутрь края. Садлиер, в 1819 году, прошел полуостров по всей его ширине, от Персидского залива до Красного моря; Фюльжанс Френель и Арно изучили в своих путешествиях особенно западные берега и юг Аравии, тогда как Вреде проникал в Гадрамаут, куда еще ни один путешественники не ходил по его следам. Уэльстед изучил внутренность Омана, а Валлин, подобно Садлиеру, совершил путешествие через всю Аравию, пройдя в самом центре полуострова в Джебель-Шаммаре. Следуя по диагональной линии, с северо-запада на юго-восток, Пальгрев отправился, в 1862 году, с берегов Средиземного моря к Персидскому заливу, посетив внутренность Неджеда. В 1864 году Гуармани прошел путь из Иерусалима в Касим. Англичанин Даути тоже странствовал в пустынях севера. Супруги Блент недавно совершили путешествие по северной Аравии из Дамаска в Багдад через Джебель-Шаммар, а полтора года спустя тем же путем проследовал г. Гюбер, который произвел также успешные исследования в пустынях северной и западной полосы и доходил до Касима. Сеть пройденных различными путешественниками дорог пересекает своими линиями всю северную область Аравии; но юго-восточные части полуострова все еще terra incognita. Всего лучше изучены провинции, соседния с приморскими портовыми городами, и особенно территории Счастливой Аравии, сопредельные с Аденом, Моккой, Годейдахом: это страна, в которую проникал г. Галеви, чтобы спуститься на востоке на покатость пустыни, списывая по дороге сотнями гимиаритские надписи, вырезанные на скалах и памятниках.

Внешние контуры Аравийского полуострова представляют массивные формы, отличающиеся почти геометрической правильностью. Рядом с тяжеловесной, неуклюжей Африкой, Аравия кажется еще неуклюжее. Западный берег, от Акабахского залива до мыса Баб-эль-Мандебского, почти прямолинейный; юго-восточный, обращенный к земле сомалов и к Индийскому океану, так же мало изрезан; только он представляет через известные промежутки несколько удлиненных кривых, и в целом развертывается в виде слегка выпуклой линии, обращенной к открытому морю. За крутым выступом материка, образующим мыс Рас-эль-Гадд, морской берег направляется на северо-запад, как бы для того, чтобы идти параллельно оси Красного моря и придать Аравии форму обширного четыреугольника; но у мыса Мазандам побережье вдруг прерывается: запруда из островов и островков ограничивает Оманский залив, образуя цепь земель, которую можно принять за истинное прибрежье материка. Собственно Персидский залив—неглубокий бассейн, прерывающий своими бухтами и бухточками правильность полуостровных контуров. В древние времена, когда земли Месопотамии еще не были отложены реками, море, почти замкнутое, в которое изливаются Тигр и Евфрат, разделяло Иран и Аравию на пространстве по крайней мере вдвое большем по протяжению, чем ныне. Залив омывал своими водами Сирийские горы, и со стороны Малой Азии,

так же, как и со стороны Египта, полуостров Аравийский соединялся с континентом лишь узким перешейком.

Разсматриваемая в совокупности, Аравия представляет рельеф почти столь же правильный, как и её внешния очертания. Краевая горная цепь и параллельные кряжи, продолжающие горы Моава и Идумеи, следуют вдоль побережья Красного и Черного моря и образуют общий хребет страны, обратив свой длинный скат к Евфрату и Персидскому заливу. По южному побережью тоже тянется краевая цепь, выступы которой выдвинулись, в виде мысов, за нормальную линию берегов. На востоке, от мыса Рас-эль-Гадд до мыса Мазандам, берег также окаймлен высокими горными цепями. Таким образом со стороны моря весь полуостров как бы замкнут в правильном вале, превосходящем во многих местах высоту 2.000 метров. Центр этой обширной ограды занимает сплошная возвышенность, соединенная несколькими хребтами с западной стеной: это—Неджед или «Высокая страна». На севере этого центрального плоскогорья земли имеют скат к равнинам Евфрата; на юге другие, менее возвышенные пространства, пустынные почти на всем их протяжении, отделяют Неджед от южных гор. Вне краевых хребтов, узкий пояс земли, образуемый холмами и плоскими морскими берегами, называется Тегама или «Жаркая страна»: это область, подобная персидскому Гемсиру или мехиканской Тьерра-Калиенте («жаркая земля»). Специально это название Тегама применяется к побережью Красного моря между Мадианскими горами и Йеменом.

Поверхность полуострова может быть исчислена лишь приблизительно, на основании съемки берегов, которую сделали мореплаватели, при чем остались еще там и сям неизследованные пространства. На севере Аравия не имеет естественных границ, разве пояс возделанных земель, окаймляющий течении Евфрата; степи, где кочуют бедуины, простираются до области проходов, по которой следует исторический путь из Антиохии в Вавилон. С этой стороны тоже не может быть никакого политического разграничения, так как номады переносят свои шатры в Гамад или Бадиет-эль-Араб, смотря по обилию или недостатку воды, тучности или скудности пастбищ, дружественным или неприязненным отношениям между племенами. Наконец, Синайский полуостров и Мадианскую землю обыкновенно считают принадлежащими к Аравии; но эти страны, причисляемые политически к Египту, включаются также, в многочисленных статистиках, в состав африканского вице-королевства, как его нераздельные части. Из этого видно, что смысл или объем географического термина «Аравия» у разных писателей различен; отсюда эти разницы в несколько сот тысяч квадр. километров, которые представляют различные исчисления общего пространства полуострова. В то время, как Бем и Вагнер дают Аравии, за исключением территорий, подвластных Турции, площадь немного более двух с половиной миллионов квадр. километров, мы находим для всего полуострова, ограничиваемого Акабахским заливом, горными массивами Идумеи, хребтами Заиорданья и долиной Евфрата, поверхность около 3.100.000 кв. километров (по Энгельгардту, исчисление которого воспроизведено у Бема и Вагнера: 3.156.558 кв. километр., считая в том числе Синайский полуостров[1]).

На этом громадном пространстве рассеяно редкое население: суммарные оценки путешественников, контролируемые одни другими, не позволяют определять больше чем в шесть миллионов душ общую цифру народонаселения Аравии. Плотность населения в сорок раз меньше, чем во Франции.

II.

Горы Идумеи, над которыми господствует вершина горы Ор, где находится могила Аарона, продолжаются к югу, окаймляя восточный берег Акабахского залива, затем Красное море, но не образуя правильного хребта. Многочисленные массивы, из которых иные просто большие скалы, тогда как другие—настоящие горы, следуют один за другим в соседстве морского берега, одни совершенно изолированные широкими уади, имеющими сотни метров

1 „Die Bevolkerung der Erde“, 1874.

расстояния от берега до берега, другие соединяясь скалистыми кряжами с внутренними горами, образующими хребет страны, которые тянутся почти параллельно берегу на расстоянии от 50 до 100 километров: этот внутренний хребет, составляющий восточную границу египетских владений, известен под именем Джебель-эль-Шафах или «Гора губы»[1]. Естественная граница всей Мадианской области, на север от Геджаса, обозначена низменностью, в которой проходит дорога сирийских пилигримов между Дамаском и Меккой. Этот путь, отмеченный линией колодцев, отделяет Гарру и её мощные вулканические потоки от песчаников Гисмаха, образующих закраину плоскогорья, и от гранитных и порфировых гор, господствующих над Мадианским побережьем. Другая дорога, которою следуют египетские пилигримы, проходит по западной покатости гор, приближаясь к морю в некоторых местах, но при переходе через высокие мысы, отступая на довольно большое расстояние внутрь материка. На восточной стороне Акабахского залива она удаляется от морского берега верст на пятьдесят, чтобы обойти гористый полуостров, выступающий при входе в залив, в виде гигантской долины, и продолжающийся в море многочисленными островками, окруженными коралловыми рифами; большой остров Тиран, принадлежащий к этому архипелагу, виден издалека по его высокой трехглавой горе.

Высоты, которые тянутся отдельными массивами или цепями, близ Мадианского побережья, носят специальное название Джебель-эль-Техама. Эти «горы жарких земель» ясно отличаются от параллельного хребта Джебель-эль-Шафах, который Бертон называет индусским именем «Гат», и достигают более значительного возвышения: гора Арнуб, оканчивающаяся на востоке вертикальной стеной в 300 метров высоты и увенчанная естественными обелисками, имеет 1.929 метров, по карте английского адмиралтейства; южнее, две вершины, Гарб и Диббаг, переходят, говорят, за 2.000 метров. Огромная гранитная масса горы Шар, около тридцати километров длиной, окруженная со всех сторон песчаными уади, обозначена на морской карте как гора, имеющая слишком 2.700 метров; но по Уэльстеду и Бертону она не достигает даже 2.000 метров. Очень неравные по форме и возвышению, пики Джебель-Техамы различаются между собой также геологическим составом и цветом скал. Некоторые остроконечные вершины, вулканического происхождения, повидимому, соединяются посредством трещин извержения с вулканами области Гарра, стоящими по другую сторону краевой цепи. Большинство горных вершин Джебель-Техамы состоят из гранита или порфира; но, кроме того, там представлен целый ряд второстепенных каменных пород, в том числе даже современные постройки кораллов, которые не перестают окаймлять бахрамой рифов морское побережье, заграждая старые порты и образуя новые. Жилы белого кварца, выступающие из крутых откосов, выветрившихся от действия метеоров, исполосовали горы либо параллельными линиями, либо геометрическими сетками, и своим ярким блеском составляют резкий контраст с розовыми, желтыми, голубыми, серыми или черноватыми цветами других горных пород. Мадианские горы тоже имеют свои музыкальные пески, как Синайский полуостров и Афганистан. Недалеко от горы Арнуб, так же, как у основания одного отрога массива Шар, вдоль старой дороги пилигримов, идет ряд Гоз-эль-Ганнан или «Жалобных бугров». Когда правоверные приближаются к этим песчаным горкам, до них доносятся нежные звуки музыки, подобные тем, какие извлекает ветер из струн арфы. С незапамятных времен арабы ходят приносить в жертву агнцев у подошвы этих гармонических холмов[2].

Разнообразию горных пород Мадиана соответствует разнообразие рудных месторождений. Вообще эта страна одна из богатейших во всем свете минералами всякого рода, и груды шлаков, встречающиеся там и сям, доказывают, что древние обитатели её производили в обширных размерах разработку этих ископаемых сокровищ. Английский путешественник Бертон и его спутники открыли три серных холма, представляющие пласты серы в чистом состоянии. Многие горы наполнены железной рудой, легко узнаваемой издали по цвету гор-

1 Richard Burton, „Journal of the Geographical Society“, 1879.

2 Burton, цитированный мемуар.

ной породы; почва почти всех уади усеяна слоями зерен металла, отложенными водами. В северном Мадиане большинство металлоносных жил заключают медь и серебро; в южном Мадиане они содержат серебро и золото. Планы для возобновления рудокопных работ уже готовы, железные дороги и амбаркадеры проектированы; остается только образовать компании для эксплоатации минеральных богатств края, что, быть может, облегчит взятие Мадиана, египетской земли, Великобританией в свое владение. Главное препятствие этим предприятиям—недостаток ключевой воды, и, по всей вероятности, придется прибегнуть, как это сделано на перувианском берегу, к машинам для опреснения морской воды.

Временный поток или уади в несколько верст шириной, Гамс, берущий начало на Хейбарском плоскогорье, и через который путешественник Гюбер перешел недалеко от его истока, отделяет в своем нижнем течении владения египетские или, вернее сказать, английские от турецкой провинции Геджас. Это название, как имена Техама и Неджед, не имеет точного географического значения, и писатели, как арабские, так и европейские, применяли его к совершенно различным областям. Геджас собственно значит «Страна раздела»; он получил такое название или потому, что его горы отделяют приморскую область от внутренних плоскогорий, или потому, что он лежит между Сирией и Иеменом, или, наконец, потому, что поверхность его разрезана массивами и отрогами горных цепей на множество отдельных долин[1]. В настоящее время наименование Геджас, совпадая с политическими делениями, употребляется для всей западной области Аравии, заключающейся между Мадианской землей и Иеменом, от берегов Красного моря до неопределенных границ внутренности полуострова, где прекращается юрисдикция великого шерифа Мекки. Впрочем, горный рельеф представляет тот же вид в Геджасе, как и в Мадианской стране. Там также отдельные массивы высятся над поясом Техамы, параллельно становому хребту, прерываемому многочисленными брешами; но ни одна из вершин Геджаса не достигает высоты 2.000 метров; самая высокая гора, Родва, имеет только около 1.800 метров, по карте английского адмиралтейства. В Геджасе, как и в Мадиане, гранитные формации и горные породы вторичного происхождения прерываются потоками лавы. Там слышна также «музыка песков», как во многих других местностях пустыни: проходя мимо одной из этих поющих горок, бедуины рассказывали Фюльжансу Френелю, что таинственный голос принадлежит душам неверных, заточенным до дня страшного суда.

В некоторых областях Геджаса скаты плоскогорья очень пологи, и рельеф почвы не представляет вида гор: так, поднимаясь из Ямбо в Медину, путешественнику не приходится переходить гребень в собственном смысле. Подъем к Мекке еще легче, но она находится на покатости Красного моря, в равнине, наклоняющейся к порту Джедда. Становой хребет полуострова, известный в этом месте под именем Джебель-Кора, проходит на востоке от священного города; он состоит из гранита, порфира и других древних пород, а предгорья его, со стороны моря, образованы из осадочных пластов, имеющих от 500 до 1.000 метров высоты. Порог или перевал Коры, на который нужно взбираться по крутой тропинке, чтобы попасть из Мекки в укрепленный город Таиф, на восточном склоне гор, лежит, по измерениям ботаника Шимпера, на высоте 1.600 метров: на севере цепь мало-по-малу понижается, но к югу она опять повышается, и высокая гора Гурнед или Бени-Суфиан, которая виднеется на юго-востоке, имеет, говорят, не менее 2.500 метров[2]. На этих высоких горах воображаешь себя перенесенным в Европу, на Апеннины или Балканы. Текущие воды весело журчат на дне оврагов, пробираясь между глыбами гранита; свежий газон, усеянный пестрой эмалью цветов, одевает зеленым ковром поверхность скал; фруктовые деревья простирают свою тень над домиками поселян: с удивлением смотришь на проходящих запыленных верблюдов и запыхавшихся бедуинов среди этих очаровательных пейзажей, которые, кажется, природа создала для пастухов и стад счастливой Аркадии.

Южная часть Геджаса, побережье которой известно специально под именем Техамы,

1 Carl Ritter, „Asien“, XII.

2 Schimper;—Burckhardt;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XIII.

обозначается в гористой области названием Ассир. И там также горный хребет представляет гранитный выступ, на котором залегают песчаники и известняки, местами встречаются вылившиеся базальтовые потоки[1]. Взятый в целом, этот хребет составляет продолжение длинной береговой цепи, но он, повидимому, выше хребта северного Геджаса: зимой там не редкость увидеть снега, и даже в апреле месяце медик Шедюфо, сопровождавший египетскую армию, видел, на высоких склонах ручьи, окаймленные у берегов льдинами. Только два перевала оказались настолько доступными, что египтяне Мехмета-Али могли воспользоваться ими в своих походах: через другие бреши горы ходят только племена обоих склонов, привыкшие взбираться на кручи. Область Ассира, защищенная, с южной части, самыми крутыми скалами, населена племенами того же имени, еще недавно независимыми; высокие долины, которые она занимает, составляют лишь весьма незначительную часть территории, означаемой по их имени на картах Аравии.

Иемен, рассматриваемый в общих чертах, есть территория треугольной формы, оканчивающая Аравию на юго-западе и ограниченная на западе Красным морем, на юге Аденским заливом, на северо-востоке горными склонами, покатыми к пустыне. Это обширное пространство, соответствующее Счастливой Аравии древних географов, почти сплошь занято гористым плоскогорьем, на котором стоят отдельные цепи, расположенные по большей части параллельно Аравийскому заливу и составляющие таким образом продолжение гор Геджаса. Эти гребни из гранита, трахита и других каменных пород достигают значительных высот, но невозможно еще с достоверностью указать самую высокую вершину. В своем путешествии из Адена в Сану, Ренцо Манцони прошел последовательно несколько перевалов на высоте слишком 2.000 метров; перевал Накиль-эль-Гадда, между городами Каттаба и Седда, находится на высоте 2.225 метров; Накиль-Лессель, к югу от Саны, столицы Иемена, прорезывает гребень на 335 метров выше. Главный торговый тракт Иемена проходит, следовательно, на высоте большей, чем Сен-Бернар и чем большая часть колесных дорог в Альпах. Еврей Шапира, посетивший, как и Галеви, своих иеменскпх единоверцев, дает горам Каукебана, на севере от Саны, высоту 3.050 метров. Многие города Иемена лежат на высоте более 2.000 метров; Сана, самый многолюдный город, находится на высоте 2.130 метров, то-есть на высоте, до какой не поднимаются шале ни одной альпийской деревни в Европе. Горы Иемена, как и горы Ассира, проникают в пояс климата, совершенно отличного от климата равнин, и многие высокие плато, одетые зеленеющим газоном, осененные деревьями, напоминают пейзажи Италии. В сотнях долин склоны обработаны террасами, образуя необозримые амфитеатры зелени. В этой гористой стране самые условия почвы и климата делали кочевой образ жизни почти невозможным. Населенная оседлыми жителями, находящими средства пропитания в продуктах земледелия и возделывающими некоторые из драгоценнейших произведений Азии, «Счастливая» Аравия была тем самым обречена на посягательства и нападения со стороны потентатов. Разделение страны на множество маленьких государств, часто воевавших между собой, облегчало вторжение чужеземцев, и в то время, как жители нижних равнин сохраняли свою дикую независимость, обитатели верхней твердыни гор становились слугами завоевателей. Во время принципата Августа, слишком девятнадцать столетий тому назад, римские легионы прошли этот край от покатости Красного моря до Гадрамаута, лежащего на отлогости, обращенной к Индийскому океану. В настоящее время Иемен—турецкая провинция, занятая сильными гарнизонами, и с 1839 года англичане овладели Аденом, лучшим портом побережья, чем обеспечили себе выгоды торговли со всем Иеменом, не имея надобности преодолевать трудности завоевания. Многие мелкие султаны внутренней части страны сохранили титул, церемониал, внешний вид независимости; но, состоя на пенсии у Великобритании, они в действительности не что иное, как её покорные вассалы.

Хотя Аравийский полуостров не имеет более ни одного действующего кратера, он, однако, принадлежит к числу стран, где очаги вулканической деятельности наиболее многочисленны. Вне горных массивов Иемена, в Техаме, окаймляющей Красное море, так же, как в

1 Millnigen Zitterer;—Mahe, рукописные заметки.

Техаме аденского прибрежья, высятся многочисленные вершины, сплошь состоящие из пород огненного происхождения. Даже именно разрыву почвы в непосредственном соседстве побережья континент и обязан образованием своих самых крутых, резко очерченных мысов и самых глубоких вырезок морского берега. Гора Джебель-Шамшан (351 метр), защищающая город Аден и соединенная с материком узеньким перешейком, есть один из этих вулканов, вылившихся из трещин морского берега: то же самое на западе, гора Джебель-Гассан, которая также выдвигается за линию твердой земли, и которую можно приметить издалека по двум её шпицам, известным у моряков под названием «Ослиных ушей». Джебель-Хау поднимает высоко над мысом свою верхушку в форме седла, а далее появляется, отделенный от моря песчаными мелями, могучий массив Джебель-Хараз (845 метров). Полуостровная скала, образующая крайнюю оконечность Аравии, между Красным морем и Индийским океаном и огибающая пролив Баб-эль-Мандебский, тоже вулканического происхождения; наконец, остров Перим, откуда англичане командуют входом в Красное море, есть не что иное, как груда красных вулканических шлаков, расположенных в виде полукруга вокруг кратера извержения.

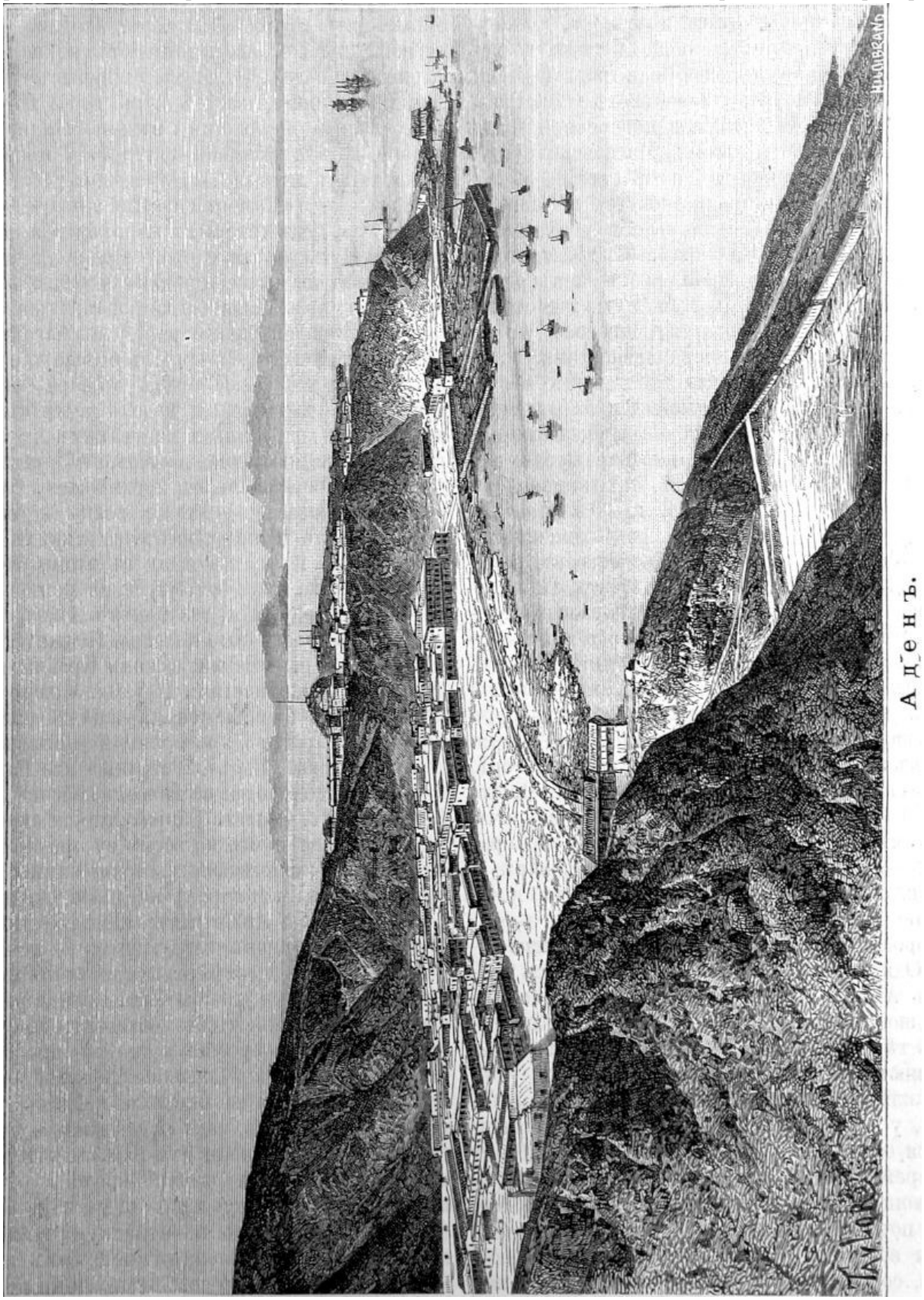
Южная часть Аравии однообразна по виду и рельефу. Пояс морского побережья почти везде довольно низмен; усеянный вулканическими горками, он постепенно поднимается террасами до известковых гор, имеющих приблизительно около 1.000 метров высоты. С другой стороны этой цепи, отстоящей средним числом на 150 километров от берега моря, почва понижается к большой центральной равнине, известной под названием Джоф. Однако, несколько высоких массивов прерывают однообразие этих стран. Горы Яфия, оканчивающие на юге орографическую систему Иемена, тянутся на восток, параллельно побережью, и продолжаются другими цепями. Одна из вершин массива Джебель-Фадли, в 125 километрах к северо-востоку от Адена, поднимается на 1.659 метров над уровнем моря. Далее, массивы Джебель-Коры и, во внутренности материка, Джебель-Керн и Джебель-Аулаки, поставленные на плоскогорье, средняя высота которого около 1.000 метров, превосходят, вероятно, своими вершинами ближайшие к побережью хребты; Цахура и Каур-Сейбан, на северо-западе от Макаллы, достигают 2.400 метров[1]. Глубокая долина, где бежит, после редких ливней, поток уади Хаджара или Моссиле, берет начало на восточной покатости Иемена и пересекает через всю ширину южную гористую область, впадая в море близ мыса Рас-эль-Кельб, в расстоянии слишком 400 километров от Адена. Массивы, которые огибает на востоке долина этого уади, принадлежат двум различным формациям. Западные горы, с закругленными или конусообразными вершинами и почти везде легко доступные для восхождения, состоят из кварца, гнейса, сланцевых пород, одетых во многих местах травянистой растительностью и кустарником. Восточные высоты, образованные из известняков и песчаников, расположенных правильными пластами, имеют совершенно иной вид. Вдоль временных потоков, спускающихся к морю равномерным скатом (1 метр на 80), стоят горки высотой от 100 до 150 метров, вытянутые в прямую линию, как палатки в лагере. За этим первым рядом высот следует второй, в четыре или в пять раз выше, каждая горка или *амабс* которого имеет вид усеченного конуса; от вершины до вершины все террасы соответствуют одна другой: очевидно, они составляли некогда поверхность сплошного плоскогорья, которую воды ливней разрезали на отдельные башни. Этот процесс дезагрегации (разделения на части) продолжается из года в год; песчаники выветриваются, распадаются от действия метеоров; остаются только скелеты скал, на которых не растет ни одна былинка[2]. Одна из этих цепей состоит из двадцати двух гор, столь правильно разрезанных и так мало отличающихся одна от другой, что Мильз и Мунцингер дали им прозвище «Двадцати двух братьев». В этой области единственные годные для культуры земли—наносы, отложенные у подошвы холмов, вдоль временных потоков: эти продольные оазисы прерываются через известные промежутки каменистыми полями, покрытыми мелкими камешками, скатившимися или перенесенными из боковых

1 Adolf von Wrede, „Reise in Hadramaut“.

2 Munzinger, „Journal of the Geographical Society“, 1871.

оврагов. Некоторые долины Нижних Альп имеют подобные пейзажи.

За мысом Рас-Фартак, лежащим напротив африканского мыса Гвардафуй или Рас-Азир, и грозный утес которого господствует над входом в Аденский залив, аравийский берег, раз-



А д е н ъ.

резанный на несколько больших полукруглых бухт, постепенно понижается. Две приморские цепи, Джебель-Камар и Джебель-Сабхан поднимают еще свои голые скалы до тысячи слишком метров высоты; но между грядами береговых гор открываются широкия бреши, че-

рез которые песчаные пустыни внутренности страны сливаются с плоскими берегами моря. Как это обыкновенно бывает перед низменными берегами, морское ложе медленно понижается против этих пустынных равнин. Тогда как у основания цепи Джебель-Сабхан лот уже в 6 или 7 километрах от берега находит глубины 2.000 метров, бухта Курьян-Мурьян не имеет даже 100 километров от побережья. Три островка, скалы, подводные камни и гранитный остров Гуллания, расположенные на одной линии, по направлению с запада на восток, перед этой бухтой, и составляют настоящий берег. На юг от этого берега, морское ложе быстро понижается; в нескольких километрах к югу от острова Гуллания, над которым господствует остроконечная вершина в 302 метра высоты, лот достигает дна лишь на глубинах, превышающих 3.000 метров. На юго-востоке большой остров Мазира (Мозера), который тянется параллельно побережью на пространстве около 70 километров, едва отличается от соседнего материка; только легкия плоскодонные суда могут пускаться в усеянный песчаными мелями пролив, отделяющий этот длинный остров от твердой земли.

Большие горы снова появляются у Рас-эль-Гадда, восточного мыса полуострова, где морской берег вдруг поворачивает к северо-западу. Там высится массив Омана, соответствующий массиву Иемена: уступая последнему протяжением, он поднимается на равную с ним высоту; здесь-то, может быть, будущие измерения геодезистов и найдут кульминационную точку Аравийского полуострова. От мыса Рас-эль-Гадд до мыса Рас-Мазандам, конечного столба Аравии, господствующего над входом в Персидский залив, горы высятся почти везде крутыми откосами над глубокими водами моря; у основания большинства гор нет береговой равнины, подобной Техаме, разве на западе от Маската, где поля Батна или эль-Батина окаймляют вогнутость обширной бухты. Скалы Омана составляют резкий контраст со скалами Иемена своим страшным голым видом, так же, как крутизной своих склонов. В сравнении с Маскатскими горами, бедные растительностью горы Синайского полуострова кажутся настоящим «садом» говорит ботаник Оше Элуа. Каменные стены, серые, коричневые, красные и зеленые, известковые, шиферные и серпентиновые, являются во всей их наготе с выступами и впадинами, со всеми мельчайшими деталями их пластов и сводообразных пустот различных форм и цветов.

Разсматриваемые в общем виде, возвышенности Омана состоят из первой цепи, идущей вдоль морского берега от мыса Рас-эль-Гадд до Маската, из поперечной гряды гор, которая от высот Маскатских продолжается в западном направлении, и из третьей цепи, которая изгибается к северо-западу и к северу, оканчиваясь у базальтовых мысов Рас-Мазандама. В действительности, эти три цепи составляют часть одной и той же орографической системы, изгибы которой, выпуклые и вогнутые, притом усложняемые детальными неправильностями, зависящими от существования боковых массивов и отрогов, развертываются параллельно побережью Индийского океана. На юге от Маската средняя высота гор около тысячи метров; но одна из вершин, находящаяся к югу от Маската, в узле, где соединяется поперечная цепь, достигает, как означено на морской карте, высоты 1.920 метров: это—гора Джебель-Фатлат или Кариат На западе центральная гряда поднимает свои верхушки слишком на 2.000 метров; а одна вершина, видимая с моря, даже достигает будто бы высоты 3.017 метров: это самый высокий пик из всех, указанных до сих пор путешественниками в Оманской области. Один город, Ширази, у южной подошвы гор, лежит на высоте 1.885 метров[1]. Часто, зимой, эти горы Омана бывают покрыты снегом: но что всего более поражает арабов,—это не временная белизна вершин, а зелень, рассеянная на склонах: отсюда и название Джебель-Ахдар или «Зеленая гора», которое им дали, как самой высокой верхушке. Однако, вид, обнимаемый взором с крупов Ахдара, представляет лишь весьма небольшое число пятен на скатах, если исключить те места, где ирригационные каналы разветляются на возделанных террасах.

Узкий полуостров Рас-Мазандам, который, у входа в Персидский залив, выдвинулся остроконечным мысом к персидскому побережью и который, вследствие давления ниже ле-

1 Wellsted, „Travels in Arabia“.

жащих слоев, кажется, согнул их горные породы, величественно завершает собою горы восточной Аравии. Оконечность полуострова, состоящая из базальтов и фонолитов, разрезана на подобие ветвей оленьих рогов; глубокия бухточки разветляются целым лабиринтом между скалами; наидалее выдвинутый в море мыс, Рас-Мазандам, тоже разрезан на двое огромной расселиной, темной аллеей, где могут плавать большие корабли, между двух вертикальных стен, поднимающихся на 300 метров высоты и отстоящих одна от другой всего только на расстояние брошенного камня. В море, против полуострова, другие скалы поднимаются перпендикулярно из волн. Этот высокий мыс, разделяющий защищенные от бурь воды Персидского залива и страшные пучины Индийского океана, во все времена считался у моряков священным местом. Передовой утес Мазандама—это «Камень спасения» или «Доброго приема», над которым парят гении-покровители. Пускаясь в открытое море, арабский мореплаватель приносит жертву благодетельной скале; возвращаясь из дальнего плавания, он воздает ей благодарение за благополучно совершенный путь. Индус бросает в воду цветы и кокосовые орехи в дар богам, или спускает на волны модель ладьи с разноцветными парусами и маленьким грузом риса. Если миниатюрное суденышко счастливо достигнет берега, то это предвещает благополучное плавание; если же волны потопят кораблик, то нужно опасаться всяких злоключений в пути, и потому в этом случае благоразумнее всего вернуться в порт.

Горы, образующие в центре Аравийского полуострова различные массивы Неджеда, соединяются с береговыми цепями Красного моря и с возвышенностями Идумеи. Можно сказать, что они начинаются на западе при-евфратских пустынь кратерами и застывшими потоками лавы «Горелой страны» или Гарры. которая продолжается на юг от массива Джебель-Гауран. Область Гарра остается еще неисследованной почти на всем её протяжении, по причине покрывающих почву камней, которые делают эту страну неудобопроходимой для верховых животных; тем не менее, несколько тропинок, следующих по течению извилистых уади, змеятся среди этого хаоса; очевидно, пастухи должны были некогда расчищать эти дорожки, чтобы облегчить проход стадам между поросшими травой пространствами. Камни, покрывающие поверхность Гарры, распределены во многих местах правильным образом, как будто частые содрагания почвы заставили их расположиться в виде геометрических фигур; кроме того, расположение их имеет такой вид, как будто они были раскиданы по порядку размеров и контуров: тут большие глыбы, там мелкие камни, далее земли, рассыпающиеся в прах, в иных местах блестящие плиты. Камни не нагромождены кучами; они покрывают землю простым слоем плотно прилегающих один к другому кусков, как будто огромный каменный пласт был разбит на осколки разной величины. Там и сям простираются также *ка*, то-есть голые пространства, твердая почва которых, словно спалённая солнцем, разрезана на пятиугольники и шестиугольники, как колончатые базальты. Ни одна былинка не пробивается между черными плитами; но щебень, нанесенный ветром, наполняет промежутки этой геометрической сетки, точно покрывало из тюля, накинутое на лицо пустыни[1]. В некоторых частях этого каменистого пространства контраст цветов придает разбросанным по земле камням замечательную правильность: в то время, как полуденная оконечность каменных глыб, обращенная к жгучему солнцу, остается полированной, северная сторона, выставленная действию северных ветров, покрылась сероватым лишаем: путешественник, едущий из Дамаска, видит перед собой только серые камни, а на обратном пути только камни с блестящей поверхностью, так что нет легче, как ориентироваться в пустынях этой Гарры[2].

На восток от Мадианской земли простирается другая Гарра, тоже вулканическая, известная только арабам: из этой пустыни вывозятся базальтовые ступки и жернова, употребляемые туземцами соседнего морского берега. Географический словарь Якута указывает не менее двадцати восьми различных «Гарр» между Джебель-Гаураном и Баб-эль-Мандебом. Единственная «горелая область», о которой упоминают как о проявлявшей вулканическую деятельность в течение исторического периода, есть так называемая «Огненная Гарра», воз-

1 Wetzstcin, „Reisebericht uber Hauran und die Trachonen“.

2 Anne Blunt, „Voyage en Arabie“, trad. par Derome.

вышающаяся на северо-востоке от Медины, близ города Хейбара. Предание говорит, что она была в извержении за шесть столетий до Магомета, и что она извергала еще лаву в царствование калифа Омара; священная гора Огод принадлежит к этому массиву вулканов. Английский исследователь Беке, задавшийся целью отыскать гору Синай, где евреи получили скрижали заповедей, думает, что нашел ее между вулканическими горами какой-либо Аравийской Гарры: так он объясняет столп, днем облачный (столб дыма или паров), ночью огненный, который указывал израильтянам путь в пустыне[1]. Большинство кратеров извержения, которые в другом климате обратились бы в озерные бассейны, представляют иногда на дне грязные лужи, скоро испаряющиеся, после чего от них остаются слои скользкой и вязкой глины, ходить по которой очень трудно. Дороги, бороздящие «Горелую» область, узнаются лишь по легкому отблеску, произведенному на поверхности камней проходом караванов, в течение сотен и тысяч лет; в некоторых местах скала до такой степени тверда, что вековые шаги не могли сообщить ей ни малейшей шлифовки; дорога, по которой нужно следовать, обозначена только верблюжьим калом, который арабы проходя растаптывают ногами, чтобы приклеить его к камню. Округ Хабир, через который проходил путешественник Гюбер, походит на Сирийскую Сафу своим видом, напоминающим поверхность расплавленного вещества: словно видишь перед собой массу клокочущего железа, покрытую огромными пузырями, из которых одни еще цельные, другие уже лопнувшие и представляющие на окружности острые ребра в роде излома стекла[2]. В некоторых местах, где лавы расположены кругообразными полосами, можно подумать, что они выходили круговращательным потоком из подземных котлов[3].

К тому же горному узлу, где находится «Огненная Гарра», примыкает самая северная цепь Неджеда, Джебель-Аджа. Равнина, на которой стоят гряды гор Неджеда, поднимается уже на 1.000 до 1.200 метров над уровнем моря, но относительная высота гребней не более 500 или 600 метров; по словам мистера Блента[4], самые высокие вершины едва переходят за 1.800 метров над уровнем моря. Предгорья состоят из песчаниковых пластов, красных или желтых, но чернеющих от влияния атмосферных деятелей: многие стены, когда на них смотришь с равнины, кажутся совершенно черными; на них нельзя уже различить надписей, арамейских и арабских, и изображений верблюдов, диких коз и других животных, вырезанных древними путешественниками. К югу от этих передних гор обрисовывается профиль главного гребня, собственно Джебель-Шаммар (Шомер), скалы которого, состоящие из розового гранита, сохраняют свой блеск, сливаясь вечером с отблесками заходящего солнца; у арабов есть поверье, что жилы ярко-красного цвета, выделяющиеся на розовом фоне стен— это кровь братоубийцы Каина, текущая с чела горы. Над оазисом Гайль гранитная гора вдруг обрывается, и далее на восток не продолжается никакой другой цепью; но по направлению к югу высится параллельная гряда, Джебель-Сельма, к которой с южной стороны примыкает Касимское плоскогорье. Г. Гюбер констатировал существование древних кратеров в цепи Сельма; один из массивов, очень трудный для перехода, известен под именем «Геенны» или «Ада».

Низменность или долина, частию наполненная песками, и абсолютная высота которой варьирует от 1.200 до 1.500 метров (по мистеру Бленту), ограничивает северный массив Неджеда и отделяет его от другой группы гор, Джебель-Товенк, которой более специально присвоено название Неджед[5]. Товенк или «Гирлянда» вероятно обязана этим наименованием своей форме, напоминающей форму полумесяца. Он развертывается в виде обширного полукруга, северная оконечность которого параллельна берегу Персидского залива; затем изгибается к югу и юго-западу, чтобы слиться с плоской возвышенностью, на востоке от Мекских

1 Beke, „Mount Sinaia Volcano“;—„Sinai in Arabia“.
2 Huber, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.
3 Buckingham, „Travels in Mesopotamia“.
4 „Proceedings of the Geographical Society“, febr, 1880.
5 Gifford Palgrave, „Central and Eastern Arabia“.

гор. Пальгрев определяет среднюю высоту Джебель-Товенка всего только в 300 до 600 метров над уровнем окружающих равнин; тем не менее, эти горы представляют на окружности грандиозное зрелище, так как они оканчиваются со всех сторон крутыми утесами, отвесно поднимающимися над пустыней. В бесконечном лабиринте долин и ущелий откосы скал также высятся вертикальными стенами: почти сплошь состоящий из известковых пластов, Товенк представляется в виде множества пирамид, из которых каждая составлена из двух или трех ступеней; верхняя терраса имеет ровную поверхность, за исключением двух или трех мест, где гранитные стержни высовываются из известковой породы; весной верхние столы и еще более ступени на окружности пирамиды покрываются ковром зелени; там и сям, в наиболее влажных местностях плоскогорья, показываются деревья, а северная провинция Неджеда, Седеир или Сидр, даже обязана своим именем одной древесной породе, ветви которой походят на ветви дуба. На востоке песчаная терраса, образующая пьедестал Неджеда, оканчивается со стороны Персидского залива, над береговыми равнинами, крутыми откосами, которые можно бы было назвать континентальным яром.

Область в полмиллиона слишком квадр. километров, занимающая все основание полуострова, между горами Заиорданья, горами Идумеи и «Горелых земель» или Гарра на западе, массивом Джебель-Шаммар на юге, равнинами Евфрата на востоке и на северо-востоке, образует Гамад, называемый также Бадиет-эль-Араб, «Аравийское пространство», или Бадиет-эш-Шам, «Сирийское пространство». Это страшный Шоль, на который прибрежные жители Евфрата, взбираясь на высокие откосы долины, приходят иногда посмотреть, но в который они не отваживаются проникать. А между тем большая часть этой страны есть не что иное, как степь, где кочующие бедуины находят в изобилии траву для своих стад; но есть также местности в Гамаде,—даже вне вулканических, занятых потоками лавы, округов,—которые сплошь покрыты камнями различной формы и величины: в одном месте поверхность устлана мелкими камешками, в роде тех, какие мы видим на морском берегу, в другом почва вымощена плитами, кусками гранита, песчаника, кремня, известняка, спаянными как бы чем-то в роде цемента; в иных местах пески развертываются длинными волнами, разделенными узкими долинами, покрытыми галькой; наконец, некоторые части плоскогорья представляют правильные столы, увенчанные конусами и призмами, остатками верхнего плато, постепенно разрушенного атмосферными деятелями: это так называемые *гамады*, в роде тех, какие встречаются в мавританской Сахаре[1]. Эти пустынные пространства, через которые теперь проезжают, из Багдада в Дамаск, следуя по линии источников и колодцев, курьеры английского консульства и турецкого правительства, и есть та страшная страна, которую, в первые годы войн ислама, прошел Халед во главе девятитысячного отряда. Никогда подобный поход не был совершен ни ранее, ни после того. Пройдя по долине Уади-Сирхана, Халед бросился в пустыню, чтобы обойти область Гаурана, охраняемую византийской армией, и пошел прямо на Тадмор (Пальмиру); в течение пяти дней люди и лошади не имели другого питья, кроме небольшого количества верблюжьего молока и воды, содержащейся в желудке зарезанных верблюдов. Отряд прибыл, однако, в Тадморский оазис, и вскоре после того его силы, соединенные с сирийским войском, опрокинули полчища византийских солдат[2].

На север, на восток, на юг от Джебель-Шаммара и Неджеда простираются пустыни, и даже между двумя массивами продолжается песчаная коса, как бы пролив между двумя островами. Эти песчаные пространства, идущие вдоль гор и не настолько широкия, чтобы нельзя было рискнуть пройти их, из оазиса в оазис, известны в крае под именем Нефудов; они составляют ветви большой пустыни, простирающейся на юго-восток, между Неджедом, Гадрамаутом и Оманом, и занимающей почти четверть полуострова: подобно заливам, бухтам и разветвляющимся корридорам фьордов, нефуды врезываются меж горных массивов своими песчаными ложами (из красного или белаго песку), составляющими бывшее морское дно,

1 William Muir, „Annals of the Early Caliphate“.

2 William Muir, цитированное сочинение.

постепенно приподнятое. Наиболее известный из Нефудов тот, через который проходили Пальгрев, Пелли, Гуармани, Даути, караваны Вильфрида Блента и Гюбера; тем не менее, описания путешественников, посетивших эту местность, значительно разнятся, что, без сомнения, происходит в большей части оттого, что переходы через пустыню совершались в различные эпохи года. Пальгрев прошел ее в два дня, в конце июля, в жаркое время года; супруги Блент путешествовали в половине января, с более обильными запасами провизий и воды, и их остановки были на половину менее продолжительны: однако, и они едва не погибли в последний день пути. Гюбер прошел Нефуд безопасно.

Северная окраина пустыни представляет каменистое пространство, подобное покинутому водами берегу, и несколько дюн из белого песку тянутся вдоль побережья бывшего моря, другие пространства, у подошвы гор Неджеда, состоят из гранитного гравия, известного под именем бата[1]; но собственно Нефуд состоит единственно из крупного песку, красного цвета, почти малинового после дождей с грозой или по утрам, под влажностью росы: при полном свете солнца, когда путешественник чувствует уже пробегающую по телу дрожь лихорадки, и когда его глаза, на половину ослепленные, тщетно ищут точки в пространстве, на которую они могли бы смотреть без страдания, ему кажется, что он идет по кровавому или огненному морю: это—«пламенные волны», сталкивающиеся и переплетающиеся от действия ветра. Волнообразные возвышения песку, которые следуют одно за другим на поверхности Нефуда, достигая в некоторых местах высоты 100 метров, показались мистеру Бленту неимеющими никакого определенного направления и рассеянными в беспорядке. Пальгрев сравнивает их с длинными морскими волнами, подобными тем длинным правильным складкам, которые образуются под дуновением пассатных ветров: по его словам, нормальное их направление с севера на юг. Он даже пытается объяснить происхождение этих параллельных песчаных волн не действием атмосферных течений, но вращательным движением земного шара: перемещаясь с запада на восток, твердая поверхность нашей планеты, по его мнению, испытывает некоторое сопротивление со стороны лежащих на ней подвижных слоев песку, подобно тому, как в экваториальном поясе вода океанов отстает от движения земли и дает таким образом первый толчок морским течениям; так же точно в пустынях Аравии пески, отставая от земного вращения, перемещаются постепенно от востока к западу, хотя и чрезвычайно медленно.

Физики, которые будут странствовать в пустынях Аравийского полуострова после Пальгрева, Блента и Гюбера, должны будут еще объяснить образование *фульджей* или воронкообразных пропастей, встречающихся в большом числе в Нефуде, которые спускаются до твердой почвы камня, глины или даже растительной земли, через всю толщину песчаных масс. Пальгрев говорит о воронках, которые будто бы имеют около 240 метров глубины; мистер Блент нашел только 70 метров для вертикальной высоты самого глубокого из фульджей, в которые он спускался; Гюбер видел один в 80 метров глубины, на дне которого выкопаны три колодца. По ширине размеры этих пропастей так же различны, как и по глубине: одни имеют несколько десятков, другие несколько сот метров. Их нормальная форма—неправильный цирк или котловина с равномерно покатыми стенками; все они скорее походят на следы, какие оставило бы копыто гигантской лошади; все обращены выпуклостью к западу или северо-западу, с восточной же стороны во всех есть овраг, вырытый потоками дождевой воды, образующимися во время ливней. Наклон скатов неравный: скаты, обращенные на юг, вообще круче, чем скаты восточного фаса. Дюна в форме полумесяца, навеваемая ветром с боку фульджа, поднимается от трех до десяти метров над краем пропасти, обращенная пологим скатом к пустыне, а крутым к воронке; от времени до времени песчаные частицы осыпаются, и естественно является вопрос: почему все фульджи не были постепенно засыпаны этим падением песков; однако, большинство имеют еще свободное пространство на дне, а на скатах растет кустарник, свидетельствующий о медленности, с которою изменяются их контуры. С вершины одной каменистой горки, которая высится словно пирамида среди

1 Huper, „Bulletin de la Societe de Geographic de Paris“, 1884.

необозримого пространства песков, Блент мог обнять взором целый ряд фульджей, и ему показалось, что их нормальное направление с востока на запад, но что оно образует извилистую кривую временных потоков или уади. Быть может, они и в самом деле обязаны своим происхождением движению вод в глубинах: ручьи дождевой воды, низвергаясь в эти пропасти, исчезают под землей, увлекая с собой песок в расселины почвы. Есть также впадины, где еще видны следы бывших озер: такова котловина, пространством около 40 квадр. километров, в которой находится деревня Джобба, на южной окраине Нефуда, недалеко от первых предгорий Джебель-Шаммара; глубина его по меньшей мере 60 метров ниже уровня равнины (120 метров по Пальгреву.) Впрочем, г. Гюбер видит в «концентрических берегах» этого бассейна лишь выемки или ступени, вырытые атмосферными деятелями в наиболее хрупких и разрушающихся слоях песчаника[1].

Северный Нефуд не совершенно лишен растительности и животной жизни. Одно растение из семейства молочайных, *гада*, унизывает почву в виде кустов, вокруг которых обвивает свои лозы *иерта*, лиана, похожая на виноград; в песке ростут сочные травы, по большей части группами, с исключением всякого другого вида; весной кочевники могут гонять свои стада на паству в пустыню; они живут там иногда по целым неделям, не имея другого питья, кроме верблюжьего молока. Правда, что кости людей и животных, рассеянные на следах, оставленных проходом караванов между оазисами, свидетельствуют об опасностях, с которыми сопряжен переход через пески; но тем не менее, арабы страстно любят жизнь в пустыне: там они чувствуют себя счастливыми и свободными; там человек достигает глубочайшего сосредоточения своего существа, полнейшего обладания своими нравственными силами; неудивительно поэтому, что большинство религий Востока были открыты их основателям в пустыне[2]. «Чем пустыннее земля, тем больше человек сосредоточивается в самом себе, погружается в самосозерцание», говорит один древний писатель. На европейских путешественников пустынная природа производит, как и на арабов, глубокое впечатление. По возвращении в местности, разделенные на тысячи клетков загородами частных владений и стенами городов, они, подобно бедуинам, испытывают чувство стеснения и грусти по широкому раздолью беспредельной пустыни[3].

Но никто не отваживается пускаться в так называемую «красную пустыню» Даны, простирающуюся на юг от Неджеда к побережью Гадрамаута. В этой области карты показывают еще пространство, не имеющее никакого географического имени. Может быть, будущие исследования откроют какие-нибудь оазисы на окраинах этого океана дюн. Там, где путешественник Вреде приставал к нему, на севере Гадрамаута, пустыня, называемая в этом месте Эль-Ахаф, не имеет ни одного деревца, ни одной былинки; с высоты плато (высотой около 300 метров), господствующего над песчаным пространством, видишь только волну за волной на необъятном море песков: нигде не заметно ни малейшего следа растительности; ни одна птица не летает над безмолвной, безжизненной равниной. В этом океане дюн местами открываются страшные бездны, называемые Бахр-эль-Сафи или «Море Сафи» по имени царя, вероятно легендарного, который будто бы был поглощен песками со всем своим воинством. Бедуины говорят, что на дне этих пропастей лежат несметные сокровища, под охраной гениев, но сыны пустыни не пытаются овладеть этими богатствами, и в своих экскурсиях по опушке Даны тщательно избегают этих песчаных «топей», легко узнаваемых по ослепительной белизне песков, которые составляют резкий контраст с желтоватым песком окружающих дюн. Вреде должен был один идти к «морю Сафи». Вооруженный длинной палкой, чтобы зондировать почву на каждом шагу, он подошел к каменистому краю пропасти: палка сразу ушла в белую пыль, словно в воду; камень фунта в три весом, привязанный к бичевке длиной около 110 метров, тотчас же исчез; пять минут спустя, конец веревки, увлеченный грузом, то же исчез, в свою очередь. Бедуины, бледные как смерть, с ужасом смотрели изда-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, цитированный мемуар.

2 Georg Ebers, „Aegypten“.

3 Ali-bey, „Voyage en Tripoli“ etc.

ли на беседу путешественника с духами[1]. Жидкое состояние песков можно объяснить только существованием под ними потоков или бассейнов воды или других жидких тел, какова, например, нефть. Источники горного масла, текущие на боках соседних скал, быть может, образуют подземные озера в глубоких впадинах, однако, более вероятно, что под слоем песков проходят ручьи, обнаруживаемые, через известные промежутки, колодцами, где скопляется тонкая пыль, приносимая ветром; по рассказам бедуинов, извилистая цепь пропастей продолжается будто бы на протяжении восьми дней ходьбы по окраине пустыни.

III.

Аравийский полуостров лежит в поясе юго-западных муссонов. Все получаемые им дожди, если исключить область, прилегающую к Средиземному морю, приносятся ему этим воздушным течением; но муссон перед тем проходит через африканский континент или по крайней мере вдоль его восточных берегов, и влажность, которою он насытился в экваториальных морях, уже снова вылилась, в большей части, на горы, которые он омывал в своем движении. Ливни, остающиеся затем на долю Аравии, недостаточны, чтобы покрыть ее растительностью: только горные массивы, поднимающиеся в высшие слои атмосферы, задерживают облака на проходе и получают некоторое количество воды, которое изливается в виде временных потоков или даже в виде постоянных источников и ручьев: внизу, в равнинах, граница возделанных земель обозначена последними струйками воды, которые питаются дождями или снегами, выпадающими на горах. Иногда первое дуновение муссона, в конце марта или в начале апреля, приносит несколько ливней, очень желательных земледельцам; но обыкновенно большие дожди совпадают с периодом сильных жаров. Нормальный сезон гроз и ливней значительно разнится в различных областях полуострова, смотря по географической широте, рельефу земной поверхности, близости того или другого моря, уклонениям и круговоротам, происходящим в перемещении воздушных масс. В горах Иемена сильные дожди выпадают обыкновенно в эпоху нормальную для климата тропиков, то-есть в конце июня и в июле месяце. Иногда в эту пору года Аденская скала получает от 16 до 18 сантиметров дождевой воды[2]; но случается также, что ливней совсем не бывает: в три года, с 1869 по 1872, цистерны Адена были наполнены только один раз[3]. В Геджасе дожди ждут преимущественно в декабре; в Маскате и в массивах Омана наибольшее падение атмосферных осадков замечается в декабре и январе. В среднем, падение дождевой воды довольно обильно в обитаемых областях южной Аравии до шестнадцатого градуса широты: оттого молитвы о ниспослании дождя, занимающие такое широкое место в обычном культе северных племен полуострова, не встречаются в ритуале южных народцев[4]. Но обильны ли дожди или нет, во всяком случае гористый пояс, получающий их, недостаточно широк, чтобы избыток влажности спускался до моря, по крайней мере поверхностными потоками. На западной покатости нет ни одной реки, которая бы круглый год протекала через весь пояс Техамы, чтобы достигнуть Красного моря: все существующие там реки и речки—исчезающие, по-арабски *мазиал* (*мазил*, *мазилах*). подобные итальянским *fiumare*, индийским *наллахам*. Вода иссякает по дороге в прибрежных возделанных землях, и сколько раз она бывает недостаточна для орошения полей! Часто населения ждут по целым неделям и даже месяцам живительной воды; то и дело смотрят на небо, вопрошают ветер и все явления атмосферы; обычные дела прерываются; даже война приостанавливается между племенами. Все жители деревни, от мала до велика, собираются где-нибудь на открытом месте, чтобы внимательно следить за облаком, образующимся на горизонте, и когда оно разрешится дождем, когда вода заструится в оврагах и песчаное ложе уади наполнится быстрым потоком, собравшаяся толпа приветствует это событие песнями и радостными криками. Народ бежит в перегонку с наводнением, обра-

1 Adolf von Wrede, „Reise in Hadhramaut“.
2 Grisebach, „La vegetation du Globe“, trad, par Tchihatcheff.
3 W. Kropp, „Annales hydrographiques“.
4 Von Maltzan;—Hann, „Handbuch der Meteorologic“.

зуя кортеж, сопровождающий давно желанный поток, точно какое-нибудь божество.

Но при выходе из гор земледельцы располагают лишь частью выпавшей с неба воды. Где начинаются пески и каменистые пространства пустыни, там потоки исчезают. Некоторые из них снова выходят на поверхность в низинах или лощинах и образуют оазисы, когда вода не насытилась солью в недрах земли; есть и такие, которые скопляются в озера, постоянные или временные, в глинистых впадинах. Когда вода в этих бассейнах испарится, одни из них являются белыми от покрывающего их соляного налета; другие, которые были наполнены пресной водой, представляют лишь бурую поверхность опорожненного водовместилища, изборожденную правильными трещинами; но с небольшого расстояния виден еще свет, отражающийся как бы от жидкой площади; нигде мираж воды не является чаще и не производит более полной иллюзии, как в тех местах, где естественно нужно было рассчитывать найти воду, то есть в бассейнах высохших озер: можно сказать, что, испаряясь, озерная поверхность оставляет по крайней мере свой образ[1]. Не менее драгоценная в Аравии, чем в Персии и в Афганистане, вода не сберегается там с такой же заботливостью, как в этих двух странах: на полуострове, исключая нескольких долин Омана, некоторых частей Неджеда и области священных городов, незнакомы с искусством перехватывать ручьи при выходе их из гор и проводить их воду на требующие орошения земли посредством подземных каналов, пробуравленных колодцами на равных один от другого расстояниях. Но почти во всех странах Аравии устроили *биркеты* или выложенные камнем резервуары, и вырыли глубокие колодцы. Самые замечательные колодцы-те, которые Зобеида, супруга калифа Гарун-аль-Рашида, велела высечь в скале, на дороге пилигримов из Мекки в Багдад; некоторые из этих колодцев имеют до 70 метров глубины, но большинство без воды или содержит лишь немного грязи на дне[2].

В Омане *феледжи*, подобные *канатам* персиян или вырытые, вероятно, под их руководством, в прошлом столетии, позволяют распространять пределы оазисов в долины: оттого эти водопроводы, составляющие вообще общественную собственность, поддерживаются общинами с величайшей заботливостью, и в местностях, подвергающихся набегам разбойничьих племен, их защищают правильными укреплениями: там каждый источник охраняется крепостцой[3]; гораздо важнее защищать воду, чем самую деревню, так как от воды зависит жизнь населения. Прорытие феледжей во всей Аравии, без сомнения, удвоило бы оседлое население страны; по берегам временных потоков или уади, где теряются «дикия воды», появились бы обработанные поля и города; русла бывших рек, из которых иные, как например, Уэд-Эрмек или Румма, приток Евфрата, пересекают полуостров во всю его ширину, были бы частию восстановлены прибрежными культурами. Не подлежит сомнению, что реки Аравии, получающие начало в горах Неджеда, текут под землей до Персидского залива. По всему западному побережью этого моря пресноводные ключи бьют со дна под слоем соленой воды: остров Барейн в большей части обязан своим растительным нарядом и, следовательно, своим населением обильным источникам, которые там выходят наружу, и первое начало которых нужно искать на твердой земле. Во многих местах водолазы спускаются на дно неглубокого пролива, отделяющего остров Барейн от материка, чтобы наполнить там свои кожаные мехи у пресноводного фонтана, вылетающего из расселин скалы. На островке Могарек женщины и молодые девушки, неся на голове фаянсовый кувшин, переходят в брод маленький пролив, чтобы идти метров за пятьдесят в море черпать воду из прозрачного снопа, который льется из острововидной скалы[4]. На побережье континента почти все источники горячие, и между ними очень мало серных, что Пальгрев приписывает остатку вулканической деятельности; во многих местах дымящаяся вода бьет ключом из пепла или лавы. Подле большинства источников возвышаются холмики, образовавшиеся, вероятно, из пес-

1 Anne Blunt „Voyage en Arabie“, trad. Derome.
2 Huber, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1884.
3 Wellsted, „Travels in Arabia“.
4 Gifford Palgrave, цитированное сочинение.

ков, которые вода выбрасывала из недр земли[1].

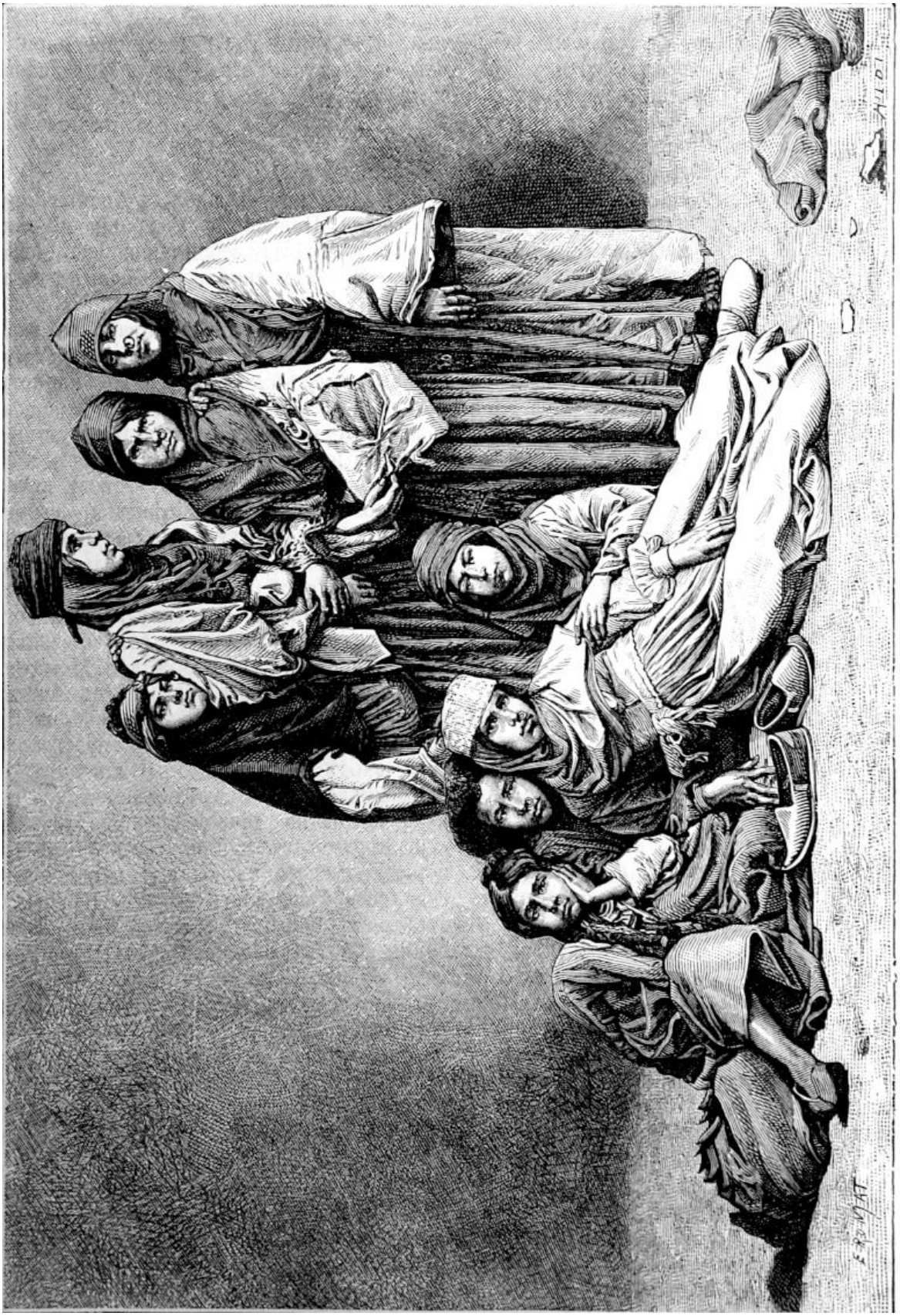
Аравия одна из «знойных» стран земного шара: термометрический экватор, изгибаемый к северному полушарию действием теплового фокуса, образуемого песками пустыни Дана, идет вдоль южных берегов полуострова: Аден, Макалла, Маскат принадлежат к числу тех «пекл», о которых упоминают сложившиеся у моряков поговорки, и известно не мало случаев, когда европейцы, не побоявшиеся идти под палящими лучами солнца между белых стен, отражающих падающий на них жар, были поражены смертельным солнечным ударом. На острове Адене средняя температура зимы превышает среднюю температуру европейского лета. Температура в 40 градусов по Цельзию в тени не редкость в Маскате, даже в апреле месяце и при совершенно тихой погоде[2]; в Ассирской Техаме термометр часто поднимается до 42 градусов[3]; но среди лета и когда ветер дует из пустыни, жара становится гораздо сильнее: тогда она превышает 50 градусов, и европейцы, несмотря на все предосторожности, рискуют пасть жертвой этого знойного климата.

Средняя температура в Джедде, выведенная путешественником Стенли из пятилетних наблюдений: температура дня 30°,92, температура ночи 28°,28. Часто зной солнца так силен, что камни трескаются и распадаются[4]. В равнинах центральной Аравии средняя температура источников, которая не может чувственно разниться от температуры воздуха, от 28 до 29 градусов по Цельзию[5]. Даже туземцы много страдают от жгучей атмосферы в Аравии: болезни так же обыкновенны на аравийском побережье,как и на иранской покатости Персидского залива; рахитизм, немощи всякого рода, особенно слепота поражают население прибрежья. На каждые десять жителей Оманского берега, говорит Кеппель, приходится, по крайней мере, один кривой или один слепой. Но, с другой стороны, некоторые области во внутренней Аравии принадлежат к самым здоровым местностям земного шара. Таковы плоскогорья Неджеда. Благодаря значительной абсолютной высоте почвы, жары там не так сильны, как в пустыне и в поясе Техамы; открытые всем ветрам, высокие гранитные или песчаниковые хребты подвержены влиянию воздушных токов, идущих от полюса; чередование температуры дня и ночи, лета и зимы, столь полезные для полного развития физических сил, следуют одно за другим в правильном порядке; воздух всегда чистый, без сырой влажности, царствующей на морском прибрежье. Население Неджеда состоит из сильных людей, с смуглым цветом лица, с ясным и твердым взором. На соответственной высоте и при равной температуре, города Иемена имеют гораздо менее здоровый климат, чем города Неджеда: воздух, насыщенный морскими парами, перемещается менее свободно, нежели на центральных плоскогорьях; задерживаемый с одной стороны горами Абиссинии, с другой горами Аравии, он кружится над морем в Аденском заливе и Баб-эль-Мандебском проливе: лихорадки очень обыкновенны в Иемене, как на горах, так и в низменном поясе прибрежья.

Хотя Аравия заключена в метеорологической области юго-западных муссонов, ветры, однако, представляют там большие неправильности, производимые главным образом кольцом морей, которые окружают полуостров и заставляют правильные атмосферные течения уклоняться от их нормального направления. На юге и юго-востоке, Аденский залив и Сокоторское море, на западе Красное море, на востоке и северо-востоке Оманское море и Персидский залив, наконец, на северо-западе Средиземное море составляют как бы лаборатории для образования второстепенных ветров, видоизменяющих первоначальные течения пассатов и контр-пассатов. Сообразно перемещению тепловых фокусов, которые находятся то на твердой земле, то на море, местные бризы беспрестанно меняют свое направление вдоль морских берегов, при чем либо прибавляют свою силу к силе общих атмосферных течений, либо замедляют их, нейтрализуют или заменяют их ход. Воздушные токи, различные по происхо-

1 Palgrave, цитированное сочинение;—Carl Ritter, „Asien“.
2 Wellsted, цитированное сочинение.
3 Millingen;—Mahe, рукописные заметки.
4 Wetzstein, цитированный мемуар.
5 Huber, цитированный мемуар.

ждению, приобретают аналогичные свойства, проходя через одни и те же области: тогда как в одних местностях влажность приносит южный ветер, в других дожди дает северный ветер; иссушающий симун, ядовитый шелук приходит с востока для жителей Иемена; для обита-



Арабскія женщины.

телей же Багдада он дует с запада. В Нефудах господствующие атмосферные течения— западные ветры; направление их легко узнать по форме песчаных бугров и по положению

всех растений, наклоненных к востоку[1].

Но самый важный факт в циркуляции воздушных масс над Аравийским полуостровом составляет отклонение юго-западного муссона к юго-востоку. Две аллеи гор, между которыми заключены два боковых моря Аравии, Персидский и Аравийские заливы, представляют естественные дороги, начертанные для движения воздушных токов. Проникая в проливы Оманский и Баб-эль-Мандебский, нормальный ветер изгибается, чтобы подняться в двух названных заливах по направлению их большой оси; точно так же воздушные течения, спускающиеся с плоскогорий Ирана и с горных цепей Моава или Мадиана, низвергаются в широкие рвы, открывающиеся перед ними, и следуют вдоль их до входа. Так происходит правильное чередование восходящих и нисходящих ветров, которое очень облегчило торговые сношения; дуновение ветров наперед указывало арабам морские пути. Но им, тем не менее, нужна была изумительная отвага, чтобы пуститься за «ворота» на море, волнуемое бурями, и течения которого, быстрые и неправильные, повидимому, не подчиняются никакому точному закону[2]. Мореходы Омана, Гадрамаута, Иемена нашли в себе это мужество, и от Мозамбикского берега до островов Зондского архипелага они были некогда носителями товаров для всех прибрежных населений Индийского океана; долгое время они также оспаривали владычество на его водах у португальцев. В первые времена ислама арабы имели даже большую долю участия в торговле Средиземного моря. Кремер отыскал много семитических слов в языке европейских моряков.

IV.

Два моря, прилегающие к Аравийскому полуострову, Персидский и Аравийский заливы, сходствуют между собой порядком ветров и возвышенной температурой своих вод, но в других отношениях они много разнятся. Персидский залив имеет право на название моря только по своему большому протяжению, исчисляемому в 248.000 квадр. километров; но он не глубок: в среднем, веревки промерочного снаряда касаются дна, будучи смотаны с блока на 40 и до 80 метров, и можно бы было, предполагая, что уровень и географические условия не изменятся, вычислить приблизительно эпоху, когда твердые частицы, приносимые течением Шат-эль-Араба, заполнят морской бассейн, как они уже наполнили северную половину залива, которая превратилась в твердую землю, известную под именем Месопотамии или Междуречья. Жидкая масса Персидского залива слишком незначительна, чтобы общие течения Индийского океана могли в нем распространяться. При входе в залив, в Оманском море, движения вод соответствуют движениям воздуха; восходящее течение проникает в Ормузский пролив с мая по сентябрь, то-есть в период южного муссона; в остальное время года, соответствующее сезону северных ветров, из пролива выходит нисходящее течение, направляющееся к открытому морю; но внутри залива не могли обнаружить никакой правильности в колебании течений: все они совершенно поверхностные, и каждая бриза, каждый шквал изменяет их ход. Острова выступают в большом числе над поверхностью неглубоких вод, но они имеют не одинаковый вид на том и другом берегу: в то время, как острова персидского побережья, лежащие близ крутого берега, сами представляют гористые земли, возвышающиеся уединенно в чистом море, свободном от подводных камней,—острова арабского берега, лежащие близ низменного пояса, невысоки и окружены целыми архипелагами песчаных мелей. Обширная полукруглая бухта, заключенная между полуостровом Рас-Мазандом и Катарским мысом, усеяна этими низменными островами, от которых эти воды, может быть, и получили название Бахр-эль-Бенат или «Девичьего моря». К западу от Катара Барейнский залив тоже наполнен островами, островками, песками, лежащими вровень с водой. Одна из этих земель, самый большой арабский остров в Персидском бассейне, известен специально под именем Барейн или Бахрейн, то-есть «Два моря», без сомнения, принадлежавшим некогда двум большим бухтам, которые омывают на востоке и на западе Катарский по-

1 Huber, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.

2 Wellsted, „Journal of the Geographical Society“, 1806

луостров. По Опперту, Барейн есть Тилос или Тильвун древних, одно из священных мест, где халдейская цивилизация, во времена, предшествовавшие писанной истории, получила свое начало: Тилос был местом происхождения того «бога-рыбы», который будто бы водил ковчег человечества по водам всемирного потопа.

Персидский залив и Оманское море принадлежат к числу морских вод, самых богатых животной жизнью. Тысячи арабских рыболовных судов, плавающих среди оживленных, кишащих рыбой банок, делают в этих несметных массах животных лишь незначительные пробелы, скоро пополняющиеся: закидывают до двухсот сажен глубины огромные сети, которые вытаскивают всегда полные, от тридцати до сорока человек. Рыба, которую сушат на солнце и которая в несколько часов принимает вид кусков дерева, служит, вместе с печеньем из фиников, средством продовольствия всех арабов побережья и, кроме того, отправляется далеко во внутренния области полуострова, в Индустан, в Занзибар, на берега восточной Африки. Что касается мелюзги, которую трудно было бы экспортировать, то ее бросают обратно в море или употребляют, в виде удобрения, в садах Маската и в сельских местностях Батины. По словам Неарха, киты тоже, должно быть, были очень обыкновенны в Оманском море, так как в те времена «ихтиофаги» (рыбоеды) Мекранского берега строили свои дома из китовых костей; теперь эти животные стали редки, но моряки встречают еще в этих водах индийского кита (balaenoptera indica), морское чудовище едва-ли не самых громадных размеров: он достигает 27 метров (почти 13 сажен) в длину[1]. Бесконечно малые организмы кишат мириадами, довольно многочисленные иногда, чтобы изменить цвет моря на пространстве тысяч квадр. километров и превратить его в «молоко» или в «кровь». Ночью все море объято «пламенем»; плывущие суда проводят на воде огненную борозду, и с обеих сторон весла оставляют фосфорические струи, словно какие-то огненные драконы гонятся за судном. Медузы, подобные раскаленным головням, плавают под волнами длинными полосами света, которые отражаются на парусах[2]. Вагабиты видят в этой морской иллюминации отблеск ада[3]. Большинство моряков говорят, что это самоцветные камни, блистающие в волосах сирен; но медузы светятся только на дне моря; на воздухе они тускнеют и испаряются[4].

В водах Барейна, так же, как в «Девичьем море» и почти на всем арабском берегу Персидского залива, главное занятие прибрежных жителей, с мая по октябрь, составляет ловля жемчуга. Сростки жемчужных раковин не так белы в морях Аравии, как в морях Цейлона и Японии, но они крупнее и более правильной формы; кроме того, они более сохраняют свою золотистую воду, тогда как белый цейлонский жемчуг быстро теряет свой блеск, особенно в жарких странах. Барейнский жемчуг ценится дороже всех других сортов, даже с медицинской точки зрения, так как арабы и персиане приписывают большую целебную силу толченым обломкам самоцветных камней. Жемчужный промысел не уменьшился в Персидском заливе, как во многих других водах. В одном только Барейнском архипелаге около пятидесяти тысяч моряков занимаются одновременно ловлей жемчужных раковин, и на всем побережье, заключающемся между Ковентом, близ устьев Шат-эль-Араба, и берегом Пиратов, недалеко от входа в залив основаны второстепенные станции в соседстве жемчужных мелей. В силу обычаев, составляющих основу права, жемчуг принадлежит всем жителям прибрежья; они одни могут собирать жемчужные раковины на дне морском, и всякий чужой водолаз был бы прогнан с позором; однако, почти все выгоды ловли принадлежат заранее закладчикам, индусам или арабам, которые путем ссуд под ростовщичьи проценты сделали из экипажа ловцов жемчуга толпу невольников. Доли выручки точно распределены: столько-то хозяину барки, столько-то водолазам и рабочим; но все эти доли уже прежде их раздачи участникам лова забираются ростовщиком; ежедневный заработок собирателя драгоценного камня самый мизерный. Среднее число занимающихся ловлей жемчуга определяют в 70.000

1 Blvth, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1859;—Blanford, „Eastern Persia".
2 Denis de Rivoyre, „Aden, Obock et Mascate".
3 Gifford Palgrave, цитированное сочинение.
4 R. Burton, „Pilgrimage to Mekka".

человек, при 6.000 барок; общая ценность добываемого жемчуга около 12.500.000 франк., так что, в среднем, приходится только 178 франков на человека[5]. Способ эксплоатации жемчужных мелей еще самый первобытный: ныряльщики, привязав, для увеличения тяжести тела, камень к ногам, заперев ноздри роговыми затычками, залепив уши воском, спускаются на дно на глубинах 10, 20 или даже 30 метров; затем после поисков, продолжающихся 50 или 60 секунд, снова поднимаются на поверхность с добычей в руках; восемь или десять раз они возобновляют это опасное путешествие, подвергаясь нападениям акулы и меча-рыбы, которые каждый год похищают около тридцати жертв между ловцами жемчужных раковин. Лучшие перлы и самый блестящий перламутр находят преимущественно в соседстве ключей, бьющих со дна моря; арабы даже приписывают происхождение жемчужных сростков веществам, приносимым пресной водой: большие дожди всегда порождают у них надежду на обильный улов.

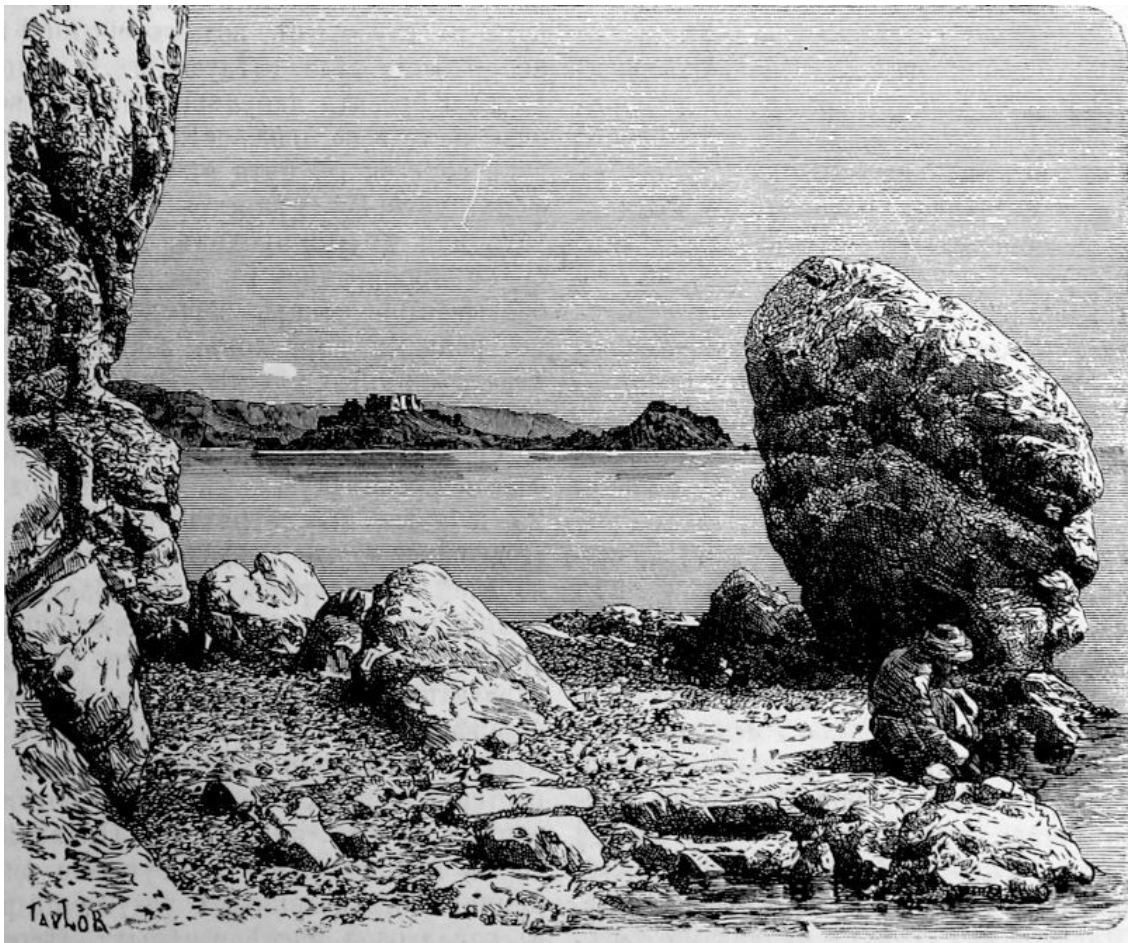
Красное или Чермное море, отделяющее Аравию от Абиссинии и Египта на протяжении 2.200 километров, считая по прямой линии от Суэзского рейда до «Ворот умирающих» (Баб-эль-Мандебского пролива), вполне заслуживает названия «моря» своими значительными глубинами. Представляя собою огромную расселину между двумя материковыми массами, это море в средней своей части имеет непрерывную впадину, глубиной в тысячу метров и более, а в двух местах, под 23 и под 20 градусами широты, лот опускается слишком до 2.000 метров: против Лита дно достали лишь на глубине 2.271 метра. Из двух заливов, заканчивающих Красное море с правой и с левой стороны Синайского полуострова, Суэзский, лежащий на оси моря, не составляет его продолжения формой своего ложа: нигде его глубина не превышает 67 метров; в среднем, лот достает дно на расстоянии 50 метров от поверхности; залив этот не более, как боковой ров, размытый водами. Истинное продолжение Красного моря составляет Акабахский залив, где уже вблизи берегов глубина достигает нескольких сот метров; по середине впадины, Моресби, производивший промеры в 1833 году, доставал ил лишь с глубины, превышавшей 500 метров. Очевидно, Красное море, Акабахский залив, долина Хор, где течет Иордан, и где образовалось Асфальтовое озеро, имеют одинаковое геологическое происхождение: это продольные трещины, открывающиеся в борозде, которая тянется на пространстве 3.000 километров. Если бы порог Акабахского залива и порог Баб-эль-Мандебского пролива поднялись над поверхностью вод, как Арабахский порог в Идумее, то внутренние бассейны тотчас же превратились бы в «мертвые моря». На юге, длинная «Эритрейская» расселина оканчивается, недалеко от Мокки, архипелагом Ганиш и Джебель-Зукуром, который образует бар, имеющий менее 100 метров воды в самых глубоких местах. В большом проходе Баб-эль-Мандебского пролива русло, расчищенное течениями Индийского океана, имеет не менее 200 метров при входе.

Так же, как в Персидском заливе, морские течения в Аравийском заливе соответствуют движениям атмосферы. Когда дует правильный муссон, то-есть летом, воды проникают в пролив из Индийского океана; когда же северные ветры снова приобретают перевес, то-есть зимой, течения направляются к югу, и Красное море становится морским притоком Аденского залива: разность морского уровня у берегов Аравии и Абиссинии составляет около 60 сантиметров, смотря по направлению муссона[1]. Но кроме этих общих движений и поверхностных волнений жидкой массы, производимых местными бризами, происходит общее перемещение вод по направлению с юга на север. Аравийский залив, получающий лишь весьма незначительное количество воды, так как он не имеет ни одного постоянного притока, может быть рассматриваем, как громадный бассейн испарения. Распределенный равномерно по всей его поверхности, жидкий слой, приносимый дождями и временными потоками или уади, имеет бесконечно малую толщину, тогда как масса воды, превращающейся в пар, была бы достаточно велика, чтобы чувствительно понижать из месяца в месяц уровень

5 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey".

1 Wellstedt, цитированный мемуар.

Красного моря, если бы Индийский океан не посылал течения, которое пополняет убыль, происходящую от испарения. Мори в своей «Географии моря» исчислял в 7 метров жидкий слой, испаряющийся ежегодно на поверхности Красного моря: известно, со времени опытов, произведенных г. Саль на обширных бассейнах, что это исчисление американского гидрографа слишком грешило преувеличением; но если бы даже годовая убыль воды в Аравийском заливе не превышала слоя толщиной в один метр, то и тогда прибрежные жители увидели бы этот огромный бассейн опорожненным в период жизни нескольких поколений. Допуская, что в целом впадина имеет 400 метров средней глубины, достаточно было бы четырех столетий, чтобы обратить в пар всю заключающуюся в ней воду, и уже задолго до этого времени то, что оставалось бы от соленой жидкой массы, достигшей точки насыщения, было бы окаймлено кристаллическим яром или высоким берегом. Нужно, следовательно, предположить, что воды Аденского залива, увлекаемые в два прохода Баб-эль-Мандебского



Островъ Гуріахъ.

пролива, пополняют годовую убыль Красного моря: объем по меньшей мере около тысячи миллиардов куб. метров должен таким образом проникать каждый год в пролив; это поток, равный потоку такой реки, как Ганг. Мало того: так как северные ветры в продолжение шести месяцев в году гонят поверхностные воды Аравийского залива к океану, то нужно предположить, что пополнение убыли от испарения достигается увеличением подводного течения, несущагося к Красному морю. Но какова бы ни была скорость этого потока, направляющагося от Баб-эль-Мандебского пролива к заливам Суэзскому и Акабахскому, часть жидкости испаряется по дороге, вследствие чего соленость воды возрастает. От Адена до Суэца пропорция соли, содержащаяся в морской воде, постепенно увеличивается: в Адене она составляет немного более 39 частей на 1000, а в заливах северной оконечности поднимается до 41 и даже до 43 на 1000. С тех пор, как Порт-Саидский канал привел Красное море в сообщение с Средиземным, обмен вод происходит также между Суэзским заливом и бассейном Горьких озер. Красное море начало с того, что наполнило этот бассейн, из которого перед

тем вода уже почти совсем испарилась; оно влило туда 900 миллионов кубич. метров воды, распространяя в то же время свою флору и фауну; затем оно непрестанно обновляет жидкую массу канала колебаниями прилива и отлива. В час прилива, нечувствительного в рейде Порт-Саида, уровень Красного моря в Суэце на один метр выше, чем уровень Средиземного моря на другой оконечности канала: в среднем разность высоты уровней составляет 80 сантиметров в пользу Суэзского залива. В Акабахском заливе морской прилив гораздо менее чувствителен.

Европейских путешественников, отправляющихся в Индию по Суэзскому каналу и Красному морю, сильно пугает высокая температура этого залива в летние месяцы. Под палящими лучами солнца, когда в воздухе тихо, и еще более, когда дует ветер из пустыни, несколько дней плавания в аллее залива очень томительны для европейца. Между различными гипотезами, которые были предложены для объяснения происхождения имени «Краснаго» моря, одна из наиболее правдоподобных та, которая придает этому названию смысл «Жаркаго». «Эритрейское» море древних было гораздо более обширно, чем нынешний Аравийский залив; оно обнимало также все морские пространства, в которые выдвигаются южные полуострова Азии; это было наше Индийское море, совокупность вод тропической области. Багровый цвет неба, отражающийся в море, ослепительный блеск господствующих над ним гор и скал, раскаленный воздух, которым дышешь в этих знойных водах,—таковы, будто бы, причины, заставившие дать название «Красного моря» Индийскому океану и более специально Аравийскому заливу[1]. Но, по толкованию большинства новейших комментаторов, происхождение этого наименования должно быть приписано пунтам, «красным» людям, которые жили на двух противоположных берегах залива, в Африке и в Аравии, и потомки которых, переселившиеся на север, на побережье Средиземного моря, сделались пунами или финикиянами[2]. Впрочем, никакое явление, свойственное исключительно Красному морю, не могло бы объяснить происхождение имени, которое это море носит со времен глубокой древности.

Многочисленные острова поднимаются со дна Красного моря и окаймляют в виде архипелагов оба берега, аравийский и африканский. Между островами азиатского берега некоторые, представляющие вершины гор с находящимся под водой основанием, принадлежат к материку: таковы острова Хасани, на севере от Ямбо, Дизан, Караман, в архипелаге Логейя; но есть также такие, которые поднялись вдали от берега, выступая с большой глубины. Так, остров Джебель-Тейр. лежащий к западу от Логейского архипелага, как раз в центре средней впадины Красного моря, есть конус из лавы и вулканического пепла, основание которого находится под водою на глубине 200 и 250 метров, тогда как вершина выступает на 275 метров над поверхностью моря. Джебель-Тейр—единственный вулкан в морях Аравии, который еще дымится; в 1883 году на этом острове было сильное извержение паров, и моряки, плавающие вдоль его берега, ожидали увидеть там второй Стромболи. Островные вулканы, возвышающиеся в южной части залива, Джебель-Зебаир, Джебель-Зукур (603 метра), Малый и Большой Ганиш, кратер Перим, между двумя проходами Баб-Эль-Мандебского пролива, суть остывшие груды красной и черной лавы.

Высокие острова, вулканического или осадочного происхождения, редки в Красном море, сравнительно с низменными скалами, созданными трудом кораллов. Около трети залива загромождено этими островками или подводными камнями нового образования, приметными издалека по белой линии прибоя волн. Вдоль арабского берега коралловые мели образуют почти сплошную цепь от Логейской бухты до входа в Акабахский залив; только в некоторых местах этот ряд рифов прерывается глубокими бухтами, открывающимися против устья уади; поток пресной воды и, быть может, нечистоты, приносимые из внутренности материка этими эфемерными ручьями и речками, препятствуют возрастанию полипняков, ра-

1 Carl Ritter, „Asien“, vol. XIII.

2 Lepsius, „Nubo-Sprache“;—Hommel, „Vorsemitische Kulturen“.

ботающих над постройкой подводных скал[1]. На африканском берегу *шеб*, то-есть бахрама из коралловых рифов, не образует такой непрерывной линии, как на противуположном берегу, но зато в некоторых местах она дальше выдвинута в открытое море; против Массуа коралловые банки занимают более половины моря; дорога кораблей между этими подводными скалами сводится к фарватеру около сотни верст шириной. Плавание очень опасно посреди шеба, в этом бесконечном лабиринте проливов и морских улиц. Пароходы плывут по глубоким водам средней впадины; но арабские суда, следующие вдоль побережья, должны бросать якорь на ночь; при всей своей опытности и осторожности, лучшие кормчие могут сбиться с пути в этом лабиринте рифов, который меняется из году в год: тот или другой проход, которым они свободно пробирались в предъидущее плавание, оказывается теперь загражденным новыми постройками кораллов, заставляющими их делать длинные обходы. Немногие моря представляют зрелище, подобное тому, которое созерцаешь с корабля на дне Красного моря, сквозь прозрачную как хрусталь воду, на 20, 25 и даже 28 метрах ниже поверхности. Подводные «луга» зоофитов являются взорам во всей своей красе, с миллиардами ветвей, ремней, почек и цветов, одни неправильные, другие геометрических форм, и все сияющие чудным блеском, как бриллианты, рубины и сапфиры: это—безконечный мир разнообразнейших форм и цветов. Посреди животно-растений качаются водоросли и сотни других растительных видов[2]. Никакой прибой волн не указывает присутствия рифов, по причине бесчисленных углублений и пещер в коралловой массе и целых лесов травы, в которых волна распространяется, замирая мало-по-малу и теряя свою силу[3].

В эпоху перемены направления муссона, преимущественно в октябре или ноябре, миллиарды мертвой рыбы всякого рода выбрасываются волнами на берега Перима и Адена. Чтобы предупредить заражение воздуха, все жители должны приниматься за работу вырывания глубоких ям, для закапывания в землю этих груд гниющего мяса. Какая причина этой повальной смертности рыб? Туземцы приписывают ее ядовитым молокам, тогда как Кинг видит тут действие электрических явлений, производимых переменой времен года[4]. Мириады организмов, погибающих под непрерывно обновляющимися слоями последующих организмов, достаточны во многих местах, чтобы питать источники маслянистых веществ, просачивающихся на краю морских берегов[5]. По всей вероятности, существует медленное поднятие почвы от давления подземных сил, так как уровень тысяч коралловых островов превышает ныне на несколько метров уровень моря. В этом отношении свидетельство путешественников, начиная с Нибура, единогласно. Все они наблюдали бывшие коралловые мели и солончаковые пространства морского дна, соединенные теперь с твердой землей; некоторые бухты сделались лужами, запертыми для судов, и многие бывшие островки превратились в мысы[6]. На восточном берегу Аравии, близ Ормузского пролива, повидимому, имеет место обратное явление—медленное оседание почвы[7].

V.

Если морская флора Аравии отличается необычайным богатством, то сухопутная её растительность сравнительно менее разнообразна. По области, отделяющей Идумею от Евфрата, северная Аравия принадлежит к поясу степей. Деревьев там почти совсем нет, а растительность трав и низких деревянистых растений продолжается только в весенние месяцы; с конца мая природа принимает свой угрюмый вид общей засухи: за исключением чернобыльни-

1 „Proceedings of the Geographical Society“, 1883.
2 Fulgence Fresnel;—Botta;—Decaisne,—Carl Ritter, „Asien“, vol. XIII.
3 Wellsted, „Journal of the Geographical Society“, 1836.
4 „Geographical Magazine“, 1877.
5 Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.
6 Niebuhr;—Tamisier;—Valentia;—Lejean.
7 Blanford, „Records of the Geological Survey“, 1872.

ков и мимоз, все растения блекнут и принимают окраску окружающей почвы[1]. К югу от сирийских степей, центральная Аравия составляет часть пояса пустыни, тоже бедного растительными видами; однако, деревья там небезъизвестны: в оазисах растут финиковые пальмы в многочисленных разновидностях; даже в Нефуде есть деревья, как-то: гада, с белым стволом, с сероватой листвой; таль, с круглыми листьями, рассеянными на колючих ветвях; небая, с блестящей зеленью; сидр, особый вид акации, каждая ветка которого походит на крыло из тонких перьев. Итель, лиственница. встречающаяся только в Аравии, растет в небольших долинах и на песчаных равнинах. В песке Гамада образуется в изобилии род трюфеля, *чема*. Некоторые области пустыни представляют совершенно голые пространства, без кустарника и без травы; только лишаи расстилаются ковром по скалам—простые пленки, прилегающие к камню. Даже в Техаме, на морском побережье, флора чрезвычайно бедна; на Аденском полуострове до сих пор найдено только девяносто пять видов, из которых около трети свойственных исключительно Аравии. В целом растительность представляет самый сахарский характер; но различные растения указывают переход от флоры Сахары к флоре Судана и Индии.

Из всех областей Аравии наиболее приближается к Судану по своим растительным видам гористая закраина, ограничивающая пустыни на трех фасах Красного моря, Индийского океана и Оманского залива. Возвышенности Ассира, Иемена и Гадрамаута могут быть рассматриваемы как принадлежащие к тому же поясу, к которому принадлежат противуположные горы в Абиссинии и на Сомальском берегу; по характеру растительного и животного царств, так же, как по жителям и истории, Иемен скорее африканская, чем азиатская земля: истинную границу составляет не вырезка пролива, а окраина большой пустыни. Леса юго-западных гор Аравии состоят главным образом из различных пород акации, все почти более или менее камедоносных; молочайные и жирные растения там тоже очень обыкновенны; между видами, до того времени неизвестными, ботаник Гильдебрандт, указывает промежуточный тип между самшитом (букс) балеарским и мадагаскарским. Одно из растений, особенно ценимых в домашнем хозяйстве жителей Иемена—кат, *catha* или *celaslrus edulis*, куст, которого почки и распускающиеся листья оказывают более возбуждающее действие, чем чай, на нервную систему; говорят, он даже обладает, хотя и в меньшей степени, опьяняющими свойствами хашиша[2]. Горы южной Аравии славились в древности, как страна лекарственных зелий и благовонных растительных веществ: оттуда привозились особенно кассия и сенна, еще и теперь хорошо известная в торговле под названием «александрийского листа». Мирра, смола, сочащаяся из коры бальзамного дерева или *balsamodendron*,—тоже одно из произведений Аравии и Сомальского берега Африки, перечисляемых некогда на-ряду с жемчугом и ладаном между сокровищами, за которыми финикияне ездили на берега Эритрейского моря; теперь этот продукт отправляется через Бомбей. Дерево, производящее ладан или *olibanum*, также растет в горах Гадрамаутского побережья; но первоначальная родина его, говорят, на африканских холмах, на другой покатости Аденского залива; камедь, выделяемая арабским ладонным деревом, качеством ниже подобного же продукта Африки. Арабы не дают себе труда собирать ее; этим промыслом занимаются сомали, приезжающие с противуположного побережья, которые продают собираемый ладан в Макаллу и в другие приморские порты.

На плоскогорьях и горах Аравии возделывают растения умеренного пояса: пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, чечевицу, виноград и европейские плодовые деревья, равно как различные красильные виды. В числе промышленных растений, культивируемых в Аравии, находим также хлопчатник и табак; но сахарный тростник, составлявший прежде одну из главных культур на юге полуострова, теперь можно встретить только в садах. В низменной области пищевое дерево—финиковая пальма, которой, говорят, насчитывают до ста тридцати разновидностей в Геджасе, по словам одного арабского писателя, цитируемого Бурхард-

1 Grisebach, „La Vegetation du Globe“, trad, par P. de Tchihatcheff.

2 Rochet d'Hericourt;—Maltzan;—Renzo Manzoni etc.

том: «чтите финиковое дерево—говорил Магомет—ибо это ваша мать!» Может быть, Аравию даже следует считать первоначальной родиной феникса или финика (phoenix)[1], дерева, которое финикияне привезли с собой в Сирию, в эпоху своего переселения к северу, и которое они затем распространили в средиземноморском мире. Но растение арабское по преимуществу—кофейное дерево—происходит из Эфиопии: до пятнадцатого столетия христианской эры ни один писатель, ни арабский, ни иностранный, не упоминает об ароматическом бобе, при перечислении произведений Аравии; боб этот появляется впервые в торговле полуострова и во всемирной торговле только со времени португальских экспедиций в Индийское море; но он появляется тогда, как драгоценнейшая ягода «Счастливой» Аравии, и единогласное мнение приписывало это растение окрестностям Мокки, города, откуда кофе вывозился в Европу. Однако, исследования ботаников установили тот факт, что кофейное дерево не встречается в Аравии в диком состоянии, и что первоначальная родина его—африканская земля Каффа, имя которой оно носит и до сих пор; но по крайней мере на полуострове началась промышленная эксплоатация этого растения, которое получило такое важное значение в торговле мира, в его экономической истории и даже, говорят панегиристы кофе, в умственном и нравственном развитии человечества. Чтобы расширить и распространить насаждения кофейного дерева, предпринимались европейские войны, были завоеваны обширные территории в Новом Свете, в Африке, на Сондских островах; миллионы рабов были взяты в неволю и перевезены в новые плантации[2]; совершилась целая революция, повлекшая за собой последствия, неисчислимые по их сложности и запутанности, где зло перемешано с добром, где обманы, войны, порабощение целых населений, поголовные истребления сопровождают увеличение и распространение торгового обмена, возрастание знаний, сближение континентов и народов.

В настоящее время Аравия имеет лишь весьма незначительную долю в этой торговле, которой она дала первый толчок; едва одна двухсотая часть общего количества кофе, потребляемого во всем свете, происходит из этих гор Иемена.

Производство кофе в различных частях света, по Нейман-Спалларту, в метрических центнерах (метрич. центнер равен 100 килограммам или 6 пудам 4 фунт.).

	Метр. центнер.
Бразилия, в 1880 г	2.600.000
Ява, в 1879 г.	1.228.800
Цейлон, в 1880 г	330.000
Венецуэла, в 1879 г	276.000
Гаити, в 1879 г	232.000
Другие Антильск. острова, в 1879 г.	332.000
Др. страны Нового Света, в 1879 г.	250.000
Аравия	30.000

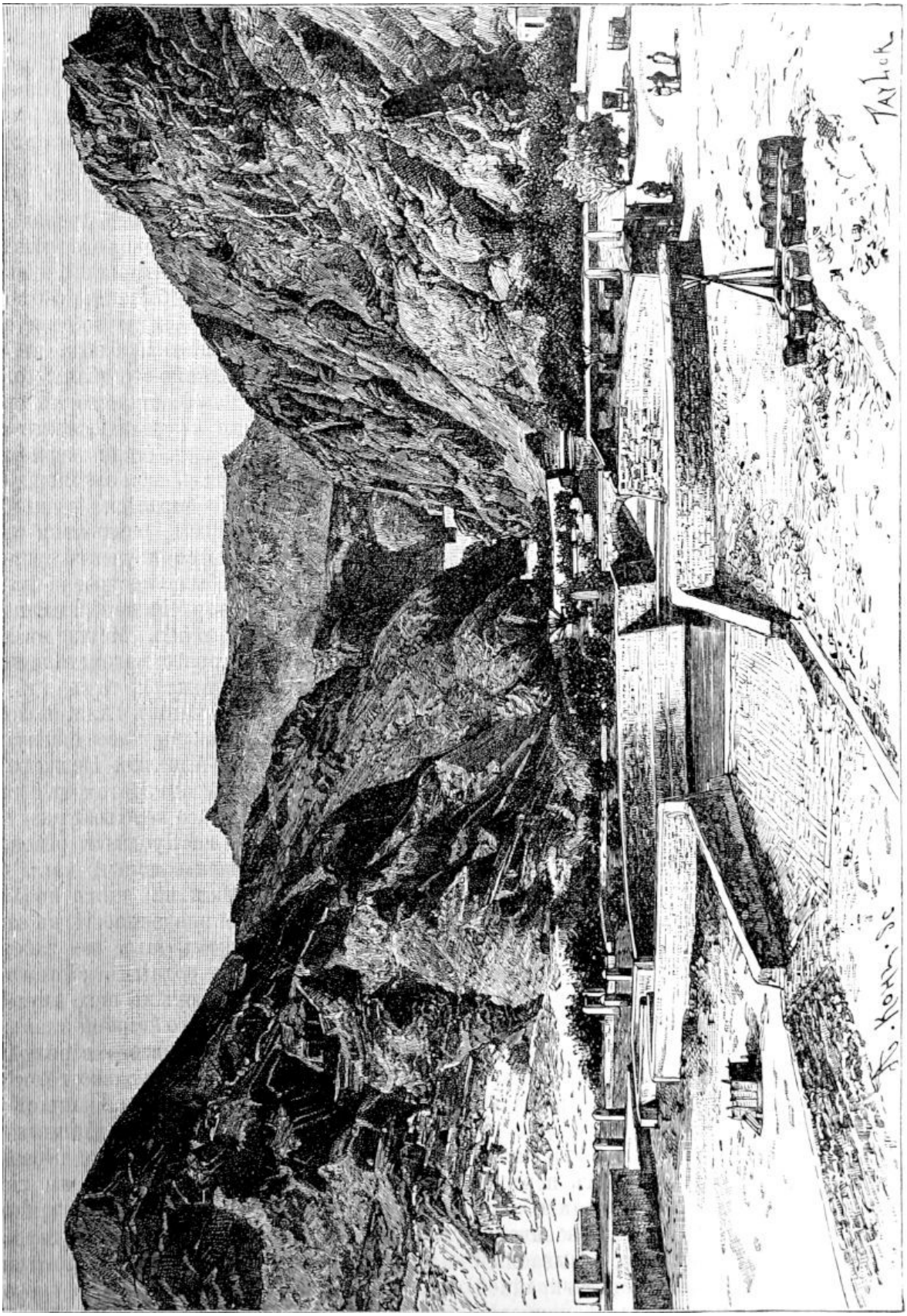
На востоке Аравии кофейное дерево не растет в Гадрамауте, за Джебель-Яфия. Но иеменский кофе, который арабы пьют в виде отвара, а не в виде настоя, как европейцы, все еще считается в числе лучших сортов этого продукта и, быть может, уступает ароматом только кофе из области Юнгас в Боливии. Кофейные плантации в Аравии содержатся с большой заботливостью: они расположены этажами, между высотами от 400 до 1.300 метров[3], на боку холмов в виде широких террас, и на каждой террасе есть пруд, откуда ирригационная вода разветвляется бесчисленными каналами, омывающими корни кофейных дерев. Эти последние поднимаются на десять или двенадцать метров, защищая от палящих лучей солнца молодые деревца, предназначенные заменить старые деревья, производительность которых истощается после двадцатипятилетнего урожая. Всегда в цветах, всегда в плодах, эти кофейные сады ласкают взор блеском и разнообразием красок; колеблемые легким ветерком, листья смешивают нежно-зеленый цвет своей нижней поверхности с темно-зеленой окраской

1 Burckhardt, „Travels in Arabia“.

2 Carl Ritter, „Asien“, vol XIII.

3 Botta;—Halevy;—Maltzan;—Mazuchelli, „Exploratore“, septembre 1882.

лицевой стороны; белые, как снег, цветы, алые, как коралл, ягоды ярко блестят среди постоянно меняющихся оттенков земли; мотыльки, падкие на мед, носятся разноцветными тучами вокруг листвы; блестящие птицы, привлекаемые прохладой тени, весело порхают с ветки на



Аденскія цистерны.

ветку. Трудно описать это восхитительное зрелище, составляющее своим веселым, оживленным характером приятный контраст с неумолимой монотонностью синего неба.

Бедная растительными плодами, Аравия есть вместе с тем одна из стран Азии, наименее

богатых животными формами. Где нет растений, там нет и животных, и на границах пустыни дикие звери не находят себе убежища среди этих обширных открытых пространств, по которым быстроногие арабские кони могут легко скакать, во всех направлениях. Однако, на полуострове все-таки есть львы, пантеры, леопарды, гиены, лисицы, и так же, как и в Азиатской Турции, шакалы бродят вокруг становищ кочевников. Каменный баран и козерог живут в песчаных и каменистых местностях: большие антилопы, называемые «дикими коровами», бродят в горах Неджеда и сурки *веббер* лазят там на деревья[1]. Газели очень многочисленны в пустынных местах, даже в настоящих безводных пустынях; туземцы утверждают, что они никогда не пьют[2]. Еще в первой половине девятнадцатого столетия дикие ослы и страусы жили в Гамаде, а южнее, в равнинах, окружающих Неджед, они и теперь еще водятся[3]. Иемен, флора которого сходна с флорою африканских гор противуположного берега, имеет и фауну такую же, как в этих горах, и многие виды обезьян встречаются там даже в массиве Джебель-Кора, к востоку от Мекки. На всем протяжении берегов и богатых рыбой бухт, хищные птицы: орлы, соколы и коршуны, очень многочисленны, а в лесных чащах внутренних областей сидят на деревьях искусно делающие гнезда ткачи[4], горлицы, куры, фазаны: некоторые острова Персидского залива, где живут птицы в несметном множестве, покрыты слоями гуано, как островки перувианского берега. Аравийская фауна заключает в себе также змей, как, например, кобра-капелла, ящериц, скорпионов, ядовитых пауков, и по общераспространенному в Персии и Вавилонии мнению, там же, именно в Оманской территории и на границах Нефудов и Красной пустыни, нарождаются те несчетные рои саранчи, этого «воинства Господня», которые ветер приносит в соседния страны. Саранча, появляющаяся в иранском Гермсире, происходит из Аравийской Техамы. Иногда случается, что канаты кораблей, стоящих на якоре в порте Бушир, бывают сплошь покрыты саранчей, увлекаемой южным ветром. В Ормузском проливе плывшее под парусом судно, на котором ехал путешественник Брюс, вдруг подверглось нападению тучи арабской саранчи, которая в короткое время сгрызла паруса и кабельтовы, так что пришлось остановить ход корабля[5]. Бедуины охотно употребляют в пищу этих насекомых.

Что касается домашних животных, вьючных, верховых и упряжных, то Аравия в этом отношении бесспорно первая страна в свете, хотя она не имеет слона и очень мало рабочих волов. Верблюд до сих пор не найден в Аравии в диком состоянии, как в степях Туркестана; но если первоначальная порода исчезла, то Неджед, называемый часто «Матерью верблюдов», есть по крайней мере страна, откуда происходят наиболее многочисленные разновидности этого полезного домашнего животного, неразлучного спутника человека. Оманская земля—родина самых быстрых дромадеров; горы Гадрамаута слывут отечеством самых смышленых; каждая провинция имеет свою особую породу верблюдов, которой качества и добродетели восхваляются местными жителями. Арабская легенда говорит, что верблюд и финиковая пальма были сотворены Аллахом из той же земли, как и Адам, они были в земном раю вместе с первым человеком, они будут сопровождать его также и в будущий мир, как это символизировал древний обычай, требовавший, чтобы верблюда оставляли умирать с голоду подле могилы его умершего хозяина. Этот жестокий обычай не соблюдается более со времен Магомета; но если араб теперь уже не приобщает верблюда к своей смерти, то он заставляет его делить с ним его существование, допускает его к своим празднествам и даже к религиозным обрядам: пророк Магомет, сидя верхом на верблюде, провозглашал свои законы; и когда толпа пилигримов собирается у подошвы священной горы Арафат, опять-таки с высоты верблюда раздаются поучения проповедника. Первая мечеть была построена на том месте, где легла на ночлег верблюдица Пророка, после бегства его из Мекки в Медину—со-

1 Anne Blunt, цитированное сочинение.
2 Palgrave, цитированное сочинение.
3 Chesney, „Expedition to the Euphratus“.
4 Tamisier, „Voyage en Arabie“, I, p. 379
5 Carl Ritter, „Asien“

бытия, от которого магометане ведут свое летосчисление (геджру); там, где верблюд, на котором ездил Али, положил труп своего господина, был воздвигнут купол храма Меджед-Али или Неджефа; наконец, со спины верблюда Магомет вознесся на небо. Новорожденного верблюженка араб носит на руках: «у нас родился ребенок!» радостно кричат члены семьи, как будто дело идет о появлении на свет нового сочлена, человеческого младенца. И в самом деле, за верблюженком так же заботливо ухаживают, как за родным сыном или дочерью; ему навешивают на шею амулеток, чтобы отвратить от него дурной глаз. Никогда араб не ударит своего верблюда; на ходу он подбодряет его только голосом и пением; он говорит с ним, как с товарищем, и рассказывает ему длинные истории и сказки[1]; он никогда не позволяет оскорбить его и смотрит, как на личную обиду, на всякое бранное слово, сказанное его любимой скотине. Как брат в семье или клане, верное животное может сделаться причиной ведетты или родовой мести: кровь верблюда требует крови человека. Шестьсот имен и эпитетов, по Бохарту,—тысяча по Шардену,—обозначают и прославляют верблюда. Араб пустыни платит свой долг признательности животному, без которого он не мог бы бежать в пустынные пространства и сохранить свою гордую независимость. Если бы у него не было верблюда, он тоже подпал бы под иго завоевателей; без верблюда, и он был бы принижен до уровня тех презренных феллахов, которые пашут землю на берегах Нила или Оронта.

Араб довольствуется малым, говорят; но все, что он имеет, превосходно: его финики, его благовония, его кофе—«лучшие», какие есть в свете; точно также его домашния животные лучшие во всем мире, самые статные и красивые, и нигде они так не привязаны к человеку. Собаки, как и верблюды, принадлежат племени, роду или клану, семейству, и делят их судьбу, их радости и горе с безграничной преданностью. Осел в Аравии, особенно в области Хаза,—тоже благородное животное, и имя его не составляет там бранного слова, как в странах Запада, где выродившееся животное хотя и сохранило свою удивительную воздержность и неприхотливость в пище, свое терпение и упрямство, не имеет более ни того роста и статности, ни той гордости аллюров, которые отличают его на Аравийском полуострове. Но верховое животное по преимуществу—лошадь, и в отношении этого животного превосходство Аравии над всеми другими странами признано с давних времен. Между различными областями Аравии первое место в этом отношении занимают Нефуды и степи, соседния с Сирией и Евфратом, где увидишь лучших скакунов самых красивых и стройных, самых живых и горячих на ходу, самых гордых с виду и в то же время самых смирных и послушных руке или голосу всадника. Но этих великолепных коней не встретишь в большей части Аравии, так как им нужны сочные пастбища и обильные воды. В Неджеде и в южной Аравии они хотя и сохраняют чистоту своей расы, благодаря изолированности, в которой находятся, но уже вырождаются мало-по-малу; в области Хаза это уже маленькия лошадки, почти пони по росту; но по пылкости—это «маленькие львы». Истинное их отечество—область травяных степей в северной Аравии; в этих обширных равнинах, подобных пампасам Аргентинской республики, где конская раса так великолепно развилась с первых времен колонизации, лошади находят наиболее подходящие климат и пищу; в то же время они имеют там беспредельное пространство, полный простор и приволье. Правда, что в этой области, близко лежащей от великих исторических путей, раса подвергается многочисленным скрещиваниям. Древние барельефы на памятниках Халдеи показывают нам лошадей, может быть «туранской» породы, которые значительно разнились от арабских коней, и которые, кажется, были преимущественно упряжные животные: это—предки тех неуклюжих подседельных лошадей, которых встречаешь в полукруге гор, опоясывающих Месопотамию, и которые, в глазах бедуинов, не заслуживают даже названия лошади. В Северной Аравии большинство племен наблюдают с величайшей заботливостью за чистотой крови своих коней; только монтефики и другие народцы нижней Месопотамии, увлеченные страстью к наживе, стали скрещивать свою конскую расу с породами Персии и Туркестана, чтобы получить более крупных животных, которых они продают за очень дорогую цену индусским купцам. Чистокровный араб-

1 Tamisier. „Voyage en Arabie“.

ский конь, какого увидишь особенно у аназехов, ростом гораздо меньше английской лошади; голова у него больше, губы тоньше, глаза больше и взгляд более кроткий, спина короче, мускулы более выдающиеся, ноги тоньше: один из характеристических признаков расы—держание хвоста, который всегда имеет горизонтальное положение во время бега. Конечно, эти арабские кони были бы опережены на гипподроме европейскими скакунами; но, при равенстве размеров, они всегда вышли бы победителями из состязания, а для дальнего путешествия они тотчас же снова берут перевес над всяким соперником, благодаря своей необыкновенной выносливости и умеренности в пище и питье: они «живут воздухом» говорит поэт. Арабские лошади, воспитанные в семье, товарищи детей, которые играют между их ног, никогда не видали от своих хозяев ничего, кроме ласки и доброго слова; оттого не было случая, чтобы арабский конь лягался или становился на дыбы, чтобы сбросил всадника на земь; полный доверия к тому, кто им управляет, он не пугается ничего и радостно бросается в опасность[1].

К несчастию, этой великолепной конской расе грозит опасность исчезновения; лошади без порока становятся все более и более редкими; у некоторых племен уже не найдешь ни одного такого коня. Главная причина тому—безпрестанные войны, разделяющие народцы Аравии и оканчивающиеся обыкновенно облавами и поспешной продажей захваченного у неприятеля скота; но и предразсудки относительно чистоты крови тоже в значительной степени способствуют постепенному вырождению лошадиной породы. Чистокровное происхождение, так сказать, герб лошади имеет в глазах араба большую цену, чем её сила или красота. Арабы заботятся прежде всего о поддержании в конских заводах славной генеалогии. Ценный конь должен принадлежать к *хамсе*, то-есть к одной из пяти пород *кехилан*, происшедших, по преданию, от пяти любимых кобылиц, на которых ездил Пророк; шестнадцать других второстепенных рас, стоящих рангом ниже высшей лошадиной аристократии, имеют в своих жилах достаточно благородную кровь, чтобы гражданское состояние каждого жеребенка, то-есть принадлежность к привилегированному сословию, была формальным образом удостоверена перед свидетелями, и чтобы животное носило на шее, в мешечке, подлинные доказательства его происхождения: по этому вопросу какой-либо обман или надувательство—дело неслыханное в Аравии; генеалогия лошади—это такая святая вещь, что самый отъявленный обманщик никогда не осмелился бы фальсифицировать относящиеся к ней документы. Кроме пяти главных и шестнадцати меньших рас, все другие лошади называются *кадиш*, то-есть «неизвестного рода»: как бы ни были они красивы, их не ценят, и никогда араб, верный преданиям, не согласится унизить породу скрещением кровных аристократов с этими неровнями, неимеющими родословной. Следствием этого является то, что чистая раса истощается, вымирает, и теперь даже самые могущественные шейхи лишь с большим трудом успевают поддерживать заводы чистокровных лошадей. Во время путешествия Пальгрева, в 1862 году, отборные кони находились в Риаде, у Ибн-Саудов, владетелей Неджеда; в 1878 году, когда супруги Блент посетили центр полуострова, эмиры Гайля, в Джебель-Шаммере, сделались богатейшими лошадиными собственниками во всей Аравии.

VI.

Араб, житель степей, Нефудов и Неджеда, высоко ценит чистоту своей расы, как и чистоту породы своего коня. Очень простой в нравах и в языке, он тем не менее аристократ по высокому мнению о своем происхождении, гордящийся «голубой кровью», которая течет в его жилах со времен, предшествующих истории. Никогда он не носил ярма неволи, как другие народы; в отношении незапамятного, идущего спокон века, пользования свободой он не имеет равных себе между нациями земного шара. В течение тысяч и тысяч лет его предки разъезжали по пустыням, как разъезжает он сам; им всегда было знакомо, как и ему, чувство опьянения от быстрой скачки в беспредельном пространстве равнины. Могут ли люди палатки «народ парусины или войлока», как они себя называют, не презирать боязливых

1 Anne Blunt, „The Bedouins of the Euphrates“;—„Voyage en Arabie“, trad. par Derome.

обитателей городов, печальный «народ глины»? К туркам же, которые претендуют на господство и хотят заставить их платить налог, арабы питают ненависть. Оттоман—это их враг.

Прозвище «бедуины», которое европейцы принимают обыкновенно в дурную сторону, применяя его преимущественно к метисам (помесям) различных рас, бродящим в соседстве приморских городов и живущим грабежем и нищенством, принадлежит тем благородным расам пастухов, которое считают себя первородными из людей. Бедуины—это арабы по преимуществу, «люди равнины», «сарацины», если верно, что это название первоначально означало «жителей Сахары» или пустыни[1]. Истинные бедуины по большей части среднего роста и хорошо сложены, поразительно худощавы, что объясняется их образом жизни, но очень проворны и обладают гораздо большей физической силой, чем можно бы было думать, глядя на их тощие, сухопарые члены. Почти черные или пепельно-серые, они имеют правильные черты, лицо красивой овальной формы, череп часто неправильный и остроконечный, лоб высокий, глаза черные и пронизывающие; но привычка хмурить брови и щурить глаза, чтобы защититься от солнца, смотря вдаль к горизонту, придает беспокойный блеск их зрачку: часто говорят, что у них, как у краснокожих, взгляд волка, и многие склонны приписывать им свирепость, которой вовсе нет в их характере. Брак между двоюродными братьями и сестрами, вообще между родственниками, составляет обыкновенное явление у арабов, как и у персиян, и в вежливом разговоре имя «кузина» значит то же, что супруга[2]. Бедуины быстро стареются: кожа их делается грубой и морщинистой от постоянного пребывания на открытом воздухе; в сорок лет борода у них седеет; в пятьдесят лет—это уже старики; очень немногие из них достигают шестидесятилетнего возраста. Но по крайней мере их короткая жизнь не прерывается болезнью: самые воздержные из людей, бедуины вместе с тем отличаются наиболее крепким здоровьем, голова у них всегда свободна, дух ясен и бодр. С самого детства они привыкли спать на жесткой постели, переносить южный зной, обходиться без долгого сна и обильной пищи; они не употребляют крепких напитков, разве *леббен* или кислое молоко, которое только действует слегка возбуждающим образом, никогда не приводя в состояние опьянения; едят они всего один раз в день, и сумма принимаемых ими питательных веществ гораздо меньше в сравнении с ежедневными трапезами западного человека; по исчислению Вольнея, в среднем ежедневная пища бедуина, в виде мяса, плодов или зернового хлеба, составляет всего только шесть унций или около 170 граммов. Араб даже сложил песни, прославляющие его победу над голодом, как у большинства других народов есть песни, воспевающие их гастрономические наслаждения или опьянение от вина и пива[3].

«Я сын терпения», говорит одна героическая поэма Аравии, и такова, в самом деле, главная добродетель бедуина; но это терпение он отдает на служение своей страсти или своему энтузиазму. Он должен переносить голод и жажду, холод и жар, крайнее утомление во время длинных переходов, и редко случается услышать от него жалобу. Больной или раненый, он удаляется куда-нибудь в уголок, как животное, и терпит боль молча, одинаково приготовленный к выздоровлению или смерти. Очень кроткий и ласковый в отношении женщин и детей, он приходит в гнев только против сильных; но редко бывает, чтобы, в набегах или войнах, его можно было обвинить в жестокости. По международному праву, признаваемому в области степей с незапамятных времен, каждое племя может «поднять руку» против соседних племен и стараться отнять у них стада; но обычай требует, чтобы эти грабежи вооруженной рукой делались, если возможно, без кровопролития; даже когда кровь пролита в бою, она должна быть оплачена рано или поздно *таром* или вендеттой и порождает на целые века войны, которые ведутся при помощи хитрости и засад: самые смелые отступают перед этой страшной обязанностью за убийство, перед громадной *дией* или «ценой крови», налагаемой законом возмездия. Главный порок бедуина—алчность: он любит до страсти блестящие и звонкия монеты, серебро еще больше, чем золото; но он любит их как дитя, чтобы восхи-

1 Reinaud;—Carl Ritter, „Asien“.
2 Richard Burton, „Pilgrimage to Mekka“.
3 Silvestre de Sacy, „Chrestomatie arabe“.

щаться их блеском. Впрочем, степной араб, как он ни жаден к деньгам, всегда ставит долг гостеприимства выше любостяжания; «потерянные деньги найдутся, потерянная честь—никогда», говорит арабская пословица[4]. Бедуин, житель Гамада, предоставляет полу-кастам Сирии постыдный обычай торговаться с иностранцем, когда тот приходит просить крова и пищи. Гость—священная особа в становище араба; даже враг находит радушный прием, когда берется за веревку палатки.

Бедуин не имеет над собой никакого господина, не знает никакой власти; он не зависит даже от клана или племени. Если он и соединяется со своими единоплеменниками, то только потому, что находит в этом свое удовольствие, свою выгоду или, наконец, свою честь: редко случается, чтобы в одном и том же клане или роде все входящие в состав его не признавали себя солидарными: хотя большинство членов семьи Магомета не разделяли его учения, однако, они не покинули своего родича, и за исключением одного, все подвергли себя, вместе с пророком, добровольному изгнанию, продолжавшемуся два года[1]. Но если арабу вздумается отделиться от своих товарищей и жить особняком в пустыне, на свой риск и страх, никто не оспаривает его права. Когда совокупность племени не приходит к соглашению относительно предлагаемой военной экспедиции, заключения мирного договора с другим племенем или выбора нового становища, то большинство и меньшинство расходятся полюбовно, и таким образом народцы делятся до бесконечности, чтобы группироваться сообразно своим новым средствам: коллективное отечество, составляемое общностью или ассоциацией интересов, беспрестанно перемещается вместе с группами палаток; племена переплетаются, перемешиваются, как волны на море; тот или другой клан, живший прежде в одной из долин Неджеда, теперь стоит лагерем на верховьях Евфрата или в оврагах Синджара; нередко сотни, тысяча верст разделяют две группы одного и того же рода или семьи. Каждое племя имеет своего шейха, и вообще эта особа принадлежит к какой-нибудь фамилии, прославленной длинным рядом предков, или же она обязана, в силу своих богатств, исполнять, от имени всей общины, долг гостеприимства. Но шейх не обладает никакими правами наследственности; он избирается себе равными и не есть виртуально старший над ними; его смещают, когда он перестал нравиться. Специальная его функция, кроме чествования гостей,—судить споры вместе со старейшинами: это примиритель и третейский судья, но решения его не имеют силы закона; решениям этим, вообще опирающимся на обычное право и поддерживаемым общественным мнением племени, обыкновенно подчиняются, но никакая уголовная санкция не связана с его вердиктом, и осужденный может избавиться от наказания, либо покидая племя, либо бравируя общественное порицание; он делается тогда *бауак*, человек «без чести». Некоторые *шейхи*, имеющие за собой знатность рода и богатство, пользующиеся поддержкой могущественных союзников, успевают приобрести значительную власть, когда умеют отождествить свои интересы с интересами племени; но последнее никогда не забывает своего первоначального права, и часто представляется случай привести его в действие. Нередко случается, что шейх избирается только на мирное время: это муж совета и мудрости. Для войны нужно прибегнуть к человеку хитрости и отваги: тогда племя выбирает себе агида, вожака или вождя—откуда, вероятно, и произошло слово гид, проводник, в западно-европейских языках,—который ведет своих равных ему одноплеменников в бой, предводительствует при грабеже или прикрывает отступление. Его временные полномочия оканчиваются с заключением мирного договора[2].

Оседлые арабы, занимающие громадную окружность полуострова и степей Месопотамии, естественно, очень разнятся между собой происхождением и различными посторонними элементами, которые к ним примешались с течением времени: употребление одного общего языка группирует их в одно целое, в котором уже трудно заметить все первоначальные отличия; но не подлежит сомнению, что на востоке Аравии персиане и индусы, на юге и на

4 Hassan-ibn-Tabit;—Alf von Kremer, „Kulturgeschichte des Orients“.

1 Stanley Lane Pool, „Le Koran, sa poesie et ses lois“

2 Burckhardt:—Anne Blunt;—Sachau.

западе сомали, абиссинцы и различные негритянские народцы в значительной степени способствовали видоизменению первоначальных элементов; даже важные особы, шерифы и другие, женятся исключительно на негритянках-невольницах, как бы желая показать тем, что между их арабскими соотечественниками никто не достоин выдать за них свою дочь[1]. Наиболее чистокровным считается население верхнего Иемена и Гадрамаута: там живут «араб-ариба», то-есть чистые, коренные арабы, тогда как другие жители полуострова, отличающиеся от предъидущих кровью, родственными союзами, так же, как древней культурой известны под именем арабов муста-ариба или «объарабившихся арабов»[2]. Местные предания и история согласно признают в юго-западной Аравии существование этнического корня, отличного от кочевников внутренней части полуострова. Обозначаемый под разными именами в легендах и мифических генеалогиях, этот корень получил в наши дни генерическое название гимиарской расы: это нация «красных»—гомериты древних греков—которую считают тожественной с нацией пунт или пуна, предками финикиян. В первые времена истории гимиары или сабеяне, жители Счастливой Аравии, были в числе цивилизованных народов, и, может быть, именно славе, которою пользовалась их культура, а также красоте их отечества и высокой ценности их произведений, страна и обязана прозвищем «Счастливой», которое за ней осталось в географической номенклатуре. С незапамятных времен красные, народ цивилизованный, находившийся в сношениях с аббиссинцами и индусами[3], знали искусство письма. Скалы Иемена и Гадрамаута носят на себе надписи, относящиеся к векам, предшествующим христианскому периоду, и, чтобы собрать эти разбросанные отрывки гимиарских летописей, европейские ученые Арно, Мальцан, Галеви предпринимали утомительные и опасные путешествия в Иемен, до восточной покатости гор, находящейся в соседстве пустыни. Благодаря этим смелым исследователям, возникла новая наука, и перспектива истории отодвинулась на несколько веков далее в глубь времен. Теперь не существует более гимиарской нации; цивилизация её смешалась с цивилизацией арабских мусульман; но есть еще в Гадрамауте племена, каковы, например, деайбиры или «волки», которые говорят о себе, что они принадлежат к этой античной расе, и происхождение которых удостоверяется всеми их соседями[4]. В южном Иемене, недалеко от города Сана, одна длинная долина носит имя Уади-Гимиар[5]. Сабейский язык тоже не совсем исчез: он продолжает существовать до сих пор в одном диалекте области Махра, составляющем середину между арабским и эфиопским[6]; но тогда как гимиары, по Мальцану, были темно-смуглого цвета, переходящего в черный, Лангер говорит, что жители уади, носящего их имя, имеют почти белый цвет кожи.

Физический тип юго-западных арабов, которых считают потомками гимиаров, не настолько разнится от типа кочевников внутренней Аравии, чтобы можно было с точностью указать их отличительные признаки, или лучше сказать—различия нравов жилища, климата, образа жизни сами по себе достаточны, чтобы объяснить контрасты, замечаемые между оседлыми и бродячими племенами. Бедуины центральной Аравии представляют большее единство типа, что объясняется тем, что они наименее подвергались смешению, а также тем, что они в своих постоянных перекочевках ведут, однако, наиболее однообразный образ жизни. Арабы морского побережья, более различающиеся друг от друга профессиями и промыслами, разнятся также больше и физическим видом. В среднем, белизна кожи соответствует высоте места: на горах Иемена цвет кожи вообще довольно светлый, и женщины, запертые в гареме, имеют цвет лица не более смуглый, чем у итальянок, тогда как в городах Техамы лица у жителей почти черные. Впрочем, очень большое число негров и других чернокожих африканцев были привезены на полуостров, в качестве невольников или солдат, и акклиматизировались в стране, скрещиваясь с коренным её населением; но на плоскогорье цен-

1 Richard Burton, цитированное сочинение.
2 Huber;—Henri Duveyrier, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 2-e semestre 1883.
3 Lassen;—Renan, „Histoire des Langues Semitiques“
4 Fulgence Fresnel;—von Maltzan.
5 Siegfried Langer, „Deise nach Sanaa“.
6 Von Maltzan, „Petermann's Mittheilungen“, 1872-

тральной Аравии, в Хейбаре, г. Гюбер встретил чисто-негритянское население. То же самое мы видим на восточном берегу Аравии: в некоторых округах области Хаза можно подумать, что находишься где-нибудь на берегах Мозамбикского поморья. Ввоз черных невольников и теперь продолжается; по Малькольму, в 1878 году в Иемен было ввезено по крайней мере 2.000 негров.

Все арабы называют себя магометанами и все строят свои дома, ориентируя к *кибле*. Последние племена, сохранившие древние, предшествовавшие исламу, культы, были истреблены в начале настоящего столетия оружием вагабитов: это были народцы Ассира, которых их естественные твердыни, горы, хорошо защищали от обратителей в новую веру. Древняя политеистическая религия состояла главным образом в поклонении звездам, представленным на земле идолами; но у аравийских сабеян не было ученой теологии в роде той, какую вавилонские жрецы выдумали, чтобы объяснить все таинственные явления на земле и на небе. Культ их был очень прост: обожание черного камня Мекки и трехсот шестидесяти окружавших его идолов, молитвы, коленопреклонения перед священными предметами—вот все, к чему сводилась религия арабов до Магомета. Священная книга мусульман тоже отличается простотой содержащагося в ней учения. Рассказы, чудеса и святые иудейства и христианства допущены в Каран в том виде, как они были воспроизводимы или изображаемы местным преданием; остальное состоит из нравственных правил, часто противоречивых. Основу учения составляет единство Бога, строжайший монотеизм, представляемый древним местным богом Аллатом или Аллахом, восторжествовавшим над всеми соседними богами, подобно тому, как восторжествовал Иегова в Палестине над Ваалом, Камошем и другими покровителями племен, воевавших с израильтянами. Поклонение Единому Богу и, для верующего, право «ходить по головам своих врагов», порабощать и даже истреблять их, наложение руки на богатства земли, уверенность получить на том свете богатства рая—в этом заключается вся вера мусульманина. Неожиданные триумфы учеников Магомета, громадная добыча, которую они завоевали в первые годы, и которая доставила каждому ребенку победителей годовой доход в двести *дирхемов* серебра[1], казалось, оправдывали их в глазах света и доставили им необыкновенный престиж у соседних населений. Со всех сторон стекались обращенные в ислам; сирийцы, египтяне; принадлежавшие к христианству лишь для формы и всегда сохранявшие, под внешностью православия, свой древний политеистический культ, без труда переменили веру. Благодаря простоте своего учения, понятного всякому, магометанство поддерживает у своих последователей большую силу сцепления, и пропаганда его продолжается в Африке, в Индии, даже в Китае. Тогда как обращение магометанина в христианство—факт почти неслыханный, несмотря на сотни христианских миссионеров, проповедующих на Востоке, случается довольно часто, что христиане, по убеждению или из личных выгод, переходят в лоно ислама.

Однако, религиозное рвение, ознаменовавшее первые века ислама, теперь существует лишь у небольшого числа правоверующих, и большинство мусульман могут считаться таковыми лишь по рутинному исполнению обычных обрядностей и повторению освященных формул или молитв. Оттого от времени до времени в среде магометанства появлялись реформаторы, призывавшие его к ревности, отличавшей старую веру, и к строгому соблюдению правил и обрядов религии. Последним по времени и, быть может, важнейшим из этих пробуждений была попытка реформы, сделанная одним арабом из Неджеда, Могамедом-Ибн-Абд-эль-Вагабом, по имени которого его последователи получили название вагабитов. Он родился, вероятно, в последних годах восемнадцатого столетия и начал свою проповедь, кажется, между 1740 и 1750 гг., после изучения мусульманского богословия в Дамаске, в Бассоре и в Багдаде. Преследуемый своими земляками в Неджеде, по причине религиозных споров и распрей, порожденных им среди населения, он удалился к шейху Сауду, главе племени аназехов, и соединился с ним, как брат: один был слово, другой меч «нового ислама». Однако, они не имели в виду основать какую-либо новую секту; стремления их были на-

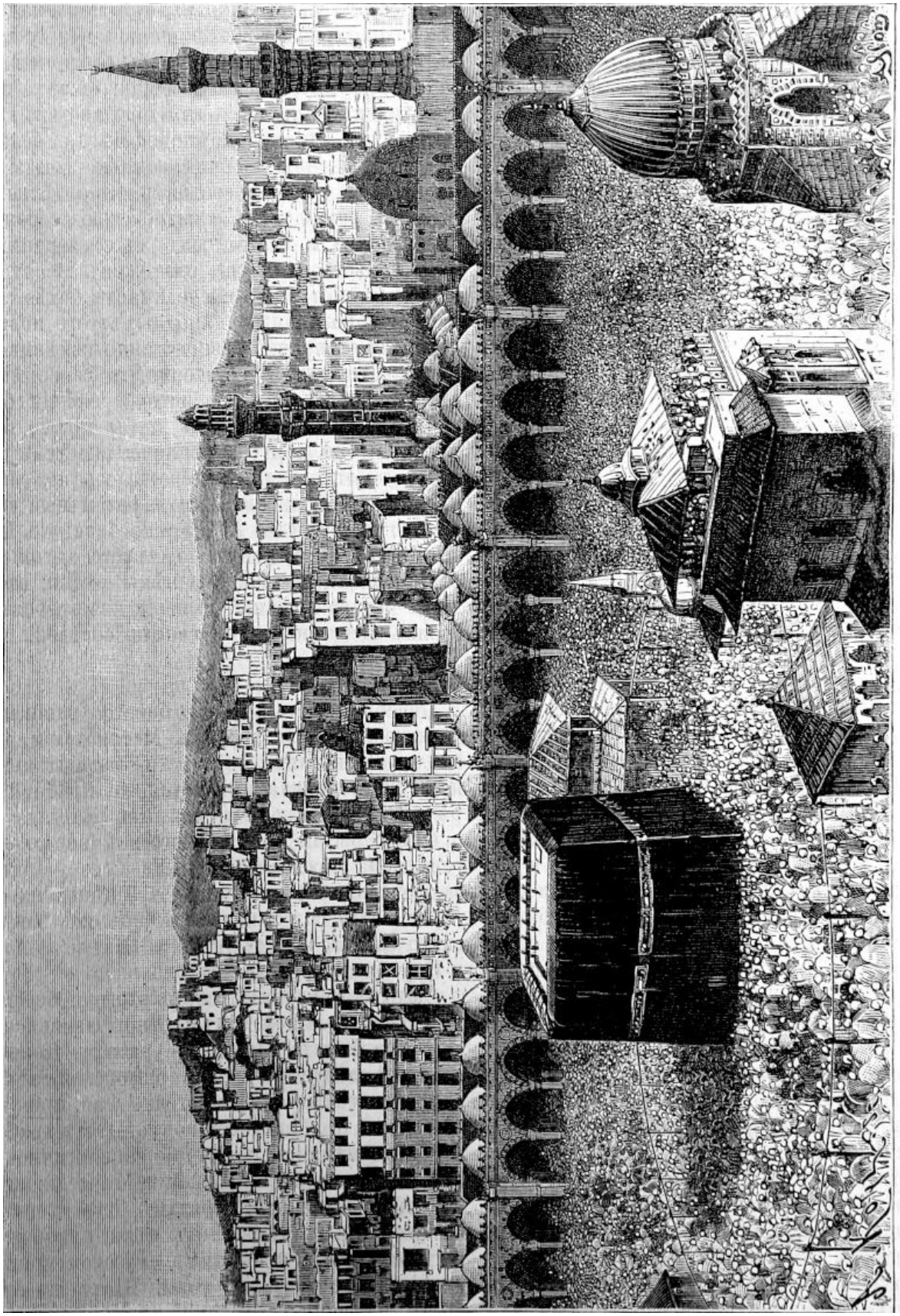
1 Sprenger, „Mohamme“;—Alfred von Kremer, „Kulturgese chichtlishe Streifzuge“.

правлены лишь к тому, чтобы вернуть мусульман к первоначальной простоте веры и чистоте жизни. Эти «янсенисты» ислама порицали пышность религиозных обрядов, роскошь мечетей, употребление дорогих тканей, «пустую и неопрятную» привычку курить табак; они не признавали никакой привилегии за духовенством, отвергали, как богопротивную, всякую молитву, вознесенную к престолу Всевышнего через посредников, не исключая и Пророка, и обязывались возобновить войну против всех неверных; они одни, верные исполнители закона, имели право называться мусульманами; все другие были нечистые кафиры, *мушкирины* или политеисты. Религиозная реформа осложнилась социальной революцией. Массы бедняков арабов, беглых или оттесненных могущественными племенами в бесплодные пустыни, присоединились к новой секте, чтобы снова завоевать себе место на солнце, опять найти разом земли, стада и гордость расы. С половины восемнадцатого столетия почти весь Неджед, вокруг главного города Эль-Деррейе, был обращен мечом к учениям вагабитов; затем круг завоеваний постепенно расширялся за пределы центрального нагорья. В 1783 г., в последние годы жизни Вагаба, сектанты простерли свою дерзость до того, что, к ужасу всего мусульманского мира, стали нападать на караваны хаджей, направлявшиеся к Мекке; в 1799 году они были настолько могущественны, что сами совершили пилигримство к Каабе, под предводительством Сауда, внука шейха Сауда, товарища Вагаба, и вскоре после того, в 1801 году, вагабиты, в числе двадцати тысяч человек, разграбили шиитскую мечеть в Кербеле, где со времен Надир-шаха накопились несметные сокровища, образовавшиеся из приношений персиян. Наконец, в 1803 г. последователи Вагаба овладели самой Каабой, а в следующем году вступили в Медину; четыре дороги пилигримов, дороги из Египта, из Дамаска, из Персии и из Йемена были перерезаны ими, и в течение нескольких лет хаджи могли посещать священный камень не иначе, как высаживаясь с кораблей в Джедде, которою вагабиты не успели овладеть. В ту эпоху новое государство представляло народы Аравии пред лицом турок и персиян: власть Сауда распространялась на большую часть полуострова, и дружины его подвигались в сирийскую пустыню до Евфрата и до окрестностей Алеппо и Дамаска. Однако, Оман, Гадрамаут оставались вне пределов «нового ислама», а Йемен подвергался лишь быстрым набегам. Впрочем, преобладание вагабитов продолжалось не долго, всего около десятка лет; другие мусульмане не могли сносить исключения их из святых городов, и с своей стороны, султан, наследник калифов, должен был опасаться потерять престиж своего титула, если бы ему не удалось восстановить свой авторитет в Мекке и Медине. В 1812 и 1813 годах египетская армия завоевала обратно побережье Геджаса, затем проникла во внутренность страны, где сражалась с переменным счастьем, и, наконец, в 1817 г. Эль-Деррейе, столица новой империи, была взята Ибрагимом-пашей. Храбрый Сауд, «Отец усов», умер за три года до катастрофы.

Со времени поражения вагабитов царство их вновь организовалось, но оно уже не самое могущественное в центральной Аравии; государство Джебель-Шаммар, главный город которого Гайль, приобрело первенство, и нравы в этой стране чужды того фанатизма, каким проникнуты её соседи; персияне-шииты пользуются там полной веротерпимостью, и туда призывают даже евреев из Йемена, этих презираемых потомков некогда могущественных иудейских колоний, которые издавна поселились в западной Аравии, и влияние которых так заметно отразилось в рассказах и предписаниях Корана. Пропаганда вагабитизма продолжается за пределами Аравии, особенно в Индии, и даже, быть может, число мусульман «реформатов» в настоящее время более значительно,чем в эпоху побед Сауда; но теперь движение имеет преимущественно религиозный характер, и до сих пор предосторожности, принятые англичанами в видах предупреждения восстаний, увенчались успехом: опасность пришла не от магометанских подданных Великобритании.

В самой Аравии большая часть населения, называемого мусульманским, осталась совершенно в стороне от религиозных войн, возбужденных новым исламом. Бедуины-кочевники не дали себя увлечь в вагабитское движение, к которому они примыкали только, что случалось не раз, чтобы сопровождать вагабитов в грабительских экспедициях. Магометанство их состоит просто в том, что они говорят: «Аллах есть Аллах», и призывают его в свидетели в

своих утверждениях; но не молятся ему и не воздают благодарений. Из всех «благородных» степных племен одно только, шаммары, имеют муллу, состоящего на жалованье у шейха, который усвоил привычки горожан. Полу-касты феллахов, обработывающих поля на бере-



Мекка. Дворъ Каабы.

гах рек, презираются бедуинами, не только по причине их оседлого образа жизни и угнетения, которое они переносят, но также по причине их религиозных обрядов, на которые «сыны пустыни» смотрят, как на признак унижения. Вероятно, следы древнего сабеизма

еще имеют у бедуинов перевес над магометанским влиянием, так как, по свидетельству многих путешественников, различные племена сохранили обычай приветствовать поклоном восходящее солнце; один народец, зедиехи, в северных равнинах, говорят, молится также падшему ангелу, подобно иезидам; но это поклонение «диаволу» ни мало не скандализирует их соседей; больше удивляются тому, что зедиехи носят рубашки с вырезками в форме квадратиков вокруг шеи[1]. Если бедуины принадлежат к числу народов, наименее интересующихся религиозными догматами, то они вместе с тем один из тех народов, жизнь которых всего менее управляется суеверными приметами и обычаями; некоторые из них носят амулеты, но не охотно признаются в этом; они не занимаются определением мистического значения чисел и цветов, не советуются с полетом птиц и бегом диких зверей, не тратят времени на истолкование снов. Идея бессмертия души чужда обитателю аравийских степей; однако он имеет смутную идею переселения душ, и по этой причине подбирает бродячих собак[2]. Его кочевая жизнь, проходящая в постоянных разъездах и беспрерывной деятельности, не оставляет ему досуга, необходимого для метафизических умозрений, при том же немногие из бедуинов имели случай находиться один или несколько раз в жизни, как большинство европейцев, «при смерти». Первая их болезнь есть в то же время и последняя, уносящая их в могилу; их молодость, их зрелый возраст суть периоды постоянного здоровья, во время которых воображение их не имеет повода страшиться «царя ужаса»[3]. Бедуин не ищет санкции для морали, для правил нравственности в наградах и наказаниях будущей жизни: ему достаточно сообразоваться с общепринятым в его племени понятием о добре и зле. Но это понятие гораздо строже, чем то, какое существует в европейских обществах: злоупотребление доверием, мелкие обманы, постыдное воровство, столь обыкновенные на Западе, неизвестны у номадов, так несправедливо презираемых: мы тщетно стали бы искать между бедуинами бесчестного человека, способного отпереться от получения вещи, отданной ему другом на сохранение; вообще строгая честность в делах составляет неизменное правило у народов пустыни, даже у тех, которые при случае практикуют разбой вооруженной рукой.

Часто повторяют, что в течение трех тысяч лет арабы не изменились. Без сомнения, что касается кочевых племен пустыни, перемены, если они произошли, весьма незначительны: условия среды таковы, что образ жизни почти не может видоизменяться. Но не так в городах и обработываемых сельских местностях: там даже и для бедуинов движения истории не прошли бесследно, не совершились без того, чтобы не оказать видоизменяющего влияния на ход идей. Форма правления значительно разнится у оседлых арабов, сообразно бесконечному разнообразию местных условий, зависящих от степени цивилизации, от образа жизни и от исторических преданий. Большое число народцев сохранили политическую организацию кочевых племен: они состоят из равноправных членов, выбирающих из своей среды судью, во всякое время могущего быть смененным, который разбирает возникающие между членами общины споры и постановляет приговоры. Другие группы семей образовали из себя олигархии; иные представляют монархии, ограниченные или самодержавные; наконец, Мекка, священный город, состоит под теократическим режимом. Большинство государств, состоящих из небольшого числа племен, имеют незначительное протяжение, иногда один оазис, одна долина, один массив холмов составляют всю территорию самостоятельного политического тела; народцы суть первоначальные элементы, и установившиеся между ними отношения недостаточны, чтобы соединить их в одну группу, имеющую общего шейха и общие законы. Значительные государства, как, например, Оман, не походят на большие централизованные общественные союзы западных наций; они состоят из отдельных племен, имеющих каждое свою особенную организацию и связанных с сюзеренным правительством лишь платежом десятины. Общий патриотизм не соединяет более между собой различные народцы: оттого политические группировки беспрестанно изменяются; малейшего случая достаточно,

1 Anne Blunt, „Among the Bedouins of the Euphrates“.

2 Rampendahl, „Deutsche Rundschau fur Geographie und Statistic“, 5-ter Jahrbang, 10.

3 Anne Blun, цитированное сочинение.

чтобы изменить сеть границ. Если бы история Аравии была достаточно известна, так чтобы можно было начертить на карте изменчивое сплетение границ, то эти взаимно пересекающиеся линии представляли бы каждый год различный вид. Только в соседстве Адена и на берегах Персидского залива, где господствует английское влияние, политические перемены редки; вассалам могущественной империи нечего бояться своих подданных, ни своих соседей.

VII.

Северная часть морского берега Аравии, продолжающагося на юг от Месопотамии, принадлежала недавно к царству вагабитов; теперь она турецкая провинция, по крайней мере номинально, и зависит от Багдада или от Бассоры; по имени одного из своих округов, она называется Эль-Газа: это—страна, заключающаяся между краевой цепью плоскогорий Неджеда и западным берегом Персидского залива между устьями Шат-эль-Араба и Барейнским архипелагом.

Самый оживленный порт этого побережья, на берегу большой бухты, открывающейся на юго-западе от Шат-эль-Араба,—Ковент, который следует считать приморской гаванью евфратского бассейна; местечко Фао, при устье реки, есть его передовой порт. Этот арабский город занимает положение, аналогичное положению Александрии, Венеции, Марсели: подобно этим большим городам, он стоит в некотором расстоянии от реки, прибрежные жители которой посылают ему свои произведения. Но так как устье Шат-эль-Араба более доступно кораблям, чем устья Нила, По и Роны, то боковой порт, через который производится торговля бассейна арабской реки, имеет относительно меньшую важность. Однако, торговое движение возрастает там из году в год, и обыкновенно на этот порт, ведущий торговлю с Бомбеем и Малабарским берегом, инженеры указывают, как на конечный пункт железной дороги от Средиземного моря к Персидскому заливу. По Пелли, средняя годовая ценность внешней торговли Ковента простирается до 1.600.000 франк. Но в глазах англичан этот порт представляет то важное неудобство, что он находится к западу от Шат-эль-Араба, что помешает выбрать его, как станцию будущей железнодорожной линии в Индию. Без помощи ковентских арабов, турки, неимеющие флота в Персидском заливе, не могли бы завоевать побережья Эль-Хаза. Торговая республика одолжила им корабли для перевозки войск, провианта и пушек, взамен чего Турция уступила им пояс пальмовых рощ, вдоль правого берега Шат-эль-Араба, которые жители Ковента культивируют с таким старанием[1]. Население республики—одно из самых свободных в свете; в то же время оно, по словам Пелли, одно из тех, где люди пользуются наиболее крепким материальным здоровьем.

Эль-Катиф, порт довольно близкий к Барейнским островам, был некогда столицей царства кармафеян, шиитов, поддерживаемых персидским влиянием, которые в девятом и десятом столетиях оспаривали у магометан суннитов обладание полуостровом. В начале настоящего столетия этот город был также военным арсеналом вагабитов, и флотилии пиратов вооружались там во славу нового ислама; вместе с группирующимися вокруг него деревнями он составляет значительное городское поселение. Сделавшись турецким городом, Эль-Катиф теперь не более, как коммерческий порт, но он доступен лишь небольшим судам, так как часть рейда занесена илом. Далее на юге другой порт, Акир (Океир, Агир) есть морская пристань Гофгофа (Гофгуфа), главного города области Эль-Хаза, лежащего в сотне километров от морского берега, у подошвы краевой цепи; тысячи его жилищ с плоскими крышами группируются вокруг старинной кармафейской крепости. Гофгофский оазис, обозначаемый некоторыми писателями под именем Гаджр, есть один из значительнейших в стране Газа и производит, говорят, лучшие в всей Аравии финики (в Газе насчитывают[2] около 2.000.000, в Эль-Катифе около 1.200.000 финиковых дерев); большая часть населения рассеяна там поселками, утопающими в зелени. Белые дома Мубарреза, города почти такого же большого, как и Гофгоф, расположены в пяти километрах к северу от столицы. Вокруг обоих городов,

1 Grattan Geary;—Wilfrid Blunt.

2 Destrees, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, sept. 1874.

в тени пальм, бьют из земли обильные горячие ключи.

Менама, столица Барейна, стоит на северной оконечности острова, напротив другого города, Могарека, построенного на берегу соседнего островка. В сезон ловли жемчужных раковин, Менама, центр торговли жемчугом и перламутром, посещается большим числом иностранных купцов, между которыми самые богатые—индусы-баниахи. Слишком полторы тысячи судов принадлежат этому порту, который, кроме того, служит сборным местом трем или четырем тысячам иногородных судов. Средняя ценность добываемого в Персидском заливе жемчуга и перламутра 12.500.000 франк. Шестнадцать кланов племени аттаби, составляющих население около 50.000 душ—искусные земледельцы, и, благодаря их трудолюбию, остров превратился в один обширный сад, где пшеница, люцерна, лук и разного рода овощи отлично произрастают под тенью финиковых пальм. Барейнский шейх—один из богатых потентатов Востока; каждый водолаз, занимающийся ловлей жемчужных раковин, каждый купец, торгующий жемчугом, должен платить ему налог. Прежде султан маскатский, падишах константинопольский и шах персидский оспаривали друг у друга выгоду иметь этого богатого князя своим вассалом, но протекторат принадлежит теперь Англии. Британская флотилия поддерживает порядок в рое ловцов жемчуга, и последние, в случае каких-либо споров между собой, подлежат суду английского консула в Бушире[1].

Маскат, столица Омана, открывается взорам мореплавателей лишь при повороте крутого мыса, на верху которого стоит крепость. Голые красные скалы, древние лавы, на вид как будто едва остывшие, высятся полукругом над городом; стены с башнями по углам взбираются по крутым откосам и оканчиваются на обеих оконечностях города крепкими замками грозного вида; один из них, замок Мирани, венчающий на западе скалу высотой в 120 метров, сохранил кое-какие остатки португальской архитектуры; город имеет только две мечети, построенные на развалинах Августинского монастыря. Заключенный в слишком тесной ограде, город состоит из высоких домов, разделенных узенькими улицами, на которых с трудом могут разойтись два пешехода, идущие навстречу друг другу; но вне городской ограды продолжаются предместья, построенные из кольев, обтянутых рогожами, где живут люди всякой расы и преимущественно балуджи из Мекрана. Хотя улицы похожи скорее на рвы, чем на проспекты, однако, они содержатся в замечательной чистоте; но идешь в них словно в каком-нибудь подземном корридоре: через улицу, от одного дома до другого, протянуты циновки, покрытые сверху слоем глины в несколько сантиметров толщиной, чтобы воспрепятствовать проходу солнечного зноя; только на известном расстоянии одно от другого проделаны отверстия в этом навесе, через которые врываются ослепительные снопы света. Жители спят на террасах домов, чтобы избегнуть страшной жары и духоты, царствующей в комнатах, а когда дует раскаленный ветер пустыни, они поливают друг друга, точно растения, чтобы восполнить убыль воды, теряющейся от сильной транспирации. Оттого ревматизм—одна из самых обыкновенных болезней в Маскате. Климат слишком расслабляющий для европейцев; только двое или трое живут там постоянно, другие останавливаются лишь проездом. В соседних горах некоторые местечки, например Ростак, выбраны городскими негоциантами, как санитарные станции.

Население Маската, привлекаемое торговлей, принадлежит к разнообразнейшим расам и национальностям. К арабам прибрежья и внутренней части полуострова, составляющим главную массу городского населения, примешиваются ост-индские баниахи, балуджи, персияне, абиссинцы, сомалийцы и негры со всего африканского берега,—люди, поражающие своим исполинским ростом и геркулесовской мускулатурой. Порт, доставивший этому пункту прибрежья выгоду быть выбранным как сборное место мореплавателей Индийского океана, очень глубок, от 20 до 50 метров, и корабли находят там хорошую якорную стоянку, исключая то время, когда дуют северо-западные ветры: тогда суда, подвергаясь опасности быть выброшенными на берег, должны уходить в открытое море или искать другого, более безопасного пристанища. Движение внешнего торгового обмена весьма значительно, особенно

1 Grattan Geary, „Through Asiatic Turkey“.

по отпуску: маскатские коммерсанты отправляют за границу рыбу, финики и другие фрукты, халву, превосходящую качеством смирнскую и константинопольскую, и даже кое-какие бумажные материи.

Торговое движение Маската в 1878 году[1]: привоз—7.500.000 франк.; вывоз—27.500.000 франк. Общая сумма—35.000.000 франк.

В двух километрах к западу от Маската находится небольшая гавань Маттра или Халбу, арабский пригород международного порта, отделенный от него высоким, трудным для подъема, мысом: в Маттра останавливаются караваны бедуинов, приходящие из внутренней Аравии; они оставляют там верблюдов и ослов и перевозят товары в Маскат в маленьких лодках; целые сотни таких лодок постоянно ходят взад и вперед длинными вереницами между двумя городами.

Подобно Иемену, страна Оман имела свою собственную историю, почти независимую от истории других земель Аравии. Отделенная от остального полуострова пустыней, эта область соединена морем с берегами Персии и Индии: через океан, гораздо больше, чем через твердую землю, установились сношения её племен с окружающими нациями. Арабы, посещавшие, в средние века, порты Зондских островов и Китая, были оманские мореходы. Народ, у которого португальцы оспаривали господство на Индийском океане, были те же арабы восточного побережья. С ними же должны были вести борьбу, в прошлом столетии, армии Надир-шаха, когда повелитель Ирана хотел завоевать владычество на море. Со времени удаления иранских гарнизонов, на Оманском берегу образовалось отдельное царство; но эти владения, управляемые маскатским султаном, обнимают только береговые области. В самой Аравии они простираются вдоль морского побережья на протяжении слишком 3.000 километров, от полуострова Катар, в Персидском заливе, до Мирбатской бухты, на Индийском океане; но внутренния племена, даже живущие в расстоянии нескольких километров от морского берега, не платят уже налога и не признают себя подданными султана. Во время своего цветущего состояния, до половины настоящего столетия, Оманская империя владела также островами Персидского залива на иранском берегу, равно как портами Белуджистана и портами африканского побережья до Занзибара. Флот Маската был самый могущественный в Индийском океане; ни одно судно не могло войти в залив, не заплатив тамошним властям положенной дани. Европейские государи добивались дружбы султана. Однако, последнему нередко приходилось вести борьбу против собственных подданных, соединявшихся в ассоциации корсаров. Их флотилии стояли в засаде на западной стороне полуострова, оканчивающагося мысом Рас-Мазандам, и оттуда подстерегали суда, шедшие в залив. Горе тем, которые не были сопровождаемы военными кораблями! Товары захватывались, экипаж погибал под ударами пиратов, женщины и дети увозились в неволю. Три раза, в 1809, в 1819, в 1821 годах, Ост-индская компания должна была посылать экспедицию против оманских корсаров; в 1819 г. англичане захватили, на «Разбойничьем берегу», слишком 200 пиратских судов или *дау*, среднего водоизмещения от 200 до 350 тонн, принадлежавших по большей части страшному племени джевасини[2]. Государь Омана продал свои корветы, бриги и фрегат; у него осталось лишь небольшое число вооруженных шлюпок. Доходы его исчисляются в 600.000 франков, в том числе 150.000 франк., платимых ему англо-индийским правительством, истинным властителем Маската[3].

Резиденция султана не единственный многолюдный город Омана или Амана, «царства благополучия». К западу от Маската, берег Батна (Эль-Батина), равнина в виде полумесяца, над которой господствуют голубые вершины Джебель-Ахдара, похожия на Апеннины, представляет один обширный сад, длиной в 200 километров; идя по берегу моря, видишь непрерывный ряд садов, плантаций, засеянных полей и жилищ, на половину скрытых за густой листвой дерев: слишком сто городов, говорят омaниты, следуют один за другим на этом

1 Grattan Geary.

2 Frazer;—Wellsted;—Carl Ritter, „Asien“, vol. XII.

3 Edward Stack, „Six Months in Persia“.

счастливом побережье, и в числе их есть значительные, как-то: Барка, Совеид, Сохар, Лова, Шиназ, Фаджрах. Сохар, лежащий как раз в середине вогнутой кривой, образуемой Батнахским берегом, есть столица этой богатой провинции, и вид его напоминает англичанам вид одного из городов Гудзерата или Конкана: вступая в Сохар, можно подумать, что находишься скорее в Индустане, чем на арабском полуострове. Обсаженная тенистыми деревьями площадь простирается от морского берега до замковой горы, окруженной тройным рядом стен; губернаторский дворец украшен балконами, башенками, колоннами и аркадами, которые делают его похожим на индусское здание: дома снаружи оштукатурены чунамом, прекрасной индийской штукатуркой, похожей на белый мрамор; встречающиеся на улицах парсы доказывают, что эта часть Омана ведет торговые сношения с Бомбеем. Сохарские ремесленники: ткачи, кузнецы, котельники, золотых и серебряных дел мастера, самые искусные на всем полуострове, не уступают, по достоинству своих изделий, ремесленникам Индустана. Морская торговля Сохара гораздо менее значительна, чем торговля Маската. Город не имеет порта, но только открытый рейд, где суда становятся на якорь в некотором расстоянии от берега; однако, тамошния воды, изобилующие рыбой, усеяны рыболовными судами. К внутренности материка сады простираются на необозримое пространство до соседних деревень, утопающих в зелени групп хижин из древесных ветвей. Одна из этих деревень, Мава, имеет более жителей, чем многие обнесенные стенами города.

На западном берегу полуострова, замыкающем на половину вход в Персидский залив, город Шарджах—или Шарках, то-есть «Восточный»—соперничает с Сохаром по числу жителей и превосходит его по размерам торговли. Лежащий на «берегу пиратов», Шарджах ведет теперь лишь мирную торговлю с портами Персии и Индии. В городе много иностранных купцов, торгующих шалями, оружием, мануфактурными произведениями Бенгалии; но есть также собственная промышленность, из отраслей которой особенно замечательно плетение вокруг драгоценных вещей золотых и серебряных филиграновых украшений, отличающихся удивительной тонкостью и нежностью работы; тамошние ткачи выделывают красные плащи, в которые любят наряжаться оманцы, бумажные туники, любимое верхнее одеяние жителей Неджеда, и ковры, высоко ценимые на всем побережье залива. Шарджах и южнее город Добей, порт которого, похожий на озеро, соединен с морем протоком, прорезывающим белый песчаный берег, куда волна приносит иногда зерно янтаря, находятся почти на западной границе пояса жемчужных раковин, и флотилии их принимают участие в ловле жемчуга, на мелях «Девичьего моря», за портом Абу-Деби. Маленький порт Рас-эль-Хейма, бывшее гнездо пиратов из племени джевани, теперь мирный городок, занимающийся ловлей жемчуга и торговлей. На западе, на Катарском полуострове, два небольшие города Вокра и Бедая тоже имеют порты, постоянно наполненные черными барками, обшивка которых исполосована бороздами, вырытыми в дереве веревкой водолазов, ныряющих за жемчужными раковинами.

Несколько важных городов находятся также во внутренней части Омана, но только немногие из них были посещены европейскими путешественниками. Бирейма, главный город земли Дахира, на дороге из Сохара в Абу-Деби,—очень деятельный земледельческий рынок; Несва, на южной покатости массива Джебель-Ахдар,—промышленное местечко, где фабрикуют медные изделия из руды, добываемой в соседних горах; Минна окружена возделанными полями и плантациями, богатство которых удивило английского путешественника Уэльстеда, привыкшего видеть в Аравии лишь пустынные пространства[1]. На юго-востоке, в Джайланском округе, город Бени-Абу-Али, населенный одним племенем арабов-вагабитов, напоминает поражение, понесенное маленьким английским отрядом, за которое отмстила трехтысячная армия, в 1821 году. Сур, порт этой области, лежит в небольшом расстоянии к западу от крайнего мыса юго-восточной Аравии, Рас-эль-Гадда; говорят, что название Сур происходит от сирийцев, некогда поселившихся в Омане; в наши дни местная торговля находится в руках баниахов из Индустана.

1 „Travels in the province of Oman“.

На южном берегу Аравии, порт Мирбат, морская пристань долины Уади-Доан, почти напротив острова Сокоторы, принадлежит еще к Оману: это пристань древнего города Дафара или Дофара, имевшего некогда значительное население; арабский писатель Ибн-Батута описывает его, в четырнадцатом столетии, как город торговый и очень промышленный[2]. Развалины старого города все еще известны у окрестных племен под именем Эль-Балад, что значит «город» по преимуществу. Ладанное дерево, алоэ, драконова кровь растут в изобилии в соседних горах; но продукты их, столь высоко ценимые прежде, утратили теперь цену, и торговля удалилась из этих вод. Маленькия деревеньки на морском берегу, между Суром и Мирбатом, населены лишь рыболовами, из которых большинство не имеют даже лодок. Десятка два жителей острова Гуллание имеют только удочки и корзины[3]. Арабы племени дженнаби пускаются в море на плотах, сплетенных из веток и поддерживаемых на воде надутыми кожаными мешками: это келлеки, в роде тех, какие употребляют прибрежные жители на Тигре и Евфрате.

Торговое движение направилось далее на запад к берегам Махраха и Гадрамаута, за грозный мыс Рас-Фартак. Шехр или «Город», лежащий на берегу океана, почти безлюден; но внутри материка основался значительный рынок Сук-Эль-Базир, город очень оживленный, хотя и неимеющий порта; неустрашимые моряки Махраха имеют десятков шесть небольших судов, на которых они отправляются в море при первом дуновении северного муссона и ведут торговлю вдоль берегов; до половины настоящего столетия эти суда употреблялись преимущественно для ввоза невольников. К западу от Шехра, Макалла, стоящий на берегу глубокой и хорошо защищенной от ветров бухты, уступает размерами торгового движения только английскому городу Адену. Расположенный у подножия крутых красноватых склонов и стены из ослепительно белого известняка, возвышающейся на 400 метров, он смотрит на Сомальский берег через Аденский залив, и, действительно, торговля его ведется главным образом с африканским континентом; предместья его населены самальцами, абиссинцами, неграми, занзибарскими жителями так же, как индусами; камедь, кожи, александрийский лист, кунжут, ладан, табак, плавники акул—таковы главные предметы отпускной торговли этого города. Макалла служит приморским рынком очень богатым долинам, где, по словам Вреде, единственного путешественника, посетившего до сих пор те места, города более многочисленны, чем во всякой другой части полуострова: там насчитываются десятками городские поселения, имеющие по шести тысяч жителей и больше; в некоторых долинах сады и улицы тянутся непрерывным рядом на пространстве нескольких дней ходьбы. Даже прибавляя к жителям городов и местечек жителей ближайших окрестностей и всех подгородных деревень, удивляешься чрезвычайной плотности, которую имеет, по рассказам этого путешественника, население Гадрамаута: населенность этой части Аравии можно сравнить с населенностью западной Европы. Терим, одна из столиц этого края, лежит в 200 слишком километрах к северу от Макаллы, при слиянии временных потоков Рашиех и Каср, образующих Уади-Моссилех. Другая столица, Шибам, километрах в сорока к юго-западу от Терима, находится в бассейне Уади-Каср, и другие многолюдные города, как-то Гаура, Беда, Амид, расположены выше, на ветвях того же речного разветвления; невдалеке от Гауры, близ Мешед-Али, стоят «сорок гробниц»—усыпальницы, испещренные гимиарскими или сабейскими надписями. Путешественнику Вреде не удалось посетить этих знаменитых могил, по той причине, что проводник его клялся «хлебом насущным», что он ни за что на свете не поведет туда иностранца. В западном Гадрамауте, на границах Иемена, важнейшие города, Габбан, Иешбум, Низаб, славящийся своими копями каменной соли, тоже остались в стороне от пути, пройденного немецким исследователем. Два порта, Бир-Али и Мегдеха, в земле вагидов, странным образом дополняют друг друга. Расположенные на двух оконечностях большой бухты, открывающейся на юг, эти два города представляют, тот и другой, убежище судам только во время одного определенного муссона. Мегдеха, лежащая на востоке, дает

2 Carter, „Journal of the Geographical Society“, 1846.

3 Hulton, „Journal of the Geographical Society“, 1841.

пристанище судам зимой, когда дуют северо-восточные ветры; Бир-Али, находящийся на западном конце залива, служит избранной гаванью в период южного муссона; все население перемещается вместе с барками мореходов; смотря по времени года, оно странствует из одной столицы в другую[4]. На западе Шугра тоже очень посещаемая морская пристань. Арабы, жители этого прибрежья, эмигрируют в большом числе в Индустан, где они нанимаются солдатами в войска раджей.

Английский город Аден, самый многолюдный во всей Аравии, построен на острове, соединенном узкой песчаной косой с твердой землей: его великолепное положение, у подошвы легко обороняемой естественной крепости из скал, при двух естественных портах, глубоких и хорошо защищенных от ветров и волнения, было оценено англичанами уже во время съемки ими на карту аравийского побережья, и в 1839 году они приобрели Аденский полуостров за пенсию в несколько сотен золотых с изображением Марии-Терезии, уплачиваемую Лагеджскому султану. Маленькая деревня опять сделалась городом, как была Адана во времена финикийских мореплавателей и затем до открытия морского пути в Индию: теперь Аден состоит даже из двух различных городов: «Морской пристани» или Steamer-Point (Пароходный мыс), расположенной при западном порте, где пристают пароходы, и где целые флоты свободно могли бы производить свои эволюции, и из собственного города, который со склонов потухшего вулкана господствует над восточным портом, защищенным островком Сирах, который теперь соединен с твердой землей. Сильные укрепления, напоминающие твердыни Гибралтара, построены англичанами в самом кратере вулкана Джебель-Шамшан. Замечательнейшие памятники Адена—обширные цистерны, выкопанные в боку горы, как средство для восполнения слишком скудного запаса воды, доставляемой водопроводом с холмов континента; вырытые в горе бассейны могут вмещать слишком 40.000 тонн воды, но часто бывают пусты, так что нужно прибегать к дистиллированию морской воды для водоснабжения города. Арабы, прежние хозяева страны, составляют меньшинство в Адене: главный элемент населения доставляется индусами, как баниахами, так и мусульманами, и сомалиями, выходцами с противуположного, африканского берега: зимой около десяти тысяч этих африканцев живут в английском городе, куда они привозят овец, сало, коровье масло, строевой лес, и где они покупают, взамен того, мануфактурные изделия и табак.

Торговое движение Адена в 1880 году: Привоз—40.000.000 франк.; вывоз—15.000.000 франк.

Евреи, несколько персов, наконец европейцы, не считая гарнизона, составляют остальное население этого города, который в административном отношении причисляется, и не без основания, к Индустану. В самом деле, разве он не простая пристань на морской дороге из Лондона в Бомбей? Вместе с зависящей от этого британского владения территорией арабских царьков, Аден для англичан есть не что иное, как одно из звеньев громадной цепи, протянутой ими вокруг земного шара. Территория, присоединенная оффициально к колонии, заключает, на севере от полуострова, небольшой оазис Шейх-Отман. Непосредственно у входа в Красное море, защищаемого скалистым мысом Баб-эль-Мандеб, открывается, напротив Перима, почти кругообразная бухточка Шейх-Саид, которую предлагали избрать, как карантинную станцию для пилигримов, направляющихся в Мекку. Марсельские негоцианты одно время составили-было проекты устроить порт в этой бухте.

Сана, столица турецкого вилайета, обнимающего большую часть Иемена,—значительный город, один из самых многолюдных в Аравии; а между тем он лежит на высоте 2.130 метров над уровнем моря, следовательно, на высоте большей, чем самый высокий город Европы. Очень чистый и опрятный, перерезанный широкими улицами, усеянный садами общественными и частными, открытыми всем и каждому, Сана своим прекрасным внешним видом смело может поспорить с богатейшими городами Востока, и некоторые из его зданий отличаются очень красивой архитектурой, напоминающей в одно и то же время памятники Раджпутаны стилем изваяний и памятники Флоренции величавостью контуров. Из-за переплета-

4 „Petermann's Mittheilungen“, 1872.

ющихся ветвей деревьев выступают огромные каменные массы дворцов, состоящих из корпусов, пристроенных уступами один к другому и различающихся высотой, орнаментацией, формой и размерами отверстий, рисунком и цветом арабесок. Большинство окон полукруглые, другие продолговатые или готической формы; одни широко открытые, другие решетчатые или с прорезами, расположенными косыми рядами, в роде окон голубятней; кордоны, разделяющие этажи и закраины верхних террас, изукрашены переплетающимися вычурными узорами. Некоторые из пятидесяти мечетей Саны поражают грандиозностью своих размеров; одна из них слывет соперницей меккской Каабы по святости, даже у правоверных мусульман Иемена. Живописные руины встречаются в различных частях городской ограды; цемент, который доставляет известь из соседних каменоломень, так крепок, что нависшие фрагменты древних зданий держатся несокрушимо в течение столетий.

Город делятся на три квартала, совершенно отдельные, заключенные в одной общей ограде, частию разрушенной, но имеющие каждый свою особенную стену. Вне ограды, общая длина которой около 7 километров, расположены обширные казармы, командующие городом лучше, чем старая, ныне полуразвалившаяся крепость[1]. На востоке раскинулся собственно так-называемый город, оканчивающийся замком Эль-Гассер, и в центре которого группируются лавки базара. Центральный квартал, отделенный от города бульваром, носит название Мутюакиль; там особенно замечателен военный госпиталь, большое здание, устроенное по образцу европейских заведений этого рода: путешественник не без удивления встречает в стране гимиаров госпиталь, так хорошо содержимый, имеющий медицинский персонал, получивший образование в высших медицинских школах западной Европы, имеющий химическую лабораторию и анатомические залы. В Санском госпитале за оффициальный язык принят французский, для корреспонденции, статистики и счетоводства. К востоку от центрального квартала тянется, между садов, прекрасная улица Бир-эль-Азеб, где живут преимущественно турецкие чиновники; затем, на западной оконечности города, скучены домики «жидовского квартала», Гаэ-эль-Яхуд, прежде окруженного стеной, за которую жителям дозволялось переступать лишь в известные часы дня. До обращения иеменских арабов в ислам, целые племена придерживались иудейской религии, но при этом, кажется, не было смешения рас; по крайней мере в настоящее время арабы и яхуды составляют два класса населения, совершенно отличные по наружности. Евреи теперь почти в таком же презрении у арабов, как ахдамы и шумры, парии, которые походят на европейских цыган и не допускаются даже к общественным молитвам[2].

Город Сана, лежащий в самой возвышенной местности гор Иемена, представляет стратегический пункт, очень удачно выбранный, как позиция, откуда можно господствовать в военном отношении над всей юго-западной областью Аравии, как над восточной покатостью, постепенно спускающейся к пустыне, так и над южной и западной отлогостями, обращенными к Аденскому заливу и к Красному морю; хорошо проложенные дороги соединяют столицу Иемена с некоторыми из приморских портов. В отношении легкости сообщений и военного надзора, производимого центральным правительством, Сана поставлена в более благоприятные условия, чем была древняя «метрополия сабеян», Мареб или Мариаба, античная Саба, которую так долго розыскивали исследователи. Арно напал на следы её, наконец, в 1843 году, и после того археолог Галеви также видел ее во время своего памятного путешествия, предпринятого с целью отыскать гимиарские надписи. Мареб находился в долине Джофа, на уади, воды которого утекают к Гадрамауту; от древней столицы уцелели только круглая городская ограда и развалины здания, известного в крае под именем «дворца Балкиды»: в этом-то дворце, по сказанию легенды, и обитала царица Саба, союзница Соломона. К западу от Мареба открывается между двух скал, возвышающихся на 400 метров, Балакское ущелье, где виднеются остатки запруды, построенные из огромных глыб камня с замечательным искусством и представляющие еще желоба шлюзных ворот. Около половины вто-

1 Renzo Manzoni, „Esploratore“, vol. II, 1879.

2 Maltzan, „Petermann's Mittheilungen“, 1878.

рого столетия христианской эры это великолепное сооружение, имеющее 175 шагов толщины при основании, уступило, однако, напору вод «семидесяти» потоков, соединенных в резервуаре, а с этого момента история края вдруг изменилась: пришлось покинуть возделанные земли, город опустел, политическое равновесие страны изменилось; в течение долгих веков в Иемене вели летосчисление, принимая за начальную дату год прорыва Маребской запруды[1]. Многочисленные надписи, найденные во дворце Сабы и недалеко оттуда в руинах Мединет-Эн-Небас или «Бронзового города», дали возможность восстановить отчасти сабейскую историю и мифологию. Г. Галеви пробрался далее на север через страну древних минеян до Неджрана, жители которого, по большей части шииты, примыкают, по своим религиозным верованиям, к большой кармафейской школе, вследствие чего вагабиты клеймят их прозвищем неверных[2]. К югу от Саны и Дамара, на дороге, которая переходит последовательно через несколько горных цепей, чтобы спуститься к Аденскому порту, в древности стоял другой знаменитый город, называвшийся Дафар, подобно городу, лежащему на южном берегу Омана; это был Сефар Книги Бытия, о котором греческие и римские писатели упоминают, как о метрополии и царской резиденции гомеритов (гимиаров): от него остались лишь развалины, рассеянные близ нынешнего города Джерим, почти на половине дороги из Саны в Аден. На севере, на плоскогорьях, главный город—Амран, недалеко от сильной крепости Каукубан, которая в 1872 году в течение семи месяцев оказывала сопротивление осаждавшему ее турецкому войску. Города этой страны по большей части группы крепких замков, с башнями, террасами и зубчатыми стенами, которые грозно высятся среди хижин, сделанных из древесных ветвей.

Кофе из южного Иемена вывозится преимущественно через Аденский порт; Мокка, на берегу Аравийского залива, не пользуется более монополией экспорта этого продукта. Этот город, некогда очень торговый, который дал свое имя лучшим сортам кофе, утратил свою внешнюю торговлю, и его ограда из каменных стен заключает теперь больше развалин, чем обитаемых домов; но он еще отправляет за границу произведения Уддейнских кофейных плантаций, пользующихся наибольшей славой во всей Аравии. Взамен того, другие порты побережья Красного моря достигли цветущего состояния: в то время, как Мокка приходила в упадок, Годейдах, лежащий по близости от Беит-эль-Факиха и Зебида, которые в прошлом столетии были самыми деятельными рынками по кофейной торговле, сделался. важным городом и теперь служит приморской гаванью для Саны, Манаши и других многолюдных городов верхнего Иемена. В Годейдахе есть турецкая колония, среди которой господствует сильная смертность, так что ежегодно умирает более, чем один из десяти от лихорадок, дисентерий, болезней печени[3]. Галефка, Логейях—тоже оживленные порты. Остров Камаран, между Годейдахом и Логейдахом, был выбран международной санитарной коммиссией, как наиболее удобное место для устройства карантинного лазарета, где пилигримы, направляющиеся в Мекку, задерживаются на срок от десяти до пятнадцати дней для освидетельствования их санитарного состояния оттоманскими врачами[4]. На очень многих картах Камаран ошибочно обозначен как английский остров: он принадлежит Турции. Около северной границы Иемена главный рынок—город Абу-Ариш.

В земле Ассир городские поселения редки и малолюдны. Бывший главный город этой страны, Мигайль, почти покинут жителями, по причине нездорового климата той местности; турецкие чиновники избрали административным центром области другое местечко, Эфа, лежащее на высоте 800 метров, на передней террасе больших гор; но самое значительное городское поселение находится восточнее, на высоте около 2.000 метров, близ раздельного хребта между побережьем Красного моря и пустыней: это Намюз, главный город территории, занимаемой племенем бени-шейр. Главный порт Ассира—город Конфудах; далее на се-

1 Palgrave, цитированное сочинение.
2 Jomard, „Etudes geographiques et historiques de l'Arabie".
3 Mahe, рукописные заметки.
4 Mahe, рукописные заметки.

вер, город Лит ведет торговые сношения с Меккой сухим путем. Деревни Ассира походят во многих местах на селения Курдистана: они состоят из логовищ, вырытых в земле, имеющих только одно отверстие для пропуска воздуха и света и прикрытых сверху дерном и хворостом; в этих-то подземельях и обитают туземцы со своими стадами. Крепкие замки шейхов имеют форму усеченных четырехсторонних пирамид в два или три этажа; внизу помещаются конюшни и хлевы, но лестница, очень пологая, позволяет животным всходить на террасу, где и держат скот, в случае нападения неприятеля; стены, толщиной в два слишком метра, не боятся турецких пуль и бомб. В соседстве *кабилетов* или племен разбойничьих бедуинов жилища поселян состоят из больших башен, двери которых сделаны очень высоко, и доступ в которые возможен не иначе, как по приставной лестнице, убираемой внутрь дома, в случае опасности[1].

Жители Ассира—вагабиты, но они до сих пор сохранили многие обычаи, напоминающие языческие времена и соблюдавшиеся еще в конце прошлого столетия. Прежде кабилеты (разбойничьи племена) имели обыкновение продавать своих дочерей с молотка: ни один брак не был заключаем без того, чтобы ему не предшествовала формальная продажа невесты на публичном торжище, в присутствии толпы[2]. Так же, как в Афганистане, у некоторых племен гезарехов, жители Ассира простирали гостеприимство до того, что уступали своих жен чужеземцу на время его пребывания в их доме. Земля Ассир, казалось бы, должна быть одной из самых здоровых областей Аравии, а между тем это один из главных очагов желвачной заразы; в 1874, в 1879 и в 1880 годах, эта болезнь, которую в крае называют «старшей», быть может, по причине её исконных опустошений. похитила почти четверть населения Намюзского округа[3].

Мекка, город «священный» для ста пятидесяти или двухсот миллионов людей, город, к которому устремляются, в час молитвы, взоры и руки мусульман всех сект и всех наций—индусов или персиан, арабов, берберов или негров,—не есть большее скопление жителей, как большинство столиц государства: это город далеко не обширный, где бывает большое стечение народа только в продолжение трех месяцев пилигримства, после рамадана; а между тем Мекка или Бекка, как ее называли туземные племена в домагометанскую эпоху, слывет у мусульман «матерью городов», и составлена целая книга из титулов и названий, даваемых ей верующими; она обязана единственно своему священному камню тем, что сделалась, несмотря на неудобства своего географического положения, метрополией Аравии, сборным местом народов, городом прекрасного языка. Она лежит между голых холмов и песчаных пространств, в долине или вернее на обсохшем ложе уади, имеющего очень пологий скат с севера на юг, и воды которого, текущие редко, теряются в песках, не достигая моря; иногда они несутся настоящим потопом, наполняя всю долину, и дома, размытые при основании, обрушиваются в широко разлившийся поток; в 1861 году целая треть города была повалена наводнением; прежде от этих внезапных разливов защищала плотина, построенная выше города. Совокупность кварталов тянется по направлению уади и продолжается становищами, кучками хижин, где живут, между прочим, и корейшиты, обедневшие потомки народца, некогда могущественного, к которому принадлежал основатель ислама. На горе расположена цитадель, господствующая над Меккой. Улицы святого города, более широкия, чем улицы большинства арабских городов, чтобы давать проход огромной толпе пилигримов, все сходятся к центральной площади, занимаемый четыреугольной массой святой мечети, Месджид-эль-Гарам.

Это здание—памятник, не отличающийся архитектурной красотой, который к тому же часто приходилось починять и даже перестраивать вследствие повреждений, производимых наводнениями—представляет собрание низких построек с куполами и минаретами, образующими колоннаду со стороны обширного внутреннего двора. Ученики группируются под ар-

1 Zitterer,—Millingen;—Mahe, рукописные заметки.

2 Burckhardt, „Travels in Arabia“.

3 Mahe, рукописные заметки.

кадами вокруг своих наставников; проповедники говорят там проповеди, и во время праздников пилигримства многочисленная толпа богомольцев движется в ограде перекрещивающимися потоками. В центре двора высится Кааба или «Куб», четыреугольная масса, вышиной метров в двенадцать, запертая серебряной дверью, которая отпирается три раза в год для пилигримов. В наружной стене, близ двери, вделан знаменитый черный камень, аэролит, отколовшиеся куски которого придерживаются серебряным обручем. Это священный камень, врученный ангелом Божиим Измаилу, родоначальнику арабов, и который в день страшного суда заговорит, чтобы свидетельствовать в пользу тех, которые целовали его чистыми устами. Над зданием, поэтически уподобляемым невесте[1], развевается длинными складками навес из черной шелковой материи, подарок падишаха константинопольского; это колыхание материи, говорят пилигримы, происходит от движения крыльев ангелов, летающих вокруг священного Куба, и которые когда-нибудь унесут его на небо и поставят перед престолом Аллаха. Четыре молельни воздвигнуты по углам четыресторонней башни; это место молитвы четырех правоверных сект магометан-суннитов: шафитов, которые живут главным образом в Сирии и в Месопотамии, между Тигром и Евфратом; ганафитов, состоящих по большей части из бухарцев, белуджистанцев, афганцев и турок; малекитов, почти исключительно африканцев, и ганбалитов, огромное большинство которых арабского происхождения. В одной из часовен бьет из земли обильный источник Земзем, святая вода, брызнувшая из земли для Агари и Измаила, когда они блуждали, томимые жаждой, в пустыне. Эта вода, впрочем, немного соленая, считается всеисцеляющим средством от всех недугов, и в городах Востока богатые мусульмане добывают ее за большие деньги: между тем химик Франкленд, анализировавший ее, говорит, что он «никогда не видывал воды до такой степени загрязненной органическими веществами»[2]. Но прежде она не смешивалась, как в наши дни, с водами из водосточных канав. В сезон пилигримства число хаджей, мужчин и женщин, которые толпятся перед Каабой и священным источником, доходит иногда до шести или восьми тысяч человек. Когда все пилигримы разом делают поклон, словно наклоняемые силой ветра во время бури, ударяя себя в грудь и читая с бешеной яростью молитвы,—эта пестрая многотысячная толпа, где встречаются люди, пришедшие со всех сторон мусульманского мира,—с островов Индии, из Китая, из сибирских степей, с берегов Нила и Нигера,—представляет единственное в своем роде зрелище; для правоверного нет впечатления более сильного, и случалось, иные впадали в такой религиозный экстаз, что призывали смерть для того, чтобы райское блаженство продолжало божественную радость, наполняющую все их существо; другие выкалывали себе глаза, чтобы взор их не был оскверняем другим видом, кроме вида святого места. При входе пилигримов в ограду мечети Месджид-эль-Гарам, одна из их первых церемоний состоит в том, чтобы обежать семь раз вокруг Каабы, кружась справа налево и прикасаясь каждый раз к черному камню: это называется «сделать туаф». В до-исламитские времена верующие бегали кругом Каабы в состояния совершенной наготы: считалось, что они вместе с одеждой сбрасывали с себя и свои грехи. Магомет подтвердил церемонию туафа, но отменил обязанность раздеваться до-нага; тем не менее, и теперь пилигримы, прибыв на последнюю станцию перед Меккой, считают долгом скинуть с себя свое обычное одеяние, чтобы прикрыть наготу одной только рубашкой, *ирам* или *морам*, и в этом-то простом наряде они должны переносить ночной холод и дневной зной, до тех пор, пока не будут исполнены все церемонии посещения святыни[3].

Число пилигримов значительно разнится от одного года до другого, смотря по политическому состоянию полуострова и окружающих его государств. В первые времена магометанского религиозного пыла, когда обязанность совершать хождение в Мекку, по крайней мере раз в жизни, считалась священной, и когда свидетельства о посещении святого места не покупались ценой денег, чужеземцы стекались сотнями тысяч в духовный центр мусуль-

1 Burckhardt, „Travels in Arabia“.

2 Mahe, рукописные заметки.

3 Burckhardt, „Travels in Arabia“;—B. Burton, „Pilgrimage to Mecca“;—Maitzan, „Wall fahrt nach Mekka“;—Keane, „Six months in Mecca“.

манства. Калифы велели выстроить города, для того, чтобы пилигримы находили удобные места для остановок в пустыне, и миллионами раздавали золотые монеты жителям Мекки и Медины. В тринадцатом столетии, караван последнего из Абассидов состоял из 120.000 верблюдов и из целой армии солдат, служителей и торговцев. Под турецким владычеством государи никогда не подавали примера такого усердия к вере: ни один из падишахов константинопольских не совершил путешествия в Мекку. Они ограничиваются посылкой подарков и отправляют какого-нибудь придворного сановника в качестве представителя своей особы перед священным черным камнем. Во время войн между турками и вагабитами хождение мусульман к святым местам почти совершенно приостановилось; со времени восстановления мира средний наплыв богомольцев ежегодно превышает сто тысяч человек, которые почти все столько же ревнуют о своих меркантильных интересах, сколько и о спасении души; во время их пребывания святой город превращается в громадный базар; торговля завладевает даже двором и колоннадами храма. Но введение пароходства на Красном море и открытие Суэзского канала имели следствием радикальное изменение условий путешествия для пилигримов и заставили покинуть некоторые дороги, прежде очень посещаемые их караванами. Египетские хаджи, направляющиеся через Синайский полуостров, чтобы затем обогнуть Акабахский залив и следовать вдоль Мадианского побережья и Геджаса, немногочисленны; дамасский караван, представлявший, бывало, целый народ, странствующий по пустыням, не наполняет более долин своими бесчисленными шатрами и не вычерпывает до дна лежащих на пути источников и колодцев; иеменский караван, идущий вдоль южного берега, тоже уменьшился; из Маската караван больше не ходит; только поперечная дорога, направляющаяся из Месопотамии к Мекке через Неджед, сохранила свою относительную важность, по той причине, что плавание кругом полуострова стоило бы слишком дорого большинству пилигримов. Женщины тоже приглашаются совершать хождение к святым местам, и обычай позволяет вдовам заключать временные браки с жителями Мекки на срок их пребывания там. Что касается не-мусульман, то вход в Каабу и даже вообще в священный город им безусловно воспрещен, и только при исключительных обстоятельствах иноверцам удавалось проникать туда, или во время войны против вагабитов, в свите Мегемета-Али и его офицеров, или под видом хаджей; таким-то способом Бадия или Али-бей, Бурхард, Мальцан, Бертон, Кин принимали участие в церемониях туафа. Но если европейцы не допускаются в святилище ислама, то тем не менее влияние их проявляется преобладающим образом в отношении сборищ пилигримов: через посредство международной санитарной коммиссии они имеют надзор за скоплениями богомольцев, регулируют ход караванов, наблюдают за поддержанием порядка и соблюдением требований гигиены в пилигримских станах. Благодаря этому вмешательству европейцев, пилигримов теперь не сопровождают всегда, как бывало прежде, холера, чума или тиф.

Церемонии пилигримства не считаются вполне законченными, и посетители черного камня не имеют права принять титул хаджи, если они не сходят также помолиться Аллаху на склонах святой горы Арафат, находящейся в семи или восьми часах ходьбы к северо-востоку от Мекки. Это гранитный хребет, возвышающийся всего только на 60 метров над уровнем окружающей равнины, но имеющий несколько километров в окружности при основании; своей традиционной святостью в глазах арабов он обязан, может быть, обильному источнику, бьющему из расселины скалы, и который султанша Зобеида велела перехватить, чтобы провести его воду в Мекку посредством водопровода, частию подземного; но канал, худо поправляемый, позволяет просачиваться воде из резервуаров, устроенных на его протяжении, и потому город получает ныне лишь незначительную часть её. В день, когда многочисленная толпа пилигримов, увеличенная жителями и гарнизоном Мекки, направляется к горе Арафат, долина ручья Уади-Муна, по которой поднимается дорога, бывает слишком узка, чтобы вместить эти массы народа, и в теснинах происходит такая давка, что требуется несколько часов для того, чтобы весь людской поток мог пройти тесное место. В 1816 году, во время посещения страны путешественником Бурхартом, и в 1882 году, по отчету международной санитарной коммиссии, около 70.000 пилигримов толпились, вместе со своими

верблюдами и лошадьми, вокруг святой горы, и равнина была сплошь усеяна бедуинами, преимущественно жителями Ассира, пригнавшими с собой стада баранов, чтобы продавать ягнят богомольцам, как жертвы для заклания. Но как бы ни было велико число верующих, пришедших помолиться от чистого сердца на горе Арафат, где, по преданию, общий прародитель Адам в первый раз научился от ангелов взывать к имени Божию, все находят там место: гора вздувается неограниченно, говорит легенда, чтобы вместить толпу поклоняющихся Господу. Нищие уже расположились там сотнями и тысячами, когда являются верующие; сидя на карнизах и выступах скал, они протягивают свои платки для того, чтобы проходящие бросали туда подаяния. «Подумай о твоем долге, пилигрим!» говорят они ему, требуя то, что, как они убеждены, принадлежит им по праву. Когда церемония начинается, все теснятся на склонах так, чтобы, если не слышать, то по крайней мере видеть кади Мекки, говорящего и жестикулирующего с высоты своего верблюда; даже караваны хаджей представлены на вершине горы махмалами или священными верблюдами каравана, на которых нагромождены высокие деревянные балдахины, обтянутые пышными драпировками. Как только проповедник возденет руки к небу, чтобы призвать благословение Всевышнего на собравшуюся толпу верующих, тысячи голосов испускают вместе один и тот же крик: «лебеик Алла хума лебеик»!—«Мы твои слуги, Боже»! Затем все устремляются вниз, к подошве горы. Издали эту несметную толпу людей в белых рубахах, бегущих с уступа на уступ, можно принять за пенящийся водопад, низвергающийся с горы. На следующий день, после шумной ночи, совершается на рассвете вторая общая молитва, после чего толпа богомольцев направляется в обратный путь к Мекке. Во время перехода через одно ущелье есть обычай бросать камни в основанию стены скал, чем изображается будущее побиение камнями диавола. Огромные груды камней скопились в этом месте, где, без сомнения, уже тысячи лет совершается эта церемония, прообразующая истребление Эблиса, духа тьмы. Далее делаются жертвоприношения, при чем каждый пилигрим, смотря по состоянию, закалывает одно или нескольких животных; кровь льется потоками на песок, и тучи коршунов налетают на падаль, не дожидаясь, когда последние богомольцы удалятся с поля кровавой сечи.

Мекка занимает центр священной территории, называемой Гудуд-эль-Гарам. Она дополняется на востоке укрепленным городом Таиф, расположенным на закраине центрального плоскогорья, в небольшой долине, наполненной зеленью фруктовых деревьев: это перекресток всех дорог, направляющихся к внутренности Аравии. На западе другое передовое место Мекки—приморский город Джедда, построенный на побережье Красного моря, на бывшем плоском берегу, где еще видны следы пребывания вод; оттого, хотя дома хорошо построены, и хотя воздух свободно циркулирует на улицах, Джедда имеет нездоровый климат; даже морская бриза приносит ей нечистые испарения луж, оставляемых отливом среди коралловых построек. Гнездо заразы, откуда пилигримы часто заносили холеру на берега Средиземного моря, Джедда избрана главной станцией международной санитарной коммиссии, и все высаживающиеся в этом порте пилигримы должны содействовать уплатой небольшого налога, в размере около 2 франков, применению мер, принимаемых в видах охранения общественного здравия. Джедда—самый богатый город на берегах Красного моря: число пилигримов, высадившихся в её порте, в фискальном 1880-1881 году, было 59.659, а в 1881-1882 году 37.785[1]. Торговля Джедды, весьма значительная (общая ценность торгового движения, в среднем, простирается до 120.000.000 франков), возрастает или уменьшается, смотря по большему или меньшему наплыву богомольцев. Городское население, состоящее в значительной части из пилигримов, оставшихся в крае, представляет существенно космополитический характер; такрури—имя, которым обыкновенно обозначают большинство африканцев из Нубии—занимают несколько кварталов; кроме того, в Джедде живут около 2.000 индусов; далее там встретишь даже китайцев, малайцев, дайяков с острова Борнео; весь этот пришлый люд привлекается столько же ревностью к вере, сколько страстью к наживе; более чет-

1 Mahe, рукописные заметки.

верти жителей состоит из невольников[1]. Живя на счет благочестия хаджей, обитатели приморского порта Мекки отличаются в большинстве сильным фанатизмом; в 1858 году европейские державы должны были мстить за смерть консулов Франции и Англии, умерщвленных фанатической чернью. Так же, как Мекка, Джедда имеет в окрестностях несколько мест священных по преданию: таков, к востоку от города, на дороге из Гадда, бугор длиной около 60 метров, который называют могилой Евы, «матери всех живущих». По верованию пилигримов, тело прародительницы много превосходило пространство, обозначаемое выступом почвы: голова Евы покоилась в Медине, тогда как ноги достигали Африки. В честь Евы порт Мекки и получил свое название Мединет-эль-Джедда или «город Праматери»[2].

Мединет-эн-Неби, то-есть «Город Пророка», или просто Медина, «Город» по преимуществу, уступает в святости, в мусульманском мире, одной только Мекке. Она не сообщает титула хаджи тем, кто ее посещает, и строгие мусульмане не обязаны совершить туда хождение по крайней мере раз в жизни, как в Мекку; но «молитва, вознесенная к престолу Всевышнего в мединской мечети, стоит тысячи молитв, сотворенных в других местах»; сотня имен, которыми заменено старое название Ятреб, признаваемое зловещим, свидетельствует о высоком достоинстве Медины между другими городами магометанского мира. Так же, как Мекка, «Город Пророка» занимает центр священной территории, Гудут-эль-Гарам, пространства около 300 квадр. километров, где «грехи воспрещены», где, «не позволяется охотиться, ни убивать других животных, кроме неверных». Большинство пилигримов, посещающих Мекку, состоит из мограбинов, то-есть из западных жителей Африки, приходящих поклониться не только гробу пророка, но также и могиле имама Малек-ибн-Анеса, основателя секты малекитов, к которой они принадлежат почти все. В Медине высказывается больше нетерпимости в отношении лиц женского пола, чем в Мекке: доступ в главную мечеть женщинам не воспрещен; но еще недавно они могли приходить туда только ночью.

Город лежит на восточной стороне краевых гор, отделяющих область Техамы от центрального плоскогорья; в небольшом расстоянии к северу останавливаются потоки пористой лавы, вышедшей из кратера Охода, знаменитой горы, которая должна быть когда-нибудь перенесена в рай, как театр победы, одержанной Магометом над его врагами; на востоке и на западе тоже возвышаются несколько горных вершин, между прочим, гора Айра, где пророк едва не погиб от жажды, и которая за это будет ввержена в ад. К югу тянется на необозримое пространство сероватая равнина, где глинистая почва чередуется с песками и мелом. Группы пальм оживляют окрестности Медины везде, где вода колодцев достаточна для орошения земли; однако холода очень чувствительны на этой высоте, вероятно, близкой к 1.000 метров; как гласит поговорка, приписываемая самому Магомету, «человек, переносящий терпеливо холод Медины и зной Мекки, заслуживает награды в раю». Собственно город, гораздо менее обширный, чем Мекка, имеет форму овала, окруженного стенами, которые оканчиваются на северо-западе крепким замком; на западе и на юге широкий бульвар отделяет город от предместий, более обширных, перемешанных с садами и ограничиваемых со стороны окрестных сельских местностей жалким земляным валом. Уади, внезапные наводнения которого часто опустошали Медину, перерезывает предместья и теряется далеко в равнине; кроме того, подземный канал, подобный афганским карезам, приносит городу воду, немного жесткую, которая, однако, употребляется мединцами для питья, так же, как и для орошения садов. Мединской воде часто приписывают происхождение подкожной глисты, называемой струнец мединский (filaria medinensis), столь обыкновенной в некоторых областях Аравии; но, по словам Бертона, она редко встречается у жителей города Пророка[3]. Этот город, видом своих домов напоминающий города Сирии, не имеет замечательных зданий, и даже знаменитая мечеть Эль-Харам—самое ординарное, ничем особенным не отличающееся строение; в этом храме находится гробница пророка Магомета, окруженная решоткой, за которую даже

1 G. Rohlfs, „Voyage en Abyssinie“.

2 Ramidien;—Burton;—Gobineau, etc.

3 „Pilgrimage to El-Medinah and Meccah“.

важнейшие сановники редко могут переступать. Но все пилигримы удостоверяют, что известная, обще-распространенная легенда, по которой священный гроб, будто-бы, висит на воздухе, ничем не поддерживаемый, лишена основания. Кроме того, в главной мечети Медины покоятся смертные останки калифов Абу-Бекра, Омара и некоторых других знаменитейших святых ислама; случалось, что пилигримы из шиитов оскверняли эти гробницы, бросая на них нечистоты, завернутые в дорогия ткани: эти акты фанатизма обыкновенно сопровождались избиением всех проживающих в Медине персиан.

«Воротами» Медины на Красном море служит город Ямбо, лежащий на расстоянии слишком 200 километров по прямой линии к юго-западу от родины Пророка: его обыкновенно называют Янбуа-эль-Бахр или «Приморский Ямбо», в отличие от Янбуа-эль-Нахль или «Ямбо с пальмовыми рощами», который находится внутри материка в оазисе, отстоящем слишком на 30 километров от морского берега. Если смотреть с моря, Ямбо является на сером фоне пустыни, в виде белой линии между лазурью волн и синевой неба. Впрочем, город не имеет замечательных зданий; что всего лучше запечатлевает воспоминание о нем в уме путешественников, так это чистая и прохладная вода источников—сокровище неизвестное почти во всех других городах прибрежья.

Ямбо—последнее городское поселение на берегах Красного моря. На севере единственный приморский порт, посещаемый судами—Эль-Ведж, лежащий уже на египетской территории. Международная санитарная коммиссия выбрала эту глубокую и хорошо защищенную бухту для учреждения карантинной станции на дороге из Суэца в Джедду; но мограбинские (западно-африканские) пилигримы останавливаются, для медицинского осмотра, в Торе, как хаджи, направляющиеся с юга, задерживаются на острове Камаране. Местечко Эль-Ведж расположено на твердой земле, но оно так же уединено, как если бы находилось посреди моря; вокруг бухточки видны только пески и скалы; там и сям кое-какие развалины городов, построенных фараонами или римлянами, прерывают однообразие пустынь. Города древних ниватеян, которые англичанин Бертон предлагает восстановить в Мадианской стране для разработки золотых рудников, все еще пребывают в состоянии бесформенных развалин, сливающихся с камнями пустыни.

Весь Гамад, к югу от Пальмиры, между долиной Евфрата и горными цепями Гаурана, принадлежит бродячим племенам: аназех, шаммар, роала, моали, гаддадин, бени-сахр и шерарат. Города или, лучше сказать, группы деревень, расположенных в одном и том же пальмовом лесе, встречаются только в южной части Гамада, вблизи береговых гор западной Аравии и массива Джебель-Шаммар. На северо-западе от большого Нефуда одна из впадин, составляющих часть долины Уади-Сиргана, Джофский бассейн, остаток бывшего моря, извивавшагося между степями Гамада и пустыней, заключает в себе два многолюдных города. Обсохшее ложе озера, где находится Джофский оазис, лежит на средней высоте 560 метров: колодцы, вырытые в самой глубокой части бассейна, доставляют достаточно воды для орошения оазиса величиной в 3 квадр. километра, посреди которого группируются несколько сотен домов, окруженных зубчатой стеной и шпалерами пальм. Несколько домиков рассеяны вне ограды, а все окружающее пространство представляет солончаковую степь, блистающую белизной, где там и сям, вокруг колодцев, растут группы пальм, составляющие темные пятна на белоснежном фоне равнины. Два крепких замка господствуют над лабиринтом узких кривых улиц и площадей городка. На северо-востоке, другой город, Мескакех, немного более многолюдный, чем Джоф, занимает дно другой впадины, некогда бывшей озером, менее правильной и более изрезанной оврагами; и здесь тоже над городом возвышается живописный замок с крупными башнями по бокам; вся орошаемая земля, до последнего комка, занята садами; дома очень опрятны и содержатся в совершенной чистоте и порядке. Города Джоф и Мескакех, население которых почти такое же смешанное, как и население бассейна Евфрата, в политическом отношении зависят от Неджеда. Турки занимали временно оазисы Джофа, и неджинский государь платил ежегодно небольшую дань мединскому шерифу, в

знак вассальной зависимости по этим внешним владениям[1]. Путешественнику Гюберу говорили, что в Джофском оазисе вода уменьшается; соразмерно тому убывает и число жителей. Из деревень этой части полуострова посылают каждую ночь за двадцать верст искать воды, чистой или грязной, которая должна служить для дневного водоснабжения населения.

К западу от цепи необширных оазисов, которая тянется с юго-востока на северо-запад, вдоль долины Уади-Сирган, другая линия становищ и деревень следует в том же направлении на восточной стороне краевых гор: она пересекается большой дорогой пилигримов из Дамаска в Мекку. Тейма, древняя Тайма, окруженная фруктовыми деревьями, есть одна из важнейших станций на этом пути; она славится во всей Аравии своим большим резервуаром (в форме квадрата, сторона которого равна 20 метрам), наполненным слегка термальной водой, где черпают 75 водоподъемных гидравлических машин, и который, однако, всегда держится на одном и том же уровне. В окрестностях Теймы г. Гюбер открыл, в Туме, надписи на нескольких языках на гробницах, и развалины зданий какого-то древнего города, построенного из базальта в том же стиле, как города и области Джебель-Гауран. Далее на юге, путешественники Даути и Гюбер посетили другой город троглодитов, Аль-Гиджр, некрополи которого, изваянные из камня, походят на некрополи Петры. Один соседний оазис, Эль-Ала, и около западной оконечности массива Джебель-Аджа, старый город Хейбар, группирующий свои дома вокруг форта, построенного на базальтовой скале,славятся своими лесами финиковых пальм; в центральной Аравии существует пословица «носить финики в Хейбар», равнозначительная пословице западных народов «носить воду в реку». Но Хейбарские финики вкусом и содержанием сахара много уступают джофским. Хейбар и Эль-Ала некогда были европейскими городами, да и теперешнее их население, кажется, иудейского происхождения, но с сильной примесью негритянских элементов[2]. Благодаря защите, представляемой соседними холмами, последний из этих городов не знает зимы: там никогда не бывает холодной температуры.

Гайль, резиденция эмира северного Неджеда, лежит на высоте слишком 1.000 метров, в долине, над которой с северной стороны господствуют «Яхонтовые горы», Джебель-Аджа. Это город, окруженный каменными стенами и заключающий внутри обширный укрепленный дворец, который сам составляет целый город. Улицы его содержатся в удивительной чистоте. Гайль—главное этапное место персидских пилигримов, на половине дороги между двумя святыми городами, Неджефом и Меккой: благодаря этому обстоятельству, он ведет довольно значительную торговлю; кроме того, в нем существует кое-какая промышленность: жители его фабрикуют ткани, оружие, драгоценные украшения. К западу от Гайля, местечко Агдах, лежащее в небольшой гранитной долине, куда можно проникнуть не иначе, как через ущелье, запертое каменными стенами, считается у шаммаров неприступной крепостью, могущей дать безопасное убежище в случае неприятельского нашествия. Пальмы в этом городке, растущие на грунте из гранитного гравия, с постоянно сырой подпочвой, никогда не орошаются[3].

По словам Пальгрева, исчисления которого, впрочем, вероятно преувеличенные, превышают исчисления всех других путешественников,—различные провинция Неджеда, будтобы, из всех частей Аравии самые богатые большими городскими поселениями. Кефар, в горах верхнего Касима—многолюдное местечко, бывшее, до Гайля, столицей эмирства; Расс, южнее, в нижнем Касиме, Айгун и Берейдах—города; но последний из них, так сказать, подвижной город; угрожаемый песками, он должен от времени до времени перемещаться к востоку, и некоторые пальмовые рощи в окрестностях высоко поднимают над дюной верхушки своих стволов, лишенных листвы[4]. Онейзах, почти независимый—настоящий город, особенно в сезон сбора фиников, когда все лавки на базаре открыты и тысячи палаток рас-

1 Anne Blunt, „Voyage en Arabie“, trad. par. Dorome.
2 Huber, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1884.
3 Huber, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1874
4 Huber, цитированный мемуар.

кинуты безконечными рядами вокруг города. Вообще на всем Аравийском полуострове, по численности населения Онейзах, будто-бы, уступает только трем городам: Мекке, Адену, Маскату; на половине дороги, между Красным морем и Персидским заливом, он является главным центром встречи для караванов, в той большой долине Уэд-эль-Эрмек, которая делит Аравию на две равные половины; Шакра, столица области Бошем—тоже большой город, так же, как, в провинции Зедеир, торговые пункты Зальфах, Меджмаг и главный областной город Товеим. На юге, страна Арид и весь Неджед имели, в начале настоящего столетия, большой город, превосходивший числом жителей все другие городские поселения полуострова: это была Дерия или Деррейех, столица вагабитов, взятая в 1817 году египетской армией. Там еще видны остатки стен и башен, покинутые казармы и кое-где дома, почти сохранившиеся в целости; сеть улиц можно еще хорошо узнать, как на геометрическом плане. Во время проезда Пальгрева, неджедцы, слишком гордые для того, чтобы обитать в городе, разрушенном чужеземцем, не имели ни одного жилища в городской ограде; но сады содержатся в отличном состоянии, и круг развалин опоясан кольцом селений; новая деревня, построенная внутри стен, мало-по-малу разростается; вероятно, рано или поздно город возродится.

Риад или «Сады», нынешняя столица провинции Арид, сменил Дерию, как резиденция государей южного Неджеда. С высоты холмов, опоясывающих долину, этот город представляет вид, напоминающий вид Дамаска; так же, как в сирийском городе, стены и башни Риада выступают среди зеленеющего рая садов и пальмовых рощ. Высокие горы Иеманахские, сравниваемые одним арабским поэтом с мечами, поднятыми к небу, ограничивают горизонт на юге; другие горы, менее высокие, скрывают со всех сторон вид пустыни[1]. Риад, который был укреплен после взятия египетскими войсками Дерии. есть одна из наилучше защищенных крепостей Аравии; он окружен толстой стеной с высокими башнями по бокам; самый дворец представляет обширную цитадель и снаружи походит скорее на огромную тюрьму, чем на княжескую резиденцию. Главная мечеть Риада, настолько обширная, что может вмещать до четырех тысяч человек, представляет простой неф, лишенный вагабитской суровостью всяких украшений, не имеющий даже ковров и увенчанный только платформой, откуда все жители соседних домов называются поименно, для того, чтобы исполнение их религиозных обязанностей было должным образом удостоверено: таково правило у последователей ислама. Великолепного конского завода, который видел Пальгрев в южно-неджедской метрополии, уже не существует[2].

К югу от Риада и на расстоянии всего только нескольких километров находится город Манфуга, также окруженный садами и пальмовыми лесами и почти столь же многолюдный, как и столица; но города других провинций далеко не так важны, как два сейчас названные. Гутах, главный город провинции Гарик, некогда был соперником Риада; но пояс плодородной территории, занимаемой им между двумя пустынями, из которых одна есть необозримая песчаная равнина южной Аравии, слишком незначителен, чтобы этот город мог когда-либо сделаться очень многолюдным центром населения. Харфах, главный город области Афладж, к юго-западу от Риада, есть небольшое городское поселение, жители которого на половину состоят из африканских негров, носящих передник, вместо арабской туники[3]. За Харфахом, по направлению к Мекке, находится Уади-Довасир, длинная песчаная долина, заключающая лишь бедные деревушки, а следующие далее страна Кора и территории племен бени-гарб и бени-кахтан ожидают еще исследователей, которые обозначат положение тамошних оазисов и определят число их жителей. Говорят, что главный город этой области, Калат-эль-Биша, лежащий на восточной стороне горных цепей Ассира—значительное городское поселение. Город Солейель, на границах большой пустыни, далеко не так многолюден, как предъидущий.

1 Palgrave, „Central and Eastern Arabia“.

2 Anne Blunt, „Voyage en Arabie“, trad, par Derome.

3 G. Palgrave, цитированное сочинение.

За Гадрамаутом и Мадрахом простираются еще никем не пройденные пески Данаха. На берегу этого моря песков оканчивается страна, которая, вместе с областью побережья Красного моря, и составляет настоящую Аравию. Разделенная на множество отдельных государств, затронутая завоеванием на всем протяжении её окружности, эта страна не имеет теперь единства, даже того единства, которое придавали ей, до появления магометанства, национальные игры, состязания в стихотворстве, на которые сходились представители всех племен[4]. Но нет страны, где бы нынешнее равновесие было более неустойчиво, как эта область Передней Азии: разве только ненависть к иноземному угнетателю, быть может, примирит и соединит жителей полуострова, «арабов» или «объарабившихся». Одних преданий о прежней независимости еще недостаточно: нужно, кроме того, чтобы племена научились оказывать друг другу помощь и поддержку.

VIII.

На Аравийском полуострове большинство политических и административных делений имеют лишь фиктивное значение: границы там подвижны, как и племена, и каким образом провести раздельные линии через обширные пустынные пространства, на которые несколько владетелей одновременно предъявляют притязания, и которыми никто не владеет в действительности? Только в самых общих чертах можно перечислить государства и провинции Аравии завоеванной и Аравии независимой, не пытаясь, впрочем, дать хотя бы приблизительные числа, определяющие пространство их изменчивой территории.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛЕНИЯ АРАВИИ

Государства или области	Племена или провинции	Вероятное население	Главные города с их приблизительным населением
НЕЗАВИСИМАЯ АРАВИЯ			
Эль-Гамад или Бади-ех-эш-Шам Сирийская пустыня	Аназех	120.000	
	Роала	300.000	
	Шаммар	112.000	
	Другие группы	100.000	
Джебель-Шаммар	Уэд-Джоф	12.000	Джоф, Мескакех
	Хейбар	25000	Хейбар, 2.500 ж. (Гуармани)
	Тейма	12.000	Тейма, 1.500 ж.
	Джебель-Шаммар	162.000	Гайль, 15.000 жит. (Гюбер); Кефар, 8.000 жит. (Гюбер)
	Верхний Касим	35.000	
Неджед	Нижний Касим	30.000	Онейзах, 20.000 ж. (Гюбер); Берейдах, 15.000 ж. (Гуармани); Расс, 3.000 жит. (Гюбер); Генакиах.
	Вошем	30.000	Шакра, 15.000 ж. (Ши.
	Седеир	50.000	Товеим, 14.000 ж. (П.); Меджма, 12.000 ж. (П.); Зальфах
	Аред	15.000	Риад, 25.000 ж. (И.); Манфуга, 20.000 ж. (П.), 12.000 ж. (Садлиер)
	Афладж	25.000	Харфах, 8.000 ж. (Пальгрев)
	Гарик	20.000	Гутах
	Уэд-Довасир	20.000	
	Кора	5.000	Калат-Биша; Солейель
Ковент	Ковент	30.000	Конвет, 20.000 жит.
Оман	Катар	100.000	Бедая; Вокра
	Шарджах	80.000	Шарджах, Добей
	Рус-эль-Джебель-Калхат	25 000	

4 Fulgence Fresnel;—Kremet;—Sprenger, etc.

Государства или области	Племена или провинции	Вероятное население	Главные города с их приблизительным населением
	Дагирах	30.000	Береймах
	Батнах	65.000	Сохар; Шиназ; Лова; Согам; Совейк, Барка; Мальва
	Джебель-Ахдар	400.000	Незвах
	Маскат	100.000	Маскат, 30.000 ж.; Маттрах, 10.000 ж
	Сур	70.000	Сур
	Джайлан	90.000	
	Южный берег	10.000	Мирбат
Гадрамаут	Махра	40.000	
	Гадрамаут	300.000	Терим, 20.000 жит. (Вреде); Шибам; 20.000 жит. (Вреде); Гаура, 8.000 жит. (Вреде)
	Белед-Бени-Исса	150.000	Цаги; Кадун; Санф; Макалла, 7.000 ж. (Уэльстед)
	Белед-эль-Хаджар	100.000	Габбан, 3.000 ж. (Мильз)
	Белед-эль-Джоф	60.000	Марим
	Белед-Яфия	100.000	Иешбум, 10.000 ж. (Вр.); Низаб, 2.000 ж. (Мальцан); Сугра
	Неджран	50.000	Махлаф
ТУРЕЦКАЯ АРАВИЯ			
	Эль-Газа	250.000	Гофгоф, 25.000 ж.; Мубаррез, 15.000 ж.; Эль-Катиф, 6.000 ж.
	Барейн	75 000	Менама, 40.000 ж.; Мобарек, 10.000 ж.
	Иемен	380.000	Сапа, 28.500 жит. (Манцони); Амран, 10.000 ж.; (Шапира); Мокка, 5.000 ж.; Менаша, 8.000 жит. (Галеви); Таиз; Годейдах, 25.000 ж.; Логейя, 10.000 ж.; Абу-Ариш.
	Ассир	165 000	Эфа; Намюз; Мигайл; Конфудах: Лит
	Геджас	240.000	Мекка, 45.000 ж. (Коль); Джедда, 17.000 ж.; Таиф, 8000 ж. (Коль); Медина, 16 000 ж. (Бертон); Ямбо, 7.500 жит.
ЕГИПЕТСКАЯ АРАВИЯ			
	Мадиан	20.000	Эль-Ведж.
АНГЛИЙСКАЯ АРАВИЯ.			
	Аден		Аден, 35.200 жит.
	Государства, получающие субсидию от Англии	35.000	Лагедж, 5.000 жит.

Оглавление

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ....3
Глава I Общий взгляд на переднюю Азию....3
Глава II Афганистан....15
I. ГОРЫ КАФИРА, КАБУЛ, ГЕРАТ, КАНДАХАР....15
II....33
III....49
IV....58
Глава III Белуджистан....62
I....62
II....70
III....73
Глава IV Персия....77
I....77
II....80
Глава V Азиатская Турция....180
I....180
II. Лазистан, Армения и Курдистан....181
III. Бассейны Тигра и Евфрата....212
IV. Малая Азия....258
V. Кипр....366
VI. Сирия, Палестина, Синай....378
VI. Административные деления Азиатской Турции....448
Глава VI Аравия....449
I....449
II....452
III....464
IV....468
V....473
VI....479
VII....487
VIII....503